
ÜBER
MARKSUPIA

Электронный архив библиотеки

Корабль,
который пел

•

Корабль-партнер

•

Корабль,
который искал

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

Энн

МАККЕФРИ

Сага о живых кораблях

МОСКВА
Эксмо
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
М 15

Anne McCaffrey

THE SHIP WHO SANG

Copyright © 1969 by Anne McCaffrey
Публикуется с разрешения автора и ее литературного агента,
Virginia Kidd Agency (США)

Anne McCaffrey
Margaret Ball

PARTNERSHIP

Copyright © 1992 by Bill Fawcett and Associates
Публикуется с разрешения Bill Fawcett and Associates
и JABberwocky Literary Agency (США)

Anne McCaffrey
Mercedes Lackey

THE SHIP WHO SEARCHED

Copyright © 1992 by Bill Fawcett and Associates
Публикуется с разрешения Bill Fawcett and Associates
и JABberwocky Literary Agency (США)

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 г.

Маккефри Э., Болл М., Лэки М.

М 15 Сага о живых кораблях: Романы / Энн Маккефри, Маргарет Болл, Мерседес Лэки; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. — 784 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-31227-6

Знаменитая трилогия неоднократного лауреата премий «Хьюго», «Небьюла» и «Еврокон» Энн Маккефри — одна из самых удивительных и романтичных историй в мировой фантастике. Ее героини, Хельва, Наттея и Гия Кейд, волею судьбы превратились в заключенный в капсулу «мозг» космического корабля. На бескрайних просторах Вселенной начинается их новая, полная опасных приключений жизнь. «Сага о живых кораблях» — цикл, который прославил автора не меньше, чем «Драконы Перна», и по праву вошел в золотой фонд фантастики.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-31227-6

© Перевод. Т. Науменко, Е. Шестакова, А. Хромова, 2008
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2008

Корабль, который пел

Глава 1

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ПЕЛ

Рождение едва не обрекло ее на смерть: она появилась на свет физически неполноценной. Оставался последний шанс — контрольная энцефалограмма, тест, которому подвергались все новорожденные. Ведь всегда оставалась надежда, что в жалком тельце таится полноценный разум, что, несмотря на недоразвитые органы чувств, мозг обладает цепкостью и восприимчивостью.

Энцефалограмма оказалась неожиданно благоприятной, и эту новость поспешили сообщить ожидающим в печали родителям. Теперь от них зависело последнее, решающее слово — подвергнуть младенца безболезненному умерщвлению или предоставить ему возможность стать заключенным в капсулу «мозгом», ведущим элементом сложнейшей системы управления — из тех, которые применялись в совершенно особых сферах деятельности. В этом качестве их отпрыску предстояло на протяжении нескольких веков вести безболезненное и даже вполне комфортное существование в металлической оболочке, неся свою необычную службу на благо Федерации Центральных Миров.

Она осталась жить и получила имя Хельва. Три первых молочных месяца малютка размахивала скрюченными ручонками и слабо сучила обрубками ножек, как и все младенцы, наслаждаясь жизнью. И в этом она была не одинока — в специальных яслях большого города подрастало еще три таких же ребенка.

Прошло некоторое время, и всех их перевели в Центральный институт экспериментальной медицины, где для них началась череда постепенных тонких превращений.

Один из младенцев погиб в процессе первой же пересадки, но семнадцать малышей из группы Хельвы продолжали расти и развиваться в металлических капсулах. Теперь Хельва уже не сучила ножками — ее нервные импульсы вращали колеса — и не размахивала кулачками, а приводила в движение механические манипуляторы. По мере того как девочка взрослела, все больше нерв-

ных синапсов включалось в управление механизмами, осуществляющими разнообразные функции пилотирования и эксплуатации космического корабля, ибо Хельве было суждено стать его неподвижной, «мозговой» половиной; роль же подвижной половины, или «тела», отводилась ее напарнику — мужчине или женщине, которого ей предстоит избрать самой, когда придет срок. Хельве повезло — она попала в высшую элиту себе подобных. Ее интеллектуальные тесты с самого начала давали результаты, превышающие средний уровень, а коэффициент адаптации был чрезвычайно высок. Поскольку ее развитие в капсуле протекало как нельзя лучше и операция на гипофизе не дала нежелательных последствий, Хельву ожидала захватывающая, богатая событиями, неординарная жизнь, которая, как небо от земли, отличалась от той участи, что была бы ей уготована, уродись она обычным, «нормальным» человеком.

Однако ни диаграмма активности мозга, ни ранние показатели коэффициента умственного развития не обнаружили некоторых скрытых особенностей характера Хельвы, о которых Центральным Мирам предстояло раньше или позже узнать. Пока же им оставалось одно — выжидать, уповая на то, что массированные дозы капсульной психологии пошли на пользу, сформировав надежную защиту, способную выдержать как бремя пожизненного заключения в оболочке, так и тяготы необычной профессии. Ведь нельзя допустить, чтобы корабль, управляемый человеческим мозгом, ударился в бега или потерял рассудок — слишком огромны были материальные и энергетические ресурсы, вложенные в него Мирами. Разумеется, мыслящие корабли уже давно миновали стадию экспериментального освоения. Большинство младенцев благополучно переносили доведенную до высочайшего совершенства операцию на гипофизе, вследствие которой их тела прекращали расти, что исключало необходимость последовательных пересадок из меньших капсул в большие. И лишь ничтожный процент погибал в процессе окончательного присоединения к пульту управления космического корабля или сложнейшего промышленного агрегата. Ростом капсульник, сохранявший все свои врожденные уродства, был не больше взрослого карлика, однако самое безупречное тело во Вселенной не могло бы соперничать совершенством с его мозгом — продуктом планомерного и целенаправленного развития.

Итак, несколько безмятежных лет Хельва разъезжала в своей скорлупе, забавляясь в обществе одноклассников, играла с ними в особые игры — «Срыв потока», «Утечка энергии», изучала кос-

мические траектории, ракетные двигатели, вычислительную технику, логистику, психогигиену, основы инопланетной психологии, филологию, историю космонавтики, право, организацию межпланетных сообщений, коды — словом, все те премудрости, которые полагалось усвоить разумному, логично мыслящему, эрудированному гражданину Федерации. Незаметно для себя и к радости своих учителей, Хельва поглощала знания так же легко и непринужденно, как питательную жидкость. Когда-нибудь она с благодарностью вспомнит терпеливые, монотонные наставления, которые на подсознательном уровне впечатывали в ее память необходимые сведения.

Цивилизация, к которой принадлежала Хельва, не обходилась без хлопотливых благотворительных организаций, целью которых была защита обитателей Земли и других планет от бесчеловечного обращения. Одна из таких групп — Общество защиты интересов разумных меньшинств — как-то подняла шумиху вокруг детей-капсульников. Хельве в ту пору только что миновал четырнадцатый год. Под давлением общественности Центральные Миры были вынуждены организовать экскурсию по Институту экспериментальной медицины, которую начали весьма эффектно — с демонстрации историй болезни, дополненных фотоматериалами. Очень немногие из проверяющих пошли дальше первых снимков. Большинство их первоначальных возражений по поводу несчастных пленников было сметено волной облегчения: какое счастье, что эти отвратительные тела милосердно убрали с глаз долой!

В тот день в классе Хельвы шел урок изобразительного искусства — факультативный предмет в перенасыщенной учебной программе. Девочка работала с набором микроскопических инструментов — позже ей предстоит использовать их для мелкого ремонта деталей пульта управления. Задача перед ней стояла огромная — выполнить копию Тайной вечери, а полотно было совсем мизерным — головка малюсенького болта. Хельва настроила зрение на нужную кратность увеличения и принялась за дело. Во время работы она рассеянно мурлыкала — получался странный, но вполне мелодичный звук. Капсульники пользовались собственными голосовыми связками и диафрагмой, только выходил звук через микрофоны, а не через рот. Поэтому в голосе Хельвы, бездумно выводящем бесконечные рулады, несмотря на теплый, нежный тембр, ощущалось что-то механическое.

— Какой у тебя милый голосок, — заметила одна из дам.

Хельва, очнувшись, подняла взгляд, и... перед ней предстала

ошеломляющая картина: шелушащаяся розовая равнина, усеянная круглыми грязными кратерами. Ее мурлыканье перешло в возглас изумления, но она тут же спохватилась и отрегулировала зрение — поры сразу уменьшились до обычного размера и перестали походить на кратеры.

— Видите ли, мадам, — невозмутимо ответила девочка, — наша голосовая подготовка длится несколько лет. Некоторые несовершенства голоса могут стать сущим наказанием для партнера во время длительного космического полета, поэтому их необходимо заранее устранить. Эти уроки мне очень много дали.

Хельва впервые увидела обычных людей, без капсул, и, к чести своей, перенесла испытание совершенно спокойно. Среагируй она как-то иначе, и это немедленно стало бы известно наверху.

— Я хотела сказать, милочка, что у тебя настоящий певческий голос, — пояснила дама.

— Благодарю за любезность. Не хотите ли взглянуть на мою работу? — вежливо осведомилась Хельва. Она инстинктивно сторонилась бесед на личные темы, но слова гостьи запомнила и решила обдумать их на досуге.

— Работу? Какую работу? — не поняла дама.

— Я выполняю копию Тайной вечери на головке болта.

— О, неужели? — прощебетала гостья.

Хельва снова настроила зрение на увеличение и окинула копию критическим взором.

— Конечно, некоторые цветовые тона несколько отличаются от тех, которые использовали старые мастера, да и перспектива слегка подкачала, но, по-моему, в целом копия мне удалась.

Глаза гостьи, неспособные разглядеть столь мелкий объект, недоуменно вытаращились.

— Ой, я совсем упустила из вида, — сказала Хельва виновато. Она бы, наверное, покраснела, если бы умела. — Ведь вы не можете настраивать зрение.

Руководитель экскурсии так и расплылся в одобрительной улыбке: в голосе девочки явственно прозвучала жалость к обделенным судьбой.

— Вот, возьмите, это вам поможет, — великодушно предложила Хельва и, ухватив манипулятором увеличительное устройство, поднесла его к своему творению.

Потрясенные визитеры склонились над ним, разглядывая скопированную до мельчайших деталей Тайную вечерю, искусно запечатленную на головке болта.

— Остается сказать, — заметил пожилой господин, которого

жена приташила с собой, — что всеблагой Господь может вкушать пищу там, куда не осмеливаются ступить ангелы.

— Вы о тех дебатах, сэр, которые велись в Средние века, — о том, сколько ангелов может уместиться на булавочной головке? — учтиво поинтересовалась Хельва.

— Да, я имел в виду их.

— Если заменить ангелов на атомы, то проблема не так уж неразрешима, если, конечно, знать количество металла в упомянутой булавке.

— И ваша программа позволяет ее решить?

— Разумеется.

— А скажите, юная леди, в вашу программу не забыли ввести чувство юмора?

— Нет, сэр, нас учат развивать чувство пропорции, а это дает тот же эффект.

Добряк понимающе хохотнул, а про себя решил, что потратил время не зря.

Если комиссии наблюдателей потребовались месяцы на то, чтобы переварить ту весьма содержательную пищу, которой их угостили в институте, то и Хельве от этого визита перепала крошка.

Термин «пение» в приложении к ней самой — с этим стоило разобраться. В свое время она, конечно, прошла курс музыкальной грамоты, включавший знакомство как с наиболее известными классическими произведениями — такими как Тристан и Изольда, Кандид, Оклахома, Свадьба Фигаро, так и с творчеством певцов атомного века: Бригит Нильссон, Боба Дилана, Джеральдины Тодд, а также с любопытными ритмическими построениями венериан, с видеохроматическими картинами уроженцев Капеллы, акустическими изысками альтаирцев и напевами ретикулийцев. Однако сам процесс пения представлял для любого капсульника значительные технические сложности. Но не зря же их с детства приучали: сначала исследуй проблему или ситуацию со всех сторон и только потом делай вывод. Их настрой на победу, должным образом уравновешенный между двумя полюсами — оптимизмом и практичностью, позволял им выходить самим и выводить свой корабль и экипаж из самых запутанных ситуаций. Поэтому Хельву нимало не смутил тот факт, что она не может открывать рот, чтобы петь. Ничего, она изобретет какой-нибудь способ, который даст ей возможность компенсировать свои недостатки в этой области. Для начала она изучила методы звукоизвлечения, существовавшие на протяжении веков,

включая как вокальное, так и инструментальное искусство. Ее собственный аппарат, служивший для извлечения звука, был скорее инструментальным, нежели вокальным. Оказалось, чтобы добиться правильного дыхания и четкой артикуляции звуков в ротовой полости, придется серьезно потрудиться. Ведь капсульники, строго говоря, не дышат. Они не извлекают кислород и другие газы из атмосферного воздуха, поскольку нужная газовая смесь содержится в питательном растворе, подаваемом прямо в оболочку. Поэкспериментировав, Хельва пришла к выводу, что может создавать нужный тон, манипулируя диафрагмальной системой. А расслабляя мышцы гортани и расширяя ротовую полость в лобные пазухи, можно извлекать гласные звуки так, чтобы они с максимальным эффектом воспроизводились через горловой микрофон. Она сравнила полученные результаты с записями современных певцов и осталась довольна, хотя записи ее голоса отличались какой-то присущей лишь ей одной неуловимой особенностью. И дело было не в каких-то технических погрешностях — просто ее голос был совершенно уникален. Для Хельвы, которая в совершенстве освоила поиск информации, не составило никакого труда ознакомиться с музыкальным репертуаром, содержавшимся в библиотеке института. И скоро она убедилась, что может исполнить любую партию, любую песню, которая придет на ум. Ей не приходило в голову, что кому-то может показаться странным: девочка — и поет на все голоса, от баса до колоратурного сопрано. Для Хельвы все дело заключалось в правильном звукоизвлечении и регуляции диафрагмальных сокращений, задаваемых конкретным произведением.

Если наверху и заметили ее необычное увлечение, то вида не подали. Начальство только приветствовало, когда у капсульников появлялись хобби — лишь бы они не мешали их профессиональной деятельности.

В канун своего шестнадцатилетия Хельва полностью закончила курс обучения и водворилась на своем корабле — Х-834. Ее постоянная титановая оболочка, окруженная еще более неуязвимым барьером, скрылась в центральном пилоне спасательного корабля. Все нервные, зрительные, слуховые, сенсорные контакты были смонтированы и опечатаны. Манипуляторы снабжены новыми удлинителями, соединениями, усилителями. И, наконец, неописуемо тонкие мозговые выводы присоединены к цепям управления. Все эти процедуры Хельва перенесла под полной анестезией, а очнулась от забытья она уже кораблем. Ее мозг и разум управляли всеми функциями — от навигации до опреде-

ления нагрузки, соответствующей спасательному судну ее класса. Она могла нести полную ответственность за себя и свою подвижную половину не только в любой из ситуаций, уже зарегистрированных в анналах Центральных Миров, но и в любой из ситуаций, которые их самые изощренные умы сумели изобрести.

Ее первый же настоящий полет — ибо она и ей подобные начиная с восьми лет совершали учебные полеты на тренажерах — продемонстрировал, что она в совершенстве владеет всеми тайнами своего ремесла. Она была готова к захватывающим приключениям и с нетерпением ожидала появления подвижного напарника.

В тот день, когда Хельва доложила, что готова приступить к выполнению своих обязанностей, на базе томились от безделья девять дипломированных пилотов-спасателей. Несколько рейсов требовали первоочередного внимания, но на Хельву уже давно положили глаз руководители многих служб Центральных Миров, и каждый был полон решимости заполучить ее в свою епархию. Все были так заняты своими делами, что никто не удосужился представить Хельву ее будущим соискателям. Ведь корабль всегда сам выбирал себе напарника. Будь в это время на базе другой «мозговой» корабль, он подсказал бы Хельве, что ей следует самой сделать первый шаг. Но вышло так, что пока Миры выясняли отношения между собой, Роберт Тэннер выскользнул из казармы пилотов и, миновав летное поле, подобрался к стройному серебристому корпусу Хельвы.

— Привет! Есть кто дома? — спросил он.

— Конечно, есть, — ответила Хельва, включая наружные видеодатчики. — Ты мой напарник? — с надеждой спросила она, увидев на незнакомце форму спасательной службы.

— Все будет зависеть от тебя, — томно отозвался он.

— Никто не идет. Я уже подумала, что здесь нет ни одного свободного партнера, и от Миров никаких инструкций не поступает... — Хельва и сама почувствовала, что ее слова прозвучали довольно жалобно, но ей действительно стало очень грустно одной на погруженном в темноту поле. Ведь она привыкла к обществу других капсульников, а в последнее время вокруг нее постоянно суетились толпы инженеров и техников. Затянувшееся одиночество быстро утратило свое очарование и стало действовать ей на нервы.

— Стоит ли печалиться, что Миры не торопятся с инструкциями? Зато, моя красавица, еще восемь молодцов, кроме меня, так

и сгорают от нетерпения, ожидая, чтобы ты пригласила их на борт!

Эти слова Тэннер произнес, уже стоя в центральной рубке. Чуткие пальцы спасателя пробежали по пульту управления, погладили пилотское кресло. Он заглянул в каюты, в камбуз, в герметичные грузовые отсеки.

— А знаешь, если хочешь напомнить Мирам о себе, а заодно и оказать услугу всем нам, вызови казарму, и давай устроим тепленькую вечеринку с выбором партнера! Как тебе моя идея?

Хельва хихикнула про себя. Как он отличается от институтского персонала или редких посетителей, с которыми ей доводилось встречаться. Какой он веселый, уверенный, до чего отличная мысль — устроить вечеринку на борту! По ее мнению, это никак не противоречило установленным правилам.

— Ценком, это Х-834. Соедините меня с казармой пилотов.

— Связь визуальная?

— Да, пожалуйста.

На экране возникла картина: восемь томящихся мужчин в позах, выражающих крайнюю степень скуки.

— Говорит Х-834. Не соблаговолят ли свободные пилоты зайти ко мне на борт?

Восемь фигур заметались по комнате, хватая одежду, сбрасывая наушники, выпутываясь из простынь и одеял. Хельва дала отбой, а Тэннер, довольно посмеиваясь, уселся в кресло дожидаться прибытия товарищей.

Хельву же охватило доселе неведомое ей чувство тревожного ожидания. Наверное, ни одна дебютантка не испытывала такого панического ужаса, волнения и неуверенности. Но, в отличие от начинающей актрисы, она не могла закатить истерику, разбить фарфоровую безделушку или разбросать гримировальные принадлежности, чтобы хоть как-то ослабить гнетущую тревогу. Зато она могла проверить ассортимент напитков и закусок, чем и занялась, заодно угостив Тэннера из своих нетронутых продовольственных запасов.

На пилотском жаргоне пилотов называли «телами» — в противоположность «мозгам», которыми были их корабли. Они проходили такую же насыщенную программу подготовки, как и «мозги», и только один процент с каждой планеты, входящей в Федерацию, допускался к занятиям по особой учебной программе Центральных Миров, рассчитанной на пилотов-спасателей. Так что не было ничего удивительного в том, что все восемь молодых людей, которые поднялись в гостеприимно открытый шлюз

Хельвы, были на редкость хороши собой, умны, обладали прекрасной координацией и выдержкой. Все они с надеждой ожидали веселой пирушки, если, конечно, Хельва не будет иметь ничего против, и каждый был готов подложить свинью остальным, лишь бы снискать ее расположение.

От появления стольких мужчин сразу у Хельвы даже дух захватило, и, решив, что может на секундочку позволить себе такую необычную роскошь, она целиком отдалась этому новому для себя чувству.

Потом придирчиво разобрала своих соискателей по косточкам. Проныра Тэннер забавлял ее, но не особенно привлекал; бекурый Нордсен показался простоватым; в смуглом аль-Атпае она почувствовала скрытое упрямство, которое ей было явно не по нутру, в сумрачном Мир-Анине уловила намек на некий внутренний разлад, улаживать который у нее не было никакого желания, хотя он как никто другой старался произвести на нее впечатление. Да, странное это было сватовство — первое в череде ее будущих браков: ведь для «тела» срок службы составлял семьдесят пять лет или того меньше, если судьба распорядится иначе. «Мозг» же, защищенный от всех внешних воздействий, был не подвержен разрушению. Теоретически, как только капсульник выплачивал солидный долг, слагавшийся из затрат на образование, хирургическую адаптацию и эксплуатационное обслуживание, он имел право сам выбирать себе будущее. На практике же капсульники оставались на службе, пока не избирали добровольное саморазрушение или не погибали, исполняя свой долг. Хельве довелось общаться с одним капсульником, которому минуло триста двадцать два года. Эта встреча наполнила ее таким благоговением, что она так и не посмела задать кое-какие личные вопросы, хотя и собиралась.

Она никак не могла решиться сделать выбор, пока Тэннер не затянул популярные в пилотской среде куплеты, повествующие о передрягах, выпадавших на долю дерзкого, самоуверенного и на редкость бестолкового Билли Тела. Попытка исполнить их хором привела к полной какофонии, и Тэннер бешено замахал руками, требуя тишины.

— Нам просто позарез необходим отличный первый тенор. Ну-ка, Дженнан, открой свои козыри — какой у тебя голос?

— Прескверный, — с непринужденным юмором откликнулся Дженнан.

— Если без тенора никак не обойтись, я могу попробовать, — отважилась Хельва.

— Но, милочка... — изумился Тэннер.

— Ну-ка, спой «ля», — засмеялся Дженнан.

В ошеломленной тишине, воцарившейся после того, как отзвучало чистое, глубокое, сочное «ля». Дженнан тихо заметил:

— Карузо отдал бы все остальные ноты, лишь бы взять одну такую.

Пришлось продемонстрировать им весь диапазон.

— Тэннеру был нужен всего-навсего отличный первый тенор, — рассмеялся Дженнан, — а наша милая хозяйка может одна заменить целую оперную труппу. Парень, который получит этот корабль, отправится прямиком на седьмое небо.

— К туманности «Конская голова»? — спросил Нордеен, цитируя бытовавшую в Мирах старую поговорку.

— К туманности «Конская голова» и обратно — да еще и с музыкой, — кокетливо парировала Хельва.

— С тобой я готов, — отозвался Дженнан, — только с моим голосом лучше слушать, а петь я предоставляю тебе.

— А я-то воображала, что слушать придется мне, — заметила Хельва. Дженнан изобразил изысканный поклон и даже взмахнул своей изрядно потрепанной фуражкой. Причем поклон его был направлен в сторону центрального пилона, где находилась сама Хельва. И именно в этот миг она сделала свой выбор, причем отнюдь не случайно: Дженнан, единственный из всех, обращался прямо к ней, как к человеку, несмотря на то что, без сомнения, знал — она может видеть его в любой точке корабля, и несмотря на то что тело ее было скрыто за толстой металлической панелью. И на протяжении всего их союза Дженнан, где бы он ни находился, ни разу не забыл при разговоре повернуть голову в ее сторону. В ответ Хельва, начиная с этого мгновения, всегда говорила с ним только через центральный микрофон, пусть даже это не всегда бывало очень удобно.

В тот вечер Хельва еще не поняла, что влюбилась в Дженнана. Да и как ей было узнать тот взволнованный трепет, который рождала в ней его душевная теплота, его спокойная раздумчивость, — ведь до сих пор она не знала ни любви, ни нежности — только их более суровых собратьев: уважение и восхищение... Как и все капсульники, она считала, что неуязвима для чувства, так тесно связанного с физическим влечением.

— Ну что ж, Хельва, было чертовски приятно познакомиться, — вдруг произнес Тэннер, когда они с Дженнаном обсуждали барочное звучание хорала «Придите все, сыны творенья». —

А ты, Дженнан, везунчик! Как-нибудь встретимся в космосе. Спасибо за вечеринку, Хельва.

— Как, тебе уже пора? — спросила Хельва, запоздало заметив, что они с Дженнаном уже довольно давно беседуют вдвоем.

— Победил сильнейший, — с натянутой улыбкой ответил Тэннер. — А я, пожалуй, пойду поищу записи любовных серенад. Может, пригодятся в общении со следующим кораблем, если появится еще один вроде тебя.

Хельва с Дженнаном в легком замешательстве проводили его взглядами.

— Может быть, Тэннер слишком спешит с выводами? — спросил Дженнан. Хельва разглядывала его: вот он стоит, прислонившись к консоли лицом к тому месту, где находится ее капсула: руки скрещены на груди, стакан, который он задумчиво вертит в пальцах, давно опустел. Спору нет, красив. Но они все хороши собой. Да и не это главное... Его внимательные глаза смотрят прямо и открыто, губы легко складываются в улыбку, но особенно очаровал Хельву голос Дженнана — звучный, глубокий, приятного тембра и без всякого акцента. — Не торопись, Хельва, — утро вечера мудренее. А если не передумаешь, позови меня утром.

Она позвала его к завтраку, предварительно проверив свой выбор в банке данных Центральных Миров. Дженнан перенес на борт свои пожитки, получил для них обоих полетные инструкции, ввел свое личное и служебное досье в ее память и задал ей координаты первого пункта назначения. После чего корабль Х-834 стал официально именоваться ДХ-834.

Их первый рейс оказался скучным, но необходимым заданием, к тому же чрезвычайно срочным. В борьбе за Хельву верх одержали медики, и теперь ДХ-834 предстояло забросить вакцину в отдаленную планетную систему, пораженную опасной споровой инфекцией. Перед ними стояла задача как можно скорее добраться до Спики в созвездии Девы.

После головокружительного стартового броска на максимальной скорости Хельва убедилась: в этом нудном полете ни ей, ни напарнику не придется особенно напрягаться. Зато у них оставалась масса времени для того, чтобы как следует узнать друг друга. Дженнану, разумеется, было известно, на что способна Хельва как корабль и партнер, да и она тоже знала, чего от него можно ожидать. Но все это были только сухие факты, а Хельва всей душой стремилась изведать ту человеческую сторону своего напарника, которую невозможно свести к набору символов. Ведь это

все равно что пытаться понять взаимоотношения двух людей, прочитав о них в книге. Нет, такое нужно прочувствовать самой...

— Мой отец тоже был спасателем — или это есть в твоей памяти? — сказал Дженнан на исходе третьего дня.

— Конечно, есть.

— А знаешь, так нечестно. Ты о моей семье знаешь все, а я о твоей — ни шиша.

— Как и я сама, — отозвалась Хельва. — Пока я не прочла твою семейную хронику, мне как-то даже в голову не приходило, что где-то в банке данных Центральных Миров содержатся сведения и о моих предках.

— Ох уж эта ваша капсульная психология! — фыркнул Дженнан.

— А ты думал! — рассмеялась Хельва. — Я даже запрограммирована от ненужного любопытства по этому поводу. Чего и тебе желаю.

Дженнан заказал себе напиток, уселся в противоперегрузочное кресло прямо перед ней и, поставив ступни на подножки, стал лениво поворачиваться на шарнирах из стороны в сторону.

— Хельва — это придуманное имя.

— Со скандинавским оттенком.

— Но ты не блондинка, — уверенно сказал Дженнан.

— Значит, бывают темные шведки.

— И белобрысые турки. Правда, султан из меня неважный — ведь в моем гареме только ты одна.

— К тому же твоя единственная женщина обречена на вечное затворничество, правда, ты всегда можешь поискать утешения на стороне... — Хельва ошеломленно отметила, что ее прекрасно поставленный голос предательски дрогнул.

— Ты знаешь, — перебил ее Дженнан, витавший где-то далеко в своих мыслях, — у меня создалось впечатление, что отец мой был женат в первую очередь на Сильвии, своем корабле, а уж потом на матери. Постепенно я привык считать Сильвию своей бабушкой. Вообще-то она скорее прапрабабушка — у нее небольшой номер. Раньше мы с ней, бывало, болтали часами.

— Какой у нее опознавательный знак? — спросила Хельва, неосознанно завидуя всем и каждому, кому доводилось знать его прежде.

— 422. По-моему, сейчас ее инициалы ТС. Я как-то раз встречал Тома Берджеса.

Отец Дженнана умер от космической инфекции — у него не

осталось вакцины, вся ушла на спасение обитателей далекой планеты.

— Том сказал, что она стала сурова и резка на язык. Только попробуй утратить свое очарование, милочка, я обращусь в призрак и стану тебя преследовать, — пригрозил он.

Хельва засмеялась. И тут он ее испугал: подошел к центральному пилону, легко и нежно провел пальцами по смотровой панели.

— Хотел бы я знать, какая ты... — тихо и чуть печально проговорил он. Хельву предупреждали, что для пилотов вполне естественно такое проявление любопытства. Она не знала о себе ничего, и никто из них тоже не сможет узнать.

— Выбирай любую внешность на выбор — и я твоя! — ответила она, как ее учили.

— Тогда, железная дева, я предпочитаю блондинок с длинными локонами. — Дженнан изобразил кудри в стиле леди Годивы. — И поскольку, моя радость, ты закована в титановую броню, я буду звать тебя Брунгильдой, — он церемонно поклонился.

Хельва прыснула и запела арию Брунгильды. Как раз в это время Спика вышла на связь.

— Что это, черт возьми, за вопли? Вы кто такие? Валите отсюда, если только вы не медицинская служба Центральных Миров. У нас эпидемия. Всем даем от ворот поворот.

— Это мой корабль поет. Мы ДХ-834. Центральные Миры, доставили вам вакцину. Дайте координаты для посадки.

— Твой корабль... поет?

— Да, и у него самый большой диапазон во всем обитаемом космосе. Есть еще вопросы?

ДХ-834 сдал груз вакцины, на этот раз обойдясь без арий, и получил приказ немедленно отправляться к Левиту-4. Добрались они быстро, но слухи оказались еще быстрее, и Дженнану пришлось защищать девичью честь Хельвы.

— Я больше не буду петь, — сокрушенно бормотала Хельва, готовя примочки для третьего за неделю фонаря под глазом.

— Еще как будешь, — стиснув зубы, буркнул Дженнан. — Даже если мне придется ставить финалы отсюда и до самой «Конской головы», чтобы заставить шутников заткнуться, мы все равно будем называться «Корабль, который поет».

После того как «Корабль, который поет», столкнулся в районе малого Магелланова Облака с небольшой, но жестокой шайкой торговцев наркотиками, этот титул стал произноситься с нескрываемым уважением. Мирам были известны все их подвиги, и в

досье ДХ-834 появилась пометка «обратить особое внимание». Первоклассная команда отлично притиралась.

Вырвавшись из плена, где они пробыли довольно долго, Дженнан с Хельвой тоже стали считать себя первоклассной командой.

— Из всех существующих во вселенной пороков больше всего я ненавижу наркоманию, — заметил Дженнан, когда они взяли курс на Центральную базу. — Люди и без помощи наркотиков могут быстренько отправиться *прямиком в ад*.

— Ты затем и пошел в спасательную службу? Чтобы остановить поток наркотиков?

— Могу поспорить, что официальный ответ содержится у тебя в памяти.

— Слишком уж он напыщенный: «Хочу продолжать традиции своей семьи, которая по праву гордится четырьмя поколениями спасателей», если мне будет позволено процитировать твои собственные слова.

Дженнан бессильно застонал.

— Я был совсем мальчишкой, когда написал это! И уж конечно, еще не прошел заключительный этап подготовки. На заключительном этапе мне бы просто гордость не позволила. Я уже говорил тебе, что частенько навещал отца на борту Сильвии. Теперь-то я понимаю, что она положила на меня глаз — решила сделать преемником отца. Ведь я к тому времени уже получил лошадиные дозы пропаганды в пользу спасательной службы, и она не могла не подействовать. С тех пор как мне стукнуло семь, я твердо решил, что стану только пилотом-спасателем и никем другим. — Он пожал плечами, будто укоряя себя за детские мечтания. — Кто тогда предполагал, чего будет стоить довести их до осуществления.

— Вот оно что? Отважный спасатель Сахир Сидан на ДС-422 врывается в туманность «Конская голова»?

Дженнан предпочел пропустить ее колкость мимо ушей.

— С тобой я готов отправиться даже в такую даль. Но, несмотря на все подначки Сильвии, я даже в самых смелых мечтах никогда не стремился к подобной славе. Так что предоставляю тебе пожинать все лавры. А меня удовлетворит и небольшой вклад в историю космонавтики.

— Что так скромно?

— Просто я трезво смотрю на вещи. Все мы служим, и так далее. — Театральным жестом он прижал руку к сердцу.

— Тщеславный тип! — фыркнула Хельва.

— Кто бы говорил, подружка, — разве не ты бредишь туманностью «Конская голова»? Я, по крайней мере, человек бескорыстный. Таких героев, как мой отец, считаные единицы, но и мне хотелось бы, чтобы меня запомнили. Да и кому не хотелось бы? Зачем тогда мы на каждом шагу рискуем жизнью?

— Позволь напомнить тебе некоторые неоспоримые факты. Твой отец умер, возвращаясь с Персиды. Так что он никак не мог узнать, что стал героем благодаря тому, что пошел на смертельный риск. И что это помогло колонии на Персиде выжить. Что, в свою очередь, дало возможность открыть антипаралитические свойства тамошней атмосферы. Но он-то об этом так никогда и не узнал!

— Зато я знаю, — тихо промолвил Дженнан.

Хельва сразу же пожалела о своей резкой отповеди. Ведь она прекрасно знала, как Дженнан был привязан к отцу. В его досье говорилось, что смириться с гибелью отца ему помог неожиданно благоприятный исход событий на Персиде.

— Факты бесчеловечны, Хельва. Зато отец был человечен, и я такой же. Да и ты тоже — в душе. Загляни в себя, 834. За всеми проволочками, которыми тебя опутали, бьется сердце — пусть маленькое, но обычное человеческое сердце. Вопреки всему.

— Прости меня, Дженнан, — тихо проговорила она.

После секундного раздумья Дженнан протянул руку и ласково похлопал по панели, за которой находилась ее капсула.

— Если нас когда-нибудь снимут с этих нудных рейсов, мы сразу рванем к нашей туманности — договорились?

Как это часто случалось в спасательной службе, не прошло и часа, как они получили приказ изменить курс — правда, не в сторону туманности, а к недавно колонизированной системе с двумя обитаемыми планетами, одна из которых была тропической, а вторая ледниковой. Ее солнце, носившее имя Равель, стало проявлять опасную неустойчивость: его спектр можно было сравнить с излучением стремительно взрывающейся бомбы, причем линии поглощения быстро смещались в сторону фиолетового. Все возрастающее выделение тепла уже привело к эвакуации ближайшей планеты, Дафниса. И диаграмма спектрального излучения давала все основания предполагать, что солнце в скором времени спалит и вторую планету, Хлою. Всем кораблям, оказавшимся поблизости от района бедствия, предписывалось поступить в распоряжение спасательного штаба на Хлое и оказать помощь в срочной эвакуации оставшихся на планете колонистов.

ДХ поспешил заявить о себе и получил приказ отправиться в

отдаленный район Хлои — нужно было подобрать затерянных в глуши поселенцев, которые, судя по всему, не понимали всей серьезности создавшегося положения. Температура на Хлое уже поднялась выше точки замерзания — впервые за всю историю планеты. Но, на беду, многие колонисты принадлежали к секте религиозных фанатиков, которые поселились на суровой Хлое, дабы подготовить себя к жизни, исполненной набожного созерцания. И столь резкую оттепель на планете они приписывали совсем иному источнику, нежели взбесившееся солнце.

Дженнан затратил столько времени, убеждая упрямцев, что они с Хельвой отчаянно отстали от графика, а еще нужно было забрать людей из последнего, четвертого поселения.

Хельва перенеслась через высокую гряду зазубренных вершин, которые окружали уединенную долину, защищая ее как от бушевавших еще недавно снежных бурь, так и от нынешнего вторжения тепла. Когда они совершили посадку, ослепительное солнце, окруженное пылающей короной, еще только начинало заливать своими лучами глубокую долину.

— Пусть хватают зубные щетки и прыгают на борт, — сказала Хельва. — Штаб настоятельно советует поторопиться.

— Гляди-ка, одни женщины, — удивился Дженнан, выходя навстречу поселенцам. — Или мужчины на Хлое тоже носят меховые юбки?

— Постарайся их очаровать, но по возможности будь краток. И переключись на двустороннюю персональную связь.

Дженнан продолжал расточать улыбки, но все его объяснения относительно цели неожиданного визита были встречены с глухим недоверием и даже вызвали сомнения: а тот ли он, за кого себя выдает. Он застонал про себя — матушка снова стала излагать свою теорию наступившего потепления.

— Досточтимая мать, ваши молитвы дали слишком бурный эффект — солнце вот-вот взорвется. Я прибыл, чтобы отвезти вас в космопорт Розари...

— В этот содом? — В ответ на столь кощунственное предложение достойная матрона наградила молодого человека возмущенным взглядом и содрогнулась от омерзения. — Благодарим вас за предупреждение, но у нас нет никакого желания сменить нашу обитель на суетный мир. А теперь нам пора вернуться к утреннему созерцанию, которое было прервано...

— Оно будет прервано навсегда, если вы изжаритесь живьем. Нужно немедленно отправляться, — твердо заявил Дженнан.

— Госпожа, — вмешалась Хельва, рассчитывая, что в этот ре-

шающий миг женский голос может оказаться весомее мужского обаяния Дженнана.

— Кто говорит? — вздрогнула монахиня, напуганная бестелесным голосом.

— Я Хельва, корабль. Вы и ваши сестры по вере могут смело прийти под мою защиту, не опасаясь оскверняющего соседства с мужчиной. Я обязуюсь вас охранять и доставить в специально подготовленное для вас место целыми и невредимыми.

Матушка осторожно заглянула в открытый люк корабля.

— Поскольку только в Центральных Мирах разрешено применение подобных кораблей, я, молодой человек, прихожу к выводу, что вы нас не обманываете. И все же нам и здесь ничто не угрожает.

— Сейчас температура в Розари уже 99 градусов, — заметила Хельва, — и, как только прямые лучи солнца проникнут в вашу долину, здесь она тоже поднимется до 99, а к концу дня обещает достичь 180. Я вижу, что ваши дома построены из дерева и проконопачены мхом. Мох сухой, как трут. К полудню он воспламенится.

Солнце стало просачиваться в долину, и его обжигающие лучи упали на кучку женщин, пугливо жмущихся вокруг матушки. Вот уже кое-кто расстегнул ворот мехового одеяния.

— Дженнан, — предупредила Хельва по внутренней связи, — время на исходе.

— Пойми, Хельва, я не могу их оставить. Взгляни, некоторые из них совсем девочки.

— И к тому же прехорошенькие. Неудивительно, что матушка тебе не доверяет.

— Хельва!..

— На все воля Божья, — изрекла матушка, поворачиваясь к спасателю спиной.

— Даже на то, чтобы сгореть живьем? — крикнул ей вслед Дженнан, но она, не оборачиваясь, двинулась сквозь строй своей ропщущей паствы.

— Они желают стать мученицами? Это их право, Дженнан, — бесстрастным голосом произнесла Хельва. — А нам пора — у нас другого выбора нет.

— Подумай, Хельва, разве я могу их бросить?

— Ты хочешь повторения Персиды? — язвительно осведомилась Хельва, видя, как он бросился вперед, стараясь поймать одну из женщин. — Не можешь же ты загаскивать их на борт по

одной, к тому же нам некогда играть в догонялки. Возвращайся, Дженнан, или я подам на тебя рапорт.

— Но они погибнут, — удрученно бормотал Дженнан, неохотно направляясь в сторону корабля.

— Мы не имеем права рисковать собой, — в душе сочувствуя ему, ответила Хельва. — У нас и так времени в обрез — только-только успеваем на встречу. К тому же лаборатория сообщает о критическом ускорении спектральной эволюции.

Дженнан уже вошел в воздушный шлюз, когда одна из женщин помоложе с криком бросилась вперед, пытаясь протиснуться в закрывающийся люк. Остальные, последовав ее примеру, в панике полезли сквозь узкое отверстие. Несмотря на то что корабль был набит битком, внутри всем места не хватило. Дженнан раздал скафандры трем женщинам, которым пришлось вместе с ним остаться в воздушном шлюзе. Он тратил драгоценное время, объясняя матушке, что ей совершенно необходимо облачиться в скафандр, потому что в воздушном шлюзе нет автономных кислородных и охлаждающих систем.

— Мы рискуем здесь застрять, — мрачно оказала Дженнану Хельва по внутренней связи. — На этой, с позволения сказать, посадке мы потеряли восемнадцать минут. Я слишком перегружена, чтобы развить максимальную скорость, а она нам необходима, если мы хотим обогнать тепловую волну.

— Ты можешь подняться? Мы уже надели скафандры.

— Подняться-то могу, — ответила она, отрываясь от земли. — А вот разогнаться — не уверена.

Дженнан, прижимавший к себе перепуганных женщин, ощущал неуверенность и даже неуклюжесть, с которой Хельва одолевала подъем. Она безжалостно удерживала полную тягу как можно дольше, невзирая на то что сбившиеся в рубке женщины жестоко страдали от чудовищного ускорения, а двое получили смертельные увечья. Приходилось идти на жертвы, чтобы спасти остальных. Но по-настоящему заботил Хельву лишь один человек — Дженнан, и мысль о его судьбе наполняла ее душу леденящим ужасом. Воздушный шлюз, не имевший ни подачи воздуха, ни системы охлаждения, защищенный всего одним слоем обшивки вместо трех, отнюдь не представлял собой безопасное убежище для троих заключенных в нем людей. Да, у них были скафандры, но всего лишь стандартные модели, не рассчитанные на защиту от избыточного тепла, которое вот-вот обрушится на корабль.

Хельва мчалась на предельной скорости, но колоссальная теп-

ловая волна от взорвавшегося солнца настигла их на полпути к спасительному холоду космоса.

Она оставалась глуха к крикам, стонам, мольбам и заклинаниям, звучавшим в ее рубке, и прислушивалась к хриплому, измученному дыханию Дженнана, к перебоям в системе очистки его скафандра, к усталому чавканью перегруженной системы охлаждения. Она беспомощно слушала истерические вопли его спутниц, извивающихся в адской жаре. Напрасно Дженнан старался их успокоить, старался уговорить их потерпеть — еще чуть-чуть, и их ждут безопасность и прохлада. Обезумев от страха и муки, они набросились на него в тесном пространстве шлюза. Чья-то рука, занесенная для удара, зацепила шланг, ведущий к его системе жизнеобеспечения, и тут случилось непоправимое. От жары и сильного рывка герметичность соединения нарушилась.

И Хельва, при всех безграничных ресурсах, бывших в ее распоряжении, не смогла, не сумела его спасти. Она могла лишь беспомощно наблюдать, как Дженнан судорожно вздохнул, повернул голову, умоляюще взглянул на нее... и умер.

Только усиленное программирование, которому ее подвергали все годы обучения, помешало Хельве развернуться и рвануться прямо в раскаленное сердце взорвавшейся звезды. Окаменев от горя, она встретилась с конвоем беженцев, безропотно переправила своих обожженных, обессилевших от жары пассажиров на ожидавший их корабль.

— Я оставлю на борту тело моего пилота и проследую к ближайшей базе для погребения, — безжизненным голосом сообщила она Мирам.

— Тебе будет предоставлен эскорт, — ответили ей.

— Никакой эскорт мне не нужен.

Ответ был короткий:

— Х-834, эскорт выслан. — Итак, первая буква имени Дженнана уже исчезла из ее номера — так скоро! Потрясение было столь острым, что Хельва даже не смогла ничего возразить. Оглушенная, она молча ожидала рядом с транспортным конвоем, пока на ее экранах не появились очертания двух стройных «мозговых» кораблей. И вот уже все трое устремились к дому со скоростью, которая — увы! — мало напоминала мерную поступь погребального кортежа.

— 834? Корабль, который поет?

— Все мои песни спеты.

— Твоим пилотом был Дженнан?

— Мне не до бесед.

— Я 422.

— Сильвия?

— Сильвия давно умерла. А я — 422. Сейчас мои инициалы МС, — коротко отозвался корабль. Наш второй спутник АГ-640, но Генри нас не слушает. И это только к лучшему — вздумай ты удариться в бега, он не смог бы тебя понять. Но я бы его остановила, если бы он попытался тебе помешать.

— В бега? — От этой мысли всю апатию Хельвы как рукой сняло.

— Ну да. Ведь ты еще так *молода*. Запаса энергии тебе хватит на многие годы. Возьми да удери. Ведь ты — не первая. 732 исчезла двадцать лет назад — после того, как потеряла своего напарника в полете к белому карлику. С тех пор ее никто не видел.

— Я никогда не слышала о беглецах.

— Будь уверена, детка, в школе ты об этом ничего не услышишь, — ответила 422. — Ведь это как раз то, от чего нас так старательно программируют.

— Нарушить заложенную программу? — в отчаянии крикнула Хельва, с тоской вспоминая ослепительное, добела раскаленное сердце звезды, которую она так недавно покинула.

— Думаю, сейчас это далось бы тебе без всякого труда, — тихо проговорила 422, и в ее голосе уже не было прежней горечи. — Ведь звезды по-прежнему мерцают в небе.

— Летать одной? — ошеломленно воскликнула Хельва.

— Одной! — сурово подтвердила 422.

Остаться наедине с пространством и временем... где даже далекая туманность «Конская голова» больше не будет пугать ее своей недосягаемостью. Наедине с сотнями лет грядущей жизни, наполненной воспоминаниями о нем и... больше ничем.

— Скажи, Персида стоила той жертвы, которую ты ей принесла? — тихо спросила Хельва.

— Персида? — удивленно переспросила та. — Ты имеешь в виду его отца? Да. Мы были там, на Персиде, когда без нас было не обойтись. Так же как ты... с его сыном... на Хлое. Они тоже не могли обойтись без вас. Не знать, где ты необходим, не быть там, где нужна твоя помощь, — это преступление.

— Но мне необходим он. Кто утолит мою нужду? — с горечью бросила Хельва...

— 834, — сказала 422 после того, как они целый день летели бок о бок в полном молчании, — Миры ждут твоего рапорта. На Регуле тебя ожидает замена. Пора менять курс.

— Замена? — Только не сейчас, не так скоро... Напоминание о

новом напарнике грубо нарушило щемящую пустоту, которую оставил в ее душе Дженнан. Но ведь ее корпус едва успел остыть от обжигающего жара Хлои! Хельва ощущала первобытное желание выждать время, чтобы в одиночестве оплакать свою утрату.

— Любой из них сойдет, если ты первоклассный корабль, — философски заметила 422. — Замена — как раз то, что тебе нужно. И чем скорее, тем лучше.

— Ты ведь сказала им, что я не собираюсь удариться в бега? — спросила Хельва.

— Ты сама упустила момент, как, впрочем, и я после Персиды. А еще раньше — после Глен Архура и Бетельгейзе.

— Ведь мы запрограммированы на выживание. Мы просто не способны бросить все и сбежать. Ты испытывала меня.

— Поневоле пришлось. Мне приказали. Даже психологи не знают, почему корабль вдруг ударяется в бега. Миры забеспокоились, и мы, твои друзья, тоже, сестренка. Я сама напросилась в эскорт. Не хотела... потерять вас обоих.

Как ни тяжело было Хельве, все же она ощутила прилив благодарности к Сильвии за ее грубоватое сочувствие.

— Никого из нас, Хельва, сия чаша не миновала. И поверь, это не просто слова утешения. Помни: если бы мы не умели сродниться со своими пилотами, то так и остались бы машинами, начиненными всяким хламом.

Хельва взглянула на неподвижное тело Дженнана, застывшее под саваном, и вдруг услышала в тихой каюте отзвук его глуховатого голоса.

— Сильвия! Я не сумела ему помочь.

— Да, дорогая, я знаю, — ласково пробормотала 422 и замолкла. Так, в молчании, три корабля стремительно неслись к главной базе Центральных Миров, размещавшейся на Регуле. Хельва нарушила тишину только для того, чтобы испросить разрешения на посадку и ответить на официальные соболезнования.

Три корабля одновременно опустились у края леса, где гигантские голубые деревья Регула несли стражу, оберегая сон тех, кто упокоился на маленьком кладбище базы. Весь личный состав, чеканя шаг, прошагал колонной и выстроился, образовав проход — от Хельвы до самой могилы. Почетный караул выступил вперед и медленно вошел в рубку. Тело ее покойного возлюбленного бережно уложили на катафалк, покрыли темно-синим, усеянным звездами знаменем спасательной службы. Она следила, как оно медленно движется по живому проходу, как ряды смыкаются за катафалком, образуют последний эскорт.

Наконец, когда отзвучали скупые слова прощания и самолеты совершили над открытой могилой церемониальный круг, Хельва, собравшись с духом, нашла в себе силы сказать любимому последнее прости.

Сначала тихо, едва слышно, потом все громче полились звуки старинной мелодии о вечере и вечном покое и, наконец, достигли такой пронзительной силы, что, казалось, весь бездонный черный космос отозвался эхом на эту прощальную песню, которую пел корабль.

Глава 2

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ СКОРБЕЛ

Равнодушным, отсутствующим взором наблюдала Хельва, как личный состав базы Регул стал расходиться. Похороны закончились. Больше никогда, — поклялась она себе, — обо мне не услышат как о корабле, который поет. Эта часть души умерла вместе с Джеппаном.

Она продолжала следить за тем, что происходит вокруг, но откуда-то издалека, как будто ее это все вовсе не касалось: вот крохотные фигурки поодиночке и парами медленно потянулись к казармам. Другие деловито зашагали кто куда, спеша вернуться к прерванным делам. Некоторые, проходя мимо нее, поднимали глаза, но их взгляды ее не трогали. Жизнь утратила всякий смысл, ей хотелось одного — остаться здесь, рядом с кладбищем, где навеки упокоился ее напарник.

«Не может быть, чтобы все кончилось вот так, — думала она, чувствуя, как смертельная тоска пробивается сквозь сковавшее сердце оцепенение. — Я этого не вынесу. Как жить дальше?»

— Х-834, Теода с Медеи просит разрешения войти, — раздался голос у подножия лифтовой шахты.

— Разрешение дано, — машинально ответила Хельва. Она так глубоко погрузилась в пучину своего горя, что к тому времени, когда из лифта появилась стройная фигура женщины, уже успела забыть, что сама разрешила ей войти. Женщина подошла к центральному пилону, в котором была замурована оболочка Хельвы. В руке она держала кассету с полетным заданием.

— Ну что ж, вставляй кассету, если пришла, — сухо сказала Хельва, увидев, что женщина неуверенно переминается на месте.

— Куда? Я не состою на постоянной службе. На пленке объясняется маршрут полета, но...

— В северо-западном квадранте главной панели ты увидишь синюю прорезь. Вставь в нее кассету так, чтобы стрелка смотрела в сторону центральной красной кнопки. Нажми на синюю клавишу с надписью «пуск», а если сама не знакома с текстом и имеешь необходимый допуск, нажми еще одну клавишу, желтую, с надписью «аудио». И не стой, садись, пожалуйста.

Без малейших эмоций, лишь мимолетно подумав о том, что следовало бы подбодрить Теоду, оказав ей хоть какое-то подобие любезного приема, Хельва наблюдала, как женщина неумело возится с кассетой. Наконец она робко присела на краешек пилотского кресла. Зазвучала запись.

— Х-834, вам вместе с психотерапевтом Теодой с Медеи предписывается проследовать к планете НДЕ, в системе Лира-2, Аннигон-4, и сделать все возможное для содействия программе реабилитации населения Ван Гога, которое уцелело после космической эпидемии. Срочно! Срочно! Срочно!

Хельва остановила пленку и вызвала Ценком.

— Следует ли понимать, что психотерапевт Теода — мой новый напарник?

— Нет, 834. Теода не состоит у нас на службе. Замена временно откладывается. Тебе же сказано: срочно, повторяю, срочно отправляйся к Аннигону.

— Прошу разрешить немедленный взлет.

Хельва автоматически выполнила все до мелочей знакомые процедуры, сопутствующие взлету, и только потом спохватилась: что же она делает?! Ей была ненавистна сама мысль об отлете с Регула, но приказ был получен, и в ушах ее еще звучал настойчивый призыв: «Срочно!»

— Все прилегающие территории свободны для взлета. Старт дан. И еще... Х-834...

— Слушаю?

— Счастливого пути.

— Принято, — ответила Хельва, игнорируя дружеский, совсем не официальный тон прощания. Она кратко объяснила Теоде, как пристегнуться к пилотскому креслу, следя, как тонкие пальцы женщины нервно возятся с пряжками. Наконец, убедившись, что во время ускорения Теода будет в целости и сохранности, Хельва рванулась ввысь, но еще долго, до тех пор, пока позволяло острое зрение, взгляд ее камер был прикован к все удаляющемуся кладбищу базы.

Теперь Хельве было все равно, с какой скоростью лететь, и скоро она поймала себя на том, что непроизвольно увеличивает ускорение, повинуясь безотчетному желанию поскорее закончить полет и вернуться на Регул — к Дженнану. Взяв себя в руки, она убавила скорость, приспосабливая ее к возможностям Теоды.

— Мы вышли на маршевый режим, — сообщила она женщине, — можно покинуть кресло.

Теода расстегнула ремни и неуверенно поднялась.

— Меня так срочно вызвали, — сказала она, оглядывая свою мятую, несвежую форму, — к тому же я в пути уже целые сутки.

— Каюты расположены позади центрального пилона. — У Хельвы сжалось сердце: она только сейчас поняла, что Теода поселится там, где еще так недавно жил Дженнан. Не удержавшись, она заглянула в его каюту. Кто-то уже вынес все личные вещи ее бывшего напарника. Не осталось ни единой мелочи, которая напоминала бы о нем, об их мимолетном счастье. С новой силой на нее нахлынуло одиночество. Как они могли? Когда успели? До чего же это несправедливо. А теперь еще придется терпеть присутствие этой суетливой женщины.

Тем временем Теода уже вошла в каюту, бросила вещевой мешок на койку и направилась в ванную. Хельва деликатно отключила камеру. Она попробовала убедить себя, что там Дженнан, что это он по-домашнему плещется под душем, — но нет, у новой пассажирки совсем другие повадки.

«Не то, все не то!» — в тоске вскричала Хельва.

Вновь погрузившись в пучину скорби, она лишь через некоторое время осознала, что на корабле стоит полная тишина. Заглянув в каюту, она увидела, что Теода, вытянувшись на спине, забылась глубоким, тяжелым сном вконец измотанного человека. Теперь, во сне, женщина выглядела старше, чем Хельве показалось сначала. И еще Хельва запоздало поняла: то, что она приняла за суетливость и неумелость, на самом деле было смертельной усталостью. Лицо Теоды изрезали глубокие морщины — следы страданий и переутомления, закрытые глаза обведены темными кругами. Уголки рта опущены — видно, женщине довелось немало пережить. Вот длинные пальцы с закрученными кончиками чуть дрогнули, откликаясь на тревожное сновидение, и Хельва заметила, какие они сильные и чуткие. А на ладонях разглядела странные отметины, следы физической работы, совершенно необъяснимые в век, когда весь ручной труд, как правило, ограничивался нажатием кнопок.

«Джеппан тоже любил поработать руками», — выплыло из памяти непрошенное сравнение, и ею снова завладела скорбь.

— Я долго спала? — прервал воспоминания Хельвы женский голос, и Теода, пошатываясь со сна, вошла в рубку. — Сколько нам еще осталось лететь?

— Ты проспала восемнадцать часов. Судя по маршрутной карте, мы выйдем на орбиту Аннигона через сорок девять часов галактического времени.

— А кухня здесь есть?

— Первая дверь направо.

— Тебе ничего не нужно? — спросила Теода, направляясь на камбуз.

— Все мои нужды удовлетворены на ближайшую сотню лет, — холодно ответила Хельва и, когда эти слова уже прозвучали, с отчаянием осознала, что самую острую ее нужду не сможет утолить никто на свете.

— Извини, я так мало знаю о вас, кораблях, — смутилась Теода. — А на такой престижный мне и вовсе не доводилось попадать, — и она робко улыбнулась.

— Так ты родом с Медеи? — Хельва заставила себя проявить хоть какое-то подобие любезности. Профессионалы нередко интересуются происхождением своих коллег.

— Да, с Медеи, — ответила Теода. И сразу же начала без особой надобности перебирать банки с консервами, со стуком ставя их на стол. Такая реакция позволяла сделать вывод о неком внутреннем разладе или тяжелых воспоминаниях, но Хельва не могла припомнить ничего особенного в связи с Медеей, поэтому оставалось предположить, что все дело в каких-то личных переживаниях.

— Я, конечно, и раньше видела корабли твоего типа. У нас, жителей Медеи, есть свои причины относиться к вам с благодарностью, но сама я ни разу не была у вас на борту, — сбивчиво говорила Теода, взгляд ее беспокойно блуждал по коробкам и банкам, заполнявшим шкафы камбуза, она суетливо переставляла их, осматривая содержимое полок. — Тебе нравится твоя работа? Она должна приносить огромное удовлетворение.

Эти вполне невинные слова, как раскаленные угли, упали на незажившую рану Хельвы. Она постепенно заговорила, стараясь не дать собеседнице повода отпустить очередную, столь же болезненную любезность.

— Я служу не так давно. Тебе, как врачу, должно быть известно о нашем происхождении.

— Ну да, разумеется. Врожденное уродство. — Теода смутилась, как будто затронула какую-то неприличную тему. — И все-таки, по-моему, это ужасно. Ведь у тебя не было никакого выбора, — гневно выпалила она.

Внезапно Хельва ощутила огромное превосходство.

— На начальном этапе, пожалуй, не было. Но теперь мне было бы очень трудно отказаться от стремительных бросков через космос и удовольствоваться ходьбой.

Услышав, как пренебрежительно Хельва произнесла последнее слово, женщина вспыхнула.

— Предоставляю это тому, кто станет моим «телом», — бросила Хельва и внутренне сжалась, снова вспомнив Дженнана.

— Я недавно слышала об одном из ваших кораблей — о том, который поет, — сказала Теода.

— Да, я тоже слышала, — сухо отозвалась Хельва, не проявляя никакого желания продолжить разговор. Неужели ей постоянно будут напоминать о ее утрате?!

— Сколько лет вы живете?

— Сколько захотим.

— То есть... Я хотела спросить, какой корабль самый старший?

— Один из двухсотых до сих пор состоит на службе.

— Значит, ты еще совсем молода — ведь ты из восьмисотых.

— Да.

— А вот я, — проговорила Теода, устремив отсутствующий взгляд на зажатую в руке пустую банку, — я уже совсем старуха, и мой конец близок. — В ее голосе не прозвучало ни сожаления, ни даже смирения.

Только сейчас до Хельвы дошло, что в этой душе тоже таится глубокая печаль, обреченно отсчитывающая дни и часы.

— Сколько осталось до выхода на орбиту?

— Сорок семь часов.

— Пора браться за дело. — Теода резко повернулась и отправилась в каюту, где, порывшись в мешке, достала видеокассету и проектор.

— В чем проблема? — вежливо поинтересовалась Хельва.

— На Ван Гог в созвездии Лира-2 нагрянула космическая эпидемия, и симптомы ее очень похожи на ту болезнь, которая поразила Медею сто двадцать пять лет назад, — пояснила Теода.

Внезапно Хельва поняла, где Теода могла видеть корабли Миров. Она навела увеличение на лицо женщины и увидела сетку микроскопических морщин — свидетельство преклонного возраста. Сомнений нет — Теода жила на Медее, когда там разрази-

лась космическая эпидемия. Хельва вспомнила, что мор обрушился на густо населенные районы и за считаные дни свирепым ураганом пронесся по всей планете. Его натиск был так стремителен, а потери столь высоки, что часто медики, теряя силы, валились рядом с теми, кого выхаживали. Но некоторых болезнь не тронула, а почему — никто не знал. Переносимые по воздуху споры — возбудители заболевания — поражали не только людей, но и животных. И вдруг эпидемия отступила — так же внезапно, как появилась, — словно почувствовав, что силы галактического содружества, грозящие укротить ее неистовство, уже на пути к планете. Всего за неделю Медея опустела, немногие уцелевшие — и те, у кого хватило сил перенести изнурительную лихорадку, и те, кто по неизвестным причинам оказался к ней невосприимчив, — посвятили жизнь поискам источника беды или ее причины, лекарства или вакцины.

Предприняв быстрый ассоциативный поиск в своей обширной памяти, Хельва выяснила, что было еще семь волн эпидемии, правда, другого вида, но столь же неожиданных и необъяснимых, и некоторым из них удалось оказать лучшее сопротивление, чем тогда, на Медее. Самая опустошительная из всех зарегистрированных обрушилась на планету Клематис и унесла девяносто три процента человеческих жизней еще до того, как подоспела помощь. После этого на Клематисе был установлен вечный карантин. «Все равно что запереть конюшню, даже не попытавшись отыскать пропавших лошадей», — подумала Хельва.

— Наверное, тогда, на Медее, ты получила большой опыт и теперь сможешь очень помочь пострадавшим на Ван Гоге?

— Затем меня туда и направили, — вздрогнув, проговорила Теода. Она так поспешно схватилась за проектор, что Хельва поняла: дальнейшие расспросы сейчас неуместны. И еще она поняла, что, несмотря на долгую жизнь за плечами, Теода все еще болезненно откликается на некоторые словесные ассоциации. Она и сама не могла представить, что когда-нибудь, через века, не будет испытывать боль при упоминании имени Джеппана.

Аннигон показался на экранах, когда бортовой хронометр отмерил ровно шестьдесят семь часов полета, и сразу же Хельве пришлось отвечать на карантинное предупреждение орбитальной станции.

— У тебя на борту психотерапевт Теода? — последовал вопрос, едва Хельва успела назваться.

— Да.

— Постарайся совершить посадку как можно ближе к боль-

ничному городку Эрфар. Там нет своей посадочной площадки, поэтому для тебя подготовили ближайшее поле. Ты сможешь свести до минимума выделение вредных выхлопных газов?

Хельва сухо заверила, что сумеет совершить посадку, соблюдая все необходимые предосторожности. Получив координаты, она без особого труда опустилась на клочок земли, указанный ей как поле. Пыльная белая дорога вела к вытянутому скоплению белых зданий, прорезанных длинными рядами окон, — оно находилось на расстоянии в полкилометра. Вскоре оттуда выехал наземный экипаж.

— Теода, — обратилась к женщине Хельва, пока они ожидали машину, — в ящике под панелью управления ты найдешь маленькую серую кнопку. Пристегни ее к своей одежде — и ты сможешь поддерживать со мной постоянную связь. А если повернешь верхнюю часть кнопки по часовой стрелке, связь будет двусторонней. Мне хотелось бы помочь тебе, если возникнут какие-нибудь затруднения.

— Да, конечно, благодарю.

— Если повернуть нижнюю половинку кнопки, я смогу увидеть, что происходит вокруг, правда в небольшом радиусе.

— Отлично придумано, — рассеянно пробормотала Теода и, повертев кнопку в руках, пристегнула ее к куртке.

Машина подъехала и остановилась. Теода помахала сверху ее пассажирам и вошла в лифт.

— Хельва, большое тебе спасибо за путешествие. Прошу меня извинить — я неважный компаньон.

— Я тоже. Желаю удачи.

Лифт пошел вниз, и Хельва подумала, что они обе сказали неправду. Они составили отличную компанию — каждая была замкнута в скорлупу собственного горя. Раньше ей как-то не приходило в голову, что страдание — нередкий гость во вселенной и что едва ли она одна пережила трагедию, не сумев спасти любимого человека. Все другие корабли, ее собратья, имели такой же печальный опыт, однако продолжали нести свою службу.

— Прошу разрешения подняться на борт, — раздался чей-то хриплый голос у подножия лифта.

— Прошу назваться.

— Онро, майор медицинской службы, откомандирован базой Регула. Мне необходимо воспользоваться экстренной связью.

— Разрешение дано, — ответила Хельва, быстро отыскав его имя в списке личного состава медицинской службы.

Офицер Онро ввалился в шлюз и, кратко отсалютовав в сторо-

ну центрального пилона, плюхнулся в пилотское кресло и резко нажал на кнопку вызова.

— Не найдется ли у тебя мало-мальски приличного кофе? — просипел он и, стремительно крутанувшись в кресле, устремился на камбуз.

— Будьте как дома, — пробормотала Хельва, не готовая к такому бурному проявлению энергии после нескольких дней, проведенных в обществе Теоды.

Едва не свернув плечом дверной косяк, Онро ворвался на камбуз и принялся рыться в шкафах.

— Кофе, скорее всего, находится на своем обычном месте — на третьей полке шкафа, который стоит по правую руку от вас, — сухо заметила Хельва. — Прошу прощения, банка свалилась на пол.

Онро поднял банку, умудрившись весьма ощутимо стукнуться головой о дверцу шкафа, которую он оставил открытой. Но потока брани, который Хельва почти наверняка ожидала услышать, не последовало. Посетитель осторожно, с терпением, свидетельствующим о редкой выдержке, притворил дверцу и, вскрыв герметическую оболочку, проследовал обратно в рубку, где, усевшись в кресло и глотая горячий, дымящийся кофе, стал наблюдать, как разгорается шкала экстренной связи. Понемногу напряжение стало отпускать его.

— Все мы жертвы собственных привычек, правда, Х-834? Я мечтал о чашке кофе восемнадцать дней и ночей напролет. От пойла, которое здесь, на этом Богом забытом шарике, используют взамен, меня только ко сну клонит. Правда, кофе действует не так сильно, как бензедрин, но зато менее вреден для организма. А вот и они. Могу поклясться, что с каждым разом эту чертову связь приходится ждать все дольше.

— Говорит Регул, Центральная база на связи.

— Докладывает Х-834, — провозгласил Онро.

— Кто? — От удивления голос базы утратил всю свою официальность.

— На связи Онро.

— Ясно, сэр, не сразу узнал ваш голос.

— А ты что думал — это Хельва охрипла?

— Нет, сэр, я так не подумал.

— Ладно, поболтали и будет. Теперь введи данные в компьютер, и пусть он как следует пошевелит мозгами. А то я слишком устал. И проверь как следует программу. В последнее время мне приходилось очень мало спать. — Он повернулся к Хельве. — Как

тебе это понравится — впервые за три галактических года попасть домой и угодить в самый разгар эпидемии! Надеюсь, мне хотя бы продлят отпуск. — Онро снова повернулся к рации. — Вот, дребедень для машины, — он быстро продиктовал данные. — А вот словесная часть — это для проверки: «Заболевание не удалось идентифицировать по шкале Орсона ни как известный вирус, ни как его видоизменение. У всесторонне проверенных пациентов, признанных абсолютно здоровыми, клинические симптомы могут развиться за десять часов: полное исчезновение мышечного контроля, сильный жар, острые боли в спине наступают через три дня. Смерть наступает от: 1) кровоизлияния в мозг, 2) остановки сердца, 3) легочного коллапса, 4) удушья или в случае запоздалого оказания медицинской помощи, 5) истощения. Все выжившие страдают полным отсутствием мышечной координации. Показатель повреждения мозга отрицательный. Но они ничем не лучше трупов».

— Интеллект страдает? — спросил Ценком.

— Невозможно сказать ничего определенного, остается только надеяться, что, как и в большинстве подобных случаев, изменения в мозгу не затрагивают интеллект.

— Джули О'Греди и сановная леди во всем остальном равны, — пробормотала Хельва. Из сказанного медиком она сделала вывод, что телам, перенесшим эпидемию, повезло все же больше, чем ее, наделенному врожденными увечьями.

— Наша стройная подружка ближе к истине, чем она сама подозревает, — хохотнул Онро. — Если не считать младенцев, нет ни единого человека, которому не было бы лучше прямо сейчас попасть в капсулу. Все равно в том состоянии, в котором бедняги находятся, они ни на что не годятся.

— Будете дожидаться ответа? — осведомился Ценком.

— Смотря сколько времени.

— Вполне успеете вздремнуть, — предупредительно заметила Хельва. — Пока еще они разберутся с вашим рапортом, — добавила она, одновременно направляя Ценкому личный сигнал тревоги.

— Только недолго, майор Онро, — вставил Ценком.

— Онро, вы так свернете себе шею, — заметила Хельва, увидев, что он вытянул длинные ноги и, притулившись в пилотском кресле, собрался соснуть. — Можете воспользоваться койкой пилота. Я подниму вас, как только придет ответ.

— Да уж, милочка, не забудь, а то я отвинчу твою смотровую панель, — пригрозил Онро и, пьяно пошатываясь, побрел в каюту.

Постараюсь. — Хельва увидела, как он два раза глубоко вздохнул и провалился в сон.

И сразу же включилась связь с Теодой — слуховая и зрительная. Вот Теода стоит, склонившись над постелью. Ее сильные пальцы ласково поглаживают неподвижное тело лежащей женщины. Дряблые мышцы, полное отсутствие рефлексов, одутловатое лицо, невидящие глаза, отвисшая челюсть; на какое-то мгновение шейные мышцы напряглись, и из горла больной вырвался невнятный стон.

— Мы не можем обнаружить реакции даже на самые сильные раздражители, — произнес голос, обладателя которого Хельва не могла видеть. — Возможно, пациентка как-то реагирует на боль, но полной уверенности у нас нет. Даже если она нас понимает, то не может подать знак.

Хельва заметила, что полузакрытые веки женщины еле заметно дрогнули — вниз, потом вверх. Не укрылся от нее и легчайший трепет ноздрей. Она надеялась, что Теода тоже это отметила, но решила проверить.

— Теода, — сказала она тихо, стараясь не испугать женщину, и все же та вздрогнула от неожиданности.

— Это ты, Хельва?

— Да. Насколько мне позволяет мое ограниченное зрение, я сумела разглядеть дрожание век и трепет ноздрей. Если паралич протекает в такой острой форме, как мне стало известно из донесения майора Онро, эти чуть заметные подергивания, возможно, являются единственными мышечными сокращениями, сохранившимися у пациентки. Попроси, пожалуйста, одного из твоих спутников понаблюдать за правым глазом, второго — за левым, а ты сама сосредоточь внимание на ноздрях. Объясните больной, какие знаки ей следует подавать, и посмотрите, поймет ли она вас.

— Это что — корабль? — недовольно осведомился невидимый спутник Теоды.

— Да, Х-834, это она доставила меня сюда. Только Хельва не что, а кто.

— Вот как, — последовал пренебрежительный ответ. — Корабль, который поет? Только мне казалось, что его инициалы ДХ или ЖХ.

— Давайте попробуем сделать то, что предлагает Хельва, — перебила его Теода. — Ее зрение гораздо острее нашего, а способность сосредоточиваться неизмеримо выше.

Обращаясь к пациентке, она тихо и отчетливо произнесла:

— Если вы меня слышите, постарайтесь, пожалуйста, опустить правое веко.

На протяжении секунды, показавшейся всем столетием, никакого движения не последовало. Потом медленно-медленно, словно преодолевая чудовищное сопротивление, правое веко опустилось на долю миллиметра.

— Чтобы мы могли быть уверены, что это движение — сознательное, я прошу вас постараться дважды расширить ноздри.

Снова прошло время, и вот Хельва уловила слабое движение ноздрей. Она заметила еще кое-что, куда более важное, — бисеринки пота, выступившие на лбу и верхней губе больной, и сразу же привлекла к ним остальных.

— Каких колоссальных усилий это, видимо, стоило несчастному, попавшему в заточение разуму, — с бесконечным состраданием проговорила Теода. Ее рука с закругленными пальцами мягко легла на влажный лоб женщины. — А теперь отдыхайте, милая. Мы больше не будем вас мучить, но знайте — у нас появилась надежда.

Только Хельва заметила, как бессильно поникли и почти сразу же распрямились плечи Теоды, когда она направилась к соседней койке.

Хельва сопровождала Теоду на всем протяжении обхода — из женского отделения в мужское, а оттуда в детское и даже в бокс для младенцев. Эпидемия не пощадила ни старых, ни малых — даже малыши, которым было несколько недель от роду, стали ее жертвами.

— Можно лишь надеяться, что чем моложе больной и чем более упруги его ткани, тем больше шанс, что их функции восстановятся, — заметил один из провожатых Теоды. Хельва поймала часть его жеста — он обвел рукой отделение, в котором стояло пятьдесят кроваток с неподвижно застывшими на них младенцами.

Теода нагнулась и взяла на руки крошечного трехмесячного малыша — розового и белокурого. Тельце у него было упругое, цвет кожи свежий. Ловким движением женщина оттянула грудную складку и сильно ущипнула. Глаза младенца расширились, ротик приоткрылся, издав слабый писк.

Теода быстро прижала малыша к груди и стала покачивать, как бы извиняясь за то, что сделала ему больно. И хотя одеяло приглушало звук и ограничивало видимость, Хельва успела увидеть и понять то же, что и Теода.

Пока Теода укачивала младенца, до Хельвы долетали только

обрывки разгоревшегося спора. Но вот прежний уровень зрения и слуха вернулся к ней.

Теода положила ребенка на живот и стала осторожно сгибать и разгибать его ручки и ножки, подражая тем беспорядочным подергиваниям, которые предвещают начало первых самостоятельных движений.

— И так мы будем работать с каждым ребенком, с каждым больным — по часу утром и вечером. Если возникнет потребность, мы мобилизуем всех взрослых и всех сознательных подростков на Аннигоне, и они станут нашими помощниками. Если мы хотим достучаться до мозга, восстановить связь между разумом и нервной системой, нам придется восстанавливать функцию мозговых центров с самого начала деятельности мозга. Нужно спешить. Эти несчастные и так слишком долго ждут, чтобы их освободили из кошмарного заключения.

— Но... но как, доктор Теода, вы можете обосновать свои выводы? Вы же сами согласились, что данный случай имеет меньше сходства с эпидемией на Медее, чем считалось первоначально.

— Пока я не могу дать вам никаких обоснований. Да и к чему это? Весь мой опыт подсказывает, что я права.

— Опыт? Вы, наверное, хотели сказать «интуиция»? — неодобрительно изрек чиновник. — Но не можем же мы, доверившись интуиции одной женщины, отвлекать занятых людей от их дел...

— Разве вы не видели испарины на лице той женщины? Не поняли, какого усилия ей стоило всего лишь опустить веко? — набросилась на него Теода. — Так неужели после этого какие-то усилия с нашей стороны могут показаться вам слишком большими?

— Зачем столько эмоций? — вспылил чиновник. — Разве Аннигон не приютил у себя переживших эпидемию, невзирая на опасность стать жертвой того же вируса?..

— Не надо, — решительно заявила Теода. — Прежде чем приблизиться к Ван Гогу, ваши корабли убедились, что эпидемия миновала. Но это к делу не относится. Я возвращаюсь на корабль и немедленно свяжусь с Ценкомом. И вы получите и обоснование, и подтверждение в аккуратнейшей компьютерной распечатке. — Она резко повернулась, и Хельва увидела почтительно застывших поодаль медсестер. — Но прошу тех из вас, кто любит детей и доверяет женской интуиции: делайте то, что я вам показала, независимо от того, будет получено подтверждение или нет. Терять все равно нечего, а живых нужно спасать.

Теода стремительно покинула больницу, не обращая внима-

ния на жалобы и уговоры чиновников. Она забралась в машину и велела возвращаться на корабль. Услышав ее звенящий от бессильной ярости голос, водитель счел за лучшее не вступать в разговоры. Хельва видела, как сильные пальцы женщины, ни на миг не останавливаясь, беспокойно шевелятся — то судорожно сжимаются, то беспомощно вытягиваются, то теребят застежку куртки. Словно почувствовав ее взгляд, Теода резко отключила связь.

Нимало не смутившись, Хельва переключилась на наружные камеры, которые давали более широкий обзор, и поймала приближающуюся машину. Экипаж высадил пассажирку и уехал. Но Теода не спешила входить в лифт. Ограниченная неудобным углом зрения, Хельва могла только наблюдать, как женщина ходит взад-вперед.

Онро хранел в каюте, а Хельва терпеливо ждала.

— Прошу разрешения войти, — наконец тихо сказала Теода.

— Разрешение дано.

Пошатываясь от усталости, вытянув руку вперед, как будто нащупывая путь в темноте, Теода вышла из лифта. Бессильно упала в пилотское кресло и, облокотившись на пульт, уронила голову на руки.

— Ты видела, Хельва, — пробормотала женщина, — ты все видела. Эти несчастные пребывают в таком состоянии уже больше шести недель. И моргнуть глазом для них тяжелее, чем поднять тонну. Разве мыслимо — пережить такое и сохранить рассудок?

— У них всегда остается надежда. Не забывай, Теода: если есть уверенность, что разум не пострадал, без тела, в конце концов, можно и обойтись. И даже найти в этом кое-какие преимущества, — напомнила она.

Теода стремительно подняла голову и, повернувшись в кресле, ошеломленно уставилась на панель, за которой скрывалось заключенное в капсулу тело Хельвы.

— Ну да... И ты сама — отличный пример!

Потом сокрушенно помотала головой.

— Нет, Хельва. Одно дело — когда тебя с младенчества приучили к этой мысли, и совсем другое — когда ты вынуждена смириться с ней как с единственным выходом.

— Молодые без особых потрясений привыкнут к жизни в капсуле. Повторяю, в ней есть свои преимущества и прямые выгоды. Вспомни, как я сопровождала тебя в твоей поездке в больницу.

— Но иметь возможность ходить, дотрагиваться руками, вдыхать запахи, смеяться и плакать...

— Плакать... — выдохнула Хельва, — облегчить душу слезами.

Да, ты права. — Ее сердце стиснула невыносимая тоска, и ненадолго отступившая горечь утраты вернулась с новой силой.

— Хельва... Там, в больнице... Я хочу сказать, что слышала о том, как ты... Прости, но я так ушла в свои мысли, что тогда не поняла, что это ты — Корабль, который пел, и что ты... — голос ее сорвался.

— И я тоже забыла, что у вас на Мелее вирус не только отгородил разум от тела, но и уничтожил мозг, оставив лишь неодушевленную плоть.

Теода отвела взгляд.

— Не могу забыть того несчастного малыша...

— Ценком — Х-834. Ты на связи?

Испуганная голосом, который неожиданно загремел у ее локтя, Теода отпрянула от загоревшейся шкалы экстренной связи.

— Х-834 слушает.

— Приготовься отпечатать компьютерное заключение в ответ на запрос майора Онро.

Хельва включила принтер и доложила о готовности.

— В словесной форме? — громким шепотом спросила Теода.

— Он просил в словесной, — ответила Хельва.

— Не выявлено никакой зависимости от возраста, физического развития, состояния здоровья, этнической принадлежности, группы крови, структуры тканей, режима питания, места жительства и перенесенных ранее заболеваний. Болезнь поражает без разбора и распространяется со скоростью эпидемии. При вскрытии никаких изменений в мышцах, костных тканях, крови, мокроте, моче, спинном мозге не обнаружено. Медикаментозное лечение — бесполезно. Хирургическое — бесполезно. Терапия — возможна.

— Вот оно! — вскочив на ноги, торжествующе воскликнула Теода. — Терапия — единственный выход.

— Но только возможный.

— И тем не менее это единственная возможность. Я уверена: спасение кроется в методе обратной связи.

— Обратной связи?

— Да. Это странный метод, и он не всегда приносит успех. Но, возможно, неудачи бывают в тех случаях, когда разум, отчаявшись, прекращает борьбу. Горячо, словно стараясь убедить в первую очередь себя, проговорила Теода. — Ты только вообрази: оказаться в западне, не иметь возможности установить даже самый простой контакт — это же ни с чем не сравнимый ужас!

Боже, что я говорю!.. — воскликнула она, виновато повернувшись к пилону, за которым находилась Хельва.

— Ты абсолютно права, — невозмутимо заверила ее Хельва, но про себя усмехнулась. — Было бы действительно невыносимо, если бы я вдруг потеряла способность управлять своими синапсами с помощью электронных устройств, как делаю это сейчас. Думаю, что я просто спятила бы, враз лишившись всего, что было мне подвластно, — мчаться от звезды к звезде, общаться через несколько световых лет, подслушивать и подглядывать, при этом никак не обнаруживая себя.

Теода снова принялась беспокойно расхаживать взад-вперед.

— Неужели ты надеешься убедить этих скептиков, — спросила Хельва, — заставить их мобилизовать людей, основываясь лишь на компьютерном заключении?

— Но в нем же ясно сказано: терапия может дать положительные результаты, — решительно заявила Теода, и лицо ее приняло упрямое выражение.

— В нем сказано «возможно». Я вовсе не оспариваю твою позицию, просто предупреждаю, какой скорее всего будет их реакция, — добавила Хельва, заметив, что Теода уже набрала побольше воздуха, собираясь дать отпор. — Я-то как раз совершенно уверена, что ты права. Но они — совсем другое дело. История знает немало случаев, когда добрые самаритяне преждевременно решали с чистой совестью почить на лаврах в полной уверенности, что сделали все от них зависящее.

Теода непримиримо сжала губы.

— Я уверена, что этих людей можно спасти... во всяком случае, некоторых — разве ради этого не стоит сделать все возможное?

— Но почему? Я хотела сказать, почему ты думаешь, что метод обратной связи сработает?

— Этот метод, разработанный еще в двадцатом веке, раньше его использовали для коррекции большинства врожденных нарушений и некоторых серьезных поражений мозга и нервной системы. Я получила научную степень по истории психотерапии. Многие из ранее существующих в этой области проблем теперь не актуальны, но иногда бывают случаи, когда болезни, которые считались давно побежденными, возвращаются вновь. Как эпидемия полиомиелита на Эварте 2. Вот тогда и вспоминают о старых методах. Например, возбудитель этой болезни напоминает вирус Ратдже, с той разницей, что атаки исходного штамма были не так опустошительны и выздоровление наступало хоть и медленно, но верно. Может быть, потому что терапию начинали сра-

ту же, как только миновал острый период. Да и паралич, насколько мне известно, не был таким тяжелым. Но, возможно, на протяжении веков штамм видоизменился и стал еще более опасным. И все же нельзя отрицать, что сходство существует. Вот, посмотри, Хельва, я захватила с собой пленки, — с жаром сказала Теода, от волнения ее лицо казалось странно помолодевшим. — Тогда при лечении жертв вируса Ратдже широко применяли метод обратной связи Домана-Делакато, и он давал отличные результаты. А вдруг, — Теода остановилась как вкопанная, — нам удастся доказать, что в те времена споры космической эпидемии занесло на старушку Землю? У тебя есть данные по развитию галактических спиралей?

— Давай пока ограничимся проблемами из области медицины и физиологии, — усмехнулась Хельва.

Теода потерла лицо руками, как будто пытаясь смыть усталость и заставить утомленный мозг сделать невозможное.

— Всего один ребенок, одно доказательство — вот все, что мне нужно.

— А сколько времени это займет? И какого возраста должен быть ребенок? Кстати, почему именно ребенок? Почему не та несчастная женщина, с таким трудом опускавшая веки?

— Продолговатый мозг начинает управлять рефлекторными движениями с самого рождения. Мостовой участок, который полностью развивается к двадцати неделям, руководит ползаньем на животе. К пятидесяти неделям начинает функционировать средний мозг, и ребенок овладевает навыками передвижения на четвереньках, и, наконец, к шестидесяти неделям заканчивается формирование коры, которая ведает ходьбой, речью, зрением, осязанием и координацией движений.

— Год — это, пожалуй слишком рано... Внятная речь еще отсутствует, — вслух полумала Хельва, без труда припоминая свой первый день рождения. Правда, она в этом возрасте уже «ходила» и «говорила».

— Лучший возраст — пять лет, — вмешался вдруг чей-то голос. Теода вздрогнула и только сейчас заметила Онро — он стоял на пороге камбуза, держа в руке согревающуюся жестянку с кофе. — Потому что моему сыну как раз пять. Я Онро, майор медицинской службы. Это я вас вызвал, доктор Теода, потому что слышал: вы никогда не сдаетесь. — Его помятое со сна лицо обрело жесткое, упрямое выражение. — И я тоже не сдамся, пока мой сын снова не станет ходить, говорить и смеяться. Он — все, что у

меня осталось. Неплохой отпуск у меня получился. — Он горько усмехнулся и глотнул дымящийся кофе.

— Так вы с Ван Гога? — спросила Теода.

— Да, один из немногих уцелевших.

— Вы слышали, о чем я говорила? Вы согласны?

— Слышал. В моем случае не может быть и речи о согласии или несогласии. Я готов на все, что выглядит хотя бы отдаленно правдоподобным. Ваша идея разумна, к тому же компьютер дал единственную положительную рекомендацию, и это терапия. Я пошел за сыном.

Дойдя до шлюза, он повернулся и погрозил Хельве кулаком.

— А ведь ты опоила меня, фея из серебряного замка!

— Формулировка неточна, но обвинение принято к сведению, — сказала Хельва ему вслед, когда он, хмурясь, шагнул в кабину лифта.

Теода, охваченная радостным волнением, схватила свой проектор и стала внимательно просматривать пленки, на которых был записан метод, которым она собиралась испробовать.

— Они вводили стероиды и еще кое-какие препараты, — бормотала она. — У тебя что-нибудь найдется?

— В заключении ничего не говорилось о медикаментах, — напомнила Хельва, — но всегда можно попросить Онро, чтобы он стащил все, что понадобится, из больничного синтезатора. Ведь он, в конце концов, майор медслужбы.

— Да, это очень кстати, — согласилась Теода и снова с головой ушла в свои пленки. — А зачем им понадобилось... ах да, все ясно! Ведь у них не было готовых соединений.

Хельва завороженно следила, как Теода смотрит фильм, то возвращаясь назад, то прокручивая пленку вперед, многократно перепроверяет, делая пометки, что-то бормоча про себя, и время от времени застывает в раздумье, уставясь в пространство невидящими глазами.

Когда Теода стала проделывать это в четвертый раз, Хельва категорически потребовала, чтобы она что-нибудь съела. Женщина рассеянно доедала жаркое, когда вернулся Онро, на руках он держал обмякшее тельце рыжеволосого мальчугана. На грубоватом лице медика застыло отсутствующее, почти оцепенелое выражение — он бесстрастно следил, как его сынишку бережно укладывают на койку. Хельва заметила у мальчика одну особенность, которая роднила его со всеми жертвами страшного вируса: глаза были полузакрыты, как будто веки до того отяжелели, что он не мог их поднять.

Опустившись рядом с койкой на колени, Теода повернула голову ребенка так, чтобы его глаза находились вровень с ее лицом.

— Дитя мое, я знаю, что ты меня слышишь. Мы будем работать с твоим телом, чтобы помочь тебе вспомнить, что оно умело делать. Скоро ты у нас опять будешь бегать и радоваться солнышку.

Потом без лишних слов, не обращая внимания на невнятные возражения отца, она положила мальчика прямо на пол, на живот, взяла его за руку и за ногу и знаком велела Онро последовать ее примеру.

— Мы переносимся в то время, когда ты был совсем маленький и впервые пытался ползать. Мы помогаем твоему телу ползти на животе, как будто ты змея.

Терпеливо, монотонным голосом, она повторяла слова внушения. Хельва отметила, что сеанс продлился пятнадцать минут. Они выждали час и повторили все сначала. Прошел еще час, и Теода так же терпеливо проговорила слова, которые должны были восстановить у ребенка навыки ходьбы: сначала вперед двигаются левая рука и правая нога, потом правая рука и левая нога. Еще час — и она повторила наставления по ходьбе. Потом они снова вернулись к ползанью и снова повторили дважды. В промежутках оба врача пытались вздремнуть. Хельва незаметно закрыла шлюз, переключила связь с центральной рубки на себя и оставалась глуха к настойчивым требованиям из больницы вызвать Теоду или Онро. Через двадцать четыре часа Теода слегка изменила схему внушения и добавила массаж и лечебную гимнастику, терпеливо придавая телу разные положения, работая над каждой мышцей — от пальцев рук до пальцев ног.

На исходе двадцать седьмого часа Онро, чьи силы были подорваны накопившейся усталостью, отчаянием и все растущей безнадежностью, забылся тяжелым сном, так что растолкать его больше не удалось. Теода, бледнея на глазах, продолжала сражаться в одиночку, повторяя каждое движение так же точно и старательно, как и в самом начале курса интенсивной терапии.

Хельва намеренно игнорировала собравшуюся внизу толпу, не обращая внимания на приглушенные требования, угрозы и уговоры.

— Теода, — тихо проговорила Хельва, когда к концу подходил тридцатый час, — ты заметила то, что заметила я? Шейные мышцы проявляют тенденцию к сжатию.

— Да. А ведь этот ребенок был так плох, что ему пришлось делать трахеотомию. Видишь шрам? — Теода показала на тонкий

шов. — И еще я вижу: когда мы начинаем сеанс, веки поднимаются чуть выше. Мальчик понимает, что мы хотим ему помочь. Смотри, глаза приоткрываются... чуть-чуть, но и этого достаточно. Я была права! Я знала, что не ошибаюсь!

— У тебя мало времени, — предупредила Хельва. — Здешние власти вызвали патрульное судно, через полчаса оно сядет рядом со мной. Мне придется открыть люк под угрозой повреждения корабля, так уж я запрограммирована.

Теода испуганно подняла глаза.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Взгляни на экран. — Хельва настроила изображение так, чтобы Теода могла увидеть толпу людей и скопление машин у подножия корабля. — Они становятся чересчур настойчивы.

— Но я ничего не знала.

— Тебе был нужен покой. И я сумела его обеспечить, — ответила Хельва. — Но если взглянуть на все со стороны, можно предположить, что майор медицинской службы, его сын и приглашенный медицинский советник содержатся в заключении у меня на борту. К тому же они подозревают, что мои недавние... словом, что я собираюсь удариться в бега.

— Разве ты им не сказала, что мы проводим сеансы терапии?

— Конечно, нет.

— Но почему...

— Пора начинать очередной сеанс. Сейчас дорога каждая минута.

— Сначала нужно покормить малыша.

Теода осторожно ввела концентрированный раствор в тонюсенькую вену и стала массировать бугорок, оставшийся на месте инъекции.

— Какой сладкий мальчик, правда, Хельва? — сказала она. — Даже по лицу видно.

— Наверняка жуткий озорник — с такими-то веснушками, — фыркнула Хельва.

— В душе они как раз и есть сладкие, — твердо возразила Теода.

Хельва заметила, как ресницы мальчугана упали на щеку, потом снова приподнялись. И решила, что права она, а не Теода. Это надо же придумать: рыжий, весь в веснушках — и сладкий!

Снова началось терпеливое, монотонное восстановление нарушенных связей. Внезапно Теода вздрогнула, услышав громкий стук. Он разбудил и медика, который уснул прямо на полу. Хельва, скосив один глаз на экран, ожидала удара. Онро поднялся и заговорил, еще не соображая, где находится:

— Что *происходит*?

Ответом ему последовал второй глухой удар.

— Да что там, черт возьми, стряслось? Кто это колотится, как полоумный?

— Половина планеты, — едко ответила Хельва, включая внешние аудио- и видеокамеры. Ей сразу пришлось убавить звук — в кабину ворвался оглушительный гвалт.

— Ну ладно, угомонитесь, — сказала она толпе, без усилия заглушая ее недовольный ропот.

— Х-834, требую разрешения войти! — выкрикнул кто-то у входа.

Она покорно включила лифт и открыла люк. Онро протопал к отверстию и, нагнувшись над ним, заорал:

— Какого черта вы тут беснуетесь? Убирайтесь все немедленно! Вы что, совсем забыли о приличиях? Что за тарарам? Имеет человек право хоть немного отоспаться? Единственное тихое место на всей вашей паршивой планете!

В это время с ним поравнялась кабина лифта, обнаружив внутри пилота патрульного корабля и нудного чиновника, сопровождавшего Теоду во время посещения больницы.

— Майор Онро, мы беспокоились за вас, особенно после того, как ваш сын исчез из своей постели.

— Послушайте, инспектор Кариф, вы, никак, решили, что госпожа Теода похитила меня вместе с сыном и держит в качестве заложников на борту спятившего корабля? Экий вы, однако, фантазер! Эй, что это ты задумал... ты, ты, парень, — крикнул он, заметив, что пилот потянулся к панели центрального пилона, за которой находилась оболочка Хельвы.

— Я выполняю приказ Ценкома.

— Включи-ка лучше экстренную связь и скажи своему Ценкому, чтобы он не совал свой длинный нос в чужие дела. Если бы не Хельва, не тишина и покой, которые она для нас создала и поддерживала, не знаю, что бы с нами стало.

Он тихонько вошел в каюту, где, распростертый на полу, лежал его сын. Над ним сосредоточенно колдовала Теода, проводя очередной — который уже по счету! — сеанс терапии Домана-Делакато.

— Не знаю, сколько несчастных нам удастся спасти таким способом, только я вижу: он помогает. И ты, парень, скажешь своему Ценкому, — после того как передашь ему от меня пожелание катиться к чертовой бабушке, — чтобы они дали Теоде полномочия мобилизовать всех до последнего человека на этой пла-

нете... если возникнет такая необходимость... чтобы привлечь их к ее программе реабилитации.

Он опустился на колени рядом с сыном.

— Ползи, малыш, ползи.

— Но ребенок может простудиться на холодном полу, — взвизгнул чиновник.

Какая-то женщина упрашивала Хельву спустить лифт, но та не обращала внимания: она видела, как лицо ребенка покрылось капельками пота. Но никаких движений не последовало... ни малейшего содрогания.

— Ну постарайся, сынок, — молил Онро.

— Твой разум помнит, что твое тело умело делать раньше. Правую руку вперед, левое колено вверх, — произнесла Теода с таким самообладанием, что в ее спокойном, ласковом голосе не отразилось даже намека на то напряжение, которое она должна была испытать.

Хельва увидела, как мышцы на шее мальчика стали судорожно подергиваться, но она знала, что наблюдатели ожидают гораздо более убедительного результата.

— Иди скорей ко мне, золотое мамино солнышко, — протянула она нежно и призывно.

Не успели пораженные наблюдатели пронзить ее укоризненными взглядами, как локоть мальчика скользнул на дюйм вперед, а левое колено, которое Теода сжимала пальцами, дернулось назад; горло его напряглось, и с губ сорвался тоненький всхлип. Онро издал радостный вопль и рывком прижал сына к груди.

— Теперь вы видите? Теода была права!

— Я видел, что ребенок сделал произвольное движение, — неохотно согласился Кариф. — Но это единичный, отдельно взятый пример... — Он красноречиво развел руками, показывая, что остается при своем мнении.

— Достаточно и одного. На других у нас просто не было времени, — отрезал Онро. — Нужно рассказать людям, которые собирались внизу. Они станут нашими помощниками.

Он вынес сына в шлюз и стал громко кричать толпе о том, что произошло. В ответ зазвучали радостные возгласы и аплодисменты. Маленькая кучка людей, толпившаяся у входа, выразительно показывала на женщину, которая давно просила, чтобы ее впустили.

— Я вас отсюда не слышу, — крикнул Онро: слишком много народа кричало, перебивая друг друга, и все они явно старались сообщить что-то одно, очень важное.

Хельва спустила лифт, и женщина вошла в кабину. Еще не поднявшись до половины, она стала радостно выкрикивать свою новость:

— Мы в детском отделении стали проводить терапию, которую показала нам Теода. Уже сейчас заметны признаки улучшения. Хотя и не очень явные. Мы хотели бы узнать, что мы делаем не так. Но четверо младенцев уже могут кричать! — выпалила она и, выйдя из кабины, бросилась к Теоде, которая стояла, устало прислонившись к дверному косяку. — Никогда не думала, что это такое счастье — слышать, как ребенок снова кричит. Одни кричат, другие кряхтят, а одна девчушка даже махнула ручкой, когда ее пеленали. Мы делали все, как вы нам сказали!

Теода с торжеством взглянула на Карифа, который пожал плечами и кивнул в знак того, что ему не остается ничего другого, как признать ее правоту.

— Послушайте, Кариф, — бросил Онро, войдя в лифт и все еще прижимая сына к груди, — вот что нам предстоит сделать, я имею в виду организацию. Мы не станем отрывать всех жителей вашей планеты от их чрезвычайно важных дел. Можно вызвать с Авалона Молодежный корпус. Это занятие как раз для них.

— Спасибо вам за то, что поверили мне, — сказала медсестре Теода.

— Один из малышей — мой племянник, — прошептала женщина, смахивая с глаз слезы. — Он единственный уцелевший из всего города.

Лифт вернулся, и в него вошли пилот с медсестрой. Теода принялась собирать свои вещи.

— Это было самое легкое. Теперь будет все труднее и труднее — ободрять, наставлять и ни на миг не терять терпения. Даже сынишке Онро предстоит пройти долгий курс лечения, прежде чем он снова станет таким, каким был до болезни.

— Но теперь есть надежда.

— Пока живешь, всегда надеешься.

— Это случилось с твоим сыном? — спросила Хельва.

— С сыном, с дочерью, с мужем — со всей семьей. Только меня болезнь не тронула. — Лицо Теоды сморщилось. — И я, несмотря на все мои познания, несмотря на годы практики, не сумела их спасти.

Теода закрыла глаза, словно перед ней снова встала пережитая трагедия. Хельва задохнулась, и свет перед ней померк: в словах Теоды эхом прозвучал тот же бессильный упрек, которым она постоянно терзала себя. В памяти снова всплыла обжигающая

душу картина: взгляд Дженнана, обращенный к ней перед смертью.

— Не знаю, как человек способен все пережить, — устало проговорила Теода. — Наверное, это инстинкт самосохранения заставляет нас не сдаваться, помогает сохранить рассудок и не потерять себя, прибегая для этого к переоценке ценностей. Помню, мне тогда казалось: если я добьюсь такого профессионального совершенства, что мне больше никогда не придется беспомощно наблюдать, как из-за неумелости умирают любимые люди, то неведение, которое погубило мою семью, обретет прощение.

— Но разве ты могла остановить космическую эпидемию? — спросила Хельва.

— Знаю, что не могла, и все равно не могу себе простить.

Хельва мысленно перебирала слова Теоды, и смысл их, как обезболивающий бальзам, изливался ей в душу.

— Спасибо тебе, Теода, — помолчав, сказала она и снова взглянула на женщину. — О чем ты плачешь? — Она с удивлением увидела, что Теода сидит на краешке койки, и по лицу ее безудержно струятся слезы.

— О тебе. Ведь ты сама не можешь, правда? Ты потеряла своего Дженнана, а они даже не позволили тебе передохнуть. Сразу дали приказ доставить меня сюда и...

Хельва глядела на Теоду, и ее разрывали противоречивые чувства: недоверие — неужели кто-то еще может понять ее тоску по Дженнану? Удивление — в час своего триумфа Теода думает о страданиях Хельвы... Она чувствовала, как тугой узел боли мало-помалу ослабевает, и вдруг ошеломленно поняла: ее, Хельву, кто-то жалеет.

— Эй, Хельва, проснись, ради бога, — донесся снизу голос Онро, и она поспешила спустить лифт.

— По какому поводу слезы? Можете не отвечать, — загрохотал он, врываясь в каюту и забирая вещевой мешок из обмякших рук Теоды. Потом ринулся на камбуз. — Не сомневаюсь, что у вас есть причина, только знайте: вся планета ожидает ваших указаний... — Он собрал все банки с кофе, которые ему удалось отыскать, и затолкал в мешок, а те, что не поместились, принялся рассовывать по карманам. — Обещаю, что дам вам сколько угодно времени, чтобы выплакаться, но только после того, как вы подробно объясните мне режим терапии. — Он сгреб оставшиеся банки в охапку. — И тогда я предоставлю вам свою жилетку.

— Моя тоже в ее распоряжении, в любое время дня и ночи, — не совсем уверенно вставила Хельва.

— Ты понимаешь, что говоришь? — насмешливо спросил майор. — Разве у тебя есть жилетка?

— Она все прекрасно понимает. — решительно возразила Теода, но Онро уже тащил ее по направлению к шлюзу.

— Скорее, Теода, нас ждут.

— Спасибо тебе, дорогая, — пробормотала Теода, оборачиваясь к Хельве. Потом стремительно отвернулась и позволила Онро *затолкать себя в кабину.*

— Нет, Теода, это я должна тебя благодарить, — сказала Хельва ей вслед. — Мне так недоставало слез, — тихо добавила она про себя.

Машина стремительно понеслась по направлению к больнице. Хельва видела, как Теода помахала ей рукой. Она знала: Теода поняла все то, что осталось невысказанным. Пыль, поднятая экипажем, еще не успела осесть, а Хельва уже отправила на Регул сообщение: «Задание выполнено. Возвращаюсь на базу».

Потом, как феникс, восставший из горького пепла сточасовой скорби, Хельва взвилась на ослепительном хвосте топливных газов и устремилась вперед — навстречу звездам и исцелению.

Глава 3

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ УБИВАЛ

Каждый мельчайший синапс заключенного в капсулу тела Хельвы вибрировал от негодования: ну почему Центральные Миры снова позволяют себе такое самоуправство!

— И это у них называется срочно, — в бессильной ярости проворчала она, обращаясь к своей говарке 822 по внутреннему межсудовому каналу, который не мог прослушивать даже Ценком.

Но Селл-Ильза только хмыкнула, и в голосе ее не прозвучало ни тени сочувствия.

— Мне вообще непонятно, о чем думает ваша Диспетчерская служба. Я столько недель проторчала на старте, дожидаясь, пока они решат, какой планете требуется самая неотложная помощь. А когда мы добрались до места, там уже творилось такое, что мы не знали, за что хвататься.

— Ты думаешь, у Медслужбы не бывает проволочек? — огрызнулась Хельва. — Как-то мы с Дженнаном... — и растерянно замолчала: вот она и смогла произнести его имя...

Воспользовавшись этой краткой паузой, Ильза снова принялась бубнить свое, не замечая ошеломленного молчания Хельвы.

— А вспомни, как нас учили! Когда я думаю, сколько мне уже встречалось ситуаций, о которых нам не удосужились даже намекнуть... Только и знали, что долбить теорию, методику да устав. И ничего по-настоящему полезного. Знай переливали из пустого в порожнее. Им нужны не мозговые корабли, а компьютеры! — все больше заводилась 822. — Тупые, безмозглые, бесчувственные компьютеры!

Хельва заметила в обличениях Ильзы некоторую непоследовательность, но предпочла промолчать. Они были одноклассницами, и Хельве по прошлому опыту были известны некоторые слабые места ее товарищей.

— Я слышала, — доверительно произнесла 822, — что твое задание имеет какое-то отношение к той голубой панельной пристройке, которая примыкает к больничному корпусу.

Хельва настроила камеру на правом крыле, но в длинном унылом здании не было никаких внешних признаков, по которым можно было бы предположить, что делается у него внутри.

— А ты случайно не слышала, когда я должна отправляться? — с надеждой спросила она.

— Пока больше ничего сказать не могу — Селд возвращается. Как-нибудь увидимся!

Хельва наблюдала, как напарник 822 поднялся в воздушный шлюз, и скоро СИ-822 покинула базу Регул. Однажды Селд был у них с Дженнаном, когда оба корабля застряли на Левите-4. Она помнила, что у Селда оказался неплохой бас. Хельва ощутила мимолетный укол зависти к подруге и поскорее переключила камеры на загадочную больничную пристройку. Она терзалась любопытством: что за срочное задание ожидает ее на этот раз? Неужели ей всю жизнь суждено носить половинный буквенный индекс — Х?

На этот раз Хельва совершила посадку на самом краю огромного поля базы Регул, как можно дальше от кладбища. Несмотря на то что она уже смирилась с потерей Дженнана, несмотря на живительные слезы Теоды, находиться рядом с могилой возлюбленного значило бы сыпать соль на едва начавшую рубцеваться рану. Может быть, через век-другой... И вообще ожидание на Регуле было для нее тягостным. Теперь, когда рядом больше нет 822, она даже не может отвлечься, пожаловавшись подруге на затянувшееся ожидание, которому ее здесь подвергают.

— КХ-834, твоя напарница сейчас прибудет. Пленка с заданием при ней, — прервал ее раздумья голос Ценкома.

Хельва почувствовала, как от этой новости ее начинает охватывать волнение. Что ж, пожалуй, это уже некоторое облегчение — наконец-то к ней обратились, используя полный буквенный индекс. Нахлынувшая радость заглушила укол сожаления при вести о том, что ее новое «тело» оказалось женщиной. И еще большее облегчение она ощутила, осознав, что снова способна на какие-то чувства после тупого оцепенения, овладевшего ею после смерти Дженнана. Пережитое на Аннигоне помогло ей сбросить апатию.

Со стороны огромного комплекса, где размещались диспетчерские службы и казармы, стремительно приближался наземный экипаж. Скоро он притормозил у ее основания и остановился. Не дожидаясь просьбы, Хельва спустила лифт и стала наблюдать, как маленькая фигурка поднимает на площадку багаж — три предмета.

«Похоже, «К» собирается задержаться», — решила Хельва. Лифт поплыл вверх, и через несколько мгновений новая напарница появилась в отверстии шлюза, четким силуэтом выделяясь на фоне сияющего небосвода.

— Кира с Канопуса просит разрешения войти на борт Х-834, — отрапортовала молодая женщина, четко салютуя в ту сторону, где за своей титановой броней скрывалась Хельва.

— Разрешение дано. Добро пожаловать на борт, Кира с Канопуса.

Девушка бесцеремонным пинком втолкнула матерчатый мешок в рубку. Два остальных предмета она осторожно перенесла в пилотскую каюту. У одного из них была странная форма, но после недолгого раздумья Хельва узнала в нем старинный струнный инструмент, называемый гитарой.

«Вполне в их духе — прислать мне напарницу, которая разбирается в музыке», — подумала Хельва, вовсе не уверенная, что ей по праву такое посягательство на самые заветные воспоминания, связанные с Дженнаном. Но она безжалостно отбросила эту мысль как недостойную, напомнив себе, что большинство персонала спасательной службы разбирается в музыке — безграничные возможности искусства помогают приятно коротать время в долгих полетах.

Кира раскрыла второй пакет, и Хельва, незаметно заглянув внутрь, увидела, что он битком набит ампулами и прочей медицинской утварью. Пробежав быстрыми пальцами по содержимо-

му коробки, Кира закрыла крышку и бережно пристегнула контейнер к полке рядом с койкой, чтобы уберечь от опасностей, связанных с ускорением.

И внешностью, и повадками, не говоря уже о поле, Кира оказалась полной противоположностью Дженнану. Поскольку Хельва была настроена подозрительно, она невольно задала себе вопрос: не кроется ли за этим тонкий расчет? Но тогда придется признать, что Ценкому со всеми его компьютерами присуща большая чуткость, чем она привыкла считать.

Кира с Канопуса весила никак не больше сорока кило, и это в полном обмундировании. Ее узкое личико с выдающимися скулами было тонким и нежным и плохо сочеталось с грубоватым прозвищем «тело», которым именовали пилотов «мозговых» кораблей. Темно-каштановые волосы, туго заплетенные во множество косичек, венчали удлиненную головку затейливой короной. Широко расставленные миндалевидные глаза в ореоле густых ресниц отливали чистой прохладной зеленью. Тонкие чуткие пальцы были столь же изящны, как и маленькие узкие ступни, сохранявшие странную грацию даже в тяжелых форменных сапогах.

Девушка вернулась в рубку. Хельве, привыкшей к замедленным движениям Теоды, пришлось срочно перестроиться.

Вот Кира вставила в углубление на приборной доске кассету с полетным заданием. Пошла запись, и у Хельвы вырвался возглас изумления:

— Триста тысяч младенцев?

Кирин смех прозвучал, как веселый перезвон бубенчиков.

— Да, теперь ты, *ни дать ни взять, межпланетный аист*!

— Так ты мой временный партнер? — спросила Хельва, стараясь не выдать своего разочарования. Было в Кире что-то притягательное, что-то подкупающее с первого взгляда.

Девушка натянуто улыбнулась.

— Да, только кто знает, сколько времени уйдет на выполнение задания, ведь пока в нашем распоряжении всего тридцать тысяч. Даже в наш век дети быстро не делаются.

— Но я совсем не приспособлена... — начала Хельва. Ее приводила в ужас перспектива превратиться в летающие ясли. Она замолчала — пошли подробные объяснения состояния предполагаемого груза. — Что — младенцы в лентах?!

Услышав ошеломленную реакцию Хельвы, Кира, которая уже получила инструкции о предстоящем задании, звонко расхохоталась.

Разъяснения бесстрастно шли своим чередом, и постепенно

Хельва поняла, зачем в ее не слишком просторных грузовых отсеках разместили километры пластиковых трубок и баки с какой-то жидкостью.

В звездной системе Неккар неожиданный всплеск радиации привел к тому, что все население недавно колонизованной планеты стало бесплодным. А в результате случайной аварии в системе энергоснабжения полностью погиб эмбриобанк. Целью полета КХ-834 была доставка на Неккар эмбрионов с тех планет, которые откликнулись на призыв о помощи.

В самые первые дни развития космонавтики, когда нога человека еще не ступила ни на Марс, ни на спутники Юпитера, генетика достигла колоссальных успехов. Человеческий зародыш на ранней стадии развития научились пересаживать из одной матки в другую, и приемная мать, не будучи родственницей младенца, вынашивала его и производила на свет. Второй важнейший шаг вперед в распространении человеческого рода был сделан, когда мужскую сперму удалось в лабораторных условиях соединить с женской яйцеклеткой. Оплодотворение прошло успешно, и ребенок нормально развивался и рос.

Впоследствии для тех, чья профессия была связана с постоянным риском, а также для носителей особо желательных, доминирующих показателей умственного или физического совершенства стало правилом сдавать сперму и яйцеклетки в учреждение, которое получило название Банк Сохранения Человечества.

По мере того как цивилизация расширяла свои границы, охватывая все новые миры, суровые и опасные, у молодых мужчин и женщин, достигших зрелости, вошло в привычку оставлять свое семя в БСЧ. Это диктовалось здравым смыслом — всегда можно было иметь в своем распоряжении собрание жизнеспособных зародышей, классифицированных по генетическим признакам. Тогда, если, к примеру, возникнет недостаток в воспроизводстве какой-либо конкретной этнической группы, можно будет поставить необходимое количество дополнительных эмбрионов, дабы восстановить экологическое равновесие.

Что касается решения личных проблем, то безвременно овдовевшая молодая женщина получала возможность выносить ребенка от своего покойного мужа, воспользовавшись его семенем, хранящимся в БСЧ. Любой человек, желающий, чтобы его наследник обладал выраженными генетическими признаками, которые помогут ему прославить фамильное имя или дело, тоже мог обратиться в банк. Не обходилось, конечно, и без курьезов: некоторые женщины, ставшие жертвами истерического обожа-

ния какой-нибудь знаменитости — покорителя космоса или модного актера, — кидались в БСЧ, стремясь заполучить его семя, и, если мужчина не возражал, удовлетворяли свою прихоть. Но естественное зачатие все же оставалось скорее правилом, чем исключением. И сама Хельва появилась на свет в результате естественного соития своих родителей.

В основном БСЧ выполнял для Центральных Миров функцию хранилища на случай таких катастроф, какая недавно постигла Неккар, — когда население теряло способность к самовоспроизводству. Главное отделение БСЧ на Земле получило запрос: изыскать и доставить триста тысяч оплодотворенных яйцеклеток, по генотипу сходных с неккарийскими. На тот момент БСЧ смог предоставить только тридцать тысяч, поэтому он отправил во все крупнейшие филиалы, расположенные на входящих в Центральные Миры планетах, просьбы о содействии. А КХ-834 предстояло собрать эти вклады и переправить на Неккар.

Запись заканчивалась беззвучным стоп-сигналом, предназначенным только Хельве. Она и без того недоумевала: получив исчерпывающую информацию о полете, она так ничего и не узнала о своей новой напарнице. Пусть Кира лишь временная замена, но полет обещает быть довольно длительным. Не мешало бы все-таки знать хотя бы самое основное о партнерс, чтобы их сотрудничество сложилось успешно. Хельва покорно остановила пленку, предварительно записав остаток себе в память, чтобы прослушать на досуге. Похоже, в этом задании ее ожидает немало сюрпризов. Поистине, пути Центральных Миров неисповедимы, когда они преследуют свои цели.

— Ну и ну! — воскликнула Хельва, нарушив краткое молчание, которое повисло в рубке после того, как отзвучало полетное задание. — Никак не ожидала, что мне в моем нежном возрасте доведется испытать радости материнства! Теперь я вижу, что недооценивала те требования, которые Миры предъявляют к своим любимым детишам.

Ее попытка невинно пошутить вызвала у Киры такую бурную реакцию, что Хельва призадумалась: звезды небесные, ну и напарника ей навязали!

— Прежде чем приступить к выполнению задания, послушай-ка сначала еще одну пленку, — помертвевшим голосом произнесла девушка, разом утратив всю свою жизнерадостность.

Она резко ударила по клавише памяти, отправляя полетное задание в корабельный архив, и поставила на место вторую кассету. Потом крутанула рукоятку аудиовоспроизведения и равно-

душно застыла в кресле, как будто подробности собственной биографии ее нисколько не касались.

Кира Фалернова-Мирски с Канопуса прошла всю пилотскую подготовку, за исключением последнего года. Происходит из семьи, на протяжении десяти поколений самыми теснымн узами связанной с Космической службой. Немало ее блестящих представителей доблестно трудились в разных подразделениях Центральных Миров. После замужества взяла академический отпуск, который продлился два года. Незадолго до истечения этого срока ее муж погиб. Последовала длительная госпитализация и лечение. В это время, говорилось в записи, Кира по собственному желанию получила медицинское образование, но в школу пилотов так и не вернулась. Сейчас она пошла навстречу просьбе высокого руководства, потому что ее подготовка полностью отвечает потребностям данного полета.

Дальше шел закодированный перечень личных показателей — эмоциональных, психологических и интеллектуальных, — которые Хельва немедленно расшифровала. Из него следовало, что Кира Мирски с Канопуса могла бы стать первоклассной телесной половиной мозгового корабля, приложи она для этого хотя бы половину старания. Запись неожиданно оборвалась, оставив у Хельвы отчетливое ощущение, что сказано далеко не все. Сведения, опущенные в конце полетного задания, заявляли о себе гораздо громче, чем все банальные оценки и выводы, содержащиеся в этой пленке. Центральные Миры отличались редким умением «наводить тень на плетень», наверняка и столь явное умолчание — их очередная штучка.

И Кира это, конечно, почувствовала. Чертов биограф! — он оставил слишком много белых пятен, и это не могло сойти незаметно для человека, прошедшего почти полный курс подготовки. Хельва сгорала от любопытства: ей не терпелось узнать, что же скрывается за стоп-сигналом. А пока ситуация складывалась весьма неловко — ее напарница ушла в свою раковину, терзаясь невысказанными подозрениями. Да, Центральные Миры сделали все, что могли, чтобы испортить их первый, самый важный контакт.

Неожиданно Хельва громко и пренебрежительно фыркнула и с облегчением увидела, что Кира удивленно взглянула в ее сторону.

— Не понимаю, чем они думали? — презрительно изрекла Хельва. — Разве это можно назвать биографией? Они упустили половину сведений. — Она снова фыркнула. — Надеюсь, мы пре-

красно поладим, несмотря на то что они забыли половину обычной ерунды. К тому же наше сотрудничество носит временный характер.

Кира ничего не ответила, но ее хрупкая фигурка расслабилась, как будто приговор, который она так боялась услышать, в последний момент отменили. Она с трудом проглотила комок в горле и нервно облизнула пересохшие губы, все еще не уверенная в том, что ее ожидает, — девушка явно настроилась на что-то гораздо худшее.

— Ну что ж, давай загружаться — мне не терпится стать летающей колыбелью.

Кира встала, в ее движениях ощущалась скованность, но ей уже удалось улыбнуться.

— С удовольствием. Оборудование уже завезли?

– Целые ярды кружев и велосипед — один на двоих, — бодро ответила Хельва словами из старинной детской песенки. Она решила во что бы то ни стало разрядить обстановку.

Кира снова улыбнулась, уже более непринужденно, движения ее обрели прежнюю легкость и плавность.

— Очень похоже...

— Хотя я никогда не видела велосипеда, тем более на двоих...

— А малиновую корову? — по-девчоночьи хихикнула Кира.

– Малиновая корова, дорогая моя половина, — как раз то определение, которое отлично подходит к нашему нынешнему занятию, — ответила Хельва, словно и не замечая, что смех девушки звучит чуть надтреснуто. — Только не говори мне, что в грузовых отсеках, которыми заботливо снабдили меня Центральные Миры, найдется место для трехсот тысяч механических гитек.

— Все не так страшно, — успокоила ее Кира. — Для начала мы примем на борт только первые сто тысяч, которые успели заказать к тому времени, когда записывалась эта пленка. Мы стартуем с Регула и двинемся в сторону Неккара, по пути собирая все то, что нам приготовили. Зародыши нужно доставить в четырехнедельный срок, когда их необходимо имплантировать, иначе будет поздно. А потом начнем все сначала — и так, пока не наберется нужное количество.

Это Хельва и сама знала из задания.

— Триста тысяч — не так уже много для планеты с миллионным населением, которое к тому же должно расти.

— КХ-834, дорогуша, — сладчайшим голоском пропела Кира, — тебе ли не знать, что словечко «временный», особенно когда его использует наша обожаемая служба, имеет тенденцию

растягиваться до бесконечности. К тому же еще одна команда, которую сопровождают беспилотные транспортные корабли, занимается тем, что собирает детей-сирот по разным захолустным планетам, чтобы обеспечить нужный возрастной состав. Но дети, которые уже родились, — это не наша забота.

— И слава богу! — буркнула Хельва. У нее нет ни места, чтобы перевозить подвижных живых существ, ни, тем более, желания — слишком мало времени минуло со дня равельской трагедии.

Улыбнувшись Хельве, Кира связалась с отделением больницы, чтобы объявить о готовности принять груз на борт.

— Включи, пожалуйста, систему подачи, — попросила она Хельву, которая как раз этим и занималась.

Километры пластиковых трубок, которые скоро заполнятся крошечными мешочками с оплодотворенными яйцеклетками, должны постоянно содержать питательную и амнионную жидкости, необходимые для роста зародышей.

Длинные ленты, состоящие из крошечных кармашков, в каждом из которых был заключен микроскопический живой организм, готовили к предстоящему путешествию с заботой и тщанием, сравнимыми разве что с подготовкой сложнейшей хирургической операции для главы планеты. Ведь нужно было присоединить каждый ее сегмент к системе подачи питательной жидкости и к выпускному клапану для удаления отходов, а потом проверить каждый метр ленты — надежен ли контакт. Лента и жидкость, в которую она будет погружена, а также трубка-оболочка защитят зародышей от всех невзгод космического полета даже надежнее, чем если бы они предприняли это путешествие в материнском чреве. И если КХ-834 достигнет Неккара в четырехнедельный срок, все тридцать тысяч эмбрионов благополучно доживут до рождения.

Скоро Хельва убедилась, что Кира выполняет свои обязанности вполне квалифицированно, но как-то без души. Может быть, Центральные Миры рассчитывали, что материнский инстинкт станет дополнительной гарантией успешного выполнения задания. И Хельва, внутренне потешаясь над собой, обнаружила, что у нее, капсульника с недоразвитым гипофизом, эта цель вызывает благородный трепет. Кира же, столь молодая, что ей еще напарника предстоит пережить все радости материнства, оставалась совершенно равнодушной. Хотя, разумеется, то теплое чувство, которое Хельва ощущала по отношению к крошечным путешественникам, было чисто капсульной реакцией. Ведь, в конце концов, они, как и сама она, находились в заключении. Вся разница

в том, что они в один прекрасный день выйдут из своей лабораторной скорлупы, она же об этом не могла мечтать, да и не хотела. И все же она чувствовала, как в душе у нее растет желание их опекать, какого она никогда не ощущала к своим взрослым спутникам. Почему же Киру эта ситуация ничуть не затронула? — терялась в догадках Хельва.

Она старалась понять, разгадать причину Кириной холодности — и не могла. Наконец сотрудники технической службы, ведавшие размещением драгоценного груза, удалились, и Хельва занялась подготовкой к взлету.

Какое все же облегчение, когда на борту человек, который может сам позаботиться о себе. Нельзя сказать, чтобы Теода психологически обременяла Хельву, но Кира отлично знала все процедуры, и Хельве не приходилось отвлекаться, чтобы следить за ней. Она выполнила взлет при минимальной тяге, но не потому, что эмбрионы, защищенные тройной оболочкой, могли пострадать, включи она всю мощность, — просто Хельва предпочитала не делать ничего лишнего: у них была масса времени, чтобы добраться до Неккара, лежавшего в секторе Бетез.

Первая планета, которую им предстояло посетить, звалась Талита — там их ожидали сорок тысяч будущих граждан Неккара. После взлета Кира дотошно проверила все системы питания, сравнила свои выводы с данными на дистанционном мониторе Хельвы и доложила Ценкому, что они покинули Регул и направляются к Талите.

Покончив с формальностями, Кира уселась в пилотское кресло и стала медленно поворачиваться на шарнирах из стороны в сторону. В глубоком мягком кресле, где совсем утонула ее миниатюрная фигура, она казалась слишком юной и хрупкой для возложенной на нее ответственности.

— Наши кладовые просто ломятся, — заметила Хельва.

Кира лениво потянулась и повела плечами, разминая затекшие мышцы. Потом резко тряхнула головой, от чего по кабине разлетелся дождь заколок, а косички, выбившись из прически, рассыпались по спине. Хельва изумленно наблюдала. Обычно женщины-космонавты носили волосы до плеч. А у Киры концы косичек свесились почти до пола. Вместе со строгой прической она сразу утратила все подобие взрослости. Похожая на какое-то древнее фантастическое существо, девушка поднялась с пилотского кресла и направилась в сторону камбуза.

— А не найдется ли у тебя по какой-нибудь счастливой случайности напитка, именуемого кофе? — жалобно протянула она.

Хельва вспомнила Онро и усмехнулась про себя — похоже, это профессиональная привычка медиков.

— У меня его втрое больше, чем предусматривает обычная судовая опись, — заверила она девушку.

— Правда? — Кира закатила глаза, демонстрируя преувеличенный восторг. — Понимаешь, корабль, на котором я летела сюда, был допотопной посудиной с Дракона, и, представь себе, у него на борту не было ни капли кофе. Я чуть не погибла!

Кира распахнула нужный шкафчик, сорвала герметическую крышку и с наслаждением вдохнула аромат, поднявшийся от закипающей жидкости. Щурясь от горячего пара, она сделала первый глоток и с выражением огромного облегчения прислонилась к стенке.

— Мы с тобой отлично поладим, Хельва. Я в этом просто уверена.

Хельва уловила в звенящем голоске отзвук усталости. Неужели она обречена на пассажиров, находящихся на последней стадии изнеможения? Или дело в ней самой — ну почему, попадая к ней на борт, все сразу впадают в сон? Правда, для летающих яслей это как раз большое преимущество, кисло подумала она.

— У тебя был отличный день, Кира. Почему бы тебе не отдохнуть? Я-то в любом случае не ложусь.

Кира фыркнула: ей было отлично известно, что мозговые корабли никогда не спят. Она кинула взгляд в сторону грузовых отсеков.

— Буду держать ушки на макушке, — пообещала Хельва.

— Сейчас допью кофе и чуточку взбодрюсь, — согласилась Кира. Остановившись на пороге каюты, она обернулась в сторону Хельвы и вздернула подбородок, ее зеленые глаза озорно блеснули. — Признайся, Хельва, ты не подглядываешь? — строго осведомилась она, для пущей выразительности поджав губы.

— Смею вас заверить, пилот, — с превеликим достоинством отвечала Хельва, — что я прекрасно воспитанный корабль.

— Значит, я могу надеяться, что вы всегда будете вести себя безупречно, как и приличествует персоне вашего ранга и звания, — заметила Кира с такой надменностью, будто в ее родословной было не меньше дюжины принцев крови. Высоко подняв голову, девушка гордо прошествовала в каюту, но наступила на одну из свисающих косичек и чуть не шлепнулась. Хельве отчаянно хотелось взглянуть на выражение ее лица.

— Не вздумай подглядывать! — давясь от смеха, взвизгнула Кира. Но насчет подслушивания уговора не было, и Хельва услы-

шала, как девушка приглушенно хихикает. Прошло несколько минут, и в каюте воцарилась тишина, нарушаемая ровным дыханием спящей.

Хельва извлекла из памяти конец ленты, следовавший за стоп-сигналом. Полученная информация оказалась краткой и загадочной:

«Пилот Мирски — практикующий диланист. Приняв данное предложение Центральных Миров, не отказалась от своей деятельности. Соответственно, ей не разрешено посещение планет: Рас Алготи, Рас Алхейг и Сабек, поскольку се занятие является нарушением межпланетных законов, запрещающих оказывать давление на правительственные группировки, грозит создать нежелательные осложнения для Центральных Миров. Вышеупомянутому пилоту и его кораблю запрещается, и повторяю, — запрещается приближаться к планетам систем Багам и Гоман в секторе Пегас, а также к планетам систем Бейд и Кейд в секторе Эридан».

Казалось бы, сказано яснее ясного, но что за причины скрываются за этими запретами, оставалось для Хельвы полнейшей загадкой. Выходит, Кира — практикующий диланист, что бы это ни значило. Слово звучало странно знакомо, и гитара, с которой девушка так заботливо обращалась, подсказывала, что оно имеет какое-то отношение к музыке. Ладно, решила Хельва, надо будет при случае завести разговор на эту тему.

Шестидневный путь до Талиты скрашивался постоянными переменами Кириного настроения и поведения — только что она была сорванцом и вот уже королева. Хельва не имела ничего против: это казалось ей приятным разнообразием после флегматичности Теоды и не давало сосредоточиться на горестных воспоминаниях о Дженнане. Она никогда не могла предугадать, что выкинет Кира в следующую минуту. Но когда дело доходило до проверки их крошечных пассажиров, девушка проявляла профессиональную сноровку и нудную въедливость.

Дубхе, вторая планета на их пути, вышла на связь, подтверждая готовность сорока тысяч оплодотворенных яйцеклеток. Кира проверила подсчеты БСЧ на Дубхе и одновременно с Хельвой получила ту же цифру. Она могла сколько угодно ребячиться, но ум ее работал четко и безошибочно.

Прием груза на Талите прошел без нежелательных осложнений — Кирина дотошность к мелочам помогла предотвратить большую неприятность. Один из помощников, спешивший поскорее покончить со своими обязанностями, наступил на шланг, ведущий к заполонявшим грузовой отсек бакам.

Кира обрушилась на него с гневной тирадой, в которой красноречиво описывались его предки до седьмого колена, его личные качества, его ближайшее будущее, а возможно, и преждевременная кончина, если он вздумает еще раз выкинуть что-нибудь подобное. Она повторила свой монолог на трех известных Хельве языках, кроме бейсика, и еще нескольких, которые звучали куда более устрашающе. Однако, исчерпав свой гнев, она мгновенно остыла и спокойно извинилась перед начальником группы.

Когда они покинули Талиту, Кира, избавившись от заколок, удерживавших ее прическу, облегченно вздохнула и устроилась поудобнее в пилотском кресле.

— Мне удалось разобрать только три характеристики, которыми ты его наградила, прочие остались для меня загадкой.

— Я уже давно обнаружила, что добрый старый русский, щедро приправленный нововенгерским, производит весьма грозное впечатление, — ответила девушка. — А вообще-то я просто излагала рецепт белкового блюда под названием паприкаш. А ведь никогда не подумаешь, правда? — Широко раскрыв зеленые глаза, она задорно улыбнулась Хельве.

— Да, впечатление производит отменное — тот верзила побелел, как полотно.

— Торн... — Кира замолкла и стиснула зубы, на один мимолетный миг лицо ее исказила судорога острой боли. — Пожалуй, — еле слышно прошелестела она, — я и правда проговорилась. — Голос ее звучал вяло и безжизненно. И вдруг глаза распахнулись, лицо обрело прежнюю подвижность. — Приготовлю-ка я себе паприкаш! Я, знаешь ли, до того разозлилась, что даже вспомнила точный рецепт. — Она закружилась по рубке. — Мне дала его одна старая цыганка. — Она погрозила Хельве пальцем. — Только, чур, не подглядывать! Это фамильный секрет.

Поднявшись на цыпочки, она сделала несколько пируэтов в сторону камбуза и, запыхавшись, прислонилась к стенке, беззаботно хохоча.

— Скажи, правда, божественный запах? — спросила она через некоторое время, поднеся тарелку к самой панели, за которой скрывалась Хельва. — Сюда бы еще лапши и свежего хрустящего хлеба! — Набив полный рот, она застонала от удовольствия. — Просто объеденье! Я еще не утратила прежних навыков. — Прижав пальцы к губам, Кира изобразила воздушный поцелуй, переживая изысканное наслаждение завзятого гурмана. — Восторг и упоение! — Поджав под себя ноги, она по-домашнему располо-

жилась в просторном кресле и стала жадно есть, то и дело облизывая пальцы.

— Ты заставляешь меня пожалеть, что мне всю жизнь приходится довольствоваться питательной жидкостью, — заметила Хельва. — В первый раз встречаю человека, который получал бы столько удовольствия от такого незатейливого процесса, как еда. А ведь ты явно не страдаешь избытком калорий.

Кира небрежно дернула плечиком.

— Отличный метаболизм. И с годами ничуть не меняется. Такая уж я уродилась! — И снова в ее беззаботном голоске прозвенела скрытая горечь.

Хельва начинала подозревать, что за этими внезапными сменами настроения кроется не столько природная взбалмошность, сколько тщательно выстроенная защита смертельно раненной души, которая всеми силами старается унять боль, избегая любых напоминаний о ней.

Хельва помнила, как осторожно была упрятана в кладовку гитара. Кира ни разу даже намеком не обнаружила ее присутствия. Может быть, она просто щадит Хельву, не желая напоминать ей о недавней трагедии? Ведь Кира наверняка знает о гибели Дженнана и о тех легендах, которые уже начали слагаться вокруг 834. Или у нее есть свои причины не вспоминать о гитаре?

Наконец девушка насытилась. Пустая тарелка стояла у нее на колене. Лицо приобрело отрешенное выражение, глаза пусто глядели в одну точку.

Ею все больше овладевали равнодушие и тоска, и Хельва поняла, что нужно поскорее вывести Киру из этого состояния. Видимо, несмотря на внешне беспечную болтовню, девушка слишком глубоко ушла в свои переживания, чтобы справиться самой.

Не дав себе времени осознанно выбрать что-нибудь подходящее из своего богатого музыкального репертуара, Хельва стала тихо напевать старинную песню:

Муза в ночи
Грусть-тоску на время облетит,
Ну скажи, что печали твои утолит?

— Что печали мои утолит? — злобно прошипела Кира и, вытаращив зеленые глаза, с ненавистью уставилась на титановый пилон. — Ты хочешь знать, что утолит мои печали? — Неуловимым движением она, как отпущенная пружина, взвилась с места. От ярости она даже стала казаться выше ростом, и неожиданная сила, обнаружившаяся в этом миниатюрном теле, испугала Хельву. — Смерть! — Слышишь — только СМЕРТЬ! — Она повернула

руки ладонями вверх, и Хельва увидела тонкие белые шрамы на месте перерезанных вен. — А ты! — Кира уронила руки. — Ведь у тебя была возможность умереть. И никто не смог бы тебя остановить. Так почему же ты этого не сделала? Что заставило тебя жить после того, как ОН умер? — с ядовитым презрением выкрикнула девушка.

Хельва судорожно вздохнула, стараясь отогнать мучительные воспоминания о том, как она поборола отчаянное желание броситься в раскаленное белое сердце взорвавшегося солнца.

— Разве ты не понимаешь, что человеку не позволено умереть, даже если он об этом мечтает? Не позволено! — Кира заметалась по рубке, даже в ярости сохраняя странную звериную грацию. — Тебя тут же подвергают такой мощной обработке, что ты уже больше не можешь. В нашем великом обществе дозволено все — все, кроме единственной малости, которая тебе необходима, если волею судеб ею оказывается смерть. Знаешь ли ты, что меня три года не оставляли в покое? А теперь... — Кирино лицо подурнело от гнева и презрения, — теперь ко мне приставили тебя в качестве сиделки. И не думай, что я не знаю: тебе, уж конечно, не преминули по секрету сообщить о моей психической неуравновешенности.

— Ну-ка присядь, — холодно приказала Хельва и включила окончание пленки, содержавшее уже известные ей запреты. Как только смысл информации дошел до Киры, она безжизненно поникла в пилотском кресле, лицо ее утратило всякое выражение.

— Прости меня, Хельва. Я страшно виновата. — Она протянула дрожащие руки. — Просто я не могла поверить, что они наконец-то оставили меня в покое.

— Обработка у них поставлена на высоком уровне, — тихо обронила Хельва.

— Впрочем, так и должно быть, без этого не обойтись. Не могут же они допустить, чтобы люди и корабли теряли рассудок от горя. И я думаю, на этот раз они оставили тебя в покое. Они просто сделали все, чтобы ты не могла попасть на те немногие планеты, где разрешено ритуальное самоубийство, — на Гоман, Багам, Бейд и Кейд. А самоубийство они не могут тебе позволить по той простой причине, что духовное кредо Центральных Миров — продление и распространение жизни всеми доступными методами и средствами. Перед тобой живой пример тех крайностей, до которых они сознательно доходят в своем стремлении сохранить человеческую жизнь. Другой аспект того же кредо — БСЧ. А твое стремление покончить с собой есть нарушение этого

кредо, которого они допустить не могут. Даже на планетах, входящих в сектора Пегас и Эридан, условия, при которых самоубийства разрешаются, весьма ограничены. К тому же там приняты довольно жесткие ритуалы, цель которых — удостовериться, кто из бедняг действительно заслуживает такой милости. Остается надеяться, — саркастически заключила Хельва, — что они изобретут какое-нибудь средство, которое позволит облегчить боль потери, раз уж смерть остается единственным недугом, который великие и славные Центральные Миры так и не смогли излечить.

Спутанные волосы Киры упали на лицо. Даже тонкие пальцы ее были совершенно неподвижны. Она так глубоко ушла в свое горе, что Хельва ощутила внезапный приступ безмерного возмущения: ну можно ли так предаваться жалости к себе? Да, она и сама испытала искушение покончить с собой, но ее обработка устояла. Она выплакала свою тоску бездонному космосу, а потом вернулась к жизни и вместе с Теодой отправилась к Аннигону. Она, как и Теода, пережила свою трагедию. Как и многие до них в этой вселенной. Если медики поняли, что блокирование... Ах да, вспомнила Хельва, ведь Кира почти закончила пилотскую подготовку, значит, она устойчива к блокированию и единственным методом терапии оставалось интенсивное психопрограммирование. Бесследно стереть то, что случилось, они не могли — оставалось только загнать его внутрь.

Хельва окинула свою напарницу равнодушным взглядом. Ее бесила ситуация, в которую она попала по милости Центральных Миров, — ведь они прекрасно знали, чего хотели от Хельвы, сажая ей на шею Киру. Это тоже часть их хваленого кредо. Цель оправдывает средства.

— Скажи, Кира, а кто такой диланист?

Опущенная голова рывком поднялась, волосы волной упали с лица. Девушка поморгала и уставилась на Хельву.

— Чего-чего, а этого вопроса я никак не ожидала, — тихо ответила она и, коротко рассмеявшись, тряхнула головой, откинув волосы за спину. Потом устремила на Хельву задумчивый взгляд. — Ладно, с тебя снимается обвинение в намеренной психотерапии. Хотя, — она жестом обвинителя наставила на Хельву тонкий палец, — меня так уламывали согласиться на этот полет, что мне показалось весьма подозрительным, когда моим кораблем оказалась именно ты.

— Что ж, такой вывод вполне логичен, — спокойно согласилась Хельва.

Кира положила узкую ладонь на квадратную пластину — единственный доступ к титановой оболочке, в которой обитала Хельва. В этом порывистом движении были раскаяние и мольба. Если бы Хельва могла ощущать прикосновение, она почувствовала бы легчайшее пожатие.

— Диланист — это социальный комментатор, выразитель протеста, а музыка для него — орудие, средство выражения. Искусный диланист, а я к ним отнюдь не принадлежу, — по тому как Кира это произнесла, Хельва сделала вывод, что к искусным диланистам она причисляла Торна, своего покойного мужа, — может музыкой и словами создать столь неотразимые доводы, что все, в чем он хочет убедить своих слушателей, намертво впечатывается в их подсознание.

— Песня, действующая как внушение?

— Разве с тобой не бывало, чтобы тебя преследовал какой-нибудь мотив? — Кира остановилась на пороге своей каюты.

— Пожалуй, — согласилась Хельва, хотя и не была вполне уверена, что тема из Второй космической сюиты Роволодора — именно то, что имеет в виду Кира. И все же она поняла, в чем суть.

— По-настоящему талантливый композитор-диланист, — продолжала Кира, возвращаясь с гитарой, — способен создать мелодию, несущую в себе послание такой силы, что каждый начинает ее напевать или мурлыкать, насвистывать или барабанить — причем совершенно непроизвольно. Бывает даже, проснешься поутру — и в голове у тебя уже звучит песня в стиле Дилана. Можешь себе представить, какой эффект это производит, когда песня используется в целях воздействия на массы!

Хельва громко расхохоталась.

— Стоит ли удивляться, что Центральные Миры опасаются тебя как огня.

Кира проказливо хихикнула.

— На это есть специальный параграф в нашем соглашении, а кроме того, я обладаю способностями и талантами, которые могут найти достойное применение на службе Центральным Мирам.

Она состроила гримаску и ударила по струнам, но аккорд прозвучал фальшиво — видимо, инструмент расстроился от долгого неупотребления. Кира принялась настраивать гитару, начиная с басовой струны, и лицо ее приняло неожиданно мягкое выражение. Вот она взяла пробный аккорд, еще немного подтянула

струну «ми» и удовлетворенно кивнула, услышав сочный, чистый звук.

Ее сильные стремительные пальцы плели причудливый узор из нот и аккордов, рождая звуки такой силы, которые трудно было ожидать от столь хрупкого инструмента. Хельва с изумлением узнала старинную фугу Баха, но тут Кира сердито оборвала игру и прижала струны ладонью.

— Бог ты мой! — Она всплеснула руками и вдруг сжала кулачки. — Ведь я не играла с тех самых пор... — Потом взяла мажорный аккорд и перевела его в приглушенный минор. — Помню, как-то мы всю ночь напролет... и половину следующего дня... пытались анализировать одну раннюю песню Дилана. Только вот беда! Дилана невозможно анализировать. Его нужно чувствовать, а если попробовать разложить то, о чем он говорит, по полочкам, используя бейсик или психологические термины... получается сущая бессмыслица. Именно полное образное слияние музыки и слов рождает в душе такой отклик. В этом и состоит цель его творчества. Когда нутро откликается, рассудок получает по мозгам, и из нерушимого на первый взгляд монолита вываливается еще один кирпич.

— Тогда его творчество можно назвать неплохой терапией, — сухо отозвалась Хельва.

Кира пронзила ее сердитым взглядом, который сразу же сменился улыбкой, и гитара рассмеялась вместе с ней.

— Недостаток терапии в том, что ты начинаешь придавать простейшим словам и поступкам слишком много разных противоречивых значений, а потом сам запутываешься и подозреваешь всех и вся. — Кирина гитара откликалась на ее слова насмешливым эхом.

На панели вспыхнул красный сигнал тревоги, и одновременно внутренние датчики Хельвы получили предупреждение. Не успела Хельва включить систему видеоконтроля, как в кресле осталась одна гитара, а Кира уже была на полпути к отсеку № 3. Она замешкалась у двери ровно настолько, чтобы оценить масштаб аварии, и тут же бросилась в дальний отсек, где хранились запасные детали.

Повреждение, случившееся по вине неуклюжего монтажника, после тщательной проверки своевременно устранили: трубопровод на выходе из бака с питательной жидкостью был надежно заизолирован. Но тогда в спешке не заметили, что на другом конце линии образовалась течь и из образовавшегося отверстия вылилось достаточно жидкости для того, чтобы сигнализатор это

зарегистрировал. Настроив зрение на увеличение, Хельва поспешно принялась осматривать отрезок ленты с зародышами, получавший питание от этого бака. Несмотря на утечку, лента была достаточно влажной.

Кира уже прибежала обратно с новым куском трубы и соединениями. Она проворно заменила поврежденный отрезок, бдительно следя, чтобы в трубку не попали пузырьки воздуха. Потом, вооружившись увеличительным прибором, проверила всю ленту целиком и каждый крошечный мешочек в отдельности, пока не убедилась: не осталось ни единого пузырька, и ни один контакт между верхом мешочков и патрубками, подводящими к ним питательный раствор, не нарушен.

Покончив с этой процедурой, она проверила контакты других лент, каждой линии, каждого бака, каждого соединения. На эту работу ушло несколько часов, но она ни разу не попыталась ускорить кропотливый процесс.

Наконец, убедившись, что все в порядке, она вместе с Хельвой еще раз проверила показания внутренних датчиков и только после этого закрыла двери инкубатора.

— Надо было разрезать этого типа на куски и пустить на паприкаш — он это вполне заслужил, — свирепо прошипела Кира, удаляясь в свою каюту.

Хельва слушала до тех пор, пока не уловила ровное глубокое дыхание. И все это время с пилотского кресла на нее молча глядела гитара, а обрывки запоминающейся мелодии преследовали ее всю долгую ночную вахту.

Кира настояла, чтобы на Дубхе поврежденную ленту подвергли тщательнейшему спектральному исследованию, дабы удостовериться, что ни один из нескольких тысяч эмбрионов не пострадал. Какие бы внутренние конфликты ни раздирали Киру, она не позволяла им влиять на свою работу. И Хельва, бывшая свидетелем душевных бурь, сотрясавших ее напарницу, могла по достоинству оценить ее профессиональные качества.

Закончив дела на Дубхе, КХ-834 поспешила к Мераку, где ее ожидали еще двадцать тысяч эмбрионов. На коротком отрезке пути от Дубхи до Мерака ни Кира, ни Хельва не вспоминали о «паприкашном» инциденте. Но гитару девушка больше не прятала и по вечерам знакомила Хельву с образцами диланов ского стиля, блистающими юмором и острой социальной направленностью, — от старинных песен-грез, относящихся к Декаде протеста ранней атомной эры, до самых современных произведений.

Кира как раз исполняла, причем весьма мастерски, очень ран-

ний дилан «Гонимые ветром», когда пришел вызов с Алиота. Бережно отложив гитару, она ответила на вызов, и на лице ее отразилось вежливое недоумение.

— Пятнадцать тысяч? — переспросила она и, как поняла Хельва, получила неожиданно резкий ответ, после чего собеседник сразу отключился.

Пока Кира разговаривала с Алиотом, Хельва запросила в памяти корабля сведения об этой планете.

— Странно, — пробормотала она.

— Что именно? — осведомилась Кира, записывая полученные от БСЧ цифры.

— У меня нет никаких данных о том, что на Алиоте существует отделение банка. И вообще это довольно мрачная планета с весьма активной вулканической деятельностью. Развитая горная промышленность, причем руды добываются в виде расплавов. И самый высокий уровень смертности во всех Центральных Мирах.

— Лучше бы ты выяснила, что думает Ценком о нашей посадке на Алиот, — сухо обронила Кира.

— Ведь Алиот не входит в перечень запретных планет, — заметила Хельва, но все-таки включила экстренную связь.

— Алиот? — воскликнул Ценком, от удивления утратив свою обычную официальность. — Но мы не обращались к ним с просьбой о помощи. И нам ничего не известно о существовании там банка. Этническая группа, правда, совпадает. Держите связь.

Кира, вздернув бровь, взглянула на Хельву.

— Совещаются, и я даже знаю с кем. Ставлю два против одного, что они аннулируют этот заказ.

— Два против одного — только чего? — насмешливо уточнила Хельва.

— КХ, — вновь прорезался Ценком. — Следуйте к Алиоту. Банк у нас не зарегистрирован, но усовершенствования в методах добычи, о которых сообщают торговцы, свидетельствуют о развитии технологии, достаточном для расширенного воспроизводства населения. Там сильная религиозная иерархия, так что воздержитесь от конфликтов. Повторяю, никаких конфликтов. И сразу доложите.

— Плакали твои два, что бы это ни было, — поддела Киру Хельва.

— Ну и ладно, — пожала плечами девушка. — У нас в фильмотеке есть какие-нибудь клипы?

Хельва включила проектор. Пошли виды небольшого космопорта. Над столицей царил огромный храм, прижавшийся к

склону потухшего вулкана. Широкие лестницы, ведущие к входу, напомнили Хельве зиккурат. Ей были совсем не по нраву миры, где правили религиозные иерархии, но она отдавала себе отчет в том, что ее мнение никого не интересует. Слишком уж часто религии нагнетают такую тоску и безысходность... Алиот, четвертая в своей солнечной системе планета, находился слишком далеко от светила, так что лучи его доходили до поверхности, изрядно потускнев. А бурные вулканические кадры изображали процессию факельщиков — темные фигуры, закутанные в плащи с капюшонами, пересекают просторную площадь перед храмом.

— Да, ничего не скажешь — безрадостное местечко, — состроила гримаску Кира. — Но если у них в запасе всего пятнадцать тысяч, мы там долго не задержимся. — Она забренчала веселенький мотивчик, чтобы развеять мрачное впечатление.

— Но они действительно принадлежат к этнической группе, затребованной Неккаром, — с сомнением произнесла Хельва.

— Разве за этими колпаками что-нибудь разглядишь? Как ты думаешь, они так и появляются на свет в капюшонах? То-то был бы сюрприз для неккарцев!

Кира хихикнула, и гитара отозвалась смехом.

— Может быть, в сорочках с капюшонами?

Кира погрозила Хельве гитарой и отправилась осматривать отсеки.

— Дополнительные пятнадцать тысяч штук заставят нас потесниться, — оторвавшись от работы, заметила она, — если учесть, что в Мераке нас ожидают еще двадцать тысяч.

— Алиот находится на пути к Неккару, так что мы можем завернуть туда без особой потери времени. А потом — эге-гей! — и аист ринется в следующий полет.

Кира выпрямилась и, сморщив носик, повернулась в сторону Хельвы.

— Не понимаю, какое отношение «эге-гей» имеет к аистам?

— Для тебя, может, и не имеет, а для меня — самое прямое. Я ведь как-никак дева в железных доспехах.

— Ха! — Кира замолчала, все ее внимание сосредоточилось на очередном соединении, которое она разглядывала через увеличительный аппарат.

Когда они совместными усилиями закончили проверку, Кира заглянула в камбуз и рассеянно достала с полки банку с кофе. Она заметно приуныла, впервые за последние несколько дней, и, вернувшись в рубку, забралась с ногами в пилотское кресло и затихла — только пар нагревающегося кофе выдавал ее присутствие.

— Аист ринется в полет, людям деток принесет, — произнесла она наконец. — А знаешь ли ты, Хельва, что и я принадлежу к той же этнической группе? И эти искорки жизни — дети таких же людей, как я? С единственной разницей. Они оставили свое семя, а я — нет.

— Не болтай ерунду, — отрезала Хельва, надеясь предупредить очередной Кирин срыв. — Ведь ты же выполнила свой долг перед БСЧ, когда достигла совершеннолетия, разве не так?

— Нет, не так! — столь же резко ответила Кира. — В том-то все и дело. Тогда я уже повстречала Торна и хотела родить столько детей, сколько мне удастся. Я и думать не желала ни о каком банке, способном гарантировать сохранение хромосом, которые по сути я сама — Кира Фалернова-Мирски с Канопуса. Между прочим, — горько усмехнулась она, — я даже сочинила дилан, посвященный БСЧ, сплошной блеск остроумия, с нелестными нападками на производителей консервированных детей.

Она резко крутанулась в кресле и оказалась лицом к лицу с Хельвой, ее зеленые глаза сузились, выражая горькое презрение к своей тогдашней самоуверенности.

— Одна из многих подробностей моей биографии, которую неизвестный цензор так безжалостно вымарал, заключается в том, что мой единственный ребенок умер, так и не увидев света, умер в утробе своей матери, оставив ее навеки бесплодной...

Кира стиснула тонкими руками свои узенькие бедра.

— И никогда в этом чреве не забьется жизнь, несмотря на все достижения науки. И не останется никакого следа от Торна и того счастья, которое мы с ним пережили. Вот, — она щелкнула пальцами, — награда за нашу чудовищную эгоистическую самоуверенность!

Как раз имея в виду такие случаи, БСЧ и рекомендовал всем взрослым гражданам сдавать свое семя на хранение. Только какой смысл напоминать об этом Кире? Она и сама слишком хорошо знает о своей роковой ошибке.

— Вот почему после смерти Торна я не вернулась в школу, а занялась медициной. Но все мои познания доказывали одно: я не смогу родить, а значит, и возродиться. Наука научилась творить множество чудес, исправлять множество ошибок, да только не эту.

Она тяжело вздохнула, но горечь ее была уже не такой отчаянной, как тот первый всплеск. Похоже, подумала Хельва, — она смирилась со своим бесплодием, хотя так и не смирилась с необходимостью жить.

— Ну почему, милая Хельва, судьба сыграла со мной такую злую шутку — чтобы именно мне выпало на долю сопровождать этот груз?

Хельва воздержалась от ответа. Кира допила кофе и ушла отдыхать. Еще несколько часов — и им предстоит посадка на Мераке.

На Мераке они управились в рекордно короткое время — персонал проявил похвальную расторопность и сноровку. Впереди, всего в нескольких днях полета, их ожидал Алиот, а за ним — последний бросок к Неккару. А пока пилот и корабль наслаждались приятным бездельем — Хельва заполняла пробелы в своем музыкальном репертуаре, классическом и старинном, поскольку Кира была большим знатоком народной музыки старушки Земли и других ныне процветающих планет, относящихся к эпохе ранней колонизации.

Хельва разбудила Киру перед самой посадкой на Алиоте. Девушка быстро переоделась в темную куртку и так туго заплела волосы, что Хельва удивилась, как у нее не заболит голова.

С самой посадки все пошло наперекосяк. Космопорт находился в тесной мрачной долине, окруженной зубчатыми вершинами действующих вулканов. Им было приказано сесть поодаль от приземистого прямоугольного здания, в котором размещались немногочисленные административные и технические службы, которыми располагала эта негостеприимная планета. Кира попыталась возразить, на что ей было весьма резко приказано ожидать прибытия наземного транспорта. Он прибыл не так скоро — огромный грузовик, набитый мрачными фигурами, облаченными в балахоны с капюшонами. Высадившись, они плотным кольцом окружили место посадки. Их агрессивное поведение, да и само присутствие, наносило прямое оскорбление кораблю с такими опознавательными знаками, как у Хельвы.

— С какой целью вокруг спасательного корабля, принадлежащего Медицинской службе Центральных Миров, выстроено оцепление? — решительно обратилась Кира к диспетчерскому пункту.

— С целью обеспечения безопасности груза.

В это время командир звена оцепления попросил разрешения подняться на борт.

— Ну, что будем делать? — тихо спросила Хельва.

— Особого выбора у нас нет, но, по-моему, стоит записать нашу встречу и по экстренной связи передать на Регул.

— У меня возникла такая же мысль, — откликнулась Хельва. — И, пожалуй, я пока не стану обнаруживать себя.

— Отличная идея, — согласилась Кира, пристегивая к куртке

кнопку связи. Существовало не так уж мало отсталых планет, где сотрудничество подвижной телесной половины — пилота — с мозгом корабля могло быть неверно понято. В подобных ситуациях напарники зачастую предпочитали до поры до времени скрывать от аборигенов способности мыслящего корабля. А кнопка позволит Хельве поддерживать с Кирой двустороннюю аудио- и видеосвязь.

Хельва открыла люк, и в шлюзе появился офицер — длинная зловещая фигура в черном балахоне, лицо его скрывал капюшон. Темной тенью он навис над Кирой, из складок одеяния появилась тощая рука. Он приложил ее к груди и спрятанному под капюшоном лицу, изобразив нечто вроде приветствия.

Кира отсалютовала в ответ, ожидая, пока он заговорит.

— Помощник вахтенного офицера Нонет, — выдавил он наконец.

— Медик-спасатель Кира с Канопуса, — с достоинством ответила девушка. От Хельвы не укрылось, что она предпочла назвать свою планетарную принадлежность, а не опознавательный знак пилота мозгового корабля КХ-834.

— Тебе необходимо проследовать в Святой Храм, дабы обсудить процедуру получения груза, — ровным глухим голосом пробубнил Нонет.

— Время — очень важный фактор при передаче подобного груза... — уклончиво начала Кира.

— Время, — перебил ее офицер, — во власти Того, кто Повелевает. Это он приказал тебе явиться.

— Семя готово к отправке? — спросила Кира, желая получить хоть какую-нибудь информацию.

По складкам балахона, окутывающего тело Нонета, пробежала дрожь.

— Не богохульствуй, женщина!

— Уверяю вас, я не имела подобного намерения, — с достоинством ответила Кира, воздержавшись от каких-либо извинений.

— Ступай за мной, — тоном приказа произнес офицер.

— Тот, кто Повелевает, ожидает тебя, — взвыл глухой, замогильный голос, заполнивший все пространство рубки.

Хельва с уважением отметила, что Кира не обнаружила ни малейших признаков испуга, услышав этот жуткий вопль. Глаза девушки на миг остановились на гладкой овальной пряжке, скрепляющей капюшон Нонета. Хельва, как и Кира, сразу поняла, что это такое — устройство двусторонней связи, похожее на то, которое было у самой Киры; такие полагалось иметь только персоналу Космической службы.

Ну и скандал разразится, когда Центральные Миры узнают, что кто-то поставляет сюда эти приборы строго ограниченного пользования!

— Приказу нужно подчиняться — сам Храм заговорил! — дрожащим от благоговения голосом крикнул Нонет. — Не мешкай.

Так, значит, Храм — женщина, — Хельва поняла это по тембру голоса.

— Я выполняю приказы, — уклончиво ответила Кира.

— Такова Вечная Истина, — важно кивнул Нонет; видимо, ответ Киры оказался созвучен его религиозным убеждениям. — Да придет к тебе Смерть в час твоего торжества! — добавил он, сопровождая свои слова замысловатым жестом.

Кира, которая как раз собиралась отвесить смиренный поклон, замерла, глаза ее впились в скрытое под капюшоном лицо. Было видно, как она потрясена.

— Да придет ко мне смерть в час моего торжества? — неловерчиво пробормотала девушка, побледнев, как полотно.

— Разве Смерть — не величайшее благо? — спросил алиотец, явно удивленный ее невежеством.

Хельве ничего не оставалось, как хранить молчание, но лишь огромным усилием воли ей удалось сдержать едва не вырвавшийся стон протеста. Не требовалось особой сообразительности, чтобы понять заранее: да, смерть на Алиоте действительно величайшее из благ — благо избавления от непосильного труда, от тоски и мрака окружающего мира, наполненного удушливыми испарениями зловещих вулканов. Ежедневный риск, сопряженный с добычей расплавленных руд, и вдобавок постоянная вулканическая активность, сотрясающая почву под ногами, неуклонно напоминали о бренности человеческой жизни, пока все помыслы людей не обратились к смерти, способной принести желанное забвение. Где был хваленый ум Ценкома, когда тот дал Кире разрешение совершить посадку на Алиоте? Ведь они прекрасно знали о ее душевном состоянии! Здесь ей даже не нужно бороться с психопрограммированием, которому ее так заботливо подвергли.

— Да, Смерть — величайшее из благ. Такова Вечная Истина, — как загипнотизированная, повторила Кира.

— Иди же за мной, — ласково обратился к ней Нонет, призывно простирая тощую руку.

— Иди! — жадным эхом откликнулся замогильный голос.

Не успела машина отъехать от подножия КХ-834, как стоявшие в карауле солдаты зашевелились.

— Она увидит Того, кто Повелевает, — с завистью вздохнул

один из них. — Простоволосая блудница удостоится незаслуженной чести. Скорее наверх — нужно захватить груз! Подумайте только! Еще тысячи умрут, дабы искупить вину перед Тем, кто Повелевает.

Это уж слишком! Хельва застопорила лифтовый механизм и закрыла герметичный шлюз. Пусть эти выжившие из ума алиотийцы вопят, стучат, гремят — ее они этим не проймут, а сколько-нибудь серьезного оружия у них на планете нет. Она включила экстренную связь с Ценкомом. Эти фанатики еще проклянут тот день, когда их религиозная иерархия вознамерилась похитить груз спасательного корабля, а вдобавок и его пилота!

Хельва бесстрастно взвесила варианты Кириного поведения. Доведенная до отчаяния, девушка искала смерти — это правда. Но Хельва сомневалась, чтобы Кира изменила присяге, служебному долгу. Она сама никогда не пошла бы на это, хотя алиотийцы не знают, что корабль способен на самостоятельные мысли и поступки. Завладев пилотом, они уверовали, что беспомощный корабль прикован к земле и они могут не спеша обрабатывать Киру, стараясь склонить ее на свою сторону и помочь им завладеть тысячами человеческих зародышей.

«Ведь я могла бы просто-напросто убраться отсюда, — подумала Хельва. — Если смерть — та цель, к которой стремятся эти безумцы, то я могу без малейших угрызений совести превратить караул в пепел — пусть получат по заслугам. Но я не могу бросить Киру. Во всяком случае, пока. Время еще есть. Куда же провалился Ценком? Всегда-то его нет, когда он позарез нужен! И почему, во имя всего святого, они позволили Кире высадиться на этой, выбравшей смерть, планете? Да потому, дурища, — ответила себе Хельва, — что они понятия не имели, куда завлекла алиотийцев их религия».

И тут земля под ней содрогнулась. Где-то на севере к небу взвился огненный шар и разорвался, рассыпав сноп раскаленных осколков. За ним последовал еще более ослепительный фейерверк и сильный толчок под хвостовыми стабилизаторами Хельвы. Она приготовилась к срочному взлету на тот случай, если новый толчок будет настолько силен, что ее равновесие окажется под угрозой. Далеко на северо-востоке последовало ответное извержение.

Хельва увидела, как машина, увозившая Киру, подъехала к центральному зданию, и Хельва послала девушке мысленный, увы, бессильный приказ сбросить наваждение и включить кнопку связи.

Солдаты, не обращая внимания на сильные подземные толчки, возились у лифта, пытаясь его включить. Капюшоны то и дело спадали, и они спешно водворяли их на место, как будто вид открытых лиц являл собой нечто непристойное. Красные отблески взрывов, озаряющие мрачное небо, высвечивали изможденные аскетичные лица, серые от въевшейся вулканической пыли, глаза, потускневшие от скудной пищи и вечной усталости.

Кира вышла из грузовика и в сопровождении унылых стражей направилась к другой машине, поменьше. Несмотря на острое зрение, Хельва скоро потеряла ее из вида — экипаж исчез в лабиринте городских построек. Грузовик развернулся и двинулся в обратный путь — в сторону летного поля, где находилась Хельва.

Самый предприимчивый из караульных послал своих спутников за трапом. С большим трудом они медленно покатили громоздкое устройство с дальнего конца поля.

Хельва с мрачным удовлетворением наблюдала за их потугами. Сами виноваты — нечего было заставлять нас садиться так далеко от служб космопорта. Наверное, в постоянно окутывающем Алиот полумраке они не разглядели, что люк надежно задраен.

Яростно чертыхаясь, она снова попыталась вызвать Цепком по экстренной связи — ее очень беспокоило, что никак не удается установить контакт с Кирой.

— Значит, у них есть кнопки связи, — бормотала она, припоминая, что видела одну на капюшоне Нонета. Если это стандартный образец или местная подделка, нужно попытаться им воспользоваться. Ведь удалось же этой чертовке из Храма посылать Кире через Нонета свои приказы!

Не откладывая дело в долгий ящик, Хельва включила диапазон контактной связи. И тут же поспешно выключила, оглушенная обрушившимся на нее бешеным калейдоскопом беспорядочных образов и звуков. Внутренне содрогнувшись от столь хаотического вторжения, она сокрушенно задумалась: как же так получилось, что она установила несколько сот тысяч контактов сразу? Потом быстро окинула взглядом копошащихся на поле караульных, которые все еще силились подтащить к ней трап. На шее у каждого красовалась кнопка, удерживающая просторный капюшон.

— Силы небесные! — простонала Хельва. — Не иначе как эта религиозная иерархия состоит из одних шизиков — кто еще может выдержать подобный хаос?

Прилагая все усилия, чтобы не потерять рассудок, Хельва чуть-чуть приоткрыла диапазон, и ее снова бросило в дрожь от

неразберихи звуков и образов. Она попыталась сосредоточиться на одном-единственном контакте, но почувствовала, что просто тонет в круговерти повторяющихся изображений. С таким же успехом можно было пытаться сосредоточиться на кончике булавки, глядя на него через фасеточный глаз мухи.

Вконец обозлившись, она ограничила видимость одним крошечным клочком, изо всех сил стараясь принимать лишь одно из множества противоречивых, перекрывающих друг друга изображений, наводняющих ее зрительную систему. Звук она полностью отключила. К счастью, каждый обладатель кнопки на избранном ею участке стремился к одной цели — пересечь необъятную площадь, забитую покачивающимися и кружащимися фигурами в балахонах, полы которых развевались по ветру, и достичь подножия широкой лестницы с пологими ступенями, которая поднималась по склону потухшего вулкана. Это и был тот самый зиккурат, который Хельва заметила еще на пленке.

Вдруг все фигуры дружно накренились. Хельва не сразу поняла, что она сама тоже раскачивается от подземных толчков, расходящихся от трех вулканов, которые с яростью изрыгали свои внутренности в небо. Она напряглась, выжидая, не окажется ли ситуация в зоне космопорта слишком угрожающей для ее дальнейшего пребывания на этой планете.

В воздухе, затуманенном дымовыми газами, вырывавшимися из узких трещин, которые, змеясь, побежали по площади, прокатился экстатический стон. Хельва, и без того пребывающая в некотором смятении, не сразу уловила, что это за газы, и не придала значения тому, что вопли толпы регистрируют внешние приемные устройства корабля, а не бесполезные контактные сети.

Она усилила мощность сигнала экстренного вызова, отчаянно пытаясь связаться с Ценкомом, несмотря на сильные помехи от извержения вулканов. Одновременно она продолжала сужать диапазон контактной связи, боясь потерять Киру из виду. Тем временем собравшиеся на площади алиотийцы воздели руки к небу, капюшоны упали с блаженных лиц, обращенных к рассыпающим искры затуманенным небесам. Внезапно они стали кружиться на месте, нагибаясь, чтобы глубже вобрать в легкие вздымающиеся пары. Не веря своим глазам, Хельва наблюдала, как все новые люди проталкиваются к трещинам, спеша вдохнуть дымные испарения, а потом неверными шагами бредут прочь — с восторгом на лицах, раскинув руки, пошатываясь, как пьяные. Только теперь она поняла: эти газы вызывают либо галлюцинации, либо эйфорию, что вдвойне опасно во время массовых из-

вержений. Просторная площадь быстро наполнялась телами алиотийцев, которые либо уже опьянели, либо изо всех сил стремились к этому.

От Хельвы не укрылся зловещий замысел — не случайно дурманящие газы вырвались из земли как раз на площади перед самым храмом, вместилищем дьявольского культа. Очевидно, столпы храмовой иерархии отлично знали их действие и делали на него свою ставку. Подобное коварство наполнило душу Хельвы яростью и возмущением, и она с удвоенным старанием принялась искать Киру и ее стражей. Наверняка они оставят свой экипаж у южного края площади и дальше пойдут пешком. Наконец ее пристальный взор поймал множество изображений одной и той же группы. *На этой обезумевшей планете* просто не могло быть двух одинаковых стройных фигурок с непокрытыми головами! Кира только что ступила на площадь, ее неуклонное продвижение к ступеням зиккурата сдерживал водоворот трясущихся, конвульсивно дергающихся, опьяневших до невменяемости людей.

Снедаемая тревогой, Хельва снова расширила диапазон и попыталась, переходя от контакта к контакту, добраться до Киры. Эффект получился ошеломляющий — как будто перед ней на одном экране, бешено сменяя друг друга, замелькали кадры тысячи разных фильмов. Впервые в жизни Хельва почувствовала головокружение и тошноту. Ощущение надвигающейся беды все усиливалось, она отчаянно пыталась установить контакт, пока девушка еще не ступила под своды Храма Смерти. Он покоился на самом верху огромного зиккурата, в опасной близости от старого вулкана, и наверняка был насыщен галлюциногенными газами. Хельва поблагодарила спасательную службу за проявленную предусмотрительность — благодаря полученной обработке Кира была нечувствительна к галлюциногенам, и тем не менее девушка двигалась, будто в трансе, можно было подумать, что ядовитая атмосфера все же сделала свое дело.

У Хельвы вырвался бессильный стон: ей никак не удавалось дотянуться до Киры — ни физически, ни мысленно.

— О-о-ооо! — взлетел над толпой ответный вопль.

— Храм рыдает! — сдавленным воплем откликнулись тысячи голосов. И даже караульные, которые все еще сражались с тяжеленным трапом, эхом подхватили этот крик.

Хельва изумленно охнула — похоже, каждое ее слово транслируется на весь Алиот! Ее предположение подтвердилось: толпа

послушно повторила и этот возглас. Вот оно что: ее голос принимают за глас Храма.

Не обращая внимания на дробящееся изображение, Хельва пристальнее вгляделась в цилиндрическое завершение Храма, и внезапно до нее дошло то, чего она до сих пор не осознавала: да ведь цилиндр — это лежащий на боку корабль, чей нос и хвостовое оперение погребены под толстым слоем пепла и лавы, а вход в Храм — не что иное, как воздушный шлюз! Рядом с ним Хельве удалось разобрать еле заметный опознавательный знак «мозгового» корабля, принадлежащего Центральным Мирам.

И сразу все стало на свои места: ведь она слышала о нем в тот самый день, когда погиб Дженнан. Хельва вспомнила, что Сильвия упоминала еще один корабль, как и она, охваченный безутешной тоской. Кажется, она даже называла его номер: 732. Да, трудно найти место, где можно лучше оплакать утрату, чем этот сумрачный темно-багровый мир, словно специально созданный для вечной скорби. А может, 732, стремясь кануть в раскаленное жерло извергающегося гиганта, в последний миг по какому-то стечению обстоятельств откинулась от его огнедышащей пасти и неподвижно застыла в потоке лавы у его подножия? А потом, обратив истерзанный разум на этот унылый мир, стала принуждать несчастных тысячами идти на смерть во искупление гибели своего возлюбленного?

В этот миг прозрения Хельва со всей ясностью осознала свой долг, и ей сразу пришел в голову план, ведущий к его исполнению. С гениальной находчивостью, порожденной полным отчаянием, она запела глубоким бархатным баритоном, окрашенным печальным томлением, подчинив разум чистой интуиции:

— Смерть, приди и дай забвенье, — затянула она, а когда алиотийцы, как завороженные, покорно повторили первую строку, пропела фразу еще раз, но на терцию выше. У Хельвы возникло ощущение, что ей послушно вторит огромный отлично срепетированный хор, и она без колебаний использовала этот феномен для осуществления своего замысла.

— Я устал, но сон нейдет...

И на квинту ниже:

— Думы разум истерзали...

А потом снова вверх, сразу на целую септиму, создавая рассчитанный диссонанс с хором, монотонно повторяющим предыдущую строку, — диссонанс, задевающий внутренние струны, наполняющий душу невыразимой тоской:

— Все забыть, отдохнуть, умереть... — пела Хельва, меняя

тембр на шемящий, проникновенный тенор. И снова вниз, к первой музыкальной фразе, но на этот раз баритон вложил в нее горькое презрение:

Смерть, приди и дай забвенье —
Все забыть, отдохнуть, умереть...

Последнее слово прозвучало мощным крещендо, исполненным жестокой издевкой, и перешло в насмешливый шепот, который еще долго висел над площадью, когда плач хора, покорно взлетевшего на септиму вверх, уже затих.

— Ценком вызывает КХ-834, отвечайте, ОТВЕЧАЙТЕ! — Суровый официальный голос Ценкома базы Регул пробился даже сквозь фантастические музыкальные импровизации Хельвы.

— Спасите наши души! — переходя на резкое, вибрирующее сопрано, крикнула Хельва, и голос ее был услышан и по экстренной связи, и на контактном диапазоне алиотийцев. Хор с готовностью подхватил громкий сигнал бедствия. Хельва затаила дыхание — она увидела, как Кира непроизвольно вздрогнула, услышав знакомый призыв.

— Спасать ваши души? — переспросил Ценком. Еще бы! Это же надо дойти до такой дури — диланизировать на весь Алиот!

И тут Хельва ошеломленно поняла, что именно этим она и занимается — диланизирует! Отчаянный призыв к Кире — единственный способ, который ей оставался, чтобы избавить девушку от наваждения, — соединившись с музыкой, обрел форму дилановского протеста, воздействующего на глубину подсознания. Хельву захлестнула волна радости: теперь она знает, как использовать этот эффект в своих целях! Едва заметно ускорив темп, она снова повторила первую строку, но теперь это было не тоскливое легато, а насмешливое стаккато. Пока хор с упорством идиота повторял за ней фразу, копируя мельчайшие оттенки, она стала торопливо докладывать Ценкому:

— Глава религиозной иерархии Алиота — беглый корабль 732, религиозная мотивация — смерть!

— А напарница — где твоя напарница? — поперхнулся Ценком.

— Сообщите отключающий код для 732! — прошипела Хельва и запела вторую строку дилана, еще больше ускоряя темп и вкладывая в звук всю силу убеждения.

— Отвечай! — не унимался Ценком.

— Нет у меня времени отвечать, дубина ты стоеросовая! — рявкнула Хельва. — Давай отключающий код! — Она взметнула голос на полторы октавы выше, переходя в регистр драматиче-

ского тенора. и следующая фраза стрелой взвилась над площадью, неся звуковой заряд такой пронзительной силы, который просто не мог не развязать транс, охвативший ее напарницу.

Сопровождающие Киру стражи брели, пошатываясь, как пьяные, — на них тоже сказывалось действие коварных паров, заполнивших всю площадь. Они держали девушку за руки, но Хельва, вынужденная следить за ней со своего места в последнем ряду огромного хора, не могла разглядеть, удерживают они свою пленницу или цепляются за нее, чтобы устоять на ногах. Кира, единственная на всей площади, была неуязвима к действию галлюциногенных газов.

— Все забыть, отдохнуть, умереть! — насмешливо загремел тенор, яростно бичуя Кирино стремление к смерти.

— Зря стараешься, — скептически заметил Ценком. — Разве не видишь — она решила умереть.

— ОТКЛЮЧАЮЩИЙ ПАРОЛЬ! — вновь переходя на звонкое сопрано, возопила Хельва по экстренной связи и тут же возвысила над толпой оглушительный, исполненный грозной силы голос, гремящий ожесточенным протестом:

— Все забыть, отдохнуть, умереть!

Последняя фраза язвительной издевкой разнеслась над площадью. Хор, не в силах повторить ее на той же невероятной высоте, спустился на октаву ниже, и насмешливый вызов, которому аккомпанировал рокот извергающихся вулканов, волной прокатился по толпе.

Внезапно Хельву потряс беззвучный толчок страшной силы, все в ней будто перевернулось, и беспорядочные обрывки образов рывком соединились в единое целое. Она увидела мрачную камеру, тускло освещенную красноватым отблеском пламени, и в ней — Киру! Перейдя на ночное зрение, Хельва смогла как следует разглядеть помещение и тотчас заметила ее жуткого обитателя.

На черной базальтовой плите, приподнятой над полом, покоились разложившиеся останки того, кто некогда был человеком. Обнажившиеся зубы белели в зловещей пародии на улыбку. Шейные сухожилия натянулись, как струны. Хрящ гортани уходил под ворот не тронутого тлением пилотского комбинезона. Руки, сложенные на раздавленной смертельным ударом груди, переплели отросшие после смерти ногти. Мертвый напарник 732 торжественно возлежал на траурном возвышении, как будто выставленный для последнего прощания.

Это его увидела Хельва через Кирину кнопку связи... наконец-то!

Вдруг камеру заполнил тоскливый рыдающий звук — монотонный и бессмысленный, он, казалось, исходил отовсюду: из стен, пола, потолка. Это обезумевший от горя мозг, заточенный в нерушимую титановую капсулу, разомкнув все контуры, забыв обо всем на свете, предавался своей неизбывной скорби.

До предела убавив звук, Хельва чуть слышно шепнула Кире:

— Это беглый 732. Он совсем обезумел. Придется его уничтожить. — Зная о том, что ей предстоит сделать, Хельва предпочитала думать о 732 как о безымянном корабле, чем о женщине, которой когда-то был этот несчастный мозг.

Кира вздрогнула, но ничего не ответила.

На какую-то страшную долю секунды Хельва задумалась: а вдруг Кира случайно включила связь, вдруг она все еще находится во власти непобедимого желания умереть? Удалось ли Хельвиному дилану своей едкой издевкой развеять наваждение, влекущее девушку к самоубийству? Сумела ли Хельва вырвать свою напарницу из опасного забытья? Отключающий код окажется бесполезным, если подвижная половина Хельвы не поможет ей обезопасить безумный мозг.

Кира медленно приблизилась к возвышению, на котором покоился ужасный труп. Рыдания стали громче, постепенно в бормотании 732 уже можно было разобрать отдельные слова:

— Он ушел. Тот, кто Повелевает, ушел, — заунывно запричитала 732, и толпа подхватила ее слова с такой же готовностью, как и дилан Хельвы. — Он ушел, мой Сибер, ушел навеки...

Нет, только не это! — Хельва почувствовала, как ее душу наполняет тоскливая безысходность.

В этот миг на фоне причитаний 732 послышался чей-то посторонний голос:

— Знаешь, Лия, этот карлик не так уж безобиден. — Он звучал так гнусаво и неразборчиво, что с трудом можно было узнать отдельные слова. — Я ничуть не удивлюсь...

Да это же мужской голос, — вдруг поняла Хельва, просто пленка движется на замедленной скорости, поэтому он и звучит таким странным завыванием. Очевидно, корабль уже столько раз прослушивал эту запись, что голос Сибера претерпел такие же невосстановимые изменения, как и его труп.

Между тем Кира, грациозно покачиваясь, приблизилась к пульту управления.

— Говори же, Сибер, позволь рабе твоей Кире вновь услышать певучую музыку твоего бесценного голоса, — промурлыкала она,

склоняясь перед пилоном, за которым скрывалась капсула безумной 732.

Хельва едва сдержала крик несказанного облегчения — она поняла намек, который дала ей Кира.

— ЦЕНКОМ, ОТКЛЮЧАЮЩИЙ КОД, СРОЧНО! — с мольбой крикнула она в микрофон экстренной связи и услышала, как стоны 732 внезапно смолкли. Хельва почти ощутила, как корабль затаил дыхание.

Ну где же этот чертов Ценком?

— Лия, я почти ничего не слышу, ужасные помехи... Попробуй наладить связь. Это карлик черт знает что вытворяет...

Даже Кира невольно подскочила, услышав, как Хельва, перейдя на баритон, отчаянно импровизирует, подражая голосу Сибера.

— Ничего не могу разобрать... Лия! Лия! У тебя что, контакты распаялись?

— Это ты, Сибер? — воскликнул безумный корабль, и в голосе его прозвучала неступленная надежда. — Я в западне, в страшной западне! Меня снесло с курса, когда взорвалась вершина вулкана. Я хотела умереть, умереть вместе с тобой!

Кира отчаянно боролась с драпировками, скрывающими доступ к смотровой панели. Ее стражи, почуяв угрозу святотатства, стряхнули оцепенение и бросились вперед, чтобы остановить девушку. Но она с неожиданной силой двинула одного в челюсть, потом, нырнув под второго, перекинула его через себя, да так ловко, что он ударился головой о каменную плиту и затих.

— КХ, слушай отключающий код: на-тхом-те-ах-ро, и не забудь о тональности!

И Хельва, отчетливо сознавая, что убивает себе подобное существо, передала 732 отключающий код. Эти слоги, прозвучавшие в строго определенной тональности, отключили механизм, запирающий смотровую панель, и Кира, ловко сняв ее, открыла клапан, пуская в оболочку усыпляющий газ.

— Где ты, Сибер? Я не вижу тебя... — взметнулся жалобный вопль 732 и, оборвавшись, смолк навеки.

Панель со щелчком встала на место. Кира задернула драпировки и стремительно обернулась — в главную рубку уже вваливались закутанные в балахоны фигуры.

— Стойте! — голосом Лии приказала Хельва. — Тот, кто Повелевает, принял решение. Отведите простоволосую блудницу обратно. Не пристало избранным Алиота касаться дьявольского семени.

Кира, сделав вид, что снова погрузилась в транс, под конвоем пошатывающихся стражников двинулась обратно к лестнице.

— Хельва, что там у вас, черт побери, происходит? — донесся из приемника экстренной связи голос Ценкома.

— Он принял решение, — простонала толпа фанатиков на площади, покачиваясь в клубах галлюциногенных паров.

— Хельва! — взвизгнул Ценком.

— Да заткнитесь вы все наконец! — устало огрызнулась Хельва, она была на грани срыва.

— Он принял решение — вот Вечная Истина.

Хельва выждала, пока не убедилась, что вконец одурманенные, еле бредущие адиотийцы не помешают Кире вернуться. Да они бы при всем желании не смогли ничего сделать — бедняги целыми сотнями валились наземь, сраженные наркотическими парами и неистовым возбуждением.

— Советую подготовить внятное объяснение — на каком основании ты умышленно нарушила запрет, изложенный в полетном задании и касающийся диланистских...

— Я сейчас и тебя задиланизирую, придурок несчастный, — злобно накинулась на него Хельва. — Цель оправдывает средства. И еще, смею напомнить, что по какой-то причине, не ведомой ни людям, ни самому Всевышнему, Алиота в вашем списке запрещенных для высадки планет НЕ БЫЛО, хотя, видит Бог, он должен был его возглавлять!

Ценком что-то возмущенно закудахтал.

— Держи себя в руках, — язвительно посоветовала Хельва. — Я отыскала вашу давным-давно пропавшую беглянку и убила ее. И вдобавок подвергла вашу бесценную Киру с Канопуса суровой, но зато весьма эффектной терапии. Чего, спрашивается, вы еще хотите от одного мозга, к тому же заключенного в капсулу?

Оскорбленное молчание Ценкома длилось долгих шестьдесят секунд.

— Где Кира? — Хельва могла бы поклясться, что голос собеседника звучал виновато.

— С ней все в порядке.

— Пусть выйдет на связь.

— Я же сказала: с ней все в порядке, — теряя терпение, громко повторила Хельва. — Она возвращается из храма.

Не успела доставившая Киру машина со скрежетом затормозить у лифта, как почва корабля снова затряслась от подземных толчков. Хельва открыла запорный механизм, и Кира, не дав своим спутникам времени опомниться, вскочила в кабину лифта.

Земля под кормовыми стабилизаторами вздымалась, и Хельва, дождавшись, пока Кира выпрыгнет из шлюза и нырнет в пилотское кресло, задраила люк и резко стартовала с угрюмого, негостеприимного Алиота.

Хвостовые камеры показали им разбегающийся врассыпную караул и кренящийся набок трап. Над стремительно удаляющейся планетой взметнулись яркие вспышки — это вулканы посылали им прощальный салют.

— Докладывает пилот Кира с борта КХ-834, — сбрасывая куртку, бодро отрапортовала девушка по экстренной связи. Хельва ожидала, что на пол посыплется дождь заколок, но Кира, чинно выпрямившись, застыла перед микрофоном. Она дала сжатый отчет о происшествии на Алиоте и потребовала объяснений: почему торговцы ни разу не сообщили о том, что видно невооруженным глазом — каждый местный житель носит кнопку связи служебного образца. И второе, прямо-таки преступное упущение — почему нет никаких сведений о том, что газовые выбросы обладают галлюциногенным действием?

— Галлюциногенные газы? — слабым голосом отозвался Ценком. Такие сюрпризы — сущий кошмар в деле колонизации новых планет: уже не раз бывало, что население становилось жертвой преступного применения дурманящих паров, как это случилось на Алиоте.

— Настоятельно рекомендую допросить всех торговцев, которые за последние пятьдесят лет имели сношение с Алиотом, и выяснить, по какой причине они скрыли эти сведения от Центральных Миров. И еще: установите личность недоумка из ЦМ, который открыл эту вконец одурневшую планету для колонизации.

Ценком разразился невнятным бульканьем.

— Кончайте кудахтать, — самым любезным тоном произнесла Кира, — и срочно вышлите туда команду планетной терапии. Предстоит переориентировать население целой планеты на выживание. Мы отправим вам с Неккара подробный отчет, а сейчас мне нужно проверить наших детишек. Взлет был не очень гладкий. У меня все. — Кира отключилась.

Гибким движением она встала с кресла, тряхнула головой — только косички разлетелись — и, энергично потирая затылок, направилась к камбузу.

— Голова просто разламывается, — пожаловалась девушка,

доставая банку с кофе. — Этот газ так омерзительно воняет! — Она устало прислонилась к стене, плечи безвольно поникли.

Хельва выжидала — она знала, что Кира еще не избавилась от воспоминаний о пережитом.

— Чем ближе я подходила к храму, тем глубже погружалась в густой мрак безысходной тоски. Понимаешь, Хельва, он был почти осязаем, — задумчиво проговорила она и вдруг добавила без всякой жалости к себе: — И я бездумно отдавалась ему... Пока меня не достал твой дилан.

Глаза ее восторженно распахнулись.

— У меня просто мороз пошел по коже! А последний аккорд пронзил до самого нутра, — простонала она, для пущей убедительности прижав кулачок к животу. — Торн отдал бы все на свете, лишь бы сочинить дилан такой невероятной силы! — Плечи ее судорожно вздрогнули. — А этот кошмарный труп! — Она зажмурила глаза и передернулась, но тут же резко тряхнула головой, отгоняя мрачное виденье. — Знаешь, — задумчиво прищурясь, пробормотала она, — теперь я понимаю, что и сама сделала нечто подобное... с Торном.

— Пожалуй, так оно и было, — тихо согласилась Хельва.

Кира маленькими глотками отхлебнула кофе. Теперь, когда на смену показной веселости пришел внутренний покой, лицо ее, несмотря на усталость, выглядело оживленным.

— Ну какой же я была дурой, — с горькой насмешкой проговорила она.

— Даже Ценкому случается сесть в лужу, — напомнила Хельва.

Кира заразительно расхохоталась.

— Такова Вечная Истина! — провозгласила она и, приплясывая, закружилась по кабине.

Хельва одобрительно следила за этим победным танцем — что касается Киры, такой исход дела ее несказанно радовал. Да и себя она не могла упрекнуть за то, что пришлось убить своего же собрата: Лия умерла уже давным-давно, не пережив своего пилота. Наконец-то этот измученный рассудок обрел покой — так же как и Кира. Теперь они вместе продолжат свой полет аиста, собирая семя...

Внезапно Хельва издала такой восторженный вопль, что Кира вздрогнула от неожиданности.

— Что это на тебя нашло?

— Послушай, выход невероятно прост! Не могу поверить, что-

бы тебе его до сих пор никто не подсказал. Или, может быть, ты сама не захотела?

— Я так никогда и не узнаю, о чем речь, если ты мне наконец не скажешь, — поддела ее Кира.

— Одна из причин твоей одержимости горем...

— Я уже с ним справилась, — резко перебила Кира, глаза ее сверкнули гневом.

— Не смеши меня! Так вот, одна из причин в том, что вы с Горном не оставили потомства — так?

Кира стремительно побледнела, но Хельва продолжала гнуть свое:

— Но я уверена, что ни его, ни твои родители, в отличие от вас, не сваляли дурака и выполнили свой долг перед БСЧ. Я не ошиблась? Так что их семя и поныне хранится там. Остается взять яйцеклетку твоей матери и сперму его отца, и...

Глаза Киры недоверчиво расширились, рот приоткрылся, лицо озарилось робкой надеждой. По щекам побежали ручейки слез. Она осторожно протянула руку и легонько коснулась смотровой панели.

Хельва увидела, что Кира приняла ее идею, и душа ее наполнилась странным, неизъяснимым ликованием. Вдруг девушка судорожно вздохнула, и на лице ее мелькнуло недоумение.

— А ты сама... Почему бы тебе тоже не взять яйцеклетку твоей матери...

— Нет, — резко ответила Хельва, потом добавила, уже мягче: — В этом нет необходимости. — Теперь она знала — и умом, и сердцем, что каждый переживает горе по-своему, каждый находит свой выход: и она, и Кира, и Теода.

Вид у Киры был сокрушенный и слегка виноватый — как будто она не чувствовала себя вправе воспользоваться предложением Хельвы, если та сама от него отказывается.

— В конце концов, — со смешком в голосе проговорила Хельва, — не многие женщины, — она сознательно и даже гордо употребила это слово, зная, что сама, как и ее подвижные сестры, может с полным правом именовать себя так, — произвели на свет сразу сто десять тысяч младенцев!

Кира залилась веселым смехом — эта аналогия привела ее в неописуемый восторг. Потом схватила гитару и громко заиграла вступительное арпеджио. И вот уже голоса пилота и корабля, гармонично сливаясь, вознесли к изумленным звездам распевную серенаду Шуберта. Путь их лежал к Неккару и к избавлению.

Глава 4

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ

Хельва убавила звук. Какое счастье, что наконец вынесли все трубки с эмбрионами и баки с питательными смесями! Правда, ее отнюдь не радовал тот разгром, который учинили монтажники у нее на борту. Можно подумать, ей мало царапин, оставленных на полу металлическими стеллажами, и пятен от питательной жидкости на обшивке! Но оставалось только помалкивать: даже в пилотской каюте виднелись явные следы долгого обитания, а уж Кире Фалерновой никак нельзя отказать в опрятности. Однако у Хельвы не было ни малейшего желания явиться на Регул в таком затрапезном виде и уж тем более предстать перед новым «телом», если таковое ожидает ее там.

Все это она и высказала другому мозговому кораблю, который коротал время по соседству с ней, неподалеку от торговых складов космопорта Неккар.

— А по-моему, Хельва, это неразумная трата денег, — ворчливо проговорил Амон, ТА-618. — Откуда ты знаешь, что новый напарник оценит твой вкус? Пусть лучше сам заплатит из своего жалованья. Надо шевелить мозгами, иначе так никогда и не избавишься от кабалы. Я вообще не понимаю, почему тебе так не терпится посадить себе на шею очередного напарника.

— Просто я люблю людей.

Амон насмешливо фыркнул. Не успев приземлиться, он сразу принялся жаловаться на пороки и недостатки своего «тела». Хельва напомнила себе, что Амон с Трейсом провели бок о бок уже пятнадцать галактических лет, а это, говорят, самый трудный период любого длительного союза.

— Интересно, как бы ты запела, если бы тебе *пришлось* терпеть их у себя на борту так подолгу! Вот узнаешь, что это за удовольствие — всегда угадывать наперед, что скажет твое «тело», — тогда, может быть, поймешь, каково мне приходится...

— Мы с Кирой Фалерновой провели вместе три года...

— Сравнила! Ты же знала, что это временное назначение! На таких условиях можно примириться с чем угодно. А вот когда ты неотвратимо уверен, что впереди двадцать пять, а то и тридцать лет...

— Если все так уж скверно, попроси замену, — предложила Хельва.

— И прибавь неустойку к тому долгу, который на мне висит?

— Извини, я совсем забыла, — поспешно ответила Хельва. Она сразу поняла, что ее совет был не очень-то уместен. У Амона были свои причины для недовольства — не так давно он столкнулся с тучей космического мусора, и это стоило ему замены половины носовой обшивки. А цены на ремонт и обслуживание станции, не принадлежащие Мирам, заламывают просто грабительские. Сами же Центральные Миры доказали, что причиной аварии явилась его собственная оплошность, и он не получил ни страховки, ни компенсации.

— Ну, предположим, попрошу я замену, — кисло продолжал Амон, — тогда придется соглашаться на первого попавшегося напарника, и никаких тебе отказов.

— Да, ты прав.

— Ведь это не меня благодарные неккарцы завалили двойными премиями!

Упрек был столь несправедлив, что Хельва едва не ответила резкостью, но все же сдержалась и лишь кротко выразила надежду, что все потихоньку образуется. Амону был нужен не советчик, а сочувствующий слушатель.

— Послушай того, кто на этом деле собаку съел, — смягчившись, изрек Амон. — Хватайся за каждый одиночный рейс. Копи премии, пока они к тебе плывут. Тогда потом ты сможешь поторговаться с Мирами. Мне не повезло. А вот и мой напарничек...

— Я вижу, он торопится.

— Интересно, кто придал ему такое ускорение? — так ехидно буркнул Амон, что Хельва начала задумываться: уж так ли виноват его партнер? В конце концов, мозговые корабли — те же люди...

Тогда-то она и услышала по межсудовой связи возбужденный голос Амонова напарника:

— Амон, старина, срочно снимаемся! И во весь дух обратно на Регул! Мне только что сказали...

Связь прервалась.

В этом весь Амон — взять и зажать хорошие новости! Хельва даже не обиделась. «Пусть ему хоть на этот раз повезет», — мысленно пожелала она, переключаясь на наружные камеры, чтобы увидеть его взлет. Если он получит выгодный рейс и вдобавок премию за доставку груза, то сможет выплатить свой долг. И даже разобраться с напарником. Он заглядывал к ней на борт в тот день, когда они с Кирой прибыли на Неккар, и показался ей вполне симпатичным. «Но так поступить — это просто мелочность», — подумала Хельва, и тут ей пришло в голову, что но-

вость, которую принес пилот ТА-618, наверняка пришла не по экстренной связи.

— Диспетчерская космопорта Неккар? Это Х-834.

— Хельва? Я как раз собирался с тобой связаться. Ты довольна нашими эксплуатационниками? Если тебе что-нибудь понадобится, скажи им, не стесняйся, — любезно предложил диспетчер.

А ведь совсем недавно неккарцев постигло такое бедствие — вот уж кто, казалось бы, имел все основания жаловаться, как этот зануда Амон.

— Я только хотела узнать, почему ТА-618 так поспешно умчался.

— Да, новость, конечно, потрясающая! Живешь и не знаешь, что творится в соседней звездной системе! Я всегда говорил: чего только не бывает на свете. Но кто бы мог подумать, что людям... если, конечно, их можно назвать людьми... могут понадобиться какие-то старозаветные пьесы. Нет, ты можешь себе такое представить? — Диспетчер так долго гоготал, что Хельва уже начала терять терпение.

«И этот придурок Амон еще недоволен, когда знает наперед, что скажет его напарник!» — размышляла она, терпеливо дожидаясь, пока весельчак наконец выдаст что-нибудь осмысленное.

— К сожалению, не могу: ведь вы так и не сказали мне, что именно вам стало известно, — вставила Хельва, поняв, что диспетчер и дальше собирается ходить вокруг да около.

— Извини. Я думал, вы, корабли, всегда держите, ушки... прошу прощения... связь с друг другом. Обычно я пользуюсь только проверенными данными, а на этот раз сведения получены сразу по двум каналам — я уже говорил об этом пилоту Трейсу. Разведывательный корабль, направлявшийся к Бете Корви, зарегистрировал регулируемые энергетические всплески. И засек их источник — им оказалась шестая планета, у которой, каким бы невероятным это ни показалось... аммиачно-метановая атмосфера! Впервые слышу, чтобы в такой среде существовала разумная жизнь, а ты?

— Я тоже. Продолжайте, пожалуйста.

— Не успел экипаж подготовить зонд, который мог бы уцелеть в таком, с позволения сказать, воздухе... — Он снова загоготал.

— Скорее всего, то, чем мы дышим, для них не меньшая отрава, — заметила Хельва.

— Ну да, конечно. Так вот, не успели они почесать в затылках, как корвики сами установили с ними контакт. Как тебе это нравится?

— Я вся внимание. Никогда не слышала ничего более интересного.

— Неудивительно, что разведчики уцепились за них руками и ногами. Предложили этим корвикам обмениваться научной информацией и пригласили присоединиться к Федерации Центральных Миров. Послушай, — диспетчер задумался, — а откуда разведчики взяли, что их уровень по шкале цивилизаций достаточно высок, если они даже не спустили зонд на поверхность планеты?

— Если корвики смогли установить контакт с кораблем и вдобавок балуются регулируемыми энергетическими всплесками такой силы, что их можно зарегистрировать за пределами их солнечной системы, то я опасаюсь, что наш уровень на их шкале цивилизаций может оказаться слишком низким.

— Гм, об этом я как-то не подумал... — Нет, этот парень обладал поистине неисчерпаемой жизнерадостностью — после секундной паузы он снова завел свое: — Зато у нас есть кое-что такое, в чем они нуждаются просто позарез! — Он выпалил это с таким торжеством, будто дефицитный товар принадлежал лично ему. — И это не что иное, как пьесы!

— Пьесы?

— Вот именно! Сама подумай — каково, должно быть, создавать произведения искусства на планете с аммиачно-метановой атмосферой! Короче, суть дела в том, что они согласны обменять кое-какие энергетические процессы, которые нужны нам, на наши старые пьесы.

— Шило на мыло? — пробормотала Хельва.

— В каком смысле?

— И все же не пойму, почему ТА-618 так резво рванул отсюда?

— Это-то как раз самое простое. Центральные Миры созывают корабли со всего сектора. А уж тебе, Кораблю, который поет, сам Бог велел взяться за это дело.

— Что ж, может быть, — задумчиво проговорила Хельва. — Только я должна получить нового напарника, а кто же поручит такое ответственное задание совсем зеленой команде?

— Уж не хочешь ли ты сказать, что заранее отказываешься от борьбы? Трейс говорил, за этот рейс обещают тройную премию, так что каждый корабль в здравом уме и твердой памяти постарается не упустить свой шанс.

— Я-то как раз в здравом уме, но для меня есть кое-что поважнее, чем тройная премия.

Молчание, последовавшее за ее словами, оказалось куда крас-

норечивее любой банальности, которую смог бы изречь словоохотливый диспетчер. К счастью, Хельва заметила, что зажегся сигнал экстренной связи, и, извинившись, включила приемник.

Сообщение начиналось с кода рейса, и она принялась записывать полетные данные.

Ей предписывалось срочно вылететь на базу Регул, а по пути совершить посадку на планете Дуур-3. Там, в шлюзе № 24 Университетского космопорта, ей предстояло взять на борт четырех пассажиров и незамедлительно проследовать на базу.

— Раз уж пришел такой приказ, мэм, придется дать вам немедленный вылет, — сказал диспетчер, когда она снова переключилась на его канал.

— Не надо так спешить, дружище. Раз уж мне велено взять на борт пассажиров, я не хотела бы выглядеть замарашкой. Кажется, вы говорили, что если мне что-нибудь понадобится...

— И это не только слова, — галантно заверил ее услужливый неккарец.

Итак, Хельва мчалась к Дууру-3 со скоростью, которую не смог бы вынержать ни один человек. Ее каюты и грузовые отсеки сверкали свежей краской; там, где еще недавно качались колыбели с тысячами эмбрионов, снова появились койки обычного размера.

Приняв к сведению скептические замечания Амона, она убедила сговорчивого бригадира ввести в обычные краски хитрые химические добавки. Благодаря вкраплениям губанской пемзы, приглушенные зеленые тона пилотской каюты могли менять оттенок в зависимости от освещения и таким образом уловлетворить любой вкус. По ее просьбе камбуз отделали в ярко-оранжевой гамме. Цвет получился довольно знойный, но она на это и рассчитывала — на камбузе надо быстро есть, а не рассиживаться. Главная рубка стала кремовой с голубой отделкой, а остальные каюты голубыми и бежевыми. «Бедняга Амон сам не дает себе труда пошевелить мозгами, — размышляла Хельва. — Наверное, он просто не додумался воздействовать на своего напарника методами цветопсихологии. А еще говорит, что с постоянным партнером труднее ужиться».

Бригадир и его подчиненные работали споро, и после того, как отделочные составы были выбраны и подготовлены, переоборудование интерьера не заняло много времени. Чистота и порядок на борту стоили того, чтобы задержаться и на более долгий срок, — зато теперь она может встретить пассажиров, не стыдясь за свою внешность. По правде говоря, она с нетерпением ожида-

ла этого, ее всегда волновали встречи с новыми людьми. «И новыми напарниками», — решительно напомнила она себе. Как бы там ни было, плата за провоз этих пассажиров с лихвой окупит затраты на косметический ремонт, так что можно забыть про дурацкие советы Амона.

Значит, он хочет расплатиться с долгами — каково? Мчась через черный космос к мерцающему вдали Дууру, Хельва задумалась. Что ж, даже мозговому кораблю нужна цель в жизни. На всякий случай она проверила сумму своей задолженности и была приятно удивлена: долг резко сократился.

Какая неожиданность! Если, оставаясь «бестелесным» кораблем, она будет продолжать хотя бы вполовину столь же резво, то уже через три стандартных года сможет откупиться от Центральных Миров! Всего десять лет службы — и она сама себе госпожа? Это просто неслыханно! Амон тянет лямку уже почти сто пятьдесят лет и, тем не менее, постоянно стонет по поводу суммы своего долга. Правда, нужно учесть, что он из породы нытиков и половину его жалоб не стоит принимать всерьез. Но ведь есть и «свободные» корабли! — например, ИГ-635, Амонов одноклассник! Он выполняет кое-какие задания для Федерации Скорпиона и прошел переоборудование для работы в их атмосфере.

Что до нее, то ей просто везло. Конечно, вознаграждение за тот роковой рейс к Равелю — это деньги, политые слезами и кровью, хотя они тоже пошли ей в актив. Борьба с эпидемией на Аннигоне принесла ей полное жалованье плюс премиальные. А все то время, пока они с Кирой работали по заданию БСЧ, выполняя серию «полетов аиста», ей платили вдвойне, потому что у Киры был отдельный контракт с Банком. Происшествие на Алиоте дало ей вознаграждение, объявленное за обнаружение беглого 732, а теперь еще невиданная премия от неккарцев... Серьезного ремонта у нее не было — да и зачем он ей, в ее-то возрасте? — так что ее финансовое положение выглядело весьма и весьма радужно, несмотря на астрономические затраты на уход и обслуживание, накопившиеся за время ее детства.

Допустим, ей удастся погасить остаток долга — и что дальше? Все равно она наверняка заключит контракт с Космической службой Центральных Миров, потому что эта работа ей по душе. Хотя, спору нет, было бы приятно в кои-то веки послать Миры подальше. Тогда она могла бы сама нанимать и увольнять напарников, когда ей это заблагорассудится.

Да, такое преимущество стоит того, чтобы рассчитаться с долгами!

И все же она никак не могла понять: почему Амон не предпочтет уплатить неустойку, если Трейс так уж невыносим? Все равно Центральные Миры не откажутся от своего корабля, будь он хоть по уши в долгах... С другой стороны, ей-то какое дело? Ей нужно думать о своем напарнике — хорошо бы он ждал ее на Регуле, когда она прибудет туда с пассажирами. В конце концов, у нее тоже есть свои права, независимо от величины долга.

Несмотря на огромную скорость, полет казался бесконечным: вереница дней и ночей сливалась в один сплошной поток времени, состоящий из бессонных и бессмысленных часов. Она была запрограммирована для сотрудничества, для того, чтобы о ком-то заботиться, о ком-то думать, кому-то служить. Ее привлекала духовная близость с другими людьми, взаимный обмен мыслями — пусть даже где-то в будущем свежесть чувств сменится глухим раздражением, рожденным долгой привычкой. Все равно она хочет пройти все это сама, познать на собственном опыте, а не из жалоб старого разочарованного мозга.

Службы дуурского космопорта частично скрывались в толще мощного горного хребта, пересекающего Северо-Восточное полушарие планеты. По другую его сторону и в самой горе находился грандиозный административный комплекс этой университетской планеты.

Приземлившись у шлюза № 24, Хельва заявила о своем прибытии, и сразу же к ее пассажирскому люку уверенно пополз гигантский гибкий червь переходного тоннеля. Двое стояли поодаль, дожидаясь, пока будет завершено соединение: один облокотился на заваленную багажом тележку, второй то и дело одергивал полы и рукава кителя и посматривал на часы.

— Время дорого. Ты знаешь, чьи вещи куда везти?

Грузчик, не удостоив чиновника ответом, ловко направил тележку на корабль и, проехав через главную рубку, свернул в коридор.

— Гм, корабль выглядит как новенький, — оглядываясь по сторонам, пробурчал чиновник, было видно, что он приятно удивлен. Он задержался на камбузе, чтобы сунуть нос в ящики и кладовки. — А где у кораблей этого класса клавиша заказа? — спросил он грузчика, который заносил в каюту чемоданы.

— Спросите у самого корабля, — посоветовал тот. — Разве вы не заметили, что это МТ?

— Мозг-тело? — изумился чиновник. — Прошу прощения, сэр или, может быть, мадам?

Хельва снисходительно наблюдала, как он, не имея понятия,

где она находится, пытается изобразить поклон, одновременно поворачиваясь на месте, так чтобы его приветствие охватило весь периметр главной рубки.

— У вас достаточно продовольствия, чтобы прокормить четырех пассажиров до базы Регул?

— Вполне.

— Какая удача. Ведь мы не знали, какой корабль прибудет, — все случилось так неожиданно. А оказалось — корабль класса МТ! Что ж, это очень лестно. Ведь вы, наверное, можете во время полета регулировать силу тяжести у себя внутри? — спросил он, снова взглянув на часы.

— Безусловно. А в чем дело? Я ведь еще не получила задания.

— Неужели? — Он был заметно озабочен. — Ничего не понимаю — вас должны были проинструктировать заранее. В обязательном порядке. Впрочем, это не так важно, забудьте об этом. Правда, я настоятельно просил... но раз вы можете регулировать гравитацию, то все проблемы снимаются, ведь так?

«Ну и везет же мне на недоумков!» — простонала про себя Хельва, а вслух сказала:

— Если вы уточните, какая именно гравитация вам потребуется...

В это время у дальнего конца шлюзового перехода раздался взрыв криков и аплодисментов, и чиновник выжидательно повернулся по направлению к входу.

— Вот и они. Солар сам вам скажет, или мисс Стер, медсестра, которая его сопровождает. Вы знаете, что стартовать нужно немедленно?

Грузчик лихо покатил к выходу, по дороге бойко отсалютовав Хельве.

— Багаж подготовлен к взлету, — бросил он через плечо.

— Отлично, — рассеянно пробормотал его начальник, вслед за ним направляясь к шлюзу. Его озабоченность сменилась заученной улыбкой — навстречу по тоннелю уже двигалась шумная компания.

Судя по всему, четверо идущих впереди и есть ее пассажиры — не зря они одеты в летные костюмы. Хельва увеличила картинку, и ей сразу стало ясно, кому из пассажиров понадобится уменьшенная гравитация. Как минимум половинная, решила она. Один из мужчин двигался явно через силу, было видно, что он ценой огромного напряжения заставляет свои мускулы преодолевать непривычное сопротивление. Хельва заметила, что даже мышцы лица у него обмякли, а жаль — когда-то он, по-видимо-

му, отличался незаурядной красотой. И все же он держался прямо и высоко нес гордую голову, не желая, чтобы физическая слабость лишила его внешнего достоинства.

Он так заинтересовал ее, что она только мельком взглянула на второго мужчину и двух женщин. Вот уже вся компания ввалилась в шлюз.

Портовый чиновник поспешно отступил в сторонку, пропуская пожилого мужчину импозантной наружности, чье одеяние украшал целый букет разноцветных академических отличий. Ступив в рубку, он изысканным жестом подал руку своей спутнице. Это была женщина поистине ослепительной красоты.

— А вот и ваш ковер-самолет, он перенесет вас на базу Регул. Позвольте, Анера Колмер, еще раз напомнить вам, какое удовольствие доставила лично мне наша встреча. Что же касается Дуурского университета, то его руководство по достоинству оценило ту любезность, с которой вы согласились нарушить свои личные планы и вместе с соларом Прейном познакомить студентов с вашим непревзойденным искусством. Ваша Антигона — само совершенство. Ваш монолог из второго акта Фора впервые позволил мне всецело оценить напряженную перекличку цвета, запаха и ритма. Вам подвластны все тайны вашего искусства, и я уверен, что ваш талант в самое ближайшее время будет по достоинству увенчан званием солары.

Хельве показалось, что улыбка на внешне безмятежном лице Анеры Колмер слегка застыла, а уж в ее мерцающих глазах и вовсе не было ни тени веселья.

— Вы необычайно любезны, господин директор, особенно если учесть, что на Дууре уже есть свой солар. — Она изящно повернулась в сторону жертвы гравитации. — Не понимаю, как вы можете с ним расстаться... — Не ожидая ответа, она миновала шлюз и прошествовала в главную рубку. Теперь, когда женщина стояла спиной к шумной группе провожающих, Хельва заметила, что она едва сдерживает раздражение и злость.

Директор откашлялся, казалось, он отлично понял ее намек. Потом церемонно поклонился солару.

— Ведь вас, Прейн, навряд ли удастся отговорить?

— Уважаемый директор, Центральные Миры слишком настоятельно заявили, что я им нужен. Откликнуться на их зов — мой профессиональный долг. И если мой вклад в это начинание получит признание, в нем будет и ваша заслуга — вы всегда были так добры ко мне. — У Прейна был глубокий звучный голос, голос опытного профессионального актера. И если Хельва замети-

ла в нем странную глуховатость, а временами и некоторую неуверенность — будто голос вот-вот сорвется, — то лишь потому, что ее датчики были более чуткими, чем уши восторженной толпы юных студентов и их терпеливых наставников.

— Предоставленный заботам мисс Стер, наш солар вернется с триумфом еще до конца семестра, — проговорил второй мужчина, отправляющийся вместе с Прейном.

— Ваша правда, Даво Филаназер, — горячо поддержал его директор и повернулся, чтобы попрощаться с молодой женщиной, сопровождавшей Прейна.

Хельва зачарованно следила за разнообразными нюансами и богатым подтекстом этой сцены прощания. В любом случае скучать во время полета не придется.

— Мы не должны задерживать пилота, — сказал наконец солар Прейн. Очаровательно улыбнувшись, он виновато пожал плечами и помахал толпе, которая откликнулась вздохом печали и ропотом сожаления. Кое у кого даже слезы навернулись на глаза, когда он, взяв под руку мисс Стер, ступил в шлюз.

Мужчина, которого назвали Даво Филаназер, встал рядом с ним и тоже принялся махать провожающим.

Вот солар Прейн повернулся к своей юной спутнице, и Хельва заметила, как он тихо обронил несколько слов:

— Керла, я едва держусь на ногах. Попроси пилота закрыть шлюз.

Не дожидаясь просьбы, Хельва включила механизм закрытия шлюза.

— Даво, помогите мне, — крикнула Керла, как только провожающие скрылись из вида. Она обхватила солара за талию, и его крупное тело бессильно обмякло.

— Чертов упрямец, — пробормотал сквозь зубы Даво Филаназер, но руки его обняли Прейна так бережно, как будто он боялся причинить солару боль.

— Мне уже лучше... лучше, — свистящим шепотом повторял Прейн.

— Это было чистое безумие — согласиться на прощальный банкет в вашем состоянии да еще при полной гравитации, — с упреком сказала Керла.

— Герой должен и уходить как герой, — язвительно протянула Ансра Колмер. Теперь она уже не скрывала своих чувств, и ее лицо дышало откровенной ненавистью, в глазах светился злорадный огонек — ее несказанно забавляла слабость Прейна.

— Но герой пока еще не на щите, Ансра, — ответил Прейн; ка-

залось, брошенный женщине вызов придал ему сил. Он отстранил от себя Керлу, отвел заботливую руку готового прийти на помощь Даво и, собрав все силы, медленно пересек рубку.

— Ну что, Ансра, осечка получилась? — спросил Даво, следуя за соларом.

— Несгибаемость Ансры передается и мне, — усмехнулся Прейн, и Хельва снова могла бы поклясться, что этот резкий обмен уколами ему только на пользу. Но медсестра солара явно придерживалась иного мнения.

— На сегодня вполне достаточно, — с дежурной бесстрастностью произнесла она и, словно не замечая, что Прейн способен двигаться самостоятельно, снова обхватила его за талию и повела к койке. — Здесь должен быть амортизирующий матрас, — сказала она, откидывая ячеистое одеяло. — Да, все в порядке. — Девушка ловко повернула солара и помогла ему опуститься на койку. Потом вынула из висящей на боку сумки диагностический прибор. Лицо ее ничего не выражало, но глаза внимательно следили за показаниями.

Хельва взглянула на шкалы и индикаторы, и некоторые цифры ее слегка озадачили. Напряжение сердечной мышцы оказалось в норме, хотя пульс частил от перегрузки. Кровяное давление выглядело слишком низким для человека в состоянии стресса и слишком высоким для того, кто привык к пониженной гравитации. И совсем в тупик ее поставила ЭЭГ. Прейна сотрясала реакция на мышечную перегрузку. Распростертый на койке, он выглядел постаревшим и усталым.

— Что ты собираешься мне дать, Керла? — резко спросил он и приподнялся, увидев, что девушка готовит ампулу для внутривенного впрыскивания.

— Релаксант и...

— Только никаких снотворных и блокаторов — я категорически отказываюсь.

— Не забывайте, солар Прейн, что я ваша медсестра, — твердо и невозмутимо ответила она.

Прейн потянулся к ней, и рука его задрожала, но Хельва увидела, как крепко его пальцы впились в тонкое запястье девушки. Керла Стер, не дрогнув, выдержала его взгляд.

— Вы не перенесете взлет без снотворного после того, как вы истратили столько сил на этом банкете...

— Дай мне релаксант, Керла, и больше ничего. Я сам справлюсь со своими... затруднениями. Как только мы будем в космосе, пилот убавит силу тяжести.

Это была дуэль двух воль, за которой с интересом наблюдал Даво. К своему удивлению, Хельва сделала вывод, что он на стороне Прейна, — когда сестра убрала два пузырька в сумку и ввела лишь один препарат, у него вырвался вздох облегчения.

— А где же наш пилот? — спросила девушка у Даво, выйдя из каюты и плотно прикрыв за собой дверь.

— Пилот? — переспросила Ансра Колмер, лениво поворачиваясь в кресле. — Вы, милочка моя, так самозабвенно любовались классическим профилем нашего солара, что пропустили мимо ушей весь предполетный инструктаж.

— Христа ради, Ансра, спрячь свои когти: ты начинаешь действовать всем на нервы, — предостерегающе усмехаясь, проговорил Даво и подтолкнул медсестру к кушетке. — Это мозговой корабль, Керла, так что больше никакой пилот нам не нужен. От нас требуется только занять свои места.

— Мисс Колмер, если вы...

— И соблюдать тишину, — непреклонным тоном добавил Даво и сжал руку девушки, призывая к послушанию. — Ведь чем скорее мы стартуем, тем лучше для Прейна, разве не так?

Она покорилась, все еще пылая возмущением. В довершение ко всему Ансра Колмер торжествующе улыбнулась, наблюдая за ее капитуляцией.

— В путь, — сказал Даво и, обернувшись, кивнул Хельве.

— Благодарю, мистер Филаназер, и приветствую всех на борту Х-834, — спокойно произнесла Хельва, но на этот раз бесстрастный тон дался ей с трудом. — Прошу пристегнуть ремни. — Ансра Колмер прекратила крутиться в кресле только для того, чтобы выполнить это распоряжение, а потом возобновила прерванное занятие. — Мисс Стер, у меня к вам вопрос: повлияет ли обычное стартовое ускорение на состояние солара Прейна?

— Не должно, если его предохраняет амортизирующий матрас.

— И наркотики, — едко вставила Ансра.

— Солар Прейн не принимал снотворного, — взвилась медсестра, но ремни не дали ей вскочить с места.

— Ансра, перестань к ней цепляться! Ты прекрасно знаешь, что Прейн не принимает наркотиков и никогда не принимал!

— Разрешение на взлет получено, — сказала Хельва, чтобы прекратить перепалку. Для пущей правдоподобности она даже пустила шум двигателя через главный динамик.

Готовясь к старту, Хельва не спускала глаз с Прейна. Конечно, амортизирующий матрас надежно защищал его, но для человека, с трудом переносящего полную гравитацию, старт должен пока-

заться весьма мучительным. Она решила, что быстрый взлет доставит ему меньше страданий, чем постепенное наращивание ускорения. Дав полную тягу, Хельва увидела, как он мгновенно потерял сознание от боли.

Освободившись от притяжения Дуура и взяв курс на Регул, Хельва сразу же полностью отключила тягу, даже то небольшое вращение, которое она обычно поддерживала для удобства пассажиров. Прейн не приходил в сознание, но жилка на его шее билась ровно.

— Я должна пойти к нему, — раздался в главной рубке голос Керлы.

Хельва заглянула туда и увидела, что медсестра беспомощно распласталась по стене каюты.

— Тогда двигайся потихоньку, — подсказал Даво. — Ты достаточно времени провела в половинной гравитации, чтобы знать: чем сильнее действие, тем сильнее и противодействие.

— Знала бы ты, какой у тебя дурацкий вид! — фыркнула Анера.

— Мисс Стер, солар Прейн потерял сознание еще до достижения максимальной тяги, — доложила Хельва, — но состояние у него удовлетворительное.

— Мне нужно к нему, — заволновалась Керла, — у него такие мягкие кости!

Нарушение опорно-двигательного аппарата? Как же ему позволили лететь? С ума они там, что ли, посходили? Но откуда тогда такое сильное мозговое возбуждение?

— Может быть, прибавить гравитацию? Амортизирующая сетка поможет...

— Нет, пожалуйста, не нужно, — взмолилась Керла.

— Если вы думаете, что я соглашусь провести весь полет до Регула в невесомости, то глубоко ошибаетесь, — заявила Анера, разом утратив всю свою веселость.

— Чем дольше он не будет испытывать воздействия гравитационных сил...

— Весьма сожалею, — перебила девушку Анера. — Но я знаю, что может случиться со мной при постоянной невесомости, и не собираюсь...

— Опасаешься за свои мышцы, дорогуша? — усмехнулся Даво. — Но ты можешь всегда присоединиться к нам — изометрическая гимнастика творит чудеса. К тому же советую тебе привыкать к невесомости. Ты наверняка помнишь, что в предполетном инструктаже — ведь ты слушала его с таким вниманием —

упоминалось: нам придется играть в полной невесомости. Так что хочешь не хочешь, а привыкнуть придется.

— Но я услышала и другое: переносу подвергнутся наши сознания. А меня сейчас заботит мое тело.

— Что касается тела солара Прейна, то ему нужен отдых, — отрезала Керла, которой удалось добраться до каюты солара. — Ведь если я не ошибаюсь, он — режиссер труппы.

— Послушайте, дамы, а что, если нам пойти на компромисс? — предложил Даво. — Днем удовлетворимся половинной гравитацией, а ночи, когда все мы спокойно спим в своих сетках и ни о чем не тревожимся, будем проводить в невесомости.

— А это можно устроить? — с надеждой спросила Керла. На Дуурс приходилось постоянно поддерживать половинную гравитацию, потому что на большее не хватало энергии.

— Половинная гравитация устроит вашу милость? — спросил Даво, отвешивая Ансре насмешливый поклон.

— Невесомость или половинная гравитация — он все равно долго не протянет! — со злобной усмешкой бросила она, услышав, как за Керлой захлопнулась дверь.

Ансра сбросила ремни и, устроившись в кресле с ногами, в упор уставилась на Даво.

— Не понимаю, Даво, почему ты продолжаешь защищать эту развалину, почти труп. Не надо спорить: я вижу, что его рассудок поврежден. Не забывай, я его неплохо знаю. — Ее улыбка намекала на весьма интимную близость. — А ведь именно сознание подвергнется переносу. — Внезапно ее голос и повадка неуловимо изменились. — Скажи, Даво, неужели тебя устраивает положение актера на вторых ролях?

Хельва повнимательнее присмотрелась к мужчине. Сначала она подумала, что он друг или помощник Прейна, а не его коллега. В нем не было того налета постоянного актерства, который отличал Ансру и солара.

— В Театральной гильдии тебя очень высоко ценят как прекрасного исполнителя классических ролей, — продолжала тем временем Ансра. — Почему ты всегда остаешься в тени Прейна — и на сцене, и в жизни?

Несколько секунд Даво спокойно разглядывал женщину, потом безмятежно улыбнулся.

— Так уж вышло, что я безгранично уважаю Прейна — и как актера, и как человека.

Ансра насмешливо фыркнула.

— Ты не сводишь с него глаз, как дублер в день премьеры.

Слушаешь его лекции, когда он экспериментирует со сценическим движением в невесомости! Смех, да и только! Прикрываешь его, чтобы толпы поклонников не прознали про слабости своего героя!

— Мои мотивы не так подозрительны, как твои. Интересно, почему два месяца назад, во время последних гастролей, ты сделала такой огромный крюк, чтобы навестить своего старинного друга Прейна Листона? Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

Даже слой косметики не смог скрыть от Хельвы румянца злости, вспыхнувшего на щеках актрисы.

— Тот мой визит, Даво Филаназер, пришелся весьма кстати, — с притворной улыбкой ответила она. — Как следует из полетного инструктажа, нас перенесут в... как там говорилось... в пустые оболочки, которые ожидают каждого из нас на Бете Корви, и тогда внешность не будет играть никакой роли. Все решит талант. Я всегда считала, Даво, что ты сделал неудачный выбор, ударившись в классику. У тебя такой голодный, неудовлетворенный вид, что ты пожизненно обречен оставаться Яго или Кассио. А ведь на Бете Корви ты мог бы стать... Ромео. — Она ослепительно улыбнулась.

— Но, как я понимаю, не в том случае, если режиссером и Ромео останется Прейн Листон, не так ли? — Даво наклонился к женщине, глаза его блеснули, но смуглое худощавое лицо оставалось непроницаемым. — Ты не желаешь верить очевидным фактам даже тогда, когда услышишь их своими ушами. Ведь так, Ансра? Ты никак не можешь поверить, что чары Ансры Колмер больше не властны над Прейном Листоном.

— При чем тут это! — с высокомерным безразличием бросила она.

Даво понимающе улыбнулся. Откинувшись на кушетке, он продолжил за нее:

— Тебе ведь нужен свой, послушный режиссер, который позволит Джульетте затмить всех остальных? А имея рядом благодарного, но слабого Ромео — вроде меня, — ты сумеешь выглядеть вдвое эффектнее, не затрачивая и половины тех сил, которых требует от тебя Прейн. Забудь и думать об этом, Ансра, — посоветовал он, до глубины души возмущенный ее коварством. — Прейну всегда удавалось выбить из тебя лень, и в его постановках ты бывала хороша как никогда.

Но ведь не это главное, во всяком случае в нашем спектакле. На сей раз на карту поставлено нечто гораздо большее, чем твое

чудовищное самолюбие. Или ты и правда плохо слушала инструктаж? Бета-корвики могут регулировать период полураспада любого нестабильного изотопа. И если Центральные Миры получат от них этот метод, грядет настоящая революция в области ядерных двигателей, и тогда мы скоро сможем беспрепятственно странствовать по просторам галактик... — Он иронически усмехнулся. — Представь себе: если наше ничтожное кривляньс придется им по вкусу, то уже на следующий сезон ты сможешь играть в туманности «Конская голова». Ты поняла, Анера Колмер? Или, — он вопросительно прищурился, — мне уже пора привыкать к новому обращению — солара Анера?

— Тогда крепко подумай, Даво, — предупредила она, настороженно глядя ему в глаза, — подумай обо всем, чем это чревато. Мне наплевать на альтруизм — не он подписывает контракты и платит жалованье. И я бы ни за что не согласилась на это турне, если бы не метод переноса, который применяют корвики.

Даво смотрел на нее с таким пристальным вниманием, что она мимолетно улыбнулась.

— Нет, правда, Даво, — что интересного для себя могут найти эти корвики в такой старомодной любовной истории, да еще с совершенно невероятным общественным строем, как Ромео и Джульетта?

— А ты, оказывается, еще большая лицемерка, чем я предполагал!

— Обман — это то, что мы создаем, а вовсе не то, во что верим. А с нашим выжившим из ума Ромео вся затея потеряла бы всякий смысл... если бы не этот перенос. Раз уж их метод может работать в аммиачно-метановой атмосфере, то в других условиях сработает и подавно. Он открывает перед нами совершенно новое зрительское измерение...

— И в этой новой среде солара Анера становится звездой первой величины? — спросил Даво, пристально глядя ей в глаза.

«Интересно, заметил ли он, что в ее планы вкралась ошибка?» — подумала Хельва.

— Почему бы и нет? Не нужно быть медицинской сестрой, чтобы видеть: дни Прейна сочтены. Он настолько ослаб, что не вынесет такого напряжения. От мыслеуловителя его череп совсем размяк...

— Череп — да, но не мозг, — резко парировал Даво. — И уж тем более не мой. Я отлично помню, чем я обязан этому человеку, живому или мертвому, и я останусь с ним до конца. Запомни это, Анера Колмер. И если ты не прекратишь третировать эту ми-

лую девчушку и не убедишь меня, что собираешься всерьез сотрудничать с нами, я подам на тебя в суд. В этом дальнем драматическом полете на карту поставлено слишком многое, чтобы мы могли пойти на риск и терпеть в своей среде раскол. Не забывай, что компьютеры выбрали Прейна из-за его таланта. Несмотря на состояние здоровья, у него самая благоприятная вероятностная кривая. И тебе, Ансра, лучше унятся, а то ведь я могу дать компьютерам кое-какие сведения, которые могут резко изменить твою кривую.

Даво оттолкнулся от кресла, но сделал это слишком резко для половинной гравитации и взмыл к потолку. Тут же исправив свой промах, он неторопливо двинулся в сторону камбуза.

— Автопилот, — злобно прошипела Ансра, — приказываю стереть мой разговор с Даво Филаназером. Команда ясна?

— Так точно, — ответила Хельва, стараясь, чтобы голос ее звучал неодушевленно, как у машины.

— Выполняй. Какая каюта предназначена мне?

— Номер два.

Наблюдая, как стройная фигура актрисы, покачиваясь, удаляется по коридору, Хельва ощутила странное, чисто женское удовлетворение: хорошо, что она задержалась на Неккаре, чтобы привести себя в порядок, зато теперь она, как всегда, в отличной форме.

Вечер выдался невеселый, совсем не такой, каким рисовала его себе Хельва, когда получила полетное задание. Даво был молчалив и настороженн, он бдительно наблюдал за Ансрой и Керлой и часто как бы невзначай проходил мимо открытой двери в каюту Прейна. Керла выглядела расстроенной, хотя и пыталась это скрыть. Хельва слышала, что Прейн отказался от медицинской помощи, а ее датчики подсказали ей, что он только притворяется спящим, — вероятно, чтобы избежать новых перепалок. Холодный, неприязненный взгляд Ансры неотвязно следовал за молоденькой медсестрой. Хельва подавала голос только в том случае, если к ней обращались, играя роль корабля-автомата, хотя Даво, скорее всего, знал, что она собой представляет.

Его разговор с Ансрой ничем не помог Прейну и только еще больше озлобил актрису, что усугубило напряженность на борту. Хельва даже заподозрила, что он намеренно спровоцировал женщину, заставив ее обнаружить свои честолюбивые замыслы в присутствии ее, Хельвы, как незримого свидетеля. Но если он хотел, чтобы Ансра скомпромстировала себя перед свидетелями,

зачем давать ей еще один шанс? Неужели Даво, отлично зная актрису, все же надеется, что она исправится?

С другой стороны, при чем тут она, Хельва? Конечно, если понадобится, она не преминет воспроизвести этот любопытный диалог. Но ей нет никакого дела до коварной звезды, безнадежно влюбленной медсестры и умирающего актера. Пусть о них печется другой корабль, хотя бы старина Амон. Нет, это надо же придумать: Ромео и Джульетта в невесомости, в газовой атмосфере! Шекспир в обмен на метод стабилизации? Пожалуй, в этом вопросе Хельва солидарна с Ансрой Колмер — вся затея выглядит чистой нелепицей!

Внезапно ее раздумья нарушил чей-то протяжный вздох. Кого-то мучат тревожные сновидения? Но нет, Прейн не спал, хотя все остальные безмятежно почивали под яченстыми одеялами. А как раз ему отдых совершенно необходим. Вот в тишине зазвучали слова:

— Аминь, аминь! Но пусть приходит горе:
Оно не сможет радости превысить,
Что мне дает одно мгновенье с ней.
Соедини лишь нас святым обрядом,
И пусть любви убийца, смерть — придет:
Успеть бы мне назвать ее своею!

Голос Прейна неподражаемо передавал все оттенки страстного монолога — нежный, звучный, он был неподвластен физическому недугу, терзавшему его тело. Но последовавший за словами смешок прозвучал горько и глухо.

Не кормчий я, но будь ты так далеко,
Как самый дальний берег океана,
Я б за такой отважился добычей.

И после долгой паузы:

Зловещий мой, отчаянный мой кормчий!
Разбей о скалы мой усталый челн!
Любовь моя, пью за тебя!

И снова пауза, такая долгая, что Хельва уже было решила, что он уснул.

О смерть, где твое жало?
О тлен, ты победил!

Хельва почувствовала дрожь, услышав, какое острое сожаление, какая невыносимая тоска прозвучали в его насыщенном глубокой страстью голосе. Он хочет умереть! Предвидит, что эта авантюра его убьет, и желает смерти.

Чтобы овладеть собой, Хельва повторила набор самых смач-

ных Кириных ругательств. Если бы она хоть что-то знала о механизме переноса сознания у бета-корвиков! Если они и вправду умеют стабилизировать изотопы, то, очевидно, достигли гениальных результатов в работе с энергией. Но если учесть, что мозг вырабатывает электричество — а это весьма примитивная форма энергии, — то, вероятно, электрический заряд можно переносить из одной емкости в другую. Теоретически все весьма просто, а вот как на практике? Может произойти утечка энергии, ошибочное запечатление у принимающего. Вдруг кто-то вернется полудурком? Хельва выбросила из головы эти мысли за явной недостаточностью данных. Кроме того, это не ее дело.

К тому же она сомневалась, что Прейну удастся выполнить свой замысел: ведь Керла Стер полна решимости поддерживать искру жизни в его бренном теле. И хотя она ничего не знала о бета-корвиках, ей было известно, что во всех цивилизованных обществах, с которыми ей удалось познакомиться, человеку запрещалось распоряжаться своей жизнью. Не зря Кира Фалернова столкнулась с непреодолимыми препятствиями, когда задумала покончить с собой.

И если Керла не глупа, — чего про нее не скажешь, несмотря на ее безрассудную влюбленность в Прейна, — она должна так же хорошо знать о его стремлении к смерти, как и о его физических страданиях.

Мысли Хельвы беспорядочно метались. Ей известно так мало — например, совершенно не ясно, как Прейн Листон мог дойти до столь плачевного состояния при нынешнем уровне профилактики, диагностики и медицинской коррекции? Он явно разменял второе пятидесятилетие, но в таком возрасте страдать размягчением костей? Костный мозг можно насытить кальцием, используя пищу с добавками фосфора. К тому же Анера тонко намекала на пристрастие Прейна к наркотикам. Сказала, что у него размягчение мозга... нет, черепных костей, — поправила себя Хельва, — «от мыслеуловителя его череп совсем размяк», — так она выразилась. Но мыслеуловитель всегда считался безвредным препаратом: он расширял возможности памяти, и его широко и подолгу применяли те, кто стремился застраховать себя от нежелательной потери информации. Ведь мозг взрослого человека ежедневно теряет около ста тысяч нейронов... Ясно, что для актера потеря памяти — это просто трагедия. Не могло ли случиться, что при долгом применении, да еще и в больших дозах, мыслеуловитель мог дать побочные явления, губительно сказавшись на костных тканях?

Хельва порылась в судовом банке данных, но там не было за-

регистрировано случаев пагубных последствий применения мыслеуловителя. Возможно, у актера, посещающего сотни планет, постоянно подвергающегося воздействию космических лучей, постепенно развилось нарушение клеточного кодирования, которое, в свою очередь, привело к развитию белкового стопора? Но клеточные инженеры должны были вовремя это заметить и исправить нарушение, изолировав дефектный фермент.

Хельва не сводила глаз с актера — теперь он бормотал целые сцены, изменяя голос по мере того, как один персонаж уступал место другому. Хельва зачарованно слушала, как в ночной тишине перед ней разворачивался акт за актом в безупречном исполнении солара. Его бдение закончилось перед самым рассветом, когда сон наконец принес страдальцу долгожданный покой.

Утро пришло и ушло. Хельва совершила дежурную проверку всех систем, пробежала показания детекторов и обнаружила что вокруг в радиусе связи нет ни единого корабля. Она ощутила разочарование и одновременно облегчение.

Первой пошевелилась Керла. И сразу же подплыла к постели солара. Увидев, что он мирно спит и даже следы усталости на его лице разгладились, она заметно успокоилась. Черты ее озарились любовью и нежностью. Девушка вышла и распахнула дверь напротив, плавно проплыла в камбуз.

Вскоре к ней присоединился Даво.

— Ну, как он сегодня?

Керла, сразу замкнувшись в себе, стала сыпать медицинскими терминами.

— Меня не интересуют подробности внутреннего устройства твоего любовника.

— Но Прейн Листон никогда не был моим любовником!

— Ужель желанье обогнало исполненье?

— Прошу вас, Даво!

— Не надо краснеть, детка. Я ведь просто пошутил. Меня устроит обычное да или нет. Сможет Прейн сегодня репетировать? Постановка в условиях невесомости представляет немалые трудности, и он говорил, что хочет пройти несколько сцен заранее, пока у нас есть время. Хельва сможет устроить нам невесомость в любой момент. Правда, Хельва?

— Конечно.

— Он говорит совсем как человек, — стараясь скрыть дрожь, проговорила Керла.

— Она, а не он, Керла. Не забывай: Хельва такая же женщина, как и ты, — ведь так, Хельва?

— Рада, что вы это заметили.

Даво расхохотался — такое замешательство отразилось на лице Керлы.

— Милая мисс Стер, уж вы-то как медик должны были давно установить личность нашего капитана!

— У меня слишком много других забот, — ответила она, вызывающе вздернув подбородок. — Но если я вас обидела, Хельва, то прошу меня извинить, — обернувшись, добавила она. Взгляд ее упал на закрытую дверь Прейна, и щеки залил густой румянец.

— Ведь ты, как никто, стараешься сохранить все в тайне, — сказала Хельва, заметив внезапное смущение девушки. — Можешь рассчитывать на мою помощь, — так выразительно добавила она, что Даво понял, почему покраснела Керла.

— Так, значит, киборгам тоже знакомо понятие «честь»? — с легкой иронией осведомился он, но глаза его смеялись.

— Безусловно, и каждому известно, что нас отличают врожденная надежность, верность, учтивость, честность, вдумчивость и нечеловеческая неподкупность.

Даво оглушительно расхохотался, но Керла зашикала на него, указывая на дверь Прейна.

— Ну и что? Он мне нужен. Да и ему было бы только полезно проснуться под звуки моего жизнерадостного смеха.

— Это похоже на хорошую выходную реплику, — отозвался Прейн, распахивая дверь. На лице его играла улыбка, плечи откинуты, голова высоко поднята — словом, все следы слабости и усталости как рукой сняло. А ведь Хельва знала, что он не мог так отлично отдохнуть, поскольку полночи бормотал про себя отрывки из пьес. Тем не менее он даже помолодел. — Ну что, приступим, Даво? — спросил он.

— Вы ни к чему не приступите, солар, — решительно заявила девушка, — пока не позавтракаете.

Он безропотно подчинился.

Несмотря на свою решимость не вязываться в личные взаимоотношения этого квартета, Хельва наблюдала за репетицией с напряженным интересом. Керле дали сценарий и велели исполнять обязанности суфлера.

— Итак, — бодро начал Прейн, — мы совершенно не представляем себе, как относятся корвики к поединкам между отдельными особями, если они вообще знают, что это такое. Кроме того, мы не знаем, могут ли они понять древние правила, которые сделали именно эту дуэль неизбежной. Однако наша группа не ставит себе целью объяснять древние социальные структуры и

понятия о нравственности. Если верить капитану разведывательного корабля, корвики были очарованы принципом особой «формулы» — команда в тот день смотрела «Отелло», — имеющей целью исключительно расход энергии для достижения возбуждения и рекомбинации и никаких более глобальных задач. — Он озадаченно усмехнулся. — Но ведь везде и всегда находились люди, считавшие театральное искусство пустой тратой энергии. Таким образом, не стоит и пытаться играть Шекспира как какой-то социальный комментарий. Будем придерживаться классической манеры и поставим «Ромео и Джульетту» в чистом виде, как это сделала бы труппа театра Глобус.

— Тогда для полной чистоты роль Джульетты должен исполнять мальчик, — с ехидной улыбкой напомнил Даво.

— Чистота чистотой, но не до такой же степени, — рассмеялся Прейн. — Пожалуй, я все же сохраню прежний состав исполнителей. Перед нами и так немало трудностей: придется играть в полной невесомости да еще освоиться с оболочками, которыми снабдят нас корвики. И если мы сейчас сумеем разучить все мизансцены, то по прибытии на Бету Корви нам останется только привыкнуть к нашим новым телам. Эта процедура мне представляется чем-то вроде смены костюма.

Итак, Даво в роли Тибальда выходит на авансцену. Бенволио и Меркуцио располагаются в южной части сцены, а я, Ромео, подхожу с востока.

Хельва поняла, что оба актера уже работали в невесомости — они умело принимали позы, ухитряясь так рассчитать силу толчка, что движения получались плавными, как у танцоров. Однако все перемещения требовали значительных физических усилий, и скоро, раз за разом проходя сцену дуэли, чтобы запомнить все движения до мельчайших нюансов, оба друга изрядно вспотели и запыхались.

Они продолжали усердно трудиться, экспериментируя, внося изменения и усовершенствования, пока дважды не исполнили сцену дуэли без малейшего изъяна. Хельва, которая знала о состоянии Прейна, была потрясена его работоспособностью.

Но как только в рубку томно вплыла Анера, атмосфера так резко изменилась, что Хельва непроизвольно покосилась на систему аварийной сигнализации.

— День добрый, добрая подруга, — галантно приветствовал ее Прейн. — Приступим к сцене у балкона, милая моя Джульетта?

— Дорогой солар, неужели репетиция с Даво тебя не переутомила и ты еще способен продолжать?

Прейн помешкал лишь долю секунды, а потом поклонился и, лучезарно улыбнувшись, ответил:

— Ты, дорогая, как и положено Джульетте, отправляйся наверх, — и он изысканным жестом показал Анере место, которое ей предстояло занимать в этой сцене.

Повернувшись, он поплыл к стене; Анера, чей укол не попал в цель, пожала плечами и вознеслась наверх.

— Дай мне реплику Бенволио, — попросил Керлу Прейн.

Появление Анеры выбило девушку из колеи, и она принялась нервно шелестеть страницами.

— Акт второй, сцена первая, — оболряюще подсказал Даво.

Хельва понизила голос до тенора:

Пойдем — искать того напрасно,
Кто не желает, чтобы его нашли.

— Кто это, черт побери? — воскликнул Прейн и от удивления так резко обернулся, что отлетел к самой стене и машинально оттолкнулся от нее рукой.

— Это я, — скромно ответила Хельва.

— Ты что же, можешь по желанию изменять голос?

— Видите ли, здесь все дело в проекции звука. А поскольку мой голос идет через аудиоаппаратуру, я всегда могу выбрать ту, которая необходима для конкретного регистра.

От Хельвы не укрылось, что на Анеру эта ее способность произвела неизмеримо большее впечатление, нежели на Прейна.

— А как ты нашла нужную реплику? — не унимался Прейн, указывая на сценарий, находившийся в руках Керлы.

— Я следила за текстом по библиотечному банку данных. — Хельва сочла излишним рассказывать длинную историю о своих детских годах, когда она приохотилась к старинным фильмам, которые как-то вполне естественно привели ее к Шекспиру и музыке — и легкой, и классической, в частности оперной. Постепенно это стало ее единственным хобби, и сейчас Хельва извлекла реплику из своей собственной памяти.

Прейн опрометчиво простер к ней руки, и его подбросило к потолку.

— Какая невероятная удача! А не смогла бы ты прочитать что-нибудь еще?

— Ты, никак, собрался устроить кораблю пробу? — поинтересовалась Анера, прозрачно намекая на то, что он не в своем уме.

— Если не ошибаюсь, — вступил в разговор Даво, и глаза его насмешливо блеснули, — Хельва к тому же прославилась как Корабль, который поет. Ты, Анера, наверняка видела передачу о

ней. Я даже уверен, что видела, — мы тогда играли греков на Дракопе.

— Погоди, Даво, — перебил его Прейн-режиссер, подлетая к центральному пилону. — Так ты — Корабль, который поет?

— Да.

— Не откажи мне в любезности, прочитай, пожалуйста, монолог кормилицы из первого акта, сцена третья, — там, где синьора Капулетти и кормилица обсуждают замужество Джульетты. Начиная с «Ну вот, в Петров день к ночи...».

— Кормилица должна быть простовата?

— Да, добрая душа, счастливая в своем неведении. Ее реплики — торжество образности. Понимаешь, только она одна может сказать то, что вложил в ее уста драматург. А это и есть свидетельство подлинной образности.

— А мне-то казалось, что я присутствую на репетиции моей сцены, а не на очередной лекции, — язвительно заметила Анера.

Прейн повелительным жестом дал ей знак помолчать.

— Примерно в таком ключе: Ну вот, в Петров день к ночи... — произнес он, переходя на дребезжащее сопрано пожилой женщины.

И Хельва, активно включившись в действие, стала читать монолог кормилицы Анжелики.

Под предлогом срочных расчетов Хельва прервала репетицию, которая грозила растянуться на весь день. Но что действительно требовало срочного вмешательства, так это поведение Анеры.

Даво и Керла с готовностью подавали реплики за второстепенных персонажей, причем Даво с таким блеском исполнял самые незначительные роли, что заслужил молчаливое уважение Хельвы и щедрые похвалы Прейна. Керла на удивление прилично справлялась с ролью синьоры Монтекки. Зато Джульетта становилась все менее убедительной. Анера читала свою роль, а не играла, оставаясь глуха к страсти, юношескому восторгу и нежности Ромео-Прейна. Она была холодна, как манекен. Правда, голосом и жестами она походила на девушку, однако, несмотря на все усилия Прейна, отказывалась играть Джульетту такой, какой видел ее режиссер.

И хотя Прейн, ничем не обнаруживая своего недовольства, высказывал замечания ровным, невозмутимым голосом, другие отлично все понимали. Что до Хельвы, она считала поведение Анеры вдвойне непростительным.

Как только Хельва вышла из игры, Керла объявила, что всем давно пора как следует подкрепиться, а после обеда отдохнуть.

Хельва украдкой наблюдала, как Керла подвергла Прейна краткому медицинскому исследованию. Она тоже недоумевала: как солар после столь долгой и напряженной репетиции умудряется сохранять столько энергии.

— Солар Прейн, вам необходим отдых. Меня не интересует, что показывают приборы. Вы не сможете восстановить затраченные сегодня силы, если не поспите, — твердо сказала Керла. — Даже я устала. А вам еще предстоит пережить посадку.

Солар надулся, как мальчишка, но послушно улегся на амортизирующий матрас, и Керла заботливо укрыла его длинное, безжизненно обмякшее тело. Потом резко повернулась и, повинуясь силе инерции, вышла из каюты. Прейн быстро открыл глаза, и взгляд его выдал столь многое, что Хельва почувствовала смущение. Так, значит, в жизни Прейна Керла — солнце, тогда как Анера — ревнивая луна, бледнеющая от тоски и зависти...

Хельва была несказанно рада, что не пройдет и дня, как она избавится от этой компании. Анера была столь неосмотрительна, что дала понять: она способна не только на ревность, но и на месть. Изменит ли она свои планы теперь, когда знает, что Хельва вовсе не автомат?

Пассажиры засыпали один за другим, и скоро все затихли. Все, кроме Прейна. Теперь он декламировал Ричарда III, начиная с монолога Глостера: «Здесь нынче солнце Йорка злую зиму...» и до заключительных слов Ричмонда: «Спокойствие настало. Злоба, сгинь! Да будет мир! Господь изрек: аминь!». Хельва сочла, что после всего, что произошло за этот день, он изобрел отличный способ вызывать сон. Что ж, если мыслеуловитель дает такие отличные результаты...

Ближе к вечеру Хельва припомнила одну деталь и, ругая себя за невероятную тупость, вызвала Регул по экстренной связи.

— Рад услышать твой голос, Хельва, — подчеркнуто дружелюбно отозвался диспетчер Ценкома.

— Не очень-то верится. Что вы там опять для меня состряпали? Не надейтесь, что я снова соглашусь на беспилотный рейс. Я знаю свои права и буду их отстаивать.

— Какая муха тебя укусила? Разве можно быть такой подозрительной? И такой неразумной?

— Зато вам доподлинно известны мои требования. А теперь слушайте внимательно: есть у вас на орбитальной станции свободный номер... нет, несколько номеров — в секции с нулевой гравитацией?

— Сейчас узнаю, только зачем тебе это?

— Узнайте и сообщите.

— Да, есть.

— Отлично. Прошу забронировать их для солара Прейна и тех его спутников, которые пожелают там остановиться. Чтобы подготовиться к выполнению их задания, мы поддерживаем на борту невесомость, так что им будет трудно сразу перейти к полной гравитации.

— Неплохая мысль. А разве тебя, Хельва, его задание не прельщает?

— Оставьте этот вкрадчивый тон, Ценком.

— Но ты так печешься об их благоденствии — даже заказываешь для солара Прейна особые номера!

Хельва спохватилась — не стоит обнаруживать излишнюю заинтересованность.

— Просто меня учили проявлять предусмотрительность. Было бы непростительно свести на нет все то, чего они уже достигли, приспосабливаясь к условиям невесомости.

— Не беспокойся, Хельва. Полет к Бете Корви у нас сейчас на первом месте.

— Конечно, этот фокус с переносом сознания — любопытная штука...

— Нет уж, детка, раз ты так настаиваешь на своих правах, я тебе больше ничего не скажу.

— Ну и ладно, все равно я в ваши игры не играю. И все же это свинство с вашей стороны, — отрезала она и отключила связь.

Пока пассажиры спали, Хельва размышляла над словами Ценкома. Значит, они хотят, чтобы она взяла это на себя. Что ж, пусть просят, пусть уламывают, пусть задабривают — она была полна решимости не поддаваться ни на какие приманки, пока не получит напарника.

Она и не подумала поставить своих пассажиров в известность о предрассветных переговорах с Ценкомом, а просто причалила к нужному шлюзу орбитальной станции, как будто это было оговорено заранее. Под ними, сверкая в лучах своего солнца, величаво проплывал Регул-4.

— Но нам было сказано, что мы приземлимся на базе Регул, — взорвалась Ансра, заглянув в шлюз станции. Она злобно уставилась на подплывающего к ним дежурного по шлюзу.

— Так здесь невесомость? — воскликнул Даво. — Тогда я предпочитаю остаться.

— Но это просто абсурд! — продолжала кипятиться Ансра, на-

правляясь к смущенному дежурному. — Требую, чтобы меня доставили на базу. И вызовите того, кто отвечает за этот рейс.

— Мисс Колмер, Х-834 отправляется на базу, как только высадит здесь пассажиров, — старался унять разгневанную актрису дежурный.

— Мисс Колмер, если вы перейдете в главную рубку, я смогу закрыть люк, — сказала Хельва, увидев, что Прейн с Керлой перебрались в станционный шлюз.

Протиснувшись мимо Анеры, дежурный стал швырять сваленный у люка багаж в шлюз, и вещи, крутясь, полетели по направлению к станции. Хельва закрыла наружный люк, и Анере пришлось попятиться внутрь.

— Только подожди, я тебе еще устрою, ах ты... ты...

— Ну кто — уродина, дрянь, доносчица, шпионка? — услужливо подсказала Хельва.

— Уж я позабочусь, чтобы тебя разобрали на части, мерзкая жестянка!

В ответ Хельва врубила тягу — и Анера, привыкшая к невесомости, кувырком полетела к ближайшему креслу. Да так и просидела в нем весь спуск и всю посадку, ни на минуту не переставая грязно ругаться.

— Ты еще пожалеешь о своей наглой выходке, бестелесная Брунгильда, — бросила Анера напоследок, неуклюже ковыляя к пассажирскому люку.

— Прошу прощения, мисс Колмер, за небольшие неудобства во время обычного предпосадочного маневрирования. Вам же советовали остаться на станции, — громыхнула Хельва через внешние динамики в расчете, что ее услышат в машине, которая ожидала актрису, чтобы отвезти к главному административному комплексу, неподалеку от которого приземлилась Хельва.

— Скажи, Хельва, чем ты так насолила этой бестии Колмер? — осведомился Ценком по внутреннему каналу некоторое время спустя. — Если бы начальство к тебе так не благоволило, ты бы наверняка схлопотала официальный выговор и штраф. Учти, у нее неплохие связи в верхах.

— Вот, значит, как она добилась этого назначения!

— Слушай, детка, я на твоей стороне, но все же такие заявления...

— Если бы я захотела сделать ей гадость, то воспроизвела бы целиком, без купюр, кое-какие подлинные и на редкость любопытные записи, сделанные во время нашего путешествия в открытом космосе.

— Например?

— Я же сказала: если бы захотела. — Она отключила связь и огляделась в поисках более приятного собеседника.

Вокруг нее, заняв всю служебную посадочную площадку, сгрудилось не меньше двадцати мозговых кораблей. Что это — общий сбор или дружеские посиделки? Справа, в переднем ряду она углядела Амона, а рядом — пятерых своих одноклассников. Но когда она попыталась связаться с ВЛ-830, то не сумела к нему пробиться. Не удалось ей вызвать и других своих приятелей — диапазон межсудовой связи был перегружен до отказа.

Неужели все они стремятся заполучить этот дурацкий рейс к Бете Корви? Нужно их отговорить. Она вызвала диспетчерскую и попросила другое место для посадки, желательно поближе к пилотским казармам. Должен же найтись на площади в двадцать квадратных километров хоть один корабль, с которым можно поболтать?

— Рад снова тебя услышать, — прорезался на диспетчерской волне Ценком. — Тебе, спорщица, приказано оставаться на месте.

— Что ж, выходит, мне даже нельзя ни с кем пообщаться? Хотя бы с «телами» из пилотских казарм? Разве вы забыли: на этот раз мне обещан напарник. И я непременно хочу его получить. Знали бы вы, как бедная, одинокая женщина, совершенно беззащитная...

— Будет тебе общение, — буркнул Ценком и отключился.

Хельва принялась ждать, предусмотрительно спустив пассажирский лифт. И прождала довольно долго. Она уже начала терять терпение, когда получила просьбу о допуске на борт. Она с готовностью включила лифт и, к своему разочарованию, увидела, что из кабины вышел всего один человек.

— Но вы не «тело».

— Привет, подружка, — произнес худощавый, жилистый коротышка, и голос его показался ей подозрительно знакомым.

— Вы...

— Найал Паролан с Регула, твой главный инспектор-координатор, Центральные Миры, Отдел кораблей класса МТ, начальник сектора, — отрекомендовался он.

— Что ж, в хладнокровии вам не откажешь.

Он дружелюбно ухмыльнулся, было видно, что нелюбезный прием его ничуть не огорошил.

— А у тебя, детка, его хватит на четверых.

Он повернул ручной выключатель, запирающий шлюз, и неторопливо прошествовал к креслу, обращенному к ее пилону. На

нем была обычная форма, ловко подогнанная к его небольшой стройной фигурке, ботинки из кожи серой мицарской яшерицы плотно облегали лодыжки.

— Будьте как дома.

— Я так и настроился. Мне кажется, нам стоит познакомиться поближе, раз уж я стал твоим начальством.

— Зачем?

Он бросил в ее сторону лукавый взгляд и улыбнулся, показав ровные белые зубы.

— Мне захотелось взглянуть, почему из-за некой Хельвы, Х-834, разгорелась такая драка.

— Между «телами»? — Хельва была польщена.

— У тебя такой голос, будто ты изголодалась. Не проверить ли подачу питания?

— Я вам не верю, Паролан, — помолчав, объявила она. — Смотреть здесь совершенно не на что... если вы имели в виду Хельву.

— А вот здесь ты ошибаешься, детка. — Широкой короткопалой ладонью он задумчиво потер подбородок. — Что-то в тебе определенно есть.

— Я заново перекрасила каюты в Неккаре.

— Знаю, я проверял счета.

— Неблагодарные. Я-то надеялась, что ремонт обойдется мне бесплатно. — Увидев, что в ответ на ее упрек он только рассмеялся, Хельва добавила: — Если уж вы проверяли мое финансовое положение, то должны бы знать, что я могу себе позволить любой штраф за отказ от задания.

— А, так ты тоже умеешь кусаться! — восхитился Найал Паролан и захохотал, раскачиваясь взад-вперед. — Значит, мне не удалось тебя провести?

— Ни на долю секунды. Запомните, Паролан: мне нужно настоящее «тело», а не хитрый маленький болтун вроде вас.

Он уже просто катался от хохота.

— Теперь мне все ясно. — Отсмеявшись, Паролан стал совершенно серьезен. Он подался вперед, устремив пристальный взгляд на ее панель, и эта поза вдруг показалась ей такой знакомой, что сердце болезненно сжалось. Он стал говорить, а она молча слушала.

— Итак: полет на Бету Корвик потребует особого дипломатического такта от обоих партнеров, поскольку и «мозг», и «тело» будут поддерживать с корвиками непосредственный контакт. На капсульника возлагается дополнительная ответственность: он бу-

дет осуществлять прямой и полный контроль за механизмом переноса сознания, что потребует устройства дополнительных синапсовых отводов.

Хельва тихонько свистнула. Как минимум это предполагает вскрытие титанового пилона — нелегкое испытание для любого капсульника. А в худшем случае — проникновение в капсулу, что крайне мучительно.

— Для кораблей двух новейших классов открывать капсулу не потребуется. У них уже предусмотрены дополнительные отводы, необходимые для этой цели: они размещены в области полушарий на случай, если потребуется дальнейшая модификация.

— Тогда Амон отпадает, — проговорила Хельва.

— Он отпадает в любом случае, — заявил Найал. — Бедняга в жизни не слышал о Шекспире, а его напарник не сумел бы уладить даже скандал в пивной.

— Так «телу» тоже придется вступить в игру? Тогда, очевидно, отпадаю и я, поскольку у меня сейчас нет напарника, ведь так?

— Спаси меня Боже от твоего язычка, когда ты разойдешься не на шутку! Мы вызвали Шадресса Туро...

— Снова временный партнер? Это абсолютно исключено.

— Да ради такого задания любой корабль мигом поменял бы напарника. Черт бы тебя побрал, Хельва! — взорвался Паролан. — Не будь ты такой дурой! Выслушай меня — ведь раньше ты никогда не упрямилась не по делу.

Хельва молча проглотила этот неприятный выговор.

— Я слушаю.

— Вот это уже больше похоже на мою Хельву.

— Я не ваша Хельва.

— Ты говоришь совсем как Анера Колмер.

Хельва поперхнулась от возмущения.

— Да, да, — когда начинаешь вот так ерепениться.

— Надеюсь, она не пыталась вычеркнуть солара Прейна из списка участников полета? Если она вздумает...

— Ее поддерживают очень влиятельные лица, — сказал Найал, но что-то в выражении его лица, лукавый блеск, мелькнувший в глазах, подсказал Хельве истинное положение дел.

Она тихонько хихикнула, следя за его реакцией, и он отозвался.

— Так я и думала, — рассмеялась она уже громче. — Любая ее поддержка бессильна, если вероятностная кривая все еще благоприятствует Прейну. А до сих пор не случилось ничего такого, что смогло бы ее изменить, правильно?

— Ох, уж эти актеры — вечно все растрезвонят! — недовольно

хмурясь, проворчал Най ал. — Ты небось ночи напролет слушала, что они бормочут во сне!

— Я же вам сказала: за время полета произошли весьма захватывающие драматические эпизоды, имеющие самое прямое отношение к предстоящему заданию. Дай те мне знать, если Ансра будет слишком уж наседать на Прей на.

Най ал резко поднял голову, лицо его прояснилось.

— Послушай , Хельва, неужели ты сама не понимаешь, какую неоценимую пользу могла бы принести? Ты сразу раскусила Ансру. А тебе изв глядываясь к «мозгам» и «телам»? Что это она нашептывает нашему шефу Рей ли, кого взять в партнеры, чтобы обеспечить успех задания?

— У нее это не прой дет! На вашем месте я бы заставила Даво Филаназера подать на нее в суд. Ведь она задумала сорвать спектакль!

— Да знаю я! — Най ал вскочил с кресла и принялся мерить шагами рубку. — И ты знаешь. Но у нее есть связи. К тому же вероятностная кривая по-прежнему благоприятствует ее Джульетте. И с этим ничего не поделаешь. Вот почему нам так нужна ты.

Хельва упрямо молчала.

— Прей н просит, чтобы это была именно ты.

— Это что же, официальное уведомление о назначении?

— Учти, Хельва, обещана трой ная премия, — не сдавался Паролан.

— Мне решительно наплевать, пусть даже мне посулят пожизненное бесплатное обслуживание. Я свои права знаю. Еще раз спрашиваю: это официальное уведомление о задании?

— Ах ты упрямая, безмозглая титановая задница, девственница и консервной банке! — рявкнул Паролан. Он повернулся на каблуках и, громко топая, выскочил из рубки. Рывком распахнул дверь шлюза, нажал кнопку лифта и уехал, не удостоив ее взглядом.

Хельва злобно смотрела ему вслед, взбешенная его витиеватыми ругательствами, самоуверенными манерами, хитрыми уловками, завуалированным шантажом и наглым подкупом. Непонятно, как он вообще пролез в инспекторы, но у нее тоже есть свои права, и одно из них — самой выбирать себе начальство и...

Кто-то попросил разрешения вой ти.

— Вы реш

— Извиниться? Разве мы опоздали? Нам только что дали добро, — прокричал в наружный микрофон незнакомый баритон.

— Кто просит разрешения войти? — неприветливо спросила Хельва.

— Похоже, она не в духе, — послышался чей-то хриплый шепот.

— Мы из пилотской казармы, очень хотели бы...

— Посвататься, вот как это называется, дурень, — подсказал тот же шепот.

— Разрешение дано, — ответила Хельва, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало безотчетное разочарование, которое она внезапно ощутила.

Семеро «тел» — пять мужчин и две женщины — набились в лифт и всю дорогу переругивались по поводу отдавленных ног и помятых ребер. Хельва чувствовала, с какой перегрузкой работают лифтовые механизмы. Потом все ворвались в плюз и, толкаясь, бросились вперед — каждый стремился первым представиться Хельве. Она вглядывалась в их красивые сияющие лица — все высокие, сильные, и каждый жаждет ей понравиться, посвататься к ней, стать ее «телом»...

Как только казармы облетела новость, что можно посвататься к Х-834, от претендентов не стало отбоя. Не успевала Хельва поднять лифт, как его снова вызывали вниз. Так что не было ничего удивительного в том, что Керла Стер проникла на борт незамеченной.

— Эй, малышка, что стоишь разинув рот? Присоединяйся к нам, если хочешь попытать счастья, — ободряюще предложил ей кто-то из «тел».

— Спокойно, ребята, она вам не конкурент, — повысила голос Хельва. — Пропустите ее в пилотскую каюту.

Керла прижала руку к груди, будто заслоняясь от неведомой опасности, на лице ее были написаны замешательство и смущение. Не успела она раскрыть рот, как ее уже втолкнули в каюту.

— Что-нибудь с соларом, Керла? — спросила Хельва, как только за девушкой закрылась дверь.

Неуверенность на лице медсестры сменилась радостным облегчением.

— Так вам небезразлична его судьба!

— Я уважаю солара Прейна как актера и как человека, — ответила Хельва, тщательно взвешивая каждое слово. Она подозревала, что за этим визитом стоит Паролан.

— Почему же тогда вы отказались от задания? Ведь он так просил, чтобы это были именно вы. — В голосе девушки зазвенел упрек, хотя она изо всех сил старалась не выдать своих чувств.

— Я не отказывалась от задания.

Керла мстительно сжала губы.

— Значит, это Аиера Колмер добилась, чтобы вас отстранили.

— Погоди, Керла, я об этом ничего не знаю. Ко мне обращались, правда, неофициально... и я очень польщена, что солар Прейн попросил, чтобы назначили именно меня. Но я дала понять... тоже неофициально, что не соглашусь на это задание, если мне снова дадут временного напарника.

— Ничего не понимаю. Я-то думала, что всему виной эта Колмер. Что вы не знали, что Прейн хочет только вас. Неужели вы не отдаете себе отчет: больше ни один корабль понятия не имеет, кто такой Шекспир, и уж тем более не может декламировать его по памяти. Прейн даже думает, что вы, может быть, захотите сыграть роль кормилицы. На него произвело большое впечатление, как вы прочитали ее монолог, когда мы летели сюда. Вы так подходите во всех отношениях, что это для нас просто находка. Ведь он непременно хочет, чтобы все получилось наилучшим образом. Хочет поставить совершенный спектакль... — она с трудом сдерживала дрожь в голосе, — и мы должны, просто обязаны ему помочь.

— Потому что это его последний спектакль?

Казалось, от этих слов ноги у Керлы подкосились — она скорчилась у подножия пилона и припала щекой к холодному металлу, из глаз ее хлынули непрошеные слезы.

— Избави меня Боже от женских слез, — сердито проворчала раздосадованная Хельва. — Итак, это его лебединая песня, и вы решили, что я тот корабль, который должен ее пропеть?

— Умоляю, если в вас есть хоть что-то человеческое... — Запоздало осознав свою бестактность, Керла зажала рот ладонями, ее широко раскрытые глаза виновато глядели на Хельву.

— К твоему сведению, человеческого во мне целых двадцать два килограмма...

— Ой, Хельва, мне так жаль, — запинаясь, пробормотала девушка. — Так жаль. Я не имела права приходить сюда. Прости меня, пожалуйста. Я думала, что если мне удастся объяснить...

Она неловко поднялась на ноги.

— Прошу вас, забудьте, что я сюда приходила. — сухим официальным тоном заговорила Керла, возясь с дверным замком. — Никогда нельзя действовать сгоряча.

— Так это правда, что больше ни один корабль не знает Шекспира?

— Я бы никогда не стала унижаться до лжи! — вспыхнула девушка.

— Значит, Ансра весьма осложнила вам дело.

Казалось, остатки гордости покинули Керлу — она устало прислонилась к двери, вся ее стройная фигурка выражала полную беспомощность.

— Она распространяет о нем ужасные слухи. Она говорит... впрочем, это не имеет значения. Но она подрывает его авторитет в труппе. И... знаешь, Хельва... я ей не доверяю.

— Тогда добейся, чтобы ее заменили, глупышка ты этакая!

— Я? Что я могу сделать? Я всего лишь медсестра.

— Керла, он умирает. Надеюсь, у тебя нет иллюзий на этот счет...

— Нет. Как раз этой иллюзии у меня нет. — Девушка выпрямилась, как пружина. — Просто я не хочу, чтобы чьи-то интриги сорвали его последний, самый совершенный спектакль. Ведь театр — все, что у него осталось, и он гениальный актер.

— Ты можешь на него повлиять. Заставь его заменить Ансру.

Керла безнадежно покачала головой.

— Он не согласится, потому что уверен: Ансра — лучшая исполнительница роли Джульетты, и готов мириться с ее... темпераментом. И, знаешь... — Керла замялась, на ее выразительном личике была видна борьба противоречивых чувств, в которой победила честность, — так оно и было, когда они репетировали на Дууре. А потом... ее будто подменили. За одну ночь. И Прейн уже ничего не мог сделать. Она его погубит, Хельва. Я это чувствую. Так или иначе, но она его погубит.

— Нет уж, пока я за ней присматриваю, этот номер у нее не пройдет, — решительно заявила Хельва.

Скорость, с которой прибыл Шадресс Туро, показалась Хельве подозрительной, но в том, что приход Керлы не был делом рук Паролана, она была совершенно уверена. А Шадресс ей понравился сразу. Должно быть, он ушел в отставку совсем недавно: походка у него была упругая, летная форма старого образца выгодно подчеркивала стройную мускулистую фигуру. На груди красовалось целое созвездие знаков различия, но ни одного ордена — свидетельство того, что он имел их немало, но не желал выставлять напоказ.

— Добро пожаловать на корабль, Шадресс Туро с Марака. Рада, что у меня будет партнер, хоть и временный.

Шадресс уловил в ее голосе кислые нотки.

— Надеюсь, не я причина твоего расстройства?

— Нет, ты первый счастливый на вид человек, которого я встречаю за последние два часа.

Его глаза лукаво прищурились.

— Итак, «мозги» устроили тебе бойкот, а мне пришлось тайком пробираться на борт, чтобы не столкнуться с толпой взбешенных «тел». Ничего, они быстро утешатся, так всегда бывает. Зато начальство тобой довольно. Инспектор Паролан принимает поздравления: ведь это он уговорил тебя согласиться...

— Ну и наглость у этого замухрышки!

— Я так и подумал, — рассмеялся Шадресс. — Не обращай внимания. Не я один считаю, что ты единственный корабль, который может справиться с этим заданием, а ведь я могу судить только по слухам и легендам... Да, полет нас ожидает непростой — столько поставлено на карту и столько непредсказуемых...

— Личностей?

Шадресс усмехнулся.

— Мне доводилось встречать немало актеров — я ведь и сам классический комик, почему меня, собственно, и призвали... — Он помолчал, задумчиво щурясь и глядя в пустоту. — И я с готовностью ухватился за это предложение. Видно, я из тех, кто рожден, чтобы умереть на посту. Ну да ладно. Вот полетное задание. — Он вставил кассету в прорезь. Перед тем как нажать клавишу пуска, он запер шлюз и выключил все динамики, кроме того, что находился на пульте. После чего устроился в пилотском кресле и приготовился слушать.

Корабль-разведчик, выполняя плановый рейс, зарегистрировал в районе Беты Корви излучение импульсной энергии колоссальной мощности. Экипаж выяснил, что источником излучения является шестая планета, гигант с аммиачно-метановой атмосферой, и вывел корабль на круговую орбиту. Но не успел он подготовить зонды, которые могли бы работать в столь разрушительной атмосфере, как корвики сами вышли на контакт.

«Я ощутил давление — как будто огромная рука легла мне на голову и стала заталкивать в мозг новую информацию», — вспоминал капитан корабля-разведчика.

Несмотря на столь необычный способ общения, корвикам удалось весьма точно установить не только, что представляют собой нежданные гости, но и какой имеющийся у них товар они, достигшие невообразимого уровня научного развития, хотели бы заполучить.

«Пожалуй, можно привести такую аналогию, — продолжал ка-

питан корабля. — Представьте кабинетного ученого, который посвятил полвека исследованию какого-то загадочного явления. Наконец он добивается успеха, и у него появляется время, чтобы оглядеться по сторонам. И тут он обнаруживает, что существует кое-что еще... например, девушки, — хихикнул капитан, — и секс. Теоретически он все это понимает, но на практике — ни бум-бум. Ну и, естественно, жаждет научиться».

Предметом сделки стала пьеса «Ромео и Джульетта», возбудившая у корвиков острое любопытство. Они просят, чтобы наши актеры научили их дублеров играть этот спектакль, причем сценическое движение должно быть приспособлено к условиям невесомости, существующей на Бете Корви. А оплатой послужит разработанный корвиками процесс стабилизации некоторых изотопов трансурановой группы, энергетический потенциал которых пока невозможно реализовать из-за необычайно короткого периода полураспада. Центральные Миры испытывают острейшую нужду в этом процессе, и Х-834 должна обеспечить успех этого драматического полета.

— Что ж, попытка не пытка, — проговорила Хельва.

— Не слышу уверенности.

— Слишком уж просто у них все получается. Возьмем этот пресловутый перенос сознания: откуда нам знать, что он не принесет неожиданных скорпризов и наши люди навеки не застрянут в корвиканской шкуре?

— Вот почему тебя и снабдят системами контроля времени и отключения.

— А вдруг корвики, очарованные Джульеттой Анеры Келмер, отключат меня? — Шадресс ухмыльнулся и бросил на пульт управления схематический чертеж приемопередатчика.

— Каждый специалист по ЭЭГ в нашей галактике приложил к нему руку. В нем нет незамкнутых контуров и вообще ничего непредусмотренного схемой. К тому же его создали мы, а не корвики. Но они подчеркивают, что длительность пребывания в их оболочке для нашего биологического вида не должна превышать семи часов.

— Ого!

— Не горячись. Приемопередатчик снабжен реле времени, установленным на максимальный срок в семь часов, так что ничего не может случиться.

— А что произойдет с человеком по истечении максимального срока, если...

— Давай не будем изобретать себе лишних проблем. Их у нас и

так предостаточно. Я сам беседовал с капитаном разведывательного корабля, и он смотрит на перенос весьма оптимистично. Он считает, что для труппы актеров это как раз то, что нужно. Стоит представить, что находишься на поверхности планеты, — раз! — и ты уже там. Ни тебе забот, ни хлопот. Сама простота!

— Простота имеет тенденцию перерастать в катастрофу.

Шадресс обозвал ее пессимисткой и снова углубился в задание. А она принялась перебирать полдюжины факторов, которые по пути до Беты Корви могут измениться самым роковым образом, и пришла к выводу, что неизвестное устройство — далеко не самый опасный из них.

Дополнительное усовершенствование, которым предстояло обзавестись ей самой, оказалось еще проще. Изучая компактный прибор под увеличением, она нашла новшество весьма оригинальным. Он соединит несколько мельчайших волокон, уже вживленных в кору ее головного мозга: одно глубоко уходит в ту область мозга, которая контролирует зрительные нервы, — ведь перенос сознания инициируется именно этим участком. Два других должны связать перекрестные рефлексы, что даст ей возможность прерывать и регулировать по времени перенос сознания подвижных участников эксперимента. Все три синапсовых контакта могут включаться автономно и не выводятся на пульт управления.

Присоединение предстояло выполнять под наркозом, и как раз эта перспектива не нравилась Хельве больше всего. Она вся сжалась от тягостных предчувствий, когда сам начальник базы Регул — неслыханная честь! — произнес набор слогов, отпиравший панель, которая была единственным доступом к ее капсуле, спрятанной в титановом пилоне. Ей показалось, что она целую вечность пребывала в полнейшей беззащитности, пока, наконец, он не коснулся клапана, подающего в оболочку усыпляющий газ. Хельва инстинктивно боялась беспамятства. Неужели несчастная 732 ощущала то же? Или ее безумие оказалось сильнее страха?

Не успела Хельва сформулировать эту мысль, как сознание снова вернулось к ней. Она изумленно оглядела пустую рубку: неужели шеф Рейли осмелился оставить ее без охраны? Потом поняла, что с тех пор, как ее посетил шеф, утекло немало времени — если быть точной, то целых восемнадцать часов, двадцать минут и тридцать две секунды.

— Ну что, Хельва, пришла в себя? — спросил, входя в шлюз, Шадресс Туро. — Надо же, они рассчитали время до секунды. Мне велено узнать, не болит ли у тебя голова.

— Голова? С какой стати — ведь у меня нет болевых рефлексов.

Она снова обвела глазами рубку, где рядом с кушетками появились приемопередатчики, а на стенах — щиты для их подключения. Во всех каютах установили дополнительные койки, а в пилотской — второй стол.

— Ну и видок, — вздохнула Хельва. — Ни дать ни взять — затрапезная пассажирская посудина.

— Так оно и есть, — с усмешкой поддакнул Шадресс. — И пассажиры уже на подходе.

Из лифта вышли пятеро мужчин, и Шадресс представил их Хельве. Но ей больше нравилось называть их про себя именами тех персонажей, чьи роли они исполняли. Знакомство было нарушено воем сирен и появлением целого каравана машин.

— Анера, как всегда, устроила представление, — мрачно объявил актер, игравший герцога Эскала.

Похоже, никто не огорчился, когда Шадресс не впустил на борт никого из провожающих, в том числе и шефа Рейли. И поскольку сам шеф воспринял запрет добродушно, остальным ничего не оставалось, как последовать его примеру, а разочарованной Анере — поднимаясь на лифте, расточать поклонникам улыбки и воздушные поцелуи.

— А вот и я, Хельва, — произнесла она беспечным тоном, который Хельву, разумеется, ни на миг не обманул.

— Добро пожаловать на борт, мисс Колмер, — ответила она, а про себя подумала: ты будешь подавать реплики, а я подыгрывать.

И тут же Ценком — на сей раз это был не Найал Паролан — объявил старт к орбитальной станции. Пробег был коротким, и скоро Хельва уже причаливала к шлюзу в секторе невесомости.

Сцена очень напоминала посадку на Дууре: в центре улыбающейся группы находились Даво, солар Прейн и Керла. Только здесь на борт поднялась вся компания, причем каждый из новых пассажиров вплыл в рубку с отменной ловкостью, после чего все устроились на кушетках и пристегнули ремни, готовясь к маневрированию и стартовому ускорению. И все это без лишних затрат времени и энергии.

Прейн выглядел так бодро и безмятежно, что Хельва взглянула на Керлу: она знала, что по выражению лица девушки сможет сделать вывод об истинном состоянии здоровья ее пациента. Но Керла сияла, глаза ее светились таким же блеском, что и у Прей-

на, и держалась она гордо и уверенно. Ей даже удалось приветливо кивнуть Ансре, которая улыбалась всем заученной улыбкой.

Рядом с ними Даво выглядел усталым и обеспокоенным. Он сразу направился к своей койке и забрался под ячеистое одеяло.

Перед Хельвой повис Прейн.

— Хочу принести свою глубокую благодарность за то, что ты, пожертвовав своими личными планами, согласилась принять участие в нашем предприятии. Шеф Рейли заверил меня, что по возвращении все твои желания будут немедленно удовлетворены.

Почему-то его слова насторожили Хельву, но у нее не было времени их проанализировать: орбитальная станция пожелала удачи и дала старт. Шадресс провел взлет в ручном режиме — так было оговорено в инструкции, — но Хельва настолько привыкла делать все сама, что с трудом сдерживалась, наблюдая за его действиями. И вовсе не потому, что он делал что-то не так. «Проклятье, — думала она, обводя взглядом переполненную рубку и жалея, что не может отвлечься на какую-нибудь привычную работу, — *проклятье, как я могла позволить втянуть себя в эту авантюру!*»

Как только Шадресс объявил разворот и переход к невесомости, Прейн созвал труппу на репетицию. Для начала он ввел пятерых актеров, присоединившихся к ним на Регуле, в курс репетиций, которые они пропустили. Все они уже работали в невесомости раньше и знали свои роли. Им требовалось только разучить нужные движения и привыкнуть к голосу кормилицы, исходящему из стены рубки. Однако Ансра предпочитала и здесь создавать осложнения. Она лениво подплыла к режиссеру — то ли стараясь его очаровать, то ли поставить в тупик неожиданным вопросом.

— Послушай, Прейн, я, как и каждая одаренная актриса, могу передать любое чувство, но притворяться, что этот бестелесный голос принадлежит кормилице Джульетты, выше моих сил. Мыслимое ли дело — играть со стенкой вместо партнера? И как, спрашивается... Хельва, — Ансра с явным трудом назвала ее по имени, — сможет освоить непринужденное движение в невесомости, если, насколько я понимаю, она никогда не пользовалась своим телом?

— Мои сценические обязанности предельно ясны и внесены в мою программу. Следовательно, ошибиться я никак не могу. Во всяком случае, пока вы будете именно такой Джульеттой, какой вам надлежит быть.

Все услышали эту отповедь, но вслух никто не засмеялся. Ансра нахмурилась и, закусив губу, вернулась на свое место.

Однако ее заявление относительно того, что она, как и каждая одаренная актриса, может передать любое чувство, даже в сценах с настоящими партнерами никак не оправдывало себя. Ее Джульетта оставалась деревянной куклой. Она не загоралась даже от страстных речей Ромео, хотя как ей это удавалось, было для Хельвы совершенно непостижимо. Прейн пылал вдохновением и вдохновлял всех окружающих.

Теперь, когда бремя гравитации уже много дней не тяготило его, солар, воодушевленный успешным развитием их уникальной постановки, изучал энергию и энтузиазм, которые заражали его коллег. Казалось, он не знает усталости.

Они репетировали четвертую сцену первого акта — он сам, Меркуцио и Бенволио, остальные изображали масок и факельщиков.

Вот отзвучали слова Меркуцио:

— Однако даром свечи днем мы тратим.

В этой сцене шел быстрый, искрометный обмен репликами, легкомысленная болтовня приятелей, собравшихся провести веселый вечерок.

Меркуцио повторил свои слова. Хельва вспомнила, что она еще и дублер, и поспешно отыскала нужное место.

— О нет, — прочитала она.

Ответом ей последовало молчание. Тогда она еще раз повторила реплику.

— Мы все знаем текст, — сказал Прейн, когда и эта пауза грозила затянуться до бесконечности. — Чьи это слова?

— Ваши, — озадаченно проговорила Хельва.

На миг в глазах его промелькнуло затравленное выражение. Потом он рассмеялся, и ужас отступил.

— Самые короткие реплики всегда ускользают из памяти! — беспечно заметил он, ответив Меркуцио.

Ночью, когда все уже спали, Прейн не смыкал глаз. Хельва, не испытывая никаких угрызений совести, наблюдала, что происходит в каюте, которую он теперь делил с пятью другими актерами. Он снова и снова повторял четвертую сцену. Потом долго лежал молча. Хельва решила, что он уснул, и вдруг увидела, как его рука медленно скользнула к талии и осторожно извлекла из пояса маленькую таблетку. Неверным жестом, имитирующим случайное движение спящего, он отправил ее в рот.

То, что он сделал это украдкой, в сочетании с ожесточенным

повторением пресловутой сцены, помогло Хельве разгадать трагическую тайну солара. Да, он действительно наркоман и к тому же находится на последней стадии: мыслеуловитель, который в галактической фармакопее считается безвредным, оказался для него ядом, губительным не только для тела, но и для разума. И он это знает. Но гораздо большим для себя злом солар Прейн счел потерю памяти и потому намеренно обрек себя на гибель.

Репетиции шли отлично — если бы не Анера. Хельва не понимала, как Прейн умудряется сохранять хладнокровие, видя, как она сознательно губит спектакль. Каждая сцена, в которой участвовала Анера, начинала терять темп, накал и постепенно разваливалась. Но Прейн, казалось, ничего не замечал. Постепенно, убедившись, что ей не удастся спровоцировать солара на скандал, который к тому же наверняка вызовет возмущение остальных, Анера переменила тактику и избрала своей мишенью гораздо более уязвимую Керлу.

К счастью, вместе с ними в пилотской каюте, превращенной в спальню женщин, обосновалась Ная Табб, синьора Капулетти. Она отлично разбиралась в человеческих отношениях и постаралась без лишних слов оградить Керлу от нападок Анеры. Ная помогала Керле с ролью и развлекала добродушной болтовней, когда они оставались вдвоем. Но тем не менее она отлично видела, что тактика Анеры начинает все больше угнетать чуткую, нервную девушку.

— Деточка, если у тебя возникнут серьезные осложнения с Колмер, позволь мне тебе помочь, ладно? — сказала Ная Табб Керле как-то утром.

— Спасибо вам, — печально улыбнувшись, ответила девушка.

— Послушай, между нами, Прейн, часом, не наркоман? С виду совсем не похож, а я-то уж их повидала на своем веку, но все же...

— У солара Прейна развилась вредная химическая реакция на длительное применение мыслеуловителя.

— А я-то всегда считала его самым безвредным снадобьем на свете. И сама принимала бог знает сколько раз.

— В обычных условиях он действительно безвреден. Но ведь солар принимает его уже больше семидесяти лет. Постепенно остаток кремния, который должен выводиться из организма, стал откладываться у него в тканях. Вдобавок у него были проблемы с выделением жидкости, и мочегонное, которое ему прописали, вступило в соединение с кремниевым осадком. Произошло вымывание кальция из костей, и этот процесс необратим.

— Но в чем это заключается? На мой взгляд, выглядит он просто прекрасно.

Сухой, профессионально бесстрастный голос Керлы звучал безысходнее самых горьких слез.

— В условиях низкой гравитации, особенно в невесомости, когда отсутствует нагрузка на скелет, он чувствует себя отлично. Но все кости у него мягкие: удар, падение, длительное физическое напряжение — и он... просто развалится. А кремний постепенно все сильнее сдавливает его жизненно важные органы.

— Так пусть их заменят!

Девушка грустно покачала головой, и Ная ласково похлопала ее по руке. Тут Хельве пришлось их прервать — начиналась репетиция. И она оказалась еще хуже, чем все предыдущие. Поведение Анеры сводило на нет усилия всей труппы. Все шло наперекосяк: актеры путали слова, забывали уже отработанные мизансцены. Когда Меркуцио с Парисом начали не предусмотренный сценарием поединок, Прейн объявил перерыв.

— Похоже, мы слегка переусердствовали. Сегодня и завтра устроим себе выходные. Хельва, как там у нас с напитками? А вас, Ная и Керла, я попрошу взглянуть, какие приятные сюрпризы может нам преподнести наш камбуз. Хельва, что там новенького в эфире? Мы так погрузились в жизнь Древней Англии, что совсем забыли о том, что творится на белом свете.

Анеры покинула главную рубку и, громко хлопнув дверью, удалилась в женскую каюту. Заглянув туда, Хельва обнаружила, что актриса злобно уставилась в зеркало. Удивительное дело: Анеры мрачно и разочарованно разглядывает свое отражение, а Ная с Керлой в камбузе беспечно болтают о пустяках.

Хельва старалась везде поспевать, все видеть и слышать, чтобы суметь предупредить любую неприятность... если возможны еще большие неприятности. К Прейну решительно направился Даво. Хельва намеренно обращалась к своим пассажирам только через динамик центральной рубки, чтобы они забыли, что у нее везде есть глаза и уши.

— Давно пора понять, Прейн, — говорил Даво, — Анеры задумала сорвать постановку, и пока она в этом отлично преуспела.

Прейн долго смотрел на друга, на лице его мелькнула слабая улыбка.

— Ты можешь предложить какой-нибудь выход?

— Нужно сбить ее с толку. Помнишь, как мы развлекались в долгих гастрольных турне?

— Менялись ролями?

— Вот именно! Господи, мы же знаем все реплики и выходы.

Прейн озорно усмехнулся.

— А роль Джульетты отдадим... Хельве!

— Нет. Джульеттой будет Керла! — Даво, не моргнув глазом, ответил на удивленный взгляд друга.

— А Ромео?

— Здесь мы ничего менять не будем, — спокойно сказал Даво и добавил уже веселее: — А я стану братом Лоренцо и обвенчаю вас.

Прейн подождал, пока все поели и, отведав тракийского пива, пришли в приятное расположение духа. Его предложение вызвало бурное веселье и рискованные шутки.

— Я буду синьорой Капулетти, — писклявым фальцетом объявил Эскал.

— А я — синьорой Монтекки, — дребезжащим контральто откликнулся брат Лоренцо и, снова перейдя на бас, добавил: — Я всегда считал, что она втихаря попивает.

— Тогда я буду Эскалом, — вызвалась Хельва, так точно подражая голосу игравшего его актера, что тот выронил кружку.

— Ты одна могла бы исполнить всю эту чертову пьесу, — провозгласил Даво, причем язык у него заплетался куда сильнее, чем тому могло способствовать тракийское пиво. — В ней нет ни одной роли, которая не была бы тебе по плечу.

— Вот как? В таком случае я буду кормилицей, — объявила Анера. — Пусть Хельва посмотрит, как нужно играть эту роль!

— А Джульеттой будет Керла! — воскликнул Даво, пристально глядя на Анеру. — Начнем сейчас же, с хора. Все по местам!

— В двух семьях, равных знатностью и славой... — с готовностью начала Хельва глубоким басом, и все остальные, не успев ни о чем подумать, были вынуждены включиться в игру.

Даво стал Самсоном, а Шадресс, обычно игравший синьора Капулетти, — Грегори. Они принялись дурачиться, вставляя в текст забавную отсебятину. Появился Бальтазар, шатаясь, как пьяный, и стычка между двумя домами разгорелась. Актеры скороговоркой отбарабанивали свои реплики, толкались и всячески старались перещеголять друг друга в озорстве.

Когда Эскал — синьора Капулетти выплыл в сопровождении кормилицы Анжелики, Анера, которая по-прежнему пылала злобой и не принимала участия в общей забаве, вдруг заиграла свою роль, как никогда не играла Джульетту. При этом она умудрялась так произносить реплики кормилицы, что они начинали звучать весьма двусмысленно. Заключительные слова: «Иди, дитя, и

вслед счастливых дней ищи себе счастливых ты ночей», — она наполнила таким ядом, что Эскал недоуменно покосился в ее сторону.

Но вот на пиру Джульетта встретила Ромео, и злоба Анеры разгорелась с удвоенной силой. Прейн играл совсем другого, более нежного Ромео: голос его дрожал не от усталости, а от зарождающейся любви — трепетной, бережной и страстной. И Керла, чьи глаза выдавали так долго скрываемое чувство, была ему под стать — наконец-то все видели истинную Джульетту, робкую, порывистую, бесстрашную и благородную. Смущенно зардевшись, она сказала:

> Есть руки у святых: их может, верно,
> Коснуться пилигрим рукой своей.

И, повернув руки ладонями вниз, положила их на ладони Ромео — этот жест Прейн много раз показывал Анере, но она каждый раз ухитрялась так исказить интонации и движения, что все теряло смысл.

Ромео приподнял руки Джульетты на своих ладонях, и страсть в его глазах, встретившись с ее счастливым взглядом, наполнила этот эпизод такой нежностью, что все притихли, зачарованные.

— Твои уста с моих весь грех снимают, — промолвил Ромео так тихо, что голос его прозвучал, как замирающее эхо. И все же он был отчетливо слышен, пока губы его не слились с губами Джульетты в благоговейном поцелуе, который был красноречивее самых громких слов.

Начисто забыв свою роль, Анера метнулась вперед, к застывшей в объятии паре, глухой и слепой ко всему, что творилось вокруг. И тут раздался сигнал прибытия. Они добрались до места.

Все актеры столпились в главной рубке, поспешно освобожденной от остатков вечеринки.

— Итак, — обратился к ним Шадресс, — приемопередатчики подогнаны к размерам голов, так что никаких неудобств не должно быть. Все вы слышали рассказы членов экипажа корабля-разведчика, которые ими уже пользовались. Вам известно, что процесс переноса проходит просто и безболезненно. Только представьте, что вы на поверхности планеты — и все.

— Как я могу представить себя на поверхности планеты, которой никогда в глаза не видала? — осведомилась Ная, сумрачно разглядывая прибор.

— Больше всего это похоже на подводный ландшафт Земли в районе Карибского моря или на водную среду Альдебарана или Веги-4. Вообразите, что вас окружают водоросли разнообразных

форм и цветов. Разведчики не раз подчеркивали, что цвет играет огромную роль. Корвики напоминают морских животных класса гидроидов: у них большие мешкообразные тела со сложным набором щупалец, возможно, это нервные окончания.

— Господи, ну и костюмчики, — передернувшись, проворчала Ная Табб.

— Меня заверили, что они придутся нам впору, — ухмыльнулся Шадресс. — Хельва будет нашей палочкой-выручалочкой. Ее снабдили автоматическими реле возврата. Нас предупредили, чтобы мы не задерживались у корвиков слишком надолго.

— Почему? — капризно осведомилась Анера.

— Наверняка у корвиков есть на это веские причины, только они их не называют. Теперь слово тебе, Прейн.

Солар поднялся и оглядел группу.

— Все мы отлично сознаем важность этого невероятного обмена пьесы Шекспира на энергетический процесс. Нашего барда переводили на все мыслимые и немыслимые языки, человеческие и нечеловеческие, и смысл его пьес каким-то образом понимали все — от эстетов до варваров. Так что у нас нет причины сомневаться: у старины Шекспира наверняка найдется что-то и для корвиков... если мы вложим в свое творчество все сердце... или то, что заменяет корвикам этот орган. Дамы и господа, занавес!

Он сел и, надев на голову шлем приемопередатчика, откинулся на кушетку и полностью расслабился. Прошло несколько секунд, и ободок шлема мягко засветился.

— Ну, если это все, что от нас требуется... — решительно произнесла Ная Табб и тоже натянула на голову шлем.

Остальные почти одновременно последовали ее примеру, и вскоре на борту остались только Шадресс и Хельва.

— Проверь, как там Прейн, — попросила она.

— Насколько я могу судить, с ним все в порядке. До встречи внизу, Хельва.

Он исчез. И тут Хельву охватил страх: ей показалось, что новые синапсовые вводы раскалились докрасна. Но этого не может быть. Собрав всю волю, она приказала себе спуститься вслед за остальными. При мысли о том, что она впервые в жизни покидает свою капсулу, ее обуял первобытный ужас, и вдруг...

Мгновенный переход!

Первым отличием, которое она ощутила, было давление... что-то сдавливало ее со всех сторон. Но корвики обещали предоставить членам труппы пустые оболочки. А она чувствовала, что находится в оболочке, которую снаружи облекает что-то еще.

Хельва попробовала пошевелиться, надеясь избавиться от этого постороннего ощущения. В ней заговорила брезгливость — что за противное чувство, как будто к тебе со всех сторон что-то прикасается. Нет, ее ничто не удерживало, и все же давление оставалось. Причем оно не вызывалось гравитацией, а принадлежало той среде, в которой она находилась и двигалась. Что ж, давление для нее не новость — ведь она привыкла летать. Хельва снова пошевелилась, и откуда-то снизу, из-под нее, выплыли непонятные предметы, как оказалось, части ее нового тела. Но рассмотреть их как следует она не успела, потому что они тут же скрылись из вида. Раньше, когда она была кораблем, можно было воспользоваться наружными камерами, чтобы увидеть любую свою часть. Вот цена, которую приходится платить за обретенную подвижность. Что ж, пора оглядеться... насколько это возможно. Она устремила взгляд вниз, в бездонную глубину, и наконец различила бурлящую и клокочущую рыжеватую массу, в которой узнала «землю». Вокруг покачивались перистые ветви, вдыхая и выдыхая богатейший спектр невероятно ярких цветов; иногда эти цвета отличались запахом и звуком. Правда, для Хельвы запахи были совершенно новым ощущением: ведь она всю жизнь вместо обоняния пользовалась датчиками.

— Ну что, Хельва, осваиваешься? — вторглось в ее мысли чье-то знакомое присутствие. Она инстинктивно повернулась на «звук», который не имел ничего общего с тем звуком, который она знала раньше, и представлял собой ритмичное колебание обволакивавшего ее давления.

— Как-то странно испытывать физические ощущения, — ответила она.

— Для тебя это, конечно, кажется странным.

— А ты как себя чувствуешь, Шадресс? — Хельва сразу узнала в постороннем присутствии своего напарника.

— На редкость приятное чувство — будто тебя окружает что-то мягкое, бархатистое. И еще я чувствую безграничную силу. — Шадресс был явно восхищен. — Я снова молод и полон энергии. — В его мыслях преобладали восторг и недоверчивое изумление. — Похоже, нам выдали свеженькие оболочки, новенькие, с иголочки.

— Интересно, где они их взяли.

Тут к ним приблизилось еще одно существо, и оба они сразу поняли, что это настоящий корвик. Его воздействие было очень глубоким, и у Шадресса с Хельвой возникло одинаковое ощуще-

ние — он, несомненно, стар и мудр и в совершенстве владеет энергетическими процессами.

— Я ваш администратор, — представился он. — Все ваши спутники уже облеклись. Можно приступать к энергетическому выражению.

«То, что мы называем розой, будет благоухать, как ее ни назови», — размышляла Хельва, пока они приближались к шаровидному объему, который окружали свободно висящие сгустки матовой черной субстанции, окаймленные дышащими лианами. И вдруг она узнала всех своих спутников: несмотря на внешне одинаковую форму, их воздействия отличались цветовыми оттенками и силой давления.

Прейн показался ей таким же глубоким, как администратор, и Хельва догадалась, что ощущение глубины связано с возрастом и мудростью. «Интересно, а как остальные воспринимают меня?» — подумала она. Поскольку Хельва исполняла роль хора, Прейн попросил ее начать репетицию.

На миг Хельва растерялась: как же она изобразит хор — ведь все акустическое оборудование осталось на борту... Ей ужасно захотелось снова укрыться в своей капсуле. Но Прейн — режиссер, а режиссера положено слушаться.

— В двух семьях, равных знатностью и славой, — начала она, и ее воздействие потемнело и углубилось: она снова была собой.

Вот из-за колышущихся ветвей появились Самсон и Грегори. Их воздействия создавали ощущение легкости, поверхностности и незначительности. Так, то сгущая, то рассеивая излучение энергии, труппа дошла до четвертого акта, и постепенно актеры привыкли и к новому окружению, и к необычным выразительным средствам.

Поэтому, когда сработало реле времени и они перенеслись обратно на корабль, все ощутили почти болезненное разочарование, обнаружив себя заурядными созданиями из плоти и крови. За столом почти никто не разговаривал. Все быстро и жадно поели и отправились спать.

Одна Хельва продолжала бодрствовать. Впервые за всю свою сознательную жизнь она пожалела, что не может предаться блаженному забытью сна. Она старалась не думать о том, как скажется временно обретенная подвижность на ее программных установках. Чтобы как-то отвлечься, она произвела полный наружный обзор. И не потому, что там могло что-то измениться, а просто чтобы удостовериться, что все осталось прежним. Они находились на орбите; наверху чернел бездонный космос, а внизу

туманно вырисовывалось бесформенное клубящееся облако переливчатого света, пронизанное сверкающими лучами. Хельва провела проверку бортовых систем, и тут в силовом отсеке обнаружилось нечто пугающее своей непонятностью. На приборной доске отсутствовали данные работы двигателя, хотя показания всех других систем бодро горели привычным зеленым светом. Она больше не управляла своей энергией, хотя не было никаких оснований говорить об ее исчезновении — просто она стала неконтролируемой. Размышляя о том, что бы это могло значить, Хельва уловила чей-то слабый шепот. Стремясь отвлечься от тревожных дум, она стала прислушиваться и узнала голос Прейна:

Отец! Когда своею властью волны
Ты разбушевал, утишь их!

Она жадно слушала, пока его сонный голос не умолк, произнеся последние строки:

Как нужно вам грехов прощенье,
Так мне даруйте отпущенье.

Назавтра они возобновили репетицию с того места, где остановились накануне. У Хельвы возникло впечатление, что никто из корников не покидал «зала» и даже не заметил временного отсутствия труппы. Может быть, они и с временем обращаются так же запросто, как с энергией? Или время, как утверждает один теоретик с Альфеи, просто один из видов излучения энергии?

Сегодня Хельва воспринимала окружающее гораздо острее. Она полностью управляла своей оболочкой и ощущениями, которые постоянно получала. Очень скоро она заметила: в игру включилась вся труппа, кроме Анеры, которая сознательно тормозила действие.

Перед самым окончанием репетиции к Анере приблизился администратор, и произошло это на глазах у всех.

— Нет никакой разумной причины в том, чтобы сдерживать энергию. Цель нашего эксперимента состоит вовсе не в ее сохранении. Мы стараемся оценить влияние излучения данной разновидности энергии на органы давления и факторы воздействия. Вы затрудняете наш эксперимент. Прошу вас терять энергию так, как того требуют факторы, содержащиеся в уравнении.

— Или?

Ответом на вызывающий вопрос Анеры послужили переливы цвета и давления.

— Или ваша оболочка опустеет навсегда...

— Я больше не собираюсь возвращаться в это гнусное болото,

где меня оскорбляют и унижают на глазах у всех, — заявила Анера.

«Она была просто великолепна, — подумала Хельва, — хоть и не вызвала должного отклика у зрителей».

— Хватит, Анера Колмер, — поднимаясь с кушетки, тихо произнес Прейн, в голосе его звенела сталь, глаза метали молнии, весь вид выражал непреклонную решимость. — Ты добилась своего: теперь твои личные пристрастия и взгляды известны всем членам труппы до единого. Однако на карту поставлено нечто куда более важное, чем личные предпочтения, поэтому все мы терпеливо сносили твои выходки и интриги. Так вот, завтра ты вернешься как миленькая и, выполняя совет нашего уважаемого администратора, будешь тратить энергию, как того требуют содержащиеся в уравнении факторы.

— Интересно, кто же меня заставит? — с вызовом спросила Анера.

— Любой из нас, дорогуша, — ответила Ная Табб, опередив Шадресса и Даво, которые уже начали подниматься со своих мест. — Любой из нас, притом с превеликим удовольствием. Вот увидишь, мы тебя так отделаем, что шкура корвика покажется тебе райским блаженством.

— Вы не посмеете!

«Неужели Анера так упряма, что, даже видя уязвимость своей позиции, не может пойти на попятную? — недоумевала Хельва. — Или она просто не допускает, что и на такую важную персону, как она, может найтись управа?» К счастью, звезда относилась к той категории людей, которые совершенно не способны выносить физическую боль, и полдюжины увесистых затрещин, которыми наградила ее Ная, возымели весьма действенный эффект.

— Ну-ка постой, душенька, — воскликнула Ная, схватив всхлипывающую женщину за руку, когда та попыталась укрыться в каюте, — оставайся лучше здесь, у меня на глазах, а то я тебе не больно-то доверяю. А теперь садись поешь и будь умницей. Учти, завтра ты должна быть такой Джульеттой, каких еще свет не видывал!

Столь бурная сцена, да еще после репетиции на Бете Корви, потребовавшей огромного психологического напряжения, лишила всех последних остатков сил. Шадресс и Керла разнесли флаконы с напитками и насыщенный белками суп. Покончив с едой, актеры разбрелись по своим каютам и легли отдыхать.

— Хельва, ты не спускай глаз с Наи и Анеры, ладно? — попросил Шадресс.

А ведь он изменился, вдруг поняла Хельва, в нем открылась какая-то новая глубина, совсем корвиканская. Она услышала, как Керла спросила Прейна:

— Ты думаешь, теперь Анера будет играть в полную силу? — Они единственные не спали — казалось, им было никак не расстаться.

— Судя по цвету, у нее преобладали гнев и страх... — Прейн замолк на полуслове и покосился на Керлу.

— Ты мыслишь совсем как корвик, — рассмеялась девушка, и в глазах ее заплясали веселые искорки. — Похоже, это заразная штука. Как будто начинаешь походить на персонаж, который играешь! Ты видишь — даже такой зеленый новичок, как я, начинает постигать тайны ремесла!

— Но Керла, милая, ты преображаешься в очень теплое, чистое воздействие.

Смех замер у нее на губах, глаза вспыхнули страстным призывом. Казалось, влюбленные вот-вот сольются в поцелуе, но внезапно Прейн с глухим стоном отпрянул и стремительно бросился прочь по коридору.

На следующей репетиции Анера с такой готовностью теряла энергию, что им удалось пройти всю пьесу до самого конца. Прейн был несказанно доволен результатом и сообщил администратору, что труппа может дать первое представление перед публикой.

— Моя энергетическая группа просто жаждет испытать полное сжимающее воздействие ваших оболочек, — ответил администратор, лучась лавандово-пурпурными тонами, которые, как поняла Хельва, у корвиков равносильны удовольствию. — Можно назначать спектакль на ваше следующее появление здесь?

Прейн с энтузиазмом согласился.

— А если наша отдача энергии окажется удовлетворительной, — спросил Шадресс, слегка оттеняя свое воздействие строго дозированным выражением почтения к вышестоящему, — проведут ли корвики перенос наших форм, так чтобы мы могли выполнить условия нашего контракта?

— Безусловно. Уже сейчас очевидно, что потеря личностной сущности превышает обусловленный минимум. Таким образом, энтропия обещает превзойти основные энергетические потребности...

Хельва поняла, что это заявление необходимо проанализиро-

вать сразу, как только она вновь станет собой. Оно прозвучало как-то... зловеще, но только для Хельвы, а не для ее теперешнего «я», отождествившегося с корвиканской оболочкой. Такое раздвоение личности грозило опасностью.

На борту было значительно легче узнать тех, кто начал проявлять признаки перемены психологической ориентации. Они даже в разговоре широко использовали корвиканскую терминологию — совсем как Прейн и Шадресс накануне вечером. Единственным членом труппы, который оказался совершенно неуязвим к этой напасти, оказалась Ансра, но она так погружена в свои личные переживания, что у нее просто не остается энергии... («Господи, и я туда же!» — простонала Хельва) для объективных ощущений.

День премьеры на Беге Корви ознаменовался неистовым, прямо-таки ошеломляющим успехом — именно так воспринимали корвики эту разновидность энергии. За порослью перистых ветвей собралось множество корвиков, и все они пульсировали и содрогались, жадно поглощая отдаваемую труппой энергию, по которой они явно изголодались.

Хельва ощущала, что ее оболочка разбухла до невероятных размеров: обратная связь выражалась в тепловой реакции, придавшей ей неограниченную массу, которую предстояло зарядить до высочайшего уровня возбуждения. Она понимала, что здешние зрители вполне разобрались в конфликте двух враждующих сторон, поняли желание двух юных, но отнюдь не поверхностных сущностей образовать новую силовую группу, оценили ее собственное энергетическое вдохновение в роли кормилицы, сверкание бета-частиц, которыми обменивались две новые сущности, вынужденные исчерпать до конца жизненную энергию своих ядер, дабы привести враждующие группировки к пониманию: и на их энергетическом уровне возможно сосуществование.

После того как герцог подвел итог энтропийной смерти двух сущностей, из окаймленного ветвями пространства вырвались такие мощные всплески восторга, что Хельва, ощутив невыносимый гнет столь активной обратной связи, в порыве экстатического самопожертвования была вынуждена поспешно сбросить несколько эргов избыточного давления в ближайшую опустошенную оболочку. А вокруг раздавались треск, хлопки, гул и рев бесчисленных взрывов — это шла рекомбинация колоссальных положительных сил и поглощение ранее выделенной энергии.

Вот тогда Хельва и благословила своих нейрохирургов. И в то же время прокляла: как жаль, что для нее неотвратимо близится

конец столь великолепного, ошеломляющего взаимообмена! Она с огромным трудом собралась с мыслями, когда на фоне блистательных видений замелькали сигналы тревоги и зазвучала сирена, предупреждая о надвигающейся опасности.

Перед ней лежали безжизненные тела, неподвижные куклы, только едва заметное дыхание говорило о том, что в них еще теплится жизнь.

Хельва в панике отключила приемопередатчик. Их свечение медленно, словно нехотя, угасло, и все же никаких новых признаков жизни не появилось. Хельве показалось, что прошла вечность, прежде чем она услышала стон Анеры.

— Анера, Анера! — принялась громко и настойчиво звать она, стремясь вывести женщину из глубокого забытья. — Анера, очнись.

— Что?.. Где?

— Скорее в камбуз, принеси стимулятор К, он в синих баллончиках для внутривенного впрыскивания.

Но заставить Анеру двигаться оказалось не так-то просто. Пришлось раз за разом монотонно повторять приказы, неумолимо принуждая женщину повиноваться. Хельве казалось, что она управляет роботом. Наконец ее старания увенчались успехом: Анера взяла нужный баллончик и поднесла распрыскиватель к своей руке. Скоро стимулятор подействовал.

— Господи-боже-мой, — хрипло забормотала Анера, — господи-боже-мой, господи...

— Анера, ты должна сделать всем впрыскивания. Да шевелись же ты, ради бога!

Актриса все еще была немногим лучше автомата, и, воспользовавшись ее покорностью, Хельва позаботилась, чтобы в первую очередь она впрыснула стимулятор Прейну и Керле, потом Шадрессу. Мало-помалу все пришли в себя.

— Не думаю, чтобы я смог вернуться туда еще раз, — хриплым, срывающимся голосом проговорил Эскал. Он прижал руки к вискам, на лбу краснел след, оставленный ободком прибора. — Вот уж никогда не думал, что настанет день, когда я не смогу выйти на публику только потому, что она от меня слишком в большом восторге. Да, друзья мои, это место... — глаза его расширились от ужаса, но он быстро овладел собой, — ...я чуть было не сказал — «чистая энтропия». Но именно в этом вся беда.

Прейн, выглядевший таким же измученным и подавленным, как и остальные, сумел все же выдавить слабую улыбку.

— Что и говорить, столь неожиданная реакция застала нас

врасплох. В данный момент, — он сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность своего заявления, — я считаю, что повторная встреча просто немыслима. Нет, нет, сейчас мы не будем ничего обсуждать. Выражаясь языком наших хозяев, мы должны преобразовать массу в совершенно необходимую нам энергию и сдерживать нашу отдачу. Я хочу сказать только одно: я невероятно горжусь всеми вами.

«Пока этого достаточно, — подумала Хельва, — все равно труппа пребывает в столь плачевном состоянии, что не сможет вынести ошеломляющее сообщение о том, что мы попали в ловушку». Корабль погрузился в тишину, которую этой ночью не нарушали даже декламации Прейна. Да и сама Хельва была близка к беспамятству. Она так устала, что даже не находила в себе сил тревожиться о завтрашнем дне.

Утро не принесло видимых перемен. Все по-прежнему пребывали в полупростратии. Одна Керла, движимая профессиональным долгом, разбудила тех, кто искал забвения во сне, и заставила их проглотить насыщенную белками пищу, а потом ввела каждому большую дозу лекарственного аэрозоля.

Ближе к вечеру Хельва вызвала Шадресса на камбуз, чтобы с глазу на глаз обсудить создавшееся положение.

— Придется нам, Хельва, как можно дольше тянуть время. Все измотаны до последней крайности. Я это по себе чувствую. — Он озабоченно покачал головой. — А ты как?

Хельва медлила с ответом.

— Я всегда придерживалась мнения, что капсульники — такие же люди, как и их подвижные собратья. Теперь я в этом уверена. Мне самой было бы невероятно трудно вернуться на Бету Корви. Только я знаю одно: выбора у нас нет.

— Что ты хочешь этим сказать? — У Шадресса осталось так мало энергии, что он сумел выразить лишь легкое любопытство.

— Они уже сейчас недоумевают, почему мы задерживаемся. Там выстроилась целая очередь дублеров, жаждущих у нас учиться.

Шадресс испустил приглушенный стон отчаяния.

— Посуди сама, Хельва, ну как мы можем просить кого-то взяться за это дело?

— Я уже сказала, Шадресс, — у нас нет выбора.

— Не понимаю.

— На каждом проводке, идущем к источникам питания, стоит крошечный блок. Я не смогла бы даже увернуться от метеора, угрожай нам такая опасность.

Шадресс вздрогнул всем телом и уронил голову на руки.

— Пойми, Хельва, я не могу вернуться. Не могу. Я бы...

— Тебе и не нужно возвращаться. Во всяком случае, сейчас. Господи, да у тебя даже не хватит энергии, чтобы надеть приемопередатчик, — сказала она, намеренно делая вид, что не понимает его боязни. — Предоставь это мне.

— Что тебе предоставить? — спросил Прейн, выплывая в камбуз.

— Я собираюсь спуститься, чтобы объяснить корвикам причину нашего отсутствия.

— Ничего подобного, — возразил Прейн и попытался расправить плечи, но в результате только беспомощно ткнулся в аппарат для подогрева. — Я режиссер, и это моя обязанность — объяснить, почему мы не способны выполнить условия контракта.

Шадресс бессильно застонал.

— Не глупите, Прейн, — вы едва держитесь на ногах, как, впрочем, и Шадресс. Пойду я, и хватит об этом. Шадресс, мы еще поговорим на эту тему, когда я вернусь. Ты понял, Шадресс? — Она подождала, пока он не кивнул в знак согласия.

Как только Хельва вернулась в корвиканскую оболочку, мозг ее пронзила острая боль. Мириады тактильных ощущений, поступающие от плывущих за ней отростков, свидетельствовали о присутствии нескольких сильных источников давления. Как, во имя Всевышнего, ей объяснить этим существам, повелевающим чистой энергией, что люди — столь хрупкие создания?

На этот раз в атмосфере совершенно не ощущалось энергетических всплесков. Администратор, как всегда темный, глубокий и насыщенный, сдерживал свою массу сжимающих воздействий. Другие, выстроившиеся на почтительном расстоянии, должно быть, и были дублерами. Если в сознании корвиков присутствовал уровень сострадания, то администратор наверняка задействовал именно его: он терпеливо ждал, пока Хельва отчаянно пыталась сформулировать объясняющее ситуацию уравнение и указать на неразрешимые фрагменты. Его ответом послужило излучение, которое можно было истолковать как сожаление о том, что столь небывалая обратная связь и образование нестабильной реакционной массы вызывало у гостей такую энтропию. Однако, подчеркнул он, причина кроется в них самих.

Вдобавок администратор серьезно предупредил Хельву, что возникли новые, чрезвычайно важные обстоятельства. Каждая отдельная энергетическая группа, окружающая данное тепловое ядро, настаивает на получении формул, которые дадут возможность повторить столь уникальные излучения. Благодаря такому

выделению энергии появится возможность активизировать застойные энергетические группы, которые, как считалось, навсегда потеряны и не могут быть восстановлены. Поэтому корвики настаивают на передаче формул. А уж за ценой они не постоят.

Хельва, ощущая, что ее излучение выражает полное отчаяние, повторила, что это невозможно.

— Тем не менее необходимо найти какой-то выход, — настаивал администратор. — Среди вас была одна сущность, — он построил звуковое уравнение, которое означало Джульетту, — так вот, она продемонстрировала замечательное владение внутренней энергией. Пусть она вернется и предоставит нам формулы. В противном случае... — Администратор пошевелил щупальцами, что у человека соответствовало бы пожатию плечами.

Вернувшись на корабль, Хельва долго собиралась с духом, прежде чем решилась обнаружить свое присутствие. Она лихорадочно соображала: как это на первый взгляд нехитрое задание обернулось такой катастрофой? Безжалостно анализируя безвыходное положение, в которое они попали, Хельва старалась найти хоть какой-нибудь просвет. Ведь должен же он существовать!

Что за космическая ирония — именно Ансра Колмер, так старавшаяся всех погубить, оказалась единственным человеком, который смог без особых потерь пережить приключение, — а все ее чудовищный эгоизм. Вот только пожелает ли она теперь их спасти?

— Если вы все спятили, то я пока еще в здравом уме, — без тени колебания заявила Ансра. — И ничто на свете не заставит меня вернуться в эту... в эту дыпегубку — можете меня убить! Я выполнила все, что записано в моем контракте.

— Ничего подобного, Ансра, — устало возразил Даво. — Правда, сомневаюсь, что кто-то из нас сможет заставить тебя держать ответ перед Гильдией. Но знай, в наших контрактах говорится: если корвики примут наш спектакль в качестве платы за их метод, то мы обязуемся подготовить корвиканских дублеров.

— Что? Вернуться — только для того, чтобы учить корвиков играть Джульетту? — Ансра визгливо рассмеялась, и в ее хохоте прозвучали истерические нотки. Она резко обернулась к Прейну: — Я ведь предупреждала всех на Регуле: ты провалишься! Так оно и вышло. И я рада, рада, просто счастлива!

Ее ненависть почти ощутимой волной обрушилась на их обнаженные, сверхчувствительные нервы. Продолжая хохотать, Ансра, пошатываясь и натыкаясь на стены, устремилась в каюту, и

там, как тряпичная кукла, рухнула в кресло перед зеркалом, то смеясь, то бессмысленно глядя на свое отражение.

— Совсем с ума сошла, — решительно заявила Ная, — просто рехнулась.

— Не думаю — если только мы все здесь не рехнулись, — ответил рассудительный Даво.

— Что ж нам теперь — сидеть и смотреть, как она над нами посмеивается? — вспылила Ная. — Пусть делает свое дело.

— Ты хочешь сказать, представление продолжается? — саркастически осведомился Эскал. — Боюсь, что наше уже закончилось.

— Я должен извиниться перед всеми, — поднявшись, заговорил Прейн. — Ансра злится на меня. Вы не должны от этого страдать.

— Ради всего святого, Прейн, прекрати изображать мученика, — взорвался Даво.

— Я и не собираюсь никого изображать, — продолжал солар таким будничным тоном, что обвинение Даво сразу потеряло смысл, — выход чрезвычайно прост. Я режиссер и знаю всю пьесу от первой строки до последней. Скажу больше: я отлично помню двести двенадцать сценариев — древних, классических, относящихся к атомной эре и современных.

— Ты не вынесешь такого напряжения, — воскликнула Керла, судорожно обняв его. — Ты умрешь!

— Я умру так или иначе, милая. И предпочитаю уйти с хорошей прощальной репликой.

— «Там, в Иерусалиме, Богу дух предам», — громыхнула Хельва и разразилась насмешливым хохотом, оцепенив всех присутствующих. Прейн был оскорблен до глубины души, и Хельва решила, что это все же лучше, чем героическое самопожертвование. — А теперь успокойтесь! Не думайте, что все потеряно только потому, что Ансра Колмер оказалась злобной и мстительной сукой. Прежде всего, солар Прейн, от нас не требуется выплескивать на корвиков весь свой репертуар в едином жертвенном порыве. В контракте упоминается всего одна пьеса, «Ромео и Джульетта», от которой все они просто ошалели. Ее-то мы им и предоставим, а потом смоемся из их владений с такой скоростью, которую способны развить мои двигатели. И я настоятельно рекомендую вам больше не углублять их воздействия, пока эти умники не додумались, как защитить наши нежные души от своей обратной реакции.

И еще, солар Прейн: вы вовсе не единственный человек на

борту, кто обладает столь совершенной памятью. Я знаю, это может прозвучать не очень скромно, но я сама, а скорее всего и Даво, а может быть, и наш Эскал знаем «Ромео и Джульетту» ничуть не хуже вашего. И каждому из нас троих будет куда легче вернуться на Бета Корви — как физически, так и эмоционально... Послушайте меня! — рявкнула она, когда все начали бурно возражать. Потом переключилась на голос, который должен был создать впечатление благодушной улыбки, и добавила: — Говорит ваш капитан! — Но, как только они рассмеялись, снова стала абсолютно серьезна. — Я, Хельва, несу полную ответственность за этот полет и за всех своих пассажиров.

— Я тоже помню Ромео и Джульетту. И, если хотите знать, даже играла Джульетту, пока мне не перевалило на вторую сотню, — спокойно заявила Ная, не дав Хельве закончить. — И потом, Хельва, ты забыла упомянуть нечто очень важное. Ведь нас так подкосил спектакль, а не репетиции. Я уверена, что сумею без особых потерь пережить репетицию: в ней всегда бывают остановки и перерывы, когда мы объясняем дублерам, как следует играть ту или иную сцену. К тому же никто нас не заставляет репетировать по семь часов. Если уж этим корвикам так позарез нужны наши пьесы, мы можем выдвигать свои условия. — Тут Ная покосилась в сторону женской каюты, где тихо хихикала Анера, и все ее добродушие разом улетучилось. — И будь я проклята, если позволю этой сучке испортить лучший спектакль за всю мою жизнь!

Эскал расхохотался и крепко обнял Наю.

— Я тоже, клянусь ногтями семи святых Скорпиона!

— Я с вами, — поддержал их Бенволио, — а она получит, если вздумает соваться, — добавил он, погрозив кулаком в сторону каюты, где скрывалась Анера.

— Послушай, Хельва, договорись с корвиками, чтобы они дали нам передохнуть еще денек, — сказал Шадресс. — А потом мы все спустимся к ним и доведем дело до конца. Представление продолжается!

— А кто сыграет Джульетту? — спросил Даво и тут же ответил сам себе, указывая пальцем на Керлу: — Вот кто будет Джульеттой!

— Нет, что вы! Только не я!

— Но почему, моя юная, нежная возлюбленная? — проговорил Прейн, отводя ладони от ее лица и бережно целуя девушку на глазах у всех. — Ты настоящая Джульетта, о которой она не может даже мечтать.

— Меня беспокоит только одно, — заявил Эскал, — Ансра, где бы она ни находилась: здесь, с нами, или там, одна, — сказал он, сопровождая слова выразительными жестами.

— Очень здравая мысль, — присвистнув, согласился Даво.

— Не волнуйтесь, — успокоила их Хельва. — Мисс Колмер... отдыхает — будем называть это так. А я ей в этом немножко помогу. — И она хладнокровно наполнила каюту снотворным газом.

Администратор заявил о своем согласии, излучая облегчение, вызванное тем, что удалось найти приемлемое решение. После насыщенного белками ужина Хельва отправила всех спать. Керла с Наей предпочли прилечь на кушетках в главной рубке, несмотря на то что Хельва очистила их каюту от газа. Керла согласилась дать Ансре дозированное по времени снотворное, чтобы она не пришла в себя, пока на борту никого не будет.

Труппа решила ограничить первую репетицию четырьмя часами. Однако все опасения быстро рассеялись, когда актеры убедились, что их ученики крайне осмотрительно расходуют свои энергетические излучения. Когда все вернулись на корабль, настроение у группы было на грани истерического веселья.

— В жизни не встречал более способных учеников, чем эти корвики, — воскликнул Эскал. — Стоит один раз сказать, и они уже не забудут.

— А вы заметили, как они сдерживают себя? — спросил Даво. — Вот только поймут ли они, с какой силой нужно излучать энергию, чтобы спектакль получился живым? Ведь именно это всегда и отличает профессионалов от любителей.

— Ты верно подметил, Даво, — согласился Прейн. — Мы обсуждали этот вопрос с администратором, и я обратил его внимание на уровни несохраняемой энергии. Так вот, он заверил меня, что они во время спектакля сделали замеры и теперь будут точно знать, когда необходимо излучать энергию и в каких объемах, чтобы вызвать надлежащую реакцию. Да, у этого человека огромное воздействие, просто колоссальное.

— И к тому же отличное чувство чистоты уровня, — задумчиво кивая, добавил Шадресс.

— Да вы уже говорите не как люди, а как чистые корвики, — пошутила Ная.

Прейн и Шадресс озадаченно переглянулись.

— Это правда, — подтвердила Керла.

— Не забывайте, подражание есть самая искренняя разновид-

ность лести, — в наступившей тишине проговорил Прейн, но Хельве его веселость показалась изрядно натянутой.

Вторая репетиция прошла так успешно, что Прейн решил: еще одно последнее занятие, и условия контракта можно считать выполненными.

— Да, давайте закончим поскорее, — попросил Эскал. — Есть в этом сумасшедшем месте что-то завораживающее, и чем дальше, тем сильнее. Мне все труднее даются человеческие мысли.

«Эскал прав», — подумала Хельва. Ей самой тоже становилось все легче думать по-корвикански. А Прейну с Шадрессом и подавно: они уже перевели всю театральную терминологию в совершенно новую систему координат. Хельва не раз слышала, как они, обсуждая тонкости постановочного процесса, говорили о фазах возбуждения, перемещениях оболочек, излучении частиц, направленности подоболочек, и уже начала сомневаться, о чем они рассуждают: о театре или о ядерной физике.

На всякий случай она не спускала глаз с Прейна. Керла тоже следила за ним, но играть Джульетту с таким Ромео, как Прейн, — значит перегружать свои контуры, а это искажает... — Хельва резко одернула себя. Нет, чем скорее они уберутся отсюда, тем лучше.

Она проследила, чтобы Керла вовремя дала Ансре снотворное. Актриса пребывала в забытьи уже сорок часов. Ничего, еще пять ей не повредят. Зато обстановка на корабле заметно разрядилась.

Хельва предупредила Керлу, что скоро спустится, и начала проверять всю бортовую аппаратуру. Как только корвики снимут блоки, можно будет трогаться в путь, и она не хотела, чтобы в последнюю минуту возникли какие-нибудь заминки.

Когда Хельва оказалась внизу, Прейн занимался со своим дублером. Едва она успела отыскать своего, как репетиция началась, и они погрузились в события второй сцены четвертого акта.

На этот раз корвикам становилось все труднее сдерживать выход энергии. Хельва подумала, что Даво зря волновался по поводу недостатка драматического накала. Уберите учителей с их хрупкими, уязвимыми душами, и корвики мигом достигнут уровня возбуждения, указанного в формуле.

Хельва чувствовала, что ей самой тоже приходится прилагать усилия, чтобы сдерживать возбуждение. То же она заметила и у Прейна: пока он вместе с дублером и двумя Бальтазарами дожидался своего выхода, чтобы исполнить финальную сцену смерти Ромео, он, казалось, истекал энергией.

— Реле времени установлены? — нервно спросил он. — Их нельзя перевести назад?

Но не успела Хельва ответить, как ему пришлось вступить в игру.

Наконец репетиция закончилась. Пока администратор расточал похвалы актерам, ему приходилось прилагать огромные усилия, дабы сдержать непроизвольные вспышки энергии. Он объявил, что все сведения о методе стабилизации изотопов уже отосланы на корабль в специально подготовленном контейнере и силовая установка разблокирована. И все это время излучение шло таким широким спектром, что Хельва ощутила грозные предвестники энтропии и поспешно распрощалась.

Когда она вернулась, ей понадобился один миг — миг, окрашенный сожалением и продлившийся, как ей показалось, целую вечность, — чтобы окончательно прийти в себя. Она обнаружила, что контейнер, надежно закрепленный в машинном отделении, все еще сильно радиоактивен, так что пусть до поры там и остается.

Вдруг в полутемной рубке кто-то застонал. Но почему здесь так темно? Ведь она не убавляла свет...

Хельва врубила все освещение на корабле и заглянула в пилотскую каюту, желая удостовериться, что с Ансрой все в порядке. Койка оказалась пуста. Как же ей удалось преодолеть действие снотворного? Стремительно обыскав все помещения, она обнаружила Ансру — та скорчилась рядом с телом Прейна. В руках у нее были зажаты провода, ведущие к шлемам Прейна и Керлы.

— Остановись, Ансра! Это все равно что совершить убийство! — взревела Хельва, надеясь, что оглушительный звук испугает актрису. Но Ансра, давно замыслившая месть, сорвала шлемы у них с голов и стала отдирать провода.

Хельва поспешно переключила приемопередатчики на возвращение, отчаянно надеясь опередить Ансру. Казалось, прошла вечность, мгновения которой, как метроном, отмеряло хриплое дыхание Ансры, прежде чем вдоль ободков шлемов не погасли огоньки. На одном шлеме свет остался — этот прибор принадлежал Шадрессу.

— Даво, Даво! — позвала Хельва.

Услыхав ее настойчивый призыв, актер потряс головой и рассеянно отозвался. Он почти сразу увидел Ансру, понял, что она делает, и кинулся к ней. Толчок Даво отбросил женщину к дальней стене, и тут стали приходить в себя остальные члены труппы.

— Эскал, помоги Даво справиться с этой идиоткой! — крикнула Хельва, увидев, что Ансра, визжа и извиваясь, с бешеной си-

ной борется с Даво. — Бенволио, приди же в себя. Займись Шадрессом. Как у него пульс?

Бенволио склонился над неподвижным телом пилота.

— По-моему, слишком медленный и... и очень слабый.

— Я возвращаюсь на Корви. Кто-нибудь... Ная, ты уже очнулась? Найди два действующих передатчика и надень их на Прейна и Керлу. Я постараюсь их вернуть.

— Погоди, Хельва! — услышала она голос Даво, уже начав переход.

Рядом с собой она увидела администратора. А с ним — оболочки, которые, несомненно, принадлежали Прейну, Керле и Шадрессу. Их сжимающее воздействие обрушилось на нее мощной волной.

— Оставайся с нами, Хельва. Оставайся — ведь это совершенно новая жизнь, перед нами открывается все могущество вселенной. Зачем тебе возвращаться к бесплодной жизни в неподвижной капсуле? Присоединяйся к нам!

Слушать дальше было слишком соблазнительно и слишком опасно. Хельва стремительно перенеслась на свой корабль — единственное безопасное прибежище, которое она знала.

— Хельва! — звенел во всех ее приемниках голос Даво.

— Я здесь, — пробормотала она.

— Слава богу! Я уже испугался, что ты останешься с ними.

— Так ты знал, что они решили остаться?

— Они остались бы даже без помощи Аперы, — уверенно произнес Даво. Ная согласно кивнула.

— Подумай сама — ведь для Керлы с Прейном это единственный выход. Теперь, черт возьми, они наконец смогут объединить свои энергии, — невесело усмехнулась она.

— А Шадресс?

— Не ожидала, что твое «тело» дезертирует? — понимающе спросил Даво. — Но ему уже недолго осталось быть им, ведь так, Хельва?

— А что, если бы я тоже осталась?

— Видишь ли, — ответил Даво, — Шадресс не думал, что ты согласишься, хотя и считал, что напрасно.

— Мое место там, где я нужнее всего. А иногда, мне кажется, лучшая помощь состоит в том, чтобы ничего не делать, — добавила она, больше для себя. Потом перевела взгляд на четыре безжизненно распростертых тела — только дыхание говорило о том, что они еще живы. — Как четыре? — изумленно вскрикнула она,

увидев, что Аспра лежит рядом с остальными. — Что вы сделали? И как вам это удалось?

— Без особого труда, — небрежно пожала плечами Ная. — Как аукнется, так и откликнется. К тому же корвики лучше нас умеют управляться с нестабильной энергией. Ну что, Хельва, можно трогаться в обратный путь?

— Администратор сказал, что обмен завершен, — заметил Эскал. — Они разблокировали твою силовую установку?

— Да, — вздохнула Хельва, все еще не решаясь перейти к действию.

— Послушай, Хельва, — тихо шепнул Даво, положив ладонь на титановый пилон, — наша пьеса оказалась ловушкой, и кое-кто в нее попался.

Она покорно ввела в компьютер пленку с инструкциями по обратному маршруту, и слова его еще долгим эхом звучали у нее в памяти, как милосердное отпущение грехов.

С несказанным облегчением она следила, как чиновники, проводившие служебное расследование, разошлись по ожидавшим их машинам, которые в свете прожекторов сбились у подножия Х-834, как стая электрических мотыльков... — Что за странное сравнение! — одернула себя Хельва. Прорезав ночной мрак, вспыхнули лучи фар, заметались, перекрещиваясь, как светящаяся паутина, — машины разворачивались, выруливая на дорогу. Вот лучи протянулись параллельными линиями, высвечивая нижние этажи административного корпуса базы Регул. Хельва заметила, что не все машины направились к нему — некоторые пронеслись мимо и, выехав за границы базы, устремились к далекому городу.

Принято считать, что капсульники никогда не устают, и тем не менее Хельва ощущала подавленность и упадок сил. Она не знала, что далось ей тяжелее: общение с корвиками или нескончаемые допросы рьяных чиновников здесь, на Регуле. Теперь она отлично понимала, почему Прейн так пристрастился к мыслеуловителю, стремясь остановить потерю нейронов. Не будь к ее услугам банка памяти, она бы охотно забыла многое из того, что ей довелось пережить. Жаль, что ей это не дано.

Хельва вздохнула. Но не Хельва, Х-834, блестящий корабль класса МТ, находящийся в штате Медицинской службы Центральных Миров, а Хельва-женщина.

Они запирают нас в титановую оболочку, прячут оболочку за титановой обшивкой и считают неуязвимыми. Но телесные уве-

чья — не самое тяжкое из несчастий, которые уготованы вселенной для ее чад, к тому же они заживают быстрее всего.

В административном корпусе одно за другим загорались окна, и Хельва ощутила мстительную радость. Значит, не ей одной сегодня предстоит бессонная ночь. И поделом им — своими бесконечными вопросами они пошатнули ее и без того зыбкую уверенность в правильности решения, принятого на Бете Корви. Насколько сильна популяция на планете? Какова величина отдельных особей? Как долго, по ее мнению, корвиканские оболочки, в которых теперь находятся Прейн, Керла, Шадресс и Ансра, сохранят прежние воспоминания и привязанности? Как скоро сможет вторая экспедиция попытаться проникнуть в их атмосферу? Какие еще варианты обмена может порекомендовать Хельва, если учесть, что из Прейна выкачают весь его драматический репертуар? Почему она поняла, что среда Беты Корви так губительна для человеческого разума? Может ли она объяснить, в чем заключается опасность? И может ли посоветовать профилактические меры, которые можно будет использовать при предварительном психопрограммировании?

То, что все остальные участники полета подвергались такому же дотошному допросу, прощупыванию и проверке, как физической, так и психологической, служило Хельве слабым утешением. Хотя ей в этом повезло больше — правда, специалисты по капсульной медицине провели тест на кислотность и проверку поглощения питательных веществ. Они отметили повышенное потребление белков, которое объяснили той необычной деятельностью, которой ей пришлось заниматься.

Да, компьютерам базы сегодня ночью придется поработать, ей же не хотелось думать ни о чем. А главное, о корвиках и о четверых людях, которые предпочли остаться в корвиканских оболочках, чтобы предаваться обмену и потере энергии в новой для себя...

— Не желаю об этом думать, — громко сказала Хельва.

Томясь от бездействия, она выглянула наружу, и взгляд ее на секунду упал на освещенные окна пилотской казармы. Она не ощутила никакого искушения послать туда вызов. Не было в ней сейчас той непринужденности, которая нужна для общения с новыми людьми... а ведь обычно она так любила эти встречи — веселые, оживленные, вносящие в жизнь волнующие ощущения. Но и одной ей тоже не хотелось бы оставаться.

«На этот раз я ни на сантиметр не сдвинусь с этой базы, пока не получу себе напарника», — поклялась она.

Где-то там, за огромным летным полем, скрытое милосердной темнотой, лежало кладбище базы, где покоился Джеппан, и она ощущала, как это расстояние начало незаметно сокращаться.

Не решаясь вновь погрузиться в эту закрытую главу своего прошлого, Хельва принялась безжалостно перебирать в памяти события последних часов. Всю ли информацию она предоставила проверяющим? Не утаила ли подсознательно какой-нибудь важный факт или мелкую подробность? Правильно ли описала то опасное раздвоение личности, которое подстерегает человеческий ум в оболочке корвика? Не забыла ли...

Внизу резко затормозила машина, и кто-то включил пассажирский лифт, который она не подняла, когда ее борт покинули последние проверяющие.

— Кто там, черт возьми...

— Паролан! — как всегда, отрывисто и не особо любезно отозвался инспектор. Естественно, Найал Паролан присутствовал при недавнем опросе, как и полагалось ее главному координатору. Он исполнял роль третейского судьи, вступая в разговор только в тех случаях, когда эксперты чересчур расходились или проявляли чрезмерный интерес к фактам, которые Хельва была не в состоянии объяснить. И она была ему за это благодарна. К тому же на нее произвело впечатление то, как ловко он разрешал все щекотливые ситуации. По-видимому, несмотря на свои отвратительные манеры, Паролан пользовался на базе большим авторитетом. Интересно, зачем он вернулся? Побеседовать наедине?

Вот он вошел в шлюз и остановился — ноги широко расставлены, руки свисают вдоль тела, на лице застыло неожиданно задиристое выражение.

— Ну что, чем вы сегодня недовольны? — спросила Хельва, чтобы скрыть внезапную тревогу.

Он шагнул вперед, и Хельве показалось, что инспектор сильно пьян.

— Миледи, прошу у вас убежища, — произнес он, кланяясь с преувеличенной церемонностью.

— И чашку кофе?

— Как бы не так. Эти паршивые электронные клоуны вылакали весь твой запас. Учти, Ценком знает, что ты недоступна и закрыта для связи, — между прочим, по моему распоряжению, детка, так что для меня ты самое безопасное место.

— У вас что — неприятности из-за Беты Корви?

— У меня? — Он опустился на кушетку лицом к ее пилону и вдруг устало откинулся на подушки. — Нет, Хельва, нет, девочка

моя. Не у Найала Паролана, главного координатора. Скорее, у всех нас. — Размашистым движением руки он перевел проблему из местного масштаба в галактический. — Но пока тебя оставили в покое и меня тоже, а к утру мои старые мозги, возможно, снова придут в норму, и тогда... — Его голос перешел в невнятный шепот.

Хельва решила, что Паролан уснул, но скоро увидела, что он смотрит на нее из-под опущенных век.

— Скажи, кто-нибудь удосужился сообщить тебе, насколько ты превзошла все наши ожидания? А шеф удосужился упомянуть, что к твоему послужному списку добавились еще две благодарности? И астрономическая премия! — Он хлопнул ладонью по кушетке. — Продолжай в том же духе, и ты скоро рассчитаешься с долгами. — Вдруг голос его зазвучал необычно мягко: — А я, Хельва, удосужился ли я поблагодарить тебя за то, что ты вытянула на себе это дерьмовое, мерзопакостное, вонючее задание, в которое мы тебя втравили...

— Лично вы, Паролан, здесь ни при чем...

— Ха! — Он коротко хохотнул, выгнув спину дугой, потом снова бессильно упал на подушки. — Ничего не скажешь, девочка моя, ты отлично поработала. Не думаю, чтобы с этим делом справился какой-нибудь другой корабль.

— Как знать, может быть, другой корабль доставил бы обратно всех пассажиров.

— Что за бред сивой кобылы, Хельва! — как пружина, взвился Паролан. — Не желаю слышать от тебя таких дурацких заявлений! У Прейна с Керлой были свои причины для того, чтобы остаться, как, впрочем, и у Шалресса. Все трое от этого только выиграли. Что же до Аисры Колмер, то этой сучке только поделом. Наконец-то она перехитрила сама себя. Все-таки во вселенной есть истинная справедливость, пусть даже корвики никогда не слыхали о Хаммурапи.

Инспектор снова улегся и переплел пальцы за головой.

— Вы имеете в виду тела? Наверное, уже пора позаботиться о подобающих похоронах?

— С какой стати? Клинически они все еще живы. Это твое тело клинически мертво, — добавил он, хотя отлично знал, что касаться этой темы в присутствии капсульников строжайше запрещено. — И в то же время ни ты, ни я и никто другой на этой базе не считает тебя призраком. Что же делает человека мертвым — а, Хельва? Отсутствие разума, или души, или чего-то там еще? Или, может быть, отсутствие способности самостоятельно

передвигаться? Но ты вполне подвижна, милочка моя, хотя не можешь даже пальцем шевельнуть.

— Вы пьяны, Найал Паролан.

— О, нет! Паролан вовсе не пьян. Я просто расслабляюсь, детка, расслабляюсь и все. — Он сел так стремительно, что Хельве стало ясно: инспектор вполне владеет своим телом. — Если посмотреть на дело с этической или социальной стороны, то ты доставила на корабль, встречавший вас у Беты Корви, четыре трупа. Четыре механически функционирующие, но пустые оболочки. И бывшие их обитатели, владельцы — назови их как хочешь — в них уже никогда не вернутся.

Он встал и направился прямо к Хельве.

— Вот твой шанс, детка. Выбирай любую... хочешь — бери тело Керлы: оно самое молодое. Хочешь — Анеры. А если желаешь разнообразия — бери тело Шадресса.

Всего на один ослепительный миг, миг, полный головокружительных возможностей, Хельва задумалась над этим потрясающим предложением. Совсем как на Бете Корви, когда ее уговаривали остаться. Неужели она все-таки сумела представить специалистам непредвзятый отчет?

— Вы, разумеется, исходите из того, что я хочу стать подвижным человеческим существом. Так вот, запомните, Паролан. — она изо всех сил старалась, чтобы голос ее звучал рассудительно, — я недавно побывала в другом теле. И убедилась, что предпочитаю свое.

Паролан не сводил с нее непроницаемого взгляда. Вот он протянул руку и погладил холодный металл — как раз в том месте, где находился шов, закрывающий доступ к внутренней капсуле.

— Неплохо сказано, Хельва, совсем неплохо. — Он повернулся и направился на камбуз. Хельва с облегчением убедилась, что он заказал суп, а не стимулятор. Снова усевшись в главной рубке, Паролан вскрыл термическую оболочку банки. Казалось, его загипнотизировал поднимающийся пар, и только щелчок отскочившей крышки вывел из забытья: он вздрогнул и потряс головой.

— Я и не думал, что ты на это пойдешь, — как бы между прочим заметил он.

— Зачем же тогда было предлагать? Все испытываете меня, инспектор?

Он поднял взгляд и хохотнул, заслышав в ее голосе недобрые нотки.

— Вовсе не тебя, девочка моя...

— Никакая я не ваша девочка!

— Какая разница! — Он осторожно отхлебнул горячий суп.

— Так зачем вы все-таки предлагали? — не отступала Хельва.

Он пожал плечами.

— Просто подумал, что это единственный в жизни случай извлечь тебя из титанового пояса целомудрия.

У Хельвы вырвался смешок.

— Но я сама покидала его. На Корви.

— Что, однажды попробовала — и не понравилось?

— Что именно — движение? Или свобода? — спросила она, намеренно не замечая двусмысленности, на которую намекали его вздернутая бровь и ехидная усмешка.

— Физическое давление, — нетерпеливо уточнил он. — Физическая свобода.

— Смотря что подразумевать под физическим. Как кораблю мне подвластна такая физическая сила и свобода, о каких вы и понятия не имеете. Я мыслю, дышу, ощущаю. Мое сердце бьется, кровь течет по сосудам, мои легкие работают — правда, не так, как ваши, но все равно они функционируют.

— Как и сердца, сосуды и легкие тех четверых... четверых пустышек, лежащих в реанимации базового госпиталя. Только они мертвы.

— А я?

— А ты?

— И все же вы пьяны, Найал Паролан, — холодно и неприязненно заявила она.

— Я не пьян, Хельва. Я пытаюсь обсудить с тобой важную нравственную проблему, а ты ускользаешь.

— Ускользаю? Но от кого — от Найала Паролана или от инспектора Паролана?

— От Найала Паролана.

— Но почему вы, Найал Паролан, решили обсудить эту важную нравственную проблему именно с Хельвой?

Неожиданно он пожал плечами и откинулся назад. Плечи его поникли, он сжал в ладонях банку с супом и мрачно уставился в нее.

— Надо же как-то скоротать время, — проговорил он наконец. — Сегодня нам обоим его некуда девать. И было бы неразумно убивать наше драгоценное время, — он иронически усмехнулся, — на пустую болтовню. Гораздо полезнее обсудить важный нравственный вопрос, который, смею напомнить, ты сама повесила нам на шею. И который, похоже, никто не собирается

решать. Нужно было сначала заставить корвиков расчистить свою помойку, а потом уже очищать их вонючую атмосферу. Послушай, а ты почувствовала запах мерзости, которой они дышат?

Хельва стала отвечать на поставленный вопрос, но часть ее стремительно работающего рассудка не могла прийти в себя от изумления: да что это с ним сегодня творится?

— Я, Хельва, лишена чувства обоняния. Следовательно, я, Хельва, не могла уловить «запах» корвиканской атмосферы. Никто из моих спутников ничего не говорил по этому поводу, таким образом, можно предположить, что для самих корвиков запах их атмосферы является чем-то вполне обычным.

— Ага! — Он злорадно наставил на нее палец. — Значит, этой физической способностью ты все-таки не обладаешь!

— И совершенно не уверена, что хотела бы ею обладать... ну, разве что узнать, как пахнет кофе — все утверждают, что у него совершенно божественный аромат.

— Кстати, не забудь заказать его завтра утром.

— Заказ уже отправлен в отдел снабжения, — любезно произнесла Хельва.

— Вот и умница, моя девочка.

— Я не ваша девочка. И пусть я рискую показаться занудой, но все же мне хотелось бы знать: зачем вы сюда пришли, Найал Паролан?

— Не хочу, чтобы ко мне приставали эти вонючие недоноски, — буркнул он, ткнув пальцем в сторону административного корпуса. — А они наверняка нагрянут, как только смогут меня отыскать. Сюда-то они не сунутся: Ценкому запрещено направлять тебе любые вызовы до восьми ноль-ноль. Потому что ты, Хельва, девочка моя, за день поимела их предостаточно. Или я не прав? — Его вопрос повис в воздухе. — И не надо спорить, — посоветовал он, не услышав немедленного ответа. — Ведь я тебя прекрасно знаю... я тебя так знаю, детка, как не знает никто на свете... Ведь еще чуть-чуть — и ты бы их послала, еще совсем чуть-чуть... — Он помолчал. — Да, это задание далось тебе куда тяжелее, чем ты признаешься... даже себе самой.

Она ничего не ответила.

Найал кивнул и отхлебнул еще супа.

— Нет, вы не пьяны, — подумав, сказала Хельва.

— А я что тебе говорил? — ухмыльнулся он.

— Я и не знала, — продолжала она беззаботным тоном, чтобы не обнаружить, как ее тронуло его неожиданное сочувствие, —

что в обязанности инспектора входят ночные посиделки с кораблем.

Он погрозил ей пальцем и сделал таинственное лицо.

– У нас много негласных функций.

— Так это правда, что я отрезана от связи до восьми ноль-ноль, или вы просто не хотите, чтобы я встретилась с новыми симпатичными «телами»?

— Да нет же, черт возьми! — вспылил Найал, и брови его возмущенно взметнулись. — Это абсолютная правда — проверь сама, если хочешь. Ты можешь вызвать кого угодно. Просто другие не могут до тебя добраться. А если...

— Значит, вы пришли сюда, чтобы помешать мне встретиться с «телами».

— У этой бабы одни «тела» на уме! — взорвался он. — Давай-давай, собери здесь целую кучу «тел», подними на ноги всю казарму. Закатим тепленькую вечеринку... — Он сделал шаг к приборной доске.

— Почему вы здесь?..

— Эй, детка, ну-ка сбавь тон. Я здесь потому, что ты для меня — самое безопасное место. — Он повернулся к ней, ехидно усмехаясь. — Так ты уверена, что не хочешь вызвать пилотскую казарму?

— Вполне.

— Поймм, у меня уже вот где их сволочные вопросы и подозрения, и...

— Подозрения? — Хельва мгновенно насторожилась.

Найал презрительно фыркнул.

— Эти вонючие ублюдки, — он махнул рукой в сторону освещенных окон административного корпуса, — изобрели дерьмовые теории о шизоидных мозгах и стопорах и прочую чушь собачью.

— Это про меня?

Он снова выразительно фыркнул.

— Я-то тебя знаю, девочка, знаю, как свои пять пальцев. И Рейли тоже знает. Так что с нами этот их номер не пройдет.

— Спасибо и на этом.

— Только не вздумай со мной дурить, Хельва, — неожиданно резко сказал он. — Ведь я тебе всю душу вымотаю ради дела. Заставлю соглашаться на такие задания, которые тебе совсем не понравятся, если буду уверен, что они принесут пользу тебе и делу...

Принесут пользу... мне? Вроде этого полета на Бету Корви?

— Да, Хельва, да, чтоб тебе пусто было! Принесут пользу тебе — тебе, женщине за этой бронированной плитой!

— Не вы ли только что склоняли меня выйти из-за бронированной плиты... и занять тело Керлы?

Паролан молчал. Хельве показалось, что его сердитый взгляд проникает через титановый пилон прямо в ее капсулу. Внезапно он расслабился и снова откинулся на подушки. Внешне он был совершенно спокоен, но от зоркого взгляда Хельвы не укрылось, что на скулах еще подрагивают желваки.

— Ну, было дело, — неожиданно кротко признался он. Потом вздохнул, закинул ноги на кушетку и преувеличенно громко зевнул. — А знаешь, я ведь никогда не слышал, как ты поешь. Могу я рассчитывать на такую любезность?

— Хотите разогнать сон? Или, наоборот, предпочитаете колыбельную?

Найал Паролан снова зевнул, закинул руки за голову, скрестил ноги в щегольских ботинках и уставился в потолок.

— На твое усмотрение.

И вдруг, на удивление самой себе, Хельва почувствовала: ей снова хочется петь!

Глава 5

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ПОБЕЖДАЛ

— Просто так мозговые корабли не исчезают, — заявила Хельва, стараясь, чтобы ее голос звучал твердо и безапелляционно.

Терон выпятил подбородок, отчего сразу стал похож на коротконогого неандертальца. Эта его манера, поначалу казавшаяся ей забавной, постепенно стала раздражать, а теперь и вовсе доводила до бешенства.

— Ты же слышала, что сказали Миры, — как всегда назидательно изрек Терон. — Они исчезли хотя бы потому, что уже есть факты исчезновения.

— Сам факт исчезновения несовместим с капсульной психологией, — возразила Хельва, едва сдерживаясь, чтобы не заорать благим матом. Ей почему-то казалось, что заставить его понять можно, лишь оглушив как следует. Конечно же, она знала, что это совершенно неразумно, но через год, исчерпав все попытки найти с Тероном общий язык, все чаще стала ловить себя на том, что реагирует на уровне эмоций, а не разума.

Общение с ним превратилось в пытку, более того, в унижение, и она не собирается терпеть это дольше, чем того потребует завершение задания и возвращение на базу Регул.

Хельва была сыта своим напарником по горло. И ей было плевать, что он думает о ней. Трудно, конечно, смириться с тем, что она оказалась в ситуации, приспособиться к которой не сумела, но теперь ей совершенно ясно: *они* с Тероном несовместимы. Остается признать, что она допустила ошибку, и поскорее ее исправить. Это единственный разумный выход.

Хельва чуть не застонала: все-таки не зря говорят — с кем поведешься, от того и наберешься! Она даже рассуждать стала почти как Терон.

— Твоя лояльность достойна всяческих похвал, хотя в данный момент едва ли уместна, — по обыкновению напыщенно заявил Терон. — Факты говорят сами за себя. Четыре корабля с мозговым управлением, выполнявшие задания Центральных Миров, бесследно исчезли, и их пилоты-напарники вместе с ними. Факт первый: корабль, в отличие от пилота, может изменить маршрут. Факт второй: ни один из кораблей не прибыл в порт назначения в установленный срок. Факт третий: ни один из кораблей не появился в секторах, прилегающих к порту отбытия или порту назначения. Следовательно, они исчезли. Выходит, корабли по неизвестным причинам изменили установленный курс. Из чего, в свою очередь, следует: корабли — ненадежные создания. Этот вывод вытекает из приведенных фактов и является абсолютно бесспорным. И с обоснованностью такого вывода согласится любой разумный человек.

Он изобразил на лице противную ухмылку, которая когда-то казалась ей обаятельной улыбкой.

Хельва начала медленно считать до ста. А когда заговорила снова, голос уже вполне повиновался ей.

— Имеющиеся данные нельзя признать полными. В них отсутствует мотивировка. Нет никакой причины, которая могла бы заставить четыре корабля взять и исчезнуть среди бела дня по собственной прихоти. Ведь ни у одного из них даже особых долгов-то не было, а РД так и вовсе должна расплатиться с Мирами года через три. — «Как и я», — подумала она. — Таким образом, принимая во внимание особую информацию, которая известна мне... — с ударением сказала она, — твой вывод ни в какие ворота не лезет.

— Вот уж не знаю, какая особая информация, даже если она тебе действительно известна, — Терон наградил ее снисходитель-

ной усмешкой, — смогла бы заставить меня изменить свое мнение, тем более что Центральные Миры пришли к такому же выводу.

«Так, — подумала Хельва, — он решил вытащить на свет божий непогрешимый авторитет: рассчитывает сразить меня наповал».

Так или иначе, спорить с ним бесполезно. Найал Паролан как-то раз назвал это упрямством не по делу, правда, он тогда имел в виду ее. И это еще не все. Терон — твердолобый, самоуверенный, невосприимчивый, помешанный на инструкциях и настолько ограниченный, что даже на долю секунды не впустит в свои мозги ни воображения, ни интуицию.

Зря она вспомнила Найала Паролана. От этого настроение у нее ничуть не улучшилось. Этот назойливый маленький пустозвон нанес ей еще один непрошеный и неофициальный визит — хотел отговорить ее брать в напарники Терона с Актиона.

— Он закончил курс только за счет зубрежки. И его отправили на самые завалящие рейсы, а вовсе не тебя! — орал Найал Паролан, меряя шагами рубку.

— Но ведь не вам предстоит быть его партнером. Судя по данным психотестов, мы с ним отлично подходим друг другу.

— Где твоя голова, детка? Ты только взгляни на него. У него же нет сердца — одни сплошные мышцы, и физиономия слишком смазливая, чтобы вызывать доверие. Господи... да он же андроид, робот с железной башкой, предназначенный для работы в разряженной атмосфере. Он тебя доведет до ручки.

— Зато он надежный, уравновешенный, эрудированный, предусмотрительный...

— А ты — занудливая консервированная девственница, — отрезал Паролан и во второй раз за время их знакомства выскочил из рубки, даже не оглянувшись.

Теперь-то Хельва была вынуждена признать: уничтожающая характеристика, которую Найал Паролан дал ее «телу», Терону с Актиона, оказалась весьма точной. Она находила в нем единственное положительное качество: Терон не имел ничего общего ни с одним из ее прежних напарников.

А если он еще раз посмеет назвать ее ненадежным созданием, она захлопнет дверь шлюза у него перед носом.

Терон же, сочтя, что его последнее веское заявление окончательно убедило Хельву, уселся за пульт управления, по обыкновению размял пальцы и принялся вводить в компьютер свои бесценные, всесильные данные, проверяя маршрут полета. Очевид-

но, он был полон решимости в корне пресечь любую неразумную попытку Хельвы изменить маршрут и скрыться.

Он трудился неторопливо и методично: гладкий лоб не прорезала ни одна морщинка, на широкоскулом лице застыло безмятежное спокойствие, карие глаза неотрывно устремлены на колонки цифр.

«Звезды небесные! И где только была моя хваленая интуиция, когда я его выбирала?! — изумлялась про себя Хельва, и уровень адреналина в ее капсуле никак не хотел падать. — Должно быть, я тогда была не в своем драгоценном уме. Кажется, у меня повышается кислотность питательной жидкости. Когда вернусь на Регул, нужно будет попросить, чтобы проверили мой обмен веществ. Что-то со мной творится неладное. Нет, нет и еще раз нет, — резко одернула она себя. — Со мной не происходит ничего такого, что не придет в норму, как только я избавлюсь от Терона. Это он довел меня до того, что я начинаю сомневаться в собственном здравомыслии. Но я-то знаю, что я в здравом уме, иначе я не была бы этим кораблем. Учти, Хельва, — строго сказала она себе, — вполне может случиться, что он еще до конца рейса убедит тебя, что ты представляешь угрозу для Центральных Миров, поскольку твой разум столь ненадежен, и самое безопасное для тебя — это покинуть службу. А исходит он из того, что мозговой корабль — ненадежное создание, потому что он может поглощать данные, отбрасывать несущественное и, следуя на первый взгляд нелогичным путем, доводить дело до логичного и весьма успешного конца. Вроде того ребуса, который мы с Кирой решили на Алиоте».

Если уж быть точной до конца, она, Хельва, за свою короткую карьеру мозгового корабля уже не раз проявляла такую ненадежность. И Терон был настолько «любезен», что не преминул напомнить ей об этих нарушениях, а заодно и указал куда более логичные линии поведения при тех же условиях, попутно призвав ее никогда не выходить за границы установленных правил, пока ее напарником является он, Терон с Актиона. Она не должна предпринимать ничего — он повторил это дважды, — без предварительного согласования с ним, а потом с Ценкомом. Разумное создание тем и отличается, что способно следовать приказам без малейших отступлений.

— Неужели ты всерьез считаешь, — посмеиваясь, проговорила Хельва, впервые услышав от него это торжественное заявление (тогда она еще не утратила чувства юмора), — что если приказ потребует, чтобы я проникла в атмосферу, которая, как доказали

предварительные замеры, губительна для моего корпуса и вызовет нашу гибель, то я должна следовать такому приказу... и погибнуть?

— Центральные Миры не отдают своим кораблям безответственных приказов, — укоризненно ответил Терон.

А в полумиле, в полумиле,
В полумиле впереди...

— Не улавливаю, какое отношение полумили имеют к обсуждаемому вопросу, — холодно заметил он.

— Я пыталась ограничиться тонким намеком, но если ты не понял, придется объяснить.

— Только, если можно, четко и внятно.

— Приказы могут отдаваться без учета неизвестных заранее и тем не менее чрезвычайно важных факторов. Таких, как вышеупомянутая губительная атмосфера...

— Предположительно...

— ...которые, однако, могут оказаться решающими. Согласись, мы часто посещаем малоисследованные звездные системы. Поэтому вполне возможно, а не только предположительно, что заранее отданные приказы потребуют разумного и обдуманного пересмотра, а это, в свою очередь, может потребовать того, что на первый взгляд может быть расценено как безответственное изменение этих самых признаков и/или служебное неподчинение вышеупомянутым приказам.

Терон покачал головой, но вовсе не печально — ибо Хельва была уверена, что он в жизни не пережил ни одного по-настоящему глубокого человеческого чувства, — а укоризненно.

— Теперь я окончательно понимаю, почему Центральные Миры настоятельно требуют, чтобы командиром корабля с мозговым управлением был пилот-человек. Это совершенно необходимо, когда столь ненадежное создание фактически управляет таким мощным организмом, как данный корабль.

Хельва едва не поперхнулась — так он ничего не понимает! И с трудом удержалась от того, чтобы не заявить: пилотский пульт управления ее никоим образом не контролирует. Это она контролирует пилота.

— Настанет день, — гнул свое Терон, — когда столь нецелесообразные средства выйдут из употребления. Автоматическое управление достигнет такого высокого уровня, что надобность в человеческих мозгах начисто отпадет.

— Но в мозговых кораблях используют человеческих существ, — четко и раздельно произнесла Хельва.

— Ну да, человеческих существ. А мы, люди, склонны заблуждаться, мы слишком утлый сосуд для такой великой задачи, игрушка в руках многообразных обстоятельств. — Терон явно решил довести свою проповедь до конца. — Человеку свойственно ошибаться, а Богу — прощать. — Он вздохнул. — А когда человеческий компонент, столь подверженный ошибкам, будет исключен, когда автоматика достигнет совершенства, — слышишь, Хельва? — совершенства, вот нужное слово! — то исчезнет всякая необходимость в тех временных мерах, которые вынуждены применять Центральные Миры сейчас. И только когда такое совершенство будет достигнуто, корабли станут по-настоящему надежными. — Он покровительственным жестом похлопал по панели управления.

Хельва едва сдержалась, чтобы не ответить крепким ругательством. Ей лезли в голову неопровержимые исторические факты, усвоенные за годы школьного обучения и психопрограммирования. Но она вовремя спохватилась: ведь все эти факты, вдруг поняла она, основаны на случайностях, что только подтверждает его дурацкую теорию о ненадежности, хотя в итоге все заканчивалось наилучшим образом. В каждом из этих случаев мозговые корабли действовали, игнорируя или пересматривая ранее полученные приказы, как того требовали чрезвычайные обстоятельства, с которыми им доводилось сталкиваться. Если следовать неколебимой логике Терона, то и сам разум — неважно, капсульный или подвижный — ненадежен. Хельва не могла себе представить, чтобы он когда-нибудь мог признать: лучшие решения отнюдь не всегда логичны.

Вот и теперь каждая частичка разума, инстинкта, опыта, программирования и рассудка говорили Хельве: мозговые корабли просто так не исчезают. Особенно четыре подряд. Четыре за неполный регулианский месяц. Один корабль за сто лет — это еще можно было бы счесть возможным, логичным и вероятным. Но всегда должен быть какой-то намек, какая-то предсказуемая причина. Как, например, в случае с 732, обезумевшей от горя на Алиоте.

Ну зачем только она позволила Кире уйти, когда они выполнили то задание? В таких вопросах Кира всегда была с Хельвой заодно, но как убедить Терона, что массовые исчезновения противоречат здравому смыслу? Ведь здесь требуется интуиция, которой он начисто лишен.

Почему же психопробы не обнаружили этой его склонности к морализаторству? И еще кое-что она заметила в своем напарни-

ке: признает он это или нет, но только сам принцип киборгов, существ, подобных Хельве, вызывал у него отвращение. В отличие от большинства обитателей Центральных Миров, Терон ни на секунду не забывал, что за титановой броней скрывается капсула, в которой находится неподвижное и тем не менее абсолютно человеческое тело.

Она даже, наверное, смогла бы пожалеть Терона, не вызывай он у нее такого раздражения. А ведь еще до того, как он стал ей неприятен, она раскусила, что скрывается за тем стремлением к совершенству, которое движет каждой его мыслью, каждым поступком. Терон панически, до безумия боится ошибок, боится допустить какой-нибудь промах, потому что промах означает неудачу, а неудача для него просто немыслима. Если же он не будет допускать ошибок, то никто не сможет обвинить его в неудаче, и, таким образом, ему будет всегда сопутствовать успех.

«Что ж, — размышляла Хельва, — я-то не боюсь ошибок и не боюсь признать, что *меня постигла* неудача. Как с этим Тероном. Если он не доверяет капсульникам, значит, не подходит ни мне, ни Центральным Мирам. Так уж и быть, мстить я не буду. Просто попрошу замену и даже уплачу штраф. Это не должно отбросить меня далеко назад. А с новым партнером, получив парочку выгодных заданий, я быстро рассчитаюсь с долгами. Но Терона здесь даже духа не будет!»

Теперь, когда *она твердо решила с ним расстаться*, ей сразу стало легче. Назавтра, сдва поднявшись, Терон по обыкновению принялся проверять каждый датчик, каждый индикатор, каждый измерительный прибор — вдоль и поперек. Этот ритуал занял у него почти все утро, хотя Хельве на такую же проверку хватило бы и десяти минут. Такая процедура всегда считалась делом «мозга», и «тела», как правило, в нее не вникали. Хельве же приходилось зачитывать Терону свои показания, а он сличал их с собственными.

— Все в полном ажуре, — с довольным видом заявил он, что делал всегда, когда результаты совпадали... а случалось это каждый божий день. Потом уселся за пульт управления, ожидая прибытия на Таниа Бореалис.

ТХ-834 уже не впервые посещал Даррел, четвертую планету Таниа Бореалис, и сотрудники космопорта успели познакомиться с Тероном, познакомиться и невзлюбить его до такой степени, что со всеми вопросами обращались напрямую к Хельве, минуя ее напарника. И если Хельву это забавляло, то потом ей же приходилось расхлебывать все осложнения с разобиженным «телом».

Терон же в ответ на пренебрежительное отношение портовых служащих стал вдвойне напыщен и официален — и с ними, и с капитаном Медицинской службы, который встречал груз редких наркотических веществ, который они доставили. Учитывая характер и силу действия препаратов, требовались дополнительные меры предосторожности, но Терон повел себя просто оскорбительно: он вызвал Центральные Миры, чтобы подтвердить личность капитана Бранда, прежде чем соизволил передать ему ценный груз.

В довершение ко всему, на вызов ответил сам Найал Паролан, начальник сектора, и Хельва прекрасно поняла все, что скрывалось за его подчеркнуто официальным тоном. Она внутренне поежилась. Надо же так случиться, чтобы это был именно Паролан! Она испытывала досель неведомое стремление вырваться из своей капсулы. В конце концов, какая разница, когда она заявит о своем желании сменить напарника, — все равно ехидных насмешек Паролана ей не избежать. До возвращения на Регул им предстоят еще три посадки: одна на Таниа Аустралис и две на противоположных сторонах Алулы. Пусть лучше Найал Паролан выпустит пары сейчас, тогда к тому времени, когда она будет разбираться с Тероном, он уже остынет. Собравшись с духом, чтобы выслушать резкую отповедь инспектора, Хельва тайком послала ему сигнал оставаться на связи. Терон, верный раб инструкций, должен проводить капитана Бранда до машин, так что у нее будет время, чтобы заявить о своем намерении.

— Диспетчерская — ТХ-834. Зиксон Антиолатанский просит разрешения подняться на борт.

— В разрешении отказано, — ответила Хельва, даже не взглянув на Терона.

— Говорит пилот Терон, — поспешно вмешался ее напарник. Подойдя к пульту управления, он включил прямой канал местной связи. — Какова цель запроса?

— Не знаю. Они едут к вам на машине.

Терон отключил связь и выглянул в открытый шлюз. Как раз в этот миг машина Бранда разминулась с приближающимся экипажем.

— Хельва, ты не имеешь права самостоятельно принимать решения, если я нахожусь рядом.

— А ты когда-нибудь слышал о Зиксоне Антиолатанском? — резко спросила Хельва. — И потом, разве ты забыл, что это строго служебный рейс?

— Мне прекрасно известна специфика нашего рейса, и я ни-

когда не слышал о Зиксоне Антиолатанском. Но это вовсе не значит, что его не существует в природе. Похоже, это какой-то религиозный деятель, а одна из главных служебных инструкций предписывает оказывать уважение представителям любых религий. Мы должны его принять.

— Совершенно справедливо. Но могу ли я напомнить пилоту Терону, что нахожусь на службе несколько дольше его и к тому же имею доступ к банкам памяти, которые гораздо меньше подвержены lapsus memriae, чем обычная человеческая память? Так вот, в них нет никаких Зиксонов.

— Но запрос сделан по всей форме, — возразил Терон.

— Может быть, стоит сначала посоветоваться с Мирами?

— Существуют решения, которые можно принимать, не запрашивая высшие инстанции.

— Неужели?

Подъехала машина, и спутники Зиксона почтительно испросили позволения подняться на борт. Их появление лишило Хельву возможности побеседовать с Ценкомом наедине. Ее несказанно бесило детское упрямство Терона, который решил во что бы то ни стало узнать, кто такие эти Зиксоны. Она отлично понимала: отмени она его приказ, он бы, вне всякого сомнения, поставил ее на место. Но если уж он взял инициативу на себя, значит, все в полном порядке.

Четверо мужчин поднялись на борт; двое из них, в простых серых плащах, бравой поступью вошли в шлюз — ни дать ни взять охрана какой-то важной персоны. С поясов свисало оружие, на шее у каждого красовался странный цилиндрический свисток на цепочке. Третий, седоватый, но весьма энергичный, подобострастно ввел четвертого, седовласого мужчину с величественной осанкой в длинном серо-черном одеянии. В руках он сжимал свисток, похожий на те, что были у стражей, но большего размера, будто это была невесть какая святыня.

Что-то в их торжественном появлении насторожило Хельву еще больше. Седоватый, суетясь вокруг своего спутника, так и шарил глазами по рубке. Вот он шагнул в сторону и оказался за спиной Терона, который продолжал преспокойно сидеть за пультом, а старец тем временем поравнялся с титановой панелью, за которой находилась Хельва. Они почти завершили свой маневр, когда в мозгу у Хельвы оглушительно зазвучал сигнал тревоги.

— Терон, это угонщики! — крикнула она, отчаянно надеясь, что Ценком все еще на связи.

Седовласый, мигом потеряв все свое величие, пугающе рит-

мично произнес набор разновысоких слогов и протянул руку к пилону.

Борясь с подступающим беспамятством, Хельва успела увидеть, как стражи поднесли к губам свистки, и их пронзительный вой создал звуковые помехи в электронных цепях. Как Терон, получив от седоватого удар по голове, сполз на пол. Потом усыпляющий газ, который старец пустил в ее капсулу, подействовал, и она потеряла сознание.

«...Электронные цепи вышли из строя», — подумала Хельва... и разом пришла в себя.

Она ничего не видела. Ничего не слышала. Ни шепота, ни шороха. Ни самого слабенького лучика света.

Хельва постаралась справиться с волной первобытного ужаса, который едва не лишил ее рассудка. «Я думаю, значит, я жива, — собрав в комок всю силу воли, сказала она себе. — Я могу думать, могу спокойно и разумно вспомнить, что случилось, что могло случиться».

Еще самая малость — и ужас вечной изоляции от звука и света грозил полностью овладеть всем ее существом. Хельва принялась холодно и бесстрастно восстанавливать в памяти последнюю стремительную сцену предательского нападения. Как вошли те четверо, как стражи со свистками заняли свои места. Сверхзвуковой сигнал был рассчитан на то, чтобы заблокировать ее схемы, тем самым парализовав защитную реакцию против насильственного отключения смотровой панели. Задачей третьего из захватчиков было обезвредить Терона.

Таким образом, продолжала рассуждать Хельва, нападение было рассчитано заранее, с тем чтобы одновременно вывести из игры и «мозг», и «тело». И только люди, имеющие тесный контакт с Центральными Мирами, могли заполучить информацию, необходимую для того, чтобы взять верх сразу над подвижным и неподвижным партнерами. Отключающие слоги, как и особый тон и ритм их произнесения, держались в строжайшем секрете и даже хранились в разных местах. Невозможно поверить, чтобы этими сведениями мог завладеть кто-то посторонний.

Эти размышления привели Хельву к очевидному, но от этого не менее поразительному выводу. Теперь она знала, как «исчезли» четыре мозговых корабля. Их, вне всякого сомнения, похитили — точно так же, как и ее. Но зачем? Она терялась в догадках. И где находятся остальные? Отрезаны от связи, как и она? Или доведены до безумия...

«Я отказываюсь поверить, что это может случиться со мной

или с любым другим капсульником, — твердо сказала себе Хельва. — Сильнейшая сосредоточенность и напряженная умственная деятельность помогут мне перенести все лишения».

Итак, первым исчез ФТ-687. Они тоже работали на наркорейсах, правда, собирали сырье, а не доставляли готовые препараты. То же самое можно было сказать и про РД-751 и ПФ-699. Такая закономерность наводила на размышления.

Наркотики, которые доставила она, можно было получить только с разрешения Центральных Миров. Их перевозили специальные команды, причем в очень малых количествах. Одной стокубиковой ампулы менкалита с избытком хватило бы, чтобы отравить воду на целой планете и превратить ее жителей в рабов, бездумно и послушно выполняющих любые приказы. В то же время одна гранула этого вещества, растворенная в большом количестве белковой основы, могла предохранить обитателей нескольких звездных систем от эпидемии вирусного энцефалита. Туканит, психоделическое вещество, давал блестящие результаты при психотерапевтическом лечении кататонического ступора и аутизма, ибо повышал восприимчивость пациента к окружающему миру. С его помощью немощные туканские старейшины восстанавливали угасающие психические силы. И, как ни опасны были эти наркотики при неосторожном или злонамеренном использовании, в виде лекарственных препаратов они несли жизнь и надежду миллионам людей, и потому их было необходимо доставлять в разные уголки Центральных Миров. Таким образом, дамоклов меч вреда и пользы постоянной угрозой висел над головой человечества.

И, как оказалось, даже капсульники не были застрахованы от козней безумцев.

Безумцев? Хельва мысленно скрипнула зубами. Интересно, где же этот чертов идиот, ее напарничек? Сейчас он сам и его неандертальские мускулы весьма пригодились бы. Она ощутила явное удовлетворение, вспомнив, как третий захватчик сильным ударом отправил его в нокаут, и понадеялась, что Терон заработал достаточно синяков, ссадин и шишек. И все же он может видеть и слышать без всяких механических приспособлений.

Хельва чувствовала, как каждая клеточка ее мозга, лишившись внешних ощущений, сжимается и трепещет от ужаса. Сколько еще она сможет удерживать разум от...

> В двух семьях, равных знатностью и славой...
> Я пытаюсь бежать от любовной напасти...
> Бежать? Как бы не так — ведь я ничего не вижу,

Не действует по принужденью милость.
Как теплый дождь, она сладка...

Нет, небо здесь ни при чем. И Порция мне не поможет. Старина Шекспир покинул меня в беде, а ведь я отстаивала его авторитет в чужих мирах.

Под небом Индии прекрасной,
Где время тратил я напрасно...

Время... сколько его у меня осталось — бесконечность или совсем чуть-чуть? Неужели я пожизненно осуждена балансировать между вечностью и безумием?

Ох и крут был епископ из Блиша —
Все святые тряслись в своих нишах...

Вот и у меня тоже когда-то была своя ниша, только выдворил меня из нее не епископ, а Зиксон.

Что мне делать с Зиксонами — придушить их кальсонами, оглушить их клаксонами или...

Но я ничего не могу — ни двигаться, ни видеть, ни слышать...

Сколько можно сколькоможносколькоможносколько можно? СКОЛЬКО МОЖНО? Когда под давлением критической ситуации государство испытывает необходимость разорвать... Это мой мозг сейчас разорвется! Господи, неужели во всей вселенной нет ничего, о чем бы я могла подумать, не возвращаясь мыслями к...

ЗВУК!

Резкий, царапающий, металлический. Но в ее слуховых цепях раздался ЗВУК. Он словно каленым железом обжег ее мозг, погруженный в плотное, непроницаемое, бесконечное, сводящее с ума безмолвие, вернув ей способность нормально мыслить. Она вскрикнула, но беззвучно: все цепи, кроме слуховой, по-прежнему бездействовали.

Хельва постепенно убавила силу звука до терпимого уровня. Голос, который она услышала, звучал резко, гнусаво и совсем неприятно, но долгожданное ощущение, которое он принес с собой, было божественно прекрасным.

— Тебя отсоединили от всех судовых систем.

Сейчас слова не имели для нее никакого смысла — она вслушивалась в великолепие звука, любой резкий шум доставлял ей невероятные страдания. Потребовалось несколько мгновений, чтобы слоги превратились в значащие слова.

— Чтоб ты не потеряла рассудок, мы присоединили тебя к ограниченной, замкнутой аудиовизуальной цепи. Учти: любое злоупотребление этой милостью приведет к очередному... — угрозу

сопровождал мерзкий смешок, — ...если не постоянному, отключению.

Внезапно зрение вернулось, но оно не принесло желанного облегчения — уж больно страшная картина предстала перед ее линзами. Хельва не удержалась и вскрикнула.

— Так вот как ты отвечаешь на наше предложение о сотрудничестве? — осведомился скрипучий голос, и прямо перед ней разверзлось красное, пузырящееся белой пеной отверстие огромной пещеры, утыканное устрашающими желтоватыми зубьями.

Она поспешно настроила зрительную систему, и перед ней предстало человеческое лицо. Даже при нормальном увеличении его нельзя было назвать привлекательным. Оно принадлежало человеку, который отрекомендовался Зиксоном Антиолатанским, только теперь он вовсе не выглядел старцем.

— Сотрудничество? — переспросила озадаченная Хельва.

— Вот именно. Выбирай: или сотрудничество, или небытие. — Зиксон протянул руку к краю ее ограниченного поля зрения и сжал в пальцах подводящие провода.

— Не надо! Я сойду с ума! — в ужасе крикнула Хельва.

— Сойдешь с ума? — Ее мучитель грустно расхохотался. — Ну что ж, в этом ты будешь не одинока. Но ты не сойдешь с ума... во всяком случае, сейчас. У меня есть для тебя одно дельце. — Перед ее объективом, как ракета, повис вытянутый палец.

— Да нет, дурень, не так! — вдруг взвизгнул ее тюремщик и бросился в сторону.

Отчаянно стараясь собраться с мыслями, Хельва настроила акустическую систему, увеличила резкость зрения. Перед ней находилась небольшая аудиовизуальная усилительная панель, к которой были подключены ее вводы и... да, она насчитывала еще двенадцать подводящих проводов. Смотреть она могла только вперед. Перед самой панелью были установлены две капсулы, из их закругленных верхушек, словно кукольные волосы, торчали тонкие проводки. В этих капсулах заключены двое ее собратьев. Где-то поблизости должны быть еще двое. Но где? Сбоку? Скосив взгляд, она увидела еще несколько проводов. Да, сбоку.

Она осторожно попробовала мощность усилителя. Его емкость оказалась очень ограниченной. Слева, куда ушел Зиксон, виднелся край пульта межпланетной связи — она поняла это по нескольким шкалам и индикаторам.

Тут снова появился Зиксон, по лицу его бродила самодовольная, издевательская ухмылка.

— Так, значит, это ты — Корабль, который поет, уродина

Хельва? Разреши мне представить тебе твоих приятелей-уродов. К сожалению, Форо теперь способен только выть и стонать: мы слишком долго продержали его в темноте. — Зиксон злобно захохотал. — Делия тоже немногим лучше, но может отвечать, когда с ней разговаривают. Таги и Мерль научились не болтать, если я к ним не обращаюсь. И ты тоже научишься. Мне всегда хотелось завести свой зверинец уродов, и теперь он у меня есть. А ты, мое последнее приобретение, будешь скрашивать мне часы досуга своим неподражаемым голосом. Договорились?

Хельва ничего не ответила. И сразу же очутилась в полной тьме и тишине. «Он сумасшедший. И поступает так, чтобы меня запугать. Но я не стану бояться сумасшедшего. Я подожду. Буду сохранять спокойствие. Я ему нужна, значит, он не будет слишком тянуть и скоро вернет мне зрение и слух, иначе он не получит от меня того, что хочет. Я подожду. Буду сохранять спокойствие. Скоро я опять смогу видеть и слышать. Я подожду. Буду сохранять спокойствие, и скоро, совсем скоро...»

— Ну что, мое прелестное страшилище, тебе хватило времени, чтобы оценить мою доброту?

Хельве хватило с избытком, но она ограничилась односложным ответом. Блаженство, которое принесли зрение и слух, все же не могли полностью изгладить из памяти бесконечные часы ужаса, хотя хронометр на пульте подсказывал, что ее отключили всего на несколько минут. Как ужасно — целиком зависеть от этой злобной твари!

Хельва еще больше увеличила резкость изображения и стала пристально разглядывать его лицо. Так и есть, кожа отливает той едва заметной, но характерной синевой, которая позволяет предположить, что он либо уроженец одной из трех обитаемых планет Ро Паписса, либо наркоман, употребляющий туканит. Последнее казалось более вероятным. А она доставляла именно туканит и знала, что РД занималась тем же.

— Ну что, не хочешь ли спеть? — зловеще загоготал он.

— Сэр, — произнес где-то слева робкий, подобострастный голос.

Зиксон обернулся, недовольный тем, что его перебили.

— Ну, что тебе?

— На борту 834 нет менкалита.

— Как это нет? — Угонщик устремил на Хельву горящий злобой взгляд. — Куда же ты его девала?

— Оставила на Таниа Аустралис, — намеренно тихо ответила она.

— Громче! — рявкнул он.

— Я использую всю мощность, которую вы мне предоставили. Из этого усилителя больше не выжмешь.

— Он на большее и не рассчитан. — резко бросил Зиксон, шаря взглядом по комнате. Вдруг его палец снова уперся ей в объектив, заслонив все прочие предметы. — Отвечай, какой корабль повезет следующую партию менкалита?

— Не знаю.

— Громче!

— Я и так уже кричу во весь голос.

— Ничего подобного. Ты еле шепчешь.

— Так лучше?

— Во всяком случае, так я тебя слышу. Так какой корабль повезет менкалит?

— Не знаю.

— Может быть, в темноте узнаешь? — Его хохот еще долго гулким эхом отдавался у нее в мозгу, когда он вновь погрузил ее во мрак небытия.

Она заставила себя медленно отсчитывать секунды, чтобы иметь хоть какое-то представление о времени.

На этот раз он продержал ее в темноте не очень долго. Хельве хотелось закричать, просто чтобы насытиться ощущением звука, но она заставила себя говорить еле слышно.

— Ну что, так лучше? — спросил он, подозрительно щурясь. — Я совсем отключил этого урода Форо.

Усилием воли Хельва справилась с волной острого сострадания. «Все равно Форо уже не поможешь», — утешала она себя.

— Для речи более или менее достаточно, — сказала она, чуть прибавив громкость. Еще раз прибегнуть к этой же уловке она не могла: это стоило бы Мерлю, Таги или Дели той хрупкой опоры, которая помогала им бороться с подступающим безумием.

— Гм, посмотрим, что еще можно сделать... — Он исчез из вида.

Хельва повысила уровень слышимости. За пределами своего ограниченного поля зрения она смогла различить с десяток разных шумов. Судя по реверберации звука, она находилась в просторной, но низкой каменной пещере. Значит, если главная панель связи, часть которой ей видна, — обычная стандартная модель, и если к этой пещере примыкает не слишком много других, куда может рассеиваться звук, и если подручные этого психопата находятся поблизости, можно попытаться что-то предпринять.

Кажется, он хотел, чтобы она спела?

Собрав всю волю в кулак, она принялась ждать.

Скоро он вернулся, с отсутствующим видом потирая предплечье. Хельва увеличила изображение и заметила, что синева под кожей проступила ярче. Значит, он действительно колется туканитом.

Откуда-то появился стул, и Зиксон уселся. Чья-то рука придвинула стол, на котором возникло блюдо с изысканными закусками.

— А теперь, мое прелестное страшилище, пой, — приказал безумец и неверной рукой потянулся к подводящим проводам.

Хельва повиновалась. Начав с середины диапазона, она стала мурлыкать самые чувственные мелодии из тех, что могла припомнить, слегка оттеняя их басовым аккомпанементом, но намеренно приглушая звук, так чтобы ему приходилось наклоняться к ней, чтобы расслышать.

Его это несказанно бесило, и он уже протянул было руку, чтобы вырвать из гнезд все провода, кроме ее, но Хельва смиренно попросила не лишать ее несчастных собратьев последнего утешения.

— Прошу вас, сэр, не надо — ведь вам стоит всего лишь чуть-чуть добавить мощность от главного пульта. Все равно они потребляют такую малость, что это вряд ли позволит мне исполнить что-нибудь интересное, вроде ретикулийских напевов.

Он резко выпрямился, в глазах блеснул жгучий интерес.

— Так ты можешь имитировать брачные песни ретикулийцев?

— Разумеется, — с легким недоумением ответила она.

Зиксон нахмурился: в нем явно боролись желание услышать эти хваленые экзотические напевы и вполне реальное опасение дать ей слишком большую свободу. Но туканит уже обволакивал его дурманом, и организму требовались все более сильные возбудители. В таком состоянии он не смог противиться столь сильному искушению.

Однако на всякий случай он призвал на консультацию инженера — тот то и дело льстиво поддакивал, щека его дергалась от сильного тика. Завороженная этим зрелищем, Хельва увеличила изображение, пока не смогла различить мельчайшие сокращения мышечных волокон.

Вдруг она снова погрузилась в безмолвную тьму и почти сразу вынырнула, мгновенно ощутив прилив новых сил, — ей вернули полную мощность.

— Теперь, певунья, можешь заливаться во весь голос, — зловеще посмеиваясь, нетерпеливо заявил Зиксон. — Начинай, или ты

очень пожалеешь. И не пытайся морочить меня своими капсульными штучками: все остальные цепи усилителя заблокированы. Пой же, уродина, пой, если тебе дороги зрение и слух!

Хельва выждала, пока его смех не замер. На фоне такого жуткого гогота даже ретикулийские напевы не будут слышны... и могут не подействовать...

Она выбрала относительно простую мелодию и запела ее на два голоса, сопрано и альт, проверяя, какая сила звука ей теперь доступна. Пожалуй, этого хватит. Звенящий напев гулким эхом отдавался от стен, и она еще раз убедилась: они находятся в каменной пещере. Отлично...

Теперь добавим обертоны, постепенно усиливая басовые частоты, но очень осторожно, чтобы они казались частью ретикулийского напева. Несмотря на обостренное наркотиком восприятие, Зиксон не сможет понять, что она замышляет. А теперь усилим неслышные частоты.

Хельва умышленно остановилась на особо призывной мелодии и, продолжая петь, услышала, как к ней крадучись приближаются рабы и приспешники Зиксона, которых неодолимо притягивали звуки музыки, чарующие, как пение сирен.

Она приготовилась и в следующем трезвучии обрушила на них звуковой удар чудовищной силы.

Первым он сразил Зиксона, возбужденного дозой туканита. Сразил насмерть, безнадежно повредив и без того больной мозг. Не поздоровилось и остальным. Она слышала, как они отчаянно кричали, прежде чем потерять сознание.

От перегрузки закоротило несколько панелей на главном пульте, и на лежащие в беспамятстве тела посыпался дождь ослепительных искр. Хельва поспешно включила все прерыватели, чтобы спасти свою и без того куцую цепь. Даже она сама почувствовала ответный удар сверхзвукового взрыва — в «ушах» зазвенело, нервные окончания болезненно напряглись, ее охватила внезапная слабость.

«Даю голову на отсечение, моя питательная среда чуть не скисла», — мрачно пошутила она.

В огромной пещере стояла тишина, которую нарушало только хриплое дыхание и потрескивание проводов.

— Делия, ответь! Это Хельва.

— Хельва? Кто такая Хельва? У меня нет доступа к банкам памяти.

— Таги? Ты меня слышишь?

— Да, — безжизненный механический голос.

— Мерль, ты меня слышишь?

— Не так громко.

Хельва бросила взгляд на труп человека, который подвергал их таким жестоким мучениям. Ох, ей бы сейчас пару рук... Но мстить мертвой оболочке — разве это разумно?

Что же теперь делать? — размышляла она. И вдруг вспомнила, что решила расстаться с Тероном. И оставила канал экстренной связи открытым! А Паролан не тот человек, который будет сидеть сложа руки. ГДЕ ЖЕ ОН?!!!

— Ну вот, Хельва, ты и вернулась к себе. — Капитан СТ-1 отечески похлопал по ее пилону. — Отключающая система настроена на новые ритмические слоги, и знает их только шеф Рейли.

— А вы не забыли присоединить к свободным синапсам автономные акустические и зрительные подсистемы?

— Отличная идея, Хельва. Было бы неплохо ввести это в правило.

— Так вы уверены, что подключение сделано?

— Да, абсолютно. Не стоит так волноваться, Хельва, это все дело прошлое, и твоя предосторожность несколько запоздала...

— Скажите, капитан, вас когда-нибудь лишали зрения и слуха?

Он содрогнулся, глаза потемнели от боли. Навряд ли кто-нибудь из сотрудников спасательной службы сектора мозговых кораблей скоро забудет плачевную картину, которая предстала перед ними в логове Зиксона на безымянном астероиде, — капсульники, дотоле считавшиеся неуязвимыми, оказались на грани гибели.

— Таги, Мерль и Делия оправятся. Делия через годик-другой сможет вернуться на службу, — тихо проговорил капитан. Потом вздохнул и помолчал: он тоже не мог заставить себя произнести имя Форо. — Ты же знаешь, вы незаменимы. — Он так резко подался вперед, к ее защитной панели, что Хельва судорожно вздохнула. — Спокойно, Хельва. — Он провел рукой по пилону. — Все в порядке, даже я не могу найти шва. Ты в полной безопасности.

Он бережно собрал свои тонкие инструменты, тщательно переложив их мягкими прокладками из синтетической пены.

— А как «тела»? — рассеянно спросила она, опробуя свои только что присоединенные системы, как будто примеряла новое платье.

— Райф, напарник Делии, должен скоро отойти от наркотиков: ему ввели всего одну дозу. С другими двумя кораблями дело обстоит похуже, но можно надеяться, что оба «тела» выживут. —

Внезапно на лице капитана появилось странное выражение, как будто он почуял какой-то неприятный запах. — Скажи, Хельва, почему ты тогда оставила экстренную связь включенной? Когда мы извлекли твоего напарника из камеры, он пришел в бешенство, узнав, что ты допустила такое серьезное нарушение инструкций. — Капитан явно передразнивал Терона. — Будто он не знает, что если бы ты этого не сделала и Ценком не услышал, что за чертовщина с вами стряслась... И все же как вышло, что ты не выключила связь?

— Мне не хотелось бы об этом говорить. Но если вы встречались с Тероном, попробуйте догадаться.

— Гм... Ладно, как бы там ни было, это спасло тебе жизнь.

— Правда, спасение заставило себя ждать довольно долго.

Услышав ее недовольное замечание, капитан рассмеялся.

— Не забывай: вам уже дали старт, поэтому угонщикам удалось покинуть Даррел прежде, чем твой инспектор смог их остановить. Но Паролан послал за вами в погоню все корабли Флота, которые смог достать, — от диспетчеров только пар валил. Пришлось прочесать весь сектор: кто же мог предположить, что захватчики сделали своим пристанищем астероид вблизи Таиа Борсалис, — а на это ушло немало времени.

— А этот Зиксон, хоть и психопат, а хитер: ловко придумал — прятаться под самым носом у всех.

— Да, у него был высокий показатель интеллекта, — согласился капитан. — Не зря он прошел пилотскую подготовку лет двадцать тому назад.

«Малоутешительное открытие, — размышляла Хельва. — Значит, он получил диплом, а потом у него развилось психическое отклонение... А большие дозы туканита привели к разрушению запрограммированных запретов — вот еще одна проблема, которую Центральным Мирам придется пересмотреть в результате этого происшествия. Потом ему удалось проникнуть в эксплуатационную бригаду базы Регул. Там он подготовил почву для своих последующих операций, приохотив к наркотикам нужных ему специалистов. А дальше, имея в своем распоряжении мозговые корабли с одурманенными «телами», он мог совершить посадку где угодно, вплоть до базы Регул».

— Ну, я пошел, — сказал капитан, учтиво отсалютовав Хельве. — Пусть твой напарник принимается за дело.

— Другого выхода пока нет, — ответила Хельва.

Вся верность, которую она когда-то питала к Терону, исчезла вместе с тем чувством безопасности, которого ее так внезапно и

грубо лишили. Итак, ее дражайший напарник решил, что сопротивление бесполезно, и со спокойным достоинством приготовился ждать самого худшего... как, по его мнению, и подобает поступать каждому разумному человеку.

Вот только по мнению всех остальных — включая и капитана, если судить по выражению его лица, — такое достоинство равнозначно трусости, и сама Хельва была в этом твердо убеждена. А от Терона она ничего другого и не ожидала: он просто не мог поступить иначе.

Зато Райф, напарник Делии, боролся до конца. Он в кровь изодрал руки, но умудрился проделать в плотной обивке своей камеры ступеньки и добраться до люка в потолке. Одурманенный менкалитом, ослабевший от голода — он отказался от пищи, чтобы скорее вывести наркотик из организма, — Райф дополз до воздушного шлюза, где его и нашли подоспевшие спасатели.

Хельва подождала, пока капитан СТ-1 спустится на лифте, а потом провела быструю, но полную проверку всех наружных и внутренних камер, сенсорных датчиков, реакторной установки, бортовых запасов. У нее было такое чувство, будто она перебирает вновь обретенные волшебные сокровища. Наверное, раньше она просто не умела ценить все разнообразие инженерной мысли, вложенной в ее создание, всю техническую мощь, которая была ей подвластна, всю изобретательность своих творцов. Как же это все-таки здорово — снова вернуться к себе!

— Хельва, — раздался из приемника экстренной связи чей-то тихий настороженный голос. — Ты одна?

— Да, капитан СТ-1 только что ушел. Но я думаю, его еще можно вернуть...

— Пусть катится на все четыре стороны. — Только теперь Хельва поняла, что этот хриплый голос принадлежит Найалу Паролану. — Я просто хотел убедиться, что ты вернулась на свое законное место. С тобой все в порядке, Хельва?

Что это — неужто Найал Паролан охрип от волнения? Хельва была польщена и приятно удивлена, особенно если вспомнить те нелицеприятные эпитеты, которыми он наградил ее при последнем расставании.

— Я снова цела и невредима, если вас интересует это, инспектор, — чуть насмешливо, но вполне добродушно ответила она. И могла бы поклясться, что из приемника донесся вздох облегчения.

— Вот и умница, моя девочка, — рассмеялся Паролан. Значит, она не ошиблась: он и вправду взволнован. — Конечно, — он от-

кашлялся, — если бы ты не устроила своим синапсам такую встряску на Бете Корви, то наверняка послушалась бы моего совета. Разве я тебе не говорил, что твой незатейливый человекообразный актионец — помешанный на инструкциях, меднолобый...

— Он совсем не меднолобый, Найал, — резко перебила его Хельва. — Медь все-таки металл, а в Тероне металла не оказалось ни на грамм.

— Ага, значит, ты все-таки признаешь, что я был прав?

— Человеку свойственно ошибаться...

— Слава тебе, Господи!

И тут Терон попросил разрешения подняться на борт.

— Пока, Хельва, поговорим потом. Я просто не вынесу...

— Нет, Паролан, останьтесь...

— Хельва, любовь моя, ради тебя я трое суток не слезал со связи, и стимулятор больше не действует. Я просто отрубаюсь!

— Не закрывай глаза еще пару минут, Найал. Это официальная просьба. — сказала она, опуская Терону лифг. И почувствовала, как ее веселое дружелюбие улетучивается, уступая место холодной неприязни.

Громоздкий, как шкаф, и отвратительно напоминающий неандертальца, ее напарник вошел в главную рубку и небрежно отсалютовал в сторону панели. «Вошел? Не вошел, а ввалился, — раздраженно подумала она. — Что-то невзгоды заточения не оставили на нем особого следа».

Терон потер руки, уселся в пилотское кресло и, как всегда, размяв пальцы, с деловым видом положил их на клавиши компьютера.

— Хочу провести полную проверку: необходимо убедиться, что не осталось никаких повреждений, — изрек он так, что было трудно понять, просьба это или простая констатация факта.

— Вот как? — произнесла Хельва безмятежным тоном, который, однако, не сулил ничего хорошего.

Терон нахмурился и, повернувшись в кресле, обратил взгляд к ее панели.

— Наш график и так нарушен из-за того досадного происшествия.

— И ты смеешь называть это досадным происшествием?

— Сбавь тон, Хельва. Не надейся, со мной твои шуточки не пройдут.

— Не поняла — на что я не должна надеяться?

— Послушай, — примирительным тоном начал он и даже убрал свой подбородок. — Я принимаю во внимание, что совсем

недавно ты подверглась тяжелому испытанию. И все же ты должна была настоять, чтобы капитан СТ-1 выполнял установочные работы под моим наблюдением. Пойми, в схемах могли остаться мелкие неполадки.

— Как это любезно с твоей стороны — подумать о такой возможности, — ехидно заметила она. — Право, не ожидала!

— Ты сама навряд ли могла получить телесные повреждения, поскольку со всех сторон запаяна в чистый титан, — ответил он, снова поворачиваясь к своему пульту.

— Вот что тебе на это скажу, Терон с Актиона: тебе чертовски повезло, что я со всех сторон запаяна в чистый титан. Потому что, имей я возможность двигаться, ты бы вылетел отсюда с такой скоростью...

— Что это на тебя нашло?

Наконец-то она увидела на лице своего напарника обычное, человеческое, совсем не логичное изумление!

— Убирайся, катись отсюда, чтобы духу твоего здесь не было, чтобы глаза мои тебя не видели! УБИРАЙСЯ!!! — взревела Хельва, с каждым словом все прибавляя громкость и нисколько не заботясь о нежном устройстве человеческого уха.

И этого хватило, чтобы прогнать его навсегда — зажав уши, он позорно бежал со всех ног и вскочил в лифт, как только она подняла кабину.

— Он вообразил, что раскусил меня! Что я ненадежное создание! Неразумное, безответственное и нечеловечное... — ревела Хельва ему вслед, и, казалось, голос ее разносится по всей планете. Наконец она не выдержала и расхохоталась: только таким взрывом эмоций и можно было пронять чересчур разумного Терона с Актиона.

— Вы слышали, Найал Паролан? — спросила она уже более спокойным и все же торжествующим тоном. — Найал! Эй, Ценком, вы еще на связи? Отвечайте!

Из динамика донесся мощный раскатистый храп.

— Найал! — Но спящий продолжал издавать свои хриплые рулады, и Хельве ничего не оставалось, как посмеяться над этим очередным проявлением человеческой слабости.

Она запросила разрешения на взлет и, получив его, покинула полуразрушенный космопорт безымянного астероида. По возвращении на Регул ее ожидала длительная беседа с шефом Рейли.

Штраф, который она получит за «развод» с Тероном, будет сущей малостью по сравнению с премией за обнаружение четырех похищенных мозговых кораблей. К тому же ей положено возна-

граждение от Федерации за помощь в ликвидации шайки контрабандистов-наркоманов. Если сложить все вместе и если на свете существует настоящая справедливость, она уже сейчас сможет стать независимой, свободной от долгов, хозяйкой собственной судьбы. И эта мысль была так прекрасна, что ей захотелось петь.

Глава 6

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ОБРЕЛ ПАРТНЕРА

Неудержимо стремясь через бескрайний космос со скоростью, которую не смог бы выдержать ни один обычный человек, Хельва предавалась приятным размышлениям: наконец-то она расплатилась со своим долгом и больше не зависит от Космической службы Центральных Миров. Теперь она сама себе хозяйка. Она свободна. Свободна в выборе партнера, «тела», подвижного напарника, который будет сопровождать ее, куда она только пожелает. Ей больше не нужно связываться с зелеными юнцами, только-только вылупившимися из Академии, напичканными правилами и инструкциями, по рукам и ногам связанными этическими нормами Центральных Миров, запрограммированными на строго определенные мысли и поступки, отштампованными по заранее установленным психическим, интеллектуальным, духовным и психологическим образцам, — нет, ей они решительно не подходят. Теперь она может выбрать кое-что получше. Может...

Хотя нет, если подумать как следует, ничего она не может. Несмотря на все свои недостатки, «тела» — все же не заурядные инженеры, которых тысячами выпекают на всех планетах. Они проходят специальное обучение, готовящее их к сотрудничеству с необычным партнером. Она больше не может ошибиться — выбрать симпатичного парня, а потом убедиться, что он пустое место. Даже при краткосрочных контактах с промышленными или межпланетными агентствами она должна быть уверена, что на партнера можно положиться, что он обладает здравым и широким кругозором, — иначе ее будут надувать, регулярно и систематически. А кроме того, ей нужен постоянный напарник, а не очередной временный жилец. Нужен товарищ, умный и понимающий друг, а не равнодушный наемник.

Был и еще один фактор, который еще больше сужал сферу поиска. Многие во всех отношениях разумные граждане их огромной цивилизованной галактики испытывали отвращение или

суеверный ужас при одной мысли, что за титановой панелью замуровано человеческое существо, присоединенное к управляющим системам мощного космического корабля. Такому невротическому страху могут быть подвержены даже столь мало впечатлительные люди, как Терон, который убедил себя в том, что капсульники — не настоящие люди, а сверхсложные компьютеры.

И лишь очень немногие из тех, с кем ей довелось встречаться, грустно признавалась она себе, видели в ней Хельву, личность, мыслящее, чувствующее, разумное, абсолютно человеческое существо.

Именно так относился к ней Дженнан. Теода, если не считать одного краткого мига взаимопонимания, была слишком погружена в свою личную трагедию, чтобы у них с Хельвой могли установиться близкие человеческие отношения. С Кирой Фалерновой они проработали бок о бок три года, но ни одна из них не позволила дружбе перерасти в более глубокую привязанность.

Если быть честной до конца, то единственный человек, который относится к Хельве как к Хельве, — это Найал Паролан. Насколько она поняла, он выработал свой эффективный метод обращения с подчиненными ему кораблями МТ — метод кнута и пряника. То поливая их отборной бранью, то обольщая тонкими комплиментами, он умеет добиться от них полной отдачи. Однако тот же Найал Паролан трое суток не покидал своего поста, руководя ее розысками. Хотя вполне мог перепоручить это дело любому офицеру связи. За одно это можно простить ему все прошлые обиды.

Она надеялась, что кто-нибудь обнаружил его спящим за пультом управления. Нужно уснуть в ужасно неудобной позе, чтобы так храпеть! Хельва усмехнулась. Жаль, что ростом не вышел, — из него бы мог получиться отличный партнер. И все же его забраковали, в то время как такие придурки, как этот чертов Терон, — высокие, с виду сильные, — не только допускаются к учебе, но и умудряются закончить сложнейший курс подготовки. Но Терону, как язвительно заметил Найал, это удалось, скорее всего, только за счет зубрежки. Пожалуй, учитывая последний конфуз на Борealисе, Центральным Мирам стоило бы пересмотреть свои требования к «телам». Спору нет, уроженцы «тяжелых» планет с высокой гравитацией, вроде Паролана, не могут похвастаться ростом, но этот недостаток они компенсируют массой и... неотразимой мужественностью.

— Дерьмо, — с несвойственной ей грубостью выругалась Хель-

ва, и это непривычное слово отчетливым эхом отразилось от стен пустых помещений.

«Интересно, — подумала она, — успел он записать мое заявление о «разводе», прежде чем уснул?»

Ей не хотелось вспоминать убийственную характеристику, которую в свое время дал Терону инспектор. Уж как он тогда старался ее отговорить от этого выбора. Она даже сейчас слышала его резкий, насмешливый голос:

— Не могу понять, Хельва, как при твоем уме можно было проявить такую невероятную тупость?

Ладно, в конце концов, как бы ни ехидничал Паролан, ничего непоправимого не случилось. Ведь не будь Терон таким непроходимым болваном, Зиксону никогда не удалось бы проникнуть в главную рубку и вырубить их обоих: тогда она не получила бы такого крупного вознаграждения и не сумела бы так быстро расплатиться с долгами.

До чего приятная мысль — всего за десять лет она рассчиталась с Центральными Мирами, достигла заветной цели, предела мечтаний всех кораблей МТ. И что дальше? Ей нужно «тело», но к его выбору она должна подойти крайне осмотрительно. И еще ей нужна цель, смысл жизни, предназначение. Как знать, может быть, одно заменит другое? Или наоборот?

— Тогда я могла бы отправиться к туманности «Конская голова», — сказала она вслух, чтобы снова услышать эти слова.

И сразу нахлынули воспоминания, которые она так старательно оттоняла все эти годы: вот Дженнан сидит, облокотившись на пульт, и улыбается ей, взгляд его лучится нежностью и мягким юмором...

— Если нас когда-нибудь снимут с этих нудных рейсов, мы сразу рванем к нашей туманности, договорились?

Теперь она не связана рейсами, вот только Дженнан лежит на кладбище базы Регул, и все их дерзкие, счастливые замыслы похоронены вместе с ним. А предпринимать такой полет в одиночку — пустая затея, такая же бесплодная, как она сама.

Ох уж эта туманность «Конская голова»! Чтобы отвлечься от печальных мыслей, Хельва произвела быстрый расчет: да, это ей под силу, хоть она по-прежнему зависит от человека. Ядерный реактор у нее вполне современный, хотя не мешало бы инженерам пошевелить мозгами и разработать новый источник энергии, способный полностью реализовать релятивистский принцип. Это все равно что установить на мощную наземную машину две высокие передачи и не иметь возможности их использовать, по-

тому что они за пару мгновений сожрут весь запас топлива. Тем не менее, мчась на максимальной скорости, она и сейчас могла бы добраться до туманности «Конская голова»... за сто галактических лет. И что потом? Ведь нужен кто-то рядом, чтобы отпраздновать победу, разделить радость свершения, — иначе любой триумф теряет смысл. А если нет стимула, то и достижение становится никчемным. Нет, не имея цели впереди, нечего и браться за дело.

Теперь Хельва понимала, почему корабли более ранних модификаций внезапно и без каких бы то ни было видимых причин покидали службу. Странно, почему все считают, что свобода от финансового гнета — такое уж большое завоевание? Вот она его достигла. И к чему пришла? Капсульники, которые так неотвязно мечтают об этом — вроде Амона или Трила, — никогда не поверят, что здесь важен только сам факт освобождения, не больше.

Ее тягостные размышления прервал сигнал межсудовой связи.

— Хельва, это 422.

— А, Сильвия!

— Только тебе я позволяю звать себя по имени. Ходят слухи, что ты расплатилась.

— Судя по моим подсчетам, да.

— Что ж ты тогда такая кислая? Ведь это не конец света, а только начало.

— Начало чего?

— Я вижу, передряга на Бореалисе далась тебе нелегко.

— Да нет, со мной все в порядке. Просто я не люблю одиночество.

— Ты не ценишь своего счастья, — по обыкновению ворчливо заметила Сильвия. — Я-то думала, ты рада-радешенька, что избавилась от своего недоумка Терона. Он так напоминал мне этого идиота... впрочем, не будем о нем. Учти, Хельва, ты должна действовать с умом. Ты расплатилась с долгами за неполных десять лет, а это неслыханно короткий срок. Слишком короткий, чтобы Центральные Миры захотели так легко с тобой расстаться.

— Я не уверена, что сама этого хочу.

— Ты в своем уме? — раздраженно проговорила Сильвия. — Послушай, если они вздумают навязывать тебе свои игры, обратись в Комитет по охране мутантов или в Общество защиты интересов разумных меньшинств. На Регуле их представители — Рокко и Амайкинг. Амайкинг — он из ОЗИРМ — это тот, который носит сногсшибательную форму, но по-настоящему соображает в наших делах Рокко. Если возникнут какие-нибудь споры,

вызывай их. Потребуй пересчета всех затрат, с того самого дня, как тебя пересадили из колыбели в капсулу.

— Да нет, Сильвия, с цифрами выплаты не будет никаких проблем. Я чиста, как стеклышко. Это совершенно точно.

— Так в чем же тогда проблемы?

— Что мне теперь делать?

Сильвия даже задохнулась от возмущения.

— Ты что, не знаешь, — сердито спросила она, — что промышленные компании, не говоря уже о межпланетных союзах, заплатят тебе любую сумму, какую ты только запросишь? И согласятся на любые твои условия? Конечно, с частными предпринимателями нужно держать ухо востро — среди них нередко встречаются жулики. Еще до посадки на Регуле свяжись с Броули. Городские капсульники всегда в курсе, кто какую цену заплатит и кому можно доверять. А уж Броули — в первую очередь. Он найдет тебе отличный контракт.

— А кто мне найдет отличное «тело»?

— Ты снова за свое, Хельва? — Сильвия явно вышла из себя. — Меняй их, как перчатки. Подбери подходящего специалиста, нужного для конкретного задания, а потом распрощайся с ним. Я-то думала, что ты уже по горло сыта «телами».

— «Телами» — да. Мне нужен один партнер, постоянный. Если бы только Дженнан...

— Если бы да кабы... «Если» не прибавит тебе ни скорости, ни денег. По-моему, Хельва, ты просто не понимаешь: ты первоклассный корабль МТ, и у тебя не будет отбоя от «тел». Вот и выбирай. Кто спорит — вы с Дженнаном были прекрасной парой. И тебе чертовски не повезло, что он погиб. Но, так или иначе, он мертв. И с этим ничего не поделаешь. Как говорится, мир его праху. Найди другого парня — себе под стать, а не такого безмозглого придурка, как тот, которого ты шуганула со своего борта.

Значит, Сильвия уже слышала об этом происшествии, удивилась про себя Хельва.

— И если тебе так позарез нужен напарник, выбери совсем юного и воспитай по своему вкусу. От Академии больше вреда, чем пользы. Теперь-то ты должна соображать, что именно в партнере тебя не устраивает. Научи его всему, что положено знать «телу». И не жди невозможного! Возьми дело в свои руки. Только остерегайся происков Рейли. Он пойдет на все, чтобы тебя удержать, или я — не я и не прослужила у них четыреста лет.

— Почему ты так долго служишь, Сильвия?

Наступило долгое молчание — Хельва уже было решила, что прервалась связь.

— Знаешь, Хельва, я больше не задаю себе этот вопрос. Другое дело раньше, когда я была молода, как ты, и казалось: еще чуть-чуть, и я от них откуплюсь... А потом над Садальзундом мы столкнулись с потоком метеоритов, и... Впрочем, на службе у Центральных Миров тоже попадаются интересные задания. У меня бывали хорошие партнеры, плохие тоже попадались. — Голос Сильвии становился все тише, по мере того как она выходила из зоны слышимости. — Будь осмотрительна, Хельва. Не продешеви...

Связь прервалась. Прошло некоторое время, и на смену теплому чувству, рожденному ворчливой опекой Сильвии, пришли сомнения, навеянные ее мрачными прогнозами.

Чтобы хоть как-то успокоиться, Хельва еще раз провела свои подсчеты, начиная с огромных, пугающих своими размерами долгов младенческих и детских лет. Операция на гипофизе, в результате которой Хельва так и не выросла из своей капсулы, и тонкие нейрохирургические манипуляции, сделавшие ее кораблем, стоили, как всегда, дорого. Но поскольку в Федерации Центральных Миров не могло быть ни рабов, ни слуг, привязанных к хозяину пожизненным договором, заботливые комитеты и общества бдительно следили, чтобы уровень заработной платы и система премий и денежных поощрений давали капсульникам достаточные стимулы и компенсации, на каком бы поле деятельности они ни трудились.

Теперь Хельва убедилась, что массированные дозы тонкого психопрограммирования, полученные в юном возрасте, стали для нее палкой о двух концах. Благодаря им она чувствовала себя счастливой, насколько это доступно капсульнику, но они же прочно внушили ей, что смысл всей ее жизни воплощен в службе Центральным Мирам, поэтому сама идея выкупа становилась чистой фикцией. Спрашивается, что еще делать кораблю МТ, как не продолжать... нести свою службу? Наверное, все капсульники — бороздят ли они просторы космоса, ведут горные разработки на чужих планетах или управляют промышленными предприятиями, — раньше или позже испытывают такое же чувство. И все же им доступны свои радости.

Снова пришло воспоминание о Дженнане, пришло, чтобы принести ей боль и утешение. Ведь были и у нее счастливые годы, пусть короткие, но до краев наполненные чудесами самопознания и творческого сотрудничества. Вдвоем они были гото-

вы принять вызов, который бросал им каждый новый полет. Они, как орденом, гордились ее прозвищем. И Дженнану пришлось защищать себя и ее от насмешек других «тел», пока ДХ-834 не стали всерьез, с почтением и некоторой завистью, именовать «Корабль, который поет». Да, таких, как Дженнан, нет и не будет. Но она верит: должен найтись другой человек с другими, но не менее привлекательными качествами.

Может быть, она потому и выбрала Терона, что он был полной противоположностью ее первого партнера. Пожалуй, Сильвия права: нужно пойти на разумный компромисс и, взяв кого-нибудь из молодежи, воспитать напарника по своему вкусу. Воспитать так, чтобы он видел в ней личность, а не корабль и не компьютер, способный на эмоциональные реакции.

Итак, она выплатила свой долг. Теперь можно не спеша оглядываться. Пусть Броули подыщет ей надежный, независимый контракт. Интересно, сколько времени ФГ-602 работает по контракту с Альфейской Конфедерацией? — рассеянно подумала она. Он расплатился перед самым ее рождением. Как-то раз они с Дженнаном встретили его, но и капсульник, и его партнер держались с таким холодным и надменным превосходством, что это воспринималось как оскорбление.

«Пожалуй, — подумала она, — можно объявить о своих планах прямо сейчас». И сразу почувствовала себя гораздо лучше. Действие — вот что ей необходимо. Наверное, будет разумнее, если она свяжется с базой Регул и выяснит, как обстоят дела. Всегда лучше поддерживать хорошие отношения с Центральными Мирами: ведь для ремонта и технического осмотра ей еще раз придется воспользоваться их персоналом и оборудованием.

Заметив, что скорость слегка упала, Хельва прибавила тяги, уверенно держа курс на Регул. Развлечения ради она стала составлять список качеств, которые хотела бы видеть у своего партнера, и тех, которые предпочла бы избежать. И эти приятные размышления так ее увлекли, что она и не заметила, как пролетело время и пришла пора запрашивать у Центкома разрешение на посадку.

— Ба, да никак это Хельва! — отозвался Найал Паролан.

— Очнулись от сна, Спящая красавица?

— Очнулся. И от сна, и от красавиц.

— И как она только терпит ваш храп?

— Они, девочка моя, слишком утомились, чтобы слышать, и получили слишком большое удовольствие, чтобы жаловаться.

— Я не ваша девочка.

— Многие сочли бы за честь услышать от меня такое обращение.

— И как это вам удается заморочить им головы?

Найал злорадно хмыкнул.

— В отличие от некоторых, я тщательно подбираю себе партнеров и при этом руководствуюсь не только симметрией черт и прочностью черепов.

— Ладно, Паролан, один-ноль в вашу пользу. Кстати, я надеюсь, вы не захрапели прежде, чем зарегистрировать мой отказ от Герона?

— Нет, и к тому же получил немалое удовольствие, отправив на твой счет извещение о штрафе.

— Я могу себе позволить его оплатить.

— Знаю, — неожиданно мрачно буркнул он. — Опускай свою ленивую задницу на административную площадку, платформа номер три. Там тебя ожидает торжественная группа встречи.

— Вы хотите сказать, группа освобождения?

Ценком не ответил.

Что ж, с Пароланом они неплохо уживались. Пожалуй, ей даже будет его не хватать. Острый язык инспектора неплохо стимулировал к действию, и каковы бы ни были его мотивы, все-таки он три дня просидел на связи. Но у независимости тоже должны быть свои плюсы. Поживем — увидим. С изысканной точностью она опустилась на платформу номер три, и тут ее с новой силой одолели сомнения. И мудрено ли — ведь за последние десять лет каждый час ее сознательной жизни был отдан Центральным Мирам. Она сжилась с этой службой и даже не сознавала, что находится у нее в долгу. Что ж, придется коренным образом перестроить свое мышление. Перемены необходимы — иначе так никогда и не повзрослеешь.

Она уже собиралась послать Ценкому сигнал поторапливаться, когда из главного корпуса появилась группа встречающих. Рядом с тремя рослыми спутниками Найал Паролан казался еще меньше. Она узнала плотную фигуру шефа Рейли — неужто и он собрался поздравить ее с отличным достижением? Двое других тоже были ей знакомы: капитан первого ранга Бреслау из Технической службы и адмирал Добриньон из Отдела инопланетных связей. Состав группы наводил на интересные размышления. Возможно, Сильвия была права, когда предупреждала: так просто Центральные Миры с ней не расстанутся. Нужно было послушать ее и вызвать КОМ или ОЗИРМ. Или Броули. А теперь бе-

жать уже поздно — или она изжарит весь высоколоставленный квартет.

Делать было нечего. Хельва спустила пассажирский лифт и на всякий случай включила наружную акустическую систему. Но ни один из посетителей не вымолвил ни слова, пока все не вошли в шлюз, выстроившись согласно рангу. Но вот что странно: Найал Паролан, вежливо пропустив шефа Рейли вперед, окинул салон Хельвы самодовольным взглядом собственника. А когда вошел в шлюз и отдал ей небрежный салют, вид у него был такой, будто он объявлял всем: отныне Х-834 принадлежит лично ему.

Его вызывающее поведение насторожило Хельву. Значит, вовсе не Рейли ей следует опасаться, а этого коварного маленького интригана по имени Найал Паролан!

От глаз Добриньона не укрылся салют инспектора.

— Господа, где наши манеры? — спохватился адмирал и, браво щелкнув каблуками, отдал ей честь по всей форме.

«Странно, что служба сохранила столь архаичные традиции, — подумала Хельва. — вроде правила салютовать кораблю при подъеме на борт. — А может, они приветствуют ее как отличившегося на службе офицера? Да нет, навряд ли. Приветствия, которыми обмениваются люди, должны быть взаимными. Так или иначе, в память о службе она научит своего нового партнера отдавать салют.

— Хельва, разреши выразить тебе нашу глубочайшую благодарность, — начал шеф Рейли, подчеркнуто задержав руку у козырька. — Твоя отменная храбрость и находчивость, проявленные на Бореалисе, уже вошли в легенды нашей службы. Триумф разума. И мы горды, чрезвычайно горды, что ты была в наших рядах.

Хельва отметила, что он употребил прошедшее время, и снова подивилась странному поведению Паролана.

— Ты, конечно, знакома с Добриньоном из Иносвязей и Бреслау из Техники, — так ловко и непринужденно ввернул шеф, что Хельва изумилась: уж не ослышалась ли она? Зачем здесь эти двое, если подразумевается, что она свободна?

— Да, мы встречались, — так сухо ответила она, что Рейли неодобрительно хмыкнул.

Он жестом предложил своим спутникам сесть, очевидно, выгадывал время, чтобы сосредоточиться, прежде чем перейти непосредственно к делу. Хельва недоверчиво оглядела членов делегации. Паролан незаметно ухмыльнулся ей, а потом развалился на кушетке, вольготно закинув руку на спинку.

«Похоже, расположился всерьез и надолго», — мрачно подумала Хельва.

— Не знаю, Хельва, успела ли ты по пути получить официальное сообщение, — начал шеф, — но хочу тебе сказать, что дополнительные средства, обеспечивающие безотказность аудиовизуальной системы, которые ты предложила, отныне будут применяться во всех новых капсулах. И больше никому из наших людей не придется страдать оттого, что кто-то лишит его связи с окружающим миром. Ума не приложу, почему такая мера предосторожности не была предусмотрена ранее.

Бреслау откашлялся и, дернув себя за мочку левого уха, стал отвечать, не глядя ни на кого из собеседников.

— На ранних стадиях развития капсул такие устройства существуют, и раньше, до четвертого поколения включительно, их сохраняли и при окончательном капсулировании персонала космической службы. Однако в наш век, когда стали использоваться модификации, предусматривающие прямую связь внутренней оболочки с системами корабля, эти дополнительные устройства стали считаться излишними.

Рейли нахмурился.

— Иногда традиции, сохраняемые нашей службой, каким бы архаичными они ни казались на первый взгляд, могут в новом контексте приобретать совершенно особый смысл.

— К несчастью, все капсульники, похищенные Зиксоном, принадлежали к последним поколениям.

— Вы правы, Бреслау, это действительно можно назвать несчастьем, — так же непринужденно продолжал Рейли. — Тебе, Хельва, модификация, разумеется, обойдется бесплатно. В связи с этим можно предположить, что день твоего окончательного расчета уже не за горами... — он поднял руку и умиротворяюще улыбнулся Хельве, спеша предупредить ее возражения, — я вовсе не исключаю, что он уже наступил или даже миновал. Полагаю, нет никаких оснований сомневаться в том, что ты получишь полную премию за обнаружение кораблей и вознаграждение за поимку федеральных преступников. Дело за подтверждением от Центрального управления Федерации. — Рейли принялся мерить шагами рубку. Хельва не могла понять, что за этим кроется — чувство вины, или он просто набирает старт для следующей атаки. В любом случае для нее это не сулит ничего хорошего.

— Итак, Хельва, база Регул вынуждена признать твою независимость, — провозгласил он и снова улыбнулся вопреки явному сожалению, которое было написано на его лице. — Ты наша гор-

дость, Хельва. — Он конфиденциально понизил голос. — И что бы ни болтал всякий космический сброд, мы хотели бы, чтобы все корабли класса МТ могли работать столь же результативно и в столь же короткий срок добиваться финансовой самостоятельности. Это было бы большим достижением и принесло бы нашей службе солидную прибыль. А сейчас, в ожидании подтверждения суммы твоих вознаграждений, база Регул вынуждена считать тебя свободной от выполнения дальнейших заданий любой продолжительности.

— Хотя, похоже, вы кое-что для меня приготовили.

— Мы действительно кое-что приготовили, — отечески улыбаясь и поблескивая глазами, согласился Рейли и бросил выжидательный взгляд на Паролана.

— Но теперь, шеф, нет смысла тратить ваше драгоценное время на бесполезные обсуждения, не так ли? — спросила Хельва, увидев, что Паролан поднимается со своего места.

— Ну-ну, Хельва, — насмешливо протянул Паролан, — неужели ты думаешь, что наш шеф считает беседу с тобой бесполезной тратой времени? — И в глазах его она прочитала вызов и издевку. — Хотя, конечно, если ты по пути с Бореалиса уже приняла какое-то решение, то было очень любезно с твоей стороны заглянуть к нам попрощаться. — Он повернулся на каблуках и решительно направился к шлюзу. — Ты уж навещай нас иногда по старой памяти.

— Минуточку, Паролан, — проговорил Рейли.

Шеф держался молодцом, у Бреслау же был вид, близкий к паническому, а натянутая улыбка Добриньона казалась приклеенной. Похоже, они приготовили для нее какой-то весьма солидный кусок. Уловкам Паролана она, конечно, не поверит, но эти двое — надежные, квалифицированные специалисты, уважаемые люди. Послушать-то никогда не помешает.

Паролан уже вошел в шлюз и повернулся, чтобы сердечно помахать ей на прощание.

— Паролан!

Он остановился, опустив руку на поручень, на лице застыло учтивое внимание и ничего больше. Инспектор явно не собирался раскрывать свои карты.

— Что это вы затеяли, Паролан?

— Я? Ровным счетом ничего.

Хельва пропустила изумленный возглас Добриньона мимо ушей.

— Просто мы, — начал Паролан, обменявшись взглядом с ше-

фом, — обсуждали для ТХ-834 очередное задание, которое должно было последовать за столь эффектным наркорейсом. Но, разумеется, по не зависящим от нас обстоятельствам этот рейс отменяется.

Хельва усмехнулась. Да, Терона он ей так легко не спустит. Будет еще лет двадцать шпынять за эту ошибку...

— Мною, разумеется, движет чисто теоретический интерес, но все же, пока не пришли мои наградные, не соблаговолите ли обсудить со мной этот отмененный полет?

— Отчего же — поговорить никогда не вредно, — согласился он, возвращаясь в рубку. — Поможет скоротать время, пока мы ожидаем подтверждения от Федерации. — Уселся поудобнее и начал: — Мы планируем отправить ТХ-834 в полет на Бету Корви.

— На Бету Корви? — Хельва ощутила непроизвольную вспышку страха, но быстро справилась с ней и насмешливо расхохоталась: — Что я слышу? Терон с Актиона в оболочке корвика пытается приспособиться к местному окружению?

Найал Паролан наградил ее ехидным взглядом.

— Не ты ли отметила, что Анера Колмер, махровая эгоистка, прямолинейная, упрямая и дьявольски практичная, меньше всех пострадала от корвиканского переноса сознания? А Терон так щедро наделен теми же дивными качествами, что совершенно очевидно...

— ...что он как личность не продержится на Бете Корви ни минуты, и вам, Найал Паролан, это прекрасно известно. Этот человек просто не сумеет приспособиться к таким аномалиям. — Ее возмутила и разозлила тактика Паролана: ведь то, что он предлагает, граничит с хладнокровным убийством. Неужели ему удалось уговорить Рейли? Они, что же, задумали таким образом избавиться от Терона?

— Послушай, Хельва, — сказал Рейли, сделав шаг вперед, как будто желая разнять противников, — если уж речь зашла о Тероне, то я никогда не одобрял твой выбор, ты уж извини, что приходится тебе напоминать...

— И правильно сделали, шеф, — так кротко и покаянно произнесла Хельва, что Паролан возмущенно фыркнул.

— ...Хоть мне и очень жаль, уверяю тебя. К счастью, все закончилось благополучно...

— За исключением того, что Хельва теперь свободна, как ветер, — лишенным всякого выражения голосом закончил за него Паролан.

— Вот именно, — с неожиданным пафосом воскликнул Рей-

ли. — И если у нее пока нет своих планов, мы могли бы продемонстрировать ей те преимущества, которые она получила бы от нового полета, несмотря на свое изменившееся положение.

Паролан выдержал пристальный взгляд шефа, и на лице его мелькнула странная полуулыбка.

— Почему бы и нет, — без малейшего признака энтузиазма откликнулся он. Хельва заметила, как Добриньон бросил на него недоуменный взгляд.

Бреслау тоже был явно озадачен. Похоже, что-то идет не по сценарию...

— Так как, Хельва, — решительно приступил к делу Рейли, — есть у тебя какие-нибудь планы?

— Она еще не успела о себе заявить, — резко вставил Паролан. — По пути на Регул она не связывалась ни с одной планетой. И я очень сомневаюсь, чтобы самые бдительные из известных нам осведомителей успели обнаружить, что Х-834 расплатилась вчистую. Так рано это случается крайне редко.

— Благодарю, Паролан, но я могу ответить за себя сама.

Все трое начальников в полном недоумении воззрились на своего коллегу. Атмосфера в рубке явно накалялась. Хельва терялась в догадках: зачем Паролан намеренно разрушает то доверительное настроение, которое так старается создать Рейли? У него наверняка есть какие-нибудь свои скрытые мотивы — вот только какие?

— Так, значит, мой изобретательный координатор решил отправить меня обратно на Бету Корви? Это в какой-то степени объясняет присутствие адмирала Добриньона. А вы здесь зачем, капитан Бреслау? Или Техника и Иносвязь вступили из-за меня в конкурентную борьбу?

— Мы надеялись объединить наши усилия, — после неловкой паузы выдавил Добриньон.

«Видно, кто-то пропустил свою реплику», — подумала Хельва.

— Нам казалось вполне справедливым, — вступил в разговор до сих пор молчавший Бреслау, — чтобы ты первая воспользовалась преимуществом: ведь оно достигнуто благодаря открытию, сделанному на основе данных, которые ты доставила с Беты Корви.

Неужели техники получили ключ к стабилизации нестабильных изотопов?..

— И что же это за преимущество? — как бы невзначай поинтересовалась Хельва. А сама не спускала глаз с Паролана — он непревзойденный специалист плести интриги. Она не удивится, если именно он поставил весь этот фарс, включая собственное

подчеркнутое безразличие, а все для того, чтобы она потеряла бдительность и сделала какой-нибудь неосмотрительный шаг. Еще бы она не захотела получить новый р-двигатель!

— Когда мы приступили к изучению основных теоретических положений, — начал Бреслау, — то сразу увидели, как это можно применить к нашей системе релятивистского двигателя. Тебе, Хельва, конечно известно, что принцип релятивистского движения обладает неизмеримо большим потенциалом, чем сегодняшние возможности его применения. Вся проблема заключается в источнике энергии, который мог бы удовлетворить тем требованиям, которые выдвигает полная р-скорость, превышающая скорость света. Так вот, данные, предоставленные корвиками, дают возможность осуществить межгалактические полеты уже в этом десятилетии. Больше того — в этом году!

«Межгалактические полеты? — Хельве передалось волнение Бреслау. — Интересно, между какими галактиками? Между этой и... гуманностью «Конская голова»?»

— Да, мы сможем преодолевать межгалактические расстояния за время, во много раз меньшее, чем то, которое потребовалось бы сейчас, — подтвердил Рейли, будто почуяв, что она проглотила наживку. — Только представь себе, Хельва: неограниченная мощность, буквально неиссякаемая, которая перенесет тебя к галактике, едва видимой с окраины Млечного Пути! За пределы миров, ныне известных человечеству! — Рейли просто блистал красноречием, стараясь разжечь ее любопытство. — Мощность, которая обеспечит эффективную работу р-двигателя — впервые с момента его создания! Все, чего нам не хватало, — это постоянный источник топлива, способный дать необходимый выход энергии. Так что тебе представится случай открывать доселе неизвестные планеты. Разведывать новые звездные системы, открывать целые галактики для Центральных Миров.

Эта обмолвка сразу отвлекла ее от неведомых звезд.

— Что ж, очень интересно. Ведь вся загвоздка с р-двигателями заключалась в том, что у нас была подходящая повозка, но не было сильной лошади ей под стать. И все же, если эта в корне новая разработка вытекает из данных, полученных у корвиков, почему так необходим новый полет?

Рейли подал знак Бреслау, и тот стал поспешно извлекать голограммы и компьютерные ленты, суетливо раскладывая их на пульте управления.

— Благодаря данным корвиков по стабилизации нестабильных изотопов, мы смогли добиться использования этой разновидно-

сти энергии не только на те доли секунды, которые длится полураспад и пока не будет исчерпана атомная единица массы, но на весь необходимый нам срок. Ты только представь себе, Хельва, — воскликнул Бреслау, и во взгляде его сверкнуло воодушевление, — мощность новой звезды или почти равная мощности новой звезды на самом ее энергетическом пике!

Хельве показалось, что свет в рубке померк. Ведь именно новая звезда на самом своем энергетическом пике — взорвавшийся Равель — смертельно опалила Дженнана, несмотря на ее отчаянные попытки обогнать эту фантастическую энергию. Но обладать такой мощностью... не значит ли это попасть к ней в рабство?

И тем не менее она должна ее заполучить. Пусть новая звезда у нее внутри искупит преступление той, старой. Вот высшее проявление справедливости Хаммурапи. Она заставила себя дослушать объяснения Бреслау.

— Однако, Хельва, приходится предположить, что здесь имеют место такие невероятные тонкости, которые — я с готовностью сознаюсь в этом — не в состоянии разрешить никто из членов моей группы. Можно подумать, что корвики обсуждают не субъядерные явления, а свои личные дела, и тем не менее в результате достигается фантастическое владение нуклонными силами. Обрати внимание, Хельва, — продолжал он, показав ей первую голограмму, и ввел уравнения в бортовой компьютер, — у них изотопы излучают энергию циклически, но по мере распада уровень энергии, вместо того чтобы падать, остается неизменным. Варьируя количество циклов в секунду или, в нашем случае, в миллисекунду, — Бреслау сиял, как именинник, гордясь достигнутыми результатами, — мы обеспечиваем р-двигатель той мощностью, которая ему необходима для того, чтобы превзойти скорость света в любое потребное количество раз. Таким образом, чтобы покрыть заданное расстояние в заданный промежуток времени, нужно лишь получить из базовых р-уровней необходимый коэффициент циклической вариации!

С подъемом, необычным для такого флегматика, он отстучал серию полетных данных.

— Если, допустим, тебе нужно добраться до Мирфака за два стандартных дня, то это вполне реально. А раньше на это требовалось бы... сколько?

— Четыре недели, — машинально подсказала Хельва, внимательно следившая за преобразованием чрезвычайно интересных уравнений.

— Вот-вот, четыре недели. Так что все преимущества налицо.

Теперь Хельва понимала, чем продиктована необходимость нового полета к Бете Корви.

– Едва ли кто-то возьмет на себя смелость высвободить такую энергию в пределах нашей Солнечной системы, не будучи уверен в объективных и субъективных последствиях. Какие побочные явления вы наблюдали? — в упор спросила она. — И на чем основаны эти расчеты: на экспериментальных данных или на чисто теоретических умозаключениях?

Задор Бреслау уступил место неуверенности и сомнению.

— Мы провели испытания ЦВ, циклического варианта энергетического источника. Уверяю тебя, мы предприняли все предосторожности, взяли очень низкий коэффициент цикличности. И все же, — лицо его омрачилось, — нам не удалось удержать экспериментальный корабль в диапазоне действия контрольно-измерительной аппаратуры.

— Корабль был с ручным управлением или МТ?

— С ручным, — еле слышно ответил Бреслау.

— И весь персонал погиб от столь чудовищного ускорения?

— Нам это неизвестно. — Бреслау украдкой взглянул на Рейли, который тихо переговаривался с Пароланом. Не успела Хельва подстроить аудиосистему, как они разошлись, и Рейли сел на кушетку с Добриньоном, оставив Паролана в одиночестве. На непроницаемом лице Найала застыла дежурная учтивость, глаза глядели настороженно.

— Как это — неизвестно?

— Корабль не вернулся. Ожидаемое время возвращения — девять стандартных лет. Видели, что он возвращается на обычной тяге. В последнем сообщении, которое мы получили, они предупреждают, что при использовании этого энергетического источника следует соблюдать колоссальную осторожность.

— Это очевидно. Осмелюсь предположить, что ваш пилот здорово надел на переключатель ЦВ, если так далеко вылетел из диапазона связи. Для испытательного полета нужно было взять корабль МТ, а не связываться с хлипкими «телами».

— Есть одно предположение: что мы неверно использовали данные корвиков, — продолжал Бреслау, задумчиво кивнув в ответ на ее замечание. — Можно легко проэкстраполировать разрушающий потенциал ЦВ-фактора. И мы должны быть уверены, что не исказили данные и тем самым не высвободили неконтролируемые или нестабильные излучения, которые могут иметь последствия космического масштаба. — Бреслау взглянул на нее с надеждой и тревогой.

«Да, игра стоит свеч, — размышляла Хельва. — Подумать только — межгалактические полеты! Испытательный корабль вынесло на расстояние в девять стандартных лет!»

— *Для начала, господа, хочу поблагодарить вас за то доверие,* которое вы мне оказали, — произнесла она после долгого молчания. — Однако меня одолевают сомнения: не потому ли вы остановили на мне свой выбор, что я, расплатившись с вами — правда, пока только теоретически, — представляю для вас наименьшую материальную ценность, поскольку в случае потери вашим финансам ничего не грозит?

Один Паролан по достоинству оценил ее колкость и расхохотался, ничуть не скрывая своего восхищения.

— Знаешь, Хельва, сейчас не время упражняться в остроумии, — упрекнул ее Рейли. — Для нас ты как раз представляешь наибольшую материальную ценность из всего персонала. И должен вам заметить, Паролан, что я не усматриваю никакого юмора в столь возмутительном предположении. — Чувствовалось, что шеф рассердился не на шутку.

— В таком случае вы бессовестный вымогатель.

— Что? — взревел Рейли, разом забыв о Найале.

— Вам, шеф, прекрасно известно, что я всегда хотела иметь такой двигатель, с тех самых пор, как узнала о его существовании. И что я, безусловно, захочу остаться на службе в Центральных Мирах, чтобы его заполучить!

Паролан мгновенно успокоился и теперь наблюдал за ней.

— Вот в чем смысл вашей игры, не так ли? — холодно спросила Хельва. Теперь она обращалась только к Паролану, и он это понимал. Он продолжал молча смотреть на нее, только желваки ходили на скулах.

— Если честно, то да, — ответил Рейли, когда для всех стало очевидно, что Паролан так ничего и не скажет. — И у тебя не так много времени, чтобы принять решение.

— Это почему же?

Едва заметная перемена в выражении лица шефа вызвала у нее взрыв обиды и гнева. Так вот, значит, как Центральные Миры обращаются со своими мозговыми кораблями! Зря она не вызвала КОМ и ОЗИРМ. И с Броули тоже надо было связаться. Пусть Центральные Миры сами расхлебывают свою кашу.

— Пойми, Хельва, Центральные Миры связаны федеральными директивами, а эти директивы издают и контролируют граждане нашей цивилизованной галактики. И целый ряд из этих ограничений невозможно обойти. Пока не будут получены допол-

нительные премиальные от Федерации, ты по-прежнему подчиняешься Центральным Мирам. После их подтверждения наши с тобой взаимоотношения — характер полномочий, тип контракта, формулировка и состав отдельных статей, оплата и привилегии — все это будет регулироваться совершенно новым пакетом директив. А вздумай мы поступить по-другому, — неумолимо продолжал Рейли, — нас мигом одолеют правозащитники всех мастей, которые начнут рыться в наших архивах, дышать нам в затылок и всячески осложнять нашу работу. Ты зарекомендовала себя отличным работником. И наша служба в тебе чрезвычайно заинтересована. И до сих пор наша заинтересованность всегда шла тебе на пользу. Тебе были предоставлены все возможности, чтобы как можно раньше достичь полной финансовой независимости. И мы надеемся, что ты учтешь это теперь, когда мы предлагаем тебе стать первым кораблем МТ с полноценным р-двигателем.

— Если это сейчас уместно, я хотела бы принести свои извинения. Я не знала, что условия контракта изменяются после выплаты долга. И, я думаю, вы не станете судить меня слишком строго за то, что мне захотелось разобраться во всех тонкостях нашего разговора, который мы и завели-то только затем, чтобы скоротать время в ожидании подтверждения премиальных. Из объяснений капитана Бреслау я однозначно поняла: существует угроза, что я могу взорваться, превратившись в новую звезду...

— Я возражаю! — Бреслау стремительно вскочил. — Ты можешь сама убедиться, насколько обоснована эта теория! Мы провели испытания...

— Которые вас до того напугали, что вы решили подстраховаться и проверить, не произошло ли путаницы с данными. Нет, господа. Мне дорога моя шкура, и я предпочитаю сохранить ее в целости.

— Твоя капсула сделана из чистейшего титана, — выпалил Бреслау, — а он устоит...

— Вы хотите сказать устоит, если у меня внутри взорвется целое солнце? — перебила его Хельва. — Не забывайте, Бреслау, что я и так уже пострадала от жара новой звезды. И ваша непроницаемая титановая оболочка не спасла меня от повреждения... и человеческого коварства.

Исчерпав все доводы, Бреслау обессиленно упал на кушетку. Из его коллег только Паролан не проявлял признаков замешательства или досады. Услышав ее отказ, он рывком повернул голову по направлению к центральному пилону. На лице его засты-

ло выражение горькой насмешки, слишком горькой даже для такого циника, каким был Паролан. На один мимолетный миг он забыл о своих глазах, и в них мелькнула острая боль и еще выражение, которое Хельва видела всего раз в жизни — в глазах умирающего.

Однако заговорил именно он — усталым бесцветным голосом.

— Никто и не пытался, Хельва, скрыть от тебя опасность, связанную с новым заданием. Кроме того, мы постарались, чтобы весь этот непроходимый лес законодательных ограничений работал на тебя. Тебе было бы выгоднее продлить прежний контракт, вместо того чтобы заключать новый. Если ты мне не доверяешь, можешь справиться в своем личном деле. Кое-какие статьи старого контракта мы бы могли исправить. Но в новом мы уже не сможем изменить ни единой буквы. А теперь будь любезна выслушать нас, а потом будет достаточно, если ты просто скажешь: да или нет.

Казалось, ему безразлично, какое решение она примет. Вот только почему — этого она понять никак не могла.

Добриньон откашлялся и медленно, как будто стараясь собраться с мыслями, направился к ее пилону.

— Видишь ли, Хельва, планируемый полет к Бете Корви продиктован несколькими целями, и выполнение каждой из них требует таких качеств, способностей и знаний, что все сходится на тебе. Я постараюсь объяснить то, что относится к сфере моей деятельности. По нашему глубокому убеждению, мы могли бы так запрограммировать будущих исследователей, чтобы им не грозила психологическая дезориентация в результате переноса на Бете Корви. Но это при условии, что нам будет известно, какие измерения происходят в психической сфере человека, пребывающего в корвианской оболочке. Я понимаю, Хельва, что мы требуем от тебя слишком большой жертвы, но у меня есть свои, вполне бескорыстные причины просить именно тебя отправиться на Корви. И я, и Паролан — мы оба уверены: если ты вернешься и убедишься, что в корвиканской среде личности солара Прейна, Керлы Стер, Шадресса и Анеры Колмер сохранились или, наоборот... уничтожились, то сумеешь справиться с чувством вины и неудачи, возникшим у тебя после первого полета. К тому же ты самый подходящий, если не единственный человек, который сможет узнать... иммигрантов. — Добриньон мимолетно усмехнулся. Хельва же подумала, что этот термин вполне уместен. Она боялась признаться даже себе самой, как ее пугает и... притягивает перспектива возвращения на Бету Корви. — Даво Филанзер

пытался принять участие в полете. Но, если честно, его психопрофиль свидетельствует о глубокой травме. И я боюсь, что он тоже может... ну да, иммигрировать.

— Весьма малоутешительная перспектива, — заметила Хельва. Ей совсем не понравилась представившаяся картина: пустая оболочка Даво Филанзера, *неподвижно застывшая на кушетке*. Но если Прейн с Керлой и Шадресс вполне довольны своей жизнью на Корви... — Хельва отбросила непрошеные мысли. — Что ж, вполне очевидно, что нам потребуется помощь корвиков, если мы собираемся играть в их игры и при этом не хотим нанести непоправимый ущерб всей галактике. Я полагаю, вы изучили мой психопрофиль и сделали вывод, что я на Корви не останусь?

— Да, — быстро и без раздумий ответил Добриньон.

— Несмотря на то что произошло со мной на Борсалисе?

— Осмелюсь предположить, что именно опыт, полученный на Корви, помог тебе в этом эпизоде.

— Весьма разумное предположение, Добриньон. В конце концов, мы все не что иное, как сумма нашего опыта. И это снова возвращает нас к обсуждению меркантильных вопросов. Полагаю, капитан Бреслау, ЦВ будет установлен в мой двигательный отсек до полета на Бету Корви?

— Да, это совершенно необходимо. Как иначе они смогут оценить, насколько верно мы использовали их данные?

— И какова же стоимость этой установки?

Бреслау неуверенно покосился на шефа. Рейли молча кивнул в ответ.

— Сейчас мы не можем назвать точную цифру: экспериментальный корабль неоднократно перестраивался. Необходимо усилить защиту, удвоить прочность конструкций, заменить обшивку корпуса. С ходу я бы оценил затраты в районе пятисот тысяч галактических кредитов.

Хельва заметила, что у него все же хватило такта изобразить на лице смущение. Хотя на нее эта астрономическая сумма не произвела такого уж ошеломляющего впечатления. В конце концов, она уже выплатила гораздо больший долг.

— Это в случае, если контракт будет заключен немедленно?

— Да.

— И примерно вдвое больше, если старый контракт утратит силу?

— Полагаю, что так. — Бреслау мрачно складывал свои папки, будто потерял все надежды на осуществление проекта. Его пессимизм несказанно возмутил Хельву.

— Если же ты, Хельва, продлишь старый контракт, в наших силах смягчить некоторые условия, которые окажутся слишком жесткими для такого прекрасно зарекомендовавшего себя сотрудника, как ты, — вставил Рейли.

— Только не надо на меня давить, шеф. Я еще не обдумала все стороны вопроса со своей позиции.

Это была неправда. Она уже приняла решение. И она заставит Рейли смягчить эти жесткие условия, до тех пор пока ОЗИРМ и КОМ не услышат, как все инструкции трещат по швам.

Да, Паролану удалось загнать ее в угол. И она готова поспорить на свою очередную премию, что он отлично предвидел, какое впечатление на нее произведет описание нового двигателя, представленное Бреслау. Этот интриган своего не упустит. Уж конечно, не кто иной, как он, усмотрел высшую справедливость в том, чтобы подчинить ей новую звезду после того, как взорвавшийся Равель погубил Дженнана. И он же подсказал Добриньону хитрый ход с искуплением вины. Ладно, она еще покажет этому эгоисту, этому коварному, самоуверенному, высокомерному выскочке, этому беженцу с тяжелой планеты... Хельва резко оборвала мысленный поток обвинений и в упор взглянула на Паролана.

Его лицо превратилось в застывшую маску отчаяния и усталости. В поникшей фигуре ничего не напоминало того ловкого махинатора, который взял ее на пушку, притворившись, что выходит из игры, когда она еще даже не началась. И почему-то не было злорадного торжества в его рассеянном взгляде, обращенном к ее пилону. А ведь он должен знать, что одержал победу. Неужели, убедившись, что она попалась на крючок, он пожалел о своих происках? Да, вид у него такой, будто он сожалеет о чем-то несбывшемся в далеком и невеселом прошлом.

Нашла время сочувствовать Найалу Паролану. Лучше вот о чем подумай: ты нужна им позарез, и этим необходимо воспользоваться.

— Полагаю, вероятностная кривая мне благоприятствует? — спросила она, нарушив общее молчание.

Рейли кивнул.

— Как я уже упоминал, — торопливо заговорил Добриньон, — ты лучше, чем кто-либо другой, сможешь опознать иммигрантов, если в их корвиканских обличьях сохранились хоть какие-то следы прежних личностей.

— Вы в этом сомневаетесь?

Добриньон пожал плечами.

— Разве можно предсказать глубину переноса, когда речь идет

о совершенно чуждой структуре и психологии? Как человек, я предпочел бы думать, что какие-то остатки человеческого все же уцелели. Однако я рекомендовал бы сделать первый контакт как можно более кратким. Я имею в виду, — поправился он, — если ты согласишься на этот полет. Мы ни при каких обстоятельствах не стали бы просить тебя рисковать собой для того, чтобы разыскать нашу четверку.

— Главная цель полета — получить у корвиков результаты анализа данных нашего ЦВ, — заговорил Бреслау. Он взглядом попросил извинения у Добриньона, и тот пожал плечами, признавая его первенство.

Вот, голубчики, вы у меня и попались!

— Я была бы чрезвычайно заинтересована получить этот двигатель, если это действительно возможно, — заявила Хельва. Но почему, во имя всего святого, Паролан решил уйти в кусты? Неужели они что-то скрывают?

— Что только подтверждает мою веру в тебя, — жизнерадостно воскликнул Рейли, снова становясь самим собой.

— Только вам придется принять кое-какие мои условия, иначе я не вижу смысла продолжать наше обсуждение.

— Ты всегда была достаточно разумна, и у меня есть реальные полномочия, чтобы сделать тебе некоторые послабления.

— Сначала выслушайте мои условия, Рейли, а уж потом раздавайте авансы, — сухо сказали Хельва. — Я не собираюсь заложить свою душу лет этак на двадцать пять, чтобы выплачивать пятьсот тысяч кредитов, основываясь лишь на том предложении, что корвики проверят наш ЦВ, а я избавлюсь от застарелых душевных травм.

Если ЦВ двигатель окажется бесперспективным, продление контракта должно быть признано недействительным. Вы можете присобачить к моему корпусу любые модификации, я оплачу стоимость нового покрытия, а уж остальное вам придется списать на экспериментальные расходы. Так-то.

Рейли и Бреслау торопливо обменялись мнениями, и шеф неохотно уступил.

— Согласен.

— Во-вторых, я сама буду судить о целесообразности контакта с иммигрантами на Корви, и это не должно повлечь штрафа в случае невыполнения всех этапов запланированного полета.

— По-моему, Добриньон достаточно ясно изложил все, что касается этого момента.

— В-третьих, вопрос о телесном партнере...

— Ты убедительно доказала, что гораздо лучше справишься без партнера, — перебил ее Рейли, демонстрируя полную заботу и внимание. Из горла Паролана вырвался какой-то нечленораздельный возглас. — Вы хотели что-то сказать, инспектор?

— *Разрешите мне закончить, — вкрадчиво попросила* Хельва. — Паролан, как никто другой, в курсе моих неоднократных требований — я имею в виду постоянного напарника. Я не люблю работать в одиночку. Просто ненавижу.

— Да, это было бы крайне нежелательно, — вставил обеспокоенный Добриньон.

— И я не соглашусь на это задание, если у меня не будет «тела», которое я выберу сама, — заявила она, повысив голос.

— Я полностью за, Рейли. Перенос сознания на Корви сопряжен с сильнейшей эмоциональной реакцией. Мы с Пароланом твердо уверены... — Добриньон бросил взгляд на инспектора в надежде получить подтверждение и, не встретив никакого отклика, торопливо продолжал: — ...что Хельва обязательно должна иметь поддержку в лице сильного, решительного партнера, который сможет смягчить возможную психологическую травму.

— Мы можем положить конец нашей дискуссии прямо сейчас, Рейли, если мои требования не будут удовлетворены. Хотя ваши эксперты сошлись на том, что они вполне разумны.

Рейли неохотно согласился, но улыбка его угасла.

— Вот и отлично. Состояние моих дел тоже зависит от успеха нового двигателя. Вы поставили мне свое условие — пятьсот тысяч кредитов. Я его принимаю. Получив ЦВ, использующий весь потенциал р-двигателя, я смогу почти мгновенно преодолевать любые расстояния. И буду работать на вас, как проклятая. В связи с этим я считаю, что прежний уровень зарплаты и премиальных не соответствует моим новым возможностям.

Рейли начал было многословно возражать, высказав предположение, что названная Бреслау сумма в пятьсот тысяч кредитов несколько завышена, но его самого эта цифра явно устраивала.

— Это неприкрытый грабеж, — перебила его Хельва. — Кстати, может быть, вы считаете, что я сама должна оплачивать все дорогостоящие усовершенствования, которые могут порекомендовать корвики? Это тоже необходимо оговорить, как и обслуживание совершенно нового источника энергии. Нет, Рейли, я уверена, что и КОМ, и ОЗИРМ согласятся со мной: старый порядок оплаты должен быть пересмотрен в сторону увеличения, чтобы компенсировать мою возросшую эффективность.

Ей не будет равных по скорости во всей галактике, — заметил Бреслау.

Что-то я не пойму, Бреслау, вы-то на чьей стороне?

В данном вопросе на стороне Хельвы, — бесстрашно ответил инженер.

– Я прошу всего лишь разумной тридцатипроцентной прибавки — по-моему, это не так уж много для столь безотказного сотрудника Центральных Миров? И я уверена, вы что-нибудь придумаете, чтобы вернуть свои денежки с лихвой, если, конечно, я правильно понимаю ваши принципы.

– И каковы же мои принципы? — Рейли стремительно обернулся и пристально взглянул на Паролана.

— Но Паролан руководит своим сектором, основываясь на ваших приказах, — ответила Хельва, — и учитывая насущные требования момента.

И сразу же пожалела о своих словах. Теперь уход Паролана неизбежен, и все это понимают. Ведь он, а вовсе не шеф затеял этот проект. Причем искуснейшим образом обставил дело так, чтобы у нее не осталось никаких шансов отклонить предложение. Но она никак не могла взять в толк, что с ним происходит. Он начисто выпал из разговора и не участвовал в обсуждении, целиком уйдя в какие-то личные переживания.

Она его жалела. Жалела и ненавидела. Ненавидела и желала. И она его почти заполучила. Пусть она не может его победить, зато может сделать своим союзником.

— Так как, Рейли, вы согласны на мои условия? Выбор за вами.

Добриньон с Бреслау принялись горячо убеждать шефа, но Хельва, даже прежде чем услышала отрывистый рык Рейли, возвестивший о согласии, уже знала: другого выхода у него просто нет.

Надо отдать шефу должное, он умел проигрывать с достоинством. Введя все поправки в базовый компьютер и подтвердив их официальный статус, он долго стоял, опустив голову и глядя на пульт управления. А когда обернулся, лицо его было совершенно бесстрастно.

— Что ж, Хельва, меня предупреждали, что торговаться ты умеешь. — Он покосился на Паролана. — Вот уж никогда не думал, что мозговой корабль может меня переспорить. Но ты была чертовски права, — добавил он, сверкнув глазами, — когда сказала, что я заставлю тебя вкалывать как проклятую, пока ты состоишь на службе у Центральных Миров.

— Вполне справедливо.

— Теперь Бреслау отправит тебя в ангар для установки ПВ двигателя. И пока корвики его не проверят, все остальное оборудование пусть остается стандартным. Да, это все входит в пятьсот тысяч. А у Добриньона есть целый ворох данных анализа психологической травмы, полученной на Бете Корви, которые тебе необходимо ввести в свой банк.

— Это не только моя заслуга, но и Паролана, — сказал Добриньон, снова пытаясь втянуть безмолвствующего инспектора в разговор. — Он сделал несколько весьма проницательных наблюдений из расшифровки психотестов других участников полета, которые помогли моим людям сформулировать те предварительные выводы, которые мы пока смогли сделать.

— Да-да, Паролан был очень полезен, — буркнул Рейли. — Итак, нам осталось только обсудить кандидатуру подходящего «тела». В настоящее время...

— Постойте, — перебила его Хельва. — Разве я недостаточно ясно дала вам понять, что соглашусь на полет к Бете Корви только с тем партнером, которого выберу сама? Останется ли он со мной после Беты Корви, значения не имеет.

Рейли повернулся к ней, взгляд его выражал настороженность.

— Да, мы это уже согласовали. Но ведь ты сказала, что хочешь постоянного напарника.

— Хочу. Но на Бету Корви я не полечу, если вместе со мной не полетит Паролан.

Она не стала слушать ни бурных протестов Рейли, ни изумленных возгласов и поздравлений Бреслау и Добриньона. Ее взгляд, ее мысли, все ее существо были прикованы к Найалу.

Он резко обернулся, глаза его безошибочно нашли то место на пилоне, за которым находилось ее лицо.

— Нашла время шутить, Хельва.

— Я нисколько не шучу, мальчик мой.

— Клянусь Всевышним, Паролан, Хельва просто гений! — с восторгом воскликнул Добриньон, хлопая инспектора по напряженной спине. — Здорово она вас раскусила!

— Вот-вот, — сухо и холодно заметил Рейли. — А вы, помнится, всегда хвастались, что можете провести любого в нашей конторе. — И если в выборе Хельвы не было и намека на злорадство, то в резком выпаде Рейли оно прозвучало вполне ощутимо. — Вам, инспектор, пойдет только на пользу проветриться в полевых условиях.

— Я думаю, Хельва сможет решить проблему неустойчивости

гравитации, которая подвела наш испытательный корабль, — заверил Паролана Бреслау, — а для дополнительной страховки у нас всегда есть амортизирующая сетка.

Они быстро собрались и ушли. Остался один Найал Паролан. Вид у него был расстроенный и какой-то оцепеневший — словом, он реагировал совсем не так, как могла ожидать Хельва.

— Наверное, Хельва, ты все-таки пошутила, — произнес он наконец, и голос его предательски дрогнул, несмотря на явные попытки овладеть собой.

— С какой стати? Вы знаете все, что положено знать «телам», лучше, чем кто бы то ни было в нашей конторе. И все, что касается корвиков, тоже изучили вдоль и поперек. И наверняка разобрались в уравнениях Бреслау, прежде чем...

— Еще бы, — с горечью воскликнул он, и все его самообладание как рукой сняло. — Неужели ты думаешь, что я мог втянуть тебя в то, что сам не проверил от начала и до конца? Но знай: именно я затеял весь этот фарс. Я, а не Рейли! Это я его уговорил. И Бреслау с Добриньоном тоже. Потому что знал: только так можно поймать тебя на крючок.

— Это ясно, как божий день!

— И я не оставил тебе никаких шансов. Потому что знал, на какую из твоих кнопок нажать и в какой момент. И я добился своего, прости меня Господи!

— Спору нет — вы самый бессовестный инспектор во всей нашей конторе, — согласилась она, противопоставляя его едкому самобичеванию безмятежный юмор. — И то, что вы мне только что подстроили, — грязная и гнусная ловушка.

— Ты можешь хоть раз выслушать меня, безмозглая жестяная ведьма? Можешь понять, что я с тобой сделал? Ведь я вынудил тебя остаться на службе!

— Нет, я сама решила остаться. Но на своих условиях.

Найал смотрел на нее безумными глазами. На лице его боролись противоречивые чувства. С него разом слетела вся бравада и самоуверенность. До него только сейчас дошло, что она действительно обвела его вокруг пальца, и самолюбие его получило ощутимый удар.

— На твоих условиях? Теперь понятно... Вот еще один прекрасный пример торжества космической справедливости, — бросил он и хрипло расхохотался над чем-то понятным только ему одному.

Почему бы вам, Найал, не поделиться этой шуткой со

мной? Я тоже охотно повеселюсь, даже если придется смеяться над собой.

В его глазах застыли слезы, он выпрямился, как от удара, прижав стиснутые кулаки к бокам.

— Ну так слушай. Я, Найал Паролан, подстроил все это, потому что не смог допустить, чтобы ты ушла из Центральных Миров. Именно так. Да, я подсовывал тебе самые выгодные задания, чтобы ты могла поскорее расплатиться. А когда этот день настал, понял, что не смогу вынести такой перспективы, и заварил всю эту хитрую дерьмовую кашу, чтобы тебя удержать. И только когда увидел, что ты реагируешь именно так, как я рассчитывал, понял: я воспользовался своим положением ради самого гнусного дела в длинной череде хитрых, коварных, гнусных махинаций. Но я знал, что уже не могу остановить механизм, который сам же запустил. Я даже не мог найти способ вытащить тебя из этого дерьма. А ты, Хельва, ты выбрала меня своим «телом»! — Его смех звучал как крик о помощи.

– *И не изменю своего выбора, — решительно произнесла она.* Нужно как-то остановить этот ужасающий смех! — И мною руководит такой же эгоизм, который двигал и вами, когда вы хотели оставить меня на службе. К тому же мне будет как-то спокойнее, если вы станете моим «телом», а не инспектором. В конце концов, что мне еще делать, как не служить Центральным Мирам? — сказала она уже мягче. — А вы помогли мне остаться на моих условиях, потому что они распрекрасно знают: я единственный корабль, который справится с этим заданием. И вы, Найал Паролан, нужны мне как напарник, потому что вы чертовски умны, изобретательны, беспринципны и требовательны. Потому что вы знаете, как со мной обращаться, на какие кнопки нажимать. Конечно, ростом и наружностью вы не бог весть что, но на этом я уже обожглась. И я верю, что вы вытащите меня отовсюду... даже с Беты Корви.

— Веришь... мне? — с трудом выдавил он. Тело его тряслось от нечеловеческого напряжения. – Да ты соображаешь, что говоришь, безмозглая, несуразная идиотка, недоразвитая романтическая жестяная дуреха? Ты веришь — мне? Неужели ты не понимаешь, что я знаю о тебе все до последней мелочи? Я даже сделал хромосомное экстраполирование и теперь знаю, как ты выглядишь? Знаю, какие отключающие слоги заколированы в твою панель не далее как семь дней назад! Она мне верит! Да я последний человек из тех, кому ты можешь верить. И ты выбрала меня своим «телом»! Боже милостивый...

Это открытие потрясло Хельву до глубины души. Так, значит, у Паролана возникло к ней телесное влечение? Она не знала, что делать — благодарить небеса или выть от ярости. В душе ее боролись восторг и ужас. Нет, она знает, что ей делать. Еще ничего не потеряно. Подсознательное стремление «тела» увидеть лицо своего «мозгового» партнера — явление не столь уж редкое, когда между напарниками возникает глубокая эмоциональная привязанность. Обычно оно неосуществимо из-за невозможности открыть смотровую панель. Но если Найал знает секретный код...

Она должна избавить его от этого наваждения так или иначе...

— Вот почему, Хельва, я не могу быть твоим «телом», — упавшим голосом проговорил Найал. — Только прошу тебя, не надо дурацких песен о том, что это обычное для «тел» наваждение, что оно пройдет. Я знаю отключающие слоги. И однажды малыш Найал может не выдержать. Мне придется открыть этот гроб, в который они тебя замуровали. Взглянуть на твое прекрасное лицо, коснуться ангельской улыбки и обнять тебя...

Он подходил все ближе, шаг за шагом преодолевая чудовищное сопротивление, пока не приник всем телом к ее пилону, вжавшись щекой в неподатливый металл. Пальцы побелели от усилий проникнуть за разделяющую их титановую поверхность. Вот рука его медленно скользнула к смотровой панели. А на лице застыло спокойное, отрешенное, почти счастливое выражение, глаза были закрыты, как будто он уже держал ее в объятиях.

— Тогда скажи эти слоги! — затрепетав от страсти, крикнула она. — Сними панель, открой капсулу, загляни мне в глаза, прижми к груди мое уродливое тело. Я лучше умру в твоих объятиях, чем навеки останусь нетронутой девственницей — без тебя!

Он вскрикнул и отпрянул, будто обжегшись о холодный металл. Лицо исказила страшная гримаса.

— Вот видишь, Найал, ты этого не сделал — значит, не сделаешь никогда, — тихо и нежно проговорила она, стараясь справиться с неожиданно нахлынувшим желанием, которое грозило свести ее с ума.

— Боже мой, Хельва, нет, нет!

Он повернулся и бросился к шлюзу. Рванул рычаг двери. Выскочил из лифта, не дожидаясь остановки. И исчез в главном здании.

«Теперь мне остается только ждать, — с тоской думала Хельва. — Он должен принять решение сам. Должен сам захотеть вернуться, после того как убедится, что может доверять себе. Моя

безоглядная вера в него ничего не значит. Ведь именно от него зависят все наши планы, замыслы, свершения.

Ну почему я не захлопнула перед ним двери шлюза? Почему не заставила его остаться, пока он не поймет, что все уже прошло, что опасность навсегда миновала? Почему не воспользовалась моментом, когда с него слетела вся бравада — ведь уже никогда он не будет так открыт, незащищен — ни от меня, ни от себя самого. И он это поймет, как только придет в себя.

Вероятно, он скоро вернется — заносчивый, беспечный, весь напор и самоуверенность. Если привязанность зашла так далеко, он непременно вернется. Просто не может не вернуться. Хотя... Найал Паролан сможет все. Если решит, что так нужно. Он такой. Он сумеет оправдать любой вероломный, коварный, беспринципный замысел, который сам же состряпал, а потом выкинуть его из головы, как только тот сослужит свою службу. Но поставьте его в такую ситуацию, которая затронет его душу, взовет к его глубоко запрятанным и бдительно охраняемым лучшим чувствам, — и Найал Паролан сможет сделать благородный жест, проявить несвойственный ему акт самопожертвования. И до конца жизни обречь их обоих на несчастье!

Может быть, вызвать Рейли? Он примет безотлагательные меры. Но какие? Найал укрылся в главном здании. Ему необходимо все обдумать, взвесить и принять решение. И я искренне надеюсь, что он решит вернуться. И потом, после всего того, что они устроили Рейли, лучше его лишний раз не раздражать. Особенно по поводу Паролана».

И Хельва продолжала ждать, открыв шлюз, опустив лифт.

Он назвал ее красивой. Когда он успел сделать экстраполяцию ее хромосомной структуры? Это должно было стоить ему целого состояния. Перед ее полетом на Бету Корви? Или во время происшествия на Бореалисе? Господи, неужели он видел ее медицинскую карту? Нет, это оттолкнуло бы такого поклонника женской красоты, как он. Она усмехнулась своим мыслям. — Неужели он нашел ее юной и желанной? Конечно, ошеломляющие сексуальные подвиги, на которые он так прозрачно намекал, могли быть обычной болтовней. С другой стороны, мужчины, которых судьба обделила статью, зачастую могут похвастаться другими весьма завидными качествами. И аппетитами им под стать. Но он сказал, что ее лицо прекрасно. И пусть это всего лишь искусственная экстраполяция, все равно услышать такое приятно. Он не из тех, кто легко бросается такими словами. Раз он так сказал, значит, она действительно красива.

Мысль о собственной красоте льстила и одновременно лишала покоя. Капсульников специально программировали, чтобы они не задумывались о своей внешности, и заботились о том, чтобы они никогда не видели своих изображений. Это тоже принадлежало к разряду особо секретных сведений. Но, по-видимому, для того, кто настроен решительно, нет ни секретов, ни святынь. Найалу удалось узнать новый отключающий код, известный только шефу Рейли, и вдобавок, в качестве дополнительной предосторожности, под гипнозом запечатленный в его памяти.

Значит, она прекрасна — так сказал Найал. Но где же он?

Люди умирали, и черви их сжирали,
Но не от любви.

Она усмехнулась этим страшным строкам, так неожиданно пришедшим ей на память. Тем не менее ничто на свете не заставляло людей так отчаянно рисковать, как красота, особенно красота недосягаемая.

Ради обладания легендарной Еленой пала Троя. Ради прекрасных драгоценностей люди ставили на карту жизнь, свободу, веру. Ради красоты истины они шли на костер. Ради красоты принципа орды приверженцев самых разных религий жертвовали жизнью.

Но она не хочет, чтобы Найал погиб ради нее — неважно, красива она или нет. Он нужен ей живым, за пультом управления!

Включился канал связи.

— Слушаю!

— Какой милый прием, — проговорил чей-то знакомый голос.

Это не Найал. Волна облегчения набежала и отхлынула.

— Кто это?

— Дорогуша, ты меня обижаешь.

— Ах, это ты, Броули. Я... просто я ждала другого вызова. Но я всегда рада услышать твой голос. — Было бы неразумно ссориться с городским капсульником, тем более с Броули, и особенно сейчас. Ей может потребоваться его помощь.

— У тебя был такой радостный голос! Я искренне надеюсь, что тот, чьего вызова ты ждешь, мне не соперник.

— Соперник?

— Вот именно. — В его голосе прозвучала резкая нотка, и Хельва мгновенно насторожилась. Броули не стал бы так любезничать, не будь ему что-то нужно. — Насколько я понимаю, — голос его обрел прежнюю вкрадчивость, — ты расплатилась с долгами.

— Ты всегда все узнаешь первым.

— И ты еще ни с кем не договорилась?

— Мне очень жаль, Броули, но я продлила контракт с Центральными Мирами.

— Продлила контракт? С Центральными Мирами? — Голос Броули перешел в возмущенный шепот. — А я-то всегда считал тебя умницей. Но почему, ради всех печатных плат, ты пошла на такую невозможную, вопиющую, безобразную глупость? Неужели ты не понимаешь, что четверо промышленников и две планеты уже выстроились в очередь, готовые отдать десятидневную прибыль, лишь бы заключить полугодовой контракт с кораблем МТ? Что на тебя нашло? Я поражен до глубины души. Пожалуй, мне нужно срочно проверить уровень кислотности. Своей глупостью ты меня просто ошарашила. У меня нет слов!

Почему-то, выслушав гневную отповедь Броули, она воспрянула духом. Этот алчный, корыстный, пронырливый городской сплетник только укрепил ее в принятом решении. Пусть шестеро соискателей готовы перегрызть друг другу глотки, лишь бы добиться ее согласия, она совершенно уверена, что не хочет с ними связываться, какие бы заманчивые контракты они ей ни сулили. С ними неприятностей не оберешься. Несмотря на все свои недостатки. Центральные Миры все же заботятся о благе всей Федерации, а не об усилении влияния какой-то одной звездной системы или алчной монополии.

— Чтобы у Броули не было слов? — кокетливо усмехнулась Хельва. — Никогда не поверю.

— Ведь это Паролан заманил тебя в ловушку? — напрямик спросил Броули. Хельва представила, как его проницательный мозг, сложив все обрывки подслушанных сплетен и личных наблюдений, пришел к этому очевидному выводу. Но что он действительно знает, а о чем только догадывается? Ей было известно, что Броули очень гордился своим умением предугадывать события. Именно эта способность помогла ему стать чрезвычайно талантливым городским менеджером. Благодаря его неусыпным заботам обширная монополия Регула, сложный разветвленный организм, обслуживающий дюжину местных племен и огромное людское население, не знала ни транспортных пробок, ни производственных кризисов, ни нехватки материальных ресурсов. И он еще успевал бдительно следить за всеми слухами и скандалами. Он любил скандалы и утверждал, что от них молодеет, а слухи — так просто обожал и был сам не прочь ради собственного развлечения пустить какой-нибудь слушок.

— Ты же знаешь, Паролан — мой инспектор, — уклончиво от-

ветила она, — но мне удалось внести в наш контракт кое-какие изменения.

— Значит, ты хотя бы поторговалась?

— Конечно, и чтобы восстановить свою добрую репутацию в твоих глазах, могу добавить: если они не удовлетворят мои требования, продление контракта будет считаться недействительным.

— Ну, слава богу, у меня просто от сердца отлегло. Не соблаговолишь ли ты назвать свои условия?

— Что, Броули, заело?

— Помилуй, Хельва, я всегда пекусь о твоих интересах. Ты стала моей любимицей с тех самых пор, как твой напарник разделал под орех пятерых флотских забияк только за то, что они упражнялись в остроумии по поводу твоего пения.

В этом весь Броули — ему обязательно нужно было напомнить ей о Джеинане. Причем именно сейчас. Что ж, про условия он все равно рано или поздно пронюхает, так лучше она расскажет ему сама, чтобы сохранить его доброе отношение.

— ЦВ-двигатель! — так и вскинулся он. — Ты что, Хельва, не в своем уме? Давай лучше, дорогуша, я сведу тебя со своими клиентами, — самодовольно изрек он.

— Что, разве ЦВ так опасен?

— Хельва, душенька, неужели ты думаешь, что они скажут тебе всю правду? Разве ты не знаешь, что случилось с испытательным судном?

— Мне сказали, что оно улетело на девять стандартных лет, но ты же прекрасно знаешь: все капсульники гораздо лучше приспособлены для управления сложной электронной аппаратурой, чем подвижные...

— Вот черт! — прервал ее Броули. — Вечно не дадут поговорить спокойно. Пока Хельва, но учти, что-то здесь нечисто.

Она была рада, что их разговор прервался. Ее уже начал утомлять цинизм Броули. Неужели, прослужив столько лет, сколько он, она тоже превратится в подозрительную брюзгу? Или станет такой же равнодушной, как Сильвия, навсегда утратив надежду, что где-то в будущем еще возможны мгновения, исполненные любви и красоты?

Где же Найал? Пора бы ему опомниться и собраться с мыслями. Сколько времени прошло, как он исчез... Должен же он понять, каким блестящим, полным, вдохновляющим может стать их союз! Хватит ему загибаться в конторе. Если они объединят свои усилия, то сумеют расплатиться за ЦВ еще до истечения срока контракта. И тогда независимость уже не будет ее пугать.

Если с ней будет Найал, ей никто не страшен. Вот только будет ли он с ней...

Она с надеждой взглянула наружу и удивилась — над базой Регул уже спустились ранние тропические сумерки. В главном корпусе погасли почти все окна, кроме дежурных служб да нескольких кабинетов. Она вспомнила, что, приземлившись, включила только лифтовую акустическую систему. Настроив остальные, она услышала приглушенный расстоянием металлический скрежет, доносившийся из ремонтных мастерских, и мерную поступь караула, марширующего вдоль фасада главного здания.

«Еще одна из архаических причуд нашей службы», — подумала Хельва. Ей было известно, что высокочувствительные датчики, установленные по периметру базы, могут засечь и при необходимости уничтожить даже ночного мотылька. И это случится куда раньше, чем часовой сможет обнаружить гораздо более видимого или слышимого нарушителя. И все же топот обходящего базу караула действовал успокаивающе. Она не чувствовала такого полного одиночества. Действительно, некоторые старые традиции совсем неплохи, если учесть, что их нечем заменить. Вроде... чертов Броули! И зачем только он вспомнил про Дженнана!

Но Броули может отыскать Найала. Только он непременно захочет знать подробности. И навряд ли ей посочувствует. Он придерживается мнения, что капсульники должны быть автономны и самодостаточны.

Раздался резкий сигнал вызова, и она поспешно ответила.

— Может быть, Паролан и не выжал из тебя все, что хотел, только он явно что-то празднует! — Броули так и источал яд. — А начал он с того, что устроил аварию, в которой пострадали пятнадцать машин на воздушной подушке и три транспортных экипажа. Снесено две радиомачты. Не знаю, как он уцелел, только ни на нем, ни на трех девицах, которые были с ним, нет ни царапины. К счастью, пассажиры других машин отделались легкими ушибами, но за столь безответственное поведение он оштрафован на тысячу кредитов. И он еще имел наглость смеяться! Не будь он инспектором космической службы со множеством связей, его бы наверняка отправили охладиться на несколько месяцев. А все ты. Я был бы счастлив, если бы ты передумала. Дьявол! Он отправился в «Последний барьер». Придется послать туда наряд. Если он думает, что ему сойдут два нарушения общественного порядка за одну ночь, то он глубоко ошибается. Я не допущу, чтобы Паролан своими безобразными выходками перебаламутил весь город!

Излив все свое возмущение, он отключился.

Неужели Паролан решил покончить с собой? Визит в «Последний барьер» она еще могла понять — это заведение славилось разнообразием и утонченностью предоставляемых услуг. На большинстве планет существовали такие салоны, особенно в городах при космопортах, и многие из «тел» были их завсегдатаями.

Было бы слишком больно раздумывать о том, чем он там занимается. Она снова пожалела, что капсульникам не дано забыться сном. Должен же и у них быть хоть какой-нибудь отдых от нескончаемых размышлений, убежище от мучительных дум...

Но непокорный разум безжалостно возвращал ее к мыслям о «Последнем барьере» и его недвусмысленной репутации.

— В двух семьях, равных знатностью и славой... — решительно продекламировала Хельва, и голос ее эхом прокатился по пустым каютам. Сможет ли солар Прейн, а ныне корвик, понять, как она благодарна ему за науку? — подумала она.

Включился канал связи, и она не удивилась, услышав визгливый голос Броули. Но в нем было не возмущение, а искреннее недоумение.

— Ты что, потребовала, чтобы Паролана уволили за то, что он загнал тебя в угол?

— Нет.

— Просто интересно. Не могу себе представить, что на него нашло. Его как будто подменили.

— Что он делает? — Вопрос вылетел прежде, чем Хельва успела подумать.

— Сначала он был в своем обычном репертуаре. Но потом, похоже, потерял остатки разума, которые сохранились у него после всего того, что он сегодня выпил. Мой наряд уже собирался его забрать, и вдруг он вызывает тамошнего ювелира и покупает всем девицам побрякушки — на долгую память, как он изволил выразиться. И отправляется домой. Один, что самое непостижимое. Послушай, ты никогда не угадаешь, что он сделал дальше.

— Конечно, нет, если ты мне не скажешь.

— Он приглашает скупщика и распродает всю обстановку, картины, коллекции, записи. А ведь это стоило ему целого состояния, и он не окупит даже половины. Он продал свою машину. А теперь разделывается с гардеробом.

Хельва постаралась не дать разгореться внезапной надежде, которая вспыхнула в ее душе при этом известии. Что это — символическое прощание с закрытой главой своей жизни? Но почему? Ведь Найал знает, что у каждого «тела» есть дом в одном из

портов. Зачем же он все продает? А вдруг... Нет, она даже думать не желает о такой возможности.

— Ведь ты наверняка знала бы, если бы они с Рейли снова поцапались? — спросил Броули.

— За весь вечер от Ценкома не было ни единого словечка.

— Если что-нибудь разузнаешь, не забудь о Броули, договорились?

— Конечно, Броули, не забуду.

Неужели девицы, пьянка, гульба в веселом доме и прощальные подарки — все это свидетельства расставания с холостяцкой жизнью?

«Цезарь и Клеопатра» заняли ее до рассвета, и вот уже в главный корпус деловито потянулись служащие.

Нетерпеливо пискнул сигнал срочного вызова, и из динамика загремел голос Рейли:

— Что, черт возьми, задумал твой Паролан? Какого дьявола он подал рапорт об отставке? Что за шутки, Хельва? Дай мне с ним поговорить! Немедленно!

— Его здесь нет.

— Нет? И где же он?

— Не знаю.

— Может быть, ты не знаешь и того, что Паролан испоганил мне все утро, оставив на моем столе заявление об отставке? Что он процитировал в нем параграф пятый подпункта Д? По-моему, он просто умом тронулся. Спятил. И если вы оба думаете, что можете выкинуть еще какой-нибудь номер после того представления, которое устроили вчера... — Неожиданно его гневная тирада иссякла. — Ну, хорошо, Хельва, — терпеливо заговорил он, — что произошло после того, как мы оставили вас наедине? Я-то думал, что все улажено. Ты сама выбрала Паролана, и вы на пару должны отлично справиться с полетом на Бету Корви. Так что же все-таки случилось?

— Партнерство невозможно без обоюдного согласия обеих сторон, — медленно и осторожно ответила Хельва.

Она уловила в голосе Рейли опасные намеки — невысказанную угрозу и ошеломляющее предположение, что они с Найалом, сговорившись заранее, разыграли все, как по нотам.

Так вот почему Найал решил уйти — он стремится хоть на шаг опередить Рейли, который, уж конечно, употребит всю свою власть, чтобы силком затащить его к ней на борт. Итак, Найал Паролан сделал свой выбор. Вот почему он продал все свое иму-

ществo: ему нужны деньги, чтобы убраться подальше с Регула, за пределы досягаемости Рейли.

Мысли путались, ей вдруг стало трудно думать логично. Но она должна сохранить голову ясной — ради Найала. Если он считает, что должен поступить именно так, она никому не позволит ему помешать.

— Мне известно это определение партнерства, — недовольно буркнул Рейли. — И что дальше, Хельва?

— Найалу такое партнерство оказалось не по душе.

— Послушай, Хельва, хватит пороть ерунду. Найал Паролан поступил в нашу контору двенадцать лет назад, когда обнаружил, что не вышел ростом, чтобы стать «телом». И с тех пор, как стал инспектором, он только и делает, что учит «тела», как жить, работать и ладить со своими партнерами. И ты хочешь меня убедить, что Найал Паролан, получив корабль, который сам выбрал его своим «телом», предпочел смыться? Вот что я тебе скажу, Х-834: или он отправится на Бету Корви, или проведет остаток дней в кандалах!

«В кандалах? — ошеломленно подумала Хельва. — Что это, еще один пережиток службы? Неужели Рейли всерьез считает, что сможет заковать Найала Паролана в кандалы?

Успокойся и раскинь мозгами. Скоро Рейли узнает, что Найал распродал все свои вещи. Тебе лучше подняться и...»

Ее мысли прервал резкий визг тормозов. Включив камеры, она обнаружила, что у ее подножия выстраивается целый отряд. Первый раунд за Рейли.

— Броули, — торопливо заговорила Хельва, как только ей удалось с ним связаться, — ты должен предупредить Паролана. Рейли собирается устроить облаву и жаждет крови.

— Ну да? — восхитился Броули. — Паролан направляется в космопорт. Он достал билет у перекупщика. Я только что об этом узнал.

— Когда отлет?

— В девять ноль-ноль, но...

— Предупреди Паролана, что Рейли задумал остановить его любой ценой. Он выстроил вокруг меня оцепление, так что я на приколе. Следующим местом, на которое он обратит внимание, будет космопорт.

— Да что ты, Хельва! Ведь Паролан состоит на службе...

— Уже не состоит. Ты понял? Потому-то Рейли и хочет удержать его на Регуле.

— Но если Паролан официально подал в отставку, Рейли не властен ему препятствовать.

— Не будь таким наивным, Броули! Наш контракт с Рейли потеряет силу, если Паролан не полетит со мной на Бету Корви.

— Тогда Рейли непременно постарается его задержать, — согласился Броули, и тут до него дошел смысл сказанного Хельвой. — Так ты пыталась заманить Паролана себе в напарники? — Он шумно задышал, как вытащенная из воды рыба, — это заменяло ему смех.

«Слава богу, не обиделся, что я утаила от него такую лакомую новость», — подумала Хельва.

— Дорогуша, ты просто чудо! А он невероятный болван. Он никогда не сможет отказаться от разгульной холостяцкой жизни и стать затворником, как положено «телу»... Хотя кто его знает! Ведь отослал же он девиц нынче ночью.

— Послушай, Броули. Немедленно предупреди Найала, что Рейли готов снять с него шкуру ради этого контракта.

— Успокойся, дорогуша. Ведь если Паролан не объявится, контракт утратит силу?

— Да.

— И тогда ты снова станешь свободной и сможешь выслушать моих клиентов?

Она предвидела это предложение и сразу согласилась.

— Учти, Хельва, Рейли — опасный противник.

— Без Паролана он ничего не сможет со мной сделать. А если попробует, я вызову КОМ и ОЗИРМ.

— Нашла защиту, — презрительно фыркнул Броули.

— Они могут помочь в таких делах, как это.

— Но мои клиенты будут иметь предпочтение?

— Я ведь уже согласилась, правда? А теперь поторопись, предупреди Паролана. И сразу забудь, где ты его нашел.

— Он едет общественным транспортом, только нужно вспомнить, каким номером. Думаешь, у меня без него мало забот в городе? — захихикал Броули и отключился.

«Стать затворником», — так выразился Броули. Но Найат сказал, что она прекрасна. И было такое желание в его голосе, во всем его жилистом теле, прижатом к разделяющей их металлической преграде. Он так хотел взглянуть на нее, обнять...

На память ей пришла та долгая ночь, которую он провел с ней, после того как она вернулась с Беты Корви. Должно быть, он уже тогда был одержим влечением к ней. Именно поэтому и предложил ей занять пустое тело Керлы. Какой же нужно было быть ду-

рой, чтобы не понять, что скрывалось за этим немыслимым предложением!

Ее тело, лишенное всех телесных способностей и населенное вполне человеческой душой. И тело Керлы — плоть, юная, прекрасная, желанная и... бездушная.

А ведь она могла бы стать для него доступной, осязаемой, могла вкусить вместе с ним этот блаженный дар сама...

Может быть... если бы только тело Керлы стало совсем ничьим.

Нет! Она решительно отбросила эти пустые мысли. Броули сдержит слово. Предупредит Найала. А уж остальное зависит от него самого. Она уверена: он сумеет оставаться на свободе достаточно долго, чтобы Рейли успел остыть. Денег у него много, а безопасность всегда можно купить.

Однако Броули прав: Рейли — опасный противник. Но и корабль МТ не сдвинешь с места вопреки его желанию. Если даже Рейли удастся поймать Найала, она не впустит его на борт. Ей не нужен партнер-невольник.

Невольник? Да, и в этом все дело. Что за ирония судьбы — первый человек, которого она захотела видеть своим «телом» после смерти Дженнана, ей отказал. Мы, капсульники, оторвались от жизни. Мы забыли, что не все мечтают разделить нашу участь.

Но ведь Найал хотел стать «телом»! А когда не прошел по физическим параметрам, сумел дослужиться до инспектора, руководящего целым сектором кораблей МТ. А потом ему встретилась она — застенчивая, скрытная и упрямая — и заставила бросить все, чего он достиг: положение, престиж, богатство.

— Броули!

— Ну что?

— Ты его предупредил?

— Я же, кажется, обещал. И выполнил свое обещание. А от себя добавил парочку ласковых слов по поводу его поведения и советов на случай будущих осложнений.

«Господи, — чуть не застонала она. — Только этого не хватало — читать Найалу нотации в его душевном состоянии...»

— Где он теперь?

— Чего не знаю, того не знаю.

— Должны же у тебя быть какие-то предположения?

— Пока нет, но как только возникнут, тебе я сообщу в первую очередь. А ты, дорогуша, проверь-ка свой уровень кислотности! — с этим ехидным советом Броули дал отбой.

Нужно во что бы то ни стало связаться с Найалом Пароланом. Она будет работать с другим напарником — пусть он только оста-

нется ее инспектором. Нельзя допустить, чтобы из-за нее он пожертвовал всем.

Хельва тревожно выглянула наружу. Вокруг сновали машины, Рейли устроил целую облаву. Без помощи Броули ей Найала ни за что не найти.

Постойте, есть еще один способ достичь желаемого результата. Совершенно очевидно, что цель Рейли — осуществить проект полета на Бету Корви. Отлично, значит...

Не успела она выйти на связь, как ее вызвал главный корпус. Рейли строгим официальным тоном велел ей включить телеэкран. На нем появился сам шеф, который, откинувшись на спинку кресла, сидел за заваленным бумагами столом и глядел в пустоту перед собой. На заднем плане испуганно застыл адъютант. В кабинете были еще двое: старший, с печальным озабоченным лицом, был облачен в зеленую с золотом форму ОЗИРМ. Второй, помоложе, держался свободно и непринужденно, беззаботно покачивая ногой в изящном ботинке. Его проницательные глаза глядели уклончиво.

— Капитан Амайкинг из ОЗИРМ и м-р Рокко из КОМ явились ко мне по поводу жалобы, поступившей от твоего имени, Х-834. — Голос шефа не сулил ничего хорошего, как, впрочем, и выражение его лица.

— Да, Хельва, человек, который к нам обратился, заявил, что плата за последнее задание дала тебе возможность полностью погасить долги, — ловко вставил Рокко, как будто не замечая, что Рейли не закончил свою тираду.

— Не все федеральные кредиты еще получены, — ответила Хельва, решив, что будет более дипломатично играть в открытую, особенно если это поможет смягчить Рейли.

— Кредиты уже пришли, — начал Рейли, — но...

— Значит, финансовые обязательства, связывающие Х-834, выполнены? — вкрадчиво осведомился Амайкинг.

— Да, но тем не менее...

— И, следовательно, отряды военнослужащих, так заботливо окружившие посадочную платформу, где находится Хельва, призваны защитить ее от назойливости независимых соискателей? — спросил Рокко.

Сжав губы в едва заметную линию, Рейли пронзил представителя КОМа ледяным взглядом.

— В противном случае это очень похоже на средство морального давления: ведь Хельва не сможет покинуть территорию базы, если она того пожелает, не обратив ваших солдат в пепел.

А вы отлично знаете, что корабль МТ так поступить не может. Их необходимо отвести. И немедленно.

— Но это космическая база, м-р Рокко...

— Повторяю: немедленно, или мы с капитаном Амайкингом будем вынуждены заподозрить, что это акт принуждения. — Агент КОМа любезно улыбнулся, но в голосе его прозвучала сталь.

Рейли рявкнул на адъютанта, и тот бросился к пульту связи. И почти сразу охрана начала расходиться.

— Ну что, Хельва, они ушли?

— Да, м-р Рокко. Только учтите, что я продлила контракт с Центральными Мирами.

— Мне это известно, — заметил Рокко, повернувшись к ней, и глаза его лукаво блеснули. — Именно это обстоятельство делает эту охрану совершенно излишней. Однако я также слышал, что одно из условий продления контракта, на котором ты особо настаивала, в настоящее время не может быть выполнено по не зависящим от тебя обстоятельствам. Следовательно, контракт утрачивает силу...

— Контракт не утратит силу, пока Центральные Миры не заявят о невозможности выполнить это условие! — заявил Рейли и, дабы придать своим словам большую весомость, грохнул кулаком по столу.

— Здесь не о чем заявлять, — не менее веско возразил Рокко. — И так все ясно. Ведь ты, Хельва, выбрала своим напарником Найала Парблана, не так ли?

— Да, но...

— Но он уволился со службы и таким образом вышел из игры.

— Найал Паролан будет на борту Х-834 еще до захода солнца! — взревел Рейли и, поднявшись из-за стола, оглядел всех с высоты своего роста. — Это условие будет выполнено, и контракт вступит в силу.

— Но только в том случае, если вы сможете найти Найала Паролана, — уточнил Рокко.

— Господа, это просто смешно, — сказала Хельва, повысив голос, чтобы ее услышали. — Да, я хотела, чтобы Найал Паролан стал моим партнером. И мне жаль, что он не смог пойти мне навстречу. Я глубоко сожалею, что он счел необходимым покинуть службу, чтобы подчеркнуть свое несогласие. Но я никогда не стану навязывать ему свое общество, если оно представляется ему столь обременительным, тем более его преследовать. Я готова обсудить кандидатуру другого напарника.

— Ах ты, встреная, двуличная, умственно отсталая жестяная мученица! — загремел из коридора хриплый голос. — Ты готова обсудить кандидатуру другого напарника?

У распахнутого люка, ведущего в машинный отсек, стоял Найал Паролан — рваный рабочий комбинезон весь в грязи, сердитое чумазое лицо исцарапано.

— Не пытайся меня обмануть, Хельва. Это Паролан! — взревел с экрана Рейли.

— Да, шеф, это он, по первой с ним поговорю я, — крикнула Хельва. Она отключила связь, захлопнула шлюз и окружила корпус звуконепроницаемым полем, чтобы исключить подслушивание. Нужно наконец поставить все точки над «i», и она намерена сделать это прямо сейчас.

— Ты хочешь знать, почему я решила обсудить кандидатуру другого напарника? А какой еще выход ты мне оставил — ты, подлый, распутный, маленький выпивоха! Как я еще могла заставить Рейли отменить облаву и дать тебе свободу?

— Свободу? И ты еще говоришь о свободе? Стоило мне оставить тебя без присмотра, как ты уже готова снова продаться в рабство! Из всех тупых, полоумных, близоруких, идиотски глупых...

— Это я глупая? — Хельва задохнулась от ярости и обиды. — Взгляни лучше на себя — ты продал все, что заработал за семь лет каторжного труда, и только потому, что слишком обожаешь постельные забавы, чтобы согласиться на один-единственный рейс со мной! Ты заставил меня во второй раз за два дня продать свою душу...

— Рокко с Амайкингом уже здесь? Они должны были вытащить Рейли из постели, чтобы заставить его освободить тебя. Как только я узнал от этого чертова сплетника Броули, что меня разыскивают и... — Он замолчал, стиснул зубы и так гневно сверкнул глазами, что Хельва поняла: Броули вложил в свою проповедь изрядную порцию яда. — Рокко и Амайкинг сейчас у Рейли? — спросил он уже менее воинственно.

— Да, — ответила она ему в тон. Какое счастье, что он здесь, в безопасности, и можно говорить и ссориться, сколько душе угодно. — Ты бы лучше поскорее заготовил для Рейли правдоподобное объяснение — внизу уже собралась совсем нешуточная группа захвата. Не забывай: Рейли тоже знает мой отключающий код.

Это напоминание было излишним — Найал услышал лязг инструментов по корпусу.

— Дурочка! Ведь ты могла быть свободна, как птица, — про-

бормотал он, но в его словах было больше сожаления, чем злости.

— Только один полет на Бету Корви, Найал. Это все, что ему нужно.

Он рывком поднял голову.

— Не думай, что Рейли такой простак.

— Если ЦВ двигатель окажется хорош, то я от этого только выиграю. А если фикция, то я свободна и ты — тоже!

— Свободен? — тихо переспросил Найал, и на его измученном лице мелькнула странная усмешка. Он протянул руку и нежно провел ладонью по смотровой панели, чуткие пальцы отыскали невидимый шов, ведущий в ее обитель. — Я свободен не больше, чем ты, Хельва. Но, Бог свидетель, я сделал все, чтобы вытащить тебя из этого распроклятого контракта, который сам же и состряпал. Он с силой ударил кулаком по колонне, разбив руку в кровь.

— Ну, хватит, Паролан. Если мы не сможем выплатить пустяковый долг в пятьсот тысяч кредитов меньше чем за десять лет, значит, мы с тобой никуда не годная команда, чего я отнюдь не считаю.

Он уже занес кулак, чтобы ударить еще раз, и вдруг отступил, устремив на нее взгляд, полный удивления и надежды.

— А знаешь, ведь ты права. Абсолютно права.

— Еще бы. Но если ты хочешь получить отпущение грехов, то садись же, к чертовой матери, на связь, и уговори Рейли отозвать группу захвата.

Он бросился к пульту, чтобы включить телесвязь, забыв, что Хельва может сделать это куда быстрее.

— Рейли! Что здесь, черт возьми, происходит? Что за дела — стоит оставить свой корабль на базе, и вот тебе на: в твое отсутствие его подвергают каким-то мерзким унижениям! А я-то считал, что этот дерьмовый полет на Бету Корви безумно срочный! Где ваши вонючие спецы? Где модели, обещанные Бреслау? Мне срочно нужны данные Добриньона. Как, дьявол вас побери, мы сможем стартовать через пять дней, если вы не заставите ваших ленивых инженеров пошевеливаться?

— Паролан! — начал Рейли, видимо решив разом излить все накопившееся раздражение. — Вы арестованы. Вы оштрафованы. Вы...

— Вы что, забыли, шеф, что я уволился? — словно получив новый заряд энергии, заорал Паролан. — Так что у вас нет никакого права меня арестовать и штрафовать. Я свободный гражданин

Центральных Миров и в настоящее время выступаю как подвижный партнер Хельвы-834. Она заключила с вами контракт, в котором параграф шестой раздела первого гласит: она имеет право самостоятельно выбрать себе партнера, а именно некоего Найала Паролана. Но там ни слова не сказано относительно должности и статуса вышеупомянутого Найала Паролана. И если вы полагаете, что можете из этого что-то высосать, то знайте: на моем заявлении об отставке проштамповано время до получения федеральных кредитов. То есть раньше, чем вступило в силу продление контракта. Так что если вы хотите втянуть корабль в судебную тяжбу «кто кого», то валяйте. А если хотите, чтобы он поднялся со своей дорогостоящей задницы и отправился на Бету Корви проверять ваш драгоценный новый двигатель, то лучше начинайте шевелиться!

«Да, — подумала Хельва. — я должна была догадаться, что Паролан не станет объясняться и заискивать. Наверное, такой дерзкий напор — единственный способ привести Рейли в чувство». Ей было искренне жаль адъютанта, который, остолбенев от ужаса, застыл рядом с шефом. Она была рада — и за него, и за себя с Найалом, — что Рокко и Амайкинг еще не ушли. И не сомневалась, что Найал воспользовался их присутствием, чтобы заставить Рейли признать столь нелицеприятно изложенные факты.

И шефу придется их признать. У него нет ни выбора, ни выхода — во всяком случае перед лицом представителей могущественных организаций, ссориться с которыми ему нет резона.

— Это тебе придется шевелиться, Паролан, — наконец выдавил Рейли. — И вкалывать так, как еще не вкалывала ни одна команда.

— Само собой.

— И однажды... — прохрипел Рейли, — однажды ты, Паролан, обдуришь сам себя!

— Мне нужны не пророчества, шеф, а модели и магнитные пленки. Приятно было с вами повидаться, Рокко, и с вами, капитан. Конец связи.

Экран погас, и когда Найал обернулся к Хельве, на лице его было незнакомое, беззащитное выражение.

— А ведь он бы отдал свою пенсию, только бы узнать, что со мной это уже случилось, правда, Хельва? — проговорил он тихо и виновато. И тут же широко улыбнулся. И взгляд его — гордый, любящий, искрящийся жизнью и юмором, заставил ее сердце подпрыгнуть от радости.

Вот они и пережили этот кризис, пережили вместе. Теперь для

них нет ничего невозможного. Между ними существует такое взаимопонимание, какого не было у нее даже с Дженнаном. Они знают все достоинства друг друга и все слабые места. Впереди их ждет небо в алмазах, постоянное стремление к новым победам и свершениям.

Хельва замерла: ей хотелось продлить этот миг. Мгновения столь чистого счастья так редки, так недолговечны...

И как будто подтверждая это, запищал сигнал Ценкома.

— Это вы, м-р Паролан, то есть Х... я хотел сказать НХ-834? — заикаясь, проговорил смущенный голос.

— Паролан слушает, — ответил он, не отводя глаз от ее пилона, зная, что она сама включит микрофон.

— Сэр, мы не можем воспользоваться лифтом, чтобы доставить вам то, что вы просили, потому что...

Дав отбой, Хельва сняла звуконепроницаемое поле, спустила лифт и открыла дверь шлюза.

— Черт возьми, ну и видок же у меня — ты только посмотри, как раз для командира! — ругнулся Найал, внезапно осознав, как выглядит и во что одет. — Я, пожалуй, был бы чище, если бы они притащили меня волоком. — Он направился к пилотской кабине, на ходу стаскивая с себя рваный, перепачканный комбинезон. — Хельва, закажи мне какую-нибудь одежонку у интенданта — он знает мой размер. Вели принести черный чемоданчик, я оставил его у семнадцатого поста. И еще: я закоротил датчики между семнадцатым и восемнадцатым.

Он продолжал отдавать указания, одновременно принимая душ, облачаясь в спешно доставленную форму, наскоро перекусывая на камбузе. Лифт и связь работали без передышки. В главной рубке появились дополнительные столы, на которых расположились макеты двигателя и отчеты, услужливо присланные Добриньоном. Найал послал за всеми записями, сделанными на корабле-разведчике. Казалось, он не знает усталости — а ведь он не ложился всю ночь и полдня провел в бегах. Нет, Рейли никогда не загонит Паролана так, как он может загнать сам себя... и ее в придачу.

— Эй, Хельва, — вдруг сказал Найал, выглянув в открытый шлюз, — включи-ка свет. Я почти ничего не вижу.

— Я и не знала, что уже так поздно, — проговорила она, всматриваясь в тропические сумерки.

И как раз в этот миг звонкий медный голос трубы с крыши главного корпуса возвестил об окончании дня. Конец дня... и одновременно реквием. Звучный протяжный напев поплыл над ог-

ромной базой, к дальнему кладбищу, скрытому в густой тени деревьев. Когда-то она слышала в нем только реквием. Но сегодня... «Каждый день умирает, — думала Хельва, — позволяя ночи, несущей мрак печали и забвенья, свершить свой путь и принести... новый день. И эта песня горна — простая и точная метафора начала и конца».

Кончен день,
Ночи тень
Скрыла звездным плащом небосвод голубой.
Все пройдет.
Отдыхай –
Бог с тобой.

Прощай, Дженнан. Здравствуй, Найал.

Вот последняя нота замерла в бездонном космосе... и в ее сердце, и она поймала взгляд Найала — чуткий, все понимающий.

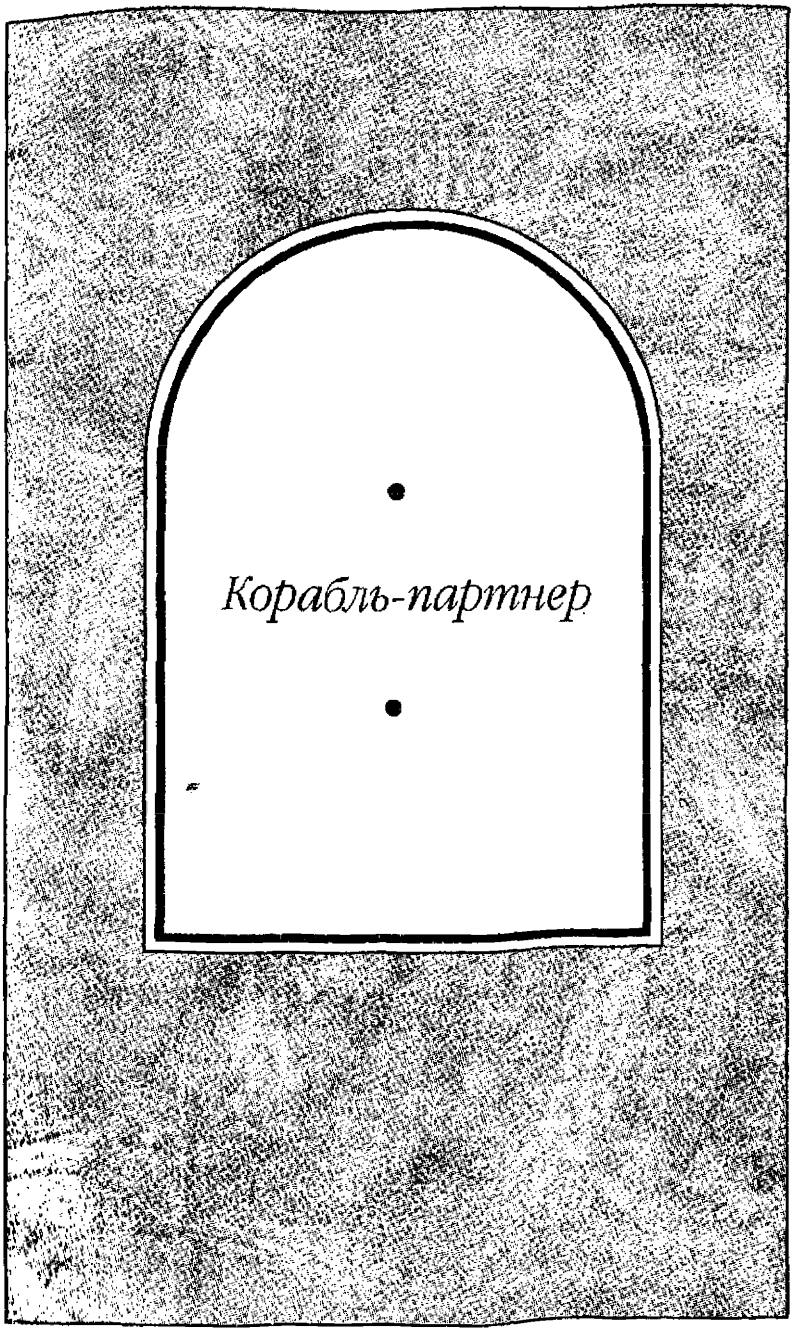
— Что за сентиментальная традиция для нашей современной службы, — пробормотала Хельва. — ...Трубить вечернюю зарю на закате.

— А ведь тебе это нравится, — сказал он внезапно охрипшим голосом. — Ты бы даже всплакнула, если бы могла.

— Да, — согласилась она. — Если бы могла.

— А знаешь, это даже хорошо, что я такой паршивец. Как-то уравновешивает твое нежное сердце, подруга, — проговорил он. — Прошу тебя, Хельва, оставайся такой всегда.

И эти слова прозвучали для нее как самая прекрасная песня.

Корабль-партнер

Глава 1

Для слуха обычного человека легкое потрескивание активированного динамика было почти неразличимо. Для Нансии, чьи сенсоры были настроены на этот сигнал, оно прозвучало трубным гласом. Она только что получила назначение, окончив школу, она была готова к службе — и опасалась, что не сможет продолжить семейные традиции высокого Служения. Ей оставалось только ждать.

«Он прибывает на борт», — подумала она за долю секунды, прошедшую до начала входящего вызова. А затем знакомый мрачный голос оператора третьей вахты Ценкома словно наждаком прошелся по ее сенсорам, и разочарование пробежало струйкой по синапсам. Нансия стояла на посадочной площадке, чувствуя себя тусклой и усталой. Она была уверена, что отец найдет время навестить ее, даже если ему не удалось поприсутствовать на церемонии выпуска ее класса из Лабораторной школы.

— Икс-Эн-935, когда вы будете готовы стартовать?

— Я отработала тестовые полетные схемы вчера, — ответила Нансия. Она тщательно следила за тем, чтобы голос звучал ровно, и проверяла каждый исходящий звук, чтобы даже намек на ее разочарование не проявился в верхних частотах. Ценком мог бы прекрасно связаться с ней напрямую, через электронную сеть, соединявшую корабельный компьютер со всеми прочими компьютерами в этом подпространстве. Корабельный же компьютер соединялся с мозгом Нансии, надежно укрытым внутри титановой капсулы, посредством хирургически вживленных синаптических связей. Однако для большинства операторов это было нормой этикета — обращаться к «мозговому» кораблю точно так же, как к любому другому человеческому существу. Электронные инструкции — это для контролируемых искусственным интеллектом беспилотников, занимавшихся большинством регулярных перевозок между Центральными Мирами.

Или, по крайней мере, так утверждали операторы. Про себя

Нансия думала, что их приверженность к голосовой связи была лишь способом избежать постыдного несоответствия между их ограниченной органами чувств коммуникационной системой и способностью «мозгового» корабля вести коммуникацию на нескольких каналах и выдавать отклик без малейшей задержки.

В любом случае для капсульников было равным моментом гордости продемонстрировать контроль над своим голосом и любыми другими внешними коммуникационными устройствами — то, что это возможно, почти двести лет назад доказала на деле Хельва. Нансия знала, что у нее самой нет этого тонкого чувства музыкального ритма и выразительности, благодаря которому Хельва стала известна по всей галактике как «Корабль, который пел». Но по крайней мере контролировать свой голос Нансия была способна; она сумела скрыть разочарование, услышав голос оператора Ценкома вместо прямой передачи от папы и поздравлений с получением назначения. Эту маску идеального профессионализма ей удалось поддерживать во время всего последовавшего за вызовом разговора о поставках, загрузке и точках сингулярности.

— Это короткий полет, — сказал ей оператор Ценкома и сделал небольшую паузу. — То есть *для вас* короткий. Для корабля с обычным ФТЛ-двигателем система Ньота йа Джаха — на другом конце галактики. К счастью, в неделе полета от Центра располагается точка сингулярности, которая перенесет вас в локальное пространство.

— У меня есть доступ к картам известных расщепленных пространств, — напомнила Нансия оператору, позволив нотке нетерпения проникнуть в звучание голоса.

— Да, и вы можете читать их в симулированном четырехмере, везунчики! — Голос Ценкома не выражал ни малейшего уныния — лишь смирение с налагаемыми телом ограничениями, из-за которых он вынужден был рыться в пухлых томах с графиками и картами, дабы подтвердить то, что и так высвечивалось перед взором Нансии, словно на внутреннем дисплее: последовательность трехмерных пространств, схлопывающихся и искажающихся около точки сингулярности, где локальное подпространство можно было определить как пересечение с подпространственным вектором Ньота йа Джаха. В этой точке Нансия могла произвести быстрое физическое расщепление и перестройку локальных пространств, проецируя себя и своих пассажиров из одного подпространства в другое. Теория расщепления пространства позволяла кораблям, подобным Нансии, или же

небольшому числу ИИ-беспилотников, оборудованных дорогостоящими метапроцессорами, сжать бóльшую часть долгого путешествия в несколько секунд, проведенных в сингулярности. Менее везучие корабли, лишенные метачипов или зависящие от медленной реакции пилотов-людей, у которых, в отличие от Нансии, не было прямой синаптической связи с компьютером, все еще вынуждены были путешествовать на те же расстояния в течение долгих недель или даже месяцев на обычном ФТЛ-двигателе. Огромные по объему одновременные расчеты, необходимые в сингулярности, были трудны даже для «мозговых» кораблей и невозможны для большинства обычных.

— Что вы можете сказать насчет пассажиров? — спросила Нансия. По прибытии на борт один из пассажиров, предположительно, должен иметь при себе инфокристалл, выданный Центром, с указанием места назначения и инструкциями для Нансии, но кто знает, сколько ей еще придется ждать, пока пассажиры не явятся? Ее даже еще не пригласили выбрать напарника, или, как их называли между собой капсульники, «тело»; это, несомненно, займет день или два. Кроме того, вызнавать у Ценкома информацию о назначении было лучше, чем томиться в ожидании визита семьи. Они, несомненно, должны прийти, чтобы повидаться с ней... не так ли? Во время обучения кто-нибудь из родных то и дело навещал ее — чаще всего это был отец, который отмечал, что на эти визиты выделяет много времени из своего плотного расписания работы. Но время от времени приезжали и сестра с братом, Джиневра и Фликс. Джиневра пореже, потому что колледж и только что начавшаяся карьера в администрации Планетарной Поддержки отнимали у нее все больше времени.

Однако никто из них не присутствовал на церемонии выпуска Нансии — никого из всего обширного и богатого Дома Перес-и-де Грас не было там, чтобы услышать весь длинный перечень наград, которые она завоевала за последний, трудный год своего обучения в качестве «мозгового» корабля.

«Этого недостаточно, — думала Нансия. — Я была всего лишь третьей в классе. Если бы я заняла первое место, если бы я получила премию «далет»...» Однако ничего хорошего из сожалений о прошлом не выйдет. Нансия знала, что Джиневра и Фликс выросли, что у них своя жизнь, что у папы очень напряженный график деловых и дипломатических встреч, который не оставляет ему времени на такие мелкие события, как школьная выпускная церемония. Это на самом деле не важно, что он не пришел на эту церемонию. Он наверняка выкроит время на личный визит до ее

отлета; именно так все и было рассчитано. И когда он появится, то застанет Нансию счастливой и занятой той работой, для которой она обучалась.

— Так что насчет пассажиров? — напомнила Нансия Ценкому.

— А, вы, вероятно, знаете о них больше, чем я, — со смехом отозвался оператор Ценкома. — Это люди скорее вашего сорта, нежели моего. Из Высших Семей, — пояснил он. — Я полагаю, недавние выпускники, направляющиеся к месту своей первой работы.

В любом случае это было хорошо. Нансия чувствовала себя несколько неуверенно при мысли о том, что в первом полете ей придется иметь дело с умудренными опытом дипломатами или военными высокого ранга. Будет очень приятно везти группу молодых людей, точно таких же, как она сама, — ну, не *точно* таких же, поправила себя Нансия с затаенным смешком. Они, должно быть, на несколько лет старше, возможно, им уже девятнадцать или двадцать, в то время как ей только шестнадцать. Всем известно, что мягкотелые настолько подвержены гормональным изменениям и сенсорным искажениям, что им требуется на несколько лет больше, чтобы завершить обучение. А пассажирами, естественно, будут мягкотелые, с ограниченной способностью восприятия и обработки информации. И все же они все вместе делают первые шаги на пути карьеры — это очень многое значит для ощущения общности.

Нансия отстраненно записывала дальнейшие указания Ценкома, размышляя о предстоящем приятном путешествии.

— До Ньота йа Джаха очень далеко, если лететь на ФТЛ-двигателе, — без всякой необходимости сообщил ей оператор. — Я полагаю, что кто-нибудь потянул за определенные струнки, чтобы получить корабль Курьерской службы. Но это нам вполне подходит, поскольку эта система находится в том же самом подпространстве, что и Вега, так что все в порядке.

Нансия смутно вспомнила: что-то касательно Веганского подпространства мелькало в новостях. Неисправность компьютера... Стоило ли забивать этим новостные лучи? Должно быть, было там что-то важное, но Нансия получила только первые биты новостей, прежде чем учитель отключил луч, строго сказав, что слушать такие неприятные новости нежелательно, поскольку для юных капсульников опасно расстраиваться из-за подобных вещей. О да, подумалось Нансии, теперь, когда она стала кораблем, она могла бы самостоятельно просканировать каналы и выловить то, что говорилось о событиях на Веге. Но сейчас она была куда

более заинтересована в том, чтобы узнать побольше о ее будущих пассажирах.

— Овертон-Глаксели, дель Парма-и-Поло, Амонтильядо-Перес-и-Мэдок, де Грас-Вальдхейм, Герца-Фонг, — зачитал оператор Ценкома список блистательных фамилий из числа Высших Семей. — Понимаете, что я имел в виду?

— Ну-у, да, — отозвалась Нансия. — Мы — младшая ветвь Амонтильядо-Перес-и-Мэдок, а де Грас-Вальдхеймы приходятся мне какой-то родней со стороны матери. Но вы забыли, Ценком, я сама не выросла непосредственно в этом окружении.

— Ну да, ваш посетитель, вероятно, сумеет рассказать вам все последние сплетни, — весело заявил оператор.

— Посетитель!

«Ну конечно, он прибыл повидать меня. Я ни на мгновение не сомневалась в этом».

— Запрос только что пришел — как раз когда я просматривал список пассажиров. Извините, я забыл переадресовать его вам. Имя посетителя: Перес-и-де Грас. Поскольку он член вашей семьи, то мне было сказано пропустить его прямо на поле. Он будет на стартовой площадке через минуту.

Нансия активировала внешние сенсоры и осознала, что уже почти ночь... не то чтобы темнота имела для нее какое-то значение, но ее инфракрасные сенсоры воспринимали только контур человеческой фигуры, приближающейся к кораблю; она не видела лица папы. А включать прожектор было бы грубостью. Да ладно, через минуту он все равно будет здесь. В молчаливом приветствии Нансия распахнула нижний люк.

В голосе оператора Ценкома вместо доброжелательного веселья теперь звучало раздражение.

— Икс-Эн, я спрашивал вас, можете ли вы стартовать через два часа. Ваш список продовольствия более чем адекватен для такого короткого путешествия, а эти избалованные сынки уже изнылись, что им приходится так долго ждать на базе.

— Через два часа? — переспросила Нансия. Значит, у нее не так-то много времени на то, чтобы принять гостя, — ладно, будем реалистами, это, вероятно, куда больше, чем может уделить на этот визит папа. — Вы в своем уме? Я еще даже не выбрала «тело»! — Она намеревалась в следующие несколько дней познакомиться со всеми имеющимися в наличии «телами», чтобы выбрать себе напарника. Процесс выбора не терпел поспешности, и Нансия определенно не собиралась отрывать от визита папы драгоценные минуты, чтобы выбрать «тело»!

— Вы, молодые корабли, что, совсем не слушаете новостные лучи? Я же сказал вам насчет Веги. Помните, что случилось с КЛ-740? Его пилот остался на родной планете — Веге-3.3.

— Какое кошмарное название для планеты, — прокомментировала Нансия. — Они что, не могли придумать более приятное имя?

— Веганцы... очень логичны, — пояснил Ценком. — По крайней мере, такими были поселенцы самой первой группы — те, что прибыли на Вегу еще до изобретения ФТЛ. Я полагаю, что за время пути, когда целые поколения рождались и умирали на борту корабля, их культура приняла весьма жесткую форму. Они не делают особых скидок на человеческие слабости, в особенности на такие мелочи — например, что название легче запомнить, чем строчку цифр.

— Для меня никакой разницы, — самодовольно отметила Нансия. Ее банки памяти могли хранить в закодированном виде любую необходимую ей информацию.

— Тогда вы должны хорошо поладить с веганцами, — сказал Ценком. — Как бы то ни было, этот пилот застрял в Веганском подпространстве, без корабля, и в пределах досягаемости нет ничего, кроме пары старых ФТЛ-беспилотников. Компания «Перевозки ОГ», по идее, должна была направить с Ньоты беспилотный корабль с мстачином, но мы, как всегда, не можем связаться с их менеджером. Так что остается либо тратить впустую несколько месяцев из срока службы Калеба, ожидая, пока он прибудет на ФТЛ-корабле, либо обеспечить ему наш собственный транспорт. Ты и есть этот транспорт. Ты можешь высадить своих пассажиров на планетах вокруг Ньота йа Джаха — я передам пакет данных после завершения нашего разговора, — а потом проследовать на Вегу-3.3, чтобы забрать свое первое «тело». Очень аккуратный расчет. Психозаписи показывают, что вы двое должны составить прекрасную команду.

— О, вот как? — произнесла Нансия. У нее было свое мнение относительно Психологического отделения Центра, а также относительно навязчивых тестов и анкет, которыми представители этого отделения донимали капсульников. И она не намеревалась позволить Центру лишить ее права выбирать «тело» самой только потому, что какой-то мягкотелый в белом халате решил, что может избрать для нее пилота, и потому, что она — вот ведь удобный случай! — оказалась свободна и могла оказать любезность пилоту, который уже лишился одного корабля. Нансия уже намеревалась одарить оператора Ценкома несколькими тщательно из-

грамными словами касательно данной ситуации, когда ощутила, что посетитель ступил на борт. Что ж, время для этого спора настанет попозже, она сможет обдумать все на обратном пути. Согласие доставить бывшее «тело» КР-899 обратно на Центральные Миры еще не означает согласия на постоянное партнерство, а когда она вернется из этого путешествия, у нее будет куча времени на то, чтобы выбрать себе новое «тело»... и сказать психологам, что они могут сделать с составленными ими персональными анкетами.

Тем временем гость проигнорировал открытую дверь лифта и вскарабкался по лестнице в центральную рубку; последние ступени он перешагивал по две разом — папа всегда старался поддерживать себя в хорошей форме. Нансия активировала одновременно сенсоры и динамики в лестничном пролете.

— Папа, как я рада, что...

Но оказалось, что посетитель вовсе не папа, а Фликс. По крайней мере по тому, что оказалось в поле зрения и не было скрыто за огромной корзиной с цветами и фруктами, Нансия сделала вывод, что это ее младший братец. Торчащие, словно иголки, рыжие пряди старомодного панковского гребня, длинное павлинье перо, свисающее с мочки правого уха, кончики пальцев, сплющенные от долгих часов игры на синткомме. Совершенно верно, брат пришел в гости.

— Привет, Фликс, — Нансия смогла поддерживать прежний уровень вокальных регистров, дабы скрыть разочарование, однако даже ради спасения жизни не смогла бы придумать, что еще сказать ему.

— Все в норме, — отозвался Фликс. Его голос слегка приглушенно доносился из-за груды каликстанских орхидей и оранжевых джубанских апельфрутов, грозившей рухнуть на него из переполненной корзины. Нансия как раз вовремя выдвинула полочку-поднос из встроенного шкафа, на уровне талии Фликса. Братец налетел на поднос, уронил на него корзину и шлепнулся на пол; судя по выражению лица, он был несколько удивлен. Два ярких апельфрута все-таки упали с верхушки горообразной композиции и покатились по направлению к командной консоли Нанси. Теперь стало видно, что под фруктами в корзине прячется бутылка «Искристого Хеорота».

— Я знаю, что ты скорее рада была бы видеть папу. Или Джиневру. Кого-то достойного той чести, которую ты завоевала для Дома Перес-и-де Грас. И ты этого тоже заслуживаешь, — добавил Фликс, после того как, не вставая с пола, ухватил упавшие

апельфруты. — Заслуживаешь духового оркестра, играющего марш, и красной ковровой дорожки вместо этой фигни. — Он потрепал свободной рукой мягкий ворс стандартного синтековра песчаного цвета — таким ковровым покрытием были выстланы все внутренние жилые помещения Нансии.

— Ты... ты действительно не думаешь, что я позорю наш Дом? — спросила Нансия. Она все еще гадала, не поэтому ли никто не пришел навестить ее после выпуска и получения назначения. Папа всегда, говоря о том, как она окончит школу, начинал со слов: «Когда ты получишь премию «далет»...» А Нансия эту премию не получила.

Фликс повернул голову к титановому пилону и одарил Нансию тем же самым недоверчивым, слегка пренебрежительным взглядом, каким он рассматривал бежевый синтековрик.

— Какая чушь! — вздохнул он. — Наша Нансия, единственная из семьи, с кем я еще могу разговаривать, единственная, кто не сокрушается долгими часами о том, что я играю на синткомме, вместо того чтобы делать Настоящую Карьеру... и вот оказывается, что у нее проблемы похуже, чем несколько неправильно функционирующих органов. Если бы тебя не заперли в капсулу с самого рождения, я заподозрил бы, что ты в младенчестве упала и ударилась головкой. Конечно же, ты являешься гордостью Дома, Нансия, а ты что думала? Третья в выпуске, первая по теории расщепления, к тому же завоевала столько всяких наград, что пришлось переписать всю церемонию выпуска, чтобы хватило времени на их перечисление...

— А откуда ты об этом знаешь? — прервала его Нансия.

Фликс отвел взгляд от пилона. Конечно, Нансия по-прежнему прекрасно видела выражение лица брата благодаря сенсорам, расположенным на уровне пола, однако напоминать ему об этом было бы невежливо. Фликс и так выглядел достаточно пристыженным.

— Ну, я заказал копию программы, — пробормотал он. — Хотел появиться там, раз уж я все равно оказался на Центральном, но... ну, я выступал с концертом во Дворце Наслаждений и встретил там двух девушек, и они научили меня, как смешивать ригелианский слим-сок с бенедиктином, чтобы получить офигенный шипучий коктейль, и... ну, я проснулся уже тогда, когда церемония выпуска почти закончилась.

Он еще несколько секунд пялился на ковер, затем лицо его просветлело.

— Но что мне еще нравится в тебе, Нансия, — ты единствен-

ная из моих родственников не станешь читать мне мораль насчет того, как я мог так низко пасть, чтобы играть на синткомме во Дворце Наслаждений. Конечно, я думаю, что ты и понятия не имеешь, что это за место. Но двоюродная бабушка Мендосия этого тоже не знает, однако это не мешает ей занудствовать.

Он поднялся на ноги и стал вытаскивать из корзины «приношения».

— Ну вот... поскольку я безнадежно застрял во Дворце Наслаждений, а Джиневра улетела куда-то на другой конец света расследовать обман в службе Планетарной Поддержки, а папа на собрании, то я и подумал, что нужно просто заявиться сюда, пока ты еще ждешь вылета, и устроить небольшую вечеринку на двоих.

— На каком собрании? — спросила Нанеия, прежде чем смогла остановить себя. — Где?

Фликс поднял удивленный взгляд от корзины

— А?

— Ты сказал, что папа был на собрании.

— Ну да, а разве это не все время так? Нет, я не знаю, где именно, это просто логическое предположение. Ты же знаешь, как плотно у него забито дневное расписание. Ты знаешь, я частенько гадал, — продолжал болтать Фликс, распаковывая корзинку, — каким образом мы трое появились на свет. Ну по крайней мере были зачаты. Как ты думаешь, может быть, он посылал маме напоминание? «Приходи, пожалуйста, в мой офис сегодня утром. Смогу поработать над тобой с десяти до десяти пятнадцати. Принеси простыни и подушку». — Вынув все из корзины, Фликс извлек с самого дна два тусклых, поцарапанных инфокристалла. — Вот! Я знаю, ты считаешь, что я эгоист и скотина, раз приволок шампанское и фрукты в гости к тому, кто не может ни есть, ни пить, но на самом деле я решил угодить на все вкусы. Это мои последние синткомпозиции — вот, я кладу их в твой считыватель. Это фоновая музыка для вечеринок, и ты во время путешествия сможешь проигрывать ее, чтобы развлечься.

Когда резкие, нестройные звуки последних экспериментальных синткомпозиций Фликса заполнили помещение, он извлек третий инфокристалл и улыбнулся. В отличие от первых двух кристаллов, уже изрядно истертых, этот был совершенно гладким, и промышленная лазерная нарезка на его поверхности отбрасывала радужные блики на стены рубки.

— А это...

— Позволь, я угадаю, — перебила его Нанеия. — Ты наконец-то нашел кого-то, кто согласился сделать коммерческую нарезку твоих синткомпозиций.

Улыбка Фликса заметно увяла.

— Ну... нет. Не совсем. Хотя, — добавил он, вновь приободрившись, — я действительно знаю одну девушку, которая знакома с парнем, который когда-то встречался с девчонкой, которая время от времени подрабатывает в офисе второго вице-президента «Саунд-студиоз», так что в недалеком будущем вполне есть такая перспектива. Но это кое-что совсем другое. Это, — почти с благоговением произнес брат, — новая, улучшенная, очень усложненная версия «Разбросанных», до середины следующего месяца она не появится в широком доступе, и я ни за что не скажу тебе, чего мне стоило ее заполучить.

Нансия ждала, когда он скажет, что же это за штука, но Фликс просто стоял, сияя улыбкой, словно ожидая *от нее* какой-то немедленной реакции на ее слова.

— Ну? — спросил он через несколько секунд. Рыжие «иголки» его гребня по краям начали никнуть.

— Извини, — призналась Нансия, — но я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Фликс горестно покачал головой.

— Ты никогда не слышала о «Разбросанных». И чему вас только учат в вашей школе? Нет, не говори мне. — Он протестующе вскинул руку. — Я знаю. Теории расщепления и подпространственной астронавигации, и дизайну метачипов, и еще куче вещей, от одного названия которых у меня болит голова. Но я думал, они позволяли вам хоть немного играть в разные игры.

— Мы играли, — ответила Нансия. — Этот пункт был в расписании. Два тридцатиминутных периода свободной игры ежедневно, чтобы улучшать координацию между синапсами и инструментами и развивать умение посылать импульсы. Да я играла в «Ангар» и в «Найди энергию» еще тогда, когда находилась в детской капсуле!

Фликс снова покачал головой.

— Я уверен, эти игры очень способствуют развитию. Ну а эта игра, — он ухмыльнулся, — абсолютно, на сто процентов точно не будет развивать твое мышление. И вообще Джиневра утверждала, что, играя в «Разбросанных», можно необратимо искалечить любые мозги!

— А это действительно так? — Нансия со щелчком закрыла слоты считывателя, когда Фликс направился к устройству. — Понимаешь, Фликс, я не уверена...

— Ну, ты сама вспомни нашу старшую сестрицу, — посоветовал Фликс с самой лучезарной из своих улыбок. — Давай, просто воспроизведи ее изображение, оставшееся с последнего визита.

Как ты считаешь, стоит хотя бы попробовать то, что она категорически не одобряет?

Нансия вывела на экран, заполнявший центральную стену рубки, изображение Джиневры в полный рост. Создавалось впечатление, что сестра стоит рядом с Фликсом. Идеально аккуратная, как обычно, от кромки темно-синей форменной юбки до гладких темных волос, подстриженных так, чтобы они ровно на четверть дюйма не доходили до накрахмаленного белого воротничка, Джиневра была воплощенным укором для любого неупорядоченного элемента во вселенной. Нансия не могла вспомнить, что именно вызвало этот отблеск разочарования в глазах Джиневры, что заставило сестру так плотно и укоризненно сжать губы в тот момент, когда был сделан снимок, однако сейчас могло показаться, что эти эмоции были направлены на стоящего перед экраном Фликса. Одна из рыжих прядей его «ирокеза» совсем упала под неодобрительным взглядом изображения.

Нансии стало жалко Фликса. Джиневра никогда не давала себе труда скрыть свое мнение относительно того, что их младший братец был никчемным бездельником и позором для всей семьи. Папа, как подозревала Нансия, во многом разделял это мнение. Для нее самой тяжесть неодобрения клана Перес-и-де Грас была бы сокрушительной. Разве она могла присоединиться к ним и порицать Фликса? Она слышала много историй о его диких выходках — иногда папе и Джиневре во время их коротких визитов, казалось, больше не о чем было и поговорить. Но для Нансии он оставался все тем же взъерошенным мальчишкой, который всякий раз, приходя навестить ее, кидался обнимать ее титановую капсулу, а на прощание долго махал рукой и обещал прийти еще — как будто она была для него настоящей старшей сестрой из плоти и крови и могла покачать его на колене или поиграть в мяч. А как он вопил от радости, когда она прокатила его по школьному треку для игры в «Найди энергию»!

И что плохого с ней случится, если она сыграет в принесенную им дурацкую игру?

— Тебе это понравится, Нансия, — с надеждой сказал Фликс, когда изображение Джиневры растворилось, оставив после себя только пустой экран. — Правда. Это лучшая версия, которую когда-либо выпускали «КосмоИгры». Там шестьдесят четыре уровня скрытых туннелей, и симулированное сингулярное пространство, и гологномы...

— *Гологномы?*

— Ты просто посмотри. — Фликс опустил блестящий инфо-

кристалл в ближайший слот считывателя — забавно, но Нансия не могла вспомнить, когда решила открыть этот слот, но все-таки, видимо, решила. Послышалось мягкое урчание — это содержимое кристалла считывалось в оперативную память компьютера, — а затем Фликс произнес: — Шестой уровень, голограмма!

Посреди рубки появился рыжебородый гном, размахивающий широким ятаганом, рукоять которого сверкала, отражая свет мириадами искр. Фликс припал на одно колено, когда ятаган гнома просвистел в воздухе там, где только что была голова парня. Перекатившись к контрольной панели, Фликс выкрикнул:

— Пространство десять, лазерная броня!

Вокруг него невероятным образом изогнулись лучи света, сплетясь в детали брони. Гном пригнулся и вонзил ятаган в зазор между медленно уплотняющимися формами из света...

И исчез. Точно так же, как лучи света.

Фликс поднялся на ноги и горестно пробурчал:

— Ты выключила игру! А я уже выигрывал!

— Хм-м... Мне кажется, я не совсем готова к гологномам, — извиняющимся тоном ответила Нансия. — У меня автоматически идет такая реакция, когда я вижу, как кто-нибудь нападает на дорогих мне людей.

Фликс кивнул.

— Прости. Я думаю, надо вводить тебя в курс дела постепенно. Хочешь, начнем с первого уровня, там нет голограмм?

— Это звучит уже... лучше.

И это действительно было лучше. И через несколько раундов Нансия поняла, что ей действительно нравится эта глупая игра, хотя ей все еще было трудно находить в правилах хоть какой-то смысл.

— И что мне нужно делать с лазерным посохом?

— Он поможет тебе подниматься вверх в гравитационном колодце.

— Полная ерунда. Лазеры не имеют к гравитации никакого отношения.

— Нансия, это же *игра*! И обязательно вызнай у симургифа разгадки Трех Тороидальных Тайн, они тебе пригодятся, когда ты дойдешь до троллиного моста...

Пока Фликс рассказывал ей о побочных «квэстах»[1] игры, Нансия проверила свои ресурсы и обнаружила, что игровая программа занимает очень мало места в компьютерной памяти. Не пре-

[1] К в э с т (*англ.* Quest) — задача, цель или путешествие, предпринимаемое для достижения цели. Стандартный игровой термин.

рывая процесса игры, она вполне смогла просканировать переданные Ценкомом данные касательно будущих пассажиров. Одновременно она активировала улучшенный графический режим и вывела на три огромных экрана — каждый из них занимал полностью одну из стен рубки — изображения текущего уровня игры и игровые иконки-пиктограммы персонажей, которыми управляли она и Фликс. Фликс, как ни забавно, оказался «мозговым» кораблем, пробирающимся через воображаемый астероидный пояс в поисках Волшебных Колец Далина. Нансия предпочла избрать себе образ Троллеубийцы — длинноногого и длиннорукого исследователя, отважно пробирающегося по гравитационным колодцам и горным цепям с лазерным посохом в руке и бластерами за спиной.

— Нансия, ты пока не можешь убить этого тролля!

— Почему?

— Потому что он сидит в засаде за скалами. Я его могу увидеть, а ты — нет.

— Я могу. Я могу видеть *всё* в этой игре. В данный момент это часть моей оперативной памяти, не забыл?

— Ну ладно, но твой персонаж не может. Он просто человек, и у него нет многомерного видения. И еще — ты видишь этот мигающий синий цвет? Программа предупреждает тебя, что он умрет от переохлаждения, если ты как можно скорее не увелешь его в какое-нибудь убежище.

— А почему бы ему просто не увеличить подкачку... ох! Я совсем забыла: вы, мягкотелые, очень ограничены в способности распределять топливо. — Нансия продвинулась вперед и взмахнула лазерным посохом, убивая тролля, а потом и трех его сородичей, после чего послала игровую пиктограмму под троллиный снежный мост. За тремя потайными дверями, по другую сторону лабиринта, находилась прекрасная теплая пещера — теперь уже необитаемая, — где Троллеубийца мог отдохнуть и заправиться.

— Нансия, ты жульничаешь! — заявил Фликс. — Как ты могла так быстро найти это место, не сделав ни одной ошибки?

— А как я могла его не найти? Игровые карты тоже находятся в моей памяти, помнишь? Все, что мне нужно, — это посмотреть.

— Ну, ты можешь не смотреть? Чтобы играть честно?

— Нет, не могу, — ответила Нансия тоном, который должен был отрезать всякую возможность дальнейшей дискуссии. Закрыть для своего сознания часть памяти корабельного компьютера? За всю свою жизнь хуже этого была только частичная анестезия, которая требовалась на то время, пока специалисты подклю-

чали ее синапсы к кораблю. Не было ничего — абсолютно ничего — более ненавистного для капсулыпика, чем утрата связи. Фликс должен был это понимать без лишних слов.

— Просто закрой ненадолго этот узел памяти, — настаивал Фликс.

Он никогда не умел вовремя остановиться. А сама мысль о том, чтобы закрыть один из своих узлов, заставляла Нансию чувствовать себя настолько неуютно, что она не желала даже обсуждать это с братом.

— Слушай, ты, мягкотелый, мне придется отключить почти все свои узлы, чтобы опуститься до твоего вычислительного уровня!

— Ах вот как? Выходи наружу и скажи это еще раз!

— Ну конечно, я выйду. Я выйду в космос, доставлю тебя прямо к точке сингулярности и предоставлю самому находить выход из расщепления.

— А-а, снова прибегаешь к грубой силе! Это нечестно! — Фликс возмущенно уставился в экран. — Две старших сестры, и обе все время меня подавляют!

— Нам приходится делать это, чтобы хоть как-нибудь удержать тебя в рамках... — Нансия резко выключила голосовую передачу. Входящий вызов с Центрального!

— Икс-Эй? Передача послания из Ригелианского подпространства.

Короткая пауза, затем на центральном экране напротив пилона Нансии появилось изображение отца. На левом экране иконка фликсовского «мозгового» корабля вращалась, летя по бесконечной, бессмысленной петле среди сверкающих звезд глубокого космоса; на правом Троллеубийца застыл с поднятой ногой — он как раз собрался переступить через порог потайной пещеры. А между ними стоял, улыбаясь Нансии, усталый мужчина в консервативном сине-зеленом деловом костюме.

— Извини, что не смог прибыть на твою выпускную церемонию, дорогая Нансия. Эта встреча на Ригеле-4 жизненно важна для поддержания экономики Центральных Миров на запланированном уровне в течение ближайших шестнадцати периодов. Знаю, ты меня поймешь. Поздравляю тебя со всеми наградами! У меня не было времени подробно вчитаться в программу, но я уверен, что ты, как обычно, не посрамишь чести Дома Перес-и-де Грас. И я думаю, тебе понравится твое первое назначение. Для тебя это будет шансом познакомиться с некоторыми из юных представителей Высших Семей — очень подходящий старт

для той, что будет гордостью нашей собственной семьи и Курьерской Службы... Да? Что такое? — Он повернулся куда-то влево, так что казалось, будто он говорит с замершим изображением Гроллеубийцы. — Партикулярный советник? Хорошо, пригласите его пройти. Мне нужно поговорить с ним до следующего заседания.

Взгляд отца снова обратился на Нансию.

— Полагаю, ты все слышала и поняла, Нансия. Извини, мне нужно идти. Удачи тебе!

— Папа, подожди... — начала было Нансия, но экран уже опустел — на несколько мгновений. Потом на нем вновь появилось изображение снежного моста и троллей, и Нансия услышала голос оператора Центкома:

— Извините, Икс-Эн. Это была заранее сделанная запись. Больше там ничего нет. А ваши пассажиры уже готовы подняться на борт.

— Спасибо, Центральный. — К своему ужасу, Нансия обнаружила, что полностью потеряла контроль над своими голосовыми каналами: дрожащие обертоны, окружавшие ее речь, делали ее эмоциональное состояние слишком очевидным. «Перес-и-де Грас не плачут». А «мозговой» корабль и не может плакать. К тому же Нансия была хорошо натренирована подавлять подобные недостойные проявления эмоций, которым так подвержены мягкотелые. Но все равно, ей совершенно не хотелось сейчас говорить с кем бы то ни было.

Фликс словно бы ощутил ее настроение: он молча уложил обратно в корзину фрукты и бутылку с шампанским, а потом погладил пилон Нансии, как будто думал, что она может почувствовать тепло его руки. И на какой-то миг Нансии показалось, что она действительно чувствует это тепло.

— Мне сейчас лучше будет уйти, — промолвил Фликс. — Мы ведь не можем допустить, чтобы «мозговой» корабль из семьи Перес-и-де Грас застали за тем, что она *тоскует* накануне первого своего выхода в рейс?

На трапе он помедлил.

— Знаешь, Нансия, нет никаких правил, по которым ты обязана приветствовать пассажиров сразу же, как они ступят на борт. Пусть сами найдут свои каюты и распакуют вещички. У вас еще будет целая куча времени на то, чтобы познакомиться и поболтать.

А потом он ушел, и оранжевое пятно его «прокеза» растворилось в темноте, и только мелодичное насвистывание какое-то

время звучало в ночном воздухе. А несколько минут спустя по расположенным на уровне земли сенсорам Нансии ударил яркий свет фар портового транспорта. Из машины вывалилась компания молодых людей; они смеялись и разговаривали все одновременно и забрызгали блестящую внешнюю оболочку Нансии какой-то жидкостью. Сенсором, расположенным на стабилизаторе, Нансия увидела на боку похожий на след улитки потек чего-то вязкого и зеленого. Юноша выругался и закричал:

— Эй, Альфа, нам тут нужно налить еще «стизумруда»!

— Ты что, не можешь подождать, пока мы зайдем внутрь? — отозвалась высокая темнокожая девушка. Черты ее лица были четкими и правильными, словно у изображения на античной камее. Но сейчас красоту девушки портило сердитое и недовольное выражение лица. Тем не менее, когда светловолосый парень оглянулся на нее через плечо, она одарила его лучезарной улыбкой, однако Нансия ни на секунду не заблуждалась относительно искренности этой улыбки.

Новоприбывшие продолжали болтать — и пить эту липкую зеленую дрянь, — набившись все разом в шлюзовой лифт и даже не спросив разрешения подняться на борт. Что ж, ведь Нансия сама оставила люк открытым после ухода Фликса: возможно, они расценили это как безмолвное приглашение. А еще Нансия слыхала, что мягкотелые — весьма часто — не соблюдают формальностей, наподобие тех официальных приветствий и взаимных представлений, которыми принято обмениваться в Курьерской Службе и в других областях разветвленной бюрократии Центральных Миров. Нансия решила пока что не воспринимать это как оскорбление — ведь и она сама еще не готова была представиться этой незнакомой компании.

Пока они добирались из шлюза до центральной рубки, Нансия забавлялась, сопоставляя облик каждого из них с теми именами, которые сообщил ей Ценком. Невысокий рыжеволосый парень с лицом дружелюбной горгульи напоминал Фликса — цветом волос и той мимолетной, но ослепительной улыбкой, которая манила девушек подобно тому, как наживка манит рыб на крючок. Должно быть, это один из тех двоих, кто связан с семейством Нансии родственными узами.

— Блэйз! — окликнула парня темнокожая девушка. — Блэйз, я не могу это открыть.

Она протянула ему пластиковую бутылку, полную мерцающей зеленой жидкости, и Нансия вздрогнула от неприятного предчувствия, когда рыжеволосый содрал с бутылки полоску, запеча-

тывающую крышку. В его коротких пальцах таилось немало силы. Однако ни капли напитка не пролилось на новенькое, официально-стандартное бежевое покрытие пола — по крайней мере *пока* не пролилось.

— Вот, Альфа, — сказал парень, отдавая бутылку обратно, и Нансия совместила их лица с именами и описаниями, переданными по связи. Рыжеволосый парень — это наверняка Блэйз Амонтильядо-Перес-и-Мэдок, из семейства, стоящего так высоко, что они едва соглашаются признавать свое родство с Перес-и-де Грасами. И по каким-то загадочным причинам в качестве первого своего назначения Блэйз получил место в службе Планетарной Технической Поддержки на удаленной планете Ангалия. Ему предстояло быть практически единственным представителем этой службы на планете. Нансия скорее ожидала бы, что выходец из семьи с трехчастной фамилией начнет карьеру поближе к вершине государственного аппарата Центральных Миров, какой бы департамент он ни избрал. Что же касается темнокожей принцессы, чье лицо было бы прекрасно, если бы не выражение вечного недовольства, то она, скорее всего, носит имя Альфа бинт Герца-Фонг. Краткая сводка, полученная от Ценкома, гласила, что Альфа родом с теплой, полупустынной планеты Такла, что ее исследовательская медицинская программа была оценена весьма высоко, — но в сводке не было ни намека на то, почему девушка посреди обучения взяла отпуск на пять лет и отправилась на Бахати работать в Саммерлендской клинике.

Пока молодые люди передавали бутылку «стизумруда» по кругу, Нансия по оброненным ими репликам идентифицировала троих оставшихся, но сама не сделала даже попытки представиться. Толстоватый парень с копной чересчур длинных каштановых кудрей, обрамляющих красное лицо, был Дарнелл Оверton-Гласселли, направляющийся на Бахати, чтобы принять руководство «Перевозками ОГ» у своего родственника, который заправлял бизнесом, пока Дарнелл не достиг совершеннолетия. Вторая девушка, стройная черноволосая красавица, видимо, носила имя Фасса дель Парма-и-Поло, а ее тонкокостное сложение и чуть раскосые глаза свидетельствовали о происхождении от Хэна Пармы. Клан дель Парма-и-Поло контролировал все крупное космическое строительство в этом подпространстве, и, похоже, они посылали эту хрупкую статуэтку затем, чтобы утвердить права семейства также и в подпространстве Веги. Нансия предположила, что девушка, вероятно, была сильнее, чем можно судить по внешнему виду. По крайней мере она оказалась единст-

венной, кто отказался пить «стизумруд», когда бутылка пошла по кругу, — и это было добрым знаком.

А последний... Нансия всеми сенсорами впитывала великолепие Полиона де Грас-Вальдхейма, своего родича, которого она никогда ранее не встречала. От аккуратно подстриженных золотистых волос, венчающих безукоризненной формы голову, до сверкающих черных ботинок, положенных по уставу, он был истинным образцом выпускника Космической Академии. Спина прямая, но не напряженная, глаза отслеживают любое движение каждого из его товарищей: даже в этот момент всеобщего веселья от него исходило ощущение опасной настороженности. Как и Нансия, он только что окончил учебное заведение и получил патент. И, как Нансия же, он стоял довольно высоко в списке выпускников, но первым не был. По техническим дисциплинам он получил высший балл, как было сказано в сводке, однако в общем зачете был лишь вторым из-за неожиданно низкой отметки по офицерской подготовке — что бы это ни было.

Первый раз просканировав данные — во время игры с Фликсом, — Нансия с нетерпением стала ждать встречи с кузеном Полионом. Ей казалось, что у нее с ним — единственным из этой группы пассажиров — много общего. Оба представители Высших Семей, оба прошли обучение ради того, чтобы посвятить жизнь службе Центральным Мирам, оба следуют к месту своего первого назначения — они, конечно же, должны сразу ощутить родство. Однако теперь Нансия почувствовала странное нежелание представляться Полиону. Он был таким напряженным, таким настороженным, как будто расценивал группу своих сотоварищей как потенциально опасных врагов.

И к тому же, напомнила себе Нансия, он единолично осушил две трети недавно открытой бутылки «стизумруда», да еще Центр знает сколько до прибытия на борт. Нет, сейчас было совершенно не ко времени знакомиться и говорить Полиону об их родстве. Нужно еще подождать.

— Эй, ребята, посмотрите, кто нас встречает! — прервал болтовню Блэйз. Он смотрел мимо титанового пилона Нансии на тройной панорамный экран: после того как Фликс ушел так неожиданно, Нансия забыла отключить картины из «Разбросанных». Визуальные сенсоры, скрытые между экранами, показали, как озарилось чистой радостью веснушчатое лицо Блэйза.

Рыжий парень медленно двинулся через рубку, пока не добрался до пустого пилотского кресла, в котором, по идее, должен был сидеть человек — «тело» Нансии.

— Это, — благоговейно сказал Блэйз, — выглядит как самый лучший и самый большой вариант игры в «Разбросанных», который я когда-либо видел. С такой игрой две недели пролетят как один миг.

Контрольные каналы игры все еще оставались открытыми, и когда Блэйз идентифицировался и взял под управление иконку «мозгового» корабля, Нансия позволила основной игровой программе изменить распределение пространства игры по экранам, так что виртуальный астероидный пояс наполз на мир Троллеубийцы. Сверкание звезд на графическом дисплее привлекло внимание остальных пассажиров, и они начали заглядывать через плечо Блэйзу, а потом один за другим, отпуская смущенные реплики, тоже втянулись в игру.

— Ну, это круче, чем смотреть, как банда чокнутых в клинике накачивается лекарствами, — пробормотала Альфа, занимая кресло рядом с Блэйзом.

Нансия едва успела оправиться от потрясения, вызванного этой жестокой репликой, когда Дарнелл тоже присоединился к игре.

— Мне нужно скопировать графический дизайн этой программы, и пусть кто-нибудь потом установит ее на беспилотники «Перевозок ОГ», — заявил он, анимируя Троллеубийцу. — Кто-нибудь знает, как взломать защитный код?

— Я, — отозвался Полион де Грас-Вальдхейм, — могу взломать любую защитную компьютерную систему, когда-либо установленную. — *Он бросил на Дарнелла загадочный взгляд.* — Если это будет достойно того...

«О, вот как, правда? — подумала Нансия. — Ну, это мы еще посмотрим». Пиратское копирование игр было не таким уж тяжким преступлением, однако у офицера, только что вышедшего из стен Космической Академии, понимание того, что хорошо, а что плохо, должно быть развито куда сильнее, чем у простолюдина, не получившего воспитания в одной из Высших Семей, а образования — в элитной академии. Нансия почувствовала, что теперь она еще менее склонна представиться своему красавчику-кузену.

Полион обернулся и одарил Фассу дель Парма-и-Поло, все еще стоящую у дверей, сверкающей улыбкой.

— А теперь ты, малышка, можешь сделать что-нибудь, достойное моих усилий.

Фасса скользнула к игровой контрольной панели змеиным движением, привлекшим внимание как Блэйза и Дарнелла, так и Полиона.

— Забудь об этом, желтоголовый, — произнесла она голосом настолько же сладким, насколько слова ее были ядовитыми. — Второстепенному офицеришке из Академии, получившему пост на тюремной планете, нечем меня заинтересовать. Я приберегу это до тех пор, пока это не принесет мне какую-нибудь пользу.

Нансия быстро отключила все сенсоры в рубке. Как ее угораздило связаться с этими жадными, аморальными, испорченными юнцами? Она правильно сделала, что не стала им представляться. Судя по тому, как свободно они себя ведут, они, должно быть, сочли ее беспилотным кораблем, неспособным понять что-либо, кроме ограниченного набора прямых команд, и не умеющим действовать самостоятельно.

Но ей нужно было знать, что они намерены делать. Она включила один общий канал и услышала, как Блэйз во весь голос заявляет Полиону и Дарнеллу:

— Она это и не продала, просто отдала даром!

Фасса, сердито посмотрев на них, выскользнула из рубки.

У Нансии возникло чувство, что это будет один из самых долгих двухнедельных перелетов, какие когда-либо приходилось выдерживать любому из «мозговых» кораблей.

Глава 2

ПОЛИОН

Нансия с любопытством наблюдала за Полионом де Грас-Вальдхеймом, неспешно вошедшим в центральную рубку. Остальные пассажиры еще отсыпались после вчерашней вечеринки с распитием «стизумруда», устроенной в честь отбытия. Во сне они метались и всхрапывали — видимо, их измученные организмы таким образом избавлялись от последних доз стимулятора. Полион же оправился от последствий пьянки на удивление быстро. Как любой порядочный выпускник Академии, он поднялся ровно в шесть утра по корабельному времени, ополоснулся в душевой кабинке, оделся в аккуратно отглаженную повседневную форму серого цвета и только потом вышел из каюты. Нансия отключила визуальные сенсоры во всех каютах, чтобы не лишать пассажиров права на уединение, которого они, видимо, ожидали от этого рейса. Однако негромкие звуки, доносившиеся по аудиоканалам, подсказали ей о проделанных Полионом утренних процедурах. Все согласно уставу Академии.

Визуально Нансия отследила Полиона, когда он шел по коридору к рубке. Это было общественное место, и Нансия не испытывала никаких угрызений совести по поводу того, что оставила здесь все датчики активированными. И сенсорам было что уловить. Полион де Грас-Вальдхейм был лишь чуть-чуть ниже двух метров, и, невзирая на то что его золотистые волосы были безжалостно срезаны в Академии под уставной «ежик», с первого же взгляда было ясно, что этот юноша воплощает в себе все самое лучшее и со стороны Вальдхеймов, и со стороны де Грасов. Высокий рост и физическая сила Вальдхеймов, утонченность и быстрая реакция де Грасов. На миг Нансия ощутила сожаление. Полион был выпускником Космической Академии; он мог бы стать ее «телом».

«Де Грас-Вальдхейм? — ехидно спросил ее внутренний голос. — О чем ты мечтаешь, девочка?» Молодой человек, сочетающий в себе эти две наследственные линии, мог претендовать на куда большее, нежели управление одним-единственным «мозговым» кораблем. Он был самим своим рождением, воспитанием и обучением предназначен для того, чтобы занимать высокие командные посты.

В краткой сводке информации относительно пассажиров и конечных пунктов их путешествия ничего не говорилось о том, почему вместо того, чтобы присоединиться к Генеральному штабу Флота, Полион направлялся в отдаленное подпространство на должность технического надзирателя на заводе по производству метачипов. Да вдобавок этот завод был еще и исправительным заведением, то есть тюрьмой. «Ну что ж, может быть, для такого назначения была какая-то веская причина. Возможно, в Веганском подпространстве затевается что-то большее, нежели мне казалось». Нансия вспомнила тот резко отключенный новостной луч, посвященный Веге, и то, как сама же потом не стала углубляться в изучение этих новостей. «Я теперь состою в Курьерской Службе, и мне следует начать интересоваться общественными делами». Однако в данный момент наблюдать за кузеном было интереснее, чем вытаскивать файлы со старыми новостными лучами.

Полион окинул взглядом рубку, и по мере этого осмотра его поза стала чуть менее напряженной. Наблюдатель-человек вообще не заметил бы этого изменения, но Нансия, которая отслеживала сейчас не только обычные звуковые и зрительные сигналы, но и сканировала напряжение мышц и импульсы нервной системы, немедленно уловила эти признаки расслабления. Должно быть, эта настороженность при вхождении на незнакомую терри-

торию — часть того, чему обучают в Академии. Меньшего и не следовало ожидать от того, кто был воспитан в традициях Служения, присущих Высшим Семьям. Точно так же было неудивительно, что Полион проснулся в положенное по уставу время, вне зависимости от того, как он провел вечер накануне. Другие пассажиры могли быть слабыми и относиться к себе без должной строгости, но этот человек по крайней мере делал честь своему учебному заведению. «Это благодаря крови де Грасов в его жилах», — подумала Нансия с оттенком самодовольства. Папа часто говорил о высокой значимости того, что по материнской линии Нансия состояла в родстве с Домом де Грас.

Полион еще раз оглядел комнату — если бы он не был де Грас-Вальдхеймом, Нансия назвала бы этот взгляд *воровatым*, — а затем уселся в кресло. Не в пилотское, стоящее перед центральной консолью, а на одно из мест наблюдателей у боковой стены помещения. Молодой человек резко кивнул, словно говоря: «Теперь все в порядке», а потом произнес так тихо, что никто из мягкотелых не услышал бы его:

— Компьютер, открыть мастер-файл, пароль 47321-Алейтос-Гекс-242.

Автоматическая система безопасности, охранявшая главный корабельный компьютер, приняла команду Полиона. С трудом веря тому, что наблюдает, Нансия позволила компьютеру действовать самостоятельно. Как Полион узнал пароль от мастер-файла? Возможно, это была тайная часть ее миссии, которую можно было доверить только представителю Высшей Семьи и которую Нансии предстояло узнать в нужное время. Это вполне могло объяснить, почему Полион так — почти по-воровски — проник в рубку. И вдобавок это служило объяснением для его резкого поведения прошлым вечером: естественно, будучи тайным агентом, он должен был вести себя так, чтобы идеально вписываться в компанию своих спутников.

Или... может быть, никакого такого объяснения и не было. Теперь, получив доступ к мастер-файлу, Полион печатал, передвигал пиктограммы на контактном экране и отдавал голосовые команды так быстро и тихо, что их восприятие представляло сложность даже для многоканальных возможностей капсульника. И он все еще никак не показал, что воспринимает Нансию иначе, чем обычный беспилотник. Так что происходит? Нансия ждала и смотрела, отслеживая манипуляции Полиона с компьютерной системой, в то время как ее внешние сенсоры наблюдали за его движениями.

«Просто конфетка», — думал Полион, в то время как его пальцы бегали то по клавиатуре, то по контактному экрану, привнося в его пользовательскую запись системные возможности, которые дадут ему доступ к любой информации, хранящейся в корабельном компьютере. «Просто, как вскрыть первую программку, написанную ребенком». Сейчас ему нужно было выполнить небольшой фокус — убедить систему безопасности считать его привилегированным пользователем Сети. Тогда, подсоединившись к коммуникационной сети подпространства, он сможет узнать все, что захочет, о любом человеке, когда-либо подсоединявшемся к Сети.

Голосовые команды здесь не сработают; к тому же он не хотел, чтобы его подслушал кто-нибудь из этих мелких любителей совать нос не в свое дело, в компанию которых его угораздило попасть в этом рейсе. Пальцы летали по клавишам, набивая команды, по мере того как превосходно натренированный мозг обрабатывал данные. Хм-м, здесь блок безопасности... но, уже прописав себя в корабельной системе как привилегированного пользователя, Полион мог увидеть объектный код самой блокирующей программы. И мог даже «отрегулировать» ее.

— Тут уловка, там уловка, — напевал себе под нос Полион, *вводя несколько измененную версию объектного кода*, — вот и вскрыта мышеловка, трам-пам-па-па-пам...

Когда система приняла и запустила переделанную программу, песня перешла в победное «Я сорвал банк в Монте-Карло!».

Конечно, это было не совсем точно сказано: Полион намеревался выиграть намного, намного больше, нежели доход за одну ночь старинной земной азартной игры. Он еще покажет им — всем им. Начиная с тех тупиц, которые оказались на одном корабле с ним, — но, несомненно, ими не заканчивая. Полион знал, почему он получил второсортное назначение на третьесортную планетную систему — его мысли, словно испуганные мыши, старались удрать подальше от воспоминаний о том погаком разговоре с деканом, — но ведь должны же быть причины, почему другие избалованные отпрыски Высших Семей были отправлены в такое же полуизгнание. Следует начать с раскрытия этих маленьких секретов, а потом... ну, может быть, даже эти богатенькие детки смогут стать полезными для Великого Плана.

А после них... система Ньота. Из всего Веганского подпространства. *Центральная*. «Почему бы нет?» — думал Полион, ослепленный грандиозностью собственных желаний. Если он чему-то и научился за время своего взросления — это тому, что тебе может сойти с рук практически все, что угодно, если делать это,

когда люди не видят, и пускать в ход все свое очарование, если кто-то все же заметит.

А там, где не сработает очарование... существуют и другие меры убеждения. Полион мрачно улыбнулся и вызвал на экран файлы, относящиеся к обучению Альфы бинт Герца-Фонг в Медицинской школе.

Что все-таки Полион делает? Нансия смотрела и ждала, пока он переписывал систему безопасности корабля, залезал в Сеть и просматривал файлы своих спутников. Должна ли она остановить его? Свобода действий была первым, чему учились «мозговые» корабли Курьерской Службы, первая и последняя составляющая долга. Но Нансию не просветили относительно того, что делать с пассажиром, который манипулирует с Сетью так, словно это часть его личной компьютерной системы. Он переписал параметры безопасности... неважно, Нансия может сделать их прежними в любой момент. Пока что он не касался ее личной базы данных и никак не проявлял того, что в курсе ее возможности проследить все его действия благодаря синаптическим связям с корабельным компьютером.

Может быть, он действительно считает ее беспилотным кораблем? Может быть, и нет. По крайней мере, он не знал точно. В данный момент, занимаясь деятельностью в Сети, Полион запустил исследовательский код, который вывел бы сообщение о других видах деятельности, связанных с корабельным компьютером... программу, которая могла открыть точное местонахождение и протяженность связей Нансии с кораблем.

«Слишком поздно спохватился, мой мальчик! Разве в Космической Академии тебя не учили выискивать ловушку *прежде*, чем ты начинаешь маневр?» Самозащита была действием автоматическим, внедренным даже более глубоко, чем способность действовать самостоятельно. Нансия одним инстинктивным всплеском активности подавила все запущенные программы и переписанные коды доступа, оставив Полиона пялиться на пустой экран и стучать по клавиатуре, которая больше не отвечала на его поисковые запросы.

ДАРНЕЛЛ

Дарнелл Овертон-Гласселли чуть слышно застонал, узрев свое пухлое лицо — точнее, его искаженное отражение в изогнутой поверхности полированного синтесплава, которым был отделан

центральный коридор корабля. Еще слишком раннее время, чтобы смотреться в зеркала, особенно в кривые, которые заставляют изображение распухать, съеживаться и идти рябью, словно волны в чертовом океане. Дарнелл снова застонал и напомнил себе, что искусственная гравитация в космосе ничем не отличается от земной и только воображение заставляет его ощущать тошноту. И лететь на космическом корабле — совсем не то, что находиться на борту одного из этих старомодных океанских суденышек, с которых когда-то начинала компания «Перевозки ОГ» — давным-давно, когда еще была небольшой корпорацией, привязанной к поверхности одной-единственной планеты. Папаша Дарнелла как-то подначил его взойти на один из этих древних монстров: что-то там было насчет забвения семейных корней, ну и прочая ерунда. Однако еще больше чуши Дарнелл наслушался от старика, когда едва не выблевал все свои кишки, прежде чем корабль вошел в порт.

Ну все, *такого* больше не будет! Дорогой папочка уже стал историей, равно как и необъяснимая катастрофа на космической станции: катастрофа, ставшая причиной смерти старика и оставившая «Перевозки ОГ» в руках совета директоров до момента окончания Дарнеллом учебы. И прошлая ночь попойки тоже канула в историю — если бы еще удалось убедить в этом судорожно сжимающийся желудок и раскалывающуюся голову!

Это нечестно, что он должен так страдать, хотя отпраздновать окончание обучения и начало новой жизни было не только можно, но и нужно. Жаль, что ни одна из девчонок не присоединилась к нему для логического завершения праздника. Ну что ж, еще целых две недели до посадки, и у девушек будет возможность заметить, насколько он, Дарнелл, привлекателен. В конце концов, как будто на борту этого беспилотника у него есть хотя бы мало-мальски серьезный соперник! Де Грас-Вальдхейм, конечно, весьма красив, но ведь холодный, как рыба... хотя Дарнелл в жизни не видел живой рыбы. Что-то есть в этом типе пугающее, в особенности в синих внимательных глазах, которые поблескивают, словно вечный лед, а короткая уставная стрижка только добавляет его облику жесткости. Что же касается мальчишки из семейства Мэдоков, Бласса, Блеза, или как там его... то ни одна девчонка не станет тратить время на парня с лицом как у дружелюбной горгульи. Нет-нет, к вашим услугам есть старина Дарнелл, единственный мужчина на борту, у кого хватит умения скрасить досуг двум прекрасным дамам по пути к месту назначения — планетам, разбросанным вокруг Ньота йа Джаха.

Тут Дарнелл услышал, что в центральной рубке кто-то есть. Быть может, кто-то из девушек уже проснулся и вышел осмотреться? Дарнелл втянул живот, расправил плечи как можно шире и вновь взглянул на свое отражение в синтесплавовой стене. И вовсе у него не настолько пухлое и безвольное лицо, сказал он себе, это просто поверхность искажает. Заставляет выглядеть потасканным толстяком средних лет. Ерунда. На самом деле Дарнелл Овертон-Гиаксели — красивый юный наследник «Перевозок ОГ» и вполне способен справиться со всем, чем угодно. Или с кем угодно...

Но, пожалуй, не с этой холодной рыбиной, Полионом де Грас-Вальдхеймом. Дарнелл схватился за дверной косяк, пытаясь остановить свой излишне порывистый шаг через порог рубки. Ноги его продолжали движение вперед, в то время как руки старались не дать телу переместиться дальше двери.

— А, входи, ОГ, — нетерпеливо произнес Полион, сидевший спиной к двери. — Не стой там, цепляясь за косяк и шевеля щупальцами, словно медуза, страдающая морской болезнью.

Морская болезнь.

Медуза.

Дарнелл сглотнул подступившую к горлу тошноту и снова напомнил себе, что космическое путешествие на беспилотнике с искусственной гравитацией — *совсем* не то, что пребывание на движущемся, качающемся и подпрыгивающем морском корабле.

— Что ты делаешь?

Полион снял руки с панели управления и медленно повернулся лицом к Дарнеллу. Он сидел в расслабленной позе, лениво вытянув ноги, словно желая подчеркнуть, насколько ему комфортно в корабельной обстановке.

— Да просто... играю, — ответил он с фальшиво-небрежной улыбкой. — Так, чуть-чуть поиграл, чтобы время убить.

— И что ты сделал, продул в «Разбросанных» так, что даже все экраны вырубились?

— Что-то вроде того, — согласился Полион. — Если хочешь, можешь помочь мне начать все заново.

Эта фраза была похожа на дружеское приветствие больше, чем все прочее, что Дарнелл слышал от Полиона с момента их знакомства прошлым вечером. Может быть, подумал он снисходительно, бедолага просто не знает, как нужно заводить приятельские отношения. Если кто-то вышел из такой семейки, как де Грас-Вальдхеймы, которые вечно ходят по струночке с задранным носом, и вдобавок подвергался муштре в военной школе, то

разве можно ожидать от него знания жизни и непринужденных манер, которыми так гордился Дарнелл? Ну что ж, он поможет несчастному Полиону и на время этой небольшой поездки станет его приятелем.

— Ну конечно, — ответил Дарнелл, входя в рубку осторожной мягкой походкой, чтобы шаги не отдавались в больной голове. Так же осторожно он уселся в одно из мягких пассажирских кресел. — Ничего сложного, я играл в такие игры еще в начальной школе. Но скажу я тебе... если я помогу тебе поладить с компьютером, может быть, ты поможешь мне поладить кое с кем еще? — Он многозначительно подмигнул Полиону.

— И что ты задумал?

Нет, этот тип решительно не умеет поддерживать легкий разговор.

— Нас двое, — беспечно объяснил Дарнелл, постукивая по клавиатуре. — И их тоже две. Черненькая больше подходит тебе по росту. Но мне нужна стратегия, которая поможет мне запустить руки под юбку дель Пармы. Тактика, маневры, наступление и отступление... Есть какие-нибудь предложения?

«Не то чтобы мне действительно была нужна помощь, — думал Дарнелл, — но для того, чтобы скрепить дружбу, нет ничего лучше, чем старый, прямолинейный мужской разговор о бабах. А поскольку Полион явно хочет подружиться, то я пойду навстречу его желаниям».

— Боюсь, тут тебе придется справляться самому, — сдержанно отозвался Полион. — У меня... никогда не было возможности изучить эту проблему.

Он стряхнул невидимую пылинку со своего отглаженного рукава и погрузился в изучение визуального ряда «Разбросанных», выведенного Дарнеллом на экраны рубки.

Подтекст был ясен: у Полиона никогда не было *необходимости* вырабатывать какую бы то ни было тактику в отношениях с девушками. Ну конечно, зачем это ему. С именем де Грас-Вальдхейм, с их деньгами — да еще с такой внешностью, такими мышцами и ростом... И все-таки он не имел права насмехаться над человеком, который всего лишь пытался проявить дружелюбие. Дарнелл хмуро посмотрел на панель управления и отстучал команду, выводившую игру... ну, не на уровень 10, его рефлексы еще не настолько восстановились, чтобы справиться с голографическими воинами. Уровень 6. Это достаточно высоко, чтобы дать Полиону как следует оторваться и показать ему, что значит иметь дело с экспертом.

— Это новая версия, — удивленно произнес Полион. — Я не помню этот астероидный пояс.

— Ставлю пять кредиток, что где-то среди новых астероидов спрятан ключ к Скрытым Страхам Семиречья, — предположил Дарнелл.

— Пари не принимаю. Но спорю на те же пять кредиток, что если он там, то я найду его первым. Выбирай персонаж!

Дарнелл выбрал одну из иконок персонажей, высветившихся по нижнему краю экрана. Ему всегда нравилось играть за Костолома, чудовищного киборга, который бродил по нижним туннелям лабиринта, но время от времени вырывался в космос на тайно вмонтированных в тело реактивных двигателях, прикрываясь силовым щитом. Полион, как удовлетворенно отметил Дарнелл, взял себе иконку Марсианского Мага Тыгоды, самого вялого персонажа, какой только может быть. Что ж, эта игра завершится очень скоро.

— Так что привело тебя в систему Ньота? — спросил Полион после нескольких минут кажущихся бессмысленными маневров и команд.

Дарнелл мрачно смотрел на экран. Каким образом Тыгода умудрился окружить две трети астероидного пояса заклятием непроницаемости? Ну хорошо, Дарнелл даст Костолому развернуться и использовать встроенный реактивный двигатель в качестве оружия: он должен пробиться через коварную магию Тыгоды.

— Я должен забрать свое наследство, — ответил Дарнелл, выстукивая команду, дающую Костолому максимум разрушительной энергии. — Ну, знаешь, «Перевозки ОГ». Понять не могу, зачем кузен Вигран перенес главный офис фирмы в Веганское подпространство, но я уверен, что он объяснит все, когда я туда прибуду.

— Если сможет, — согласился Полион. — Ты настолько ему веришь?

Дарнелл скрытно провел для Костолома маневр сближения. Этот идиот Полион смотрел на собеседника, а не на экран. Можно даже прихлопнуть противника, если отвлечь внимание Полиона от игры еще на несколько секунд.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Дарнелл, хотя на самом деле и не собирался выслушивать ответ. — Почему это я не должен верить Виграну?

Полион, казалось, был потрясен, и на какой-то момент Дарнелл подумал было, что тот заметил передвижения Костолома на центральном игровом экране.

— Дорогой друг! Ты хочешь сказать, что ничего не слышал? *Расщеп побери!* — выругался он приглушенно и зло. — Я не знал... Послушай, Дарнелл, я не должен был тебе это говорить. Разве ты не обращал внимания на новости с Веги?

— Управленческие дела наводят на меня скуку, — ответил ему Дарнелл. — Я буду полностью счастлив, вытягивая из компании прибыли и позволив кузену Виграну продолжать вести рутинные дела. — Его пальцы лежали на клавишах, активирующих реактивные двигатели Костолома. В любой момент он мог выбросить тщательно отмеренную порцию энергии, которая прожжет дыру в защитах Тыгоды. Но Дарнелл желал, чтобы Полион созерцал свое поражение, а не болтал в этот великий миг о каком-то скучном финансовом расследовании в системе Веги.

— Ну, я полагаю, ты все равно узнаешь об этом довольно скоро, — продолжал тем временем де Грас-Вальдхейм. — Однако мне ненавистна мысль о том, что именно я тебе это поведаю. — Он следил за выражением лица Дарнелла куда более пристально, чем до того — за игровыми экранами.

— Поведаешь мне что? — Впервые Дарнелл ощутил, как по спине ползет холодок мрачного предчувствия.

— Ну, все это будет сказано во время судебного слушания, — пояснил Полион. — Тот финансист, который просадил все деньги своих клиентов, играя в «дотороид», слыхал о нем? Так вот, «Перевозки ОГ» была одним из его самых крупных вкладчиков. И твой кузен Вигран прекрасно знал, чем занимается этот тип. И даже помогал ему — за долю в выигрыше. Вместе они проиграли более девяноста процентов всех средств «Перевозок ОГ». Боюсь, на Бахати тебе предстоит получить в наследство всего лишь один устаревший ИИ-беспилотник и кучу долгов.

Руки у Дарнелла вспотели, пальцы соскользнули и надавили на клавиши сильнее, нежели он намеревался. Реактивные двигатели Костолома включились на полную мощность. Вспышка бессильно отразилась от невидимого магического щита Тыгоды и ударила по самому Костолому, у которого уже не осталось энергии, чтобы активировать свой собственный силовой щит. Тело киборга, заброшенное в черноту глубокого космоса, взорвалось и разлетелось на миллионы синтесплавовых обломков.

— Вау! — произнес Полион, наконец-то взглянув на игровой экран и заметив этот красивый световой эффект. — Классная игра! Ты видел эту графику? Что это было, сверхновая?

— Я, — ответил Дарнелл Овертон-Глакселли. Джентльмен всегда знает, когда скусить патрон. — Я должен тебе пять кредиток.

«О нет, только не еще один из них!»

Когда Блэйз Амонтильядо-Перес-и-Мэдок заворочался на койке в своей каюте, Нансия мгновенно отключила все внутренние сенсоры. Она уже пришла к выводу, что наиболее терпимы ее пассажиры были в тот момент, когда крепко спали. Если бы только она могла наполнить их каюты усыпляющим газом и продержать их в бессознательном состоянии до самого прибытия в систему Ньота йа Джаха... Нансия оборвала себя на половине мысли. Она становится такой же испорченной, как они! Как она только могла до такого додуматься? Разве она не получала самые высокие баллы на уроках Честности и Этики Капсульника? У нее должна быть двойная защита — благодаря семейному происхождению и обучению в школе — от подобных мыслей, граничащих с предательством всех ее идеалов.

Однако ничто не мешало Нансии оставить внутренние сенсоры выключенными, пока они не достигнут Ньота йа Джаха. Нансия обдумала эту идею, прежде чем от нее отказаться. Ее пассажиры действительно ничего бы не заметили, поскольку они уже решили, что она — просто беспилотник, запрограммированный на то, чтобы доставить их по месту назначения, не нарушая приватность их жизни на борту. И к тому же Нансия предпочла бы исполнить все сингулярные трансформации и прохождение через расщепление, не отвлекаясь на раздражающие действия этих... *отродий*. Но ей было неуютно при мысли о том, что придется провести несколько дней — более недели — буквально в космическом одиночестве, не видя ничего, кроме проплывающих мимо звезд и не имея возможности обшаться с другим мозгом; потому что если она откроет канал связи с Ценкомом, ее кузен Полион, с его страстью лазать по корабельной компьютерной системе, может заметить коммуникационную активность.

«Мозговые» корабли были разумными в не меньшей степени, нежели любой из мягкотелых; Нансия понимала, что будет глупо в течение столь долгого времени подвергать себя такому испытанию, как сенсорный голод.

И, кроме того, она хотела знать о намерениях своих пассажиров.

Когда Нансия вновь активировала сенсоры рубки, Дарнелл уже направлялся по коридору к своей каюте, а Полион, с побелевшими от злости губами, намеревался последовать его примеру.

— Мне не нравится это имя, — сообщил он Блэйзу.

Нансия быстро просканировала автоматическую систему за-

писи, отмечавшую все, что происходило в рубке. Блэйз, оказывается, поддразнивал своего родича, называя его «Полли». В досье, составленном в Академии на Полиона де Грас-Вальдхейма, упоминалось, что это прозвище было причиной нескольких ожесточенных драк, произошедших во время обучения Полиона в этом заведении. В одной из драк противник Полиона был так серьезно ранен, что не смог продолжать учебу и ему пришлось отказаться от офицерской карьеры. Свидетели показали, что Полион продолжал ломать парню кости и слушал, как они трещат, уже после того, как противник запросил пощады.

После этого инцидента досье Полиона было помечено предупредительным значком, который навсегда закрыл ему возможность занять ответственный пост в армии... и его в устной форме предупредил об этом во время собеседования отставной генерал Мак-Эррикот, декан Космической Академии...

«Что я делаю?» Нансия мгновенно перекрыла все свои информационные каналы. Откуда пришла к ней эта приватная информация? Нансия вновь открыла каналы и отследила поток данных. Сведения прошли через Сеть, и у Нансии не должно было быть доступа ни к одному из этих материалов: они были взяты из досье личного состава Космической Академии. Каким-то образом Сеть отреагировала на секундное любопытство Нансии и открыла сведения, которые должны были быть запечатаны личным паролем декана.

После мгновенного замешательства Нансия осознала, что же случилось. Фокусы Полиона с корабельной системой безопасности не ограничивались этим — они включали в себя также сложные манипуляции в самой Сети. В результате Полион прописал Нансию как изначальный узловой пункт системного контроля с неограниченными возможностями доступа к чтению и изменению файлов и кодов на любом компьютере в Сети. Инстинктивное вмешательство Нансии, произведенное с целью самозащиты, помешало самому Полиону прописаться в сети как «системный контроллер»... однако сохранило идентификацию узлового пункта, дав кораблю доступ ко всем файлам, которые просматривал Полион, да и ко многим другим тоже.

Нансии стало стыдно — как будто ее поймали на том, что она заглядывает в капсулу к своему подвергнутому анестезии соученику во время синаптического перестроения... настолько велико было нарушение права на приватность. «Я же не осознавала, что делаю!» Нансия спряталась за эту мысль и поспешно стерла дающую такие сверхвозможности системную идентификацию —

прежде, чем ее мог настигнуть соблазн заглянуть еще в чьи-нибудь личные файлы.

Однако она не могла забыть те шокирующие и тревожащие сведения, которые уже узнала о Полионе. И ощутила облегчение, когда он вышел из рубки и прошествовал в свою каюту походкой, выражающей оскорбленное достоинство, куда более успешно, нежели соответствующая гримаса Дарнелла.

Блэйз остался в рубке. Посмотрев прямо на титановый пилон Нансии, он подмигнул:

— Держу пари, вы думали, что он меня побьет, не так ли?

Нансия, не думая, ответила на это обращение — первое прямое обращение к ней с того момента, как она, приняв пассажиров на борт, стартовала с Центральной.

— Надеюсь, ты не рассчитывал, что я стану тебя защищать?

Блэйз негромко, но довольно хмыкнул.

— Ни в малейшей степени, милая леди. До этого момента я даже не был уверен в том, что вы такое — или кто вы такая. — Он поднял воображаемый бокал и изобразил торжественный поклон. — Позвольте представиться, — произнес он, вновь выпрямившись. — Блэйз Амонтильядо-Перес-и-Мэдок. А вы?

Было слишком поздно укрываться в безмолвие, охранявшее ее до сих пор. Нансия мысленно пожала плечами — всего лишь короткий импульс, пробежавший по синаптическим связям, — и решила, что вполне может поговорить с этим типом. Все равно она уже начинала томиться одиночеством; безмолвие глубокого космоса составляло слишком разительный контраст с тем уютным, постоянным многоканальным вводом-выводом сведений, к которому она так привыкла за годы своего обучения в Лабораторной школе.

— Икс-Эн-935, — ворчливо произнесла Нансия. И добавила, поскольку ей показалось, что эта аббревиатура звучит не очень уместно: — Нансия Перес-и-де Грас.

— Родственница, самая настоящая кузина! — неприкрыто возрадовался Блэйз. — А скажи мне, кузина, каково столь милой девушке сопровождать такую толпу сброда, как мы?

Этот вопрос был настолько близок к собственному мнению Нансии о ее пассажирах, что ей даже стало не по себе.

— Откуда ты узнал, что я — «мозговой» корабль? — спросила она в ответ.

— Стартовые процедуры может выполнить и ИИ-беспилотник. Но почему-то мне казалось, что клан Мэдок и прочие наши любящие семейства не послали бы нас протискиваться через

сингулярность на автоматическом корабле. Понимаешь ли, это не соответствовало бы достоинству Высших Семей: доверить нашу безопасность набору метачипов, а не человеческому мозгу.

— Ты не очень-то уважительно относишься к своей семье, верно? Неудивительно, что они послали тебя на окраинный мир. Вероятно, они боятся, что ты их опозоришь.

На какой-то миг веснушчатое лицо Блэйза стало холодным и невероятно мрачным. Затем, так быстро, что человеческий глаз едва заметил бы смену выражения, молодой человек ухмыльнулся и отсалютовал пилону Нансии.

— Совершенно верно. Одна только маленькая поправочка. Они *не боятся*, что я опозорю их. Они в этом уверены до глубины души!

Вытащив на середину рубки одно из мягких кресел, Блэйз уселся в него, скрестив ноги и сложив руки на груди, и уставился на пилон с такой улыбкой, как будто ему было плевать на мнение всех родственников в мире. Нансия вывела изображение его лица, сделанное несколько секунд назад, в свое внутреннее пространство и теперь сравнивала этого молодого человека с жестким и горьким взглядом с тем ухмыляющимся юнцом, что сидел сейчас в рубке. Что могло так глубоко ранить его? Против воли Нансия ощутила проблеск сочувствия к этому испорченному наследничку, позору Высших Семей.

— А ты это собираешься сделать? — спросила она, тщательно соблюдая нейтральный тон.

— Что? А, опозорить их? — Блэйз пожал плечами с преувеличенным изяществом. Нансия начала размышлять, сколько же из его кажущихся небрежными жестов на самом деле были тщательно отрепетированы. — Нет, теперь уже слишком поздно. Конечно, в детстве я много фантазировал. Но сейчас я уже староват, чтобы сбегать, ты не находишь?

— Сбегать зачем? Чтобы поступить в цирк?

В следующую долю секунды подвижное лицо вновь превратилось в такую же застывшую маску, как на том кадре, который изучала Нансия.

— Нет. В Космическую Академию. На самом деле, — тон Блэйза был таким же старательно-нейтральным, как у самой Нансии, — когда-то я думал о том, чтобы выучиться и стать «телом»... Не смейся, это ведь были всего лишь ребячьи мечты. Но я никогда не мог вообразить себе ничего более замечательного, чем работать вместе с кораблем. Летать между звездами, спасать жизни и миры, быть напарником живого корабля — по удивитель-

ному танцу в космосе... — На последнем слове голос его сорвался. — Ну, я ведь сказал, что у детей часто бывают совершенно идиотские мечты.

— Мне это не кажется таким уж идиотизмом, — возразила Нансия. — А почему ты отказался от этой идеи? Потому что кто-то сказал тебе, что пилоты должны быть под два метра ростом и сложены как... как Полион де Грас-Вальдхейм?

— Отказался! — хмыкнул Блэйз. — Я не отказался. Я удирал целых три раза. В первый раз я действительно поступил в Академию. Прошел открытый экзамен, подделал документы, указав в них, что я сирота, потерявший родных во время войны. Я поступил и уже начал учиться. Мой наставник разыскал меня только через три недели. — При воспоминании об этих неделях на лице Блэйза отразилось такое неприкрытое счастье, что сердце Нансии заныло. — Во второй и третий раз они уже знали, куда я направляюсь, и в Академии меня ждал отряд личной охраны Дома Мэдок.

— Кажется, твоя семья была категорически против твоей мечты.

Выразительное, некрасивое лицо Блэйза исказилось в презрительной ухмылке.

— Ты же знаешь, людям нашего положения не годится такая карьера. По крайней мере такая работа. Моя кузина Джиллия претендует на то, чтобы стать следующим планетарным губернатором на Каза-Юри, а мой приятель Хенекин — сын папашиного лучшего друга, — мимоходом объяснил Блэйз, — уже руководит Веганским отделом Планетарной Технической Поддержки. Сын, который учится на пилота, не вписывается в такое звездное окружение, им не похвастаешься в послеобеденной беседе.

— Интересно, моя семья думала так же? — риторически поинтересовалась Нансия. Не потому ли папа не выкроил время, чтобы явиться на церемонию выпуска?

— Да не должны. Они же послали тебя в Лабораторную школу, верно?

— У них не было особого выбора, — возразила Нансия. — Иначе я не прожила бы и минуты после рождения.

— А, ясно. В любом случае, — осторожно подбирая слова, продолжил Блэйз, — я не думаю, что ваша ветвь семейства *такие же* снобы, как наша. И ни та, ни другая не могут в этом обогнать де Грас-Вальдхеймов. Полли, конечно, направили в Академию, но он должен был стать генералом, а не низкопробным космическим бродягой. Не могу вообразить, что он такого сделал, чтобы

его загнали на Шемалийский завод метачипов. Должно быть, учинил какой-то скандал в Академии. Я думал, мне известны все семейные сплетни, однако, во что бы он ни влип, это скрывали очень тщательно. У тебя, вероятно, есть доступ к досье, хотя... или... в любом случае, держу пари, ты могла бы узнать, если бы захотела.

— Мне кажется, — сказала Нансия, — им требуется, чтобы он проводил техническую экспертизу. — У нее не было ни малейшего побуждения делиться подробностями неприятностей, учиненных Полионом в Академии, с этим юным сплетником. Неужели в Высших Семьях детям-мягкотелым не прививают благоразумие? Сперва Полион использует свое умение обращаться с компьютерами для того, чтобы залезать в секретные файлы и читать досье на других пассажиров, теперь Блэйз пытается применить к ней, Нансии, свое обаяние, чтобы добиться того же самого...

— Ты не одобряешь сплетни, верно? — предположил Блэйз. — Ну и хорошо. Поступай так, как тебе нравится. Ты будешь вполне благоразумным кораблем Курьерской Службы и гордостью своей семьи, а я буду милым скромным администратором ПТП на Ангалии и попытаюсь не опозорить свою ветвь семейства, и мы будем вечно вариться в этой скучище.

— Планетарная Техническая Поддержка — это не так уж плохо, — возразила Нансия. — Моя сестра Джиневра — администратор округа, а ей всего двадцать один. Ты сможешь быстро подняться...

— *С Ангалии?* — Брови Блэйза взлетели вверх, придав его лицу комически-изумленное выражение. — Дорогая кузина Нансия, а ведь ты действительно нелюбопытна! Если бы ты читала мое досье, то не стала бы даже пытаться как-то расшевелить мои амбиции в отношении Ангалии. Всю цивилизацию там составляет один офис ПТП, одна шахта по добыче корикия и кучка туземцев-гуманоидов с коллективным коэффициентом интеллекта на уровне баклажана. *Маленького* баклажана. Удивительно, что туда вообще отрядили Планетарную Поддержку; должно быть, кто-то неправильно заполнил бланк ФПК, а тот, кто после определил, что аборигены не подпадают под СРЧ, забыл исправить данные ПТП. Колеса бюрократии крутятся, крутятся... так что теперь я лечу на Ангалию, и я, и эта планета — не более чем пыль под колесами лимузина старины Хепскина.

— Ты должен справиться, — подбодрила его Нансия. — Ты уже неплохо освоил бюрократический жаргон.

Она просканировала свои данные, чтобы расшифровать ис-

пользованные Блэйзом аббревиатуры. ПТП — это, конечно, Планетарная Техническая Поддержка, а ФПК — оказывается, Форма Первого Контакта, а СРЧ... ах да, Статус Разумных Чувствующих. Нансия изучала все положение касательно ведения дел с наделенными сознанием аборигенами других миров — по курсу Основ Курьерской Дипломатии и Развития 101. Однако она не привыкла, чтобы этими аббревиатурами бросались так небрежно. Папа, во время своих визитов рассказывая ей о своей работе, всегда тщательно следил за тем, чтобы называть каждое учреждение и службу полным наименованием, а каждого чиновника — полным званием.

Возможно, подумалось Нансии, когда она получше оценила контраст между быстрой болтовней Блэйза и размеренными речами папы, — возможно, что отец Нансии, Хавьер Перес-и-де Грас, просто был немного занудой. Нет. Это было нелепо. Должно быть, на нее плохо повлияли ее пассажиры, заразив ее неуправляемыми и недостойными мыслями. Небо знает, во что еще вовлечет ее этот неблагоразумный мальчишка Блэйз, если они продолжат беседу.

— Ты играешь в «Разбросанных»? — Нансия вывела на все три больших экрана те же самые игровые виды, которые соблазнили Полиона и Дарнелла немного поиграть. — Но, боюсь, тебе придется играть в одиночку.

— Почему?

— Я не могу *не знать* скрытой структуры, — извиняющимся тоном объяснила Нансия. — Понимаешь, сейчас игра — часть моих банков памяти. А я никогда не научусь этому трюку мягкотелых — избирательно отключать осознание. — В любом случае Нансия и не собиралась это пробовать. Однако, как она сообщила Блэйзу после секундной паузы, она вполне могла сделать одиночную игру более интересной, изменяя лабиринт туннелей и местоположение узлов сингулярности, соединяющих одну часть галактики «Разбросанных» с другой.

— Правила, меняющиеся по ходу игры? — довольным тоном пробормотал Блэйз. — Отличная идея. Полли ее возненавидит.

Похоже, эта мысль добавила ему удовольствия от игры. И пока он увлеченно проводил одинокое изображение персонажа через ловушки и сюрпризы, устроенные разработчиком, Нансия созерцала звездную пустоту вокруг и думала о расстоянии, которое ей предстоит преодолеть, прежде чем она сможет установить приватный контакт с другим капсульником.

Глава 3

АЛЬФА

Проснувшись на следующее утро после «выпускной вечеринки», Альфа бинт Герца-Фонг дошла до рубки управления и обнаружила, что ее сотоварищи по путешествию увлеченно режутся в одну из этих дурацких компьютерных игр. Обучение в Медицинской школе и напряженная исследовательская программа никогда не оставляли Альфе места на подобные развлечения. «Однако там, куда я направляюсь, у меня может быть полно времени». Альфа старательно загнала эту мысль поглубже в сознание. Она найдет себе какое-нибудь продуктивное занятие: ей это всегда удавалось. Она даже может отыскать способ продолжать свои исследования.

В настоящий момент ее спутники наблюдали за игровым экраном, а Альфа наблюдала за ними. Они были куда более интересны, чем игра, а в особенности Блэйз и Полион, которые в данный момент сражались друг с другом в словесной баталии — и баталия обещала быть долгой. Блэйз явно желал знать, почему такой блестящий отпрыск славного семейства, как Полион, самим своим происхождением и обучением предназначенный для высокого командного поста, был направлен делать карьеру на удаленную планету, не имеющую никакого военного значения.

Альфа сама была не прочь узнать ответ на эту маленькую загадку. Будучи представителем влиятельного и сильного клана де Грас-Вальдхейм, Полион вполне мог оказаться личностью, над которой стоило поработать. И в некоторых отношениях, подумалось Альфе, *дружеские отношения* с Полионом могли бы доставить удовольствие. Он был действительно самым привлекательным мужчиной на корабле, единственным, кто был достоин того, чтобы тратить на него время. Но если он как-то скомпрометировал себя в Академии и был изгнан собственной семьей, то не следовало рисковать и предпринимать попытки сблизиться с ним. Ведь этот скандал — чего бы он ни касался — мог сказаться и на ней. А Альфа не может позволить новым пятнам появиться в ее репутации — только не после того, как Медицинская школа так бурно отреагировала на это тривиальное дельце касательно ее исследовательских записей. Нет, нужно выждать и узнать о Полионе побольше, прежде чем идти на сближение. И она предоставила докапываться до всего Блэйзу Амонтильядо-Перес-и-Мэдоку. Если кто и наделен от рождения колким языком, то это он.

— Шемали — это такое *невзрачное* местечко для блестящего молодого человека в начале его карьеры, — намекнул Блэйз.

Полион пристально взглянул на панораму горных пиков на экране и только потом ответил. Альфа видела, как напряглись мышцы у него под челюстью. «Как и все остальные мускулы тоже... эта серая повседневная форма не оставляет особого простора воображению! Почему он просто не раздавит этого мелкого назойливого паразита?» Но Полион, казалось, сохранял над собой полный контроль.

— Да, это почти такая же дыра, как Ангалия, не так ли, о мой блестящий кузен, начинающий свою карьеру? — отстраненно заметил он.

— Ах, мы же все знаем, что в своем семействе я паршивая овца, — возразил Блэйз, — изгнанник на современный лад. Но ведь ты, напротив, должен был стать гордостью де Грас-Вальдхеймов, *последним и самым дивным цветком* на этом переплетенном фамильном древе, ты должен просто полыхать военными талантами и... э-э... гибридной стойкостью.

— По крайней мере, в Академии меня научили не сваливать в кучу метафоры, — ответил Полион.

— Должно быть, это какая-то сверхсекретная военная база, — вслух предположил Блэйз. — Ничто меньшее не подошло бы в качестве места первого назначения для де Грас-Вальдхейма. Настолько засекреченная, что даже беспилотник не знает, почему ты туда летишь.

Альфа отметила, что он бросил взгляд в сторону центрального титанового пилона, как будто ожидал ответа из корабельных динамиков. Что ж, подумалось ей, скорее беспилотник примет участие в разговоре, чем Полион скажет своему кузену что-то, чего не желает говорить. Первое *намного* вероятнее.

Альфа зевнула и поиграла с шариком джойстика, переводя игровое поле «Разбросанных» с Гор Первотолчка на Астероидный Зал и обратно. Эта болтовня была *скучной*. Полион не собирался ничего им говорить. Он даже не намеревался размазать своего кузена по стенке. Никакой информации, никакого интереса. Альфа уже стала подумывать о том, чтобы пойти в свою каюту и вздремнуть. Все равно на этом дурацком беспилотнике больше нечего делать.

— Никаких тайных военных планов, — заявил Полион. — Вообще никаких секретов, Блэйз, извини, что тебя разочаровываю. Но если это поможет тебе заткнуться, я попытаюсь объяснить, чем я буду заниматься там, — простыми словами, которые даже

ты сумеешь понять... Не касаясь технических терминов, можно просто сказать, что я собираюсь управлять заводом метачипов, размещенных при Шемалийской тюрьме. Губернатор Ляути в растерянности. Он знает, как управлять тюрьмой. Он ничего не знает о производстве метачипов. И это видно по производственным записям. Я собираюсь там все наладить, только и всего.

Альфа вздохнула. Откровенность этого человека была столь идеальна, его словам хотелось верить. Вот только Блэйз был прав, совершенно не в духе де Грас-Вальдхейма браться за работу управляющего производством.

— А-а, теперь понимаю. — Блэйз едва ли не мурлыкал. — Губернатор будет брать у тебя уроки относительно тонкостей производства метачипов, а ты будешь брать у него уроки касательно тонкостей того, как... э-э... мучить и унижать заключенных? Или я не прав? Может быть, есть еще какое-то объяснение.

Полион улыбнулся.

— Если губернатор захочет стать экспертом в том, как замучить кого-нибудь вопросами до смерти, я посоветую ему послать к тобой.

— И все-таки как жаль, — вздохнул Блэйз. — Вся военная подготовка пропадает даром. По-моему, семейство могло устроить тебе местечко и получше. Если только в твоем досье из Академии нет чего-то, о чем ты нам не говоришь...

Идеальной формы уши Полиона сделались красными, и Альфа подняла голову, неожиданно насторожившись. Краска ярости не улучшала внешний вид Полиона, но это не волновало девушку: по ее мнению, когда Полион был спокоен, его лицо было излишне совершенным. А теперь он выглядел так, словно готов был убить кого-нибудь — или сказать что-нибудь. Альфа мысленно зааплодировала. Блэйз наконец попал Полиону в болевую точку!

— А какое местечко получше могло подыскать семейство для *тебя*, дорогой мой кузен? — вопросил Полион. — Побереги немного жалости для себя. Когда срок твоей работы на Ангалии истечет — если ты когда-нибудь вообще сможешь убраться с этой проклятой планетки, — у тебя не будет ничего, кроме сбережений. Конечно, они должны быть значительными, поскольку там не на что тратить деньги, однако сколько можно откладывать из месячного жалованья ПТП-17?

— Почти столько же, сколько из жалованья завод-ского управляющего, могу предположить. Смотри фактам в лицо, Полион. Нас обоих наши уважаемые семейства просто вышвырнули. В

данный момент ты находишься в той же лодке, что и я, невзирая на твою красивую морду и вышколенную осанку. Я знаю, почему я здесь. И мне очень хотелось бы узнать, почему с тобой так поступили.

Альфе тоже. Она подалась вперед, немного напрягшись в ожидании ответа, но Полион решил ответить не на вторую часть побудительного монолога Блэйза, а на первую.

— О, но я и не намерен пытаться сделать это на свои сбережения, дорогой родич.

— Тогда на что?

— Метачипы, — отрешенно произнес Полион, — очень дороги. Не говоря уже о том, что их мало производится.

— Сообщи мне что-нибудь, чего я не знаю, — съехидничал Блэйз.

— Я планирую, — сказал Полион, — улучшить нынешнюю нормировочную систему.

Альфа, сидевшая незамеченной в своем углу, задумчиво кивнула. Полион говорил дельные вещи. Метачипы были в большом дефиците и очень дороги, и на то имелись веские причины. В процессе производства метачипов были задействованы как минимум три разные кислоты, столь опасные для окружающей среды, что большинство планет отказывались предоставить площадь под постройку заводов, невзирая на явные финансовые выгоды. Шемали, неуютная планета, где постоянно дул резкий северный ветер, по которому она и получила свое название, с одним островком суши, на коем размещалась чрезвычайно секретная тюрьма... в общем, эта планета была единственным местом, где удалось построить крупный завод по производству метачипов. К тому же там наличествовали работники, которые покупали себе жизнь работой на этом заводе.

Потому что, по здравом размышлении, кого еще можно использовать для такого труда, кроме преступников, и так уже приговоренных к смерти? Одна из задействованных кислот при использовании в необходимых для производства количествах высвобождала газ, воздействие которого на человеческий организм было медленным, болезненным, смертельным... и, насколько было известно к данному моменту, необратимым. Альфа была экспертом по воздействиям этого газа на различные ткани тела: ее исследование в Центральном Госпитале было посвящено попыткам обратить эффект воздействия ганглицида путем различных видов лекарственной терапии. Она могла бы сделать на этой работе целую диссертацию, если бы школьный Комитет по этике

не возмутился ее методами взятия проб... Альфа стиснула губы, ощутив знакомый прилив ярости. Это все уже в прошлом. В настоящем имеется Полион и его план, который он сейчас объяснял Блэйзу, снисходительно растолковывая подробности касательно неблагоприятных воздействий нынешней системы распределения на экономику.

— Это просто нелепо, что метачипы распределяет комитет, где заседают лишь старики и благотворители, — вещал он. — Несомненно, армия стоит первой в списке получателей чипов, однако после того, как наши запросы будут удовлетворены, остальные чипы должны пойти туда, где они принесут максимум пользы.

— Я думал, именно в этом и состоит цель системы распределения, — заметил Блэйз. — Компании получают Балл Общественной Полезности в соотношении с тем, как они намереваются использовать метачипы, а чипы распределяются пропорционально БОП. И что тут не так?

— Это все совершенно нереалистично, — прямолинейно заявил Полион. — Они используют чипы для операций на одном теле — например, для восстановления почек или замены поврежденного спинного мозга, в то время как те же самые чипы могли бы найти... хм, применение, которым пользовались бы сразу тысячи людей. Дорг Джесен заплатил бы *миллионы* за горстку чипов и обещание стабильных поставок.

Блэйз расхохотался.

— Дорг Джесен? Король ощупорно? Это и есть твое представление о БОП?

— Миллионы, — повторил Полион. — И если ты думаешь, что я не могу придумать, как использовать такую сумму с пользой для общества...

— В это я могу поверить, — возразил Блэйз. — Но как ты собираешься провести применение чипов для ощупорно через Консультативную Службу?

— Я не вижу причин, почему этот вопрос вообще должна рассматривать какая-то там служба. Тестирование чипов на быстродействие — одна из тех задач, за которыми попросил меня следить губернатор Ляути. Уничтожение чипов с недостаточным быстродействием, предположительно, тоже будет поручено мне. — Он выглядел столь самодовольным, что Альфа ощутила просто-таки насущную потребность подколоть его — а то как бы не лопнул.

— На твоем месте я не стала бы планировать продажу дефектных чипов Доргу Джесену, — прервала она излияния Полиона. —

Он любит менять черты лица людям, которые помешали ему делать бизнес.

Дрожь, пробежавшая по телу Альфы, не была притворством: одним из первых ее заданий в медицинских исследованиях было снятие диаграммы повреждений с лица девушки, которая отвергла предложение Джесена касательно найма на работу. И в конце концов Альфа составила полное заключение относительно ранений вместе с голографическими снимками лица девушки перед нападением и того, как она будет выглядеть после того, как пластипленка заменит то, что когда-то было живой плотью и кожей.

В конце концов.

После того, как вихрем выбежала прочь из лаборатории и согнулась в рвотных позывах прямо перед старшим хирургом-консультантом.

В тот момент Альфе казалось, что это было и будет самым унизительным случаем за все ее обучение в Медицинской школе.

Вспоминая этот случай, она едва расслышала откровенный ответ Полиона: он вовсе не намеревается продавать кому бы то ни было дефектные чипы.

Блэйз негромко, уважительно присвистнул.

— Ну конечно. Подделать параметры быстродействия для отчетов губернатора Ляути так, для списков на продажу — этак, и кто знает, что там происходит с метачипами в промежутке? Да за пять лет ты сколотишь состояние!

— Я это и намереваюсь сделать, — подтвердил Полион.

Он воистину был *слишком* самодовольным, в особенности для человека, который окончил Академию с каким-то пятном в личном деле, да еще таким, о котором боялся или стыдился говорить. Альфа решила, что окажет человечеству услугу, стерев эту наглую улыбочку с лица лейтенанта де Грас-Вальдхейма. Он не должен так ухмыляться — это портит его внешний вид.

— Надеюсь, к тому времени ты еще будешь в состоянии радоваться своему состоянию, уж извини за каламбур, — сладко проворковала она, обращаясь к Полиону. — И лучше держись подальше от рабочих-каторжников. На производстве Д-класса так легко устроить какой-нибудь несчастный случай, верно? Но пусть тебя это не тревожит. Даже если ты ухитришься получить пятнышко от ганглицида на свою безупречную шкурку, я уверена, что губернатор Ляути спешно доставит тебя на Бахати для лечения. И, к твоему счастью, эксперт по терапии поражений ганглицидом будет прямо там, в Саммерлендской клинике.

— Ты. — Полион чуть заметно кивнул. — Это должно было стать темой твоей диссертации, не так ли?

Альфа подавила дрожь. Откуда Полион знает о ее исследованиях? А, ладно, Высшие Семьи — это такая тесная компания. Вероятно, тетушка Леона опять сплетничала за чайным столиком. Но Полион вряд ли знает что-то, кроме заголовка ее предполагаемой работы: симптомы поражения ганглицидом вряд ли являются подходящей темой для болтовни за чаем. Альфа расслабилась и приготовилась насладиться дальнейшим процессом стирания улыбки с лица Полиона.

— Я добилась некоторого успеха путем химической обработки кожи в местах гниения, — сказала она ему. — Ненавижу разрушительные процессы. Однако боюсь, что мы практически ничего не можем сделать, чтобы обратить эффект вспять. Кожа рвется, как бумага, и становится какой-то синевато-зеленой. И это поражение распространяется очень быстро. Если, пока ты находишься на Шемали, тебе на палец попадет капля ганглицида, то к тому времени, как твой шаттл доставит тебя на Бахати, твоя рука будет выглядеть так, словно ее пропустили через уничтожитель для бумаг. И попытайся держать ее подальше от своего красивого личика.

Идеальные черты Полиона выдавали лишь легкую обеспокоенность, однако взгляд свидетельствовал, что молодой человек неплохо осведомлен в вопросе.

— Тебе пришлось... довольно неожиданно прервать свои исследования, да?

Альфа мысленно прокляла старых сплетниц и их подружек, везде сующих свой длинный нос. Не важно.

— Тем печальнее, — вздохнула она. — Я только-только добралась до самых интересных случаев. Знаешь, когда ганглицид находится в газообразной форме, он атакует нервы и синапсы мозга. Воздействует на них практически так же, как на кожу. Мы исследовали действительно увлекательный случай, старшего техника-монтажника с Шемали. Изнутри его голова выглядела как влажная синяя губка. Конечно, к тому времени, как действие ганглицида зашло так далеко, этот парень уже не сознавал и не понимал, что с ним происходит. На самом деле это милосердие. Не то чтобы мы действительно знали, до какого момента он испытывал боль. Ганглицид, понимаете ли, воздействует прямо на болевые рецепторы, и мы не можем блокировать этот эффект при помощи лекарств. И до самого конца он непрерывно кричал. Как животное, которое умирает в мучениях.

Альфа облизала губы и бросила взгляд на Полиона. Он про-

должал сохранять достаточно спокойный вид, однако двумя пальцами отбивал нервную дробь по командной панели перед креслом. Прикосновения пальцев к чувствительным сенсорным подушечкам заставляли игровое пространство «Разбросанных» на дальнем экране смещаться рывками то туда, то сюда. Виды глубокого космоса чередовались с пылающими лабиринтами, где жидкая лава грозила поглотить беспомощные фигурки персонажей, которыми сейчас никто не управлял.

— Если будешь со мной в хороших отношениях, — добавила Альфа, — то обещаю убить тебя прежде, чем ганглиид сожрет твои мозги. Ни одно человеческое существо не должно так умирать.

— О да, я постараюсь установить с тобой хорошие отношения, — ответил Полион. Голос его звучал ровно. Двумя пальцами отодвинув контрольную панель, молодой человек проехал в кресле через всю рубку. Когда он придвинулся ближе, Альфа поняла, что взгляд его вовсе не был испуганным. Скорее настороженным, как у охотника, который ожидает, когда же добыча выскочит из укрытия. А когда Полион протянул руку и взял девушку за запястье сильными, жесткими пальцами, в глазах его зажегся огонек триумфа. — Я думаю, мы будем *очень* хорошо относиться друг к другу, прелестная Альфа. Так мило с твоей стороны проявить интерес к моей карьере. — На последних словах голос его изменился, стал насмешливым, не по-доброму веселым. — Но довольно обо мне. Расскажи лучше о себе. Почему бы тебе этого не сделать? — Он указал на Дарнелла и Фассу, которые в этот момент как раз появились в рубке и направлялись к ним. — Мы все хотим услышать о твоих прерванных исследованиях. И почему одна из самых перспективных юных выпускниц Медицинской школы решила потратить целых пять лет на службу обществу в захудалой клинике на Бахати. Ну, не скромничай, Альфа.

Альфа вскинула голову и попыталась оттолкнуть Полиона, но он был слишком силен.

— Там на самом деле нечего рассказывать. Я просто устала... хотела сменить обстановку. Вот и все.

— Вот как? — промурлыкал Полион. — Занятно. А я слышал, что были люди, которые также хотели, чтобы ты сменила обстановку. В новостные лучи это не попало, верно? Нельзя же было допустить, чтобы скандал с девушкой из Высшей Семьи стал всеобщим развлечением. Однако я полагаю, что наши друзья, находящиеся вместе с нами на корабле, сочтут эту историю *весьма* развлекательной.

Альфа смотрела на Полиона снизу вверх, ища хотя бы намек на сочувствие в правильных чертах его лица и в холодных, как лед, голубых глазах, которые несколько секунд назад казались ей такими привлекательными.

— Я не сделала ничего, чего можно было бы стыдиться, — прошептала она. — Традиции научных опытов...

— Не включают в себя тестирование ганглицида на находящихся без сознания людях. — Голос Полиона был так тих, что остальные его не слышали.

— Это были пациенты службы милосердия, — пыталась защититься Альфа. — Уличные бродяги. Некоторые из них так подсели на «блажен», что уже не понимали, что с ними происходит. Они были неизлечимы — сплошной расход со стороны государства, пока они не умрут. Я оказывала им милость, гарантируя, что их жизнь закончится не напрасно.

— Почему-то, — пробормотал Полион, — я не думаю, что суд бы решил так. Но ведь ты и не предстала перед судом, верно? Клан Герца и семья Фонг не позволили, чтобы это произошло. С руководством Медицинской школы все было улажено в частном порядке, все записи запечатаны.

— Как... ты узнал? — выдохнула Альфа. Сейчас Полион находился совсем рядом с ней, его голос был лишь слабым колебанием воздуха, срывающегося с губ, которые едва не касались щеки девушки. Грубая сила и ярость Полиона пугали ее, она ощутила, как слабеют ее мышцы, ее воля. Улыбка молодого человека заставила Альфу задрожать.

— Это моя маленькая тайна, — сказал Полион, все еще улыбаясь. Выражение лица и жесты у него были, словно у заправского кавалера: Альфа осознала, что все остальные, находящиеся в рубке, могут решить, будто разговор Альфы и Полиона — всего лишь флирт. Это и к лучшему. Все было лучше, нежели сделать ее тайное унижение явным перед этими людьми, рядом с которыми ей предстоит прожить следующие две недели. Нельзя, чтобы они видели в ней опозоренную неудачницу, а не успешную молодую исследовательницу, которой она притворялась. — Тебе повезло, что ты отделалась всего пятью годами общественной службы на Бахати, верно? — прокомментировал Полион, свободной рукой потрепав Альфу по щеке. — У простолюдинки были бы проблемы. *Большие* проблемы. Кто знает, красотка, может быть, ты даже оказалась бы на Шемали и получила бы шанс протестировать ганглицид, так сказать, непосредственно. Разве нашим невинным друзьям не понравится эта история?

Но он по-прежнему говорил очень тихо, чуть отвернув лицо от Фассы, Блэйза и Дарнелла, которые, сгрудившись в дальнем углу рубки, изображали глубокий интерес к очередному раунду «Разбросанных».

— Чего... ты хочешь?

— Сотрудничества, — ответил Полион. — Всего лишь небольшого... сотрудничества.

Вслепую, захлебываясь воздухом, которым отчего-то было невозможно дышать, Альфа подняла лицо навстречу приоткрытым губам Полиона.

— Не такого сотрудничества, — смеясь, поправил ее Полион, — пока что не такого. — Он смерил ее холодным взглядом, который наполнил душу Альфы еще большим страхом — и почему-то возбуждением. — Может быть, попозже, если ты будешь хорошей девочкой. Прежде ты была слишком нахальной, Альфа, ты это понимаешь? А теперь ты именно такая, какой я хочу видеть свою женщину. Тихая. И почтительная. Оставайся такой, и мы не будем больше обсуждать какие бы то ни было... хм... болезненные темы с остальными. Иди за мной и следуй по моему пути. Это все, чего я от тебя ожидаю — на данный момент.

Покорно, со склоненной головой, Альфа следом за Полионом подошла к трем игрокам в «Разбросанных». Они все еще притворялись, что целиком поглощены игрой, но она была уверена, что они жадно наблюдали за ее унижением.

Она им отплатит. Так и будет, поклялась про себя Альфа. Фасса, Дарнелл, Блэйз — они все поймут, что над ней нельзя безнаказанно смеяться.

Она даже и не подумала восставать против Полиона.

Нансия осторожно перенесла запись сцены, которой только что стала свидетельницей, на кристалл памяти, не подключенный к сети. То, что эти биты информации находились в ее системе, заставляло Нансию чувствовать себя... грязной. Как будто она была каким-то образом причастна к садистским играм Полиона.

Возможно, ей следовало вмешаться. Но как... и зачем? Альфа была такой же плохой, как Полион, даже хуже, судя по тому, что он рассказывал о ее запрещенных медицинских экспериментах. Эти двое стоили друг друга. Блэйз был единственным из всей группы, с кем Нансия не отказалась бы говорить. Этот рыжеволосый юнец напомнил ей Фликса — и, в отличие от остальных, в

нем вроде бы не было ничего такого, что несколько лет вдали от давящего семейного окружения не могли бы исцелить.

«И что именно я могла бы сказать, если бы решила вмешаться?» Нансия не могла ответить себе на этот вопрос. Она корабль Курьерской Службы, а не дипломат! И не предполагалось, что она должна вмешиваться в отношения между ее пассажирами! На борту должен быть пилот — *опытный* пилот, — как раз для того, чтобы прерывать отвратительные сцены вроде той, которую Нансия только что наблюдала, чтобы занять чем-нибудь этих испорченных юнцов и не дать им вцепиться друг другу в глотки за две недели путешествия. «Это нечестно! Только не в моем первом полете!»

Но некому было слушать ее жалобы. Оставалось еще целых пять дней до сингулярности и до провала в Ветанское подпространство.

«По крайней мере, я могу записывать все свидетельства, — мрачно думала Нансия. — Если кто-нибудь из этих мерзких отродий доведет другого до ручки, у меня будет достаточно кристаллов с данными, чтобы продемонстрировать всем, что произошло». Но в данный момент все пятеро пассажиров вроде бы неплохо ладили. Возможно, садистская игра с Альфой на какой-то момент удовлетворила потребность Полиона в том, чтобы командовать людьми и контролировать их. Он выбрал себе иконку персонажа и теперь, казалось, был полностью погружен в мир этой дурацкой игры. Нансия немного расслабилась... но ни на мгновение не выключала запись происходящего.

Глава 4

— Почему я не могу пройти мимо Дракона Мудрости? — проворчал Дарнелл. Он снова выбрал персонажем Костолома, однако могучего сложения киборг сейчас был загнан в угол, и огромный крылатый змей угрожающе шипел на него всякий раз, как он пытался двинуться.

— Тебе следовало купить для Костолома немного ума в Маленьком Магазинчике Духовного Просвещения, — пояснил Полион. Его пальцы небрежно порхали по экрану, заставляя Марсианского Мага Тыгоду плести бесполезную — по крайней мере с виду — сеть в ночном небе над Астероидом 66.

— Я не знал, что ум можно купить. — Дарнелл обиженно выпятил нижнюю губу. — Этого в сборнике правил не было.

— В сборнике правил много чего нет, — отозвался Полион, — включая большую часть того, что тебе нужно, чтобы выжить. А информация всегда готова на продажу... если ты знаешь правильную цену. Всё — от секретов сингулярности до происхождения названий планет.

— А, энциклопедии, библиотеки. Любой может купить Галактический Справочник на скоростном кристалле, — фыркнул Дарнелл. — Но у кого *найдется* время, чтобы прочитать всю эту чушь?

— Цена некоторых видов информации, — назидательно сказал Полион, — куда выше, чем стоимость книги и времени, необходимого, чтобы ее прочесть. Я могу распечатать для тебя правила сингулярной математики, но ты не заплатил цену за ее понимание — а эта цена составляет несколько лет обучения алгебре пространственных трансформаций плюс достаточно ума, чтобы производить вычисления во множественных измерениях.

— Ну, давай, — подзадорил его Блэйз. — Это не так сложно. Даже я знаю теорему Байковского.

— Сказано, что континуум С локально сжимаем до М тогда и только тогда, если для каждого эпсилон большего нуля и для каждого открытого множества Д, содержащего С, существует гомеоморфизм h от М на М, который раскладывает С на множество диаметров, меньших, чем эпсилон, и идентичность которого по М составляет Д, — быстро процитировал Полион. — И это не теорема, это определение.

Нансия молча, с легким интересом следила за дискуссией. Математика сингулярности была ей не в новинку, но по крайней мере когда ее пакостные пассажиры говорили о математике, они не пытались довести друг друга до ручки. К тому же на Нансию произвело впечатление, что Полион достаточно хорошо усвоил теорию сингулярности, чтобы суметь процитировать определение Байковского по памяти. Среди капсульников во время обучения устойчиво курсировал слух, что ни один мягкотелый не может *реально* понять многомерное расщепление.

— Истинная основа теории расщепления, — вещал тем временем своим слушателям Полион, — это то, что следует из этого определения. А именно, лемма Зерлипа: что нашу вселенную можно расценивать как набор локально сжимаемых континуумов, каждый из которых содержит по крайней мере один неразлагаемый элемент.

Фасса дель Парма надула губы и послала свою игровую иконку через все поле несколькими короткими, резкими рывками.

— Очень важная информация, я в этом уверена, — саркастически произнесла девушка, — но следует ли нам, всем остальным, платить за то, что мы ее слушаем? От всей этой теоретической математики у меня голова болит. И не то чтобы это для чего-то пригодилось, например для анализа нагрузки или тестирования материалов.

— Это вполне годится, чтобы доставить нас в систему Ньота за две недели, а не за шесть месяцев, птичка моя, — ответил ей Полион. — И это действительно довольно просто. Говоря для непрофессионалов, теория сингулярности просто показывает нам, как расщепить две широко разнесенные области подпространства в последовательность сжатых пространственных характеристик, у которых один общий неразлагаемый элемент. Когда подпространства становятся сингулярны, они словно бы пересекаются в этом самом элементе — и когда мы выходим из расщепления, то хлоп! — и мы вместо Центрального подпространства оказываемся в Веганском.

Нансия почувствовала удовлетворение от того, что подавила свое побуждение присоединиться к разговору. Ее соученики по Лабораторной школе были правы относительно мягкотелых. Полион знал все верные слова из курса сингулярной математики, однако вся базовая теория у него в голове безнадежно перепуталась. И было ясно, что он не понимает вычислительных проблем, стоящих за этой теорией. Чистая топологическая теория может доказать существование последовательностей расщепления, однако для того, чтобы на самом деле провести корабль через все эти последовательности, требуется огромная линейно-программная оптимизация, выполненная в реальном времени и без малейшего допуска на ошибку. Неудивительно, что мягкотелым не доверяют пилотировать корабли через сингулярность!

— Я с тобой согласна, — обратилась Альфа к Фассе. — Ску-учно это. Даже история Ньота и то интереснее, чем изучение математики.

— Ну конечно, ты так думаешь, — отозвалась Фасса, — особенно учитывая, что эта система была открыта и названа твоими сородичами. — Легкая ухмылка на ее лице подсказала Нансии, что эта реплика была шпилькой в адрес Альфы. Нансия быстро просканировала все свои данные по системе Ньота, однако не нашла никаких объяснений относительно того, почему семейство Герца-Фонг должно как-то особо интересоваться этой системой.

— Суахили — язык рабов, — надменно возразила Альфа. — Он

не имеет никакого отношения к племени Фонг. Мой народ пришел с другого края континента — и мы *никогда* не были в рабстве!

— Кто-нибудь даст мне карту этого разговора? — горестно спросил Дарнелл. — Я понял еще меньше, чем из лекции по математике, прочитанной тут Полионом.

— Эта информация, в частности, — сообщила ему Альфа, — совершенно бесплатна. — Она выпрямилась во весь рост и просверлила макушку дель Пармы взглядом, от которого гладкие темные волосы Фассы должны были вспыхнуть. — Система, куда мы направляемся, была открыта чернокожим потомком американских рабов. В порыве дурацкого энтузиазма он решил дать звезде и всем планетам названия, взятые из африканского языка. К несчастью, этот первооткрыватель был малообразован и единственным африканским языком, который он знал, был суахили, язык, завезенный на восточное побережье континента арабскими работорговцами. Он назвал местное солнце Ньота йа Джаха — Счастливая Звезда. Названия планет являются довольно точными их описаниями. «Бахати» означает «удача», и это достаточно неплохое место для проживания — зелень, умеренный климат, много красивых видов, которые всегда на месте. «Шемали» — значит «северный ветер».

Полион выразительно застонал.

— Я знаю. В отличие от некоторых, я прочел о месте своего назначения. Эта планета называется Северный Ветер потому, что именно он дует там тринадцать месяцев в году.

— Ты говоришь, что в году *тринадцать* месяцев? А... понял. Более длинный период обращения, верно? — Дарнелл просиял от гордости за свою сообразительность.

— Более короткий, если уж говорить об этом. — возразил Полион. В голосе его слышалось безразличие. — На Шемали год длится триста дней и поделен на десять месяцев для удобства. Я просто выражал сарказм касательно того факта, что там нет хорошего времени года.

— Неважно, — почти сочувственно сказала ему Альфа, — там все же лучше, чем на Ангалии. На самом деле полное название планеты — Ангалия! Оно произносится с восклицательным знаком на конце и означает: «Смотри в оба!»

— Смею ли я спросить, почему это? — поинтересовался Блэйз.

— Это означает, — ответила ему Альфа, — что, в отличие от Бахати, ландшафты там не остаются на одном месте.

Блэйз и Полион уставились друг на друга — жалкая участь на миг объединила их.

Полион, однако, оправился первым.

— Ну, ладно, — промолвил он, снова обращая взгляд на экран с игровым полем, — теперь ты видишь, Дарнелл, насколько ценна информация — и тот факт, что она не всегда есть в Галактическом Справочнике. А некоторая информация, не являющаяся... хм... широко доступной, — самая ценная из всего. — Осторожными жестами он покачивал шарик джойстика, в то же время пальцами левой руки выстукивал коды для увеличения и укрепления магической сети Тыгоды. — Тебе нужно придумать способы выторговывать информацию такого рода. Например, твоя компания перевозок — как она есть — может предложить осторожненько транспортировать груз, которого нет в декларации или который проходит под несколько иным наименованием: в некоторых случаях дезинформация или отсутствие информации может быть столь же ценным, как настоящие данные.

— И кому это нужно? — возразил Дарнелл. — И кому до этого есть дело? Разве нельзя просто поиграть в игру?

Полион одарил его сверкающей улыбкой.

— Милый мальчик, это тоже игра — и куда более занимательная, чем «Разбросанные». Что ж, я знаю некоторое количество людей, которые могут пожелать получить достаточно благоразумную услугу по перевозке грузов. Например, для начала, я сам.

— Почему ты?

— Допустим, я скажу, что не все метачипы, покидающие Шемали, будут занесены в записи на распределение по БОП, — бросил Полион.

— Ну и что? Какой смысл мне делать тебе одолжение?

— Я могу расплатиться с тобой контактами в Сети. Я могу работать с Сетью так, как не работал ни один хакер со времен первых создателей компьютерных вирусов. Для меня Сеть — все равно что незащищенный кристалл с данными. Как быстро ты сможешь восстановить «Перевозки ОГ», если будешь знать заранее о каждом крупном контракте, который появится в Ветанском подпространстве... и какую цену будут тайно предлагать твои противники?

Обиженная гримаса исчезла с лица Дарнелла, сменившись потрясением, — в то время как в голове его явно крутились какие-то расчеты.

— Я снова стану богачом через пять лет!

— Но, полагаю, не настолько разбогатеешь, как я на продаже метачипов, — пробормотал Полион. Сплетенная Тыгодой сеть поблескивала на экране перед ним, нити искристого света плава-

ли и свивались петлями над игровыми иконками, расположенными на поверхности Астероида 66. — Согласен поддержать дружеское пари? Мы, все пятеро, встречаемся раз в год и сверяем записи — чтобы посмотреть, как каждый из нас делает лимонад из тех кислых лимонов, который наши семейки подсунули нам, направив нас в эту дыру? Победитель получает двадцать пять процентов от любой операции проигравших — деловыми соглашениями, товаром или просто деньгами.

— И когда же мы решим остановиться и совершить окончательный подсчет? — спросил Дарнелл.

— Через пять лет — ведь тогда для большинства из нас закончится эта вынужденная поездка, не так ли?

— Ты же знаешь, что именно так, — быстро ответила Альфа. — Стандартный срок. И, — продолжила она под пристальным взглядом Полиона, — я думаю, что это превосходная идея. У меня ведь, знаешь ли, есть свои планы.

— Какие? — требовательно спросил Дарнелл.

Альфа неторопливо, словно бы лениво, улыбнулась ему.

— А тебе так хочется знать?

— Я уверен, что мы *все* хотим знать, — заверил ее Полион. Быстрым поворотом шарика он заставил искристую сеть Тыгоды вращаться в верхней части игрового поля. — Не просветишь ли ты их, Альфа, или же я должен... э-э... внести свою долю информации? — Он поманил ее к себе пальцем, и она придвинулась ближе к креслу, где восседал Полион.

— Ничего особенного, — сказала Альфа. — Но... Саммерлендская клиника — заведение двойное. Одна сторона — для платных пациентов, в основном важных персон, а вторая — больница для неимущих, чтобы поднять БОП-рейтинг клиники. У меня есть некоторые идеи по улучшению «блажена» — то, что можно давать зависимым в тщательно отмеренных дозах. Они тогда не попадут в циклическую зависимость — когда нужны все более ударные дозы дешевого наркотика.

— Эй, мне нравится «блажен», — запротестовал Дарнелл, — и я не попал ни в какой цикл.

— Ну хорошо, — ответила ему Альфа, — значит, ты не склонен к зависимости от наркотика. Но есть люди не настолько удачливые. Ты видел совсем «блаженных»? Достаточно большие дозы в достаточно длительный период времени, и нервная система выглядит как связка раздавленных червяков. *Моя* разновидность не будет оказывать такого воздействия. Мы сможем извлекать «блаженных» из госпиталя и посылать их на полезные работы, в то

время как они продолжают сидеть на препарате. И именно я проделала всю предварительную подготовку по разработке этого лекарства. На самом деле это побочный эффект моей работы над... Ладно, не будем обсуждать скучные подробности моих исследований, — заключила она, искоса глянув на Полиона. — Важно то, что у меня на кристалле имеются все формулы и лабораторные записи.

— Но разве Медицинский Центр не держит патент на все, что там разработано?

— Держит, — согласилась Альфа. — Когда — и если — оно запатентовано.

— Но ты же не сможешь продавать это, пока оно не пройдет *испытания и не будет запатентовано*! Какой тебе с этого прок?

Альфа переглянулась с Полионом поверх головы Дарнелла.

— Совершенно верно, — мрачно согласилась девушка, — однако я думаю, что могу найти способ в любом случае извлечь выгоду из данной ситуации.

— А как насчет тебя, Фасса? — спросил Полион. Девушка сидела тихо с тех самых пор, как отпустила шпильку касательно рабских наименований в системе Ньота. — Ты собираешься рулить этой компанией по сооружению построек в диких землях, которую твой папа подарил тебе *за хорошее поведение*? — Вопрос прозвучал так, что оставлял возможность для множества непристойных предположений.

— Двойная выгода с каждой сделки, — спокойно уведомила Фасса. — Я получила финансовое образование. И могу вести учетные книги так, что ни один аудитор не подкопается.

Дарнелл уважительно присвистнул.

— Но если тебя все же поймают...

Фасса перетекла к свободной стороне кресла Полиона несколькими гибкими, грациозными движениями, привлекшими к ней взгляды всех находящихся в рубке.

— Я думаю, — рассеянно произнесла она, — что смогу отвлечь любого аудитора, которому придет в голову проверить эти книги. Или любого инспектора по строительству, который захочет опротестовать качество материалов. — Ее ленивая, мечтательная улыбка сулила целый мир тайных наслаждений. — В строительстве всегда крутятся хорошие деньги... нужно только суметь их взять.

Теперь четверо из пассажиров образовывали тесную группку: Полион в пилотском кресле, Дарнелл стоит позади него, Фасса и

Альфа сидят по обе стороны от Полиона. Четыре пары глаз выжидающе уставились на Блэйза.

— Ну... — выдавил он, сглотнул и начал сначала: — Э-э... я не думаю, что ПТП предоставляет так же много простора для деятельности, как ваши предприятия, верно?

— Ты с нами или против нас, — сказал Полион. — Что ты выбираешь, родственничек?

— Э-э... а если нейтральность?

— Этого недостаточно. — Полион оглянулся на трех своих сообщников. — Он слышал о наших планах. Если он не присоединится к нам, ему может прийти в голову идея сообщить...

Альфа подалась вперед, сладко улыбаясь. Ее зубы были длинными и очень белыми, особенно по контрасту с темной кожей.

— О, ты ведь так не поступишь, ведь правда, дорогой Блэйз?

— Я бы не стал об этом даже и думать, — заявил Дарнелл, похлопывая пухлым кулаком по ладони другой руки.

Фасса облизнула губы и улыбнулась, как ребенок в предвкушении конфетки.

— Это может быть *интересно*, — пробормотала она, не обращаясь ни к кому в частности.

Блэйз обвел глазами лица спутников, потом оглянулся на титановый пилон Нансии. Та хранила молчание. На самом деле ничего пока не произошло. Если эти мерзавцы предпримут попытку решить дело силой, Нансия может остановить их за несколько секунд, впустив в рубку усыпляющий газ. И Блэйз знал это не хуже ее самой. Нансия не видела причины выдавать себя только для того, чтобы подбодрить этого парня. Он был достаточно смел, когда пикировался с Полионом один на один, так почему, ради неба, он не может противостоять им всем?

— Ну что вы, у Блэйза никогда не хватит духу, чтобы предпринять что-либо столь решительное, как попытка *рассказать*. — Полион коротким кивком дал понять кузену, что тот может идти. — Мы позволим ему подумать над этим... всю дорогу до Ангалии. Это будет долгая пара недель, родственничек, когда совершенно не с кем поговорить. И еще более долгих пять лет на Ангалии. Надеюсь, тебе понравится жизнь среди овощеголовых. Не думаю, что кто-нибудь еще в системе Ньота захочет иметь с тобой дело. — Де Грас-Вальдхейм развернулся лицом к экрану, где красовалось игровое поле «Разбросанных», и трос его товарищей повернулись вслед за ним.

— Ох, не надо так поспешно делать выводы. Я с вами, конечно, с вами, — заблеял Блэйз. — И у меня *есть* возможности —

мне просто нужно было время, чтобы о них подумать. Например, коркиевая шахта — она не разрабатывается должным образом... возможно, я смогу кое-что с этого получить. И ПТП регулярно поставляет на Ангалию продукты, и кто сказал, сколько еды попадет к туземцам, а сколько будет переброшено в другое место, где за нее заплатят... — Он развел руками и нервно пожал плечами. — Я что-нибудь придумаю. Вот увидите. Я могу справиться не хуже любого из вас!

Полион снова кивнул. Его кулак сомкнулся на шарике джойстика, и искристая сеть Тыгоды свилась спиралью и окутала Астероиды, поймав игровые иконки остальных персонажей в переплетение мерцающих нитей.

— Значит, заметано. Мы пятеро вместе. Теперь пусть у каждого из нас будет запись.

Он извлек из кармана формы горсточку мини-кристаллов и бросил их в считыватель. Один за другим Альфа, Фасса, Дарнелл и Блэйз идентифицировали себя по отпечатку ладони и сетчатки и проговорили всухх условия пари, на которое они согласились. После того как запись была сделана, Полион извлек кристаллы и раздал каждому из них по одному блестящему черному многограннику, последний оставив себе.

— Лучше хранить их где-нибудь в безопасном месте, — предупредил он.

Фасса упрятала свой мини-кристалл в сетчатую подвеску-медальон из серебристой проволоки. Эта подвеска свисала с ее браслета среди позванивающих колокольчиков и мерцающих кусочков резного призмадерева. Фасса, казалось, была единственной, кто не торопился убраться из «зоны влияния» Полиона: в то время как остальные наперегонки поспешили к выходу из рубки, девушка задумчиво крутила свой браслет, пристраивая черный мини-кристалл в различных положениях, словно ее заботило только то, как бы показать необычное украшение в наиболее выгодном свете.

Пока Альфа, Дарнелл и Блэйз покидали рубку, Нансия гадала, действительно ли быстрые действия Полиона и его гипнотическое влияние заставили их забыть, что из всех пятерых он один не записал на мини-кристалл свои намерения? Или они просто боялись бросить ему вызов?

Не то чтобы это имело значение. Нансия записала всю сцену. С сенсоров, расположенных в разных углах рубки.

— Вот увидите, — повторил Блэйз, обернувшись через плечо, перед тем как уйти. — Я справлюсь лучше, чем любой из вас.

— Мелкие планы, малыш, — фыркнула Альфа, направляясь по коридору к своей каюте. — Мелкие планы для мелкого человечка. Проигравшим будешь ты, но кого это волнует? *Кто-то* должен проиграть.

— Ты знаешь, она не права, — прокомментировал Полион, обращаясь к Фассе. — *Четверо* из вас должны проиграть. В этой игре будет только один победитель. — И он тоже покинул рубку, зажав черный мини-кристалл в пальцах и что-то тихонько напевая себе под нос.

ФАССА

В ярком свете, озарявшем рубку, черные грани мини-кристалла отбрасывали блики, когда Фасса поворачивала руку так и этак, любуясь эффектом искристой черноты среди мешанины подвесок из серебра и призмадерева. Кристалл был таким же черным, как гладкие волосы и раскосые глаза Фассы. И особенно красиво его чернота контрастировала с ее ухоженной гладкой кожей. Твердость и блестящее совершенство мини-кристалла были словно отображением таких же качеств самой Фассы — прекрасной и непроницаемой.

«Оболочка, полная опасных тайн».

Девушка посмотрелась в зеркально гладкие грани мини-кристалла и увидела, как ее лицо отражается сразу дюжиной крошечных зеркалец, искажаясь и дробясь. И, пойманное в эти миниатюрные зеркала, ее прекрасное лицо превращалось в маску боли и безмолвного крика.

«Нет! Это не я — это не могу быть я». Фасса уронила руку, и колокольчики на браслете разом звякнули и умолкли. Оттолкнувшись от странной титановой колонны, занимавшей так много пространства рубки, Фасса передвинулась в угол между экранами и шкафчиком с выдвижными ящиками.

— Пустые экраны, — приказала она кораблю.

Головокружительные виды игрового пространства «Разбросанных» померкли, сменившись черной пустотой, такой же, как поверхность мини-кристалла. Фасса смотрела на экран, приоткрыв губы, пока созерцание собственной красоты не придало ей уверенности. Да, она оставалась такой же привлекательной, какой всегда себя считала. Искаженное отражение в мини-кристалле было лишь иллюзией, так же, как сны, тревожившие ее покой, — сны, в которых ее прелестное лицо и совершенное тело

слетали, словно шелуха, обнажая съежившееся, жалкое создание, прятавшееся внутри.

Успокоенная, Фасса погладила двумя пальцами браслет и коснулась твердой граненой поверхности мини-кристалла. «Я храню свои секреты, а ты храни свои, сестричка». До тех пор, пока Фасса может поставить между собой и миром щит своей совершенной красоты, она может чувствовать себя в безопасности. Никто не заглянет под эту маску и не увидит презренное существо внутри. Немногие пытались, все остальные были слишком загипнотизированы внешним блеском. Мужчины — это одержимые желанием идиоты, и они заслуживают лишь того, чтобы их глупость обернулась против них самих. Если она сможет использовать их вожделение для того, чтобы обогатиться, тем лучше. Боги знают, ее красота слишком многого стоила ей в прошлом!

«Мама, мама, заставь его прекратить!» — плакал детский голос где-то на задворках ее сознания. Фасса горько рассмеялась при воспоминании об этой глупости. Сколько лет было ей тогда? Восемь, девять? Достаточно мало, чтобы думать, будто ее мать способна остановить такого человека, как Фаул дель Парма-и-Поло, способна заставить его отказаться от того, чего он действительно хочет, — например, от своей дочери. Мама закрывала глаза и отворачивалась. Она не хотела знать, что делает Фаул с их прелестной маленькой девочкой.

«Уродливая девчонка. Грязная девчонка», — прошептал другой голос.

И все-таки именно мама остановила это, в некотором смысле. Слишком поздно, но тем не менее — ее зрелищное и публичное самоубийство положило конец играм, которым предавался Фаул наедине с дочерью. Прыгнув с балкона сорок второго этажа, мама разбилась на террасе галактического отеля «Регис», посреди пышного убранства в честь ежегодной вечеринки компании Фаула дель Пармы — вечеринки, на которой присутствовали *все* новостники и сплетники. И новости, слухи, сплетни и предположения, которыми оказалось окружено самоубийство жены дель Пармы, переполняли новостные лучи еще много недель. Почему она покончила с собой? Фаул дель Парма мог дать женщине все, чего она только пожелает. Не было никаких свидетельств ее психической нестабильности. И все знали, что Фаул дель Парма никогда не заглядывался на других женщин, ему никто не был нужен, кроме жены — ну, никто особо и не видел эту жену, не так ли? Она была домоседкой. Но он всюду появлялся на людях вме-

сте с прелестной маленькой дочкой, ей только тринадцать, но ей так идет траур...

До дюжины новостников разом дошло, что можно взять интервью у дочери. И тогда *это* прекратилось. Фаул дель Парма отдал дочь в очень дорогую, очень закрытую школу-пансион, где ни один новостник не сможет добраться до нее, чтобы задать неподходящие вопросы.

Фасса покрутила мини-кристалл на подвеске. «Спасибо, мама». Даже сейчас, шесть лет спустя, история о самоубийстве жены дель Парма время от времени муссировалась желтыми каналами. И поэтому даже сейчас Фаул дель Парма не хотел рисковать, оставляя Фассу поблизости от себя. И теперь, когда она закончила дорогую, эксклюзивную школу, он нашел для нее место в самой меньшей из своих компаний, «Конструкциях Поло», расположенной на одной из планет в Веганском полпространстве. И Фасса впервые испытала свое умение торговаться.

— Я принимаю этот пост. Но не как твоя подчиненная. Отдай «Конструкции Поло» мне, и я отправлюсь на Бахати, буду управлять компанией и никогда больше не побеспокою тебя. Назовем это подарком на окончание школы.

Назовем это взяткой за то, что отправилась в изгнание, думала Фасса, крутя мини-кристалл так и этак, пока острые углы граней не впились ей в подушечки пальцев. Потому что когда Фаул попробовал уклониться от передачи компании в полное владение Фассы, девушка элегантно оперлась о его стол и стала вслух строить предположения относительно ее шансов на получение места в одной из крупных новостных корпораций.

— Они все *ужасно* интересуются мной, — дразнила она отца.

— Интересуются тем, чтобы собирать скользкие слухи о нашей семье! — рявкнул Фаул. — Ты им интересна отнюдь не за свои способности.

Фасса пригладила блестящие черные волосы и отбросила их за спину.

— *Некоторые* из моих способностей весьма интересны, — возразила она отцу. Она понизила голос до хрипловатого низкого шепота, который оказывал такой эффект на учителей-мужчин. — А сведения о семействе дель Парма-и-Поло — всегда новости. Держу пари, что какая-нибудь из крупных новостных компаний будет счастлива поставить сериал по написанной мною книге. Я могу поведать им все секреты, которые узнала от своего отца...

— Ну ладно. Компания твоя! — Фаул дель Парма-и-Поло хлопнул ладонью по панели сканера, стоящего рядом со столом,

одновременно нажал пальцем свободной руки на кнопку копирования и бросил дочери готовый и заверенный мини-кристалл.

— Не будешь возражать, если я его просканирую?

— Используй общественный сканер. Моему ты не можешь доверять, — указал Фаул. — Я мог запрограммировать его так, чтобы он выдавал *фальшивые* данные. Если хочешь вести бизнес успешно, Фасса, то лучше тебе прямо сейчас начать уметь. Но не волнуйся — здесь все, что нужно. Передача права на владение и отпечаток моей ладони в подтверждение. Я не стану обманывать тебя. Я не хочу, чтобы ты снова появлялась в этом кабинете.

— *Не хочешь*, дорогой папа? — Фасса перегнулась через стол гибким текучим движением.

Облегающий комбинезон из ригелианской паутинной пряжи подчеркнул изящество ее тела. Она нагнулась достаточно близко, чтобы дать Фаулу ощутить тепло и легкий аромат ее кожи... и была вознаграждена, увидев, как глаза его загорелись желанием и потемнели от боли.

— Та-га-та, милый папочка. — Девушка соскользнула со стола и спрятала мини-кристалл в коричневое сердечко, прицепленное к ее браслету. — Мы увидимся... вряд ли.

— Интересно, — хрипло произнес Фаул, — сколько их, этих крошечных подвесок, содержат в себе сердца и души мужчин.

— Немного — пока что. — Фасса помедлила у двери и одарила его сияющей улыбкой. — Я начинаю коллекцию с тебя.

Сейчас, в трех днях пути от Центральных Миров, она уже добавила к коллекции второй кристалл. Фасса машинально покачала браслетом. Каждая из блестящих подвесок была крошечной коробочкой, медальоном или ладанкой, ожидающей, пока внутрь будет заключена какая-нибудь безделушка. Фасса собирала эти подвески в течение всех одиноких лет, проведенных в закрытой школе, тратя на эти нелепые погремушки ручной работы все деньги, которые Фаул переводил ей на именины и Рождество. По одной за каждый раз, когда Фаул приходил в ее комнату ночью. Всего лишь двадцать три в целом. Странно, думала Фасса, менее двух дюжин тщательно выбранных ночей на протяжении четырех или пяти лет — и это заставляет тебя вынуть изнутри. Двадцать три блестящих украшения, каждое так же совершенно и прекрасно на свой лад, как Фасса — на свой. И внутри каждого такая же пустота, как в душе у нее самой.

«Нет, больше не у всех. Два из них наполнены». Фасса оттолкнулась от стены кончиками пальцев и тихонько пошла через рубку, позванивая подвесками на запястье. Прежде чем она закон-

чит, она заполнит каждую из этих подвесок чем-нибудь... подходящим.

«А что потом?»

На это не было ответа, как не было возможного финала у будущего, которое она наметила для себя.

БЛЭЙЗ

Рубка управления была пуста; Полион и его приятели расползлись по своим каютам, чтобы обдумать свое пари и его возможные последствия. Отлично. Блэйз знал, что мог прекрасно поговорить с Нансией и из своей каюты, но почему-то казалось более правильным прийти сюда и беседовать прямо с титановым пилоном, в который была заключена ее капсула.

Кроме того, в каюте она ему не ответила. Он подумал, что она, возможно, отключила сенсоры в каютах, чтобы оставить пассажирам право на личную жизнь.

Блэйз неуверенно откашлялся. Теперь, когда он стоял здесь и отнюдь не был уверен в том, что его присутствие желательно, ему казалось страшным говорить со стенами. Такие вещи могут привести к тому, что тебя отправят отдыхать в какое-нибудь милое местечко вроде Саммерлендской клиники. Блэйз вздрогнул. Спасибо, это не для него. Если ему понадобится медицинская помощь, то он уж точно обратится в клинику, где *не работает* эта гадюка Альфа бинт Герца-Фонг.

— Нансия, ты меня слышишь?

Безмолвие было таким же абсолютным, как в черной космической пустоте за тонкой оболочкой мозгового корабля.

— Я знаю, что ты слушаешь, — в отчаянии произнес Блэйз. — И смотришь тоже. Ты должна. Я не стал бы закрывать глаза или поворачиваться спиной к кому-нибудь вроде моего кузена Полиона, и я не верю, что ты станешь рисковать и позволишь ему проникнуть в рубку управления иначе как под твоим пристальным надзором.

Титановый пилон Нансии переливался радугой в свете ламп, искрился и отбрасывал блики. А Нансия ничего не сказала.

— Послушай, я знаю, что ты подумала, но это совсем не то. Правда. — Блэйз нервно ухватился за спинку кресла. — Я имею в виду, что я мог поделать? Ты ждала, что я назову их всех преступниками и проявлю кристальную честность? Они выкинули бы меня в космос еще до прибытия на Англию и сказали бы, что это несчастный случай.

Безмолвие.

— Ну ладно, — согласился Блэйз. — Возможно, они бы меня и не выкинули. Особенно если я сказал бы им, что ты «мозговой» корабль и можешь собрать против них улики.

Безмолвие.

Это было хуже, чем когда он месяц просидел запертый в своей комнате.

— Но это означало бы донести на тебя, — напомнил Блэйз, — а ведь ты действительно не хотела, чтобы они знали, что ты все слышишь, верно?

Безмолвие.

— Ну ладно, чего ты вообще от меня ожидала? Они все меня ненавидят. — Голос Блэйза сорвался. — Разве недостаточно плохо то, что я направляюсь на Анталию и проведу следующие пять лет, раздавая пакеты от ПТП каким-то ходячим овощам? Что, я должен вдобавок лишиться единственных своих друзей во всей системе?

Нансия наконец ответила:

— Они тебе не друзья, и ты это знаешь.

Блэйз пожал плечами:

— Лучшая подделка, какая у меня была. Послушай, я всю жизнь был в своей семье паршивой овцой, никто обо мне не беспокоился, никто меня не любил, никто не уважал. Можешь ли ты винить меня за то, что я хочу изменить такое положение дел? Всего лишь раз в своей жизни я хочу быть *вместе*.

— Ты это сделал, — сказала ему Нансия. — Насколько я вижу, ты теперь действительно вместе со всей остальной компанией этих отморозков. А что касается уважения... можешь добавить меня к списку тех, кто тебя не уважает. Я не верю, что ты убегал из дома три раза. Тебе не хватит смелости и улицу перейти, если кто-нибудь не переведет тебя за ручку.

— Я это сделал!

Безмолвие.

— Ну, один раз, все равно. И если бы я сбежал снова, все было бы так, как я рассказывал. Они ждали бы меня в Академии. Так какой смысл? И какая разница? Как следует продумать — все равно что реально сделать, не так ли?

Безмолвие.

Блэйз решил вернуться в свою каюту, прежде чем кто-нибудь явится в рубку и застанет его беседующим со стенкой.

— И еще одно, — произнес он. — Я действительно поступил в

Академию. Под именем Блэйз Докем. Можешь проверить в записях Академии!

Нансия продолжала хранить молчание. Всю дорогу до Англии.

Глава 5

СИНГУЛЯРНОСТЬ

Пространство вокруг корабля обрушилось внутрь себя, закручиваясь спиралью, подобно торнадо, и устремилось к точке сингулярности, где в определенный момент подпространство Центральных Миров пересекалось с подпространством Веги. Снабженный метачипом параллельный процессор корабля решал и оптимизировал множество равенств, представленных в тысячеквадратной матрице подпространственных точек, падая из данного подпространства в расщепление и проскакивал схлопывающийся *туннель пространств*, каждую десятую долю секунды выбирая и решая новую оптимизационную проблему. Для Нансии сингулярность была примерно тем же, чем старинный земной спорт под названием «серфинг» — как она его себе представляла: балансируя на неразлагаемой точке, где встречаются расщепляющиеся пространства, она распознавала и использовала локальные пути так быстро, что проблемы оптимизации массивов сливались в одно сплошное ощущение скольжения на волне, которая все время была готова рассыпаться брызгами под ногами, но не рассыпалась.

Практика по прохождению сингулярности, которую Нансия сдала в Академии, была проще, чем в этот раз. Там ей пришлось иметь дело только с одним множеством параллельных равенств. Здесь же последовательность равенств и убывающих подпространств струилась мимо нее непрерывным потоком. Это был вызов, опасность, радость: это было то, чему учили Нансию. Она выхватывала матрицы данных и направляла их в корабельные процессоры, выбирая и решая постоянно меняющиеся пути к сингулярности с непоколебимой сосредоточенностью спортсмена.

В том же самом новостном луче, где Нансия увидела сцены серфинга, были также кадры, посвященные соревнованиям по прыжкам в воду. Четкие движения ныряльщиков, то, как они на секунду зависали в воздухе, словно могли подняться и взлететь, — все это просто пленило Нансию. Она пересматривала этот луч десятки раз, дивясь тому, что способны проделать мяг-

котелые за несколько секунд физической свободы. «Смотрите, какой чистый прыжок!» — заявил комментатор после выступления одного из спортсменов, а потом пояснил: термин «чистый» означает, что ныряльщик вошел в воду без единого всплеска.

Нансия выполнила чистый прыжок в сингулярность и вынырнула в Веганском подпространстве.

Для ее пассажиров, которым во время прохода сингулярности нечего было делать и которые никак не могли отфильтровать смещение восприятия, переход был куда менее приятен. Несколько секунд расщепления и восстановления им показались часами, в течение которых они продирались через ставший вязким воздух, искали дорогу между формами, искаженными до полной неузнаваемости, в странных местах, где цвета гудели на разные голоса, а свет огибал углы.

Люди вздохнули с облегчением, когда корабль снова вырвался в обычное пространство.

Нансия смотрела, как они шатаются и потирают глаза и уши. Она была весьма удивлена тем, насколько сильной оказалась их реакция. Тренер, сопровождавший ее на экзаменационном прохоле через сингулярность, казалось, ничуть не был обескуражен искажением сенсорных ощущений на каких-то несколько секунд. Возможно, то, как мягкотелые воспринимают расщепление, зависит от практики. Первые слова Полиона после возвращения в нормальное пространство подтверждали, что дело может быть именно в этом.

— Ну, птенчики мои, — произнес Полион, — как вам понравилось ваше первое расщепление? С первого моего тренировочного полета прошло столько времени, что я уже и забыл, как оно влияет на новичков.

— Одного раза вполне достаточно, — эмоционально отозвался Дарнелл. — Если я все-таки соберусь обратно домой, то лучше выберу шесть месяцев путешествия на ФТЛ. А еще лучше — пойду пешком.

Фасса яростно кивнула в знак согласия, а потом вздрогнула, как будто пожалев о том, что это движение было таким интенсивным.

— Попробуй «блажен», — предложила Альфа. — Помогает от похмелья — должно помочь и от головной боли после прохождения сингулярности.

Дарнелл схватил с ее ладони маленькие голубые таблетки и одним отчаянным глотком отправил к себе в желудок сразу шесть штук. Фасса покачала было головой, но потом, похоже, решила

не делать и этого и просто вялым жестом отвела от себя руку Альфы.

— Я не связываюсь с наркотиками.

— Тем глупее это с твоей стороны, — фыркнула Альфа. — Я знаю о побочных эффектах больше, чем любой из вас, и обещаю, что несколько таблеток не причинят никакого вреда. Жаль только, что я не подумала об этом до того, как мы вошли в сингулярность. Блэйз?

— Отличная идея, — неискренне промолвил Блэйз, принимая предложенные пилюли. В отличие от Дарнелла, он прошел к дальней стене рубки, нашел полупустую бутылку «стизумруда» и запил таблетки зеленой жидкостью. — Почти такая же хорошая, как мысль пойти пешком. Мне кажется, я раньше недостаточно сильно *ценил* Землю. — Его веснушчатое лицо было бледно-зеленого цвета.

Полион хихикнул.

— Возможно, тот факт, что тебе не позволили учиться на пилота, был для тебя скрытым благом, малыш. Похоже, у тебя для этого недостаточно крепкий желудок. А теперь вообразите сочетание постоянных расщеп-прыжков со спецармейскими рационами из вареного синтепротеина и непонятных капсул, которые все пахнут капустой...

Фасса зажала себе рот ладонью и бросилась к двери. Дарнелл судорожно сглотнул два или три раза.

— Не будешь ли ты так добр не упоминать о еде хотя бы в данный момент?

Однако на последних словах голос его стал *тягучим* и спокойным: «блажен» наконец-то подействовал.

— По крайней мере до тех пор, пока я не съем свои таблетки, — добавила Альфа, кидая в рот сразу пригоршню блестящих голубых пилюль.

Фасса не успела добежать до сортира в своей каюте. Нансия молча выпустила сервороботов, которые подобрали и испарили образовавшуюся на полу грязь. Потом активировала замок на двери каюты Фассы, так что дверь раскрылась, едва девушка подошла к ней.

— С-спасибо, — выдавила Фасса сквозь влажное полотенце, которое подал ей один из сервов. — Я хочу сказать... я знаю, что ты просто беспилотник, так что это глупо, но... ох, все равно спасибо.

Девушка рухнула на свою койку и скорчилась в жалкой позе. Нансия отключила сенсоры в каюте, сомкнула диафрагму двери

и оставила Фассу в одиночестве — пусть приходит в себя. По крайней мере, подумала Нансия, у этой девушки хватило силы воли, чтобы отказаться от разъедающих мозг наркотиков. И хорошего воспитания, чтобы поблагодарить того, кто помог ей, пусть даже сама Фасса считает этого «кого-то» обычным нежилым кораблем-беспилотником. Высказанное ею намерение использовать секс для того, чтобы получать концессии для ее компании, было отвратительным, равно как и ее манеры в целом. Но, возможно, она все-таки была чуть менее отталкивающей личностью, чем остальные пассажиры.

Они совершенно не обратили внимания на то, как плохо Фассе, отметила Нансия. Полион в одиночку проходил очередной раунд «Разбросанных», а остальные трое хихикали, передавая по кругу очередную бутылку «стизумруда». Нансия встревоженно подумала о том, какое воздействие такая смесь стимуляторов и подавителей может оказать на нервную систему мягкотелых — и что еще могла протащить на борт Альфа. Может быть, было ошибкой отключать сенсоры в каютах: эти люди *не заслуживали* права на частную жизнь.

Но, в конце концов, какое ей было дело, если они желают одурманивать себя наркотиками? Тем более что в таком виде они были куда более симпатичны. Сама Нансия не могла представить себе ничего более ужасного, чем добровольно оглушать и вводить в заблуждение собственные синапсы, однако, судя по всем имеющимся у нее сведениям, мягкотелые вообще отличались странными вкусами.

Кроме того, их гораздо проще было терпеть сейчас, когда они были настолько одурманены, что могли лишь негромко хихикать и расплескивать «стизумруд». Роботы-уборщики Нансии затирали зеленые лужицы на полу рубки, пассажиры не обращали внимания ни на роботов, ни на их деятельность, а Нансия по мере сил старалась не обращать внимания на пассажиров.

Да и сейчас ей было с кем поговорить.

Не прошло и нескольких секунд после появления из сингулярности, а Нансия уже установила с базой Веги контакт по узконаправленному лучу. К тому времени, как Фасса ввалилась в свою каюту, а остальные пассажиры занялись развлечениями на свой вкус, Нансия уже завершила процедуру идентификации и обмена официальными посланиями и теперь радостно болтала с Симеоном, мозгом-управляющим базы Вега.

— И как тебе твое первое путешествие? — поинтересовался Симеон.

— Сингулярность была просто... — Нансия не могла найти слов, вместо этого она просто выдала короткий визуальный импульс: цвета плавятся и раздуваются, как мыльные пузыри, радужные пучки света весело завиваются спиралями друг вокруг друга. — Я жду не дождусь следующего прыжка.

Симеон хмыкнул.

— Значит, ты из счастливчиков. Судя по тому, что я слышал, не все это так воспринимают.

— Моим пассажирам, кажется, не очень-то понравилось, — согласилась Нансия, — но какое мне дело?

— Даже интеллект-корабли не всегда так наслаждаются сингулярностью, — урезонил ее Симеон.

Нансии было трудно поверить в это, однако она помнила, что Симеон — мозг стационарный. Он был размещен в самом сердце базы Вега, и единственным его опытом путешествий был прыжок, приведший его в это подпространство после окончания им Лабораторной школы. Да и тогда Симеон путешествовал в качестве пассажира, как какой-нибудь мягкотелый. Возможно, ей, Нансии, не следует расписывать восторги сингулярностью тому, кому не выпало подобное счастье — самому проделывать прыжок.

Кроме того, Симеон хотел выяснить кое-что еще.

— Похоже, тебя не очень-то заботит удобство твоих пассажиров.

И снова Нансии не хватало слов. Она приглушила цвета своего визуального импульса, превратив его в илистый водоворот зеленовато-бурых и серых тонов.

— Они... не очень хорошие люди, — ответила она наконец. — Я слышала кое-что из того, что они обсуждали на корабле... Симеон, можно задать тебе гипотетический вопрос? Предположим, интеллект-корабль случайно узнал, что у определенных людей имеются неэтичные планы. Должен ли корабль сообщить об этом?

— Ты имеешь в виду заговор с целью убийства? Или особо крупную государственную измену — попытку свергнуть правительство Центральных?

— О боже, нет, ничего *такого*! — Как мог Симеон так спокойно обсуждать столь ужасные вещи? — По крайней мере, мне не кажется... я хочу сказать, предположим, они не собираются причинять никому вред, однако то, что они замышляют, неправильно с точки зрения морали? Даже не законно. — Планы Альфы получать прибыль от препарата, который следовало представить на

рассмотрение в Медицинский Центр, идея Полиона создать черный рынок мстачипов — нет, заверила себя Нансия, ее пассажиры отвратительны и аморальны, но они, по крайней мере, не склонны к жестокости.

— Хм-м. И каким же образом «мозговой» корабль узнал о планах своих пассажиров?

— Я... они думали, что это просто беспилотник, — ответила Нансия, — и обсуждали свои планы совершенно свободно. Корабль сделал записи всех этих разговоров.

— Понятно. — Тон Симеона был неодобрительным, и на какой-то момент Нансия решила, что он разделяет ее отношение к планам пассажиров. — А ты не думала, юная Икс-Эн-935, что выдавать себя за беспилотник ради того, чтобы подслушивать разговоры пассажиров из Высших Семей, — это разновидность провокации? Фактически, поскольку упомянутые пассажиры действительно происходят из Высших Семей — и очень близких к Ценкому, то само ведение тайных записей может расцениваться как измена. А если бы они обсуждали важные военные тайны?

— Но они не... я не... Послушай, ВС-895, это *они* преступники, а не я! — воскликнула Нансия.

— Ох... — Ответ Симеона был электронным эквивалентом шепота. — Приглуши свои импульсы, хорошо? Меня едва из капсулы не вышибло.

— Извини. — Нансия взяла себя под контроль и направила к Симеону четкий, сфокусированный луч. — Но я не понимаю, в чем ты меня обвиняешь.

— Я? Ни в чем, Икс-Эн, уверяю тебя. Я просто пытаюсь тебя предупредить, что суд может смотреть на вещи совершенно по-иному. Я не знаю, что собираются сделать твои юные пассажиры, и не особо желаю знать. Ты еще почти незнакома с окружающим миром, иначе ты бы понимала, что большинство мягкотелых тем или иным образом стараются извлечь выгоду из любой ситуации, в которой оказываются.

Нансия обдумала эти слова.

— Ты хочешь сказать — они все такие испорченные?

Симеон хмыкнул.

— Не совсем так, Нансия, но в достаточной степени, чтобы это было интересно. Ты должна понять этих бедолаг. Короткий срок жизни, пять чувств, да и те ограниченные, одноканальная система коммуникации. Я полагаю, что они чувствуют себя обманутыми, когда сравнивают свои возможности с нашими. И пе-

которые из них компенсируют это ощущение, стараясь получить от жизни как можно больше хорошего.

Нансии пришлось согласиться, что в сентенциях Симеона было много здравого смысла. И, доставляя своих пассажиров по местам их назначения в системе Ньота йа Джаха, Нансия старалась подражать Симеону, сохраняя высокомерную отчужденность по отношению к людям. Поскольку четверо из них все еще считали ее беспилотником, а пятый знал, что она с ним не разговаривает, эта надменность давалась ей довольно легко.

Каждую посадку на планету Нансия превратила в упражнение по расчету времени с точностью до доли секунды и идеальному совмещению орбиты. Это была хорошая практика, она заставляла Нансию сосредоточиться на собственных делах, а не на делах пассажиров, и если из-за необходимости быстро маневрировать их немножко потрясет — что ж, тем хуже для них. Нансия гордилась тем, что само приземление у нее выходило мягким, словно прикосновение падающего перышка к почве. По крайней мере, на Бахати и Шемали все прошло именно так. Но, достигнув Ангалии, Нансия не сумела воспротивиться внутреннему побуждению задать Блэйзу хорошую встряску на спуске. К тому времени, как корабль буквально брякнулся на гору с плоской вершиной, выполнявшую роль посадочной площадки на Ангалии, Блэйз был бледен и весь в поту.

— В этом, — сказал он, собирая свой багаж, — не было никакой необходимости.

Нансия сохраняла ледяное — *в полном смысле слова* — молчание. На каждый момент задержки Блэйза на борту она понижала температуру во внутренних помещениях на несколько градусов.

— Ты могла бы, по крайней мере, прислать робота помочь мне со всем этим барахлом, — пожаловался Блэйз, хватая синими от холода пальцами коробку с книгокристаллами. — Знаешь ли, ты мне не мать, — заявил он, нажимая кнопку лифта. — Никто тебя не просил выносить суждения по поводу моих моральных воззрений. Точно так же, как никто не спрашивал меня, хочу ли я жить в этой проклятой дыре.

Нансия накренила пол шлюза так, что аккуратно составленные Блэйзом коробки с припасами вывалились наружу, как только сам молодой человек ступил на почву Ангалии.

— Я знаю, что ты думаешь! — кричал он, окутанный облаком красной пыли. — Но ты во мне ошибаешься! Вы все ошибаетесь! Я вам докажу!

Нансия была рада, что в ее задачу не входило забирать отсюда

предыдущего чиновника ПТП, того, на смену которому прислали Блэйза. Очевидно, не будучи представителем Высших Семей, этот чиновник намеревался подождать рейсового транспорта ПТП, а не воспользоваться услугами корабля Курьерской Службы. Нансия подумала, что для него это, наверное, тяжело, но ее лично вполне устраивает. Она намерена проследовать прямиком на Вегу-3.3, забрать застрявшего там пилота и вернуться на Центральный за *настоящим* заданием — и «телом» по ее собственному выбору. Слава богу, она больше не будет заменять беспилотник только ради того, чтобы богатые и сильные могли чувствовать себя в безопасности!

Свою ошибку она обнаружила только на полдороге от Ньога йа Джаха до Веги-3.

— Что ты имеешь в виду под «еще одним небольшим поручением»? — заорала она на беднягу Симеона.

— Потише, — пришел негромкий ответ-напоминание. — Это не моя идея, и вовсе незачем так кричать. И вообще какая разница, ты же все равно летишь на Вегу-3.

— Я направляюсь на Вегу-3.3, а не 4.2, — указала Нансия, и это напомнило ей еще об одном поводе для огорчения. — И почему эти люди не могут дать своим солнцам и планетам нормальные названия? Эта нумерация в системе Веги заставляет меня чувствовать себя машиной.

— Они крепко верят в эффективность, — сообщил Симеон. — И в логику. Ты поймешь, что я имею в виду, когда будешь работать в паре с Калебом.

— Хм-м. Ты хочешь сказать, когда я буду перевозить этого человека — это все, на что я согласилась. Эффективность! — проворчала Нансия. — Это новое слово в неправильном использовании Курьерской службы. Лететь в совершенно другую планетную систему и делать дополнительную остановку, чтобы подобрать этого губернатора Трикстоппла и его семью, не говоря уже о том, чтобы кормить их всю дорогу до Центрального. Тратится время, топливо и корабельные запасы. Мое топливо принадлежит Курьерской службе, равно как и мое время!

— А как насчет твоей души? — поинтересовался Симеон, включив луч на нормальную интенсивность. — А, неважно. Я все время забываю, что ты новичок, Икс-Эн. Подожди, пока попрыгаешь по подпространствам несколько сотен лет. Тогда начнешь понимать, что правила могут варьироваться в соответствии с людскими потребностями.

— Ты хочешь сказать — с потребностями мягкотелых, — гордо

поправила его Нансия. — Я никогда в жизни не просила сделать для меня исключение или оказать милость, и не собираюсь начинать сейчас.

Ответный импульс Симеона — диссонирующие волны и сталкивающиеся цвета — был электронным эквивалентом чрезвычайно грубого слова.

— Я понимаю, почему психологи сочли, что из тебя и Калеба получится превосходный тандем, — произнес Симеон. К сожалению, на этой реплике он отключил передачу, оставив Нансию недоумевать на протяжении всего времени полета до Веги-3.3. Так почему же психологи сочли уместным дать ей в пару «тело», чьим основным достижением до сих пор была потеря его первого напарника? Неужели что-то было не так в ее деле, какая-то нестабильность, из-за которой ей и назначили такого некомпетентного пилота? Наверняка в ином случае этот мягкотелый Калеб остатки своих дней на Курьерской службе провел бы, выполняя межпланетные прыжки и мелкие задания — вроде этого приказа забрать губернатора Трикстопила. А Психологический Центр хочет повесить его на нее — вместе с его запятнанным досье! Это было нечестно. Нансия обижалась на это всю дорогу до Веги-3.3.

Первый взгляд на Калеба отнюдь не развеял ее сомнения в уместности этого назначения. В записях Курьерской службы говорилось, что ему всего двадцать восемь лет — молод для мягкотелого, — однако шел он медленно и осторожно, словно усталый старик. Форма Службы смотрелась на нем так, словно была сшита для человека более крупного телосложения. Китель неопрятно висел на широких, но при этом костлявых плечах, брюки собирались в складки на голенях. «Тощий коротышка с кислой рожей, — мысленно вынесла резюме Нансия, пока Калеб поднимался по лестнице. — И почему бы ему не воспользоваться лифтом, если он настолько потерял форму, что не может одолеть один-единственный лестничный пролет?»

Обращенное к ней приветствие было вполне вежливым, но при этом безэмоциональным. Нансия ответила в том же тоне. Они равнодушно производили все положенные по уставу Службы формальности, пока Нансия не вывела на экран приказ, пришедший с базы Вега. И тут Калеб вышел из себя.

— Делать крюк, чтобы взять на борт этого толстозадого чинушу и его семейство? Это работа не для Курьерской службы! Почему бы Трикстопилу не поджидать вместе со всеми следующего рейсового пассажирского корабля?

Нансия пустила грязно-коричневую рябь поперек экрана, на который был выведен пресловутый приказ.

– Никто мне ничего не объясняет, — ответила она вслух для удобства Калеба. — Остановись здесь, лети туда, доставь этих ребят в систему Ньота, забери застрявшего пилота с Веги-3.3, подбери губернатора на 4.2 и отвези его обратно на Центральный. Я не знаю, почему он затребовал специальный рейс, — он ведь даже не принадлежит к Высшим Семьям.

– Нет, но он работал на это подпространство в течение долгого времени, — ответил ей Калеб. — И, возможно, сделал больше, чем полдюжины пустоголовых аристократишек с двуствольными именами.

— Мы не все пустоголовые, — возразила Нансия. — Ты, наверное, не потрудился внимательно прочесть свои бумаги? — Она высветила на экране прямо перед ним свое полное имя.

— Ну что ж, ты ничего не могла поделать с фактом своего рождения, — равнодушно произнес Калеб, — и я полагаю, что обучение в Лабораторной школе способно многое исправить. Ты готова к отбытию? Мы не можем тратить время на болтовню, если хотим уложить эту дополнительную остановку в рамки расписания.

«После того как мы доберемся до Центрального, я дам ему десять минут на то, чтобы убраться вместе с багажом и освободить место для «тела» с нормальными манерами», — поклялась себе Нансия, *включая двигатели* и выполняя куда более резкий и быстрый старт, чем когда бы то ни было ранее позволила бы себе с мягкотелым пассажиром на борту. «Нет, это слишком щедро. Пять минут».

Она ощутила некоторое сожаление, когда взглянула через сенсоры в каюту Калеба после старта и увидела, как тот пытается сесть прямо. Вид у него был бледный и измотанный. Однако ей было не настолько жалко его, чтобы изменить свое изначальное отношение к такому вот «назначению» ей пилота.

— Еще до отбытия нам следует обговорить одну вещь, — без предисловий сообщила Нансия.

— Да? — Калеб даже не потрудился повернуть голову и взглянуть на динамик. Конечно, он был опытным — пусть даже некомпетентным — пилотом и знал, что она может услышать его слова, в какую бы сторону они ни были сказаны. И все же Нансия ощутила смутное раздражение — как будто он не обращал на нее внимания, даже если и отвечал на ее слова.

— Транспортировка тебя обратно на Центральные Миры — мое официальное задание, и я не могу от него отказаться. Но я не

хочу, чтобы ты расценивал это как формальное согласие принять тебя в качестве моего «тела». Я не имею ни малейших намерений отказаться от своего права на свободный выбор напарника только потому, что такой тандем показался подходящим кому-то в Центре.

А что *теперь* происходит с этим человеком? На его лицо только-только начали возвращаться краски после потрясения от старта с высокой перегрузкой; теперь же он снова побледнел, черты застыли, словно у маски — или у трупа. Нансия начала задумываться, доживет ли это «тело» до посадки на Центральном. «Если у него не хватит здоровья, чтобы пережить этот полет, кто-нибудь должен был меня предупредить».

— Конечно, — произнес Калеб, и голос его был столь ровным и лишенным интонаций, что мог бы принадлежать роботу-уборщику, — никто и не ждет, что ты откажешься от этого права. В особенности ради меня. — Он повернул голову и впервые посмотрел прямо на сенсор. — Икс-Эн, отключи, пожалуйста, сенсоры в этой каюте. Я хочу отдохнуть. В уединении, — подчеркнул он. А потом лег навзничь, закрыв лицо согнутой в локте рукой. Полежал несколько секунд, потом перекатился и уткнулся лицом в подушку, как будто не верил, что Нансия за ним не подсматривает.

— Симеон! Трещину тебе в капсулу, Симеон, я знаю, что ты принимаешь мой луч. ПОГОВОРИ СО МНОЙ!

— Ты чрезвычайно назойливое юное создание. Икс-Эн-935, и ты снова кричишь.

— Извини. — Нансия была так рада, что дождалась хоть какого-то ответа от базы Вега, что немедленно уменьшила интенсивность своего луча до такого же, как у Симеона, едва слышного импульса. — Симеон, мне нужно знать, что за «тело» мне навязывают.

— Так проскапируй файлы новостных лучей.

— Я так и сделала. В них нет ничего. По крайней мере, ничего из того, что мне нужно.

На свой лад эти файлы были весьма информативны: с жуткими историями о корабле и человеке, едва не уничтоженных неожиданной вспышкой радиации, медленное, длившееся несколько месяцев путешествие пилота на опаленном, оставшемся без мозга корабле и то, как встречали героя на Веге-3.3, куда он добрался с данными разведки, за которыми его, собственно, и посылали. История о том, через что пришлось пройти Калебу —

месяцы одиночества, голода и последствий радиационного воздействия, — во многом изменили отношение Нансии к изможденному пилоту, взошедшему на ее борт на Веге-3.3. Она ощутила мрачноватое уважение к человеку, который проводил долгие часы в ее физкультурном отсеке, работая с гироусилителями и пружинными тренажерами, чтобы восстановить усохшие мышцы.

Человек, который воспринял ее изначальную враждебность как нечто должное, который выбросил ее из мыслей почти сразу и с тех пор не сказал ей ни слова. Так в молчании они летели все три дня пути от Веги-3 до Веги-4, и Нансия с нетерпением ждала, пока Симеон вновь восстановит каналы связи, чтобы она могла спросить все, что ей нужно. Наконец она принялась взывать на частотах мозга станции Вега все усиливающимися импульсами, которые, должно быть, вызывали у Симеона то, что у млекопитающих именуется «головной болью».

Нансия свела воедино все прочитанные ею новостные записи и тремя короткими импульсами отослала их Симеону — просто чтобы он убедился, что она справилась с «домашней работой» и сама.

— Так что еще ты хочешь знать?

— Как. Он. Потерял. Свой. Корабль? — после каждого слова Нансия ставила своеобразную «точку» — импульс трескучей статики.

— Ты же читала новостные файлы.

— МЫ ЗАЩИЩЕНЫ ОТ... извини. — Она начала сначала, с нормальной инженивностью: — Мы защищены от радиации. И он не должен был пострадать, если только не проявил беспечность — например, вышел с корабля и не проверил заранее уровень радиации. А кораблю вообще ничто не могло угрожать. Как радиация могла проникнуть в рубку, да еще и в ее пилон?

— В данном случае — *в его пилон*, — поправил Симеон, как будто это имело какое-то значение.

«Разве что Калеб использовал код доступа, чтобы вскрыть капсулу мозга своего корабля». Это было настоящим кошмаром, и именно на этот счет Нансия хотела подстраховаться. Предполагалось, что ни одно «тело» не знает оба словесно-музыкальных сочетания, которые и составляют код доступа к «мозгу» корабля. Одна последовательность выдавалась пилоту при назначении, вторая была тщательно запечатана кодами Центкома. Однако то, с какой легкостью Полион мухлевал в Сети, заронило в душу Нансии глубокие подозрения относительно компьютерных систем безопасности. Любой придуманный кем-либо код можно взло-

мать... и как еще такая мелочь, как радиационная вспышка, могла погубить КЛ-740?

— Ничто и не прошло сквозь пилон, — сказал Симеон. — Однако КЛ-740 был одним из первых кораблей Курьерской службы. Триста лет назад о том, как нужно защищать синаптические связи, было известно куда меньше, чем теперь. Радиационная вспышка, воздействию которой подвергся корабль, была не настолько сильной, чтобы повредить основные системы, однако она сожгла ведущие к капсуле связи, оставив КЛ-740 в полной изоляции — без возможности передавать или принимать сигналы, совершенно отрезанного от управления кораблем. Калеб привел корабль обратно на ручном управлении, однако к тому времени, как они добрались до Веги, КЛ-740 сошел с ума от сенсорного голодания.

— Но Системы Хельвы... — возразила Нансия. Прошло очень, очень много времени с тех пор, как какой-либо из «мозговых» кораблей испытывал сенсорное голодание. Встроенные в капсулу метачипы, названные в честь легендарного «мозгового» корабля, прошедшего через такое испытание и предложившего эту модификацию, должны были быть неуязвимы для любого внешнего воздействия.

— Модификации Хельвы не универсальны, хотя, видит бог, должны бы быть таковыми. — Голос у Симеона был усталый. — Это болезненная процедура для тех из нас, кому не повезло быть снабженными этой системой изначально, девочка. Некоторые из более старых кораблей, те, кто сумел расплатиться и работал на Курьерскую Службу уже в качестве свободных агентов, имели право отказаться от модификации. КЛ... воспользовался этим правом.

— Ох! — Это был худший кошмар для любого «мозга»: оказаться отрезанным от мира, причем до такой степени, какую не мог вообразить себе ни один мягкотелый. На миг Нансия отключила все свои сенсоры, представляя эту абсолютную черноту. Сколько времени *она* смогла бы выдержать такое? Неудивительно, что ее наставник в Лабораторной школе отключил новостной луч, когда там рассказывалось о КЛ-740. Неудивительно, что доступные ей файлы с записями были тщательно отредактированы. Никто не хотел, чтобы «мозговой» корабль терзался мыслями о самом худшем, что только может случиться. Нансия и сама больше не хотела об этом думать. Внутренне содрогаясь, она включила одновременно все сенсоры и коммуникационный канал.

Мелкие шумы повседневной жизни омыли ее теплым, успо-

кающим приливом, даря общность с остальным человечеством, с остальной разумной жизнью вселенной. Нансия с изумлением и признательностью отмечала все детали. «Как странно и чудесно все это... видеть, слышать, ощущать, чувствовать, знать... и я все это воспринимала как должное!» В эту секунду любой, самый мельчайший входящий импульс был драгоценен для нее, словно дар самой жизни. Калеб занимался на тренажере, на экранах в центральной рубке танцевали элегантные геометрические узоры заставки, а снаружи пылали, словно далекие маяки, яркие звезды. Вега-4 прямо по курсу виднелась как красноватый сияющий шар, а в пространстве между Вегой-4.3 и 4.2 туда-сюда летали импульсы: кто-то болтал о моде на синтешелк, царящей сейчас на Центральных Мирах. А кто-то кричал на спутниковом канале связи...

Симеон продолжал говорить:

— Левин. — Несущие сигналы прозвучали как скорбный шепот. — Его звали не КЛ-740. Его звали Левин, и он был моим другом.

На Веге-4.2 на борт Нансии погрузились губернатор Трикстоппл и его семейство. Они вели себя словно пассажиры на круизном лайнере, разбрасывали повсюду свои вещи, предоставляя подбирать их терпеливым слугам, идущим следом. А еще оценивали вслух все детали интерьера Нансии, которые попадались им на глаза.

— Эй! Посмотрите на эти экраны! — Младший Трикстоппл, подросток лет двенадцати с хищной, как у ласки, мордочкой, с предвкушением пялился на три огромных, во всю стену, экрана в центральной рубке. — Сестренка, где мой кристалл с «Разбросанными»? Я могу играть всю дорогу до дома...

— Я не обязана следить, где ты бросаешь свое барахло, — фыркнула его старшая сестра. — Мама, в моей каюте только один шкафчик для вещей. Мои антаресские кружева все помнутся.

— А кому какое дело? Все равно твоей уродливой роже ничего не поможет! — Трикстоппл-младший показал сестре язык. Она швырнула в него флакон с чем-то розовым и тягучим, брат уклонился, а флакон аккуратно поймал в воздухе Калеб.

— Дети, дети, — пробормотал Трикстоппл-старший, — не нужно беспокоить мать и слуг. — Он протянул костлявую руку, чтобы взять у пилота брошенный дочкой флакон. Судя по взгляду и жесту, губернатор явно зачислил Калеба в число слуг. Нансия разозлилась. Может быть, Калеб и не является ее официаль-

ным «телом», она может отвергать методы, которыми Психологический Отдел пытался заставить их сотрудничать для вящего спокойствия Ценкома, однако тем не менее он был заслуженным пилотом и достоин куда большего уважения!

— Губернатор Трикстоппл, боюсь, мне придется попросить вас разойтись по отведенным вам каютам и пристегнуться перед стартом, — без малейших интонаций произнес Калеб.

— Уже? Но эти неуклюжие слуги еще даже не начали распаковывать мои вещи! Я пока не могу их отослать! — возмутилась Трикси Трикстоппл, без единого слова признательности или прощания в адрес слуг, которые, судя по всему, работали у нее все те двадцать лет, что губернатор Трикстоппл занимал свой пост. Было ясно, от кого ее дочь научилась так противно фыркать.

— Приношу извинения, мэм, — сказал Калеб, по-прежнему ровным тоном, к которому невозможно было придраться, — но я связан уставом. Раздел 4, подраздел 4.5, параграфы со второго по четвертый. Кораблю Курьерской службы не позволено задерживать вылет без какой бы то ни было причины. Пролление стоянки здесь может лишить возможности попасть туда, где срочно нужен курьерский корабль.

Он лично проводил все семейство Трикстоппов до их коек и заверил, что они надежно защищены от стартовых перегрузок. Нансия держала сенсоры в каютах включенными, чтобы все перепроверить, однако Калеб не сделал ни малейшей ошибки.

Как только пассажиры были пристегнуты, а их багаж закреплен, Калеб вернулся в рубку и махнул рукой в сторону двери.

— Икс-Эн, ты не могла бы закрыть? — И вздохнул с подчеркнутым облегчением. — Если бы мы только могли не пускать их сюда в течение всего полета! Такие люди — позор для Веги. Им даже не хватило хороших манер, чтобы поздороваться с тобой!

— Точно так же, как и пассажирам, которых я везла сюда, — добавила Нансия. — Я начинаю чувствовать себя невидимкой.

— Не для меня, — заверил ее Калеб. Его глаза изучали рубку, и в них была такая тоска, что Нансия даже озадачилась. — Только не для меня... Если я не получу новое назначение, это будет мое последнее путешествие на корабле. А нам придется лететь вместе с этими, этими... — Он помахал рукой, как будто не мог подобрать слов.

— Это грустно, — согласилась Нансия, — но это не причина, по которой мы не должны относиться к своей работе профессионально, не так ли? — Разговаривая с Калебом, она одновременно быстро просматривала тома устава Курьерской службы, загру-

женные в ее банк данных перед назначением. Что-то там было на третьем мегакристалле... А, вот оно. Именно такая ситуация. Но сейчас Нансия не будет об этом упоминать. Калеб явно желал покинуть поверхность Веги-4.2 прежде, чем Трикстоппы начнут жаловаться на ограничение своей свободы, и Нансия не могла его в этом винить.

Из уважения ко все еще слабому здоровью Калеба Нансия выполнила этот старт так медленно и мягко, как только могла. В конце концов, это не вина пилота, что Психологический Центр практически насильно упихал их личные коды в один поток данных. И она не хотела убивать этого человека по пути домой.

Когда они снова оказались за пределами гравитационного колодца, Калеб отстегнулся от противоперегрузочного кресла и прошелся по рубке, сейчас в его движениях не наблюдалось ни малейшего признака слабости, проявлявшейся после первого старта.

— Бережешь гражданских? — поинтересовался он. — Помнится мне, что ты можешь стартовать куда быстрее, когда хочешь, Икс-Эн.

— Я... ну... не вижу необходимости спешить, — пробормотала Нансия. Будь он проклят, этот упрямец! Не хочет даже признать, что ему же лучше, если старт не настолько резкий!

Калеб, кажется, слегка развеселился.

— Верно. Если учесть, что теперь нет причин оставлять пассажиров привязанными к койкам и что нам придется нянчиться с этими типами до самой точки сингулярности... я бы тоже не стал спешить.

Словно в ответ на эти слова, через диафрагму двери протиснулся Трикстопп-младший. Нансия вздрогнула, ощутив повреждения, нанесенные ее гибким мембранам. Она широко открыла дверь, так чтобы губернатор Трикстопп, шествующий по коридору следом за сыном, не причинил ей еще большего вреда.

— Ладно, теперь мы в космосе, и я хочу поиграть на компе! — заявил мальчишка.

Нансия задвинула и закрыла все ящички шкафа и намеренно отключила экраны.

— Извините, юный сэр. Устав Курьерской службы, том XVIII, раздел 1522, подраздел 6.2, параграф тысяча шестьсот пятьдесят второй, строго запрещает предоставлять допуск к корабельному компьютеру не облеченным соответствующими полномочиями лицам, равно как и разрешать им свободное передвижение по

рубке. Этот запрет выдвинут в качестве защитной меры против незаконного вторжения в собственность Курьерской службы.

— Слушай, ты... ты, говорящая капсула, это не касается таких людей, как мы! — рявкнул губернатор Трикстоппл, входя в рубку.

— В официальных приказах, переданных мне Ценкомом в начале данного рейса, ничего не говорилось о вас и вашей семье, губернатор Трикстоппл, — ответила Нансия. Она делала между словами небольшие паузы и придала голосу металлическое звучание, чтобы Трикстопплы поняли, что говорят с машиной, которую нельзя запугать или подкупить. — Мне не позволено вносить в эти приказы изменения, за исключением тех, что переданы прямым лучом с Центрального.

— Но база Вега приказала тебе отвезти нас на Центральный!

— И я всегда рада оказать услугу моим добрым друзьям на базе Вега, — отозвалась Нансия. — И тем не менее не в моей власти изменять устав. Если Командный Центр даст вам доступ к моим компьютерам, то я разрешу вам пребывать здесь. А пока что прошу вас вернуться в отведенные вам каюты и прилегающие к ним помещения. Мне не хочется подкреплять приказы силой, но вы должны знать, что у меня есть право в случае неповиновения заполнить все жилые отсеки усыпляющим газом.

Губернатор Трикстоппл схватил сына за воротник и выволок из рубки. Лепестки дверной диафрагмы закрылись за ними.

— Это, — с уважением произнес Калеб, — было великолепно, Икс-Эн. Просто великолепно. Э-э... я полагаю, такой параграф в уставе действительно есть?

— Конечно, есть! Ты что, думаешь, я лгу?

— Мои глубочайшие извинения, мэм. Я просто не мог сам вспомнить данный параграф...

— Я сознаю, что мозг *мягкотелых* сильно ограничен в своих возможностях хранения и поиска информации, — насмешливо хмыкнула Нансия, а потом созналась: — На самом деле мне потребовалось несколько минут, чтобы отыскать что-либо применимое к данному случаю. И я бы никогда об этом не подумала, если бы ты не процитировал устав, чтобы заставить их убраться отсюда перед стартом.

— Если бы не нужно было их кормить, — мечтательно промолвил Калеб, — то нам бы не пришлось снова заговаривать с ними на протяжении всего пути до Центрального...

— У меня есть возможность сервировать трапезу в любой из жилых кают, — уведомила его Нансия. «В отличие от старых моделей...» Она оборвала себя прежде, чем высказала это вслух. Было бы жестоко *напоминать* Калебу о его потере.

— Ладно, Икс-Эн, попробуй вот это. — Калеб подвигал джойстиком и вывел на дисплей двойной тор, заключающий в себе два двойных сомкнутых изгиба. Участки тора были вписаны в диски, обозначенные как A1, B и A2. — Ты в A1, пространство твоего назначения — A2. Найди точку сингулярности и рассчитай необходимое расщепление.

— Это нечестно, — запротестовала Нансия. — Ведь так и не было доказано, что вообще существует последовательность расщепления по навигации в данной структуре. Гипотеза Сатьяджохи, — процитировала она из базы памяти. — «Если h — гомеоморфизм E3 на само себя, зафиксированный на E3 — E, требуется одно из h(J1), h(j2), содержащее дугу с четырьмя точками от A+B, такими, чтобы никакие две из этих точек не были смежны с дугой, принадлежащей к той же самой дуге между A и B». Если так, то пространство расщепления h не согласуется с E3. А в данном приложении, — напомнила она Калебу, — E3 эквивалентно нормальному пространству.

Калеб дважды моргнул.

— На самом деле я не ожидал, что ты знакома с гипотезой Сатьяджохи. И все же, Икс-Эн. Позволь мне указать, что это всего лишь гипотеза, а не теорема.

— За сто двадцать пять лет своего существования в космической математике она так и не была опровергнута, — проворчала Нансия.

— Ну и что? Возможно, ты будешь первой, кто найдет контрпример.

Нансия не думала, что есть особый смысл даже в том, чтобы пытаться этот контрпример найти, однако запустила программу автоматического развития «струн» на экран, так, что та высвечивала различные вероятные пути через сингулярность, превращая их в линии искристого голубого цвета, а затем постепенно позволяя им угаснуть, когда в отношении их — одна за другой — было доказано отсутствие вероятности. Было еще кое-что, в чем Нансии нужен был совет Калеба, и теперь — когда семейство Трикстоплов было вынуждено сидеть в своих каютах, а Калеб был в лучшем настроении, чем когда-либо за все время их знакомства, так ему понравилась игра с гипотезой Сатьяджохи, — так вот, теперь было самое подходящее время, чтобы об этом заговорить.

— Я ведь не так давно получила патент, ты же знаешь, Калеб, — начала Нансия.

— Верно, — согласился он. — Но ты можешь стать одной из лучших. Я сужу по тому, как ты справляешься с мелочами. Я бы и

не помыслил о том, чтобы найти в уставе правила, которые заставят Трикстопилов не путаться у нас под ногами. И мне бы в голову не пришло проверить гипотезу Сагьяджохи таким способом, каким ты проделываешь это сейчас.

Две вероятностные линии сингулярности вспыхнули голубым цветом и исчезли с экрана, пока Калеб произносил эту фразу. Третья линия скользнула через A1, а потом в диск B, обогнув двойной тор.

— Бывают вещи и более сложные, чем это, — осторожно промолвила Нансия. — В математике гипотеза либо верна, либо нет.

— То же самое относится и к уставу Курьерской Службы, — заметил Калеб.

— Да, но... не во всем. Там не говорится, что делать, если корабль случайно услышал, как его пассажиры строят незаконные планы.

— Если ты подслушиваешь, что делает губернатор Трикстоппл в своей каюте, — жестко сказал Калеб, — это бесчестное действие, и я по полному праву требую от тебя немедленно это прекратить.

— Да нет, я его не подслушиваю, — заверила его Нансия. — Но что, если... если на борту интеллект-корабля находятся пассажиры, которые не знают, что корабль разумен, и при этом они любят сидеть в рубке, играть в «Разбросанных» и время от времени обсуждать незаконные планы, которые собираются претворить в жизнь?

— Э... гипотетический случай? — Голос Калеба звучал уже не так напряженно, и Нансия тоже ощутила облегчение.

По крайней мере, он, в отличие от Симеона, не предположил с ходу, что она говорит о своем непосредственном опыте. Все, что Нансия узнала о Калебе из файлов и наблюдений за ним — его героическое возвращение в одиночку на Вегу, решимость, с которой он проделывал упражнения по жесткой восстановительной программе, его уважение к уставу Курьерской Службы, — все это заставляло ее думать о нем как о человеке безупречно честном, чьему слову она могла поверить в любых обстоятельствах. Она не хотела, чтобы он посмеялся над ней так же, как это сделал Симеон, или предположил — опять же как Симеон, — что ее собственные действия в данной ситуации были морально неприемлемы.

— Ну, в таком случае, если он когда-либо возникнет, ты должна помнить, что моральный долг разумного корабля — при первой же возможности представиться своим пассажирам.

— Этого нет в уставе. — Нансия попыталась защититься от обвинения, которое Калеб выдвинул, сам того не зная.

— Да, но этого требует здравый смысл. Это все равно что... как если я спрячусь в шкафу, чтобы застать губернатора Трикстоппла за подсчетом кредиток, полученных им от взяток, даже если это будет происходить в общественном месте. — Калеб произнес это с таким отвращением, что Нансия раздумала продолжать разговор на эту тему.

Очевидно, Калеб тоже не намеревался этого делать. Он посмотрел на центральный экран, где сеть тускло-серых линий свидетельствовала о непрекращающихся попытках Нансии найти дорожку из точек сингулярности через построенную им топологическую конфигурацию.

— Давай примем, что в данном конкретном случае гипотезу Сатьяджохи опровергнуть не удалось, — предложил Калеб. — Теперь твоя очередь выдвигать проблему. Не знаю, зачем мы, вместо того чтобы углублять свои познания в математике расщепления, обсуждаем гипотетические этические проблемы, которые вряд ли когда-либо возникнут. И я не понимаю, почему... — Он прикусил губу и быстрым движением джойстика стер изображение с экрана.

— Почему что? — спросила Нансия.

— Твоя очередь выдвигать проблему, — напомнил ей Калеб.

— Не прежде, чем ты договоришь фразу.

— Ну ладно! Я не понимаю, зачем тебе спрашивать совета в области этики у пилота, самым большим достижением которого на сегодняшний день является тот факт, что он потерял свой первый корабль! — Калеб выговорил эти слова с такой сдержанной яростью, что Нансия вновь ощутила к нему сострадание. Она вспомнила, как горевал Симеон по своему другу Левину — КЛ-740. Какая же она дура!

— Извини, — сказала она Калебу. — Я должна была сознавать, что обсуждение таких предметов напомнит тебе о Левине. Ты так горюешь о нем?

Калеб вздохнул.

— Не в этом дело, Икс-Эн. Левин был хорошим, компетентным кораблем, он обучал меня, когда я был еще новичком, и я всегда был ему признателен. Но мы не были... мы никогда не говорили просто так, как сейчас с тобой, понимаешь? Пять лет я служил вместе с ним, и у меня не было чувства, что я знаю его по-настоящему. Нет, я не скорблю по Левину. Но у него было право на будущее, на сотни лет работы, и он этого будущего ли-

шился. Сам же я надеялся в лучшем случае провести еще лет пять в качестве «тела».

— Ты еще можешь на это надеяться, — заметила Нансия. — Только из-за того, что ты пока не получил назначения на корабль...

— А какой корабль согласится принять пилота, позволившего КЛ-740 умереть? — отрезал Калеб. — Ты сама вполне ясно выразила эту точку зрения, Икс-Эн. А теперь хватит об этом. Следующую проблему, пожалуйста!

Нансия начала передавать данные на Ценком — по закрытому лучу — в тот же момент, как вынырнула из сингулярности и вышла в подпространство Центральных Миров. Она хотела устроить все, без возможности дискуссий, до того, как Калеб будет готов покинуть корабль.

Все шло по плану. Дален Рахилли, инспектор Нансии в Курьерской Службе, запросил разрешение подняться на борт еще прежде, чем семейство Трикстоппов собрало свои многочисленные вещи и удалилось.

— Наглый хлыщ, — прокомментировал Рахилли, наблюдая через внешние обзорные камеры Нансии, как скрывается из виду костлявая спина Трикстоппа. — Он, по крайней мере, мог бы положить что-нибудь на твой счет — ведь ты оказала ему услугу, быстро доставив домой.

— Я этого не ожидала, — ответила Нансия совершенно искренне. Единственный выигрыш от этого путешествия, которого она ожидала — и от которого не хотела отказываться, — по-прежнему находился в своей каюте, заново наиктовывая на комм запрос на предоставление работы, который каким-то образом оказался стерт из его личного файла. Это была уже третья попытка, и по тому, как выразительно Калеб выговаривал слова стандартной формы, Нансия точно могла сказать, что он теряет терпение. Если она не уладит все в самом скором времени, то Калеб откажется от попыток использовать корабельную коммуникационную систему и подаст запрос лично в офисе Ценкома. А ее это совершенно не устраивало.

— Ну... будут некоторые изменения. Бумажная работа, — сказал Рахилли. — Мы... не ожидали этого, понимаешь, Икс-Эн. На самом деле ВС на Вете совершенно уверен, что ты формально отвергла это назначение.

— Он... должно быть, неправильно понял мои слова, — уклончиво ответила Нансия. — Как скоро все будет улажено?

Чтоб тебе треснуть! Пока она тут разговаривает с Рахилли, Калеб ухитрился надиктовать весь текст своего запроса и уже готов переслать его в Ценком. Это не должно случиться... пока что. Нансия немедленно отключила исходящий луч.

— А, мы закончим всю волокиту за один день. Ты уверена, что ты этого хочешь?

— Хочу, — твердо отозвалась Нансия. Надо было спросить мнения и другой стороны, но Рахилли, похоже, не считал это необходимым.

Калеб вошел в рубку. Брови его были нахмурены.

— Икс-Эй, какую цель ты преследовала, отключив мою связь с Ценкомом?

— Твою связь? — переспросила Нансия. — О господи. Все мои внешние системы просто на какой-то момент вдруг оказались лишены энергии.

— Мы немедленно пришлем техников, чтобы они справились с этой проблемой, — заверил Рахилли.

— А... я не думаю, что это необходимо, — возразила ему Нансия. — Пока мы говорили, я исследовала эту проблему и, кажется, нашла ее источник. С нею можно достаточно просто справиться при помощи внутренних средств.

Ну конечно, все, что нужно, — это снова восстановить энергетический поток...

— Отлично, КН-935. — Рахилли изобразил уставный салют Службы, приблизительно адресовав его в сторону титанового пилона Нансии. — Оставшиеся бюрократические процедуры будут проделаны в течение дня, после чего вы и пилот Калеб должны быть готовы получить новое назначение — на самом деле действительно есть одно задание, и Центр будет счастлив, что ему не придется ждать, пока вы выберете напарника.

Он ушел, едва договорив последние слова, и Нансия была ему за это признательна. Калеб озирал рубку с выражением, которое Нансия не могла распознать. Если он разозлился на то, что она все устроила за его спиной, то пусть лучше выскажет ей это наедине.

— Я... не понимаю, — медленно произнес Калеб. — Не нужно ждать, пока ты выберешь напарника? Ты снова собираешься лететь в одиночку?

— Вряд ли, — ответила Нансия. — Спасибо большое, с меня уже хватит одиночных полетов.

— Тогда...

— Ты что, не слышал, что он сказал? Отныне я — КН-935. Я

решила, что Психологический Центр был прав, — сказала Нансия. Ей было трудно заставить свой голос звучать ровно и спокойно. — Мы составим хорошую команду.

Калеб стоял, не в силах вымолвить ни слова, и Нансия ощутила, как ее охватывает страх.

— Если... если тебя это, конечно, устраивает.

— Устраивает, устраивает, *все устраивает*! — воскликнул Калеб. — Она возвращает мне жизнь, и в придачу дарит идеального напарника, и еще хочет знать, все ли меня устраивает? Я... Нансия... подожди минутку, хорошо? Я должен еще кое-что сделать, прежде чем ты восстановишь внешние коммуникационные лучи.

Он бросился в свою каюту, видимо, затем, чтобы стереть запрос на работу, который так долго надиктовывал. Нансия вывела на все три экрана блистающую панораму из звезд и комет — своеобразный салют. Все будет в порядке!

Более чем в порядке.

«Нансия, — повторила она про себя. — Он наконец-то назвал меня Нансией».

Глава 6

АНГАЛИЯ, 2750 ГОД ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КАЛЕНДАРЮ: БЛЭЙЗ

Блэйз Амонтильядо-Перес-и-Мэдок, не в силах поверить, смотрел на свой новый дом, в то время как за его спиной захлопнулся люк Икс-Эн-935. Срезанная вершина столовой горы, послужившая Нансии посадочной площадкой, была единственным ровным клочком поверхности в пределах видимости. За ней поднимались в самое небо зубчатые пики, заслоняя от Блэйза утреннее солнце. Длинные черные тени тянулись поперек плоской вершины столовой горы и уходили в море исходящей паром жижи. Выглядело это море точь-в-точь как Трясина Отчаяния в последней версии «Разбросанных». Единственным, что разнообразило эту бурую поверхность, были скопления огромных пузырей, которые неспешно поднимались из жижи и лопались, оставляя в воздухе сернистую вонь.

Сбоку посадочной площадки, одним краем опасно нависая над Трясиной Отчаяния, стояло сборное складское здание из серой пластипленки. Набитые чем-то бурые тюки, помеченные аббревиатурой Планетарной Технической Поддержки, свисали с

крюков, ввинченных в одну из стен здания, раскачиваясь под ветром, который дул с моря-болота. С той стороны дома, к которой Блэйз стоял ближе всего, с края пластипленочной крыши свисали какие-то переплетенные лохмотья; они образовывали что-то вроде ниспадающего тента. Под этим тентом лежал необычайно толстый мужчина, одетый в одни только шорты, на которых красовались темные пятна грязи.

Блэйз вздохнул и поднял два ближайших предмета своего багажа. Чуть пошатнулся под влиянием гравитации, значительно более сильной, чем на корабле, и двинулся по направлению к жирному стражу Ангалии.

— Стажер-техник ПТП Амонтильядо-Перес-и-Мэдок, сэр, — представился он. «Что это за тип? Должно быть, один из шахтеров, добывающий корнкий. Это единственные люди на Ангалии — не считая, конечно...»

— И тебе доброго утра, мальчик мой, — радушно отозвался потный человек-гора. — Никогда в жизни никого не был так рад видеть. Надеюсь, тебе понравится пребывание здесь в течение следующих пяти лет.

— Э... Инспектор ПТП одиннадцатого ранга Хармон? — рискуя предположить Блэйз. «Не считая моего босса».

Крепкий алкогольный выхлоп едва не сбил его с ног.

— Ты видишь здесь кого-нибудь еще, парнишка? Как ты думаешь, кем еще я могу быть?

— Шахта по добыче корикия...

— Сдохла. Не работает. Брошено. Капут, все разбежались, вшивочки, — со смаком пояснил инспектор 11-го ранга Хармон. — Прогорело. Прежде чем убраться отсюда, владелец продал мне шахту на случай чего.

— Что же пошло не так?

— Работа. Компания не смогла удержать здесь шахтеров ни любовью, ни деньгами. Не то чтобы они тут предлагали особо много любви — даже шахтеры не настолько дошли до ручки, чтобы заниматься этим с люси, хе-хе-хе! — Еще одна волна насквозь проспиртованного дыхания обдала Блэйза.

— Люси?

— Для тебя - Homosimilis Lucilla Angalii, мальчик мой. Овощеголовые, которых открыла Люсилла Шариф, будь проклята ее душа, и обозначила в ФПК как вероятно разумных, будь она дважды проклята, и за ее грехи мы торчим тут, оказывая Планетарную Техническую Поддержку кучке ходячих баклажанов. И это все, кто составляет мне компанию с тех пор, как закрылась шах-

та. И все, что ты будешь видеть в течение следующих пяти лет. Следующим же транспортом ПТП, который прибудет сюда, я улетаю с этой планеты. — Хармон сердито глянул на обтекаемый корпус Икс-Эн-935, блестящий на солнце, который наконец выкарабкался из-за зубчатой скалы. — Вы, детки из Высших Семей, счастливчики — катаетесь на таких корабликах. Не думаю, что ты сможешь уговорить этого капсульника...

— Сомневаюсь, — оборвал его Блэйз.

Хармон фыркнул.

— А чего тут сомневаться? Я ведь видел, как ты выскочил оттуда, крича и оглядываясь, и как следом за тобой вывалились твои шмотки. Это было красиво. Ну, не суть. Следующий рейсовик ПТП может прийти со дня на день. А когда он придет, мое новое назначение уже будет готово. — Он лениво потянулся, сделал хороший глоток из стоящей рядом бутылки и довольно выдохнул. — Полагаю, я заслужил славное длительное путешествие на Центральные Миры, местечко в симпатичном офисном небоскребе с кондиционерами и сервами, без всякой необходимости обращать внимание на гребаную природу, если только не приспичит полюбоваться ею в окошко. Садись, Мадейра-и-Перес, и не надо выглядеть так жалостно. Отсидишь тут свои пять лет, и, может, вернешься обратно к цивилизации. Тебе повезло, что ты прилетел тогда, когда прилетел.

— Повезло? — Солнце уже поднялось над скалой, и на столовой горе было жарко. Блэйз поставил в тень навеса ту из своих коробок, что была побольше, и уселся на нее.

— Конечно. Сегодня в зоопарке день кормления. Я покажу тебе настоящее шоу — точнее, люси покажут. — Хармон снова повел рукой, на этот раз словно бы предлагая камням, разбросанным по краям посадочной площадки, приблизиться. Блэйз потрясенно смотрел, как ломкие куски породы отделяются и катятся по плоской вершине столовой горы, дергаясь, словно безумные марионетки, сделанные из камня и проволоки. Странные костюмы... да нет же, эти существа голые; то, что он видит, — это их кожа!

— Эге-гей! Жрать пора! Ого-го! — завывал Хармон, одновременно дергая шнур, протянутый вдоль стены сборного домика. Один из мешков, нависающий над илистым водоемом, открылся, и буровато-серые брикеты рациона посыпались вниз, падая в грязь.

Люси подковыляли к краю площадки и начали сползать в болотистое море, цепляясь пальцами рук и ног за расщелины в кам-

не. Успевшие спуститься первыми набросились на пайки так, словно встретили давно утерянную любовь; слезающие следом плюхались им на головы, беспорядочно размахивая конечностями и извиваясь, чтобы добраться до грязной кучки брикетов.

Блэйз ощутил сквозь подошвы обуви странную вибрацию.

— Смотри! — взревел Хармон.

Блэйз подскочил, и Хармон хихикнул.

— Извини, парень, что напугал тебя. Ты бы, наверное, не захотел пропускать второе крупное шоу на Ангалии. — Он указал куда-то на запад.

Казалось, черта горизонта в той стороне движется.

Это была стена воды. Нет, грязи. Нет... Блэйз пытался подыскать правильное слово и нашел только то, которое пришло ему в голову, когда он впервые увидел это место: *жижа*.

Люси не обратили никакого внимания на крик Хармона, как будто были глухими, однако что-то — возможно, та же вибрация, которую почувствовал Блэйз, — насторожило тех, кто плавал в болоте. Они принялись карабкаться по склонам столовой горы, держа брикеты в пальцах и в зубах. Последний из люси выбрался наверх лишь за миг до того, как накатывающийся вал жижи ударился о гору.

Вся отчаянная, яростная драка за рационы происходила в полном молчании. И теперь, менее чем через три минуты, все закончилось. Столовая гора была окружена чавкающим, склизким прибоем. И, пока Блэйз смотрел, жижа начала отступать назад, стекая по склонам горы, пока не превратилась в точно такую же скучную болотину, с лужицами и булькающими пузырями, ничем не отличающуюся от той, которая предстала глазам Блэйза по прибытии.

— Маленькая она какая-то была, — с сожалением вздохнул Хармон. — Ну что ж, скорее всего, до того, как ты улетишь, тут будут волнушки и побольше. Обязательно будут, если говорить точнее.

В ответ на вопросы Блэйза он без особого интереса объяснил, что неустойчивые климатические условия Ангалии создают в горах, окружающих этот центральный водоем, постоянно движущийся грозовой фронт. Если гроза некоторое время стоит на одном месте, то дождевой поток превращается в такой вот спонтанный прилив, который несется по равнине, захватывая по мере своего прохождения грязь и ил и сметая все, у чего хватает дурости остаться у него на пути.

— Терраформирование, — пробормотал Блэйз. — Дамбы, чтобы удержать дождевую воду и медленно высвобождать ее...

— Дорого, да и кому это нужно? Здесь нет ничего, что окупило бы вклад. И кроме того, — пояснил Хармон, — это забавно. Я точно знаю, что здесь особо больше не на что посмотреть!

Из дальнейшего разговора Блэйз понял, что одним из развлечений Хармона были попытки предсказать грязевой прилив, так, чтобы приступать к кормлению туземцев как раз перед этим, заставляя их сперва сражаться друг с другом за пайки, а потом спасать свою жизнь, удирая от мутной волны.

— Ну разве не адские твари? — риторически спросил Хармон, глядя, как аборигены карабкаются по горным склонам. Некоторые тащили по несколько брикетов, чтобы съесть попозже, некоторые продолжали дожевывать то, что оставалось во рту. — Ты когда-нибудь таких видел?

— Никогда, — признал Блэйз. «Может быть, эти... эти люси голодают? Не поэтому ли на них кожа так висит? Или это их нормальный вид? И как этот жирный урод может подвергать их такому унижению ради собственной забавы?»

— Я знаю, о чем ты думаешь, Портвейн-и-Мэдок, — заявил толстяк, — но погоди, пока просидишь тут шесть месяцев. Тогда ты точно забудешь все правила ПТП насчет уважения к достоинству аборигенов и прочую чушь. У клятых люси вообще нет достоинства, которое можно было бы уважать. Это просто стадо животных. Никакого развитого сельского хозяйства, ни одежды, ни даже языка.

— Ни вранья, — прокомментировал Блэйз.

— Что? — На несколько секунд взгляд Хармона стал испуганным, но потом толстяк весело захихикал. — Точняк. Нет языка — нет и вранья, можешь им так и сказать! Но они не люди, юный мой Кларет-Мэдок. Вся эта операция — сплошная трата ресурсов, и все из-за ошибки какого-то бумагомараки. Только поощряет этих овощеголовых плодить больше мелких овощат. Мы должны смыться отсюда, и пусть себе голодают, вот что я думаю.

— Может быть, их можно обучить работать на шахте? — предположил Блэйз.

Хармон фыркнул.

— Ну да, конечно. Я слышал, что в старые времена некоторые узники развлекались, пытаясь научить своих ручных крыс бегать по поручениям. У тебя это скорее получится, чем научить чему-либо люси. Говорю тебе, парень, на Анталии только три развлечения: время кормежки люси, мое время для выпивки и ком-

пьютерные игры. И я прошел каждый чертов уровень «Лабиринта Минотавра» столько раз, что уже и смотреть на него не могу.

Блэйз ощупал свой карман. Кристалл данных с записанным на него пари был не единственным, что он скопировал с компьютера Нансии.

— А ваш компьютер...

— Теперь он твой, Саке-Амонтильядо, — перебил его Хармон, весело рыгнув. — Собственность ПТП.

— А у него хватает памяти и графических возможностей, чтобы запустить «Разбросанных»? Потому что, — Блэйз ухмыльнулся, — я недавно случайно раздобыл копию последней версии. Предварительный релиз — его пока нет в продаже даже на Центральном. — Он подмигнул Хармону.

— Вот как! — Хармон поднялся. — Пошли внутрь, Коньяк-Самогон. Скоротаем время за маленькой дружеской игрушкой, пока за мной не придет транспорт. — Он почесал голую грудь и посмотрел на Блэйза. Лицо толстяка выражало что-то похожее на задумчивость. — Нужно, однако, сделать ставки. Скучно играть на «просто так».

— Я тоже так считаю, — согласился Блэйз. — Ведите.

Пять дней спустя, точно по расписанию, транспорт ПТП сел на Ангалии, чтобы выгрузить новые припасы и забрать инспектора II-го ранга Хармона. Ему предстояло путешествие к месту нового назначения — полет протяженностью в несколько месяцев на корабле с обычным ФТЛ-двигателем. Блэйз остался на планете вместе с люси и своим выигрышем: двумя контейнерами, наполовину заполненными бутылками с «сапфировым льдом», собственноручно сплетенной инспектором Хармоном шляпой из пальмовых листьев и купчей на заброшенную корикиевую шахту.

ПОДПРОСТРАНСТВО ДЕНЕБА, 2750 ГОД ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КАЛЕНДАРЮ: НАНСИЯ И КАЛЕБ

— Это, — сказал Калеб, когда они с Нансией покинули космобазу Денеб, — было одно из наших самых удовлетворительных заданий.

— Из огромного общего количества в две штуки? — поддразнила его Нансия. Но тем не менее она была согласна с ним. Их первый совместный полет из Центрального подпространства, доставка медицинского оборудования на одну из новозаселен-

ных планет, был вполне достойной, но очень простой задачей. А вот второе задание обеспокоило обоих. Нужно было переправить какого-то полуотставного генерала, еще одного представителя Высших Семей, в самую гущу ожесточенного конфликта между поселенцами с Центральных Миров и торговцами с Капеллы. Но генерал Микайя Квестар-Бенн оказалась совсем не такой, как испорченные отпрыски Высших Семей, доставленные Нансией в Веганское подпространство во время первого ее рейса. Невысокая, скромная, но хорошо знающая свое дело, она мгновенно покорила сердце Калеба своим глубоким знанием запутанной истории Веги. Большую часть короткого полета до Денебианского подпространства генерал провела, обсуждая с Нансией животрепещущие вопросы: половина частей тела и несколько крупных органов у генерала были заменены на кибернетические протезы, и ее чрезвычайно интересовало, нельзя ли улучшить работу печени путем имплантации новейших метачипов, таких же, какие сохраняли здоровым тело Нансии внутри капсулы. Нансия никогда и не думала, что будет с кем-либо обсуждать нечто столь личное, в особенности с высокопоставленным офицером армии, однако скромность и дружелюбие генерала Квестар-Бенн давало возможность поддерживать разговор на щекотливую тему без малейших усилий.

Нансия была не особо удивлена, узнав, что еще прежде, чем они с Калебом приготовились к обратному полету, генерал Квестар-Бенн усадила людей и капеллиан за стол переговоров и заставила выработать такие условия соглашения, что каждая из сторон чувствовала себя победившей.

— А я еще думал, что мы способствуем разжиганию войны, доставляя сюда человека, наделенного властью посылать в бой тяжеловооруженные дивизии! — воскликнул Калеб.

Нансия хмыкнула:

— Побольше бы в галактике было таких «поджигателей войны», как Микайя Квестар-Бенн! Готов к сингулярности, напарник? Должно быть, Центр уже приготовил для нас новое задание.

БАХАТИ, 2751 ГОД ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КАЛЕНДАРЮ: АЛЬФА

Альфа бинт Герца-Фонг с отвращением уставилась на корчащееся тело подопытного. Что пошло не так? Молекулярные разновидности «блажена», которые она тестировала, должны были сделать пациента спокойным и послушным. Вместо этого он дер-

гал всеми конечностями и стонал, пытаясь порвать ремни, которыми был пристегнут к носилкам.

Альфа затянула ремни потуже, пока пациент не прекратил метаться, и провела медсканером по его лбу. А потом, нахмурившись, уставилась на результат. Вместо того чтобы усилить выработку успокоительных гормонов, «блажен-р.-2» вторгся в нервную систему пациента и начал воспроизводиться там, словно сошедшая с ума раковая опухоль.

— Проклятье! У меня нет на это времени, — пробормотала Альфа. Она быстро прикинула свои возможности. Если бы она могла держать этого пациента живым в изоляции несколько дней, возможно, ей удалось бы понять, что вызвало этот эффект, и найти способ бороться с ним. Но если кто-нибудь захочет проверить, чем она занимается...

Конвульсии подопытного усилились. Ремень, которым была пристегнута левая нога, лопнул, и теперь освободившаяся конечность неистово лягала воздух.

«Слишком опасно», — решила Альфа. Она приложила к шее пациента впрыскиватель и проследила за тем, как его тело обмякает на носилках. Глаза закатились под лоб, конвульсии прекратились.

Как и все остальные движения.

На такой вот крайний случай у Альфы были подготовлены все документы. Директор клиники был старым болваном, слишком ленивым, чтобы проверять ее отчеты, а никто другой просто не осмеливался задавать ей вопросы. Бесплатный пациент Б-342 будет занесен в списки как скончавшийся от сердечной недостаточности, вызванной общим плохим физическим состоянием, с которым медики просто не успели ничего сделать.

Единственная проблема состояла в том, что это была уже третья смерть за год, с того времени, как Альфа начала тестировать свою улучшенную версию «блажена». Рано или поздно, если она не подберет правильную дозу препарата, кто-нибудь заметит эту последовательность идентичных отчетов о внезапных смертях и начнет задавать вопросы.

Альфа всерьез подумала, не вернуться ли ей к экспериментам на кроликах. Но кролики воняют, к тому же уход за животными отнимает много времени. И существует возможность, что кто-то заинтересуется ее внезапной страстью к разведению этих ушастых тварей.

Ей просто нужно продумать еще несколько объяснений для внезапных смертей среди пациентов бесплатного отделения. Небольшое разнообразие в отчетах поможет замаскировать эти досадные случайности.

ПОДПРОСТРАНСТВО ПРОЦИОНА, 2751 ГОД ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КАЛЕНДАРЮ: КАЛЕБ И НАНСИЯ

— Скучно, — пожаловалась Нансия, наблюдая, как рабочие с Цатмара-II разгружают контейнеры с вакциной, доставленные сюда ею и Калебом.

— Очень важно следить за тем, чтобы детям регулярно делались прививки, — сказал ей Калеб.

— Да, но вряд ли это так срочно. По крайней мере, не было бы срочно, если бы ПТП вовремя обновляла свои записи. — Охваченный ужасом чиновник обнаружил, что какой-то некомпетентный идиот по фамилии Хармон, служивший в отделе ПТП на Центральных Мирах, забыл направить годовые поставки вакцины всем планетам-клиентам ПТП в подсистеме Процион. И в результате этого Нансии и Калебу пришлось отправиться в длительное путешествие по этой подсистеме, развозя вакцину от кори и крупа по нескольким дюжинам поселений на далеко отстоящих друг от друга планетах. — Надо будет поговорить с сестрой по поводу этого кретина Хармона, — проворчала Нансия. — Джиневра никогда не допускает такой безответственности в своем отделе ПТП. Может быть, она сможет заставить Центр перевести Хармона туда, где от него не будет никакого вреда.

— Нансия, ты же не можешь всерьез думать о том, чтобы использовать свои семейные связи в личных интересах!

В голосе Калеба звучало потрясение. Нансия немедленно извинилась. Она не осознавала, что попытка отправить некомпетентного чиновника в какую-нибудь дыру подпадает под статью «личных интересов». Но Калеб, несомненно, был прав; он всегда был прав. И Нансия чувствовала себя пристыженной, когда он читал лекцию о том, что может последовать из взбалмошности и желания всегда получать одни только интересные задания. И на этот счет он тоже был прав. Верность Службе требовала не только лететь туда, куда требовалось, но и делать это охотно и с радостью.

Нансия закрыла грузовой шлюз и попыталась стартовать к месту следующей отгрузки вакцины охотно и с радостью в сердце.

БАХАТИ, 2752 ГОД ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КАЛЕНДАРЮ: ДАРНЕЛЛ

Дарнелл откинулся на спинку своего роскошного стимукресла и активировал офисный селектор.

— Можете теперь пропустить ко мне Хопкирка, милая Джулитта.

— О, мистер Овертон-Глаксели! — Польщенный смешок Джулитты был отчетливо слышен по селектору. Дарнелл активировал двойной панорамный экран и полюбовался своей секретаршей с двух разных плоскостей обзора. Верхний экран показывал, как она отбрасывает со лба прелестные золотые кудряшки и сияет от радости, вызванной его комплиментом. На нижнем экране демонстрировались точеные длинные ножки, которые секретарша под прикрытием стола то укладывала одну на другую, то ставила ровно. Дарнелл с удовлетворением отметил, что мини-юбка Джулитты задралась едва ли не до талии. «Какая милая, игривая девушка!»

Дарнелл считал, что Джулитта, огромный панорамный экран, вибростимуляторы в рабочем кресле и вид Бахати за стеклянными стенами кабинета — это все мелочи, работающие на образ Человека, Который Добился. Он заставил Хопкирка неловко переминаться перед рабочим столом, пока сам Дарнелл в равной степени наслаждался мыслями о своем быстром успехе, своими непосредственными планами в отношении Джулитты, видом ее ножек на нижнем экране и тем фактом, что секретарша об этом и не подозревает.

— Хопкирк, у меня для вас есть работа, — распорядился Дарнелл. — В прошлом месяце производительность на заводе светооборудования упала на три тысячных процента. Я хочу, чтобы вы отправились туда и предоставили мне полный отчет обо всех факторах, способствовавших этому падению.

— Да, мистер Овертон-Глаксели, — пробормотал человек по фамилии Хопкирк.

— Вероятно, это происходит оттого, что у рабочих накапливается усталость из-за плохо спроектированного сборочного конвейера, — продолжал Дарнелл.

А, вот так-то лучше: на лице Хопкирка мелькнула гримаса боли. Шесть месяцев назад этот человек был владельцем, разработчиком и управляющим завода «Светооборудование Хопкирка», производителем тончайшего призмастекла, новинки, являвшейся предметом роскоши. И управлял он этим заводом очень плохо, подумал Дарнелл. Производство и так скоро обанкротилось бы, даже без вмешательства Овертона-Глаксели. Теперь это было выгодное, пусть даже небольшое добавление к плану Дарнелла по возрождению «Перевозок ОГ» (и Другим Предприятиям).

тельный ритм. Севу эта музыка даже понравилась, однако его спутник прикрыл глаза и слегка содрогнулся.

— Прошу прощения, — произнес он, когда дверь кафе закрылась за их спинами, — за эту музыку. По моему мнению, это не является привлекательной чертой данного кафе. Однако это еще одна из причин, по которой я хожу сюда.

Сев озадаченно нахмурился.

— Вы бы сочли, что молодой человек из Высшей Семьи, с хорошим образованием, которому вся семья готова помочь найти достойную работу, мог бы сделать куда лучшую карьеру, чем играть на синткомме в пыльной забегаловке в одном из наименее респектабельных районов города, не так ли?

Это явно был риторический вопрос. Тем не менее Сев кивнул в знак согласия.

— Вот и я так думаю, — сказал единственный честный человек на Кайласе. — Однако мой сын придерживается другого мнения.

Глава 9

Рахилли, инспектор Нансии в КС, отдал ей приказ не спешить, пока она не привыкнет к новым встроенным гиперчипам.

— Возвращайтесь обратно на Центральные Миры, — сказал он, — у вас вполне достаточно времени. Здесь вас ждет несколько новых заданий, но ничего срочного. Нет причин подвергать себя слишком большому количеству переходов через сингулярность, пока вы не освоитесь со своими новыми возможностями.

Поэтому Нансия избрала более длинный путь домой, требовавший только одного, очень короткого скачка через сингулярность. Она наслаждалась четкостью и быстротой мышления, царившими там, где были установлены новые чипы.

После прыжка ей даже захотелось поворчать на предосторожность, проявленную Курьерской службой.

— Это был лучший прыжок, какой я когда-либо проделывала, — обратилась она к Калебу. — Ты почувствовал, как я вышла в Центральное подпространство — чисто и без брызг?

— Чисто и без брызг? — удивился Калеб.

Нансия осознала, что за все время их напарничества она никогда не рассказывала Калебу о своих ощущениях от сингулярности и не упоминала старые земные метафоры, которые приходили ей на память, когда она ныряла в расщепление пространств.

— Это... термин, которым пользовались в спорте, — объяснила

она. — Я как-то раз смотрела записи об Олимпийских играх... ну, в общем, я просто имела в виду идеально выполненный прыжок. Тебе он таковым не показался?

— Это было быстрее, чем обычно, — признал Калеб. — Давай посмотрим на наше новое задание.

У них был выбор из трех пунктов назначения, но Нансия, просканировав лучи, поняла, что хочет заняться только одним из них. Требовался «мозговой» корабль для проведения тайного задания по расследованию методов работы строительной компании — би-и-ип! — на планете в звездной системе — би-и-ип! Для выполнения задания требовалась безукоризненная честность и благоразумие; подробности будут сообщены только тому кораблю, который возьмется за это задание.

— Две недели в пути. Одна крупная точка сингулярности. Держу пари, что я знаю, где это, — сказала Нансия.

— Это может быть описание целой кучи маршрутов, — указал Калеб.

— Да, но... — Нансия вывела на центральную панель узор из пляшущих световых нитей. Она могла бы поставить все накопления, сделанные ею за четыре года, и бонусы в придачу, что по крайней мере один — точнее, одна — из испорченных отпрысков, которых Нансия доставила в систему Ньота йа Джаха, проводит в жизнь свои планы. Фасса дель Парма-и-Поло. «Конструкции Поло». Бахати. Разве не проскальзывало в новостных лучах что-то о задержке финансирования новой космической станции на орбите Бахати по поводу каких-то непонятных дел с инспекцией?.. Очевидно, эта компания принадлежит Фассе. И это задание наконец-то давало Нансии шанс остановить хотя бы одну из этих бесчестных мелких тварей.

— Калеб, давай возьмемся за это. Оно мне нравится.

Калеб неодобрительно фыркнул.

— А мне нет. Работа под прикрытием — почти то же самое, что шпионаж. На самом деле, согласно веганскому Кодексу Этики, это вообще одно и то же. Я записывался в Курьерскую службу не для того, чтобы становиться мерзким, пронырливым шпионом. — Последнее слово он произнес с отвращением. — И взгляни на это. — Оборвав танец цветных линий на центральном экране, Калеб вывел на дисплей копию описания к данному заданию и очертил лазерным указателем код «ожидания», который неприметно был проставлен в верхнем левом углу заголовка. — Видишь? Кто-то специально адресовал это назначение нам, даже если это означало трехнедельное ожидание, пока мы вернемся из

подпространства Спики по самому длинному маршруту. Немного пошарив в Сети, мы наверняка узнаем, кто... нет, это было бы неэтично, — оборвал себя Калеб и вздохнул. — Но мне это не нравится, Нансия. Похоже, кто-то из Высших Семей вмешался и дергает за струнки. Я думаю, мы должны взять одно из двух других заданий. Там, по крайней мере, прямо сказано, что нужно делать, и мы можем выполнить их, не пожертвовав своей честностью.

Однако даже Калеб не испытывал особого энтузиазма по поводу двух других возможных задач.

Первая, как предупреждалось заранее, была связана с достаточно долговременным контрактом. Корабль требовался для того, чтобы возить инспекционную комиссию Планетарной Технической Поддержки во время одной из периодических — раз в пять лет — проверок, делая остановки на каждой планете, где представлена эта служба, и оставаясь там, пока комиссия все не обследует и не составит отчет.

— Полагаю, бывает рутина и похуже, — промолвил Калеб. — И, может быть, на это понадобится не так уж много времени. Если такая инспекция проводится каждые пять лет, то корабль, который возил их в прошлый раз, должен был вернуться на базу незадолго до того, как ты получила патент. Может, проверишь записи, чтобы узнать, сколько длилась поездка?

Нансия принялась просматривать открытые записи Курьерской службы, в то время как Калеб изучал третье назначение.

— Везти быка в подпространство Кор Кароли? Это что, задание для Курьерской службы?

— Развитие сельского хозяйства, — предположила Нансия. — Но они же не могут это предлагать всерьез! Наверное, все, что нужно, — это доставить образец спермы.

Однако после просмотра документов выяснилось, что никому еще не удалось взять сперму у Громовика III, призового быка породы баффало из Зоопарка Центральных Миров. А поскольку единственная выжившая корова той же породы находилась на Кор Кароли-шесть, а тамошний зоолог утверждал, что Шаддупа при переходе через сингулярность претерпела жестокий стресс и, вероятно, больше не выдержит космический полет, то для сохранения породы требовалось перевезти Громовика Третьего на Кор Кароли-шесть.

— Я думаю, что даже комиссия ПТП лучше, чем Громовик Третий, — прокомментировал Калеб. — Нансия, что говорится в записях КС относительно того, сколько продлилась предыдущая инспекция?

— Я только что это нашла, — ответила Нансия. Ей пришлось просмотреть куда больше ежегодных записей, чем она ожидала.

— И?

— И они должны будут вернуться в следующем году. Они сейчас пока еще находятся в подпространстве Денеба. Я прочитала промежуточные рапорты. Похоже, правила ПТП запрещают инспекционной комиссии покидать планету, пока все члены этой комиссии не придут к согласию и не подпишут отчет по этой планете.

— И?

На этот раз вздохнула Нансия.

— Калеб, это *комиссия*.

Три часа спустя Севарейд Брайли-Соренсен-д'Акви- по взошел на борт, чтобы в подробностях объяснить свой план.

— Мне не нравится эта раскраска, — пожаловалась Нансия, когда переделка была закончена.

Калеб смотрел на контрольную панель. Нансия предпочла бы, чтобы он повернулся и посмотрел на ее пилон, скрытый сейчас под фальшивыми переборками.

— Это была твоя идея путешествовать в фальшивых цветах. Так что не жалуйся теперь.

— Я вовсе не имела в виду, что нужно маскироваться под беспилотник «Перевозок ОГ», — возразила Нансия. — А у них цвета, выбранные Дарнеллом. Красновато-коричневый и розовато-лиловый, фу!

Это было не совсем правдой. Нансия полагала, что на ее корпус просто будут нанесены логотипы «Перевозок ОГ». Ей делалось не по себе от того, что незнакомые люди будут смотреть на нее и считать ее частью быстро растущей империи Дарнелла Овертона-Глаксели. Но она не собиралась признаваться в этом Калебу — только не после того, как ей пришлось так долго спорить с ним, убеждая принять это задание.

План Сева Брайли был сама простота. Фасса дель Парма соблазняла мужчин, когда ей это было нужно, однако к себе она относилась столь же экономично, как и ко всем прочим ресурсам «Конструкций Поло»; очень немногим чужакам позволялось взглянуть на операции этой строительной компании настолько близко, чтобы начать представлять какую-то угрозу. Рабочие были фанатично преданы Фассе...

— Давайте не будем обсуждать эту часть, — прервал Калеб Сева. — Нансии не следует это слышать.

— Я полагаю, — осторожно сказал Сев, — что их верность приобретена путем операций с акциями, а также за счет высоких финансовых вознаграждений. Не говоря уже о том, что многие из них, по слухам, числятся на Центральных Мирах в розыске, но теперь получили новые документы: похоже, кто-то осуществляет неплохой бизнес, снабжая Фассу фальшивыми сетевыми идентификационными номерами, предназначенными для ее рабочих.

Полион. Наисия вспомнила, как ловко и даже небрежно он лазил по Сети через ее собственный компьютер. А ведь это было целых пять лет назад. Теперь он, должно быть, значительно продвинулся в своих навыках. Она может сказать Севу Брайли, где искать этого изготовителя сетевых фальшивок... или просто дать намек. Намека вполне может быть достаточно для этого решительного молодого человека. Ведь если посмотреть, он очень ловко вычислил связь между «Конструкциями Поло» и «Перевозками ОГ», самую основу бесчестного плана.

Для бизнеса Фассы требовались возможности по перевозке крупных грузов. По большей части «Конструкции Поло» обходились собственными кораблями, однако когда у Фассы было слишком много контрактов, она нанимала беспилотники «Перевозок ОГ». Эти беспилотники были самым безопасным средством для перевозки незаконно приобретенных материалов: никаких свидетелей, кроме ее собственных людей, загружающих материалы в начальном пункте, и людей клиента, разгружающих эти же материалы в конечном пункте. Ни те, ни другие не склонны были давать показания против системы, приносившей им такую выгоду.

Сев вычислил всю эту комбинацию, изучая неполные записи в Сети, опрашивая всех, кто даже случайно проявлял интерес к «Конструкциям Поло», и складывая вместе кусочки мозаики благодаря вспышкам собственной блестящей интуиции. Ему не хватало только одного: неопровержимых свидетельских показаний для подтверждения его догадок. Кто-то должен был *видеть*, как подменяются стройматериалы... кто-то, чья честность не ставится под сомнение... кто-то, кто может видеть ход операции и не насторожить при этом Фассу.

Честность кораблей Курьерской службы даже не ставилась под вопрос. А Фасса, привыкшая к услугам терпеливых, молчаливых, безмозглых беспилотников «ОГ», вряд ли заподозрила бы, что за покрытыми краской переборками корабля с пустыми трюмами таится человеческий мозг, которому сенсоры придают небывалую возможность видеть и слышать все, что происходит на

корабле и около него... и у которого есть разум, чтобы впоследствии рассказать обо всем этом.

— Это блестящий план, — заявила Нансия, когда Сев впервые изложил его.

— Мне это не нравится, — нахмурился Калеб. — Посылать Нансию одну... без меня? Ведь я не смогу подсказывать ей, что нужно делать. Что, если она запаникует?

— Я не стану паниковать, — Нансия постаралась говорить как можно более уверенно и успокаивающе.

— И с ней буду я, — напомнил Сев. — Я не буду рисковать и выходить туда, где меня могут увидеть, однако я буду следить за всем через датчики и камеры Нансии и давать ей советы, если потребуется.

Калеб сложил руки на груди и угрюмо промолвил:

— Это неудовлетворительное решение. Почему я тоже не могу лететь с ней? Я ее «тело». Я должен находиться там же, где находится она.

— Так риск будет меньше, — коротко пояснил Сев. На самом деле по его изначальному плану интеллект-корабль вообще должен был лететь в одиночку, как настоящий беспилотник. Но Сев ни за что не желал пропустить кульминацию своего тщательно разработанного плана. Он верил, что у него самого хватит самоконтроля, чтобы оставаться в укрытии, пока Фасса окончательно не будет скомпрометирована, но не думал, что Калеб наделен столь же сильным здравым смыслом. Но вряд ли эти объяснения в чем-то убедят «тело».

Калеб обратился к самой Нансии:

— Ты слишком молода и слишком невинна. Ты можешь не распознать их грязные трюки, пока не будет слишком поздно. Ты...

— *Калеб*, — голос Сева Брайли прозвучал, как щелчок передернутого затвора. Пилот прекратил беспокойно расхаживать по узкому пространству переделанной рубки. — Ты ничем не поможешь Нансии, — продолжил Сев, как только внимание Калеба оказалось обращено на него. — Не заставляй ее нервничать. Почему бы тебе не пойти в космопорт и не выпить чего-нибудь? Я присоединюсь к тебе, как только мы с Нансией произведем окончательную сверку инструкций.

Калеб открыл было рот, чтобы выдать яростное возражение, но тут же закрыл обратно. Нансия хотела бы, чтобы какой-нибудь из ее сенсоров сообщил ей, что там тикает в мозгу у ее

«тела». Он ведь явно что-то придумал, иначе не стоял бы вот так молча. Но что именно?

— Поглощение опьяняющих веществ является нарушением веганского Кодекса Этики, — произнес наконец Калеб, и Нансия расслабила связи, которые до этого неосознанно напрягала. Что бы ни придумал Калеб, он не намеревался сию секунду сцепиться с Севом в драке, каковая означала бы окончание их миссии непосредственно здесь и сейчас. — Но я... я могу пить фруктовый сок.

— Тогда пейте сок, — согласился Сев. — Увидимся через несколько минут.

Он прислонился к фальшивой переборке, сложив руки на груди. Временная стенка протестующе скрипнула, и Сев быстро выпрямился.

— Да уж, того и гляди, вся эта работа по маскировке интерьера рассыплется, — заметил он, прислушиваясь к удаляющимся шагам Калеба на трапе.

— Значит, она в полностью соответствует тому, что делается «Конструкциями П-поло» и вокруг них. — Откуда взялось это заикание? Нансия приказала своим голосовым контурам расслабиться. Но они только напряглись сильнее, отчего ее следующая фраза прозвучала как писк: — Какая сверка инструкций?

— Что? А, никакой сверки. Я просто хотел, чтобы Калеб удалился. Он заставлял тебя нервничать, не так ли?

— Я в порядке, — возразила Нансия, на этот раз более хрипло, чем намеревалась.

— Если хочешь, чтобы твой голос звучал как динамики беспилотника, тебе нужно лучше контролировать вокальные регистры, — предупредил Сев. — У беспилотников голос не дрожит.

Он сел прямо на пол рубки и без видимого напряжения подобрал под себя ноги, а потом уставился на фальшивую стенку, за которой прятался титановый пилон Нансии.

— Работа под прикрытием — это всегда напряжение, — признался он. — Обычно я проделываю получасовую медитацию по методике йогов, прежде чем принять фальшивые документы.

Нансия быстро просмотрела свои банки данных. Ага, вот — «йога»: старинная земная система упражнений, разработанная для обретения спокойствия и духовного просветления.

— Плохо, что ты не можешь сделать то же самое, — прокомментировал Сев.

— «Мозговой» корабль может то же самое, что любой мягкотелый! — фыркнула Нансия. — Только лучше. Расскажи мне про эту «йогу».

Сев ухмыльнулся.

- Ну, может, и можешь. Только для этого требуется некоторая адаптация. Давай посмотрим... начинать нужно с размеренного дыхания. Нетяжелого, — предупредил он, когда Нансия принялась гонять чистый воздух то внутрь, то наружу по своим вентиляционным портам, — просто размеренного. Ровно. Спокойно. Идея именно в этом. Теперь закрой... э-э... дезактивируй визуальные сенсоры.

Обычно Нансия терпеть не могла черноту, сопровождавшую временную потерю ею визуальных сенсорных связей. Однако на сей раз это было проделано добровольно. А голос Сева продолжал звучать, тихий и успокаивающий... и это действительно было хорошо — не видеть перекрашенные и перестроенные внутренние помещения.

Калеб, должно быть, сейчас выходит из нижнего люка; если бы Нансия включила внешний сенсор, она могла бы увидеть, как он идет через посадочную площадку к главному зданию космопорта... но нет. Она не станет сейчас прерывать концентрацию на упражнении. Терпеливые указания Сева работали. Нансия почувствовала себя значительно более спокойной, когда последовали его инструкции: ощутить энергию в нижних двигателях и позволить ей течь через ускорители, на самом деле не высвобождая ту энергию. Ощущение мерцающей теплоты окутало ее стабилизаторы и внешний корпус. Едва не произошедшая драка Калеба с Севом, предстоящее расследование на Бахати, даже восхитительное подозрение, что это папа лично рекомендовал ее для этого задания... все эти страхи, сомнения и надежды казались сейчас очень маленькими и далекими. Нансия видела себя со стороны: крохотную искорку во вселенной. И такой же искоркой была планета, на которой она находилась, и солнце, озарявшее эту планету. Все было маленькими движущимися точками в бесконечном узоре: точки гасли и загорались, но узор продолжался вечно во всем своем разнообразии...

- Восстанови все сенсорные связи. — Спокойный приказ Сева был подобен мягкому сигналу о пробуждении. Нансия по одному включила все свои сенсоры, заново ощущая чудо существования. Пыльное покрытие посадочной площадки под ее планетарными соплами, запах смазки в воздухе снаружи, звуки и картины обычного рабочего дня в космопорте — все было ярким до дрожи, все было исполнено обновленной значимости.

— Теперь, я думаю, ты справишься, — удовлетворенно произнес Сев.

— Я тоже так думаю, — согласилась Нансия.

Вопреки обыкновению, Нансия стартовала так осторожно, как будто у нее на борту находились все дипломаты Центральных Миров в полном составе. То, что ее раскрасили в омерзительные цвета «Перевозок ОГ», не означает, что она будет рвать с места, как безмозглый беспилотник. Кроме того, поспешный старт мог бы разрушить то состояние отрешенного покоя, в которое она все еще была погружена. И, виновато подумала она, это доставило бы Севу неудобство. Если бы Калеб находился на борту, то мысль о его комфорте была бы для Нансии первым приоритетом; Сев заслуживал, чтобы к нему относились не менее заботливо.

Работа по маскировке Нансии под беспилотник «ОГ» была проделана на базе Размак в подпространстве Беллатрикс. База эта обладала весьма ценным качеством — она находилась всего лишь в часе полета от зоны сингулярности, открывающейся прямо в Веганское подпространство поблизости от Ньота на Джаха. Долго находиться в пути было бы рискованно: кто-нибудь из сотрудников «Перевозок ОГ» мог заметить ее и сообщить о ее присутствии здесь. Очертив в небе серебристую дугу, Нансия направилась прямиком к точке сингулярности и нырнула в нее.

Неудобство этой конкретной локации — с точки зрения мягкотелых — заключалось в том, что переход через сингулярность субъективно ощущался более длительным, чем обычно. Сев счел это приемлемой ценой за выгодное расположение точки поблизости от базы Размак; Нансия надеялась, что по выходе в подпространство Веги он сохранит то же самое мнение.

Что касалось самой Нансии, то она с нетерпением ждала прыжка. Она скользила по округлым волнам схлопывающегося подпространства, ныряла и выныривала, спиралью проносясь между пространствами, пока воронка расщепления не подхватила ее и не понесла в свое сужающееся отверстие. Системы линейных уравнений двигались в упорядоченном танце, пространство вокруг Нансии сжималось и расширялось, цвета пели, и неумолимая точность математических трансформаций разворачивалась подобно дивной фуге Баха. Нансия вырвалась в Веганское подпространство, крича от радости, и золотые ноты органного соло эхом звучали в запечатанных проходах и пустых грузовых трюмах.

— ВЫКЛЮЧИ ЭТО!

Яростный вопль, раздавшийся там, где не должно было быть никого, пробежал по синапсам Нансии, словно высокочастотный импульс.

Она включила все сенсоры одновременно. Мир был много

гранным кристаллом, составленным из изображений: окрашенные переборки, коридоры с псевдостальными стенами, Сев, все еще пристегнутый к койке, как и положено при переходе через сингулярность, рубка, видимая с трех точек одновременно, и все это обрамлено видами с внешних сенсоров — чернота с горящими точками далеких звезд.

И Калеб, выходящий из угла, где временные перегородки блокировали Нансии поле зрение сенсоров на ее собственное внутреннее пространство. Пилот был просто великолепен в парадной форме Курьерской службы, хотя впечатление несколько портил цвет лица — все еще зеленоватый после длительного пребывания в сингулярности. Нансия выключила все остальные сенсоры и увеличила изображение Калеба. Ее «тело» обычно не был склонен красоваться в парадной форме, и Нансия уже забыла, как чудесно может смотреться человек в этом неудобном черно-серебряном облачении, когда жесткий воротник заставляет высоко держать голову, а серебряно-коричневая отделка вспыхивает радужными отблесками не только при каждом движении, но и при глубоком вдохе.

— У тебя развилось отвращение к классической музыке? — Это был единственный вопрос, который пришел в голову Нансии, — единственный, который безопасно было задавать.

— Ты на полтона фальшивишь на высоких нотах, — уведомил ее Калеб тем же самым делано безэмоциональным тоном, какой использовала Нансия. — И *очень уж* громко.

— Полагаю, что должна извиниться за непреднамеренную атаку на твои чуткие сенсоры, — сказала Нансия. — Я отключила динамики в каютах и не была в курсе, что на борту присутствует еще кто-то из мягкотелых.

— Из *кого*?

Неужели Калеб, проведя в качестве ее «тела» четыре с половиной года, ни разу не слышал термина, которым капсульники называют обычных, мобильных людей? Нансия быстро просмотрела подборку своих разговоров с другими «мозгами». Это действительно было вполне возможно. Она и не осознавала, сколь многие из своих переговоров подвергает цензуре ради блага Калеба, как тщательно старается избегать слов и действий, способных, по его меркам, быть оскорбительными.

Может быть, она проявила чрезмерную осторожность, если он полагает, будто ему сойдет с рук этот фокус, который он проделал.

— Думаю, ты и сам можешь понять, что означает этот тер-

мин, — сухо сказала Нансия. Миг спустя, когда осознание того, что именно сделал Калеб, вылилось в эмоциональную форму, столь тяжко давившийся Нансии самоконтроль рухнул, словно стена из некачественного материала. — Калеб, идиот, ты ведь мог погибнуть! Что, если бы я стартовала на полной скорости? Да в этом углу тебя бы болтало, как лед в шейкере!

— Ты никогда не стартуешь и не приземляешься так, чтобы у людей на борту остался хотя бы синяк, — возразил Калеб. — Слишком уж тебе хочется продемонстрировать, что ты способна приземлиться на яичную скорлупку и сделать разворот на гривеннике!

Нансия моментально переключилась на другой предмет:

— А что такое гривенник?

— Не могу сказать точно, — сознался Калеб. — Это какой-то термин со Старой Земли. Мне всегда представлялось, что это какое-то мелкое насекомое. Хочешь пополнить свой словарный запас? Мы могли бы запросить файлы по староземному языку через Сеть. Чтобы скоротать время.

— Даже не пытайся сменить тему! Почему ты мне не сказал, что собираешься быть на борту?

— А ты бы мне это позволила?

— Ну... нет, — признала Нансия. — Я должна была бы сообщить Брайли. Твое присутствие может послужить причиной провала миссии. Калеб, ты что, не понимаешь этого? Ты забыл — я должна быть беспилотным кораблем, без единого человека на борту!

— Я знаю, — кивнул Калеб. — Не волнуйся. Я не провалю эту чертову миссию. Но я не могу позволить тебе встретиться с этой воровской шайкой в одиночку. Нансия. Неужели ты не понимаешь?

Нансия вовсе не была одна, с ней был Сев, который знал все о следственной работе и о тайных миссиях. Но ведь нельзя же винить Калеба за желание защитить ее, не так ли?

— Просто не попадайся никому на глаза, — произнесла наконец Нансия. — Хорошо, Калеб? — «Ох, ведь Сев занял его каюту! Калебу это не понравится». — Поговори об этом с Севом. Если кто-то один может спрятаться на борту, то точно так же, полагаю, это могут сделать и двое. Но... он в этой миссии главный. Я на это согласилась, и тебе придется согласиться тоже.

То, как он выпятил челюсть и дернул головой, вероятно, означало согласие; по крайней мере, Нансия предпочла истолковать это именно так.

– А, и еще одно.

– Что?

– Почему, – поинтересовалась Нансия, – для этого своего трюка ты решил облачиться в парадную форму Службы? Не то чтобы тебе не шло, но я бы подумала о чем-либо менее подозрительном...

Калеб объяснил, терпеливо и пространно, какие традиции чести бытуют на Веге. Кажется, в его сознании ношение формы как-то связывалось с фактом, что тебя могут принять за шпиона. Или, наоборот, не принять. Нансия не могла уследить за его аргументацией и, когда он перешел от веганской истории к старым семным рассказам о каком-то майоре Андрэ, перестала даже пытаться уследить. Калеб есть Калеб. Его чувство чести не позволило ему отпустить корабль в одиночку заниматься делом, которое он, Калеб, счел опасным и сомнительным в моральном отношении. Очевидно, его чувство чести не позволяет также одеться так, чтобы это больше соответствовало данной обстановке. Его чувство чести временами было для Нансии эквивалентом головной боли или еще того хуже, но это чувство было частью Калеба. Частью того, что Нансия в нем уважала.

Пока Калеб рассуждал о законах войны, о концепции просто войны, о перемирии в дни церковных праздников и о Женевской конвенции, Нансия нашла и активировала файлы старинной духовой музыки. Выключив все динамики, она прослушала запись органного соло три раза и собиралась прокрутить в четвертый, прежде чем Калеб наконец-то исчерпал тему.

Фасса дель Парма, покусывая губу, расхаживала по грузовому доку космической станции Бахати-2. Еще со времен едва не постигшей ее неудачи со станцией-1 она никому не желала препоручать двусмысленные мелочи своего бизнеса. Это был животрепещущий вопрос. Кто бы мог подумать, что Сев Брайли окажется таким настойчивым? Она пригласила его на борт «Западу», она дала ему все, чего он хотел, не так ли? И когда этого оказалось недостаточно, чтобы угомонить этого... Фасса остановилась и вновь прикусила губу. Все, чего она хотела, – это чтобы Дарнелл сфальсифицировал данные относительно азартных игр и растраты, дабы скомпрометировать Сева в глазах его нанимателей. Вовсе незачем было заходить так далеко, даже если Сев явился в «Иг-Рай», чтобы выяснить, кто его подставил. Есть и другие способы отбивать у людей охоту вынюхивать, кроме как занихивать их безжизненные тела в экосборник. Ей следовало бы распознать

садистские наклонности Дарнелла, вспомнить слухи о загадочных исчезновениях людей в районе «Иг-Рая».

Не обращая внимания на мягкий толчок и вибрацию, прошедшую по переборкам базы, — все это извещало о прибытии в док очередного беспилотника «Перевозок ОГ», — Фасса на миг прижалась лбом к стене. Стена слегка подалась там, где Фасса надавила на нее, — вот что бывает, когда заменяешь обозначенную в контракте синтосталь на окрашенную стальной краской синтеплеику. Не то чтобы ей, Фассе, было до этого какое-то дело. Не то чтобы кому-то было дело до чего бы то ни было. Именно так устроен мир, и никто даже пальцем не пошевельнет, чтобы остановить коррупцию. Зачем ей беспокоиться о человеке, раздавленном безжалостной тяжестью мира? Никто и никогда не беспокоился о ней самой, ведь так?

И уж точно не Сев Брайли. Все, чего он искал, — это скандальное дельце, на котором он сможет построить свою карьеру. Он взял то, что она предложила, а потом снова начал копать под нее, как будто ничто из того, что было, не имело значения. Значит, не имело.

Не правда ли?

Фасса коротко моргнула и активировала шлюзовые устройства, которые автоматически пристыкуют корабль к базе, выровняют давление и откроют грузовые шлюзы для погрузки и выгрузки. На этой части работы она не стала экономить. Она была достаточно умна, чтобы соблюдать все стандарты касательно тех частей конструкции, которые имеют отношение к ее собственной безопасности. «Достаточно умна, — думала Фасса, глядя, как открывается шлюз базы, — чтобы справиться с любой проблемой... кроме, быть может, собственных воспоминаний».

«Которые вовсе не являются проблемой!»

Она уже собиралась вызвать смену грузчиков, чтобы перенести пермастальные балки и другие дорогостоящие материалы на дарнелловский беспилотник, однако ее остановила неожиданная мысль. В наши дни никакая предосторожность не является лишней. Фасса прошла через люк, через состыкованные шлюзовые камеры и оказалась в пустом грузовом трюме беспилотника, принадлежащего «Перевозкам ОГ».

Все выглядело так, как и должно было. Планировка трюма казалась несколько странной, однако у Дарнелла было обыкновение забирать корабли других компаний, присоединенных им, и переоборудовать для своих надобностей. Места здесь вполне достаточно. И глядя на пилоны, стены и декоративные панели, Фас-

са всюду видела коричнево-лиловый логотип «Перевозок ОГ», нанесенный по трафарету. В некоторых случаях нанесенный довольно небрежно: линии смазаны, по краям надписи капли краски. Похоже, работа делалась поспешно. Дарнелл, в отличие от Фассы, не утруждал себя тем, чтобы приматривать за деятельностью своих людей лично, и разница была видна сразу.

— Корабль, ты готов принять груз? — спросила Фасса в воздух.

— Готов. Принять. Груз. Начинаю. Перечисление. Средств. — Ответ, раздавшийся откуда-то из динамика за спиной Фассы, был произнесен металлическим невыразительным голосом, как у всех ИИ-беспилотников. Помнится, Фасса читала, что лингвисты-эксперты по искусственному интеллекту смогли разработать куда более «человечно» звучащую речь, особенно при помощи сложных чипов шемалийского производства, однако маркетинговые компании не позволили им пустить их в распространение. Беспилотники и другие ИИ-устройства не должны были «звучать» слишком по-человечески: это заставляло людей нервничать.

— Перечислите, пожалуйста, денежные средства, — резко потребовала Фасса. На одной из партий поставки Дарнелл надул ее: перепродал все сам, выручку положил в свой карман и нагло отрицал, что какой-либо его беспилотник и близко подлетал к космобазе-1. А из-за того, что Фасса предпринимала такие меры предосторожности, у нее не осталось никаких записей, благодаря которым она могла бы его прищучить. Теперь она требовала оплату вперед, прежде чем на какой-нибудь корабль этого ублюдка будет погружен хоть кусочек синтостали.

— Ваш кредитный трансфер. Будет санкционирован. Как только. Погрузка будет. Завершена. — Эта речь звучала с куда более человеческими интонациями, чем у большинства беспилотников. Фасса могла бы побиться об заклад, что Дарнелл использовал часть новых метачипов на всякую ерунду типа улучшения речевых возможностей кораблей. Однако у него не совсем получилось: Фасса все равно могла точно сказать, что беседует с машиной.

И она не намеревалась позволить чертовому беспилотнику снова задурить ей голову и украсть этот дорогостоящий груз.

— Перечисление денег должно быть произведено, когда погрузка будет завершена на двадцать пять процентов, — отчеканила Фасса, — как при обычной сделке. Или же я прекращу погрузку и ты покинешь базу не прежде, чем деньги будут переведены.

— Согласен. — На последнем слове в голосе беспилотника

прозвучала вполне человеческая нотка смирения. Дарцелл действительно фокусничал с установкой шемалийских метачипов на свои корабли; и вправду жаль, что не удастся ни с кем заключить пари на этот счет.

Фасса по-прежнему чувствовала смутное беспокойство, однако старалась не обращать на это внимания. Она просто задумалась о том случае с Севом Брайли, вот и все. Нет никаких причин предполагать, будто что-то подобное произойдет снова — если учесть, какое количество сенаторов, банкиров и инспекторов Фасса лично склонила к охране своего благосостояния. Активировав внутреннюю связь базы, девушка вызвала бригаду рабочих для проведения погрузки.

Благодаря подъемникам, управляемым самим ИИ, и другим автоматическим приспособлениям погрузка строительных материалов была быстрой операцией, и для нее требовалось не более трех человек. И все они были связаны с Фассой узами личной верности — и суммой, вложенной ими в акции «Конструкций Поло». Эти акционерные операции были тратой средств, о которой Фасса часто жалела, однако это было необходимо, чтобы гарантировать полное молчание со стороны помощников. Пока мужчины занимались делом, Фасса еще раз прокляла про себя скрытый шовинизм подрядчиков, которые строили подъемники в соответствии с особенностями мужского тела — мускулистого и ростом в шесть футов. Не было других причин, почему бы не сконструировать подъемники так, чтобы ими могла управлять женщина — не настолько высокая и сильная: ведь сила здесь требовалась от машины, а не от человека. Однако Фассе не хватало роста, чтобы дотянуться до контрольной панели. Когда она подсчитала, сколько стоил ей этот факт — с учетом всех акций и премий, выдаваемых грузчикам за их молчание, — то стала всерьез задумываться о постройке собственной фабрики по производству машинерии: пусть производит подъемники, краны и автопогрузчики, которыми сможет управлять кто угодно, всего лишь нажимая на кнопки.

«Когда-нибудь, — пообещала она себе. — Когда у меня будет достаточно денег. Когда я почувствую себя достаточно сильной... и достаточно защищенной... когда я стану самодостаточной».

Но почему-то ей казалось, что этот день никогда не наступит.

Но вот уже погрузка была произведена на двадцать пять процентов... и настало время получить деньги. Фасса жестом приказала грузчикам остановиться. Пока они ждали на своих местах, у

подножия застывших на полпути подъемников, Фасса прошествовала в частично заполненный грузовой трюм беспилотника.

— Перечислить деньги! — рявкнула она. — Немедленно!

— Сожалею, у меня нет возможностей произвести денежную выдачу в грузовом трюме, — ответил корабль. — Пусть человеческая единица дель Парма переместит себя в рубку для получения выплаты.

Интонации были почти как у человека, однако неуклюжий подбор слов выдавал искусственный интеллект. Улыбнувшись, Фасса провела рукой перед сенсорами двери лифта и подумала, что, возможно, порекомендует Дарнеллу нанять лингвиста получше.

Диафрагма лифтовой двери раскрылась, и Фасса, погруженная в раздумья, сделала шаг вперед, прежде чем заметить блеск серебряно-коричневых шевронов на черном, как космическое пространство, кителе Курьерской службы.

Вздрогнув, Фасса отпрянула назад, но человек в форме схватил ее за рукав прежде, чем она успела ускользнуть. Девушка рухнула на пол, увлекая нападающего за собой. Он всей тяжестью упал поперек ее туловища, выдавив из легких Фассы весь воздух. Где эти черговы грузчики? Неужели они не видят, что что-то идет не так?

— Фасса дель Парма... именем Центральных Миров... я арестую вас... за хищение стройматериалов и средств... отпущенных для сооружения... космической базы, — пропыхтел мерзавец в форме. Теперь он держал Фассу за оба запястья, прижав ее к полу. Хватая ртом воздух, девушка ударила ублюдка коленом в пах и одним гибким движением высвободилась из его хватки. Ее мозг ни на мгновение не прекращал свою работу. Так здесь был свидетель! Дарнелл решил ее подставить? Ну ладно, избавимся от свидетеля — это проблема номер один, с остальным разберемся попозже.

— Убейте его! — крикнула Фасса тупо таращившимся на нее грузчикам и бросилась к выходу, спеша укрыться в безопасности космобазы.

Грузовые люки беспилотника захлопнулись. Как этот ублюдок ухитрился отдать команду? Он все еще должен был валяться на полу, извиваясь от боли.

Он и валялся. Но пока Фасса смотрела на него, он поднялся на колени.

— Вы... арестованы... — просипел он.

— Это ты так думаешь, — с самой сладкой улыбкой из своего

арсенала возразила Фасса. Неужели этот идиот думает, будто она настолько слаба и сентиментальна, что не может убить человека лицом к лицу? Он все еще стоял на коленях, а она была на ногах, и игольник, прятавшийся в ее левом рукаве, скользнул в ладонь, наполняя Фассу холодной уверенностью и чувством триумфа. Время замедлилось, воздух вокруг нее замерцал. Пилот Курьерской службы поднялся на ноги, но ему явно не успеть добраться до нее. Фасса навела игольник и увидела лицо врага, аккуратно вписанное в рамку прицела. Кто он такой? Не имеет значения. Это был совершенно незнакомый человек, это был Сев, это был сенатор Сеневикс, это был Фаул дель Парма. Все вокруг сделалось зеленым, и пальцы Фассы ослабели настолько, что игольник едва не выскользнул из них. Что происходит? Фасса пошатнулась, стиснула рукоять игольника и увидела, как заряды по пологой дуге пролетают сквозь плотное зеленое облако, окружившее ее и этого типа. Как кружится голова... Фасса не могла удержать глаза открытыми, чтобы посмотреть, найдут ли заряды свою цель. Но слишком близко, чтобы промахнуться... так близко...

Фасса рухнула на пол в клубах усыпляющего газа, которым Нансия, опоздав лишь на несколько мгновений, заполнила запечатанный грузовой трюм. И рядом с Фассой упал Калеб, его черно-серебряная форма была сплошь покрыта пятнами крови.

Глава 10

— Не пускай газ в лифт! Не пускай газ в лифт!

Этот громкий приказ, донесшийся из закрытого пространства за фальшивой переборкой, испугал Нансию. Она быстро переключила обзор, проклиная поспешную и небрежную перепланировку, из-за которой большие участки ее собственных внутренних помещений оказались закрыты от ее визуальных сенсоров.

Сев Брайли, бледный и встрепанный, выбрался из-за коричнево-лиловой псевдостены.

— Я вытащу его из трюма! — рявкнул он, даже не потрудившись оглянуться в сторону сенсоров Нансии. — Ты можешь сделать так, чтобы газ был только там?

— Да, но...

— Нет времени искать маску. — Брайли уже был в лифте, и Нансия могла только следить, как он до боли медленно спускается в грузовой трюм. Грудная клетка Сева резко вздымалась и опа-

дала — он глубоко и быстро втягивал в легкие чистый воздух, чтобы иметь возможность войти в заполненное газом помещение.

Нансия открыла дверь лифта всего на четверть, так чтобы Брайли мог протиснуться между гибкими створками, которые снова сомкнулись за его спиной. В то же время она на полную мощность включила вентиляционную систему лифта, чтобы как можно больше усыпляющего газа успело выветриться.

Напряженные плечи и спина Сева уперлись в лифтовую дверь, прогибая створки внутрь. Нансия разомкнула мембрану ровно настолько, чтобы позволить Брайли втащить Калеба в лифт. Во время долгих секунд подъема она продолжала вентилировать лифт, и к тому времени, как он достиг уровня рубки, Нансия уже не могла обнаружить в воздухе никаких следов усыпляющего газа. Однако Сев, видимо, достаточно надышался им в трюме — он привалился к стене, не в силах даже идти дальше, не то что тащить Калеба.

— Противоядие?..

— В коридоре, — ответила ему Нансия. — *В коридоре!* — У нее не было сервоавтоматов в самом лифте. Сев оттолкнулся от стенки, вывалился из лифта, с глухим звуком врезавшись в свежеокрашенную стену коридора. По крайней мере, это была настоящая переборка. Всего в нескольких шагах от Сева находилась ниша, куда сервы могли подать стимуляторы и средства медицинской помощи. Сев сделал два хриплых вдоха, дотянулся до поддона, появившегося в стенной нише, схватил горсть ампул и раздавил их в пальцах, поднеся к самому носу.

— Еще, — приказал он.

— Ты уже превысил рекомендуемую дозу.

— Мне *немедленно* нужна ясная голова, — прорычал Сев.

Действительно ли пятна крови на форме Калеба становились больше? Невозможно сказать, какие органы поражены и насколько сильно. Нансия выдала на поддон еще один набор капсул со стимулятором. Эти капсулы Сев уже вскрывал более осторожно, по одной. В третий раз глубоко вдохнув сильный стимулятор, он уронил остальные на поддон.

— Теперь все для оказания медицинской помощи!

— Что именно?

— Я скажу тебе, когда буду знать. — Сев стоял на коленях, закрывая Нансии обзор, и расстегивал испачканный в крови китель Калеба. — Что-нибудь кровоостанавливающее... не должно быть столько крови от игольника... ах ты... — Он использовал слово из веганского сленга, не упомянутое ни на одном из сло-

варных кристаллов Нансии. — Она заправила их антикоагулянтом[1]. И... думаю, еще чем-нибудь. Анализ? — Сев бросил на поддон испачканную в крови полоску ткани, оторванную от формы.

Нансия переместила этот «образец» в медлаб и выдала вместо него ампулы с гипертромбином, который Сев впрыснул Калебу прямо в вену.

— Это остановит кровотечение, — произнес наконец Брайли, поднимаясь на ноги. — Но мне не нравится цвет его лица. По-твоему, может так выглядеть бледность от газового отравления?

— Нет. — Это было единственное слово, которое смогла выдавить Нансия.

— По-моему, тоже. Ты можешь проанализировать, что еще было в игольнике?

— Нет. Какая-то органика, однако для меня это слишком сложно. — Сосредоточившись на технической проблеме, Нансия наконец-то смогла обрести контроль над своим голосом. — У меня нет таких возможностей. Я связываюсь с базой Мурасаки, чтобы получить сетевой доступ к медицинской базе данных.

Однако база Мурасаки смогла лишь предложить, чтобы Нансия доставила Калеба к ближайшей планетной клинике, и как можно скорее. Если игольник Фассы был заряжен ганглицидом...

— Это не ганглицид, — быстро возразила Нансия. — Он бы уже был мертв. К тому же никто не стал бы делать подобные вещи.

— Вы можете обнаружить много сюрпризов, — с раздражающим спокойствием произнес управляющий мозг базы Мурасаки. — Но я согласен, вероятно, это не ганглицид. Однако существуют медленные нервно-паралитические яды, которые, если не будет проведено должное лечение, могут быть столь же смертоносными. Судя по тому, что вы сообщили о наличии у раненого судорог, я могу предположить, что необходима медицинская помощь со стороны человека, являющегося экспертом по отравляющим веществам нервно-паралитического действия, а также по противоядиям к ним.

— Спасибо вам большое, — фыркнула Нансия. Сев завернул Калеба во все одеяла, какие только смог найти на борту, но пилота безостановочно била дрожь. Время от времени его спина выгибалась в судороге, и он вскрикивал в бреду. — Мы прибыли с базы Размак в подпространство Беллатрикс. Вы что, всерьез предлагаете транспортировать человека в таком состоянии через сингулярность?

---

[1] Антикоагулянт — вещество, препятствующее свертыванию крови.

— На Бахати имеется превосходная клиника, — отозвался мозг базы Мурасаки. — Если бы вы сохранили достаточно спокойствия, чтобы просмотреть те сетевые записи, которые я вам передал, КН, то вы бы увидели, что ассистент директора этой клиники в прошлом виллотную занимался исследованиями по нервно-паралитическим ядам. С вашего разрешения, я попрошу Саммерлендскую клинику срочно принять пациента и передать его на лечение непосредственно доктору Альфе бинт Герца-Фонг.

Время застыло. Обрывки разговоров, забытых почти на четыре года, эхом отдавались в памяти Нансии. «Эксперт по терапии поражений ганглицидом будет прямо там, в Саммерлендской клинике... тестирование ганглицида на находящихся без сознания людях... они так подсели на «блажен», что уже не понимали, что с ними происходит...»

У Нансии была полная запись разговора, надежно сохраненная на отдельном кристалле. Однако эта запись была ей не нужна. Ее собственная человеческая память безжалостно воспроизводила слова, которые Нансия пыталась забыть.

Осмелится ли она передать Калеба в руки Альфы бинт Герца-Фонг?

Осмелится ли она *не* доставить его в клинику?

Выбора не было.

До Бахати было всего несколько минут полета, но эти минуты показались Нансии долгими часами. Она благословляла возможности, которые позволяли ей решать одновременно множество задач. Пока один банк процессоров производил посадочные вычисления, два других Нансия отвела на то, чтобы поддерживать связь с базой Мурасаки и открыть новый коммуникационный канал с Бахати. Она связалась с директором Саммерлендской клиники и подала запрос, одновременно получая спокойные указания от базы Мурасаки.

Сочетание ареста Фассы с ранением Калеба представляло собой сложную политическую проблему. Нансия была почти признательна за эту сложность; это давало ей возможность думать о чем-то еще, помимо судьбы Калеба, во время долгих минут до окончания посадки на планету.

Правила Курьерской службы строго запрещали перевозку заключенных на «мозговом» корабле без «тела». Нансия считала это правило глупым пережитком давних дней. Старые, менее тщательно разработанные «мозговые» корабли могли быть уязвимы перед пассажирами, однако Нансия была прекрасно защище-

на от любых трюков, которые способна измыслить Фасса. Вспомогательные синаптические контуры, известные как модификация Хельвы, способны были предотвратить любую попытку лишить «мозг» корабля сенсорного контакта с самим кораблем.

И все-таки, как уведомила Нансию база Мурасаки, эти правила существовали по объективным причинам, и корабль не должен выбирать, какие правила ему соблюдать, а какие — нет.

— Ладно, ладно. — У Калеба снова судороги? Персонал Саммерлендской клиники был наготове, чтобы забрать пациента, как только корабль приземлится. Космопорт Бахати передавал последние посадочные указания. — Я передам Фассу дель Парму властям Бахати.

— Ты этого не сделаешь, — возразил ей мозг базы Мурасаки. — Я связывался с Диндентром, пока ты тут горевала над своим «телом». Эта юная леди — все равно что горячая картошка.

— Что?

— Это старинное земное выражение. Никогда не думал о его буквальном значении... ну, по-моему, картошка — это какой-то клубень, но зачем кому-то греть клубни... а, ладно. — Мозг Мурасаки оставил этот увлекательный лингвистический казус на потом. — Это означает, что никто не хочет браться за то, чтобы устроить над ней суд. Ну, ведь ты сама все понимаешь, верно, Нансия? Если ты хочешь засудить кого-то из отпрысков Высших Семей и отправить его в тюрьму, то это делается отнюдь не на заштатной планете на самом краю галактики. Тебе нужно доставить арестованную на Центральный и очень, очень тщательно проследить за выполнением всех процедур. До последней буквы. У Диндентра имеются строжайшие инструкции насчет того, чтобы в этом деле *всё* было как полагается. Кто-то из очень высокопоставленных чиновников явно заинтересован в том, чтобы остановить коррупцию в Высших Семьях.

— Можете сказать вашему высокопоставленному чиновнику... — Нансия передала импульс, состоящий из грязных тонов и высоких дисгармоничных звуков.

— Не могу, — самодовольно отозвался мозг Мурасаки. — Мягкотелые не воспринимают такие импульсы. К счастью для них, могу добавить. Где такой милый корабль, как ты, нахватался таких выражений?

Нансия опустилась на посадочное поле космопорта Бахати мягко, словно перышко, несомое легким ветерком. Открыв люк на уровне жилых кают, она ждала, пока рабочие космопорта подтянут гравитубу. Они уже были извещены о том, почему Нансия

не открывает нижний люк. Оборудование уже должно быть наготове... ага, вот и они.

— Ну, тогда просто сообщите своему «высокопоставленному чиновнику», что в этой операции кое-что *уже* пошло не так, как полагается, — сказала Нансия базе Мурасаки. — И если я не могу транспортировать дель Парму в отсутствие пилота и не могу передать ее властям Бахати, то что мне предполагается с ней делать?

— Подождать нового пилота, конечно, — сообщил Мурасаки.

— И сколько времени этой займет?

Калеба уже укладывали на носилки.

— Примерно полчаса, если он сумеет собраться так быстро, как намеревается.

— Что?

В ответ база Мурасаки транслировала Нансии прямой приказ из Диппентра: «Старший субъект Центральной Дипломатической Службы, Амонтильядо-и-Мэдок, Фористер, в настоящее время на ПВ в Саммерлендской клинике, прошлый статус «тела» законсервирован в связи с поступлением в ЦДС в 2732 году по Центральному календарю, расконсервирован в 2754 году для выполнения служебного полета по конвоированию заключенной дель Пармы-и-Поло, Фассы, в зону юрисдикции Центральных Миров».

Прежде чем увезти Калеба, медтехи из Саммерлендской клиники взяли у него анализ крови и впрыснули универсальное противоядие. Альфа бинт Герца-Фонг лично явилась, чтобы наблюдать за этой операцией. Когда темнокожая девушка склонилась над Калебом, Нансия изучила изображение ее скульптурного лица, уловленное всеми сенсорами каюты. Точеные черты Альфы отражали лишь профессиональный интерес: ни намека на зловещий план по использованию Калеба в качестве материала для экспериментов.

И ни намека на сочувствие.

Потом пилота загрузили в гравитубу, и Нансия больше не могла видеть его... не могла ему помочь. «Где же Сев?» Нансия перебирала сектора обзора сенсоров, пока не обнаружила Брайли в одной из пассажирских кают, скрытых за фальшивыми переборками. Он охранял Фассу, которая только-только начала оправляться от действия усыпляющего газа.

— Сев, мне нужно, чтобы ты поехал с Калебом, — сообщила ему Нансия.

— КН-935, пожалуйста, подтвердите получение официального приказа, — пришел запрос с базы Мурасаки.

— Не могу, — не оборачиваясь, отозвался Сев. — Должен охранять пленницу. Посмотри в правилах.

Нансия знала, что он прав. Те же самые идиотские правила КС, которые запрещали ей транспортировку Фассы без пилота на борту, гласили, что заключенного должен охранять человек.

— И правила тебе важнее жизни Калеба?

— Нансия, он получит самый лучший медицинский уход, какой вообще возможен. О чем ты волнуешься?

— КН-935, ОТВЕЧАЙ! — во весь голос потребовала база Мурасаки.

Гравитуба превратилась в искорку на горизонте. Они не остановились в космопорте, а повезли Калеба прямиком в клинику, где Альфа бинт Герца-Фонг может сделать с ним все, все, что угодно, и Нансия даже не узнает, пока не будет слишком поздно...

— Инструкции получены и приняты, — передала она на базу Мурасаки одним коротким импульсом. — А теперь ДАВАЙТЕ СЮДА ЭТО «ТЕЛО» ПОСКОРЕЕ!

Фористер Амонтильядо-и-Мэдок? Нансия вспомнила тихого коротышку, которого она несколько лет назад отвозила куда-то для разрешения какого-то кризиса. Да, он еще все время полета провел за чтением. Что бы ни говорилось в его досье, это было отнюдь не то «тело», которое нужно Нансии. Но кому до этого есть дело? Чем быстрее он прибудет сюда, тем раньше Сев освободится от обязанностей стража и сможет присмотреть за Калебом.

Фасса задыхалась на самом дне озера. Вокруг ее лодыжек обвились водоросли, а воздух был где-то далеко, над неизмеримой толщей зеленой воды, которая мягко, но непреодолимо давила Фассе на глаза, на уши, на ноздри, давила на грудь, мешая пошевелиться. Девушка пыталась вырваться из хватки водорослей, но они только сдавили ее крепче и поползли выше, по голеням, коленям, и вот уже их скользкие зеленые пальцы сдавливают бедра. Когда Фасса посмотрела вниз, водоросли превратились в бледно-зеленые лица с открытыми ртами и закрытыми глазами. Все мужчины, которые отдали ей свои сердца, пожертвовали ради нее своей честью и частью своих душ, были здесь, на дне озера, и хотели, чтобы Фасса осталась с ними. Ее легкие горели от необходимости сделать вдох. Если она вернет им их души, отпустят ли они ее?

Фасса попыталась расстегнуть браслет на левой руке, но застежка была слишком тугой; попробовала порвать цепочку, но та оказалась прочной. Зеленая озерная вода вливалась в рот Фассы,

почему-то эта вода была горькой. Перед глазами плясали черные точки. Девушка стянула браслет с руки, обдирая костяшки пальцев, и бросила его голодным призракам. Сверкающие подвески из корикия и иридия лениво опустились на дно среди ила и водорослей, и Фасса ощутила, что свободна. Она рвалась наверх, сквозь пронизанные светом слои воды, пока не оказалась на поверхности и не вдохнула воздух, который обжег ее легкие, словно огонь.

Она лежала на койке в каюте космического корабля. На другой койке, у противоположной стены, сидел, скрестив ноги, Сев Брайли, и спокойно и пристально смотрел на Фассу. И жжение в легких было реальным, равно как и боль, пульсирующая в голове. Понятно: похмелье после усыпляющего газа. Теперь Фасса вспомнила все: удивление и негодование при виде идиота, который оказался там, где ему совершенно нечего было делать, а потом газ, затопивший трюм, и борьбу за глоток воздуха...

Все это складывалось в картину поражения, столь сокрушительного, что Фассе была невыносима сама мысль о нем. И Сев, мужчина, который не пожертвовал ни кусочком своей души для украшения браслета Фассы... это он подстроил ее поражение?

— Что ты здесь делаешь? — прохрипела она.

— Хочу убедиться, что у тебя не будет осложнений после усыпляющего газа, — ответил Сев. Голос его доносился до Фассы словно бы с огромного расстояния. — У некоторых людей случаются конвульсии. Мне показалось, что у тебя даже проявилась подобная реакция.

И это его обеспокоило? Быть может, он все-таки хоть немного о ней думает. Быть может, тот эксперимент, когда она завела его на «Западу», и не был полностью неудачным. Для проверки Фасса потянулась — и заметила, как он следит за каждым ее движением. Возможно, в этой катастрофе еще можно кое-что спасти. В конце концов, они наедине на беспилотном корабле...

— Это не конвульсии, — сказала Фасса, осторожно поводя ступнями и продолжая разминку дальше, мышца за мышцей, пока не ощутила, что все ее великолепное тело послушно ей, как обычно. — Просто плохие сны.

— И какие же сны? — поинтересовался Сев.

Фасса села — несколько быстрее, чем намеревалась, — и откинулась к стене каюты.

— Из тех, что заставляют нас бояться смерти.

— Как совесть делает из всех нас трусов[1], — согласился Сев, не меняя тона, и Фасса ощутила укол сожаления. Ей мог бы попра-

[1] У. Шекспир, монолог Гамлета из пьесы «Гамлет». Перевод *К.Р.*

виться этот человек, способный так быстро ухватить ее мысли, озвучить не произнесенную ею цитату. Если бы он только не был на стороне ее противников! Ну что ж, вероятно, это можно изменить. И, черт побери, она *должна* это изменить, если хочет выбраться из этой переделки.

— Говори за себя, — возразила Фасса. — Моя совесть не настолько уж запятнана; я сделала не больше, чем делают все, просто пыталась пробиться наверх собственными силами. — Неверный тон, неправильный. Она не хотела спорить с Брайли, она хотела его соблазнить. Нет. Ей нужно было его соблазнить. Вот и все.

И вряд ли ей удастся чего-то добиться в ее нынешнем состоянии. Фасса отбросила со лба свалявшиеся, пропитанные потом волосы и тихонько застонала от боли.

— Боже, я, должно быть, кошмарно выгляжу, — пробормотала она. — Ты не против выйти ненадолго, пока я не приведу себя в порядок?

— Я против, — сообщил Сев. — Ты не должна оставаться без охраны, пока мы не прибудем на Центральный. Приказ от Диппентра.

Фасса снова застонала. Если сам Диппентр заинтересован в ее деле, то все обстоит еще хуже, чем она думала. Неважно. До Центрального лететь далеко. А в данный момент она находится на беспилотном корабле наедине с этим красавчиком. И при минимуме удачи она заставит его сменить объект преданности прежде, чем за ней явятся представители судебных органов.

Посредством всего лишь нескольких обиженных гримасок и тщательно отрежиссированных поз ей удалось убедить Сева, что он вполне может выполнять обязанности ее стража, прислонившись к стене коридора за дверью ее каюты. И это только начало, с удовлетворением подумала Фасса. Когда он снова войдет в каюту, он сделает это по ее приглашению... а приглашение может привести ко многим интересным вещам. Она приняла душ, пинком отправила измятую и грязную одежду в угол под койкой, еще раз умылась холодной водой и вместо чистой одежды завернулась в простыню. Это будет настоящая проверка ее возможностей. Никакой косметики, волосы гладко причесаны, вместо полупрозрачного пеньюара — жесткая казенная простыня, а вместо романтической спальни — голый интерьер каюты.

«Фасса, детка, ты такая сладкая, я не могу устоять», — стонал когда-то Фаул дель Парма, входя в ее комнату, входя в нее саму. А ведь тогда Фасса была всего лишь неуклюжей, пухлой маленькой девочкой с тонкими, туго заплетенными черными косичка-

ми. Она носила самую уродливую и закрытую одежду, какую только могла найти, но это не оттолкнуло Фаула.

Впервые Фасса намеренно призывала воспоминания, которые так долго пыталась похоронить; сейчас она искала в них уверенность. Она действительно была неотразима для мужчин. Фаул дель Парма доказал это, не так ли? Даже зная, что это неправильно, даже зная, что Фассе это ненавистно, он все равно не желал оставить ее в покое.

«Все, что в тебе есть: твоя походка, твоя улыбка, то, как ты прикрываешь глаза, пряча их в тени густых ресниц...»

Вместо того чтобы придать уверенность, воспоминания вызвали у Фассы лишь отчаяние. Должно быть, она действительно приманивала его — не словами, но тем, как смотрела на него, как ступала. Каким-то образом она заставляла папу желать ее, сама того не понимая. Она была плохой девочкой, и если мама об этом узнает...

Где-то в глубине памяти мама с криком падала, бесконечно падала сквозь блистающий великолепием атриум отеля, и ее тело вращалось, увлекая за собою целое облако полупрозрачных драпировок. И в этом тоже была виновата Фасса. Девушка закричала и изо всех сил швырнула что-то через всю каюту; в тот же миг в незапертую дверь влетел Сев Брайли.

— Что такое? Что случилось?

Его руки обвивали ее, и Фасса прижималась лицом к чистой накрахмаленной ткани его рубашки, ощущая щекой, как бьется его сердце. Почему-то она плакала и никак не могла остановиться, и все это время Сев просто обнимал ее. Не пытался уложить ее на койку, не позволял своим рукам незаметно соскользнуть пониже, тайно лаская спину девушки. Он просто держал ее в объятиях.

— Ну я же тебе говорила, — промолвила наконец Фасса, подавив последний всхлип, — у меня бывают плохие сны.

— Когда я уходил, ты вроде бы не спала.

Фасса сделала глубокий судорожный вдох.

— Я... я боюсь сейчас оставаться одна, — призналась она. И это была чистая правда. — Ты не можешь побыть со мной?

— Вполне, — кивнул Сев. — Я так или иначе собирался это сделать. — Он отпустил Фассу, словно поняв, что она уже пришла в себя, и сделал шаг назад. Девушка снова вздохнула, на этот раз не без тайного умысла, следя, куда он смотрит. Да, он совершенно точно замечал, что от этих вздохов происходит с узлом, удерживающим простыню и расположенным точно посередине

между грудями Фассы. И не мог отвести глаз от нежной кожи, казавшейся еще более мягкой по контрасту с грубой белой тканью простыни. Хорошо. Именно в этом направлении и нужно работать; следует думать об этом и ни о чем другом, иначе не удастся привлечь этого мужчину на свою сторону, прежде чем она предстанет перед судом.

— О, это верно, — произнесла Фасса, позволив слезинке выкатиться из уголка глаза; в ее нынешнем взвинченном состоянии это было совсем просто. — Я забыла — ты ведь мой тюремщик, не так ли?

От этого утверждения Севу, похоже, стало неуютно, и именно этого добивалась Фасса.

— Я бы сформулировал это несколько иначе. Но кто-то должен оставаться с тобой до...

— До конца, — довершила его фразу Фасса. — Какие приговоры сейчас в моде? Ты думаешь, меня направят на каторжные работы? — Она вскинула голову, приняв позу христианской мученицы: вся воплощение благородного вызова, жертвенности и невинности. Но одновременно она слегка пошевелилась, заставив простыню плотно облепить одно бедро. Фасса надеялась, что это даст Севу представление о том, какого рода «каторжные работы» уместны для такой подсудимой.

— Тебя будут судить честно, — заверил Сев, — и ты сможешь высказаться в свою защиту.

— Вот как? — фыркнула Фасса. — Посмотри на меня. Ты не думаешь, что какой-нибудь престарелый судейский сморчок захочет подвергнуть меня стиранию личности? Они решат, что жаль будет зря расходовать такое прекрасное тело, — и тело сохранят, а личность сотрут и смогут сделать с телом все, что захотят.

— Я уверен, что такого не будет, — ответил Сев, но голос его звучал далеко не так твердо, как несколько секунд назад. Фасса мысленно зааплодировала своей сообразительности. Было бы практически бессмысленно уверять Сева в том, что она невиновна в тех преступлениях, в которых ее обвиняют: ведь Сев был главным свидетелем. Гораздо умнее было перевести разговор на коррупцию, царящую на всех уровнях органов управления. Сев немало знал об этом. Пусть подумает над тем, что Фассу, возможно, подвергнут бесчестному суду, пусть лопочет — Фасса именно на это надеялась, — представляя, как ее превратят в безмозглую игрушку для сексуальных утех какого-нибудь коррумпированного чиновника.

— Ты же знаешь, что так и произойдет, — тихо сказала Фас-

са. — Ты знаешь, как широко распространен обман в кругах власти. Все хотят что-то получить для себя. Один из них захочет меня, и тогда... — Она с кривой улыбкой послала в пространство воздушный поцелуй. — Прощай, Фасса дель Парма! — А теперь пора позволить простыне соскользнуть на пол, давая Севу возможность узреть, что именно может заполучить какой-нибудь грязный старикашка, если он, Сев, не успеет первым. Фасса двинулась к Брайли, медленно, шаг за шагом, глядя, как заливает румянец его красивое лицо, как синие глаза темнеют от желания. — По крайней мере, ты можешь должным образом попрощаться со мной, Сев, любовь моя, — прошептала соблазнительница.

Она замерла, закрыв глаза, ожидая теплого прикосновения его губ к ее губам, его рук к ее телу...

— Думаю, это лишнее, — ответил Сев Брайли, и, когда Фасса распахнула глаза, потрясенная и не верящая своим ушам, он уже отступил на два шага и оказался у дверей каюты.

Вновь оказавшись в коридоре, Сев активировал замок, не позволяющий Фассе покинуть каюту. Прислонившись к стене, Брайли вытер лоб тыльной стороной руки, но это не очень-то помогло: он чувствовал себя так, словно только что пробежал десять миль по джунглям Капеллы. Пожалуй, нужно принять холодный душ. И десятимильная пробежка — тоже неплохая идея. Правда, он не может оставить Нансию в одиночку охранять Фассу.

Однако он может заручиться дополнительной помощью — подстраховаться от соблазна.

— Нансия, — произнес Сев, глядя вверх, на стык потолка и стены, где были установлены ее слуховые сенсоры. — Нансия, я думаю, тебе следует полностью активировать сенсоры в каюте Фассы. Я знаю, это нарушение права заключенного на приватность, но это очень опасная женщина. И еще, Нансия. Лучше будет держать сенсоры включенными все время. Даже тогда, когда я там вместе с мисс дель Парма.

Сев подумал и решил, что последнее требование выражено недостаточно четко.

— *В особенности* когда я там вместе с Фассой, — уточнил он.

— Я уже это сделала, Сев, — ответила Нансия через встроенный в стену динамик. — Не волнуйся. Ведется наблюдение и запись.

— Превосходно, — сквозь зубы процедил Сев. — Я уверен, что эта сцена будет весьма занимательной для тех, кто не подвержен гормональным всплескам. А теперь, если ты не против, просто

присматривай за Фассой и дай мне знать, если она попытается что-либо предпринять. Я буду в корабельном тренажерном зале.

— Зачем?

— Чтобы унять свои гормоны, — сказал Сев. Ему явно предстоит улучшить свой рекорд по поднятию тяжестей.

— ФН-935, Фористер Амонтильядо-и-Мэдок запрашивает разрешения взойти на борт.

— Даю разрешение.

Даже для слуха самой Нансии ее слова прозвучали слишком резко. После мрачных раздумий длительностью в ничтожную долю секунды она добавила официальным тоном:

— Добро пожаловать на борт, Фористер Амонтильядо-и-Мэдок.

Невысокий пухлый мужчина, которого она в прошлый раз видела, когда он направлялся в самую гущу запутанного конфликта властей планеты Харон с партизанским движением Тран Фон, забросил в лифт три тяжеленных предмета багажа и вздохнул с явным облегчением. «Мне прислали старика, который даже собственный багаж не способен дотащить, не вымотавшись до потери дыхания». Однако словно для того, чтобы опровергнуть эту невысказанную критику, Фористер взмахом руки отослал лифт с багажом наверх, а сам поднялся по трапу. Нансия следила за его продвижением, переключаясь с одного сенсора на другой. Пилот-дипломат шел быстрыми, аккуратными шагами, каждое его движение было предельно экономным. Нельзя сказать, что он взбежал по ступенькам, однако оказался наверху гораздо быстрее, чем ожидала Нансия. Ни один волосок не выбился из подернутой сединой шевелюры, и ни капли пота не блестело на лбу Фористера, когда он вошел в рубку.

— Приветствую вас, Нансия, — произнес он. В отличие от Калеба, Фористер смотрел прямо на титановую колонну, внутри которой скрывалось человеческое тело и мозг Нансии. Этот прямой взгляд сбивал с толку Нансию, привыкшую, что Калеб, проходя по кораблю, даже не поворачивал голову к ее сенсорам, рассчитывая, что отлаженная система уловит его слова, где бы он ни находился. Нансия немного выждала, чтобы обдумать ответ и заодно как следует присмотреться к пожилому «телу». Светлые глаза на загорелом лице окружены сеточкой морщин, как будто этот человек привык пристально всматриваться во все, что видел; держится небрежно, даже расслабленно, но при этом прямо, такое ощущение, как будто может сделать движение в любом направле-

нии в тот же миг, как это будет нужно. «Может быть, он и неплох. Но он — не Калеб!»

— Вы выглядите замечательно здоровым для человека, который только что находился на излечении в Саммерлендской клинике, — сказала наконец Нансия.

Фористер поморщился.

— О, я вполне здоров, если это вас беспокоит, ФН. Пребывание в Саммерленде было вызвано вовсе не медицинскими показаниями.

— Тогда чем? В полученном мною приказе было сказано, что вы находитесь там на реабилитации.

— Ну... Да. Они бы в любом случае это отметили, не так ли? — невнятно объяснил Фористер, в то время как Нансия раздраженно думала, может ли этот человек вообще ответить прямо на какой-нибудь вопрос. Может быть, именно к такому стилю общения приучает дипломатическая служба.

Наконец Фористер выдал фразу, которая могла бы сойти за объяснение:

— Мое последнее назначение в ЦДС было... скажем так, тяжелым, и дела пошли не так хорошо, как я надеялся.

— Харон? — спросила Нансия.

Дипломат изумленно моргнул.

— Да нет. А откуда... А, я вспомнил. Я имел честь быть доставленным на Харон именно вами, не так ли? Несколько лет назад — тогда вы были КН-935, я помню. Мои соболезнования по поводу потери вашего партнера.

— Это только временно, — заявила Нансия. — И это мне напоминает кое о чем. Я не буду торопить вас с распаковкой вашего багажа, но как только вы будете готовы, приступите, пожалуйста, к охране заключенной. Мне нужно, чтобы Сев Брайли отправился в Саммерлендскую клинику и присмотрел за моим «телом».

— Как вам будет угодно. — Фористер едва ли не каблуками щелкнул — по крайней мере, поклон, который он отвесил в сторону титанового пилона, был выполнен идеально. Повернувшись, пилот-дипломат забрал свои вещи из открытого лифта и промаршировал по коридору к каюте «тела» — *каюте Калеба,* — оставив Нансию с ощущением, что она проявила непростительную резкость. Она включила динамик в каюте.

— Если вы не возражаете, можем продолжить разговор, пока вы обустраиваетесь.

— Никаких возражений, — заверил ее Фористер. Он опять слегка запыхался, забрасывая свои вещи на койку. Что такое мог-

ло быть в его багаже? Целое состояние в корикиевых слитках, которые он прячет под бельем? Однако пока что он вынимал из сумок самые обычные предметы гардероба: официальную форму Дипломатической Службы, чистые рубашки, умывальные принадлежности и горстку инфокристаллов с лазерной нарезкой.

Может быть, Фористер и не возражал против беседы, но и начинать эту беседу не собирался. Что ж, Нансия не проявила в его отношении должного дружелюбия, и теперь ее очередь сделать шаг навстречу.

— Тогда что было вашим последним местом работы, если не Харон? И почему вы выбрали для отдыха Саммерлендскую клинику?

— Саммерленд — хорошее место для поправки здоровья, — ответил Фористер. — Я нахожу, что вы чрезмерно волнуетесь за своего бывшего пилота. Медицинский персонал там очень опытный.

— Я беспокоюсь не об их квалификации, — призналась Нансия.

В каюте Фассы наметилось какое-то движение. До этого Нансия сохраняла там минимальный уровень мониторинга, но сейчас включила сенсоры на полный обзор и увидела, что Сев снова явился, чтобы поговорить с Фассой. Девушка была теперь полностью одета, и они сидели на противоположных койках. Нансия решила, что Сев вряд ли столкнется с какой-либо реальной проблемой. И все же она одним ухом прислушивалась к их тихому разговору, одновременно наблюдая за Фористером и желая, чтобы он поторопился с распаковкой. Теперь он добрался до нижнего слоя первой сумки, и Нансия видела, что делало его багаж таким увесистым: всего-навсего старинные книги. Один том за другим, килограммы и килограммы, и, несомненно, во всех них содержится не больше информации, чем можно было бы записать на нескольких гранях инфокристалла! Какое нерасчетливое пристрастие!

— Разве Бахати не является слишком захудалой планетой для столь важного человека, как вы? — поинтересовалась Нансия. Она знала, что чересчур настойчива, однако ей было все равно. Если Фористер был в одной компании с Альфой и ее преступными дружками, то Нансия не могла доверить ему охранять Фассу — и не могла отослать его обратно в клинику для присмотра за Калебом. Ей следовало бы сразу обратить внимание на данные, переданные базой Мурасаки.

— У меня есть родня в системе Ньота, — отозвался Фори-

стер. — Я надеялся нанести кое-кому короткий визит после того, как покину Саммерленд. И у меня в этой клинике есть друг.

— Альфа бинт Герца-Фонг, — предположила Нансия. Если уж узнавать плохие новости, то все сразу.

— Ради бога, нет! — Фористер, казалось, был искренне изумлен. — Если вы считаете, что я могу с нею дружить, неудивительно, что вы приняли меня так враждебно. Но это кое-кто совершенно другой, уверяю вас.

— Кто?

— Я не имею права сказать вам. Но если все пойдет хорошо... — Он прервался, чтобы установить в каюте складную полку, на которую составил свои книги, закрепив их пружинными зажимами, которые не позволят увесистым томам выпасть, если корабль будет выполнять какой-либо резкий маневр. — Но пойдут они хорошо или нет, — несколько более медленно продолжил Фористер, — меня не будет здесь, чтобы помочь. И впоследствии у меня не будет свободного времени, чтобы навестить эту систему. Я лечу вместе с вами на Центральный, и когда я явлюсь туда, то меня вполне могут ждать шесть срочных назначений бог весть куда. — Он поднял взгляд, устремив его прямо в видеосенсор Нансии. — Так что, как видите, дорогая леди, это задание доставляет мне не больше удовольствия, чем вам. Я надеюсь, что на протяжении полета мы сможем...

— Тише. — Разговор в каюте Фассы становился весьма интересным. Нансия не хотела ждать последующего просмотра записи, она желала знать все непосредственно сейчас.

Похоже, Фасса намеревалась заключить сделку по поводу информации на кого-то из молодых людей, являвшихся ее соучастниками в том зловещем пари. Начала она с того, что намекнула Севу, будто может проинформировать его относительно целой шайки преступников, обосновавшихся в системе Ньота, — если, конечно, это поможет смягчить приговор, который будет вынесен ей самой. Сев абсолютно честно ответил, что у него нет права давать такие обещания.

— А, к черту, — устало произнесла наконец Фасса. — Если мне суждено утонуть, то утону не одна. Ты вполне имеешь право узнать все. По крайней мере тогда ты поймешь, что я далеко не худшая преступница в этой банде.

Она начала рассказывать Севу все, что знала о Дарнелле Оверстоне-Глаксели и о том, как он использовал незаконный доступ в Сеть: сначала для того, чтобы назначать за перевозку ставки лишь чуть-чуть меньше, чем у его конкурентов, потом для того,

чтобы разрушать фонды и перекупать акции любых мелких предприятий, которые он хотел добавить к своей империи.

— Все это очень интересно, — кивнул ей Сев. — Но если Овертон-Глаксели настолько ловок, как ты утверждаешь, в перехвате приватных данных в Сети, то он должен быть и достаточно умен, чтобы не оставлять никаких следов своего вмешательства.

— А, он вовсе не так умен, — возразила Фасса. — Его просто научили, как залезать в базы данных...

— Кто? — мягко спросил Сев.

Фасса покачала головой и сжала губы, лицо ее побледнело.

— Это неважно. Кто-то, кого тебе вряд ли удастся поймать. Не я, если ты так решил: у меня на это ума не хватит.

— Я и не считал, что это ты, — как-то чересчур печально отозвался Сев. Фасса с подозрением посмотрела на него. Губы Брайли подрагивали от затаенного смеха. Фасса в шутку замахнулась на него.

— Это что, оскорбление в адрес моих умственных способностей?

Сев перехватил ее запястье и удерживал в течение нескольких долгих секунд, пока Нансия раздумывала, не вмешаться ли ей. Наконец пальцы молодого человека разжались. Фасса осела на свою койку. Вокруг ее запястья остался белый след от хватки Сева; девушка рассеянно потирала этот след, продолжая говорить.

— Значит, не будем о Сети. Есть другие способы это доказать. Один из тех, кого Дарнелл уничтожил, узнал слишком много о его методах, и Дарнелл послал его в Саммерлендскую клинику.

На этом Нансия решила, что Фористеру тоже следует это слышать. Что бы она ни думала об этом человеке как о замене Калебу, он, в конце концов, был доверенным работником Центральной Дипломатической Службы. У него были друзья в Саммерлендской клинике. И он, похоже, разделял ее мнение касательно доктора бинт Герца-Фонг. Нансия транслировала через свои динамики в каюту Фористера разговор, происходящий между Фассой и Севом. Несколько секунд дипломат потрясенно молчал, а затем сел на койку посреди своих разбросанных книг и стал внимательно слушать.

— Дарнелл думал, что Альфа убьет этого человека по его просьбе. У нее произошла целая серия несчастных случаев, когда она проводила тестирование на бесплатных пациентах; она уже наловчилась выписывать свидетельства о смерти, проставляя в них самые невинные с виду причины этой самой смерти. Как-то раз она похвасталась этим на нашей ежегодной встрече. Еще

один смертельный случай для нее не был бы проблемой. Но она не стала убивать этого человека. Она нашпиговала его седуктроном так, что он даже не помнит, кто он такой, и когда она хочет, чтобы Дарнелл оказал ей услугу, то угрожает перестать давать тому человеку седуктрон.

– Как его зовут? – требовательно спросил Сев.

Фасса опустила взгляд.

– Мне хотелось бы каких-нибудь гарантий того, что приговор будет смягчен.

– Ты знаешь, что я не могу это сделать, – ответил Брайли.

Фасса переплела пальцы обеих рук.

– Ты мог бы, например, потерять все записи об этом последнем полете. Без твоих показаний и записей против меня не будет никаких твердых улик. – Она посмотрела на него блестящими от непролитых слез глазами. – Пожалуйста, Сев. Я думала, что хоть немного тебе нравлюсь.

– Ты ошибалась, – произнес Сев голосом, столь же мертвым и бесстрастным, как искусственно сгенерированная речь беспилотного корабля.

– Тогда что мне проку говорить? Почему я должна рассказывать тебе хоть что-то? – Она яростно замолотила кулаками по упругой поверхности койки. От ударов на плазмаформе оставались вмятины, которые разглаживались мгновение спустя. – Ну и ладно. Давай, посмотри, как мне сотрут личность или отправят меня в тюрьму на такой срок, что я выйду оттуда уже старухой. И почему остальные должны увильнуть от наказания, если моя жизнь будет разрушена? Того человека зовут Валден Аллен Хонкирк, и он когда-то был владельцем компании «Светооборудование Хонкирка» здесь, на Бахати. Этого тебе достаточно или тебе нужен его Центральный Гражданский Код?

– Любая мелочь, которую ты нам расскажешь, может оказаться очень ценной, – осторожно произнес Сев.

– Ну, его ЦГК я не знаю, так что тебе не повезло! – фыркнула Фасса. – Постой... постой... есть кое-что еще.

– И что это?

– Найди Хонкирка, и у тебя будут улики разом против Альфы и Дарнелла, – быстро сказала Фасса. – Но есть еще один, о ком ты должен знать. Его имя Блэйз...

В пилотской каюте Фористер опустил голову, опершись лбом о стиснутые кулаки.

– Блэйз Амонтильядо-Перес-и-Мэдок, – прошептал он. – Нет. Нет.

«У меня есть родня в системе Ньота... Я собирался нанести короткий визит после того, как покину Саммерленд...»

Нансия отключила трансляцию в каюте Фористера и выключила расположенные там сенсоры. И уже в одиночку слушала, как Фасса выбалтывает подробности преступной карьеры Блэйза на Англии: перепродажа поставок ПТП, рабский труд и мучительные казни туземцев, которым он предположительно должен был оказывать помощь.

Когда-нибудь Фористер услышит и сможет осмыслить все эти подробности, но не сейчас. Нансия оставит его в покое до тех пор, пока он не затребует запись этого разговора, — и даже тогда она позволит ему прослушать эту запись в приватном порядке.

Так что Нансия была единственным свидетелем внезапного окончания признаний Фассы. После того как девушка закончила рассказ о прегрешениях Блэйза, Сев попробовал продвинуться в своем расследовании дальше.

— Я поднял документы об этом вашем первом путешествии, — почти небрежно бросил он. — Вас ведь на корабле было пятеро, верно? Ты, доктор бинт Герца-Фонг, Овертон-Глаксели, Амонтильядо-Перес-и-Мэдок и еще один. Полион де Грас-Вальдхейм, только что окончивший Академию. Какова была его доля в вашем пари?

Фасса вновь сжала губы и медленно покачала головой.

— Я больше ничего тебе не скажу, — прошептала она. — Только... не позволь им послать меня на Шемали. Сначала убей меня. Я знаю, что я тебе безразлична, но я прошу тебя как человек человека — убей меня до того, как я там окажусь. Пожалуйста.

— Ты не права, если думаешь, что безразлична мне, — произнес Сев после долгого молчания.

— Ты сам это сказал.

— Ты спросила, нравишься ли ты мне хоть немного, — поправил он ее. — И нет, не нравишься. Ты тщеславная, эгоистичная и взбалмошная, ты едва не убила хорошего человека и до сих пор не проявила никакого интереса к тому, что с ним стало. Ты мне совсем не нравишься.

— Да, я знаю.

— К несчастью, — продолжал Сев все тем же тоном, — нравишься ты мне или нет — и, поверь, эта ситуация мне совершенно не по душе, — я, кажется, люблю тебя. Не то чтобы в этом было что-то хорошее для нас обоих, — почти нежно добавил он, — если учитывать обстоятельства. Но я считаю, что ты должна это знать.

Глава 11

Калеб поправлялся с поразительной скоростью. Два часа спустя после того, как его привезли в клинику, через сорок минут после того, как Альфа бинт Герца-Фонг проанализировала яд в его крови и приложила к его телу стимполоски с нужным антидотом, нервные судороги прекратились. Нансия точно знала, когда это произошло, потому что к тому времени уже отослала в Саммерлендскую клинику Сева Брайли, осмотрительно заменив верхнюю застежку его кителя на клипсу связи и выдав вторую клипсу, чтобы прикрепить ее к больничной рубашке Калеба. Пока Фористер оставался на борту как номинальный страж Фассы, Сев слонялся по посетительским комнатам клиники, пытаясь выглядеть как настоящий друг-и-родственник, встревоженный состоянием раненого, и попутно болтая с выздоравливающими платными больными. Для Нансии вид клиники состоял из двух картин: судорожно подергивающегося изображения белого потолка, покрытого трещинами, — это, естественно, была трансляция с комм-клипсы Калеба, — и кадров с искусственными пальмами в горшках и диванчиками, на которых сидели престарелые пациенты, основные собеседники Сева. В целом пальмы были даже интереснее, чем старики: по крайней мере, они не отнимали время Сева воспоминаниями о событиях вековой давности.

— Никто из этих людей не знает ничего о Хопкирке. — процедила она в комм-клипсу Сева.

— Я заметил, — ответил Брайли, провожая взглядом трясущегося старца — стосемидесятипятилетнего (по стандартному Центральному календарю) почетного директора Музыкального Колледжа Бахати. Тот вдруг вспомнил, что ему пора на дневные процедуры.

— Ты не можешь заняться чем-нибудь более продуктивным?

— Дай мне время. Мы же не хотим нарушить маскировку. И прекрати на меня шипеть. Люди подумают, что я говорю сам с собой и слышу голоса.

— Судя по тому, что я здесь видела, ты прекрасно впишешься в обстановку.

— Только в том случае, — возразил Сев, — если они тоже не услышат голос.

Нансия терпеть не могла оставлять за кем-то последнее слово в споре, но в этот момент она отвлеклась на другой предмет. Что-то произошло — или перестало происходить. Сенсорная клипса Калеба больше не передавала трясущееся изображение

трещин на потолке; теперь картина была отчетливой и неподвижной.

Не совсем неподвижной. Ритмичное, мягкое движение уверило Нансию в том, что Калеб еще дышит.

Несколько секунд спустя два врача-ассистента, стоя над постелью Калеба, начали быстро и тихо, но довольно оживленно обмениваться мнениями. Нансия поняла, что новости хорошие: у пациента стабилизировалось что-то, обозначаемое трехсложным греческим словом, а (четырехсложное латинское слово) снизилось, нужно вводить регулярные дозы (денебианское двойное словосочетание), и как только он придет в себя, можно будет начать обычные терапевтические процедуры.

Нансия пожаловалась Фористеру на этот медицинский жаргон.

— Теперь ты понимаешь отношение всего прочего мира к «мозгам» и «телам», — примирительно сказал тот. — Ты ведь знаешь, что есть люди, которые считают теорию расщепления слишком сложной для применения. Они обвиняют нас в том, что мы намеренно мистифицируем их с помощью математики.

— Ха! В математике нет ничего мистического, — проворчала Нансия. — А медики опять несут эту чушь.

— Почему бы тебе просто не перевести термины и не посмотреть, что они означают?

— У меня нет классического образования, — ответила Нансия. — Но я собираюсь купить его, когда мы снова вернемся к цивилизации. Я хочу приобрести полные кристаллы греческого и латинского языков и медицинской терминологии. С этими новыми гиперчипами я смогу усвоить термины почти так же быстро, как носитель языка.

Кто-то, находящийся за пределами видимости комм-клипсы, выкрикнул какое-то распоряжение. Изображение больничного потолка покачнулось, расплылось и сменилось видом застекленного окна, зеленых полей и руки в белом рукаве, появившейся откуда-то слева.

— Сюда, — произнес спокойный голос за миг до того, как Калеб склонился над пермасплавовым тазиком и вывалил туда все содержимое своей последней трапезы.

Комм-клипса передала Нансии очень четкую и наглядную картину результатов.

Однако после этого силы начали возвращаться к Калебу с невероятной быстротой. Весь день Нансия наблюдала сеансы работы физиотерапевта. В то же самое время она следила, как Сев

бродит по коридорам Саммерлендской клиники и пытается услышать хотя бы обрывок информации о пациенте по имени Валден Аллен Хопкирк.

Ближе к вечеру врач-ассистент заверил Калеба, что ранение не привело ни к каким неустранимым повреждениям нервной системы.

— Однако вы еще слабы, и к тому же нам нужно восстановить некоторые нервные пути. Яд, которым воспользовался ваш космический пират, перемешивал сигналы в нейронных связях. Это вполне обратимо, — быстро добавил врач, — однако я советую вам пройти длительный курс терапии. В течение некоторого времени вы определенно не сможете выполнять обязанности «тела». Ваш корабль в курсе?

— Она знает все, что здесь происходит, — сказал Калеб, на миг прикоснувшись пальцем к краю комм-клипсы.

Нансия отчетливо видела лицо врача. Вид у того был задумчивый, возможно даже встревоженный.

— Понятно... И... э-э... я полагаю, у этой клипсы есть предохранитель? Что-то, что подаст сигнал тревоги, если устройство будет отключено или снято?

— Совершенно верно, — ответила Нансия через клипсу, прежде чем Калеб успел сказать правду. Такое устройство было бы дополнительным гарантом безопасности для Калеба, и Нансия была бы не против, если бы Центр об этом подумал. Но при отсутствии такого предохранителя хотя бы иллюзия его наличия даст пилоту некоторую защиту. Она продолжила вещать через маленький динамик, игнорируя все попытки Калеба прервать ее: — Пожалуйста, уведомьте весь персонал об этом факте. Мне будет неприятно поднимать общую тревогу только из-за того, что какой-нибудь санитар случайно задействует мою систему мониторинга.

— Это действительно будет... неприятно, — задумчиво согласился врач.

После того как он ушел, Калеб тихо сказал в контактную клипсу:

— Нансия, это была ложь.

— Вот как? — парировала Нансия. — Ты думаешь, тебе известны все мои возможности? Кто из нас в нашем тандеме «мозг»?

— Я понимаю!

Нансия надеялась, что он ничего не понял. По крайней мере, ей не пришлось впрямую лгать Калебу. Это было хоть что-то... хотя и не совсем правда.

Никогда прежде Нансию не тяготила невозможность самостоятельно передвигаться по поверхности планеты. Тестирование Психологического Отдела перед тем, как Нансия начала обучение на «мозговой» корабль, показало, что она ценит возможность летать между звездами куда больше, нежели ограниченную подвижность существ, прикованных к поверхности планеты. «Я и сама могла бы сообщить им об этом, — сказала Нансия, когда ей передали результаты тестирования. — Кто захочет ползать по поверхности, если есть возможность летать в пространстве? Если мне что-то понадобится на планете, мне это доставят прямо в космопорт».

Но ей не могли сейчас доставить Калеба. И она не могла прийти в Саммерлендскую клинику, чтобы повидаться с ним. Нансия могла видеть и слышать все, что происходит в пределах досягаемости ее комм-клипс. Она даже могла передавать указания их носителям. Но она не могла действовать. Ей оставалось только раздражаться по поводу того, как медленно продвигается их дело, и беспокоиться о том, какие именно медикаменты введены в кровоток Калеба.

— Ты еще ничего не обнаружил? — спросила она Фористера. Поскольку Фасса весь день тихо сидела, плача, в своей каюте, Фористер относился к своим обязанностям «тюремщика» достаточно вольно. Он был на борту и в пределах досягаемости на случай попытки побега, однако сказал Нансии, что не видит резона тратить время на то, чтобы сидеть на жесткой скамейке у двери каюты Фассы. Вместо этого он с удобством разместился перед контактным экраном в рубке управления и запустил тонкие компьютерные «щупальца» в досье, составленное на Альфу во время работы в клинике в поисках какого-либо намека на то, где она держит нужного им свидетеля.

Фористер выпрямился и вздохнул.

— Я нашел, — ответил он, — четыреста гигамегов учетных карт на пациентов, содержащих детальные записи обо всех медикаментах, процедурах и состоянии здоровья на каждый отдельно взятый момент времени.

— Тогда почему бы тебе просто не взять учетную карту Хопкирка и не посмотреть, что с ним сделали? — не отставала Нансия.

Вместо ответа Фористер постучал пальцем по контактному экрану и нажал ладонью на клавишу аналогового ввода Нансии. Полученные им данные хлынули прямо в блоки оперативной памяти Нансии. У нее возникло такое ощущение, как будто ей прямо в череп перекачивают целую медицинскую библиотеку.

Вздрогнув, Нансия отключила инстинктивный отклик на прочтение и выделила крошечный участок сознания для обработки данных малыми порциями.

Это была невообразимая путаница медицинских терминов, записанных без разбиения на параграфы и страницы, со странными кодовыми символами, испещряющими строчки тут и там.

Выделив еще один участок для восприятия, Нансия и там увидела все ту же плотно упакованную чепуху.

— И там не указано имя пациента, — объяснил Фористер. — Имена закодированы — по причинам приватности, я полагаю. Если данные как-то и индексируются, то, возможно, по типу лечения. Или, может быть, по неупорядоченному списку медикаментов. Я пока что не могу найти никакого принципа их расположения. К тому же, — неуверенно добавил он, — все данные сжаты.

— Мы знаем, что его *утихомиривают* путем введения больших доз седуктрона, — напомнила Нансия. — Почему бы не... ох. — Пока она это говорила, она просканировала поток данных. Там не было никакого упоминания о седуктроне. — Незаконный препарат, — простонала она. — Официально такого лекарства не существует. Она, должно быть, закодировала его как что-то другое.

— Мне следовало бы учить латынь, — кивнул Фористер. — Но капеллианский язык показался мне куда более полезным для дипломата... а, ладно.

— Ты продолжишь вскрывать записи? — попросила Нансия. — Может быть, ключ спрятан где-то еще.

Фористер принял несколько оскорбленный вид.

— Простите, дорогая леди, но вскрытие записей является преступлением.

— Но разве ты не этим занимаешься?

— Я, конечно, временно исполняю обязанности «тела», — начал разъяснять Фористер, — но я являюсь постоянным работником Центральной Дипломатической службы. Код G, если это что-либо означает для тебя. И, в качестве такового, я наделен дипломатическим иммунитетом. Вскрытие записей незаконно; все, что я делаю, не может являться незаконным; следовательно, это не вскрытие записей. — Он мягко улыбнулся и очертил спираль от краев к центру контактного экрана, стирая предыдущий поиск и открывая новый путь в лабиринт записей Саммерлендской клиники.

— Мне следовало учить логику, — пробормотала Нансия. — Я думаю, что в твоем силлогизме что-то не так. Код G. Это озна-

чает, что ты шпион? — Калеб никогда бы не простил ее за это. Работать вместе со шпионом, взламывать частные записи... Тот факт, что она делала эту работу как для того, чтобы спасти самого Калеба, так и для того, чтобы выследить преступников, не сделал бы Нансию менее виновной в его глазах.

— Хм-м. Можешь называть меня Икс-39, если хочешь. — Напевая себе под нос, Фористер убрал путь, который только что начертил, и наметил на контактном экране новый, более сложный узор.

— Разве это не полная бессмыслица, — спросила Нансия, — если учесть, что я уже знаю твое имя?

— Хм-м? Ах да... вот оно! — довольно хмыкнул Фористер, открыв доступ к новому сегменту компьютерной системы Саммерлендской клиники. — Совершенно бессмысленно, как большинство шпионских дел. И большинство дипломатических, если хорошенько подумать. Нет, мы не используем кодовые имена. Но мне всегда казалось, что будет забавно называться Икс-39.

— Вот как? — пробормотала Альфа бинт Герца-Фонг, сидя в своем кабинете. — А тебе не хотелось именоваться «неудачным образцом тестирования седуктрона 106, метка 7»? Если бы я знала, кто ты такой... — Она оборвала себя на полуслове этой тщетной угрозы. Теперь она знает. И если Фористер сделает ошибку и снова по какой-то причине явится в Саммерлендскую клинику, Альфа сможет отомстить.

Ни Фористер, ни Нансия не подумали проверить палубы корабля на наличие передатчиков — а даже если бы и проверили, то вряд ли нашли бы персональный «жучок» Альфы — тонкое, как фольга, устройство, снабженное метачипом, которое прилипало к любой пермасплавовой стене и, словно хамелеон, маскировалось под цвет своего окружения. Во время суматохи, возникшей при погрузке раненого «тела» в гравитубу, люди Альфы без труда сумели прикрепить один из «жучков» к стене центрального коридора Нансии. Отсюда устройство могло улавливать все происходящие в каютах разговоры, хотя голоса искажались из-за расстояния и наложения друг на друга.

В тот момент Альфа не могла сказать, какой инстинкт подтолкнул ее поместить здесь «жучок»; ей просто показалось, что слишком много сетевых переговоров велось вокруг этого корабля и его пилота, а значит, они могут оказаться куда более важными персонами, чем можно решить с первого взгляда. Как назло, поток данных, приходящий по Сети из Центра, был запечатан ко-

дом, который Альфа еще не сумела взломать, так что «жучок» был ее единственным источником информации.

Однако он оказался весьма полезен в этом плане. Альфа не могла на себя нахвалиться за то, что поместила дорогостоящее устройство именно там, где это было необходимо. Постукивая *пальцами* по контрольной панели своего рабочего пульта, Альфа мысленно проверяла, что именно она сделала на данный момент и какие шаги предприняла, чтобы противостоять опасности. Ритм, выбиваемый ее пальцами, повторялся на экране в виде сплетения цветных линий, обрывающихся и меняющихся местами в гипнотическом танце.

Первым сюрпризом оказался голос Фассы дель Пармы. Оценив драматизм, который Фасса вложила в мольбы, обращенные к своему тюремщику, Альфа не была слишком удивлена, когда пленница быстро сломалась и начала выкладывать все, что знала о своих соперниках. Альфа всегда предполагала, что эта девчонка дель Парма не наделена тем, что необходимо для истинно делового человека. Слишком эмоциональна. Плачет во сне, а наяву злорадствует *над* своими жертвами. Реального успеха могут добиться такие люди, как сама Альфа или Полион, — хладнокровные, безжалостные, стоящие выше того, чтобы чувствовать торжество или страх, всегда сосредоточенные только на желанной цели.

К счастью, Фасса знала немного, она всегда была слишком тупа, чтобы думать не только о своих личных заботах. Альфа могла бы побиться об заклад, что эта маленькая плакса никогда бы не додумалась составить досье на каждого из своих соперников и собирать данные, которые при случае можно было выгодно продать. Все, что Фасса знала, — это слухи, инсинуации и рассказы с ежегодных встреч. Блэйз был жесток к туземцам, Альфа разработала незаконный препарат, Дарнелл проявлял полную неэтичность при захвате чужих компаний.

Ничего, кроме слухов! Без твердых улик, подкрепляющих эти россказни, Центр никогда не выдвинет обвинений, там сидят слишком умные люди, чтобы даже попытаться провернуть подобное. Альфа ухмыльнулась и хлопнула ладонью по панели, превратив компьютерную базу данных в беспорядочную смесь медицинского жаргона и бессмысленных символов, пересыпанную предложениями, наугад взятыми из учетных карт пациентов. Альфа подготовила эту программу несколько лет назад, на случай как раз такой компьютерной атаки, которую Фористер предпринял против нее сейчас. И, судя по обрывкам разговора между

ним и Написей, программа сработала. Ничего, пусть тратят время и силы на расшифровку кода, не имеющего никакого значения.

А пока они работали, Альфа предприняла меры в отношении еще одной существенной улики, на которую им указала Фасса дель Парма. Пальцы доктора задвигались быстрее, потом она снова хлопнула по панели, переводя компьютер в режим приема голосовых команд.

— Пошлите Байнеса и Мосса в мой кабинет... нет, в тестовую палату номер четыре, — произнесла она. Байнеса вполне можно было на некоторое время отвлечь от присмотра за «телом»: Калеб был слишком слаб, чтобы что-либо предпринять, к тому же за ним через коммуникационную клипсу следил его корабль.

Альфа не думала, что в ее кабинете есть «жучки», однако абсолютно уверенной она могла быть только в отношении тестовой палаты 4, представлявшей собой сверкающее пермасплавом помещение без малейшей щели в стенах, без какой бы то ни было мебели, кроме металлических скамей и стола. Альфа финансировала сооружение этой палаты на доход, полученный от первой нелегальной продажи седуктрона. Официально указывалось, что палата предназначена для проведения экспериментов с биоактивными веществами; чрезвычайная простота дизайна требовалась для того, чтобы по завершении опыта помещение можно было полностью стерилизовать.

И для данных целей эта палата служила вполне неплохо. А подрядчик, который установил сеть электронных импульсных устройств под пермасплавовой оболочкой, сделав помещение непроницаемым для любого внешнего мониторинга, умер от передозировки «блажена» вскоре после завершения строительства. Альфа качала головой и вздыхала, что никогда бы не заподозрила этого человека в наркомании. А тайна комнаты была сохранена.

Байнес и Мосс действительно были наркоманами. Альфа «излечила» их от тяги к «блажену», нашла им работу в клинике, а потом объяснила им, что зависимость от «блажена» была просто вытеснена куда более серьезным препаратом, разновидностью седуктрона с очень нехорошим побочным эффектом: если жертву лишить регулярной дозы этого лекарства, то неизбежен полный отказ нервной системы. Альфа экспериментировала со слабоактивной формой седуктрона, которая создала бы постоянный рынок сбыта препарата среди тех, кто хоть раз попробовал этот наркотик, но получившийся в результате опытов седуктрон-Б4 оказался излишне действенным. Альфа даже побоялась выпускать

его на черный рынок. Однако он был чрезвычайно полезным для того, чтобы создавать преданных слуг. Потребовались всего лишь одна или две тщательно спланированные по времени задержки с дозой, чтобы убедить Байнеса и Мосса в том, что их единственная надежда на жизнь заключается в абсолютной верности по отношению к Альфе. Она тщательно выбирала свои орудия: оба ассистента были достаточно опытны в медицине, чтобы оказаться ценными помощниками, но слишком тупы, чтобы воспроизвести цикл создания седуктрона. Если Альфа умрет или будет арестована, Байнес и Мосс умрут тоже: неотвратимо, медленно и мучительно.

Альфа, как обычно, почувствовала молчаливое удовлетворение при виде людей, для которых ее жизнь была — в самом буквальном смысле — так же ценна, как их собственная. «И как бы эта маленькая плакса Фасса ни использовала свою сексапильность, ни один из страдающих по ней мужчин не будет заботиться о ее жизни так, как эти двое заботятся о моей».

Доктор бинт Герца-Фонг отдавала указания быстро и четко, ожидая немедленного повиновения. Пациент, значащийся в списках Саммерлендской клиники как Вариан Александер, должен быть переведен в бесплатное крыло больницы немедленно. Там как раз была пустая койка — в отделении номер шесть, куда помещали алкоголиков и «блаженных», пытающихся излечиться от пагубных пристрастий; в данный момент этот пациент хорошо впишется в эту компанию.

— Простите, доктор, но вы уверены... — начал было Байнес.

— Он вполне выдержит это перемещение, — заявила Альфа.

— Да, но...

— Я думала, что это достаточно просто даже для ваших одурманенных мозгов!

— Это он не за Александера беспокоится, доктор, — вмешался более быстро соображающий Мосс. — Это по поводу той старухи-полукиборга из шестого отделения, Квалии Бентон. Она, понимаете, задает много вопросов. Слишком много.

Альфа побарабанила пальцами по пермасплавовому столу. Бентон. Квалия Бентон. Ах да. Интересный случай. Алкоголичка, ветеран Капеллианских войн, слишком ослабевшая от пьянства — и физически, и умственно, — чтобы поддерживать в порядке протезированные конечности и внутренние органы. Все киберимпланты, похоже, были вполне в рабочем состоянии, однако Альфа все равно назначила серию тестов и процедур по уходу; Центр Помощи Ветеранам заплатит за работу, а раз Квалия

Бентон так далеко зашла в своей деградации, что не может даже поддерживать в порядке собственные импланты, то и не спросит, есть ли необходимость во всей этой работе — и было ли проделано то, что обозначено в предъявленном в ЦПВ счете.

— Какие еще вопросы?

Байнес пожал плечами:

— Всякие. Обо всем. Как нам нравится наша работа. Как мы с ней справляемся. Сколько комнат в этом роскошном большом здании и что вообще здесь происходит, кроме ухода за бедными больными стариками вроде нее. Вроде как она хочет получить работу в таком чистом месте и рассчитывает, что мы замолвим за нее словечко.

— Не вижу в этом ничего плохого.

— Да, но... — Байнес переступил с ноги на ногу и умолк.

Мосс подхватил его рассказ:

— В прошлую пятницу она каталась по своей кровати, уверяя, что у нее ужасные нервные боли где-то в левой ноге, которой у нее больше нет, доктор, и никаких неполадок со связями протеза, я дважды их проверил. Она не могла пойти на оздоровительную прогулку вместе с другими пьяницами, поэтому я оставил ее, а мы повели всех остальных гулять в парк. Только вот мне пришлось вернуться раньше, потому что «блаженный» старина Чарли свалился с болями в груди и я пошел взять гравитубу, чтобы доставить его обратно. И обнаружил старуху на полу возле комнаты персонала. Она утверждала, что пыталась разработать свой протез, но не смогла и потому упала.

— Вполне может быть правдой, — сказала Альфа.

— Да, но... комната персонала была отперта. Клянусь, доктор, я запер ее как обычно, но в тот раз она оказалась открытой.

Несколько долгих секунд Альфа изучала покрытое потом лицо Мосса. Он мог попытаться скрыть собственную небрежность: тот факт, что он оставил дверь в комнату персонала незапертой, а пациентку — одну в отделении. Но в этом случае он прежде всего вообще не стал бы говорить Альфе об этом инциденте. И стал бы рисковать навлечь на себя гнев доктора, только если бы боялся чего-то худшего — например, что возникнет угроза положению Альфы в клинике, из-за чего Мосс лишится источника седуктрона-Б4.

— Поместите их обоих в отдельную палату, — приказала Альфа.

— В бесплатном крыле таких палат нет, — мрачно возразил Байнес.

Мосс закатил глаза.

— Боже, дай мне сил, — взмолился он. — Доктор *знает* это, Байнес. Забудь о переводе Вариана Александера в бесплатное крыло. Мы должны перевести Квалию Бентон в отдельную палату в платном крыле и не беспокоиться о том факте, что Помощь Ветеранам не заплатит: я не думаю, что эта старушенция протянет достаточно долго, чтобы ввести нас в расходы. Верно, доктор?

Он заговорщицки улыбнулся Альфе, но та не ответила на его улыбку.

— Бентон — случай интересный, — нейтрально произнесла Альфа. — Я хочу сама исследовать эти неполадки с протезом. Все неучтенные расходы будут списаны на счет экспериментальной лаборатории. И я хочу, чтобы вы тем временем присматривали за посетителем по имени Брайли. Он здесь, предположительно, для того, чтобы сопровождать того пилота, однако проводит слишком много времени, болтая с людьми в общественных помещениях.

Брайли может не представлять непосредственной угрозы, однако не будет вреда в том, чтобы Байнес и Мосс присматривали за ним. Что касается двух других, то Альфа не намеревалась возлагать миссию по избавлению ее от проблем на эту пару наркоманов, один из которых слишком туп, а второй из кожи вон лезет, чтобы завоевать ее расположение. И к тому же она не желала, чтобы само их существование, если дело дойдет до самого худшего, превратилось в прямую улику против нее.

Возможно, Квалия Бентон — не более чем старая алкоголичка, которая просто не может не совать свой нос в дела других людей; или же она может оказаться чем-то большим. В первом случае она ни для кого не будет особой потерей; во втором от нее следует избавиться немедленно. Что же касается Валдена Аллена Хопкирка — Альфа терпеть не могла зря терять такие потенциально полезные орудия, каким был Хопкирк, особенно после всех трудов, затраченных на то, чтобы все это время держать его слегка одурманенным и одновременно пригодным к использованию. Однако она гордилась своей способностью смотреть в лицо фактам и вовремя списывать потери со счетов. Что-то неожиданно в Саммерлендской клинике оказалось слишком много людей, задающих слишком много вопросов.

Альфа отпустила Байнеса и Мосса и направилась обратно в свое личное хранилище, дабы подготовить все необходимое.

— Если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сама, — пробормотала она, готовя две стимпакладки, каждая из которых была заряжена большой дозой седуктрона-Б4.

Женщина, которую здесь называли Квалия Бентон, поняла, что что-то не так, когда два санитара, постоянно сопровождавшие доктора бинт Герца-Фонг, явились и сообщили, что ей, пациенту Бентон, назначен перевод в платное отделение клиники. Она уже была готова действовать и уже потянулась к протезу левой голени, адреналин, бурлящий в крови, позволял отмечать малейшее движение, мельчайшее изменение интонаций в голосе санитаров.

И ничего не произошло.

— Вас кладут в отдельную палату, — произнес детина по фамилии Байнес.

— А кто заплатит? — спросила Квалия Бентон пронзительным, дрожащим голосом, вполне уместным для старой перечницы, чьи нервы были постоянно на взводе от желания опрокинуть рюмку-другую.

— Доктор заинтересовалась вашим случаем, — пояснил невысокий темноволосый тип по имени Мосс. — Она хочет провести какие-то специальные тесты. За счет клиники, если Помощь Ветеранам не оплатит их. Вы можете попасть в следующий выпуск журнала «Медицинские исследования».

— Я польщена, — вежливо отозвалась Квалия Бентон. Она позволила санитарам перенести ее в кресло на колесах и за все время пути по длинным тихим коридорам Саммерлендской клиники молчала, рассматривая бесчисленные отражения себя самой и санитаров в полированных плитках пола, стен и потолка; она следила за всеми движениями, готовая в любую долю секунды начать действовать.

«Это случится не в коридоре. Они приступят, когда я буду в палате одна», — сказала себе Квалия. А если они ожидают, что она будет рассчитывать именно на это, и намерены застать ее врасплох в одном из этих длинных пустынных переходов? Она не смела расслабиться ни на миг.

Даже когда санитары вкатили ее кресло в палату с двумя кроватями — та из кроватей, что стояла ближе к окну, была занята, — женщина не ослабила внимание.

— Эй, вы же сказали, что меня переведут в отдельную палату! — прохныкала она. Квалия Бентон вполне могла хныкать; более того, она должна быть подозрительной и недоверчивой, как большинство тех, кого насильно избавляют от зависимости; у них развивается состояние, близкое к паранойе. Видит бог, сыграть это было совсем нетрудно.

— Это все равно что отдельная палата, — заверил Мосс. — Он вас не побеспокоит. Ведь так, Вариан?

Пациент на кровати у окна по очереди кивал и мотал головой, улыбаясь бессмысленной, слюнявой улыбкой, от которой по спине женщины пробежал холодок. «Наркоман, «блаженный»... Или хуже того... если может быть хуже. И они поддерживают его в этом состоянии, вместо того чтобы попытаться убрать зависимость. Это преступление!»

Квалия Бентон, хроническая алкоголичка, скатившаяся настолько, что уже не в состоянии заботиться о собственных протезах и искусственных органах, была равнодушна к проблемам других людей. Она ничего не сказала.

Санитары помогли ей перебраться на свободную кровать.

— Ну, вот и все, — весело произнес темноволосый тип и прихлопнул к ее плечу стимнакладку. Квалия дернулась, но не смогла избежать контакта впрыскивающей поверхности с кожей. — Просто чтобы вы немного расслабились перед анализами, — пояснил санитар.

— Не хочу расслабляться, — пробормотала женщина. Замедленность ее речи была естественной. Квалия неожиданно обнаружила, что ей трудно думать. Что-то проникало в ее кровь, что-то мягкое, как облако, и теплое, как солнечный свет, и уносило ее на Острова Блаженства... блаженство... «блажен»! Вот что это было!

Человек на соседней койке — действительно ли он наркоман или его точно так же одурманили наркотиком? Глупо, глупо было не ожидать этого. Как только санитары застали ее за тем, что она не лежит в своей постели, а шныряет там, где ей нечего было делать, она должна была понять, что время ее пребывания в этой клинике на исходе.

Женщина собрала всю свою волю для сопротивления действию наркотика. И не только волю. Вот что значит недооценить старую пьянчугу, которой не хватает даже здравого смысла позаботиться о собственных искусственных органах: доктор Герца-Фонг, очевидно, не провела серьезную проверку этих снабженных гиперчипами органов. «Блажен» погружал организм в забытье, но через час или два все будет в порядке.

Однако дадут ли ей, Квалии, этот час? Узнать это никак невозможно; оставалось только смотреть и ждать, да и то без должной эффективности. Жесткая больничная подушка под головой кажется мягкой, как денебианский пуховой туф. Левая рука женщины все еще касалась протеза, но она едва могла ощутить паль-

щами твердую гладкость пермакожи. «Блажен» соткал пушистое облако разноцветных иллюзий между нею и реальностью.

«Доктор хочет провести какие-то тесты...» Это действительно означало только то, что сказано? Конечно, нет. Такая важная персона, как доктор Герца-Фонг, помощник директора Саммерлендской клиники, не будет утруждаться ради того, чтобы доказать, что старая алкоголичка страдает фантомными болями. Здесь кроется нечто гораздо большее.

Уже изрядно за полдень Сев заметил, что одни и те же два санитара все время прохаживаются по посетительским холлам клиники. Они составляли примечательную пару — один грузный, с синим от постоянного бритья подбородком, ходил вперевалочку. второй — шустрый, аккуратный, с прилизанными черными волосами — нервно семенил и оглядывался по сторонам. И они куда естественнее смотрелись бы в портовом баре, чем в роскошной клинике.

Сев вспомнил, что он должен был смутиться, увидев их. Это раздражало. Престарелая вдова какой-то шишки из ЦДС, с которой он беседовал, только что упомянула о пациенте по имени Вариан Александер, наркоман-«блаженном». Это могло быть имя, данное в клинике Валдену Аллену Хопкирку, а информация о том, что Александера только что перевели в отдельную палату, подтверждала эту теорию. Сев готов был вернуться к Нансии и проверить все записи касательно этого Александера, и ему была ненавистна мысль о том, что он должен делать вид, будто боится этих двух мерзавцев.

— Ты не должен связываться с ними, — проинструктировала его Нансия, когда Сев вполголоса пожаловался ей через коммклипсу. — Они просто мелочь. Возвращайся и присмотри за Калебом. Я пошлю Фористера, чтобы он позаботился о Хопкирке.

— А кто будет охранять Фассу? — невинным тоном поинтересовался Сев.

Нансия ответила ему треском статического электричества, привлекшим внимание двух других посетителей. С сомнением посмотрев на искусственный капеллианский папоротник рядом с Севом, они перешли на другой конец комнаты и уселись подальше от этого странного, сурового молодого человека и не менее странного говорящего растения.

— Ты привлекаешь внимание, — прошипел Сев. — Позволь, я сам справлюсь с этим, как смогу.

— Не вини меня, если снова окажешься в экосборнике, —

проворчала Нансия на тон ниже. — И не жди, что я пошлю Фористера вытаскивать тебя из неприятностей. В конце концов, как ты сам отметил, кто-то должен остаться охранять Фассу.

— Мне не нужно, — громко и отчетливо произнес Сев, — чтобы меня вытаскивали из неприятностей.

Другие посетители зашептались между собой, кто-то хихикнул. Сев почувствовал, что краснеет. Рядом с ним материализовались двое — один грузный и неуклюжий, другой мелкий и шустрый.

— Снова забыл свои лекарства, сынок? — спросил коротышка добрым, заботливым тоном и повернулся к другим посетителям, находившимся в помещении. — Извините за беспокойство. Он слышит голоса. Нужно усилить терапию... а-а!

Сев впечатал кулак в подбородок коротышки и повернулся лицом к рослому санитару. На макушку Брайли опустилась рука, напоминающая твердостью и тяжестью булыжник. Комната завертелась вокруг. Старая леди закричала. Сев увидел в занесенной руке санитара что-то острое. «Следовало предположить. Опасность всегда там, куда не смотришь». Рука опустилась во второй раз, словно падающий метеорит, мощная и неумолимая. И когда Сев отпрянул прочь, игла вонзилась в плоть — тихо, как шепоток, и мягко, как сон.

Услышав шум схватки в посетительской комнате, Альфа проскользнула в отдельную палату, отведенную для Хопкирка и старой проныры. Черт побери этих Байнеса и Мосса! Неужели они не могли справиться даже с такой простой задачей, как слежка, чтобы при этом не ввязаться в драку? Должно быть, «блажен» содержит какой-то компонент, невосстановимо убивающий мозговые клетки.

Ладно, по крайней мере, это происшествие в приемном покое отвлечет внимание всех вокруг, и никто не заметит действий Альфы. Не то чтобы она намеревалась пробыть в этой палате настолько долго, чтобы это переросло в какие бы то ни было проблемы. Хопкирк улыбался своей обычной, слюняво-дружелюбной улыбкой, а пьяница Бентон лежала, одурманенная «блаженом». Лучше сначала заняться ею: Альфа знала, что Хопкирк слишком напичкан наркотиками, чтобы доставить какие-либо неприятности.

Закатывая рукав больничной рубашки старухи, чтобы приложить стимнакладку, Альфа гадала, действительно ли Квалия Бентон что-то вынюхивала или же бедной алкоголичке просто не по-

везло оказаться в ненужном месте в неподходящее время. Не то чтобы из этого проистекала какая-то разница. Теперь старушенция никому ничего не скажет.

Стимнакладка коснулась холодной, твердой плоти. Мини-иглы щелкнули, но не погрузились в кожу. Альфа ощутила холодок нехорошего предчувствия. «Что-то тут не так. Что-то сильно не так».

Темные глаза Квалии Бентон были широко открыты и с интересом взирали на Альфу.

— Протез правой руки очень похож на настоящую руку, — весело произнесла старуха, — однако пластикожу иглы не протыкают. А теперь... о нет, дорогая. Я этого не позволю. Действительно не позволю.

Откуда-то из-под одеяла Бентон извлекла уродливый, тупоносый игольник. «Откуда это у нее? На старой мерзавке не было ничего, кроме больничной рубашки».

— Что бы ни было в этой стимнакладке, — уведомила Квалия Бентон все тем же веселым тоном, — теперь заряд потрачен. Но внутри должно остаться достаточно лекарства для анализа в лаборатории на Центральном. Пожалуйста, не пытайся ее выкинуть. Я хочу положить ее в пакет для улик, чтобы представить суду.

— Суд, — прохрипела Альфа. — Пакет для улик. — Она отступила на шаг, холодея от ужаса, в то время как ее неудавшаяся жертва спустила с кровати одну настоящую ногу и один пермасплавовый протез, одернула рубашку и достала из-под подушки пластиковый пакет.

— Просто брось это сюда, дорогуша, и не делай резких движений. Ты ведь не хочешь напугать бедную старую женщину с больными нервами? Этот игольник поставлен на широкое распыление и заряжен параядом. Я *действительно* не хочу парализовать тебя, — задумчиво добавила Квалия, — но при необходимости...

Сделав еще два шага назад, Альфа оказалась у двери. Упав на пол, она выкатилась в коридор, мгновенно оказавшись вне досягаемости выстрела из игольника.

— Байнес! Мосс! — пронзительно крикнула девушка. — 32-А, пациент вышел из-под контроля. Код Зет, приступайте!

В коридоре послышался быстрый топот ног, и Альфа прикрыла глаза от мгновенного облегчения. Должно быть, это топает Байнес. Пусть эта старая чокнутая шпионка потратит заряд своего игольника на санитаров, а потом Альфа переместит ее в отделение для тех, кто предназначен в расход. Доктор мысленно по-

обещала этой суке целую серию долгих и мучительных экспериментов — пусть только останется безоружной!

— Стоять! — приказала старуха голосом, слишком ясным для ее преклонного возраста. — Я законно назначенный представитель Внутреннего Следственного Управления Центральных Миров. Нападение на меня является преступлением и карается законом. Вы арестованы.

— Черта с два, — возразил голос, явно не принадлежащий увальню Байнесу. Альфа подняла взгляд и увидела этого типа по фамилии Брайли — того самого, о котором должны были позаботиться Байнес и Мосс. — Это я здесь представитель Центральных Миров, и это *вы* арестованы. Что вы сделали с моим свидетелем?

— Тем, что на соседней койке? — впервые в голосе старухи Бентон послышалась нотка неуверенности — Он вам не будет ничем полезен. Слишком «блаженный», чтобы помнить хотя бы собственное имя. Но если он вам нужен, забирайте его. Я полагаю, она собиралась убить его следующим, после того, как разберется со мной.

— Убить? Вас? — Голос Брайли звучал не менее сконфуженно.

Скорчившись на полу, Альфа видела, как Бентон наклонилась и провела пальцами по боковой стороне протеза ноги. В протезе открылась щель, и старуха извлекла оттуда тонкую голографическую полоску, переливающуюся радугой в свете коридорных плафонов. «Так вот где она прятала игольник...»

— Генерал Микайя Квестар-Бенн, — представилась женщина. Теперь она стояла прямо, не горбясь и не сгибая ногу, и уже не казалась такой маленькой и беспомощной, как прежде. — Тайное задание из Центра, проверка подозрительно высокого уровня смертности в бесплатном отделении Саммерлендской клиники. Мой коллега Фористер Амонтильядо-и-Мэдок должен находиться где-то поблизости; он может подтвердить мою личность. А вы кто?

— Севарейд Брайли-Соренсен, временно уполномочен для расследования мошенничества в строительной компании на Бахати. — Он смотрел на Альфу снизу вверх, и она видела, как поблескивают его синие глаза — словно у кота, нашедшего в темном переулке что-то чрезвычайно вкусное. — Думаю, расследуемые нами дела могут быть связаны. Я явился сюда, чтобы забрать Валдена Аллена Хопкирка, свидетеля по делу о преступном проникновении в Сеть, совершенном одним из друзей девушки по фамилии дель Парма. Очевидно, эта «леди» — также одна из той же шайки. Она прятала свидетеля и — судя по тому, что вы сказа-

ли, — держала его под воздействием наркотиков, чтобы никто не мог его допросить. Вы полагаете, она намеревалась его убить?

— Нам придется подождать, пока не будет готов анализ остатков препарата, содержавшегося в той стимнакладке, которая у нее в руках, — спокойно указала генерал Квестар-Бенн. — Однако я не думаю, что она просто намеревалась ввести обычные лекарства. К счастью, она приложила стимнакладку к протезу моей правой руки. Полагаю, она считала меня слишком одурманенной, чтобы заметить это воздействие: один из тех мерзавцев, которых она использует как санитаров, примерно час назад вколол мне «блажен» или что-то в этом роде.

Альфа медленно распрямилась и поднялась на ноги. Если она проиграла, то нужно делать это с достоинством. Она была на полголовы выше Сева Брайли, и это в какой-то мере позволяло ей смотреть на него сверху вниз.

— Так ты робот? — спросила она. — Никто не может сопротивляться воздействию седук... «блажена», — поправилась она на полуслове. Нет причин выдавать какую бы то ни было информацию.

Генерал Квестар-Бенн хмыкнула.

— Нет, девочка моя, я зашла еще не так далеко, как Железный Дровосек. Может быть, клапаны моего сердца и укреплены гиперчипами, но само сердце все еще настоящее — в отличие, похоже, от твоего. А вот печень и почки у меня искусственные, и в прошлом году я снабдила их новым гиперчипом с системой фильтрации крови, так что теперь я могу наблюдать за состоянием внутренних протезированных органов. Если бы ты явилась сразу после того, как меня одурманили, у меня были бы проблемы. Но часа оказалось более чем достаточно, чтобы отфильтровать наркотик из крови.

Альфа хмуро посмотрела на нее и Брайли.

— А что насчет тебя? — обратилась она к мужчине. — Ты выглядишь как человек, но я полагаю, что ты тоже кибернетическая подделка.

— Я человек, — спокойно ответил Брайли. — Но у меня хорошая реакция, и во время войны я обучился капеллианской борьбе. Твой громила споткнулся о собственную ногу — с небольшой помощью — и прихлопнул к себе стимнакладку, которой намеревался уколоть меня. Я не знаю, что в ней было, быть может, ты мне скажешь, выживет ли он после этого? Что же касается мелкого, то он ударился об одну из этих здоровенных керамических кадок, которыми украшен холл. Когда он очнется, у него будет

адски болеть голова, однако он будет в достаточно хорошей форме, чтобы дать против тебя показания.

— А вот и нет, — фыркнула Альфа. — Ты знаешь отнюдь не так много, как тебе кажется! Этот человек подсел на... один препарат, который вам неоткуда взять. И если ему не вколоть следующую дозу, он умрет в мучениях меньше чем через неделю!

Брайли поднял бровь.

— Тогда, — бодро произнес Сев, — нам следует записать его показания на инфокристалл, прежде чем он скончается, не так ли? Спасибо за предупреждение!

Глава 12

— Больницы! — В устах генерала Квестар-Бенн это слово прозвучало как ругательство. — Никого не хочу оскорбить, Тальмарк, но эти чертовы рубашки — просто какой-то заговор, цель которого — сделать пациента беспомощным и покорным. Спасибо за то, что принесли мою форму, Брайли.

— Мне кажется, что требуется нечто гораздо большее, чтобы сделать вас покорной, генерал, — возразила Галена Тальмарк, слегка наклонив голову.

Сев и Микайя встретились в кабинете, некогда принадлежавшем Альфе бинт Герца-Фонг. Теперь это помещение занимала помощница администратора, которая впервые и сообщила на Центральные Миры о подозрительно высоком уровне смертности в бесплатном отделении Саммерлендской клиники. Нынче утром Галена Тальмарк выглядела на десять лет моложе, чем та запуганная, излишне полная женщина, которая встретила Микайю и поместила ее в клинику под личиной алкоголички Квалии Бентон.

— Не могу выразить свою благодарность вам обоим, — произнесла Галена, отводя темные волнистые волосы, падающие ей на лоб, — так что не стану и пытаться. Генерал Квестар-Бенн, приношу свои искренние извинения за те опасности, которым вы подверглись.

— Это часть моей работы, — отмахнулась Микайя.

— И все-таки мы должны были оказаться более внимательными. Мне следовало иметь под рукой доверенный персонал, чтобы вы все время были под присмотром, — не сдавалась Галена.

Микайя кивнула, не сказав больше ничего. На нее произвело благоприятное впечатление то, как быстро Галена распорядилась

ситуацией, а еще больше — тот факт, что молодая женщина взяла на себя полную ответственность за те проблемы, к созданию которых не имела никакого касательства. Тальмарк была не виновата в том, что пожилой директор Саммерлендской клиники отдавал все больше и больше власти в руки доктора Герца-Фонг, и что бесплатное крыло оказалось катастрофически недоукомплектовано персоналом, и что в результате по всей клинике распространилось преступно халатное отношение к дисциплине...

— Проблемы в клинике — не ваша вина, Тальмарк, — произнесла наконец Микайя, — однако теперь они станут вашими проблемами. Директор, должно быть, выжил из ума, если позволил, чтобы все это случилось прямо у него под носом. Конечно, со стороны Высших Семей было бы политически недальновидно уволить его, однако один из моих адъютантов приготовил приказ о вполне почетном переводе директора на новое место. Хотите получить его пост? Не могу гарантировать, — добавила она, — однако у меня есть кое-какое влияние на Центр.

Галена Тальмарк мучительно покраснела и рассыпалась в благодарностях.

— А пока что, — сообщила она, перебирая бумаги, чтобы справиться со своими эмоциями, — я счастлива вам сообщить, что мистер Хоткирк довольно хорошо реагирует на лечение. Доктор Герца-Фонг сообщила нам во всех подробностях, какие наркотики она использовала, чтобы держать его одурманенным. Мы постепенно снижаем дозу и следим, не ухудшится ли состояние, но пока тревожных симптомов нет. Примерно через сорок восемь часов он будет в достаточно здравом рассудке, чтобы дать показания для записи на инфокристалл.

— Хорошая работа! — воскликнула Микайя. Галена Тальмарк кивнула.

— Несмотря на другие ее недостатки, доктор Герца-Фонг блестящий исследователь-биомедик. Я должна сказать, что без ее полного сотрудничества и подробных указаний мы вряд ли смогли бы так быстро обратить вспять эффекты наркотизации. — Женщина посмотрела в глаза Микайе. — Она просила, чтобы этот факт был официально отмечен в ее деле.

— Он будет отмечен, — пообещала генерал. — Но я сомневаюсь, что он сможет перевесить все остальные записи.

Галена прикусила губу.

— Все эти смерти, — пробормотала она. — Если бы я с самого начала поняла, что происходит...

Микайя сочувственно кивнула.

— Не терзайтесь, — посоветовала она женщине. — Вас еще даже не было в Саммерлендской клинике, когда она приступила к своей деятельности. У вас были все основания верить своему начальству. И то, что вы заподозрили неладное так быстро и обратились именно к тем, кто мог и желал остановить это, делает вам честь. Не вините себя!

Последние слова прозвучали как приказ и заставили Галену вскинуть голову.

— Именно это я и имела в виду, — произнесла Микайя более мягким тоном. — Дорогая моя, я командовала солдатами в сражении. Я видела, как храбрые люди погибают из-за отданных мною приказов. Вы скорбите по мертвым, вы стараетесь изо всех сил — и продолжаете делать свое дело. Иначе вы не сможете выполнять свой долг.

Галена Тальмарк задумчиво смотрела на старую женщину в простой зеленой форме, строгую и невозмутимую. Некоторые из последствий ее боевых ранений были видны с первого взгляда — например, пермасплавовые протезы руки и ноги. Другие скрывались за строчками медицинской карты, которую Галена уже прочла: замена печени и почек, имплантированный гиперчип на одном из сердечных клапанов и система фильтрации крови. Будучи врачом, Галена могла точно сказать, сколько часов мучительных хирургических операций и не менее мучительного восстановления потребовалось, чтобы тело Микайи продолжало функционировать после каждого из этих ранений.

— Вы продолжаете делать свое дело, — негромко повторила Микайя, — и... выполняете свой долг как можно лучше. Я полагаю, вы станете превосходным директором Саммерлендской клиники, доктор Тальмарк. Не позволяйте сожалениям о прошлом сломить себя. Нам нужно, чтобы вы действовали здесь и сейчас, а не терялись в сожалениях о прошлом, которое вы не в силах изменить.

— Я понимаю, почему вы стали генералом, — задумчиво сказал Сев, когда они погрузились на флайер, который должен был доставить их в космопорт. — Если бы на Капелле четыре пами командовал такой офицер, как вы...

Скуластое лицо генерала Квестар-Бенн тронул легкий румянец.

— Не обманывайте себя. Произнесение убедительных речей — лишь малая часть военного искусства.

— Вот как? Мне кажется, я слышал немало таких речей во время службы на Капелле. Может быть, на штабных заседаниях зву-

чало что-то более осмысленное, однако я не достиг таких чинов, чтобы видеть полную картину. Именно это и нравится мне в работе частного следователя, — глубокомысленно добавил Сев, — что теперь я вижу картину полностью. Или видел. — Он посмотрел прямо на Микайю. — Наверное, мне следует считать себя вашим подчиненным до окончания этой операции.

— До окончания... но мое задание выполнено, — возразила генерал.

— Разве?

Уже очень, очень давно ни один молодой человек не смотрел на нее так настойчиво. К тому же, подумала Микайя с веселым изумлением, стараясь, однако, чтобы лицо ее не выдало, последний мужчина, который на нее так смотрел, хотел совершенно иного. Да ладно. Они всегда чего-нибудь хотят, не так ли?

— Фасса лель Парма и Альфа бинт Герца-Фонг прибыли в систему Ньота на одном и том же корабле, — продолжал Сев. — Точно так же, как Дарнелл Овертон Глаксели. Они все помогали друг другу разбогатеть самыми быстрыми и грязными способами, какие только могли придумать. На том же корабле летели еще двое — Блэйз Амонтильядо Перес-и-Мэдок и Полион де Грас-Вальдхейм. Фасса уже упомянула о соучастии Блэйза — он принял пост на Ангалии. Разве вы не видите? Вы держите одну из нитей в этом клубке, а я держу другую.

— Вы думаете, что вместе мы можем распутать этот клубок?

Сев одарил Микайю широкой улыбкой, не достигшей, однако, цели.

— Или повторить решение Александра и разрубить Гордиев узел. Эту коррупцию следует прекратить. — заявил он. — Не говорите мне, что это лишь малая часть того, что «делают все». Мне плевать. Это та часть, которую я вижу, та, с которой я хочу что-нибудь сделать. Я *должен* увидеть все это! — Он умолк на миг, словно пристыженный собственной настойчивостью. — И я надеялся, — продолжил Брайли, немного снизив тон, — что вы захотите к нам присоединиться. Возглавить нас.

Флайер мягко опустился прямо перед открытым входным люком Нансии.

— Идемте со мной? — предложил Сев.

— Я лечу рейсовым транспортом на Кайлас. Обратно к своей кабинетной работе.

— Вы можете это изменить, — уверенно заявил Сев и улыбнулся Микайе так, словно она была его сверстницей. — Идемте, генерал! Вы ведь на самом деле не хотите возвращаться на Кайлас и перебирать бумажки, верно?

Квестар-Бенн потерла затылок. Она чувствовала себя на не-

сколько поколений старше этого молодого человека, усталой, грязной от возни со всей этой гадостью в Саммерлендской клинике. Ее не интересовало ничего, кроме ванны и массажа.

— Черт возьми, — устало произнесла она, — вы и сами неплохо умеете произносить убедительные речи, Брайли-Соренсен. Полагаю, вы думаете, будто я могу изменить отданные вашему «мозговому» кораблю приказы, чтобы мы полетели на Ангалию, вместо того чтобы доставить дель Парму прямиком на Центральный?

— В этом есть смысл, не так ли?

— Смысл, — возразила Микайя, — никогда не был убедительным аргументом для чиновников. Ну ладно. Вы выиграли. Я посмотрю, что можно сделать, чтобы убедить Центр дать мне и Нансии новое задание. Должна признать, мне тоже хотелось бы увидеть, чем закончится это дело. — Несмотря на усталость, генерал почувствовала, как губы помимо ее воли растягиваются в улыбке. — И кроме того, «тело» вашего корабля должен мне партию-реванш в трехмерные шахматы.

— Калеб?!

— Фористер, — поправила его Микайя. — Нансия получила его на время в качестве пилота, не забыли? Фористер Амонтильядо-и-Мэдок. Мы работали вместе над этим делом с Саммерлендской клиникой, пока Центр не отозвал его, чтобы снабдить Нансию «телом» для возвращения на Центральный. — Она остановилась прямо в проеме люка. — Минутку. Как, вы сказали, зовут того парня, который был назначен на Ангалию?

У Сева не было времени ответить; на посадочную полосу едва ли не рухнул второй флайер, и курьер в белой форме Саммерлендской клиники бегом бросился к ним.

— Пытался перехватить вас еще в полете, — задыхаясь, выговорил он, — но у вашего пилота, должно быть, не в порядке комм. Хопкирк дал показания!

— Черт побери! Уже?

— Похоже, он просто рвался это сделать. Доктор Тальмарк решила, что удерживать его сейчас будет более вредно для него, чем позволить ему говорить. Его признания записаны на инфокристалл — и на Бахати еще осталось несколько честных людей, мистер Брайли, и двое из них сейчас намереваются арестовать Овертона-Глакселли. Поскольку его наверняка отправят на Центральные, чтобы отдать под суд, они хотят, чтобы их сейчас сопровождал представитель Центра, просто чтобы гарантировать, что все будет в порядке.

— Вы имеете в виду, чтобы гарантировать, что будет кого обвинить, если его семейство захочет за него отомстить. — пробормотал Сев.

— Я пойду. — вызвалась Микайя. — Никто не посмеет подвергнуть сомнению мое слово.

— Пойду я, — возразил ей Сев. — Я уже навлек на себя гнев стольких Высших Семей, что еще одна не сделает разницы. А вы *идите играть в трехмерные шахматы.*

— Мне всегда нравились инициативные подчиненные, — сухо произнесла Микайя. Однако она устала и волновалась из-за возможного родства между Блэйзом и Фористером. Ну что ж, у них будет время поговорить об этом наедине, пока Сев Брайли будет заниматься арестом Дариелла, а Фасса будет сидеть взаперти в своей каюте. Нужно спросить Фористера о том, насколько близким является родство между ним и Блэйзом — и действительно ли он хочет пилотировать корабль, направляющийся на Антилию, чтобы арестовать одного из его родственников.

Фористер радостно распаковывал специальный заказ от «Светооборудования ОГ», когда Микайя Квестар-Бенн запросила разрешения взойти на борт.

— У нас сейчас будет компания, — предупредила его Нансия. — И разве не является неэтичным покупать что-либо у фирмы, главу которой *ты намереваешься арестовать*?

— Не могу сказать, что в этом неэтичного, — отозвался Фористер, чуть слышно присвистнув, — однако если ты найдешь что-то подобное в правилах КС, обязательно дай мне знать. В *любом* случае «Светооборудование ОГ» — *единственная* компания по эту сторону от Антареса, которая выполняет подобную работу. — Он развернул последний слой полупрозрачной упаковки и продемонстрировал свое приобретение: статуэтку высотой в фут. Это было изображение прелестной молодой женщины, с четкими чертами лица, идеально воспроизведенными в резьбе по призмадереву. Подбородок девушки был решительно вздернут; она приветствовала весь мир улыбкой, отблески которой играли и в ее больших глазах; коротко подстриженные волнистые волосы, вырезанные так искусно, что, казалось, какая-нибудь прядь вот-вот будет подхвачена случайным движением воздуха, венчали ее гордо поднятую голову. Создавалось ощущение, что эта девушка видит мир так глубоко, как не способен проникнуть ни один человеческий взор.

— Э... очень красиво, — медленно произнесла Нансия, по-

сколько Фористер, похоже, ждал какой-то реакции. — Твоя родственница? — «В его досье ничего не говорится о любимой девушке, к тому же он ведь слишком стар по сравнению с ней...»

— Очень дальнее родство, как у большинства потомков Высших Семей. Но она может стать чем-то большим — моим другом, я надеюсь. Может быть, моим напарником. — Фористер поставил статуэтку на выступ над пилотской панелью управления и с улыбкой повернулся к титановому пилону Нансии. — На самом деле это генетически смоделированное изображение. Оно показывает, как могла бы выглядеть одна моя знакомая девушка, если бы она росла нормально, без генетических отклонений, которые не позволяли ей выжить вне капсулы. Ее имя... Нансия Перес-и-де Грас.

Нансия не знала, как ответить на это откровение. Она не могла ответить. «Калеба никогда не волновало, как я могла бы выглядеть... он никогда не думал обо мне как о человеке». Даже эта мысль была изменой... но что можно было сказать на это Фористеру?

Нансия увильнула от ответа, открыв шлюз. Мрачное выражение на лице генерала Квестар-Бенн встревожило их обоих.

— Эта часть миссии завершена, — сообщила Микайя. — Гершта-Фонг находится на пути сюда — под охраной, а Брайли отбыл, чтобы произвести арест Овертона-Гаксели. Он предложил, чтобы мы затребовали изменения приказов, отданных Нансии, чтобы еще до возвращения на Центральные Миры провести следствие по делу двух других пассажиров, которых она доставила в систему Ньота. Хотя сначала я должна проконсультироваться с тобой, Фористер.

Лицо Фористера посерело.

— Я приму любой приказ, отданный Курьерской Службой, пока я являюсь «телом» данного корабля.

— Я это знаю, — ответила Микайя. — Но мне нужно знать еще кое-что. А именно — в каком родстве ты состоишь с тем парнем на Ангалии? Дальний родственник? Насколько велик конфликт интересов?

— Он мой племянник. — Фористер бессильно осел в пилотское кресло.

— Могу ли я на тебя полагаться?

Нансия смотрела и слушала, не вмешиваясь в разговор. В предыдущую встречу ей понравилась генерал Квестар-Бенн, однако сейчас Нансии казалось, что Микайя слишком сильно давит на Фористера. Впервые с того момента, как дипломат ступил на

борт, он выглядел на свой возраст; проседь в волосах стала заметнее, погасли озорные искорки в глазах, которые делали его лицо столь привлекательным и знакомым... Конечно, потрясенно осознала Нансия, именно поэтому у нее было такое чувство, что она знала Фористера и прежде. И не только по их предыдущему полету на Харон. Это все эти искорки в глазах, когда он, напевая себе под нос, рылся в записях Саммерлендской клиники. То же самое выражение было на лице рыжеволосого Блэйза, когда он замышлял свои фокусы.

Но Фористер был наделен честностью, столь катастрофически отсутствовавшей в характере Блэйза. Он не пытался оспорить то, что говорила о его племяннике Фасса, и теперь не уклонялся от обязанностей, являющихся прямым следствием этих рассказов.

— Тебе необязательно лететь с нами, — сказала ему Микайя. — Мы можем попросить назначить на корабль другого пилота. Тебе нужно пройти настоящий курс восстановления после этой тайной работы в Саммерлендской клинике...

Фористер вскинул голову и посмотрел на генерала тусклыми серыми глазами.

— Ты рисковала собой в Саммерлендской клинике, — произнес дипломат голосом столь невыразительным, что Нансии стало решительно не по себе.

Она усилила восприимчивость локальных сенсоров до тех пор, пока не начала различать биение жилки на виске Фористера и слышать мягкое постукивание его сердца. Слишком большое напряжение для человека...

— Я ОКАЗАЛСЯ БЕСПОЛЕЗЕН, — обрушился на Нансию его усиленный сенсорами голос, и она поспешно приглушила восприимчивость до нормального уровня; нервные окончания ее зудели от последствий звуковой атаки. — Даже не смог найти компьютерные записи, чтобы помочь тебе в поисках. Если кто-то и заслуживает отдыха, Мик, то это ты. И если кто-то и должен раскрыть преступление моего племянника, — устало закончил Фористер, — пусть это буду я. Мы не сможем сохранить эту тайну внутри семьи — я это знаю, но я должен точно знать, что он сделал и как он может это возместить.

— Не следует браться за дела, связанные с тобой лично, — пробормотала генерал Квестар-Бенн. — Первое правило Академии.

Фористер немного выпрямился.

— Нет. Первое правило... выполнять долг. Это все, о чем я тебя прошу. Шанс выполнить долг, как-то возместить причинен-

ный вред, если я смогу это сделать. И кроме того, — добавил он с чуть заметным намеком на былую твердость в голосе, — ты не найдешь другого «тела» по эту сторону от подпространства Бельятрикс.

— А, ладно, — отмахнулась Микайя. — Вы, люди, прошедшие пилотское обучение, всегда склонны себя переоценивать. Держу пари, что в одном только Веганском подпространстве найдется не менее полудюжины квалифицированных «тел».

Осанка Фористера стала еще на дюйм прямее.

— Только не в работе с «мозговыми» кораблями, снабженными новыми гиперчипами. У нашей Нансии есть такие чипы, не так ли, моя дорогая? — Как обычно, обращаясь к ней, он повернул голову к титановому пилону, словно приглашая другого мягкотелого — обычного человека, поправила себя Нансия — присоединиться к разговору.

— Сенсоры моей нижней палубы и навигационные приборы левого борта снабжены гиперчипами. — ответила Нансия, — и я использую их в некоторых процессорах. И еще я внесена в список очередников на оборудование такими чипами остальных систем.

— Значит, дела обстоят так, — вновь обратился Фористер к Микайе. — Я нужен тебе. А мне... нужно это сделать.

— Тебе это задание нужно, как мне еще один протез, — пробормотала Микайя, однако уселась в кресло с видом человека, отказывающегося от дальнейшего спора. — И как именно ты ухитрился получить квалификацию по работе с этими новочиповыми кораблями? Ты служишь в ЦДС уже...

— Больше времени, чем кто-либо из нас взялся бы определить заранее, — прервал ее дипломат. — И, Микайя, правильный термин — «мозговой» корабль, а не «чиповый» корабль. Это оскорбление для нашей леди.

— Все в порядке, — вмешалась Нансия. — Я не обиделась. Правда.

— Но зато я обиделся, — сказал Фористер. Он сделал глубокий вдох и сел совсем прямо. Нансия почти видела, как он заставляет боль отступить вглубь и вновь надевает на себя маску дипломата. Когда он повернул голову, чтобы поговорить с ней, лицо его было почти спокойным, если не фокусировать сенсоры на тонких морщинках возле глаз — свидетельстве напряжения и тревоги. — Теперь ты, Нансия, моя леди, по крайней мере на время этой миссии. И никто не смеет говорить о моем корабле в небрежном тоне.

Микайя дернула уголком морщинистых губ и устало вздохнула.

— Ты так и не ответил на мой вопрос. Каким образом ты ухитрился получить квалификацию пилота для новейших моделей «мозговых» кораблей, если ушел с должности «тела»... много лет назад?

— Я много читал, — ответил Фористер, небрежно взмахнув рукой. — Древние партизанские войны, новые навигационные компьютерные системы — все это зерно для жерновов моего сознания. В сердце я — человек двадцатого века, — заявил он, имея в виду Эпоху Первого Информационного Взрыва. — Человек со множеством интересов и невообразимых талантов. И мне нравится быть в курсе всех новинок своей отрасли — всех моих отраслей.

— Человек, несущий невообразимую чушь, — фыркнула Микайя. — Ну, ладно. Ты в деле. По крайней мере, мне будет кого обыграть в трехмерные шахматы во время полета до Ангалии.

— Будет кому обыграть тебя, ты хочешь сказать, — хмыкнул в ответ Фористер. — Твое самомнение растет непропорционально твоим талантам, генерал. Расставляй фигуры!

Нансия с любопытством смотрела, как генерал Квестар-Бенн достает из кармана карточку размером с ладонь. Фористер ухмыльнулся.

— Я смотрю, ты захватила с собой переносную шахматную доску.

Генерал постучала пальцами по едва заметным углублениям на поверхности карточки. Над карточкой высветилось голографическое изображение куба, разбитого на более мелкие кубики. По краям изображение дрожало и отсвечивало радужными бликами. Еще одна последовательность команд, введенных посредством нажатия на карточку, — и возле двух противоположных граней куба высветились полупрозрачные изображения игровых фигур. Нансия подстроила увеличение и фокусировку сенсоров так, чтобы видеть все детально. Да, это были стандартные трехмерные шахматы: она распознала эту старинную тройственную расстановку. В первом и нижнем ряду — пешки, над ними — король и ферзь, а по сторонам от них — кони, слоны и ладьи. Над ними были размещены фигуры самого высокого ранга, нападающие сверху: корабль и пилот с фигурами поддержки — скаутами, челноками и спутниками. Изображения были размытыми и постоянно мерцали, создавая у Нансии ощущение, что перед ее сенсорами мелькают какие-то полосы — если она пыталась долгое время пристально смотреть на фигуры.

— Пешка на скаут 4, 2, — произнес Фористер команду стандартного дебютного хода.

Ничего не произошло.

— Моя переносная доска не оборудована системой голосового контроля, — извинилась Микайя. — Тебе придется набирать код.

Когда она указала на ряд углублений размером с кончик пальца, Нансия негромко загудела — это был ее эквивалент тех хрипов и кашля, которыми мягкотелые «прочищали горло», обозначая свое желание вмешаться в разговор. Оба игрока подняли головы, и после секундного удивленного молчания Фористер кивнул в сторону титанового пилона.

— Да, Нансия?

— Если вы дадите мне несколько секунд для изучения конфигурации, — предложила Нансия, — то я, вероятно, смогу воспроизвести вашу игровую голограмму в более отчетливом виде. И у меня, конечно же, есть система распознавания голосовых команд.

За то время, пока Нансия произносила эту фразу, она выделила участок виртуальной памяти и графический сопроцессор для решения данной проблемы. Прежде чем ее голос умолк, новое, куда более четкое голографическое изображение нарисовалось рядом с первым. Фористер издал восторженный возглас, увидев идеальную детализацию миниатюрных фигурок. Микайя протянула руку, словно желая потрогать совершенно точно воспроизведенный спутник с тремя шарообразными отсеками — жилыми и складским, снабженными крошечными шлюзами и соединенными трубообразными переходами.

— Превосходно, — восхищенно выдохнул Фористер. — Но не отнимет ли это слишком много процессорной мощности, Нансия?

— Только не тогда, когда мы сидим на планете, — ответила Нансия. — И я не использую этот процессор во время выполнения обычной навигации. Может быть, придется ненадолго прерваться, когда мы будем в сингулярности, это действительно потребует некоторой концентрации, но...

Фористер на миг прикрыл глаза.

— Все в полном порядке, Нансия. По правде говоря, мне в любом случае не придет в голову играть в трехмерные шахматы во время прохождения сингулярности.

— И мне тоже, — согласилась Микайя, слегка зеленея при одной мысли об этом. — В такой момент совершенно не думается ни о каких пространственных играх.

— А мне думается! — радостно возразила Нансия.

Менее чем через два стандартных Центральных часа первая партия в трехмерные шахматы была прервана появлением Сева, который передал угрюмого Дарнелла Овертона-Глаксели для транспортировки на Центральный.

— Он сломался, когда я продемонстрировал ему кристалл с показаниями Хонкирка, — сообщил Брайли остальным, когда Дарнелл был заперт в каюте. — Забавно — он словно ожидал, что в один прекрасный день за ним кто-нибудь придет. Большую часть того времени, пока мы летели на флайере, он рассказывал мне все, что знает о трех остальных. Вот запись.

— О четырех, — поправила Нансия, когда Сев вложил инфокарту в ее считыватель.

— Трех, — повторил Сев. — Фасса. Альфа. И... Блэйз. — Произнося последнее имя, он старался не смотреть на Фористера.

— Никто из них не сказал ни слова об участии Полиона де Грас-Вальдхейма? — Нансия не могла в это поверить.

Сев пожал плечами:

— Кто знает? Может быть, и говорить нечего. Никогда не знаешь, вдруг в корзине с гнилыми яблоками окажется одно хорошее.

«Только не Полион». Однако Нансия не высказала этот протест вслух. После разговоров, подслушанных ею во время ее первого рейса, она была убеждена в полной аморальности Полиона де Грас-Вальдхейма. Но этично ли было разглашать содержание этих разговоров? Калеб всегда был так непоколебимо против всего, что хотя бы подразумевало шпионаж... Нансия никогда бы не решилась сказать ему.

Но прошло пять лет. Сама Нансия изменилась и теперь видела оттенки серого там, где прежде для нее существовали только четко разграниченные уставом КС черное и белое. Даже Калеб мог измениться; в конце концов, он согласился на эту тайную миссию.

Но он был против.

Он почувствовал бы себя вдвойне преданным, если бы Нансия нарушила его этический кодекс, когда самого Калеба даже не было рядом, чтобы направить ее по верному пути.

Может быть, ей следует еще немного помедлить с принятием решения.

— Все равно, возможно, имеет смысл заглянуть на Шемали, — предположила Нансия. — Никогда не знаешь, может быть, мы сумеем найти там какие-то улики, связывающие де Грас-Вальдхейма со всеми остальными. — «У нас уже были бы улики, если бы все они не боялись сказать против него хоть слово».

— Возможно, — согласился Сев. — Встретимся там после Ангалии?

— Я думала, вы летите с нами! — Микайя Квестар-Бенн приподнялась из кресла, протянув руку прямо через голографический шахматный куб, созданный Нансией.

— Я тоже, — согласился Сев. — И тем не менее. Встречусь с вами на Шемали. Что-то надвигается.

Он вышел прежде, чем кто-либо успел задать ему вопрос, и слетел по трапу, перескакивая через три ступеньки разом и посвистывая на бегу. Нансия подумала, не захлопнуть ли перед ним люк и не продержать ли внутри до тех пор, пока он не объяснит, что задумал.

Конечно же, она этого не сделала. Это было неэтично, это было бы сознательным злоупотреблением своими возможностями, то есть именно тем, против чего строго предупреждали уроки этики, входившие в программу обучения любого капсульника.

И все же соблазн был велик.

— Что-то сделало этого молодого человека чрезвычайно счастливым, — задумчиво промолвила Микайя. — Хотела бы я знать, что именно. Нансия, есть ли что-нибудь настолько потрясающее в записи показаний этого Дарнелла Овертона-Глаксели?

Нансия начала сканировать карточку еще до того, как Микайя заговорила.

— Там нет даже ничего интересного, — ответила она, — если только вас не заинтересует отвратительное перечисление случаев мелкого взяточничества и коррупции.

— Да, похоже, этот Овертон-Глаксели — просто дешевка.

— Не желаете изучить его показания лично? — предложила Нансия. — Вы можете заметить что-нибудь, что пропустила я.

Микайя кивнула:

— Я так и сделаю. Но сомневаюсь, что что-нибудь обнаружу. Брайли сказал, что против де Грас-Вальдхейма нет свидетельств, так что за чем бы его ни понесло на Шемали, это не наше дело. Черт бы побрал этого парня! Ну ладно, полагаю, что узнаем что-либо, когда окажемся на Шемали.

— Но сначала, — напомнил Фористер, — нам нужно завершить миссию на Ангалии.

Лицо его снова стало серым и безжизненным; недолгое оживление, возникшее во время игры в трехмерные шахматы, исчезло без следа. «Он выглядит так, словно смертельно болен. Неужели фамильная честь для него так важна?» Нансия попыталась представить, как бы она себя чувствовала, если бы узнала, что ее сест-

ра Джиневра уличена в коррупции, злоупотреблении должностью в ПТП и растрате служебных фондов.

Невозможно было даже вообразить подобное. Ну а если бы Фликс — Нансия не могла придумать, что бы такого мог совершить Фликс, — но что, если бы он попал в дурную компанию — как Блэйз — и сделал что-то такое, что заставило бы ее собирать против него улики, арестовать его, отвезти на Центральный, чтобы там брата судили и отправили в тюрьму, на много лет разлучив с его любимой музыкой?

При этой мысли Нансия испытала такую боль, что на миг даже гудение воздушной системы прервалось, а сопроцессор, поддерживающий игровую голограмму, выдал ошибку. Голографический куб задрожал, рассыпался на радужные фрагменты, а затем восстановился вновь, когда Нансия опять обрела контроль над собой и своими системами.

Если даже воображаемые неприятности, грозящие Фликсу, так глубоко ранили ее, то что мог испытывать Фористер, зная о том, что Блэйз *действительно* совершил преступление? Человек не должен сталкиваться ни с чем подобным, решила Нансия, и долг ее и Микайи — отвлечь Фористера от мыслей о предстоящем деле.

— Генерал Квестар-Бенш, ваш ход, — напомнила Нансия.

— Что? А... скаут на королевскую ладью 3, 3, — скомандовала Микайя. Этим ходом она сбила один из спутников Фористера и открыла проход к его «мозговому» кораблю. Нансия без малейшего усилия просчитала все возможные ходы.

— У тебя есть только две возможности не получить шах кораблю через пять ходов, — предупредила она Фористера.

— Две? — Фористер поднял брови и склонился над игровым кубом. — Я вижу только одну.

— Нечестно! — воскликнула Микайя. — Я играю с «телом», а не с «мозгом».

— Мы работаем в паре, — ответила ей Нансия.

Она надеялась, что это правда. Ради Фористера — ради них обоих. Он не должен нести эту скорбь в одиночку, и она здесь для того, чтобы поддержать его.

— А, я понимаю, что ты имеешь в виду. — Фористер нагнулся к самой доске и, к удивлению Нансии, сделал ход, ведущий к столь катастрофическим *последствиям*, что она даже не учитывала его в изначальных расчетах.

С приглушенным радостным возгласом Микайя Квестар-Бенш сбила второй спутник Фористера — и в изумлении узрела, как он

провел неучтенного коня из второго ряда и поставил шах ее кораблю.

— Спасибо за намек, Нансия, — сказал Фористер. — Если бы ты не заставила меня искать альтернативный ход, я бы даже не подумал использовать нападение Джиго Канака в данной ситуации.

— Я... э-э... всегда пожалуйста, — только и сумела выдавить Нансия в течение трех ходов, которые привели игру к разгромному финалу: все фигуры Микайи были лишены возможности перемещаться, ее пилот был сбит, а корабль — под угрозой шаха.

Возможно, Фористеру не так уж нужна была помощь, как полагала Нансия.

Глава 13

Посадка, совершенная Нансией на Ангалии, была одной из самых худших, которые она когда-либо выполняла. Планета застала ее врасплох.

Изначальный навигационный маневр прошел нормально. И только когда в поле зрения показалась посадочная площадка, Нансия почувствовала себя сбитой с толку. Зеленые террасы, травянистая низина вокруг столовой горы — все это было совершенно не похоже на воспоминания о посадке здесь же пять лет назад. Возможно, Нансия просчиталась и теперь находится над необследованной прежде частью планеты?

Вызвав файлы записи, сделанной во время прошлого прилета на Ангалию, Нансия совместила их с картиной зеленого рая, открывающегося внизу. Да, это, очевидно, посадочная площадка Ангалии. Топографические приметы идеально совпадали со встроенной картой. И там, на краю площадки, по-прежнему стояла сборная развалюха с травяным навесом, выглядящая чуть более покосившейся и заброшенной, чем была пять лет назад.

Увлеченная сравнением кадров, Нансия отдала на это часть вычислительных ресурсов навигационного процессора, забыв о том, что надо следить за высотой, и едва избежала позора — создания новой воронки на посадочной площадке Ангалии. Она вовремя скорректировала спуск, слегка подпрыгнув и вновь опустившись, уже медленнее, чем в первый раз. Ее слуховые сенсоры уловили целый набор ударов, вскриков и жалоб из кают, где находились Микайя и трое узников.

— Извиняюсь за жесткую посадку, — начала было Нансия, когда Фористер отключил ее динамики и перехватил аудиовещание.

— Локальная турбулентность, — пояснил он. — Нансия прекрасно справилась, но даже «мозговой» корабль не может скомпенсировать все атмосферные явления Ангалии.

Он погладил ладонью контрольную панель, словно успокаивая Нансию, а затем вернул ей контроль над динамиками и мягко улыбнулся.

— Мне не нужно, чтобы ты меня прикрывал, — сердитым шепотом сообщила ему Нансия через динамики рубки.

— Разве? Я думал, мы работаем в паре. Если ты можешь помогать мне играть в трехмерные шахматы, то я определенно имею право уберечь тебя от извинений перед этими избалованными типами.

— Я... хорошо, спасибо, — поблагодарила Нансия.

— Не за что. Кстати, а что это было на самом деле?

— Я отвлеклась. Это место выглядит совсем не так, как в прошлый раз, когда я здесь садилась. — Нансия переключила экраны на внешний обзор. Фористер оценивающе смотрел на тройной панорамный экран, демонстрировавший травянистую равнину, окаймленную цветущими террасами.

— Что это такое? — воскликнула Фасса из своей каюты. Дарпелл и Альфа изумленно вторили ее возгласу.

Нансия была довольна их реакцией. Экраны в пассажирских каютах не передавали картину так наглядно, как видеостены в рубке, но, по крайней мере, они показывали виды Ангалии достаточно отчетливо. Теперь Нансия уверилась, что она не сошла с ума — или, по крайней мере, сошла с ума не она одна. Никто из заключенных не ожидал, что Ангалия будет выглядеть как Райский Сад.

— Я так понимаю, — спокойно произнесла она, — что со времени вашего прошлого визита сюда Ангалия изменилась?

— Это точно, — подтвердила Фасса. — Ты уверена, что это то самое место? Только год назад... а, вижу.

Последовало долгое молчание. Первый раз за всю свою жизнь Нансия жалела о том, что у нее нет всех возможностей мягкотелого. Ей чрезвычайно хотелось схватить Фассу за плечи и встряхнуть, чтобы вывести из транса, в который та впала. Почему мягкотелые не могут передавать данные одновременно с их обработкой?

Нансии пришлось удовлетвориться тем, что она несколько раз мигнула освещением в каюте Фассы и выдала несколько беспорядочных музыкальных аккордов из последней кристаллозаписи Фликса.

— Насколько я могу понять, — поинтересовалась она, довольная тем, что ей удалось привлечь внимание девушки, — ты узнала какие-то приметы местности?

— Да... по крайней мере, мне так кажется. — Конечно. Фасса не могла контролировать визуальную детализацию тех изображений, которые сохранились в ее памяти с прошлого визита, не говоря уж об их точности. Ей приходилось полагаться на свою ненадежную биологическую память.

Учитывая это, Нансия вряд ли могла рассчитывать на четкий ответ.

— Эти сады на склоне горы, — сказала Фасса. — Год назад там были террасы, но на них еще ничего не росло. Я подумала, что это имеет какое-то отношение к шахте.

Нансия переключила картинку, идущую на экран в каюте Фассы, так, чтобы та видела вход в шахту. Фигуры в синей форме входили и выходили оттуда, толкая вагонетки по рельсам, изгибающимся вдоль горного склона. При увеличении изображения стало видно, что это неуклюжие туземцы Ангалии, облаченные в аккуратные синие шорты и рубашки и двигающиеся слаженно, словно в хорошо поставленном балете. Один туземец извлекал из отверстия шахты мешок и перебрасывал его через голову, другой оказывался на месте как раз вовремя, чтобы поймать этот мешок: к тому времени, как второй туземец поворачивался, третий подкатывал вагонетку на нужный участок рельсов, чтобы принять в нее груз.

— Потрясающе, — прокомментировала Нансия. — Я была уверена, что аборигены Ангалии необучаемы.

— Блэйз, — глухо произнес Фористер, — всегда был деловым мальчиком.

— Все выглядит не так уж плохо, — указала Нансия. — Фасса, ты или остальные узнаете что-нибудь еще?

Она заставила изображение на экранах смещаться так, чтобы в поле зрения поочередно оказывались разные участки местности. Неожиданно Фасса издала возглас узнавания.

— О боже, он оставил вулкан!

Нансия остановила картинку и пристально ее рассмотрела. Зловещего вида пузырь из буро-зеленой грязи появился, лопнул и снова сформировался посреди высокой травы, покрывающей всю остальную низину.

— Я не думаю, что это можно замаскировать, посадив там цветы, — согласилась Нансия.

— Ты не понимаешь. — Голос Фассы звучал так, словно она

вот-вот расплачется. — Именно так он ими управляет — так он заставляет их выполнять все, что он требует. Если кто-то из люси вызовет его недовольство, Блэйз варит его живьем в этой кипящей грязи! Я видела это в прошлый раз... я никогда не забуду этот ужас!

— Альфа? Дарнелл? — обратилась Нансия к двоим другим.

— Это правда, — ответил Дарнелл. — Отвратительно.

Альфа молча кивнула — едва заметно даже для визуальных сенсоров «мозгового» корабля.

У Нансии не нашлось больше утешительных слов для Фористера.

Микайя уговаривала Фористера позволить ей первой поговорить с Блэйзом.

— Я надену комм-клипсу, — обещала она. — И ты, и Нансия будете видеть и слышать все, что происходит.

— Это мой долг, — начал было Фористер.

— Мой тоже, — прервала его Микайя. — Молодой человек скорее сознается, если не будет считать, что сможет воспользоваться покровительством своей семьи.

— Он и не сможет, — угрюмо сказал Фористер. — Я здесь не для того, чтобы за него заступаться.

— Да, но он-то этого не знает, — указала Микайя.

Нансия настроила все внешние сенсоры на то, чтобы следить за Микайей, когда генерал направилась по дорожке, выложенной круглыми плитками из туфа, к дверям пермасплавовой хижины. По обеим сторонам дорожки буйно и без видимого порядка росли папоротники и яркие тропические цветы, покачивая перистыми листьями и лепестками над седой головой Микайи. Нансия опознала растительность Старой Земли, перемешанную с денебианскими звездоцветами и поющими травами с Фомальгаута-2, — веселая россыпь розовых, оранжевых и пурпурных цветов.

Микайя вошла в дом, и поле обзора Нансии сузилось до полукруга, охватываемого визором комм-клипсы. В полутемной хижине, захламленной бумагами и деталями каких-то машин, пламенела, подобно горящей головне, рыжая шевелюра Блэйза. Он сидел перед экраном компьютера, по всей видимости полностью поглощенный происходящим на мониторе.

— Блэйз Амонтильядо-Перес-и-Мэдок, — официальным тоном обратилась к нему Микайя.

— Э-э... Поставка груза от ПТП? Я подпишу буквально через минуту. Только закончу тут одну вещь...

Разрешение контактной клипсы было недостаточным, чтобы Нансия смогла прочесть слова на экране, однако она опознала состоящий из семи нот код отклика, прозвучавший, когда Блэйз приложил ладонь к контактной панели. Межпланетная передача — нет, межпространственная; он только что послал что-то.... Нансия просканировала свои файлы и идентифицировала код. В штаб-квартиру *Центральной Дипломатической службы*? Какое им дело до Анталии, планеты, где нет разумных осознающих существ? Неужели в сеть коррупции, сотканную Блэйзом, попал кто-то из коллег Фористера и отца самой Нансии?

— Есть! — Как только отзвенели последние ноты кода, Блэйз развернулся к посетительнице с ангельской улыбкой на испещренном веснушками лице. — И что....

Выражение его лица почти мгновенно изменилось при виде Микайи Квестар-Бенн в полной форме.

— Вы, — медленно произнес Блэйз, — не из ПТП.

— Совершенно верно, — подтвердила Микайя. — Ваша деятельность привлекла внимание других служб.

Блэйз выпятил челюсть, а веснушки его словно бы вспыхнули, точно *пригоршня* солнечной пыли.

— Что ж, слишком поздно. Вы уже не сможете меня остановить!

— Не смогу? — Тон Микайи был обманчиво спокойным.

— Я послал полный отчет в Диспентр! Мне все равно, кем являются ваши друзья в ПТП, теперь им придется оставить Анталию в покое.

— Дорогой мой мальчик, — сказала Микайя, — разве это не относится к тебе самому? Ведь это ты здесь работаешь на службу Планетарной Технической Поддержки. Или, точнее, работал.

Нансия была так захвачена этим диалогом, что не заметила, как Фористер выскользнул из рубки и спустился по трапу. И была потрясена не меньше Блэйза, когда Фористер появился в дверях хижины, на самой периферии обзора комм-клипсы.

— Дяля Фористер! — воскликнул Блэйз. — Что происходит? Ты можешь помочь...

— Не называй меня дядей! — сквозь зубы процедил Фористер. — Я здесь вместе с генералом Квестар-Бенн для того, чтобы остановить тебя, а не для того, чтобы тебе помогать!

Лицо Блэйза позеленело под россыпью веснушек. Он на миг прикрыл глаза, и в целом у него был такой вид, словно его вот-вот стошнит.

— Только не говори мне, что ты тоже...

— Ты думаешь, что родственные чувства простираются так далеко, чтобы помогать тебе эксплуатировать и мучить невинных?

— Эксплуатировать? Мучить? — выдохнул Блэйз. — Я... о нет! Дядя Фористер, ты случайно не беседовал с девушкой по имени Фасса дель Парма-и-Поло? Или с Альфой бинт Герпа-Фонг? Или с Дарнеллом...

— Со всеми троими, — подтвердил Фористер, — и что, черт побери, в этом смешного?

Для Блэйза, видимо, это было вдвойне смешно, он просто хрюкал от подавленного смеха.

— Мой грех вернулся, чтоб терзать меня, — выдавил он в паузах между приступами хихиканья.

— Я не вижу в этом ничего забавного. — Лицо Фористера побелело, в уголках рта залегли складки.

— Ты и не увидишь. Пока что. Но когда я... О господи! Такой ситуации я не... — Блэйз разразился истерическим смехом, который оборвался только тогда, когда Фористер ударил его кулаком в живот. Блэйз все еще хрипел, пытаясь восстановить дыхание, когда второй удар, на сей раз в челюсть, отправил его в глубокий нокаут. Запрокинув голову, Блэйз рухнул на пол возле стола с компьютерным оборудованием. Столик опасно зашатался, контактная панель скатилась с угла столешницы и повисла на проводе. Стопка светокопий осыпалась на Блэйза шелестящей голубоватой лавиной, состоящей из рапортов, расчетных документов и инструкций ПТП.

Фористер ухватил один лист, не успевший коснуться пола, и в течение нескольких секунд изучал колонки цифр, приподняв брови. Когда его взгляд достиг низа страницы, вид у дипломата был измученный. Сейчас Фористеру можно было смело дать его настоящий возраст.

— Доказательство есть, — прокомментировал он, передавая лист Микайе, — если доказательства вообще нужны.

Микайя держала бумагу так, чтобы Нансия тоже могла прочитать ее через комм-клипсу. Числа танцевали, когда лист подрагивал в руках Микайи; Нансия приспособилась к этим движениям и увеличила расплывчатые цифры и буквы так, чтобы воспринять их как можно отчетливее.

Это был отчет о состоянии сетевого счета Блэйза за предыдущий месяц. Все эти депозиты и перемещения средств не имели для Нансии непосредственного смысла, однако ясно было одно: любая из этих цифр значительно больше, чем жалованье Блэйза в ПТП, а итог, указанный внизу страницы, был потрясающим —

более чем в тридцать раз превышал ту сумму, которую Блэйз мог бы накопить, даже если бы откладывал на счет все заработанные им деньги.

— Дядя Фористер, — сказал Блэйз, лежа на полу и осторожно массируя пострадавшую челюсть, — ты все понял совершенно неправильно. Поверь мне.

— После того как я собственными глазами видел улики, — отрезал Фористер, — что такого ты можешь сказать, чтобы заставить меня тебе поверить?

Блэйз улыбнулся ему. Его губа кровоточила, а один из нижних зубов угрожающе шатался.

— Ты будешь удивлен.

— Если ты думаешь дать взятку из своих незаконных доходов, — хмыкнула Микайя, — то лучше тебе передумать. — Она опустила голову так, чтобы говорить прямо в комм-клипсу, и Нансия резко уменьшила громкость сенсоров. Мягкотелые никогда не поймут, что вовсе нет необходимости кричать в микрофон; воспринимающее устройство может быть крошечным, но мощность у него не меньше, чем у бортовых сенсоров «мозгового» корабля. — Нансия, введи, пожалуйста, в Сеть мой личный идентификационный код. Кью-Б76, Джей-Пи-Джей, 450, МИК. Этот код даст тебе возможность заморозить все кредитные счета под личным кодом номер... сейчас посмотрю... — Она бросила взгляд на верх страницы, намереваясь прочитать вслух кодовую последовательность, которую Нансия и так могла видеть достаточно отчетливо — естественно, при компенсации движения кадра и увеличении нечетко видимых символов. — Ну, неважно, я полагаю, ты уже прочла его, — сообразила Микайя мгновение спустя.

— Совершенно верно, — послала Нансия голосовое уведомление через динамик клипсы.

— Не делайте этого! — Блэйз поднялся на ноги, слегка пошатываясь. — Вы не понимаете...

Фористер двигался так быстро, что Нансия даже не заметила, как он оказался между Блэйзом и Микайей, все еще держащей бумагу.

— Я понимаю, что ты эксплуатировал неразумных чувствующих, чтобы обогатиться, — произнес дипломат. — Объяснения ты будешь давать в суде. Я хочу, чтобы корабль составил официальную запись обвинения — на случай, если что-нибудь здесь пойдет не так.

— Сделано, — отозвалась Нансия.

Блэйз покачал головой и вздрогнул от боли при этом легком движении.

— Ох. Нет. Дядя Фористер, ты действительно взялся за это дело не с того конца. И ты никак не сможешь обвинить меня в — как ты это сказал? — эксплуатации неразумных чувствующих. Напротив. Люси наделены Статусом Разумных Чувствующих, и я могу это доказать — и никто теперь не сможет меня остановить. Я только что послал готовую документацию в Дипцентр. Даже если ты заставишь меня молчать, будет назначена независимая комиссия ЦДС.

— Заставить — тебя — молчать? — Фористер посмотрел на Микайю, его седые брови полезли на лоб. — Никакой речи об этом не идет. Мы не занимаемся сокрытием фактов. Ты будешь иметь возможность сказать на суде все, что захочешь. И я тоже, помоги мне бог, — пробормотал он так тихо, что только коммклипса Нансин уловила его слова. — И я тоже.

— Если бы вы только послушали, — возмущенно заявил Блэйз, — то не было бы никакой необходимости в суде. Разве вы не слышали, что я сказал? Люси вполне разумны!

Микайя покачала головой.

— Ты пробыл здесь слишком долго, если начал питать такие иллюзии. Посмотри фактам в лицо. По пути сюда я загрузила из Сети все исследовательские отчеты. Аборигены не проявляют никаких признаков разумности — ни языка, ни одежды, ни сельского хозяйства, ни политических организаций.

— У них всегда был свой язык, — настаивал Блэйз. — Теперь у них есть одежда и сельское хозяйство. А что касается политических организаций, то подумайте на минутку о ПТП и потом спросите себя, является ли такая организация доказательством разумности.

Микайя против воли рассмеялась.

— Это точно. Но мы здесь не для того, чтобы опровергать стандарты сертификации СРЧ.

— Может быть, и нет, — согласился Блэйз, — но поскольку вы здесь, и... — На миг его взгляд стал подозрительным. — Вы ведь не работаете вместе с Хармоном, нет?

— С кем?

Вид у Микайи был, видимо, достаточно изумленный, чтобы убедить Блэйза.

— Мой предшественник здесь — а ныне мой инспектор. Настолько извилистый, что способен спрятаться за витым трапом, — коротко объяснил Блэйз. — Именно в нем причина — ну,

одна из причин — того, почему мне пришлось все делать именно таким образом. Хотя даже честнейший инспектор ПТП, вероятно, не одобрил бы. Я нарушил несколько правил, — признал он. — Но окажите мне милость, пройдитесь по поселению. Я думаю, вы все поймете гораздо лучше, если я вам кое-что покажу.

Микайя посмотрела на Фористера и пожала плечами:

— Я не вижу в этом никакого вреда.

— Я полагаю, что если мы не пойдем, то ты заявишь, будто следствие велось с нарушением законов и тебе не позволили предъявить свидетельства в свою защиту? — поинтересовался Фористер.

Лицо Блэйза стало красным, по интенсивности почти сравнявшись с его шевелюрой.

— Послушайте. Вы поддерживаете со своим «мозговым» кораблем контакт через эту клипсу. Если клипса будет деактивирована или если корабль увидит что-то, что ему не понравится, он немедленно отошлет полный отчет на Центральный по Сети. Что тебе стоит выслушать меня хотя бы раз в жизни, дядя Фористер? Бог знает, никто в нашем семействе не стал бы этого делать, — добавил Блэйз, — но я всегда думал, что ты другой.

Фористер вздохнул.

— Я слушаю. Я тебя слушаю.

— Хорошо. Просто пойдемте вон туда. — Блэйз протиснулся между Фористером и Микайей и распахнул дверь хижины. Солнечный свет озарял пестрые цветы, тысячи оттенков зелени переливались перед взором и казались еще ярче по контрасту с сумрачным интерьером дома. Блэйз зашагал по дорожке, поминутно оглядываясь через плечо, чтобы проверить, идут ли за ним его спутники. Нансия активировала двойную систему записи файлов, которая передавала каждое слово и каждый кадр прямо на базу Вега, равно как и в ее собственные банки памяти.

— Люси не выработали устный язык, потому что они — телепаты, — объяснил Блэйз. — Я знаю, я знаю, это трудно доказать напрямую, однако подождите, пока не увидите, как они работают вместе! Когда комиссия Диппентра прибудет сюда, им следует привезти с собой кого-нибудь из Психологической Службы. Из тех, кто не будет проводить тесты, заранее предполагая, что я лгу. Уверяю вас, мне потребовалось некоторое время для того, чтобы это вычислить, — радостно болтал он, сворачивая с главной дорожки на боковую, ведущую через высоченные заросли, — особенно вначале, когда они все казались мне на одно лицо. Я так лихо скучал, а эти трескучие звуки, которые они производили,

действовали мне на нервы, и я начал обучать парочку из них сурдоязыку.

— Чему? — не поняла Микайя.

— Это древний язык жестов, который когда-то использовался для общения с неизлечимо глухими людьми — прежде, чем мы научились инсталлировать слуховые синапсы на метачипы и подсоединять их к соответствующим центрам мозга, — объяснил ей Фористер. — У Блэйза всегда были странные увлечения. Но то, что тебе удалось обучить люси нескольким сигналам из языка жестов, еще не доказывает, что они разумны. Некоторые из ученых двадцатого века проделывали такое даже с шимпанзе.

— Ну да, это все, чего я рассчитывал добиться вначале, — согласился Блэйз. — Поверь мне, после нескольких месяцев на Ангалии жестикулирующий шимпанзе способен показаться хорошей компанией! Но они схватывали то, чему я их учил... ну, как «мозговой» корабль схватывает сингулярную математику. Я обучал троих из них, которые постоянно ошивались вокруг — Зудилу, Бубнилу и Буль-Буля. — Он покраснел. — Да, я знаю, что это дурацкие имена, но я тогда не знал, что они — люди. Я просто назвал их по тем странным звукам, которые они издавали, когда я разговаривал с ними, а они пытались что-то сказать в ответ, пока не осознал, что у них нет речевого аппарата для того, чтобы говорить по-настоящему, — именно тогда я решил прибегнуть к языку жестов... Прошу прощения, я сбился. Так на чем я остановился?

— На том, что научил Зудилу сигналить «Где мой паек?», — ответил Фористер.

Блэйз засмеялся.

— И ничего подобного. Его первая фраза скорее выглядела как: «Почему Толстяк бросал брикеты в грязь и обращался с нами, как с животными, и почему ты складываешь пайки стопкой и выдаешь их нам по одному с должным уважением?»

Он остановился и повернулся к своим сопровождающим, его веснушчатое лицо было убийственно серьезным в этот момент.

— Вы можете представить, каково это: «услышать» подобный вопрос от того, кого я считал — ну, чем-то вроде дрессированного паука, которого узник обучает трюкам, чтобы скрасить пребывание в тюремной камере? Тогда я понял, что люси — вовсе не животные. Понять, что с этим делать, — добавил он, прокладывая путь сквозь заросли, — заняло несколько больше времени. Я додумался до телепатии тогда, когда заметил, что неделю спустя после того, как Зудила усвоил сурдоязык, *каждый* из люси, при-

ходящий за рационом, стал подавать мне сигналы. Бегло. Он не смог бы за такое время обучить их даже зачаткам языка жестов: они, должно быть, узнали о значении жестов и структуре языка непосредственно из его мозга, по мере того, как я обучал самого Будилу. Фактически именно это они мне и сказали, когда я их спросил. Что было далеко не так просто. В сурдоязыке нет жеста, означающего «телепатию», а поскольку они не знают английского, я не мог протранслировать это по буквам. Но в конце концов мы выработали нужные сигналы.

— Если они разумны, как ты утверждаешь, и у них есть система общения, то они должны были подняться выше примитивного уровня без постороннего вмешательства, — возразила Микайя.

— Вам легко говорить, — хмыкнул Блэйз. — Интересно, как бы вы или кто угодно из известных нам рас эволюционировал на планете, где единственную поверхность, пригодную для земледелия, еженедельно заливает грязевым приливом, где пещеры, используемые в качестве укрытия, постоянно обваливаются от землетрясений? У них была охотничье-собирательская культура до не столь давнего времени — несколько поколений назад. Малая численность, не больше, чем может прокормить планета. Они скитались по относительно стабильным заболоченным областям в дальней части этого континента.

— А потом?

— А потом, — объяснил Блэйз, — их обнаружили. Первые исследователи сочли аборигенов разумными и затребовали присутствия Планетарной Технической Поддержки. К тому времени, как прибыла вторая команда исследователей, эта станция ПТП раздавала пищевые брикеты в неограниченных количествах на протяжении жизни трех поколений, и культура аборигенов была уничтожена под корень. Вместо мелких отрядов охотников-собирателей образовалась одна большая колония без каких-либо навыков добычи пропитания. К тому же теперь их было слишком много, чтобы они смогли прокормиться на болотах; они ничего не могли делать, и у них не было никакой надежды на выживание — если не считать получения пайков. Вторая экспедиция — и не безосновательно — сочла туземцев неразумными. В конце концов, никто из исследователей не прожил здесь достаточно долго и не был достаточно одинок, чтобы попытаться договориться с ними посредством языка жестов. Однако свое дело эта группа сделала: рекомендовала — из гуманитарных соображений, или из милосердия к животным, или еще по каким-то причи-

нам, — чтобы мы не прекращали поставки от ПТП и не дали местным жителям умереть с голоду.

— Но если они разумны... — снова начал возражать Фористер.

— Они разумны. И могут работать на свое благо. Им просто было нужно... с чего-то начать. — Блэйз обеими руками развел в стороны папоротниковые кусты и отступил в сторону, приглашая Микайю и Фористера оценить вид, открывающийся оттуда, где кончались заросли. — Это был первый шаг.

С этой выгодно расположенной позиции, как отметила Нансия, открывался куда более полный вид на шахтерские работы, нежели с посадочной площадки. Облаченные в синюю форму аборигены грудились по всему склону холма; они собирались под навесами группами по двадцать, сорок, пятьдесят и более особей, делились на команды по четверо или пятеро и приступали к выбранной работе с идеальной слаженностью и видимой невооруженным взглядом эффективностью.

— Вы можете обучить шимпанзе делать это? — спросил Блэйз.

Фористер медленно покачал головой.

— И я предполагаю, что эта шахта и есть источник твоего растущего благосостояния?

— Она определенно является источником средств, поступающих на счет в Сети, — согласился Блэйз.

— Эксплуатация разумных чувствующих ничем не лучше, нежели эксплуатация тупых животных.

Блэйз заскрипел зубами; через комм-клипсу Нансия уловила скрежет и пощелкивание.

— Я. Никого. Не. Эксплуатировал, — произнес он. — Пойми же, дяля Фористер. Когда я прибыл сюда, люси не имели СРЧ. Они не могли владеть собственностью на шахту, они не могли иметь сетевой счет, они не могли визировать официальные документы. Конечно же, все фиксировалось моим кодом! Кто еще мог сделать это за них?

— И твой код, — указала Микайя, — связан также с незаконной перепродажей поставок ПТП, которые, предположительно, должны были быть отданы аборигенам.

Блэйз горестно кивнул.

— Мне нужны были деньги, чтобы шахта снова заработала. Я пытался получить целевой кредит, но банки хотели знать, что я с ним собираюсь делать. Когда я говорил им, что собираюсь снова запустить шахты на Ангалии, мне отвечали, что я не смогу это сделать, потому что на планете нет источника рабочей силы, поскольку в отчете Диппентра говорится, что на Ангалии нет ра-

зумных чувствующих. Без денег я не мог начать разработку шахты. А без этих денег я не мог... ладно, об этом чуть позже. Поэтому я фальсифицировал несколько отчетов ПТП. Сказал, что население утроилось. Пищевые рационы — не самый ходовой товар на межпланетном рынке, — сухо добавил он. — Мне нужна была *большая* партия, чтобы заключить сделку. К счастью, у меня был готовый выход на покупателя. Этот ублюдок Хармон держал люси на грани голодания, а часть их рационов продавал за ликер. Я поговорил с одним из торговцев черного рынка и убедил, что мне нужны твердые кредитки, а не жидкий ликер, но в конце концов он... хм... понял ход моих мыслей.

— Не говори мне, как ты убедил его, — быстро сказал Фористер. — Я не хочу это знать.

Блэйз ухмыльнулся.

— Ну ладно. Как бы то ни было, вы видите шахту. Теперь я хочу устроить вам экскурсию к Проекту Номер Два. Для этого, боюсь, нам придется попотеть; все это нужно видеть своими глазами.

Тропа, идущая мимо шахты, была крутой, однако выдолбленные в горной породе желоба и ступеньки делали путь гораздо легче, чем могло показаться издали. Когда гости проходили мимо входа в шахту, несколько люси оторвались от своей работы и заулыбались Блэйзу. Их сероватые, покрытые складчатой кожей руки задвигались в быстрых жестах, которые Нансия записала отдельными кадрами для позднейшей интерпретации. А сейчас она собиралась послушать, как переведет это Блэйз.

— Они спрашивают, кто такие мои ментально неполноценные друзья и не желаете ли вы прокатиться вниз до производственных навесов, — объяснил рыжеволосый.

Пока он говорил, бригада, работавшая у отверстия шахты, наполнила вагонетку кусками руды и установила на рельсы, спускавшиеся в долину. Трое рабочих забрались наверх, взгромоздились на груду породы и ухватились за борта вагонетки, а один абориген из следующей группы подтолкнул эту вагонетку сзади. Она, словно на «американских горках», покатилась вниз, огибая скальные выступы, то ныряя в низинки на склоне, то вновь взлетая на уступы.

— Вначале несколько так погибли, — прокомментировал Блэйз, — но потом я усовершенствовал рельсовый путь так, чтобы во время толчков никто не слетел вниз.

Выше шахты растительность поредела, открывая вид на садовые террасы, покрывавшие прежде безжизненный склон повсю-

ду, где мог удержаться принесенный сюда почвенный слой. Микайя втянула носом воздух и заявила, что запах у трав, растущих в этих мини-садах, очень непривычный.

С вершины горы открывалась панорама того, что некогда было Большим Грязевым Водоемом Ангалии, а теперь стало травянистой равниной, на которой поля злаков перемежались с полянами, покрытыми яркими цветами.

— Это будет первый наш урожай, — сказал Блэйз. — Я только в прошлом году закончил все необходимые приготовления к посеву, когда сюда явились эти кретины, чтобы устроить тут сборище. Никто из них, естественно, ничего не заметил, но если ваш «мозговой» корабль затребует файлы первой экспедиции...

— Она может сделать лучше, — ответил Фористер. — Она сама бывала здесь. Нансия, ты наблюдаешь здесь какие-нибудь перемены? Не считая растительности, конечно.

Блэйз побледнел так, что веснушки стали казаться черными.

— Нансия?

— У тебя проблемы с моим кораблем? — спокойно поинтересовался Фористер.

— Мы... не сошлись по некоторым вопросам, — напряженным голосом сознался Блэйз.

Теперь Нансия относилась к Блэйзу несколько лучше, однако пока что не собиралась признаваться ему в этом.

— На горизонте между основными пиками заметны изменения, — сообщила она нейтральным, металлическим голосом — что было нетрудно, если учитывать ограниченные возможности комм-клипсы. — Увеличение одного из участков показывает наличие новой конструкции из утрамбованной земли и камней. Эта конструкция отделяет от равнины цепь распадков, которые сейчас, судя по всему, скрыты под слоем воды толщиной в 17,35 метра...

— Озеро Зудилы, — сказал Блэйз. — Моя первая попытка терраформирования. Проблема была в том, что мне нужно было блокировать все стоки и возвести стены водохранилищ, чтобы я мог гарантировать, что равнину не затопит снова. Потом нам потребовалось провести вниз, на равнину, ирригационные канавы. И соорудить систему сбора ила, так чтобы вся грязь, которую прежде приносили приливы, продолжала поступать на равнину и обновлять ее почвенный слой. Хотите спуститься? Я покажу вам образцы злаков и пробные результаты. Конечно, зерно еще не совсем поспело, — рассказывал он по дороге вниз, — но урожай обещает быть хорошим. Амарант-19-гипер-Джи доп2, если вам

это что-нибудь говорит. Высокое содержание протеина и природных питательных веществ, прекрасно приспособлено к такой тучной почве. Мы сможем прокормить себя, и останется кое-что на продажу. Вот почему я ждал до этого момента с требованием Статуса Разумных Чувствующих для люси: я хотел быть уверенным, что мы сможем обеспечивать себя даже в том случае, если ПТП прекратит поставки продовольствия. И я не осмеливался приступить к посеву, пока вся система контроля приливов не была возведена и проверена. Люси никогда бы не поверили мне опять, если бы они посеяли зерно и увидели, как его смывает потоп. Нам потребовалось много дорогостоящего оборудования для терраформирования, на это ушли все доходы от шахты за первых три года.

Они спустились с горы, и Блэйз направился было к хижине. Фористер взял его под руку и мягко повел прочь от дома.

— Я хочу поближе взглянуть на эти поля, прежде чем мы снова зайдем в помещение, — промолвил он.

Однако они не стали искать место, откуда открывался вид на посевы; вместо этого все трое остановились на краю обрыва над ямой с вулканической грязью. Эта яма уродливо контрастировала со всей остальной низиной, на поверхность трясины лениво всплывали и тут же лопались пузыри.

Фористер недобро смотрел на Блэйза.

— Ты заставил туземцев работать на корикиевой шахте, принадлежащей тебе.

— Убедил, — поправил его Блэйз.

— Они поверили твоим обещаниям, что доходы будут использованы для их же блага?

Блэйз покраснел.

— Я не думаю, что вначале они совсем уж понимали, что я задумал. По крайней мере, большинство из них. Зудила и Буль-Буль просекли идею, однако не думали, что она сработает.

— И?.. — Фористер не завершил вопрос, оставив его висеть в воздухе.

— Я думаю, — почти неслышно ответил Блэйз, — я думаю, что они сделали это, потому что хорошо ко мне относились.

— Можно предположить и другие причины, — сказал Фористер.

На какой-то момент Блэйз, похоже, озадачился, а потом проследил за направлением взгляда Фористера. Тот смотрел прямо вниз, на булькающую вулканическую грязь.

— Ох. Опять Фасса дель Парма?

— И доктор Герца-Фонг, — добавила Микайя, — и Дарнелл Овертон-Глаксели. Ты еще не опроверг их показаний относительно пыток и казней туземцев.

— Я... я понимаю. — Неожиданно Блэйз отпрыгнул в сторону и влез на валун, торчащий из склона столовой горы над грязевой ямой. — Вы хотите доказательств того, что я не мучил Зудилу?

— Если ты хочешь привести сюда какого-нибудь туземца и заявить, что это его мучили и что он после этого выздоровел, то это тебе ничего не даст, — предупредила Микайя. — У тебя нет никакого способа доказать, что ты никого не убивал и не пытал, если свидетели говорят обратное.

— Ну что ж, это все-таки был Зудила, и он бы вам рассказал об этом, но я понимаю вашу точку зрения, — согласился Блэйз. Он расстегнул свой китель, аккуратно снял и сложил его. — Это мой лучший мундир, — вежливо пояснил он, — я думаю, вы поймете, почему я не хочу его лишиться.

— Что ты делаешь? Залезай обратно, парень! — воскликнул Фористер, но было уже поздно: Блэйз спрыгнул еще ниже и ухватился за скальный выступ.

— Минутку, — пропыхтел он, совершая какие-то странные телодвижения. Форменные брюки сползли ему на лодыжки, он ловким взмахом ноги отправил их вверх, и они повисли на колючем кусте.

— Блэйз, не делай этого, — заговорила Микайя тоном спокойного приказа, на мгновение, казалось, ослабившим решимость Блэйза. Он помедлил немного, его молочно-белая кожа на фоне коричнево-зеленой вулканической грязи словно светилась сама по себе.

— Я должен, — спокойно возразил Блэйз. — Это единственный способ.

Прежде чем кто-либо успел продолжить этот спор, рыжеволосый парень прыгнул вниз; тело его неуклюже вращалось в полете, а потом со смачным всплеском впечаталось в самую середину чавкающей грязи. На миг казалось, что Блэйз оглушен или убился во время падения — руки и ноги его были безвольно разбросаны в стороны, голова запрокинута. Но потом он начал оживленно извиваться и дрыгаться, с каждым движением все глубже погружаясь в булькающую жижу.

— Не двигайся! — воскликнул Фористер. — Мы сейчас бросим тебе веревку... мы что-нибудь придумаем...

Блэйз перевернулся на спину. Толстый слой грязи покрывал его обнаженное тело, так что все было вполне в рамках приличий. Он замахал руками — впоследствии Нансия идентифицировала это как попытку плыть на спине.

— Спускайся сюда, дядя Фористер! — позвал Блэйз. — Грязь сегодня просто чудесная!

— Ты в порядке? — крикнула Микайя, пока Фористер пытался найти хоть какие-то слова.

— Лучше не бывает. Сегодня — прямо как в сауне. — Блэйз потягивался и блаженно извивался, на его запачканном грязью лице сверкала широкая улыбка. — Обычно я не ныряю с такой высоты — на минуту просто перебило дыхание, но я решил, что вам нужно показать все наглядно. Не хотите присоединиться?

Микайя с удивлением посмотрела на Фористера. Пилот-дипломат скинул ботинки и теперь решительно закатывал брюки.

— Ну ладно, я спущусь. — произнес он сквозь зубы. — Это самый быстрый способ добраться до этого юнца. А потом я... я... — Он, казалось, не знал, что сказать дальше.

— Сваришь его в кипящей грязи? — предположила Микайя.

Глава 14

Во время короткого прыжка от Ангалии до Шемали Нансия нарочно уменьшила скорость. Ей нужно было время, чтобы просмотреть все записи, получить доступ в Сеть и поискать доказательства деяний Полиона. Где-то в записях о поставках метачипов и гиперчипов за последние пять лет должен скрываться какой-то ключ к его преступной деятельности. Нансия не могла поверить, что Полион полностью отказался от планов, о которых он говорил во время ее первого рейса. Только не Полион де Грас-Вальдхейм.

Даже Сеть не может мгновенно выдать всю информацию, особенно если кому-то нужны все общедоступные записи о продаже, передаче или использовании гиперчипов во всей населенной галактике. Нансия ждала и надеялась, что ее пассажиры не заметят, насколько долгим оказалось это путешествие.

По счастью, они, похоже, были заняты собственными заботами. Фасса, Альфа и Дарнелл сидели каждый в отдельной каюте, каждый на свой лад справляясь со скукой одиночного заключения. Альфа затребовала из сетевых библиотек журналы по медицине и хирургии и сосредоточенно изучала все эти специализированные издания, скачанные для нее Нансией. Как будто кто-то разрешит Альфе снова вернуться к врачебной практике! «Ни за что, если мой голос будет хоть что-то значить», — мысленно поклялась Нансия. Однако истина была в том, что сказать ей было особо нечего. Она могла записать свои показания и кадры, кото-

рые получила через комм-клипсы; все это должно было войти в обвинительные материалы против Альфы. Однако после этого все будут решать мягкотелые, которые контролируют судопроизводство на Центральных Мирах. Большинство из них принадлежат к Высшим Семьям, и половина из них связана родственными или финансовыми отношениями с кланом Герца-Фонг. Альфа вполне может оказаться на свободе — не сразу, но через пять, десять или двадцать лет, что для девушки из Высшей Семьи, которая еще не достигла возраста в тридцать хронологических лет, не так уж много: в конце концов, омолаживающие технологии способны продлить жизнь и до двухсот лет.

«Не мне решать», — напомнила себе Нансия и переключила внимание на двух других узников. В качестве меры безопасности она постоянно держала сенсоры в их каютах включенными, однако старалась уделять заключенным не слишком много внимания, если только не получала сигнал о необычной активности в какой-либо из кают.

Действия Дарнелла, насколько могла предположить Нансия, были вполне обычными для мягкотелого, который может довольствоваться только чрезвычайно ограниченным набором сенсорных восприятий. Дарнелл попросил доставить ему «стизумруд», копченого ригелианского фазана и подборку кристаллов с опупорно от Дорга Джесена. Нансия выдала ему безалкогольное недопиво, ломтики синткурятины и кристалл с записью, о которой Фористер сказал, что это самое близкое к порнографии, что есть в корабельной библиотеке. Дарнелл большую часть времени валялся на койке, запивая синткурятину и засахаренные хлебцы недопивом и вновь и вновь пересматривая римейк старинного земного романа. Нансия недоумевала, что он находит в экранизации приключений какого-то Тома Джонса, однако это было совершенно не ее дело.

Блэйз был заперт в каюте напротив «камеры» Дарнелла. После яростного получасового спора насчет того, кто будет присматривать за «его» люси, когда самого Блэйза увезут на Центральный, он принял обещание Нансии. А она обещала попросить свою сестру Джиневру, чтобы та лично проверила, кого пошлют на Ангалию взамен Блэйза.

— У Пересов есть одно качество — все они безнадежно честные, — со вздохом произнес он. — Может быть, Джиневра и лишена воображения, но она, по крайней мере, не даст этой свинье Хармону снова добраться до люси. Ты понимаешь, что если урожай этого года погибнет, все мои усилия окажутся напрасными?

– Понимаю, понимаю, — терпеливо сказала ему Нансия. — Доверься Джиневре.

И она послала Джиневре запрос по Сети, объяснила сестре ситуацию, но при этом виновато думала, отличается ли она вообще от остальных отпрысков Высших Семей. Папа потянул за некие струнки, чтобы именно ее, Нансию, послали на это задание. Теперь она злоупотребляет своей должностью в Курьерской службе, а вдобавок доставляет неприятности сестре: ведь та тоже почувствует себя виноватой, вмешиваясь в то, что следовало уладить по обычным административным каналам ПТП.

Но «обычные каналы» не дали бы возможности оказать люсетту помощь, которая была им нужна. Нансия вздохнула.

— Будет ли когда-нибудь существовать бюрократический аппарат, который будет делать то, для чего предназначен, не погрязая при этом в коррупции и бездействии? — спросила она Фористера.

— Вероятно, нет, — ответил он.

— Ты говоришь прямо как Симеон — советуешь мне смириться с коррупцией, потому что она повсюду!

Фористер покачал головой:

– Ни в малейшей степени. Я советую тебе не тратить энергию на потрясение и удивление в отношении того, что вполне предсказуемо заранее. Никакая система, где бы она ни существовала, не застрахована от человеческих недостатков. Если бы она существовала... — он выдавил усталую улыбку, — ...то мы были бы компьютерами. Твои гиперчипы, Нансия, могут быть защищены «от дурака», но человеческая часть тебя делает ошибки — и точно так же их делаем все мы. К счастью, — добавил он, — люди могут также распознавать и исправлять ошибки — в отличие от компьютеров, которые просто продолжают процесс, пока он не завершится тотальным крахом. А теперь, если ты не против, я хотел бы на некоторое время получить доступ к твоей коммуникационной системе. Я хочу посмотреть, что я могу сделать, чтобы уберечь Блэйза от краха.

Хотя объяснения Блэйза оказались вполне удовлетворительными на эмоциональном уровне, все-таки у него были проблемы с законом. Неважно, насколько прекрасной была его мотивация, но факт оставался фактом: Блэйз сфальсифицировал отчеты ПТП, продавал на черном рынке поставки продовольствия и переводил доходы на свой личный сетевой счет. Оставить его на Ангалии, одновременно доставив всех остальных на Центральные Миры для привлечения к суду, было бы расценено как пи-

худший вид протекции. Все, что мог сделать Фористер, — это убедиться, что в представленной суду записи будут отмечены все факты — не только то, как Блэйз получил деньги, но и то, что он с ними сделал и как улучшил жизнь народа, для помощи которому, собственно, и был направлен на Ангалию.

— Они — люди, — с удовлетворением сообщил Фористер Блэйзу.

— Конечно, люди! Разве ты этого до сих пор не понял?

— То, что думал я, и то, что думал ты, — неважно, — ответил Фористер. — В счет идет только решение Диппентра. И, должно быть, в ЦДС есть по крайней мере один разумный человек, поскольку твой рапорт уже принят и обработан. Со вчерашнего дня люси имеют СРЧ. И это решение утверждено не кем иным, как Универсальным Секретарем Диппентра, Хавьером Перес-и-де Грасом.

Нансия с глубоким удовлетворением выслушала это и обратила внимание на последнего, точнее, последнюю из заключенных. Большую часть этого перелета Фасса провела так же, как весь путь от Бахати до Ангалии, — она сидела на полу каюты, обхватив колени руками, глядя в никуда и не обращая внимания на подносы с едой, которые Нансия выдавала в нишу доставки. Нетронутые тарелки с супом, корзинки со сладкими хлебцами, ароматные фруктовые пюре и ломтики ситкурятины в мерцающем соусе отправлялись в сборники отходов, где перерабатывались и синтезировались в новые комбинации белков, жиров и углеводов. На осторожные предложения какой-нибудь особенной еды или развлечений, поступающие со стороны Нансии, Фасса отвечала унылым: «Нет, спасибо» или «Неважно».

— Ты должна что-нибудь поесть, — сказала ей Нансия.

— Должна? — Фасса мрачно усмехнулась. — Нет, спасибо. Хватит с меня мужчин, которые всю жизнь говорили мне, что я должна делать и кем я должна быть. Кому какое дело, если я стану слишком костлявой для того, чтобы привлечь чье-либо внимание?

— Я не мужчина, — заметила Нансия. — Я даже не мягкотелый. И единственный вопрос, который интересует меня в отношении твоих физических параметров, — это чтобы ты не заболела, прежде...

— Прежде чем предстану перед судом, — спокойно довершила Фасса. — Все в порядке. Тебе не нужно быть тактичной. Я отправлюсь в тюрьму надолго. Может быть, навсегда. Но если это не будет Шемали, то мне все равно.

— А что такое насчет Шемали? — спросила Нансия.

Фасса сжала губы и уставилась на стену каюты. Ее нежное лицо было бледнее, чем обычно, на нем проявился слабый зеленоватый оттенок.

— Ничего. Я ничего не знаю о Шемали. Я *никогда* не говорила ничего о Шемали.

На какое-то время Нансия отступилась от Фассы. В конце концов, были и другие способы узнать, что же происходит на Шемали. Отчеты о производстве гиперчипов и их продаже очень скоро будут переданы из Сети. Несколько часов, проведенные за поиском улик против Полиона, возможно, успокоят Нансию и дадут ей больше сил на то, чтобы подбодрить Фассу.

Прочитав досье девушки, Нансия ощутила к ней смутное сочувствие. Вырасти в тени Фаула дель Пармы, вероятно, было нелегко. Потерять мать в тринадцать лет, провести следующие пять лет в закрытой школе, да еще отец ни разу не навестил девочку... а потом ее послали на Бахати, чтобы она показала, на что способна. Нансия подумала, что может понять чувства Фассы. «Но я не стала преступницей ради того, чтобы произвести впечатление на моих родных», — заспорила Нансия сама с собой.

«Твои родные, — был ответ, — вряд ли впечатлились бы этим». И кроме того, Нансии было лучше, чем Фассе. Папа, Джиневра и Фликс регулярно навещали ее за те годы, что Нансия провела в Лабораторной школе. Только после выпуска папа потерял всякий интерес к ее успехам...

Мягкотелые могут плакать, и, говорят, слезы являются естественным способом снять напряжение. Нансия просмотрела биомедицинские отчеты о химическом составе слез, настроила питательные трубки так, чтобы удалять из своей системы эти вещества, и сосредоточилась на сетевых записях о продажах и поставках гиперчипов.

Инкриминировать Полиону было абсолютно нечего. Два года спустя после его прибытия на Шемали новые, разработанные им метачипы были поставлены на производство и получили наименование гиперчипов благодаря своему быстродействию и более сложной конструкции. С этого времени производство гиперчипов росло с каждым отчетным кварталом, настолько быстро, что Нансия не могла поверить, будто Полион перенаправляет поставки на свои личные цели. Готовые гиперчипы подвергались строжайшей проверке качества, однако отсев был не выше ожидаемого уровня... и все отбракованные чипы учитывались. Они отсылались с планеты и пускались в переработку независимой

компанией, которая, насколько могла отследить Нансия, никак не была связана с Полионом, семейством де Грас-Вальдхейм или любой другой Высшей Семьей. Гиперчипы, прошедшие испытание, устанавливались почти сразу же после доставки на место, и каждая партия проходила через Совет по распределению. По личному опыту Нансия знала, как трудно получить эти чипы. С тех самых пор, как сенсоры ее нижней палубы и графические сопроцессоры были усилены гиперчипами, она безуспешно пыталась добиться, чтобы такие же чипы были установлены и в остальные ее системы. Микайя Квестар-Бенн, когда Нансия ее спросила, сказала, что ее печень, почки и фильтр сердечного клапана снабжены гиперчипами, установленными, когда органы с метачипами перестали справляться. Однако и ей тоже не удалось получить гиперчипы взамен старых чипов для внешних протезов; ситуация не была срочной, и Совет по распределению отказал в запросе на имплантацию или поставку.

Полион дважды выдвигался на соискание награды «За заслуги перед Галактикой» — за тот вклад, который разработанные им гиперчипы внесли в такие отрасли, как управление кораблями Флота, молекулярная хирургия и информационные системы. Даже Сеть, эта неповоротливая, консервативная коммуникационная система, связывавшая все уголки галактики посредством новостей, информации и записей обо всем, что когда-либо делалось посредством компьютера, — даже менеджеры Сети медленно, неспешно снабжали ключевые коммуникативные узлы гиперчипами, что значительно ускорило отклик Сети на запросы. Новостники открыто предполагали, что в этом году Полион все-таки удостоится награды. Самый молодой — и самый красивый, как жеманно упомянула Корнелия Нетлинк, — из всех, кому когда-либо вручалась коричневая статуэтка. Также широко обсуждалось, на какой высокий пост могут назначить — и, несомненно, назначат — Полиона после получения награды. Все считали, что столь талантливый — и столь красивый, неизменно добавляла Корнелия — молодой человек зря тратит свои годы и свои таланты, управляя заводом-тюрьмой по производству метачипов на какой-то захудалой планетке. Однако до сих пор Полион с присущей ему скромностью отказывался даже обсуждать предложения касательно другой должности.

«Звездный Флот назначил меня на этот пост, и моя честь велит мне служить там, куда меня назначили», — заявлял он в ответ на все расспросы.

Нансия удержалась от соблазна сымитировать восторженную

поклонницу Полиона во всей этой сетевой дискуссии. Капсульщики, наделенные почти полным контролем над своими системами, не должны опускаться до такого ребячества.

— Тьфу ты! — фыркнула Нансия. На Шемали явно что-то было не так. Она знала это, но не могла доказать.

Возможно, их неожиданный визит даст ей те данные, в которых она нуждается.

Несмотря на замедление скорости полета, на подлете к Шемали Нансия все еще продолжала раздумывать, как ей идентифицировать себя для персонала космопорта. Прибытие «мозгового» корабля Курьерской службы было необычным событием на этой удаленной планете, и Нансия не желала насторожить Полиона и дать ему шанс скрыть... ну, что, что ему было скрывать, и наверняка было что!

В конце концов решение приняли за нее другие.

— ОГ-48, можете заходить на посадку, — проскрипел в ее коммуникационном устройстве скучающий голос диспетчера космопорта. Нансия все еще висела на орбите и думала, каким образом представиться так, чтобы не поднять тревогу.

Она быстро просканировала внешний сенсорный обзор. Других кораблей на орбите вокруг Шемали не было видно, а если корабль «Перевозок ОГ» находился по ту сторону планеты, то он оказался бы недоступен для связи по коммлинку. Должно быть, говорили именно с ней... ох, ну конечно! Нансия хихикнула про себя. Со времени операции на Бахати она была слишком занята, чтобы попросить ее перекрасить. Коричнево-лиловые псевдопереборки, маскирующие ее под беспилотник «Перевозок ОГ», все еще ограничивали ее внутреннее пространство, а на внешней стороне корпуса все еще красовались логотипы компании, наверняка бросающиеся в глаза с первого взгляда. По слухам, Дарнелл Овертон-Глаксели забирал и переоборудовал все корабли, на какие только мог наложить лапу. Гладкие обводы Нансии, характерные для кораблей КС, должны были быть необычными для транспортного грузового корабля — однако, видимо, не настолько необычными, чтобы возбудить подозрения у диспетчера космопорта. Пока он выдавал указания относительно посадки, Нансия подумала и поняла, что ей знаком этот спокойный, ровный, безэмоциональный голос. Не сам голос, но ощущение полной отрешенности от мирских забот, звучащее в нем. «С каких это пор «блаженные» занимают ответственные должности в кос-

монорте? Я знаю, что здесь что-то очень не так. И мы — Фористер, Микайя и я — найдем, что именно не в порядке!»

Она опустилась на посадочную площадку с предчувствием каких-то приключений. Но когда она осмотрелась вокруг, пузырьки веселого предвкушения исчезли, словно из долго простоявшей откупоренной бутылки «стизумруда».

— Ого! Что случилось здесь? — воскликнул Фористер, как только Нансия вывела на панорамные экраны вид на Шемали со стороны космопорта.

Пермабетон посадочной площадки был весь в трещинах и пятнах, у самого края площадки зияла дыра — как будто кто-то опрокинул канистру с промышленным биоочистителем и не озаботился убрать жидкость, в результате чего микроскопические частицы проели насквозь краску и бетон. Здание космопорта представляло бетонную коробку без окон, мрачную и неприступную, словно тюрьма самого строгого режима — каковой, по сути дела, являлась вся планета.

Позади здания в воздух поднимались клубы зеленого и пурпурного дыма. Скорее всего, именно они были источником зеленовато-черного пепла, покрывающего все поверхности в поле зрения Нансии.

Пока прибывшие ждали, чтобы диспетчер представился и поприветствовал их, по посадочной площадке промчался порыв пронзительного ветра. Он подхватил пепел и закрутил его грязными смерчами, которые опали так же быстро, как и поднялись.

Внешние приборы Нансии показывали, что температура ветра составляла 5 градусов выше нуля по шкале Цельсия.

— Шемали заслуживает свое название, — пробормотала Нансия.

— Какое?

— Северный Ветер. Альфа знает язык, из которого происходят все названия в системе Ньота. Она упоминала о том, как они переводятся... уже очень давно.

— И что, вся планета такая?

Нансия быстро заменила картину внешнего обзора увеличенными кадрами, сделанными ею во время посадки. В тот момент она была слишком занята тем, чтобы правильно сформулировать приветствие, и ландшафты планеты не особо ее занимали. Теперь она вместе с Фористером в потрясенном молчании взирала на стоячие водоемы без единого признака живности, на порожденные эрозией почвы овраги, которые разбегались от проложенных без всякого учета экологической обстановки дорог, ведущих к новым заводским корпусам, на клубящуюся вихрями

пыль, на пепел, укрывающий леса мертвых деревьев, где не пела ни одна птица...

— Я и не знал, что один завод может принести планете столько ущерба, — медленно произнес Фористер.

— Похоже, сейчас здесь действуют уже несколько производств, — указала Микайя. — И все работают на полную мощность, я полагаю, без всякой заботы об окружающей среде... а шемалийские ветры разносят смертоносные продукты загрязнения по всей планете.

— И что, никто не посетил Шемали, прежде чем представлять Полиона к награде «За заслуги перед Галактикой»? Скорее всего, нет, — ответил Фористер на собственный вопрос. — Кому нужно прилетать на тюремную планету в захудалой системе? А его досье выглядит просто блестяще. Верно, Нансия?

— Общедоступные записи безукоризненны, — подтвердила Нансия. — Судя по ним, Полион де Грас-Вальдхейм предпринимает все усилия для производства гиперчипов и их как можно более широкого распространения.

«Ценой невосполнимого ущерба для окружающей среды. Однако это не преступление... по закону, по крайней мере здесь. Если бы Центр заботился о природе Шемали, здесь прежде всего не разместили бы тюремный завод по производству метачипов».

Удары в нижний люк отдались во всей внешней оболочке Нансии. Она вновь переключилась на внешние слуховые и визуальные сенсоры. Один из них, размещенный на посадочно-тормозной дюзе, давал ей узкий сектор обзора на причину этого шума... У люка обнаружился изможденный человек, одетый в лохмотья, которые когда-то, видимо, были тюремной униформой — серой курткой и свободными штанами. Еще какие-то рваные тряпки были обернуты вокруг его головы и кистей рук.

И он выкрикивал ее имя:

— Нансия! Нансия, впусти меня, быстро!

На краю посадочной площадки показались две громоздкие фигуры в блестящих защитных костюмах серебристого цвета; фигуры медленно продвигались вперед, неуклюже и угрожающе. Серебристые капюшоны с масками скрывали их лица, подобно забралам шлема, костюмы сверкали, словно доспехи. Но оружие в их руках не было рыцарскими копьями или мечами, это были нейробластеры, громоздкие, и угловатые, и куда более смертоносные, чем любое старинное оружие.

Нансия открыла нижний люк. Беглец рухнул в проем и упал на пол грузового трюма. Когда одна из серебристых фигур подняла

нейробластер, Нансия захлопнула вход. Лучи, не причинив никакого вреда, ударились о ее корпус, и Нансия, даже не задумываясь, поглотила энергию выстрела. Все ее внимание было привлечено к оборванному узнику, который сейчас пытался подняться на ноги, медленно и с видимой болью срывая лохмотья, закрывающие лицо.

— Возможно, это было не очень умное решение, — прокомментировал Фористер. — Мы не хотим вступать в конфликт с местными властями. Тюремные разборки не являются частью нашей миссии.

— Но этот человек таковой является, — возразила Нансия. Она переключила экраны на ту картину, которую показывали ей расположенные в трюме сенсоры. Микайя Квестар-Бенн первой опознала беглеца и издала изумленный возглас:

— Молодой Брайли-Соренсен! Как он угодил в Шемалийскую тюрьму?.. и как сбежал?.. и почему он в таком состоянии?

— Именно это, — мрачно отозвалась Нансия, — мне очень хотелось бы узнать.

Сев ухитрился подняться на ноги, ухватившись за одну из несущих распорок, подпирающих потолок ангара.

— Нансия, не впускай больше никого. Ты не знаешь... здесь, на Шемали, творятся ужасные вещи. Ужасные, — повторил он. Глаза его закатились, и он вновь сполз на пол.

— Фористер, Микайя, унесите его из трюма, пока эти двое охранников, или кто они там, не начали барабанить в мой люк, — приказала Нансия. — Нет, подождите. Сначала снимите с него эти лохмотья и бросьте прямо там.

— Зачем?

— Нет времени объяснять. Просто сделайте так! — Она запустила кухонные синтезаторы и включила мусоросжигатель. То, что она придумала, не сработало бы, если бы Шемали была тюрьмой, управляемой нормальным начальством. Но то, что она успела увидеть на этой планете, как нельзя лучше соответствовало безжалостному внутреннему «я» Полиона де Грас-Вальдхейма, каким он запомнился Нансии, и последние хриплые слова Сева были тем единственным подтверждением, в котором она нуждалась.

Пока Фористер и Микайя раздевали потерявшего сознание Сева и втаскивали его в лифт, Нансия усилила разрешение сенсоров, чтобы осмотреть его попристальнее. Она записала все для дальнейшего анализа, особое внимание уделив страшным ранам, уродовавшим ногу и обе руки Сева. Темные кровоподтеки сине-

го, пурпурного и зеленого цвета красовались на его ребрах, а спину пересекали вспухшие рубцы, сочившиеся красным при малейшем движении. Дыхание Сева было поверхностным и неровным, и он не пришел в себя, пока его раздевали и переносили.

Что с ним сделали на Шемали? Нансия знала, как обрабатывать поверхностные повреждения, однако на этой планете были еще кислоты и нервно-паралитические газы. Раны на руках и ногах Сева напугали Нансию, равно как и его рваное, затрудненное дыхание. Это все было гораздо более тяжелым случаем, чем те ранения и известные заболевания, лечение которых было в пределах ее возможностей. Нужен был врач... и на борту таковой был.

Нансия вывела кадры с изображением Сева на экран в каюте Альфы. Послышался крик ужаса, затем сдавленный всхлип. Голос Фассы, не Альфы. Нансия осознала, что в спешке передала изображение во все пассажирские каюты. Вот и Дарнелл ругается, что ему не дают досмотреть фильм. Нансия выключила сенсоры в его каюте и переключилась на изображение трех других узников, чтобы видеть их лица, пока она консультируется с Альфой.

— Доктор Герца-Фонг, — официальным тоном заявила Нансия, — мы приняли на борт сбежавшего заключенного с тяжелыми ранениями. Я опасаюсь отравления ганглицидом. Вы можете обеспечить ему медицинскую помощь?

— Это не ганглицид, — уверенно сказала Альфа. — Небольшие ожоги кислотой, вот и все. Но могут быть поражены легкие. По этим кадрам я не могу сказать точно. А судя по расположению этих кровоподтеков, могут быть повреждены почки или другие органы, с наличием внутреннего кровотечения. Транспортируйте его в лазарет. Я проведу осмотр.

Она держалась спокойно, уверенно и действовала быстро; Нансия поневоле восхитилась этими ее качествами. Но можно ли было доверить Альфе здоровье Сева?

Альфа толкнулась в запертую дверь каюты и вновь повернулась к объективу сенсора. Точеное ее лицо выражало хмурое раздражение.

— ФН-935, я не могу поставить диагноз и провести лечение этого человека посредством видеоэкрана! Если тебя так волнует его здоровье, то настоятельно предлагаю тебе открыть дверь и позволить мне заняться своей работой!

Нансия колебалась. Но что еще оставалось делать?

— Позволь мне пойти с ней, — предложил Блэйз.

— И мне. — Большие глаза Фассы были полны слез. Актерская

игра или подлинное отчаяние? Не было времени размышлять над этим.

Нансия инстинктивно доверяла Блэйзу, однако не была уверена, что на него можно полагаться. Он, похоже, склонен был всегда присоединяться к большинству. А если Нансия позволит Фассе и Блэйзу идти с Альфой, то узники окажутся в большинстве — по крайней мере, среди мягкотелых.

Но каковы бы ни были преступления Фассы, Нансия отчего-то сомневалась, что та причинит какой-либо вред Севу Брайли-Соренсену. Только не после тех сцен, которые произошли между ними ранее и свидетелем которых оказалась Нансия. Только не после того, как Фасса провела в депрессии все время пути от Бахати до Шемали, убежденная, что Сев бросил ее и что она больше никогда его не увидит.

— Фасса дель Парма-и-Поло будет сопровождать доктора Герца-Фонг и ассистировать ей, — сообщила Нансия, мысленно молясь, чтобы ее решение оказалось правильным.

Когда две девушки бегом направились по коридору, чтобы встретить Фористера и Микайю с их ношей у лифтов, Нансия медленно приоткрыла нижний грузовой люк на ширину примерно в шесть дюймов. Облаченный в серебристый комбинезон охранник стоял у люка, уже подняв кулак, чтобы постучать. Теперь он опустил руку, однако навел ствол нейробластера в просвет между створками люка.

— Чем я могу вам помочь? — небрежно вопросила Нансия.

— Беспилотник OF-48, вы предоставляете убежище беглому заключенному, — ответил охранник. — Верните его под стражу, или вам будет хуже.

Нансия выдала взрыв ледяного хохота, от которого ее саму пробрала дрожь.

— Пожалуй, уже поздно. Что касается этой кучи лохмотьев, которая просила приюта, — от нее уже избавились должным образом. У вас что, все тут больны капеллианской джунглевой горячкой или альтаирской чумой, не говоря уже о земной чесотке? Вы думаете, мы позволим чему-то подобному ползать по этому славному чистому кораблю?

— Не пытайтесь мне лгать, — предупредил стражник. — Этот корабль находится под наблюдением с самого момента посадки. Заключенный вошел на корабль и не вышел отсюда.

— И никогда уже не выйдет. Вот его одежда — если эти тряпки можно назвать одеждой, — презрительно добавила Нансия. Она раздвинула створки люка еще на десять дюймов — как раз на-

столько, чтобы охранник мог протиснуться внутрь. — А это то, что осталось от вашего беглеца. — Она открыла щель мусоросборника и высыпала содержимое. Жалкая кучка органического пепла, частично сожженная белковая масса и обугленные кости высыпались на поддон. Стражник отступил назад, в каждом движении его сквозил неприкрытый ужас. Нансия жалела, что не видит его лица, скрытого серебристой пермапленкой и частой сеткой дыхательной маски.

— В чем дело? — поинтересовалась она. — Он все равно уже умирал, вы же понимаете.

Охранник, пошатываясь, направился к двери, из-под его маски доносились такие звуки, как будто его тошнило.

— Я думал, де Грас-Вальдхейм — хладнокровная бестия, — выдавил он. — Но вы там, в «Перевозках ОГ», еще хуже.

Последний взрыв леденящего хохота Нансии догнал стражника уже на посадочной площадке.

— Вы не хотите забрать останки? — спросила она в спину удаляющемуся нетвердой походкой охраннику. Но прежде, чем он успел ответить, она захлопнула люк, на тот случай, если он все-таки преодолеет отвращение и вернется за «останками». Не следует отдавать на лабораторное исследование искусственные «кости» и белково-водорослевую «плоть», которые Нансия сперва синтезировала, а потом обуглила в мусоросжигателе.

Глава 15

— Стимнакладку! Медикаменты! — бросила Альфа через плечо. Нансия молча вынвинула из шкафчика с медицинским оборудованием и препаратами все нужное. Тонкие темные пальцы Альфы выхватывали одну ампулу за другой, заряжая накладку сочетанием лекарств. Нансия опознала универсальный нервный стимулятор, средство для регуляции дыхания и как минимум два вида обезболивающего.

— Э... вы уверены, что в таком сочетании это подействует как надо? — извиняющимся тоном спросила она. Альфа была врачом. Но Нансия прошла подготовку по оказанию первой помощи и поддержанию жизненных функций — все это могло от нее потребоваться, пока она не доставит пострадавшего пилота или пассажира в клинику. И инструктор постоянно твердил ей о том, как опасны неожиданные побочные эффекты, которые могут возникнуть при смешивании двух или более лекарств.

— Вам нужен был специалист, — отрезала Альфа, — он у вас есть. Я хочу стабилизировать его состояние, прежде чем заняться поверхностными ранениями и диагностировать повреждения внутренних органов. Это поможет ему дышать и дальше... если он вообще на это способен. У нас нет времени, чтобы тратить его на пустые разговоры.

Фасса дель Парма одним бесшумным движением оказалась между Альфой и бесчувственным телом Сева, лежащим на кушетке, которая по приказу Нансии выдвинулась из стены в тесном корабельном лазарете.

— Если это сочетание безвредно, — сказала Фасса, — то сперва испытай его на мне.

— Не глупи, — фыркнула Альфа. — Ты в два с лишним раза меньше по массе. Если тебе вколоть такую дозу, которую я приготовила для Брайли, ты вырубишься как минимум на пару дней!

— Тогда используй половину накладки, — предложила Фасса. Она стянула с плеча кофточку, открывая нежную белую кожу. — Вот. Я не шевельнусь. Но я хочу знать, как оно действует, прежде чем позволю впрыснуть это... Севу. — Перед тем как произнести имя молодого человека, девушка сглотнула, однако во всем остальном ее выдержка была просто идеальной.

Нансия, которой единственной была доступна роскошь видеть все происходящее с разных точек обзора, заметила, что при звуке голоса Фассы веки Сева, кажется, дрогнули. Но ни одна из девушек это не увидела: они слишком пристально смотрели друг на друга. От двери за ними озабоченно следила Микайя Квестар-Бенн. Стоящий позади нее Фористер оглянулся на один из расположенных в коридоре сенсоров Нансии.

— Не пора вмешаться? — произнес он одними губами.

— Подожди минутку, — прошептала Нансия в ответ едва слышно.

Альфа смотрела на спокойное лицо Фассы, на ее обнаженное плечо, подставленное для укола, и сердито хмурилась.

— Вечно ты влезаешь, куда тебя не просят, — прошипела она наконец. — И ты всегда слишком мягко относилась к мужчинам, разве не так? Ну ладно! — Альфа бросила уже заряженную стим-накладку в направлении мусоросборника; Нансия выдвинула поддон и поймала накладку прежде, чем та успела соскользнуть в зев переработчика отходов. Она хотела провести анализ этой смеси в независимой лаборатории, сразу по прибытии на какую-нибудь цивилизованную планету.

Альфа приготовила вторую стимпакладку, на этот раз зарядив ее обычным стимулятором.

— Это тебе нравится больше? — спросила она в воздух, саркастически приподняв брови.

— Да, спасибо, — одновременно ответили Фасса и Нансия. Однако Фасса продолжала настаивать, чтобы Альфа давала ей контрольную дозу каждого из препаратов, которые та собиралась впрыснуть Севу.

— Дура ты, — пробормотала Альфа, слишком тихо, чтобы это услышала генерал Квестар-Бенш; Нансии и то пришлось увеличить чувствительность сенсоров, чтобы уловить ее слова. Продолжая говорить, Альфа склонилась над Севом и принялась короткими резкими движениями наносить мазь на кислотные ожоги на руках и ногах пациента. — Он был в достаточно плохом состоянии... если бы он так и не проснулся, было бы гораздо меньше улик и против тебя, и против меня. Ты так благодарна ему за то, что он изо всех сил старается засадить тебя в тюрьму?

— Я уже один раз убивала человека, — ответила Фасса. — С меня достаточно. А это что?

— Спрей-антибиотик. Расслабься, — сказала Альфа. — У нас был шанс избавиться от некоторых улик, ты этот шанс упустила, так что теперь слишком поздно. Что тут сделаешь, когда за спиной торчат эта железная генеральша и старикан-пилот? Им только дай повод обвинить меня помимо всего прочего еще и в злоупотреблении врачебной практикой! Я сделаю все, что смогу, чтобы спасти для тебя твоего детектива, а я могу, — добавила она с гордостью, которую у Альфы не могло отнять никакое висящее над нею обвинение, — я могу, дорогая моя Фасса, очень многое!

И она говорила правду. Час спустя Сев уже полусидел, опираясь спиной на подушку, и пил камчай, в который было намешано так много сахара и кальцина, что вкус трудно было распознать. При этом Брайли пространно объяснял Фористеру и Микайе, что именно он обнаружил на Шемали и почему ко времени приземления Нансии на планету оказался в таком отчаянном положении.

— Я сделал несколько ошибок, — неохотно признал Сев. — Проникнуть под видом узника на транспорт, идущий на Шемали, было, как мне кажется, единственным способом явиться на планету незамеченным. И это сработало. Но после этого случилось несколько вещей, на которые я не рассчитывал.

Сев ожидал, что его фальшивое досье «заключенного», гласившее, что осужденный знаком с проектированием метачипов и

компьютерно-сетевыми операциями, даст ему возможность трудиться где-нибудь в административном отделе завода-тюрьмы и там у него будет шанс залезть в записи Полиона и найти то, что нужно. Должность, на которую его назначили, выглядела многообещающей — однако, как только Сев взялся за поиски, все пошло не так, как надо.

— Э... вы так и не сказали, что именно вы искали на Шемали, — вежливо намекнул Фористер.

Сев отпил большой глоток приторного камчая, закашлялся, хватая ртом воздух, и откинулся на подушку с утомленным видом.

— Неважно. Важно то, что здесь происходит гораздо больше, чем можно предположить, глядя извне. Не все смог узнать... но достаточно...

Вся компьютерная система Полиона была уставлена кодовыми ловушками и сигналами тревоги; в первый же раз, когда Сев попытался получить доступ к закрытым данным, Полион и его подручные насторожились и поймали Брайли с поличным прежде, чем он смог скачать хотя бы немного совершенно безобидных записей. После этого Сев показал им свое удостоверение, выданное Центром, и объяснил, что он ведет следствие, не имеющее никакого отношения к Полиону или Шемали.

— Они мне не поверили, — вздохнул молодой детектив. — Хотя на самом деле это было правдой.

— Так что вы там все-таки делали? — не отставала Микайя Квестар-Бенн.

— Потом. — Сев продолжил свой рассказ. Подручные Полиона избили его, раздели, обнаружили и обезвредили тонкую полоску-передатчик, которую Сев намеревался использовать как сигнальный маяк для Нансии в том случае, если попалет в неприятности. — Эта штука, если ее повредить, должна была начать подавать сигнал бедствия на всех частотах, в том числе и через Сеть, — жалобным тоном заявил Сев. — Так что сначала я не очень беспокоился. Но когда прошло два дня, а вы не появились, я понял, что придется выбираться самому.

— Де Грас-Вальдхейм, должно быть, знает, как обезвреживать такие маячки, — кивнул Фористер.

— Что резонно, — указала Нансия через динамик. — Он ведь их и изобрел. По сути дела, это одноцелевые гиперчипы, а Полион знает о гиперчипах больше, чем кто-либо в галактике.

Следующим открытием Сева стал тот факт, что Полион увеличил производство новых гиперчипов за счет игнорирования всех мер безопасности. Будучи послан в цех по травлению гиперчи-

пов, где срок жизни заключенного — среди клубов нервно-паралитического газа и кислотных испарений — измеряется скорее днями, нежели годами, Сев понял, что должен вырваться на свободу. И он осуществил это намерение, как только увидел садящийся на Шемали корабль — в особенности после того, как опознал стремительные обводы корпуса Нансии под маскировочной раскраской — коричневыми логотипами и лиловыми полосами «Перевозок ОГ». Побег не был слишком трудным делом: все остальные узники были так затерроризированы, что не могли даже подумать о такой возможности, а охранники обленились, стали беспечными и не имели желания соваться в травильный цех.

— И кроме того, — с ухмылкой добавил Фористер, — никто не ожидал, что беглый узник бросится искать помощи на беспилотном корабле «Перевозок ОГ». Нансия, твоя раскраска великолепно нам послужила. Но, я полагаю, ты не захочешь сохранить ее после того, как все это закончится?

— Естественно, нет! — отозвалась Нансия. — И вообще она больше не понадобится. Когда мы закончим нашу миссию в системе Ньота, никаких «Перевозок ОГ» больше не будет. Но... что нам делать теперь?

История Сева вскрыла достаточно нарушений закона, чтобы Полиона можно было с полным правом арестовать дважды. Однако это были лишь показания одного человека, не подтвержденные никакими записями или компьютерными данными. Если взять Полиона под стражу сейчас, не заручившись никакими твердыми уликами, то к тому времени, как они вернутся — Сев был в этом уверен, — на Шемали не останется никаких свидетельств преступления.

— Невозможно, — с чувством сказал Фористер. Сев устало кивнул.

— Ну. Я не говорю об экологии планеты. Но вы можете быть уверены, что в заводских цехах не останется ничего, к чему могла бы придраться комиссия. Это будут чистенькие сборочные конвейеры со всеми положенными по технике безопасности средствами.

— А заключенные, которые уже пострадали от воздействия кислот или газов?

— Я не думаю, — угрюмо промолвил Сев, — что к тому времени кто-то из них еще будет иметь возможность давать показания.

— Тогда мы должны явиться туда прямо сейчас и собрать улики, — предложил Фористер.

Сев покачал головой:

— Не получится. Он умный — для важных персон предоставляется специальный тур, подальше от опасных производственных линий и изуродованных узников. В основном по вторичным производствам на другой стороне планеты. Я знаю, как найти один из самых худших цехов. Я там был. Но без меня он будет водить вас с одного конца центральной тюремной фабрики до другого, и вы ничего не увидите, и каждый раз, когда будете пытаться свернуть в сторону, у вас на пути окажется полдюжины охранников. Я должен идти с вами. — Он попытался приподняться, но закашлялся и снова рухнул на подушки.

— Ты не можешь! — воскликнула Фасса.

— Может, если должен, — возразила Микайя Квестар-Бенн. — Долг превыше всего. — Она и Сев кивнули друг другу. — Вы обе, — генерал указала кивком на Фассу и Альфу, — возвращайтесь в свои каюты. Вам здесь больше нечего делать — не следовало позволять вам слышать и это.

— Подождите! — вскрикнула Фасса, когда Фористер взял ее за руку. — Должен быть и другой способ. Разве вы не понимаете, что, взяв Сева с собой, вы ничего не добьетесь? Даже если бы он не был в таком состоянии, но, увидев его, Полион сразу поймет, что что-то тут не так. Никто из вас — никто из нас не выйдет оттуда живым.

— Не надо так, — мягко ответил Фористер. — Твой приятель не может быть настолько опасен.

Лицо Фассы застыло.

— Если не верите мне, спросите у других. Альфа?

Альфа бинт Герца-Фонг неохотно кивнула.

Фасса подняла глаза на сенсоры.

— Нансия, ты можешь соединить нас с Блэйзом и Дарнеллом? Всего на минутку.

Оба молодых человека согласились с точкой зрения Фассы касательно данной ситуации.

— Тогда что мы можем сделать? — спросил Фористер. — Проклятье, я не собираюсь, поджав хвост, удирать с планеты от страха перед испорченным сынком из Высшей Семьи только потому, что тот заполучил в руки какие-то опасные игрушки!

— Я думаю, — медленно сказала Фасса, — что вам нужно попытаться использовать меня. — Лицо ее было бледным. — Отведите Альфу обратно в ее каюту, и я объясню, что мы можем сделать — по крайней мере, я думаю, что можем. — Она бросила извиняющийся взгляд на Альфу.

— Предательница! Когда Полион узнает...

Фасса сжала губы. Сейчас она не была милой куколкой, как обычно. Но она была почти прекрасна холодной и отстраненной красотой.

— Я должна попытаться хоть что-то сделать, верно?

— Лучше ты, чем я, — ответила Альфа и повернулась, чтобы уйти. — Ну ладно. Заприте меня. Я даже не хочу слышать про этот план. Может быть, если меня не будет здесь во время обсуждения, Полион не будет винить меня в том, что я его предала. — Однако особой надежды на это в ее голосе не было.

Когда Фасса объяснила свой план, наступило короткое молчание: Фористер, Нансия и Микайя обдумывали слова девушки.

— Ты думаешь, он попадется на эту удочку? — спросил Фористер.

— Он считает Нансию бесчилотником ОГ, — указала Фасса. — И полагает, что пассажиры корабля кремировали Сева за то, что тот был досадной помехой. Если бы он не проглотил эту историю, то, поверьте, сейчас у нас уже были бы неприятности. — Она вымученно улыбнулась. — Убийство и корабль «Перевозок ОГ» — какие еще верительные грамоты нужны? И к тому же у вас буду я, чтобы представить вас...

— Я тебе не позволю! — хриплым голосом прервал ее Сев.

— Фасса останется на борту Нансии, — вмешалась Микайя. — По понятным причинам. — Она посмотрела на девушку. — Пока ты на корабле, мы сможем следить за тем, что ты скажешь. И, я думаю, тебе следует надеть вот это. — Генерал наклонилась, проделала что-то с протезом левой ноги и извлекла оттуда два отрезка блестящей, тонкой, как нить, проволоки. — Вытяни руки.

Фасса повиновалась, и Микайя обмотала запястья девушки проволочками. Когда она скрутила концы, проволочки словно съежились и стали практически невидимыми.

— Кандал-поле? Это действительно необходимо?

Микайя кивнула.

— Мера безопасности, ничего больше. Поле не будет активировано, если мы не попадем на Шемали в неприятности. Понятно, Нансия?

— Принято.

Микайя коснулась своей синтетической руки.

— Здесь у меня встроенный генератор кандал-поля, — сказала она Фористеру. — Может пригодиться нам на Шемали. Хочешь проволоку?

Фористер взял у нее горсть блестящих проволочек и с сомнением посмотрел на них.

— Я предпочитаю решать проблемы более элегантным способом.

— Я тоже. — Микайя расправила темно-зеленую штанину форменных брюк, снова скрывая протез. — Однако это не всегда возможно. Все говорят мне, что будут ужасные политические последствия, если хоть волос упадет с головы этого отродья Высших Семей. Так что... — Она снова провела ладонью по протезу и выпрямилась. — Я припрятала игольник. Согласна с тобой, взять его сразу было бы проще, но ты настаиваешь, чтобы все было сделано по учебнику...

— Это не совсем то, что я подразумевал под элегантным решением, — возразил Фористер.

Микайя посмотрела на него, и на ее мрачном лице появился намек на усмешку.

— Я знаю. Однако обычно это наиболее «элегантный» способ. Если оставить мелкого тирана развиваться и дальше, он вырастает в крупного тирана. И тогда получается капеллианская заваруха или что-то вроде того. Войны, — заметила она, — вещь совершенно неэлегантная. — Она кивнула Фассе, словно бы извиняясь. — Пойми, я не обвиняю тебя в измене, просто не пытайся ничего предпринять. Хочу тебя предупредить...

— Что если я подам Полиону какой-нибудь тайный знак, мне это принесет больше вреда, чем пользы, — спокойно завершила фразу Фасса. — Вы мне не верите. Это нормально. Я бы тоже не поверила.

Теперь даже губы ее были белыми, а руки дрожали, однако она без колебаний двинулась к выходу из лазарета.

Нансия видела, что Сев беспокоится за Фассу, но сейчас настолько не в форме, что даже попытка встать и пойти вместе со всеми может причинить его здоровью тяжкий ущерб. Поэтому она переключила экраны, чтобы дать ему возможность видеть и слышать все, что происходит в рубке.

Нансия запустила последовательность сигналов, открывающую канал связи с властями планеты. Фасса все еще была бледна, однако всю церемонию представления провела с идеальным спокойствием и сдержанностью. Фористер и Микайя были представлены Полиону как Форрестер Перес и Квалия Бентон, пара потенциальных покупателей гиперчипов, желающих вложить деньги в эту операцию. Фасса тонко намекнула, что «Квалия Бентон» на самом деле высокопоставленный генерал с Центральных Миров, и Микайя шагнула было вперед, чтобы остановить ее. Фористер положил руку на плечо Микайи.

— Доверься юной леди, Мик, — пробормотал он. — У нее... э-э... больше опыта в такого сорта делах, чем у тебя или у меня.

И это сработало. Полион не насторожился при виде военной выправки Микайи, и само ее присутствие рядом с Фассой на корабле «Перевозок ОГ» он воспринял как признаки того, что эта женщина настолько же коррумпирована, как сам Полион и его друзья. И он явно был рад тому, что ему удалось завязать такие контакты. Через несколько минут он отдал распоряжение встретить «друзей» Фассы и устроить им тур по новейшему заводу гиперчипов.

— Я не знаю почему, но Полион всегда стремился, чтобы армии было продано как можно больше гиперчипов, — сказала Фасса остальным после того, как сеанс связи был завершен. — И это не из-за денег: однажды он предложил Академии партию по сниженным ценам, но Совет по распределению не одобрил этого. Я знала, что ваше звание, Микайя, будет для него дополнительной приманкой. Проникнуть в систему поставок для армии с черного хода — заветная мечта Полиона.

— Полагаю, он хочет произвести впечатление на своих бывших учителей и однокашников, удостоверившись, что все они пользуются его изобретением, — подумал вслух Фористер.

Нансия была сбита с толку.

— Но ведь он не думает, что, продавая гиперчипы на черном рынке, добьется высокого статуса в глазах персонала и выпускников Академии?

Все трое мягкотелых вежливо рассмеялись, и Нансия услышала слабый смешок, донесшийся по сенсорной связи из лазарета, где отдыхал Сев.

— Как-нибудь поинтересуйся источниками состояния всех Высших Семей, Нансия, — посоветовал ей Брайли. — Деньги бесследно смывают любой позор — и куда быстрее, чем ты можешь вообразить.

— Только не для Академии, — возразила Нансия. — И не для Дома Перес-и-де Грас.

Нансия до последней минуты хлопотала вокруг Фористера и Микайи, снабжая их комм-клипсами, «жучками» и всяким другим оборудованием удаленной защиты, которое только приходило ей на ум.

— Я не знаю, какой в этом прок, — пожаловался Фористер. — Де Грас-Вальдхейм отключил «жучок» Сева, и никого это по тревоге не подняло, не так ли?

— Но я тогда не наблюдала за Севом, — указала Нансия.

Ей следовало запереть Фассу в каюте прежде, чем Фористер и Микайя уйдут с корабля. Но ей не хватило решимости.

— Кто-то ведь должен оставаться с Севом! — умоляла Фасса.

— А, пусть девочка с ним остается, — неожиданно вступился Фористер. — В любом случае она немногого стоит в качестве заложницы. Если даже половина того, что Сев рассказал нам о заводе гиперчипов, правда, то на совести Полиона де Грас-Вальдхейма уже столько смертей, что он пожертвует целым кораблем своих бывших приятелей, даже в лице не переменившись.

Фасса кивнула:

— Да, это так. Только я бы не сказала, что он не переменится в лице. Улыбнется от радости — это скорее похоже на правду.

— Почему же раньше никто из вас ничего не сказал нам о Полионе? — спросила Нансия. — Вы все что-то выбалтывали, указывали пальцем друг на друга, пытались торговаться за свою участь, но ни словом не предупредили нас о Полионе.

— Мы боялись, — горько ответила Фасса.

— Ты так боялась, что отпустила Сева на Шемали без единого предостережения? Если бы я только могла предположить что-то подобное, я ни за что не позволила бы ему лететь без наблюдения.

— Я не знала, что Сев летит на Шемали, — защищалась Фасса. — Никто мне ничего не сказал. Я даже не знала, что его не было на борту, когда мы покинули Бахати. Я знала только, что он не пришел повидать меня снова, и я думала... думала... и была права. Зачем ему волноваться о такой, как я? — Глаза ее наполнились слезами, и Нансия решила, что эти слезы уж точно были искренними.

— Фасса дель Парма, ты полная идиотка! — слабый, хриплый голос Сева заставил всех вздрогнуть; Нансия совсем забыла, что оставила включенной связь между рубкой и лазаретом. — Иди сюда, будешь держать меня за руку и утирать мне пот со лба. Я, в конце концов, ранен и нуждаюсь в заботе и внимании.

— Вызови Альфу. Она врач, — всхлипнула Фасса.

— Мне нужна ты. Так ты идешь или мне подняться и самому привести тебя?

Фасса выбежала из рубки. Нансия смотрела, довольная, как девушка ворвалась в медотсек. В этот момент Нансия чувствовала лишь некоторую неловкость за то, что подсматривает. Разве Сев не дал ей строгие указания держать все сенсоры включенными, когда он находится наедине с Фассой дель Парма?

Эти двое были слишком заняты друг другом, чтобы от Фассы

могла исходить какая-либо угроза. И все-таки Нансия не выключала сенсоры, одновременно сосредоточив бо́льшую часть внимания на информации, получаемой с комм-клипс Фористера и Микайи. Полион не терял времени даром: он встретил их на посадочной площадке во флайере. Машина немедленно взлетела и направилась к новейшему заводу по производству гиперчипов, уродливому безликому зданию, расположенному в небольшой долине. Когда-то, вероятно, эта местность была довольно красива: до того, как строительные бригады Полиона взрыли землю, а отходы, извергаемые заводом, убили всю растительность. Теперь здание стояло на покатом холме, окруженном стоячей, мертвой водой и торчащими, обломанными стволами мертвых деревьев. Нансия ощутила, как ее сенсоры сжались от отвращения при этом зрелище.

— Генерал, вы сможете вести этот флайер? — пробормотала она в комм-клипсу.

— Рада видеть, что у вас такое современное оборудование, де Грас, — вслух произнесла Микайя. — Я не так давно была испытателем прототипа этого флайера, однако понятия не имела, что эта модель уже поступила в широкую продажу.

Хорошо. Микайя сможет доставить их троих обратно. Пока Полион вел флайер на посадку и показывал Микайе и Фористеру дорогу в заводское помещение, Нансия прислушалась к разговору Сева и Фассы.

— Ты слишком много думаешь, — спокойно сказал Сев девушке. — Я имел в виду именно то, что сказал тебе тогда, и от своих слов не отказываюсь. Глупая, я ведь полетел на Шемали ради тебя!

— Ради меня? — переспросила Фасса с таким выражением, словно вообще ни о чем не думала.

Сев кивнул.

— Я каждую ночь бродил по коридорам Нансии, пытаясь придумать, как тебя спасти, и потом Дарнелл дал мне ключ. Он сказал, что ты подрядилась построить завод по производству гиперчипов для Полиона, а потом, когда первоначально возведенное здание рухнуло, ты построила его заново бесплатно. Я подумал, что, если смогу доказать это, твой адвокат сможет заявить, что ты никогда не выполняла некачественные работы преднамеренно — что все проблемы с построенными тобой зданиями были лишь результатом некомпетентности: юную девушку послали управлять бизнесом, с которым она незнакома. И он смог бы доказать это, продемонстрировав, как ты по своей воле исправила причи-

ненный ущерб, когда эта проблема оказалась доведена до твоего сведения.

Фасса улыбнулась сквозь слезы.

— Это прекрасный, замечательный аргумент, Сев. К сожалению, в нем нет ни слова правды. Я чрезвычайно компетентный подрядчик... или, точнее, была таковым. — Она фыркнула. — Чертов папа. Он случайно послал *меня управлять* бизнесом, к которому у меня действительно есть талант.

— Но если это обстоит именно так, — мягко произнес Сев, — то почему бы тебе, черт возьми, просто не быть хорошим подрядчиком, вместо того чтобы разгуливать в платьях, которые то и дело спалают у тебя с плеч и сводят с ума пожилых мужчин?

Лицо Фассы окаменело.

— Спроси моего отца.

Она пыталась отвернуться, но Сев схватил ее за обе руки.

— Я заподозрил кое-что некоторое время назад. И... просмотрел старые новостные ленты. Именно поэтому твоя мать покончила с собой?

Фасса кивнула. Слезы неудержимо струились по ее лицу.

— Ну что ж. Теперь ты не захочешь иметь со мной ничего общего. Я понимаю. Я не... я не... это был не только папа, знаешь ли. Еще и все те, другие мужчины... — Она старалась подавить рыдания.

Для человека, который несколько часов назад был на грани жизни и смерти, Сев проявлял удивительную способность к восстановлению. Нансию впечатлило, с какой силой он привлек к себе Фассу и обнял ее, несмотря на все сопротивление девушки.

— Ты, — твердо заявил он, — та женщина, которую я люблю, и ничто из того, что случилось до сегодняшнего дня, не имеет для меня ни малейшего значения.

Он на миг умолк, и Нансия выключила свои визуальные сенсоры. Она не думала, что меры безопасности действительно требуют того, чтобы наблюдать, как Сев Брайли-Соренсен целует Фассу дель Парма с отчаянной жаждой человека, задыхавшегося в вакууме и вдруг получившего доступ к баллону с кислородом.

На Шемали Микайя Квестар-Бенн наконец-то убедила Полиона прервать показательный VIP-тур по заводу. Она сказала, будто не верит, что Полион может произвести достаточно гиперчипов, чтобы удовлетворить ее запросы и, более того, расширить производственные мощности достаточно быстро для этого. На

то, чтобы не нарушать требования, выдвигаемые Торговой Комиссией, уходит слишком много времени.

Полион хмыкнул и предложил Торговой Комиссии коллективно сделать нечто, анатомически невозможное для отдельного индивидуума. А если генерал желает посмотреть, как быстро на заводе производятся гиперчипы, она и ее друг могут прямо сейчас пройтись вместе с ним, Полионом, и посмотреть. Только нужно надеть защитные костюмы, добавил де Грас-Вальдхейм, сам влезая в серебристый костюм.

Пока Микайя и Фористер надевали предоставляемые для гостей комбинезоны, Микайя невинно отметила, что стоимость защитного облачения для всех работающих на конвейере узников должна быть немалой и что лично она не видит, каким образом можно поддерживать точность, необходимую для процесса сборки, при работе в неуклюжих перчатках скафандра.

Полион усмехнулся и согласился, что трудности это доставляет огромные.

На борту Сев и Фасса снова разговаривали. Нансия с некоторой осторожностью прислушивалась к их разговору, однако в нем не было ничего, способного привлечь ее внимание. Фасса была угрюма из-за перспективы провести долгие годы в заключении. Сева это тоже не очень радовало, но он заверил Фассу, что дождется ее.

— Если только они не решат стереть мне личность, — возразила Фасса. — Не думаю, что они способны отпустить убийцу на свободу.

— Фасса, но ты не убийца. Калеб не умер.

Фасса вздрогнула всем стройным телом и замерла.

— Не умер?

— Да, ты правильно сказала: никто тебе ничего не говорил, — согласился Сев. — Он не умер. И даже не очень серьезно пострадал: когда я покидал Бахати, он находился на лечении по поводу повреждений, причиненных нервной системе.

— Последние сведения из Саммерлендской клиники гласят, что нервные функции должны довольно скоро полностью восстановиться и что он, вероятно, сможет вернуться к своим обязанностям «тела» через несколько недель, — подтвердила Нансия.

Сев и Фасса отпрянули друг от друга и вскинули глаза на динамик.

— Нансия! — воскликнул Сев. — Я не знал, что ты слушаешь.

— Ты сам дал мне такой приказ, — напомнила Нансия.

— Ох. Верно. — Сев задумался. — Могу ли я отменить этот приказ? И послушаешься ли ты меня в этом случае?

— Я на самом деле не должна этого делать.

— Запри нас обоих внутри. — предложил Сев. — Мне все равно. Но, прошу тебя, нельзя ли сейчас оставить нас? Это путешествие до Центральных — скорее всего, единственный мой шанс побыть наедине с моей девушкой еще на долгое-долгое время.

У Фассы был необычайно счастливый вид для того, кому предстоит суд и суровый приговор. Нансия выключила сенсоры в лазарете.

На Шемали ей тоже нечего особо было наблюдать. Микайя и Фористер не стали ждать, пока им устроят полный тур по конвейеру сборки гиперчипов; несколько кадров с заключенными, работающими без всякой защиты с едкими кислотами, в помещениях, наполненных ядовитым газом, были уликами, необходимыми для подтверждения детальных свидетельских показаний Сева. Записи смотрелись особенно чудовищно в сопровождении мягкого, вежливого голоса Полиона, объясняющего, каким образом он ускорил и удешевил производство, обрекая тем самым узников, находящихся на его попечении, на медленную и мучительную смерть от производственного отравления. К тому времени, как Нансия просмотрела эти изображения, Микайя уже закрутила кандал-проволоки вокруг запястий, лодыжек и даже шеи Полиона. Активировав поле, связывающее лодыжки, она зачитала ему официальную формулу ареста.

— Вы не можете это сделать! — запротестовал Полион. — Вы знаете, кто я? Я де Грас-Вальдхейм! И у меня есть разрешение губернатора Ляути на все, что я здесь сделал.

— Мой «мозговой» корабль уже затребовал санкции на проведение теста на наркотики в отношении губернатора Ляути и всего прочего гражданского персонала, — ответил ему Фористер. — Едва услышав, как разговаривает ваш диспетчер космопорта, я заподозрил применение «блажена». Что вы сделали: превратили в наркомана любого, кто способен на вас донести?

— Вы не можете арестовать меня, — повторил Полион, как будто не понял ни слова.

Микайя Квестар-Бенн улыбнулась. Эта улыбка могла бы заморозить сталь до стеклянной хрупкости.

— Хочешь побиться об заклад, сынок? Иди впереди меня. Медленно. Не хочу, чтобы при попытке к бегству кандал-поле

отрезало тебе обе ступни: это слишком быстрая и легкая смерть для такого, как ты.

И когда Полион снова открыл рот, генерал активировала расширенное кандал-поле от пластого на шею проводника, чтобы не дать арестованному размахивать языком и дальше.

Когда они выходили из цеха, вслед им неслся хриплый, захлебывающийся смех узников.

Глава 16

К вящему потрясению и изумлению Полиона, старуха-киборг и ее напарник действительно сумели убедить губернатора Ляути, что наделены правом арестовать и депортировать де Грас-Вальдхэйма. Термин «убедить», вероятно, был слишком сильным. С горестным удивлением Полион понял, что попал в собственную ловушку. Губернатор, как и все гражданские служащие, оставшиеся на Шемали, постоянно получал дозу разработанного Альфой бинт Герна-Фонг седуктрона. Поскольку Ляути занимался совершенно несущественной работой, Полион держал его на такой высокой дозе, что губернатор мог только дружески кивать и соглашаться со всеми, кто бы с ним ни говорил.

Должно быть, кто-то это вычислил и придумал, как использовать против самого Полиона. Рот де Грас-Вальдхэйма был заткнут кандал-полем, и Полион мог только смотреть и слушать, пока эта Микайя Квестар-Бенн и ее напарник изрекали официальные словеса, потрясали своими фальшивыми — они просто не могли быть не фальшивыми! — верительными грамотами и вели его обратно к флайеру. К тому самому флайеру, на котором он привез их сюда из космопорта.

Они заботливо убрали поле от его рта, как только флайер поднялся в воздух. Полион хранил гордое молчание во время всего короткого пути обратно в космопорт, однако его мозг работал в бешеном темпе. Полион отказывался признать, что его «арест» был настоящим. У настоящих агентов Центра есть свой транспорт, они не станут летать на попутном корабле от «Перевозок ОГ» или просить эту мелкую лживую шлюшку Фассу дель Парма выступать как посреднику. Должно быть, это какой-то трюк, измышленный Дарнеллом и Фассой для того, чтобы взять контроль над производством гиперчипов. Полион не намеревался доставлять им или их дружкам радость наблюдать, как он сопротивляется и протестует. Позднее, когда он раскроет их игру, он сможет

заставить их поползать в пыли. Дарнелла будет легко сломать, но Фасса... Полион неприятно улыбнулся, подумав о том, как именно он будет выбивать из нее гордость. Он еще никогда не угрожал Фассе физически. Может быть, пора начать.

Затем, когда флайер мягко приземлился на посадочную площадку, Полион моргнул, на момент узрев силуэт корабля на светлом фоне неба. Одни только гладкие линии и обтекаемые контуры, без вводящих в заблуждение логотипов и раскраски «ОГ», и Полион понял, что такой же в точности корабль он видел раньше.

— Курьерская служба, — простонал он и впервые начал верить, что действительно арестован.

— Хоть до одного дошло, — отозвался невысокий молчаливый мужчина, сопровождавший генерала Квестар-Бенн, и протянул Полиону руку, чтобы помочь ему выйти из флайера. — Пора и мне представиться. Фористер Амонтильядо-и-Мэдок, «тело» ФН-935.

— Ты — «тело», старина? — фыркнул Полион. — Я в это поверю только тогда, когда увижу! — Он отказался от помощи и выпрыгнул из флайера самостоятельно: ноги вместе, руки стянуты впереди, но тем не менее прыжок вышел спортивно-изящный. Несмотря на кандал-поле, Полион не потерял ни своей силы, ни естественного чувства равновесия.

— Вам не придется ждать долго, — спокойно ответил Фористер. — Я представлю вас моему «мозговому» кораблю, как только мы окажемся на борту.

Полион хранил угрюмое молчание, пока его конвоировали в корабельный лифт, доставляли вверх на жилой уровень и вдоль по коридору мрачно-лиловой раскраски в ту каюту, где ему предстояло пребывать в заключении. Оказавшись там, Полион привалился к стене и стал ждать. «Тело» Фористер и киборг Микайя вышли, оставив его запястья и лодыжки по-прежнему связанными.

— Подождите! — крикнул Полион. — Разве вы не собираетесь...

Диафрагма двери, несколько раз щелкнув, сомкнулась за ними, а момент спустя из динамиков над головой зазвучал приятный женский голос.

— Добро пожаловать на борт ФН-935, — сказала эта... это. — Я Нансия, «мозговой» корабль этого тандема. Ваш арест произведен законно по Центральному Кодексу... — И она зачитала параграфы и ссылки на прецеденты, ничего не означающие для Полиона. — Будучи заключенным, ожидающим суда за тяжкие

преступления, вы можете быть по полному праву связаны кандал-полем на протяжении всего путешествия, которое продлится примерно две недели. Генерал Квестар-Бенн передала функции контроля над кандал-полем на мой компьютер. Если вы дадите слово не причинять вреда ни мне, ни вашим спутникам, я сейчас отключу поле и предоставлю вам свободу в пределах вашей каюты.

Полион окинул взглядом тесное помещение и сардонически рассмеялся.

– Даю тебе слово, – произнес он. Слова ныне дешевы.

Как только он договорил, электромагнитное поле прекратило свою вибрацию. Запястья и лодыжки покалывало от возвращающейся чувствительности; неприятное ощущение, но намного, намного лучше, чем сидеть со связанными руками и ногами на протяжении двух недель.

«Мозговой» корабль блеял какие-то угрозы насчет усыпляющего газа и других мер ограничения, которые будут применены, если заключенный доставит неприятности, но Полион даже не давал себе труда слушать. Ему слишком многое нужно было обдумать. И кроме того, он не намеревался делать ничего, что могло бы увидеть корабль. Он не настолько туп.

Ненавязчиво, якобы разминая запястья для восстановления полной подвижности, Полион коснулся нагрудного кармана и ощутил успокаивающую выпуклость именно там, где она и должна была быть: там он всегда носил мини-кристалл с последней тестовой версией своей управляющей программы. «Я умница, — подумал Полион. — Слишком умен, чтобы эта парочка смогла удержать меня под замком».

О да, он доставит неприятности и этому лезущему не в свое дело кораблю, и его престарелому пилоту, сразу же, как только получит шанс. Но эти неприятности они не смогут предвидеть и абсолютно ничего не смогут с этим поделать, как только Полион начнет действовать. Будь они прокляты! Ему не хватило еще двух или трех лет, чтобы устроить все окончательно. Какова будет цена за то, что ему придется пустить планы в ход настолько раньше намеченного срока?

Невозможно подсчитать; придется просто действовать, а убытки считать потом. Но чего бы это ни стоило, это будет не настолько плохо, как покорно явиться на Центральные, чтобы подвергнуться суду и тюремному заключению. Риск был всегда, успокоил себя Полион. Он всегда понимал, что в один далеко не прекрасный день кто-нибудь сможет вычислить эту хохму насчет

гиперчипов, и тогда ему придется сделать первый ход раньше, чем ожидалось.

По крайней мере, сейчас, даже если его вынуждают сделать первый ход, вынуждают люди, не знающие совершенно ничего и даже не предполагающие, что он может нанести ответный удар. На его стороне будет преимущество неожиданности.

Если бы у него только было время, чтобы провести финальную фазу! Тогда он мог бы начать прямо сейчас, сказав кодовое слово. Но на данном этапе ему, прежде чем начать действовать, нужно опустить мини-кристалл в приемное отверстие считывателя.

В этой каюте не было приемника считывателя; и, предположительно, Полиону придется просидеть здесь всю дорогу до Центра. А если он попытается вырваться из каюты, проклятый корабль станавит его посредством усыпляющего газа или кандал-поля прежде, чем он успеет добраться до любого места, где имеется считыватель.

Полион на миг оскалился. Он любил трудности. У него по-прежнему оставался голос, разум, обаяние и сенсорный контакт с «мозговым» кораблем и его пилотом. И при помощи этих орудий Полион сумеет прорыть незримый туннель на свободу, произнося каждое слово и каждую просьбу так же тщательно и умелно, как шахтер устанавливает крепления в шахте с ненадежной кровлей.

В течение долгих утомительных часов, потребовавшихся для того, чтобы достичь точки сингулярности, делать было почти нечего — только читать или играть. Фористер и Микайя начали очередную партию игры в трехмерные шахматы; Нансия послушно создала для них голокуб и вела запись ходов, однако предупредила, что часть игровых данных может быть утеряна, если во время прохождения сингулярности потребуется обратиться к этой конкретной области сопроцессора.

— Все нормально, — рассеянно отозвался Фористер. — В свое время мне и Мик приходилось прерывать игру из-за множества разных причин. Но тогда тебя не было у меня в напарниках.

— Не думаю, что смогу быть особо полезна, — с искренним сожалением ответила Нансия. — Мне кажется, я должна наблюдать за нашими пассажирами. Вы ведь понимаете, они пользуются достаточно большой свободой.

Микайя фыркнула.

— Свободой! Они свободны перемещаться в границах своей

каюты каждый, вот и все. Признаться, я не предоставила бы им и такой поблажки, но...

— Именно поэтому, — сказал ей Фористер, — у тебя все время возникают политические проблемы. Ты не даешь Высшим Семьям никаких поблажек, а они на это обижаются.

— А не должны, — возразила Микайя. — Я одна из них.

— Это не помогает, — почти с сожалением промолвил Фористер. — Как бы то ни было, Мик, тебя серьезно волнует возможность мятежа на корабле?

— Со стороны этих испорченных отродий? — хмыкнула Микайя. — Ха! Даже этот мальчишка де Грас, которого все остальные так боялись, взошел на борт покорно, как ягненочек. Нет, ни у кого из них не хватит ума — за исключением, быть может, твоего Блэйза — или силы духа попытаться что-нибудь сделать теперь, когда мы лишили их особых возможностей.

— Блэйз и не стал бы ничего делать, — резко произнес Фористер. — Он хороший мальчик.

Микайя похлопала Фористера по плечу.

— Знаю, знаю. Ты меня убедил. Но он обманывал ПТП и воровал у нее припасы. И, что с моей точки зрения еще хуже, никому ничего не рассказал об остальных. Так что ему, скорее, предстоит ответить за то, что он скрыл деяния всех остальных — именно те, которые их и привели в конечном итоге на скамью подсудимых.

— Я понимаю, — мрачно кивнул Фористер.

Сев Брайди-Соренсен поднялся из кресла, разминая ноги.

— Наверное, пойду поработаю немного, — заявил он, ни к кому особо не обращаясь.

— Глядя на физиономию этого парня, можно подумать, что это его везут на суд, — прокомментировала Микайя, глядя вслед Севу; тот удалялся по коридору к тренажерному залу.

— Не очень-то весело, — мягко ответил Фористер, — быть влюбленным в девушку, которой ближайшие пятьдесят стандартных лет, вероятно, предстоит провести в тюрьме или ссылке. И ему практически нечем отвлечься от этих мыслей. Он не играет в трехмерные шахматы.

— Недостаточно умен для этого, ты имеешь в виду. Это верно, — с оттенком самодовольства произнесла Микайя. — И слишком умен для этой тупой игрушки, которой развлекаются наши заключенные. Так что ему почти ничего не остается, ты прав.

— Тебе действительно нужно постоянно наблюдать за узниками, Нанеия? — Фористер смотрел на титановый пилон с улыб-

кой, от которой даже самая прочная решимость Нансии начинала подтаивать. — Они вряд ли способны вытворить какую-нибудь пакость, пока заняты этой идиотской игрой. А если ты считаешь, что будет нечестно по отношению к Микайе сотрудничать со мной... мы можем сыграть в трехстороннюю игру?

Для создания такого игрового расклада Нансии пришлось сосредоточиться несколько сильнее, однако после нескольких секунд интенсивной работы процессора голокуб замерцал, исказился, заплясал вокруг своего центрального ядра и преобразился в голографический додекаэдр, с тремя отдельными наборами фигур, выстроенных тремя рядами каждый на противостоящих друг другу сторонах фигуры.

В своей каюте Полион де Грас-Вальдхейм перестал прислушиваться к разговору в рубке и вновь присоединился к игре в «Разбросанных», которая в данный момент помогала его товарищам забыть о своих несчастьях. Убедить Нансию включить комм-систему, так чтобы все пятеро узников могли играть, не выходя из кают, и было первым ходом Полиона. Теперь он, по крайней мере, мог разговаривать с остальными. Однако не осмеливался произнести ничего помимо описания стандартных игровых ходов, пока Нансия внимательно наблюдала за всеми пятерыми.

Панорамный экран показывал, что три игровых персонажа ухитрились заблудиться в тролльих туннелях. Собственная игровая иконка Полиона все еще находилась у входа в туннели, ожидая команды двигаться.

— Я знаю, как выбраться из этих туннелей, — сказал Полион.

— Как? Я проверила все выходы, которые показывала нам система. Они все блокированы, — пожаловалась Альфа.

— Есть тайный ключ, — сообщил ей Полион. — Он у меня. Но отсюда я не могу добраться до дверки, которую он открывает.

— Я никогда не слышал ни о каком тайном ключе, — заявил Дарнелл. — Я думаю, ты блефуешь. — Его персонаж сердито топал обратно по одному из тролльих туннелей, по дороге плюясь искрами.

— А ты и не должен, — беспечно возразил Полион. — Я ведь в игре мастер. Тайный ключ может одолеть даже твой персонаж, Фасса.

На эту игру Фасса выбрала в качестве игровой иконки «мозговой» корабль.

— Я не понимаю, как, — отозвалась Фасса. — Покажешь?

— Я ведь уже говорил. Я не могу попасть туда, откуда его можно использовать. Если кто-нибудь из вас выведет меня из этого тупика...

— Ты и не в тупике! — прервал его Дарнелл. — Ты стоишь прямо у входа в туннели! Почему бы тебе не ввести персонаж в туннель?

— И потеряться там, как вы все? Нет, спасибо. — Полион провел рукой по контрольной панели, отключая перебранку игроков. Некоторое время он сидел в тишине. Зачем он вообще связался с этой никчемной кучкой заговорщиков? Они были слишком глупы, чтобы понять его завуалированные намеки. И думали, что ему интересно играть в эту игру!

Теперь Блэйз. Блэйз умнее остальных, и он не принимал участия в этом разговоре. Полион набрал последовательность команд, которые давали ему возможность приватной комм-связи с каютой Блэйза. По крайней мере, до такой степени войти в систему Нансии с помощью клавиатуры Полиону удалось; хотя это ничто по сравнению с той властью, которую он обретет, когда опустит мини-кристалл в считыватель.

Пока Полион думал, как найти подход к Блэйзу, тот внезапно заговорил сам. Этот идиот решил побеседовать по приватному каналу с комнатой отдыха! И что он планирует сказать тем, кто сидит там? Полион нахмурился и стал внимательно слушать. Похоже, Блэйз слишком умен, чтобы стать хорошим орудием.

Тем не менее он вполне может пригодиться в качестве пешки в игре, ходы которой он не сможет увидеть...

— Дядя Фористер? — Блэйз переключил коммуникационный канал на комнату отдыха. — Мне нужно с тобой поговорить.

— Говори, — проворчал Фористер. Он только что внес последние штрихи в поистине великолепную стратегию, составленную ради того, чтобы столкнуть друг с другом корабли Микайи и Нансии, а самому, пока противники сражаются, переместить свои фигуры так, чтобы контролировать все вертикали гололодекаэдра.

— Приватно.

— А, хорошо. — Фористер встал и потянулся. — Нансия, ты не могла бы сохранить и свернуть игру до тех пор, пока я не вернусь? Не хотелось бы утомлять тебя и просить, чтобы ты поддерживала изображение игрового поля, пока игра не идет.

Нансия хмыкнула.

— Ты имеешь в виду, что не хочешь, чтобы мы в твое отсутствие изучили расклад и вычислили, какую ловушку ты нам приготовил на этот раз?

— Ну...

Гололодекаэдр сложился внутрь самого себя и стал листом, линией, искрой яркого синего цвета, а потом и вовсе пропал.

— Ладно. Мы все равно приближаемся к точке сингулярности, и мне сейчас нужно не играть в шахматы, а проверить расчеты, — весело сказала Нансия. — Смотри, вернись вовремя, чтобы успеть пристегнуться. Вы, мягкотелые, в сингулярности не способны ориентироваться.

— А вы, капсульники, так назойливо об этом напоминаете, — парировал Фористер. — Хорошо. Ты предупредишь нас заранее, я полагаю?

— И буду наблюдать за вами, пока ты в каюте, — добавила Нансия. — Не смотри так: это в равной степени делается для защиты Блэйза, как и для твоей. Если ты будешь говорить с ним наедине, обвинение может попытаться опровергнуть твои показания, сказав, что тебя подкупили или шантажировали.

— Они и так без особого уважения отнесутся к словам дяди в защиту племянника, — угрюмо ответил Фористер, направляясь по коридору к каюте Блэйза. Нансия отключила механизм блокировки на двери ровно настолько, чтобы позволить Фористеру проскользнуть в каюту.

— Я думаю, Полион что-то планирует, — произнес Блэйз, как только Фористер вошел. Блэйз сидел у пульта, смонтированного в каюте, одна рука лежала на контрольной панели, не активируя, однако, программу. Сейчас рыжеволосый молодой человек, исполненный настороженности и решимости, напоминал лису, затаившуюся у кроличьей норы.

— Что?

— Я не знаю. Он хочет выйти из своей каюты. Он постоянно твердит нам, что может все устроить, если сумеет оказаться снаружи всего на несколько минут. Послушай! — Блэйз провел основанием ладони по панели и вызвал записи нескольких последних разговоров между игроками в «Разбросанных». С пульта в каюте он не мог задействовать достаточно памяти, чтобы сохранить не только голоса, но и изображения. Слова игроков доносились из динамиков, бестелесные, потерявшие половину своей выразительности. Фористер, прослушав запись, только покачал головой.

— Для меня это звучит как обсуждение нескольких ходов в этой вашей игрушке, уж извини, Блэйз.

— Совершенно верно, это игровые ходы, — мрачно подтвердил Блэйз, — но он не играет в ту же игру, что остальные из нас.

Черт! Хотел бы я показать тебе изображения и иконки тоже. Тогда бы ты увидел и понял.

— Увидел что?

— То, что говорил Полион, не имело никакого смысла в сочетании с настоящими игровыми ходами. — Блэйз уронил руки на колени и поднял взгляд на Фористера. — Может ли Нансия держать Полиона усыпленным при помощи газа в течение всего пути до Центральных?

— Может, — ответил Фористер, — но я не вижу причин, по которым она должна это сделать. Ваш арест и так вызовет много шума среди Высших Семей, а если вдобавок будет заявлено о беспричинно жестоком обращении с заключенными, то они и вовсе взовьются, как осы из разворошенного гнезда.

— Но ты же слышал, что он говорил!

— Для меня это полная бессмыслица, — признал Фористер, — однако мне все в этой глупой игре кажется бессмыслицей, если мне позволено будет высказать свое скромное мнение. Ну же, Блэйз! Ты можешь представить, как я всерьез объясняю судейской коллегии, что мы продержали узника парализованным и без сознания в течение целых двух недель только потому, что слова, сказанные им в ходе глупой детской игры, обеспокоили меня?

— Наверное, не могу, — согласился Блэйз. — Но... ты ведь будешь осторожен?

— Я всегда осторожен, — заверил его Фористер.

— И... я думаю, тебе не следует с ним говорить. Этот человек опасен.

— Я знаю, что вы четверо его боитесь, — подтвердил Фористер, — но, я думаю, это потому, что вы слишком долго пробыли вдалеке от Центральных. Он всего лишь наглый щенок, который получил больше власти, чем следовало. А теперь прошу меня извинить, уже почти пора пристегиваться перед переходом в сингулярность.

Фористер кивнул в сторону сенсоров, и Нансия молча открыла перед ним дверь. Пока он шел по коридору обратно, она негромко уведомила его:

— Полион де Грас-Вальдхейм просит оказать ему милость и поговорить с ним наедине.

— Ну конечно, просит! И, я полагаю, ты думаешь, будто мне следует принять всерьез предупреждения Блэйза и настоять на присутствии Микайи в качестве моего телохранителя на время этого разговора?

— Я думаю, ты вполне можешь присмотреть за собой сам, —

ответила Нансия, — особенно если учесть, что я буду слушать. Это тебе совсем не то что пилотировать безмозглый корабль. Но времени не так много: через несколько минут я войду в первую последовательность расщепления.

— Тем лучше, — промолвил Фористер. — Я не собираюсь тратить на него много времени. Если все будет в порядке, то наш разговор с ним закончится в тот момент, когда прозвучит твой предупредительный сигнал перед входом в сингулярность. Но меньшего я для него сделать не могу. Если я пришел к Блэйзу, то должен также прийти и к каждому, кто этого потребует.

Когда Фористер вошел, Полион лежал на койке, заложив руки за голову. Он повернул голову на мягкий звук открывающейся дверной диафрагмы, вскочил на ноги и сомкнул пятки с уставной четкостью, которая почти разозлила Фористера.

— Сэр!

— Я не являюсь вашим старшим офицером, — спокойно сказал Фористер. — Не нужно шелкать передо мной каблуками и отдавать салют. Вы хотели мне что-то сказать?

— Я... да... нет — я думаю, нет, — ответил Полион. Синие глаза его смотрели затравленно; он отбросил выбившуюся прядь золотистых волос со лба. — Я думал... но он был моим другом... я не могу этого сделать. Даже для того, чтобы облегчить собственный приговор... нет, это невозможно. Извините, что напрасно побеспокоил вас, сэр.

— Я думаю, — мягко произнес Фористер, — что вам, мальчик мой, лучше будет рассказать мне все. — Трудно было опознать в стоящем перед ним измученном молодом человеке того монстра, что превратил Шемалийскую тюрьму в ад для живых. Возможно, у Полиона было какое-то объяснение, какая-то история о других, участвовавших в создании этой зловещей системы производства?

Фористеру потребовалось добрых пять минут, чтобы успокоить чрезмерную щепетильность Полиона, и все это время он с нетерпением ждал предупредительного сигнала о приближении к точке сингулярности. Наконец ему удалось выудить из Полиона имя.

— Это Блэйз, — жалобно промямлил Полион. — Ваш племянник. Мне очень жаль, сэр. Но... ну, пока мы играли в «Разбросанных», он похвастался мне, как ему удалось втереть вам очки, убедить вас, что он совершенно ни в чем не виноват...

— Не совсем так, — поправил Фористер. — Он действительно

продавал поставки ПТП на черном рынке. Это обвинение будет выдвинуто против него, когда его будут судить на Центральных.

Полион кивнул. Его лицо так и сохраняло страдальческое выражение.

— Да, он сказал мне, какую историю поведал вам. И тогда я подумал... если бы вы только знали... возможно, мне следовало выдать эти сведения в обмен на сокращение моего срока...

— Какие сведения? — резко спросил Фористер.

Полион покачал головой:

— Неважно. Это не имеет значения. На моей совести и так лежит довольно, — заявил он, поднимая голову и глядя в стену с выражением благородного упорства, которое Фористера чрезвычайно раздражало. — Я не добавлю к свои преступлениям еще и донос на друга. Все на этом мини-кристалле... ладно, неважно.

— И что именно. — спросил Фористер, собрав остатки терпения, — предположительно, записано на этом кристалле? — Черный блестящий многогранник в руке Полиона казался мрачным и непостижимым, словно глаз древнего бога какой-нибудь инопланетной расы.

— Запись того, как Блэйз действительно нажил свое состояние, — ответил Полион. — Это все здесь... он думал, что спрятал все следы, однако мне было достаточно сетевых связей, чтобы найти записи. Вы же знаете, я умею обращаться с компьютерами, — добавил он с наивной мальчишеской гордостью. — Но когда я просил его сказать вам правду, он только посмеялся надо мной. Сказал, что убедил вас в его невиновности и что не видит причин менять ситуацию. Именно тогда я подумал... Но нет. — Полион отвернулся и протянул мини-кристалл Фористеру: — Мне не нужны никакие поблажки.

Фористер почувствовал головокружение, как будто они уже вошли в сингулярность. Именно поэтому Блэйз так настойчиво пытался убедить его не разговаривать с Полионом? Он хотел, чтобы Полиона держали усыпленным всю дорогу до Центральных, и придумал эту дурацкую историю относительно того, что Полион использовал игру в «Разбросанных» для составления какого-то заговора. Но какая польза в том, чтобы заставить Полиона молчать в течение двух недель, если его показания — какими бы они ни были — так или иначе всплыли бы на суде?

— Просто... просто возьмите это. И прочтите. А потом храните в надежном месте — или сотрите, если решите все скрыть, — продолжал Полион. — Мне все равно. Я просто хотел отдать это... кому-нибудь честному. — На последнем слове его голос

дрогнул, и Фористеру показалось, что в глазах молодого человека заблестели слезы. — Бог знает, я вряд ли смогу использовать это в свою защиту. Возьмите это. Вы знаете, что делать с этой информацией.

— Что на этом кристалле?

Полион снова покачал головой:

— Я не... не могу вам сказать. Идите и прочтите это сами, в приватной обстановке. Просто бросьте в любой корабельный считыватель и просмотрите информацию. А потом уж вам решать, что с ней делать. Я не хочу, — почти яростно произнес Полион, — не хочу получить от этого какую-либо выгоду, вы понимаете? Скажите, что эти сведения у вас из какого-то другого источника. Или не говорите, где вы их взяли. Или просто уничтожьте их. Делайте что хотите — теперь это, в конце концов, не на моей совести!

Он снова рухнул на койку и уронил голову на руки. Из расположенных над головой динамиков донесся серебристый звон — первый предупредительный сигнал.

— Пять минут до входа в сингулярность, — объявила Нансия. — Прошу всех пассажиров лечь или сесть и пристегнуть привязные ремни. Таблетки против тошноты находятся во всех каютах; если вы полагаете, что пребывание в сингулярности может оказать на ваш организм отрицательный эффект, пожалуйста, примите лекарство заранее. Пять минут до входа в сингулярность.

Полион не глядя нащупал привязные ремни и застегнул пряжку, прикрепив себя к койке.

— От сингулярности меня не тошнит, — горько сказал он. — А от того, что на этом кристалле, — да.

Фористер вышел из каюты, стиснув сверкающий черный кристалл в ладони, так что грани больно врезались в кожу. Голова кружилась от сомнений.

— Какое замечательное представление! — с тихим смехом прокомментировала Нансия.

— Ты думаешь, Полион солгал?

— Я в этом уверена, — подтвердила Нансия. — Ты знаешь Полиона. Ты знаешь Блэйза. Разве можно хоть на мгновение поверить, что Блэйз способен совершить преступление, от которого затошнило бы Полиона?

— Я... не знаю, — простонал Фористер. Он рухнул в пилотское кресло и невидящим взглядом уставился на пульт. Микайя Квестар-Бенн тактично сделала вид, что полирует пряжку на своем

форменном ремне. — До нынешнего момента знал, но ты же понимаешь, что в данном случае я пристрастен.

— А я нет, — решительно заявила Нансия. — Я не знаю, что Полион задумал, но что бы это ни было, я не верю ни единому его слову.

Фористер слабо усмехнулся.

— И ты тоже пристрастна, дорогая Нансия. — Он уставился на поблескивающую поверхность мини-кристалла, на полированные черные грани — такие же, как у любого другого инфокристалла, — и глубоко вздохнул. — Полагаю, мне лучше будет сразу узнать, что это такое.

— Ты не можешь подождать, пока мы выйдем из сингулярности? — спросила Нансия, но слишком поздно. Фористер вложил кристалл в приемник считывателя. Разум Нансии уже был занят воронкой математических трансформаций, которую предстояло пройти, и она автоматически загрузила содержимое кристалла в память. Что-то там было странное, не похожее на обычные слова, больше похожее на покалывание в затылке или на неправильно размещенное синаптическое соединение...

Нансия неслась на водовороте сингулярности, балансируя и перекатываясь на волнах постоянно изменяющихся уравнений, определяющих сужающиеся стенки воронки.

Что-то было не так; Нансия ощутила это даже прежде, чем потеряла власть над математическими трансформациями. Она никогда не испытывала подобного во время перехода. Что происходит? Звуки, скользкие, словно гниющие водоросли, шептали и хрустели в ее ушах; цвета, лежащие за гранью человеческого восприятия, царапали ее зрительные центры, словно когти, скрежещущие по пластику. Химический баланс растворов, в которых покоилось ее скорченное человеческое тело, начал изменяться туда и обратно, опасно раскачивая амплитуду, и десяток сигналов тревоги взвыли разом: «Перегрузка! Перегрузка! Перегрузка!»

Нансии не удавалось оптимизировать путь; пространства вокруг нее расщеплялись и разлетались на бесконечные последовательности соединений, на каждом пути превращаясь в огни и хаос, грозящие разорвать ее на части. Математические сопроцессоры, оснащенные гиперчипами, выдавали полную чушь. Мозговые волны разбивались о решетку многомерной матрицы. Что-то пыталось инвертировать эту матрицу. Ни один расчет не совпадал с предыдущим результатом, на всех направлениях таилась опасность.

Нансия отключила разом все процессы. Царапающие цвета и

омерзительно пахнущие звуки исчезли. Она висела в черноте, отказываясь принимать входящие сигналы собственных сенсоров, балансируя на грани сингулярности, где пересекались расщепляющиеся подпространства, и не было ей пути ни вперед, ни назад.

Глава 17

Полион расхаживал по тесной каюте — слишком велико было его нетерпение, чтобы даже пристегнуться для прохождения сингулярности. Он ждал какого-то сигнала о том, что Фористер ухватил приманку. И тут вдруг воздух замерцал и стал густым.

Полион открыл рот, чтобы выругаться. Корабль вошел в сингулярность прежде, чем тупоголовый пилот добрался до считывателя.

Воздух распался на стеклянистые волны и стал настолько разреженным, что им почти невозможно было дышать. Стены и меблировка каюты превратились в крошечные искры, мерцающие вдалеке, затем нависли над Полионом, словно огромные валуны в горах, угрожая рухнуть. И ругательство, сорвавшееся с губ де Грас-Вальдхейма, превратилось в смешное рычание, закончившееся писком.

Клятая сингулярность! Теперь не было шанса, что Фористер вложит инфокристалл в считыватель, — как всякий примерный пилот, он наверняка сидит в своем кресле, прочно пристегнувшись ремнями. И к тому же приемники корабельного считывателя наверняка уже закрыты для прохождения сингулярности. Если даже каким-то чудом Полиону удастся убедить Нансию принять кристалл, он не сможет войти в сеть, пока все трансформации не будут завершены и корабль не вернется в нормальное пространство. Ему придется ждать окончания подпространственного перехода, чтобы приступить к финальной фазе, — а это перемещение приведет корабль в Центральное подпространство, в пределы досягаемости многочисленных флотов Центральных Миров и всей помощи, какую они только могут оказать.

Полион напомнил себе, что в любом случае основная природа этой игры остается неизменной. Либо его план продвинулся достаточно далеко и принесет успех, несмотря на то что пришлось пустить его в ход раньше времени, либо же нет. Если все пройдет как надо, то все флоты Центральных будут подчиняться ему, Полиону, а не своим бывшим хозяевам. Если нет — что ж, гибель

просто наступит быстрее, чем если бы он начал действовать из удаленного пространства у Ньота йа Джаха, вот и все.

Полиону оставалось только сидеть и ждать. А пережлать один-единственный переход через сингулярность для него не значило ничего. Он уже перетерпел годы ожидания на Шемали, рассеивая семена, глядя, как они прорастают и заполняют вселенную, — с того самого момента озарения, когда в мозгу Полиона одновременно зародились план разработки нового гиперчипа и идея того, как им можно воспользоваться для достижения собственных целей.

Но это ожидание было тяжелее, чем все эти годы, в течение которых Полиону по крайней мере было что делать; оно казалось куда более долгим, нежели пять лет работы. И что-то тревожное было в расщеплении, которое проходил в данный момент корабль. В сингулярности не должно быть настолько плохо. Полион задыхался и давился в тошнотворном вращении цветов, запахов и структур, глядя на то, как его собственное тело и одежда расплываются волнами. Он зажмурился и тут же осознал, что это было ошибкой: тошнота, свойственная для сингулярности, едва не вывернула его наизнанку. В чем дело? Во время обучения в Академии Полион много раз проходил расщепление, не упоминая уже о путешествии через эту же самую точку сингулярности по пути в Веганское подпространство. Неужели за пять лет на Шемали он настолько потерял форму, чтобы сейчас давиться тошнотой, словно какой-нибудь новичок?

Нет. Что-то еще было не так. Это расщепление длилось слишком долго. И некоторые визуальные искажения казались странно знакомыми. Полион остановил взгляд на небольшом участке каюты, где скобы, поддерживавшие выступающую из стены полку, образовывали простой сомкнутый изгиб. Пермасплав и пластипленка. Больше ничего. И пока он смотрел, треугольник, составленный скобой, полкой и стеной, удлинился, вытянулся в иглу с узким ушком, растянулся в открытый проем размером со всю стену, сдался во вращающуюся точку света с абсолютной чернотой внутри и снова вернулся в изначальную форму. Игла, проем, точка, треугольник; игла, проем, точка, треугольник. Они были пойманы в подпространственную петлю, бесконечную последовательность расщепления и соединения с сохранением топологических свойств, но без малейшего продвижения к последовательности выхода, ведущей в Центральное подпространство.

Такая петля не могла получиться, не должна была получиться — если только не отключились процессоры корабля. Или —

дикая надежда вспыхнула в душе Полиона — если только корабельные процессоры не были слишком заняты какой-то иной проблемой, нежели выведение их из сингулярности.

Проблема усвоения программы-«червя», которая должна была передать контроль одному-единственному пользователю, эффективно отрезая «мозг» корабля от всех происходящих процессов.

Полион проглотил невысказанные ругательства и бросился через каюту. У него были проблемы с тем, чтобы локализовать местонахождение контрольной панели и плотно прижать к ней руку, но в конце концов Полион ухитрился совместить свою то сжимающуюся, то вытягивающуюся руку с хаотично пульсирующей панелью. Он дважды хлопнул ладонью по панели.

— Голосовой контроль!

Собственный голос странно отдался в ушах, звуковые волны искажались постоянными изменениями окружающего пространства, но, очевидно, было что-то неизменное в структуре голоса, и именно это опознала программа-«червь».

— Голосовой контроль принят, — прогудел голос из динамиков, причем высота звучания то повышалась, то понижалась.

— Открыть дверь этой каюты. — В первый раз слова превратились в неразличимый писк; во второй удалось произвести что-то близкое к нормальной речи, и компьютер принял команду. Но ничего не случилось. Миг спустя раздался дрожащий сигнал оповещения программы, постепенно из почти ультразвукового писка перетекший в низкий гул.

— Невозможно установить назначенный предмет воздействия.

Полион начал улавливать ритм подпространственной петли. Фиксируя взгляд на любой известной точке, например треугольнике из полки, стены и скобы, он мог распознать, когда они проходили через расщепление поблизости от обычного пространства. Если он заговаривал в этот момент, то продолжающиеся подпространственные трансформации искажали его голос, но по крайней мере компьютер узнавал этот голос и принимал команды.

Выждав нужный момент, Полион заговорил:

— Идентифицируй эту каюту.

На контрольном пульте каюты мерцали огни, то взлетая и трепеща, словно светлячки, то скользя по жидкой поверхности панели, расплываясь в продолговатые иероглифы неизвестного языка и снова превращаясь в огоньки и складываясь в узор, свидетельствующий о неудачной операции.

— Такого пути не найдено.

Полион вполголоса выругался, и подпространственная петля

трансформировала его слова в скрипучий рык. Что-то было не так с его программой-«червем». Почему-то ей не удалось завершить перехват всех компьютерных функций корабля.

— Отпереть все! — рявкнул Полион при следующем прохождении петли через нормальное пространство.

Диафрагма двери каюты наполовину разошлась, затем заскрипела и начала раскачиваться туда-сюда, словно гладкие внутренние лепестки зацепились за что-то. Полион нырнул в приоткрывшийся проем, недооценил расстояние и ширину просвета в постоянном текучем смещении пространств, впечатался твердым локтем в весьма твердый край полуоткрытой двери, приземлился на подстилку из сыпучего песка, перекатился и обнаружил, что его ноги опираются на то, что вновь, на краткий миг, стало твердым полом коридора в пассажирском отсеке.

— Выходите! Все выходите!

Петля превратила его последнее слово в вой. «По крайней мере, это привлечет их внимание». Зеленый слизняк просочился через одну из дверей и превратился в блюющего на ходу Дарнелла. Чуть дальше обнаружилась рыжая шевелюра Блэйза, сверкающая в свете плафонов; и сам этот свет менялся от ослепительно-голубоватого сияния искусственного солнца до угольно-серой тени. Фасса была фарфоровой куколкой, белой, изящной, маленькой и идеальной, однако по мере хода петли к ней вернулся обычный рост.

— Что происходит? — Петля заглушила ее слова, но Полион прочитал по ее губам, прежде чем трансформация растянула их словно резину. Он дождался следующего прохода через нормальное пространство.

— Позови Альфу. Не хочу объяснять дважды.

Фасса кивнула — Полион решил, что это был кивок, — и нырнула в каюту, расположенную рядом с ее собственной. Дарнелл затрясся и снова превратился в гигантского зеленого слизняка. Коридор удлинился до бесконечного тунеля, и Блэйз оказался на дальнем его конце, каким-то образом оторвавшись от группы.

Фасса вновь появилась в коридоре, покачивая головой.

— Она не может двигаться. Я... — она была умна, Фасса дель Парма; на половине предложения, когда вокруг нее сместилось пространство, она прервалась и подождала следующего нормального промежутка, чтобы завершить фразу: — ...думаю, что она слишком испугана. Мне тоже страшно. Что...

У Полиона не было времени на то, чтобы выслушивать оче-

видные вопросы. Когда через них прошел следующий нормальный отрезок, Полион уже был готов ухватить момент.

— Я захватываю корабль, вот что происходит, — заявил он, заглушая окончание вопроса Фассы. — Все функции этого корабля, где используются мои гиперчипы, теперь под моей командой. Причина...

Смещение, растяжение, сжатие, волна, снова к норме на несколько секунд.

— ...этого долгого перехода в том, что «мозг» корабля не функционирует и не может вывести нас из сингулярности.

Дарнелл завывал и блевал теперь гораздо громче, чем раньше, заглушив следующие слова Полиона и зря израсходовав остаток прохода через нормальное пространство. Полион ждал, постукивая по полу ногой; нога сперва сократилась, затем растянулась, затем свилась петлей, словно змея, потом снова распрямилась и превратилась в обычную ногу, обутую в форменный ботинок.

— Я могу вывести нас из сингулярности, — объявил Полион. — Но мне нужно сидеть за контрольным пультом. Там могут быть некоторые проблемы. Вы должны помочь мне убрать «тело» и киборгшу.

— Зачем это нам? — спросил Блэйз.

Полион улыбнулся.

— Впоследствии, — мягко сказал он, — я не забуду, кто мне друг.

— А что хорошего... — Дарнелл, как можно было предсказать заранее, желал знать, но петля трансформации унесла его вопрос. А когда участок нормы вернулся снова, Блэйз уже находился ближе к остальным — достаточно близко, чтобы ответить на вопрос вместо Полиона.

— Что хорошего принесет нам его милость? Очень многое, насколько я могу себе представить. Это ведь касается не только гиперчипов на этом корабле, не так ли, Полион? Все гиперчипы, которых так много было наделано на Шемали, имеют в своей структуре тот же самый дефект, верно?

— Я не стал бы называть это дефектом, — возразил Полион. — Но ты прав. Как только мы выйдем из сингулярности и снова получим доступ к Сети, компьютер этого корабля распространит финальную фазу на все гиперчипы, установленные где бы то ни было. Я получу...

Теперь они уже все уловили ритм трансформационной петли; пережидать, пока не пройдут три искаженных подпространства, стало обычной частью разговора.

— ...контроль над вселенной, — закончил Полион на следующем витке. Блэйз все еще находился чуть поодаль: мелкий гуппи-ца пытался перемещаться во время трансформаций.

— А мы все будем твоими верными слугами? — спросил Блэйз.

— Я знаю, как вознаграждать за службу, — уклончиво ответил Полион. «В чан с ганглицидом тебя, неприятность ты ходячая, как только я получу власть».

— Ну уж нет, — выдохнул Блэйз, когда за нормальным отрезком пошла первая деформация. Он замахнулся на Полиона кулаком, но прежде, чем нанес удар, его рука сжалась до размера ореха, а на следующем прохождении через норму Полион уже был готов, и его ответный удар поверг Блэйза на палубу. К тому времени, как Блэйз упал, пол превратился в мягкий песок, в котором Блэйз барахтался, не в силах подняться.

— Остановите меня, — сказал Полион остальным двоим, когда петля вновь дошла до нормального пространства. — Остановите — и вы умрете здесь, в сингулярности, потому что никто другой не сможет вывести нас отсюда. Попытайтесь меня остановить, и если это вам не удастся, — он снова улыбнулся, ласково и дружелюбно, — то вы пожалеете о том, что не умерли здесь. Вы со мной?

Прежде чем кто-либо смог ответить, в игре появился новый элемент: облако шипящего газа, невидимое в нормальном пространстве, но четко различимое как поток розового света на первой трансформации. Оно окутало Блэйза, и тот перестал извиваться и лежал, словно мертвый, на палубе, проходящей обычную череду превращений.

Усыпляющий газ. И Полион не мог во время трансформации докричаться до товарищей. Вместо этого он зажал ладонями рот и нос — увидел, как Фасса делает то же самое, — и мотнул головой в сторону рубки. Дверь в рубку тоже была наполовину открыта. Полион бросился туда, увязая в грязи и песке, продираясь сквозь воздух, ставший плотным, словно вода. Легкие горели от нехватки кислорода. Он рухнул в проем двери, кто-то — Фасса — подтолкнул его сзади, а следом за Фассой ввалился Дарнелл. Про предателя Блэйза можно было забыть, равно как и про Альфу, которая сейчас спит, одурманенная газом, в своей каюте. Полион сделал судорожный вдох и прохрипел:

— Закрыть все двери!

Диафрагма двери рубки сомкнулась странным, дергающимся движением, как будто сражаясь с собственным механизмом, и Полион наконец смог подняться на ноги и оценить обстановку.

«Неплохо». Единственным человеком на борту, кого он всерьез опасался, был Сев Брайли-Соренсен. Но Брайли здесь не было. Отлично. Значит, он заперт где-то, так же как Альфа и Блэйз; возможно, так же усыплен, как и они. Двое других склонились над своими пультами, вероятно все еще пытаясь вычислить, почему двери открывались и закрывались без их приказа. В качестве последней меры эти двое стариков попробовали заполнить пассажирские отсеки усыпляющим газом — что ж, это им удалось, но что хорошего им это принесло? Во время трансформаций Полион наблюдал, как эти двое поворачиваются в креслах, открытые рты растягиваются, словно растопленный пластик, во втором подпространстве и сжимаются до крупных точек в третьем. Нормальное пространство показало, что движение старухи-киборга не было иллюзией расщепления: ее правая рука метнулась к поясу. Полион выкрикнул команду, и протезы руки и ноги генеральши запрыгали в своих гнездах, выкручиваясь из креплений; живая часть тела последовала за судорожными движениями синтетических конечностей и перевесилась через край сиденья. Еще один приказ, и протезы, безжизненные и тяжелые, упали на пол, увлекая за собой все тело. Голова старухи ударилась о ножку кресла. Полион сделал шаг вперед, чтобы поднять игольник. Пространство удлинилось, но его рука тоже вытянулась, и холодная тяжесть игольника убедила Полиона, что его пальцы — пусть даже в этот момент они напоминали щупальца — плотно сомкнулись на рукояти оружия.

Во время следующего нормального промежутка Полион уже стоял, выпрямившись и направив игольник на Фористера.

— Иди туда. — Кивком головы Полион указал на центральный пилон. Где-то там, внутри титановой оболочки, плавал в жидкости «мозг» корабля, уродливое съежившееся тело, сохраняемое в живых только благодаря трубкам, проводам и питательной системе. Полиона передернуло при этой мысли; он никогда не понимал, почему Центральные настаивают на том, чтобы сохранять этим уродам жизнь и даже давать им ответственные посты, которые в противном случае могли бы занять настоящие люди — такие, например, как он. Что ж, «мозг», наверное, уже сошел с ума из-за сенсорного голодания и тех ощущений, которые гиперчипы доставляли ему по приказу Полиона; убить *это* было бы актом милосердия. А для достойного завершения действия — пристрелить «тело» у подножия пилона.

Но не сейчас. Полион слишком хорошо сознавал, что еще не знает всего необходимого для пилотирования «мозгового» кораб-

ля. Ему потребуется полномасштабная поддержка обоих компьютеров и «тела», чтобы вывести людей из трансформационной петли живыми.

Полион окинул взглядом систему игольника, покрутил большим пальцем колесико переключателя и оглянулся на Дарнелла и Фассу. Кому из них он может доверять? Никому, если уж об этом зашла речь. Хорошо, тогда кто из них больше боится его, Полиона? Фасса уже проявила свое нахальство, задавая вопросы тогда, когда ей надлежало слушать. Дарнелл все еще напоминал цветом молодую траву, однако тошнить его, похоже, перестало. Полион бросил ему игольник; оружие проплыло через воздух нормального пространства, и Дарнелл рефлекторно поймал его за миг до того, как первая трансформация сжала игольник в блестящую полоску пермасплава.

— Если кто-нибудь из них двинется, — светским тоном промолвил Полион, — стреляй. Я настроил оружие так, чтобы оно убивало... медленно. — На самом деле он оставил прежние настройки, те, что выставила Микайя: впрыскивание парализующей, но не смертельной дозы параяда. Однако не следовало слишком ободрять пленников. — Теперь... — Полион снял форменную куртку, аккуратно повесил ее на спинку вращающегося кресла, в котором прежде сидела Микайя, а сам уселся на место Фористера перед командным пультом. Трансформация превратила легкое движение его рук в широкий размашистый жест, раздув рукава, словно белые облака, проплывающие над головами людей, той же трансформацией превращенных в карликов.

— Что ты делаешь? — воскликнул Фористер. Его голос писком прорвался сквозь пространство трансформации и на последнем слове громыхнул тяжелым ударом.

Полион улыбнулся. В зеркально гладкой панели он видел свое искаженное отражение: белые сверкающие зубы, блестящее золото волос.

— Я, — спокойно ответил он, — намереваюсь вывести нас всех из сингулярности. Ты не думаешь, что уже пора кому-нибудь это сделать?

Отражение сузилось, расплющив его лицо в лепешку, сделав золото волос тусклой ржавчиной, а зубы преобразив в гниющие зеленые пеньки. Контрольный пульт под руками сжался, затем разбух и закачался, словно штормовое море. По выходе на нормальный отрезок Полион поспешно взялся за дело: правой рукой он отстукивал набор команд, а левой водил по сенсорной панели, чтобы связаться с математическими сопроцессорами Нансии,

выкрикивая голосовые команды... Все это должно было заставить весь корабль подчиняться ему и быть готовым выйти из сингулярности в обычное пространство.

Но корабль был неуклюжим, как старинное водяное судно, лишенное руля и вдобавок дырявое. Половина двигателей подчинялась командам Полиона, другая половина эти команды игнорировала. Математический сопроцессор подсоединился к линии и тут же пропал, прежде чем Полион успел ввести необходимые расчеты. Появился снова, выдавая какую-то ерунду, и канул в пучину бессмысленных символов. Отрезок нормального пространства был пройден, и Полион в ярости заскрипел зубами. Во время второй трансформации зубы ощущались подобно скользким, гниющим овощам, в третьей они стали иглами, высасывающими кровь, и к моменту, когда вновь наступила норма, Полион уже понял, что не следует давать волю эмоциям.

Он сделал еще две попытки контролировать корабль, пережидая три полные петли трансформации, а потом оттолкнул пилотское кресло от пульта управления.

— Твой корабль сопротивляется, — сказал он Фористеру во время следующего отрезка нормального пространства.

— Я рад за нее! — Фористер слегка повысил голос. — Нансия, девочка, ты меня слышишь? Так держать!

— Не будь дураком, Фористер, — устало произнес Полион. — Если бы твой корабль был в сознании и мог связно мыслить, то сам вынес бы нас из сингулярности.

Оставшиеся секунды нормального отрезка Полион использовал, чтобы отпечатать еще одну команду. Певучие ноты кода доступа Нансии прозвучали в рубке. Лицо Фористера посерело. Потом вокруг них закрутились пространства трансформации, чудовищно коверкая рубку и все в ней, и Полион не мог сказать, какое из искаженных изображений, предстающих его глазам, было открывающимся проемом титанового пилона Нансии.

И только на следующем прохождении через нормальное пространство он увидел, что пилон все еще закрыт. Должно быть, расщепление заглушило последние ноты кода доступа. Полион набрал команду заново; и снова музыкальные ноты прозвенели без тех слов, которые должны были их сопровождать, и вновь ничего не произошло.

— Лучше скажи мне вторую часть кода, — потребовал Полион у Фористера при следующем отрезке нормы.

Фористер коротко улыбнулся, и что-то в этой улыбке показалось Полиону похожим на его собственную ироническую усмешку.

— А почему ты думаешь, мальчик, что я знаю этот код? Две части хранятся по отдельности. Я даже не знаю, как добраться до тональной последовательности из банка данных Нансии. Словесный код, возможно, вообще туда не введен: он должен быть где-то на Центральном.

— «Тело» должно знать голосовую часть кода! — в ярости выкрикнул Полион.

— Я попросил изменить этот код как раз перед этим рейсом, — заявил Фористер. — По причинам безопасности. Я опасался, что, когда на борту столько заключенных, они могут предпринять попытку захвата — и, как оказалось, опасался не напрасно.

— Я искренне надеюсь, что ты лжешь, — ответил Полион. Закрыв рот, он подождал очередного прохождения петли, пытаясь за это время выстроить аргументы. — Потому что если код доступа есть только на Центральном, то мы все покойники. Я не могу войти в Сеть и залезть в базу данных Курьерской Службы из сингулярности — а вывести нас из сингулярности я могу, только нейтрализовав «мозг».

— Ты имеешь в виду — убив Нансию, — поправил Фористер голосом, совершенно лишенным эмоций. Взгляд его на миг обратился к пульту управления. Полион проследил за тем, куда смотрит пилот, и ощутил секундный приступ страха. На полоске над пультом стояла изящная статуэтка — изображение прелестной рыжеволосой девушки с лукавой улыбкой на губах.

Полион слышал о пилотах, у которых развилась эмоциональная привязанность к своему кораблю. Такие порою заказывали подобные статуэтки — рассчитанная по генотипу «мозга» внешность, показывающая, как выглядело бы биологическое тело «мозга» корабля, если бы росло и развивалось без фатальных дефектов. Полион не предполагал, что Фористер принадлежит к числу таких сентиментальных дураков или что у него было время так привязаться к Нансии. Старый идиот действительно мог решить, что лучше сдохнет сам, нежели позволит убить свой корабль.

— Не нужно подходить к решению проблемы эмоционально, — сказал ему Полион. Как бы вышибить из Фористера эту сентиментальную привязанность? — Когда корабль частично подчиняется мне, а частично — Нансии, никто не сможет вывести корабль из сингулярности.

Будь проклята эта петля трансформации! Фористер тоже уловил ее ритм, и необходимость ждать, пока не пройдут три отрезка искажающего расщепления и воссоединения, давала ему возможность подумать.

— У меня есть предложение лучше, — ответил пилот. — Ты *говоришь*, что можешь нас вывести; при том, что мы знаем: Нансия уж точно способна это сделать. Верни ей полный контроль, и...

— И что? Вы снимете обвинения и позволите мне вернуться обратно на завод-тюрьму, чтобы сидеть там управляющим еще пять лет? У меня сейчас есть куда лучшие виды на карьеру.

— Я и не намеревался делать тебе подобное предложение, — возразил Фористер.

Ритм расщепления и воссоединения уже становился естественным для всех них; вынужденные паузы в разговоре больше не раздражали Полиона.

— У меня есть встречное предложение, — продолжил Фористер при следующей возможности. — Освободи компьютерные системы Нансии, снабженные гиперчипами, она выведет нас из сингулярности — и ты останешься в живых.

— Как ты догадался?

У Фористера был удивленный вид.

— Логические заключения. Ты разработал гиперчипы; ты обманом заставил меня запустить программу, которая сделала что-то нехорошее с компьютерными системами Нансии; сообщения об ошибках, которые я читал как раз перед тем, как вы ворвались сюда, указывали именно на те участки, где у нее были установлены гиперчипы: сенсоры нижней палубы и навигационная система. Потом ты применил голосовой контроль к оборудованным гиперчипами протезам Микайи. Ясно же, что в разработанных тобой гиперчипах содержится дополнительный доступ, благодаря которому ты можешь лично контролировать любое устройство, где используются твои гиперчипы.

— Ты умен, — признал Полион. — Но не настолько умен, чтобы это помогло тебе выбраться из сингулярности. Уверяю тебя, я не намерен передавать весь контроль над компьютерами «мозговому» кораблю, который уже, вероятно, сошел с ума.

— И почему ты так думаешь?

Полион поднял брови.

— Мы все знаем, что делает с капсульниками сенсорное голодание, Фористер. Мне нужно рассказать все детально?

— Требуется нечто большее, чем несколько минут в темноте, чтобы вывести из душевного равновесия мою Нансию, — ровным тоном отозвался Фористер.

Полион оскалил зубы.

— К настоящему моменту, старик, ей пришлось выдержать нечто гораздо большее. Первое, что делает моя програм-

ма-«червь», — это наносит удар по любому разуму, связанному с компьютером, куда запустили эту программу. Сенсорные помехи, которые заставили бы любого человека сразу выключить компьютер. Я боюсь, что «твоя» Нансия, будучи неспособна таким образом разорвать соединение, сейчас уже полностью свихнулась. Так что, я думаю, что если ты хочешь жить, то тебе следует немедленно сообщить мне остальную часть кода.

— А я думаю, нет, — спокойно возразил Фористер. — Ты сделал фатальную ошибку в своих расчетах.

Трансформационная петля в своем бесконечном вращении прервала разговор, проводя все вокруг через череду сжатий и растяжений пространства. Не обращая внимания на сенсорные трюки расщепления, Полион напряженно думал. Когда нормальное пространство вновь соткалось вокруг них, он привстал с кресла и ухватил изображение девушки, которой могла бы стать Нансия. Демонстративно, глядя в лицо Фористеру, Полион уронил статуэтку на пол и растоптал хрупкий материал тяжелой подошвой форменного ботинка.

— Вот что осталось от «твоей» Нансии, старик, — прошипел он. — И ты позволишь, чтобы твоя любовь к женщине — к женщине, которой никогда и не было, которая никогда не жила, — прикончила нас всех?

На лице Фористера отражалась душевная боль, но говорил он так же ровно, как обычно.

— Мои чувства к Нансии не имеют отношения к данному вопросу. Твоя ошибка заключается в куда более простой вещи. Ты считаешь, что я позволю тебе оказаться на свободе и контролировать всю галактику, только чтобы не умереть здесь, в сингулярности. Это неверная предпосылка.

Он говорил так спокойно, что Полиону потребовалось несколько минут, чтобы понять смысл слов, и в этот момент петля трансформации вновь охватила рубку и смазала происходящие в ней движения. И когда они вновь вернулись в нормальное пространство, Фасса дель Парма стояла между Фористером и Дарнеллом, как будто надеялась закрыть пилота от прямого выстрела из игольника.

— Он прав, — промолвила Фасса. — Прежде у меня не было времени подумать. Ты чудовище, Полион.

Де Грас-Вальдхейм рассмеялся без малейшего намека на веселье.

— Фасса, дорогая, для праведных душ, таких как Фористер и генерал Квестар-Бенн, мы все чудовища. Мне следовало бы

вспомнить, как ты подлизывалась к ним раньше, помогая им обдурить меня. Ты думаешь, это тебя спасет? Они используют тебя и выбросят прочь, точно так же, как это сделал твой папаша.

Липо Фассы сделалось белым и неподвижным, словно мрамор.

— Мы не все разделяем такой примитивный взгляд на вселенную, — произнес Фористер. — Но, Фасса, ты не можешь...

Пальцы Дарнелла подрагивали. Полион кивнул. Медленно, слишком медленно Дарнелл поднял игольник. Он дал Фористеру достаточно времени на то, чтобы схватить Фассу за плечи и отшвырнуть прочь, подальше от опасности. Во время этого движения Фористера рубка словно бы накренилась и свет стал тусклым. Гравитация упала до половины нормы, затем до нуля, и Фасса закувыркалась в воздухе, в то время как самого Фористера его же движение отшвырнуло в противоположную сторону. Дождь игл рассыпался по широкой дуге, однако одна из них прошила рукав Фористера и вонзилась в запястье. Кровь яркими бусинками поплыла по каюте, а трансформационная петля превратила эти бусинки в кровавые моря. Полион наблюдал, как пузырь размером с небольшой пруд подплывает к нему и смыкает вокруг него яркие объятия, а затем превращается в крошечное пятнышко на белой рубашке.

Фасса подлетела к обмякшему телу Фористера, схватила его за руку и заплакала.

— Зачем вы это сделали? Я хотела спасти вас!

— Хотел, чтобы он... убил меня. — выдохнул Фористер. Паралич препятствовал сокращению мышц грудной клетки. — Без меня... никак не получить... код Нансии. Пойманы здесь, мы все... лучше, чем его отпустить. Простите меня...

— Смерть прежде бесчестья. — Полион фыркнул, произнося эти слова, чтобы дать понять этой сентиментальной парочке, как он относится к таким высокопарным девизам. — А ведь смерть неизбежна. Видите, как выходят из строя системы корабля? Как вы думаете, что откажет следующим? Подача кислорода? Поддержание давления в рубке?

В отсутствие прямых приказов гравитация и освещение контролировались автономными нервными функциями Нансии. Фористер застонал, когда до него дошло, что означают эти неполадки.

— Она в любом случае умрет. С твоей помощью или без нее, — усугубил это понимание Полион. — А ты еще не мертв. Я солгал. Игольник был поставлен только на парализацию. Теперь выдай

мне код доступа, прежде чем Нансия перестанет лыпать и убьет нас всех.

Фористер медленно покачал головой — видно было, что движения причиняют ему боль.

— Подойди сюда, Фасса, дорогая, — приказал Полион.

— Нет. Я останусь с ним.

— На самом деле ты этого не думаешь, — доброжелательно возразил Полион. — Ты слишком боишься меня. Помнишь эти разваливающиеся здания, которые ты построила на Шемали? Вспомни, ты возвела их заново бесплатно, и мне даже не пришлось делать ничего из тех интересных вещей, которые мы обсуждали. Но если я угрожал заживо содрать с тебя кожу за этот обман с цехами, то подумай, Фасса, что я могу сделать с тобой за то, что ты мешаешь мне сейчас.

Петля трансформации была даже кое в чем полезной: паузы давали Фассе возможность оценить последствия ее героической позы.

— Иди, Фасса, — прошептал Фористер, когда нормальный разговор снова стал возможен. — Ты не можешь мне помочь сейчас, а я не хочу видеть, как из-за меня тебе причиняют боль.

— Спасибо за информацию, — с вежливым поклоном сказал Полион. — Возможно, я попробую это следующим номером. Но пока что мы начнем с самого старого и самого дорогого твоего друга — чтобы результат был быстрым. Дарнелл, притащи сюда старуху... нет, я сам сделаю это. А ты держи на прицеле Фассу, на тот случай, если у нее появятся новые дурацкие идеи.

Держась за пилотское кресло, чтобы сохранять точку опоры, Полион развернулся и лениво пнул Микайю Квестар-Бенн. Отказ искусственной корабельной гравитации освободил ее от веса протезов, тянувшего к полу, однако рука и нога по-прежнему свисали неподвижно и не слушались ее. Сейчас Микайя была все равно что калека — да она и была калекой. Отвратительное зрелище.

— Я хочу, чтобы Фористер это как следует разглядел, — учтиво произнес Полион. — Сомкнуть протезы.

Эта команда была обращена к компьютеру; по этому сигналу гиперчипы заставили искусственную руку и ногу Микайи притянуться друг к другу, словно железо к магниту.

— Только тронь Мик хоть пальцем... — прохрипел Фористер, тщетно сопротивляясь действию парализующего яда.

— Мне и не нужно, — с широкой улыбкой констатировал Полион. — Я все могу сделать прямо отсюда.

Серия отрывистых команд и введенных с клавиатуры кодов заставила ту часть корабельного компьютера, которая подчинялась Полиону, выдать новую порцию управляющих сигналов на гиперчипы, контролирующие внутренние органы Микайи. Для того чтобы изменения оказали эффект, достаточно было времени прохождения очередной петли трансформаций. Когда вновь наступил отрезок нормального пространства, лицо старой женщины было бесцветным, а на лбу выступили бисеринки пота.

— Удивительно, насколько болезненными могут быть несколько простых изменений в органах, — радостно прокомментировал Полион. — Такие мелочи, например, как небольшая игра с циркуляцией крови. Как рука, Мик, детка? Тебя не беспокоит?

— Подойди немного поближе, — предложила ему Микайя, — и убедись.

Но теперь Полион указывал на ее живую руку; все видели, как изменился цвет конечности. Ногти стали почти черными, кожа побагровела и вздулась.

— Продержать вот так сутки, — продолжал Полион, — и мы увидим великолепный образец гангрены. Но, увы, у нас нет времени. Я мог бы запереть в этой конечности побольше крови и заставить вены лопнуть, но это убьет ее чересчур быстро. Так что я просто оставлю все как есть, пока ты думаешь, Фористер, и, может быть, мы все-таки столкуемся. К счастью, в ее сердце тоже есть кибернетические детали, так что нам не придется волноваться о том, что оно откажет из-за усилившейся нагрузки. Оно будет продолжать работать... до тех пор, пока я этого хочу. Хотите послушать, как оно работает сейчас?

Голосовая команда усилила звук интенсивно бьющегося искусственного сердца Микайи, частота пульса возросла, чтобы справиться с теми изменениями, которые Полион внес в остальные системы организма. Это отчаянное, неровное биение эхом отдавалось по всей рубке, во время петли трансформации то понижаясь до басового гудения, то превращаясь в сухую барабанную дробь, то взмывая до прерывистого присвиста. Никто не сделал ни единого движения, не произнес ни слова.

На один удар сердца, не более, темнота и молчание показались Нансии благодатным облегчением после режущей боли сигналов, проникавших в ее сенсоры. «Именно так сингулярность воздействует на мягкотелых?» Но нет, это было хуже. В моменты смятения, прежде чем Нансия отключила все сознательные

функции и собственные сенсорные связи, она осознавала нечто куда худшее, нежели смещение цветов и пространственные искажения сингулярности: злобное вмешательство другого сознания, переплетенного с ее собственным, наносящего по ней удары с намеренной жестокостью.

«Он хотел свести меня с ума. Если я снова включу сенсоры, он это сделает. А если я останусь плавать в этой тьме, это все равно произойдет». Эта полная неприкрытого отчаяния мысль явилась откуда-то из самых глубин ее памяти. Где, когда она могла себя чувствовать настолько одинокой, полностью покинутой? Нансия, не думая, потянулась к своим банкам памяти, чтобы провести поиск, но остановилась, прежде чем соединение было завершено. Если сенсоры могли быть превращены в оружие, которое использовалось против нее, то не могло ли что-то проникнуть и в память? Получив доступ к компьютерной памяти, Нансия могла обнаружить, что «знает» что-то, в чем ее хотел убедить тот, другой разум.

«Это иное сознание? Или часть меня? Возможно, я уже сошла с ума, и это первые симптомы». Мерцающие, беспорядочные огни и резкие звуки, ощущение тошнотворного вращения, даже уверенность, что ее атаковал чей-то иной разум, — не было ли это все признаками той болезни, которая поражала столь многих людей на Старой Земле до того, как современная терапия при помощи электростимуляции и лекарств научилась восстанавливать равновесие в измученном мозгу? Нансии страшно хотелось просмотреть всего одну статью из энциклопедии, хранящуюся в электронной памяти; но в данный момент этот ресурс был запретен. Параноидная шизофрения, вот оно; отделение разума от реальности.

«Давай подумаем, — сказала себе Нансия. — Если я сошла с ума, то вполне безопасно рассмотреть симптомы и решить, больна ли я на самом деле, разве что я, предположительно, откажусь принять даже явные свидетельства. А если я не больна, то не должна просматривать память для проверки этого факта. Так что лучше принять как гипотезу, что я в своем уме, и действовать, исходя из этого». Сухой юмор этого логического рассуждения помог ей немного восстановить эмоциональный баланс. «Хотя неизвестно, сколько мне удастся еще оставаться в своем уме при таких обстоятельствах...»

Лучше об этом не думать. И лучше также не вспоминать первого напарника Калеба, который впал в необратимую кому, только чтобы не столкнуться с пустотой, которая окружила его, когда

синаптические связи между его капсулой и внешним миром были уничтожены. В качестве основания для сохранения разума, а также для выживания, решила Нансия, следует принять допущение, что кто-то проделал это с ней. И сосредоточиться на решении задачи: кто это сделал и как его можно остановить.

В качестве первого шага следовало бы, естественно, приоткрыть всего один сенсор, чтобы изучить вспышки энергии, которые едва не уничтожили ее нервную систему... «Я не могу! — закричала внутри сознания Нансии маленькая девочка, в состоянии, близком к панике. — Вы меня не заставите, я не буду, не буду, я навсегда останусь здесь, где нет опасности».

«Это не выбор», — твердо сказала сама себе Нансия. Она хотела бы произнести это вслух, чтобы подбодрить себя звучанием собственного голоса, но она была нема, равно как глуха, слепа и лишена ощущений, плавая в абсолютной темноте. Каким-то образом ей следовало обуздать панику, зародившуюся в сознании.

Иногда помогают стихи. Тот драматург со Старой Земли, которого так любят цитировать Сев и Фасса; в ее банках памяти хранилось множество его пьес. «Какая ночь...» Нансия машинально потянулась к компьютерной памяти и как раз вовремя удержала этот порыв. Она не знала этот монолог — он хранился в ее банках памяти. Совершенно разные вещи. Тогда попробуем что-нибудь еще. «Я мог быть заключен в орех и мнить себя царем обширных стран, когда бы не дурные сны...» Не очень подходящий выбор в данной ситуации. Может быть... а знает ли она что-либо еще? Что она без своих банков памяти, своих сенсоров, своих мощных двигателей? Существует ли она вообще?

«На этом пути и таится безумие». Конечно, она существует! Нансия решительно наполнила сознание собственными воспоминаниями. Гонки по коридорам Лабораторной школы, игры в «Ангар» и в «Найди энергию» с друзьями. Освоение математических выкладок, от геометрии Лобачевского до топологии расщепления, снова игры, с чудесным пространством чисел, плоскостей и точек, по которому можно блуждать почти бесконечно. Обучение вокалу у сера Воспатриана, преподавателя драматургии в Лабораторной школе, который учил капсульников модулировать производимые динамиками голоса в пределах всей гаммы человеческой речи со всеми ее эмоциональными обертонами. И тот первый день, когда все они были огорчены и пристыжены, слушая записи своих жестяных искусственных голосков. Воспатриан заставил их читать вслух лимерики и бессмысленные стишки, пока все ученики не начали хихикать, забыв об уязвленном

самолюбии. Боже, она все еще помнит эти дурацкие строчки, с которых он начинал каждый урок...

И, совершенно не думая и не обращаясь к искусственно наполненным банкам памяти, Нансия отвлеклась от царившей вокруг черноты.

«Расцвела сирень в моем садочке,
Ты пришла в сиреневом платочке.
Ты пришла, и я пришел —
И тебе, и мне хорошо!..»

«Жил-был кораблик на Веге...»

«Сэр Джон Бэксфорд собирал в поход
Десять тысяч уэльских стрелков.
Сэр Джон Бэксфорд был толстым, как кот,
А конь его был без подков.
Сэр Джон Бэксфорд пил шотландский эль
и к вечеру очень устал...»

Нансия процитировала для себя весь репертуар сера Воспатриана до тех пор, пока не начала про себя смеяться и не ощутила, как порожденные смехом эндорфины омывают ее сознание. И после этого, совершенно спокойно плавая в темноте, она начала тестировать сенсорные связи, включая и выключая их по одной.

Во время тестового процесса Нансия не раз ощутила ментальный эквивалент обожженных пальцев и ослепительного света прямо в глаза, однако это было не настолько ужасно, как она того боялась. Сенсоры нижней палубы были совершенно бесполезны, равно как навигационный компьютер и новые сопроцессоры — математический и графический, — которые она только что установила. «То есть все, где есть гиперчипы, произведенные на Шемали...» И, едва додумав эту мысль, Нансия поняла, кто и зачем нанес по ней удар.

Она один за другим включила сенсоры верхней палубы, сперва узрев тела спящих, болтающиеся в коридоре и пассажирских каютах. Сев, висящий на изометрическом тренажере в физкультурной комнате, руки и ноги все еще вдеты в крепления тренажера. Альфа, пристегнутая к койке в своей каюте. Блэйз, плавающий над самым полом в коридоре, на лице совершенно невинное выражение, а по подбородку расползается огромный синяк.

«Мятеж. И кто-то пустил усыпляющий газ. Но какая из сторон это сделала?» Нансия медленно и осторожно включила сенсоры центральной рубки. Сенсоры левого борта мигали и выдавали хаотичную картинку. Должно быть, гиперчипы Полиона работали и заражали своим влиянием все компьютерные системы. «У меня не так много времени...»

«Еще меньше времени, чем казалось», — осознала Нансия, увидев происходящее в рубке. Генерал Квестар-Бенн лишена подвижности — «конечно, гиперчипы в протезах», — а в руках у Дарнелла игольник Микайи. Овертон-Глаксели держит под прицелом непокорного Фористера, в то время как Полион сидит в пилотском кресле и набирает команды на пульте управления. С этим она, по крайней мере, могла кое-что сделать. Нансия нанесла ответный удар, посылая компьютеру собственные приказы и секцию за секцией отключая пульт управления и отсеивая команды Полиона по мере их поступления. Он набрал команду, которой она не знала; проследив этот приказ до его источника, Нансия потрясенно опознала свой собственный код доступа. Музыкальная последовательность уже прозвучала в рубке. Но слов, которые должны были сопровождать музыку, в этой локации не было... «Однако они должны где-то быть. В какой-то части памяти, недоступной моему сознательному поиску. Иначе моя капсула не смогла бы их опознать и открыться». Нансия ощутила гордость за то, что смогла это вычислить, а затем холод и тошноту при мысли о том, что Полиону, возможно, потребуется совсем немного времени, чтобы прийти к тому же выводу. «И если слова находятся там, где я не могу отыскать их сознательно, то как я смогу блокировать Полиону доступ к ним?»

У Нансии кружилась голова от закольцованного прохождения через четыре расщепленных пространства, однако не было безопасного способа выйти из этой петли до тех пор, пока Нансия не обретет все свои расчетные и навигационные мощности. «Сначала нужно исправить ущерб...» Нансия неистово трудилась, постоянно отключая сектора компьютерной системы, зараженные шемалийским вирусом, находя альтернативные пути для доступа к процессорам, оставшимся еще незатронутыми. И одновременно программа-«червь», запущенная Полионом, зарывалась все глубже в системы Нансии, изменяя и искажая коды, стирая свои собственные следы, так что Нансия могла определить места ее прохождения только по неожиданным вспышкам дезориентирующих входящих сигналов или искажению математики. Нужно найти и остановить этот код, только тогда удастся сделать все остальное.

Погрузившись глубоко в путаницу собственных систем, Нансия все же ощутила страшную душевную боль, когда Дарнелл ранил Фористера.

«Не слушай. Не думай об этом». Ей нужна была полная сосредоточенность, чтобы обезвредить пронырливую программу Полиона, куда больше сосредоточенности, чем Нансия когда-либо уделяла решению относительно примитивных проблем подпро-

странственной навигации. Нансия вспомнила технику расслабления, которой научил ее Сев Брайли, и целенаправленно, медленно стала успокаивать себя, стягивая энергию от периферии и сосредоточивая сознание на внутреннем ядре света, там, где она, Нансия, существовала независимо от компьютера, корабля и даже капсулы. Какой-то отдельной частью сознания она чувствовала отказ системы гравитации и ослабление освещения, потрясение и тревогу ее пассажиров, однако не могла позволить себе отвлекаться сейчас на поддержание этих полуавтоматических функций.

Автоматические процедуры записи, установленные Нансией, продолжали действовать, когда Полион приступил к издевательствам над Микайей. Нансия не могла противодействовать его приказам, не нарушив своего транса; она не могла даже восстановить прежний уровень гравитации и освещенности, чтобы успокоить Фористера. Игнорировать боль Микайи было самым трудным из всего, что когда-либо приходилось делать Нансии. «В данный момент Микайя не существует. Ничего не существует за пределами этого места, этого момента, этого центра». Вот он, проникающий код; Нансия сожгла его вспышкой энергии, уничтожив в процессе глубинную память. Это как ампутация, подумала она, сперва боль пронзительная и резкая, а потом — ноющая, продолжительная. Теперь восстановить потерянные функции... Нансия безжалостно отсекла все излишества своего программного обеспечения, уменьшив энергию, которая обычно поддерживала ее автономные функции. Освещение в рубке померкло еще сильнее, и мягкотелые обменялись замечаниями по поводу едкого запаха в воздухе. Ну, им придется немного потерпеть: Нансии нужна энергия, чтобы восстановить поврежденные навигационные программы. Три из четырех основных математических сопроцессоров были потеряны; один из них можно было подменить графическим сопроцессором. Нет времени думать об остальных. Нансия стерла программы, в которых не было необходимости, и перекинула остальные на инфокристаллы, освобождая место в том немногом, что осталось от ее памяти, для процессов, которые она должна будет провести. Хватит ли этого? Нет возможности протестировать, нет времени на раздумья. Она нанесла удар, один-единственный, всей мощностью, что у нее осталась, и ощутила, как гиперчипы становятся обычными слитками пермасплава, как деактивированные сенсоры и процессоры превращаются из живых систем в мертвый груз.

«Некоторые животные отгрызают собственную лапу, чтобы вырваться из ловушки...»

Но не время горевать. Со «смертью» гиперчипов внутри систем Нансии оборвалась передача сигналов, терзавших кибернетические органы Микайи. Усиленный звук ее сердцебиения умолк в промежутке между двумя барабанными ударами. Фористер застонал. «Он думает, что я мертва». Но сейчас он убедится в обратном. Нансия включила искусственную гравитацию. Дарнелл рухнул на палубу со своего «насеста». Фасса упала на колени. Полион пошатнулся, но остался стоять. Нансия отдала команду проволокам-излучателям кандал-поля. Дарнелл, Полион и Фасса застыли на месте, сплетения бегущих огоньков обозначили узы, наложенные на их запястья, лодыжки и шеи. И наконец Нансия уделила немного энергии на восстановление освещения и циркуляции воздуха в рубке.

— ФН-935 к работе готова, — сообщила она. — Прошу прощения за временные неудобства...

— Нансия! — Голос Фористера звучал так, словно дипломат готов был заплакать.

— Генерал Квестар-Бенн, вы можете занять место пилота? — спросила Нансия. — Мне может понадобиться небольшая помощь, чтобы вывести нас из сингулярности.

— Сделаю все, что смогу. — Дыхание Микайи все еще было неровным, и она тяжело опиралась на кресло, однако на пилотское сиденье переместилась без чьей-либо помощи; протезы вновь подчинялись электрическим импульсам ее собственного мозга. — Что я могу сделать?

— У меня остался всего один математический сопроцессор, — объяснила ей Нансия, — и мое навигационное оборудование не функционирует. Когда я включу двигатели, мы выйдем из петли расщепления и войдем в расширение того пространства, к которому окажемся ближе. Я попытаюсь поддерживать стабильный путь, но мне может потребоваться ваша помощь в навигации. Поскольку графический процессор не поврежден, я буду выдавать изображения ближайших подпространств. Держите руку на контрольной панели и указывайте мне направление каждого ответвления.

— Сделаю все, что смогу, — снова ответила Микайя, но Нансия заметила, что она положила на сенсорную панель руку-протез; вторая рука все еще была уродливого багрового цвета, кончики пальцев распухли, под ногтями черные полумесяцы. Нансия помнила, что сказал Полион относительно гангрены. Насколько его гиперчипы ускорили метаболические процессы Микайи? «Доставить ее к врачу... но я не смогу это сделать, если кто-нибудь не поможет мне выбраться из сингулярности... и мы не можем ждать, пока Фористер оправится от действия параяда».

А потом, у Нансии не осталось энергии на то, чтобы беспокоиться за Микайю, и вообще на что бы то ни было, кроме волн трансформации, которые смыкались над ней, бросали и толкали ее через подпространства, деформировали ее корпус и всех, кто находился внутри... и еще на потоки расчетов, ускользающих от ее единственного процессора. Растерянная и задыхающаяся, Нансия ощущала, как твердая рука ведет ее вверх... во внешний мир. Нансия слепила последние числа в удобоваримую последовательность уравнений и прорвалась через хаос несчетных бесконечных подпространств в блаженную обыденность реального пространства.

Прежде чем она успела поблагодарить Микайю, плотный коммуникационный луч ударил в ее ослабевший центр связи.

— Так скоро вернулась, ФН? Что случилось? Я думал, ты направляешься на Центральные.

Это был Симеон, управляющий мозг базы Вега.

— У нас была небольшая проблема с вирусом, — ответила ему Нансия. — Вернулись... для ремонта.

Остальная история могла подождать до тех пор, пока она не сможет поведать все приватно. Незачем будоражить всю галактику оповещением о том, что неизвестное количество компьютерных систем заражено шемалийскими гиперчипами.

— Теперь все под контролем?

— Можно сказать и так, — сухо согласилась Нансия, включая оставшиеся сенсоры и проверяя свое внутреннее состояние. Половина процессоров сожжена, в пассажирском отсеке перекатываются спящие тела, три отпрыска Высоких Семей связаны кандал-полем и злы как черти. Фористер корчится от боли — когда мышцы обретают чувствительность после параяда, в них словно вонзают тысячи иголок, — а в кресле пилота сидит инвалид-генерал, та, благодаря которой Нансии удалось вообще вернуться в реальное пространство...

— Да, — сказала она Симеону. — Все под контролем.

Глава 18

В последующие дни, пока длился ремонт, Нансия начала понимать, насколько Калебу должна была быть ненавистна ситуация, когда он оказался на больничной койке, а Нансия с новым «телом» отправилась завершать задание, которое они начали вместе. Теперь сама Нансия была «выздоравливающей» и временно оказалась отстранена от дел. Для того чтобы защититься от про-

никающего эффекта воздействия гиперчипов Полиона, ей пришлось, по сути, искалечить себя и сделать огромные участки собственной системы неспособными к работе. А чтобы не дать запущенной им программе-«червю» вступить в контакт с другими гиперчипами сразу же, как корабль выйдет из сингулярности и снова обретет возможность доступа в Сеть, Нансия расправилась с собственной памятью, безжалостно отсекая целые секции банков памяти и операционных кодов.

— Это чудо, что ты смогла вернуться целой, — заявил ей Симеон, мозг базы Вега. — И ты не улетишь отсюда, пока не пройдешь самый тщательный осмотр и ремонт. Это не мои распоряжения, это приказ, переданный лучом из КС. Так что никаких споров!

— Я и не собиралась спорить, — отозвалась Нансия с непривычной для нее покорностью. На самом деле после стресса, вызванного затянувшимся пребыванием в сингулярности и последующим возвращения на одной трети энергии, у нее не было особого желания ни на что, кроме как остаться на орбите вокруг базы Вега и смотреть на вращающиеся вокруг звезды.

Или, по крайней мере, так Нансия говорила себе. Она была ранена, она устала; и она не была готова к ответственной задаче по доставке заключенных и свидетелей обратно на Центральные для судебного процесса. Гораздо разумнее было записать ее показания на инфокристалл и отослать его на новеньком сверкающем корабле Курьерской службы, который прибыл, чтобы забрать остальных.

— Я буду скучать по тебе, — сказал Фористер, — но ты скоро вернешься к работе, Нансия. А если учесть, с какой скоростью вершатся дела на Центральных, то ты, вероятно, прилетишь еще до того, как суд будет закончен. А если нет... — Он взвесил на ладони сверкающий мегакристалл, — ...для восстановления законности это ничем не хуже, чем твое личное присутствие. Ты скопировала сюда записи всего, что происходило на борту, и того, что ты воспринимала через комм-клипсы, верно? Должно быть, это самая полная — и самая ужасная — запись, которая когда-либо попадала нам в руки.

— Она... возможно, не настолько полная, как вы ожидаете, — призналась Нансия. — Ты же знаешь, у меня разрушена часть памяти.

— Да, я знаю. Но твое личное присутствие — то есть я хочу сказать, через комм-клипсу — в этом случае ничего не изменит,

так? Если что-то из твоих банков данных погибло, то при перекрестном допросе оно ведь не восстановится.

Это, по мнению Нансии, было в достаточной степени правдой, и если бы единственной причиной пробелов в записи были повреждения, нанесенные ее банкам памяти, то не было бы никакого повода подвергать ее перекрестному допросу. Но это был вопрос, который она ни с кем не желала обсуждать. Нансия попрощалась с Фористером, попыталась обуздать горечь одиночества, которую она ощутила, когда новенький корабль КС отбыл, и вернулась к созерцанию звезд Встанского подпространства. Звезды успокаивали; яркие и прохладные, они складывались в неизменные узоры, знакомые Нансии, словно... словно...

Она обнаружила, что больше не «помнит» названий созвездий, видимых из подпространства Веги. Нансия никогда не проводила в этом подпространстве достаточно много времени, чтобы вид звездного неба запечатлелся в ее человеческой памяти; а навигационные карты, на которые она полагалась, были стерты. Точно так же, как таблицы точек сингулярности и алгоритмы расщепления, записи канеллианской музыки...

— Ты знаешь, я сожалею о том, что смеялась над мягкотелыми, — задумчиво призналась Нансия Симсону, пока техники хлопотали вокруг нее, убирая оплавленные комки, некогда бывшие гиперчипами, восстанавливая соединения и сенсоры, выстраивая новые, пока еще пустые, банки памяти, в которые можно будет загрузить ту информацию, которую Нансия затребует. — Я никогда не осознавала, насколько они уязвимы, ведь им приходится полагаться лишь на те навыки и сведения, которые хранятся в их органическом мозгу.

— Нехорошо смеяться над теми, кто чем-то обделен по сравнению с тобой, — угрюмо согласился Симеон. — Я верю, что это был полезный урок для тебя, юная ФН. Ты хочешь, чтобы я помог тебе подготовить список данных, которые потребуются для твоей новой памяти?

— Да, пожалуйста, — попросила Нансия, — и еще... — она вспомнила, как злилась, слушая разговоры медтехников Саммерлендской клиники, занимавшихся лечением Калеба, — ...как ты думаешь, я могу получить классическое образование? Словари и синтаксис латыни и греческого языка...

— Я закажу Классический Кристалл Леба, — сказал Симеон. — Там двадцать шесть языков Старой Земли плюс вся основная литература.

— И еще... — Нансии не хотелось слишком залезать в долги, —

медицинскую литературу? Фармакология, внутренние органы и хирургия...

— Стандартный набор должен быть на любом корабле, который попадает в такие неприятности, какие были у тебя, — поддержал ее Симеон.

— Да, но смогу ли я его получить? Я потеряла некоторые расчетные данные и не знаю, в каком состоянии мой кредит в Курьерской службе...

Симеон был в этот момент ближе к тому, чтобы рассмеяться, чем за все время, пока Нансия была с ним знакома.

— Поверь мне, ФН, премия за последнюю работу плюс страховая выплата покроют все излишки, какие ты захочешь затребовать, и к тому же сильно сократят твой путь к выплате долга Лабораторной школе. Выполни еще парочку таких же, и будешь женщиной в своем праве, без всяких долгов. На самом деле, — задумчиво добавил он, — я не вижу, почему ты должна платить за классический и медицинский кристаллы. Я просто внесу их в список для замены памяти, который будет направлен на Центральные...

— Нет, — твердо возразила Нансия. — Именно так все и начинается.

— Начинается что?

— Ты знаешь. Дарнелл. Полион. Все.

— А-а. Я понимаю, что ты имеешь в виду, но это серая область, знаешь ли...

— Только не для дома Перес-и-де Грас. — ответила Нансия. — Я куплю кристаллы дополнительных навыков сама, из своей премии. Судя по цифрам, которые ты передал, мне более чем хватит на честную оплату этих «излишков» и на любые другие расходы, которые я могу придумать во время этого простоя.

Однако это было до того, как Нансия обнаружила статью расхода, сократившую ее бюджет до предела.

Ремонт Нансии был почти закончен, когда Калеб, ходивший уже без костылей и еще более мускулистый, нежели прежде, прибыл на базу Вега и затребовал разрешения подняться на борт. Нансия вскрикнула от радости, когда загорелый, подтянутый молодой человек вышел из шлюза.

— Боже, Калеб, ты выглядишь так, словно не болел ни единого дня в своей жизни!

— В Саммерлендской клинике было почти нечего делать, — небрежно промолвил Калеб. — Грех было зря тратить время; я по многу часов проводил в залах физиотерапии, пока врачи наконец

не провели все проверки и не объявили, что я снова пригоден к службе. Каково наше следующее задание?

— Наше?

— Ты ведь не думала, что я тебя брошу? В мое отсутствие, Нансия, ты вынесла несколько неверных суждений, но ничего такого, что нельзя было бы исправить. В сущности, — добавил Калеб, окинув взглядом блистающее убранство внутренних помещений, откуда наконец были удалены все следы коричнево-лиловой раскраски «Перевозок ОГ», — похоже, ремонт почти завершен.

— Ремонт завершен, но, Калеб, я... я работаю теперь с другим напарником, Фористером, — сказала Нансия. При этих словах она почувствовала себя виноватой. Наверное, Калеб решит, что она отвергает его. Но это была чистая правда. Ее позывной теперь ФН-935, не КН.

— Временное назначение, — отмахнулся Калеб. — Теперь, когда я снова признан годным к службе, Фористер может возвращаться в свой комфортабельный кабинет. Ему нет больше необходимости тратить силы на выполнение задач, к которым он не готов. Взять хотя бы это последнее поражение. Ты не виновата, Нансия, ты очень молода и неопытна, но даже ты должна понять, что все было сделано неправильно. Если...

Пока Калеб бесцеремонно объяснял, какие ошибки сделал Фористер и каким образом он, Калеб, мог бы сделать все гораздо лучше — «ну конечно, задним умом все крепки!» — Нансия пыталась справиться с новым, совершенно незнакомым ей ощущением.

— *Симеон*, — направленным лучом обратилась она к управляющему мозгу, — *есть ли какие-то неполадки в моих восстановленных контурах? Мои сенсоры показывают повышение температуры и электропроводимости, к тому же я улавливаю странное жужжание в некоторых слуховых контурах.*

Управляющий мозг Веги ответил после недолгой паузы.

— *Потрясающе*, — просигналил он, пока Калеб продолжал разглагольствовать. — *Твои синаптические связи улавливают прямые эмоциональные сигналы. Какое неожиданное сочетание — этого никак нельзя было ожидать. Должно быть, ты что-то сделала со своими соединениями, пока пыталась справиться с шемалийской программой-«червем».*

— *О чем ты говоришь? Это опасно? Как это починить?* — паниковала Нансия.

Симеон передал по аудиосвязи смешок, прервавший Калеба на полуфразе.

— Что это? Центр пытается с нами связаться?

— Нет, просто... сообщение от одного из ремонтников, — нашлась Нансия. — Так что ты говоришь?

— Ну, постарайся, чтобы больше такого не было, раздраженно продолжил Калеб. — Мы должны прояснить наши с тобой отношения на будущее, Нансия. Это, несомненно, куда более важный вопрос, чем какая-то мелкая болтовня относительно твоего ремонта. Теперь слушай. Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя виноватой за прошлое.

— А почему я должна чувствовать себя виноватой? — изумилась Нансия. — А, потому что я не сообщила о разговорах, которые происходили у меня на борту во время моего первого рейса, и не остановила этих юных преступников прежде, чем они что-либо смогли учинить? Ну, я действительно чувствую себя виноватой. Это была большая ошибка. — Но именно Калеб подтолкнул ее к этой ошибке.

— Я совсем не это имел в виду! Ты действовала совершенно правильно, сохранив эти разговоры в тайне. Я имею в виду то, как ты носилась по всей системе Ньота, собирая ложные свидетельства, притворяясь тем, чем ты не являешься, поощряя утечку поставок ПТП на Ангалии, будучи вовлечена в различного рода жестокости и связавшись с весьма сомнительными людьми...

— *Симеон, я чувствую, что перегреваюсь. Можешь ли ты прислать техника, чтобы он исправил мои контуры?*

— *Здесь нечего исправлять, Нансия, однако Лабораторная школа наверняка захочет понять, как тебе удалось этого достичь. Вкратце говоря, ты создала петлю обратной связи между своей сердцевиной и кораблем — связь, которая несет не только мыслительные и двигательные, но также и эмоциональные импульсы.*

— *Ты хочешь сказать...*

— *Ты больше похожа на мягкотелого, Нансия, чем остальные капсульники, — или, вернее сказать, больше похожа на человека. Ты злишься, и это проявляется в твоих соединениях. Тело нагревается, в ушах звенит, дыхание учащается, топливо расходуется интенсивнее — да, я сказал бы, что ты в ярости. И не без причины. Ты переросла этого добродетельного зануду, Нансия. Интересно, скоро ли ты заткнешь его и выпнешь прочь?*

— ...но ты была сбита с толку, и я сам несу часть вины за то, что позволил тебе убедить меня вопреки моим убеждениям сделать первый ложный шаг по ведущему в пропасть пути обмана, — закончил фразу Калеб, для которого разговор между Симеоном и Нансией, уложившийся в долю секунды, был за гранью воспри-

ятия. — Теперь ты видишь, к чему могут привести подобные вещи, и я уверен, что больше ты таких ошибок не допустишь. И я хочу, чтобы ты знала, что я полностью, по собственной воле прощаю тебя. Мы никогда не поднимем эту тему...

— Ты чертовски прав, не поднимем! — прервала его Нансия. — Иди и найди себе корабль, который соответствует твоим моральным принципам, Калеб!

— Что ты имеешь в виду?

Чтобы успокоиться, Нансия прервалась на секунду, перевела всю карту Веганского подпространства в линейные меры Старой Земли, а затем обратно. Путем множественных стандартных арифметических действий. В кодировке верхнего уровня. Нансия была на грани того, чтобы оскорбить Калеба в лучших чувствах. Но она была не настолько зла на него, чтобы действительно это сделать. Тот неопытный «мозговой» корабль, который пять лет назад заключил партнерство с Калебом, принял бы его самодовольную нотацию так же послушно, как если бы пилот излагал устав Курьерской службы. Это не была ни вина Калеба, ни вина Нансин: она просто переросла его узкий черно-белый взгляд на мир. Фористер научил ее ценить оттенки серого и воспринимать их. И теперь Нансия чувствовала, что ее «телом» является скорее невысокий, полноватый, пожилой дипломат, нежели молодой человек, сопровождавший ее в первых ее путешествиях, — что ж, нельзя же заставлять Калеба страдать из-за этого.

Ее перегретые контуры остыли, жужжание в ушах стихло. Нансия успокоилась, просчитав простые, неизменные уравнения.

— Ничего не выйдет, Калеб, — произнесла она наконец. — Ты *можешь простить меня, но прошлое все равно будет стоять между нами.* Тебе лучше найти другой корабль, тот, который никогда не предаст твои идеалы. — «Предпочтительно такой, что получил патент не более десяти минут назад». — Что касается меня... — Нансия вздохнула, — горечь прибавляет мудрости. — «Это, по крайней мере, правда». — Я полагаю, наиболее правильным будет подать петицию в Центр, чтобы мое временное партнерство с Фористером стало постоянным или же чтобы мне позволили поискать другое «тело», если Фористер решит уйти. — «Пожалуйста, пожалуйста, пусть он этого не сделает!»

— Ну... — По крайней мере речевые импульсы Калеба временно были подавлены. — Если ты действительно так считаешь...

— Да. — ответила Нансия и твердо добавила: — Я заплачу штрафной сбор за запрос о новом назначении для «тела». Будет

нечестно возлагать на тебя какую бы то ни было часть этой ответственности.

Однако она была слегка разочарована, увидев, как быстро Калеб согласился на это предложение...

Когда несколько недель спустя Нансия приземлилась на Центральной Базе, суд над Ньотской Пятеркой, как поименовали новостники первых пассажиров Нансии, все еще был в разгаре.

Одинокое путешествие в Центральное подпространство, без пилота или пассажиров, которые отвлекали бы ее, дало Нансии много времени на раздумья... возможно, слишком много. У нее не было возможности узнать, как продвигается судебный процесс или как суд отреагировал на представленные ему показания: из уважения к чувствам Высших Семей репортеры не были допущены в зал суда, и потому новостникам оставалось только муссировать слухи. Нансия даже не знала, захочет ли суд вызвать ее на перекрестный допрос для подтверждения показаний, записанных ею на инфокристалл. Ну что ж, если они этого пожелают, она к их услугам. И все равно Нансия не получит нового назначения, пока Фористер не будет освобожден от свидетельских обязанностей и снова не займет должность ее «тела». Если, конечно, он по-прежнему хочет этого, после того как услышал, что было на том кристалле... и чего там не было.

Однако на размышления об этом Нансии уже не хватило времени — едва она коснулась посадочной площадки на Центральной Базе, как получила сообщение о визите посетителя.

— Перес-и-де Грас запрашивает разрешения подняться на борт, — заранее предупредил ее управляющий мозг Центральной Базы.

Это был приятный сюрприз! Последним известием, полученным Нансией от Фликса, был информационный пакет, присланный с Кайласа и содержащий по большей части изображения какого-то занятного кафе, где Фликс получил работу синткоммиста. Должно быть, он уволился — или был уволен... Что ж, она не будет его об этом расспрашивать. Нансия открыла внешний люк и вывела на панорамные экраны в рубке изображения того подарка, который она заготовила для своего непутевого братца.

— Фликс, как здорово, я и не знала, что ты... — радостно начала она, когда дверь открылась. Фраза оборвалась слабым шипением, доносящимся из динамиков левого борта: Нансия увидела, что в проеме шлюза стоит подтянутый седовласый мужчина с холодными серыми глазами. Нансия поспешно убрала с дисплеев

новые, супердетализированные, с голографическими вставками изображения новой версии «Разбросанных» и заменила их уместными, в спокойных тонах, репродукциями картин Старых Мастеров.

— Насколько я знаю, — ответил на ее слова Хавьер Перес-и-ле Грас, — его здесь нет. Хотя теперь, когда я получил назначение на Центральный, твой младший братец наверняка найдет себе какую-нибудь отвратительную работу на этой планете, чтобы и дальше раздражать меня лицезрением того, как низко он пал.

— Ох! — Нансия никогда раньше не сопоставляла перемещения Фликса с одной планеты на другую и те назначения, которые получал ее отец на Дипломатической службе.

Теперь же она провела быстрое сканирование своих восстановленных банков памяти и обнаружила, что совпадений на удивление много. Об этом, пожалуй, следовало спросить Фликса. Но обсуждать это сейчас с отцом Нансия не была готова.

— Я не думаю, — осторожно сказала она, — что именно ради этого ты пришел навестить меня? В смысле не для разговоров о карьере Фликса.

Отец хмыкнул:

— Я бы не назвал это карьерой. Вот ты, Нансия, девочка моя, действительно делаешь карьеру, и, судя по всем отчетам, до нынешнего времени тебе это удается вполне неплохо. Возможно, несколько просчетов в суждениях, но ничего такого, чего не могут исправить опыт и взросление...

На этот раз Нансия знала, что означает прилив тепла, затопивший контуры ее верхней палубы, и красная пелена перед визуальными сенсорами. Несколько секунд она не решалась заговорить, боясь, что не сможет контролировать свой голос. Она смотрела на отца и видела Калеба, а за ним, тенью, соткавшейся из ее воображения, маячил Фаул дель Парма-и-Поло. Вот перед ней еще один человек, который видит в ней всего лишь орудие, способное послужить его планам, и который явился лишь ради того, чтобы оценить, насколько хорошо она с этой задачей справилась. Они что, все такие?

— И какие именно ошибки в суждениях ты можешь назвать? — поинтересовалась Нансия, вновь восстановив контроль над голосом. Не то чтобы она совсем не сделала ошибок, на которые ей мог бы указать папа...

Но то, о чем он заговорил, было последней вещью, которую Нансия ожидала услышать в данной ситуации.

— По крайней мере, другой корабль выполнил задачу по их доставке на Центральные Миры, — произнес отец. — Но судя по тому, что я слышал на суде, ты была готова сама предложить свои

услуги. Тебе не следует так принижать себя, Нансия. Перес-и-де Грас не может быть использован в качестве тюремного корабля для транспортировки обычных преступников.

— Если ты не забыл, папа, — возразила Нансия, — эти «обычные преступники» — те самые люди, которых я доставляла в систему Ньота во время своего первого рейса... и разве ты не потянул тогда за струнки, чтобы устроить мне именно это назначение?

Хавьер Перес-и-де Грас тяжело опустился в одно из мягких кресел.

— Я это сделал, — признал он. — Я думал, что для тебя будет неплохо побыть в компании молодежи... молодых людей одного с тобой круга и происхождения... в первом твоем путешествии. Я думал, что это будет простое задание.

— Я тоже так думала, — согласилась Нансия и ощутила, как в голосе прозвучала нотка горечи. Какая бы связь ни возникла между ее эмоциями и внешними контурами, эта связь работала в обе стороны. После неприятностей с гиперчипами Нансия больше не могла поддерживать идеальный контроль над своим голосом, выдавая те тщательно выверенные, безэмоциональные обертоны, которыми так гордилась. — Я так думала. Но все оказалось... куда более сложным. И я не знала, что делать. Может быть, я и сделала некоторые «ошибки в суждениях». Если ты помнишь, мне не с кем было особо посоветоваться. — «Я всего лишь получила запись напутственного послания от человека слишком важного и занятого, чтобы даже прийти на мою выпускную церемонию».

— Я помню, — произнес отец. — Если хочешь, это можно назвать *моей* ошибкой. Но мне казалось, что ты прекрасно справилась с обучением, получила диплом и патент... а я беспокоился за Фликса. И до сих пор беспокоюсь, если это имеет какое-то значение. — Он вздохнул. — Как бы то ни было, перед тобой была перспектива блестящей карьеры, а остальные мои дети представляли сплошную проблему.

— Только не Джиневра! — воскликнула Нансия. — Я всегда думала, что она являла образцовый пример того, чем ты хотел нас видеть.

— Я хотел, чтобы вы стали сами собой, — промолвил отец. — Очевидно, мне не удалось донести это до вас. Джиневра стала просто шаблоном идеального администратора ПТП, и я больше не знаю, о чем с ней говорить. Что касается Фликса — ну, ты ведь знаешь, что с ним происходит. Я теперь думаю, что он нуждался в моем внимании куда больше, чем ты. Я подумываю о том, чтобы предложить ему несколько вакансий на начальном уровне, в

различных службах Центральных Миров — чтобы он сам выбирал, где ему работать, и смог в конце концов чего-нибудь добиться... но, конечно, ему придется отказаться от всех этих выходок с синткоммом... — Хавьер Перес-и-де Грас снова вздохнул. — Фликс никогда и ничего не делал прямо, без уверток. Я не знаю, возможно, он чувствовал себя покинутым все эти годы, когда каждую свободную минуту я посвящал тому, чтобы навестить тебя в Лабораторной школе. У меня на него просто не хватало времени. Даже в тот день, когда он родился, я был в Лабораторной школе, наблюдая, как тебя снабжают первой твоей подвижной капсулой. Возможно, я был ему нужен больше, чем тебе... возможно, еще есть возможность как-то изменить ситуацию.

Нансия быстро справилась с шоком, вызванным этой речью. Впервые, глядя на усталое лицо отца, она начала осознавать, сколько времени и сил он действительно отдавал семье все эти годы. С тех пор как мать Джиневры, Нансии и Фликса тихо ушла на небеса «блаженных» в закрытой, с хорошей репутацией, клинике. Хавьер пытался быть одновременно отцом и матерью для троих непокорных, талантливых, требовательных отпрысков Высшей Семьи. Другой человек ради эмоционального комфорта стал бы оказывать на детей чрезмерное давление: другой дипломат, озабоченный карьерой, распихал бы их по частным школам и забыл бы про них. Но папа не был таким, как Фаул дель Парма, он не стал использовать своих детей, с тем чтобы впоследствии от них избавиться. Хавьер Перес-и-де Грас сделал для своих детей все, что мог... в рамках своих возможностей... выкраивая минуты между собраниями, выдерживая долгие утомительные перелеты, чтобы во время перемещения с одного дипломатического поста на другой завернуть на пару дней к кому-нибудь из них, сжимая безжалостный график работы ради того, чтобы посетить церемонию выпуска или школьный матч.

— Ошибка в суждении, может быть, — произнес отец, когда молчание слишком затянулось, — но ни в коем случае... поверь мне... не ошибка в любви. Ты моя дочь. И я всегда желал тебе только добра. — И, поднявшись из кресла, он на миг приложил ладонь к титановому пилону, вмещавшему и оберегавшему капсулу Нансии.

— Запрашиваю разрешение подняться на борт!

На этот раз имя не было названо, но Нансия узнала голос Фористера, хотя было что-то непривычное в том, как он выговаривал слова. Активировав внешние сенсоры, Нансия увидела, что

на посадочной площадке рядом с Фористером стоит еще и генерал Квестар-Бенн.

— Запрашиваю разрешение подняться на борт! — повторил Фористер. Каждое свое слово он выговаривал очень старательно. А Микайя Квестар-Бенн стояла очень прямо, как будто на параде. В душу Нансии начали закрадываться подозрения.

Она открыла нижний люк и стала ждать. Момент спустя входная диафрагма рубки разошлась, и в помещение вошла Микайя. Очень медленно и аккуратно.

За генералом шел Фористер. В руке он сжимал откупоренную бутылку.

— Вы оба пьяны, — жестко констатировала Нансия.

Фористер принял оскорбленный вид.

— Пока нет. Я не стал бы напиваться, прежде чем прийти сюда и поделиться с тобой новостями. Я просто счастлив... Очень счастлив, — разглагольствовал он. — Очень, очень, очень... о чем я думаю?

— Наверное, о том, что в бутылке «Искристого Хеорота» скоро покажется дно, — предположила Нансия.

Выражение оскорбленной гордости на лице Фористера стало еще более заметным.

— Прошу тебя! Как ты могла подумать, что я могу поднять тост в честь лучшего корабля Центральных Миров и при этом пить эту дешевую гадость? Она подходит только для... для...

— Голодающих музыкантов? — спросила Нансия. Когда-нибудь ей нужно будет серьезно поговорить с папой насчет Фликса — предложить, чтобы он перестал полыскивать для парня многообещающий старт для карьеры и позволил ему просто быть синткоммистом. Но последний визит отца показался Нансии не слишком благоприятным временем для такого разговора. И она сейчас не могла с ним связаться, потому что у Фористера явно что-то было на уме. В том, что осталось от его ума, поправила себя Нансия с ноткой зависти.

— Я должен тебе сказать, — заявил Фористер, сияя улыбкой, — что это подлинное вино со Старой Земли, «Бадаксоньи Кекньелу», не какая-то там подделка!

Новый языковой модуль Нансии включал в себя не только латынь и греческий, но и менее известные языки Старой Земли. Она просмотрела словарь венгерского языка.

— Озеро с Синим Языком Бадаксоньи? Ты уверен?

— Можешь ему верить, — вмешалась Микайя Квестар-Бенн. Как и Фористер, она выговаривала слова чрезвычайно старательно. — Если это не хуже, чем красное пойло, то оно стоит потра-

ченных на него кредитов. А как называлось то красное, Фористер?

— «Эгри Бикавер».

— Бычья Кровь из Эгера, — перевела Нансия. — Ну ладно. Знаете, иногда я была бы совсем не прочь разделить удовольствия мягкотелых. Э-э... а что мы празднуем?

— Окончание судебного процесса! Ты что, не смотришь новости?

— В последнее время — нет. Они почти ничего не сообщают, — равнодушно ответила Нансия. «А если есть какие-то вопросы относительно моих показаний, я не хочу это слышать».

— Ну, теперь-то им будет что сообщить. — Фористер выпрямился и теперь стоял, слегка покачиваясь. — Приговор вынесен сегодня утром. Альфа бинт Герца-Фонг и Дарнелл Оверton-Глаксели получили по двадцать пять лет каждый. Они будут выполнять общественные работы на только что колонизованной планете — под строгой охраной.

— Альфа может принести колонистам пользу, — прокомментировала Нансия, — но я не знаю, что будет делать горстка бедных, ни в чем не повинных колонистов, когда им на шею свалится Дарнелл.

— Это сельскохозяйственный мир, — весело отозвался Фористер. — Им нужна рабочая сила для выполнения примитивных полевых работ. Что касается остальных... — Он на миг посерьезнел. — Полиона отправляют обратно на Шемали.

— Что?

— Работать в цеху по травлению гиперчипов, — пояснил Фористер. — Новый менеджер нашел безопасный способ обезвреживания вируса, который Полион встроил в гиперчипы. Так что завод продолжит производство чипов... под несколько более ответственным управлением. Я боюсь, что на некоторое время поставки гиперчипов резко снизятся, так что, Нансия, тебе еще долго не удастся заменить те, которые ты сожгла.

— Я с этим как-нибудь справлюсь, — сухо ответила Нансия. Ей действительно понадобится долгое время, прежде чем она допустит, чтобы какой-нибудь чип, разработанный Полионом де Грас-Вальдхеймом, оказался даже поблизости от ее плат!

Но Фористер пока не упомянул о двух людях, чья судьба волновала Нансию куда больше.

— А Блэйз?

Вряд ли все настолько плохо, иначе Фористер не был бы настроен так празднично.

— Пять лет общественных работ, — сказал Фористер. — Могло быть и хуже. В подпространстве Денеба есть какая-то заштатная

планетка — вроде Ангалии, только хуже, и единственная чувствующая форма жизни на ней — гигантские пауки, с которыми еще никому не удавалось наладить общение. Блэйз стенал и жаловался, но я подозреваю, что он не дождется того момента, когда начнет учить этих пауков азбуке глухонемых. Мы можем навестить его после выполнения нового задания и посмотреть, как у него дела.

— Новое задание?

— Вот данные. — Фористер опустил в приемник считывателя Нансии кристалл. Нансия прочла указания, пока Фористер и Микайя вскрывали бутылку «Бадаксоньи Кекньелу». Они все трое были направлены на Тету Чентмари... очень, очень далеко от Центральных, через три отдельные точки сингулярности. Один переход должен был привести их прямиком в подпространство Денеба.

— А что мы будем делать по прибытии туда? — поинтересовалась Нансия. «Если предположить, что они собираются работать вместе со мной... по-моему, да. Но почему они не сказали ни слова насчет Фассы?»

— Запечатанные приказы. — Фористер бросил в считыватель второй кристалл, и, к своему разочарованию, Нансия обнаружила, что не может прочесть информацию на этом носителе. — Предполагается, что он дешифруется сам собой, когда мы пройдем третью сингулярность, — объяснил Фористер. — Очевидно, то, что происходит там, нежелательно разглашать на Центральных Мирах... Центр опасается утечки. Они обсуждали возможность сделать нас троих постоянной следственной бригадой для работы с мелкими шумными скандалами, наподобие того, что сейчас происходит на Тете Чентмари... что бы там ни творилось.

— А что вы двое думаете на этот счет? — осторожно спросила Нансия. — Теперь, когда суд позади? И... вы не сказали мне ничего о Фассе.

— Ах да, Фасса. — Веселый блеск в глазах Фористера немного потускнел. — Сев летит вместе с ней на Ригель-IV, ты это знаешь? Он сказал, что постарается там найти работу частного следователя или охранника, пока не закончится ее срок.

— Двадцать пять лет?

— Десять. Суд решил проявить снисходительность ввиду очевидного раскаяния... она ведь помогла нам поймать Полиона с поличным, к тому же была эта ее трогательная попытка защитить меня, когда Полион удерживал нас в заложниках во время пребывания в сингулярности. Большинство этих событий было блестяще отражено в твоих видеозаписях, Нансия. — Фористер мягко улыбнулся. — Хотя там и было несколько пробелов.

«Вот и началось». Нансия пыталась не думать об этом аспекте судебного процесса.

— Я же говорила, что моя память несколько пострадала, — напомнила она Фористеру.

— Ну да, говорила... Как бы то ни было, суд не был уверен, что со всем этим делать. В конце концов, к тому моменту Фасса уже находилась под арестом, и она, вероятно, просто хотела выставить себя перед правосудием в наиболее выгодном свете. Однако было и еще одно событие, произошедшее ранее, задолго до ее ареста, и оно убедило суд, что Фасса вовсе не была такой же мошенницей, как ее сотоварищи. — Фористер подмигнул. — Похоже, что, когда построенный ею на Шемали цех обрушился, она бесплатно возвела новое здание. Сев Брайли засвидетельствовал это. Сейчас мне кажется, будто я краем уха слышал, как Полион сказал, что Фасса сделала это под угрозой его возмездия. Но к тому времени, как Сев поведал об этом деле со строительством на Шемали, суд над Полионом уже был окончен, так что его нельзя было вызвать для перекрестного допроса. А один из небольших пробелов в твоих записях пришелся как раз на те минуты, когда Полион объяснял нам эту маленькую подробность.

Нансия почувствовала, как к контурам ее верхней палубы приливает жар.

— Я говорила, что у меня отсутствуют некоторые участки памяти, — повторила она.

— Очень уместно расположенные участки, должен заметить.

— Ну хорошо, я убрала эту часть записи. Я... Фассе в прошлом пришлось пройти через худшие неприятности, чем те, с какими когда-либо сталкивались ты или я, — призналась Нансия. — Судя по тому, что я услышала, когда наблюдала за ней и Севом... ты не знаешь, что сделал с ней ее отец.

— Могу предположить, — заметил Фористер.

— Ну, вот. Это не извиняет того, что она сделала, я понимаю. И это могло бы оказаться для нее фатальным, если бы всплыло на суде. Но... она не настолько уж испорченна. Просто она никогда не знала, каково это — иметь за спиной любящую семью, готовую всегда тебе помочь. — «Мне повезло куда больше — пусть даже я не всегда это осознавала». — Я думаю, Фасса заслуживает того, чтобы получить второй шанс.

После ее слов в рубке воцарилось молчание.

— Я... это было бесчестно, — согласилась Нансия. — И я это знаю. И если вы двое после этого больше не захотите работать со мной...

— Нам была известна правда об этих зданиях, — указала Микайя. — Мы тоже были там, если помнишь. Я не видела никакой

необходимости представать перед судом для того, чтобы опровергнуть трогательные показания Сева. И твой пилот тоже не собирался этого делать. — Генерал запрокинула голову и одним глотком осушила бокал старинного вина. Фористер вздрогнул.

— Тогда... — Нансия не знала, что и думать.

Фористер погладил ее титановый пилон.

— Это было... в некотором роде испытание, можно так сказать. Мик как-то предположила, что ты провела слишком много времени с Калебом и нахваталась от него этих черно-белых воззрений — слишком много для того, чтобы войти в следственную команду. Мы можем столкнуться с достаточно щекотливыми заданиями. И тогда потребуется выносить суждение — не во всех вопросах можно полагаться на устав Курьерской службы. Но теперь я считаю, что ты достаточно повзрослела, чтобы выносить собственные суждения в области морали — в том числе и относительно того, когда необходимо промолчать. В конце концов, ты не солгала ни об одном прегрешении Фассы; все свидетельства, приведенные в твоих показаниях, совершенно правдивы. Ты просто... уравновесила то, что не могла сказать о ее трагическом детстве, тем, что ты умолчала о некоторых аспектах ее строительных работ на Шемали.

— Вы не станете презирать меня за это?

— Я сделал то же самое, — напомнил Фористер, — при этом даже не зная о том, насколько тяжелым было детство Фассы.

— Значит... это не было неправильно?

— Теперь ты взрослая, Нансия. Ты можешь судить сама. Так что *ты* думаешь по этому поводу? — спросил Фористер.

Нансия все еще размышляла, когда они достигли первой точки сингулярности по пути к Тете Чентмари. Фористер и Микайя надежно пристегнулись к койкам в своих каютах, и Нансия без усилий заскользила по волнам расщепляющихся пространств. Пространство и время скручивались и перестраивались вокруг нее, и она выбирала путь между постоянно изменяющимися матрицами трансформаций. В течение нескольких секунд великолепного и опасного перехода Нансия скользила, танцевала и ныряла в своей стихии, принимая решения самостоятельно...

...как и на протяжении всей остальной своей карьеры.

Корабль, который искал

Глава 1

Когда Тия вынырнула из-под учебного шлема, первое, на что она обратила внимание, был мигающий на панели комма красный огонек. Не ровное мигание, означающее, что ее ждет записанное сообщение, и не тройные вспышки, сигнал, что мама или папа оставили ей записку, а двойные мигания с паузами между ними: значит, наверху, на орбите, кто-то ждет, пока она включит связь.

А раз наверху кто-то ждет, следовательно, прибыл корабль — вне расписания: его-то Тия знала назубок, — то есть ответить надо было срочно, одеваться и бежать разыскивать родителей некогда. Однако же это не ЧП — иначе бы Сократ прервал ее урок.

Тия протерла глаза, чтобы избавиться от плящущих переменных, и подвинула табурет к панели комма, чтобы иметь возможность, встав на него, дотянуться до всех кнопок. С кресла она, разумеется, ни до чего не дотягивалась. С проворством и деловитостью, которой могли бы позавидовать иные люди, втрое ее старше, она очистила экран, сдвинула переключатель и открыла канал.

— Исследовательская группа С-121! — произнесла она очень отчетливо: микрофон был старый, и слова, произнесенные недостаточно внятно, он просто глотал. — Исследовательская группа С-121 слушает! Говорите, пожалуйста! Прием.

Тия нервно отсчитывала четырехсекундную задержку на прохождение сигнала до орбиты и обратно. «Один-гипотенуза, два-гипотенуза, три-гипотенуза, четыре-гипотенуза... Кто бы это мог быть?» Корабли вне расписания прибывали очень редко и чаще всего приносили плохие новости. Космические пираты, эпидемия, работорговцы. Проблемы с какими-то колонизированными планетами. Или, еще того хуже, — появление грабителей, охотящихся за артефактами. Такая крошечная археологическая база, как у них, была слишком уязвима для внезапного налета. Разумеется, при раскопках поселений саломон-кильде-

ровской культуры редко попадалось что-то, чем обычно интересуются коллекционеры, но вдруг грабители этого не знают? На случай, если они вдруг появятся, а Тия будет одна, у семилетней девочки имелись четкие инструкции: нырять в потайной тоннель, активация которого спустит купол, и бежать в маленькое темное укрытие в стороне от раскопа. Убежище было первым, что папа с мамой установили после купола...

— Говорит курьер ТМ-370. Тия, милая, это ты? Не волнуйся, солнышко, у нас просто не слишком срочное сообщение, а вы у нас по дороге, так что мы привезли вашу почту раньше обычного. Прием.

Густое, звучное контральто звучало довольно невыразительно из-за плохого динамика, но все равно этот голос был знакомым и приятным. Тия возбужденно запрыгала на табуретке.

— Мойра! Да-да, это я! Но...

Тия слегка нахмурилась. В последний раз, когда Мойра была здесь, она называлась ЧМ, а не ТМ!

— Мойра, а что случилось с Чарли?

Ее голосок приобрел несколько язвительные интонации человека куда более взрослого.

— Мойра, ты что, выставила еще одного папарника? Как тебе не стыдно! Вспомни, что тебе говорили, когда ты выкинула Ари из шлюза! Э-э... Прием!

Четыре секунды — целая вечность.

— Я его вовсе не выставила, милая, — ответила Мойра, хотя Тии показалось, что ее голос звучит немного виновато. — Он просто решил жениться, завести свое собственное потомство и осесть где-нибудь в грязи, на планете. Не волнуйся, это в последний раз, я в этом уверена. Мы с Томасом прекрасно нашли общий язык. Прием.

— Ну да, про Чарли ты говорила то же самое! — мрачно напомнила ей Тия. — И про Ари, и про Лилиан, и про Джулза, и...

Она все еще перечисляла имена, когда Мойра перебила ее:

— Тия, милая, включи, пожалуйста, посадочный маячок! Мы можем поговорить и после, когда я не буду жечь топливо в орбитальных двигателях.

Ее голос сделался немного лукавым:

— К тому же я привезла тебе подарочек на день рождения! Вот почему я просто не могла не остановиться здесь. Прием.

Можно подумать, подарочек на день рождения помешает Тии продолжить перечислять все неудачные попытки Мойры обзавестись «телом». Так у капсульников, пилотирующих космиче-

ские корабли, а еще точнее, являющихся этими кораблями, было принято называть напарников.

Ну... разве что ненадолго!

Тия включила посадочный маячок, а затем, не без самодовольства, активировала и все прочие системы посадочной сигнализации: зажгла огни на посадочной площадке, указатели, сообщила Сократу, что он должен связаться с навигационной системой курьерского корабля. Когда Мойра была здесь в прошлый раз, Тия ничего этого делать еще не умела, и Мойре пришлось садиться практически вслепую.

Девочка подалась вперед, чтобы дотянуться до микрофона.

— Мойра, для посадки все готово! А... а что ты мне привезла, а? Прием.

— Ах ты ж, моя умничка! — радостно воскликнула Мойра. — Всю систему активировала! Да, ты многому научилась с тех пор, как я побывала у вас в последний раз! Спасибо, милая, — а что я тебе привезла, это ты узнаешь, когда я сяду. Конец связи.

Ну и ладно. Надо же было попробовать! Тия спрыгнула с табуретки, предоставив заниматься посадкой искусственному интеллекту, который управлял всем домом и внешними системами базы тоже. Или, точнее, приказав Сократу дать кораблю всю информацию, в которой Мойра нуждалась, чтобы совершить посадку, — Мойра никогда никому не передавала управление кораблем, если без этого можно было обойтись. Отчасти поэтому у нее и были такие проблемы с пилотами. Она не доверяла им управление и не стеснялась сообщать им об этом. Ари, к примеру, эта ее манера крайне раздражала, и кончилось тем, что он попытался отключить Мойру от системы управления кораблем, чтобы доказать, что он способен «рулить» не хуже ее.

Теперь следующий шаг: надо ли одеться и сходить за мамой с папой? Пытаться дозвониться до них по комму бесполезно: они почти наверняка отключили динамики. Хотя, конечно, делать этого не положено. Но ведь дело-то несрочное — они наверняка рассердятся, если Тия помешает им работать, а потом выяснится, что это всего-навсего из-за внепланового визита курьерского корабля, даже если это не кто-нибудь, а Мойра. А если у них там что-то важное: если они, например, описывают очередную находку или устанавливают ее возраст, они тем более рассердятся, что Тия лезет с такими «мелочами».

Мойра не сказала, что дело у нее срочное и важное. Если бы она летела с какой-нибудь неотложной миссией, она не стала бы тратить время на болтовню о помощниках и подарочках.

Тия взглянула на часы. До обеденного перерыва оставалось около получаса. Если между Потой Андропулус-Кейд (доктором биоэкспертизы, ксенологии и археологии) и ее супругом Брэддоном Мартенсом-Кейдом (доктором геологии, физики, космологии, членом-корреспондентом Академии археологии и лицензированным астронавигатором) и было что-то общее, помимо дочки Тии и нерушимой, хотя и несколько рассеянной, взаимной любви, — так это пунктуальность. Каждое «утро», ровно в семь ноль-ноль, где бы Кейды ни находились, они садились завтракать вместе. Ровно в двенадцать ноль-ноль они вместе возвращались в купол обедать. В шестнадцать ноль-ноль Тия полдничала самостоятельно — об этом заботился Сократ. И ровно в девятнадцать ноль-ноль Кейды возвращались с раскопа и садились ужинать.

Значит, ровно через тридцать минут Пота с Брэддоном будут здесь. Мойра приземлится не раньше чем минут через двадцать. Гостю — или гостям: неизвестно, есть ли на борту кто-то, кроме «тела», еще незнакомого им Томаса, — долго ждать не придется.

Тия принялась расхаживать по гостиной купола: собрала свои разбросанные книжки и пазлы, поправила подушки на диване, включила свет и пейзаж-голограмму: раскачивающиеся голубые деревья над зеленой лагуной на Миконе, где познакомились ее родители. Приказала кухне сварить кофе, переключилась с обеденной программы на вариант V-1 из встроенного меню, рассчитанный на гостей. Музыку Тия выбрала сама: «Сюита Арченстона», веселая электронная музычка, которая как раз подходила к голограмме на стене.

Больше делать было особо нечего, так что Тия села и стала ждать. Что-что, а это она умела с раннего детства. Про себя она думала, что это-то она умеет. У нее была хорошая тренировка. Жизнь ребенка археологов почти целиком состоит из ожидания, обычно в одиночестве. Поневоле научишься быть самодостаточной.

У нее никогда не было друзей, она почти не общалась с ровесниками. Обычно мама с папой работали на раскопе одни, потому что они специализировались на раскопках класса А, в крайнем случае — класса В, исследовательских. И никогда — на крупных раскопках класса С, где трудятся сотни людей, приехавших с семьями. Мало у кого из ученых их возраста, работающих на раскопках класса В, имелись дети моложе тринадцати-четырнадцати лет — да и те, что имелись, обычно с родителями не жили.

Тия знала, что многие считают Кейдов сумасшедшими: тас-

кать с собой на все раскопки дочку, да еще такую маленькую! Большинство людей, работающих на отдаленных планетах, своих отпрысков оставляли у родственников либо отправляли в интернаты. Тия слушала разговоры взрослых, которые обычно общались при ней так, как будто она ничего не понимает. Благодаря этому она многому научилась — быть может, куда большему, чем подозревали мама с папой.

Одна из вещей, которые ей доводилось слышать — и, на самом деле, довольно часто, — это что ее родители «поздно спохватились». Или что она, Тия, — «несчастный случай».

Девочка прекрасно понимала, что имеют в виду взрослые. В последний раз, когда она услышала про «несчастный случай», она решила, что с нее хватит.

Это было в приемной, после нескольких научных докладов. Тия подошла прямиком к даме, от которой она это услышала, и торжественно сообщила ей, что она, Тия, ребенок вполне запланированный. Что Бродцон и Пота с самого начала решили, что их научным карьерам не повредит, если они обзаведутся ребенком, в том случае, если они сделают это, когда биологические часы Поты будут отсчитывать буквально последние секунды, и что ребенка они заведут только одного, и это будет девочка. Она. Тия. Они распланировали все с самого начала. И то, когда Пота возьмет отпуск, чтобы родить, и то, что они всюду будут брать дочку с собой, и то, что колыбелькой ей послужит ящик для экспонатов, а манежем — маленький автономный купол, и даже то, что потратятся, но модернизируют стандартный ИИ базы, чтобы он мог одновременно быть нянькой и наставником...

Побагровевшая дама не знала, что и ответить. Ее спутник попытался обратить все в шутку, сказав, что «детка» просто повторяет за взрослыми — не может же она понимать, о чем говорит.

На это Тия, неплохо осведомленная насчет национальных обычаев — в том числе ухаживания и спаривания — четырех разумных рас, включая и homo sapiens, решила показать ему, как он не прав.

А потом, пока спутник все еще булькал и брызгал слюной, повернулась к первоначальной обидчице и сообщила ей, серьезно и откровенно, что ей самой стоит подумать о том, чтобы обзавестись детьми, потому что у нее, судя по всему, осталось не так уж много времени до менопаузы.

Все, кто стоял поблизости, буквально онемели. Когда позднее организатор собрания упрекнул Тию за ее поведение, девочка невозмутимо ответила:

— Она вела себя грубо и говорила гадости.

Когда хозяин возразил, что дама обращалась не к Тии, Тия отпарировала:

— Тогда ей не следовало говорить это так громко, что все засмеялись. И вообще, — продолжала она с железной логикой, — говорить гадости о ком-то — это еще хуже, чем говорить гадости кому-то.

Брэдон, которого призвали, чтобы тот разобрался со своей заблудшей дочерью, только небрежно пожал плечами и сказал:

— Я вас предупреждал. А вы мне не верили.

Хотя Тия так и не узнала, о чем папа предупреждал доктора Джулиуса.

После этого замечания насчет «незапланированного ребенка» или «несчастного случая» прекратились — по крайней мере в ее присутствии, — зато теперь люди беспокоились о том, что она «развита не по летам» или что у нее нет сверстников, с которыми она могла бы общаться.

Но на самом деле Тию совершенно не волновало, что у нее нет друзей. Она получала превосходное образование — в ее распоряжении была огромная библиотека, — а поболтать она могла и с Сократом. Игрушек у нее хватало, а закончив с уроками, она спокойно могла делать, что захочет. А главное, у нее были мама и папа, которые посвящали ей гораздо больше времени, чем многие другие люди посвящают своим детям. Тия это знала, потому что в книгах по уходу за детьми, которые она читала, приводилась статистика, и Сократ говорил ей то же самое. С родителями никогда не было скучно, и они всегда разговаривали с ней так, как будто она уже взрослая. Если Тия чего-то не понимала, ей достаточно было сказать об этом, и ей все объясняли до тех пор, пока не поймет. Когда работа не требовала от родителей полной сосредоточенности, они сами звали ее к себе на раскоп, когда она заканчивала свои уроки. И тогда уж она ни от кого не слышала о детворе, которая путается под ногами.

Если ее что и не устраивало, так это то, что порой мама с папой объясняли чересчур многое. Тия отчетливо помнила то время, когда она принялась обо всем спрашивать «Почему?». Сократ ей сказал, что все дети проходят через стадию, когда они то и дело спрашивают «Почему?» — в основном затем, чтобы привлечь к себе внимание. Но Пота с Брэдоном понимали ее буквально...

Не так давно ИИ сообщил ей, что ее «возраст почемучки» был на редкость кратким — а все потому, что мама с папой на каждое

«Почему?» отвечали чрезвычайно подробно. И потом еще и проверяли, все ли она поняла. Так что во второй раз спрашивать «Почему?» по тому же поводу ей уже не хотелось.

Через месяц ей вообще расхотелось спрашивать «Почему?», и она перешла к более интересным вещам.

Нет, сказать, что ей недоставало общества других детей, было никак нельзя. Каждый раз, как она встречалась с детьми, она испытывала ощущение, родственное чувствам зоолога, который видит перед собой новый, потенциально опасный вид. И чувства эти, похоже, были взаимными. Пока что все прочие дети оказывались довольно скучными существами. Их интересы были ограниченными, их мирок — довольно узким, их запас слов составлял едва ли десятую долю словаря Тии. Большинство из них даже в шахматы играть не умели!

Мама любила рассказывать на вечеринках о том, как Тия в двухлетнем возрасте ошарашила чрезмерно экспансивную профессорскую супругу настолько, что та долго не знала, что сказать. На одном из столиков в их квартире стоял чудесный старинный набор шахматных фигур. Столик был слишком высокий, Тия не могла их достать. Тия с тоской глазела на шахматы добрых полчаса, прежде чем добрая леди поняла, на что смотрит девочка.

Тия и сама прекрасно помнила тот случай. Дама взяла со стола искусно выточенного шахматного коня и помахала им перед носом у Тии.

— Видишь лошадку? — проворковала она. — Хорошая лошадка!

Тии это показалось чудовищно неуместным. Более того — она ощутила, что эта женщина сомневается в ее интеллекте. А интеллектом своим Тия дорожила чрезвычайно.

Девочка вытянулась во весь рост и посмотрела даме прямо в глаза.

— Это не лошадка! — холодно отчеканила она. — Это конь! Он ходит буквой Г. И мама говорит, что этой фигурой чаще всего жер... жре... жрет...

Тия покраснела, пытаясь припомнить нужное слово. Но тут подошла мама.

— Жертвуют? — подсказала она.

Тия просияла и кивнула.

— Чаще всего жертвуют после пешки. И пешка — это не маленький человечек! — добавила она, сурово уставившись на даму.

Дама забилась в угол и не выходила оттуда, пока Тия и ее родители не ушли. А мамин начальник снял шахматы со стола, расставил фигуры и предложил Тии сыграть. Он, конечно, выиграл,

но Тия, по крайней мере, показала, что играть она действительно умеет. Начальник был впечатлен и заинтригован и даже вывел девочку на крыльцо, чтобы показать разные виды птиц, порхающих у кормушек.

Тия невольно думала, что все взрослые относятся к ней двояко. Одни восхищались ею, другие возмущались. Мойра была как раз из тех, кто ею восхищался, а вот большинство ее пилотов принадлежали к другой разновидности. Однако Чарли тоже восхищался ею — вот почему Тия думала, что он, возможно, и сумеет ужиться с Мойрой. Его, похоже, в самом деле обрадовало то, что девочка сумела обыграть его в шахматы.

Тия вздохнула. Вероятно, этот новый напарник окажется другим...

Хотя так ли уж важно, как относятся к ней взрослые? Она видела их не так часто, и длилось это недолго. Хотя, конечно, маминым и папиным начальникам лучше было нравиться. Это Тия уже понимала.

— Ваш посетитель стоит у шлюза! — сообщил Сократ, вторгшись в ход ее мыслей. — Его имя — Томас. Мойра просит, пока он проходит через шлюз, чтобы я включил наземную радиосвязь, чтобы она тоже могла присоединиться к беседе.

— Включи, конечно, Сократ! — приказала Тия. Вот в чем проблема с искусственными интеллектами: не прикажешь — не сделают. Вот интеллект-корабль, или, как его еще называют, мозговой корабль, сделает то, что сочтет разумным...

— У Томаса подарок для тебя, — сказала Мойра секундой спустя. — Надеюсь, он тебе понравится.

— Кто — он, Томас или подарок? — проницательно уточнила Тия. — Ты надеешься, что он меня не испугается?

— Ну, скажем так: да, я использую тебя в качестве лакмусовой бумажки, — призналась Мойра. — И знаешь, дорогая, Чарли действительно влюбился в земную девушку. Даже мне было заметно, что ему куда сильнее хочется остаться с ней, чем вернуться в космос...

Она вздохнула.

— Это действительно было жутко романтично: в наше время старомодная любовь с первого взгляда встречается нечасто. Эта Мичико просто прелесть — я его на самом деле понимаю. И в этом отчасти есть и твоя вина, милая моя. Ты произвела на него такое сильное впечатление — он только и мог говорить, что о том, как ему хочется завести своих детей, таких же, как ты. Ну, как бы то ни было, Мичико убедила администратора найти ему

наземную работу, а мне вместо него прислали Томаса и не оштрафовали — ведь на этот раз я была не виновата!

— Ты теперь целую вечность не расплатишься с этими штрафами за своих пилотов! — начала было Тия. Но тут внутренняя дверь шлюза распахнулась, и в гостиную вошел человек в скафандре. В руках он держал шлем и коробку.

Увидев шлем, Тия нахмурилась. Он снял его еще в шлюзе, как только выровнялось давление. Зря он это сделал: бывает, что шлюзы разгерметизируются, особенно такие старые, как на раскопках класса А. Так что, с точки зрения Тии, это было уже одно очко не в его пользу. Однако лицо у него было приятное, глаза добрые — неплохо, неплохо. Круглая загорелая физиономия, курчавые черные волосы, блестящие карие глаза, широкий рот, без этих напряженных складок у губ, которые были у Ари... Очко в его пользу. Пока что — по нулям.

— Привет, Томас, — сказала она ровным тоном. — Знаете, вам не стоило снимать шлем прямо в шлюзе — надо было подождать, пока откроется внутренняя дверь.

— Девочка права, Томас, — прозвучал голос Мойры с панели комма. — Эти раскопки класса А всегда получают оборудование в последнюю очередь. Все оно старое и зачастую не вполне надежное. Люки у них разгерметизируются постоянно.

— У нас такое уже было месяц назад, когда я входила в купол, — поддержала ее Тия. — У мамы ушло несколько часов на то, чтобы восстановить герметичность. Она была очень недовольна.

Глаза у Томаса расширились от удивления. Он был явно ошеломлен. Судя по всему, он с порога собирался спросить, где ее родители. И уж никак не ожидал услышать лекцию о технике безопасности в безвоздушном пространстве.

— О-о! — выдавил он наконец. — Э-э... Спасибо. Запомню на будущее.

— Пожалуйста, не за что, — ответила Тия. — Мама с папой на раскопе; извините, что они вас не встретили.

— Давайте я вас познакомлю как следует, — сказала Мойра из комма. — Томас, это Гипатия Кейд. Ее мать — доктор Пота Андропулос-Кейд, ее отец — доктор Брэддон Мартенс-Кейд. Тия, это Томас Делакорт-Ибанес.

— Приятно познакомиться, Томас, — вежливо сказала девочка. — Мама с папой будут здесь через... — она взглянула на свой наручный хронометр, — ...через десять минут. А пока у нас есть свежий кофе. Может быть, вы покушать хотите?

Он снова был ошеломлен.

— Кофе, пожалуйста, — ответил он после паузы. И добавил: — Будьте так добры.

Тия принесла с кухни кофе: к тому времени, как она вернулась с чашкой в одной руке и вазочкой с печеньем в другой, Томас успел снять скафандр. Девочка была вынуждена признать, что он действительно выглядит очень красивым в своем обтягивающем пилотском комбинезоне. Но, с другой стороны, все Мойрины «тела» были хороши собой. Отчасти в этом-то и была проблема: выбирая себе напарника, она обращала внимание в первую очередь на внешность, а потом уже на характер.

Томас взял кофе и угощение вежливо и слегка опасливо. Такое впечатление, что он решил обращаться с ней, точно с представителем новой, неведомой разумной расы. Девочка еле удержалась, чтобы не хихикнуть.

— Какое у тебя необычное имя, — сказал он после неловкой паузы. — Гипатия, да?

— Да, — ответила Тия. — Меня назвали в честь первой и единственной женщины-библиотекаря великой Александрийской библиотеки на Земле. Она же была ее последним библиотекарем.

Судя по его глазам, все эти имена и названия ему хоть что-то да говорили. Значит, он не полный профан в истории, как тот Хулио.

— А-а! Это когда ее римляне сожгли, во времена Клеопатры... — начал он.

Но Тия прервала его, покачав головой:

— Нет-нет, библиотека была разрушена не тогда, совсем не тогда. Она оставалась знаменитой библиотекой еще при Константине, — продолжала она, постепенно увлекаясь своей любимой историей. Тия пересказывала ее точно так же, как рассказывала ее Пота, теми самыми словами, которыми она была изложена в базе данных по истории. — Как раз тогда, когда библиотекарем там была Гипатия, в библиотеку ворвалась толпа грязных христианских фанатиков, возглавляемая несколькими безумцами, которые именовали себя пророками и святыми. Они намеревались сжечь библиотеку дотла, потому что там хранились «языческие книги, лживые и еретические». Гипатия пыталась их остановить, но ее убили, забили насмерть камнями, а потом затоптали ногами.

— Ох ты! — слабо произнес Томас. Он был окончательно выбит из колеи. Похоже, он лихорадочно искал, что бы сказать, и ухватился за первое, что подвернулось. — Э-э... А почему ты называешь их «грязными христианскими фанатиками»?

Потому что они такими и были! — с раздражением ответила девочка. — Все они были фанатиками, и большинство из них были столпниками и другими отшельниками, которые нарочно никогда не мылись, потому что мыться — это был римский, языческий обычай, а не мыться — это было по-христиански и способствовало умерщвлению плоти.

Она фыркнула.

– Думаю, им было все равно, что от этого у них заводились вши и от них воняло. Про заболевания я уже молчу!

– Думаю, им это просто не приходило в голову, — осторожно вмешался Томас.

– Ну, как бы то ни было, я думаю, Гипатия была очень храбрая, но ей стоило бы быть поумнее, — заключила Тия. — Я бы на ее месте не стала стоять и ждать, пока меня забросают камнями. Я бы убежала, или заперла дверь, или еще что-нибудь.

Томас неожиданно улыбнулся; улыбка у него была приятная: белые-белые зубы сверкнули на смуглом, загорелом лице.

– Ну, может быть, у нее не оставалось выбора, — предположил он. — Думаю, к тому времени, как она поняла, что остановить этих людей не удастся, убегать было уже поздно.

Тия медленно кивнула, представив себе древние александрийские одеяния, длинные и неуклюжие. Да, бегать в них, наверно, было неудобно...

— Пожалуй, ты прав, — согласилась она. — Мне очень не хотелось бы думать, что эта библиотекарша была глупой.

На это Томас рассмеялся.

— Ты имеешь в виду, тебе не хотелось бы думать, что знаменитая женщина, в честь которой тебя назвали, была глупой? — усмехнулся он. — Я тебя понимаю. Гораздо приятнее быть названной в честь действительно отважной женщины, а не в честь той, кого просто считают героиней, потому что у нее не хватило ума вовремя убежать!

Тия невольно рассмеялась. Именно тогда она решила, что Томас ей нравится. Поначалу он не знал, как себя с ней вести, но теперь он разобрался в ситуации и обращался с ней как с вполне разумным существом.

Очевидно, Мойра пришла к тому же выводу, потому что, когда она заговорила, ее голос звучал куда менее озабоченно.

— Томас, а ты ничего не забыл? Ты ведь привез Тии подарок на ее прошедший день рождения!

— И в самом деле, совсем забыл! — спохватился пилот. — Извини, пожалуйста, Тия!

Он вручил ей коробку, которую принес с собой. Девочка очень хорошо владела собой: она взяла ее чинно, а не схватила, как сделал бы обычный ребенок.

— Спасибо, Мойра! — сказала она, обращаясь к панели комма. — Это ничего, что день рождения у меня был уже давно, — получается, как будто у меня два дня рождения.

— Ты слишком хорошо воспитана, милая, и это тебе иногда вредит! — хихикнула Мойра. — Ну давай, открывай!

Тия аккуратно отстегнула крепления довольно обычной на вид коробки. Внутри оказалась яркая обертка. Предмет, завернутый в обертку, имел странную форму...

Тия больше не выдержала: она разодрала обертку так же нетерпеливо, как любой другой ребенок на ее месте.

— Ой! — воскликнула она, увидев свой подарок. В кои-то веки она не смогла ничего сказать, только подняла его поближе к свету.

— Тебе нравится? — с тревогой спросила Мойра. — В смысле, *я знаю, что ты просила именно это, но ты так быстро взрослеешь, и я боялась, что ты уже переросла это...*

— Он такой замечательный! — воскликнула Тия и внезапно прижала ярко-голубого медведя к груди, уткнувшись носом в мягкий мех. — Ой, Мойра, он мне так нравится!

— Надо тебе сказать, отыскать его было не так-то просто, — сказала Мойра — в ее голосе слышалось заметное облегчение, отчего Томас *ухмыльнулся еще шире. — Ваша семья не сидит на* месте — мне пришлось отыскать такого медвежонка, чтобы он мог выдержать неоднократную процедуру очистки, чтобы никакая Карантинная служба к нему не прицепилась. И вообще медвежонка нынче найти непросто — похоже, они совсем вышли из моды. Это ничего, что он голубой?

— Мне нравится голубой цвет! — радостно ответила Тия.

— А ничего, что он не плюшевый, а лохматый? Это была идея Томаса.

— Спасибо, Томас! — сказала Тия пилоту. Тот просиял. — Он просто потрясающий!

— Когда я был такой, как ты, у меня была лохматая собачка, — сказал Томас. — И когда Мойра мне сказала, что ты хочешь такого медведя, какой был у нее до того, как она попала в капсулу, я подумал, что лохматый лучше, чем гладкий.

Он доверительно наклонился к девочке — на миг Тия испугалась, что теперь, когда он увидел, как она обрадовалась игрушке,

он снова будет относиться к ней как к ребенку. Но он шепотом сказал:

— По правде говоря, Тия, мне и самому было очень приятно порыться в игрушечных магазинах. Многое из того, что там есть, дети просто не способны оценить по достоинству. Я нашел там несколько логических головоломок, совершенно невероятных, и набор фокусов, перед которым я просто не устоял. И, боюсь, я потратил слишком много денег на модельки космических кораблей...

Тия хихикнула.

— Ладно, я никому не скажу! — ответила она заговорщицким шепотом.

— Пота и Брэддон уже в плюзе! — перебил их Сократ. — Приказать кухне готовить обед?

— А что именно вы тут ищете? — спросил Томас после того, как все обычные темы были исчерпаны и разговор сам собой переключился на работу Поты и Брэддона. Пилот указал на пейзаж за иллюминатором: впечатляющие горы, куда более высокие, чем на Земле или какой-либо еще обитаемой планете. Этот небольшой кусок скалы, покрытый тонким слоем почвы, напоминал самые дикие уголки Марса до того, как Марс подвергли террафор-мированию. Небо здесь даже среди дня было таким темным, что солнце соперничало в нем со звездами. — По-моему, археологам здесь особо рассчитывать не на что — в конце концов, эта планета практически лишена атмосферы. Пейзажи тут, конечно, восхитительные, но это еще не повод тут торчать...

Брэддон хмыкнул. Его квадратное лицо с широким ртом расплылось в улыбке. Тия улыбнулась про себя. Знал об этом Томас или не знал, но он только что привел в действие лекционный механизм ее папочки. По счастью, Брэддон был прирожденным лектором. Когда его удавалось выманить на научные конференции, его выступления неизменно пользовались успехом.

— Правильно, Томас. На таких планетах, как эта, никто ничего найти и не рассчитывает, — ответил он, откидываясь на удобные диванные подушки и закладывая руки за голову. — Вот почему саломон-кильдеровская культура настолько любопытна. Джеймс Саломон и Тори Кильдер открыли первые здания на четвертой луне беты Орианиса-Три — и с тех пор ни одного подлинного артефакта на планетах с тем, что мы с вами назвали бы «нормальными условиями», найдено не было. Практически все находки саломон-кильдеровской культуры были сделаны на поч-

ти или совсем лишенных атмосферы планетах. Мы с Потой исследовали более десятка мест, провели исследования класса А, и все эти места были такими же, как это.

Томас снова выглянул в иллюминатор.

— Но это означает, что представители этой культуры...

— Да, они активно осваивали космос! — подтвердила Пота, тряхнув головой так энергично, что ее каштановые с проседью кудряшки завибрировали. — Думаю, на этот счет двух мнений быть не может. Хотя мы так и не нашли никаких следов их космических аппаратов. Но подлинная загадка даже не в этом.

Брэддон кивнул.

— Подлинная загадка в том, что они, похоже, не создавали постоянных поселений. Судя по всему, они проводили на одном месте не более нескольких десятков лет. И никто не знает ни того, почему они ушли, ни того, зачем они вообще сюда приходили.

— Похоже, они прыгали с планеты на планету так же часто, как вы! — рассмеялся Томас. — Быть может, они просто занимались тем же, что и вы, — изучали какую-то более древнюю культуру и странствовали между звезд следом за ней?

Брэддон издал притворный вопль ужаса.

— Прошу вас, не говорите так! Мне даже подумать страшно, что это может оказаться правдой!

Пота же только рассмеялась.

— Если бы это было правдой, мы бы уже обнаружили следы этого, — сказала она им обоим, похлопав мужа по коленке. — В конце концов, в здешней безжизненной атмосфере любые артефакты сохраняются просто великолепно. Если бы эти, как мы называем их, эскайцы были археологами, мы бы обнаружили стандартные орудия нашего труда. Лопатки и кисточки постоянно ломаются или изнашиваются, и мы оставляем их в своих мусорных кучах. Они бы делали то же самое. Лопатка или кисточка всегда узнаваемы, какая бы культура их ни изготовила...

— А еще там были бы отвалы! — вставила Тия. — Вы же все время оставляете за собой груды земли, мам; если бы это были археологи, мы бы нашли где-нибудь отвалы.

— Ну да, Тия права! — кивнул Брэддон. — Вот так-то, Томас; вот вам неопровержимое доказательство.

— Ну ладно, меня оно устраивает, — добродушно согласился Томас.

— К тому же, если эта идея верна, здесь должны присутствовать еще и следы более ранней культуры, не так ли? — добавила

Мойра. — А вы ничего, кроме артефактов эскайцев, пока не находили.

— Вот-вот! — подтвердила Пота с улыбкой. — Так что, как видите, Томас, гипотеза об археологах отпадает.

— Ну что ж, — изящно вывернулся Томас, — значит, мне повезло, что у меня есть такой партнер, как Мойра, и я вполне могу предоставить строить гипотезы более умным головам, чем моя!

Через некоторое время разговор свернул на дела Института археологии и на новости о профессиональных и личных делах друзей и соперников Поты и Брэддона. Тия снова взглянула на часы — ее родителям давно пора было возвращаться в раскоп, но они, видимо, решили устроить себе выходной.

Однако ее эти разговоры не интересовали, тем более что взрослые мало-помалу ударились в политику как Института, так и правительства Центральных Миров. Тия взяла своего мишку, вежливо извинилась и ушла к себе в комнату.

С тех пор как Томас вручил ей подарок, она так и не успела как следует его разглядеть. Когда Мойра была у них в прошлый раз, она много рассказывала Тии о том, как попала в капсулу. Мойра, в отличие от большинства капсульников, оказалась в заточении, когда ей было уже почти четыре года. До тех пор врачи еще надеялись найти средство от ее редкого врожденного недуга: преждевременного старения, из-за которого тело девочки в три года напоминало тело шестидесятилетней женщины. Однако лекарство так и не было найдено, и, когда ей исполнилось четыре, ее родные смирились. Мойра очутилась в капсуле, и, поскольку с мозгами у нее все было более чем в порядке, она вскоре догнала и даже перегнала многих своих одноклассников, которые находились в капсулах с рождения.

Одной из игрушек, которые у нее были — самой ее любимой, — был плюшевый мишка. Она сочиняла истории про приключения Мишки Отважного, отправляла его кататься на тройке по заснеженным степям планеты Новый Гагарин, и несколько этих историй она рассказала Тии. Эти истории, и еще книжка «Дзен Винни-Пуха», которую привезла ей Мойра, пробудили у Тии неожиданное желание.

Сказки про мишку и книжка про Винни-Пуха заворожили Тию — и ей захотелось такого же медведя, какой был у Мойры. Простую игрушку, которая ничего не умеет, безо всяких там встроенных процессоров. Игрушку, которая не умеет ни говорить, ни ходить, которая ничему не учит. Которую можно только

обнимать и нянчить на руках, которая будет слушать, когда хочется, чтобы никто не подслушивал...

Мойра обещала привезти ей такого мишку. И не забыла о своем обещании.

Тия закрыла дверь в свою комнату и обратилась к ИИ.

— Сократ, открой для меня, пожалуйста, канал связи с Мойрой в мою комнату, — попросила она. Мойра вполне способна участвовать во взрослой беседе в соседней комнате и при этом разговаривать с Тией.

— Тия, тебе действительно нравится этот подарок? — озабоченно спросила Мойра, как только связь была установлена.

— Он чудесный! — твердо ответила Тия. — Я ему даже имя придумала. Его будут звать Теодор Эдуард.

— Или просто Тедди? — хихикнула Мойра. — Мне нравится. Это имя ему подходит. Он такой серьезный парнишка. На молодого программиста похож. Сразу видно, что у этого медведя в голове не одни опилки.

Тия внимательно вгляделась в физиономию Тедди. Мойра была права: это был очень серьезный мишка, с деловитым выражением мордочки, как будто он внимательно слушал все, что ему говорят. И его ярко-голубой цвет нимало не противоречил этому серьезному выражению, так же, как и веселенькая красная рубашечка с сине-желтой эмблемой Курьерской службы — молния в круге — на груди.

— Есть ли что-нибудь еще, о чем мне следует знать, Мойра? — спросила Тия, перестав изучать своего нового друга и прижав его к груди.

— Результаты твоих последних тестов, похоже, устроили всех психологов, — сообщила Мойра, зная, что имеет в виду Тия. — Они сошлись на том, что ты вполне нормальная, уравновешенная и самодостаточная девочка. Так что никто больше не говорит о том, чтобы заставить твоих родителей отправить тебя в интернат.

Тия вздохнула с облегчением — это была одна из главных ее тревог с тех самых пор, как Мойра побывала тут в последний раз. Корабль увез с собой результаты целой пачки тестов, на заполнение которых у Тии ушло два дня.

— Могу тебе сказать, что я тут тоже руку приложила, — лукаво добавила Мойра. — Я им сказала, какой подарок ты попросила у меня на день рождения.

— И что они сказали? — с тревогой спросила Тия. Вдруг они

подумали, что она недостаточно зрелый человек или, хуже того, что это говорит о каком-то скрытом неврозе?

— Ой, это было так смешно! Они расспрашивали меня по открытой связи, так, как будто я какой-то искусственный интеллект, который может ответить только на прямо поставленный вопрос, так что я, разумеется, слышала все их обсуждения. На секунду все замолчали, а потом самый худший из них воскликнул: «Господи, да это же нормальный ребенок!» — так, как будто он ожидал, что ты попросишь симулятор сингулярности или что-нибудь в этом роде.

Мойра снова хихикнула.

— Я знаю, кто это был! — проницательно сказала Тия. — Это ведь был доктор Феликс-Питман, да?

— Прямо в яблочко, дорогуша! — ответила Мойра, все еще хихикая. — Думаю, он так и не простил тебе, что ты обставила его в «Боевые шахматы»! Кстати, а как тебе удалось его обыграть?

— Он слишком часто ходит королевой, — рассеянно ответила Тия. — Думаю, ему просто нравится смотреть, как колышутся у нее бедра, когда она ходит. Это, наверно, что-нибудь фрейдистское...

Ответом ей был только треск статического электричества, как *будто Мойра на миг утратила* контроль над своими электронными цепями.

— О господи! — сказала она, вновь появившись на линии. — Ты просто кошмарный ребенок! У тебя мозги устроены почти как у капсульника!

Тия приняла это как комплимент — как и было задумано.

— Ладно, так и быть — про твое слабое место я ему ничего не скажу! — поддразнил ее корабль.

— Про какое? — удивилась Тия — она не знала, что у нее есть слабое место.

— Ты терпеть не можешь жертвовать пешками. Думаю, тебе их просто жалко.

Тия некоторое время переваривала это молча, потом нехотя кивнула.

— Думаю, ты права, — призналась она. — Такое впечатление, что их любой может обидеть, а это несправедливо.

— Когда ты играешь на обычной голографической доске, тебя это не волнует, — между прочим заметила Мойра.

— На голографической доске это просто маленькие расплывчатые фигурки, — объяснила Тия. — А в «Боевых шахматах» это маленькие солдатики с копьями. И они такие славные!

Она хихикнула.

— Мне так нравится, когда пешка берет его и бьет короля тупым концом копья прямо в...

— И именно поэтому ты пугаешь старого Фелпса-Питмана! — строго сказала Мойра, хотя Тия чувствовала, что она говорит это не всерьез. — Он все думает, что ты можешь сделать то же самое с ним.

— Ну, я этого старого зануду не увижу еще как минимум полгода! — сказала Тия. — Может быть, к тому времени я и научусь вести себя как нормальная девочка.

— Может, и научишься, — сказала Мойра. — Ты способна научиться даже этому. Ну что, поиграем в «Боевые шахматы»? А Тедди будет судьей.

— Поиграем! — согласилась Тия. — Тебе не мешает потренироваться. Могу даже уступить тебе одну пешку.

— Да ну, брось! Не могла ты настолько продвинуться с тех пор, как мы с тобой виделись в последний раз.

Тия ничего не ответила, и корабль осторожно спросил:

— Или могла?

Тия пожала плечами.

— Проверь мои результаты у Сократа, — предложила она.

Короткая пауза — Мойра проверяла результаты. Наконец она сказала с притворным негодованием:

— О, чтоб мне лопнуть! Ты действительно невыносима. Уступи-ка ты мне сразу две пешки.

— Еще чего! — отозвалась Тия, приказав Сократу включить игру. Перед ней раскинулось игровое поле «Боевых шахмат». — Ты и так уже достаточно пользуешься тем, что имеешь дело с ребенком!

— Ничего себе! — с иронией ответила Мойра. — Тоже мне, ребенок! Еще немного, и я соглашусь с Фелпсом-Питманом. Ты — восьмидесятилетняя карлица, переодевшаяся девочкой!

— Ну ладно, ладно! — добродушно ответила Тия. — Вторую пешку я тебе не уступлю, но ты можешь играть белыми.

— Хорошо... — Мойра разглядывала аналог доски у себя в памяти, точно так же, как Тия разглядывала голографическую доску, находившуюся перед ней. — Ладно же, противоестественный ребенок! Вот тебе!

Мойра с Томасом не могли задерживаться надолго: к ужину корабль улетел, посадочная площадка опустела — и семейство Кейд вернулось к обычной жизни.

Пота с Брэддоном провели вечер, читая послания, которые привезла им Мойра, — в основном письма от друзей с других раскопок, научные журналы по различным отраслям знаний и последние распоряжения по Институту. Поскольку Тия знала от мамы, что ее эти распоряжения никаким боком не касаются, она спокойно пошла смотреть один из голографических фильмов, которые Мойра привезла ей для развлечения. Разумеется, все эти фильмы были тщательно отфильтрованы институтскими наставниками, которые надзирали за обучением всех детей, находившихся на раскопках вместе с родителями. Но даже наставники не видели ничего плохого в исторических фильмах — главное, чтобы они были познавательными и не содержали ляпов. Тот факт, что большинство из этих фильмов было рассчитано все-таки на взрослых, их, похоже, не волновал.

Может, оно и к лучшему, что психологи не подозревали, какие фильмы смотрит Тия. Их бы, наверное, удар хватил.

Мойра умела выбирать фильмы с хорошими сценариями и актерами — чего нельзя было сказать о человеке, отбиравшем образовательные голофильмы для дистанционного обучения.

Этот фильм, четырехсерийный, об Александре Македонском, был особенно интересным, потому что там рассказывалось только о раннем периоде его жизни, до того, как он сделался великим полководцем. Тия ощущала некое внутреннее родство со всеми, кого считали «развитыми не по годам»; и хотя она уже знала, что детство Александра было далеко не безоблачным, ей тем не менее не терпелось посмотреть этот фильм.

А оттого, что рядом сидел Тедди, с которым можно было шепотом делиться комментариями, стало еще интереснее.

Как она ни была захвачена фильмом, но тем не менее, досмотрев первую серию, она, как *папинька*, приказала Сократу отключить просмотр и вышла в главную комнату, чтобы сказать «спокойной ночи» маме и папе. Следующий курьерский корабль прибудет не скоро, и Тии хотелось растянуть удовольствие.

Родители были настолько погружены в чтение, что Тии пришлось подергать *их* за рукав, чтобы вернуть к действительности. Однако, увидев перед собой свою дочку, они отвлеклись от своего интересного занятия и принялись обнимать и целовать ее на ночь, совершенно не рассердившись, что им помешали.

— Мои папа с мамой действительно очень хорошие, — сказала Тия Тедди, засыпая. — Очень, очень хорошие. Не то что у Александра...

На следующий день жизнь вернулась в привычную колею. Сократ разбудил ее, она умылась и оделась. Тед остался сидеть на устроенной для него кроватке и ждать, пока она вернется. Когда девочка вошла в главную комнату, Пота с Брэддоном были уже там. Они сонно моргали, глядя на свой дымящийся кофе.

— Привет, лапочка! — поздоровалась с дочкой Пота, когда Тия пошла на кухню за молоком и хлопьями. — Как тебе Александр?

— Оч-чень интересно! — честно ответила Тия. — Мне понравились и актеры, и сюжет. А костюмы и лошади вообще звездные! Но его родители... Они были какие-то странные, верно?

Брэддон, пивший кофе, поднял голову и взглянул на дочь из-под пряди курчавых темных волос, падавшей ему на глаза. Он усмехнулся.

— По нашим меркам, куколка, они были настоящие психи, — ответил он. — Но, с другой стороны, в те времена не было никого, кто мог бы применить к ним эти мерки!

— Как и отдела душевного здоровья, который мог бы подвергнуть их принудительному лечению, — добавила Пота, и ее тонкое, узкое лицо расплылось в лукавой улыбке. — Помни, моя любопытная цыпочка, что отнюдь не они оказали наибольшее влияние на Александра. В основном им занимались наставники, главным из которых был, конечно же, Аристотель, и слуги. Лично я думаю, что *он добился успеха вопреки своим родителям*, а не благодаря им.

Тия кивнула с умным видом.

— Можно, я сегодня буду помогать вам на раскопе? — с надеждой спросила она. В том, что ее родители взялись изучать именно эскайцев, были свои плюсы, и это был едва ли не главный из них. На планете почти отсутствовала атмосфера, а значит, и местные формы жизни, которых следовало опасаться. Обращаться со скафандром Тия научилась еще лет в пять, так что ничто не мешало ей пойти на раскоп или даже отправиться гулять одной — разумеется, не дальше определенного расстояния. Брэддон называл эту планету «самой большой песочницей во Вселенной», так что родители не имели ничего против того, чтобы Тия выходила наружу — главное, чтобы она оставалась в их поле зрения.

— Только не сегодня, лапочка! — сказала Пота извиняющимся тоном. — Мы нашли кое-какие стеклянные изделия и теперь делаем голоснимки. Как только мы с этим управимся, мы изготовим слепки, и после этого ты уже сможешь пойти с нами и помогать.

В здешней холодной и разреженной атмосфере делать слепки было весьма непросто — чуть ли не половина их получалась бракованными. Но артефакт нельзя перемещать, пока не будут изготовлены слепки и пока он не будет заснят в нескольких проекциях — слишком часто артефакты, будучи сдвинуты с места, просто рассыпались в пыль, как бы бережно с ними ни обращались.

Тия вздохнула. Голоснимки и слепки означают, что ей нельзя даже близко подходить к раскопу, чтобы вибрация от ее шагов не помешала тонкому процессу.

— Ладно, — сказала она. — А наружу-то выходить можно? При условии, что я не стану далеко уходить от шлюза?

— Оставайся неподалеку от шлюза и на всякий случай держи под рукой спасательную тележку, — а в остальном почему бы тебе и не поиграть снаружи? — ответила Пота, немного поразмыслив. Потом улыбнулась. — А как продвигаются твои собственные раскопки?

— Ты имеешь в виду на самом деле или понарошку? — уточнила Тия.

— Понарошку, конечно, — сказал Брэддон. — Это всегда забавнее, чем на самом деле. Мы потому и стали археологами, что нам каждый раз в течение нескольких месяцев можно притворяться и играть, пока наконец не придет время сделаться серьезными и написать какую-нибудь научную работу!

Он заговорщицки подмигнул дочке. Та прыснула.

— Ну-у... — начала она и важно нахмурилась, точь-в-точь как доктор Хайнц Мариус-Ллевеллин, когда он собирается в очередной раз усыпить аудиторию. — Я обнаружила поселение расы первобытных разумных существ, которые применяли кремневые орудия. Ваши эскайцы использовали их в качестве рабов.

— В самом деле? — Пота принялась добросовестно подыгрывать дочке, в то время как Брэддон серьезно кивал. — Ну что ж, это объясняет, почему мы не нашли никаких механизмов. Должно быть, всю тяжелую работу у них выполняли рабы!

— Да-да. И народ кремня поклонялся им, как богам, спустившимся с неба, — продолжала Тия. — Вот почему они не восстали: ведь их рабский труд был разновидностью поклонения. Возвращаясь в свою деревню, они пытались изготовить кремневые орудия, похожие на те вещи, которые использовали боги с небес. Возможно, они изготовляли также и керамику, но я пока что обнаружила только черепки.

— Ну, в таких условиях керамика сохраняется довольно пло-

хо, — согласилась Пота. — При больших перепадах температур она быстро становится хрупкой. И что же ты успела найти?

— Кремневый аннигилятор, кремневый наручный комм, кремневый фонарик и еще кое-что! — торжественно объявила Тия. — Наконечников стрел, копий и тому подобного я тут не обнаружила, но это потому, что охотиться тут не на кого. Они все были вегетарианцами и питались одним только лишайником.

— Фу! — скривился Брэддон. — Это еще хуже, чем еда в институтском буфете! Неудивительно, что они не дожили до наших дней, — они, должно быть, вымерли с тоски!

Пота встала, собрала со стола чашки и тарелки и аккуратно загрузила их в посудомоечную машину.

— Ну ладно, куколка, приятных тебе уроков. Увидимся за обедом.

Тия улыбнулась, обняла их обоих на прощание, пока они еще не оделись в скафандры, и пошла к себе в классную комнату.

В тот день, управившись с уроками, она сняла с вешалки у внутренней двери шлюза свой собственный скафандр. Ее скафандр немного отличался от родительских: на локтях, коленях, запястьях и щиколотках имелись складки, которые позволяли подгонять скафандр по росту. Скафандр был новенький, с иголочки: Тии доставили его, когда семейство Кейд отправилось на эти раскопки. Новый скафандр нравился Тии куда больше старого: изготовители предыдущего с чего-то взяли, что детский скафандр непременно должен быть разукрашен прыгающими цветочками с ухмыляющимися рожицами. Тии стыдно было показываться в нем на глаза кому-то, кроме собственных родителей. Просто клоун какой-то!

Скафандр достался ей из вторых рук, от какого-то ребенка с раскопок класса С, — как и большая часть вещей, которыми пользовались Кейды. Пробные раскопки всем, кроме самого необходимого, снабжались в последнюю очередь. Но Тии пришла в голову блестящая идея: она попросила институтских начальников своих родителей прислать ей на день рождения новый скафандр. А когда начальники узнали, что она, подражая родителям, устроила свой собственный маленький раскоп, они так умилились, что таки прислали ей скафандр. Новенький. Его должно было хватить минимум года на три. Он был почти как взрослый, если не считать того, что в нем был дополнительный фонарик на шлеме, комм, который нельзя было отключить, постоянно работающий маячок и яркие флуоресцентные полоски вдоль рукавов

и вдоль шпанин. Невысокая плата за его многочисленные достоинства.

Скафандр с цветочками вернулся в институт, чтобы достаться какому-нибудь другому несчастному ребенку.

Плата за относительную свободу и право бродить почти что где вздумается ждала ее в шлюзе. Тележка детского размера, слегка переделанная из обычной детской тележки, которыми играли многие ребята: с моторчиком, снабженная гусеницами и нагруженная запасным аккумулятором, дыхательными баллонами и кислородной маской. Тия твердо знала, что надо делать, если вдруг скафандр откажет. Она была так хорошо натренирована, что могла бы проделать все необходимые действия не просыпаясь. Раз — глубокий вдох, сбросить шлем. Два — натянуть маску, проверить, защелкнулись ли крепления. Три — включить подачу воздуха и четыре — подключиться к запасному аккумулятору, который будет поддерживать температуру внутри скафандра при снятом шлеме. А потом медленно, осторожно двигаться к шлюзу, ведя за собой тележку. Ничего страшного не произойдет — максимум легкое обморожение.

Ничего подобного с ней до сих пор не случалось — но это не значит, что и не случится. Тия вовсе не собиралась становиться героиней трагической истории из хроники происшествий. Трагические истории хороши для фильмов или романов, а в жизни от них лучше держаться подальше.

Так что она таскала тележку за собой, хотя это было и неудобно.

В этом скафандре были хорошие фильтры: в старом скафандре воздух всегда оставался немного затхлым, а здесь он был свежим и чистым. Тия семенила по неровной поверхности, волоча за собой тележку и вздымая небольшие облачка песка и пыли. Здесь, снаружи, все выглядело очень четким и резким: красно-желтая пустыня, красновато-пурпурные горы, темно-синее небо. Солнце, сигма Маринары, висело прямо над головой, так что все тени были крохотными лужицами черноты у подножия предметов. Тия не бывала на своих «раскопках» уже несколько месяцев — с тех пор, как мама с папой в последний раз попросили ее не путаться под ногами. Это было в самом начале, когда они впервые прибыли сюда и отрыли достаточно, чтобы убедиться, что это и в самом деле эскайцы. С тех пор прошла пара песчаных бурь, и Тия немного беспокоилась, что ее «песочницу» засыпало. Ведь там, в отличие от раскопа родителей, не было силовых щитов, прикрывающих яму от ветра.

Но, добравшись до раскопа, девочка с изумлением обнаружи-

ла, что яма стала даже шире, чем была. Вместо того чтобы засыпать раскоп, ветер размел площадку, и...

В дальнем конце ямы лежало несколько любопытных комьев, слипшихся вместе. Чудесно! Тут можно будет играть в течение нескольких часов: осторожно высвобождать комья из песчаного ложа, очищать их от песка, придумывать, какие именно вещи пытались скопировать существа из народа кремня...

Тия достала из тележки старые инструменты, которые отдали ей родители: сломанную лопатку, которую Бродцон починил для нее, облезлые кисточки, затупившиеся щупы, — и взялась за работу.

Несколько часов спустя она села на пятки и, хмурясь, оглядела свою первую находку. Похоже, это вовсе не кусок камня. Это куда больше походило на какую-то слоистую субстанцию, слои которой слиплись вместе. Странно: такое впечатление, будто этот предмет смяли в комок. Он точно не походил на какой-либо слоистый камень из тех, которые доводилось видеть Тии, и не совпадал с теми камнями, которые ей удавалось обнаружить до сих пор.

Девочка задумчиво закусила нижнюю губу и уставилась на камень, погрузившись в размышления. Что же это за камень? На осадочные породы не похоже...

На самом деле это вообще не похоже на камень.

«Не похоже на камень... А что, если это не камень?»

Девочка моргнула — и внезапно поняла, на что это действительно похоже. Тонкая ткань или бумага, смятые и выброшенные прочь...

«Великие звезды! Неужели я...»

Она бережно — очень бережно — расшатала второй комок и осторожно высвободила его из песка. На этот раз не могло быть сомнений, что перед ней — предмет, изготовленный разумным существом. Под слоем слежавшегося песка и мелкой пыли блестело пятнышко белого фарфора с неровным матовым изломом, объясняющим, почему эту вещь выбросили.

«Чтоб мне лопнуть! Я нашла помойную яму!»

Или как минимум маленькую кучку мусора. Возможно, это так — но, может статься, здесь только этот, один-единственный комок мусора, и ничего больше. Однако для папы с мамой важно все, что оставили после себя эскайпцы. И не менее важно немедленно прекратить копать, отметить место на случай, если налетит еще одна песчаная буря и, повинуясь своей очередной прихоти,

заметет все песком точно так же, как до того отрыла все это, а находки продемонстрировать родителям в качестве доказательства.

Вот только голокамеры у нее нет... И слепки сделать не из чего...

Тия долго думала, что же теперь делать, но наконец махнула рукой. Выход был только один. Взять находки домой и показать их. Комок материи, возможно, не переживет воздействия плотной атмосферы, но осколок фарфора точно выстоит. Фарфор, в отличие от стекла, более устойчив к многократным резким колебаниям температуры и вряд ли рассыплется в прах от первого же соприкосновения с воздухом.

Тия вернулась в купол, немного поварив, отыскала старый пластиковый контейнер для продуктов и вытащила лежащие там кусок пластмассовой трубки и полиэтиленовый хвост от воздушного змея, которого ей так и не довелось запустить. Еще один подарочек от доброго, но плохо соображающего папиного коллеги: ему даже не пришло в голову, что на планетах марсианского типа змеев запускать негде...

Старательно отметив место, где были обнаружены находки, и упаковав оба артефакта в контейнер, Тия снова вернулась в купол и принялась с нетерпением ждать, когда же вернутся родители.

Она надеялась, что контейнер окажется достаточно герметичным, чтобы защитить артефакты от воздействия воздуха в куполе. Но как только давление в шлюзе сравнялось с давлением в куполе, девочка поняла, что ничего не выйдет. Еще до того, как она сняла пыем, внешний микрофон скафандра уловил слабое шипение воздуха, проникающего в контейнер. А поднеся его поближе к свету, Тия увидела, что один из комков уже начал распадаться. Она на секунду приподняла крышку и понюхала пыль. Да, к тому времени, как родители вернутся домой, от комка ткани уже ничего не останется.

«Чтоб тебе лопнуть! — сердито подумала девочка. — Это несправедливо!»

Она аккуратно положила контейнер на рабочий стол. Если не трясти его, к тому времени, как папа с мамой вернутся, он по крайней мере сохранит форму настолько, чтобы было видно, что это такое.

Тия сняла скафандр и уселась ждать. Она попробовала взяться за книжку, но ей было не до чтения. То-то удивятся мама с папой! И, главное, теперь у институтских психологов не будет причин не пускать ее на раскопки класса В — это докажет им, что

она сделала все правильно, когда случайно наткнулась на находку. Цифры на часах менялись невыносимо медленно. Когда же родители наконец вернутся?

Небо за иллюминатором стать темнее уже не могло, однако же тени удлинились, и свет солнца начал гаснуть. Скоро, уже скоро...

Наконец девочка услышала, как они вошли в наружный шлюз, и сердце у нее забилось чаще. Она вдруг испугалась — а что, если она что-то сделала не так? Вдруг родители рассердятся, что она испортила первые два артефакта? Может, не надо было их трогать?

Все эти вопросы крутились у нее в голове, пока она ждала, когда сработает шлюз.

В конце концов внутренняя дверь зашипела, и Бреддон с Потой вошли внутрь, на ходу снимая шлемы и продолжая торопливый разговор, начатый еще на раскопе.

— Но схема совершенно не совпадает с местом для приготовления пищи!

— Да-да, — нетерпеливо кивнула Пота, — но как же оболочки?..

— Мам! — воскликнула Тия, подбежав и дернув мать за рукав. — Я кое-что нашла!

— Привет, куколка. Ты молодец, — рассеянно ответила мать, обняла ее и продолжала разговор. Судя по сосредоточенному выражению лица, она напряженно что-то обдумывала и не сводила глаз с мужа — а для Бреддона всего остального мира просто не существовало.

— Ма-ам! — настойчиво повторила Тия. — Я нашла артефакт!

— Погоди минутку, детка, — ответила Пота. — Но как насчет...

— Мам!!! — крикнула Тия вопреки всем правилам — ей строго запрещалось перебивать старших, когда они говорят о работе, но она видела, что иначе их внимание привлечь не удастся. Такие разговоры могли тянуться часами. — Я артефакт нашла!

Родители прервали спор на полуслове и воззрились на нее. В комнате воцарилось молчание — зловещее молчание. Тия нервно сглотнула.

— Тия, — сказал наконец Бреддон — в его голосе звучало легкое неодобрение. — У нас с твоей мамой очень важный разговор. Сейчас не время для твоих выдумок.

— Это не выдумки, пап! — настойчиво сказала девочка, указывая на свою пластиковую коробку. — Я не выдумываю! Я взаправду нашла артефакт, и там есть еще!

Пота взглянула на мужа, приподняла бровь и пожала плечами. Бреддон небрежно взял в руки коробку, и Тия поморщилась, увидев, как первый комок на глазах рассыпался еще сильнее.

— Принимая во внимание твой ум и здравомыслие, — говорил Бреддон, снимая крышку с контейнера, — я готов поверить, что ты и впрямь думаешь, будто нашла артефакт. Но, Тия, ты должна понимать, что...

Он наконец заглянул в контейнер — и его брови полезли на лоб. Тия никогда еще не видела отца в таком изумлении.

Тия не удержалась и торжествующе произнесла:

— Я же вам говорила!

— И тогда они отнесли к яме большие прожектора и дополнительные полевые генераторы, — рассказывала Тия Тедди вечером. — Они работали несколько часов без перерыва и даже позволили мне не ложиться спать, чтобы узнать, что они найдут. И оказалось, что я действительно нашла помойную яму! И большую к тому же! Мама даже напрямую переговорила с Институтом, потому что это самая первая крупная эскайская помойка, которую удалось найти!

Она теснее прижала к себе Теда, греясь в лучах материнской похвалы. Радость окутывала ее с головой.

— При том снаряжении, которое у тебя было, ты все сделала абсолютно правильно! — сказала ей Пота. — У меня есть студенты, которые справились бы гораздо хуже тебя, куколка! Помнишь, что я тебе ответила, когда ты спросила меня, почему я так хочу найти помойную яму?

— Что на основании мусора разумных существ можно узнать о них куда больше, чем на основании чего-либо другого, кроме разве что их литературы, — процитировала наизусть Тия.

— Так вот, — сказала Пота, присев на край ее кровати и шутливо ткнув ее в нос, — благодаря тебе, любопытный маленький цыпленок, эти раскопки только что перешли из класса А в класс С. И это за четыре часа работы! Это больше, чем все, что до сих пор удалось сделать нам с Бреддоном!

— Так что, это значит, что мы улетим отсюда? — растерянно спросила Тия.

— Рано или поздно — да, — ответила Пота. В ее голосе слышалось некое злорадное торжество. — Но на то, чтобы собрать группу класса С, требуется время, а мы-то уже здесь! Мы с твоим папой успеем совершить гигабайты важных открытий до того, как

группа прибудет сюда и сменит нас. А после того как столько уже будет вложено — может, они нас и вовсе не сменят!

Тия замотала головой. Она ничего не понимала.

Пота обняла ее.

— Я хочу сказать, куколка, что есть очень хороший шанс, что мы останемся тут — в качестве руководителей раскопок! Одним махом продвинемся из руководителей класса А в руководители класса С! У нас будет оборудование поновее, купол попросторнее, у тебя, возможно, появятся товарищи для игр, курьеры будут прибывать каждую неделю, а не раз в три месяца — не говоря уже о том, что нам станут больше платить и наш статус повысится! Все работы, посвященные этим раскопкам, выйдут под нашими именами! И все это потому, что ты, моя маленькая умница-разумница, сообразила, что ты нашла, и вовремя поняла, что это уже не игра!

— Мама с папой очень-очень счастливы, — говорила Тия медвежонку Теду, вспоминая, какой радостью светились лица родителей, когда они наконец прервали дорогостоящую связь с ближайшим институтским руководителем. — Я думаю, что мы молодцы! Наверно, это ты, Тедди, принес нам удачу.

Она зевнула.

— Вот только теперь сюда понаедут другие дети... Но нам ведь не обязательно играть с ними, если мы не захотим, верно?

Тед молча согласился с ней, и девочка снова прижала медвежонка к себе.

— И вообще мне больше нравится разговаривать с тобой, — сказала она ему. — Ты никогда не говоришь глупостей. Папа советует, что если не можешь сказать ничего умного, так лучше молчи; а мама говорит, что люди, которые знают, когда следует заткнуться, — самые умные люди на свете. Так что ты, наверное, довольно умный. Верно?

Но она так и не узнала, согласился ли с ней Тедди, потому что крепко заснула.

В течение следующих нескольких дней сделалось очевидно, что это не просто обычная помойка: это была свалка научных или медицинских отходов. Это подняло статус находки от «важной» до «бесценной», и Пота с Брэдфордом теперь все время, свободное от сна, проводили либо на раскопе, либо за консервацией и изучением обнаруженных артефактов. Они делали множество заметок. С Тией они теперь почти не виделись: они изменили

свой режим дня и вставали задолго до того, как она просыпалась, а возвращались уже после того, как она ложилась в постель.

Пота извинилась — в голографической записи, которая включилась, как только Тия вышла завтракать.

— Куколка, — говорило ее изображение, пока Тия прихлебывала сок, — надеюсь, ты поймешь, почему мы так поступаем. Чем больше мы сумеем обнаружить до того, как сюда вышлют группу, тем больше вероятность, что нас назначат руководителями.

Изображение Поты пригладило волосы; на взгляд Тии, мама выглядела очень усталой и слегка помятой, но при этом очень довольной.

— Это всего на несколько недель, честное слово! А потом все будет как раньше. И даже лучше. Я обещаю, что до того, как сюда прибудет группа, мы устроим выходной и проведем его все вместе. Договорились? Так что можешь начинать думать, чего бы тебе хотелось.

Ой, это просто звездно! Тия уже знала, чего бы ей хотелось. Ей хотелось поехать в горы на большом вездеходе и немножко поуправлять им самой.

— Так что ты уж нас прости, ладно? Мы тебя очень-очень любим, и все время о тебе думаем, и очень по тебе скучаем.

Пота послала в камеру воздушный поцелуй.

— Мы знаем, что ты будешь вести себя хорошо и беречь себя. На самом деле, мы на тебя рассчитываем. Ты нам очень дорога. Я хочу, чтобы ты это знала. Мы тебя любим, малыш!

Запись отключилась. Тия допила сок. Она испытывала небольшое искушение побить баклуши. Хотя бы немножко. Такой случай представляется нечасто. Мама с папой не будут проверять Сократа, чтобы узнать, как продвигаются ее занятия, а институтским психологам тем более все равно — они будут только рады, если она немного отстанет. Можно даже взять в библиотеке фильмы, которые ей смотреть не полагается...

— Не-е, фигушки! — не без сожаления сказала она, поразмыслив. Это, конечно, было бы забавно — но к удовольствию примешивалось бы чувство вины. А потом, рано или поздно папа с мамой все равно бы узнали, как она себя ведет, и бац! — прощай, выходной, а возможно, и кое-какие другие привилегии. Тия сопоставила удовольствие от того, что она побездельничает и посмотрит запретные фильмы, и будущее удовольствие от поездки в горы и возможности поводить вездеход, и последнее перевесило. Водить вездеход — это настолько близко к управлению космичс-

ским кораблем, насколько ей вообще будет доступно в ближайшие годы и еще много-много лет!

А если она оступится именно теперь, когда папа с мамой больше всего ей доверяют, — они, возможно, вообще навсегда запретят ей покидать купол!

— Оно того не стоит! — вздохнула Тия, спрыгивая с табуретки. И нахмурилась, обнаружив, что покалывание в пальцах ног никуда не делось. Это ощущение преследовало ее с самого утра. Она чувствовала покалывание и вчера, и позавчера тоже, но к завтраку оно обычно проходило.

Впрочем, оно не сильно ее беспокоило, и, уж конечно, оно не заставит ее отвлечься от урока латыни. Увы...

— Скучная эта латынь! — пробормотала девочка. — «Ик, ак, ок»!

Ну ничего, чем раньше она за нее возьмется, тем быстрее управится, и можно будет вернуться к своей любимой алгебре.

Покалывание в ногах не прошло и к полудню. В остальном Тия чувствовала себя нормально, но тем не менее решила, что, раз уж мама с папой ей во всем доверяют, возможно, следует поговорить об этом с ИИ.

— Сократ, подключи медицинский модуль, пожалуйста, — сказала она, неохотно забираясь в крохотный медицинский блок. Она его терпеть не могла: там воняло дезинфекцией, и ощущение было такое, как будто находишься в слишком тесном скафандре. Блок был не такой уж маленький — размером с небольшой чуланчик, — но почему-то казалось, что там гораздо теснее. Быть может, потому, что внутри было темно. И, разумеется, поскольку кабинка была рассчитана на взрослых, Тии там было неудобно. Чтобы положить ладони на пластины датчиков, приходилось сползать на самый краешек сиденья, а чтобы дотянуться до ножных датчиков, вообще приходилось вставать с кресла. Перед ней возникла улыбающаяся голограмма человека, который должен был изображать доктора. В глубине души Тия была уверена, что этот тип имеет не больше отношения к медицине, чем она сама. Он выглядел чересчур... идеальным. Чересчур располагающим, чересчур обаятельным, чересчур компетентным и уверенным в себе. А Тия твердо знала, что если какое-то официальное лицо из кожи вон лезет, чтобы внушить тебе доверие, с таким надо держать ухо востро. Наверное, для этой голограммы снимался какой-нибудь актер. Может быть, взрослым он действительно внушал расположение и доверие, но Тии он напоминал психологов с

их чересчур сердечными приветствиями и навязчивыми расспросами.

— Ну что ж, Тия, — произнес искусственный интеллект — голос у него тоже изменился, — что у тебя стряслось?

— У меня такое ощущение, словно я отсидела пальцы на ногах, — честно ответила девочка. — Их все время покалывает.

— И все? — спросил «доктор» после секундной паузы, понадобившейся ИИ на то, чтобы просмотреть базу данных с симптомами известных заболеваний. — Может быть, они холоднее, чем обычно? Положи ладошку на ручной датчик, а ногу поставь на ножной датчик.

Тия повиновалась, чувствуя себя акробаткой.

— Ну что ж, похоже, кровообращение в норме, — сказал «доктор» после того, как ИИ измерил ей температуру и давление — данные появились в верхнем правом углу экрана. — Какие-нибудь еще симптомы имеются?

— Нет, — ответила Тия. — На самом деле нет.

«Доктор» на миг застыл — ИИ анализировал все прочие данные о ней за прошедшие несколько дней: сколько чего она ела, чем она занималась, режим сна.

Наконец «доктор» снова пришел в движение.

— Когда детки принимаются очень быстро расти, иногда бывает, что они испытывают странные ощущения, — сказал ИИ. — Когда-то давно это называлось «болезнь роста». Теперь мы знаем, что это происходит оттого, что разные ткани развиваются с неодинаковой скоростью. Думаю, что все твои неприятные ощущения, Тия, вызваны именно этим. Тебе не стоит тревожиться. Я выпишу кое-какие витаминные добавки, и через несколько дней все уладится.

— Спасибо, — вежливо ответила Тия и поспешно выскочила из кабинки, довольная тем, что так легко отделалась.

И действительно: через несколько дней ощущение покалывания исчезло. Тия и думать о нем забыла. Но в один прекрасный день, когда она отправилась на свой новый «раскоп», с ней случилось то, чего не бывало уже больше года: она упала. Даже не то чтобы упала: она думала, что переступила через большой камень, а вместо этого наткнулась на него и тяжело рухнула на колени.

Она первым делом проверила, цел ли скафандр, с облегчением обнаружила, что он в порядке, и была совсем уже готова встать и идти дальше, но тут осознала, что ее ноге совсем не больно.

А ведь должно быть больно, раз она споткнулась о выступ скалы так сильно, что упала!

Так что вместо того, чтобы идти дальше, она вернулась в купол, стянула с себя скафандр, ботинок, носок — и обнаружила, что нога совершенно ничего не чувствует, при том что палец, ушибленный о камень, посинел и распух.

Потыкав ногу пальцем, Тия выяснила, что стопа онемела целиком, от пальцев до щиколотки. Сняв второй ботинок и носок, Тия обнаружила, что и левая нога у нее тоже онемела.

— Чтоб тебе лопнуть! — пробормотала девочка. Это означало, что придется снова обратиться к «доктору».

Она снова забралась в тесную кабинку в глубине купола.

— Что, снова в ножке колет, Тия? — жизнерадостно осведомился «доктор», пока она пыталась устроиться поудобнее на жестком сиденье.

— Нет, — ответила Тия. — Но я ужасно сильно разбила ногу. Она вся синяя.

— Поставь ножку на ножной датчик, я ее исследую, — ответил «доктор». — Будет ничуточки не больно, я обещаю.

«Конечно, не будет, мне вообще не больно!» — сердито подумала Тия, но вслух ничего не сказала и сделала, как ей было сказано.

— Ну что ж, все кости целы, но ты действительно очень сильно ее расшибла! — сказал «доктор» секунду спустя. И шутливо добавил: — Что же ты делала — наставника, что ли, пинала?

— Нет, — буркнула девочка. Она просто терпеть не могла, когда «доктор» принимался говорить с ней таким покровительственным тоном. — Я ушиблась о камень, снаружи.

— Очень болит? — продолжал «доктор», не обращая внимания на ее тон.

— Нет, — отрезала она. — Там все онемело.

— Ну, на случай, если будет болеть, я распорядился, чтобы твоя ванная выдала тебе кое-какие таблеточки, — сказал «доктор» с непрошибаемым энтузиазмом. — Если понадобится, просто сходи туда и возьми их — ты знаешь как.

И прежде чем Тия успела добавить что-нибудь еще, голограмма потухла. «Ладно, думаю, волноваться тут не из-за чего! — решила она. — Иначе бы «доктор» что-нибудь посоветовал. Наверно, само пройдет».

Само оно не прошло, хотя ушибы и зажили. Вскоре у нее появились новые синяки, а онемение расползлось на лодыжки. Но Тия говорила себе, что ИИ ведь обещал, что в конце концов все

пройдет, — и потом, это было не так уж страшно: по крайней мере, не больно, когда ударишься.

Тия продолжала играть на своем собственном маленьком раскопе — она решила, что это будет погребение. Первобытные существа сжигали своих мертвецов и хоронили один только пепел вместе с кремневыми копиями удивительных талисманов богов, спустившихся с небес, надеясь, что усопшие возродятся среди небесных богов и принесут своим сородичам богатство и удачу...

Однако без мамы с папой, которым можно было бы все это рассказывать, было не так интересно; и потом, Тию стало раздражать, что на своем новом «раскопе» она все время спотыкается о камни и падает. До сих пор она еще ни разу не повредила свой новый скафандр, но там было полно острых камней, которые вполне могли порвать даже прочную ткань скафандра, — а если она его испортит, прощай, обещанный выходной!

Так что в конце концов Тия сдалась и стала проводить свободное время в куполе.

Несколько дней спустя Пота вечером заглянула к дочке, проверить, спит ли она.

— Я хотела, чтобы ты видела, что мы все еще живые люди, а не просто голограммы, куколка, — сказала мама, присаживаясь на край постели. — Как там твои раскопки?

Тия покачала головой.

— Я все время спотыкалась и боялась порвать скафандр, — сказала она. — Думаю, народ кремня наложил проклятие на свои погребения. По-моему, мне не стоит больше там копать.

Пота усмехнулась, обняла дочку и сказала:

— Возможно, так оно и есть, милая. Не стоит недооценивать могущество религии. Когда прилетят остальные археологи, мы вместе изучим их религию и тогда сумеем снять проклятие, верно?

— Ладно, — сказала Тия. Она подумала, что, возможно, стоит сказать маме про ноги...

Но Пота чмокнула ее в лобик и выскочила за дверь раньше, чем девочка успела принять решение.

Еще несколько дней ничего не происходило, и Тия мало-помалу привыкла к тому, что ноги у нее ничего не чувствуют. Если все время смотреть под ноги и не ходить босиком, то все было в порядке. И потом, ИИ ведь говорил, что такое бывает со многими детьми!

К тому же папа с мамой сделали уже много важных находок. В коротком утреннем послании измотанный, но взбудоражен-

ный Бредлон сказал ей, что вещи, которые им удалось обнаружить, могут не только помочь им продвинуться по службе, но и принести мировую славу.

В чем именно состояло важное значение этих находок, Тия не поняла, — но находки, без сомнения, были важные. Бредлон был в этом уверен. Так что девочка решила, что ее проблемы могут и подождать. Наверняка родители скоро уже перестанут работать круглыми сутками, и тогда она наконец все им расскажет, и они позаботятся о том, чтобы доктора сделали ей нужный укол, или что там еще понадобится.

Проснувшись на следующее утро, Тия обнаружила, что у нее покалывает пальцы на руках.

Девочка вздохнула и вошла в медицинскую кабинку. Ей это все ужасно не нравилось.

ИИ задал ей все те же стандартные вопросы, на которые Тия ответила так же, как раньше.

— Значит, теперь у тебя покалывает руки так же, как раньше покалывало ноги, да? — уточнил «доктор».

— Да, — лаконично ответила девочка.

— Точно такое же покалывание, как то, что прошло? — настаивал «доктор».

— Да, — снова подтвердила она. «Может, надо сказать про то, что ноги не только больше не покалывает, они вообще онемели?»

Но ИИ продолжал:

— Тия, на самом деле с тобой все в порядке. Кровообращение в норме, жара нет, аппетит прекрасный, вес в норме, спишь ты нормально. Но при этом в последнее время с тобой слишком часто происходят несчастные случаи.

Лицо у «доктора» выразило озабоченность, скрывающую раздражение.

— Тия, я знаю, что твои родители сейчас очень заняты и у них нет времени разговаривать или играть с тобой. Возможно, вся проблема именно в этом? Может быть, ты сердишься на то, что родители слишком часто бросают тебя одну? Не хотела бы ты побеседовать с Советником?

— Нет! — отрезала Тия. Вот еще! Глупый ИИ всерьез вообразил, будто она делает это нарочно, чтобы привлечь внимание!

— Ну, никаких других симптомов у тебя просто нет, — сказал «доктор» без особого снисхождения. — Это еще не настолько серьезно, чтобы я настаивал на разговоре с Советником, но, при

отсутствии других симптомов, единственное, что я могу предположить, — что у тебя сложный период в развитии.

Слова «это еще не настолько серьезно, чтобы я настаивал на разговоре с Советником» ничего хорошего не сулили. Советниками у людей работали дипломированные психологи. Советник искусственного интеллекта был существом также искусственным, а потому довольно ограниченным. С того момента, как Тия начнет с ним «советоваться», все, что она скажет и сделает, будет записываться. Потом все эти данные в заархивированном виде будут отправлены к институтским психологам, и психологи вцепятся в них, пытаясь отыскать что-нибудь, что требует их вмешательства. И если они хоть что-то отыщут, отдел психического здоровья отправит маме с папой распоряжение, не выполнить которое нельзя, и ее с ближайшим курьерским кораблем отправят в школу...

«Ну уж нетушки! Ты меня не поймаешь!»

— Да-да, конечно, — осторожно сказала Тия. — Но просто мама с папой велели говорить вам обо всем, что будет не так, вот я и говорю.

— Ну что ж, молодец! — Лицо «доктора» утратило это суровое выражение. — Если ты говоришь об этом просто из добросовестности... Принимай витамины, Тия, и все у тебя будет замечательно.

Но все было далеко не замечательно. Еще несколько дней спустя покалывание прошло, сменившись онемением. Как было с ногами. Тии стало трудно брать в руки мелкие вещи, и на уроки теперь уходило вдвое больше времени, потому что она не могла печатать вслепую — ей приходилось смотреть, куда она тычет пальцами.

Тия совсем забросила все занятия, которые требовали мелкой моторики. Вместо этого она много смотрела фильмы, даже скучные, и часто играла в голографические шахматы. Читала она тоже много, и только с экрана, чтобы переворачивать страницы нажатием одной клавиши, а не теребить бумажные страницы непослушными руками. Онемение остановилось у запястий, и в течение нескольких дней Тия была настолько занята тем, что училась делать все необходимое, не чувствуя рук, что не сразу заметила, как онемение в ногах захватило колени...

Ходить к «доктору» она боялась — теперь-то уж он точно отправит ее к Советнику! Она пыталась сама найти какие-то сведения в базах данных, но тут нужно было очень постараться, чтобы

не насторожить ИИ. Охватив колени, онемение остановилось, зато начало расползаться по рукам. Тия говорила себе, что это ненадолго, что теперь уже скоро. Скоро мама с папой управятся со своими делами. Они-то поймут, что она делает это не затем, чтобы привлечь их внимание. Скоро она им сама все расскажет, и они заставят глупого «доктора» сделать все как надо. Уже скоро.

Когда она проснулась, ее стопы и кисти, как обычно, висели на концах рук и ног бесчувственными деревянными колодами. Тия приняла душ — это было достаточно просто, знай себе нажимай на нужные кнопки, — потом кое-как влезла в одежду, извиваясь ужом и помогая зубами своим непослушным пальцам. Причесываться и чистить зубы она не стала — это было слишком сложно. Сунув ноги в тапочки — застегивать ботинки она последние два дня совсем не могла, — Тия выползла в главную комнату купола...

И увидела, что Пота и Брэддон сидят, пьют кофе и улыбаются ей!

— Сюрприз! — весело пропела Пота. — Мы сделали почти все, с чем могли управиться сами, и вчера вечером отправили изображения находок в Институт. Так что теперь мы можем вернуться к нормальной жизни!

— Ой, мамочка!

Тию охватила такая радость и облегчение, что она, не удержавшись, побежала к матери, собираясь кинуться ей в объятия...

И на полпути, как обычно, споткнулась и полетела рыбкой, врезавшись в стол. Стол качнулся, облив родителей горячим кофе.

Папа с мамой подняли ее. Тия сбивчиво извинялась за свою неуклюжесть. Девочка даже не заметила, что сама обожглась кофе, — она ничего не чувствовала, пока перепуганные взгляды родителей не заставили ее обратить внимание на то, что руки у нее покраснели и уже начинают покрываться волдырями.

— Да ничего, мне не больно, — сказала она машинально первое, что пришло на ум. — Ничего, все в порядке, я уже давно почти ничего не чувствую, так что мне не больно, честно-честно...

Пота с Брэддоном окаменели. В лицах у них появилось что-то, что заставило Тию замолчать.

— Ты ничего не чувствуешь? — осторожно спросила Пота. — Ни боли, ничего?

Тия покачала головой.

— Я некоторое время чувствовала покалывание в руках и ногах, а потом это прекратилось, и ноги и руки онемели. Я думала, что надо просто дождаться, пока вы не будете так заняты и сможете этим заняться...

Больше ей ничего сказать не дали. Аккуратно потыкав ее острым щупом, родители выяснили, что онемение теперь распространилось до середины бедер и плеч.

— И давно это продолжается? — спросил Брэддон. Пота тем временем бросилась к пульту ИИ, чтобы вызвать медицинскую программу, которой пользовались взрослые.

— Вроде бы несколько недель... — неуверенно ответила девочка. — Сократ сказал, что ничего страшного, что с возрастом это пройдет. А потом стал вести себя так, словно я все выдумываю, а я не хотела, чтобы он натравил на меня психологов. И я решила, что лучше я...

Тут вернулась Пота. Ее губы были мрачно стиснуты.

— Ложись-ка обратно в постельку, куколка! — весело сказала она — Тия отчетливо видела, что веселость эта напускная. — Сократ думает, что у тебя защемлен какой-то нерв — возможно, какое-то повреждение позвоночника, выявить которое он не в состоянии. Так что ты пока полежи, а мы сейчас вызовем курьера, чтобы он прилетел и забрал тебя. Договорились?

Брэддон с Потой обменялись одним из тех особых взглядов, значения которых Тия не понимала. Сердце у девочки упало.

— Ладно, — покорно вздохнула она. — Я не хотела причинять вам столько хлопот, честно-честно! Я не думала...

Брэддон подхватил дочку на руки и понес ее в комнату.

— Даже и не думай об этом, доченька! — с жаром сказал он. — Мы тебя любим. И мы постараемся, чтобы тебе как можно быстрее стало лучше.

Он уложил ее в постель, сунул ей под бок Теда и запустил фильм — один из тех, почти запретных.

— Вот! — сказал он, нежно целуя ее. — Сейчас придет твоя мамочка и что-нибудь сделает с этими ожогами. А потом мы будем делать все, что ты захочешь, пока ты не станешь самым избалованным ребенком во всей обитаемой Вселенной! А тебе надо только лежать и думать о том, чтобы тебе стало лучше. Договорились?

— Договорились, папочка, — сказала она, каким-то чудом заставив себя улыбнуться. — Договорились...

Глава 2

Поскольку смерть Тии не грозила и поскольку на данный момент не имелось ни одного свободного корабля с сингулярным двигателем, беспилотному кораблю, управляемому искусственным интеллектом, который должен был отвезти ее в больницу Центральных Миров, понадобилось более двух недель, чтобы добраться до их планеты. Еще целых две долгие, бесконечные недели, в течение которых лица мамы и папы делались все более вытянутыми и испуганными. Состояние Тии не только не улучшалось — ей становилось все хуже.

К концу этих двух недель ее конечности не только утратили всякую чувствительность — она еще и потеряла возможность ими шевелить. То, что началось с неуклюжести, не дававшей застегивать пуговицы и «молнии», теперь обернулось параличом. Если бы Тия не чувствовала необходимости поддерживать и ободрять родителей, она бы все время плакала. Она даже не могла больше прижимать к себе Теда.

Разговаривая об этом с мамой, она даже шутила, делая вид, что всю жизнь мечтала, чтобы за нее все делал кто-нибудь другой. Тия не могла не шутить: хотя она и сама была в ужасе, страх в глазах родителей заставлял ее забыть о собственных страхах. Девочка твердо решила не показывать родителям, что ей самой страшно, страшно до визга. Они и так уже достаточно напуганы, а если еще и она утратит мужество, они вообще могут удариться в панику.

Время еле ползло. Девочка смотрела фильм за фильмом, до посинения играла в шахматы с Брэдлоном и без конца твердила себе, что главное — попасть в больницу, а там все будет замечательно. Разумеется, все будет замечательно. В больнице Центральных Миров могут вылечить все, что угодно. Это все знают! Не лечатся только врожденные заболевания. Но с ней-то все было в порядке до того самого дня, как это началось. Наверняка это какая-нибудь ерунда.

— Сократ говорит, что это, по всей видимости, ущемление нервов, — в сотый раз повторяла Пота в тот день, когда должен был прибыть корабль. — Когда тебя доставят в госпиталь, куколка, тебе понадобится очень много мужества. Тебя, по всей вероятности, придется прооперировать, и, наверное, пройдет несколько месяцев, прежде чем ты снова станешь такой, как раньше...

Она причесала Тию и собрала ее волосы в аккуратный хвостик, как нравилось самой Тии.

— И что, все это время я не смогу заниматься? — спросила девочка, в основном затем, чтобы отвлечь мать на что-нибудь повседневное. «Мама не очень уверенно чувствует себя в реальности и реальном времени... И папа тоже». — Меня, наверное, заделают в гипс и будут держать на каких-нибудь обезболивающих. Я отстану, да?

— Ну, боюсь, что да, — ответила Пота с фальшивой жизнерадостностью. — Но, думаю, психологи только обрадуются. А то ведь, ты знаешь, они все переживают, что ты развита не по годам. Зато в твоем распоряжении будет вся библиотека больницы! Ты только представь себе!

Это ненадолго отвлекло даже саму Тию. Да, действительно: вся библиотека больницы! Это куда больше книг, чем они могли взять с собой! И любые фильмы, какие захочешь, и настоящие экраны для чтения, а не та самоделка, которую собрал для нее папа...

— Они уже здесь! — крикнул Бродди из большой комнаты. Пота снова стиснула губы и подняла Тию с кровати. Впервые за несколько недель Тию снова облачили в скафандр — запихали внутрь его, как будто Пота одевала гигантскую куклу. Бродди тоже подошел помочь, да Тия и сама изо всех сил пыталась содействовать, чем могла. Она снова выйдет наружу! Только на этот раз она, скорее всего, уже не вернется обратно. А если и вернется, то не в этот купол.

— Погодите! — воскликнула она, когда Пота уже собиралась нахлобучить на нее шлем. — Погодите! Я хочу взять с собой моего мишку!

Родители переглянулись. Видя, что они сомневаются, стоит ли это делать, Тия сделала самую умоляющую мину, какую только могла.

— Ну пожалуйста!

Она не могла смириться с мыслью, что отправится куда-то в совершенно чужое место, не взяв с собой ничего знакомого и теплого. Ну и что, что она не может с ним играть, — зато она может с ним разговаривать, прижиматься щекой к его меху...

— Пожалуйста!

— Ладно, куколка, — сдалась Пота. — Думаю, в твоем скафандре найдется место и для него тоже.

По счастью, Тед был очень мягкий, а сама Тия — очень тоненькая, скафандр же был просторный, рассчитанный на вы-

рост. Так что для Теда нашлось место в скафандре, а Тии было приятно чувствовать его теплое тельце, прижатое к ее груди.

Больше она ни о чем подумать не успела, потому что в этот момент в купол вошли двое незнакомцев, одетые в белые скафандры медиков Ценкома. Со стороны ее дыхательного аппарата раздалось странное шипение, и комната исчезла.

Очнулась Тия в незнакомой белой комнате. На ней была белая хлопчатобумажная рубашка. Единственным ярким пятном во всем помещении был Тед. Он лежал рядом с ней, запихнутый под мышку, и его голова торчала из-под белого одеяла.

Девочка поморгала, пытаясь сориентироваться, и горло ей сдавила холодная рука страха. Где она? Наверно, в больничной палате — но где же тогда мама с папой? И как она очутилась здесь так быстро? Что сделали с ней эти двое незнакомцев?

И *почему* ей не стало лучше? Почему она вообще ничего не чувствует?

— Она очнулась! — произнес незнакомый голос. Девочка повернула голову — это было единственное, что она могла, — и увидела человека в белом скафандре. Человек стоял над ней. Лица было не видно за темной лицевой пластиной. На плече у него был красный крест Медицинской службы, а на груди — табличка с именем, но прочитать ее под таким углом Тия не могла. Она даже не могла определить, мужчина перед ней или женщина, человек или гуманоид.

Человек склонился над ней, лицевая пластина приблизилась — Тия отпрянула бы, если бы могла: она помимо своей воли была напугана — эта пластина была такой глухой, такой безликой... Но потом девочка сообразила, что человек в скафандре нагнулся нарочно, чтобы она могла разглядеть за плексигласовой пластиной, блестящей при свете ламп, живое человеческое лицо, и немного успокоилась.

— Здравствуй, Гипатия, — сказал человек — это была женщина, и довольно приятная женщина, судя по лицу. Ее голос, доносящийся из динамика скафандра, звучал немного металлически — чуть похоже на голос Мойры через старый комм. Это сходство помогло Тии почувствовать себя увереннее. По крайней мере, эта женщина знает, как ее зовут, и правильно произносит ее имя.

— Здравствуйте, — осторожно ответила девочка. — Это больница, да? А почему я не помню полета на корабле?

— Видишь ли, Гипатия... Можно, я буду называть тебя «Тия»?

Тия кивнула, и женщина продолжала:

— Видишь ли, Тия, первое, о чем мы подумали, — это что ты подхватила какую-то заразную болезнь, хотя родители твои были здоровы. Врач и фельдшер, которые были на корабле, решили, что лучше перестраховаться и изолировать тебя и твоих родителей. Проще всего это было сделать, погрузив тебя и твоих родителей в анабиоз и оставив вас в скафандрах до прибытия сюда. Мы не хотели тебя пугать, поэтому попросили твоих родителей не говорить тебе, что мы собираемся сделать.

Тия переварила услышанное.

— Хорошо, — сказала она, стараясь быть дружелюбной — все равно ведь она бы ничего с этим поделать не смогла. — На корабле, наверное, все равно было бы довольно скучно. Читать там нечего, смотреть нечего, а играть со мной в шахматы ваши медики бы скоро устали.

Женщина рассмеялась.

— Ну да, тем более что ты бы их, по всей вероятности, разбила наголову! — согласилась она и немного выпрямилась. Теперь, когда Тия знала, что за глухой пластиной скрывается человеческое лицо, фигура в скафандре уже не казалась ей такой угрожающей. — Так вот, мы еще немного подержим тебя в изоляторе, пока не выясним, что же с тобой приключилось. Мы с тобой будем часто видеться — я одна из твоих лечащих врачей. Меня зовут Анна Йоргенсон-Кепаль, но ты можешь звать меня просто Анна, или доктор Анна, если захочешь, — но, думаю, мы обойдемся без таких формальностей. Другой твой лечащий врач — Кеннет Ухуа-Зорг. С ним ты встретиться не сможешь, пока не выйдешь из изолятора, потому что у него парализованы ноги и он ездит на инвалидной коляске. А коляску в скафандр не засунешь.

Над кроватью вспыхнуло голографическое изображение — голова и плечи худощавого, даже немного изможденного молодого человека.

— Зови меня просто Кенни, Тия, — сказал молодой человек. — Я не хочу перед тобой выпендриваться. Извини, что не могу зайти лично, но на то, чтобы продезинфицировать эту гадскую тележку, уходит целая вечность, так что придется Анне побыть моими руками.

— Эта ваша тележка — она нечто вроде модифицированной капсулы, да? — с любопытством спросила Тия: раз уж они сами об этом заговорили, так почему она должна избегать этой темы. — Я знаю одну капсульницу, Мойру. Она интеллект-корабль.

— Угадала! — весело ответил Кенни. — Я действительно медик в полукапсуле! Просто со мной произошел дурацкий несчастный случай — я подцепил каких-то инопланетных микробов. Только я был тогда подростком, постарше, чем ты.

Тия застенчиво улыбнулась. «Думаю, мы с ним сойдемся».

— Вам кто-нибудь говорил, что вы очень похожи на Аменемхета Третьего?

Большие глаза Кенни сделались еще шире.

— Н-нет... первый раз слышу! Надеюсь, это комплимент? Одна из моих пациенток сказала мне, что я похож на Ларго Делектрона, звезду синтикома, но я не знал, что она считает Ларго похожим на беглеца из лагеря работорговцев!

— Комплимент, комплимент! — поспешно заверила девочка. — Это один из моих самых любимых фараонов.

— Ну что ж, надо будет попробовать воспитать в себе истинно фараонское величие! — усмехнулся Кенни. — Возможно, оно мне пригодится, чтобы унять наших здешних психологов. Они пытаются прорваться к тебе с того самого момента, как вас доставили в больницу!

Если бы Тия могла задрожать от страха, она бы непременно задрожала.

— Но мне ведь необязательно с ними встречаться, правда? — спросила она тоненьким голоском. — Они все время задают дурацкие вопросы...

— Никаких психологов! — твердо заявила Анна. — У меня две докторские степени, и одна из них — как раз по промыванию мозгов. Так что я и сама смогу тебе помочь при необходимости.

Когда Анна упомянула о своей докторской степени по психологии, сердце у Тии упало — но она тут же воспряла духом оттого, что Анна назвала психологию «промыванием мозгов». Ни один из психологов, которые отравляли ей жизнь до сих пор, не решился бы обозвать свою профессию так откровенно и непочтительно.

Анна похлопала Тию по плечу.

— Не беспокойся, Тия. На мой взгляд, ты очень отважная девочка. Немножко чересчур ответственная, но в целом вполне нормальная. Просто психологи тратят слишком много времени на то, чтобы анализировать детей, и из-за этого совсем не видят, какие они на самом деле.

Анна улыбнулась внутри своего шлема. Прядь волос упала ей на лоб и повисла над левой бровью — благодаря этому Анна стала куда больше похожа на человека.

— Слушай, Тия: мы взяли у твоего медвежонка немного меха и немного набивки, — сказал Кенни. — Анна думает, что ты не заметишь, но я считаю, что сказать тебе об этом все равно следует. Мы проверили его на наличие инопланетных микробов и нейротоксинов, но оказалось, что он абсолютно здоров. Когда ты выйдешь из изолятора, мы его еще раз обработаем, для верности, но теперь мы точно знаем, что дело не в медвежонке. Это на случай, если ты могла так подумать.

Да. Тия думала и об этом... Разумеется. Мойра не могла бы сделать этого нарочно, но все равно было бы ужасно, если бы она заболела из-за Теда. Мойра себе этого никогда бы не простила, не говоря уже о Томасе.

— А как его зовут? — спросила Анна, делая что-то в головах кровати. Тия не могла повернуться и посмотреть, что именно.

— Медведь Теодор Эдуард, — ответила девочка, тайком потершись щекой о его мягкую шерстку. — Это Мойра мне его подарила, потому что у нее когда-то тоже был медвежонок. Его звали Мишка Отважный.

— Теодор... Замечательное имя. Ему очень идет, — сказала Анна. — Знаешь, наверное, мы с твоей Мойрой почти ровесницы — когда я была маленькая, как раз было нечто вроде моды на игрушечных медведей. У меня была замечательная медведица в пилотском комбинезоне. Ее звали Амелия Медвежье Сердце.

Анна усмехнулась.

— Она у меня и сейчас есть на самом деле, только теперь она обычно сидит на комоде у меня в гостиной. Она теперь весьма почтенная дама, ей ведь уже немало лет.

Но Тии не хотелось говорить о медведях. Теперь, когда девочка знала, что она в изоляторе и как она сюда попала...

— И долго мне еще тут оставаться? — спросила она.

Кенни сделался очень серьезен, и Анна прекратила возиться в головах кровати. Кенни на миг прикусил губу, прежде чем ответить. Легкий гул приборов внезапно показался очень громким.

— Психологи убеждали нас, что тебя надо попытаться отвлечь и успокоить, но... Тия, мы считаем тебя довольно необычной девочкой. Нам кажется, что ты предпочла бы узнать всю правду. Это так?

Хочет ли она этого? Или лучше сделать вид, что...

Но это тебе не игра в раскопки. Если сделать вид сейчас, тем страшнее будет, когда ей наконец скажут правду, если правда окажется ужасной.

— Д-да, — медленно ответила она. — Пожалуйста...

— Мы этого не знаем, — сказала ей Анна. — Мы сами хотели бы это выяснить. В твоей крови мы ничего не нашли, нарушения в нервной системе мы все еще ищем. Но... Мы предполагаем, что ты заразилась каким-то микробом или, быть может, протовирусом. Но мы не знаем этого наверняка, вот в чем дело. И пока мы этого не узнаем, мы не поймем, сможем ли мы тебя вылечить.

Не «когда мы сможем». А «сможем ли».

При мысли, что она может навсегда остаться такой, как сейчас, Тия похолодела.

— Твои родители тоже в изоляторе, — поспешно добавил Кенни. — Но они стопроцентно здоровы. С ними все в порядке. Это еще больше осложняет нашу задачу.

— Кажется, я понимаю... — отозвалась девочка слабым, дрожащим голоском. Она набралась смелости и спросила: — И что, мне становится все хуже?

Анна замерла на месте. Лицо Кенни потемнело, он снова закусил губу.

— Ну... — тихо сказал он. — Да. Мы думаем о том, как вернуть тебе способность передвигаться. Возможно, придется подумать и об обеспечении жизнедеятельности. О чем-то куда более серьезном, чем мое кресло. Тия, я хотел бы сообщить тебе более приятные новости, но...

— Ничего, ничего, — сказала девочка, которой не хотелось расстраивать Кенни. — Все равно, лучше знать.

Анна наклонилась к ней и прошептала в микрофон скафандра:

— Тия, если ты боишься заплакать, то не бойся, поплачь. В твоем положении я бы тоже плакала. И если хочешь побыть одна, так и скажи нам, хорошо?

— Х-хорошо... — еле слышно ответила Тия. — Можно... Можно, я немного побуду одна?

— Конечно.

Анна перестала делать вид, что возится с приборами, и коротко кивнула в сторону голограммы. Кенни поднял руку, помахал Тии, и голоэкран погас. Секундой спустя Анна тоже вышла через дверцу, в которой Тия наконец опознала вход дезинфекционного шлюза. И девочка осталась наедине с шипящими и гудящими приборами и Тедом.

Она проглотила ком, стоявший в горле, и принялась размышлять о том, что ей сказали.

Лучше ей не становится, ей становится все хуже. И врачи не понимают, в чем дело. Это минус. Но, с другой стороны, с папой и мамой все в порядке, и врачи не говорили, чтобы она ни на что не надеялась. Это плюс.

Значит, можно рассчитывать, что они все-таки найдут способ ее вылечить.

Девочка прокашлялась.

— Алло! — сказала она.

Как она и рассчитывала, в комнате присутствовал искусственный интеллект, наблюдающий за всем происходящим.

— Алло, — откликнулся он странным, безупречно ровным голосом, каким может говорить только ИИ. — Чего ты хочешь?

— Я хотела бы посмотреть фильм. Исторический, — добавила она, поразмыслив. — Есть такой фильм про египетскую царицу Хатшепсут. Он, кажется, называется «Феникс Ра». Он у вас есть?

Дома этот фильм входил в список запрещенных, и Тия знала почему. Там были довольно откровенные сцены с царицей и ее архитектором. Однако Тии очень нравилась единственная женщина, которая решилась объявить себя фараоном, и она решительно не понимала, отчего ей не разрешают смотреть этот фильм из-за каких-то там постельных сцен.

— Да, — ответил ИИ секунду спустя, — этот фильм имеется в моем распоряжении. Ты хочешь посмотреть его прямо сейчас?

Значит, ее доступ к просмотру ничем не ограничен!

— Да, — ответила Тия и, торопясь воспользоваться открывшимися возможностями, добавила: — А после этого я хотела бы посмотреть трилогию об Атоне, про Эхнатона и еретиков: «Восход Атона», «Атон в зените» и «Закат Атона».

В этих фильмах постельных сцен было еще больше: Тия как-то раз слышала, как ее мать говорила, что в этой трилогии достаточно откровенно воплощены некоторые теории, объясняющие отдельные находки, которые совершенно невозможно объяснить другим способом, но в некоторых культурах эти фильмы из-за этого непременно бы запретили. Брэддон же в ответ хихикнул и заметил, что для этого достаточно было бы одних костюмов — точнее, их отсутствия, — хотя они воспроизведены совершенно точно. Ну ничего. Тия полагала, что она это все переживет. А если эти фильмы действительно такие ужасные, тем лучше — это поможет ей отвлечься от ее собственных проблем.

— Хорошо, — любезно ответил ИИ. — Начинать?

— Ага, — сказала девочка и снова потерлась щекой о мягкий мех Теда. — Пожалуйста.

Пота и Брэддон смотрели на дочь с застывшими лицами. Тия была убеждена, что эти каменные маски скрывают целую бурю эмоций, которые родители просто не хотят проявлять при ней. Девочка глубоко вздохнула, приказала:

— Кресло вперед, пять футов! — и ее мотоколяска подъехала и остановилась вплотную к родителям.

— Ну вот, теперь я, по крайней мере, могу всюду ездить! — сказала Тия, надеясь, что ее голос звучит достаточно жизнерадостно. — А то я так устала лежать в одних и тех же четырех стенах!

Чем бы она ни болела — в последнее время Тия все чаще слышала от врачей слова «протовирус» и «дистрофический склероз», — медики решили, что ее болезнь незаразна. Они выпустили Поту с Брэддоном из изолятора и перевели Тию в другую палату, дверь которой выходила прямо в коридор. Не то чтобы для девочки это имело большое значение — разве что Анне теперь не приходилось надевать скафандр и входить через дезшлюз. Да еще Кенни посетил ее собственной персоной. Однако четыре белых стены оставались четырьмя белыми стенами. Палаты были совершенно безликими.

Однако Тия не решалась попросить, чтобы сюда принесли какие-нибудь вещи, от которых в палате могло бы стать веселее. Она боялась, что если она начнет себя чувствовать в палате уютнее, то приживется здесь и так и останется. Навсегда.

Онемение и паралич охватывали теперь почти все ее тело, за исключением лицевых мышц. Дойдя до лица, болезнь остановилась. Так же необъяснимо, как и началась.

Тию усадили на мотоколяску, предназначенную для полностью парализованных людей. Коляска была такая же, как у Кенни, за исключением того, что управлялась она голосовыми командами и движениями языка и глаз. Голосовая команда приводила коляску в движение, а направление взгляда показывало, куда надо двигаться. Коляска была снабжена также механическими «руками», способными совершать ограниченный набор движений, соответствующий определенным командам. Любую команду следовало предварять словом «кресло» или «рука». Неуклюжая система, но это был максимум того, чего можно было добиться, не подсоединяя электрические цепи напрямую к нервным окончаниям, как у капсульников.

По счастью, головной мозг Тии оставался цел и невредим. Неведомая болезнь затронула спинной мозг, но не голову.

«А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!»

— Ну как ты, куколка? — спросил Брэддон. Голос у него слегка дрожал.

— О, папа, просто звездно! — весело ответила девочка. — Это почти как управлять кораблем! Надо будет устроить состязания с доктором Кенни!

Пота судорожно сглотнула и заставила себя улыбнуться.

— Ничего, это ненадолго, — сказала она не очень уверенным тоном. — Как только они выяснят, что похозяйничало у тебя в организме, тебя вылечат в два счета.

Тия прикусила губу, чтобы не нагрубить матери, и вместо этого расплылась в глупой улыбке. Вероятность того, что ее сумеют вылечить, таяла с каждым днем, и Тия об этом знала. Анна с Кенни не пытались от нее это скрывать.

Но зачем родителей-то расстраивать? Им и так несладко.

Тия продемонстрировала им все возможности коляски, и наконец родители не выдержали. Они ушли, извиняясь и обещая скоро вернуться, а следом за ними хлынул поток интернов и специалистов по неврологии, каждый из которых задавал ей все те же вопросы, на которые Тия отвечала уже тысячу раз. И у каждого была своя излюбленная гипотеза о том, что же с ней случилось.

«Сперва у меня по утрам было такое ощущение, как будто я отсидела пальцы ног, потом это проходило. Потом это перестало проходить. Потом вместо покалывания началось онемение. Нет, сэр, у меня ничего не болело. Нет, мэм, поначалу онемели только стопы. Да, сэр, через два дня то же самое начало происходить с пальцами рук. Нет, мэм, не со всей кистью, только с пальцами...»

И так часами. Но Тия знала, что они не хотят ей ничего плохого, что они пытаются ей помочь, а то, смогут ли они ей помочь, зависит и от того, насколько добросовестно она будет с ними сотрудничать.

Но, помимо их вопросов, были и другие, которые задавала себе она сама. Пока что болезнь затронула только нервы, отвечающие за чувствительность и управление произвольной мускулатурой. А что, если она распространится на гладкую мускулатуру и в один прекрасный день Тия проснется и обнаружит, что не может дышать? Что тогда? Что, если она потеряет контроль и над лицевыми мышцами тоже? От любого, самого слабого покалывания ее бросало в холодный пот — она думала, что это вот-вот начнется снова...

Ответов на вопросы никто дать не мог. Ни на ее вопросы, ни на их.

Наконец они все ушли — перед самым обедом. За полчаса Тия научилась обращаться с механическими руками достаточно ловко, чтобы поесть самой, избавив себя от унизительной необходимости просить санитарку ее покормить. А система удаления отходов, имеющаяся в коляске, избавила ее от унизительной необхо-

димости как-то избавляться от естественного продолжения еды и питья...

После ужина, когда санитарка унесла поднос, Тия осталась одна в сгущающейся тьме. Она бы расслабилась, если бы могла. Хорошо, что Пота с Брэддоном больше не пришли — ей было тяжело с ними. Притворяться мужественной при них было труднее, чем при чужих людях.

— Кресло, семьдесят градусов направо! — скомандовала она. — Левая рука, взять медвежонка.

Коляска повиновалась с тихим жужжанием.

— Левая рука, положить медвежонка... — отменить! Левая рука, поднести медвежонка к левой стороне лица.

Рука немного сдвинулась.

— Ближе. Ближе. Держать.

Теперь Тия прижала Теда к своей щеке, и можно было сделать вид, что это ее собственная рука его держит...

Теперь, когда никто ее не видел, из глаз девочки медленно покатились слезы. Она немного склонила голову набок, чтобы слезы впитывались в мягкий голубой мех Теда.

— Это несправедливо! — шептала она Теду, который, казалось, кивнул, печально соглашаясь с ней, когда она уткнулась в него щекой. — Несправедливо!

«Я хотела найти родную планету эскайпев. Я хотела стать как мама и папа. Я хотела писать книжки. Я хотела выступать перед множеством людей, и заставлять их смеяться и восхищаться, и доказывать им, что история и археология не мертвы. Я хотела совершать подвиги, о которых потом снимали бы фильмы. Я хотела... хотела...

Я хотела столько всего повидать! Я хотела поводить вездеходы-антигравы, искупаться в настоящем море, увидеть настоящую бурю, и...

Я хотела...»

Ей живо вспомнились кое-какие сцены из фильмов, которые она смотрела, и то, как Брэддон с Потой, когда они думали, что дочь поглощена книжкой или фильмом, хихикали и прижимались друг к другу, словно подростки...

«Я хотела узнать про мальчиков... Про то, как целуются, и...

А теперь на меня посмотрят и даже не увидят меня. Все, что они увидят, — это только огромная металлическая штуковина. Огромная железяка, и ничего больше...

И даже если какой-нибудь мальчик захочет меня поцеловать,

ему придется пробираться через кучу механизмов, и они еще, чего доброго, подадут сигнал тревоги!»

Слезы катились все чаще и быстрее — все равно в темноте их было не видно.

«Меня бы не посадили на эту коляску, если бы думали, что мне станет лучше. Мне никогда не станет лучше! Будет только хуже. Я больше ничего не чувствую, я только голова в машине. А если вдруг станет хуже, если вдруг я оглохну? Ослепну?»

— Что со мной будет, Тедди? — всхлипнула она. — Неужели мне так и придется до конца жизни просидеть в четырех стенах?

Тед этого не знал, и она тоже.

— Это несправедливо, несправедливо, ведь я же ничего не сделала! — рыдала Тия, а Тед смотрел на ее слезы круглыми печальными глазами и терпеливо вбирал их. — Это несправедливо! Я ведь еще не закончила! Я еще даже не начала...

Кенни одной рукой схватил салфетку, другой резко выключил запись. Яростно протер глаза и высморкался в гневе и горе. Его бесила собственная беспомощность. И он страдал из-за маленькой, беззащитной девочки, рыдающей в холодной, безликой больничной палате, девочки, которая изо всех сил старалась выглядеть бесстрашной и беззаботной, несмотря ни на что.

Из людей Кенни был единственным, кто мог видеть ее сейчас, когда она думала, что никто ее не видит, что никто не знает о страданиях, прячущихся под маской беззаботности.

«Я ведь еще не закончила! Я еще даже не начала...»

— Черт! — воскликнул Кенни, еще раз вытерев глаза и изо всех сил стукнув кулаком по подлокотнику коляски. — Черт бы все это побрал!

Какой капризный бог надоумил ее выбрать те же слова, которые произносил он сам пятнадцать лет тому назад?

Пятнадцать лет назад, когда из-за дурацкой случайности вся нижняя половина его тела оказалась парализована и это положило конец — по крайней мере так ему казалось тогда — мечтам о мединституте.

Пятнадцать лет назад, когда его собственный лечащий врач, доктор Харват Клайн-Без, услышал, как он плачет в подушку.

Кенни развернул коляску и отодвинул шторку, чтобы посмотреть на звезды. Звезды раскинулись перед ним роскошной панорамой, медленно проплывая мимо по мере вращения космической станции. Кенни предоставил слезам высохнуть на своих щеках, позволил себе предаться воспоминаниям.

Пятнадцать лет назад другой невропатолог услышал его сбивчивые, безнадежные слова и твердо решил, что не позволит им сбыться. Он взял парализованного подростка, заставил разработчиков новой мотоколяски предоставить ему свой экспериментальный образец, потом заставил декана Мэйасорского государственного медицинского коллежа принять мальчишку. И еще позаботился о том, чтобы, когда мальчишка закончил учебу, его взяли в интернатуру в эту самую больницу — в больницу, где невропатолог в инвалидной коляске не выглядел особой диковинкой, поскольку сюда прибывали на лечение и на стажировку разумные существа с сотен миров...

Но у него все же парализованы только ноги. А не все тело. Он — не ребенок с блестящим, гибким умом, заточенный в неподвижном теле.

«Блестящий ум. Неподвижное тело. Блестящий ум...»

Идея осенила его столь внезапно, что буквально ослепила его. Он ведь не единственный, кто наблюдает за Тией, — есть и кое-кто еще! Тот, кто следит за всеми пациентами в больнице, за каждым доктором, за каждой сестрой и санитаркой... Тот, с кем он не так уж часто советуется — Ларс ведь не врач и не психолог...

Однако в данном случае мнение Ларса будет, пожалуй, более квалифицированным, чем мнение кого-либо еще на этой станции. Включая мнение самого Кенни.

Кенни нажал на кнопку.

— Ларс, дружище, — сказал он, — не мог бы ты уделить мне пару минут?

Ему пришлось немного подождать. Ларс был человек занятой — хотя, по счастью, в данный момент его разговорные устройства были не слишком загружены.

— Конечно, Кенни, — ответил он несколько секунд спустя. — Чем я могу помочь невропатологу-вундеркинду, светилу «Гордости Альбиона», медстанции Центральных Миров? А?

Голос был звучный и ироничный. Ларс любил поддразнивать всех, кто находился на борту. Он называл это «профилактическим уязвлением эго». Уязвлять Кенни Ларс особенно любил — он не раз говаривал, что все прочие так боятся «огорчить бедного калеку», что готовы ходить на цыпочках, лишь бы ненароком его не задеть, не говоря уже о том, чтобы щелкнуть его по носу в нужный момент.

— Попридержи свое ехидство, Ларс, — ответил Кенни. —

У меня тут серьезная проблема, которую я хотел бы обсудить с тобой.

— Со мной? — Ларс, похоже, был искренне удивлен. — Ну, ты учти, что это будет чисто личное мнение — в медицине я ведь ничего не смыслю.

— Мне и нужно чисто личное мнение по вопросу, в котором ты разбираешься лучше всех нас. Это по поводу Гипатии Кейд.

— А-а! — Кенни показалось, что тон Ларса заметно смягчился. — Это та малышка в отделении неврологии, которая любит смотреть совсем не детские фильмы? Она до сих пор принимает меня за искусственный интеллект. Ну, я пока не стал ее разубеждать.

— Это хорошо. Мне хотелось бы, чтобы она оставалась самой собой в твоем присутствии, потому что в нашем присутствии она себе этого не позволит.

Кенни поймал себя на том, что его тон сделался несколько нервным, и постарался взять себя в руки, прежде чем продолжить:

— У тебя есть ее история болезни, ты наблюдал за самой девочкой. Я знаю, что она уже слишком взрослая, но тем не менее — как ты думаешь, годится ли она в капсульники?

Долгая пауза. Куда дольше, чем требовалось Ларсу для того, чтобы просмотреть и проанализировать записи.

— А как ее состояние, стабилизировалось? — осторожно спросил он. — Потому что если нет... если ее мозг вдруг откажет в процессе обучения — это не только создаст большие проблемы для всех, кого ты захочешь рекомендовать позднее, это еще и серьезно травмирует других детей-капсульников. Они очень болезненно воспринимают смерть. И я не стану участвовать в том, что может их напугать, пусть даже непреднамеренно.

Кенни потер висок длинными, умными пальцами, которые столько раз творили чудеса для других людей, а вот для этой девочки сделать ничего не смогли.

— Насколько мы вообще можем судить о том, что касается этого... заболевания, — да, ее состояние стабильно, — ответил он наконец. — Взгляни вот сюда — видишь, я распорядился, чтобы ее лечили от всего подряд. Она прошла полный курс любой антивирусной терапии, какая только существует. А также дополнительные процедуры, например... — да вот, ты сам все видишь. Так что, думаю, нам удалось истребить заразу, что бы это ни было.

«Но слишком поздно, чтобы ей помочь. Черт!»

— Она очень умна, — осторожно сказал Ларс. — Она обладает гибкостью. Она обладает способностью разделять свое внимание, заниматься несколькими вещами одновременно. У нее имеется опыт общения с капсульниками, и она реагировала на них положительно.

— И что? — с нетерпением спросил Кенни. Звезды по-прежнему следовали своими путями, равнодушные к судьбе маленькой девочки. — Каково же твое мнение?

— Думаю, она сможет приспособиться, — сказал Ларс с куда большим жаром, чем Кенни слышал в его голосе когда-либо прежде. — Думаю, она не только приспособится, она может стать одной из лучших.

Кенни, затаивший дыхание, с шумом выдохнул.

— С физической точки зрения она не в худшем состоянии, чем многие из капсульников, — продолжал Ларс. — Откровенно говоря, Кенни, у нее такой богатый потенциал, что было бы просто преступлением предоставить ей гнить в больничной палате до конца ее дней.

Обычная сдержанность Ларса куда-то делась; он говорил с небывалой прежде страстностью.

— Что, она и тебя зацепила? — сухо спросил Кенни.

— Да! — отрезал Ларс. — И я этого не стыжусь. Могу тебе честно признаться: она довела меня... ну, не до слез, но до аналогичного состояния.

— Тем лучше, — Кенни потер руки, согревая застывшие пальцы. — Потому что мне снова потребуется твое содействие.

— Опять собираешься воспользоваться своими связями? — ехидно поинтересовался Ларс.

— Ну да, кое-какими. В конце концов, какой смысл быть светилом науки, если не пользоваться своим положением? — задал риторический вопрос Кенни. Он задернул иллюминатор и развернул коляску к столу. Подключившись к терминалу, он соединил его напрямую с Ларсом и очень личной базой данных, озаглавленной «Услуги». — Ну что ж, друг мой, за работу! Прежде всего — к кому вообще ты можешь обратиться? Затем — кто из имеющихся в нашем распоряжении политиков может оказать влияние на программу подготовки капсульников, кто из них больше всего мне обязан и кто из последней подгруппы может прибыть сюда в ближайшее время?

Генеральный секретарь сектора не заискивал и не рассыпался в любезностях, но, к немалому удовлетворению Кенни, когда Квинтан Вальдхейм-Кверар-и-Чан явился на «Гордость Альбио-

па», первое, что он сделал после всех официальных обходов и осмотров, это изъявил желание встретиться с блестящим невропатологом, которому удалось спасти племянника генсека от той же судьбы, которая постигла самого Кенни. Он уже знал почти все, что стоило знать о Кенни и его молниеносной карьере.

И Квинтан Вальдхейм-Кверар-и-Чан был не из тех, кто станет избегать неудобных тем.

— Вот ведь ирония судьбы, а? — заметил генеральный секретарь после крепкого рукопожатия, взглянув на мотоколяску Кенни. Он выпрямился, не потрудившись одернуть консервативный синий мундир.

Кенни не улыбнулся, но про себя вздохнул с облегчением. «Отлично, отлично! Больше можно никого не искать — мы нашли того, кто нам требуется».

— В чем — в том, что мое увечье практически идентично тому, что грозило Перегрину? — незамедлительно ответил он. — Это не ирония судьбы, сэр. Именно то, что я сам оказался в таком положении, побудило меня заняться неврологией. Не стану утверждать, что, если бы сам я не пострадал и не стал бы столь упорно искать способ излечивать подобные заболевания, его не нашел бы кто-нибудь другой. В конце концов, все медицинские исследования строятся на находках предшествующих поколений.

— Но если бы не ваша личная заинтересованность, способ мог быть найден слишком поздно, и Перегрину бы никто не помог, — возразил Вальдхейм. — И дело не в одной только методике — именно ваше мастерство помогло ему снова встать на ноги. По мастерству равных вам нет — по крайней мере, в нашем секторе. Вот почему я организовал этот визит. Мне хотелось поблагодарить вас.

Кенни только пожал плечами. Это было самое удачное начало, какое он видел в своей жизни, — и он твердо намеревался не упустить свой шанс. Пожалуй, это ответ на мольбы Тии...

— К сожалению, всех спасти не удастся, — сухо ответил он. — Увы, я не бог. Хотя временами мне хотелось бы быть богом, и именно сейчас я имею дело с одним из таких случаев.

«Большой человек» посерьезнел. Генеральный секретарь был не просто большим чиновником — он был еще и доступен человеческим чувствам, до него можно было достучаться.

— Насколько я понимаю, вам пришлось столкнуться с безнадежным случаем? — спросил он. И, сознавая, что он обязан Кенни, произнес заветные слова: — Быть может, я могу чем-то помочь?

Кенни вздохнул, словно ему не хотелось продолжать этот разговор. «Не показывай, как это важно для тебя!»

— Ну как вам сказать... Быть может, вы посмотрите запись? Речь идет о ребенке...

Дети были одной из слабостей большого человека. Он организовал больше ориентированных на детей программ, чем трое его предшественников, вместе взятые.

— Ну что ж... Если не идет речи о вторжении в частную жизнь этого ребенка....

— Вот, — Кенни нажал на кнопку, запустив заранее заготовленную запись. Эту запись они с Анной монтировали вместе. Тщательно редактировали, отбирали кадры с учетом рекомендаций Ларса и личных особенностей большого человека. — Это не отнимет у вас много времени — никак не больше пятнадцати минут.

Первые семь с половиной минут записи были посвящены тому, чтобы выставить Тию в наиболее выгодном свете. Кенни с Анной и Ларсом стремились показать, как отважно она держится, как старается выглядеть веселой и беззаботной при врачах и при родителях.

— Это Гипатия Кейд, дочь Поты Андрополус-Кейд и Брэддона Мартенса-Кейда, — пояснил Кенни. Он в нескольких словах изложил, кто она такая, и поведал ее короткую и трагическую историю, особенно напирая на ее ум, гибкость и чувство ответственности. — Боюсь, прогноз весьма печальный, — говорил он, тщательно следя за хронометражом, чтобы закончить свою речь прежде, чем начнется вторая половина записи. — Мы сделали все возможное, но тем не менее она обречена провести остаток своих дней в каком-нибудь лечебном учреждении. Единственный способ вернуть ей подвижность — это провести операцию на нервных окончаниях, а мы здесь этим не занимаемся. Это больше по части хирургов, работающих в Институте экспериментальной медицины, в программе подготовки капсульников...

Кенни умолк. Экран моргнул и потемнел. Тия осталась одна.

Механическая рука ее кресла протянулась и взяла печального голубого медвежонка, которого до сих пор было не видно за столиком и подушкой. Рука поднесла игрушку к лицу девочки, и она прижалась щекой к мягкому голубому меху. На этом кадре была отчетливо видна молния Курьерской службы на рубашке медвежонка — одна из причин, почему Кенни выбрал именно его.

— Они уехали, Тед, — шепнула девочка медвежонку. — Мама с

папой уехали обратно в Институт. Теперь у меня тут никого не осталось, только ты.

В уголке ее глаза возникла крупная прозрачная слеза, которая медленно покатилась по щеке девочки, слабо поблескивая в тусклом свете.

— Что? Да нет, что ты, Тед, они не виноваты — у них просто не было другого выхода. Так приказало начальство — я сама видела депешу. Там б-было написано, что... что п-поскольку мне в-все равно н-не станет лучше, н-нет... н-нет смысла б-больше т-тратить вре-емя-а...

Она всхлипнула и зарылась лицом в шубку медвежонка.

Спустя некоторое время снова послышался ее приглушенный голос:

— Они т-так п-переживают из-за меня... Им т-так т-трудно с-сохранять му... мужество... Если бы я заплакала, им... им было бы только хуже. Я д-думаю, может, оно так и лучше, а? Так проще... Д-для... для в-в-всех...

Запись снова моргнула; это было то же время суток, и ракурс почти тот же, но день уже другой. На этот раз девочка плакала открыто, слезы катились по ее щекам, она всхлипывала, уткнувшись в медвежонка.

— Мы предоставили ей возможность свободно пользоваться библиотекой и нашей коллекцией фильмов, — объяснил Кенни вполголоса. — Обычно это ее подбадривает и развлекает, но перед тем, как была сделана эта запись, она посмотрела эпизод из «Покорителей космоса», и... Видите ли, ее родители рассказывали, что она мечтала стать пилотом...

Девочка все плакала, беспомощно всхлипывала, что-то бормотала себе под нос — разобрать можно было только отдельные слова:

— Тедди... я хотела... полететь... видеть звезды...

Запись кончилась. Кенни снова включил свет в своем кабинете. Он взял салфетку и, не стыдясь, вытер глаза.

— Боюсь, я принимаю ее судьбу слишком близко к сердцу, — сказал он и слабо улыбнулся. — Вот вам и профессиональное хладнокровие...

Большой человек торопливо моргал, глядя в сторону.

— Почему же никто ничего не сделает для этой девочки? — осведомился он хриплым голосом.

— Все, что мы могли сделать здесь, мы уже сделали, — ответил Кенни. — Единственный способ сделать для нее хоть что-то — это ввести ее в программу подготовки капсульников. Но тамош-

ние психологи, похоже, полагают, что она уже слишком взрослая. Они даже не хотят прислать эксперта, который мог бы проверить ее пригодность, несмотря на то что ее родители просили об этом и мы дали свои рекомендации...

Он многозначительно умолк на середине фразы. Генеральный секретарь пристально взглянул на него.

— А вы, я так понимаю, с ними не согласны?

Кенни пожал плечами.

— Это не только мое личное мнение, — уклончиво ответил он. — Наш штатный психолог, прикрепленный к девочке, считает так же, и того же мнения капсульник, управляющий этой космической станцией, а также знакомая девочки, мозговой корабль из Курьерской службы. Та самая, что подарила ей медвежонка, — мягко добавил он.

Упоминание о медвежонке решило дело — Кенни видел это по лицу большого человека.

— Мы попробуем что-нибудь с этим сделать, — сказал генеральный секретарь. — Люди, с которыми вы общались, знают далеко не все, и они не главные в этом вопросе.

Он встал и снова протянул Кенни руку.

— Обещать я ничего не могу — но не удивляйтесь, если в ближайшие несколько дней здесь появится кто-нибудь из Института экспериментальной медицины, чтобы ее посмотреть. Много ли времени вам потребуется, чтобы подготовить ее к перемещению — в случае, если ее все-таки примут?

— Двенадцать часов, сэр, — ответил Кенни, мысленно поздравляя себя с тем, что догадался уговорить ее родителей подписать разрешение, дающее ему право поступать с девочкой по своему усмотрению. Разумеется, родители Тии думали, что речь пойдет всего лишь об экспериментальных медицинских процедурах...

Но, с другой стороны, именно Пота и Брэддон обратились в Институт экспериментальной медицины с просьбой включить Тию в программу подготовки капсульников. И получили отказ из-за ее возраста.

Большой человек вскинул бровь.

— Двенадцать часов?

Кенни ответил ему прямым взглядом.

— У ее родителей контракт с Институтом археологии, — объяснил он. — Институт отозвал их обратно на раскопки, поскольку их отпуск, взятый по уходу за ребенком, подошел к концу. Они не хотели уезжать, но в противном случае их бы просто уво-

лили. А при их профессии не так-то просто найти работу, не имеющую отношения к Институту. — Он капнянул. — Они сочли возможным положиться на меня и перед отъездом назначили меня полноправным опекуном Тии.

— Так что вы имеете право устраивать ее судьбу, как сочтете нужным. Очень предусмотрительно!

Генеральный секретарь усмехнулся. Он явно понимал, что его поставили в положение, из которого был только один выход, но не имел ничего против.

— Хорошо. В течение недели сюда прибудет представитель Института экспериментальной медицины. И если с девочкой все обстоит именно так, как вы мне рассказывали, ему потребуется не более двух дней, чтобы оценить ее профпригодность. Ну а там...

Он многозначительно поднял бровь.

— Быть может, он и увезет с собой новую ученицу. Как знать?

— Посмотрим, сэр! — сказал Кенни. — Посмотрим!

Если бы не репутация доктора Ухуа-Зорга и не просьба бывшего воспитанника, Ларса Мендосы, Филип Гриффин бин Броген с удовольствием сказал бы комитету, куда следует засунуть запрос генерального секретаря. И что сделать с ним потом. Пропихнуть неподходящего кандидата в программу подготовки капсульников не позволят никакие связи! Может, в Академии такие штучки и проходят, но только не в их Институте!

Филип не был склонен поддаваться на уговоры или уступать принуждению. На борт «Гордости Альбиона» он вступил в весьма воинственном расположении духа. Как и любая медицинская станция, «Гордость Альбиона» неприятно поразила его стерильно-белыми стенами и общим ощущением непомерной важности.

В приемной уже ждали — и явно именно его. Человек на мотоколяске. Человек был молод, с приятным лицом, густыми темными волосами и худым лицом аскета.

«Если они думают, что им удастся меня разжалобить, приставив ко мне человека, с которым я не решусь быть резким... — гневно подумал Филип, когда коляска мягко скользнула в его сторону. — Тоже мне, хитроумные!»

— Профессор Броген? — обратился к нему неприлично молодой, хрупкий на вид человек, протягивая руку для приветствия. — Я доктор Зорг.

— Если вы полагаете, что я стану... — начал Броген, в упор не

замечая протянутой руки, — и тут до него дошло. — Доктор Зорг?! Ухуа-Зорг?

Молодой человек кивнул. На его губах мелькнула еле заметная улыбка.

— Доктор Кеннет Ухуа-Зорг? — еще раз уточнил Броген, чувствуя, что его подставили, и тем не менее сознавая, что в данном случае подставил он себя сам.

— Он самый, — подтвердил молодой человек. — Насколько я понимаю, вы не рассчитывали, что я встречу вас лично?

Это был шанс выпутаться из неловкой ситуации — не самый изящный, но все же выход, и Броген им воспользовался.

— Ну да, конечно, — ответил он. — Глава отделения нейрохирургии и неврологических исследований обычно не выходит лично встречать скромного профессора из-за обычного ребенка.

— Тия — далеко не обычный ребенок, профессор, — возразил доктор Зорг. На его губах по-прежнему играла все та же неуловимая улыбка. — Да и вы — не просто «скромный профессор». Будьте любезны, следуйте за мной — и вы сами получите возможность познакомиться с Тией.

«Ну, по крайней мере, в одном он прав, — нехотя признался себе Броген, проведя час в обществе Тии, пока орды интернов и специалистов осматривали, ощупывали и тормошили ее. — Девочка действительно необычная. Любой обычный ребенок давно бы уже бился в истерике». Тия была не только необычайно терпеливой девочкой, но еще и очень привлекательной. Ее темные волосы были коротко острижены, чтобы не мешали, однако тонкое, заостренное личико и огромные глаза делали ее похожей на викторианского эльфа. Эльфа, зажатого в огромном металлическом кулаке, эльфа, которого мучают и донимают рои назойливых ос.

— Долго еще это будет продолжаться? — осведомился он у Кеннета Зорга раздраженным шепотом.

Кеннет приподнял бровь.

— Это зависит только от вас, — ответил он. — Вы приехали сюда, чтобы оценить ее. Если хотите поговорить с девочкой наедине, вам достаточно сказать об этом. Кстати, это уже второй ее осмотр за день, — добавил он. Броген мог бы поклясться, что в его голосе прозвучало нечто вроде гордости. — Сегодня утром, с девяти до полудня, ей пришлось иметь дело с еще одной стаей медиков.

Теперь Броген снова пришел в негодование, но уже из-за де-

вочки. Должно быть, Кеннет Зорг понял это по его лицу, потому что он развернул свою коляску к толпе интернов в одинаковых белых халатах и кашлянул. Все тут же обернулись в его сторону.

— Пожалуй, на сегодня достаточно, — негромко сказал доктор Зорг. — Леди и джентльмены, прошу вас удалиться. Профессор Брогеи желает поговорить с Тией наедине.

В сторону Брогена было брошено несколько разочарованных и даже враждебных взглядов, но он не обратил на них внимания. По крайней мере, девочка, похоже, испытала облегчение.

Он хотел что-то сказать Кеннету Зоргу, но обнаружил, что доктор укатил следом за остальными и дверь за его коляской захлопнулась, оставив Брогена наедине с девочкой. Он смущенно прокашлялся.

Девочка смотрела на него довольно странно. Не со страхом, но с опаской.

— Вы не психолог, нет? — спросила она.

— Н-нет, — ответил он. — Не совсем. Но, возможно, я буду задавать те же вопросы, что и они.

Девочка вздохнула и на миг прикрыла бархатные карие глаза.

— Я так устала от этого промывания мозгов! — откровенно призналась она. — Просто ужасно устала. А потом, это в любом случае ничего не изменит — я все равно буду думать так, как думаю. Это несправедливо, но эта штука, — она указала подбородком на свою коляску, — никуда не денется оттого, что это несправедливо. Верно ведь?

— Как ни печально, но это правда, дорогая моя.

Броген почувствовал себя спокойнее и понял почему. Кеннет Зорг был прав. Это необычный ребенок. Разговор с нею не похож на разговор с ребенком — это напоминает скорее разговор с кем-нибудь из детей-капсульников.

— Тогда давай поболтаем о чем-нибудь совсем другом. Ты знакома с кем-нибудь из капсульников?

Девочка взглянула на него странно.

— Вам, наверно, не так уж много обо мне рассказывали, — ответила она. — Или вы плохо слушали. Одна из моих лучших друзей — мозговой корабль, Мойра Валентин-Майя. Это она подарила мне Теодора.

«Теодора? Ах да! Медвежонка...» Он бросил взгляд на кровать — и точно: там сидел слегка насупленный медвежонок в костюме Курьерской службы, о котором ему рассказывали.

— А ты когда-нибудь думала о том, каково это — быть кап-

сульником? — спросил он, прикидывая, как бы рассказать ей о программе так, чтобы не дать ей понять, что ее оценивают.

— Ну разумеется! — воскликнула девочка, не потрудившись скрыть свое презрение. — Я однажды сказала Мойре, что, когда вырасту, хочу быть как она, а она засмеялась и рассказала мне про их школу, и про обучение, и про все...

И не успел Броген опомниться, как эта чересчур взрослая девочка принялась рассказывать ему про его собственную программу. Или, по крайней мере, про то, как она видится с точки зрения капсульника.

Все за и против. От способности заниматься несколькими вещами одновременно до незабываемого ощущения непосредственного восприятия сингулярности и искривленного пространства. От вечного заточения в металлическом ящике до одиночества и понимания, что ты переживешь всех своих напарников, кроме последнего...

— Я ей сказала, что, наверное, не хочу становиться капсульницей, когда поняла, что они не могут ни к кому прикоснуться напрямую, — устало закончила девочка. — Нет, я понимаю, что есть тактильные сенсоры, подведенные напрямую к коже и всему прочему, но мне как раз это и не понравилось. Смешно, правда?

— Что смешно? — не понял профессор.

— Ну, потому что теперь я все равно не могу ни к кому прикоснуться. И никогда больше не смогу. Смешно. Я не могу ни к кому прикасаться, но и мозговым кораблем мне не стать.

Усталая покорность судьбе, звучавшая в голосе девочки, взбудоражила Брогена.

— Не знаю, почему ты так думаешь, — сказал он, понимая, что уже принял решение. Это одновременно ужасало и забавляло его. — В группе твоих ровесников найдется место еще для пары кандидатов; и даже в отделении мозговых кораблей могут принять одного-двух новых учеников.

Девочка растерянно заморгала, потом выпалила:

— Но ведь мне сказали, что я уже слишком большая!

Он рассмеялся.

— Дорогая моя, *ты* не была бы слишком большой, даже если бы ты была ровесницей своей матери! Ты подошла бы для программы подготовки капсульников, даже будь ты уже взрослой!

Какой ребенок — просто не верится: интеллектуальный, ответственный, гибкий... Да, Ларс и Кеннет Зорн были правы. Броген невольно задумался, сколько же других талантливых детей были отвергнуты за глаза, не глядя, только оттого, что их сочли

слишком взрослыми, скольким из них пришлось бесплодно влачить свои дни в какой-нибудь больничной палате, только оттого, что за них не замолвил словечко какой-нибудь энергичный и влиятельный Кеннет Зорг...

Ладно, всему свое время. Пока займемся этим ребенком. А на будущее запомним, что стоит заняться и другими тоже.

— Мне, конечно, придется еще завершить кое-какие формальности и оформить все документы, но если ты хочешь, Тия, с этого момента можешь считать себя принятой в программу.

— Хочу! — воскликнула девочка. — Хочу, хочу, хочу! Пожалуйста... то есть спасибо, спасибо вам большое-пребольшое!

Ее щеки сделались мокрыми от слез, но лицо ее сияло такой ослепительной радостью, что глазам было больно. Профессор Броген заморгал и сглотнул ком, вставший в горле.

— В том, чтобы взять человека твоего возраста, — сказал он, не обращая внимания на ее слезы и на то, что у него самого щиплет в глазах, — есть свои преимущества. Ты можешь с самого начала выбрать себе карьеру. Ведь далеко не все капсульники становятся мозговыми кораблями — например, ты можешь сделать карьеру в том же Институте археологии: они уже лет двалнать мечтают нанять капсульника для обработки полученных данных. Ты могла бы заняться исследованием того, что обнаружили другие — в том числе твои родители. Ты могла бы стать администратором космопорта или космической станции. Ты могла бы посвятить себя буквально любой отрасли науки. Даже медицине. Со способностями капсульника тебе будет открыта абсолютно любая карьера.

— Нет, я хочу быть мозговым кораблем! — твердо сказала девочка.

Броген глубоко вздохнул. В глубине души он понимал Тию — но у этой профессии были свои серьезные минусы.

— Тия, большая часть работы мозгового корабля ничем не отличается от работы какого-нибудь водителя грузовика. Ты просто возишь людей и грузы с места на место. Не очень завидная работа. И к тому же довольно опасная, как с физической, так и с психологической точки зрения. Ты будешь очень ценной вещью, и при этом совершенно безоружной, если, конечно, ты не предпочтешь карьеру военного корабля — но это, сдается мне, тебе совершенно не подходит. Ты станешь мишенью для всяких грабителей и мятежников. И плюс еще одно: корабль стоит очень дорого. По моему не столь скромному мнению, работа мозгового корабля не так уж далеко ушла от рабства. Тебе приходится рас-

плативаться — буквально — за использование и обслуживание этого корабля, работая на правительство. У тебя почти не будет шансов оплатить свой контракт в обозримый промежуток времени — разве что ты совершишь нечто абсолютно выдающееся или станешь брать на себя самые опасные миссии. На первое в обычных обстоятельствах особо рассчитывать не приходится, так что у тебя не будет возможности сменить скучную рутинную работу на что-то более привлекательное.

Лицо Тии сделалось сперва упрямым, потом задумчивым.

— Это все правда, — сказала она наконец. — Но знаете, профессор, — папа всегда говорит, что я унаследовала его гены астронавигатора. Я уже немножко занималась тензорной физикой, так что у меня есть способности к полетам. И я хочу именно этого.

Броген развел руками.

— Против этого я ничего возразить не могу. С генами не поспоришь, верно?

В глубине души он был скорее доволен. Из такой уравновешенной девочки, как Тия, наверняка выйдет прекрасный мозговой корабль. И вряд ли у нее возникнут какие-то психологические проблемы, разве что случится нечто совсем уж непредвиденное.

Девочка лукаво улыбнулась.

— К тому же я и это обсуждала с Мойрой — ну, знаете, давала ей советы насчет того, как она могла бы заработать побольше кредитов, чтобы выплатить все штрафы за то, что она выставила уже несколько напарников. Поскольку она приписана курьером к Институту археологии, у нее масса возможностей заметить вещи, которые обычные наблюдатели заметить не могут, и я вроде как надоумила ее, что именно искать. И я думаю, что мне, с моим происхождением, не составит труда самой получить место в Институте археологии, и я смогу делать то же самое, только лучше. На этом можно заработать массу кредитов. А когда я стану хозяйкой своего корабля, я вообще смогу делать что захочу!

Броген не выдержал и расхохотался.

— Ах ты, маленькая расчетливая пройдоха!

Девочка улыбнулась. Лицо ее сделалось по-настоящему счастливым — впервые за все то время, что он ее видел. Теперь, когда он увидел ее подлинную улыбку, он понял, что все ее «улыбки», которые он видел до сих пор, были лишь масками.

«Да, оставить ее здесь было бы преступлением. Грехом».

— Ну что ж, можешь считать, что ты принята, — уверенно ска-

тал он. — Сегодня заполню все документы, сразу же передам их в Институт, и утром, когда проснемся, нас уже будет ждать подтверждение. Как ты думаешь, готова ты будешь улететь отсюда утром?

— Да, сэр! — весело ответила девочка.

Броген встал и хотел уже выйти, но остановился.

— А знаешь, — сказал он, — ты ведь права. Я действительно не очень внимательно просмотрел тот файл о тебе, что мне прислали, потому что был совершенно уверен... Ладно, неважно. Так вот, мне очень любопытно, откуда у тебя такое имя? Почему твои родители назвали тебя «Гипатия»?

Тия рассмеялась, громко и заразительно.

— Знаете, профессор Броген, вам стоит снова присесть!

Глава 3

У оператора Ценкома, обычного человека, был приятный голос и не менее приятная привычка не начинать разговор с треска статического электричества или мерзкого предупредительного сигнала.

— Икс-Г-1033, примите сообщение. Передача заархивированных данных по лучу.

Тия нехотя оторвалась от последнего выпуска отчетов научной экспедиции по саломон-кильдеровской культуре и вздохнула с сожалением — разумеется, про себя. Нет, она, конечно, могла одновременно принимать заархивированные данные и просматривать статьи, но ей хотелось вчитаться в них повнимательнее, чтобы потом хорошенько обдумать на досуге. В научных работах встречаются тонкие нюансы, незаметные при поверхностном просмотре; иногда нужно лично знать автора работы, чтобы понять то, что он оставил недосказанным. При том, что несказанное может быть не менее важным, чем то, что написано.

— К приему готова! — отозвалась она, гадая, кто и за каким фигом шлет ей сообщение.

«Интересно, что значит «за каким фигом»? Что такое вообще «фиг»? Надо посмотреть, наверняка есть какая-нибудь научно-популярная статья на эту тему».

Центральный экран напротив пилона, в котором находилась Тия, немного поморгал, а потом на нем возникло изображение худощавого человека в хитроумной мотоколяске. Это была даже не коляска, а нечто вроде платформы, на которой возвышалось

что-то еще. Тия отчетливо разглядела дополнительную силовую установку и еще коротковолновый передатчик. Такое впечатление, что его ноги и тело до пояса были упакованы в нижнюю часть автономного космического скафандра!

Однако насчет того, кто именно был облачен в этот странный экзоскелет, двух мнений быть не могло. Конечно же, доктор Кенни!

— Тия, дорогая моя девочка! Поздравляю тебя с окончанием курса обучения! — сказал Кенни. Его глаза лукаво поблескивали. — Ты уже должна была получить подарочек от нас с Ларсом и Анной — если, конечно, почтовая система Центкома его не потеряла по дороге. Надеюсь, он — то есть они — тебе понравился...

Подарок в честь окончания школы Тия получила вовремя и была им совершенно очарована. Она вообще любила инструментальную музыку, в особенности синтиком, но эти записи имели особое значение для любого капсульника. Это были пьесы Дэвида Вебера-Черкасского в исполнении автора. Черкасский сам был капсульником, и его сочинения не были рассчитаны на ограниченный слух обычных людей. Композитор использовал все ноты звукового диапазона, а его до предела изощренные обертона и изысканная полифония заставляли обычных людей ошеломленно зажмуриваться. Это была музыка не для всех — даже среди капсульников многие ее не понимали, — но Тия могла слушать эти пьесы до бесконечности. И каждый раз она находила в них нечто новое.

— Я просто вспомнил, что в своем последнем сообщении ты писала, как тебе нравятся синтикомовские записи Ланса Мэнхема, а Ларс утверждает, будто сочинения Черкасского по сравнению с Мэнхемом — все равно что симфония по сравнению с чириканьем воробья.

Кенни усмехнулся и пожал плечами:

— Как бы то ни было, мы решили, что эти записи помогут тебе скрасить долгие часы перелетов. Анна рассказывала, что выпускная церемония была просто великолепная. Сам я приехать не смог, ты уж извини, но ты сама можешь видеть почему.

Он, поморщившись, указал на нижнюю половину своего тела:

— Изготовители активных протезов, компания «Мото-простетикс», в неизмеримой мудрости своей решили, что раз уж я когда-то в незапамятные времена воспользовался их экспериментальной мотоколяской, значит, я им обязан. Они убедили главного администратора Института, что я — единственный, кто может испытать это их сооружение. Предполагается, что это

должно позволить мне разгуливать по комнате — и, более того, стоять за операционным столом столько, сколько понадобится. Так оно и есть — когда эта штука работает. Надо сказать, что ошибок в ней не меньше, чем в любой новой операционной системе, — он покачал головой. — Вот, например, вчера мерзкая штуковина зависла, и я так и остался стоять посреди холла с поднятой ногой. Восхитительное, должно быть, было зрелище! Я, наверное, смахивал на танцора с древнегреческого фриза. Думаю, пока что в действительно важных случаях я предпочту довериться своей старой коляске.

Тия хихикнула, представив себе Кенни, который застыл на месте, не в силах шевельнуться.

Он покачал головой и рассмеялся.

— Ну так вот, из-за этого... оборудования и из-за пациентов мне пришлось отправить Анну в качестве официального представителя. Надеюсь, ты не сердишься на нас с Ларсом, радость моя...

— Ну да, а мне в отпуск отпроситься тем более непросто, — перебил доктора Кенни другой голос, дружеский и насмешливый, раздавшийся из динамиков кабинета. Услышав Ларса, Кенни усмехнулся. — А снять станцию с орбиты и посадить ее на планету, чтобы поприсутствовать на выпускной церемонии, мне начальство не разрешило. Какое свинство с их стороны!

Тия не удержалась от смеха.

— Так что ничего не поделаешь: придется тебе самой заглянуть ко мне в гости. Теперь ты одна из членов нашего клуба, так что мы сможем между собой помыть косточки этим мягкотелым. Кстати, знаешь, сколько обычных людей требуется, чтобы поменять лампочку?

Кенни невежливо перебил Ларса. Он выглядел усталым, но Тия видела, что он в превосходном настроении. Это могло означать только одно: Кенни только что совершил очередное чудо.

— Без меня, пожалуйста! — сказал он. — Как бы то ни было, у Ларса есть твой почтовый номер, так что ты будешь часто получать от нас сообщения — возможно, чаще, чем тебе хотелось бы! Мы тебя любим, девочка! Крепко обнимаем тебя по-дзенски!

Экран моргнул и погас. Тия улыбнулась, довольная. «Объятия по-дзенски» придумал Ларс: «Это то, как мы бы тебя обняли, если бы были рядом и могли тебя обнять; но нас там нет, и обнять тебя мы не можем». Они с Кенни присылали ей эти «объятия» каждый раз в своих еженедельных сообщениях, которые Тия получала во время всего периода обучения. Вскоре весь ее класс

перенял это выражение, столь подходящее для капсульников, и теперь оно быстро распространялось по всему обитаемому космосу. Кенни особенно позабавило, когда один из его выздоравливающих пациентов услышал эту фразу в послании от своей жены-домоседки, как огня боящейся всякой техники.

Ну что ж, это сообщение было лучшим событием сегодняшнего дня, это точно. И превосходно увенчало начало ее новой жизни. На выпускной церемонии присутствовали Анна и папа с мамой, профессор Броген вручил ей специальные награды за особые успехи в ксенологии, дипломатии и изучении первых контактов, а в тот самый день, как Тию подсоединяли к кораблю, на космодроме появилась Мойра, которая все еще летала с Томасом — вот чудо из чудес!

То, что Мойра, образно выражаясь, держала ее за руку во время малоприятной процедуры, пока техники под частичной анестезией подсоединяли ее к пилону, — это дорогого стоило.

Тия содрогнулась, вспоминая об этом. Нет, конечно, тебе заранее описывают все, что ты будешь чувствовать (точнее, то, чего ты не будешь чувствовать), ты проходишь психологическую подготовку и думаешь, что ты ко всему готова, но вот этот момент истины, когда тебя лишают всего, кроме самого примитивного комма и нескольких сенсоров, которыми оборудована сама капсула... Это ужасно. Как один из худших кошмаров.

А ведь Тия еще помнила, каково жить, не обладая ничем, кроме чувств обычного человека. Чего же стоит эта процедура тем, кто находится в капсуле с рождения! Ей живо вспомнился весь страх и беспомощность, которые она переживала тогда, в больнице.

Благодаря Мойре все прошло немного легче. Но если процесс подсоединения был похож на путешествие в ад, лишенный любых чувств, очнуться в корабле было настоящим раем.

Никакие тренировки на учебных тренажерах не могут дать представления о том, каково это на самом деле: стать живым, дышащим кораблем, готовым рвануться к звездам.

Это был момент, который вернул Тии все, чего она когда-то лишилась. Неважно, что теперь ее «кожа» была сверхпрочным сплавом, «ноги» — двигателями, «руки» — роботами, с помощью которых Тия могла обслуживать себя снаружи и внутри. Что ее «легкие» и «сердце» были системами жизнеобеспечения, поддерживающими существование ее мозга. Что все ее органы чувств были лишь сенсорами корабля, подсоединенными к контактам, ведущим в мозговой ствол. Все это было неважно. У нее снова

появилось тело! Это было такое блаженство, которого ни один из тех, кто обитал в капсуле с самого рождения, просто бы не понял. Вот Мойра ее понимала... и хорошо, что Тии было с кем поделиться своим восторгом!

И Томас тоже понял ее, как мог понять только давнишний напарник-«тело». В качестве выпускного подарка от себя Томас пристроил на стену в центральной рубке специальный шкафчик для Теодора Эдуарда.

— А если кто этого не поймет — да пропади он пропадом! — твердо сказал Томас, сажая заново вычищенного Теда в шкафчик и закрывая прозрачную плексигласовую дверцу. — Пилот — всего лишь пилот, а медвежонок — это друг на всю жизнь!

И теперь суровый голубой медвежонок в рубашонке с эмблемой Курьерской службы царил в рубке, точно некий молчаливый наблюдатель. Неизвестно, что подумают о нем пилоты. Ну и фиг с ними: пусть думают, что это какая-то странная голограмма. А кстати: ведь к ней скоро должны прийти кандидаты в «тела»! «Вот и посмотрим, как они отнесутся к Теду».

Тия вернулась к статьям, мимоходом проводя статистический анализ и оставляя перекрестные ссылки на все, что казалось ей любопытным. Кое-какие наблюдения действительно представлялись весьма значимыми. Например, истощенные месторождения определенных минералов вблизи мест обитания эскайцев или удивительное сходство чередования сезонов и периодов обращения планет и планетоидов, на которых они селились. То есть насколько у планет марсианского типа вообще могут быть сезоны. Но периоды обращения, совпадающие с разницей в пределах часа... Интересно. Неужели они настолько зависели от естественного солнечного освещения? Если так подумать — да, расстояние от солнца у всех планет тоже примерно совпадает. И все это звезды солнечного типа...

Тия переключила внимание на последние исследования своих родителей, предоставив информации об эскайцах пока что перевариваться у нее в сознании. Пота с Брэддоном были Шлиманами современной археологии, но славу им принесли не эскайцы. После того как Тия заболела, они так и не смогли заставить себя вернуться на место прежних раскопок и вообще к исследованию эскайской культуры — и институтское начальство в кои-то веки повело себя как люди, а не как искусственные интеллекты с компьютерными чипами вместо сердца и пошло им навстречу. Пота с Брэддоном получили новое назначение — на планету с нормальной атмосферой и богатой вулканической деятельностью,

большая часть поверхности которой была покрыта океаном, а на тысячах мелких островков обитали разумные существа, ведущие кочевой образ жизни, — короче, полная противоположность эскайским планетам. И именно здесь они совершили свое открытие. Изучив туземные легенды о царе, который впервые решился бросить вызов богам, они повторили знаменитое открытие Шлимана, нашедшего останки легендарной Трои: им удалось обнаружить целый город, погребенный под потоками лавы. И притом идеально сохранившийся. Для этого мира и этого народа то был аналог Атлантиды и Помпей, вместе взятых: жители погребенного города владели технологиями бронзового века, в то время как современные разумные существа все еще использовали орудия из кремня, обсидиана и раковин и обитали в крошечных деревеньках, насчитывавших не более двух сотен жителей. И в то время, как современные туземцы были амфибиями, проводившими большую часть жизни в воде, эти древние существа почти всю свою жизнь проводили на суше...

Открытие принесло Поте и Брэддону вселенскую славу. Работы в городе должно было хватить полусотне археологов на сотню лет. Та-хианна сделались главным делом их жизни, и они теперь почти не покидали планету. Они даже устроили себе постоянное жилище на чем-то вроде модернизированного корабля.

Тии было приятно читать их работы — и личные соображения, которые они ей присылали вместе с сообщениями о кое-каких находках, пока еще не описанных в научных журналах. И все-таки та-хианна не настолько будоражили ее воображение, как таинственные эскайцы.

И дело было не только в этом. Годы тщательного анализа малейших подробностей и нюансов тех жутких недель заставили ее прийти к выводу, что то, что произошло с ней, может в любой момент произойти и с другим неосторожным археологом или даже с другим ребенком.

И для того, чтобы получить всю информацию, необходимую, чтобы трагедия не повторилась, нужно было найти родную планету эскайцев.

А Тия была твердо намерена сделать все от нее зависящее, чтобы это не повторилось никогда. Ведь следующему, кто заразится этой болезнью, может повезти куда меньше. Если заболеет взрослый или даже ребенок, но, к несчастью, менее интеллектуальный и гибкий, чем сама Тия, он будет обречен на жалкое существование в четырех стенах, прикованный к мотоколяске...

— Икс-Г-1033, вас ждут подобранные для вас кандидаты в

«тела», — сказал Ценком, прервав ее мрачные размышления. — Вы ведь выберете одного из них? — устало добавил оператор.

— Еще не знаю, — невозмутимо ответила Тия. — Сперва мне нужно с ними побеседовать.

Первую партию кандидатов она отвергла, всех до единого. Ценком явно считал, что она выпендривается, строит из себя примадонну. Тия же полагала, что она всего-навсего осмотрительна. В конце концов, поскольку она была официально приписана к Институту археологии, она получила именно то, на что рассчитывала: корабль, не оборудованный сингулярным двигателем. Такие корабли были последним словом техники, стоили колоссальных денег, и, разумеется, Институт себе такого позволить не мог. А это значит, что ей, как и Мойре, придется проводить очень много времени в полете. И, в отличие от Мойры, она не рассчитывала избавляться от пилотов столь часто, что ее штрафы превысят всю сумму долга, вместе взятую.

Все то время, что она будет проводить в полете, ей придется общаться только со своим «телом». Так что Тия хотела, чтобы ее будущий напарник был, в первую очередь, умным. Как минимум не менее умным, чем Томас и Чарли. Она хотела иметь дело с человеком, который будет не против ее маленьких личных экспедиций, совершаемых параллельно с официальными полетами, и будет относиться к ним так же серьезно, как к официальным заданиям. И, пожалуй, Тия предпочла бы иметь дело с мужчиной, хотя она не отвергла еще ни одного из предложенных «тел» только на том основании, что это были женщины.

Но прежде всего она хотела найти кого-то, кто хорошо относился бы к ней лично; кого-то, кто станет настоящим товарищем во всех смыслах. Кого-то, кто по доброй воле проводил бы время с ней, хотя мог бы заняться чем-то другим; подлинного друга, такого, как Кенни, Анна, Мойра, Ларс.

И чтобы он был личностью. Двое из предыдущей партии — обе женщины — оказались не более яркими личностями, чем сырое тесто.

Быть может, другой корабль это бы и устроило — какой-нибудь мозг, который предпочитает, чтобы обычные люди не тревожили его иначе как по делу. Но Тия хотела иметь дело с человеком, с которым есть о чем поговорить! В конце концов, она ведь и сама когда-то была обычным человеком.

— Кто первый? — спросила она у Ценкома, спуская лифт, чтобы человек мог подняться на борт, не карабкаясь по трапам.

— Доннинг Чань-и-Нарган, — ответил Ценком после небольшой паузы. — Окончил Академию с отличием.

Пока Доннинг пересекал асфальтовое поле космодрома, направляясь к стартовой площадке, Тия просматривала полученные данные. Да, действительно, окончил с отличием, но не суперотличником. Как и она сама: входил в первую десятку в своем классе, но не лучший из сотни. Очень хорош собой, если верить голографическому портрету: волнистые белокурые волосы, ярко-голубые глаза, точеное лицо кинозвезды — и тело тоже точеное. Но Тия теперь с опаской относилась к красивой внешности. Двое из первой партии тоже были великолепны. Одна была как раз та, что напоминала сырое тесто: ничего своего между ушами, только то, что вложили в Академии, — а второй желал говорить исключительно о себе.

Снаружи донесся шум, уведомивший ее о прибытии Доннинга. Он включил лифт вручную, вместо того чтобы попросить об этом Тию. Ее это задело.

Еще больше задело ее то, что он обращался с ней будто с неким искусственным интеллектом, разве что несколько продвинутым. Его явно вообще раздражало, что он вынужден проходить это собеседование, и он предпочел бы оказаться где-нибудь в другом месте.

— Доннинг Чань-и-Нарган прибыл, — доложил он скучающим тоном. — Согласно приказу.

Он скороговоркой изложил все, что говорилось в переданном ей коротком файле, как будто Тия не могла прочесть это сама. Присесть он не пожелал. И на Теда внимания не обратил.

— Вопросы есть? — осведомился он таким тоном, как будто наличие вопросов могло означать только, что его невнимательно слушали.

— Всего несколько, — ответила Тия. — Кто ваш любимый композитор? Вы играете в шахматы?

На вопросы он отвечал коротко и односложно, как будто все это настолько не относилось к делу, что он просто не мог поверить, что Тия задает их всерьез.

Задав еще несколько вопросов, Тия его отпустила — он явно был очень доволен и стремительно исчез, распространяя запах уязвленного эго.

— Гаррисон Лебрель! — объявил Ценком, как только Доннинг вышел из лифта.

Ну что ж, возможно, Гаррисон ей подойдет. Хорошие оценки — не такие высокие, как у Доннинга, но все же приличные. Инте-

ресуется археологией... Увидев, чем именно он интересуется, Тия воспряла духом. Нечеловеческие цивилизации, в особенности вышедшие в космос расы, считающиеся вымершими, и, в частности, эскайны!

Гаррисон предоставил ей поднять себя наверх. Он оказался разговорчивым, хотя и не особенно общительным. Он предпочитал говорить сам.

— Мы будем много времени проводить в полете, — говорил он. — Учась в Академии, я не успевал следить за современной литературой по археологии и собираюсь наверстать это в полете.

Значит, собеседник из него будет неважный...

— А в шахматы вы играете? — с надеждой спросила Тия.

Он покачал головой:

— Я играю в сеннет. Это древнеегипетская игра. У меня есть очень интересная компьютерная версия, я могу ее установить. Думаю, вам не потребуется много времени, чтобы ей научиться, хотя вообще-то на то, чтобы овладеть ею, нужна целая жизнь.

Последнее было сказано несколько самодовольно. И он не стал просить ее научить его играть в ее игру. А ведь она располагает куда большими вычислительными ресурсами, чем он, — у нее уйдет не больше часа, чтобы овладеть этой его игрой, а может, и часа не понадобится.

— Я вижу, вы интересуетесь вымершими космическими расами, — заметила Тия. — Я очень неплохо разбираюсь в саломон-кильдеровской культуре.

Он скептически хмыкнул.

— Я полагаю, что доктор Рассел Гейнс-Баркен уже узнал о них все, что стоило знать, — хотя у нас, вероятно, будет возможность выяснить кое-что, что пропустили исследователи. Наше преимущество в том, что мы приучены быть внимательными к деталям.

В конце концов Тия отпустила его. Она испытывала смешанные чувства. Конечно, парень чересчур надменный. Но толковый, спору нет. У них общие интересы, но его излюбленные теории резко противоречат ее мнению. Возможно, он и сойдет, если ничего другого не подвернется, но это явно не тот, кого она ищет.

— Следующая — Хрия Шанс, — сказал Ценком, когда Тия доложила, что готова принять следующего. — Но она тебе не понравится.

— Почему — потому, что она явно носит вымышленное имя?

Ценкому и Академии было решительно все равно, как ты себя называешь, — главное, чтобы было известно, кто ты такой на са-

мом деле, а это все было в личных досье. Некоторые люди предпочитали псевдонимы. Чаще всего это были отпрыски Высших Семей, и фамилии они меняли либо потому, что были паршивой овцой в своем стаде, либо (реже) потому, что не хотели выделяться. Однако временами честолюбивые юнцы брали себе фамилии, смахивающие на прозвища кинозвезд.

— Нет, — ответил Ценком, не скрывая усмешки. — Она тебе не понравится потому, что... Впрочем, сама увидишь.

Результаты экзаменов Хрии были вполне приличные — как и у Гаррисона. Но в личной характеристике содержалось странное замечание: «нонконформистка».

Ну, в этом ничего странного нет. Вон Пота с Брэддоном тоже нонконформисты, во всех отношениях.

Но как только Хрия вступила в центральную рубку корабля, Тия поняла, что Ценком не ошибся.

На Хрии была стандартная форма выпускника академии — но явно пошитая по спецзаказу. Она была из кожи — не из синтетического кожзаменителя, а из натуральной кожи. И форма эта сидела на ней так безупречно, что Тии сделалось неуютно. В остальном Хрия была тонкая, как клинок рапиры, с узким и умным лисьим лицом и агрессивно-короткой стрижкой. Она еще ничего не сказала, а Тии уже стало не по себе.

Обменявшись несколькими вопросами и ответами, Хрия сама покачала головой.

— Ты славная девушка, Тия, — сказала она напрямик, — но мы с тобой не уживемся. Я буду на тебя давить, а ты будешь сидеть в своем пилоне, беситься и кипеть и даже сказать ничего не сможешь. — Она хищно усмехнулась. — Я по природе охотница, плотоядная. Мне нужен кто-то, с кем можно погрызться! Я люблю хорошую драку!

— Ну да, и ты наверняка захочешь гоняться за пиратами, — сказала Тия, уже начиная закипать. — Если по соседству появятся пираты, ты не успокоишься, пока не переловишь их всех!

— Еще бы! — беззастенчиво согласилась Хрия.

Еще несколько минут разговора окончательно убедили Тию, что Хрия права. Они не уживутся. Она простилась с девушкой с легким сожалением. Она тоже не против доброй ссоры, но непрерывной грызни не потерпит — а Хрия явно рассчитывала именно на это. Она утверждала, что это помогает снять напряжение.

Ну, может, и помогает. И, возможно, по той же самой причине

Хрия из всех видов музыки предпочитала оперу. Она была просто фанаткой оперы. А Тия. . скажем так: Тия оперу недолюбливала.

Хотя, конечно, да: эти старинные оперы, несомненно, помогают разрядить эмоциональное напряжение. У Тии создалось впечатление, что Хрия и себя саму представляет чем-то вроде современной валькирии.

Тия доложила Ценкому, что отказывается от Хрии Шанс, и добавила, что, по ее мнению, Хрия Шанс идеально подходит для того, чтобы стать напарником корабля Военной Курьерской службы.

— Между нами и радиоволнами, — ответил Ценком, — я лично того же мнения. Кровожадная девица. Ну что ж, она свой шанс получит. Твоего одноклассника, Пола, распределили как раз в военные курьеры, и он такой же воинственный, как и Хрия. Я передам твои рекомендации куда следует; а к тебе тем временем направляется Харконен Карл-Улбрайт.

Карл Тию разочаровал. Успехи у него были средние, и, хотя он оказался вполне себе милым юношей, Тия увидела, что она тотчас подомнет его под себя. Он был застенчив, высказывать собственное мнение опасался, а если и решался на такое, то готов был тут же взять свои слова обратно. И тем не менее...

— Карл! — окликнула она на прощание, когда молодой человек уже направлялся к лифту, даже не стараясь скрыть своего уныния. — У меня есть одноклассник, Рауль, номер Икс-Р-1029. Думаю, вы с ним прекрасно поладите. Я сейчас попрошу Ценком устроить вам собеседование с ним — его поместили в корабль только сегодня, и я точно знаю, что «тела» у него пока нет. Скажете ему, что вы от меня.

Молодой человек заметно повеселел. Наверняка он обрадуется еще больше, когда узнает, что у Рауля — сингулярный двигатель. Тия готова была поручиться, что их с Раулем психологические характеристики совпадают тютелька в тютельку. Прекрасная выйдет команда, тем более если им поручат перевозить особо важных персон. Они не станут навязывать свое общество и не обидятся, если большая шишка станет относиться к ним как к мебели.

— Я все слышал, Тия, — сказал Ценком, как только парень удалился. — Считай, что собеседование уже назначено. Тебе следовало бы стать психологом. Хорошо, что ты подобрала ему пару; мы все никак не могли придумать, кого дать ему в напарники, и пытались предложить ему кого-нибудь из девушек.

Если бы у Тии были руки, она бы ими всплеснула.

— Психологом? Я? Да ни за что на свете! Кто там на очереди?

— Андреа Поло-и-де Грас, — ответил Ценком. — Тебе она тоже не понравится. Да она и сама к вам не хочет.

— Еще бы, с такой-то фамилией! — вздохнула Тия. — Она явно предпочитает что-то более выдающееся, чем Институт археологии, да? Надеюсь, она не обидится, если я скажу, что согласна с ней заранее и ей не стоит сюда приходить?

— Вряд ли, — ответил Ценком, — но я все-таки проверю.

После небольшой паузы он сообщил:

— Она только рада. По-моему, она попыталась воспользоваться своими семейными связями, чтобы устроиться на теплое местечко, но у нее там что-то застопорилось. Ох уж мне эта золотая молодежь! Интересно, зачем Высшие Семьи вообще посылают своих деток в Космическую академию?

Тия почувствовала себя обязанной возразить.

— Потому что некоторые из них добиваются больших успехов и становятся легендами Курьерской службы, — заметила она с легким упреком.

— Ну да, верно. Был не прав, признаю. Ладно, твой последний кандидат в «тела» — Александр Жоли-Шанто, который опаздывает.

— Опаздывает, вот как? Это не добавит золотых звездочек в его копилку наград! — бросила Тия несколько ядовито. Родительское почтение к пунктуальности приучило Тию к определенным стандартам, и она ожидала, что все окружающие будут им соответствовать. Особенно кандидаты в ее напарники!

«Ну что ж, по крайней мере, я могу пока пролистать сведения о нем». Тия быстро просмотрела полученную информацию. Впечатление было... противоречивое. Если Александру что-то давалось, то в этом он был выше всяких похвал. А если не давалось, то его дела обстояли из рук вон плохо. Зачастую это проявлялось даже в рамках одного и того же предмета. В начале изучения он мог получать самые низкие оценки, потом вдруг загореться, проникнуться интересом, сделать блестящие успехи — и в самом конце семестра буквально чудом сдать, казалось бы, провальный предмет. «Работоспособность неустойчивая», — говорилось в личной характеристике. Тия не только была с этим согласна — она сочла, что автор характеристики скорее смягчил ситуацию.

Из задумчивости ее вывел Ценком.

— Эгей! Он только что промчался мимо меня! Не знаю, готова ты, Тия, или нет, но он идет к тебе!

Воспользоваться лифтом Александр не потрудился — он взле-

тел по трапу и, запыхавшись, ворвался в рубку. Его отросшие волосы растрепались, форма помялась.

Еще одно очко не в его пользу — хотя, конечно, все лучше, чем кожаная форма Хрии.

Он быстро огляделся, чтобы сориентироваться, и тут же развернулся лицом к центральному пилону, где находилась Тия. Любезность, которую до сих пор оказали ей только Карл и Хрия. На самом деле это совершенно не имело значения и большинству капсульников было все равно, куда смотрит их собеседник, — главное, чтобы он был обращен лицом хотя бы к одной паре их «глаз». Но Тия, как и Мойра, считала, что со стороны «тела» вежливее смотреть туда, где ты находишься, а не в сторону пустой стены.

— Гипатия, милая, я ужасно извиняюсь, что опоздал на это собеседование! — сказал он, слегка отдышавшись. — Просто мой сенсей предложил мне сыграть в го, и я совершенно потерял счет времени.

Он пригладил коротко-палой пятерней встрепанные темные волосы и виновато улыбнулся. От карих глаз разбежались веселые морщинки.

— А ведь я приготовил совершенно замечательную речь о том, как удачно было бы, если бы девушка, носящая имя последнего библиотекаря Александрийской библиотеки, и пилот, носящий имя Александра Великого, работали вместе! Я выучил ее наизусть — а сейчас, в спешке, начисто забыл!

«Хм! Он знает, в честь кого меня назвали! Или, по крайней мере, ему хватило любезности и предусмотрительности посмотреть это в библиотеке...» Тия немного поразмыслила — и зачислила это в плюс. Не красавчик, но физиономия славная. Невысокий — ну что ж, Александр Македонский тоже не был великаном ни по современным меркам, ни по меркам своего времени. Пожалуй, внешность в целом тоже стоит занести в плюсы, так же как и вежливость. Нет, конечно, Тия не собиралась выбирать себе «тело» на основании внешнего вида, но все-таки приятно иметь при себе кого-то, кто украшает пейзаж.

Ну а за опоздание и за неопрятность по прибытии — минус.

— Пожалуй, я могла бы вас простить, — сухо сказала она. — Хотя не очень понимаю, что именно вас задержало.

— Э-э... Видите ли, помимо древней истории — ну, в смысле, истории Земли, а конкретнее — военной истории и стратегии, я... э-э... увлекаюсь еще и боевыми искусствами.

Он снова пригладил волосы пятерней — очевидно, от нервозности.

— Восточными единоборствами. Одним мягким стилем и одним жестким. Тай-цзы и карате. Я знаю, большинство людей считают, что это совершенно бесполезное занятие, но ведь курьеры Института археологии летают безоружными, а мне не нравится чувствовать себя совершенно беспомощным. Как бы то ни было, мой сенсей — это мастер боевых искусств — научил меня играть в го, а это очень сложная игра, когда играешь с мастером.

Он на миг опустил голову, и вид у него сделался застенчивый.

— Я совершенно забыл о времени, мне позвонили и напомнили о встрече. Простите, пожалуйста, что заставил вас ждать.

Тия даже не знала, что с этим делать.

— Садитесь, пожалуйста, — рассеянно предложила она, гадая, почему, при своем увлечении всем военным и боевым, он не попросился на военную службу. — А в шахматы вы играете?

Он кивнул.

— И в шахматы, и в «Отелло», и еще в несколько компьютерных игр. Но если у вас есть какие-то любимые игры, которых я не знаю, то я им с удовольствием научусь!

Сидел он тихо, спокойно, не ерзал, как Гаррисон. На самом деле, именно сравнив Александра с Гаррисоном, Тия твердо решила, что Гаррисон ей не подходит. Проведя с ним несколько месяцев, она готова будет накачать его успокоительными, лишь бы только он прекратил суетиться!

— А почему именно земная история? — с любопытством спросила она. — Это не совсем то увлечение, которое я ожидала встретить у... у космического наездника.

Он усмехнулся — очень обаятельной кривоватой усмешечкой.

— А что, с Хрией, моей одноклассницей, вы еще не встречались? Вот уж у кого странные увлечения!

За шутливым тоном Тия распознала некую привязанность — даже кончики ушей у него слегка покраснели.

— Изначально я заинтересовался историей потому, что хотел узнать происхождение своего имени, а потом увлекся эпохой Александра Македонского. Одно цеплялось за другое, и не успел я опомниться, как оказалось, что на все праздники мне дарят исторические фильмы или диски с книгами по истории. И меня это вполне устраивало.

Ага, значит, происхождение ее имени он действительно знал заранее...

— А почему именно военная история и стратегия?

— Потому что все самые интересные игры — именно стратегии, — сказал он. — Я... у меня есть приятель, который очень увлекается компьютерными играми. В детстве мы с ним были лучшими друзьями, и мне хотелось его опередить. Поэтому я стал изучать стратегию. Это привело меня к «Искусству войны» Сунь-цзы, а оно, в свою очередь, привело к дзену, а дзен — к боевым искусствам.

Он пожал плечами:

— Вот и все. Одно к другому. Мне кажется, вам должно понравиться тай-цзы — там очень много говорится о движении и потоках энергии, и все это очень похоже на механику сингулярности, и...

— Да-да, конечно, — перебила она, буквально оттаскивая его за шиворот. — Но все-таки, почему вы не пошли на военную службу?

— По той же самой причине, по которой занялся боевыми искусствами: я не люблю чувствовать себя беспомощным, но при этом не хочу никому причинять вред, — ответил он. Вид у него сделался какой-то несчастный. — Что тай-цзы, что карате — у обоих стилей одна цель: не применять силу без необходимости. Только суть тай-цзы в том, чтобы использовать силу более сильного противника против него самого, в точности как написано в «Искусстве войны», а карате...

И снова Тии пришлось оттаскивать его от излюбленной темы, заставляя вернуться к предмету разговора. Она обратила внимание, что в беседе Александр имеет тенденцию двигаться по касательной. Расспрашивала Тия его долго, куда дольше, чем остальные «тела», и когда она его наконец отпустила, то испытывала легкое чувство неудовлетворенности. Пока что Александр был лучшим из всех, с кем ей довелось побеседовать, но, хотя он и пел лун и достаточно чуток, он не проявил ни малейшего интереса к той области, которая занимала саму Тию. На самом деле она не увидела и не услышала ничего, что заставило бы предположить, что он согласится помогать ей в ее личных поисках.

Небо над космодромом темнело, в здании космопорта зажигались огни. Огни отражались в ее гладком теле, а она все думала о том, кого же выбрать, и не могла отыскать неоспоримого фаворита. Нет, Алекс, конечно, лучший, но все остальные по большей части просто неприглядны. Он явно рассеян и мог бы лучше следить за собой. Нет, неряхой его не назовешь, но форму свою он носит не с тем уважением, которое казалось уместным Тии. На самом деле на нем она выглядела не как форма, а как обычный

костюм, привычный и удобный. Тия просто не представляла, как ему это удается.

Его манера отклоняться в сторону может быть очень приятной и забавной в дружеской беседе, но кое-кого она может рассердить — веганца, например, или кого-то похожего. А уж если придется иметь дело с искусственными интеллектами, вообще неизвестно, к чему это может привести. Искусственные интеллекты — большие буквалисты.

Нет, он не идеален. И даже не близок к идеалу.

— Икс-Г-1033, к вам входящий вызов! — вмешался Ценком, оторвав ее от дум. — Готовьтесь, сударыня, к вам Злая Волшебница Запада, и, похоже, на ее сестру только что уронили летающий домик.

Неизвестно, что имел в виду оператор, — Тия не уловила аллюзий. Однако тон ее начальницы был резким и возмущенным.

— Икс-Г-1033! Вы уже выбрали себе «тело»? — осведомилась она таким голосом, как будто Тия ищет себе напарника уже не первую неделю.

— Нет еще, госпожа инспектор, — осторожно ответила Тия. — Честно говоря, до сих пор я не нашла ни одного человека, которого могла бы нормально переносить на протяжении длительных промежутков времени.

Вообще-то проблема была не совсем в этом, но объяснить Бете Герольд-и-Каспиан, в чем состоит подлинная проблема, было невозможно. Она с трудом соглашалась признавать человеческие чувства за «телами», а уж делать скидки на то, что капсульники тоже люди, и подавно не желала.

— Гипатия, вы тратите время зря! — сухо сказала Бета. — Вы сидите тут на космодроме, бьете баклуши и понапрасну занимаете стартовую площадку, в то время как вам давно уже пора приступить к выполнению своих обязанностей курьера!

— Я делаю все, что могу! — резко ответила Тия. — Однако ни вы, ни я не будем в восторге, если я расстанусь со своим пилотом после первого же рейса!

— Вы отвергли шестерых напарников, которые по всем нашим тестам идеально вам подходили! — возразила Бета. — Надо же уметь немножко идти на компромиссы.

«Шестеро из них идеально мне подходили? — изумилась Тия. — Это кто же? Те непронеченные девушки? Или эта валькирия? Или, может, Гаррисон? Духи космоса, спасите! Мне-то казалось, что я куда приятнее и... и интереснее!»

Бета продолжала ей выговаривать. Ее голос приобрел интона-

ции, средние между тоном полицейского и профессионального инспектора.

— Вы же прекрасно знаете, что между визитами кораблей на раскопки класса А проходит слишком много времени. В результате небольшие партии на целые недели и даже месяцы оказываются предоставленными сами себе. И даже в экстренных случаях кораблей у нас так мало и они так разбросаны по разным уголкам космоса, что проходит по нескольку дней, прежде чем помощь прибывает на место — и это в тех ситуациях, когда счет идет на часы и минуты! Вы нам были нужны в космосе с того самого момента, как вы очутились в корабле!

Тия про себя поморщилась.

Она готова была заподозрить, что Бета нарочно бьет в больное место, если бы не знала, что Бета не имеет доступа к ее досье. Агентство, следящее за соблюдением прав капсульников, очень заботилось о таких вещах. Иначе начальство капсульников могло бы пользоваться личными сведениями, чтобы манипулировать своими подчиненными. В старые времена, когда инспектора знали о своих капсульниках все, они порой намеренно развивали у них эмоциональную зависимость, чтобы обеспечить себе их «преданность». Ведь манипулировать человеком, чья связь с внешним миром ограничивается несколькими сенсорами, которые можно и отключить, легче легкого.

И все-таки Бета была права. «Если бы помощь ко мне пришла раньше, я бы сейчас здесь не находилась. Я бы сейчас училась в колледже сразу по двум специальностям, как мама, и думала о том, на какую тему писать диссертацию...»

— Знаете что? — сказала Тия, чтобы выиграть время. — Дайте я еще раз просмотрю свои заметки и записи собеседований и подумаю над ними. Утро вечера мудренее. Одна из вещей, которые нам все время повторяли в школе, — это чтобы мы никогда не выбирали себе «тело» второпях или под давлением. Вам ведь не нужна вторая Мойра? — добавила она, слегка усилив металлические нотки в голосе.

— Ладно, — нехотя ответила Бета. — Но должна вас предупредить, что запас «тел» не безграничен. В этом выпуске осталось не так много молодых пилотов, с которыми вы можете побеседовать, и если мне придется выпнуть вас в космос без напарника, я так и сделаю. Институт не может себе позволить держать вас на космодроме еще полгода в ожидании следующей партии.

«Лететь в космос без «тела»? Одной?» Эта идея Тию не порадовала. Совершенно не порадовала. По правде говоря, мысль о том,

чтобы провести полгода в космическом пространстве одной, ее пугала. Она никогда в жизни не оставалась совсем одна, без хоть какого-нибудь человеческого общения — даже в детстве, на раскопках, она была не одна, а с родителями.

Так что когда ее оставили в покое, она принялась заново просматривать записи собеседований и проглядывать информацию о тех двенадцати кандидатах, которых она отвергла. Но все никак не могла отыскать ни одного, кого без оговорок и тени сомнения можно было бы назвать «другом».

Кто-то тихо-тихо постучался в закрытые двери лифта. Тия, застигнутая врасплох, включила внешние сенсоры. Кто это может быть? Еще даже светать не начало!

Услышав жужжание поворачивающейся камеры, посетитель поспешно вскинул голову и уставился прямо в объектив. На космодроме было достаточно светло, чтобы Тия могла «видеть», и она тут же признала незваного гостя.

— Гипатия, это Алекс! — прошептал он, хотя нужды в этом уже не было. — Можно с вами поговорить?

Поскольку ответить ему, не сообщив всему космодрому об этом странном и совершенно незапланированном ночном визите, она никак не могла, пришлось спустить лифт. Свет Тия зажигать не стала. Алекс проскользнул в темный лифт, и она подняла его наверх.

— И что вы тут делаете? — осведомилась она, когда Алекс очутился в центральной рубке. — Это не принято!

— Хм, — сказал он. — Я нестандартная личность и предпочитаю поступать нестандартно. В «Искусстве войны» сказано, что лучший способ выиграть войну — это никогда не делать того, что от тебя ожидают...

— Ну да, конечно, — перебила Тия. — Возможно, для военных это и справедливо, но мы с вами не на войне, и мне вообще-то следует доложить о вашем поведении.

Тия произнесла это немного угрожающе, гадая про себя, почему она вообще до сих пор этого не сделала.

Алекс не обратил внимания ни на угрозу, ни на упрек.

— Ваша инспекторша говорит, что вы до сих пор так никого и не выбрали, — сказал он вместо этого. — Почему?

— Не выбрала, и все! — отрезала Тия. — Я не люблю, когда меня подгоняют. Или когда на меня давят. Сядьте, наконец.

Он сел, довольно поспешно, и лицо его из вызывающего сделалось грустным.

— Я не думал, что вы рассердитесь на меня за опоздание! — жалобно сказал он. — Мне показалось, что мы с вами неплохо спелись. Когда ваша инспекторша сказала, что вы провели со мной больше времени, чем с любым другим кандидатом, я подумал, что вы наверняка выберете меня! Чем же я вас не устраиваю? Должна же быть причина! Может быть, я что-то могу исправить?

— Ну... я...

Она была настолько захвачена врасплох его беспардонной прямотой, что ответила напрямик:

— Я рассчитываю на то, что мой напарник будет пунктуален, потому что пилот должен быть точным, а отсутствие пунктуальности предполагает небрежность, — сказала она. — Вы показались мне расхлябанным, а я не люблю расхлябанности. Кроме того, вы вели себя рассеянно, и во время беседы мне все время приходилось напоминать вам о теме разговора. И то и другое говорит о неумении концентрировать внимание, а это меня тоже не устраивает. Мы с моим пилотом будем находиться одни в космическом пространстве, и мне нужен человек, на которого я смогу полностью положиться.

— Ну, я был не в лучшей форме! — возразил Алекс. — Я был растерян и изрядно выбит из колеи тем, что опоздал. Но дело ведь не только в этом, да?

— Что вы имеете в виду? — осторожно осведомилась Тия.

— Дело не только в том, что я... скажем так, не идеален. У вас есть тайна... Что-то, что вы действительно мечтаете сделать, и об этом вы не говорили никому, даже своему инспектору.

Он задумчиво окинул взглядом пилон. Тия была совершенно ошеломлена точностью его догадки.

— И я не соответствую вашему представлению о том, кто может вам помочь в осуществлении этой мечты. Верно?

Взгляд его сделался умоляющим.

— Прошу вас, Гипатия, расскажите, в чем дело! — сказал он. — Мне-то вы можете рассказать. Я никому не разболтаю. И, возможно, я сумею вам помочь! Вы не так уж много обо мне знаете — только то, что есть в кратком досье, и то, что вы сумели узнать за час разговора!

— Не понимаю, о чем вы, — неуклюже ответила Тия.

— Как же, не понимаете! Ну, для начала, любой мозговой корабль мечтает выплатить свой долг и получить свободу, что бы там они ни говорили. Ну и, разумеется, у каждого из кораблей имеется свой конек. Баркли про себя мечтает преследовать пира-

тов по всему обитаемому космосу, как какой-нибудь герой фильма. Лета мечтает стать величайшим композитором нашего века, и даже тихий старина Джерри мечтает купить себе сингулярный двигатель, чтобы побить все галактические рекорды скорости и дальности перелета!

Алекс усмехнулся.

— А в чем состоит твой большой секрет? — спросил он, незаметно перейдя на «ты».

И, только принявшись выкладывать свои планы насчет кое-каких частных археологических изысканий, Тия сообразила, что ею, в сущности, манипулируют. Но было уже поздно. Она рассказала и о том, что мечтает когда-нибудь сделаться знаменитым археологом, и о том, что надеется таким образом заработать кругленькую сумму кредитов, которые приблизят час ее освобождения. Умолчала она только о том, что надеется когда-нибудь отыскать причину своего заболевания. К этому времени все три желания уравновесили друг друга: читая об успехах своих родителей, Тия вспомнила свою былую мечту пойти по стопам Поты, общение с Бетой убедило ее в том, что она не желает быть ни у кого на побегушках, а изучение хроник мозговых кораблей пробудило в ней новый страх — страх перед эпидемией. Что будет, если вирус, из-за которого ее парализовало, охватит целую планету?

Пытаясь вывернуться из неловкой ситуации, Тия нечаянно выдала Алексу и то, что все ее планы до сих пор оставались тайной, которую она успешно скрывала не только от инспекторов Ценкома, но и от всех, с кем она когда-либо работала, кроме Мойры.

— Потому что я боялась, что они примут мою решимость за что-то другое, — призналась она. — Я полагала, что это могут счесть навязчивой идеей и признаком неуравновешенности.

Все время, пока она говорила, Алекс хранил зловещее молчание. Закончив свой рассказ, Тия вдруг сообразила, что только что предоставила ему великолепную возможность себя шантажировать. Ему достаточно будет пригрозить рассказать всем о ее навязчивой идее, и ее тут же отстранят от полетов и добрых полгода заставят общаться с Советником.

Но Алекс ничего не сказал. Вместо этого он расхохотался. Он буквально заржал. Тия растерянно ждала, пока он успокоится и объяснит ей, в чем дело.

— Драгоценная моя, ты просто невнимательно читала мое досье! — сказал он наконец, выпрямляясь и утирая глаза. — О гос-

поди! Загляни в мой файл. Только не в тот, что прислали из Академии, а в тот, где заявка на стипендию.

Озадаченная Тия подключилась к ценкомовской сети и нашла общедоступное досье Алекса.

— Смотри в разделе «Увлечения», — посоветовал он.

Вот, «Увлечения и хобби».

Археология и ксенология.

Уже не дожидаясь приглашения, Тия заглянула дальше, в его учебные планы. И вскоре обнаружила, что на младших курсах Алекс, помимо всех доступных ему исторических дисциплин, посещал также все занятия по археологии, для которых находилось место в насыщенной школьной программе.

Тия пожалела, что у нее нет рук и она не может потереть виски. Вместо этого она немного увеличила насыщенность своего питательного раствора, чтобы избавиться от начинающейся головной боли.

— Видишь? — сказал Алекс. — Я бы и сам не отказался подписать своим именем пару-тройку научных статей. Разумеется, при условии, что мои находки не будут оснащены никакими проклятиями! Ну а что до кучи кредитов — так кому же они не нужны? Я бы не отказался ко времени своего ухода на пенсию накопить достаточно кредитов, чтобы купить себе... ну, скажем, небольшую планетку!

— Почему же ты тогда не поступил в университет? — спросила Тия. — Почему не получил ученую степень?

— Деньги, — лаконично ответил Алекс, откидываясь на спинку сиденья и складывая пальцы домиком. — Денежки. Деньжата. Бабки. Бабло. Капуста. У моей семьи их нет — точнее, есть, но ровно столько, чтобы мне не полагалась стипендия для малоимущих. Нет, я мог бы получить степень бакалавра — но что в ней толку, для археолога-то? Черт возьми, Гипатия, ты знаешь, сколько времени уходит на то, чтобы получить хотя бы одну докторскую степень? Четыре года учиться на бакалавра, два на магистра, а потом — годы и годы полевой работы, пока не наберешь материал на диссертацию. А для того чтобы стать настоящим археологом, таким, который может работать на раскопках класса А или возглавлять раскопки класса В или С, одной докторской степени мало — нужно иметь две или даже четыре.

Он печально покачал головой:

— Нет, моя драгоценная, я всю жизнь был всего лишь любителем — позволить себе заняться археологией всерьез я никак не мог. Мне оставались только книги и статьи.

— А зачем тогда ты пошел в Академию? — спросила Тия, неприятно изумленная.

— Хороший вопрос. Но ответить на него не так-то просто.

Алекс облизнул губы, секунду поразмыслил и продолжал:

— Предположим, я получил бы степень бакалавра археологии и истории. В таком случае я мог бы устроиться в Институт каким-нибудь мелким клерком на бумажную работу. Но такую работу можно найти где угодно, не только в Институте. Бумажки — они бумажки и есть, меняется только жаргон, а суть-то остается одной и той же. Но, допустим, я устроился в Институт и принялся работать над тем, чтобы получить степень магистра. С магистерской степенью я мог бы даже устроиться ассистентом к какому-нибудь профессору, но чем бы я там занимался? Все той же рутинной работой. Никаких исследований я бы не вел, и уж точно мне не пришлось бы разгадывать никаких загадок. И дальше этого я бы уже не продвинулся: работа ассистента отнимает слишком много времени, чтобы писать собственную докторскую диссертацию. Мой шеф ездил бы на раскопки, а я бы сидел в Институте, в четырех стенах. Потому что если тебе нужно, чтобы кто-то оставался дома и присматривал за хозяйством, ты, разумеется, не станешь нанимать кого-то со стороны, а оставишь там своего ассистента.

— Ну да, я понимаю, почему ты этого не сделал, — сказала Тия. — Но в Академию-то зачем?

— Видишь ли, в Академии критерии присвоения стипендий... несколько иные, — объяснил ей Алекс. — Тамошние стипендиальные комиссии ищут не просто бедных, но талантливых ребят — им нужны толковые ребята с определенными способностями, и, если уж они такого найдут, они сделают все, чтобы его заполучить. К тому же там не такая высокая конкуренция: в Академии куда больше возможностей получить стипендию, чем на факультетах истории и археологии любого из университетов, куда я обращался. Точнее, обоих университетов, куда я обращался: я мог поступить только в один из наших местных университетов, потому что учиться на другой планете мне не по карману. А Академия оплачивает перелет на центральную базу. В университетские же стипендии оплата дороги не входит. Я подумал, что если уж я не могу разыскивать древние кости на далеких планетах, то хотя бы повидаю эти далекие планеты. А если я поступлю работать в Институт археологии, то смогу даже посмотреть, как работают настоящие археологи. И заодно уж можно попробовать выучиться на пилота мозгового корабля. К моему удивлению,

моя психологическая характеристика соответствовала тому, что им требовалось, и меня действительно взяли учиться на пилота. А после выпуска я попросил, чтобы меня приписали к Институту археологии.

— Но почему ты настаиваешь на том, чтобы стать именно моим напарником? — спросила Тия, решив, что раз уж он ею манипулирует, так и она с ним церемониться не станет, а если ему это не по нутру, что ж: значит, он ей не подходит. Мало ли, что он там думает. Быть может, излишняя откровенность его даже отпугнет...

Алекс удивленно моргнул.

— Как, ты не понимаешь? Да потому, что ты — это ты! — сказал он. — На самом деле все ужасно просто. Ты — яркая личность. Ты не пытаешься говорить механическим голосом и изображать из себя искусственный интеллект, как многие твои сокурсники. Ты не стесняешься высказывать собственное мнение. На стене твоей центральной рубки красуется шкафчик с игрушечным медвежонком. Он похож на какое-то украшение, но ты о нем ни разу не упомянула. Это тайна, а я люблю тайны, особенно когда они связаны с чем-то настолько личным, как игрушечный медвежонок. Когда ты говоришь, я слышу, что ты улыбаешься, или хмуришься, или еще что-нибудь. Ты не просто мозг, Гипатия: чувствуется, что внутри твоей капсулы — живой человек. Ты мне нравишься. Я надеялся, что и я понравился тебе. Мне казалось, что нам с тобой еще долго-долго будет не скучно вместе.

Да, по части бесцеремонности он ее обставил, что правда, то правда. Более того: он ее ошеломил. Тия была удивлена, изрядно польщена и начинала думать, что, наверное, Алекс все-таки не худший из возможных пилотов.

— Ну, ты мне тоже нравишься, — неуверенно начала она, — но...

— Что — «но»? — нахально спросил он. — В чем дело?

— Мне не нравится, когда мной манипулируют, — ответила она. — А ты делаешь именно это: манипулируешь мной или, по крайней мере, пытаешься.

Алекс поморщился.

— Ну, есть немножко. Дело отчасти в том, что я это делаю машинально. Понимаешь, я ведь из низших слоев общества. В той среде, откуда я вышел, есть только два возможных выхода из сложной ситуации: либо ты задуришь собеседнику мозги, либо тебе придется с ним драться. Я предпочитаю первое. Но постараюсь больше так не делать.

— И это еще не все! — предупредила Тия. — У меня есть... кое-какие планы, и это может создать сложности, если ты не согласишься мне помогать.

Она сделала паузу для пущей выразительности.

— Ты еще не знаешь, что именно я собираюсь найти. Родную планету существ, бывших носителями саломон-кильдеровской культуры.

— Эскайцев? — переспросил Алекс, подавшись вперед. — Ух ты! Не будь это на самом деле, я бы подумал, что ты владеешь телепатией, или еще что-нибудь! Эскайцы — это же моя любимая археологическая загадка! Мне всегда до смерти хотелось узнать, почему они расселились по стольким планетам, а потом взяли и свернули лавочку. А если мы сумеем отыскать их родную планету... Гипатия, да мы же станем звездами! Нас на руках будут носить!

Тия некоторое время пыталась собраться с мыслями. Все это было странно. Очень странно.

— Я так понимаю, что часть нашего свободного времени мы будем посвящать раскопкам поселений эскайцев? — говорил Алекс. Глаза у него разгорались. — Мы будем искать то, что, возможно, не нашли археологи? Новые места, где стоит копать?

— Ну да, что-то в этом духе, — сказала Тия. — Потому мне и нужно твое сотрудничество. В этих поисках мне может потребоваться более мобильный партнер.

Алекс понимающе кивнул.

— Вы нашли его, благородная госпожа! Я буду только рад вам помочь. Если есть на свете что-то, от чего я без ума, так это поиски неведомого. А тем более на службе у прекрасной дамы!

— Вот как? — хмыкнула Тия. — Может, еще дадите обет отыскать Святой Грааль?

— А почему бы и нет? — беспечно ответил Алекс. — Хоть сейчас!

Он встал, повернулся лицом — не к пилону, а к Теду, сидевшему в подсвеченном шкафчике, — и простер руку, как будто принимал присягу космических пилотов.

— Я, Александр Жоли-Шанто, торжественно обещаю и клянусь, что присоединюсь к мозговому кораблю Гипатии-1033, дабы отныне и впредь вместе с нею непрерывно разыскивать родную планету существ саломон-кильдеровской культуры. Я клянусь, что этот проект будет нашим общим проектом до тех пор, пока будет общей наша карьера. И клянусь, что буду помогать и содействовать ей во всем, что имеет отношение к этим по-

искам, да поможет мне Господь. Да будет тому свидетелем сей медвежонок.

Тия рассмеялась бы — но Алекс выглядел очень серьезным.

— Вот так, — сказал Алекс и снова сел. — Ну а ты?

А что она? Она уже практически согласилась взять его к себе в пилоты, разве нет? И разве он не поклялся служить ей, как какой-нибудь средневековый рыцарь?

— Ладно, — ответила она. — Я, Гипатия-1033, торжественно обещаю и клянусь принять Александра Жоли-Шанто к себе на службу, разыскивать вместе с ним родную планету эскайпов и делить с ним все материальные и нематериальные вознаграждения, которые достанутся нам в процессе этих поисков. Я обещаю оставить его при себе в качестве своего «тела», пока мы оба не согласимся взаимно расторгнуть контракт. Я клянусь... медведем Теодором Эдуардом.

Алекс улыбнулся так широко и заразительно, что Тия впервые пожалела, что не может улыбнуться в ответ.

— Ну что ж, значит, теперь мы команда! — сказала она.

— Так выпьем же за нашу совместную карьеру! — сказал Алекс, поднимая воображаемый бокал. — Пусть она будет столь же долгой и плодотворной, как у Кейдов.

Он сделал вид, что пьет, потом разбил воображаемый бокал о воображаемый камин, не догадываясь, что Тия молчит оттого, что ошеломлена.

«Как у Кейдов? Откуда он может?..»

Но вслух ничего не сказала — она вдруг сообразила, что Алекс никак не может знать, кто она такая на самом деле.

В статьях о Кейдах об их парализованной дочери и о трагедии, в результате которой ее парализовало, не говорилось ни слова. В академических кругах это просто не принято: ученых интересуют только факты и выводы, а не малоприятные подробности чьей-то личной жизни. Кейды не были заменитостями, о которых потом снимают художественные фильмы, основанные на реальных событиях. Нет, о Гипатии Кейд он знать никак не мог.

А когда человека принимают в программу подготовки капсульников, его фамилия теряется в сети секретных файлов, доступ к которым имеет чрезвычайно узкий круг лиц. Так оно лучше, так проще приспособиться к жизни в скорлупе. Есть и другие проблемы. Мозговые корабли, как справедливо заметил профессор Броген, являются чрезвычайно ценным имуществом. А их груз порой бывает еще ценнее. Так что у кого-то может возникнуть искушение, например, взять в заложники родственника

капсульника или оказать на него давление, пользуясь родством. Или заманить корабль в ловушку...

И тем не менее капсульник в принципе мог сообщить самым близким друзьям, кто он такой на самом деле. Близким друзьям — и своему пилоту.

Тия мгновение колебалась, пока Алекс отдавал честь Теду. Может, рассказать ему о себе, чтобы в будущем избежать мучительных промахов?

«Нет. Нет, мне надо научиться жить с этим, если я собираюсь все же отыскать планету эскайцев. Если даже он ничего не станет говорить, скажет кто-нибудь еще. Конечно, мама с папой из-за меня отстранились от эскайского проекта, но все равно их имена по-прежнему связаны с ним. И потом — это все равно не имеет значения. Эскайцы теперь мои. И я больше не Кейд, даже если я и отыщу эту планету. В литературе на меня будут ссылаться не как на Гипатию Кейд, а как на Гипатию-1033. Мозговой корабль. Часть команды АГ...»

Она задумалась о том, как звучит название их команды.

— А тебе не кажется, что наши инициалы...

— А-гэ? — переспросил Алекс. — Как раз только что об этом подумал. Похоже на сокращение от «археология». По-моему, это доброе предзнаменование!

— Хм, — сказала Тия. — Мне это больше напоминает междометие, которое произносит какой-нибудь профессор, глядя на бестолкового студента.

Какая ты все-таки неромантичная! — шутливо укорил ее Алекс. — Да, кстати, о романтизме: сколько времени?

— Четыре часа тридцать две минуты двадцать семь и пятьдесят девять сотых секунды, — мгновенно ответила Тия. — Скоро светать начнет.

— Гос-споди! — сказал Алекс и передернул плечами. — С ума сойти! Пусть это будет доказательством моей преданности тебе, моя леди. Я, который никогда не встает на рассвете, если есть возможность, вскочил в четыре утра — и все затем, чтобы поговорить с тобой!

— Да уж, преданности! — рассмеялась она. — Ладно, Алекс, я сдаюсь. Отныне ты официально назначен моим «телом». Кстати, для тебя я не Гипатия, а просто Тия. Но сейчас тебе лучше потихоньку пробраться обратно в спальню и сделать вид, что ты очень удивился, когда тебе объявят, что я выбрала тебя. Иначе у нас обоих будут неприятности.

— Слушаю и повинуюсь, дражайшая Тия! — сказал Алекс,

вставая и отвешивая ей поклон. — Надеюсь, на обратном пути я так же легко проберусь мимо охраны у ворот, как и по дороге сюда.

— Смотри не попадись! — предупредила она. — Я пока что не смогу официально внести за тебя залог. Моя инспекторша мне прямым текстом заявила, что пока что я — всего лишь огромная дыра в институтском бюджете.

Алекс отдал честь ее пиджону и дробной рысцой сбежал по трапу, снова проигнорировав лифт.

«Ну что ж, по крайней мере, он будет держать себя в форме».

Тия провожала его взглядом, пока могла, однако вскоре он скрылся за другими кораблями и космопортовским оборудованием. Тии пришло в голову, что можно подслушать переговоры охраны и узнать, не задержат ли его.

Она подключилась к каналу связи, но прошло полчаса, все было тихо, и Тия сделала вывод, что Алекс благополучно выбрался с территории.

Без него в центральной рубке было как-то пусто. В отличие от всех *остальных* — кроме, *быть может*, Хрии Шанс, — он как будто заполнял всю рубку своей яркой индивидуальностью.

Да, он и в самом деле достаточно живой.

Тия подождала до шести ноль-ноль, потом вызвала Центком. Там сидел новый оператор, которого, похоже, совершенно не интересовала ни Тия, ни ее проблемы. Он казался таким же равнодушным, как искусственный интеллект. Тия попросила связать ее с кабинетом Беты, и он молча выполнил просьбу.

Бета оказалась на месте — Тия на это рассчитывала. И первое, что сказала ей инспекторша, было:

— Ну что? Выбрали вы себе «тело» или мне придется продемонстрировать вам всех выпускников Академии?

Гипатия с трудом удержалась от резкого ответа.

— Я всю ночь размышляла над теми двенадцатью кандидатами, которых вы, инспектор, мне предложили, — сухо сказала она. — Мне стоило немалого труда получить о них все возможные сведения, вплоть до начальной школы.

«Это ведь почти правда! — сказала она себе. — Алекса я действительно проверила вплоть до начальной школы!»

— И что? — осведомилась Бета, которую это нимало не впечатлило.

— Я выбрала Александра Жоли-Шанто. Он может явиться на борт в любое время. Всю предполетную подготовку я завершила

еще вчера и могу быть готова к полету в любой момент, как только Центком даст разрешение на взлет и вы дадите мне задание.

«Вот вам! — самодовольно подумала она. — Скушали, мадам инспекторша? Наверняка вы и не думали, что я могу действовать настолько оперативно!»

— Хорошо, АГ-1033, — ответила Бета. Если Тиина оперативность и произвела на нее впечатление, она этого ничем не проявила. — Хотя будь я в вашей капсуле, я бы ни за что не выбрала «тело» Александра. Он не настолько... компетентен, как хотелось бы. И оценки у него весьма неровные.

— То же можно сказать о большинстве умов уровня гениев, инспектор! — отпарировала Тия, стремясь заступиться за свое «тело». — Впрочем, вы наверняка и без меня это знаете.

«И вы — не в моей капсуле, сударыня, — подумала она, кипя негодованием на высокомерный тон Беты. Тии пришлось подрегулировать состав питательной жидкости, чтобы успокоиться. — Это мое дело, мне и решать. Буду признательна, если вы не станете забывать об этом».

— Ну да, АГ-1033, я об этом слышала, — бесстрастно ответила Бета. — Я сообщу в Академию о вашем выборе и поручу Центкому составить для вас полетный план. Когда придет время взлета, я вас проинформирую.

И отключилась. Но не успела Тия даже обидеться или рассердиться, как подключился оператор Центкома.

— Поздравляю, АГ-1033! — сказал он. В его голосе, до того безличном, звучали теплые дружеские нотки. — Я только хотел сказать, пока мы не увязли в формальностях, что все мы, операторы, думаем, что ты выбрала замечательное «тело». Особенно я

Тия была ошеломлена.

— Но почему... Нет, спасибо, — выдавила она, — но почему?..

Оператор рассмеялся.

— Ну, мы же контролируем все учебные полеты курсантов! Некоторые из них — настоящий геморрой, но Алекс — все отзывы о нем были исключительно положительными. И он никогда не сопротивляется, когда нам приходится брать управление на себя. И... как-то раз этот красавчик, Доннинг, попытался организовать мне неприятности, свалив на меня вину за создание аварийной ситуации, когда он не обращал внимания на то, что я ему говорил, и продолжал делать по-своему. Алекс шел за ним ведомым. Он все видел и слышал. Он был совершенно не обязан писать отчет в мою защиту, однако же он его написал, и это избавило меня от понижения в должности.

— О-о! — протянула Тия. Да, это интересно. Да, действительно, свидетели аварийных ситуаций совершенно не обязаны докладывать подробности инцидентов — и, по правде говоря, если бы Алекс этого не сделал, никто бы не подумал о нем плохо. Более того, его поступок, скорее всего, стоил ему конфликта с Доннингом...

— Как бы то ни было, еще раз поздравляю. Ты не пожалеешь о своем выборе, — сказал оператор. — И приготовься принять заархивированные данные.

Получая по связи задание и план полета, Тия ощущала странный прилив радости и уверенности. Бега ее выбор не одобрила. Операторы Ценкома одобрили.

И то и другое — положительная рекомендация.

Предполетные тесты она проводила в самом лучшем расположении духа. Ей казалось, что даже Тед улыбается. Чуть-чуть.

«Ну все, Вселенная, готовься! Мы идем!»

Глава 4

— Ладно, Тия, любовь моя, объясни, что тут происходит, только, если можно, попроще! — взмолился Алекс, когда Тия закончила распутывать лабиринт противоречащих друг другу приказов, прервавший их рутинный облет мелких, на два-четыре человека, неследовательских раскопок. — Что у нас там во-первых?

— И что у нас на второе, — рассеянно ответила она. Перед самым отлетом Тия скачала офигительную базу данных по староземным сленговым словам и выражениям и их происхождению и теперь носилась с идеей написать научно-популярную статью на эту тему. Если ее опубликуют в достаточном количестве сетей, это вполне может принести ей не безумную, но все-таки довольно-таки кругленькую сумму кредитов, а возможностью заработать хотя бы немножко кредитов пренебрегать никогда не следует. Однако неожиданным побочным эффектом штудирования этой базы данных стало то, что теперь она постоянно вставляла в свою речь древние шутки и каламбуры, с бородой отсюда и до Старой Земли.

Зато теперь она знала, что имел в виду оператор Ценкома, когда просил ее «повисеть на проводе», и кто такая злая волшебница, на чью сестру уронили летающий домик.

— Чего? — растерянно переспросил Алекс. — Ладно, забудь. Не понимаю и понимать не хочу. Просто скажи, чьи же приказы

нам теперь положено выполнять. Я запутался после пятой, не то шестой депеши.

— Я уже во всем разобралась, — ответила Тия. — Мы теперь в двойном подчинении. Собственно, Ценком поддерживает Институт, хотя их первые четыре или пять приказов противоречили друг другу. Одна из крупных раскопок не вышла на связь. Они пропустили обычное время связи, и с тех пор от них ни ответа ни привета.

— Тебя это, похоже, нисколько не беспокоит, — заметил Алекс.

— Ну, как сказать... И да, и нет, — ответила она, уже рассчитывая кратчайший путь через гиперпространство и мысленно проклиная тот факт, что у них нет сингулярного двигателя. Но, с другой стороны, поблизости от того места, куда им нужно, все равно нет ни одной точки сингулярности. Сингулярный двигатель все же не чудо-машина, способная мгновенно перенести тебя в любое место, куда захочешь, как полагают некоторые люди. «И мозговые корабли тоже — не будем уточнять, кто именно». Если бы точки выхода были рассеяны по космосу так же густо, как звезды в ядре Галактики, все было бы чудесно. Но здесь, на краю ответвления Галактики, звезды расположены кучно, а вот точек сингулярности маловато и расстояния между ними огромные. Это одна из причин, почему Институт не стал тратиться на более дорогой корабль.

— Если бы это были исследовательские раскопки, как у нас... как те, куда мы развозили припасы и почту, — тогда да, тогда я бы очень тревожилась. Такие раскопки ужасно уязвимы. И оценочные раскопки не менее подвержены несчастьям: там бывает максимум человек двадцать. Но раскопки класса С — Алекс, да там же сидит двести человек! Такого количества людей достаточно, чтобы справиться с любыми проблемами!

— На раскопках класса С работает много недавних выпускников, верно? — спросил Алекс, пока Тия с помощью роботов фиксировала груз в своих отсеках. Жалко, грузчики не успели как следует все разложить.

— Вот именно. Они выполняют большую часть черной работы, когда под рукой нет туземцев, которых можно было бы нанять. Поэтому раскопки класса С напоминают военные базы. Большинство тамошнего населения — это крепкие, сильные молодые люди, и оборудование они получают только самое лучшее. Вот там, например, — Тия мгновенно справилась с полученными данными, — сто семьдесят восемь человек в возрасте от двадцати

пяти до тридцати пяти лет. Достаточно, чтобы выставить охрану по всему периметру раскопок.

Пальцы Алекса забегали по клавиатуре, выводя данные на ее экраны.

— Хм... Опасные местные хищники отсутствуют. Местность считается безопасной. И... О господи! Да они вооружены до зубов!

Он оглянулся на пилон.

— Я и не подозревал, что археологи настолько грозные враги! В школе мне об этом никто не говорил.

— Грррр! — ответила Тия и сверкнула изображением оскаленной собачьей пасти во весь экран — один из тех, которыми Алекс сейчас не пользовался. В минувшие несколько недель они с Алексом много болтали, стараясь лучше узнать друг друга. Благодаря тому, что Тия целых семь лет провела в движении, она куда больше походила на обычного человека, чем любой из ее одноклассников. И общаться с Алексом было действительно очень здорово.

Оба они не имели ничего против стандартных заводских бежевых тонов интерьеров корабля. За время, проведенное в школе боевых искусств, Алекс привык к спартанской обстановке жилища своего сенсея. Он только взял большую кисть, добыл черной и алой краски и вывел на паре стен, которые выглядели чересчур уж голыми, дзенские иероглифы. Тии иероглифы понравились — они выглядели очень красивыми и сдержанно-элегантными.

Разумеется, в каюте самого Алекса царил бардак — но ей туда заглядывать было необязательно, и Тия старалась не делать этого без особой нужды.

А Алекс, в свою очередь, открыто восхищался ее «яркой личностью». Что бы ни говорили Советники, Тия давно уже решила, что у нее тоже есть чувства и эмоции, и не стеснялась проявлять их при тех, кому доверяла. Алекс за эти несколько недель успел превратиться из просто партнера в близкого друга; у него было живое чувство юмора, и ему нравилось поддразнивать Тию. Она с удовольствием отвечала ему тем же.

— Спрячьте ваши клычки, барышня! — сказал Алекс. — Я так понимаю, единственная причина, по которой они так вооружились, — это что поблизости нет разумных существ. Так что же за твари могут напасть на вооруженных до зубов археологов? У меня аж душа ушла в пятки: я и не подозревал, что профессия археолога настолько опасна. В школе нам об этом не рассказывали!

— Да ну? Список невелик, но неприятен, — Тия сделалась

серьезной. — Пристегнись: я взлетаю, и взлетаю быстро. Как бы незакрепленные вещи не начали летать по рубке.

Включив двигатели, Тия отсоединилась от стартового стола, запросила подтверждения у диспетчера и продолжила разговор — все это одновременно.

— Первыми в этом списке идут грабители. На больших раскопках с гарантией найдутся вещи, которые коллекционеры с руками оторвут. Пираты налетают, выжигают базу, приземляются, убивают всех, кто остался в живых и может попытаться им помешать, хватают добычу и смываются. На все про все уходит несколько часов.

«Вот почему наш раскоп был так далеко от купола и мама с папой всегда говорили, чтобы я в случае чего бежала, пряталась в укрытие и носа наружу не высовывала».

— Но, как правило, они действуют только в определенных районах и не суются туда, где много патрульных кораблей Центральных Миров. В том районе пиратов вроде бы не водилось, и патрульных там пруд пруди.

— А что тогда идет следующим по списку? — спросил Алекс. Он вывел на один из экранов статистику по этим раскопкам и собственноручно разбирался с кое-какими послевзлетными рутинными делами, которые большинство «тея» сваливали на свои «мозги». Например, проверял, все ли роботы на своих местах. Или хорошо ли уравновешены грузы в трюмах. Тия про себя с удовольствием отметила, что это лишний раз доказывает, насколько Алекс хороший партнер.

Они уже выходили из атмосферы. Скоро она помчится, как ошпаренная кошка. «Вот еще одно выражение, которое остается широко распространенным...»

— Следующим по списку идет то, чего нам опасаться никак не приходится. Это нападение туземцев.

— Ага, понятно.

Алекс оторвался от бокового экрана, куда были выведены данные по раскопкам, и еще раз взглянул на основной.

— Никого из разумных туземцев на этом материке не осталось. Но я понимаю, как могли заново разыграться зулусские войны.

Он кивнул, признавая ее правоту, и Тия еще раз порадовалась, что он так хорошо знает историю.

— Вот именно, — ответила она. — Если меня завалят горами трупов, даже я ничего сделать не смогу. Туземные восстания — это обычно орды фанатиков, готовых умереть, чтобы отправиться прямиком в рай. Алекс, я даю ускорение!

Алекс вскинул большие пальцы в знак согласия, и Тия бросила его в пилотское кресло. Он только вскинул бровь, покосившись на пилон, и как ни в чем не бывало продолжал печатать.

— На эту тему может быть несколько вариаций. Восстание из-за Осквернения Священного Места, восстание из-за Похищения Древних Сокровищ, дворцовый заговор или местная крестьянская революция. Угу. Понимаю. А после того как база захвачена, остается только вздернуть всех иноземных эксплуататоров. Очереди не будет, палачей хватает.

— Нет, туземцы обычно не убивают людей, разве что случайно или сгоряча, — возразила Тия. — Большинство разумных существ достаточно толковы, чтобы сообразить, что две сотни граждан Центральных Миров, среди которых немало лучших умов, а также их детей и жен, представляют куда большую ценность в качестве заложников, чем в качестве жертв.

— Но тем, кого зашибли сгоряча, от этого не легче, — заметил Алекс. — Кто там идет третьим по списку?

— Третьим, последним и наиболее распространенным, — довольно мрачно сказала Тия, не пытаясь контролировать свой голосовой выход. — Эпидемия.

— Эй, погоди-ка! Мне казалось, что все эти раскопки считаются абсолютно чистыми!

Алекс прекратил печатать и слегка побледнел. Это и неудивительно. Заразные болезни были бичом Курьерской службы. Любой из ее кораблей едва ли не половину своего времени тратил на то, чтобы доставлять в разные концы обитаемого космоса вакцины, — и на каждую из искорененных зараз возникали из ниоткуда еще три новых. Да и сами «тела» не были неуязвимы для местных эпидемий, которые могли разразиться как раз в тот момент, когда корабль сядет на планете.

— Я думал, все эти места раскопок дезинфицируются по самое не могу, перед тем как там начнутся работы!

— Так-то оно так, и тем не менее эта опасность беспокоит меня сильнее всего.

«И не только потому, что я сама пострадала от вируса».

— Видишь ли, милый мой Алекс, есть вещи, которых вам, ясноглазым студентам, собирающимся специализироваться на археологии, не говорят. Для ксеноархеологов заразные болезни — это убийца номер один.

«И причина увечий тоже, кстати».

— Вирусы и протовирусы — это коварные сыны космоса; они могут сохраняться в захоронениях веками и тысячелетиями.

Она вывела на экран кое-какую институтскую статистику — из тех, что широкой публике уж точно не демонстрируют. У любого ксеноархеолога была тридцатипроцентная вероятность стать калекой по причине болезни, подхваченной во время своей карьеры, и двадцатипроцентная вероятность — умереть от какой-нибудь болезни. И почти стопроцентная вероятность просто заболеть серьезной болезнью, требующей госпитализации.

— Ага, значит, вирусы впадают в спячку. А потом отважный исследователь вскрывает захоронение, и...

Алекс сделался так же мрачен, как она сама.

— Вот именно. Пять баллов!

Тия рассмеялась, но смех ее звучал очень невесело.

— От этого иногда даже бывает польза. Кейды, например, познакомились на курорте, где они лечились от хореи Хендерсона... по крайней мере, так написано в их биографиях в «Кто есть кто». Когда Институт оплачивает тебе отпуск на море — это не так уж плохо.

— Но чаще бывает вред.

Голос Алекса звучал так же невесело, как ее смех.

— Ну, да-а... Один из моих... близких друзей — доктор Кеннет с «Гордости Альбиона». Он сделался специалистом по болезням, преследующим археологов. За все эти годы он повидал немало самых неприятных разновидностей — включая наиболее подлые вирусы, которые не только практически нежизнеспособны в воздушной среде, но еще и внедряются исключительно в развивающуюся нервную систему.

— В развивающуюся нервную... а-а, понял! Ребенок или зародыш — при условии, что они способны преодолеть плацентарный барьер.

Алекса передернуло, и вид у него сделался чрезвычайно озабоченный.

— М-да, гадость редкостная.

— Воистину так, Белый Рыцарь.

Тия решила не углубляться в эту тему. «Может быть, потом. Чтобы дать ему понять, что я пустилась в эту авантюру не только ради денег и славы».

— Я просто хочу, чтобы, когда мы туда доберемся, ты был готов ко всему. А доберемся мы туда через четверо суток, шестнадцать часов и тридцать пять минут, довольно неплохо для старого доброго сверхсветового двигателя.

Она опустила более точные единицы времени, которыми некоторые из капсульников донимали свои «тела» в первые недели

совместной жизни. Она пользовалась ими, только когда общалась с другими капсульниками. Алексу подобная точность не нужна. Поначалу Тия беспокоилась, что становится небрежной...

«Нет, я просто приспосабливаюсь к его миру. И я не против. А когда ему понадобится точность, он сообщит мне об этом заранее».

— Ну-ка, дай я попробую придумать какие-нибудь несмертельные причины того, отчего группа могла не выйти на связь, — усмехнулся Алекс. — Например, как насчет того, что передатчик сожрал динозавр?

— Мило.

Теперь, когда они покинули пределы атмосферы и вышли на крейсерскую скорость, Тия позволила себе включить камеры в каюте Алекса — она делала это примерно раз в неделю, в присутствии Алекса, чтобы не получилось, будто она к нему вламывается.

— Алекс, ты хоть когда-нибудь прибираешь свои вещи?

— Иногда прибираю. Но, разумеется, не в тот момент, когда я взлетаю по трапу весь взмыленный, с инструкцией от КС немедленно явиться на свой корабль.

Он невозмутимо пожал плечами.

— Я бы даже не стал переодеваться, если бы эта назойливая баба, твой инспектор, не настояла, чтобы я переоделся в форму перед вылетом. — Он покачал головой. — Как будто от того, в форме я или нет, зависит, насколько удачно ты осуществишь взлет! Кстати, ты, как всегда, справилась великолепно.

— Спасибо.

Она обдумала вопрос, стоит ли упрекнуть его за неопрятность, и решила, что не стоит. Раньше это ничему не мешало, значит, наверно, и дальше не будет мешать. Она только приказала роботам поднять куртку и брюки — поморщившись от ядовито-фиолетового цвета, который был нынче в моде, — и сунуть их в приемное отверстие автоматической прачечной.

«Надо будет их спрятать подальше после стирки. Неудивительно, что ему приказали переодеться! Хм. Может, лучше вовсе их «потерять»? Или устроить небольшую аварию, в результате которой они перекрасятся в скромный сливовый цвет?»

Ладно, это стоит обдумать, но попозже.

— Вернемся к нашим динозаврам. Передатчики иногда ломаются, и даже на раскопки класса С иногда поставляют ненадежное старье. Если единственный человек, способный починить оборудование, валяется с переломанными костями — археологи,

если ты не в курсе, довольно часто падают в раскопы или с каких-нибудь утесов, — или с двусторонним воспалением легких...

— Неплохой вариант.

Алекс размашистым жестом завершил свою «приборку» и снова уселся в кресло.

— Слушай, Тия, а вот все эти профессора — могут ли они настолько увлечься работой, чтобы просто забыть об очередном сеансе связи?

— Приготовься, переходим световой барьер...

Переход в гиперпространство был далеко не настолько неприятен для обычных людей, как выход в сингулярность, однако об этом следовало предупреждать. Алекс вцепился в ручки кресла, зажмурился — и Тия совершила прыжок в гиперпространство.

Сама Тия не испытывала при этом ничего, кроме легкой дрожи — «вроде как ныряешь под холодный душ», — но Алекс во время перехода всегда несколько зеленел. По счастью, в самом гиперпространстве он чувствовал себя нормально.

«А если я когда-нибудь смогу позволить себе сингулярный двигатель, то, судя по его досье, эти переходы он переносит *вполне нормально*».

Ну, впрочем, сейчас это было из области фантазий. Тия вернулась к прерванному разговору.

— На раскопках класса А и даже класса В такое бывало, но на больших раскопках обычно кто-нибудь вовремя вспоминает, что надо выйти на связь. Кроме того, полученные доклады обычно публикуются, а аспиранты хватаются за любую возможность опубликоваться. Однако если они только что обнаружили что-то равное гробнице Тутанхамона, возможно, они действительно настолько взбудоражены — и настолько заняты тем, что описывают и пакуют находки, — что могли и впрямь забыть о существовании всей прочей вселенной.

Алекс судорожно сглотнул, борясь с тошнотой. Обычно его внутренностям требовалась пара минут на то, чтобы прийти в порядок. «Быть может, на меня это так не действует оттого, что мой желудок уже лишен чувствительных нервов...»

Но эта мысль только вызвала неприятные воспоминания, и Тия безжалостно отмела ее прочь.

— Вот... — сказал Алекс наконец, когда его лицо начало снова приобретать нормальный оттенок. — Объясни все-таки, почему ты не впадаешь в панику от того, что они не отзываются.

— Потому что пиратов наверняка бы заметили еще на подлете, туземцев на материке нет, а эпидемия обычно развивается далеко

не сразу, кто-нибудь успел бы позвать на помощь, — ответила Тия. — Именно поэтому Курьерская служба особо не встревожилась, и именно поэтому они отдавали приказы, противоречащие приказам Института. Но либо эта экспедиция не выходит на связь так долго, что даже КС решила встревожиться, либо они получили какие-то новые сведения, которых нам не дали. Поэтому мы летим к ним.

— И узнаем, что случилось, только когда долетим, — закончил Алекс. На его лице не было и тени улыбки.

Тия вышла из гиперпространства очень аккуратно, стараясь как можно меньше тревожить внутренности Алекса. Очутившись на орбите, она отправила сигнал, который должен был привести в действие передатчик экспедиции, если там есть что приводить в действие. Как она уже говорила Алексу неделю тому назад, бывает, что передатчики ломаются. Она была готова не услышать ответа. Но нет.

«Вы соединились с археологической экспедицией К3-557», — мгновенно отозвался автоматический маячок. Потом открылся канал связи.

— Алекс, у нас, кажется, проблемы, — осторожно сказала Тия.

— Отклик есть? — Алекс напрягся.

— Есть...

Она отправила опознавательный сигнал, который должен был привести в действие посадочные огни и предупредить ИИ, что наверху кто-то есть — в отсутствие людей, способных общаться через комм, искусственному интеллекту полагалось открыть канал для подачи голосовых команд. ИИ подключился немедленно, передав сигнал готовности к принятию инструкций.

— Хуже того, связь работает идеально. Я только что получила привет от ИИ.

Она отправила несколько мегабайт заархивированных инструкций, согласно которым ИИ должен был уступить ей управление всеми внешними и внутренними записывающими устройствами. Эти инструкции отменяли программы, установленные с тех пор, как была развернута база, и передавали ей контроль над всеми сенсорными устройствами, которые еще работали.

— Пусть ИИ покажет мне то, что там происходит, — деловито распорядился Алекс. — Если может.

— Ага, сейчас... Вот, внешняя камера три... Она установлена снаружи столовой, и... Ох, тресни моя капсула!

— Присоединяюсь, — сказал Алекс не менее мрачно.

Камера несколько расплывчато демонстрировала им зрелище, которое никак нельзя было назвать приятным.

Повсюду в поле зрения камеры валялись тела. Судя по полному отсутствию какого-либо движения, это были трупы. Похоже, они лежали там, где упали. Никаких следов насилия заметно не было. Тия переключилась на следующую камеру, предоставленную ИИ, — вид изнутри столовой. Здесь все было еще хуже, хотя, казалось бы, хуже некуда. Оборудование и мебель лежали опрокинутыми. По комнате было разбросано еще несколько тел.

Тию охватила дрожь, которая не имела никакого отношения к температуре внутри капсулы. Страх, ужас, беспомощность...

Ее тайные кошмары...

Тия с трудом восстановила контроль над собственной биохимией. Твердо сказав, что это не может быть та самая болезнь, которая когда-то поразила ее. Эти люди явно погибли на месте...

Она уже собиралась было переключиться на следующую камеру, когда Алекс вдруг подался вперед.

— Тия, погоди минутку!

Она послушно остановила изображение, сфокусировав камеру, насколько это позволяли атмосферные условия, четырехсекундная задержка и сама камера. Сама она на это смотреть не могла.

— Еды нету! — сказал наконец Алекс. — Посмотри: повсюду тарелки и прочая посуда, а еды нигде ни крошки.

— Падальщики? — предположила Тия. — Или то, что...

«То, что их убило? Но никаких следов вторжения извне незаметно...»

Алекс покачал головой:

— Не знаю. Давай переключимся на другую камеру.

Эта находилась снаружи строения, где хранились припасы, — и именно там они обнаружили первых выживших.

«Если это можно назвать «выжившими». Тия смотрела на изображение. Ее охватил такой ужас, что она не могла даже отвернуться. В поле зрения камеры находились трое: подросток, молодой человек и женщина постарше. Они не обращали внимания ни друг на друга, ни на трупы, что валялись у них под ногами, ни на то, что творилось вокруг. Подросток сидел на земле, уставясь на валяющийся перед ним яркий клочок бумаги, и раскачивался вперед-назад. Звук камера не передавала, так что было непонятно, что еще он делает, кроме как раскачивается, но у Тии возникло странное ощущение, что он монотонно мычит.

Молодой человек стоял в двух футах от забора и переминался с

ноги на ногу, как будто хотел перепрыгнуть через забор и не знал как. А женщина постарше безостановочно шагала по кругу.

Все трое были чумазые, одежда на них была покрыта грязью и какими-то пятнами. Глаза пустые, волосы лезут в глаза жидкими спившимися прядями. Тия порадовалась, что камеры не могут передавать вонь.

– Тия, переключись на другую камеру, пожалуйста! — прошептал Алекс после долгой, тяжелой паузы.

Одна камера за другой показывали все то же: либо одни трупы, лежащие в пыли, либо трупы и несколько выживших, совершающих бессмысленные движения. Только одна из выживших занималась чем-то другим: девушка нашла пакет с аварийным пайком и разорвала его. Она целеустремленно запихивала питательные кубики себе в рот обеими руками, как...

– Как животное! — шепотом произнес Алекс. — Она не ест, она жрет, как животное!

Тия заставила себя быть хладнокровной.

— Нет, не как животное, — поправила она. — Здоровые животные так не едят.

Она проанализировала это зрелище так, как будто имела дело с каким-то инопланетным видом.

— Нет, она ведет себя как животное, у которого поврежден мозг, или как наркоман, который так долго просидел на наркотиках, что все высшие функции мозга у него отказали.

Нет, это не «ее» болезнь. Это что-то другое — что-то смертельное, но не то, чем болела она. То, что Тия испытала, нельзя было назвать облегчением, однако теперь она могла отрешиться от ситуации, как-то дистанцироваться.

«Ты ведь знала, что рано или поздно столкнешься с эпидемией. Да, это кошмар, но ты знала, что такое будет».

– Зомби! — прошептал Алекс, когда еще один выживший прошлепал мимо жрущей девушки, даже не взглянув на нее. Девушка тем временем перестала жрать руками и сунула лицо прямо в дыру в пакете.

– Ты насмотрелся фильмов, — отстраненно заметила Тия, отправляя искусственному интеллекту набор инструкций. Надо было выяснить, когда это произошло и сколько времени эти люди пребывают в таком состоянии.

Жаль, что камеры не были настроены на запись — это бы ей очень помогло. Сразу стало бы ясно, сколько времени развивается болезнь — если это эпидемия, у нее должен быть хоть какой-то инкубационный период — и каковы ее начальные сим-

потомы. А вместо этого приходилось опираться на записи археологов и на то, когда они прекратили их делать.

— Алекс, последняя запись, зафиксированная в базе данных, сделана в два ноль-ноль по местному времени полторы недели тому назад, — сказала она. — Один из аспирантов занес в базу данных описание черепков. И после этого — ничего. Никаких записей о болезни, никаких медицинских данных. Никто даже не обращался к ИИ по голосовой связи, чтобы попросить о помощи. Компьютер в столовой запрограммировал синтезатор на то, чтобы еще несколько раз приготовить пищу, потом синтезатор отчего-то испортился.

— Кто-то из них его сломал, — предположил Алекс.

— Возможно.

Она попыталась найти в базах данных еще какие-то сведения, но ничего не обнаружила.

— Это практически все, что есть. ИИ поддерживал жизнедеятельность базы, но с ним никто не взаимодействовал. Так что забудь о том, что я говорила про несколько дней, — такое впечатление, что все заразились и заболели одновременно, где-то около... в какой-то момент между полуночью и рассветом.

Если бы у Тии была голова, она бы сю покачала.

— Просто не представляю, как такое может случиться со всеми одновременно! Ну хоть кто-то должен был произнести хотя бы несколько слов!

— Если только не... *Тия, а что, если они спали?* Ну, в смысле, бывают вещи, которые происходят во сне, вещества, которые погружают в сон...

Алекс поднял голову от экрана. Вокруг его глаз пролегли морщины от напряжения.

— Если, например, этим можно заразиться только во сне...

— Или если сон и есть первый симптом...

Тия ничего не могла с собой поделать — ей казалось, что она дрожит от страха.

— Алекс, мне придется сесть. Отсюда, из космоса, этим людям ничем не поможешь.

— Не спорю, — он пристегнулся. — Хорошо, леди, — садимся так быстро, как вы только можете. Мне нужно сделать как минимум одну вещь, и быстро, не то мы потеряем еще многих.

Тия сошла с орбиты с внезапным ускорением, от которого Алекса вдавило в кресло, но он и глазом не моргнул. Разве что голос сделался несколько более напряженным.

— Мне надо будет надеть скафандр и добраться до припасов,

выставить им еду и воду. Они голодны и обезвожены. Одни духи космоса знают, что они ели и пили все это время, — вполне возможно, что многие умерли от дизентерии или от питания тем, что непригодно в пищу.

Он размышлял вслух, предоставляя Тии возможность вставить свои собственные предположения или предупредить его, на случай, если он задумал что-то неразумное.

— Все остальное — потом, а это сделать надо срочно.

— Открой пакеты с аварийным пайком и расставь миски с кубиками по всей территории, — посоветовала Тия. Ее внешняя обшивка накалилась докрасна — они входили в атмосферу. — И с водой поступи так же. Как будто животных кормишь.

— Так я ведь действительно кормлю животных, — сказал Алекс бесцветным голосом. — Мне придется все время напоминать себе об этом. Иначе я могу наделать глупостей. А ты свяжись с базой Клейнмана, и срочно.

— Я этим уже занимаюсь.

Установить и поддерживать гиперпространственную связь на таком расстоянии было не так-то просто. Но на то она и мозговой корабль, а не какой-нибудь автомат, оборудованный искусственным интеллектом.

— Держись крепче, — посоветовала она, столкнувшись с первым турбулентным вихрем. — Посадка будет не особо мягкая.

Камера и внешний микрофон на шлеме Алекса позволяли Тии видеть и слышать выживших куда лучше, чем ей того хотелось. Из почти двухсот человек, находившихся на базе, выжило не более пятидесяти, большинство из них — в возрасте от пятнадцати до тридцати лет.

Алекса они старательно избегали, прячась каждый раз, как его видели. Однако, когда он уходил, они сползались к мискам с едой и водой, которые он оставлял, и принимались набивать себе рот обеими руками. Алекс отволок три трупа из тех, что нашел в постелях, в медицинский центр. Диагноз во всех трех случаях был один и тот же: обширный системный коллапс, по всей видимости, паралич. Остальные — те, что умерли не сразу, — скончались от дизентерии и обезвоживания. Но половина умерших, судя по всему, скончались именно от этого системного коллапса, в том числе все старшие члены группы.

После третьего трупа Алекс прекратил эти исследования и все остальные трупы сгрузил в холодильник. Потом специалисты

прилетят и разберутся с ними. Тия добросовестно фиксировала все, что он делал, но сама на это не смотрела — не могла.

Завершив свой мрачный труд, Алекс снова вернулся к заботе о живых.

— Тия, насколько я понимаю, эта болезнь поражает людей двумя разными способами. Либо ты умираешь от чего-то вроде паралича, либо превращаешься... вот в такое.

Она видела все, на что он смотрит, благодаря тому, что камера у него на шлеме смотрела в ту же сторону. «Такое» было когда-то нормальным мальчиком, который теперь торопливо убегал от взгляда пилота.

— Ну да, на данный момент, похоже, это самое разумное объяснение, — согласилась Тия. — А что у них там с едой-то вышло? Неужели они настолько... далеко зашли, что не помнят даже, как войти в пищевой склад?

— Ну да, примерно, — устало кивнул Алекс. — Хочешь — верь, хочешь — не верь, но они не помнят даже, как открывать пакеты с пайком, — они, похоже, смутно помнят, где именно хранилась еда, но сами даже не попытались открыть дверь склада.

Он подошел к одной из мисок, которые оставил. Миска была уже пуста, даже крошек не осталось. Алекс насыпал туда еще кубиков из пакета, который держал под мышкой. На краю поля зрения камеры что-то мелькнуло — очевидно, выжившие дожидались, пока пилот уйдет, чтобы снова наброситься на пищу.

— Когда они находят пакеты с пайком, они их просто раздирают, как та девушка, которую мы видели. Но зачастую они, похоже, даже не догадываются, что в пакете еда. Все жертвы, — продолжал Алекс, направляясь к следующей миске, — делятся на две группы. Первые — это те, кто был парализован и умер во сне или по дороге на завтрак. А остальные перемерли от обезвоживания и поноса из-за того, что ели полусгнившую пищу.

— Ну разумеется, расстройство пищеварения всегда сопровождается обезвоживанием, — ответила Тия. — И если нечем восстановить потерю влаги, человек умирает очень скоро.

— Ну, я так и понял.

Алекс остановился, чтобы наполнить очередную миску.

— Умерших было бы куда больше — к ним добавились бы еще погибшие от теплового удара и переохлаждения, — только здесь, по счастью, температура по ночам не опускается ниже двадцати градусов по Цельсию, а днем не поднимается выше тридцати. Славная, комфортная погодка. Тия, ты не глянешь, когда началась вся эта благодать?

— Сейчас гляну.

Возможно, это действительно идея. Ей потребовалась пара секунд, чтобы узнать это у ИИ.

— Примерно за неделю до последнего сеанса связи. Тебе это кажется таким же подозрительным, как и мне?

— Ага. Возможно, именно от этого и вылупилась какая-то зараза.

Алекс нарочно огляделся вокруг, чтобы Тия могла увидеть, что в воздухе довольно много насекомых.

Но ведь местные насекомые не кусают людей... Или все-таки кусают?

— Возможно, не вылупилась, а расцвела — это может быть сильная аллергическая реакция или результат какого-то еще взаимодействия с пыльцой или спорами грибов.

Немного далеко идущее предположение, но ничего невероятного в нем нет.

— Но как же так получилось, что группа класса А этого не обнаружила? — возразил Алекс, наполняя кубиками еще одну миску. Пилоты звали эти кубики «щебенкой». Основной пищевой продукт Центральных Миров; однообразные пайки — Ценком поставлял их на планеты нарезанными на небольшие кубики, которые можно было класть в рот целиком. Сама Тия их никогда не пробовала — родители настаивали на том, чтобы питаться как следует, — но ей не раз говорили, что, хотя на вид, на запах и на вкус они довольно съедобные, если слишком долго есть только их, тебя начинает тошнить от этого однообразия. Однако на любой базе в нескольких местах хранились пакеты с аварийными пайками, и на складах стояли большие мешки с этими кубиками, на случай, если пищевые синтезаторы вдруг выйдут из строя.

Должно быть, благодаря этим пакетам уцелевшие и выжили — но потом в тех местах, где пакеты легко было отыскать, они закончились.

По счастью, все сведения об истории раскопок были довольно четкими.

— Вот и ответ на твой вопрос: группа класса А была здесь только зимой — того, что они нашли за пару дней работы, оказалось достаточно, чтобы перевести это место в класс С. Крупные находки были сделаны в первой же пробной траншее, и Институт поторопился с организацией большой группы, чтобы успеть воспользоваться хорошей погодой.

— Ну да, а первоначальные исследовательские команды тут не жили — они всегда живут на кораблях, на орбите.

Судя по голосу, Алекс немного ожил.

— Они были тут во время листопада, — сказала Тия. — Весной и летом люди тут никогда не бывали.

— Если сопоставить это с тем фактом, что болезнь, скорее всего, началась с наступлением темноты, то что мы имеем?

— Насекомые, скорее всего, — предположила Тия. — Видимо, ночные. Нельзя не отметить, что ядовитые и кровососущие насекомые, как правило, появляются на закате или после заката.

— Похоже на правду. Как только я снова наполню все миски, надо будет снять белье с постели одного из умерших, положить в контейнер и заморозить. Может, это что-то вроде блох... Посмотри, в записях ИИ ничего нет насчет внезапного потока жалоб на укусы насекомых?

— Сейчас гляну, — сказала Тия, радуясь тому, что наконец-то может сделать что-то — хоть что-нибудь — конкретное.

Когда Алекс закончил собирать белье и запечатывать его в морозильный контейнер, солнце висело уже у самого горизонта. Оставив контейнер в одном из отсеков Тии, он снова вернулся наружу. Тия опечатала отсек, а Алекс решил попробовать поймать кого-то из зомби — он продолжал называть выживших этим словом, невзирая на ее протесты.

Тия наконец установила связь, пока Алекс бродил по лагерю, тщетно пытаясь отловить хоть кого-нибудь. Он был слишком медлителен и неповоротлив в своем скафандре, а им ничто не мешало, и к тому же их гнал животный страх. Похоже, выжившие боялись его и почему-то никак не связывали с ним появление мисок с едой.

— Они себя так ведут, как будто я чудище какое-нибудь! — пожаловался Алекс. Он остановился, нагнувшись и опершись на колени, чтобы восстановить дыхание. — Друг на друга они так не реагируют — видимо, это скафандр их пугает. Сниму-ка я его...

— Оставайся в скафандре! — резко приказала Тия. — Только попробуй его снять, я тебя тут же усыплю!

— Да ты что, Тия... — запротестовал он.

— Я не шучу! — Она продолжала беседу с мозгом базы, обмениваясь короткими, плотно запакованными пакетами данных. На перемещение информации через гиперпространство уходило чудовищно много времени. — Оставайся в скафандре! Мы не знаем, что является причиной этого...

Ее реплика была прервана жутким воем. Внешняя камера дернулась — Алекс резко развернулся. Сперва Тия подумала, что что-то ужасное случилось с Алексом, но тут же поняла, что звук

доносится с внешнего микрофона скафандра, а камера так дергается оттого, что Алекс вздрогнул от неожиданности.

— Что за... — начал он, но тут же взял себя в руки: — Погоди, Тия. Надо выяснить, в чем дело. Непохоже, чтобы это было нападение или что-нибудь в этом духе.

— Ты только осторожнее! — со страхом воскликнула Тия. — Пожалуйста, Алекс...

Но Алекс и не собирался безрассудно рисковать. Он направился в ту сторону, откуда доносился непрекращающийся вой, перебегая от укрытия к укрытию, точно опытный партизан.

— Осталось пятьдесят метров, — предупредила Тия, определив расстояние по силе звука. — Видимо, они за тем домом.

— Спасибо.

Алекс буквально на четвереньках подобрался к углу здания и выглянул из-за него.

Тия видела все то же самое, что и он, так что она понимала, почему он ахнул.

Сосчитать их было невозможно — они слишком мельтешили, — но у нее сложилось впечатление, что все выжившие обитатели лагеря сгрудились у того конца ограды, что был ближе всего к заходящему солнцу. Те, что стояли у самой изгороди, цеплялись за нее, провожая заходящее солнце жалостным воем; остальные карабкались им на плечи и тоже выли.

Тия впервые видела на их лицах хоть какие-то эмоции.

Их лица были искажены страхом.

— Им страшно, Тия, — прошептал Алекс. Его голос охрип от волнения. — Они боятся. Думаю, они боятся, что солнце больше не встанет.

Возможно, дело действительно было именно в этом — но Тия невольно спросила себя, не может ли этот страх быть вызван какой-то совершенно иной причиной. Возможно, у них сохранилось смутное воспоминание о том, что именно в часы темноты с ними произошло нечто ужасное — что-то, что погубило их друзей, а их собственную жизнь превратило в кошмар наяву? Быть может, они именно поэтому воют и стенают от страха?

Когда последние лучи солнца угасли, они внезапно умолкли и, точно вспугнутые насекомые, упали на четвереньки и разбежались по разным углам, которые их помраченным умам, видимо, казались наиболее безопасными. Миг — и все они исчезли. Все до единого.

Алекс придушенно всхлипнул. А Тия в своей капсуле дрожала от чувств, слишком сложных, чтобы разобраться в них толком.

— Перед тобой стоят две проблемы.

Тия знала, как называется чувство, которое она испытала, обнаружив, что первое послание, полученное ею с базы, исходит не от какого-то безымянного врача, а от доктора Кенни.

Облегчение. Подлинное, неподдельное облегчение.

Оно нахлынуло на нее, заставило расслабиться, привело в порядок спутавшиеся мысли. Несмотря на то что она не могла разговаривать с доктором Кенни напрямую, все равно: если есть человек, который способен помочь им справиться с этой катастрофой, то это доктор Кенни. Тия полностью сосредоточилась на полученном сообщении.

— Вам нужно отловить всех выживших и обеспечить их всем необходимым — и при этом ты должна не допустить, чтобы они заразили твоего пилота. Доставьте их сюда, а мы уж тут разберемся с симптомами и со всем остальным.

Ну да, разумно.

— Мы проанализировали поведение твоих подопечных. Да, ты была права, когда сказала, что они ведут себя очень похоже на обезьян с поврежденным мозгом.

Передача содержала только аудиосигнал; частоты, предназначенные для передачи видео, были заняты массой технической информации. Тии было жаль, что она не видит лица доктора Кенни, — но она отчетливо различала его теплый, ободряющий тон.

— Мы собрали все данные, полученные в результате экспериментов, во время которых наблюдалось аналогичное поведение, — продолжал доктор Кенни. — Просмотри их и выясни, не найдется ли каких-то совпадений. Тия, еще раз подчеркиваю: что бы, по вашему мнению, ни было причиной этого заболевания, ни в коем случае не позволяй Алексу снимать скафандр! Я категорически на этом настаиваю. Теперь, когда он побывал снаружи, поверхность его скафандра наверняка заражена. Пусть все время остается в скафандре, спит в скафандре, питается в скафандре, избавляется от отходов жизнедеятельности с помощью соответствующих приспособлений. И ночует пусть не на борту, а в лагере или в твоем шлюзе — каждый раз, как он входит на корабль, снимает и надевает скафандр, есть шанс, что обеззараживание подведет и он заболеет. Я знаю, ты меня понимаешь.

«Еще как понимаю!» — мрачно подумала она, вспоминая недели, проведенные в изоляторе.

— Мы составили для вас общий план действий, — продолжал доктор Кенни. — Похоже, отловить всех выживших будет не

так-то просто, судя по тому, как они избегают Алекса. Так что вам придется воспользоваться ловушками. Наши специалисты полагают, что ловушки проще всего будет изготовить из ящиков для полевых генераторов, а вместо приманки использовать питательные кубики. В прилагаемом ролике имеются технические подробности, но, думаю, общую идею ты и так поняла. Главное — не распугать при этом остальных.

Голос доктора Кенни отдавался эхом в пустой рубке. Тия приглушила звук, чтобы это не звучало так жутко.

— Держите их в тех же самых ящиках, по одному, максимум по два. Мы опасаемся, что, если запихнуть их всех вместе в одно помещение, они могут поранить друг друга или начнут драться из-за пищи — они не в себе, и неизвестно, насколько агрессивны они могут сделаться. Вот почему мы хотим, чтобы вы упаковали их в ящики. Как только вы их отловите, положите в каждый ящик достаточно воды и пищи, чтобы хватило на четыре дня, которые потребуются, чтобы долететь до базы, — и все. Оставьте их в покое, поняла, Тия? Не пытайтесь ничего с ними делать. Я рассчитываю на твой здравый смысл и на то, что ты не поддашься искушению попытаться что-то предпринять.

Доктор Кенни шумно вздохнул.

— Мы обдумывали идею о том, чтобы накачать их успокоительным — но им необходимо есть и пить. Если они проведут четверо суток в бессознательном состоянии, это может их доконать. А на то, чтобы погрузить пятьдесят человек в анабиоз, у тебя не хватит оборудования. Так что посадите их в ящики, и будем надеяться, что эти ящики соответствуют их представлению о надежном укрытии. Дайте им пищи и воды вволю и погрузите их в грузовой отсек. Пока это все, Тия. Передавай нам все полученные данные, если будут вопросы, мы постараемся ответить на них как можно быстрее. Эта гиперпространственная связь оставляет желать лучшего, но ничего более быстрого пока не придумали. Мысленно мы с вами.

Передача закончилась, оставив Тию наедине с треском несущей волны.

«И что теперь делать? Видимо, надо передать Алексу плохие новости. И рассчитать, сколько ящиков я смогу запихнуть в свои грузовые отсеки».

— Алекс! — окликнула она. — Ты случаем не сумел выяснить, куда они все попрятались на ночь?

— Я врубил все наружные прожектора, — сказал Алекс. — На-

деялся, что это поможет мне выманить наружу хоть кого-то из них, но не тут-то было.

Тия включила камеру у него на шлеме и увидела, как его рука в перчатке вводит отменяющие приказы с клавиатуры главной панели искусственного интеллекта. Приказы, принципиально меняющие работу искусственного интеллекта, вводились непременно вручную, с определенным набором отменяющих паролей. Это делалось для того, чтобы никто не мог нарушить работу ИИ случайно брошенным возгласом.

— Я сейчас хочу получить полный доступ ко всем системам — может, мне это и не понадобится, но как знать.

— Я получила первую серию распоряжений, — сообщила ему Тия. — Хочешь их прослушать?

— Ну конечно!

Печатать в скафандре было не так-то просто, и Тия не завидовала Алексу. Для того чтобы управляться с нормальной клавиатурой в этих жестких перчатках, требовалось нечеловеческое терпение.

Она прокрутила Алексу сообщение доктора Кенни и, закончив, стала терпеливо ждать его реакции.

— Ага, значит, мне придется жить в скафандре! — вздохнул Алекс. — Ну ладно. Наверно, могло быть и хуже. Например, до базы могло быть не четыре дня, а две недели лету.

Он торжественно ввел последние несколько знаков и был вознагражден сообщением: «Полный доступ, голосовые команды принимаются».

— Другого выхода все равно нет, верно? Слушай, Тия, я понимаю, что тебе будет одиноко, но, раз уж мне придется и ночевать в этом скафандре, то я предпочту спать где-нибудь тут.

— А что, если они решат, что ты враг, или что-нибудь в этом роде? — запротестовала она.

— Кто, зомби? — фыркнул Алекс. — Тия, они все сейчас сидят по самым тесным уголкам и щелям, какие только есть на базе. Их оттуда и тягачом не вытащишь. Я знаю, где они все прячутся, но, чтобы достать их оттуда, придется переломать кости. Не себе, а им. Они в жутком страхе, даже несмотря на то, что повсюду светло как днем. Нет, Тия, пока ночь, они на меня точно не бросятся.

— Ну ладно, — нехотя согласилась она. Тия понимала, что Алекс прав — там ему будет куда удобнее. По крайней мере, просторнее.

— Так я буду ближе к зомби, — устало сказал он. — Я могу забаррикадироваться в одном из кабинетов и притащить из кладо-

вок достаточно постельных принадлежностей, чтобы соорудить себе уютное гнездышко. Я поставлю скафандр на подзарядку, чтобы аккумуляторы вдруг не сели. А ты можешь в любое время наблюдать за мной с помощью камеры и микрофона. Только предупреждаю: я храплю.

— Я знаю! — улыбнулась Тия, слабо пытаясь его поддеть.

— А, ну да, конечно.

Алекс повернулся, и камера показала то, на что он смотрел.

— Вот, видишь, я в кабинете начальника экспедиции. Тут есть даже удобный диванчик, и...

Он наклонился и приподнял сиденье дивана.

— Ага, так я и думал. Это диван-кровать, там внутри нормальная постель. Старик наверняка обожал вздремнуть после обеда. Смотри, — он обвел кабинет взглядом. — Окон нет. Дверь только одна. Терминал полного доступа под рукой. Все со мной будет в порядке!

— Ну ладно, верю, верю.

Она быстро пораскинула мозгами.

— Я пока прогляжу все эти схемы устройства ловушек, передам их ИИ и отыщу, где хранится все то, что тебе понадобится. Завтра начнешь собирать команду.

«То, что от нее осталось, — грустно подумала она. — Тех, кто еще не лежит в холодильнике».

— Попробуй добавить в уравнение усыпляющий газ, — предложил Алекс, сдерживая зевоту. Если мы сможем усыплять их, как только они окажутся в ящиках, вместо того чтобы просто ронять эти ящики на них сверху, это позволит не распутать остальных.

Идея была хорошая. Куда лучше, чем то, что предлагал доктор Кенни. Если только у нее хватит газа...

Но постойте: это же полностью оборудованная база! Должен быть еще один выход. Среди людей всегда попадаются преступники, а порой люди сходят с ума — короче, иногда бывает необходимо обездвижить человека ради его собственной безопасности или безопасности других людей.

Она спросила об этом у искусственного интеллекта — и действительно, в сейфе с оружием лежало, в числе прочего, несколько специальных ружей для стрельбы усыпляющими дротиками. И запас зарядов со снотворным.

— Алекс, — медленно спросила она, — ты стрелять умеешь?

— Когда все это кончится, потребую себе набор для наблюдения за животными! — с жаром сказала Тия. Алекс сидел с ружьем на крыше столовой и терпеливо ждал, пока очередная его подопечная преодолеет страх. Девушка колебалась, стоя у самого входа в ящик: она чувствовала запах еды, ей хотелось есть, но лезть за ней в ящик она боялась. Она раскачивалась из стороны в сторону, как один из первых трех выживших, которых они видели. Похоже, это раскачивание было признаком внутреннего конфликта.

— Зачем? — осведомился Алекс. Девушка наконец решилась и осторожно стала заползать в ящик. Алекс выжидал, пока она вся окажется внутри, чтобы остальные не видели, как она свалится без сознания, и чтобы не пришлось ее ворочать, рискуя ее поранить.

— Потому что в нем есть датчики полного биоконтроля, — ответила Тия. — Они приклеиваются к коже. Животным их обычно ставят в ухо или на выбритый участок тела.

После еще нескольких консультаций с базой Клейнмана и доктором Кенни идея обездвижить выживших с помощью дротиков была полностью одобрена. Соответственно, планы были несколько изменены. В ящики предстояло положить подстилку из резаной бумаги, еду и воду. Кроме того, каждого из пленников следовало снабдить кнопкой связи, которые Алекс приклеивал на спину между лопатками хирургическим клеем. Благодаря небольшому перепрограммированию кнопки могли выдавать минимальные данные о состоянии здоровья: частота пульса, дыхания, температура кожи. Перепрограммирование кнопок взяла на себя Тия. Теперь наступила очередь ее «тела» выполнять свои обязанности.

— Вот уж никогда не думал, что мне действительно пригодится умение стрелять! — рассеянно сказал он. Девушке оставалось проползти не больше фута...

— Ну, так и я не думала, что мне придется набивать свои грузовые отсеки консервированными археологами!

Ящики должны были поместиться все — но только если ставить их в два ряда. Алекс уже поручил роботам базы сверлить в ящиках дырки для воздуха. Кроме того, они собирались поместить в каждый ящик по прочному биолюминесцентному светильнику. Этих светильников должно было хватить на неделю. Алекс с Тией надеялись, что светильники помогут их подопечным не удариться в панику, оказавшись в темноте.

— Молодец, хорошая девочка! — вполголоса уговаривал Алекс

замешкавшуюся зомби. — Ха-арошая девочка! Там вкусная еда. Слышишь, как пахнет? Вкусная еда! Ты ведь хочешь кушать, правда?

Девушка, окончательно решившись, рванулась к еде и зачавкала кубиками. Алекс аккуратно уложил ее с первого же выстрела.

Снотворное действовало мгновенно, девушка, похоже, даже не заметила, как в нее попали. Она просто рухнула на бок и заснула.

Алекс оставил ружье на крыше, где он оборудовал себе снайперскую точку — он где-то отыскал даже сошки, чтобы удобнее было целиться, — и торопливо сбежал вниз по пожарной лестнице. Выскочил туда, где его было видно, пока другие зомби не учуяли запах пищи и не сбежались сюда. Еле заметное движение на краю поля зрения камеры сказало Тии, что там и в самом деле прятался еще один зомби.

Да, после многочисленных протестов она и сама привыкла называть выживших «зомби» — это помогало не думать о них как о людях. Тия призналась доктору Кенни, что, если бы не эта уловка, ей было бы непросто продолжать работать, потому что сильные эмоции все время бы ей мешали.

— Ничего, Тия, ничего, — утешил он ее в следующей передаче. — Мне самому и то иногда приходится не думать о своих пациентах как о людях, а называть их просто «интересный» или «тяжелый случай». Такая уж у нас работа. Мы оба делаем то, что должны делать, ради того, чтобы как можно больше этих людей могли выжить.

Тии хотелось спросить у него, думал ли он когда-нибудь о ней самой как о «тяжелом» или «интересном случае». Но в глубине души она и так знала, что, скорее всего, думал. И тем не менее — как много он для нее сделал!

Нет, этим бедолагам совсем не повредит, если она будет называть их «зомби», а ей это поможет сосредоточиться на том, что необходимо сделать для них, а не на них самих.

Алекс все утро занимался тем, что упаковывал зомби в ящики, и теперь он довел систему до совершенства. Из здания склада выехала небольшая процессия роботов, управляемых искусственным интеллектом. Роботы были нагружены припасами, которые должны были помочь девушке выжить в этом ящике в течение следующих пяти-шести дней. Мешок мелко нарезанной бумаги — чтобы на дне ящика образовалась толстая мягкая подстилка. Большой мешок с питательными кубиками. Большая бутыл-

ка-непроливашка с водой. Крошечный биотуалет — на случай, если девушка вдруг вспомнит, как им пользоваться. И биолюминисцентный светильник. Не прошло и пятнадцати минут, как ящик был полностью оборудован. Бутылка с водой была привязана к стене, чтобы не опрокинулась. Туалет был прикреплен к полу в углу ящика площадью шесть на шесть футов. Мешок с кубиками вскрыли и прикрепили к стене в противоположном углу. Пол застелили резаной бумагой, и лежащую без сознания девушку уложили на эту подстилку, приклеив ей к спине кнопку связи. Под конец активировали и прилепили к потолку ящика биолюминисцентную трубку, стенку ящика подняли и закрепили — и все было готово к погрузке.

Это уже была работа Тии: она подогнала автоматический погрузчик. Погрузкой она предпочитала управлять сама: Алекс не хотел доверять эту тонкую работу искусственному интеллекту. Погрузчик отвозил безликий ящик к трапу, и Тия ставила ящик к остальным, один на другой, даже не в два, а в три яруса. Каждый ящик надежно закреплялся. Они находились на расстоянии восьми дюймов друг от друга, чтобы как следует проветриваться со всех четырех сторон. В грузовом отсеке стояло уже двенадцать ящиков. Тия и Алекс рассчитывали до заката загрузить еще двенадцать. Если все пойдет хорошо.

По тридцать минут на каждый ящик...

Они бы ни за что не управились, если бы Тия не была способна решать несколько задач одновременно. Она взяла на себя управление большинством роботов. Сейчас несколько роботов расставляли ящики по всему лагерю, рядом с теми местами, где прятались зомби. Роботов зомби, похоже, боялись не меньше, чем Алекса в скафандре. Маневрируя роботами, им удалось загнать всех зомби в укрытия. А потом они заставляли роботов разъезжать перед укрытиями взад-вперед, пока Алекс не был готов перейти в это место и начать усыплять и отлавливать зомби. К этому времени зомби успевали проголодаться, что было только к лучшему: тем охотнее они забирались в ящики. Вот еще одна ловушка была готова — и Алекс побежал на свой пост на крыше. Тем временем все прочие роботы патрулировали территорию лагеря за исключением того места, где стояла ловушка, не позволяя зомби разбегаться.

На рассвете снова раздался жуткий вопль, от которого Алекс вскочил с постели, сам завопив не хуже зомби. Зомби снова собрались у забора, приветствуя солнце хоровым воем. Хотя на этот

рев их вой звучал... не то чтобы радостно, но, по крайней мере, на их лицах не было страха.

Как только первый из роботов выкатился на открытое место, заставив зомби снова попрятаться в укрытия, успех их планам по отлову был обеспечен.

Они намеревались отловить как можно больше зомби за то время, пока не стемнеет. Накануне вечером Алекс отметил все их излюбленные укрытия, и теперь роботы перекрыли вход во все убежища, которые были не заняты. Они оставят возле этих нор еще по нескольку ящиков. Быть может, часть зомби попрячутся в них сами? Алекс на это очень рассчитывал. Тия надеялась, что он не ошибается: чем больше зомби спрячется в ящики, где их можно будет спокойно усыпить и упаковать, тем меньше сил им с Алексом придется потратить на их отлов завтра.

Тем меньше времени придется здесь торчать. Если, конечно, процесс и дальше будет идти так же гладко — если дальше ловить зомби не станет труднее.

Алекс непрерывно разговаривал с ней. Тия чувствовала, что ему так же страшно и одиноко, как и ей самой, но напарник старался этого не показывать. За этот день Тия узнала о нем очень многое. Она видела перед собой молодого человека, не настолько непохожего на своих товарищей, чтобы быть белой вороной, но тем не менее достаточно нестандартного, чтобы не иметь близких друзей. Единственный человек, о котором он действительно говорил как о друге, был некий Джон — любитель шахмат и компьютерных игр, о котором Алекс упоминал и раньше. Он проводил в обществе Джона немало времени — когда Алекс был моложе, Джон помогал ему готовить уроки, так что Тия предполагала, что Джон старше Алекса.

Однако, как бы то ни было, Джон был — и оставался — его другом. Когда Алекс говорил о Джоне, в его голосе звучала неподдельная теплота, и о поздравлении с окончанием Академии, которое прислал ему Джон, он рассказывал с искренним удовольствием...

Как и о коллекции «анекдотов про пилотов», которую Джон прислал ему, когда Тия выбрала Алекса своим «телом».

«Ну, моими друзьями были доктор Кенни, Анна и Ларс — они ими и остаются. Иногда разница в возрасте не имеет особого значения».

— Эй, Алекс! — окликнула она.

Алекс выжидал, пока очередной осторожный зомби не устоит перед едой, рассыпанной в ящике.

— Чего?

— Как называется пилот, который умеет считать дальше десяти?

— Не знаю, а как? — добродушно поинтересовался он.

— Босоногий!

Алекс неприлично хрюкнул, потом прицелился и спустил курок. Еще один есть. А сколько их осталось?

Они распихали по грузовым отсекам пятьдесят два зомби. Один не выжил: аллергическая реакция на снотворное. Алекс из-за этого впал в глубокую депрессию, и Тии потребовалось больше часа, чтобы привести его в чувство. Она не решалась сказать ему о том, что сообщали ей кнопки связи: некоторые из их пассажиров чувствовали себя очень плохо. Бешеное сердцебиение — вероятно, от страха, — и Тия слышала, как многие из них скулят и подвывают, когда рядом не остается никого, кроме зомби. Как только в отсеке появлялся Алекс или один из роботов, пленники моментально умолкали. Тоже, видимо, от страха.

И вот наконец последний из зомби был погружен на борт; грузовой отсек был опечатан, и Тия установила там комфортную для людей температуру. Вентиляция работала на полную мощность. Алекс только что вошел в центральную рубку. И потянулся к защелкам шлема.

— Не смей вскрывать скафандр! — рявкнула Тия. Ну как она могла забыть сказать ему об этом? Или она говорила? Может, она ему говорила — это он забыл?

— Чего? — спросил Алекс. — Ох, чтоб мне лопнуть! Совсем забыл.

Она сдержалась и не стала говорить того, что ей хотелось сказать.

— Доктор Кенни особо подчеркивал, что тебе необходимо оставаться в скафандре. Помнишь? Велик шанс, что дезинфекция не справится с этой заразой, рисковать не стоит. Он требует, чтобы ты не разгерметизировал свой скафандр, пока мы не вернемся на базу. Понятно?

— Ну а если с зомби будет что-нибудь не так? — тихо спросил Алекс. — В грузовом отсеке слишком тесно, я не смогу лазить там в скафандре.

— Вот если такое случится, там и посмотрим, — твердо ответила Тия. — А сейчас сядь и пристегнись, потому что для них главная надежда на спасение — это как можно быстрее добраться до базы, и я собираюсь сильно повредить здешний озоновый слой.

Алекс понял нетонкий намек и пристегнулся. Тия сдержала слово: она стартовала с максимально допустимым ускорением, совершенно не заботясь о перерасходе топлива. Зомби, конечно, придется нелегко — ну что ж, переживут как-нибудь. По крайней мере, Тия могла быть уверена, что при старте все они либо лежали, либо сидели — ящики были слишком низкие, чтобы выпрямиться во весь рост.

Пока они находились на планете, она непрерывно докладывала о своих наблюдениях за больными и о том, что удалось узнать с помощью кнопок связи, доктору Кенни и медперсоналу базы Клейнмана. Тия понимала, что они помочь ничем особо не смогут, но каждая крупица данных могла оказаться ценной, и чем раньше врачи ее получат, тем лучше.

Однако теперь, отправившись в путь, они остались сами по себе. Ресурсы, имевшиеся на базе археологов, были им уже недоступны, а те ресурсы, что имелись на базе Клейнмана, — еще недоступны. Максимум, что могли сейчас врачи, — это что-то посоветовать, но вряд ли на корабле отыщется оборудование, необходимое для того, чтобы последовать их советам.

Во время ускорения Алекс не мог даже шелохнуться, но, как только они совершили прыжок в гиперпространство, он отстегнул ремни и устремился к трапу.

— Куда это ты собрался? — нервно спросила Тия.

— В грузовой отсек. Я в скафандре, заразиться я не могу.

Через микрофоны, установленные в грузовом отсеке, до Тии доносились стоны и вопли. Она подумала о бешеном сердцебиении и неровном дыхании, о которых сообщали ей кнопки связи... Она знала, что будет, если Алекс войдет туда.

— Ты не можешь ничего для них сделать, пока они находятся в ящиках, — сказала она. — Ты же знаешь.

Он обернулся к пилону.

— Что ты от меня скрываешь?

— Н-ничего... — сказала Тия. Но она сказала это недостаточно твердо.

Алекс вернулся, плюхнулся в свое кресло и забегал пальцами по клавиатуре с ловкостью, наработанной за несколько дней, проведенных в скафандре. За несколько секунд он вывел на экран данные со всех кнопок связи.

— Тия, что там творится? — осведомился он. — Ведь до того, как мы взлетели, они такие не были, разве нет?

— Я думаю... — Тия замялась. — Алекс, я же не врач...

— В твоих базах данных — целая библиотека медицинской литературы. Ты разговаривала с врачами. Так что ты думаешь?

— Думаю... Думаю, они плохо себя чувствуют в гиперпространстве. Некоторые данные из присланной мне информации об обезьянах с поврежденным мозгом говорят о том, что в результате некоторых повреждений страдают те участки мозга, которые помогают скомпенсировать... скомпенсировать то, что некоторые вещи, которые должны быть в наличии, отсутствуют. То, что помогает тебе восстановить слово по отдельным буквам или опознать предмет, увиденный только мельком. Нечто вроде поддержания душевного равновесия. Так вот, когда эта способность отключается... — Она чувствовала себя ужасно беспомощной. — Думаю, для них это все равно что очутиться в сингулярности.

— И так будет все четыре дня?! — воскликнул Алекс так громко, что у Тии заныли сенсоры. — Нет, я пошел туда...

— И что ты будешь делать? — осведомилась Тия. — Ну, что ты для них можешь сделать? Они боятся тебя, боятся этого скафандра!

— Тогда я...

— Только попробуй! Я заполню газом весь корабль! — мгновенно ответила она. — Я не шучу, Алекс! Только дотронься до защелки — и я усыплю всех, кто есть на корабле!

Алекс рухнул обратно в кресло.

— Но что же нам делать? — спросил он слабым голосом. — Должен же быть какой-то выход...

— У нас есть кое-какие медицинские препараты, — напомнила Тия. — Некоторые из них можно распылить в воздухе. Помоги мне, Алекс! Помоги найти что-то, чем мы сможем им помочь. Но только не снимай скафандра.

— Я попробую, — сказал он с несчастным видом. Однако его пальцы уже бегали по клавиатуре, вводя запросы к библиотеке медицинской литературы. Они больше не тянулись к защелкам. Тия на долю секунды расслабилась...

А потом взялась за работу.

Еще три раза появлялись признаки того, что в грузовом отсеке назревает кризис. Еще три раза Тии пришлось пригрозить Алексу, чтобы не дать ему броситься в отсек и попытаться спасти одного из зомби, рискуя собственной жизнью. Они потеряли еще одного из своих подопечных: сочетание антивирусного препарата и разбавленного усыпляющего газа — они надеялись, что газ

подействует как успокоительное, — для зомби номер двадцать семь оказалось смертельным. Видимо, у него возникла аллергическая реакция на то или на другое вещество, хотя в его медицинском досье ничего подобного не значилось. Его кнопка связи продемонстрировала все симптомы анафилактического шока, а потом он умер.

Алекс с Тией после этого четыре часа не разговаривал: двадцать седьмой был в нижнем ряду, и укол адреналина мог бы его спасти — если это действительно был анафилактический шок, а не что другое. Но проходы между рядами были тесные, и Алекс не пробрался бы туда, не сняв скафандра. А этого Тия ни за что бы не допустила. Они не могли знать, действительно ли это была аллергическая реакция или еще одно последствие вируса зомби. Двадцать седьмой был человек пожилой, и симптомы у него были одни из самых тяжелых.

Несмотря на то что Алекс не желал общаться, Тия упорно продолжала разговаривать с ним, и наконец он сдался. Как нельзя более кстати. А то его молчание уже убедило Тию, что по прилете он потребует перевода на другой корабль и что он ее ненавидит, — если бы капсульники могли плакать, то она как раз была близка к тому, чтобы разреветься, когда он наконец заговорил.

— Ты права, — сказал он. — Ты была права, Тия. Здесь у нас еще пятьдесят человек, они зависят от нас обоих, и, если бы я свалился, получилось бы, что мобильная половина нашей команды вышла из строя.

И вздохнул. Но этого было достаточно. Между ними снова все было в порядке. И как раз вовремя: пора было возвращаться в обычное пространство.

База Клейнмана приказала им оставаться на орбите, прислала группу дезинфекторов, которые должны были забрать Алекса и зомби, и почти на час оставила Тию одну. Все это время Тии было очень одиноко...

Но затем на корабль явилась вторая группа дезинфекторов. Они пробыли там два дня, и когда они наконец ушли, от его первоначальной отделки почти ничего не осталось. Все отсеки пропарили, протравили газом, ободрали, отшлифовали и отделали заново. Все, что осталось — кроме электронной начинки, — это иероглифы, нарисованные на стене. Однако все выглядело по-прежнему: новая отделка была выдержана все в тех же стандартных, одобренных психологами бежевых тонах.

И только после этого Тии позволили сойти с орбиты и приземлиться на базе Клейнмана, чтобы выпустить дезинфекторов.

Как только они ушли, в шлюзе раздался приветственный возглас:

— Тия! Разрешите войти на борт, мэм?

Она распахнула шлюз так стремительно, что он, наверно, как будто взорвался перед носом у Алекса, и затащила его в лифт, чтобы не ждать, пока он поднимется по лестнице. Он вбежал в центральную рубку — скафандра на нем не было, — лихо отдал честь центральному пилону и опустил на пол свои сумки.

— У меня две новости: хорошая и еще лучше, — сказал он, плюхнувшись в пилотское кресло. — Какую ты хочешь услышать сначала?

— Хорошую! — не задумываясь ответила она и даже не стала упрекать его за то, что он закинул ноги на приборную панель.

— Ну, это чисто личное. Я абсолютно здоров, и ты тоже. Кроме того, поскольку дезинфекторы столь бесцеремонно уничтожили всю мою одежду и все прочее, в чем они не были уверены, мне только что предоставили неограниченный кредит для приобретения всего необходимого!

Тия застонала. Она представила себе очередной кошмар, ядовито-сиреневый, если не хуже.

— Только не открывай сумки! А то они подумают, что у меня утечка радиации.

Алекс притворно нахмурился.

— Моя драгоценная леди, ваши вкусы устарели как минимум лет на десять!

— Забудь о моих вкусах, — сказала Тия. — А какая новость еще лучше?

— Все наши пациенты находятся на пути к полному выздоровлению.

Тия издала радостный возглас, но Алекс поднял руку, давая понять, что это еще не все.

— Процесс это не скорый, им потребуется несколько месяцев, чтобы оправиться — возможно, даже целый год. Я сейчас объясню, в чем дело и почему тебя очистили от всего, что хотя бы отдаленно напоминало ткань. Будь добра, открой доступ к базе данных по земной энтомологии. И найди там паразитов, которые называются «постельные клещи», и других, которые называются «песчаные блохи».

Озадаченная Тия выполнила его просьбу и вывела изображения этих паразитов на центральный экран.

— Как мы и подозревали, это оказался вирус, который передается через насекомых. Разносчиком заболевания является нечто вроде песчаной блохи, существа, которое, как ты можешь видеть, предпочитает теплокровных созданий. Но размером эта зараза с постельного клеща. Эти подлые твари вылупляются только при соответствующей температуре, достаточной продолжительности дня и после сильного ливня. А стоит им вылупиться — и извести их может только по-настоящему мощный инсектицид либо продолжительные заморозки. Живут они в пыли, как и песчаные блохи. А эти археологи постоянно ковырялись в пыли, а поскольку до того никаких проблем не наблюдалось, они не особенно тщательно выполняли положенные процедуры обеззараживания. Все насекомые вылупились практически одновременно, в течение часа, — так, по крайней мере, считают энтомологи. И кусали они все живое, что им подворачивалось, потому что сразу после вылупления они очень голодны. Но — в этом-то вся и загвоздка! — они настолько малы, что никаких следов от укуса незаметно, так что никто даже не знал, что его покусали.

Он кивнул экрану.

— И каждая из этих фитюлек является разносчиком вируса! *Он является частью микрофлоры их кишечника.*

— То есть, насколько я понимаю, все люди подверглись нападению практически одновременно? — уточнила Тия.

— Вот именно, — кивнул Алекс. — А это означает, что болезнь поразила всех, кто был на базе, в пределах нескольких часов. И по большей части — чисто случайно — это произошло во сне. У большинства людей этот вирус вызывает острую аллергическую реакцию. В соответствующих обстоятельствах это действительно сильно смахивает на инсульт.

— Так, значит, мы не... — Тия остановилась, не в силах продолжать, и Алекс закончил вместо нее:

— Да, мы никого не погубили! Это все был вирус зомби. И, что самое приятное: это состояние зомби вызывается воздействием вируса на медиаторы. Стоит избавить организм от вируса, и все придет в норму.

— Ах, Алекс! — начала было Тия, но пилот ее перебил:

— И еще две прекрасные новости: во-первых, за эту операцию мы получаем премию. А во-вторых — знаешь, дорогая, ты ведь мне жизнь спасла.

— Неужели? — ошеломленно переспросила Тия.

— Если бы я хоть на миг приоткрыл скафандр, насекомые непременно проникли бы внутрь. Они были повсюду: в ковровом

покрытии, в обивке мебели. Либо они попали внутрь, когда мы в первый раз открыли шлюз, либо стандартная процедура обеззараживания на них не подействовала. А я как раз принадлежу к тем семидесяти пяти процентам населения, у которых развивается сильнейший анафилактический шок, так что...

Он не договорил, предоставив ей самой додумать остальное.

— Знаешь, Алекс, ты мне дороже, чем все премии на свете! — сказала Тия после долгой паузы.

— Это хорошо, — сказал он, встал и похлопал ее по пилону. — Знаешь, ты мне тоже.

И, не желая удариться в сентиментальность, прокашлялся и продолжал:

— А теперь — плохие новости: из-за всей этой истории мы так выбились из графика, что нам приказано отбыть уже завтра. Вы готовы к полету, моя драгоценная?

Тия расхохоталась:

— Пристегнись, торопыга! Давай покажем им, как мы умеем стартовать!

Глава 5

— Должен тебе сказать, Тия, — добродушно говорил доктор Кенни, уютно устроившись перед ее главным экраном, — что беседовать с тобой лицом к пилону куда приятнее, чем обмениваться сообщениями с двойной задержкой. Все-таки четыре часа дожидаться ключевой фразы шутки — это немного чересчур.

Он сидел лицом к пилону, а не к экрану — тот же знак любезности, что обычно демонстрировал Алекс. Самого Алекса на борту не было — он отправился вниз, на базу, проматывать полученную премию, пока Тия болталась в ремонтных доках на орбите. Но поскольку до «Гордости Альбиона» было рукой подать, доктор Кенни не устоял и решил нанести визит своей самой преуспевающей пациентке.

Новую версию его инвалидной коляски наконец-то довели до ума, и доктор Кенни пользовался именно ею. Под платформой и сиденьем скрывался основной источник питания, ноги до пояса были упрятаны в блестящий экзоскелет, и Тия думала, что он похож на какого-то древнего царя-воителя, восседающего на троне.

— Большинство моих одноклассников шуток просто не понимают, — хихикнула Тия. — Похоже, у них плохо с чувством юмора. Вот и приходится делиться шутками с вами, мягкотелыми.

— Большинство твоих одноклассников — холодные и чопорные, как искусственные интеллекты, — ответил доктор. — Не волнуйся, лет через десять они станут более раскованными. По крайней мере, если верить Ларсу. Он говорит, что общение с обычными людьми заражает даже самых твердолобых капсульников. Ну, и как тебе жизнь с партнером? Насколько я помню, это был один из твоих главных страхов: что ты удвоишь свой долг, как Мойра, из-за того, что станешь разбрасываться пилотами.

— Знаете, Кенни, Алекс мне действительно нравится, — медленно ответила она. — Особенно после той истории с зомби. Мне неудобно в этом признаваться, но... Он нравится мне даже больше, чем вы, или Анна, или Ларс. Собственно, об этом я и хотела поговорить с вами, когда вы мне позвонили. Я... я действительно доверяю вашим суждениям.

Кенни кивнул с понимающим видом.

— И, поскольку я никаким боком не связан с программой подготовки «мозгов» и «тел», я не обязан буду докладывать о том, как сильно ты привязалась к своему пилоту.

Он ехидно подмигнул пилону.

Тия позволила себе немного расслабиться.

— Ну да, и это тоже, — призналась она. — Кенни, я просто не знаю, что думать! Он небрежный, забывчивый, немного импульсивный — а вкусы в одежде у него просто жуткие! — и тем не менее я предпочту иметь своим партнером скорее его, чем кого-то еще в целой Галактике. И разговаривать с ним мне приятнее, чем с одноклассниками, — а ведь для капсульника одноклассники должны быть самыми близкими людьми!

Должны быть — вот в чем дело, не так ли? В ее жизни почти все не так, как должно быть. Если бы все пошло так, как должно было пойти, она бы сейчас проходила практику в Институте археологии, а не работала на него. И была бы не капсульницей, а обычным человеком.

Но, с другой стороны, если бы ты всю жизнь думала только о том, как все должно быть, где бы ты была сейчас? Ты стала тем, что ты есть, пытаясь извлечь лучшее из того, что есть.

— Ну что ж, Тия: ты ведь провела первые семь лет своей жизни, наиболее важные для формирования личности, как обычный человек, — мягко напомнил Кенни. Следующие его слова перекликались с ее собственными мыслями: — Ты никогда даже не думала, что очутишься в капсуле, в то время как твои одноклассники никогда не знали ничего, кроме своих капсул и учителей.

Это как с вылупившимся цыпленком: что он первое увидит — то и полюбит.

— Ну, я... я не говорила, что люблю его! — пролепетала Тия, внезапно встревожившись.

Кенни лишь невозмутимо взглянул на ее пилон с тем самым выражением лица, которое Тия так хорошо знала. Это выражение означало, что Тия говорит не всю правду и что Кенни это видит.

— Ну... разве что чуть-чуть, — призналась она тихо-тихо. — Но это не значит, что я такая же, как обычные люди...

— Друзей тоже любят, знаешь ли, — заметил Кенни. — Это признано много веков тому назад, и даже ваши узколобые Советники не станут с этим спорить. Вспомни тех же греческих философов — они различали три вида любви, и только один из них имел отношение к телу. «Эрос», «филия» и «агапэ».

— Сексуальная, братская и религиозная, — перевела Тия. Ей стало немного спокойнее. — Ну ладно. Значит, это филия.

— Ларс переводит это как «любовь, связанная с телом», «любовь, связанная с разумом» и «любовь, связанная с душой». В твоем случае это даже лучше подходит, — уточнил Кенни. — Тут может идти речь как о филии, так и об агапэ.

— Ну да, пожалуй, вы правы... — сказала она, смутившись.

— Тия, дорогая моя, — сказал Кенни чуточку снисходительно, — в том, чтобы признаться, что ты любишь своего пилота, ничего плохого нет. На случай, если ты забыла: первые слова, которые ты передала мне из своей новой капсулы, были: «Доктор Кенни, я вас люблю!» Откровенно говоря, мне куда приятнее услышать от тебя это, чем что-то «более уместное».

— Что, например? — с любопытством спросила Тия.

— Ну... Ну, например, — и он пронзительно заговорил чопорным тоном: — «Да, доктор Кеннет, я вполне довольна действиями моего «тела» Александра. Полагаю, мы с ним сработаемся. Наше последнее задание было выполнено вполне приемлемо».

— Ой, вы говорите как Кари, ну точь-в-точь как Кари! — рассмеялась Тия. — Ну да, вы правы — но попробуйте представить, как бы я могла вести подобный разговор с одним из моих Советников!

Кенни скривился и воздел руки.

— О ужас! — возопил он с выражением лица, которое вполне соответствовало его негодующему тону. — Как вы могли? Да вы вообще не имеете права испытывать какие-либо чувства!

АГ-1033, я буду вынужден доложить о том, что ваше психическое состояние нестабильно!

— Вот именно, — ответила она, посерьезнев. — Иногда мне кажется, что из нас хотят сделать просто искусственные интеллекты, разве что более совершенные. Наделенные самосознанием и способные к осмысленной деятельности, но при этом, перед тем как запихнуть тебя в капсулу, кто-то берет скальпель и отсекает ту часть твоей души, которая способна испытывать чувства.

— Видишь ли, дорогая, они ходят по лезвию ножа, — объяснил Кенни не менее серьезно. — Твоим одноклассникам не хватает того, что было у тебя: физического контакта с родителями. Они никогда ни до чего не дотрагивались; они никогда не знали ничего, кроме очень искусственной среды. Они на самом деле просто не понимают эмоций, потому что им никогда не позволяли испытывать их или наблюдать их вблизи. На самом деле не могу сказать, что я не представляю себе, каково им впервые очутиться в реальном мире, населенном нами, мягкотелыми. Они буквально попадают в иной мир, такой же чуждый и непонятный, как любая инопланетная культура. В определенном смысле было бы лучше, чтобы все они получали профессии, в которых им никогда не пришлось бы сталкиваться с людьми лицом к лицу.

— Но тогда почему... — Тия очень тщательно подбирала слова: — Почему в капсулы не помещают взрослых?

— Потому что взрослым — и даже детям сознательного возраста — зачастую невозможно привыкнуть к тому, что их тела больше не действуют и что они — как ты точно заметила сама — больше никогда не смогут ни к кому прикоснуться напрямую.

Он вздохнул.

— В свое время я повидал немало таких случаев. Ты — исключение, радость моя. Но ты всегда была не такой, как все. Невероятно гибкой, умеющей приспособиться к любой ситуации.

Он откинулся на спинку своего кресла и задумался; Тия не прерывала его.

— Знаешь, Тия, в программе подготовки капсульников есть вещи, с которыми я никак не могу согласиться. Но теперь твоя подготовка окончена, и ты живешь в реальном мире. Здесь даже Советники не такие, как в вашей школе, вот увидишь. Они часто бывают готовы принять все, что действует, а не только то, что есть в книгах правил.

Тия помедлила, прежде чем ответить.

— Кенни, а что мне делать, если... Если эти чувства начнут пе-

перастать в эрос? Ну, в смысле, я не собираюсь вскрывать пилон или делать еще что-нибудь в этом духе, но...

— Хельва, — лаконично ответил Кенни. — Вспомни о Хельве. У нее с ее пилотом была любовь, о которой и до сих пор помнят во всем обитаемом космосе. Если такое случится, Тия, — значит, так тому и быть. Ну а если не случится — не переживай. Радуйся тому, что твой напарник — твой лучший друг. В конце концов, так ведь оно и задумывалось изначально. Я верю в твое благоразумие и интуицию — я всегда в них верил. С тобой все будет в порядке.

Он слегка кашлянул.

— Тем более что я, быть может, понимаю тебя лучше, чем кто-либо другой. Мы с Анной тоже вроде как сошлись...

— Да ну? В самом деле? — Тия даже не попыталась скрыть ликование, звучавшее в ее голосе. — Давно пора! А что она сделала: опрокинула вашу коляску, чтобы помешать вам смыться, и соблазнила вас, пользуясь вашим беспомощным состоянием?

— Это буквально слово в слово то же самое, что сказал Ларс! — воскликнул Кенни, отчаянно покраснев. — Только он добавил еще кое-какие ехидные замечания.

— Могу себе представить! — хихикнула Тия. Ларсу перевалило за двести, и он немало повидал за эти годы. Любые разновидности драм, которые разыгрываются между разумными существами. Ведь он контролировал одну из крупнейших медицинских станций Центральных Миров. А уж где есть место всему, от трагедии до комедии, так это на медицинской станции — об этом прекрасно осведомлены создатели мыльных опер по всей Галактике. И Ларс был свидетелем — а иногда и непосредственным участником — всех этих событий, от мелких неурядиц до глобальных катастроф.

Он управлял станцией «Гордость Альбиона» с тех пор, как она была построена, — собственно, он был встроен в нее. Уйти он оттуда не мог, да и никогда этого не хотел. Циничный, остроумный — и неожиданно добрый. Хороший человек Ларс...

Он действительно умел быть добрейшим из людей, будь то обычные люди или капсульники. Но при этом никогда не упускал случая поддеть своих мягкотелых коллег.

— Но, Кенни... — Тия замялась: ее снедало любопытство, но при этом она не знала, имеет ли право любопытствовать. — Кенни, можно ли мне расспрашивать про вас с Анной?

— Тия, я про тебя знаю все, что можно: от твоей нормальной частоты пульса до точного состава биохимических компонентов

в твоей крови, когда ты испытываешь стресс. И мой доктор знал обо мне то же самое. Мы оба привыкли к тому, чтобы нас все время обмеривали и просвечивали, и... — он запнулся, — и ты, мой друг, ты мне очень дорога. Так что если тебе действительно очень хочется что-то узнать — валяй, спрашивай. Но не рассчитывай, что я стану рассказывать тебе о тычинках и пестиках! — и его глаза лукаво сверкнули.

— Вы... когда мы впервые встретились, вы назвали себя «медиком в полукапсуле». Вы наполовину машина. Как... как Анна к этому относится?

Если бы Тия могла, она бы покраснела — настолько бесцеремонной она себя чувствовала.

Однако Кенни, похоже, не счел ее вопрос бесцеремонным.

— Хм... Хороший вопрос. Однако ответ, моя дорогая, боюсь, тебе не подойдет. «Наполовину машина» я только тогда, когда нахожусь в коляске. А выбравшись из нее, я становлюсь пусть неполноценным, но все же человеком.

Он улыбнулся.

— Значит, это все равно что сравнивать камни с конфетами... — на это Тия не рассчитывала. — Или воду с листовым железом...

— Хорошие сравнения. Кстати, ты не первая, кто меня об этом спрашивает. Так что не думай, что ты одна такая любопытная.

Он потянулся и усмехнулся.

— Мы с Анной часто даем советы по части... хм... личных отношений моим другим пациентам-инвалидам.

— Ага, значит, это не выглядит так, как будто я за вами подглядываю! — Тии было приятно это знать.

— Да, но тем не менее ты была и остаешься в принципиально иной ситуации, чем прочие мои пациенты, — предупредил Кенни. — Многое из того, что подходит им, для тебя не подходит.

Он покачал головой:

— Я скажу тебе это прямо, не пытаясь ничего смягчить и сгладить. У тебя не осталось действующих нервных окончаний, будь то чувствительные или двигательные, ниже уровня шеи. И, насколько я видел, в вегетативной нервной системе тоже успели произойти кое-какие нарушения до того, как твое состояние стабилизировалось. Из-за этого и еще тех изменений, которые произвели в твоем организме, поместив тебя в капсулу, ты теперь целиком и полностью зависишь от своей системы жизнеобеспечения. Не думаю, что ты можешь выжить вне своей капсулы... Ну вот, я знал, что тебя это не обрадует.

— Да нет, ничего, все нормально.

Она была разочарована — но в то же время испытывала облегчение. Облегчение оттого, что стало меньше одним из факторов, которые ей придется учитывать в процессе будущего партнерства. А разочарование было не таким уж сильным. На самом деле она никогда и не думала, что сможет вернуться назад по тому пути, который привел ее в пилон.

— Я принес с собой кое-какие материалы по приспособлениям, над которыми мы работаем, — приспособлениям, которые должны помочь некоторым из наших инвалидов. Я подумал, что тебе будет интересно — с чисто академической точки зрения.

Кенни сунул чип с данными в ее считывающее устройство, и Тия вывела информацию на свой центральный экран.

— Эта барышня была профессиональной балериной — и пострадала во время землетрясения: на нее обрушилось несколько тонн бетонных плит. К тому времени, как до нее добрались врачи, ногу спасти было уже никак нельзя — наступили необратимые изменения на клеточном уровне.

На видео была показана миловидная девушка в спортивном костюме, разминавшая ногу, — на вид это была вполне нормальная нога, только двигалась она слишком скованно.

— Проблема с искусственными конечностями, которыми мы снабжаем людей, переживших ампутацию, состоит в том, что, хотя нам удалось решить большую часть проблем с весом и равновесием, они по-прежнему остаются бесполезными для таких людей, как танцоры, которые привыкли ориентироваться на свои физические ощущения, чтобы определить, в правильном ли положении находится нога.

Кенни тепло улыбнулся, глядя на девушку на экране.

— Вот, это Лила, ей всего несколько минут назад поставили новую ногу. Кстати, нога ампутирована по самое бедро. Следующий ролик снят три недели спустя, а следующий за ним — через три месяца.

Экран мигнул и вспыхнул вновь. Тия обнаружила, что ее внимание целиком приковано к девушке. Теперь она явно выполняла какие-то балетные па, и выполняла очень неплохо — насколько могла судить Тия. Потом экран мигнул снова...

Теперь девушка была на сцене, она танцевала в каком-то классическом балете. И если бы Тия не знала, что ее левая нога — электронный протез, она ни за что бы об этом не догадалась.

— А вот музыкант, который потерял руку, — продолжал Кенни, но уже повернувшись к пилону. — Нам вместе с компанией

«Мото-простетикс» удалось решить проблему физических ощущений, Тия! — гордо сообщил он. — Лила говорит, что она нарочно изменила рисунок танца таким образом, чтобы выполнять некоторые сложные па на левой, а не на правой ноге. На левой ноге нельзя натереть мозоли или сломать кости, нельзя порвать связки, перетрудить колено, подвернуть щиколотку. Пока что единственная разница между этой ногой и нормальной — это что протез чуть-чуть тяжелее, но не настолько, чтобы это мешало, при условии, что она будет это учитывать. И еще он значительно прочнее.

На экране появилось еще несколько пациентов доктора Кенни, но Тия и доктор уже не обращали на них внимания.

— Нет, какие-то проблемы должны быть, — сказала наконец Тия. — Ничто не совершенно.

— Да, воспроизвести весь комплекс физических ощущений нам пока не удалось. В случае Лилы мы обращали особое внимание на стопу, щиколотку и коленный сустав, а в тех частях ноги, что находятся между суставами, мы позволили себе многим поступиться. Еще одна проблема — это вес. Чем большее количество нервных окончаний мы воспроизводим, тем тяжелее получается протез. Десятикилограммовая рука способна доставить человеку массу проблем.

Кенни немного изменил позу.

— Тем не менее все это основано на тех исследованиях, которые проводятся в Институте экспериментальной медицины, Тия! И большая часть взята из разработок, связанных с мозговыми кораблями, — сенсорные датчики, встроенные в эти искусственные конечности, те же самые, с помощью которых ты получаешь информацию о работе систем своего корабля.

— Потрясающе! — воскликнула Тия. Она была очень рада за него. — Вы великий человек, доктор Зорг!

— Ну что ты, нам еще столько предстоит сделать! — скромно возразил он. — По крайней мере, я не слышал, чтобы кто-то из коллег Лилы потребовал удалить ему ноги и поставить вместо них эти новые протезы. У Лилы есть свои проблемы, порой весьма болезненные, несмотря на то что она прошла полный курс лечения и считается здоровой. В каком-то смысле оказалось удачным, что наш экспериментальный протез достался балерине, потому что Лила привыкла к боли — все профессиональные танцоры к этому приучены. Кроме того, он жутко дорогой — Лиле просто повезло, потому что ее страховая компания высчитала, что дешевле будет оплатить протез, чем выплачивать ей

компенсацию за погубленную карьеру. Хотя — если принять во внимание сроки жизни капсульников и сравнить их с продолжительностью жизни у нас, тех, кто по-прежнему пребывает в хрупких оболочках, созданных природой, — могу предвидеть, что в один прекрасный день все наши мозги станут пересаживать в мини-капсулы после того, как старая оболочка придет в негодность, и вместо того, чтобы решать, во что одеться, мы будем выбирать, какое тело носить.

— Нет, не думаю, что до этого дойдет, — решительно сказала Тия. — Хотя бы потому, что, если всего одна конечность стоит так дорого, стоимость целого тела будет вообще астрономическая.

— Ну да, это, конечно, проблема, — согласился Кенни. — Но, по правде говоря, других технических проблем, помимо расходов, практически не осталось. Мы уже способны хоть сегодня собрать полностью функционирующее тело. На самом деле это проще, чем одна конечность. Да, кстати — говоря о теле, я имею в виду тело с полным набором физических ощущений.

Дальше он ничего говорить не стал, только подмигнул и лукаво усмехнулся.

— А под «полным набором физических ощущений» я имею в виду именно то, о чем ты подумала, маленькая негодница!

— Я? — отозвалась Тия, старательно имитируя негодование. — Понятия не имею, о чем вы говорите! Я так же невинна, как... как...

— Как я, — закончил Кенни. — Между прочим, это ты первая спросила у меня про Анну.

Тия ничего не ответила, делая вид, что дуется. Но Кенни продолжал ухмыляться как ни в чем не бывало, и Тия поняла, что обмануть его ей не удалось.

— Ну, как бы то ни было, основная проблема в том, чтобы создать систему жизнеобеспечения для отделенного от тела мозга.

Кенни пожал плечами:

— С этим как раз имеются сложности — пока что единственный способ исправить такую травму, как твоя, это поместить все тело в капсулу, снабженную системой жизнеобеспечения. А такую капсулу в тело размером с человеческое уже не запихнешь.

— Ну, тогда можно изготовить нам огромные тела и создать новую расу гигантов! — пошутила Тия. — Судя по тому, что вы рассказываете, это будет куда проще.

Кенни закатил глаза, слегка удивив ее этой внезапной вспышкой раздражения.

— Хочешь — верь, хочешь — не верь, но нашелся человек, который хочет устроить что-то в этом духе, для голофильмов. Он хочет создать гигантские тела, полностью чувствительные — динозавров, чудовищ и так далее, — нанять актера-капсульника и использовать их в своих блокбастерах.

— Не может быть! — воскликнула Тия.

— Я тебе клянусь, — сказал Кенни, положив руку на сердце. — Это правда, все до последнего слова. И хочешь — верь, хочешь — не верь, но у него есть на это деньги. Кинозвезды зарабатывают больше тебя, дорогая моя. Думаю, что в следующий раз, когда какой-нибудь «мозг» решит уйти со службы, оплатив свой контракт, этот мужик будет ждать его у трапа, чтобы попытаться уговорить его сниматься в фильмах.

— Изумительно. Я мысленно качаю головой.

Тия немного поразмыслила.

— А не проще будет создать тело нормальных размеров с чем-то вроде прямой связи с капсулой?

— Вроде радио? — переспросил Кенни. — Хм. Хороший вопрос. Но тут другая проблема: эти нервы передают слишком большой объем информации. Разумеется, для каждого нерва потребуется отдельный канал, но дело даже не в этом, а в том, что радиус действия такого тела будет слишком коротким, в противном случае сигнал может нарушиться. Собственно, именно так происходит и с моей коляской, — закончил он, кивнув на свои ноги, закованные в экзоскелет. — Я должен находиться в одной комнате с ней, иначе мне приходится играть в греческую статую.

Тия рассмеялась.

— В любом случае все это оборудование будет стоить как мозговой корабль, так что это не очень практично, — заключил Кенни. — Даже для меня — а ведь я зарабатываю довольно много.

«Ну, и для меня тоже», — подумала Тия и отмахнулась от этой идеи. Для мозгового корабля практичнее всего — выплатить свой долг. В конце концов, если она хочет иметь возможность поступить в Институт на правах исследователя и отправиться разыскивать эскапцев, для начала надо обрести свободу.

— Кстати, деньги — это второе, о чем я хотела с вами поговорить.

— И вновь поднимает свою страшную голову запрет, наложенный программой подготовки капсульников! — торжественно произнес он и усмехнулся. — Думаю, со временем они тебя возненавидят. Ты такая же, как и все остальные по-настоящему толковые ребята. Ты мечтаешь погасить свой долг, верно?

— Не думаю, что среди мозговых кораблей много таких, кто не мечтает сделать это рано или поздно, — возразила она. — Мы ведь все-таки люди, а не машины с искусственным интеллектом. Нам хочется самим решать, что делать и куда летать. Не можете ли вы что-нибудь мне посоветовать насчет того, как заработать побольше денег? Рынок поиска новых перспективных мест для раскопок более или менее монополизировала Мойра.

— Так ведь ты же ей это и посоветовала, верно? — Кенни погрозил Тии пальцем. — Разве ты не знаешь, что никогда не следует делиться идеями с потенциальными конкурентами?

— Тогда-то она не была потенциальной конкуренткой, — возразила Тия.

— Ну вот, ты получила скромную премию за спасение пострадавших от вируса зомби, верно? — сказал Кенни, задумчиво почесывая бровь. — Как насчет того, чтобы вложить эти деньги в дело?

— В какое? — спросила Тия. — Я ничего не смыслю в инвестициях.

— Исходя из моего собственного скромного успеха во вложении средств в «Мото-простетикс» — и притом не в бумаги, а в долю в самой компании, — могу сказать, что, если ты будешь вкладывать средства в то, в чем ты разбираешься, результаты могут быть существенные.

Он побарабанил пальцами по ручке кресла.

— Нет, я не веду речь об инсайдерской торговле, как ты могла подумать. Но тем не менее на твоем месте я вложил бы деньги в то, чем ты интересуешься и в чем можешь считать себя специалистом.

— Снова качаю головой, — ответила Тия. — Понятия не имею, к чему вы клоните. В чем я, по-вашему, разбираюсь?

— Ну, смотри, — сказал Кенни. Он подался вперед, глаза у него загорелись. — В чем археологи всегда разбираются, так это в долговременных перспективах. Они привыкли мыслить столетиями. А для большинства бизнесменов как раз основная проблема в том и состоит, что они не способны мыслить в долговременной перспективе. Подумай о том, что один мой приятель называет «катастрофами, которые не могут не случиться», и вложи средства в те компании, которым придется участвовать в ликвидации последствий этих катастроф.

— Ну, в теории это звучит неплохо, — с сомнением сказала Тия, — но вот что насчет практики? Как это я буду подыскивать

подобные ситуации? В конце концов, я одна, и у меня уже есть работа.

– Тия, в твоем распоряжении вычислительные возможности целого мозгового корабля! — твердо сказал ей Кенни. — Кроме того, ты имеешь доступ ко всем институтским архивам, связанным со всеми планетами, где велись и ведутся какие-то раскопки. Воспользуйся тем и другим. Выясни, с какими проблемами приходилось сталкиваться древним, и просчитай, не могут ли они повториться в современных колониях.

Так сразу на ум ничего не приходило, но, если подумать... Да, пожалуй, Кенни прав.

Он взглянул на свои наручные часы.

— Мой шаттл должен был отправить тебе вызов примерно в...

— Уже отправил, — закончила Тия. — Он вот-вот пристыкуется — четвертый шлюз от меня направо. Спасибо, что зашли, Кенни.

Он направил свою коляску к лифту.

— И тебе спасибо за гостеприимство, Тия. С тобой всегда приятно пообщаться.

Подъехав к лифту, он оглянулся через плечо и с усмешкой сказал:

— Кстати, чтобы тебе не приходилось рыться в моих медицинских данных: у меня все работает, Анна пока не жаловалась.

Все-таки хорошо, что она не умеет краснеть!

Пока Алекс гулял на базе со своими бывшими однокурсниками — видимо, стараясь оправдать девиз их класса: «Вечеринка никогда не кончается», — Тия с головой погрузилась в институтские архивы. Институт давал ей свободный, бесплатный доступ ко всему, что она хотела, — то ли считали ее чем-то вроде внештатного исследователя, то ли из благодарности за роль, которую она сыграла в истории с зомби, то ли просто потому, что в их системе защиты не было предусмотрено возможности доступа с мозгового корабля. Обычно они заставляли платить за каждую скачанную единицу хранения. Но Тию все это не касалось: архив был полностью в ее распоряжении.

Но сперва — ее собственные личные поиски. Тия довольно быстро освоила все, что имело отношение к старым исследованиям по эскайцам. С существующих раскопок новых сведений почти не поступало, так что она мимоходом проверила, как идут дела у Поты с Брэддоном, а потом принялась просматривать последние эскайские находки.

И тут она чисто случайно наткнулась на кое-что любопытное.

На самом деле это было скорее забавно. Это был доклад с раскопок класса В, из группы, работающей над местом, которое изначально привело в восторг нашедших его исследователей. Исследователи доложили, что обнаружили поселение эскайцев — первое поселение эскайцев на планете, не принадлежащей к марсианскому типу. Разумеется, туда немедленно вылетела команда специалистов.

Оказалось, что это было ложной идентификацией — это были вовсе не эскайцы, а мегальт-тресепты, практически не представлявшие интереса для Института. О мегальтах было известно практически все: они научились строить корабли со сверхсветовыми двигателями еще в далеком прошлом, и некоторые из основанных ими колоний существовали до сих пор. Некоторые из их артефактов действительно походили на изделия эскайцев, и, если не знать, что в этих местах обитали мегальты, легко было ошибиться.

Планета, на которой велись раскопки, удивительно напоминала Землю — тем ценнее оказалось бы найденное поселение эскайцев, если бы это действительно были они.

Хотя к эскайцам это поселение никакого отношения не имело, Тия, однако, продолжила читать отчет из чистого любопытства. Ларго Дракона была очень странная планетка, с необычным расположением орбиты, из-за которого примерно десять лет в каждом столетии там были очень неблагоприятными. В остальном же планета была вполне пригодной для жизни, и даже более: два урожая ежегодно! Согласно отчету, современные поселения как раз готовились к неблагоприятному десятилетию — но и мегальты тоже к нему готовились.

И тем не менее их поселения были оставлены, внезапно и необъяснимо. Не самое типичное поведение для логичной, уравновешенной расы.

Поселения мегальтов на планете (а их нашли два) были заброшены в течение первого года этого злосчастного десятилетия. И не потому, что там закончилась пища, как подумала было Тия. Припасов хватило бы на все десять лет с избытком, даже если бы урожаев не было совсем.

Нет, не потому, что у поселенцев не хватало еды, — а потому, что еды стало не хватать местным грызунам!

Исследователи обнаружили архивы поселения, в которых рассказывалась вся история их краха. Архивы были записаны на тонких металлических листах, которые мегальты обычно исполь-

вовали для долговременного хранения информации. Поселения были оставлены так быстро, что даже архивы никто не потрудился захватить с собой.

Исследователям повезло, что мегальты записывали информацию на металле — никакой другой материал не пережил бы того, что произошло с поселением. На оба поселения напали грызуны, весьма похожие на земных крыс. Сперва они просачивались тонкой струйкой и лишь немного досаждали поселенцам. Но потом, откуда ни возьмись, появились огромные стаи — настоящий поток, цунами, затопившее обе колонии. Защитные электрические изгороди были сметены в мгновение ока, и зверюшки буквально прогрызли себе путь в здания. Ничто было не в силах их остановить. Их убивали тысячами, но это ничего не дало. Грызуны сжирали трупы и все прибывали и прибывали.

Судя по всему, пищеварительная система этих животных на время неблагоприятного периода претерпевала изменения, позволяющие им переваривать любую органику, вплоть до целлюлозы и пластика.

В конце отчета присутствовала заметка, касающаяся нынешних властей Ларго Дракона. Это было, собственно, личное письмо, которым сопровождался отчет.

«Фред, я просто счастлив, что мы скоро уберемся отсюда. Мы предупредили губернатора колонии, но он и ухом не ведет. Они полагают, что раз я археолог, я настолько погружен в прошлое, что в настоящем ничего не смыслю. В офисе губернатора мне сказали, что их защитные поля достаточно мощные, чтобы остановить каких-то там крыс. Но рассчитывать на это не стоит. Это звери, обезумевшие от голода, мохнатая саранча, и защитных полей они просто не заметят. Я тебе говорю, Фред, не пройдет и года, как у этих людей будут большие проблемы. Мегальты и те сдались, а между тем они были совсем не такие отсталые, как кажется губернатору. Быть может, эти его чудо-поля и смогут остановить тварей, но я так не думаю. И мне совсем не хочется, чтобы они убедились в своей неправоте, проснувшись под ковром из крыс. Мегальтов крысы не ели — но они сожрали у них всю одежду. Мне совсем не улыбается садиться в шаттл, сверкая голой задницей на легком утреннем ветерке — который, по расчетам, к тому времени будет достигать скорости пятьдесят километров в час, — и при температуре минус двадцать по Цельсию. Так что, возможно, я все-таки постараюсь, чтобы этому моему докладу дали ход. Готовь к моему приезду холодное пиво и жаркий камин».

Хм. Похоже, это именно то, о чем говорил доктор Кенни.

Тия, чисто для верности, просмотрела еще несколько источников — не затем, чтобы убедиться, что «крысы» действительно опасны, а затем, чтобы выяснить, насколько колония готова встретить «крыс» и ухудшившуюся погоду.

Все, что она нашла, сходилось с тем, что неведомый автор писал «Фреду». Генераторы защитного поля были самые что ни на есть стандартные, не рассчитанные на критические условия. Склады имели металлические двери — но обшиты были зачастую пластиком либо деревом. Дома были построены из местного камня и хорошо утеплены для борьбы с холодом — но при этом имели пластиковые либо деревянные двери. Да, пищи было запасено с избытком, но что станут делать колонисты, когда «крысы» прогрызут стенки складов и доберутся до их запасов? Последние двадцать лет колония целиком зависела от пищи, выращиваемой на месте. Местный космопорт не был приспособлен для ввоза провизии, и синтезаторов промышленного масштаба на планете не было. Были протеиновые фермы — но что, если «крысы» проникнут туда и сожрут культуры заодно со всем прочим? И даже если людям удастся отстоять свою еду — что они станут делать, если, как предполагал автор записки, «крысы» прогрызут двери домов и примутся лакомиться одеждой, одеялами, мебелью?

И что толку от этих официальных отчетов? Есть ли на планете хоть кто-нибудь, кто способен остановить надвигающуюся катастрофу?

Ей пришлось целый день рыться в деловых поисковиках, прежде чем она нашла ответ. На планете имелся производитель специализированного защитного снаряжения, включая мощные генераторы защитных полей. Этот завод вполне мог обеспечить колонистов всем необходимым, как только губернатор признает, что опасность действительно существует. Конечно, правительственных фондов могло не хватить на оплату всех средств защиты, но более восьмидесяти процентов населения имели страховку от несчастных случаев и катаклизмов, и страховые компании оплатят защиту своих клиентов.

Половина ответа есть. А как насчет второй половины?

Еще одна фирма, торгующая своей продукцией на многих планетах, у которой имеется запас самых простых, устаревших синтезаторов на расстоянии нескольких дней полета от Ларго Дракона. Эти синтезаторы не отличались разнообразием ассортимента, зато сырьем для них могло служить что угодно: углеводы синтезировались из угля либо нефти, протеин — из отходов, волок-

на — из любого растительного сырья, и таким образом можно было получить хотя бы элементарные продукты, которыми можно питаться, которые можно носить, из которых можно делать мебель...

Тия принялась воплощать свои планы в жизнь. Но не через Бету, своего инспектора, а через Ларса и его инспектора.

До возвращения Алекса она успела предпринять все необходимые действия. Она направила в обе избранные ею компании тщательно составленные письма, присовокупив все документы, имевшиеся в публичном доступе. Она преследовала цель убедить их в серьезности ситуации, не произведя при этом впечатления истерички.

Разумеется, тот факт, что она вкладывает деньги в их фирмы, должен был убедить их хотя бы в том, что если она и истеричка, то истеричка небедная...

Если у них достаточно мозгов, они сумеют сами понять, что к чему, на основании присланных ею документов, и тогда они ей поверят. Есть надежда, что к нужному моменту они будут готовы действовать.

Последнее сообщение она отправила в тот момент, когда Алекс уже подходил к шлюзу.

— Разрешите подняться на борт, мэм? — весело окликнул он. Тия распахнула шлюз. Он взлетел наверх, прыгая через две ступеньки. Когда он ворвался в центральную рубку, Тия сказала себе, что авось мода скоро переменится: Алекс был одет в желтую куртку с алой отделкой и алые штаны с желтой отделкой. И то и другое было достаточно ярким, чтобы слепить глаза и смахивать на светофор. Тия порадовалась, что может убавить яркость своих зрительных датчиков.

— Ну, как прошло воссоединение? — спросила она, когда снова смогла смотреть на него.

— Да там не все были, человек шесть всего, — сказал ей Алекс, *пересекая рубку и направляясь к своей каюте.* Он бросил сумки на койку и добавил: — Мы чуть-чуть разминулись с Хрией. Но все равно было весело!

— Я думала, ты вернешься в жутком похмелье.

Алекс удивленно расширил глаза.

— Да что ты, как можно! Я ведь наш официальный шофер — по крайней мере, в мои обязанности входит проследить, чтобы никто не ошибся шаттлом. Сам я никогда не пью — ну, почти никогда. Это портит реакцию.

Тии почему-то приятно было это слышать.

— Ну что, ты по мне скучала? Я по тебе скучал. Тебе было чем заняться?

Он плюхнулся в свое кресло и задрал ноги на приборную панель.

— Надеюсь, ты не все это время читала институтские доклады?

— Нет, — небрежно отозвалась Тия, — я нашла себе кое-какие другие занятия...

Включилась связь. Алекс вел себя паинькой и одет был в свежую, разве что чуть-чуть помявшуюся форму. Он смирно сидел в кресле — просто образец уравновешенного выпускника Академии и добросовестного пилота Курьерской службы.

Тия порадовалась, что уговорила его облачиться в форму. На связи были профессор Бартон Глазов-Верона-Грас, глава Института археологии, и седовласый мужчина в темном костюме, которого профессор представил как администратора сектора Центральных Миров Джошуа Эллиота Синьора. Очень, очень высокопоставленное лицо. И сейчас это лицо было чем-то чрезвычайно озабочено, хотя тщательно это скрывало. Увидев его на экране, Алекс сразу выпрямился, демонстрируя, что он весь внимание.

— Александр, Гипатия, мы сейчас отправим вам большое сообщение со снимками и голограммами, — начал профессор Бартон. — Но пока что нашу проблему будет представлять предмет, который вы видите у меня на столе.

«Предмет» был не чем иным, как красивой вазочкой. Изящной и стильной: асимметричной, с чувственно-резкими очертаниями, как будто автору вздумалось смешать арт-нуво с Сальвадором Дали. Казалось — насколько Тия могла судить на основании того, что видела на экране, — вазочка изготовлена из многослойного полупрозрачного стекла или керамики.

При этом она была покрыта налетом, который приобретают только вещи, много веков пролежавшие в земле.

«Или специально обработанные для того, чтобы искусственно состарить предмет». Но разве стал бы профессор лично связываться с ними из-за каких-то подделок? Вряд ли.

Единственная проблема с этой вазой — если она была подлинным артефактом — состояла в том, что ее стиль не походил ни на что из того, что имелось в базах данных Тии.

— Как вам известно, контрабандисты, грабители и «черные археологи» всегда представляли для нас серьезную проблему, — продолжал профессор Бартон. — Очень неприятно прибыть на

место раскопок и обнаружить, что все уже разграблено. Но в данном случае ситуация неприятная вдвойне. Потому что — как уже, по-видимому, догадалась Гипатия — стиль этой вещи не соответствует ни одной из известных цивилизаций.

— Несколько недель тому назад, — мягко вставил Синьор, — черный рынок оказался наводнен сотнями подобных артефактов. Анализ показал, что они весьма древние — вот эта вазочка, к примеру, была изготовлена в те времена, когда в Египте правил Рамзес Второй.

Профессор не то чтобы ломал руки, но заметно было, что он в отчаянии.

— И таких предметов — сотни! — воскликнул он. — Все, что угодно: от чаш до жертвенных сосудов, от украшений до статуй! А нам не только неизвестно, откуда они взялись, — мы даже не знаем ничего о том, какой народ их изготовил!

— Разумеется, большинство предметов сохранилось не настолько хорошо, как этот, — продолжал Синьор, восседавший в кресле с той немыслимой неподвижностью, которая доступна только профессиональным политикам или актерам. — Но, помимо того, что они невероятно ценные и, таким образом, торговля ими приносит немалые доходы преступным сообществам, эти артефакты отличаются еще одним неприятным свойством.

Тия поняла, что он имеет в виду, сразу, как только он заговорил об этом. Снова какая-то зараза!

— Они распространяют заразу, — сурово сказал Синьор. — Пока что от этой болезни никто не погиб — по крайней мере, из тех, кто приобрел эти безделушки. Очевидно, у них у всех имеются личные врачи и домашние медицинские лаборатории.

«Высшие Семьи! — подумала Тия. — В этом замешаны Высшие Семьи».

— На самом деле эти предметы неопасны, после того как они пройдут соответствующую санобработку! — торопливо добавил профессор. — Но те, кто их выкапывает, не заботятся даже о том, чтобы обработать артефакты ультрафиолетовым излучением. Их просто очищают...

Тия про себя поморщилась — и увидела, как поморщился Алекс. Сказать археологу, что какой-то контрабандист «очистил» найденный артефакт, — это все равно что сказать нумизмату, что его малолетний племянник взял стальную щетку и отполировал его коллекцию.

— ...Очищают, складывают в ящики и продают.

Профессор Бартон вздохнул.

— Понятия не имею, почему они сами не заражаются этой болезнью. Быть может, у них иммунитет. Как бы то ни было, у тех, кто покупает эти вещи, иммунитета нет, они болеют, их это не радует, и они требуют что-то предпринять.

Выражение его лица сказало Тии куда больше, чем его слова. Высшие Семьи накупили заведомо контрабандных и, возможно, краденых артефактов, и кое-кто из членов избранного круга заболел. А поскольку официальной организацией, ответственной за всяческие артефакты, был Институт археологии, то они рассчитывали, что Институт отыщет контрабандистов и разберется с ними.

«Это не значит, что они соизволят нам сообщить, как и где они достали эти сокровища. Они ни за что не признаются, что купили их на сером, если не на черном рынке. И что, если бы они не покупали контрабанды, они бы не заболели».

Но, разумеется, Высших Семей подобные соображения не касаются. Они слишком богаты и могущественны, чтобы подчиняться обычным причинно-следственным связям.

«Хм. За исключением тех редких случаев, когда причинно-следственные связи внезапно начинают мстить».

— Несмотря на то что эти вещицы могут оказаться опасными, спрос на них по-прежнему велик, — продолжал Синьор.

«Потому что кто-то из Высших Семей распространил слух о том, что купленные предметы первым делом следует подвергать обеззараживанию, и тогда ты сможешь владеть безделушкой безнаказанно». И тем не менее что-то в этой истории было не так. Что-то не сходилось. И Тия никак не могла понять, что именно.

А беседа тем временем шла своим чередом.

— Тем не менее, думаю, никому из вас не нужно объяснять, насколько опасно, когда эти вещи находятся в свободном обращении, — добавил профессор Бартон. — Совершенно очевидно, что контрабандисты не предпринимают даже элементарных мер предосторожности. Каждый раз, как на рынок выбрасывается очередной дорогостоящий артефакт, появляется все большая вероятность, что его кто-то похитит или обнаружит источник, откуда берутся эти вещи, и они, так или иначе, окажутся в неблагоприятной среде...

«То есть в трущобах, не так ли, профессор?» Интересно, почему он так на это напирает?

Тия решила показать, что они с ее пилотом слушают очень внимательно.

— Да, джентльмены, я понимаю, что может произойти в этом

случае, — сказала она. — В подобной среде заболевания действительно распространяются с чудовищной быстротой, а болезнь, которая для человека обеспеченного была не столь опасна, может погубить десятки бедняков.

«И тогда нам придется иметь дело с полномасштабной эпидемией и с паникой в придачу». Однако он должен понимать, как относится к таким вещам Тия. Он-то знает, кто она такая! Гипатий на свете не так уж много, а он был непосредственным начальником шефа Поты и Брэндона. Он наверняка знает ее историю — и, по всей вероятности, рассчитывает как-то сыграть на этом...

— Вот именно, Гипатия, — сказал Синьор, как будто отвечая на ее мысли.

— Надеюсь, вы не собираетесь использовать нас в качестве охотников на контрабандистов? — медленно отозвался Алекс. — На члена Высшей Семьи я не похож даже отдаленно, так что притвориться покупателем у меня не выйдет. Оружие же нам не положено, а связываться с контрабандистами, не имея полных трюмов дальнобойной артиллерии, мне совершенно не хочется!

«Иными словами, джентльмены, поищите себе других идиотов». И тем не менее все это выглядело как-то уж чересчур очевидным, как будто напрашивалось само собой. Если Синьор сейчас скажет, что их никто не собирается посылать на охоту за самими контрабандистами...

— Нет-нет! — сказал Синьор успокаивающе — и как-то чересчур поспешно. — Нет, что вы, и тем и другим занимаются отряды охраны порядка. Однако весьма вероятно, что источником этих артефактов является человек — или несколько людей, работающих в исследовательской или оценочной группе. Поскольку впервые артефакты появились именно в нашем секторе, можно предположить, что отсюда они и исходят.

«Слишком все гладко. Нам подсовывают ложную версию. Но зачем?»

— И вы, значит, хотите, чтобы мы смотрели в оба, доставляя грузы? — уточнил Алекс.

— Вы оба идеально подходите для этой задачи, — сказал профессор Бартон. — Оба вы не новички в археологии. Гипатия, вы на личном опыте знаете, как ведутся раскопки. Зная, как идентифицировать эти артефакты, вы сможете на основании любого малейшего признака: черепка, осколка, бусины — определить, что это такое и откуда они взялись.

— Пожалуй, да, — осторожно ответила Тия. — Думаю, мы дей-

ствительно можем немного пошпионить, не вызывая никаких подозрений.

— Вот и замечательно! Больше нам от вас ничего не требуется, — с облегчением сказал профессор Бартон. — Полагаю, само собой разумеется, что оба вы получите за это премию.

— Ну да, пожалуй, премия нам лишней не будет! — жизнерадостно отозвался Алекс.

Важные персоны закончили сеанс связи, и Алекс тут же обернулся к Тии.

— Слушай, тебе это тоже показалось такой же лабудой, как и мне? — осведомился он.

— Ну, предметы, которые они ищут, выглядят вполне подлинными, — ответила Тия, еще раз просматривая запись беседы и анализируя каждое слово. — Другой вопрос — действительно ли речь идет о простых контрабандистах. За этим явно стоит нечто большее, чем они намерены нам рассказать.

Алекс откинулся на спинку кресла и заложил руки за голову.

— Что, деньги от продажи этих вещиц идут на поддержку каких-то шпионов или экстремистов? — предположил он. — На приобретение оружия и все такое?

Тия остановила запись. В артефакте было что-то, что ей не нравилось. Она увеличила изображение и вывела его на экран.

— Что *не так* с этой вазочкой? — осведомилась она. Алекс подался вперед, вглядываясь в экран.

— Похоже, там дырка просверлена в основании, нет? — сказал он. — Просверлена, а потом заделана.

— Возможно.

Она снова увеличила изображение.

— Тебе не кажется, что основание какое-то чересчур массивное?

— Может быть, — ответил Алекс. — Ты знаешь... Это ведь только они нам сказали, что это типа инопланетные артефакты. А что, если это вовсе не артефакты?

— Ну, тогда бы они не представляли особой ценности... если только...

Ответ пришелся неожиданно и весь сразу.

— Знаю! — воскликнула Тия и тут же подключилась к институтской библиотеке, чтобы найти там одну старую новостную программу.

Программу эту Тия запомнила, еще со времен своего детства, по двум причинам: во-первых, потому, что там описывался необычайно остроумный способ контрабанды, а во-вторых, пото-

му, что, когда она это смотрела, вошла Пота, разобралась, о чем идет речь, и выключила новости. Но суть дела Тия все-таки уловить успела.

Один из институтских археологов вступил в сговор с крупным торговцем наркотиками, который искал способ доставлять свои товар в Центральные Миры. Во втором случае археолог, работавший на небольших раскопках на недавно колонизированных планетах, сам пристрастился к стимулятору под названием «Парадиз», что дало возможность его шантажировать.

Шантажировал его сам поставщик наркотиков. Там, на периферии, его товар ничего не стоило спрятать в партиях обычной сельскохозяйственной продукции. Однако чем ближе к цивилизации, тем сложнее становилось с этим делом. Общедоступный транспорт исключался.

Однако были и другие грузы, направляющиеся в самое сердце цивилизации. Грузы столь невинные и столь хрупкие, что они никогда не подвергались таможенному досмотру. Например... например, археологические находки.

И торговец наркотиками стал маскировать свое зелье под обычные черепки. Один археолог заботился о том, чтобы их упаковывали вместе с прочими артефактами и отправляли в Институт — хотя, разумеется, в списках находок они не значились. А как только груз прибывал в Институт, другой археолог, работавший в отделе получения, откладывал ящики, помеченные особыми знаками, в сторону, и оставлял их на ночь на грузовой палубе. К утру ящики, разумеется, испарялись, но, поскольку в списках они отсутствовали, никто их ни разу не хватился.

Преступники были пойманы единственно потому, что некий дотошный аспирант внес-таки в списки ящики с фальшивыми черепками. В Институте заметили пропажу, и в дело вмешалась полиция.

Тия прокрутила этот новостной сюжет Алексу.

— Ну, и что ты думаешь? — спросила она, когда сюжет закончился.

— Я думаю, что наш приятель в унылом полосатом костюме выглядел чересчур подтянутым. Что-то подсказывает вашему покорному слуге, что этот тип на самом деле из полиции. Думаю, ты права. Думаю, кто-то снова мухлюет с артефактами, только на этот раз они имеют дело с черным рынком.

Тия быстренько подключилась к Сети и стала искать политика по имени Синьор. Такой действительно нашелся — но он не имел ничего общего с человеком, которого она только что видела.

— Вся штука, вероятно, в том, что, если кто-то увидит ящик, полный контрабандных артефактов, о наркотиках он уже не подумает.

Тия была чрезвычайно довольна своей догадкой и тем, что ей удалось опознать в Синьоре переодетого полицейского. Разумеется, проверить это было невозможно, и тем не менее.

— Худшее, что может случиться с контрабандистом, — это что его оштрафуют и погрозят пальчиком. К этому никто всерьез не относится, несмотря на то что в этом бизнесе крутятся серьезные деньги и что ради них контрабандисты готовы пойти даже на убийство.

— Это если предположить, что таможня вообще обнаружит эти артефакты. Ну ладно, а мы тогда тут при чем? — Алекс почесал в затылке. — Они что думают, мы действительно сумеем найти этих контрабандистов?

— Наверное, они подозревают, что организатор всей этой контрабанды снова сотрудничает с людьми, работающими на мелких раскопках. Кстати, насчет Синьора ты был прав. Точнее, тот Синьор, с которым мы сейчас разговаривали, — ненастоящий.

Тут ей в голову пришла другая мысль.

— Ты знаешь, а ведь вполне возможно, что они рассказывали нам правду! Украшения занимают не так много места, чтобы в них можно было прятать наркотики. Те, кто этим занимается, действительно могли начать с мелкой контрабанды артефактов на свой страх и риск, а потом связаться с каким-нибудь преступным синдикатом, и теперь они вынуждены наряду с подлинными артефактами торговать и поддельными, в которых спрятаны наркотики.

— Разумно! — воскликнул Алекс. — Теперь действительно все сходится! Ну что, мы согласимся в этом участвовать?

— Ну... да, — осторожно сказала Тия. — Но только до строго определенного предела. Блюстителей закона из нас не готовили, и оружия у нас нет. Если мы что-то обнаружим — мы об этом доложим, а остальное — не наше дело.

— Хорошо сказано, леди! — согласился Алекс. — Я, конечно, не трус — но я и не дурак. И не для того я учился в Академии, чтобы во мне наделал дырок какой-то ублюдок из подворотни. Если бы мне хотелось именно этого, мне достаточно было бы прогуляться по окрестностям родительского дома и пошуршать деньжатами. Тия, а зачем они нудрили нам мозги этой эпидемией?

— Думаю, отчасти ради того, чтобы нас зацепило, — ответила она, поразмыслив. — Они ведь знают, что именно нам пришлось

иметь дело с вирусом зомби и что для нас эпидемия — это катастрофа. Ну а отчасти затем, чтобы мы сами не прикасались к этим предметам. Если мы не будем иметь с ними дела напрямую, мы ничего не узнаем о наркотиках.

Алекс возмущенно фыркнул.

— А ведь могли бы рассказать всю правду! Честно говоря, я испытываю искушение рассказать об этом во всеуслышание — именно потому, что они так стараются все замалчивать. Нет-нет, я не стану этого делать, — поспешно добавил он, — но очень хочется!

Он принялся проверять системы корабля, готовясь к отлету. *Тия тем временем установила связь с диспетчером* — но, пока она получала разрешение на взлет, она про себя продолжала гадать, нет ли тут еще чего-то, о чем она не догадывается.

Алекса что-то тревожило, и все время, пока они готовились к полету, он пытался понять, что именно. Но только после того, как пилот заново прокрутил запись беседы с профессором Бартоном и поддельным Сиьюром, он догадался, в чем дело.

Тия знала, что профессор Бартон — настоящий, она не стала этого проверять. А судя по некоторым репликам Бартона, он тоже знал, кто такая Тия.

Алекс на самом деле никогда не задавался вопросом, кто такая Тия. Он всегда предполагал, что она — такая же, как и все прочие капсульники, которых он знал; что ее с рождения упаковали в капсулу из-за каких-то неизлечимых проблем со здоровьем и что ее родители предпочли позабыть о том, что у них вообще когда-то была дочка. Что они были только довольны тем, что это теперь не их проблемы.

Но профессор сказал что-то такое... Ах, вот оно: «Оба вы не новички в археологии. Гипатия, вы на личном опыте знаете, как ведутся раскопки».

Судя по тому, что говорил ему Джон Чернов, программа обучения капсульников настолько интенсивна, что ни на какие хобби *просто не остается времени*. Обзавестись собственным хобби капсульник мог только после того, как покидал стены школы и у него наконец появлялось свободное время. Даже всяческие развлечения и игры были расписаны по часам и минутам и преподавались точно так же, как уроки. Для «интереса» к археологии не было ни времени, ни места. А в стандартную программу это не входило.

Ну а узнать «на личном опыте», как ведутся раскопки, можно только работая на раскопках.

Или будучи ребенком археологов, которые повсюду таскают тебя за собой.

Тут-то ему и вспомнилось кое-что из того, что говорила Тия. «Кейды познакомились на курорте, где они лечились от хореи Хендерсона». Это не та информация, которая известна любому, кто интересуется археологией. Подробности личной жизни археологов известны только тем, кто знает их лично.

Делая вид, что ищет сведения о раскопках поселений эскайцев, Алекс принялся собирать информацию о тех, кто участвовал в этих раскопках, включая последнее поселение эскайцев, где работали Кейды.

Да, вот оно. С-121. Рабочая группа: Брэддон Мартенс-Кейд, Пота Андрополус-Кейд. Иждивенец: Гипатия Кейд, семи лет.

Гипатия Кейд, которую срочно вывез на медицинскую станцию «Гордость Альбиона» медицинский катер, управляемый искусственным интеллектом. Жертва неизвестной науке болезни. Брэддона с Потой долго держали в изоляции, а про Гипатию больше никто никогда не слышал. Возможно, она умерла — но это вряд ли.

В Галактике не так уж много девочек по имени Гипатия. Шансы на то, что две из них одновременно оказались на одной и той же медицинской станции, ничтожно малы; а шансы на то, что лучший друг его Тии, доктор Кеннет Ухуа-Зорг, глава отделения неврологии и нейрохирургии, окажется тем самым доктором, который лечил ту, другую Тию, и вовсе равняются нулю.

Он закрыл файл и отключился от базы данных, чувствуя себя так, словно его огрели мешком по голове.

«О духи космоса! Когда она выбрала меня своим пилотом, я еще сказал: «Пусть наше сотрудничество будет столь же долгим и плодотворным, как у Кейдов». Это ж надо было такое ляпнуть! Удивляюсь, как она меня сразу не выкинула в люк...»

— Тия, — осторожно произнес он, обращаясь к пустой рубке, — я... Хм... Я хотел бы извиниться...

— Что, выследил меня, да? — к его удивлению и глубокому облегчению, голос корабля звучал так, словно Тия усмехалась. — Ну да, я — Гипатия Кейд. Я давно подумывала о том, чтобы сказать тебе это, но тогда я опасалась, что ты ужасно расстроишься из-за своего промаха. Ты ведь понимаешь, что ты не можешь заглянуть ни в одну базу данных так, чтобы я этого не знала?

— О черт! Да, и в самом деле. А я-то думал, что я ужас как хи-

тер, — Алексу удалось слабо улыбнуться. — Я думал, я так хорошо замел следы, что ты нипочем не догадаешься, что я ищу. Я... хм... мне очень жаль, если я тебя расстроил.

— Ну, Алекс, с твоей стороны это было бы нехорошо — более того, неразумно, — если бы ты сделал это нарочно!

Тия рассмеялась. Алексу нравился ее смех, раскатистый и звонкий. Он часто рассказывал ей анекдоты только затем, чтобы послушать, как она смеется.

— Но ты меня вовсе не расстроил. Узнал так узнал. Я так понимаю, теперь тебе интересны подробности. Так что ты хотел бы обо мне узнать?

— Все! — выпалил Алекс, но тут же покраснел от смущения. — Хотя, возможно, тебе не хочется об этом говорить...

— Да что ты, Алекс, я совсем не против! На самом деле у меня было очень счастливое детство — и, по правде говоря, мне приятно иметь возможность говорить о маме с папой — или с самими мамой и папой, — не скрывая этого от тебя.

На этот раз она не рассмеялась, а хихикнула.

— Иногда у меня было такое чувство, будто я пытаюсь утаить от родителей своего любовника, только наоборот!

— Так ты до сих пор поддерживаешь связь с родителями?

Алексу стало ужасно любопытно: это противоречило всему, что он до сих пор знал о капсульниках, всему, чему его учили в Академии и что рассказывал ему Джон Чернов. У капсульников не бывает семьи; их семьи — это наставники, инспектора и однокашники.

— Ну разумеется, поддерживаю! Я их главная поклонница. Если у археологов бывают поклонники.

Тия включила свой главный экран; на нем появились Пота и Брэддон, горделиво демонстрирующие замысловато украшенную деталь доспеха.

— Вот, это из их последнего сообщения; они только что обнаружили целую оружейную, и от того, что они там нашли, весь ученый мир на уши встанет. Видишь, это доспех бронзового века, но при этом он отделан железными пластинами.

— Ага...

Алекс смотрел на экран как завороженный, и не только на доспех. Он смотрел, как Пота и Брэддон улыбаются и машут руками, как и любые другие родители, отправляющие послание своей дочери. Пота указала на какой-то элемент доспеха, губы Брэддона в это время шевелились — он что-то объяснял. Тия от-

ключила звук, а изображение не было достаточно четким, чтобы Алекс мог читать по губам.

– Но я на самом деле интересуюсь не этим, — продолжала Тия. — Я тогда сказала тебе правду. Я ищу родную планету эскайцев. В первую очередь потому, что я хочу разобраться с тем вирусом, который сделал меня инвалидом.

Включились два боковых экрана. Это были более старые записи.

– Можешь не спрашивать, дорогой, я тебе и так скажу: вот она я. То, что справа, – это мой день рождения, когда мне исполнилось семь лет, а то, что слева, — это, как видишь, я с медведем Теодором и Томасом, «телом» Мойры. Тедди – это подарок от них обоих.

Она немного помолчала.

— Я просто проверяла... Да, это последнее приличное изображение. Все остальное — это съемки из больницы, и их не стоит показывать никому, кроме специалистов, — ими только людей пугать.

Алекс пристально разглядывал оба изображения. На обоих была ясноглазая девочка, похожая на маленького эльфа, с узким, изящным личиком, на котором постоянно играла улыбка.

— Но как же тебя взяли в программу подготовки капсульников? — спросил он. – Я думал, туда вообще не принимают детей старше одного года!

— До меня действительно не принимали, — сказала Тия. — Это все заслуга доктора Кенни и Ларса, системного менеджера госпиталя. Они были убеждены, что я достаточно гибкая, чтобы стать капсульницей, потому что я была достаточно умна, чтобы понять, что со мной произошло и что мне светит. А светило мне, — добавила она, — провести всю жизнь подключенной к системам жизнеобеспечения. Полная неподвижность.

Алекс содрогнулся.

— Ну да, понимаю, почему ты не хочешь, чтобы такое случилось с кем-нибудь еще.

– Вот именно.

Она выключила экраны прежде, чем он успел получше разглядеть изображения.

— После того как у меня все так хорошо получилось, Институт экспериментальной медицины решил обращать внимание на детей постарше, оказавшихся в аналогичной ситуации. Пока что взяли троих, вышедших из младенческого возраста, но все они были моложе меня.

— Ну что ж, госпожа моя, — судя по тому, насколько вы необычны теперь, вы, должно быть, и в детстве были необычным ребенком, — сказал Алекс совершенно искренне.

— Ты мне льстишь! — сказала Тия, но было слышно, что она довольна.

— Нет, я серьезно! — возразил Алекс. — Знаешь, я проходил собеседование с двумя другими кораблями. Ни один из них не был столь яркой личностью, как ты. Я искал кого-то похожего на Джона Чернова, а они были словно искусственные интеллекты.

— Ты и раньше упоминал об этом Джоне, — сказала озадаченная Тия. — Но какое отношение он имеет к нам?

— А я тебе что, не говорил? — удивился Алекс и тут же хлопнул себя по лбу. — Ну да, чтоб мне лопнуть! Действительно, не говорил. Джон тоже капсульник: он был диспетчером и системным менеджером исследовательской станции, где работали мои родители.

— А-а! — воскликнула Тия. — Так вот почему...

— Что — почему?

— Почему ты так со мной обращаешься: разговариваешь, стоя лицом к пилону, спрашиваешь разрешения подняться на борт, спрашиваешь, какую музыку запустить в центральной рубке...

— Ну, еще бы! — ухмыльнулся Алекс. — Джон хорошенько позаботился о том, чтобы научить меня правильно обращаться с капсульниками, прежде чем отпустить меня в Академию. Он бы меня живьем съел — словесно, разумеется, — если бы я хоть на миг позволил себе забыть, что ты всегда присутствуешь на корабле и не можешь уйти в свою каюту, чтобы побыть одна.

— Расскажи мне про него! — потребовала Тия.

Алексу далеко не сразу сумел вспомнить, как он впервые познакомился с Джоном.

— По-моему, я впервые осознал его присутствие, когда мне было года три, а может, и два. Мои предки — лаборанты на одной из лили-байеровских исследовательских станций. В те времена на станции было не так уж много детей, потому что станция была новая и большинство работников были холостые. Никаких детских учреждений там не было, и, думаю, Джон просто согласился вроде как посидеть со мной, пока родители на работе. Это было не так сложно — от него всего то и требовалось, что держать дверь в мою комнату закрытой и время от времени присылать роботов, которые должны были меня кормить и так далее. Но он, подозреваю, вроде как заинтересовался мной и принялся разго-

варивать со мной, рассказывать мне всякие истории, а потом стал играть со мной с помощью роботов.

Алекс рассмеялся.

— Поначалу предки думали, что я просто фантазирую про «невидимого друга». Потом забеспокоились: время шло, а я все никак не перерастал эти свои фантазии. Они уже собирались отправить меня на промывку мозгов, но тут Джон вмешался — как раз в тот момент, когда они уже записывались на прием, — и объяснил, что он и есть тот самый «невидимый друг».

Тия вздохнула.

— Ну, а ты уже знаешь, что мы с Мойрой тоже знакомы давным-давно: она была курьерским кораблем, который обслуживал раскопки, где работали мои предки. Так мы, собственно, и познакомились.

— Ну да, так что ты тоже привыкла иметь друга, которого нельзя увидеть, но с которым можно разговаривать, — согласился Алекс. — Так вот, когда я пошел в начальную школу, Джон на время утратил ко мне интерес, пока я не стал учиться играть в шахматы. Он сам прекрасный шахматист, и когда он увидел, что я регулярно обыгрываю компьютер, он меня вспомнил и вмешался в самый разгар игры. Я уже выигрывал, и выиграл бы, если бы он не влез! — добавил Алекс. Его явно до сих пор это слегка огорчало.

— Ну, что я могу сказать? — риторически вопросила Тия.

— Ну да, наверно, жаловаться мне не на что. Джон стал моим лучшим другом. Именно он поощрял мой интерес к археологии, а когда стало ясно, что мои родители не могут себе позволить дать мне соответствующее образование, помог мне поступить в Академию. Ты знаешь, что рекомендация капсульника имеет вдвое больший вес, чем рекомендация любого обычного человека, кроме разве что какой-нибудь большой шишки.

— Нет, я этого не знала! — В голосе Тии звучали удивление и усмешка. — Очевидно, они очень доверяют нашему мнению!

— Ну, его сообщения ты слышала. Он, наверно, очень доволен тем, кем я стал теперь. — Алекс развел руками. — Вот и все, что стоит знать обо мне!

— Это вряд ли, — сухо возразила Тия. — Однако это многое объясняет.

В тот вечер, плюхнувшись на койку, Алекс обнаружил, что не может заснуть. Он всегда относился к Тии как к человеку — но теперь он знал этого человека в лицо.

Джон Чернов как-то раз показал ему, как выглядел бы он, Джон, если бы продолжал жить вне капсулы. Алекс знал, что это будет ужасно, и сумел не содрогнуться и не отвернуться, однако это потребовало от него значительного усилия воли. После такого было проще не думать о том, что это лицо принадлежит тому же человеку, что и знакомый с детства голос. Алекс не раз видел лица инопланетян, которые выглядели куда более человеческими, чем лицо бедного Джона.

Но Тия была совершенно очаровательной малышкой! И с возрастом обещала превратиться в сногсшибательную красавицу... «Черт побери, возможно, там, внутри этой капсулы, она действительно сногсшибательная красавица. Сногсшибательная — и неживая. Как марионетка с оборванными нитками; как андроид для секса, не подключенный к источнику питания...» Нет, Алекса совсем не тянуло взламывать ее пилон — он не из тех людей, кого может тянуть к чему-то безжизненному. От виденного когда-то порнофильма подобного рода у него мурашки по спине ползали, а испробованный когда-то в ранней юности секс с андроидом оставил у него неприятное ощущение чего-то нечистого.

Однако тем мучительнее воспринимал он случившуюся с Тией трагедию. Физические недостатки Джона были настолько ужасны, что для всех и в самом деле было лучше, что он находится в капсуле. Но Тия...

Однако она ведь счастлива! Не менее счастлива, чем любой из его однокашников из Академии. Где же тут трагедия? Только в его воображении.

Только в воображении...

Глава 6

Алекс предпочел бы, чтобы предыдущих двенадцати часов в его жизни просто не было.

Они с Тией вернулись на базу Диогена из рутинного рейса, ожидая, что их снова отправят доставлять почту, но узнали, что на этот раз им придется везти пассажиров. Эти пассажиры летели из Центральных Миров, из Института, коммерческим дайнером, и прибыть должны были только через пару дней.

Это дало Алексу возможность немного потусоваться в городке при базе, через которую пролегало немало космических путей, и Алекс этой возможностью воспользовался.

Лучше бы он этого не делал... Да нет, ничего серьезного. Он не

напился, его не избили, он не попал ни в какую историю. Он просто повел себя как последний идиот.

Всего-навсего.

Он немного побродил по барам и забегаловкам в районе космопорта, присматривая, с кем бы провести время. Возможностей предоставлялось немало, однако выбрал он тоненькую, хрупкую девушку, темноволосую и голубоглазую, похожую на эльфа. У нее был заразительный смех, и на губах все время играла улыбка. Девушку звали Бет, и она была космолетчицей в четвертом поколении, продолжавшей традиции своих *непоседливых* предков.

Алекс не задумывался над тем, что побудило его сделать такой выбор и с чего он вдруг изменил своим обычным вкусам: он всегда предпочитал кареглазых шатенок атлетического телосложения. Они с девушкой — она оказалась капитаном грузового корабля, управляемого искусственным интеллектом, — неплохо провели время. Сходили на какое-то шоу, пообедали — а потом, по взаимному согласию, сняли на двоих один номер в отеле.

Алекс все еще не задумывался о том, почему он выбрал именно ее, а потом наступил момент истины.

Когда, в разгар интимной близости, он назвал ее «Тия».

Он чуть было не умер прямо там. По счастью, леди отнеслась к этому с пониманием: Бет хихикнула, назвала его «Джорджи», и все понеслось дальше. Расставаясь, она чмокнула его на прощание и сказала, что его «Тии» повезло и чтобы он передал ей привет от Бет.

Слава духам космоса, ему не пришлось объяснять ей всю правду! Все, что она видела, — это форма Курьерской службы, манеры и речь пилота. Он мог быть кем угодно. Она явно была не в курсе, что он — «тело» мозгового корабля, и сам Алекс ей об этом не говорил.

Он не стал возвращаться на корабль, а отправился шляться. Он забрел в виртуальный парк развлечений и выбрал пять самых головоломных аттракционов, что там были. И только после пятого смущение от собственного промаха начало мало-помалу отступать и Алекс смог думать о нем как о чем-то прошедшем.

Однако значения того, что он натворил, это не отменяло. Ему — и Тии — просто повезло, что та девушка не знала, кто такая Тия. Пилотов подвергали промывке мозгов за куда меньшие проступки. Все знали, что в Курьерской службе с такими нарушителями разговор короткий. Они не станут рисковать, доверяя один из своих драгоценных капсульников человеку, который мо-

жет настолько потерять голову, что попытается добраться до ее физического тела.

Когда Алекс вернулся к причалам, мозги у него были набекрень и он совершенно не представлял, что со всем этим делать и можно ли с этим сделать хоть что-нибудь.

Тия весело приветствовала свое «тело», поднявшееся на борт, но некоторое время не трогала его, давая ему время привести себя в порядок и собраться с мыслями — насколько Алекс вообще был способен привести себя в порядок и собраться с мыслями.

— Я получила список пассажиров, — сказала она, когда он наконец устроился у себя в каюте. — Хочешь посмотреть? Интересно все-таки, с кем придется иметь дело в ближайшие две недели.

— Хочу, конечно! — ответил Алекс, заметно воспрянув духом. Когда он вошел, он выглядел усталым; проницательная Тия решила, что он чересчур перусердствовал, празднуя свое увольнение. Нет, он не страдал с похмелья, но Тии казалось, что он на всю катушку использовал свой двухдневный отпуск, развлекаясь минимум двадцать два часа в сутки. Алекс плюхнулся в свое кресло, и Тия включила ему экраны.

— Вот глава нашей группы, доктор Исаак Холлистер-Аспен.

Глава оценочной группы был довольно пожилым человеком. Четырежды доктор наук, тоненький, как стебелек, чисто выбритый, седовласый и такой хрупкий на вид, что у Тии возникло опасение, как бы его не сломало пополам первым же порывом ветра.

— У него четыре докторские степени, он опубликовал двенадцать книг и около двухсот статей и уже двадцать с лишним раз возглавлял археологические экспедиции. Кроме того, у него неплохое чувство юмора. Вот послушай.

Она включила запись.

— Должен признать, — говорил Аспен надтреснутым, дрожащим голосом, — что многие мои коллеги могли бы сказать, что в моем возрасте мне куда приличнее сидеть за столом у себя в кабинете, а работу на раскопках предоставить кому помоложе. Ну, в целом, — продолжал он, улыбаясь, — примерно это я и собираюсь сделать. Я буду сидеть за столом у себя в куполе, а копать будут те мои коллеги, кто помоложе. Думаю, это достаточно близко к тому, что от меня требуется.

Алекс фыркнул.

— Он мне уже нравится! А то я боялся, что рейс будет уж очень скучный.

— Нет, с этим дедушкой не соскучишься. А вот его помощник, дважды доктор наук Зигфрид Хаакон-Фриц. Вот уж если бы этот парень был главным, тогда бы рейс и впрямь был не подарок.

Она вывела на экран изображение Фрица: квадратная челюсть, стальные глаза, просто памятник какой-то. Он и впрямь мог бы послужить моделью для какой-нибудь православно-коммунистической статуи типа «Славный труженик на службе Государству». Или, возможно, «Праведник, ищущий обращенных». Никаких признаков чувства юмора в лице этого человека не наблюдалось. Тии казалось, что, если он хотя бы попробует улыбнуться, его каменное лицо треснет и расколется.

— Это все, что есть: он пять минут молчал и смотрел в камеру. Ни слова не сказал. Может, он просто не любит говорить, когда знает, что его записывают?

— Почему это? — с любопытством осведомился Алекс. — У него что, паранойя на этот счет?

— Он практический дарвинист, — пояснила Тия.

— А-а, он из этих! — с отвращением воскликнул Алекс. Практические дарвинисты были очень известны в своем роде, и Тия была искренне изумлена, обнаружив одного из них в Институте. Они обычно предпочитали менее точные науки — если вообще снисходили до наук. Тия про себя считала, что политология — это вообще не наука...

— Его политические взгляды не очень отчетливы, — продолжала она, — но, поскольку напрямую обвинить его не в чем, в его досье указано просто, что его политические воззрения не всегда совпадают с воззрениями Института. Это чиновничье иносказание, обозначающее человека, которому не особо доверяют, однако не имеют конкретных причин не назначать его на ответственные посты.

— Понял, — кивнул Алекс. — Значит, мы просто не будем при нем говорить о политике и проследим за тем, чтобы у нас в центральной рубке это была одна из запретных тем. Кто там следующий?

— Дальше наши новоиспеченные доктора: оба защитили диссертации по естественным наукам и теперь работают над диссертациями по археологии.

Тия разделила центральный экран на две части и показала обоих сразу.

— Слева — Лесь Диманд-Тейлор, человек, справа — Трил риш-Ир наль-Леерт, рейентянка. Лесь защитил диссертацию по биологии, Трил — по ксенологии.

— Хм. Для Трил ксенологией должно быть изучение людской расы, разве нет? — заметил Алекс. Лесь выглядел очень энергичным человеком: худощавый, с густым загаром, очень подтянутый, но взгляд какой-то затравленный. Раса Трил, похоже, происходила от млекопитающих, приспособленных к холодному климату: ее тело было покрыто короткой, но густой коричневой шерстью, доходившей до самых скул. Круглые черные глаза смотрели прямо в камеру проницательным, всевидящим взглядом, создавая у зрителя ощущение, что инопланетянка его изучает.

— Их изображения не сопровождались звуковой записью — просто неподвижные картинки, — продолжала Тия. — Это ученики Аспена.

— А не Каменного Статуя? — уточнил Алекс. — Ну да, конечно. Если бы у него были ученики, они выглядели бы как его точные копии. Никто другой его бы просто не выдержал.

— А вот и аспиранты, — Тия снова разделила экран пополам. — Они все еще пишут свои первые диссертации. Оба мужчины. Элдон Риз-Тамбуто, человек, и Фред с Дусхейна.

— Фред?! — изумленно переспросил Алекс. Это и понятно. Дусхейнец ничем не походил на человека: квадратная плоская голова — действительно квадратная и плоская, плоская макушка, плоское лицо. Дусхейнец был ярко-зеленый, и рта у него не было, только маленькая дырочка под носовыми щелями. Дусхейнцы были вегетарианцами в крайней степени: на своей родной планете они питались древесными и фруктовыми соками. Путешествуя по Галактике, они прекрасно обходились водой с сахаром и другими жидкостями. И в целом отличались прекрасным чувством юмора.

— Фред? — повторил Алекс.

— Фред, Фред, — подтвердила Тия. — Его настоящее имя почти никто из людей воспроизвести не в состоянии. Его речевые органы состоят в основном из мембраны на макушке. Сам он человеческими языками владеет прекрасно, но нам его речь не изобразить.

Тия отключила экраны.

— От их речей я тебя избавлю: это типичные молодые аспиранты, которые впервые в жизни летят на раскопки, и они исполнены энтузиазма.

— Ох, нет, не надо! — простонал Алекс.

— Будь умницей, — сурово сказала Тия, — не разочаровывай их. Предоставь это ближайшим двум годам.

Алекс энергично замахал обеими руками.

— Да что ты, что ты! Мне и в голову не пришло бы сообщать им о том, какая печальная судьба их ожидает. Какие там у археологов шансы погибнуть на раскопках? Двадцать процентов? А этих — целых шестеро?

— Шансы подцепить что-нибудь несмертельное куда выше, — заметила Тия. — На самом деле честь погибнуть на своем рабочем посту обычно выпадает докторам или помощникам начальника раскопок. Именно они работают на раскопе, когда удается обнаружить что-нибудь вроде могилы. Аспирантам достается просеивать песочек и переписывать находки.

На это Алекс ничего ответить не успел, потому что в этот момент к шлюзу прибыли первые из пассажиров и ему пришлось спуститься на лифте, чтобы их поприветствовать. Тия тем временем отправила роботов, чтобы сложить большую часть их багажа в единственный грузовой отсек, который оставался пустым. Когда они поднялись в центральную рубку, оба «молодых человека» тарахтели со страшной скоростью. Алекс шел между ними и только время от времени кивал с умным видом, явно не понимая больше половины из того, что они говорили. Тия решила его выручить.

— Фред, Элдон, добро пожаловать на борт корабля! — сказала она, перекрыв их болтовню своим собственным, куда более звонким голосом.

Воцарилось молчание. Аспиранты озирались, разыскивая, кто это говорит.

Фред первым сообразил, что к чему. Его лицо оставалось абсолютно неподвижным, но зато он научился передавать человеческие эмоции с помощью своего голосового аппарата.

— Боже мой! — воскликнул он. — Так вы — мозговой корабль, верно, сударыня?

Странно было слышать этот абсолютно человеческий голос, исходящий от зеленого существа с квадратной головой. А инопланетянин, словно бы для пущей несообразности, придал своему произношению архаичный британский акцент.

— Вы не ошиблись, сэр, — подыграла ему Тия. — АГ-1033 к вашим услугам... если можно так выразиться.

— Ух ты! — сказал Элдон, явно потрясенный. — Так нас повезет настоящий мозговой корабль? В самом деле? Ух ты! Даже технарей и тех на мозговых кораблях не возят! А я настоящего мозгового корабля даже и не видел... Э-э... Привет, а как ваше настоящее имя?

Он медленно озирался, пытаясь угадать, в какую сторону следует смотреть.

– Гипатия. Или просто Тия, — ответила она. Реакция аспирантов ее изрядно позабавила. — Не беспокойтесь о том, в какую сторону вы смотрите, можете считать, что весь корабль — это я. Потому что я и есть весь корабль, знаете ли. Я могу заглянуть даже в ваши каюты...

Элдон залился краской, и она хихикнула:

— Но не беспокойтесь, я не буду этого делать. Мы чтим ваше право на частную жизнь.

– Я пойду покажу вам каюты — выбирайте, какие хотите, — предложил Алеке. — Они все одинаковые: только ту, что ближе всего к центральной рубке, я оставлю для доктора Холлистера-Аспена.

— Звездно! — восторженно воскликнул Элдон. — Ух ты, это круче, чем лететь на лайнере! Там у нас с Фредом и еще двумя мужиками была одна каюта на четверых.

– Совершенно верно, — подтвердил Фред. — Против общества Элдона я ничего не имею, но эти двое были, можно сказать, испорченные молодые распутники. Все замашки членов Высших Семей, только без их стиля, без их связей — и без семей. Жуткие кануды, смею вас заверить. Так что одиночество нам отнюдь не помешает. Ну что, идемте?

Аспиранты распаковывали свою ручную кладь, когда прибыли два младших доктора. Эти явились поодиночке. Первой прибыла Тия, выслушала приветствия с невозмутимой сосредоточенностью дзенского мастера и поселилась в первой же каюте, которую ей предложили.

Лесь Диманд-Тейлор оказался ее полной противоположностью. Как только он очутился на корабле, Тии сделалось очевидно, что это бывший военный, – даже до того, как он автоматически отдал честь пилону. Он подтвердил ее умозаключение, как только Алеке предложил ему выбрать себе каюту.

— Меня устроит все, что угодно, старик, — сказал он с первозданным смешком. — Все, что угодно, лучше, чем казармы, это уж точно. Если не считать... сударыня, у вас на борту нет ничего, что могло бы неожиданно производить шум среди ночи? А то, боюсь, — он рассмеялся, несколько неуверенно, — боюсь, я чересчур дергаюсь из-за всякого шума, когда сплю. Знаете, то, что обычно вежливо называют «неприятными впечатлениями». Я буду держать свою дверь запертой, чтобы никого не потревожить, но...

— Алекс, дай ему каюту рядом с Трил. — тихо сказала Тия. — Доктор Диманд-Тейлор...

— Просто «Лесь», дорогая моя, — ответил он, чуть заметно улыбнувшись. — Для вас и ваших коллег я всегда буду Лесем. Одна из ваших команд «мозг-тело» вытащила меня из одной передряги. Кроме того, когда люди слышат, что меня называют «доктором», они все время норовят рассказать мне о своих внутренностях. Терпеть не могу объяснять, что меня может заинтересовать только их скелет, да и то после того, как он пролежит в земле пару-тройку тысячелетий.

— Ну, Лесь так Лесь, — сказала Тия. — Я так понимаю, с Трил вы знакомы?

— Знаком, и хорошо знаком. Очень добрая и заботливая дама. Если мне придется жить с ней по соседству, она будет вести себя так тихо, что я даже не буду знать, у себя она или нет.

Он, похоже, испытывал облегчение оттого, что Тия не стала расспрашивать его в подробностях о той передряге, в которой он побывал

— Ваша и ее каюты оборудованы звукоизоляцией, — сообщила ему Тия. — Так что вам ничего слышно не будет, а если хотите, могу еще по ночам включать для вас звуковой фон.

Он заметно расслабился.

— Вы очень добры. Спасибо вам огромное! Мой начальник, док Аспен, предупредил остальных о моих маленьких странностях, и они знают, что меня не следует тревожить. Так что все будет в порядке.

Он пошел распаковывать вещи, а Алекс вернулся в рубку.

— Десантник, — коротко прокомментировала Тия.

— Это что, есть в его досье? — удивился Алекс. — Странно, что там сообщаются такие вещи. А где он служил, там, конечно, не написано?

— Тот факт, что человек был десантником, в досье всегда останется — если, конечно, знать, что искать, — сообщила она своему «телу». — Но где — этого в институтских файлах, разумеется, нет. Видимо, это есть где-то еще. Смотри не подкрадывайся к нему со спины, дорогой мой.

— Ну да, мне тоже совсем не хочется, чтобы мне сломали гортань ребром ладони!

Алекс немного поразмыслил, потом ушел к себе в каюту и вернулся с чем-то вроде браслета, к которому был прикреплен бубенчик.

— Эти штуки были в моде пару месяцев тому назад. Я его себе купил, но носить не стал — он мне не понравился.

Он наклонился и застегнул браслет поверх своего ботинка.

— Вот. Теперь он меня обязательно услышит, даже если я забуду, что надо громко топать.

Бубенчик был не очень звонкий, но издавал вполне слышимый звук.

— Неплохая идея... А вот и наш шеф! Алекс, ему понадобится помощь.

Алекс сбежал вниз и подсобил доктору Аспену дотащить багаж до лифта. Багажа было не так много, но носильщик из доктора Аспена был совсем никудышный. Тия удивилась, как в Институте вообще разрешили этому божьему одуванчику снова поехать на раскопки.

Но, едва он поднялся на борт, она поняла, в чем дело. Едва доктор Аспен успел устроиться у себя в каюте, как туда немедленно набились все его помощники, полные энтузиазма. Доктор попросил у Тии и Алекса разрешения перенести сборище в центральную рубку и воспользоваться одним из ее экранов.

— Разумеется! — ответила Тия, когда Алекс обратился к ней. Доктор Аспен ее совершенно очаровал: он называл ее «миледи» и относился к ней с той же внимательностью и любезностью, что и к своим ученикам и подчиненным.

Когда все перешли в центральную рубку, доктор Аспен обернулся к ее пилону.

— Мне говорили, что вы, миледи, интересуетесь археологией и более или менее разбираетесь в ней, — сказал он, расположившись в кресле у одного из боковых экранов. — Как и вы, Алекс. Так что, пожалуйста, поскольку вы летите на раскопки вместе с нами, можете участвовать в наших собеседованиях. И если вам известно что-нибудь, что нам следовало бы знать, или вы заметите что-то, что мы пропустили, не стесняйтесь, сообщите нам об этом.

Алекс был явно изумлен; Тия — нисколько. Она отчасти предвидела это на основании досье. Ученики Аспена оставались при нем, делали все, чтобы отправиться вместе с ним на раскопки, и на протяжении всей своей дальнейшей карьеры сохраняли теплое чувство благодарности наставнику. Аспен явно принадлежал к одной из редчайших разновидностей ученых: талантливый, вдохновляющий учитель, который в то же время является серьезным, плодовитым исследователем.

Не прошло и пары минут, как Аспен втянул всех присутствую-

щих в свой зачарованный круг. Он вывел на экран записи предыдущей экспедиции и заставил всех — даже Алекса — высказать свои предположения. Однако Тия, принимая участие в беседе, не переставала высматривать недостающего участника экспедиции: у нее было такое ощущение, что Хаакон-Фриц нарочно подгадал время своего прихода таким образом, чтобы явиться в разгар обсуждения. Тии казалось, что он только и ждет повода оскорбиться, что на него не обращают внимания. Она была твердо намерена не дать ему такого повода.

Тия могла подсоединиться к космопортовской системе наблюдения — и сделала это. Так что она заметила идущего к кораблю Хаакон-Фрица задолго до того, как он оказался в пределах досягаемости ее собственных сенсоров. Это позволило ей в нужный момент прервать оживленную дискуссию мягким: «Уважаемые существа, сюда идет доктор Хаакон-Фриц».

Трил с Лесем переглянулись, но ничего не сказали. Аспен только улыбнулся и встал с кресла. Тия остановила запись, которую они смотрели. Алекс сбежал вниз по лестнице, чтобы перехватить Хаакон-Фрица у лифта.

Так что если доктор рассчитывал увидеть спины коллег, погруженных в дискуссию, то он просчитался. Пилот Курьерской службы встретил его внизу, а наверху, в центральной рубке, его ждали остальные спутники. Начальник экспедиции приветствовал его особенно сердечно.

Каменное лицо Хаакон-Фрица не изменилось ни на волосок, но у Тии возникло отчетливое ощущение, что он недоволен.

— Добро пожаловать на борт, доктор Хаакон-Фриц! — сказала Тия, когда он обменивался короткими рукопожатиями с прочими членами экспедиции. — Мы можем предложить вам на выбор любую из пяти кают, так что...

— Если вы имеете предложить мне более одной каюты, — хамски перебил Хаакон-Фриц, обращаясь не к Тии, на которую он даже внимания не обратил, а к Алексу, — я хотел бы осмотреть их все, прежде чем я сделаю выбор.

Тия уже достаточно хорошо знала Алекса, чтобы увидеть, что он рассержен, но Алекс умело скрыл свой гнев.

— Разумеется, профессор, — сказал он, называя Хаакон-Фрица самым скромным из его титулов. — Будьте так любезны, следуйте за мной...

И направился в жилой отсек, предоставив Хаакон-Фрицу самому тащить свои сумки.

Трил негромко рыкнула — судя по всему, этот звук выражал

отвращение. Фред закатил глаза — единственная человеческая мимика, которая была ему доступна.

— Но, право слово, — воскликнул он с изумлением, — неужели это не хамство?

— Он же практический дарвинист, — заметила Трил, слегка оскалив зубы. — Прошу прощения, сэр, — сказала она Аспену. — Я знаю, что вы цените его хорошим ученым, но тем не менее я рада, что не он здесь главный.

Фред все никак не мог успокоиться.

— Практический дарвинист? — переспросил он. — Не будет ли кто-нибудь так любезен объяснить неопытному молодому йегу, что это означает и отчего он был так груб с леди Тией?

Лесь вздохнул и взял эту малоприятную обязанность на себя.

— Практические дарвинисты — это люди, которые считают, что закон Дарвина распространяется буквально на все. Если с кем-то случилась беда, помогать ему не нужно, если землетрясение сровняло город с землей, помощь посылать ни к чему, если разразилась эпидемия — прививать следует только тех, кто на данный момент здоров, а жертв эпидемии следует изолировать и предоставить им выжить или умереть — это уж как получится.

Фред смущенно покосился в сторону пилона, и Тия решила избавить Леся от неприятной необходимости говорить о том, что и так очевидно.

— И как вы, несомненно, догадались, существование капсульников фанатики практического дарвинизма находят крайне возмутительным. Они не желают даже признавать, что мы существуем, — если это, разумеется, возможно.

Профессор Аспен грустно покачал головой.

— Блестящий ученый, но этот фанатизм его погубит! — сказал он, снова усаживаясь в кресло. — На самом деле дальше, чем теперь, ему уже не продвинуться. У него был шанс — его отправили в одиночную исследовательскую экспедицию, — но он отказывался признавать данные, противоречащие его излюбленной теорийке! И теперь все, что ему осталось, — это быть главным клерком в таких экспедициях, как наша.

Он обвел суровым взглядом своих четырех учеников.

— Пусть это будет вам уроком, уважаемые существа. Никогда не допускайте, чтобы фанатизм сделал вас слепыми к истине.

— Или, иными словами, — весело заметила Тия, — проблема с фанатиками состоит в том, что мозги у них превращаются в кашу и они не признают истиной ничто из того, что противоречит их идеям. Но опасными их делает не то, что они готовы умереть,

чтобы доказать свою правоту, а то, что они ради этого предоставят умереть вам — или в крайнем случае захватят вас с собой.

— Хорошо сказано, миледи.

И доктор Аспен снова повернулся к экрану.

— А теперь, поскольку мне по опыту известно, что Хаакон-Фриц в любом случае будет сидеть и дуться у себя в каюте до самого отлета, не продолжить ли нам нашу дискуссию?

Исследовательская группа оставила место раскопок в идеальном порядке: инструменты и оборудование убраны на хранение, купола надуты, но опечатаны, раскопы накрыты. Оценочная группа быстро возвела еще два жилых и один рабочий купол и взялась за работу.

Казалось, все было под контролем; теперь, когда экспедиция прибыла на место, даже угрюмый Хаакон-Фриц принялся за дело и взял на себя свою долю обязанностей. И вроде бы не было никакой необходимости АГ-1033 оставаться на планете, когда они могли бы отправляться к прочим «своим» экспедициям.

Однако правилами было предусмотрено иное, и Тия с Алексом оба знали почему, хотя члены экспедиции об этом даже не подозревали. На тот случай, когда корабль Курьерской службы, прикрепленный к Институту, завозил на раскопки новую исследовательскую или оценочную партию, в программе его действий был предусмотрен еще один, тщательно скрываемый пункт.

Группы археологов составлялись очень тщательно — не только потому, что количество мест было ограничено, но еще и потому, что им предстояло длительное время провести в изоляции. Им угрожало множество опасностей — все то, что перечисляла Тия Алексу во время их первого задания. Так что глупо было подвергать их опасности еще и изнутри.

Так что всех будущих членов группы проверяли и тестировали, а также подвергали психопрограммированию, внушая положительные установки как по отношению к себе самим, так и по отношению друг к другу, чтобы они могли стабильно работать в группе. Тем не менее ошибки были неизбежны, и в прошлом они не раз бывали. Иногда это приводило к убийствам — или, по крайней мере, к покушениям на убийство.

Чаще всего психологические проблемы выплывали наружу в самом начале экспедиции, когда партия обустраивалась на месте и начиналась рутинная работа. Если что-то случалось, оно случалось именно в этот период. Перед этим группа проводила несколько недель в тесноте космического корабля — идеальные ус-

ловия для возникновения взаимного раздражения. После прибытия на планету стресс прорывался наружу, и это могло привести к серьезным межличностным проблемам.

Так что курьерский корабль, будь то мозговой корабль или корабль с обычной командой, согласно инструкциям, должен был найти какой-нибудь предлог, чтобы задержаться на несколько дней. Пилоту — или команде корабля — полагалось не путаться под ногами, но при этом раскопки и лагерь должны были постоянно просматриваться с корабля. Следовало особо обращать внимание на явные личные конфликты, вновь возникшие сдвиги в поведении или обычные отклонения, внезапно перешедшие в стадию психоза. Нужно было убедиться, что никто из партии не дойдет до того, чтобы посреди ночи подкрасться к коллеге с топором. Это был бы не первый случай, когда кто-то сломался под влиянием стресса.

Алекс больше всего беспокоился из-за Леся. Он твердил о посттравматическом синдроме и уязвимости бывших солдат. У Тии были на примете свои кандидаты в возмутители спокойствия: Фред и Элдон. Ни тот, ни другой никогда прежде не бывали на мелких раскопках, а Элдон даже не покидал пределов своей планеты до того, как отправиться в университет. Насчет Хаакон-Фрица она особо не тревожилась: он, конечно, был груб с нею, но тем не менее он был опытным ученым и успел побывать в нескольких археологических экспедициях, не создав никаких проблем. И теперь, когда все прибыли на место, Хаакон-Фриц, несмотря на то что держался отстраненно, добросовестно сотрудничал с коллегами, и его поведение ничем не отличалось от его поведения на предыдущих раскопках. Так что вряд ли он примется отстаивать свои взгляды на практике. А вот Фред и Элдон до сих пор выезжали на раскопки всего пару раз, и то с большими партиями в несколько сот человек. Там больше людей, с которыми можно общаться, меньше шансов заработать стресс и меньше неожиданных испытаний.

В течение первых двух дней все выглядело совершенно нормально, не только в том, что касалось экспедиции, но и по части погодных условий. Алекс с Тией вздохнули с облегчением.

Но оказалось, что они рано радовались.

На третью ночь начались зимние ливни.

Тия просматривала кое-какие записи, которые скопировала на базе, выискивая новый объект для потенциальных инвестиций — такой, как Ларго Дракона. Время было позднее, очень позднее: в

лагере было темно и тихо, и Алекс объявил, что ему пора баиньки. Он лежал у себя в каюте и уже почти засыпал, и сама Тия подумывала о том, чтобы погрузиться в положенные ей три часа Глубокого Сна, — но тут грянула гроза.

«Грянула» — самое подходящее слово: стена дождя и ветра ударила ее так, что корабль содрогнулся. Затем сверкнула молния и прогремел такой раскат грома, что Алекс вылетел из кровати.

— А? — воскликнул он спросонок. — Где? Кто?

Он потряс головой, чтобы прийти в себя, и тут переборки Тии завибрировали от нового раската грома.

— Что происходит? — осведомился Алекс. Тия поглубже вонзила посадочные опоры в землю под собой. — На нас напали, что ли?

— Да нет, Алекс, это гроза, — рассеянно ответила она, проверяя, все ли люки заперты и все ли ее роботы внутри. — Просто ураган какой-то. Я никогда еще не испытывала ничего подобного!

Она развернула свои внешние камеры и подключила их к экранам, чтобы Алекс мог полюбоваться грозой. Сама же Тия тем временем проверяла, надежно ли она защищена от удара молнии и все ли в порядке в лагере. Алекс вышел в рубку и уселся в кресло, завороженный буйством стихии.

Вокруг повсюду, куда ни взгляни, сверкали многочисленные молнии; было светло не то что как днем, а порой и еще светлее. Гром грохотал непрерывно, завывал ветер, и дождь лил как из ведра — нет, пожалуй, как из бочки. Все это не давало не только разглядеть лагерь, но и проверить, что там происходит, каким-то другим способом. При таком количестве молний никого даже по радио не дозовешься.

— Что же сейчас в лагере творится? — с тревогой спросил Алекс.

— Не поймешь, — нехотя ответила Тия. — Здешняя исследовательская группа как-то раз уже пережила такие грозы, так что, полагаю, можно рассчитывать, что сам лагерь никуда не унесет и не смоет. А что касается остального — от ударов молний купола защищены, но кто знает, что может случиться с оборудованием? Особенно в такую грозу.

Ее слова, увы, оказались пророческими: хотя ливень длился не больше часа, температура за это время опустилась градусов на двадцать, а молнии успели причинить серьезный ущерб.

Когда буря улеглась, из лагеря пришли плохие новости. Молния попала в генератор защитного поля и расплавила его. От ге-

нератора осталась куча полурасплавленного металла - и ничего больше. Тия не представляла, как одна-единственная молния могла причинить столько вреда — по-видимому, молнии били в аппарат несколько раз подряд. Запасной генератор безнадежно проржавел, хотя Хаакон-Фриц с Лесем возились с ним большую часть ночи. Слишком многие детали вышли из строя. Вероятно, запасной генератор на протяжении многих экспедиций так и не вынимали из ящика. Хоть бы раз проверили! И вот теперь доктору Аспену и его экспедиции предстояло расплачиваться за эту небрежность.

На следующее утро Тия обсудила создавшуюся ситуацию лично с доктором Аспеном. С того места, где стоял корабль, разрушения были не особо заметны, но последствия были катастрофические. Защитного генератора нет. А значит, нет никакой защиты от местной фауны, начиная с мелких насекомоподобных существ и кончая крупными животными, похожими на шакалов. И если крупные травоядные, размером с лося, вдруг сделаются агрессивны, удержать их за пределами лагеря будет невозможно. Обычный забор стадо взбесившихся травоядных не остановит — в этом уже убедилась предыдущая экспедиция.

— У меня в трюмах запасного генератора нет, — сообщила Тия руководителю экспедиции. — У меня нет даже запасных частей, которые необходимы, чтобы починить испорченный генератор. Бурь, подобных сегодняшней, в записях предыдущей экспедиции не отмечено, но следует предполагать, что надо ожидать новых. Сколько таких гроз вы сможете пережить? Приближается зима, и я не могу предвидеть, как поведут себя местные животные зимой. Не хотите ли вы отправить экспедицию обратно?

Доктор Аслен задумчиво поджал губы.

— Не вижу причин это делать, миледи, — ответил он. — Собственно, единственным внешним оборудованием, которое лишено защиты, был как раз этот генератор защитного поля. Первая экспедиция благополучно провела тут всю зиму — насколько я понимаю, тут нет достаточно крупных хищников, которые могли бы представлять для нас реальную угрозу. Кое-какие насекомые имеются — но это до первых заморозков. Конечно, эти шакалообразные будут бродить вокруг и досаждать нам. Но вряд ли они опасны.

Алекс, который, как всегда, сидел, положив ноги на приборную панель, согласился с археологом.

— Я тут тоже особых опасностей не вижу. Разве что очередная молния разнесет какой-то куда более важный прибор.

Тии это не понравилось, но спорить с ними обоими она не стала.

— Ну что ж, как хотите, — согласилась она. — Но мы все-таки останемся тут, пока не закончатся грозы, — просто на всякий случай.

И они остались — но таких сильных гроз больше не случалось. После первого зрелищного ливня выпадали все больше тихие дожди, начинавшиеся после полуночи и заканчивавшиеся к утру. Молний и грома почти не было, так что спать Алексу ничто не мешало. Тии пришлось сделать вывод, что та, первая буря была довольно редким явлением, которого никто предвидеть не мог, и ее гнев в адрес предыдущей экспедиции немного улегся.

Однако прожавевшего генератора это не извиняло.

Тем не менее погода оставалась холодной, и после дождя наутро все покрывалось ледяной коркой. К полудню корка обычно таяла, но из-за этого археологам пришлось сместить рабочие часы: теперь они брались за работу около десяти ноль-ноль, а заканчивали около двадцати двух ноль-ноль. Несмотря на свои былые намерения мирно сидеть у себя в куполе, доктор Аспен настоял на том, чтобы работать вместе с учениками, и никто, даже Хаакон-Фриц, не хотел рисковать тем, что он поскользнется на льду, упадет и что-нибудь сломает.

Тем временем Тия сделала открытие, сулившее неприятные последствия. Внезапное резкое похолодание заставило мелких животных попрятаться или впасть в спячку. В результате местные шакало-собаки, обычно охотившиеся в одиночку, остались без своей привычной пищи и начали сбиваться в стаи на зиму, чтобы иметь возможность охотиться на более крупных травоядных — судя по всему, это было их нормальное сезонное поведение.

Проблема была в том, что одна из таких стай, и притом довольно крупная, повадилась бродить неподалеку от лагеря.

Теперь Тия пожалела о выбранном ею месте стоянки. Место раскопок находилось между нею и лагерем. Это было неплохо и позволяло наблюдать за тем, как работают археологи, но шакалы бродили в холмах вокруг лагеря! А в отсутствие генератора, который позволил бы их отпугнуть...

Тия рассказала о своих тревогах Алексу. Алекс указал ей на то, что звери всегда разбегаются врассыпную при малейших признаках агрессии со стороны человека. Она сказала об этом и доктору Аспену, который ответил, что животные, по всей вероятности, просто рассчитывают поживиться какими-нибудь отбросами и

оставят лагерь в покое, как только поймут, что поживиться тут нечем.

Больше ей упомянуть об этом так и не довелось.

Поскольку у планеты было две луны, которые находились в разных фазах, ночи никогда не бывали темными, если только не шел дождь. Но даже и тогда прожектора, освещающие раскопки, разгоняли тьму. В последнее время ночи перестали быть не только темными, но и тихими: стая шакало-собак выла с того момента, как садилось солнце, и до того момента, как начинался дождь. Тия быстро изучила все разновидности их воя: тявкающая перекличка, долгий, протяжный вой — сигнал сбора, — и самый жуткий, утробный вой охотящейся стаи. Тия могла по одному вою определить, где они находятся, охотятся они или нет и удалось ли добыче уйти от погони.

Тии все это не нравилось: в стае насчитывалось уже около шестидесяти особей, и, судя по всему, они не особо жировали. Очевидно, археологи, работающие на раскопках, разогнали более крупных травоядных, на которых обычно охотились шакало-собаки, и в результате несколько мелких стай объединились в одну. В результате пища у них была всегда, вот только доставалось ее им немного. Они еще не отощали до костей, однако ребра уже просматривались. Травоядным, на которых они охотились, удавалось уйти в пяти случаях из шести, а стая принималась за охоту не более двух раз за ночь.

«Может, посоветовать археологам их подкармливать? Например, взять грависани и каждые два дня подстреливать какое-нибудь животное и привозить им? Но, возможно, это сулит новые проблемы в будущем... Это приучит стаю полагаться на двуногих, а это тоже опасно. Но, может быть, получится таким образом переманить стаю на другую территорию? Или... А вдруг из-за этого кормления они потеряют страх перед людьми?» Тия все никак не могла принять решение. Стая, виденная ею мельком на закате, напомнила ей истории из русского фольклора: тройки в снегу, взмыленные от ужаса кони и волки, бросающиеся на седоков. А между тем стая с каждым вечером подбиралась все ближе, прежде чем растаять во тьме.

По счастью, археологи к этому времени как раз сворачивали работу. А у себя в куполах они были в безопасности.

Как бы в ответ на размышления Тии, огромные прожектора развернулись в сторону от раскопок. Это было запрограммировано специально, чтобы они освещали археологам дорогу к лагерю. Когда все благополучно доберутся до куполов, Лесь отвернет их в

сторону с помощью дистанционного управления. Пока что только прожектора и заставляли шакало-собак держаться в стороне. Они бродили у самой границы территории, очерченной лучами прожекторов, но внутрь соваться не решались...

Словно бы в ответ на эти мысли, стая взвыла, как только первый из археологов показался за пределами места раскопок. Чересчур близко...

Тия поспешно включила инфракрасное зрение.

Так и есть! Стая была чересчур близко: прямо на гребне холма, нависшего над местом раскопок!

Звери смотрели на археологов - и вожак снова взвыл. Ошибиться в значении этого воя было невозможно — тем более что вся стая тотчас же откликнулась. Это был охотничий клич. Показалась добыча; время бросаться в погоню.

А вожак смотрел именно на археологов. Археологи оглянулись, почувствовав, что сегодня вечером что-то не так. Никто не двигался: ни ученые, ни шакало-собаки. Глаза зверей горели в темноте багровыми огоньками — это было всего лишь отражение рассеянных лучей прожекторов, но от того, что природа этого явления была известна, менее жутко не становилось.

— Алекс, — сказала Тия напряженным голосом. — У нас ЧП.

Пилот вылетел из своей каюты, словно укушенный. Едва взглянув на экран, он рванулся к отсеку, где хранились их грависани.

А стая тем временем хлынула с холма мохнатой лавиной.

Хаакон-Фриц рванул прочь со скоростью спринтера мирового класса, без труда оставив позади остальных. На прочих он совершенно не обращал внимания, как будто бы их и не существовало.

«Трясни моя капсула! Аспен-то бегать не может...»

Однако Лесь и Трил не собирались бросать Аспена на произвол судьбы. Они точным, будто отрепетированным движением подхватили профессора под руки и буквально понесли его вперед. Фред с Элдопом схватили лопатки, готовясь обороняться. И вся группа трусцой двинулась в сторону убежища. Однако шакало-собаки с каждой секундой были все ближе.

Археологи прошли едва четверть пути, шакалы же были уже на середине склона и набирали скорость, когда Хаакон-Фриц достиг наконец ближайшего убежища. Он с разгону врезался в стенку купола, нащупал дверь, бросился внутрь...

И захлопнул дверь за собой. Над дверной рамой вспыхнул красный огонек, показывая, что дверь заперта и войти нельзя.

— Алекс! — в отчаянии вскричала Тия, видя, как шакало-собаки приближаются к добыче. — Алекс, сделай же что-нибудь!

Она никогда еще не чувствовала себя настолько беспомощной.

Грависани движутся бесшумно, но они снабжены проигрывателем и мощными динамиками. Откуда-то снизу грянула громогласная современная музыка, включенная на полную мощность. Тия едва успела активировать нижние камеры, как Алекс вылетел наружу.

Непонятные вопли и шум, доносящиеся сзади, встревожили стаю. Звери замедлили бег и наконец остановились как вкопанные, опасливо озираясь. Современный рок был настолько не похож ни на что из того, что им доводилось слышать прежде, что шакало-собаки не знали, как реагировать. Алекс врезался прямо в гущу стаи, и звери метнулись врассыпную.

Разумеется, подъехать и подобрать пятерых археологов, спасающихся бегством, он никак не мог — шакало-собаки кинулись бы за ним следом. Но пока он ездил вокруг стаи, грохоча динамиками, шакало-собаки не решались напасть на него. А пока он донимал зверей, их внимание было направлено на него, а не на добычу.

Наверное, он с самого начала на это и рассчитывал: напугать зверей, чтобы дать археологам шанс благополучно добежать до второго купола. Ученые не обращали внимания на то, что происходило у них за спиной, и упорно торопились ко второму убежищу, а Алекс тем временем продолжал отвлекать стаю: по возможности разгонял зверей, преграждая им путь к ученым. Дело это было опасное: неуклюжие грависани не предназначены для подобных маневров, и любая ошибка могла стоить ему жизни.

Алекс пронесся над самой землей, развернулся, делая вид, что хочет напасть на вожака, но ускользнул прежде, чем зверь успел запрыгнуть в сани. Система безопасности саней верещала громче динамиков, предупреждая об опасных маневрах и возможности столкновения. Другого оружия, кроме саней, у Алекса не было. Тия отчаянно жалела, что у нее нет набора для наблюдения за животными. Начальство сочло, что кораблям Института это не нужно. Будь у них ружье, стреляющее усыпляющими дротиками, они могли бы обезвредить хотя бы часть зверей!

Звери решили, что эта непонятная штуковина хочет прогнать или убить их. Должно быть, они были куда более голодны, чем подозревали Тия и Алекс, потому что, обнаружив, что никто из стаи не пострадал, они осмелели и начали пытаться окружить сани. Они явно искали способ их остановить и опрокинуть.

Тия внезапно осознала, зачем они это делают. Алекс в их глазах перешел из разряда «опасных хищников» в разряд «добычи». Шакало-собаки привыкли к самцам травоядных, которые агрессивно кидались на них, пытаясь их отогнать. Алекс, сам того не зная, подражал поведению этих быков — и в лучшие времена стая действительно бросила бы эту охоту и отправилась искать более легкую добычу. Но времена были голодные, и любое подражание поведению жертвы означало, что звери попытаются поймать и убить то, что их дразнит.

Теперь Алексу грозила реальная опасность.

Но оказалось, что он водит сани куда лучше, чем думала Тия: он двигался с тем расчетом, чтобы звери не могли достать его даже самым мощным прыжком, то и дело сворачивая и петляя, чтобы сбить преследователей с толку.

Но вот один из наиболее крупных шакалов прыгнул — и вцепился в задний бампер саней.

— Алекс!!! — взвизгнула Тия. Пилот обернулся — и увидел, какая опасность ему грозит.

Он заставил сани вращаться на месте. Система безопасности протестующе взвыла. Шакал держался изо всех сил, скребя когтями задних лап по металлическому бамперу. Алекс в отчаянии оглянулся через плечо — зверь наконец нашел опору и уже лез к нему.

И тут, в приступе то ли озарения, то ли безумия, Алекс с размаху нажал на тормоза. Сани остановились, едва не опрокинувшись, Алекса швырнуло вбок...

А шакал сорвался с саней и отлетел в гущу стаи, сбив с ног не меньше десятка зверей.

В этот момент археологи достигли наконец второго купола.

Вспышка света в открывшейся двери дала Алексу знать, что они уже в безопасности и ему больше нет нужды рисковать собой. Он взмыл в воздух и понесся назад к Тие; она отворила грузовой люк и активировала удерживающее поле, изо всех сил надеясь, что он успеет затормозить вовремя и не врежется в противоположную стенку. На той скорости, с которой он мчался, от удерживающего поля, предназначенного для того, чтобы помешать саням болтаться из стороны в сторону в полете, толку было мало.

Алекс миновал люк, не снижая скорости, Тия тут же захлопнула створки у него за спиной. Алекс выключил двигатель и с размаху уронил сани на пол отсека. Посыпались искры. Сани повело вбок, и они врезались в стенку — но благодаря маневру самого

Алекса и удерживающему полю удар лишь слегка помял переборку. Алекса снова швырнуло в сторону, и, если бы не ремни безопасности, он бы вылетел из саней. В дверь грузового отсека одно за другим врезалось с полдюжины тел – это были предводители стаи, не сумевшие вовремя остановиться.

Алекс немного посидел, потом обмяк за рулем, тяжело дыша. Судя по наблюдениям Тии, ранен он не был, но она терпеливо ждала, пока он переведет дыхание.

Когда его дыхание наконец выровнялось и он поднял голову, она сфокусировала взгляд на его лице. Пилот раскраснелся, но никаких следов шока или боли заметно не было.

— Да, — сказала она самым беспечным тоном, — вот что называется «эффектный выход»!

Алекс недоуменно поморгал, потом откинулся на спинку сиденья и расхохотался.

Однако на следующий день всем было не до смеха. Хаакон-Фриц покинул наконец свое убежище и встретился с остальными членами группы. Он бы не вышел, но выбора у него не было: Тия пригрозила продырявить его купол, оставив его на милость хищников. Конечно, это была пустая угроза, но он-то этого не знал: как и любой фанатик-дарвинист, он никогда не давал себе труда ознакомиться с возможностями мозговых кораблей.

Не успел Хаакон-Фриц ничего сказать, как за него взялся Лесь: он отработанным приемом заломил ему руки за спину и отвел на корабль.

Все дружно молчали, пока Лесь и Тия не заперли Хаакон-Фрица в одной из ее кают. Оттуда он мог видеть и слышать то, что происходило в центральной рубке, но не имел возможности прервать происходящее. Каждый раз, как он пытался разразиться одной из своих речей, она могла просто отключить его, предоставив беседовать с голыми стенами.

Остальные собрались в центральной рубке. Доктор Асиен выглядел подавленным и измученным. Тия приготовилась выложить им новости. Новости были не такие уж плохие... хотя часть из этого им не понравится.

— Мы не станем забирать вас отсюда, — сказала она, — хотя право на это у нас имеется. Мы понимаем, что вам не хочется оставлять эти раскопки и пропускать впустую, быть может, целых два года. Мы разделяем ваши чувства.

Четверо из пяти слушателей заметно оживились и восприяли

духом. Глядя на их просветлевшие лица, Тия пожалела, что не может остановиться на этом.

— Это хорошие новости, — сказал Алекс, прежде чем кто-либо еще успел раскрыть рот. — А вот и плохие. Мы разрешим вам оставаться здесь только на том условии, что вы не станете покидать купола, пока не прибудет следующий курьерский корабль, который доставит вам новый генератор и запчасти для ремонта старого. Мы заказали вам новый генератор еще тогда, когда тот расплавился, так что курьер должен прибыть примерно через месяц или чуть позже.

— Но... — начал было доктор Аспен.

— Доктор, либо так, либо мы вас забираем, — твердо возразила Тия. — Мы не оставим вас тут на растерзание этим хищникам, если вы — каждый из вас лично — не дадите нам слово, что вы поступите, как мы сказали. Вы просто не видели, как эти твари охотились за Алексом, который был в санях. Они теперь не боятся людей, и они очень голодны. Они будут нападать на вас без колебаний, и я уже не поручусь, что они станут дожидаться темноты.

— Так что лучше? — лукаво спросил Алекс. — Потерять месяц или два года?

Доктор Аспен тяжело вздохнул и дал слово. Остальные археологи последовали его примеру. Фред и Элдон сделали это с заметным облегчением.

— Если бы наше чертово начальство снабдило нас оружием... — буркнул себе под нос Лесь.

— На другом континенте живут разумные туземцы. Лесь, не я придумываю эти правила, — ответила Тия. Бывший десантник покраснел. — Не я их сочинила — но я буду настаивать на их выполнении. Если бы я стремилась выполнять их буквально, мне следовало бы приказать вам паковать вещи.

— Кстати, о вещах, — подхватил Алекс. — Надо, чтобы вы собрали вещи Хаакон-Фрица и сложили их в грузовой отсек. Он полетит обратно с нами.

Лесь просиял, не пытаясь скрыть своей радости, но доктор Аспен смутился.

— Я, право, не вижу особых причин... — начал он.

— Простите, доктор, зато мы их видим, — перебил его Алекс. — Хаакон-Фриц наконец нарушил правила. Всем нам очевидно, что он попытался воплотить свои взгляды в жизнь.

Предмет обсуждения, запертый в своей каюте, наконец пришел в себя и принялся что-то орать. Тия отключила его, как и

обещала, — но запись оставила включенной. На данный момент у них нет никаких доказательств того, что было на уме у этого господина, когда он заперся в куполе, оставив товарищей на растерзание хищникам. Если повезет, он в горячке обвинит себя сам.

— Доктор, каковы бы ни были мотивы его действий, он бросил своих товарищей, — твердо возразил Лесь. — Лишний боец, возможно, помог бы нам отпугнуть стаю — и в любом случае, добравшись до купола, он и не подумал нам помочь: он вбежал внутрь и заперся! Первое, возможно, было обычной трусостью, но второе — это настоящее преступление.

— Комиссия по расследованию, по всей вероятности, с вами согласится, — сказала Тия. — Мы позаботимся о том, чтобы он получил по заслугам. Но в любом случае нельзя допустить, чтобы он вновь подверг опасности чью-то жизнь.

Доктор Аспен поспорил еще немного, но наконец согласился. Археологи оставили корабль, собрали на раскопе все, что могли, и вернулись в купола. Задолго до заката Лесь и Фред пригнали грависани, нагруженные пожитками Хаакон-Фрица, сложенными в ящики. Судя по тому, как все это гремело, пожитки были сложены не особо бережно.

Тия тоже не собиралась особо цацкаться с его шмотками.

— Вы уж проследите, чтобы все оставались в куполах, ладно? — попросила Тия Леся. — На вас вся надежда. Я не рассчитываю, что благоразумие доктора Аспена сможет долго пересиливать его любознательность.

— Да вы его насквозь видите, сударыня! — сказал Лесь, перекидывая последний ящик подъехавшему роботу. — Но все остальные уже договорились. Трил это, правда, не по нутру, но даже она согласна с вами насчет того, как могут повести себя эти шакало-собаки.

— А что станет со злосчастным Хаакон-Фрицем? — поинтересовался Фред.

— Это уж как суд решит, — ответила ему Тия. — У меня есть запись, сделанная в его каюте, в которой он орет что-то о выживании и вымирании и высказывает весьма любопытные идеи, соответствующие взглядам наиболее экстремистской ветви практических дарвинистов. Пользы ему эта запись не принесет, а вот насчет вреда — не знаю.

— Суд ее, скорее всего, во внимание не примет, — признал Лесь, поразмыслив. — Но комиссии это точно не понравится.

— Я уже отправила все эти материалы в комиссию, — сообщи-

ла ему Тия. — Так что на базе его будет ждать полиция — даже если впоследствии сочтут, что обвинить его не в чем.

— Так что после этой маленькой катастрофы лучшее, на что он сможет рассчитывать, — это место рабочего на раскопках класса С! — жизнерадостно заметил Фред. — Если у начальства есть хоть капля мозгов, его лишат всех званий. И он до конца дней своих будет работать наравне со студентами, сортируя черепки!

— Ну да, если он еще найдет кого-то, кто согласится его взять к себе в партию! — заметил Алекс. — Лично я бы за это не поручился!

Он похлопал Тию по боку.

— Ладно, скажите спасибо, что вам не придется лететь с нами обратно, — заключил он. — Если вам было неприятно лететь с Хаакон-Фрицем сюда, вообразите, каково будет возвращаться в его обществе!

Глава 7

Когда они вернулись на главную базу на Центральных Мирах, Тию ждало сообщение. Доктор Хаакон-Фриц все еще сидел под замком в своей каюте. Сообщение было совершенно загадочное. «Позвони по этому номеру», номер голосовой связи откуда-то из колоний Л-5, и идентификационный код, по которому Тия определила, что письмо от Ларса.

Что это он затеял?

Озадаченная Тия отложила сообщение до тех пор, пока Алекс не завершил сложную процедуру передачи их почти пленника и не отправился сопровождать его, а также копии касающихся его записей на планету. И только оставшись одна, Тия набрала номер.

— «Фризнер, Шерман, Стерлинг и Хафф»! — представилась секретарша, снявшая трубку после первого же звонка. Задержки практически не было; Тия сделала вывод, что контора находится либо на одной из полудюжины местных станций, либо на одной из ближайших колоний Л-5. — Управление инвестициями.

— Мне сказали позвонить по этому номеру, — осторожно начала Тия. — Я... меня зовут Гипатия Кейд...

Она едва не назвалась номером своего корабля.

— Ах, госпожа Кейд! Ну да, конечно! — обрадовалась секретарша. — Мы как раз ждали вашего звонка. Позвольте разрешить

ваше недоумение: «Фризнер, Шерман, Стерлинг и Хафф» специализируются на вложении инвестиций капсульников. Мистер Ларс Мендоса с «Гордости Альбиона» открыл у нас счет для вас, чтобы вы могли распоряжаться своими инвестициями, которые вы уже сделали. Подождите минутку, я проверю — возможно, кто-то из партнеров сейчас свободен...

Тия терпеть не могла, когда ее заставляли ждать, но ждать пришлось не более микросекунды.

— Госпожа Кейд, — сказал дружелюбный мужской голос, — я — Ли Стерлинг; я буду вашим брокером, если вы согласитесь и дальше пользоваться моими услугами, и у меня для вас хорошие новости. Ваши инвестиции в Ларго Дракона принесли колоссальный доход. Возможно, куда более высокий, чем вы рассчитывали.

— Ну, не знаю, — ответила Тия, добавив своему тону капельку иронии. — Я в общем и рассчитывала на высокий доход.

В голосе ее собеседника было что-то знакомое, только она никак не могла понять, что именно. Может, интонации — или, наоборот, их отсутствие?

— Но неужели вы рассчитывали, что ваши общие вложения утроятся? — возразил Ли Стерлинг. — За время вашего отсутствия маленькое денежное семечко выросло в могучий дуб!

— Ого! — сказала Тия. Она была так ошеломлена, что не знала, что еще сказать. — А что вы имеете в виду, говоря об «общих вложениях»?

— Ну, видите ли, за то время, пока вас не было, ваши компании дважды проводили дробление акций, и у вас был выбор: получить деньги или новые акции. Мы сочли, что вы предпочтете получить акции, тем более что их стоимость продолжала расти.

Стерлинг старался говорить невозмутимо, но в его тоне все же звучало самодовольство.

— Так вот, теперь эти акции стоят втрое дороже, чем на момент последнего дробления.

— Дробления? — растерянно переспросила Тия. — Я... э-э... по правде говоря, я не знаю, что это означает. Я новичок в таких делах.

Стерлинг не спеша и обстоятельно разъяснил ей все, что произошло с ее инвестициями.

— На данный момент перед вами стоит следующий вопрос: желаете ли вы продать свои акции сейчас, пока их стоимость все еще растет, или вы предпочтете выждать.

— А что происходит на Ларго Дракона? — спросила Тия. В

конце концов, ее инвестиции зависели от того, что произойдет в реальном мире, а не от странных и непредсказуемых колебаний финансового рынка. Судя по тому немногому, что она видела, мир фондовых рынков был очень слабо связан с «настоящей» реальностью.

— Я так и думал, что вы спросите. Ваши компании практически насытили рынок, — сказал ей Стерлинг. — Ситуация стабилизировалась, хотя в какой-то момент все висело на волоске, но катастрофы не произошло, и именно благодаря им. Стоимость их акций продолжает расти, но уже медленнее. Думаю, вскоре курс стабилизируется. На вашем месте я бы как раз сейчас вышел из игры.

— Хорошо, продавайте, — решительно сказала Тия. — Я хотела бы, чтобы вы вложили все, что я заработала, в компанию «Мото-протетикс», занимающуюся производством активных протезов, желательно в акции с правом голоса. А начальные инвестиции придержите, пока я с вами не свяжусь.

— Секундочку... вот. Все сделано, Гипатия. Буду с нетерпением ждать, во что вы решите вложить деньги теперь.

Голос Стерлинга звучал весьма довольно.

— Надеюсь, вы останетесь у нас. Мы фирма молодая, но солидная, опыт у нас большой, и мы намерены добросовестно служить нашим клиентам. Госпожа Фризнер до последнего времени была одним из старших партнеров в компании «Вайскопф, Диксон, Фризнер и Якобс», а мы, остальные, — ее давние и проверенные коллеги. Кроме того, она — наш представитель среди мягкотелых.

— Представитель... а-а! Так вы все...

— Ну да, мы все капсульники, кроме госпожи Фризнер. Вообще-то все мы и раньше имели дело с акциями, облигациями и товарными биржами, но только как системные менеджеры. Будучи системными менеджерами, мы не могли делать вложения, но госпожа Фризнер присоединилась к нам, как только мы расквитались со своими контрактами.

Стерлинг хихикнул.

— Мы уже давно это планировали. Ну а теперь мы используем информацию, получаемую от других капсульников, которые тоже хотят заниматься инвестициями, но по тем или иным причинам не желают делать это через своих Советников, инспекторов или адвокатов.

Он отправил ей сложный набор смайликов — сетевых пикто-

граммок, обозначающих эмоции: отвращение, усталость, раздражение и нетерпение.

— В конце концов, мы же взрослые люди! У нас и свои мозги имеются. И из того, что все мы прикованы к одному месту или устройству, еще не следует, что мы нуждаемся в опеке.

Она отправила набор смайликов того же состава — плюс еще усмешку.

— Некоторые из нас нуждаются, но те, кто провел в миру лет пятьдесят или больше, — навряд ли. Что ж, я расскажу о вас паре-тройке своих друзей, это точно.

— Ну да, слухами космос полнится, это точно! — рассмеялся Стерлинг. — Надо вам сказать, что после этого феноменального дебюта всех нас очень интересует, что вы выберете своим следующим объектом для инвестиций.

— Я подберу себе что-нибудь буквально через пару дней, — пообещала Тия и отключилась.

Да, пожалуй, сейчас самое подходящее время всерьез заняться поисками. Не стоит рассчитывать, что выгодный объект подвернется сам, как в прошлый раз.

Сейчас нужно будет опираться на чью-то глупость и некомпетентность, с одной стороны, и на собственные вычислительные мощности — с другой. Для начала Тия составила список колоний, существующих менее ста лет. Разумно будет предположить, что катастрофы, повторяющиеся достаточно часто, чтобы она смогла извлечь из этого пользу, должны повторяться в пределах этого срока.

Это изрядно сузило область поиска, но даже в этих границах следовало разбить природные явления на категории. Первое, что пришло ей в голову, — это наводнения. Поэтому Тия собрала геологические и климатологические сведения по всем интересовавшим ее планетам и просмотрела статистику и прогнозы по наводнениям.

А пока она занималась этими изысканиями, им с Алексом приходилось еще иметь дело с властями по поводу дела Хаакон-Фрица. Судя по всему, эта история сулила повлечь за собой запрещение партии практических дарвинистов — или, по крайней мере, запрет ее представителям заниматься любой общественной деятельностью. Кроме того, Тия требовала от Института снабдить ее дополнительным оборудованием. На этот раз она была твердо намерена не трогаться с места, пока не получит этот пресловутый набор для наблюдений за животными. Да и Алексу надоело разгребать каждый кризис голыми руками.

Он потребовал снабдить их огнестрельным оружием. Он был согласен на то, чтобы оружие хранилось взаперти до тех пор, пока ситуация не станет критической, но настаивал на том, что ему необходимо что-то, чем он мог бы подкрепить свои распоряжения или защитить себя и других.

— Что, если бы этот Хаакон-Фриц вдруг взбесился? — спрашивал он. — Что, если бы эти хищники сделались еще более агрессивными?

Курьерская служба его всячески поддерживала, но Институт упрямился: подобные требования противоречили их многолетней политике абсолютного пацифизма. Причины запрета были очевидны: на любых раскопках, где поблизости присутствовали разумные существа с цивилизацией уровня железного века или даже более высокой (а «поблизости» означало «на том же континенте»), представителям Института строго запрещалось иметь при себе оружие, даже тем, кто работал не по контракту. А поскольку курьеры в течение рейса хоть раз да появлялись на раскопках, где иметь оружие было запрещено, то и им никакого оружия не полагалось. Тия поддержала своего пилота и призвала на помощь Курьерскую службу и Институт экспериментальной медицины. Но Институт археологии по-прежнему противился, поскольку были и такие, кто готов был истолковать присутствие на борту курьерского корабля даже наиболее безобидного оружия в самом неблагоприятном смысле.

Тия понимала их точку зрения — но институтские курьеры были единственными представителями Курьерской службы, кто не имел абсолютно никакого оружия для самообороны. А между тем они могли в любой момент столкнуться с контрабандистами, которые уж наверняка будут вооружены. Если бы право решающего голоса принадлежало Курьерской службе, Институту уж никак бы отвертеться не удалось.

А тем временем вокруг дела Хаакон-Фрица разгорались все более жаркие страсти. Запись его олимпийского забега к убежищу каким-то образом просочилась в средства массовой информации — по счастью, значительно позже того, как Тия скрыла свои собственные копии, — как и героическая вылазка Алекса на грависанях. Алекс на целый день сделался знаменитостью местного масштаба — впрочем, ему успешно удавалось скрываться от прессы, и им скоро надоело, что он не желает давать интервью и упорно не хочет выглядеть пофотогеничнее. Хаакон-Фриц же, напротив, от прессы не бегал, наоборот, сам первым шел на контакт, а потому сделался любимцем публики, злодеем года. Так

что тихо замять этот инцидент Институту не удалось. Практические дарвинисты ринулись на помощь своему единомышленнику — и только ухудшили дело своими публичными выступлениями. Публике вовсе не пришлось по вкусу выслушивать рассуждения о том, что все они — слабаки, неудачники и должны быть истреблены во имя вящего блага человеческой расы. Дело запахло публичным разбирательством, хотя Институт изо всех сил старался его избежать.

И вот, накануне этого разбирательства, Тия наконец-то отыскала себе следующий объект для инвестиций.

Третья планета системы Ацтека — разумеется, земного типа, — называлась Кецалькоатль.

Межзвездная корпорация «Телесон», одна из крупнейших в этом секторе Галактики фирм, занимающихся коммуникациями, связанная партнерством и взаимными соглашениями со всем обитаемым космосом, только что перенесла штаб-квартиру одного из своих филиалов на Кецалькоатль. Это месторасположение имело массу достоинств: одна из центральных систем сектора, посередине прочной материковой платформы, и климат прекрасный. Однако переселились они туда вовсе не поэтому.

Это был один из закрытых для широкой публики контрактов Высших Семей, и Тия не сомневалась, что дело далеко не в преимуществах самой местности. Кто-то кому-то был чем-то обязан, или кто-то хотел, чтобы что-то осталось тайной, а это была цена сделки.

Тия тем более убедилась в этом, когда увидела, что на геологических картах эта территория помечена красным. Согласно результатам многолетних наблюдений, эта благодатная плоская равнина регулярно страдала от наводнений. Кецалькоатль не обладал такой эксцентрической орбитой, как Ларго Дракона, — его орбита была лишь слегка наклонной. На крупных поселениях это никак не отражалось. Но в результате этого наклона орбиты раз в столетие Северный полюс планеты получал несколько больше солнечного тепла, чем обычно. И ледники начинали таять. Расположенная внизу равнина не то чтобы затоплялась — по крайней мере, не вся сразу. Однако она становилась очень, очень заболоченной, медленно и постепенно, — но потом, во время весенних дождей, все реки на пару недель выходили из берегов. В конце концов вся равнина оказывалась покрыта трехдюймовым слоем воды — и это длилось примерно три года. На четвертый ледники на Севере начинали восстанавливаться, и равнина подсыхала.

Между тем корпоративные стандарты «Телесона» требовали, чтобы вся точная записывающая аппаратура и прочие инструменты, требующие тонкой настройки, как и компьютерное оборудование, располагались под землей, на глубине не менее четырех этажей, чтобы избежать каких-либо сбоев и повреждений. Корпоративные стандарты были рассчитаны в первую очередь на защиту от людей-злоумышленников, а не от природных явлений. Видимо, корпоративные стандарты не привыкли брать в расчет природу.

Человек, ответственный за этот проект, явно полностью проигнорировал результаты геологических и метеорологических исследований. Инженеры, правда, жаловались на протечки и предупреждали о возможном затоплении; однако их начальство всего лишь распорядилось установить дополнительные насосы. И да, действительно, на данный момент насосы вполне справлялись с поддержанием нужного уровня влажности в подземных помещениях; однако Тия подозревала, что они работают день и ночь, борясь всего лишь с обычными грунтовыми водами. С потоком им никак не справиться.

Особенно когда вода польется сверху через окна и двери.

Согласно метеорологическим данным, ледники уже начинали таять, и до весенних дождей оставалось не более пары месяцев.

Тем временем на другом конце континента существовала фирма, занимающаяся ликвидацией последствий различных аварий и специализирующаяся именно на восстановлении пострадавшего оборудования и утерянных данных. Их реклама обещала скопировать любую существующую систему в течение месяца и извлечь данные с устройств, которые более года пробыли в морской воде или пострадали от пожара и дыма. Корпорации «Телесон» их услуги должны были потребоваться в самое ближайшее время, однако они об этом даже не подозревали. Кроме того, Тии понравилось название фирмы. Кто бы ни были эти люди, они обладали незаурядным чувством юмора.

Хихикая себе под нос, Тия позвонила Ли Стерлингу и сделала свои инвестиции, а потом отправила еще одно тщательно выверенное письмо в «Сгоревшие и уничтоженные данные Ltd».

Публичный процесс над доктором Хаакон-Фрицем вылился в десятидневный цирк, — но к тому времени Тия и Алекс были заняты куда более серьезными вещами, и им было не до таких пустяков.

Записи Тии, сделанные на раскопках и в центральной рубке,

стали теперь достоянием общественности, а больше ничего не требовалось. Институт хотел одного: не выставить себя круглыми идиотами. И они снабдили Алекса оружием, которое он требовал, взяв взамен обещание, что он не станет выступать свидетелем на процессе, поскольку все, что он может сказать, будет только дублировать записи. Тия с Алексом оба понимали, что думало институтское руководство: записи — это одно дело, а героический пилот, который того гляди увлечется и наговорит лишнего, — нет, это им ни к чему. Алекс противиться не стал: ему и самому не особенно хотелось принимать участие в процессе. Добавить ничего нового он не сможет, зато снова привлечет внимание прессы...

Так что пока журналисты точили перья, а тихие институтские адвокаты пытались спустить всю эту историю на тормозах, Алекс получил свой сейф с оружием, а Тия — набор для наблюдения за животными в качестве платы за невмешательство. Они уже готовились отбыть в очередной рутинный рейс, как вдруг им пришло срочное сообщение.

Действие контракта с Институтом временно отменяется; у Курьерской службы для них поручение как для единственного мозгового корабля, присутствующего на базе.

И внезапно они, вместо нового расписания работы, получили нового хозяина.

— Кенни, что все это означает? — спросила Тия, когда поток противоречащих друг другу приказов иссяк и у них остался только один-единственный пункт назначения, пустой полетный план и приказ «Ждите дальнейших инструкций!». Теперь они стояли, пристыкованные к «Гордости Альбиона», а инструкции исходили от доктора Кеннета Ухуа-Зорга.

— Вот, — мрачно ответил доктор Кеннет, демонстрируя им изображение, снятое камерой, которая была установлена в одном из изоляторов.

Алекс охнул. Тия его понимала.

Запись, продемонстрированная им доктором Кеннетом, была, по счастью, короткой. Это был один из последних пациентов «Гордости Альбиона». Когда-то он был человеком. Теперь это был комок боли, отдаленно напоминающий человека. Где-то в массе открытых язв потерялись глаза, рот, лицо. Вот это когда-то были руки, это — ноги...

Тия опомнилась первой.

— Кто это, — резко осведомилась она, — и что с ним случилось?

— Кто это — мы не знаем, — ответил Кенни. Его лицо оставалось совершенно бесстрастным. — Он был с «вольного» грузового корабля, работающего по контрактам. Его товарищи бросили его, когда он не явился на борт ко времени отбытия. Мы даже не знаем, подозревали ли они о том, что с ним случилось, или просто забеспокоились оттого, что один из их команды, набранной с бору по сосенке, не явился вовремя, но они стартовали со станции Ямахачи с такой скоростью, с какой их потрепанная посудина, по идее, вообще летать не может. Документы у него, разумеется, оказались фальшивые, а опознать его по сетчатке или отпечаткам пальцев не представляется возможным: у него практически не осталось ни сетчатки, ни пальцев. А на то, чтобы сравнить его ДНК со всеми имеющимися в наличии картами новорожденных, уйдут годы — разве что он обвинялся или подозревался в убийстве.

Алекс кивнул. Определить, с какого он корабля, было не так сложно: любой, кто останавливался на станции в общежитии или в отеле, обязан был сообщить название корабля, с которого он сошел. Полученная информация незамедлительно проверялась на корабле; корабль должен был подтвердить личные данные члена команды, прежде чем ему позволили бы зарегистрироваться. Пассажиры кораблей, разумеется, селились в совсем других отелях.

— Такие скоростные характеристики говорят о том, что это, скорее всего, пираты или контрабандисты, — заметил Алекс.

— Думаю, в этом сомневаться практически не приходится, — ответил Кенни. — Ну, как бы то ни было, когда оплаченный им срок проживания в дешевом общежитии подошел к концу, персонал общежития открыл номер, нашел там вот это и очень благоразумно захлопнул дверь и незамедлительно сообщил куда следует.

— А что с самим персоналом общежития? — поинтересовалась Тия.

— Все служащие находятся в изоляции, но пока что, слава любым богам на ваш выбор, никто не проявляет никаких признаков заражения.

— И на том спасибо, — буркнул Алекс.

— А чем он, собственно, болен? — спросила Тия, стараясь сохранять ровный тон.

Кенни пожал плечами:

— Еще одна безымянная зараза. Симптомы довольно простые. На коже появляются волдыри, которые стремительно прорываются. Язвы быстро заживают, только затем, чтобы прорваться снова. Сложный комплекс вирусов и бактерий на фоне умеренного иммунодефицита. Лечение пока не найдено. Дезинфекторы полностью простерилизовали номер общежития, и пока что новых случаев заболевания не обнаружено. И, слава духам космоса, судя по записям общежития, вселившись туда, он больше не покидал своей комнаты.

— Пирату подхватить подобную заразу вроде бы негде, — заметила Тия, — а вот контрабандисту, торгующему артефактами...

— Вот потому я и потребовал прислать вас двоих, — ответил Кенни. — И именно поэтому Институт согласился вас нам одолжить. Кстати, Алекс, на случай, если вам вдруг станет интересно: я этим занимаюсь потому, что, несмотря на мою специальность, я, похоже, сделался экспертом в заболеваниях, связанных с археологией.

Алекс вопросительно оглянулся на пилон Тии. Она знала, о чем он хочет спросить. Не может ли это быть той самой болезнью, о которой им рассказывал таинственный «Синьор»? Не может ли быть, что этот человек все же рассказал им правду, хотя и не назвал своего настоящего имени?

Тия вывела свой ответ бегущей строкой под изображением доктора Кенни. «Это совпадение. Это не то же самое, что вымышленное заболевание, о котором говорил Синьор, — если бы ему пришлось иметь дело с этим, он бы по потолку бегал!»

Алекс взглядом спросил ее: почему?

«Иммунодефицит. Передается при непосредственном контакте или воздушно-капельным путем. Подумай сам!»

Глаза Алекса расширились, и он медленно кивнул. Кошмар, преследовавший человечество начиная с двадцатого века; призрак заболеваний, связанных с иммунодефицитом, передающихся воздушно-капельным путем или при простом прикосновении. Об этом никому даже думать не хотелось, и, однако, для любого человека, связанного с медициной, это было постоянной нешуточной угрозой.

— Вы двое — уникальная команда, и если у кого-то есть шанс отыскать источник этой заразы, то только у вас, — сказал Кенни. — Разумеется, Медицинская служба поручит это не одним вам, однако вы — единственная группа «мозг-тело». Институт не хочет, чтобы кто-то из их служащих познакомился с этой заразой на личном опыте, так что они на это время передали вас в распо-

ряжение Медицинской службы. Планирование поисков я поручаю вам. Есть какие-нибудь идеи относительно того, с чего начать?

— Ладно, — сказал Алекс. — Если вы так хотите, не станем делать это на личном опыте, сделаем это по-умному. Прежде всего, каковы шансы, что эта зараза пришла с заброшенной станции или корабля, болтающихся где-нибудь в открытом космосе?

— Шансы? Маловероятно. Глубокий вакуум убивает все имеющиеся вирусы и бактерии. Однако на крупных астероидах или таких планетах, на которых селились эскайцы, они могут и сохраняться, верно?

Кенни, похоже, был немало удивлен — но и обрадован тоже.

— Погодите-ка, позвольте мне подключить к обсуждению Ларса — это он наблюдает за состоянием того бедолаги.

У Ларса ушло несколько секунд на то, чтобы разобраться с текущими делами и высвободить достаточно внимания, чтобы включить голосовую связь. Этого времени Тии хватило, чтобы обдумать ряд вопросов, которые она хотела бы задать.

— Ларс, он ничего не говорил? — спросила она, как только Ларс установил связь с ними. — Ничего такого, что могло бы дать нам ключ?

— Да он бредит в основном — как ты думаешь, многое ли можно извлечь из бессвязного бормотания? — хмыкнул Ларс. — Он не был ни штурманом, ни чем-то другим в том же духе. В основном он не говорит ничего неожиданного, разве что про погоду что-то бубнит. Либо о боли и галлюцинациях, либо о золоте и сокровищах.

— Про погоду? — встрепенулась Тия. — А что он говорит про погоду?

— Да вот, послушайте сами — я только отфильтровал совсем уж бессмысленный бред.

Из динамиков послышался новый голос, хриплый и гортанный:

— Сокровища... золото... Никогда не видал столько золота... Горы, прям горы... Луны нету, черт, как тут можно чего-то увидеть... ничего не видно... Луны нету. Темно, как в крысиной норе. Погода адская. Адская погода, сплошняком снег, дождь, снег, моросит, грязища... Как тут копать, в такой грязище?..

— Вот в целом и все, — сказал Ларс, остановив запись на полуслове. — Он говорит о сокровищах, безлунных темных ночах и адской погоде.

— Почему бы не предположить, что он жалуется на то место,

где побывал? Все это плюс атмосфера — и?.. Что мы получим на выходе? — спросила Тия.

— Да, действительно! Возможно, эксцентрическая орбита, вероятно, чрезмерно большой угол наклона, третья в системе планета земного типа, отсутствие спутников... Сейчас поищу! — сказал Ларс.

— И прибавь еще возможную дальность полета корабля, который его бросил, — посоветовала Тия. — Проверь в СБ Центральных Миров и у военных — на базе Ямахачи наверняка сохранились какие-то данные об этом корабле. Например, каким топливом они заправлялись — если заправлялись? Его внешний вид и все такое. Военные наверняка сумеют определить на основе всего этого его радиус действия. Это позволит сузить область поисков.

— Хорошо... У меня есть еще один параметр, — заметил Кенни, — сколько времени прошло с тех пор, как наш пациент заразился этой болезнью, до того момента, как он слег.

— Кенни, вряд ли у него еще в космосе проявлялись какие-то симптомы — иначе бы его просто выкинули наружу через шлюз, — возразила Тия. — Это означает, что, пока они находились в полете, у него длился инкубационный период, а заболел он, только когда они уже прибыли на базу.

— Верно. Мы все это рассчитаем, а потом передадим вам и прочим группам предполагаемую сферу поисков.

Кенни с Ларсом отключились, и Алекс развернулся лицом к пилону Тии.

— По тому региону исчерпывающей информации может и не быть, — заметил Алекс. — Ямахачи находится на границе исследованного космоса. Там все еще работает дальняя разведка. Если не считать каких-то действительно важных вещей, могут пройти недели, месяцы, даже годы, пока то, что известно там, станет известно здесь. Тут потребуется целая поисковая сеть, а не пара-тройка поисковых групп.

— Так почему бы не посоветовать Кенни привлечь не только медиков, но и всю Санитарную службу? — спросила Тия. — У них тоже нет своих мозговых кораблей, но у них полно кораблей, управляемых ИИ, и на каждом из них имеется группа медиков. Они ничем не хуже нас. Быть может, они не такие быстрые, но это, возможно, не так уж плохо.

— Я этим займусь! — сказал Алекс. — Пусть мобилизует все свободные корабли и команды, которые имеются в их распоряжении, а мы пока рассчитаем наиболее вероятные мишени.

— И Службу безопасности тоже! — добавила Тия, когда Алекс

пришлося вновь устанавливать связь с Кенни и его людьми. — Пусть Кенни свяжется с эсбэшниками, и пусть они отправят в этот район своих людей, чтобы отслеживать новые жертвы, слухи об эпидемии, или о зачумленных кораблях, или о кораблях, которые каким-то таинственным образом лишились половины команды!

Это позволит им тысячекратно увеличить количество имеющихся в их распоряжении глаз и ушей.

— Или о кораблях, которые исчезли и не прибыли в место назначения, — мрачно сказал Алекс. — С этим так называемым «вольным» грузовым кораблем рано или поздно случится именно это: они выйдут в гиперпространство, а обратно не вернутся. Или вернутся и останутся болтаться в пустоте, потому что управлять будет уже некому.

Тия пожалела, что не может задрожать и застучать зубами: у нее возникло ощущение, что температура внутри ее капсулы при этих словах опустилась до абсолютного нуля.

Никакой компьютер не сравнится с натренированным умом по части способности идентифицировать или отбросить предлагаемый вариант на основании одних только наиболее общих данных. Алекс с Тией оба взяли себе по сектору рассчитанной для них сферы и принялись проводить свой собственный анализ вариантов, которые предложил им компьютерный поиск.

Некоторые пришлось отбросить сразу: геологическая нестабильность, которая делала бессмысленными любые раскопки. Климат, в котором не бывает снега, климат, в котором не бывает дождя. Относительно густонаселенные планеты с многочисленными поселениями, планеты, лишенные материков, только с цепочками крохотных островков.

Другие были не настолько очевидны. Местности, лишенные примет, или часто меняющиеся приметы. Местности, где есть и снег, и дождь, но где зимой снег лежит слоем в двенадцать футов: в таких местах копать просто невозможно. Первоначально место раскопок, очевидно, было обнаружено случайно: быть может, во время строительства какой-то базы или просто каким-то прохожим...

Планеты, на которых ведется самодеятельная добыча полезных ископаемых, в список входили в обязательном порядке, сельскохозяйственные колонии — нет. Места, где Институт собирался проводить исследования, в него входили, места, где уже работали официальные группы археологов, — не входили. Тия не

стала бы с ходу отметать идею, что никто из археологов не стал бы торговать с контрабандистами, — мало ли у кого какая ситуация! — но она не думала, что археологи стали бы замалчивать существование настолько ужасной заразной болезни.

Закончив картографирование выбранного сектора, они отправляли собранные данные одной из групп. Для себя они приберегали несколько иной план действий: облетать вольные торговые порты в поисках очередных жертв. Они смогут облететь их куда быстрее, чем любой другой корабль, пилотируемый ИИ или обычным пилотом. Быстрее мог бы перемещаться только корабль, оборудованный сингулярным двигателем. Поскольку все эти корабли на данный момент действительно были заняты и поскольку они, в конце концов, имеют дело не с настоящей эпидемией, а всего лишь с одной жертвой, вряд ли приходится надеяться на то, что один из таких кораблей присоединится к их миссии. Так что АГ-1033 будет делать все, что в его силах, — и попытается проследить путь вольного грузового корабля до его начальной точки.

Они работали наперегонки со временем — это знали все, кто принимал участие в этом задании. Если зараза распространится в большой, путешествующей в космосе группе людей, шансы остановить ее, прежде чем умрут миллионы, близки к нулю.

— Алекс! — окликнула Тия в третий раз, еще немного повысив громкость своего голоса. На этот раз он отозвался — не отрываясь от своей работы. Под глазами у него залегли темные круги.

— Что, родная? — спросил он рассеянно, уперившись взглядом в голографическую карту, которая висела перед ним на экране, несмотря на то что глаза у него слипались.

Тия взяла управление экранами на себя и погасила тот, что находился напротив Алекса. Алекс моргнул, обернулся и уставился на нее с усталым упреком.

— Ну зачем ты это сделала? Я как раз изучал географические особенности...

— Алекс! — воскликнула она. — Ты уже полчаса как пялишься в один и тот же экран! Ты, похоже, уже просто ничего не видишь. Алекс, ты более шести часов ничего не ел, ты не спал более двадцати часов, и не мылся, и не переодевался уже двое суток!

Пилот протер глаза и уставился на пустой экран.

— Со мной все в порядке! — возразил он слабым голосом.

— Нет, ты не в порядке! — отрезала Тия. — Ты все время клю-

ешь носом. Да ты посмотри, у тебя уже руки дрожат! Все-таки кофе сна не заменит.

Алекс стиснул кулаки, чтобы помешать рукам дрожать.

— Все со мной в порядке! — упрямо повторил он.

Тия только грубо хмыкнула и сверкнула на него всеми экранами сразу, так что молодой человек вздрогнул и зажмурился.

— Вот, видел? Ты даже не в состоянии управлять своими реакциями! Если ты не будешь есть, то заболеешь, если ты не будешь спать, то пропустишь что-нибудь важное, а если ты не будешь мыться и менять одежду, я тебя лично сдам Санитарной службе!

— Ладно, ладно, радость моя! — вздохнул Алекс, похлопав ее по пилону. — Разогрей мне чего-нибудь поесть. Я скоро буду в столовке.

— И как скоро? — уточнила дотошная Тия.

— Как только приму душ и переоденусь.

Он оторвал себя от стула и поплелся к себе в каюту. Секунду спустя Тия услышала шум воды. Она тайком заглянула туда — и обнаружила то, что и подозревала: Алекс принимал холодный душ.

«Пытаешься проснуться, а? Ну уж нет! Я хочу, чтобы ты расслабился!» Она незаметно поменяла температуру воды — нагрела ее не то чтобы до температуры человеческого тела, но все-таки повыше точки замерзания. И это, видимо, подействовало: когда Алекс выполз из каюты в столовую, переодетый в чистое, он зевал во весь рот.

Она накормила его едой, сдобренной триптофаном, — он слишком устал, чтобы это заметить. И, хотя он заказал себе кофе, кофе он не получил — только успокаивающий травяной чай.

Он похлопал по ее дополнительной панели — на этот раз так, словно хлопал ее по руке, чтобы привлечь внимание. Он часто делал так в последнее время — и еще прикасался к ее пилону, точно к плечу старого и дорогого друга.

— Тия, милая, неужели ты не видишь, что мы уже почти закончили? Осталось еще два сектора — ну, три, если считать с тем, над которым я сейчас работаю...

— И который я вполне могу закончить сама, — твердо заявила Тия. — Я не нуждаюсь в пище, и мне достаточно трех часов Глубокого Сна в сутки. Да, знаю, наше дело срочное. Но если ты себя угробишь, группы от этого быстрее на поиски не отправятся. А если ты и дальше будешь работать на износ, ты вполне можешь пропустить то, что действительно могло бы стать ключом.

— Но... — начал было Алекс, но не закончил и широко зевнул.

— Никаких «но»! — ответила она. — В конце концов, работать с данными — это мое дело. Твое дело на ближайшие восемь часов — спать. Можешь считать, что доступ к базам данных перекрыт, «тело». Я отправляю тебя отдыхать, а если ты меня не послушаешься, то я могу и медиков вызвать!

Алекс слишком устал, чтобы сердиться, и даже для того, чтобы возражать. За последние несколько дней он спал в среднем по четыре часа в сутки. Нервное напряжение будило его задолго до того, как ему удавалось выспаться. Однако изнеможение начинало сказываться на нем. У Тии было такое ощущение, что на этот раз он проспит свои положенные восемь часов, хочет он того или нет.

— Находясь в полубессознательном состоянии, ничего толкового ты не совершишь, — напомнила ему Тия. — Ты ведь знаешь, как говорят в Академии: либо делай как следует, либо не делай вовсе.

— Ладно, сдаюсь! — Алекс вскинул руки вверх и помотал головой. — Ты меня одолела, любовь моя!

И с этими словами он убрел обратно к себе в каюту и как был, одетый, рухнул на койку. И уснул, не успев коснуться головой подушки.

Тия сделала нечто, чего никогда прежде не делала: она продолжала наблюдать за ним через свой глаз в каюте, размышляя о нем, пытаясь понять, что происходило эти несколько дней.

Она забывала, что заточена в пилоне, — не раз, и не два, а на долгие часы. Они говорили и действовали, как... как нормальные люди, а не как «мозг» и «тело». Во время этой лихорадочной гонки незримые, неосознаваемые барьеры, которые их разделяли, каким-то образом растворились.

А за последние десять минут он успел назвать ее «родная», «радость моя», «любовь моя»... Последнее она слышала от него все чаще и чаще.

За эти дни он не раз гладил или похлопывал ее по панели или по пилону, словно прикасался к чьей-то руке, желая привлечь внимание, утешить или подчеркнуть что-то.

Тия считала, что Алекс проделывал все это, сам того не сознавая. Это выглядело очень рассеянно — и очень естественно. Так что Тия даже не знала, что обо всем этом думать. Может, это просто здоровая привязанность: некоторые люди очень небрежно разбрасываются ласковыми словами типа «любовь моя». За Алексом она до сих пор этого не замечала; но, быть может, до сих пор он просто не чувствовал себя достаточно раскованно в ее присут-

ствии. В конце концов, так ли уж давно они знакомы? Всего несколько месяцев — а кажется, будто целая жизнь прошла...

«Нет! — твердо сказала себе Тия. — Все это ничего не значит. Он просто достаточно привык ко мне, чтобы отбросить все условности».

Но чем скорее они завершат свои поиски и снова выберутся в космос, тем скорее все станет так, как прежде.

«Попробую-ка я проработать два из оставшихся трех секторов, пока он не проснулся...»

Ну разумеется, в космопорте, который таинственный вольный грузовик указал в качестве своего очередного пункта назначения, о нем никто и не слышал. Тия, по правде говоря, ни на что другое и не рассчитывала: эти вольные бродяги постоянно меняют свои планы, а если это были контрабандисты, то они тем более не полетят туда, где их ждут!

Она от души надеялась, что корабль не появился в том порту только оттого, что капитан солгал, а не потому, что они сейчас болтаются где-то в открытом космосе. Вести все переговоры она предоставила Алексу: он в последнее время начал проявлять незаурядные актерские способности и великолепно научился говорить только правду и ничего, кроме правды, создавая при этом совершенно ложное впечатление о происходящих событиях.

На этот раз администратор космопорта остался в полном убеждении, что Алекс — представитель Службы налогов и сборов, *намеренный конфисковать корабль*, как только он его разыщет.

Отключив связь после разговора с администратором, Алекс развернулся лицом к экрану, на котором висела схема доступных направлений.

— Как ты это делаешь? — спросила наконец Тия. — Как тебе удается внушить им совершенно не то, что есть на самом деле?

Она вывела на экран карту этого сектора и представила ее в виде голографического изображения. Алекс расхохотался.

— Я играл в театральном кружке с тех пор, как себя помню, — кажется, еще до того, как пошел в школу. Еще одно мое хобби. Я никогда не относился к нему слишком серьезно, хотя мне говорили, что у меня неплохо получается. Я просто пытаюсь представить себя тем человеком, которым мне нужно быть, а потом прикидываю, какая часть правды вписывается в этот образ.

— Хорошо, — сказала Тия, когда они принялись обдумывать, куда мог направиться корабль. — Если бы я была контрабандистом, куда бы мне стоило полететь?

— На станцию Лермонтова, на станцию Пресли, на станцию Корнгольда, на станцию Танга, — сказал Алекс, загибая пальцы. — Они могут появиться и в других местах, но на всех прочих станциях есть эсбэшники, и, если они там появятся, мы об этом сразу узнаем.

— Ну да, при условии, что те, кого поставила туда СБ, не зря получают свою зарплату. А почему именно станция Пресли? — спросила Тия. — Это же просто центральный офис компании, занимающейся разработкой полезных ископаемых на астероидах.

— Там проживает одна из Высших Семей, — возразил Алекс, откинувшись на спинку кресла и сцепив пальцы на затылке. — У них есть деньги на ценные артефакты. Да и у шахтеров денежки водятся — и далеко не все из них просто тупые работяги.

— Я думала, что шахтеры все... ну, довольно грубые, — сказала Тия.

Он покачал головой.

— Шахтеры — люди, а люди всякие бывают. Многие шахтеры ищут, во что бы вложить деньги, а некоторые обставляют свои небольшие кораблики так, что иные яхты Высших Семей могли бы им позавидовать. У них точно есть деньги на безделушки, и их не особо заботит, откуда эта безделушка взялась. И еще одно: консорциум «Пресли-Ли и Блэк» купит руду у кого угодно, в том числе и у вольных старателей, так что у нас есть шанс, что кто-нибудь действительно сам наткнулся на этот клад. Мы можем поместить там объявление о награде за любые сведения, и на него обратят внимание.

— Да, вместе с предупреждением об опасности, — сказала ему Тия. — Остается только надеяться, что эти люди нам поверят. Значит, сперва на Лермонтова, потом на Танга, а потом на Пресли?

— Как скажешь, дорогая, — благодушно откликнулся Алекс и отправил тщательно составленное сообщение в станционную сетку новостей. Они не хотели поднимать панику, однако не хотели также нечаянно пропустить какой-либо намек на нынешнее местонахождение грузового корабля. Кроме того, они не хотели, чтобы по пути заразился кто-нибудь еще. Так что в новостях сообщалось, что искомый корабль может быть заражен сибирской язвой-три: опасной, но не смертельной разновидностью древней земной сибирской язвы.

Закончив отправку сообщения, Алекс снова обернулся к ней.

— Пилотируй ты. А я буду просто кататься.

— Вот наиболее целесообразный вектор, — сказала Тия, пере-

сылая свой полетный план Службе контроля за космическим движением. — *Три дня до Лермонтова, один до Танга, полтора дня до Пресли.*

Несмотря на утверждение Алекса, что он намерен просто покататься, те три дня, что прошли в полете до Лермонтова, они оба не бездельничали. Вместо этого они просматривали все сообщения, полученные пока что от других поисковых групп, разыскивая ключи или намеки на то, что таинственный корабль побывал в одном из исследованных портов. А потом, когда они наконец прибыли на станцию Лермонтова, Алекс продолжил поиски на станции.

На этот раз в качестве прикрытия он избрал роль мелкого торговца артефактами, подыскивающего товар по дешевке. Таких людей было полно: торгашей с чересчур гибкими принципами, которые скупали пачками недорогие артефакты, подделывали документы на них, а потом продавали их уже на легальном рынке коллекционерам средней руки, желающим иметь нечто эдакое, чтобы произвести впечатление на своих знакомых и шефов. Серьезные пираты с таким человеком дело иметь не стали бы — по крайней мере, когда речь шла о действительно ценных предметах. Однако простые члены команды, которые могли наковырять себе немного черепков или чего-то в этом духе, не стоящего внимания начальства, будут только рады с ним встретиться. В данном случае было даже хорошо, что корпус Тии был старой модели, без сингулярного двигателя: она выглядела совершенно неприметной и слегка потрепанной — именно такой корабль подобный деятель и нанял бы для полета на Окраину.

Лермонтов был типичной станцией, служащей перевалочным пунктом для вольных грузовиков и кораблей с сомнительной регистрацией. Не то чтобы совсем пиратский притон: какой-никакой порядок здесь был, — но здесь имелись администраторы, согласные закрыть глаза на прибытие некоторых кораблей, доки, которые брали плату наличными и не слишком пристально вглядывались в документы, а также бары и рестораны, где можно было заключать сделки, не опасаясь подслушивающей аппаратуры.

Туда-то и отправился Алекс, облачившись в один из своих наиболее кричащих костюмов. Тия ужасно боялась, что кто-нибудь опознает в нем пилота-«гело», но ничего с этим поделать она не могла. Алекс не мог даже взять с собой кнопку связи: оборудование защиты от подслушивания, установленное в тамошних забегаловках, непременно среагировало бы на нее, как только он переступил бы порог. Тии оставалось только просматри-

вать новостные сетки станции, разыскивая хотя бы мимолетные упоминания об «их» корабле, и надеяться на то, что Алекс действительно настолько хороший актер, как он сам думает.

Алекс давно освоил один трюк, который полезен, когда надо пить вместе с кем-то, оставаясь при этом трезвым. Все, что нужно, — это небольшая ловкость рук. Предоставляешь жертве допить свой стакан почти до дна, потом меняешь стаканы и предоставляешь ему выпить и твой тоже, а потом заказываешь «еще по одной». После третьей порции такого угощения он даже не будет замечать, что ты совсем не пьешь, — особенно если это ты платишь за напитки.

«Благословим духов космоса за кредитный счет Медслужбы!»

Алекс начал свои поиски с «Розовой кометы» — ее интерьер, оформленный в кислотных тонах, как нельзя лучше гармонировал с его костюмом. Он достаточно быстро выяснил, что нужного ему товара тут не отыскать, однако отказали ему достаточно любезно, тем более что Алекс первым делом угостил всех присутствующих. В этом баре торговали скорее полулегальными услугами, нежели товарами. Бармен даже не знал никого, кто мог бы ему помочь, — зато он знал тех, кто мог бы это знать. Он отправил Алекса во «Фронтир».

Переведя немереное количество спиртного, Алекс пережил комический эпизод с торгашом, который с чего-то решил, будто он, Алекс, интересуется компьютерной порнографией и секс-дроидами, и еще один эпизод со старым шахтером, который утверждал, что ему нужны не артефакты, а примитивное искусство.

— На этих арти-фактах, на них сейчас деньгу не зашибешь! — настаивал дедушка, стуча по столу узловатым кулаком. — Арти-факты богатеям не нужны, рынок ими завален, черт бы его побрал! Я те говорю: держись за примитивное искусство!

Алексу пришлось как следует напоить старого дурака, чтобы от него наконец избавиться. Собственно, возможно, шахтер именно на это и рассчитывал. К тому времени Алекс выяснил, что на самом деле ему нужна «Скала».

В «Скале» он действительно обнаружил золотое дно — но все это было не то, что он искал.

Атмосфера в баре царила на удивление спокойная: деловитый бармен нечеловеческой расы, ненавязчивый вышибала вдвое тяжелее Алекса, и зал, разделенный на маленькие кабинки, из которых ни единого звука наружу не вылетало. Приглушенное освещение, безупречная чистота, умеренные цены. Если здесь и со-

вершались сомнительные сделки, все это делалось тихо и незаметно.

Алекс объяснил бармену, что ему надо, и уселся за один из столиков. Вскоре Медслужбе пришлось уплатить за добрую сотню бетанских погребальных урн, два десятка статуэток змеиных богинь из мыльного камня с Ргхкедана, три изысканных хрустальных канатийских черепа — которые на самом деле стоили таких денег, что Институт и Медицинская служба, пожалуй, простят ему все, что он купил и что он купит еще, — и — вот уж чего он не ожидал увидеть здесь! — священную фигурку-качину Совы-Тандора, изготовленную индейцами-хопи со Старой Земли. Последнюю, скорее всего, просто спёрли у товарища по команде; Алекс мысленно пообещал себе отыскать хозяина и вернуть фигурку ему — или ей. Она была не таким уж важным артефактом, но для владельца, оказавшегося вдали от дома, она, скорее всего, представляла собой священное наследие предков, и потеря этой качины могла стать сокрушительным ударом.

Хотя Алекс оплачивал все за счет кредита, продавцы получали от него деньги наличными. Это оказалось довольно просто: если продавец требовал «деньги на бочку», бармен подходил с деньгами, Алекс выписывал чек на сумму покупки плюс десять процентов в пользу бара, и бармен расплачивался с продавцом. В результате все оставались довольны.

Он поговорил с еще несколькими космонавтами с разных кораблей, исподволь выведывая слухи о болезнях или зачумленных кораблях. Ему пересказали несколько старых историй, которые он уже не раз слышал: о «Бетанском голландце», о «Возвращении», об «Элис Би». Все это произошло несколько десятилетий тому назад: ничего нового.

Он просидел в баре до закрытия — бармен растягивал свои «губы» в радостной «улыбке», видя, какие огромные счета он оплачивает, а гуманоиды-официанты ссорились из-за того, кто следующий будет его обслуживать — такие огромные чаевые он отваливал. Он вспомнил то, что когда-то сказал ему Джон Чернов про эсбэшников: «Им приходится считать каждый четвертак, который они тратят, поэтому они прижимисты, как бухгалтер во время уплаты налогов. Если тебе когда-нибудь придется работать на СБ, будь чуточку щедрее. Тогда тебя ни в чем не заподозрят. А согласись, лучше обнаружить, что твой счет заблокирован за перерасход, чем получить в грудь заряд игольника!»

Незадолго до закрытия в бар явился Тихий Человек. Алекс даже не заметил его прихода, пока не взглянул в сторону стойки

и не увидел, как этот человек беседует с барменом. Не заметил он, и как этот человек подошел к его столику: просто поднял голову и увидел, что он стоит рядом.

— Я так понимаю, что вы покупаете разные вещи, — вполголоса произнес Тихий Человек. — У меня есть кое-что... интересное.

Он на миг разжал кулак и показал миниатюрную вазочку или бутылочку: очаровательную вещицу, отливающую радужным блеском. Стиль этой вещицы показался Алексу странно знакомым, только он никак не мог понять, откуда он ему знаком. Как будто кто-то пытался скрестить арт-нуво с Сальвадором Дали. Вся такая перекошенная, но при этом завораживающе-резкая.

— Да, такие вещи меня действительно интересуют, — любезно ответил Алекс, лихорадочно пытаясь вспомнить, где же он раньше видел такое. — Вся беда в том, что она выглядит дороговатой для моего кармана.

Тихий Человек змеей проскользнул за столик и уселся напротив Алекса.

— Они не настолько дорогие, как вам кажется, — ответил он. — Местный рынок завален подобными вещами.

Внешний вид Тихого Человека соответствовал его манере разговаривать: серый комбинезон, бледное лицо, бесцветные глаза и волосы, неприметные черты.

— У меня около сотни таких безделушек, но мне все никак не удастся их сплавить, вот в чем дело.

— Ценю вашу честность! — сказал Алекс, позволяя себе выказать удивление.

Тихий Человек пожал плечами:

— Вы бы все равно узнали об этом рано или поздно. Большим шишкам нужны были только крупные вещи. Кое-кто еще скупил украшения — я лично думаю, что они сумасшедшие: это был всего лишь титан, эти вещи неудобно носить, и они довольно непрочные. А вот эти бутылочки для благовоний, видимо, привезла одна из первых групп, потому что мне пока ни одной сплавить не удалось. Я рассчитывал, что, может, они хоть вас заинтересуют, раз вы везете товар в другой сектор. Я мог бы отдать их за хорошую цену.

— За сколько именно? — уточнил Алекс. Они начали торговаться. Сделка была завершена через добрых полчаса после официального закрытия бара, но, поскольку Алекс добровольно платил за сок как за спиртное — торговать спиртным позже установленного часа было нельзя, — бармен не имел ничего против его

присутствия. Работники бара пока что прибирали в соседних кабинках, и вот наконец Алекс и Тихий Человек пожали друг другу руки.

— На самом деле эти артефакты не такие уж древние, — признался Тихий Человек после того, как Алекс немного надавил на него. — Но их легко состарить, подержав некоторое время в кислоте. А так им лет восемьсот, ну, может быть, девятьсот. Они с планеты, колонизированной одним из первых людских субсветовых кораблей; в течение некоторого времени колония процветала, потом они ударились в религию, у них начались религиозные войны, и постепенно они истребили друг друга настолько, что их сделалось слишком мало, чтобы осуществлять воспроизводство населения. Судя по всему, последние из них вымерли лет двести тому назад. Из-за религии, прикиньте?

Алекс воззрился на свое новое приобретение с некоторым изумлением.

— Так это людская работа? Совсем не похоже!

Тихий Человек пожал плечами:

— Мне-то откуда знать. Наши большие шишки говорили, что колонисты были этакие эстеты, назад к природе, и все такое. Они поклонялись земле и употребляли старые добрые галлюциногены, чтобы было интереснее, пока кто-то не обкурился настолько, что счел себя очередным великим пророком, а половина колонии переметнулась на его сторону. Ну, в смысле, кто их разберет? Психи, одно слово.

— Ну, пожалуй, я смогу сочинить какую-нибудь байку поэкзотичнее, — весело сказал Алекс. — Моим покупателям будет все равно, правда это или нет. Так как я получу товар?

— Наймите в порту парнишку с машиной, — незамедлительно ответил Тихий Человек. — Я поступлю так же. Пусть встретятся здесь, завтра, в двенадцать ноль-ноль. Ваш парнишка отдаст моему чек, мой отдаст вам коробку. Чек обналичим в баре, как обычно.

Поскольку Алекс точно так же договорился о передаче партии погребальных урн — только на другое время, — он согласился, и они с Тихим Человеком покинули бар и разошлись в разные стороны.

Вернувшись на корабль, Алекс взбежал по лестнице, вместо того чтобы воспользоваться лифтом, все еще пытаясь вспомнить, где же он все-таки видел такие вазочки.

— Что это ты такой веселый? — поинтересовалась Тия. В ее

голосе явственно звучало облегчение: она волновалась из-за его долгого отсутствия.

— Да вот так, весело мне! Я купил на черном рынке некоторое количество артефактов, которые Институт наверняка будет рад получить.

Он выгреб из карманов все, кроме «бутылочки для благовоний», и разложил свою добычу на столе, где Тия могла рассмотреть ее своими камерами с максимальным приближением.

— А вот это, подозреваю, ворованное, — добавил он, разворачивая статуэтку-качину. — Попробуй найти ее хозяина, ладно?

— Легко, — рассеянно ответила Тия. — Я следила по станции за трансакциями твоей кредитки — это был единственный способ определить, где ты находишься. Алекс, два крайних черепа — поддельные, но тот, что в середине, — настоящий и стоит больше, чем все, что ты истратил за сегодняшний вечер.

— Рад слышать! — хмыкнул Алекс. — А то я не знал, что мне скажут Институт и Мелислужба, когда обнаружат, что я даю двойные чаевые и угощаю выпивкой весь бар! Ладно, а вот это — моя последняя находка. Завтра сюда привезут еще целую партию таких же. Слушай, ты не помнишь, где я мог такое видеть, а?

И он поставил на панель крохотную асимметричную вазочку. Тия издала странное нечленораздельное бульканье.

— Алекс! — воскликнула она. — Это же один из артефактов Синьора!

Алекс с размаху хлопнул себя по лбу.

— Ну разумеется! То-то я не мог припомнить, в какой книге мне такое встречалось! О духи космоса... Знаешь, Тия, я ведь только что заключил сделку с членом команды корабля, который возил сюда эти штуки, на приобретение целой партии! Он сказал — цитирую: «Большим шишкам нужны были только крупные вещи». На самом деле это не археологические находки — они из какой-то человеческой колонии, захиревшей на почве религиозных войн.

— Сейчас позвоню по тому номеру, который оставил нам Синьор! — твердо сказала Тия. — Прибереги свои объяснения до тех пор, пока я не дозвонюсь до кого-нибудь.

Тия уже готова была отправить своих роботов выдергивать ниточки из ковра — так она нервничала. Но тут до нее дошло, что она вполне может выследить Алекса по номеру его кредитки, появляющемуся в станционных базах данных. Таким образом она обнаружила его появление в трех разных барах и поняла, что он

решил остаться в «Скале» и принялся тратить там деньги — много денег. Тия поинтересовалась тамошними ценами на спиртное и вскоре уже легко определяла, когда он приобретает артефакты, просто благодаря тому, что тогда суммы его трат не соответствовали никакой сумме цен на напитки. Пару раз это было просто очевидно: выпивки на такие суммы нипочем не одолеть даже целому бару народа.

Тия немного забеспокоилась, обнаружив, что Алекс не ушел из бара после момента официального закрытия — он продолжал заказывать напитки, и она с легким возбуждением осознала, что он, очевидно, заключает какую-то важную сделку.

А когда он вернулся, что-то напевая себе под нос, она поняла, что он действительно напал на золотую жилу.

Артефактов, которые он приобрел, действительно было достаточно, чтобы утихомирить Институт, но, когда Алекс достал вазочку, Тии показалось, что у нее сейчас все контакты поплавятся.

Для нее было настолько очевидно, что это за вещь, что поначалу она просто не могла поверить, что Алекс сам ее не узнал. Но потом она вспомнила, насколько у мягкотелых ненадежная память...

Ладно, неважно. Главное, что это одна из тех вещей, ради которых они сюда явились. Тия включила связь и набрала контактный номер, который оставил ей Синьор, надеясь, что время задержки будет здесь не слишком велико.

Она не знала, куда именно отправилось ее сообщение, но ответ она получила так быстро, что заподозрила, что отвечающий находится на том же участке реального пространства, что и станция Лермонтова. Разумеется, никаких видеоизображений они не получили — если бы Тия все еще полагала, что они выполняют поручение Института, видеосвязь могла бы поколебать ее уверенность. Но и зная, что они, скорее всего, имеют дело со Службой по борьбе с распространением наркотиков, Тия вежливо подыграла им и предоставила Алексу рассказать о деталях сделки, которую он совершил, не демонстрируя им ничего, кроме крупного изображения миниатюрной вазочки.

— Продолжайте действовать в том же направлении! — сказал их собеседник, когда Алекс договорил. — Вы прекрасно поработали и получите заслуженную премию. Приобретите у них этот товар; с остальным мы разберемся сами. Деньги на ваш счет поступят в ближайшее время. Ни о чем не тревожьтесь: они никогда не узнают, что вы не были обычным торговцем.

Никаких упоминаний о заразе не последовало, как и совета

тщательно продезинфицировать полученный товар. Алекс многозначительно взглянул на Тию.

— Слушаюсь, сэр, — ответил он подчеркнуто официально. — Надеюсь, нам удалось вам чем-то помочь.

— Да, вы нам очень помогли, — сказал неизвестный и отключился.

Алекс взял вазочку и принялся вертеть ее в руках, сев в кресло и положив ноги на панель. Тия наняла двух курьеров, чтобы они подъехали сперва к кораблю, за чеками, потом в бар за вещами, которые нужно было забрать, — по счастью, не одновременно. На это ушло не больше пары секунд, а потом Тия снова обратила внимание на Алекса.

— Интересно, что это было: глупая, слепая удача, совпадение или нас нарочно навели на этот след? — с подозрением спросила она. — И где находился этот агент? Такое впечатление, будто он сидел у нас в заднем кармане!

— Сейчас попробую догадаться, — осторожно начал Алекс. — Ну, для начала, нам действительно крупно повезло. Тихий Человек попытался сбыть свои игрушки через все известные ему каналы, о которых Служба по борьбе с наркотиками пока не знает. И обнаружил, что эти каналы переполнены. Он достаточно отчаялся, чтобы обратиться к первому встречному, такому, как я. Подозреваю, его корабль отбывает завтра или в крайнем случае послезавтра.

— Прекрасно. Но почему он взял и продал все это тебе, если он тебя не знает? — осведомилась Тия.

— Потому что я оказался в нужном баре, совершил все нужные действия и вел себя не как представитель наркоконтроля или СБ, — сказал Алекс, потирая большим пальцем грани вазочки. — Я охотно соглашался расплачиваться через бармена — вряд ли эсбэшник пошел бы на такое. Я выглядел как «свой». Подозреваю, он следил за происходящим и ждал, не сцапают ли кого-нибудь из его приятелей после того, как он заключит со мной сделку. И, наконец, нам снова повезло, потому что этот мужик не знает, для чего его «большие шишки» используют более крупные артефакты. Он думает, что худшее, что может ему угрожать, — это что его схватят за руку и оштрафуют за беспошлинный ввоз предметов искусства.

— Но, может быть, его начальство и не использует артефакты для ввоза запрещенных товаров, — заметила Тия, обдумывая все возможные варианты. — Быть может, они просто передают их кому-то другому.

— Ну да, на этой станции такое вполне возможно.

Алекс бережно поставил вазочку на панель.

— Как бы то ни было, думаю, наркоконтроль давно подозревал, что на этих станциях творится нечто подобное. Наверняка где-то поблизости находится их корабль — вот почему мы так быстро получили ответ. Я, еще когда нам давали этот номер, подумал, что это номер корабельной связи, только ничего не сказал.

— Хм...

Тия перебрала в уме все вещи, которые она бы сделала теперь, и получила наиболее вероятный ответ:

— Значит, теперь они просто найдут второго курьера, который явится в «Скалу» в полдень и определят, на какой корабль он отправился, после чего станут следить за этим кораблем? Или это слишком просто?

Алекс зевнул и потянулся.

— Наверное, — сказал он: очевидно, эта игра ему наскучила. — Вряд ли он встретится с курьером прямо у себя на корабле... Ну, как-нибудь они его да выследят. Мы дали им то, чего им не хватало: отправную точку. Теперь от нас ничего не зависит — оно и к лучшему: не хотелось бы мне ввязываться в перестрелку контрабандистов и СБ. Ох, как я устал!

— Поди и отдохни, — тут же сказала Тия. — И убери этот комбинезон из рубки, пока у меня камеры не перегорели!

Алекс рассмеялся — но тем не менее направился прямиком в свою каюту.

Тия даже не потрудилась разбудить свое «тело», когда приблизилась к станции Пресли и установила связь с диспетчером. Она ожидала, что ей ответит обычный ИИ, которым было оборудовано большинство горнодобывающих станций; но нет, голос был человеческий. Несмотря на то что видеосвязь отсутствовала, ошибиться было невозможно: с ней говорил живой человек.

Потому что в голосе звучало напряжение: очевидно, человек был взволнован и очень подавлен.

— АГ-1033, предупреждаем, у нас карантин, код номер пять, — произнес диспетчер с легкой заминкой. Тия подумала, что ему, наверное, не так часто приходится иметь дело с микрофоном. — Мы можем разрешить вам пристыковаться к доку, и наши роботы могут вас заправить, но мы не можем позволить вам открыть шлюз. А в целом мы предпочли бы, чтобы вы отправились к другой станции, если есть такая возможность.

«Код пять не дает ему права отказать нам в заходе в док, но он напутан. И действительно хочет, чтобы мы ушли».

Тия быстро приняла решение.

— Станция Пресли, да будет вам известно, что мы здесь с поручением от Медслужбы Ценкома. Отсылаю подтверждение, — она отправила свои заархивированные данные. — Мы осуществляем стыковку и будем рады, если станция Пресли окажет нам содействие. И пока мы осуществляем стыковку, мы хотели бы связаться с вашим начальником Медицинской службы.

— Э-э... я...

Послышался невнятный шепот, как будто диспетчер советовался с кем-то еще. Потом в микрофоне снова зазвучал его голос:

— Это мы можем осуществить. Ждите указаний относительно стыковки.

Тут человек отошел от комма, и вместо него подключился искусственный интеллект; Тия разбудила Алекса и кратко посвятила его в курс дела, потом дала ему время одеться и выпить кофе, пока осуществляла стыковку, переставшую быть таким уж рутинным процессом. Следуя довольно простым инструкциям ИИ, она не переставала размышлять о том, что же такое творится на станции Пресли.

Что это: начало эпидемии или ложная тревога?

Или... или всего лишь один случай из многих?

Тия нетерпеливо ждала, когда на связь снова выйдет диспетчер. Алекс тем временем успел выпить три чашки кофе и пришел в себя после преждевременного пробуждения. Время тянулось бесконечно — по крайней мере, так казалось.

В конце концов микрофон снова ожил.

— АГ-1033, с вами говорит начальник Медицинской службы.

Голос был другой, более властный. Прежде чем Тия успела ответить, вместе с голосовой связью подключился и видеоканал, и они с Алексом очутились лицом к лицу с изрядно напуганным человеком. Человек был в белой форме Медицинской службы, с нашивками частного терапевта.

— Здравствуйте, — осторожно сказал человек. — Вы... вы действительно из Медслужбы? Вы не очень похожи на врача.

— Я не врач, — тут же нашелся Алекс. — Но Медслужба Ценкома поручила мне расследовать возможный случай распространения нового заразного заболевания, сопровождающегося синдромом иммунодефицита. У нас есть причины предполагать, что источник заболевания находится где-то в вашем секторе, и мы пытаемся проследить путь последней известной нам жертвы.

Доктор заметно побледнел.

— Разрешите, я покажу вам нашего пациента... — прошептал он и потянулся куда-то под экран. Поступил второй сигнал, и Тия переадресовала его на один из боковых экранов.

Тело человека было усеяно гноящимися волдырями, практически идентичными тем, что были у пациента Кенни. Единственная разница состояла в том, что у этого человека заболевание еще не успело зайти настолько далеко.

— Да, это соответствует симптомам того, чьи следы мы разыскиваем, — спокойно сказал Алекс, пока Тия лихорадочно регулировала биохимию своей крови, чтобы унять сердцебиение. — Я так понимаю, что вы поместили его в изолятор и держите на карантине?

— И его, и весь его корабль! — сказал врач, заметно содрогнувшись. — Новых случаев пока нет, но, чтоб мне лопнуть, мы не знаем, ни что это такое, ни в каком направлении оно будет развиваться, ни...

— Позвоните по номеру, который вы видите справа от себя, — перебил его Алекс, стремительно набирая номер на клавиатуре. — Как только закончите разговаривать со мной, позвоните по нему. Это номер Медицинской службы, по которому можно установить контакт с доктором Кеннетом Ухуа-Зоргом. Именно он занимается этим заболеванием; он лечит первого известного нам заболевшего, и если он не знает, что это и что с этим делать, значит, не знает никто. Вот что бы мы хотели от вас: нашей группе поручено отыскать источник этого заболевания. Не известно ли вам, откуда прибыл этот пациент, чем он занимался...

— Не так много, — сказал доктор. Ему явно уже полегчало при мысли о том, что кто-то в Ценкоме «занимается» всем этим. У Тии не хватило духу сказать ему, как мало на самом деле известно Кенни: она надеялась только, что со времени их отбытия он успел найти хоть какое-то средство от этой болезни. — Это вольный старатель; он прибыл сюда с грузом — груз опечатан. Он был болен, но еще сумел пристыковаться самостоятельно, правда, едва сойдя с корабля, тут же свалился на палубу, во всю глотку требуя врача. Разумеется, когда мы давали ему разрешение на стыковку, мы не знали, что он болен...

Начальник Медслужбы не соображал, что бормочет, иначе бы он не допустил этой оговорки. Галактическое право требовало, чтобы жертвам заболеваний предоставляли убежище на условиях строгого карантина, но Тия не сомневалась, что, если бы диспетчером не был ИИ, старателя никогда бы не пустили в док. В луч-

шем случае ему отказали бы в стыковке; а то могли бы и отправить боевой корабль, который разнес бы его на безобидные и неопасные атомы. Она мысленно решила сообщить об этом Кенни в первом же докладе.

— Когда он свалился и один из грузчиков увидел язвы, он нажал на кнопку тревоги, мы опечатали этот док и отправили за ним группу в защитных костюмах, чтобы доставить его в изолятор. Я отправил сверхсрочную депешу нашему начальству, но от них ответа пока дождешься...

— Он не говорил, где мог подхватить эту заразу? — снова перебил его Алекс.

Врач покачал головой.

— Он сказал только, что искал подходящую добычу и внезапно наткнулся на нечто, что выглядело как межзвездная распродажа, — он думает, что там-то он и заразился. Что он имеет в виду, говоря о «межзвездной распродаже», — он не говорит. Говорит только, что там было множество незнакомого ему «барахла».

Ну, это подтверждало их догадки относительно последней жертвы.

— Можем мы с ним поговорить? — спросила Тия.

Врач пожал плечами:

— Попробуйте, если хотите! Я дам вам видеоаудиосвязь с его палатой. Он в сознании и может говорить, но захочет ли он с вами разговаривать — этого я сказать не могу. Нам он, во всяком случае, почти ничего не сказал.

Было очевидно, что ему не терпится связаться с Медслужбой, свалив таким образом проблему на плечи вышестоящих — по крайней мере, символически. Может, его начальников и волновало, где шахтер мог подцепить эту заразу, но, если так, ему они об этом сообщить не потрудились.

Ничего удивительного. Доктор ведь работает на компанию. Ему полагается лечить расстройства желудка у «белых воротничков», пока его подчиненные штопают работяг после драк в забегаловках и чинят кости, переломанные во время аварий на производстве. И худшее, с чем он предполагал столкнуться, — это эпидемия какой-нибудь инфлюэнцы. Разбираться с новой чумой — это было совсем не его дело; по крайней мере, он так думал. Считалось, что диспетчеры зачумленные корабли не подпустят даже близко к станции.

— Спасибо за содействие, доктор, — дружелюбно сказал Алекс. — Будьте так добры, свяжите нас с этим человеком, и мы больше не станем вам докучать.

Доктор отключился, так и не представившись. Не то чтобы Тию это сильно волновало. Ее записи сочтут достаточно веским доказательством при любом расследовании, а теперь, когда доктор передал все полномочия им, он и вовсе сделался никем. Им больше незачем с ним разговаривать. Человек, который им действительно нужен, заточен в изоляторе станционного госпиталя — и надо еще придумать, как убедить его вступить с ними в разговор.

— Ладно, Алекс, — сказала Тия, когда экран наконец потух и никто больше не мог их услышать. — Ты все-таки в таких делах куда больший спец, чем я. Как же нам уговорить этого старого землероя рассказать нам все, что надо?

— Хэнк, меня зовут Алекс, — сказал пилот, глядя на экран, под которым высвечивались все данные о текущем состоянии пациента. — Я — пилот из Курьерской службы, временно работаю на медиков; сейчас вы услышите второй голос — это мой мозговой корабль, Тия.

— Привет, Хэнк, — сказала Тия, тихо радуясь, что она надежно упакована в свой пилон и Хэнк не может видеть ее лица. Алекс притворялся великолепно; Тия знала, что ей с ним никогда не сравняться. Один только вид Хэнка внушал ей... дрожь, отвращение, мурашки по спине — короче, ей было весьма неуютно. Она даже не подозревала, что до сих пор способна испытывать подобные ощущения. — Не знаю, потрудился ли кто-нибудь вам это сообщить, но нас отправили сюда потому, что еще один человек свалился с той же болезнью, что у вас. Она очень заразна, и мы пытаемся предотвратить развитие эпидемии. Согласитесь ли вы нам помочь?

«Расскажи ему все как есть, — посоветовал Кенни, и Алекс согласился. Им удалось связаться сразу после того, как с Зоргом поговорил врач компании. — Пытаться обмануть его нет смысла. Если он поймет, насколько все серьезно, есть шанс, что он согласится-таки сотрудничать».

От повязок язвы становились только хуже, поэтому Хэнк лежал на гелевой подушке. На самом деле «подушка» выглядела как большая ванна с плотным желе, установленная на водяном матрасе. Сейчас только полупрозрачный зеленый гель скрывал его наготу. Гель служил лекарством от ожогов, и это Кенни предложил использовать его для лечения своего пациента. Тот, первый пациент, был все еще жив, но лучше ему не становилось. Они до

сих пор так и не знали, кто это был, если не считать того, что это был жуткий неудачник.

Хэнк взглянул на экран, висящий в углу его комнаты. Его лицо гротескно опухло и потрескалось.

— Эти мордовороты из здешней компании не хотели говорить мне правды, — хрипло произнес он. — Все, что они пытаются сделать, — это отмахнуться от меня. Насколько со мной все хреново?

— Лечения пока не найдено, — напрямик ответил Алекс. — Кроме вас, известно еще об одном заболевшем. Его состояние гораздо хуже вашего, но врачи пока не нашли ничего, что могло бы его облегчить. Это правда.

Хэнк бессильно бранился минуты четыре или пять, пока не выдохся. Потом еще пару минут неподвижно лежал на своей гелевой подушке, закрыв глаза.

Тия решила нарушить молчание:

— Я не знаю, как вы, Хэнк, относитесь ко всей остальной вселенной, но... Нам нужно знать, где вы этим заразились. Если эта болезнь распространится среди населения...

— Ладно, дамочка, — перебил ее Хэнк, все еще не открывая глаз. — Не сотрясайте воздух попусту. Чего уж мне теперь молчать-то?

Он вздохнул — этот вздох подозрительно напоминал всхлип.

— Я на это место напал случайно и не знаю, смог ли бы я отыскать его снова, — но уж вы-то его наверняка отыщете. Я вам сообщу те сведения, что у меня есть. Мне и в самом деле неохота, чтобы этой болячкой болели ребятишки.

— Спасибо, Хэнк, — сдержанно поблагодарил Алекс. — Жаль, что мы ничего не можем для вас сделать. Может быть, вы чего-то хотите?

Хэнк еле заметно качнул головой.

— Вот что я вам скажу: у меня очень сильные боли, а то средство, что они мне колют, особо не помогает, потому что они боятся, что я на него подсяду. Скажите этим коновалам, пусть дают мне любые обезболивающие, какие я попрошу, — если уж я когда-нибудь выздоровею, с зависимостью как-нибудь да справлюсь. Как вы думаете, можно это устроить?

— Я распоряжусь, — твердо ответила Тия.

Алекс приподнял бровь — она напечатала в ответ: «Кенни дал нам такое право. Жестоко будет не помочь бедняге хотя бы этим».

Алекс кивнул.

— Ну вот, Хэнк, моя напарница говорит, что может заставить докторов это сделать. Теперь давайте рассказывайте. Мы все записываем. Разве что вы захотите, чтобы вам дали лекарство прямо сейчас...

— Ну нет. Прямо сейчас мне надо иметь ясную голову, чтобы рассказать вам то немногое, что я знаю.

Хэнк откашлялся.

— Для начала надо сказать, что моя посудина — старая дырявая калоша. Она то и дело вываливается из гиперпространства, и приборы далеко не всегда регистрируют, когда именно она это делает. Короче, как все вышло: она выпала из гиперпространства, а неподалеку от того места оказалась планета земного типа. А грюмы у меня были, считай, пустые, вот я и решил посмотреть, не найдется ли там чего хорошего. Приборы обнаружили в одном месте нечто вроде разрушенных зданий, туда я и двинулся.

— Там вы и заразились этой болезнью? — спросил Алекс.

— Сейчас расскажу. Так вот, смотрю, признаков жизни — никаких, ага? А здания стоят — старые и вроде как раздолбанные, круглые такие, как те летающие тарелки, которые люди видывали в старину. Ну, я и думаю: похоже, археологи до этого места пока не докопались, может, я и подберу чего, что можно будет сплавить? Ну и вот я, стало быть, сел. И тут вижу: вроде кто-то здесь уже побывал. Все выглядело как, ну, я не знаю, как будто кто-то тут рыл и копал, причем долго, прятал добро в пещерах возле зданий и в самих зданиях, которые были не совсем раздолбанные. Часть была уже выкопана, часть как будто только начали копать.

— Что вы имеете в виду? — спросил Алекс.

— Ну, там было такое место, как обычно дети себе представляют место, где должен быть спрятан клад. Пещеры, много-много пещер, часть уже отрытые, и такое впечатление, что в каждой из них что-то есть.

У Хэнка начал язык заплетаться от усталости, но он, похоже, готов был продолжать, и Тия не стала его останавливать.

— Короче, я туда спустился, нагреб чего получше, сделал массу голоснимков — на случай, если я сумею выяснить, где это место, чтобы потом можно было заявить на него свои права.

Он вздохнул.

— Я про это помалкивал — отчасти потому, что не доверяю этим громилам из компании, отчасти потому, что думал: вот вылечусь и вернусь искать это место.

Он кашлянул с несчастным видом.

— Ну, похоже, в ближайшее время вылечиться мне не светит, а?

— Хэнк, я не могу обещать ничего, кроме обезболивающих, — тихо сказала Тия.

— Ага.

Он облизнул бледным языком потрескавшиеся и распухшие губы.

— Слушайте, залезьте на мой корабль. Посмотрите, работал вообще этот треклятый регистратор или нет. Снимки заберите, посмотрите, вдруг по ним получится определить, к каким чертям меня занесло. Вы же Курьерская служба, Курьерской службе доверять можно, это все знают, — если я смогу с этого что-нибудь поиметь, посмотрите, чего можно сделать, ладно?

Последнее было скорее жалобной мольбой, нежели чем-то еще.

— Ну, Хэнк, это я вам могу гарантировать: поскольку вы нам помогли, у Медслужбы имеется специальный фонд для вознаграждения людей, которые помогают ликвидировать эпидемии, — сказал Алекс через несколько секунд, заглянув в соответствующие документы. — Сюда входит оплата всех медицинских расходов, включая протезы и реабилитацию, и полной стоимости конфискованного или уничтоженного личного имущества. Значит, ваш корабль и груз сюда тоже входят. Мы постараемся, чтобы вам выплатили реальную стоимость вашего груза.

Хэнк только вздохнул в ответ — но это был вздох облегчения.

— Это хорошо... — сказал он слабеющим от изнеможения голосом. — Я знал, что Курьерской службе... доверять можно... Слушайте, а нельзя мне прямо сейчас принять это обезболивающее?

Тия ввела код авторизации и привела в действие медицинского робота.

— Сейчас, Хэнк, — сказала она. Человек слегка повернул голову, услышав гудение привода, и провожал глазами шприц, пока тот не коснулся его кожи. — Отныне вы сможете сами управлять роботом: просто скажите ему «Тия», и он сам введет вам то, что надо.

Послышалось шипение, а потом то, что осталось от распухших губ Хэнка, на миг сложилось в улыбку. Тия еще раз подтвердила доступ «по требованию» и разорвала связь. Теперь, чтобы отменить ее распоряжение, потребуется представитель Медслужбы Ценкома.

Алекс тем временем яростно спорил с диспетчером доков. В конце концов ему пришлось отдать прямой приказ, чтобы по-

лучить доступ к дистанционному управлению роботами причалов. Однако после того, как все было улажено, Тии потребовалось буквально несколько секунд, чтобы подключиться к управлению, выбрать оборудованного камерой робота, застрявшего в карантинной зоне, и отправить его на корабль.

Тия выбрала наиболее универсального робота: на гусеничном ходу, с максимальным количеством инструментов и с приличными камерами.

— Ну что, не будем им пока говорить, что глубокий вакуум убивает все вирусы, а? — спросила она, активировав робота и направив его к шлюзу заброшенного корабля.

— Да ты что, смеешься? — фыркнул Алекс. — При здешних меркантильных нравах, по-моему, лучше им и вообще ничего не говорить. Пусть Кенни скажет, если сочтет нужным. Но я готов держать пари, что, как только они об этом узнают, они тут же загерметизируют всю секцию вместе с кораблем, выпустят оттуда весь воздух, подождут немного, потом вломятся и растащат все, что было у Хэнка на корабле, прежде чем мы успеем это заснять!

— Ну да, я бы не стала с тобой спорить! — ответила Тия, подняв робота по пандусу и вкатив его в стоящий нараспашку шлюз.

Хэнк не преувеличивал, говоря, что его корабль — старая развалина: на нем было столько заплат, что Тия с трудом представляла, как это вообще может летать. Половина стенной обшивки была ободрана, плитки пола были трех разных цветов. А когда робот достиг рубки, стало ясно, что латаной-перелатаной на этом корабле была не только отделка.

Повсюду, куда ни глянь, торчали какие-то провода, родные приборные панели давно были заменены другими, принадлежавшими как минимум полудюжине разных кораблей. Неудивительно, что корабль имел тенденцию вываливаться из гиперпространства, — удивительно то, как он вообще ухитрялся туда выходить.

— Как ты думаешь, регистратор зафиксировал, в каком месте он вывалился? — с сомнением спросил Алекс, следя за изображением на экране. Освещение тут работало так же плохо, как и все остальное, но благодаря способностям Тии картинка выглядела вполне сносно. Регистратор, «черный ящик» корабля, который должен был записывать все, что происходило со злосчастной старой посудиной, выглядел не лучше прочих приборов.

— Ну, одно из двух: либо зафиксировал, либо не зафиксировал, — философски ответила Тия. — В любом случае нам примерно известно направление, в котором он двигался. На основа-

нии этих данных мы сможем вычислить район, в котором следует искать эту зачумленную планету.

— Ну да, и поскольку тип планеты известен, если дальняя разведка ее когда-то регистрировала, то мы узнаем, что это за планета, — кивнул Алекс, бегая пальцами по клавиатуре, помогая Тии управляться со сложным роботом. — О, смотри: кажется, это комм! Подгони-ка робота поближе, давай установим прямую связь с кораблем.

— Ага.

Тия заставила робота протиснуться между двумя креслами, из дырявой обивки которых во все стороны пер наполнитель, и подвела его достаточно близко к панели управления, чтобы Алекс мог дотянуться до нее одним из щупов робота. Пока Алекс вводил код доступа к комму, Тия активировала «черный ящик», подключила к нему робота и с помощью еще одного разъема подключила ящик к комму. Она покачала бы головой, если бы могла. Мало того, что на корабле все держалось на честном слове, — судя по всему, многие из операций, которым следовало оставаться автоматическими, были нарочно переключены в режим ручного управления.

— Глазам своим не верю! — сказала она наконец. — Такое впечатление, что, чтобы управлять этой посудиной, нужны были обе руки, да еще и ноги в придачу!

— Возможно, так оно и есть, — заметил Алекс. — Многие из людей постарше именно так и делают. Не доверяют они искусственным интеллектам. Любой из них расскажет тебе несколько длинных историй о том, как знакомый его знакомого один раз чуть не погиб или не разбил свой корабль из-за того, что доверился искусственному интеллекту. И чем дольше они летают, тем больше у них сдвигов на эту тему.

— Хо, а Ценком еще беспокоится, как бы мы, капсульники, не тронулись умом! — фыркнула Тия. — Если за кого и стоит беспокоиться, так это за этих старых землероев...

— Вся проблема в том, что их сдвиги подвергают опасности одного, максимум двух людей, — возразил Алекс. Но как раз в этот момент включился один из входящих каналов связи Тии. — Ну вот. Получается, милая?

— Получается. Сейчас посмотрю, что там есть...

Судя по тому, как «черный ящик» выдавал свое содержимое, в его памяти был не один и не два провала. «Ну ладно. Может, нам и повезет».

— Пошли проверим трюмы?

— Не трюмы, каюты, — поправил Алекс. — Трюмы наверняка наполовину завалены полуобработанной рудой или каким-нибудь металлоломом. Если то, что Хэнк раздобыл в пещерах, чего-то стоит, он наверняка сложил это в каютах.

— Разумно.

Тия аккуратно вытащила робота из рубки, стараясь, чтобы он ни в чем не запутался. Каким-то чудом ей это удалось — она сама не знала как. Нормальной обратной связи с этим роботом у нее не было: она не чувствовала, где находятся его конечности и куда катятся его гусеницы. Это заставило ее еще сильнее ценить свое тело-корабль. Благодаря кинестетической связи с ее накожными сенсорами и внутренними органами она в любой момент знала, где что находится и как оно расположено, не хуже, чем если бы она сама вырастила себе это тело.

Помимо рубки, на корабле было еще две каюты. Одна явно служила спальней самому Хэнку — Тия удивилась, как там чисто и аккуратно. Она рассчитывала увидеть нечто вроде крысиного гнезда. Но, разворачивая робота в сторону второй двери, она вспомнила рубку...

И осознала, что там все так же чисто и аккуратно. Да, торчащие провода и запчасти, собранные с бору по сосенке, создавали впечатление бардака. Но на самом деле никакого бардака там не было: пол и стены были безупречно чисты. На корабле Хэнка царил самый безупречный порядок, какой только можно было поддерживать в подобных условиях.

Вторая дверь была заперта. Алекс не стал миндальничать: все равно кораблю Хэнка прямая дорога на свалку. Робот, в числе прочего, был оборудован небольшим сварочным аппаратом, и Алекс попросту вырезал замок.

Оставшись без запора, дверь распахнулась сама по себе. Тия внезапно осознала, что должен был почувствовать лорд Карнавон, заглянув в отверстие, ведущее в погребальную камеру Тутанхамона.

— Изумительные вещи! — ахнула она, полусознательно процитировав лорда Карнавона.

Должно быть, Хэнк трудился как проклятый, чтобы стащить все это сюда, в каюту. Это были сокровища — во всех смыслах слова. Здесь не было ничего, что не сверкало бы драгоценным металлом и не бросалось бы в глаза изысканным мастерством изготовления. Самой крупной вещью была статуя примерно в метр высотой, изображавшая какое-то стилизованное крылатое существо. Самими мелкими были, вероятно, кольца, горами навален-

ные в стоящих на полу резных каменных ящиках, которые сами по себе являлись произведениями искусства. Если Хэнк получит законное право претендовать хотя бы на часть этого добра, он сможет купить себе новый корабль и все равно останется богатым человеком!

Если выживет, конечно.

Тия обратила внимание, что его добыча сгружена очень бережно, с той же самой аккуратной методичностью, которая была заметна в его собственной каюте. Все ящики с драгоценностями были тщательно прикреплены к полу, каждая вазочка имела свое место. Статуэтки были уложены на койку и закреплены страховочными ремнями. Каюта была набита битком, и тем не менее дверь все еще открывалась. При этом каждая отдельная вещица была тщательно уложена и закреплена так, чтобы при любых маневрах корабля ничто не упало и не разбилось.

— Ты это снимаешь? — спросил Алекс слабым голосом. — А то меня лично обуяла золотая лихорадка. Я буду смотреть и смотреть на эти голоснимки, пока моя алчность не пересилит здравый смысл, а тогда я брошусь туда и с головой зароюсь в это золото!

— Все-все! — поспешно сказала Тия и вывела робота из каюты. Дверь за ним захлопнулась. Алекс вздохнул с облегчением — совершенно искренне.

— Извини, любовь моя, — виновато сказал он. — Никогда не думал, что на меня это так подействует.

— Ну, ты ведь никогда прежде не видел золотых гор стоимостью в несколько миллионов кредитов, — утешила его Тия. — Мне даже страшно подумать, сколько все это стоит на самом деле. Как ты думаешь, где голоснимки? У него в каюте?

— Ну да, в рубке их хранить совершенно негде, — заметил Алекс.

И снова аккуратность Хэнка сберегла им немало времени. Тия поняла, почему он не потрудился им сообщить, куда именно положил снимки. Оказавшись в его каюте, они увидели рядом с небольшим экранчиком ящик с табличкой «Записи», а в ящике в отделении с надписью «Возможные заявки» — распечатанные заявки на право владения, которые он намеревался подать, и снимки.

— Нам сегодня везет! — удивился Алекс. Тия согласилась. Вероятность того, что жертва неведомого заболевания наотрез откажется что-то рассказывать или вообще окажется полубезумной, была гораздо выше. Могло статься и так, что этот человек просто не вел бы никаких записей.

Удача сопутствовала им и дальше: Хэнк держал копии всего, что только можно, включая и снимки, в своем компьютере, и Тия без труда скачала все это к себе в память. Так что им не было нужды выносить что бы то ни было из карантинной зоны.

У них ушло несколько часов на то, чтобы пристыковать в центральную рубку считывающее устройство и подсоединить его к комму, но после того на весь процесс записи ушло несколько наносекунд.

Тия направила робота к шлюзу, уже на выходе в последний раз развернула камеру назад, чтобы проверить, не забыла ли она чего, и обнаружила, что до сих пор имеет доступ к управлению кораблем через робота.

— Алекс, — медленно произнесла она, — а ведь правда, было бы ужасно, если бы шлюз вдруг захлопнулся? Тогда, даже если бы злейшие служащие вздумали спустить из этой секции воздух, чтобы подвергнуть ее обеззараживанию, они все равно не смогли бы ни попасть на корабль, ни даже отвести его от причала. И тогда они так и не узнают, что находится внутри...

Алекс растерянно поморгал — а потом медленно расплылся в улыбке.

— Это было бы ужасно, не правда ли? — согласился он. — Да, знаешь, Тия, я думаю, они так и будут оставаться в нерешительности, пока не появится кто-нибудь из Ценкома — кто-нибудь, наделенный достаточными полномочиями, чтобы конфисковать груз, подвергнуть его обеззараживанию и оценить его стоимость.

— Ну разумеется, — невозмутимо продолжала Тия, отправляя роботу соответствующие команды. — И вообще эти старые корабли — они такие ненадежные: а что, если с системами корабля произойдет нечто, отчего внутри тоже образуется вакуум? Тогда, даже если администрация станции решится замкнуть контакты, чтобы попытаться открыть шлюз, они не смогут это сделать из-за давления. Им придется взрезать двери шлюза, а это может повредить их собственный док. Это будет так неудобно...

— Да уж, это точно! — сказал Алекс, сдерживая смешок.

Тия передала кораблю еще несколько приказов — и злорадно увидела, как корабль открыл шлюз со стороны, обращенной в открытый космос. Через некоторое время робот сообщил, что внутри корабля — вакуум.

Убедившись, что теперь уже никто не сможет ворваться на корабль Хэнка и разграбить его сокровища, Тия отправила роботу последний набор приказов и отключила его до тех пор, пока он

не получит активирующий пароль. Отныне уже точно никто не сможет проникнуть на этот корабль без ее помощи.

Хэнк в любом случае получит как минимум вознаграждение, которое полагается нашедшему клад, вознаграждение, пропорциональное стоимости обнаруженных артефактов. Но теперь оно будет соответствовать реальной стоимости того, что он нашел, а не того, что останется после того, как владельцы станции Пресли заберут себе львиную часть добычи. Если там вообще что-то осталось бы.

— Ну вот, — сказала она, покончив с этими делами. — А теперь пора за работу! Ты умеешь расшифровывать записи «черных ящиков»?

— Худо-бедно умею, — ответил Алекс. — Знаешь что: давай ты займешься снимками, а я пока буду расшифровывать записи, а когда надоест — поменяемся.

— Ну, смотри, чтобы тебя снова не обуяла золотая лихорадка! — предупредила Тия, выводя данные на свои экраны.

На снимках было именно то, о чем рассказывал Хэнк: множество пещер — пещер, которые, по всей видимости, были искусственно высечены в утесах рядом с разрушенными зданиями. Ближайшая была полностью разрыта и совершенно пуста, но дальше были другие пещеры, которые имели выход на поверхность и все еще были набиты сокровищами. Такого Тия не видела когда-либо прежде. Эти пещеры не походили ни на гробницы, ни на еще какие-то обычные археологические объекты — такое впечатление, что это были действительно просто хранилища, причем в каждой из пещер находились предметы, принадлежащие к совершенно иной культуре, нежели в соседних. Те, что Тия увидела на первых снимках, содержали предметы, созданные на планетах, находящихся в нескольких световых годах друг от друга, причем в века, когда эти культуры были еще далеки даже от выхода в космос, не говоря уже о межзвездных перелетах.

Более того: чем дольше Тия рассматривала снимки, тем больше она приходила к выводу, что клады эти очень древние, кто бы ни разрыл их в недавнее время. Такое выветривание поверхности и наслоение щебня, какое она наблюдала на снимках, происходит только в течение многих веков, если не тысячелетий. Да и здания на одном из снимков выглядели чрезвычайно древними...

Кроме того, Тия совершенно не представляла, кто мог их построить.

Так кто вообще мог собрать все эти сокровища, да еще в таком количестве? И зачем они спрятали их под землю? Где они все это

раздобыли — и, главное, почему они не вернулись, чтобы это забрать?

Поблизости от пещер имелись следы того, что нынешние грабители пытались перезахоронить свои находки. Зачем? Чтобы спрятать их снова — или они пытались избежать распространения эпидемии? Сколько грабителей успели заразиться этой болезнью? Судя по количеству разграбленных пещер, такое впечатление, что тут побывало немало народу...

Тия пожалела, что не может сесть и начать грызть ноготь или барабанить пальцами по столу. Сплошные вопросы — и ни одного ответа. А ведь от этого, возможно, зависит множество человеческих жизней...

Ну что ж, есть только один способ найти ответы. Придется отыскать таинственную планету Хэнка и взглянуть на все своими глазами.

Глава 8

Тия подозревала, что центр связи станции Пресли не вполне надежен. Разумеется, она была готова к тому, что все сведения, которые она отправит, будут просмотрены владельцами станции или их доверенными лицами. К несчастью, при подготовке экспедиции не было предусмотрено, что может возникнуть нужда в секретности. У Тии не было никаких паролей и шифровальных устройств. Когда они отправлялись, никто не предвидел, что такое может понадобиться. Пришлось отослать все открытым текстом. Для верности Тия установила собственную связь и продублировала всю информацию. Однако она знала, что все отосланное таким образом может задержаться где-нибудь на отдаленных гиперволновых передаточных станциях.

Как и ожидала Тия, владельцы станции быстро отреагировали на информацию о том, что на корабле Хэнка находятся сокровища, невзирая на то что, по идее, ее сообщений, отправленных Кенни и остальным, вообще никто видеть был не должен. Одно хорошо: первое, что пришло в голову владельцам станции, — это хапнуть то, что было под рукой, а не попытаться выяснить, откуда прилетел Хэнк, — или, например, вынудить его рассказать это им.

Первым признаком того, что информация просочилась наружу, было то, что местное начальство попыталось объявить корабль со всеми потрохами своей собственностью. Они отправили в Верховный суд Центральных Миров прошение о конфискации.

Обнаружив, что Тия успела официально зарегистрировать корабль и все его содержимое на имя Хэнка, они принялись действовать из принципа, что «девять десятых прав на имущество принадлежит тому, в чьих руках оно находится, а если кто-то утверждает, что имущество его, пусть доказывает это в судебном порядке».

Они отправили в секцию рабочих, чтобы те проникли на корабль и вынесли оттуда все, что можно. Однако предусмотрительность Тии помешала им выполнить свои намерения. Хозяева станции шаг за шагом выполняли все, что предвидела Тия, но, разумеется, куда медленнее, чем она все это просчитала.

Тия полагала, что к тому моменту, как у них действительно появится возможность добраться до имущества Хэнка, сюда успеют явиться полномочные представители Курьерской службы. А им с Алексом тем временем предстояло решить другую загадку: где же все-таки находится эта планета с кладом? Та же проблема, с которой они возились вначале, только теперь район поисков сильно сузился и имел скорее форму конуса, нежели сферы.

К несчастью, не только Алекс с Тией охотились за этими сведениями.

И эти люди решили, что Алекс с Тией уже владеют нужной информацией.

Тия непрерывно приматривала за тем, что творится у входа в ее шлюз, — просто так, на всякий случай, даже когда ей нечего было опасаться. А уж в нынешних обстоятельствах, при том что они сейчас единственный корабль Центральных Миров на несколько световых лет в окружности, ее охватило нечто... нечто вроде паранойи. На данный момент лишь три человека наверняка знали, что она — мозговой корабль: Хэнк, диспетчер, который давал им разрешение на стыковку, и тот доктор. Тия была практически уверена, что диспетчер об этом своему начальству ничего не говорил; она знала, что Хэнк никому ничего не скажет; а тот, третий, был в таких расстроенных чувствах, что он, скорее всего, просто забыл об этом.

Во всяком случае, когда кто-то со станции выходил на связь с кораблем, напрямую к ней никто не обращался, и Тия старалась убедить всех, что она — всего лишь ИИ. Пока что уловка вроде бы действовала. Это было очень кстати: никто не предполагает, что ИИ способен распознавать опасности так же, как настоящее разумное существо. Тия могла незамеченной подключиться к оптическим сканерам на подходах к кораблю, и никто не догадает-

ся, что она бдит. В свои три-четыре часа Глубокого Сна Тия старалась впадать тогда, когда Алекс бодрствовал. Обычно она засыпала поутру, когда Алекс был мрачен и неразговорчив и она все равно старалась не заговаривать с ним без особой нужды. Пробудившись, она каждый раз просматривала записи с камер, чтобы убедиться, что она не прозевала ничего важного.

Вот почему через несколько дней после беседы с Хэнком она обратила внимание на человека в комбинезоне докера, который, похоже, работал в две смены. Но никто, кроме него, в две смены не работал... и более того: это было запрещено уставом компании.

Да, что-то здесь было нечисто — и, мало того, этот человек все время держался так, чтобы не терять из виду шлюз Тии. Что ему тут делать? Она не какой-нибудь грузовой корабль, который надо разгружать или загружать, и даже не пассажирский лайнер. В обслуживании она тоже не нуждается. Человек никогда не приближался настолько, чтобы Тия могла понять, что у него на уме, но ей казалось, что он не столько работает, сколько делает вид, что работает.

Разумеется, Тия наблюдала за тем, как он слоняется по причалу. Он неизменно сохранял весьма целеустремленный вид, но при этом ничего толкового не делал — по крайней мере, насколько могла судить Тия. Однако он мало-помалу подбирался все ближе к месту ее стоянки, и в мозгу у Тии все чаще звенел сигнал тревоги, когда она видела, как он краем глаза поглядывает на ее шлюз.

Около шестнадцати ноль-ноль Тия увидела, как он снял приборные панели и принялся выметать оттуда пыль. Это была слишком тонкая работа, чтобы доверить ее роботу.

Вот только он уже чистил под этими панелями не далее как два часа назад.

Это не имело смысла: по правилам, пыль из-за панелей следует выметать каждые две недели, а никак не каждые два часа.

Более того: в его форме что-то было не так. Она имела не совсем тот оттенок серого, что все прочие. Она выглядела новенькой, и вставки были немного чересчур яркие. На складах станции Пресли был большой запас таких комбинезонов, и шить для кого-то новый никаких причин не было — разве что у него какая-то нестандартная фигура. А этот мужчина был настолько стандартен, что дальше некуда. Он был такой неприметный, что Тия сперва обратила внимание на его форму, а потом уж на него самого.

Все это было достаточно неприятно, но мало того: в семнадцать ноль-ноль, когда все прочие докеры отправились ужинать, поблизости от Тии появился еще один человек в слишком новой форме. И первый тоже не спешил уходить.

— Алекс! — встревоженно окликнула Тия. — Тут что-то происходит, и мне это не нравится.

Пилот оторвался от снимков Хэпка, которые внимательно изучал. Весь пол был завален их распечатками, а Алекс сидел рядом на корточках.

— Что случилось?

Она быстро изложила ему ситуацию. А тем временем на причале один за другим появились еще два человека в такой же форме.

Теперь здесь находилось целых четыре докера — и это в разгар перерыва! Причем Тия точно знала, что в ближайшие сутки в этой секции никакой погрузки-разгрузки и прибытия новых кораблей не намечается.

— Знаешь, Тия, мне это тоже не нравится, — сказал Алекс, к ее крайнему облегчению. Он встал и подошел к главной панели управления. — Свяжись-ка ты с администратором и узнай, что...

И тут внезапно, словно повинуясь какому-то сигналу, эти четверо бросили все, что они делали — или, точнее, притворялись, будто делают, — и направились к ее шлюзу.

Тия захлопнула люк, но один из людей, бежавших к ней, держал в руках какую-то черную коробочку. Она не была уверена, что он не сумеет отключить ее запирающие устройства.

— Алекс! — вскричала она, лихорадочно приводя в действие двигатели. — Они хотят ворваться на борт!

Алекс бросился в кресло, готовясь к старту, а Тия отправила информацию о происходящем администратору станции и привела в действие люк причального шлюза.

Шлюз захлопнулся буквально перед носом у подбегающей четверки. Приказ, отправленный на систему управления причальным шлюзом, привел в действие механизм аварийной расстыковки. Нынче мало кто из пилотов знал о существовании такого устройства — оно осталось с недобрых старых времен, когда капитанам кораблей приходилось всерьез опасаться пиратов и захватчиков. Тия привела в действие вспомогательные двигатели, отошла от шлюза, стремительно переключилась на внешние камеры и принялась искать свободный путь в открытый космос.

Благодаря выбросу адреналина все ее реакции ускорились, так что все происходящее разворачивалось перед ней, точно в замед-

ленной съемке. Алекс неизящно всплыл в воздух и судорожно ухватился за кресло, чтобы не улететь. Стремительный обмен сообщениями между ИИ сделался ленивым и невыносимо медлительным. В ее вспомогательных подсистемах осуществлялись расчеты, которых Тия почти не замечала: нечто вроде слабого шума, на фоне которого Тия озиралась в поисках неприятностей — она не сомневалась, что те не заставят себя долго ждать.

— Пристегнись, Алекс!.. — выпалила она — и тут же заметила «пчелку», дистанционно управляемый аппарат, предназначенный для наружных работ. «Пчелка» летела прямо на нее, а следом — двое людей в скафандрах сварщиков с автономными двигателями. Кто-то украл или позаимствовал станционное оборудование, и эти люди намеревались проникнуть внутрь корабля, невзирая на последствия.

В космосе так просто устроить несчастный случай...

Алекс так и не успел пристегнуться. Но ждать было нельзя.

Тия резко развернулась на месте, как раз в тот момент, как Алекс рванулся к стартовому креслу. Он потерял равновесие, а Тия устремилась прочь от станции, пренебрегая всеми законами космовождения и инерции.

Алекс ничком упал на кресло, взвыл от боли и вцепился в него обеими руками.

В сторону Тии направлялось еще одно маленькое судно. Оно двигалось с решимостью корабля, намеренного пойти на таран. Тия добавила ускорение, не обращая внимания на рев тревожной сигнализации. Алекс, постанывая, развернулся и кое-как пристегнулся в кресле. Из его носа по щеке стекала кровь, и губа налилась багровым: то ли он ее прикусил, то ли рассадил.

Тия обогнула буксир, оставив преследователя позади.

Кто же все это устроил? Быть может, за этим стоят Высшие Семьи?

Ну разумеется, нет!..

«Пожалуйста, только не это!»

Она продолжала набирать скорость, оставляя за собой буи с сигналами бедствия и каждые несколько секунд передавая заархивированные сообщения о том, что ее преследуют. Впереди вырос еще один буксир; Тия свернула в самый последний момент, и корабль, управляемый искусственным интеллектом, выстрелил всеми вспомогательными двигателями сразу: ИИ был сбит с толку ее безумными маневрами.

Летящий следом кораблик не отставал: расстояние между ними больше не сокращалось, но и не увеличивалось.

Однако теперь, когда Тия подняла такой шум, даже станция Пресли не сможет пренебречь тем фактом, что кто-то пытался вломиться на корабль. Тем более сейчас, когда со дня на день должны прибыть следователи с Центральных Миров, а она повсюду рассеяла свои сигнальные буи. Если они связаны со станцией, переловить все буи и стереть информацию они не сумеют. И если АГ-1033 просто исчезнет, она сделала все, чтобы никто не поверил, будто это был просто несчастный случай.

«Я надеюсь...»

Поскольку Тия продолжала удаляться в открытый космос, навстречу ей наконец вынырнул патрульный корабль, который очутился между нею и преследователем. *Преследователь запоздало* повернул и обратился в бегство.

Тия замедлила скорость и остановилась. Уровень адреналина в ее крови постепенно приходил в норму.

«Я помню, что такое задыхаться. Я помню, что такое дрожать. Сейчас я бы дрожала и задыхалась, если бы могла». А так по ее сенсорам пробегали случайные импульсы, призрачные ощущения того, что могло бы быть: залпы орудий, лучи наведения...

«Сердце, успокойся! Все в порядке». Постепенно ее восприятие вернулось к реальному времени, и внешний мир вновь «ускорился». В этот момент на связь с ней вышел сам администратор станции.

— Да, разумеется, я уверена, что они пытались ворваться внутрь! — резко ответила Тия в ответ на его вопрос и снова отправила ему свои записи, с крупными планами подозрительных выпуклостей под комбинезонами: размер и форма выпуклостей точно соответствовали игольникам и прочему оружию. Затем она показала «пчелку» и двух людей в скафандрах сварщиков, которые направлялись прямо на нее. — И этот корабль, который гнался за мной, мне уж точно не померещился!

Она повысила голос, сделав его и громче, и пронзительнее.

— Да будет вам известно, что я — *полностью обученная воспитанница* Института экспериментальной медицины! И я не имею привычки воображать и выдумывать что бы то ни было!

Уровень адреналина снова подскочил, но на этот раз уже от гнева. Им грозила реальная опасность — их могли убить! А этот идиот разговаривает с ней, как будто она какая-то... барышня на увеселительной прогулке!

— Я не утверждал, что вам все это померещилось, мэм! — ответил *администратор*, несколько ошарашенный. — Я всего лишь...

— И что это за станция такая, где корабль Курьерской службы

может стать жертвой подобной бреши в системе безопасности? — в гневе продолжала Тия, не обращая внимания на его слова: она чувствовала, что правда на ее стороне, и, кроме того, уже не могла остановиться. — Я доложу об этом координатору сектора по своему собственному каналу связи!

— Нет-нет, мэм, вам совсем не обя...

— Более того, я не пристыкуюсь к станции, пока мне не предоставят причал, оборудованный системами безопасности самого высокого уровня! — продолжала Тия. Она и вправду разгорячилась и теперь готова была потребовать всего, что положено столь важной персоне, как мозговой корабль. — Мой несчастный пилот весь в синяках, с ног до головы, из-за того, что мне пришлось стартовать в аварийном порядке! И хорошо еще, что не случилось худшего! Я требую, чтобы вы отловили этих людей...

— Мы этим занима...

— И я хочу знать все, что они сообщат на допросах, прежде чем я снова подойду к причалу! — закончила она, скрипнув на прощание микрофоном так жутко, что администратор отпрянул от комма и выругался сквозь зубы. — До тех пор я буду торчать тут, мешая подходу других кораблей, и меня не волнует, нравится вам это или нет!

С этими словами Тия перевела администратора в режим записи и предоставила ему объясняться с микрофоном. А сама Тия тем временем занялась Алексом.

Он сидел, прижимая к лицу хирургическую салфетку, пытаясь остановить кровь, текущую из носа и с губы. Вокруг глаз, видневшихся поверх салфетки, набухали синяки. Еще немного — и он начнет смахивать на енота.

Очевидно, в кресло он врезался именно лицом.

— Алекс... — осторожно окликнула Тия. — Ох, Алекс, извини, пожалуйста! Я не хотела... но просто не было времени...

— Помано, — ответил Алекс, еле шевеля распухшими губами. — Ты молодец. Тее больше ничего не ошавалось. Здорово, здорово ты его уелала. Ты наш куда-будь вишешься?

Тия правильно поняла эту фразу как похвалу ее находчивости и проворству, а также вопрос, не планирует ли она куда-то перемещаться в ближайшее время.

— Нет, нельзя сказать, что я планирую куда-то двигаться, — сухо ответила она. — Но и всего того, что произошло только что, я тоже не планировала.

Алекс только крякнул, с трудом выбрался из стартового кресла

и направился в их крошечный медицинский отсек, чтобы его там подштопали.

Тия потихоньку отправила робота в медицинский отсек, чтобы тот прибрал следы крови, и второго — в рубку, благодаря свою счастливую звезду, что не случилось худшего. Если бы в тот момент, когда она рванулась с места, Алекс стоял на ногах...

Ей даже думать не хотелось, что было бы тогда. Вместо этого Тия приказала кухне приготовить мешочки с замороженным гелем. Много мешочков. И на ужин — какое-нибудь пюре.

Они улетели сразу, как только прибыл контингент Курьерской службы, задержавшись только затем, чтобы ввести их в курс дела. Представителей Курьерской службы прибыло даже больше, чем рассчитывала Тия. Не только медицинский и административный персонал Центральных Миров, но и военный мозговой корабль Службы безопасности, XII-1041. Вооруженный до зубов...

«И, разумеется, оборудованный сингулярным двигателем последней модели! — подумала Тия с легкой горечью. — Одни звезды знают, на что он способен! Может, он носит с собой свою собственную точку сингулярности!»

Возможно, начальство станции Пресли полагало, что ему удастся выйти сухим из воды; но если так, то они просчитались. Первым с корабля Службы безопасности сошел вице-адмирал сектора, а за ним — вооруженный эскорт. Вице-адмирал объявил на станции военное положение, проследовал прямиком в кабинет главного администратора, и не прошло и нескольких минут, как на всей станции никто и глазом не мог моргнуть без его разрешения.

Тия еще никогда в жизни никому так не радовалась, как им. В течение часа все свидетели и обвиняемые были взяты под стражу, и Тия наконец могла спокойно дождаться, пока кто-нибудь выйдет с ними на связь и выслушает ее версию событий.

У Алекса до сих пор был такой вид, как будто его допрашивали с применением резинового шланга, так что, когда их вызвал мозговой корабль, на вызов ответила сама Тия, предоставив своему пилоту спокойно продолжать лечение синяков и ушибов.

Номер корабля был ужасно близок к ее номеру, хотя, возможно, у военных идет своя нумерация. И тем не менее... «1041... Возможно, этот мозг был моим одноклассником...»

— Тия, это ты там? — было первое, что она услышала по связи. «Голос» — резкие обертоны и агрессивная интонация — показался ей очень знакомым.

— Пол?! — откликнулась она, прикидывая, каковы были шансы, что они могли встретиться вот так, случайно.

— Да, в своей собственной капсуле и готов надрать кое-кому хвост! — жизнерадостно отозвался Пол. — Ты-то как, черт тебя возьми? Мне передавали, что у тебя тут неприятности. Большие шишки сказали «Вперед!», и вот мы примчались.

— Ну да, неприятности... если можно так выразиться.

Она отправила Полу заархивированную запись своего краткого — но жуткого, по крайней мере с ее точки зрения, — бегства. Пол стремительно проглядел присланные материалы и прислал в ответ бессловный набор звуков и цветовых пятен, который обозначал у них удивление и восхищение. Будь Пол мягкотелым, он бы присвистнул.

— Неплохой полет, и это говорю тебе я! — сказал он. — Как ты прошмыгнула под этим буксиром! Может, тебе следовало бы все-таки попроситься в Службу безопасности или в Военный флот?

— Не думаю, — возразила Тия. — Этих сильных ощущений с меня хватит на будущие лет десять.

— Ну, как хочешь! — Пол рассмеялся так, будто не поверил ей. — Мое «тело» хочет поговорить с твоим. Пора докладывать.

Тия окликнула Алекса. Алекс лежал пластом у себя на койке, с ледяным мешочком на опухших глазах. Он кое-как доплелся до центральной рубки и рухнул в кресло. Тия подумала, что в кои-то веки никто не обратит внимания на его мятую форму: в глаза первым делом бросались черно-сине-лиловые синяки.

— Связь установлена, — доложила Тия Полу и активировала видеоканал.

Как она и предполагала, исходя из оставшихся у нее впечатлений от кандидатов в ее пилоты, на экране появилась Хрия Шанс. На ее узком лице отразилось искреннее изумление. Тия обратила внимание, что Хрия по-прежнему носит свою кожаную форму — это говорило о том, что Хрия почти наверняка принадлежит к одной из Высших Семей. Маленькие странности типа формы, пошитой на заказ, прощались только отпрыскам Высших Семей, и вдобавок имеющим безупречный послужной список. Тия не сомневалась, что послужной список Хрии идеален.

Тия обнаружила еще одну черту, помимо вооружения, отличающую корабли Курьерской службы от военных курьеров. За спиной Хрии виднелась еще одна приборная панель и второе кресло; в кресле сидел худощавый мужчина с острыми чертами лица, в такой же форме, как у Хрии. Вокруг его длинной шеи

была обвязана узорчатая кожаная лента. Он выглядел таким же диким и агрессивным, как и Хрия. Пожалуй, даже более диким. У него было беспощадное лицо уроженца одной из внешних систем.

Короче, они с Хрией, вероятно, были просто созданы друг для друга.

— Долбани меня сверхновая! — воскликнула Хрия после нескольких секунд ошеломленного молчания. — Алекс, что с тобой приключилось? В ваших депешах ничего не говорилось... Ты что, подрался?!

— Да нет, Брунгильда, ни с кем я не дрался, — ответил Алекс устало, но со свойственным ему юмором. — Не волнуйся. Это все я виноват — или, может быть, не я, а стечение обстоятельств. Я просто ударился о кресло при ускорении... Тия, какое там у нас было ускорение?

— Около двух g, — виновато сказала Тия.

Хрия недоверчиво покачала головой.

— Ага, ну ладно. А то я уже собралась спуститься на станцию и поотрывать головы тамошним громилам, чтобы знали, как себя вести.

Она откинулась на спинку кресла и улыбнулась Алексу.

— Мне очень жаль, летун. Смотри, в следующий раз не забывай пристегнуться!

— Ну, авось в следующий раз меня предупредят заранее, — ответил Алекс. — Представляешь, эти клоуны попытались вломиться к нам на корабль без предупреждения! Думаю, надо ввести новые правила, согласно которым преступникам следует уведомлять своих жертв как минимум за двадцать четыре часа до начала взлома. На специальном бланке, и отсылать копию в полицию.

Хрия расхохоталась.

— И то верно! Кстати, вы в курсе, что наши чрезвычайно признательны вам обоим? Они уже прозвали вас своей «охотничьей собакой», столько дичи вы им раздобыли!

— Несомненно.

Алекс принял ту же позу, что и Хрия, только Хрия сложила пальцы домиком, а он потер ноющий висок.

— Так надо понимать, что вы нас вызвали не затем, чтобы просто поболтать? Мы должны вам что-то доложить?

— Ну... И да, и нет, — Хрия пожала плечами, но глаза у нее лукаво блеснули. — В ваших докладах мы на самом деле не нуждаемся, но мне надо передать вам пару приказов. Во-первых, мне

было велено передать вам, что, если вы вычислите, где именно находится клад вашего земляка, сообщите нам координаты, чтобы мы знали, где он находится, и чешите туда сами с максимально возможной скоростью. Мы отправимся следом за вами, как только появится возможность, но прямо сейчас нам надо надрать несколько высокопоставленных задниц на этой станции.

— Очень мило с вашей стороны, — сухо сказал Алекс. — Вы предоставляете нам право первыми сунуться туда и принять на себя всю славу первооткрывателей. Что, мы по-прежнему ваша «охотничья собака» или нас повысили до «самодвижущегося магнита, притягивающего неприятности»?

Хрия только расхохоталась.

— Брось, парень, мы же одна команда! Подумай о том, что где-то там все еще сохраняется источник заразы и у вас больше всего шансов его найти — мы-то ведь не знаем, что именно ищем!

Она взглянула на него, приподняв бровь. Алекс нехотя кивнул.

— Потом, опять же, когда вы обнаружите это место, вы лучше будете знать, что там делать. Я так понимаю, что ваше начальство хочет остановить эпидемию, но, помимо этого, оно хочет еще и сберечь все эти статуи и прочую лабуду. Что там делать нам с Нилом? Отстреливать вирусы из лазерной пушки? Нил, конечно, первоклассный стрелок, но в стрельбе по микробам он пока не упражнялся!

Остролицый человек, который виднелся у нее за спиной, развел руками и усмехнулся.

— Так что если обнаружите вероятное местонахождение, дайте нам знать, чтобы мы могли последовать за вами. А в остальном, — Хрия развела руками, — вы нам здесь больше не нужны! Летите куда угодно, маленькие пташки: записей, которые вы столь предусмотрительно раскидали по всему сектору, будет вполне достаточно, чтобы обнаружить этих преступников, скрутить их и вывести на чистую воду.

— Вот что у нас есть, — сказала Тия прежде, чем Алекс успел ответить. Она передала Полу копии их расчетов. — Как видите, мы сократили число возможных мест до трех наиболее вероятных вариантов. Из этих планет только на одной зарегистрированы руины построек, возведенных разумными существами, так что нам именно этот вариант и представляется наиболее подходящим. Жаль, конечно, что в сведениях не сказано ничего, кроме «наличие остатков построек», но тут уж ничего не поделаешь.

— Разведчики! — вздохнул Пол. — Что поделаешь, в дальней

разведке люди быстро выгорают. А чего остается ждать, когда они месяцами только и делают, что мотаются от планеты к планете и оставляют спутник за спутником, и даже поговорить им не с кем, кроме собственного ИИ? Даже удивительно, как они с ума не сходят от такой жизни. Я бы точно сошел с ума.

Пол казался куда более разговорчивым и жизнерадостным, чем его помнила Тия. Похоже, его «тело» его вполне устраивало, да и Хрия имела непринужденный вид «тела», нашедшего себе идеального напарника. Но тем не менее Хрия все-таки довольно странная личность, а между тем Служба безопасности и военные позволяют своим мозговым кораблям менять пилотов только в самом крайнем случае... В самом ли деле Пол всем доволен?

«Пол, — спросила его Тия по внутренней связи, к которой никто из пилотов подключиться не мог, — как тебе твое «тело»?»

Пол рассмеялся и ответил тем же способом:

«Лучше просто быть не может! Я не променял бы Хрию с Нилом ни на одну другую пару в СБ! Мы ведь всегда работаем втроем: двойное «тело» и «мозг». Это сделано для надежности, поскольку мы имеем дело с оружием. Хрия — старший офицер, а Нил — стрелок; но он старательно учится и сейчас уже может заменить ее во всем. Он получил высшую квалификацию. Насколько я знаю, такое бывает нечасто».

«А почему же тогда ему не дадут собственный мозговой корабль? — спросила озадаченная Тия. — Если он повысил свою квалификацию, его должны повысить по службе, разве нет?»

«Да кто их разберет, этих мягкотелых! — небрежно отозвался Пол. — Они с Хрией живут в одной каюте. Возможно, это как-то связано с гормонами. Ну а у тебя как дела? Ты говорила, что будешь очень тщательно выбирать себе пилота. Что, тебя заставили взять именно этого или он действительно хорош?»

На этот вопрос Тия могла бы дать сотню ответов — и некоторые из них сулили ей серьезные неприятности, если бы она ответила с тем энтузиазмом, который испытывала на самом деле.

«Ну, Алекс вполне себе ничего — разумеется, когда не падает лицом на кресло», — ответила она так небрежно, как только могла. Пол рассмеялся и рассказал в ответ несколько анекдотов про мягкотелых, пока Алекс с Хрией расставляли кое-какие точки над «i».

Их корабль был единственным, которому разрешили покинуть пространство у станции Пресли. — Хрия вовсе не шутила, когда сказала, что они намерены самым тщательным образом расследовать все, что тут творится. С другой стороны, принимая во

внимание все обстоятельства, было только к лучшему, что им не придется иметь дело с другими кораблями.

Вот если бы у них был сингулярный двигатель...

«Ничего, — сказала себе Тия, готовясь к переходу в гиперпространство. — Обойдемся и без сингулярного двигателя. Надеюсь только, что наши соперники не вздумают снова «помочь» нам в поисках...»

У этой планеты не было пока даже названия — просто точка на звездной карте. Эпсилон дельта 177.3.3. Да, похоже, прав был Под: разведчик, составлявший карту этого района, явно был человеком перегоревшим. Иначе он хотя бы попытался дать планете имя. Это право — давать названия новооткрытым планетам — было одним из немногих преимуществ дальней разведки, и разведчики им активно пользовались.

Планета обладала всеми признаками того, что Алекс с Тией искали: эксцентрическая орбита и густая пелена облаков, говорившая о том, что внизу идет дождь либо снег. Подходя к планете, Тия уже точно знала: они нашли то, что искали. Ей не надо было даже приближаться к планете, чтобы провести сканирование поверхности.

На орбите вокруг планеты должен был бы вращаться спутник дальней разведки. Планета была земного типа; даже несмотря на ее эксцентрическую орбиту, рано или поздно кто-нибудь непременно захочет там поселиться. Спутник должен был находиться здесь, собирая данные о планете, обо всей системе и о происходящих здесь событиях, буде вдруг что-то произойдет. Он должен был передавать появляющимся здесь кораблям предупреждения о статусе системы — нанесена на карты, но не исследована, находится на биологическом карантине до тех пор, пока не будет осуществлена проверка, возможно, опасна, о наличии разумных туземцев неизвестно, посадка запрещена...

Так вот, этот спутник либо отсутствовал, либо молчал.

— Ну что ж, всякое бывает, — осторожно сказал Алекс, пока Тия приближалась к планете, сбрасывая скорость и готовясь лечь на орбиту. — Иногда эти фиговины ломаются...

Тия недоверчиво фыркнула.

— Нечасто! И каковы шансы на это? Даже если у него вышло из строя передающее устройство, он должен хотя бы подавать ориентировочные сигналы, а тут ничего, вообще ничего!

Выйдя на орбиту, она принялась осматриваться в поисках спутника, надеясь обнаружить хоть что-то.

— Тия, да ты взгляни на это вращение, на эту орбиту! Вполне возможно, что спутник был просто сбит... чем-нибудь.

— Вполне возможно — но тем не менее спутник цел. Я его нашла, Алекс! — торжествующе воскликнула Тия. — Вот он! Но при этом он дохлее перегоревшей лампочки.

Она приблизилась, чтобы получше его рассмотреть. Спутник был огромный, размером вполовину ее самой, так что о том, чтобы втянуть его внутрь, не могло быть и речи, но, пока Тия кружила вокруг него, как любопытная акула, одно стало очевидно.

С виду с ним все было в порядке.

— Никаких следов столкновения нет, и стрелять в него тоже никто не стрелял, — заметил Алекс и вздохнул. — Следов внутреннего возгорания или взрыва тоже не заметно. Я так понимаю, ты уже попробовала его перезапустить?

— Не отвечает, — твердо ответила Тия. — Знаешь что, придется тебе прогуляться.

Алекс что-то буркнул себе под нос и принялся облачаться в скафандр. После нескольких дней перелета его ушибы начали подживать, сделавшись из черно-багрово-синих грязно-желто-зелеными. Тия предполагала, что прочие части его тела примерно в том же состоянии. Но при этом Алекс почему-то явно жалел себя.

«Что мне делать: прикрикнуть на него или попытаться подсесть?» — думала Тия. Со времени разговора с Хрией Алекс был в довольно дурном расположении духа. Это оттого, что у него все еще болят синяки? Или дело в чем-то совсем другом? В языке тела обычных людей столько мелких сигналов, которые Тия и не успела выучить... Однако во время этого разговора что-то явно происходило — но при этом не между Алексом и Хрией. Скорее что-то происходило с Алексом, но из-за Хрии.

Тия так и не успела решить, что с этим делать: Алекс уже оделся в скафандр и пристегнулся к фалу. Теперь он стоял в шлюзе, ожидая, пока Тия закроет внутренний люк.

Тия выругала себя за пустые мысли и привела шлюз в действие. Когда Алекс вышел наружу, она продолжала приглядывать за ним, одновременно озирая пространство в поисках нежданных — и, вероятнее всего, неприятных — гостей.

«При нашей невезучести вполне может статься, что эти грабители могил как раз сейчас и заявятся!»

Алекс с помощью двигателей скафандра подлетел к люку спутника и без труда распахнул его.

«Стоп! Разве люк не должен быть заперт?»

— Тия, входной люк взломан, — сообщил Алекс. В микрофоне скафандра слышалось его хриплое дыхание. — Да, ты была права. Спутник отключили преднамеренно. И довольно грубым способом: просто отсоединили солнечные батареи от приборов. Спутник еще способен держаться на орбите, но и только. Не знаю, почему они просто не сбили его, — возможно, думали, что дальняя разведка способна каким-то образом определять, на месте ли их спутники, и побоялись выдать себя.

— И что нам теперь делать? — растерянно спросила Тия. — Я знаю, ты можешь его починить — но надо ли это делать? Нам нужна информация, которая в нем содержится, но, если ты его починишь, не сочтут ли они, что тут побывала дальняя разведка? Или они просто не заметят?

— Нет, предупреждалку я подключать не стану, пока мы с тобой не соберемся улетать, а то они точно обнаружат, что кто-то собрался кушать из их миски, — медленно произнес Алекс, паря в проеме люка. — Если спутник снова примется советовать всем новоприбывшим убираться куда подальше, они убедятся, что тут побывали представители властей. Но ты права: во-первых, я хочу, чтобы в то время, как мы будем на планете, меня предупредили о том, что здесь кто-то появился, и, во-вторых, я хочу видеть данные о том, что происходило в системе, перед тем как его отключили. И еще я хочу, чтобы спутник продолжал записывать все происходящее. Весь вопрос в том, сумею ли я перенастроить его соответствующим образом?

— А я хочу видеть данные о планете, — сказала ему Тия. — Если повезет, мы сумеем как следует разглядеть эти руины. Возможно, мы увидим даже следы деятельности грабителей. А перенастроить его ты, я думаю, сможешь — или мы сделаем это вместе: ты, главное, подключи солнечные батареи, а я сумею перепрограммировать заложенные в комм спутника функции. Я ведь корабль Курьерской службы, не забывай! Иногда нам приходится работать и на дальнюю разведку, так что у меня есть коды доступа к их спутникам. Думаю, они должны сработать: дальней разведке, похоже, даже в голову не приходит, что кто-то может захотеть взломать их спутник, так что коды они не меняют никогда.

— Неплохо!

Алекс некоторое время покувыркался в проеме люка — на фоне огромного бело-голубого шара это смотрелось весьма внушительно.

— Сейчас-сейчас, вот только сращу пару проводов...

На миг воцарилось молчание, нарушаемое только пыхтением.

– Замечательно, все не так плохо, как я думал! Ну вот. Солнечные батареи подключены. Связь с памятью я тоже установил. Да, похоже, все заработало – ну, по крайней мере, насколько можно судить отсюда.

Тия попыталась скачать данные со спутника – и без труда получила их все. И данные о пространстве внутри системы, и все геофизические данные, зафиксированные до того, как спутник лишили питания. Изображения поверхности планеты в любую погоду, сделанные за множество проходов над ней.

Но кроме этого — ничего. Тот, кто отключил спутник, знал свое дело: та часть памяти, где должны были содержаться записи с изображением пришельцев, была пуста. Тия испробовала с десяток способов до нее добраться, но пришла к неутешительному выводу, что носитель информации был полностью переформатирован, после чего на него записали какую-то бессмыслицу, переформатировали еще раз. Теперь ни один эксперт оттуда ничего не добудет.

– Можешь установить маячок, предупреждающий о чьем-то приближении, и подключить его к нашей системе связи? – спросила она.

– Думаю, да...

Алекс уперся в люк и потянулся в глубь спутника.

– Да, тут все регулируется. Могу только его и оставить включенным — и, если они не будут прослушивать эфир на этой конкретной частоте, они и не заметят, что тут кто-то побывал.

Несколько секунд спустя Тия уловила сигнал на одной из высоких частот своего радиодиапазона. Судя по сигналу, поблизости, на той же орбите, что и сам спутник, находился какой-то корабль. *Сердце у Тии подпрыгнуло*, она готова была удариться в панику...

Но тут же осадила себя, обозвав трусихой. Разумеется, спутник зарегистрировал ее собственное присутствие!

Алекс закрыл и задвинул за собой люк, сделав все как было, и полетел назад, цепляясь за фал. Мгновением позже сработал шлюз, и Алекс вошел в рубку, снял шлем и принялся стаскивать с себя скафандр.

Тия потратила некоторое время на то, чтобы перепрограммировать спутник, стереть предупреждающее сообщение, включить все сканеры внутрисистемного пространства и запись. Потом переключила свое внимание на полученные записи.

– Ну, и что там у нас? – спросил Алекс, выпутываясь из скафандра. – Она или не она?

— Этих руин тут немало, — осторожно ответила Тия, с легкой завистью обнаружив, что спутник разведки способен делать более четкие и детализированные изображения, чем она сама. Но, с другой стороны, зато его возможности ограничены в других отношениях...

— Выглядит многообещающе!

Алекс, выбравшись из скафандра, сел в кресло, оставив скафандр смятой грудой валяться на полу. Тия подождала, пока он углубится в изучение того, что видел на экране, и потихоньку послала робота прибрать скафандр и брошенный отдельно шлем.

— Я бы сказал, что смотреть надо здесь или здесь, — сказал наконец Алекс, указывая на два изображения развалин, находящихся в горах или вблизи горных хребтов. — Тут преобладает именно такая погода, о которой говорил в бреду первый из пострадавших. Смотри, в один и тот же день с утра идет снег, к середине дня — дождь, а вечером — снова снег, и так целыми сезонами.

Тия выделила указанные им места — но обратила внимание еще на три участка. Все три были расположены в широтах, где наклон орбиты должен был оказывать аналогичное влияние на климат. Тия пометила и их тоже — и была вознаграждена одобрительным кивком.

— Вот так. Да, похоже, это та самая планета. Иначе зачем бы кому-то понадобилось выводить из строя спутник? Даже если бы Служба дальней разведки или Институт отправили сюда своих исследователей, они бы просто изменили предупреждающее сообщение, а отключать спутник не стали.

Алекс глубоко вздохнул и слегка расслабил напряженные плечи.

— Осталось только отыскать нужное место.

Для начала надо было сравнить помеченные участки на изображениях со спутника с тем, что имелось на данный момент, и найти изменения, которые не были связаны с временами года и наличием-отсутствием снега. Этим вполне могли заняться компьютеры, пока сама Тия спала. Искать следовало в первую очередь такие изменения, которые могли произойти от постороннего вмешательства в то время, пока земля была еще покрыта снегом. В результате раскопок снег непременно должен был загрязниться, сколько бы грабители ни пытались скрыть следы своего присутствия. Истоптанный снег мог быть только следом

пребывания разумных существ — или стадных животных, но вряд ли стадные животные станут искать себе пищу среди развалин.

Не прошло и часа, как место раскопок было найдено. Причем не приходилось сомневаться, что люди бывают здесь регулярно. Они даже приложили руку к развалинам.

— А это-то им зачем? — гадала вслух Тия, увеличивая изображение одного из самых крупных зданий, которое волшебным образом отрастило себе новую крышу. — Для чего им столько места — и как они ухитрились так быстро восстановить крышу?

— Ничего они не восстанавливали, — возразил Алекс. — Просто затянули дыру пленкой. А насчет того, зачем им это, — посмотри, дыра достаточно велика, чтобы там мог сесть корабль с экипажем из двадцати человек. Это у них и ангар, и одновременно укрытие.

Тия перешла на геостационарную орбиту, проходящую над нужным районом. Внимательно изучив снимки, он с Алексом пришли к выводу, что в последние несколько дней здесь никто не появлялся. Снег был девственно чист, и временная крыша была частично сорвана.

— Да, это здесь, — уверенно сказал наконец Алекс.

Тия застонала.

— Мы все знаем — и не можем ничего доказать! Мы точно знаем, что кто-то там рылся, но мы не сможем доказать, что это и есть то самое зачумленное место. Для этого придется спуститься!

— Ну и что? Тия, где твоя любовь к приключениям? — отозвался Алекс не очень уверенным тоном. — Мы ведь с самого начала знали, что, по-видимому, придется садиться. Нам всего-то и надо, что спуститься вниз и сделать несколько голоснимков, аналогичных снимкам Хэнка. Это будут вполне надежные доказательства.

— Любовь к приключениям я потеряла в тот день, когда в меня попытались вломиться, — твердо возразила Тия. — Нет, спасибочки, я как-нибудь и без приключений проживу.

Она ничего не могла с собой поделать: она постоянно озиралась (в переносном смысле), каждый миг ожидая появления чужого корабля...

Будут ли они вооружены? Тия невольно вспоминала Пола, ощетинившегося оружием, и представляла, как все эти пушки вдруг нацелятся в ее сторону...

Она безоружна. Брони у нее тоже нет. И она даже не очень быстрая.

Но зато она ведь мозговой корабль, не так ли? Она получила

глубокое и многостороннее образование. Уж конечно, если она не сумеет спастись бегством от этих людей или перестрелять их, она всегда найдет способ их перехитрить...

«Ну конечно!»

Так вот, если она собирается их перехитрить, первое, что надо сделать, — это найти способ не дать им обнаружить себя. Значит, пора использовать расширенные возможности спутника для своей пользы...

— Чем ты занимаешься? — спросил Алекс, когда Тия умолкла на несколько минут, отправляя на спутник набор команд, которые должны были позволить ей использовать его камеры.

— Ищу, где бы спрятаться, — сказала ему Тия. — Я тоже могу играть в эти игры. А я меньше их корабля; мне не нужно целого здания, чтобы укрыться. Однако должна тебя предупредить: мне придется припарковаться довольно далеко от места раскопок, так что ты будешь вынужден прогуляться пешочком.

Времени на поиски ушло немало: Тия в течение нескольких часов разыскивала подходящее укрытие, а Алекс тем временем готовился как мог к предстоящему походу. Подготовка состояла в основном в том, что он налаживал скафандр для долгого пребывания в нем: снабдил его изрядным запасом воды и пищевого концентрата, убедился в том, что все системы скафандра выдержат неделю автономного существования — мало ли что может случиться! Перезарядил аккумуляторы, трижды проверил защелки, укрепил клейкой лентой те места, которые имеют тенденцию протираться, и подложил мягкие прокладки туда, где скафандр был плохо подогнан, — короче, сделал все, что можно было сделать со скафандром. Оба понимали, что начиная с того момента, как Алекс выйдет из шлюза, и до тех пор, как он вернется и Тия сможет продезинфицировать и его, и шлюз, ему придется оставаться в скафандре.

И вот наконец, когда в районе раскопок была середина дня «по местному времени», Тия отыскала то, что хотела.

— Я нашла себе укрытие, — сказала она, нарушив длительное молчание, так что Алекс аж вздрогнул. — Ты готов?

— Настолько, насколько вообще могу быть готов, — сказал он несколько чересчур беспечным тоном. В самом ли деле Алекс чуть-чуть побледнел или это ей только кажется? Ну что ж, Тия и сама побледнела бы, если бы могла. Она и сейчас так первничала, что в конце концов ей пришлось слегка подрегулировать биохимический состав своей крови, чтобы успокоиться.

— Тогда пристегнись, — сурово сказала ему Тия. — Мы спус-

касмся внутрь большого циклона, и сейчас нас изрядно поболтает. Дело это непростое, и я не могу обещать, что посадка будет мягкой.

Алекс пристегнул не только себя самого — он методично обошел рубку и закрепил или убрал все, что могло слететь со своих мест. И только после этого он лег в стартовое кресло, тщательно пристегнулся — и Тия начала спуск.

Поначалу все шло довольно гладко, но потом они достигли плотных слоев атмосферы и угодили в бурю. Яростные ветра швыряли Тию из стороны в сторону; порывы урагана появлялись откуда ни возьмись и бросали корабль то вверх, то вниз — куда угодно, только не туда, куда ему было нужно. Тия пробивалась сквозь бурю с мрачной решимостью, гадая, как же грабители-то ухитрялись садиться в такую погоду. У мягкотелого в такую бурю просто вырвало бы из рук рычаги управления!

Разумеется, они могли садиться под управлением искусственного интеллекта. Искусственному интеллекту достаточно назначить курс, и он станет добросовестно его придерживаться. А с непредвиденными обстоятельствами по пути к месту посадки он, в определенных пределах, вполне способен справиться самостоятельно.

В определенных пределах... В этом-то и засада. Если уж ИИ собьется с намеченного курса, он вообще не будет знать, что делать.

«Забудь об этом! — сказала себе Тия. — Для начала тебе нужно сесть самой!»

Когда они спустились еще ниже, ей уже пришлось иметь дело не только с ветрами, но и со снегом. С настоящей снежной бурей, которая облепила снегом весь корпус, постоянно меняя баланс корабля и вынуждая Тию непрерывно перерассчитывать путь к поверхности планеты. Вот же ирония судьбы: она, которая ребенком никогда не видела ничего похожего на непогоду, вынуждена теперь бороться с самым бурным разгулом стихии!

И тут внезапно, когда Тия уже приближалась к намеченному ущелью, буря улеглась, превратившись в легчайший зефир. Снег падал ровно и красиво, как на картинке, — разумеется, полностью заслоняя обзор, но Тия и так давно уже шла по приборам. Тия отрубила двигатели и включила пульсную гравитацию. Нуль-гравитация жрала массу энергии, но это сейчас был единственный способ сохранять контроль над ситуацией. Тия медленно и осторожно опускалась в выбранное ею ущелье. Местечко, которое она себе приметила, было настолько узким, что она

еле могла туда втиснуться, а прямо над ним, если только Тия правильно расшифровала полученные со спутника данные, нависала большая снежная шапка. Этого как раз хватит, чтобы устроить лавину и полностью скрыть корабль, если только быть очень осторожной и не обрушить ее преждевременно.

Тия протиснулась в ущелье — его стены были не дальше чем на ладонь от ее тела. Взглянув мельком на Алекса, она обнаружила, что пилот стиснул зубы и вцепился в подлокотники так, что костяшки пальцев побелели. Он не хуже самой Тии читал показания приборов. Ну да, раньше ей никогда не приходилось садиться в таком узком месте. И, разумеется, она никогда прежде не садилась при условиях, которые в любой момент могут измениться...

Если оставшаяся позади снежная буря ворвется в ущелье, она вполне может подхватить Тию и швырнуть ее на скалы.

«Вот так!» Тия вползла в глубину ущелья и почувствовала, как ее «ноги» надежно вонзились сквозь снег в каменное дно ложбинки. Да, там, внизу, — хорошая, прочная скала. И по обе стороны — тоже скалы, покрытые снегом.

А наверху — снежная шапка, ждущая своего часа.

«Пора!»

Тия врубила внешние динамики и огласила ущелье низким ревом.

И мир вокруг обрушился на них.

— А ты сумеешь отсюда вырваться? — в десятый раз спросил Алекс, когда очередной робот вернулся в шлюз, чтобы подзарядиться.

— Не волнуйся, все не так плохо, — уверенно ответила Тия. Она чувствовала себя гораздо спокойнее теперь, когда ее скрывал от неба слой снега в четыре метра толщиной. Лавины в горах сходят постоянно; в этом ущелье не было ничего такого, что могло бы предупредить грабителей о том, что их обнаружили и здесь скрывается корабль. Более того: грабители могли бы ходить прямо над ней, не подозревая о ее присутствии, пока не обнаружат тоннель, который ее роботы прокапывали на поверхность. И то она не думала, что у кого-то из них хватит наглости заползти в тоннель, который вполне может оказаться входом в логово крупного хищника.

— А если все не так плохо, — капризно осведомился Алекс, — отчего же тогда роботам требуется целая вечность, чтобы протопить тоннель наружу?

— Потому что эти маленькие роботы совершенно не предназначены для подобных работ, — ответила Тия со всем доступным ей терпением. — Это сварщики, а не снегоочистители. И им еще приходится ставить в тоннеле пластиковые подпорки, чтобы он не обрушился и не похоронил тебя под снегом.

Алекс покачал головой, и Тия решила, что объяснять бесполезно.

— Как бы то ни было, они уже почти прорылись наружу, — сказала ему Тия. — Так что пора тебе надевать скафандр.

Так, по крайней мере, ему будет чем заняться.

— Я уже почти сросся со своим скафандром, и мне это не нравится! — пожаловался Алекс. — Я вижу нутро этого скафандра чаще, чем свою каюту.

— Ну, тебе ведь никто не обещал предоставить в этом рейсе удобства высшего класса! — поддразнила его Тия, стараясь не показывать, как нервничает она сама. — Слушай, у меня идея: может, попросить одного из роботов повесить у тебя в шлеме красивые занавесочки?

— Нет уж! — скривился Алекс. — Знаешь, что я тебе скажу: если уж мне приходится проводить столько времени в этой проклятой штуковине, надо будет встроить в нее кое-какие удобства — или потребовать, чтобы мне выдали более новую модель.

Он немного подвигался, убеждаясь, что все сочленения работают нормально.

— Его гигиенические приспособления оставляют желать лучшего.

— Я передам ваши претензии стюарду, — ответила Тия. — Ну а пока — роботы закончили рыть тоннель.

— Похоже, теперь мой черед... — Алекс вздохнул. — Надеюсь, снаружи будет не так холодно, как кажется?

Алекс полз наверх по длинному покатому тоннелю, освещая себе путь светом шлемной лампы. Хотя смотреть было особо не на что: белый сверкающий коридор, который тянулся все вперед и вперед, уходя в ледяную тьму... Казалось, еще немного — и Алекс окажется навеки погребен во льду. Пластиковые подпорки были такие же белые, как снег, и их было совсем не видно, если не знать, что искать. Ну да, наверное, так и должно быть... Но тем не менее Алекс был рад, что они есть. Иначе все эти тонны снега и льда могли бы в любой момент обрушиться на него...

«Прекрати! — резко сказал себе Алекс. — Нашел тоже время развивать у себя клаустрофобию!»

И тем не менее тоннель действительно казался бесконечным. Алексу сделалось холодно, он продрог до костей. Это не был физический холод — судя по показаниям приборов, с температурой его тела все было в порядке. Его леденила эта стерильная пустота. Это одиночество.

«Ну вот, снова ты!.. Прекрати!»

Ему кажется или снег вокруг действительно становится светлее? Алекс отключил фонарь — и да, верно: сквозь снег и лед сочился холодный голубой свет! И впереди... да, впереди показался конец тоннеля, как и было обещано: круглый белый «глаз», который пялился на него сверху!

Алекс пополз быстрее, торопясь выбраться из норы. Обратный путь покажется пустяком по сравнению с этим долгим, нудным путешествием: сесть, оттолкнуться, и он покатится вниз до самого шлюза!

Алекс выполз под густо падающий снег и обнаружил, что роботы потрудились даже лучше, чем рассчитывали они с Тией: выход из тоннеля находился за пределами обвала, как раз под нависающим выступом скалы. Наверно, на этом самом выступе и скапливался снег — неудивительно, что он завалил Тию слоем толщиной в четыре метра! По счастью, снег легко тает: когда понадобится взлететь, она может направить вверх пламя из своих вспомогательных двигателей и повысить температуру внешней обшивки — и тогда все это обратится в воду и пар. Ну, по крайней мере, теоретически.

Это все при условии, что не пойдет дождь, который растопит ее снежный покров еще до того, как это понадобится.

По расчетам Тии, сейчас время шло к вечеру, и Алексу надо было дойти до места раскопок и немного оглядеться до наступления темноты. После этого будет разумнее всего где-нибудь укрыться, свернуться клубочком и постараться заснуть. На этот раз Алекс постарался смягчить все неудобные места в скафандре и надел под него старый, уютный спортивный костюм. Так что спать в этом будет не более неудобно, чем на некоторых койках в бытность его курсантом.

Он направился в сторону раскопок, ориентируясь по карте, выведенной на дисплей на внутренней поверхности шлема.

— Тия! — окликнул он. — Тия, отзовись!

— Я тебя прекрасно слышу, Алекс, — тут же откликнулась она. Просто удивительно, как легко представить ее обычной девушкой, которая сидит на корабле, не отрывая глаз от экранов, на

которых обозначено его местонахождение, нажимая кнопки на панели связи...

«Прекрати! Картинка, конечно, соблазнительная, но она сулит тебе куда больше неприятностей, чем те, в которые ты уже влип».

— Да, Тия, это то самое место.

Он включил внешний обзор своего скафандра и показал Тии всю долину, где находились пещеры. Он стоял на скалах над долиной, и она была видна целиком. Судя по всему, здесь часто свирепствовали бури. Здания были выстроены под защитой скал, а сами скалы были так источены господствующими ветрами, что походили скорее на гребни волн. Понятно, отчего существа, построившие эти здания, предпочитали округлые формы: чтобы ветрам было не за что зацепиться.

— Это похоже на какие-нибудь архитектурные сооружения из твоих баз данных? — спросил Алекс, обводя взглядом здания. — Я лично ничего подобного не припоминаю.

— Я тоже! — ответила Тия. В ее голосе явственно звучало восхищение. — Потрясающе! И ведь это не металл! Как ты думаешь, не может ли это быть керамикой?

— Возможно, какой-то синтетический материал, — предположил Алекс. — Знаешь, невзирая на здешнюю заразу, археологи будут убивать друг друга за право вести здесь раскопки. Как, ну как тот разведчик мог обозначить все это унылым «наличием остатков построек»?

— Ну, этого мы никогда не узнаем, — ответила Тия. — Ладно, поскольку вряд ли в этом районе может быть два таких места и эти здания совпадают с тем, что мы видели на снимках Хэнка, мы можем как минимум предположить, что это та самая планета. Что касается пещер...

— Я спускаюсь туда, — сказал Алекс, нащупывая в снегу опору для ног. Снег поскрипывал у него под подошвами. Алекс спускался боком, осторожно выбирая, куда наступить. Теперь, когда он выбрался из ущелья, где находилась Тия, повсюду виднелись следы оттепелей, сменявшихся новыми заморозками. Под тонким слоем свежевыпавшего снега была грязная корка старого наста. Так что спускаться здесь было довольно опасно. — Кстати, ветер усиливается. Думаю, эта метель нас догнала.

— Да, похоже, — уныло ответила Тия — с этим они уже ничего поделать не могли.

Перевалив через край долины, Алекс увидел внизу пещеры — или, точнее, хранилища, — высеченные в относительно защищенном от ветра ущелье, рассекающем долину надвое. Кроме не-

щер, там были еще какие-то здания и нечто вроде пилонов. Но Алекса интересовали прежде всего пещеры. Правильные овальные отверстия в земле и скале, заделанные чем-то вроде цемента, материала, слегка отличающегося по цвету от окружающей почвы и камня. Ближайшие к нему пещеры были все еще заделаны; те, что находились ближе к зданию с появляющейся и исчезающей крышей, были вскрыты.

Пробираясь в сторону зданий, Алекс, к своему облегчению, обнаружил нечто вроде лестницы, высеченной в скале и ведущей вниз, на дно ущелья. Лестница была немного скользкая, но стоящее перед ней здание все же отчасти защищало от ветра, и спускаться здесь было не так опасно, как по склону.

Хорошо, что содержимое каюты на корабле Хэнка и снимки, сделанные им, подготовили Алекса к тому, что он увидел.

Склон долины, куда открывались пещеры-хранилища, выглядел как внутро пещеры Али-Бабы. Хранилища оказались куда меньше, чем думал Алекс: щели-«окошки» в их стенах были крохотными и очень узкими, чего и следовало ожидать при таком суровом климате. Из-за этого хранилища на снимках выглядели куда больше. На самом же деле они были высотой по грудь Алексу и не более двух-трех метров в глубину. Но этого было более чем достаточно, чтобы вместить воистину царские сокровища...

Многого грабители даже не стали брать. В одном из ближайших хранилищ лежали керамические статуэтки и сосуды, которые грабители явно сочли не имеющими ценности. Некоторые были даже разбиты небрежными руками. Алекс гневно поморщился.

Десятки хранилищ были открыты и опустошены подчистую. Примерно в десяти остались лежать кое-какие предметы, которые были сочтены менее ценными. И еще десятки, пока не вскрытые, уходили вдаль вдоль стены ущелья...

Вход в одно из хранилищ был запечатан чем-то вроде огнемета — оружия, из которого палили до тех пор, пока камень не расплавился, смешавшись с жидким металлом, образовав новую, нерушимую затычку.

— Как ты думаешь, не отсюда ли началось распространение заразы? — сказала Тия ему на ухо.

— Во всяком случае, думаю, что это вполне вероятно, — рассеянно ответил Алекс. — По крайней мере, я на это надеюсь...

Теперь, когда перед Алексом воочию предстала перспектива заразиться жуткой болезнью, блеск металла и бесценных сосудов утратил все свое очарование. «Так это или нет, а скафандра я ни

за что не сниму, какие бы замечательные вещи ни были там, снаружи». В его памяти жуткими призраками всплыли Хэнк и тот, первый заболевший. Скафандр казался Алексу уже не тюрьмой, а самой замечательной вещью во вселенной.

«Мой славный, надежный скафандр...»

Тем не менее Алекс направился дальше, к уже вскрытым хранилищам, компенсируя меркнущий дневной свет светом своего налобного фонаря. Сами хранилища были очень древние; это было ясно по тому, насколько выветрились сооружения и сколько грязи и щебня было навалено вдоль стен ущелья. Грабители, должно быть, вскрыли одно из хранилищ чисто из любопытства или случайно, разыскивая что-то другое. Быть может, они исследовали этот район в поисках надежного убежища. Но что бы ни заставило их отрыть первое из хранилищ, после этого они убрали все, что накопилось вдоль стены, открыв и остальные сокровищницы. Да, все действительно выглядело так, словно здесь хранились сокровища, награбленные на сотнях планет.

Алекс принялся тщательно снимать опустошенные хранилища, Тия же записывала все, даже мельчайшие детали того, что попадало в поле зрения его камеры. Благодаря этому, даже если грабители успеют уничтожить еще какие-нибудь ценности, хотя бы записи останутся. Некоторые вещицы Алекс поднял и положил в свой заплечный мешок — например, любопытную металлическую книжечку...

Алекс сделал еще шаг, потянувшись за валяющейся на земле керамической статуэткой какого-то крылатого двуногого существа...

— Алекс! — вскричала Тия. Он испуганно отдернул руку, его пальцы сжали пустоту.

— Чего? — отозвался он. — Я только хотел...

— Алекс, возвращайся немедленно! — потребовала Тия. — Только что пришел сигнал. Они вернулись и явно собираются приземлиться прямо сейчас!

— Алекс! — воскликнула Тия: ее приборы показывали, что пираты готовятся к приземлению, а Алекс тем временем направлялся не к ней, а в противоположную сторону. — Алекс, что ты делаешь?

Стало уже так темно, что видно было плохо, даже ей. А уж каково ему, Тия себе и представить не могла.

— Я собираюсь спрятаться на верхнем этаже одного из зданий и понаблюдать за этими клоунами, — спокойно ответил Алекс. —

Тут есть одно место, где я могу войти приблизительно на уровне второго этажа, — видишь?

Алекс был прав: по полуразрушенной стене он мог легко подняться к узкой щели-окну второго этажа. А очутившись там, он мог укрыться так, что его не будет видно с земли. А следы его заметет за несколько минут — метель разыгрывалась все сильнее.

— Но... — возразила Тия. — Ты же там один!

Она пыталась мыслить здраво, но в голове у нее кружилась тысяча вариантов развития событий, один другого ужаснее, и это сводило с ума.

— Если тебя поймают, я ничем не смогу тебе помочь!

— Не поймают, — уверенно ответил Алекс и полез наверх.

В любом случае бежать было поздно: пираты садились. Даже если он уйдет прямо сейчас, ему ни за что не успеть вернуться к тоннелю до того, как они приземлятся. А если у пиратов есть инфракрасные сенсоры, они сразу заметят человека, бредущего по снегу.

Тия ввела себе в кровь успокоительное и попыталась оставаться спокойной, как сам Алекс. Но успокоительное не помогало. За то время, пока грабители огибали противоположную сторону планеты, Алекс достиг первого ряда окон-щелей. Он двигался уверенно и неторопливо — настолько неторопливо, что Тии хотелось заорать на него, чтобы он поспешил.

Когда они вошли в атмосферу, Алекс достиг пролома на втором этаже. И как раз в тот момент, когда он перевалился через край пролома, оказавшись в темноте и в относительной безопасности, пиратский корабль завис над долиной, озарив ее своими прожекторами, прорезав яркие дорожки среди тьмы и падающего снега.

Алекс воспользовался светом, чтобы осмотреть комнату, куда он ввалился. Пока комната была освещена, он лежал неподвижно.

Ничего особенного в комнате не было. Пустое помещение с изогнутой внутренней и внешней стеной, во внутренней стене — единственная дверь, по обе стороны — глухие стены. Примерно половина сводчатой крыши провалилась внутрь. Короче, ничего особенного. Под проломом громоздилась снежная куча; окна у соединения боковой и наружной стены были еще целы, и пол был относительно чист. Туда Алекс и направился.

Отсюда открывался великолепный вид как на хранилища, так и на здание, куда медленно опускался корабль пиратов. Тия внимательно наблюдала за их маневрами и пришла к выводу, что, пожалуй, верно догадалась насчет системы, управляемой искус-

ственным интеллектом: корабль двигался рывками, которые у Тии всегда ассоциировались именно с ИИ. Она все боялась, что пираты перехватят сигналы, идущие от скафандра Алекса, но они, по всей видимости, не рассчитывали на то, что кто-то может обнаружить это место, и никаких мер предосторожности не принимали. Они не установили ни маячков, ни сигнальных устройств, и после того, как приземлились и стали выходить из корабля, они совершенно не старались соблюдать тишину.

С другой стороны, при такой ужасной погоде опасаться им действительно было нечего. Снежная буря становилась все неистовее, и ни один ИИ не смог бы посадить корабль при таком ветре. Тия порадовалась, что Алекс находится в укрытии.

Однако буря не помешала грабителям отправить людей, чтобы вскрыть еще одно хранилище...

Тия не поверила своим сенсорам, увидев через камеру Алекса полдюжины фонарей, ползущих по дну ущелья в сторону Алексова укрытия. Переключившись на инфракрасное зрение, Тия увидела, что людей там втрое больше: один фонарь был на троих. Скафандров ни на ком не было, но все были одеты в костюмы, предназначенные для выживания в условиях сильного холода.

— Просто не верится! — пробормотал Алекс.

— И мне тоже, — негромко отозвалась Тия. — Еще немного, и эта метель превратится в настоящую бурю! Они с ума посходили!

Тия просканировала диапазон радиоволн в поисках частоты, на которой поддерживали связь пираты. Найти ее оказалось несложно, и первое, что она услышала, была брань, от которой вяли уши. Пока Алекс пытался устроиться поудобнее в своем убежище, люди, находившиеся внизу, вскрыли еще одно хранилище и принялись выгребать оттуда бесценные, судя по всему, артефакты и грузить их в мешки так небрежно, словно имели дело с булыжниками. Тия скривилась, зная, что Алекс, по всей вероятности, испытывает те же самые чувства.

Грабители явно чувствовали, что время работает против них: судя по тому, в какой спешке они трудились, они знали, что буря еще усилится. Человек, сидевший у радиопередатчика на корабле, непрерывно сообщал им о развитии ситуации и вскоре принялся повторять, что пора возвращаться, иначе буря так разыграется, что они просто не смогут пройти несколько сотен метров до корабля.

Под открытым небом они бы не выжили, даже в своих костюмах, — но Алекс, одетый в скафандр, мог пережить практически любую непогоду. Благодаря дисплеям внутри шлема он мог пере-

двигаться в темноте. Быть может, он сумеет пробраться обратно к ней под прикрытием снежной бури?

По крайней мере, попробовать стоило.

Главарь грабителей наконец обратил внимание на предупреждения радиста.

— Ладно, не зуди, мы возвращаемся! — буркнул он.

Фонари отвернулись от хранилища и медленно поползли назад вдоль ущелья. Радист умолк; секунду спустя в другом конце ущелья вспыхнул маячок, еле видимый сквозь снежную пелену. Скоро фонари пиратов потерялись во тьме и густом снеге. Потом и маячок потух. Ветер усилился.

— Алекс, — спросила Тия, — как ты думаешь, не пора ли тебе возвращаться?

— А ты записала, как я там был? — спросил Алекс.

— Все записала, все до последнего шага, — заверила его Тия. — Думаю, я смогу указать тебе дорогу. Лучшего шанса, чем теперь, у тебя не будет. В хорошую погоду ты не успеешь пройти и двух шагов, как тебя заметят.

Алекс снова выглянул в окно. Его камера показала то, что он видел: почти ничего. За пределами здания была сплошная стена ветра и снега. Даже Тия не могла ничего разглядеть.

— Да, ты права, — сказал он. — Надо попробовать. Лучшего шанса действительно не будет.

Не обращая внимания на тьму за прозрачным окошком шлема, Алекс сосредоточился на данных, появляющихся на дисплее. Это как полет вслепую или передвижение в виртуальной реальности. Не обращай внимания на то, чего хочет от тебя твое зрение и прочие чувства, сосредоточься только на приборах.

Сейчас приборы говорили ему, что он находится у входа в ущелье, где скрывается Тия.

Путь сюда был долгим и опасным. Скафандр спасал от всего, чем грозила снежная буря, но один неверный шаг — и от падения в пропасть не спасло бы ничто. И от лавины тоже. В таких условиях снег наметает быстро, и лавины сходят часто.

Ему помогало то, что он думал о Тии — такой, какой он себе ее представлял. Это согревало его изнутри. В его левом ухе непрерывно звучал голос Тии — она рассказывала ему о том, что удалось опознать на снимках, которые они сделали до прибытия пиратов. Таким образом она старалась его подбодрить. Иногда Алекс отвечал ей, но в основном слушал. Тия была теплом и жизнью в этом мире тьмы и холода, и, пока Алекс мог представлять

се себе сидящей в пилотском кресле, со сверкающими глазами и лукавой улыбкой, он находил в себе достаточно сил, чтобы брести по колено в снегу.

Но он устал, ужасно устал. Ему так хотелось ненадолго прилечь и отдохнуть, чтобы снег прикрыл его легким одеялом.

— Алекс, ты пришел! — сказала вдруг Тия, оборвав саму себя на полуслове.

— Куда? — тупо спросил Алекс. Он так устал...

— Ты на месте. Вход в тоннель где-то рядом...

Настойчивый тон Тии вывел Алекса из ступора, в котором он пребывал.

— Пошарь вокруг себя, у стены ущелья! Возможно, вход замело снегом, но он точно где-то рядом!

Об этом он даже не подумал! А что, если вход вообще засыпало? И он застрянет тут, посреди снежной бури, одинокий и беззащитный?

«Прекрати! — сурово сказал он себе. — Прекрати немедленно! Все с тобой будет в порядке! Обогреватели скафандра рассчитаны на работу в космосе, какая-то несчастная метель им не страшна!»

Да, если только они не сломаются...

Алекс дернулся вправо, вытянув руки, и принялся лихорадочно нащупывать стену ущелья. Он споткнулся в спешке и ударился головой. По счастью, лицевая пластина была изготовлена из более прочного материала, чем обычный поликлас: в голове зазвенело, но шлем выдержал.

Так, вот она, стена ущелья. Но где же...

И тут почва ушла из-под ног, и Алекс полетел вниз. Он завопил от страха, ударился затылком. Он все падал, падал...

Нет!

Нет, он не падал, он скользил. Он провалился в тоннель!

Алекс поспешно растопырил руки и ноги, чтобы упереться в стенки тоннеля и замедлить скольжение, и включил налобный фонарь. Посреди снежной бури фонарь все равно был бесполезен. Он и теперь был практически бесполезен, однако Алекс рассмеялся от радости при виде света, который отражался от белого льда у него над лицом. Свет! Наконец-то!

А где-то снизу вспыхнул другой, более яркий свет. Дальний конец тоннеля лучился теплым белым светом: Тия открыла шлюз и включила внутри свет. Алекс летел ему навстречу по длинному темному тоннелю, не задумываясь о том, не ушибется ли он. Главное, что он скоро будет дома!

Дома...

Глава 9

Шорох локаторов был словно прикосновение шелка к коже Тии — в те времена, когда у нее была кожа. Как отдаленный, почти неслышный звук.

Она старалась держаться как можно тише, не подавая ни малейших признаков жизни. «Нас тут нет. Вы нас не отыщете. Почему бы вам не набить поскорее свои трюмы и не убраться отсюда?»

То, что казалось хорошим укрытием, теперь стало ловушкой. Тия отключила все приборы, какие могла; Алекс старался двигаться как можно меньше. У них не было возможности выяснить, какими именно следящими системами снабжен корабль пиратов, так что они действовали, исходя из предположения, что любой подозрительный шорох может сообщить врагу об их существовании, если не об их местонахождении.

Неизвестно, почему поначалу грабители вели себя столь небрежно: из-за бури или оттого, что их обуяла алчность, — а возможно, их насторожило что-то из того, что делали Тия и Алекс, — но теперь они действовали именно так, как Тия ожидала с самого начала. Расставили сигнальные маячки и охранные системы. Весь район время от времени прошаривали локаторами, так что Алексу нечего было и думать во второй раз дойти до развалин.

И мало того: на орбите висело еще два корабля, прибывших во время снежной бури! Один из этих кораблей проверил спутник. Обнаружили ли они изменения, сделанные Алексом, или это была стандартная процедура, которую они выполняли каждый раз, как появлялись здесь? Тия этого не знала и узнать не могла.

Как бы то ни было, из-за них нечего было и думать о том, чтобы улететь, — и она не собиралась ничего передавать на спутник. Спутник по-прежнему посылал сигналы, и Тия надеялась, что это лишь потому, что пираты не стали проверять его слишком тщательно. Но вдруг пираты хотят усыпить их бдительность, заставить их почувствовать себя в безопасности?

Большую часть времени Алекс с Тией изучали голоснимки и те немногие артефакты, которые Алекс сумел принести из хранилищ, — разумеется, после того, как Тия простерилизовала их всеми доступными ей способами.

В конце концов, говорила себе Тия, не останутся же пираты тут навсегда? Или останутся?

А вдруг они уже догадываются, что Тия здесь? Ведь кто-то на

станции Пресли пронюхал о том, что им удалось разузнать от Хэнка о его грузе. Возможно, утечка информации распространилась и за пределы станции?

Тии было страшно, и она не решалась сказать об этом Алексу; она чувствовала себя напряженной, как натянутые струны, и снять напряжение не было никакой возможности.

Тия знала, что и Алекса мучают те же самые мысли, хотя он никогда не высказывал их вслух. Вместо этого он полностью сосредоточился на загадочной книжечке из металлических пластин, которую принес из сокровищницы.

Вдоль правого края каждой пластины тянулись какие-то письмена, вдоль левого — полоска с необычным матовым покрытием. Но главное, что середина каждой «страницы» была покрыта мелкими, как булавочные уколы, точками, которые складывались в узоры — очевидно, изображения созвездий. Тия с Алексом оба посвятили немало времени изучению звездного неба и потому сразу опознали в этих изображениях астронавигационные карты. Но для чего были нужны эти карты — и, главное, что служило отправной точкой? Судя по всему, определить это не представлялось возможным.

Кто же изготовил эти карты? Письмена представлялись смутно знакомыми, но определить, почему именно, не могла даже Тия.

Этой загадки было достаточно, чтобы поглотить все внимание Алекса, но недостаточно, чтобы занять Тию. Проще было наблюдать за своим пилотом. Тия смотрела, как он сидит в кресле: необычное, но красивое лицо сосредоточено, единственная лампа освещает его голову, склоненную над артефактом, прочая часть рубки погружена во тьму, по экрану ползут строки данных...

Это было похоже на сцену из триллера. Герой выжидает, он изнывает от напряжения, но не желает показывать своей уязвимости, — а где-то поблизости караулит враг... У него в руках бесценные данные, и герой не может допустить, чтобы они достались врагу. Он думает о своей возлюбленной, которую оставил дома, не зная, увидится ли он с ней снова...

«Тресни моя капсула!» Нет, такие мысли до добра не доведут.

Тия не могла ни расхаживать взад-вперед, ни грызть ногти — она не могла даже почитать что-нибудь, чтобы отвлечься. Наконец она включила одного из роботов и потихоньку отправила его в каюту к Алексу, чтобы прибраться там. Там ведь было не убрано с тех самых пор, как они улетели с базы: уборка Алекса сводилась к тому, что он распихивал вещи по ящикам и шкафчикам и с

грехом пополам закрывал дверцы. Почистить его одежду сейчас нельзя — но как только они оторвутся от погони...

Если они оторвутся от погони. И если они сумеют выбраться из-под второй лавины, которая сошла на них после снегопада. Теперь над ними возвышалось уже не четыре, а все восемь метров снега. Не факт, что она сумеет все это растопить.

«Прекрати! Как-нибудь да выберемся!»

Тия аккуратно разбирала ящик за ящиком, раскладывая по местам чистые вещи и унося прочь пошеные. Делать это приходилось очень осторожно, потому что между тряпками валялось немало мелких вещиц.

Однако она никак не ожидала найти того, что было засунуто в груду постельного белья.

Это был голокуб... с нею самой.

Тия снова и снова крутила куб в держателях робота, меняя картинки. Все они были знакомые. Она до болезни; она на дне рождения; она в обнимку с мишкой Теодором...

А вот она в своем новом скафандре стоит на фоне фрагмента стены, покрытой письменами эскайцев. Смешная картинка; мама из-за нее смеялась над папой, потому что тот по привычке навел камеру не на дочку, а на письмена. Так что Тия получилась где-то сбоку и не в фокусе, зато письмена были видны вполне отчетливо.

И тут Тию осенило. Письмена! Вот где она их видела раньше! Да, эти были высечены на камне, а не написаны, а века и песчаные бури стерли их почти до полной неузнаваемости. И письмена эти были округлыми, в то время как в книжечке письмена угловатые. И тем не менее...

Тия быстро сравнила те и другие надписи между собой — и ее посетило новое озарение.

— Алекс! — возбужденно шепнула она. — Смотри!

Когда Алекс поднял голову, она вывела на экран письмена со старого голоснимка, взяла надпись с третьей страницы металлической книжечки и наложила одну на другую. Если не считать различий в стиле надписей, обе были абсолютно идентичны.

— Эскайцы! — ошеломленно пробормотал Алекс. — Духи космоса, так эта книжечка изготовлена эскайцами!

— Думаю, эти хранилища и здания возведены какой-то расой, которая хорошо знала эскайцев, — сказала Тия. — Но даже если нет... Алекс, как ты думаешь, нельзя ли предположить, что на этих картах изображена родная планета эскайцев? Главное — ее вычислить!

— Думаю, это логично, — ответил он, поразмыслив. — Вот, погляди на эту матовую полоску — такая есть на каждой странице, и всегда на одном и том же месте, у самого края. Могу поклясться, что это нечто вроде носителя информации, возможно, оптического...

— Дай-ка мне на нее взглянуть! — потребовала Тия. — Отнеси ее в лабораторию.

Теперь ей тоже было чем заняться.

Это помогало не думать о нем.

А Алексу ничего не оставалось, как читать и размышлять. Тия направила все имеющиеся в ее распоряжении ресурсы на исследование артефакта, он же пялился в экраны и изо всех сил надеялся, что пиратам не придет в голову поискать под снегом большие массы металла.

Чтение скоро надоело; музыку слушать было нельзя — их могли обнаружить, даже если слушать в наушниках, а наушников Алекс терпеть не мог. Смотреть развлекательные фильмы Алекс никогда не любил, и кроме того, шуму от них не меньше, чем от музыки...

Оставалось лежать в темноте наедине со своими мыслями — а мысли неизменно возвращались к Тии. Алекс теперь очень много знал о ее детстве: сперва он отыскал все общедоступные данные, а потом совершил нечто немыслимое, по крайней мере для человека, участвующего в программе «мозг-тело». Он связался с доктором Кеннетом и доктором Анной и выжал из них всю возможную информацию. Не очень тонкий ход, конечно, но они отнеслись к нему с пониманием. Разумеется, если бы об этом стало известно в Курьерской службе, Алексу было бы несдобровать. Потому что его отношение к Тии имело нехорошее название: «навязчивая идея».

После той единственной попытки найти себе случайную партнершу Алекс совершенно забросил женщин, потому что каждый раз выбирал тех, что были похожи на Тию. Он надеялся, что со временем это пройдет; что рано или поздно чары развеются: ведь все равно это ни к чему не приведет!

Ну а до тех пор будет только разумно постараться как можно больше узнать о Тии. По крайней мере, сам Алекс так себе говорил. Ведь Тия — уникальная личность: самая взрослая из детей, которые когда-либо были помещены в капсулу. С таким человеком надо быть очень осторожным; стандартная схема взаимоотношений «мозга» и «тела» здесь не подойдет.

И вот теперь Алекс знал, как она выглядела в детстве — и благодаря компьютерной модели знал, как бы она выглядела сейчас, если бы не заразилась этой ужасной болезнью и стала взрослой девушкой. Да что там: они могли бы даже вместе учиться в Академии, если только Тия не решила бы пойти по стопам своих знаменитых родителей! Алекс знал большую часть подробностей не только ее докапсульной жизни, но и ее учебы в Институте экспериментальной медицины. Он знал о Тии столько, словно был ее родным братом, — вот только чувства, которые он к ней испытывал, были далеко не братскими.

Но Алекс сказал себе, что его чувства чисто братские, что он не собирается влюбляться в какой-то призрак и что все будет нормально. Более того, он сам в это верил.

Пока не встретился с Хрией Шанс и ее стрелком.

Едва увидев их на экране, Алекс тут же понял, что Хрия и Нил составляют единое целое. Любой, кто хоть чуть-чуть разбирается в языке человеческого тела, понял бы это сразу. А уж тем более человек, знающий Хрию настолько хорошо, как Алекс. И собственная первоначальная реакция на эти отношения застигла его врасплох.

Зависть. Самая что ни на есть черная зависть. Нет, не ревность: Хрия никогда не интересовала его как женщина. Более того, по-своему Алекс был рад за нее: несмотря на все ее богатство, жизнь у Хрии была довольно непростая. Высшая Семья, четверо достойных братцев и сестриц, старательно приумножающих фамильное богатство и престиж, — и она, единственная паршивая овца в этом стаде, хотевшая чего-то большего, чем высокое положение в обществе, место в совете директоров и брак по расчету, без любви и страсти. И только после того, как Хрия пригрозила опозорить всю семью, поклявшись, что вступит в самую жуткую рок-группу и станет выступать под своим настоящим именем, ей разрешили учиться в Академии под псевдонимом.

Нет, Алекс был рад за Хрию: она обрела именно такую жизнь и именно таких товарищей, о каких мечтала всю жизнь.

Но и Алекс мечтал о том же — только он хотел, чтобы во втором кресле у него за спиной сидела Тия, и никто другой. Или пусть Тия сидит впереди, а он сзади — неважно, кто будет командиром, главное, чтобы она была рядом!

Внезапно нахлынувшие чувства оказались настолько мощными, что Алекс просто не знал, что с этим делать. Поэтому он попытался их скрыть, но вышло это довольно неуклюже. По счастью, все, кого этого касалось, приписали его мрачность боли от

ушибов и действию обезболивающих пилюль, которых он наглотался.

Если бы только...

«Я влюбился в девушку, к которой невозможно прикоснуться, которую невозможно обнять, которой даже нельзя сказать, что я ее люблю! — в отчаянии думал Алекс, стискивая подлокотник своего кресла. — Я...»

— Алекс! — шепнула Тия. Ее голос показался неестественно громким в безмолвии корабля: даже система вентиляции работала на минимуме. — Алекс, я расшифровала систему кодировки. Это жестко прошитый двоичный код. Думаю, это навигационные указания, которые имеют отношение к звездной карте. Как только я обнаружу какую-нибудь зацепку, я почти наверняка смогу расшифровать этот код. Однако у меня уже есть кое-какие идеи, потому что я опознала некоторые иероглифы, обозначающие названия мест, — и да, мы были правы: я уверена, что здесь указан путь ко всем базам эскайпев от их родной планеты! Так что если только мы сможем обнаружить какую-то конкретную базу...

— Мы сможем проследить обратный путь!

Родная планета эскайпев — это то, что она мечтала найти с самого начала! Радость за Тию на время вытеснила все остальные чувства.

— Но почему они пользовались настолько примитивными картами? Нет, нам-то это только на руку, но, если уж они сумели выйти в космос, почему они не изобрели чего-то получше?

— Ну, зато этот носитель довольно сложно повредить: ты просто представить себе не можешь, насколько он надежен! Так что можно понять, почему они предпочли его дискам, которые всегда можно стереть с помощью мощного магнитного поля. А что до того, почему настолько примитивны сами карты, — насколько я понимаю, у них не было сингулярных двигателей, и они могли летать только от звезды к звезде, используя их как опору. Не знаю почему; возможно, тут есть ответ и на этот вопрос, но я пока не могу его найти.

Ее голос звучал как-то странно и подавленно...

— Что, они прыгали от системы к системе, как корабли дальней разведки? — удивился Алекс. — Но ведь на такие полеты могут уйти годы и годы!

— Может быть, это их не волновало. А может быть, они не переносили гиперпространства.

Теперь Алекс узнал тон, которым она говорила: Тия нашла то, что искала, но, похоже, это не привело ее в особый восторг.

— Послушай, нам ведь не обязательно это делать! — заметил Алекс. — Когда мы выберемся отсюда, нам достаточно будет найти путь к планете эскайцев, сделать пару прыжков — и мы станем всезвездными знаменитостями! Все, что нам нужно, — это...

— Это забыть о своих обязанностях! — резко сказала она. — Или «забыть» передать в Институт эту книжечку вместе с прочей добычей и подождать, пока нам дадут достаточно длинный отпуск. Или отдать ее, рассчитывая на то, что никто, кроме нас, не догадается о смысле и значении находки...

Оставить книжечку себе было никак нельзя, и Алекс с ходу отмел эту идею.

— Конечно, они ни о чем не догадаются! — уверенно сказал он. — Что они понимают в звездных картах? Ты ведь сама не раз говорила, что институтские археологи слишком узко специализированы и им не хватает широты взгляда! Думаю, нет ни малейшего шанса, что в ближайшие четыре-пять лет кто-нибудь догадается, что это за книжечка. Но да, ты права: у нас есть обязанности; у нас действительно жесткий контракт с Институтом. Нам придется подождать до тех пор, пока мы не сможем откупиться или не получим долгий отпуск...

— Меня не это тревожит, — сказала Тия очень тихо. — Это вопрос этики. Если мы утаим эту информацию, чем же мы лучше тех пиратов?

— Что ты имеешь в виду? — изумился Алекс.

— Утаивать информацию — это же все равно что заниматься компьютерным пиратством! А мы застопорим таким образом не только данные, но и карьеру того, кто теперь занимается эскайцами. Кажется, это доктор Лана Коуртни-Рэй. На самом деле, если мы это утаим, получится, что мы украли ее карьеру. В смысле мы с тобой ведь даже не настоящие археологи!

В ее голосе явно звучало отчаяние.

— Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду.

Да, Алекс все понимал, и даже слишком хорошо. Он не раз видел, как его родителей обходили люди, которые вовсе не заслужили повышения, зато оказались расторопнее и имели «нужные связи». Видывал он такое и в Академии. Это было несправедливо и нечестно.

— Но ведь мы не можем сделать все сразу, как в фильмах, где герои отражают нападение пиратов, одновременно проводя операцию на мозге? — медленно произнес он.

Тия грустно хихикнула.

— Я начинаю думать, что все, что мы можем, — это хорошо делать свою собственную работу.

Алекс откинулся на спинку кресла и уставился в потолок.

— Забавно. Когда мы планировали эти поиски, все было замечательно, но на самом деле мы не можем просто взять и улететь. У нас есть свой долг, люди на нас рассчитывают...

Не то чтобы Тия вздохнула, но ее голос был полон сожаления.

— Это вопрос не только этики, но еще и приоритетов. Мы можем просто продолжать делать то, что считаем нужным, и Хрия Шапс действительно была права, когда указала, что они с Нилом и Полом не смогли бы опознать место, откуда распространяется зараза, а мы сможем. Она понимает, когда следует уступить дорогу специалистам. Мне, конечно, не хочется отказываться от своей мечты — но в этом случае мечта была совершенно детская, и...

— И теперь настало время взрослеть и оставить игрушки другим, — твердо сказал Алекс.

— Может, мы и могли бы продолжать делать вид, будто мы — настоящие археологи, — добавила Тия. — Но тогда мы испортим чью-то карьеру. И превратимся просто во второсортных — хотя и очень, очень удачливых! — кладоискателей.

Алекс вздохнул за двоих.

— И все нас возненавидят. Все, кого мы уважаем, будут презирать и ненавидеть нас. Мы прославимся, да, — но настоящими археологами мы не станем.

Воцарилось долгое молчание.

— Алекс... — сказала наконец Тия. — Знаешь, я думаю, надо просто упаковать эту книжечку вместе с прочими нашими находками и приложить к ней все наши догадки. И продолжать по-прежнему быть замечательной курьерской командой. Даже если развозить почту и припасы ужасно скучно.

— Ну, сейчас-то как раз не скучно, — уныло возразил Алекс. — Оно бы хорошо, кабы было скучно!

На этот раз молчание продлилось еще дольше. Потом Тия издала тихий звук — если бы она была обычным человеком, Алекс подумал бы, что она всхлипнула.

— Лучше бы ты не напоминал! — сказала она.

— Почему?

— Потому что... потому что теперь мне кажется, будто мы отсюда никогда не выберемся... И что они нас вот-вот найдут...

— Прекрати! — отрезал Алекс, уловив в ее голосе панические нотки. — Не могут же они болтаться тут до бесконечности. Как минимум у них кончатся припасы.

— Так и у нас тоже! — возразила Тия.

— И терпение тоже! Тия, ну подумай сама: ведь это же пираты, и они даже не знают о том, что тут кто-то есть, — по крайней мере, наверняка они этого знать не могут! Даже если они станут нас искать, все равно они ничего не найдут и улетят прочь, чтобы продать награбленное!

Алексу отчаянно хотелось встать и начать расхаживать взад-вперед, но он боялся наделать шума.

— После того как они уберутся, мы тоже сможем улететь!

— Ага, если сумеем выбраться!

— Чего?! — удивился Алекс.

— Я не хотела тебя тревожить... но с тех пор, как ты вернулся, сошло уже две лавины, и еще метелью намело...

Алекс ошеломленно уставился на ее пилон — но Тия еще не договорила:

— Над нами сейчас одиннадцатиметровый слой снега и льда. Я не знаю, смогу ли вырваться. И даже если здесь появится корабль СБ, я не уверена, что нас услышат из-под этого снега. После последней лавины даже сигналы со спутника стали совсем слабыми, я их еле разбираю.

Алексу хотелось подбодрить ее, и он сказал первое, что пришло ему в голову, не успев подвергнуть это внутренней цензуре:

— Ну что ж, даже если я навеки упокоюсь в ледяной гробнице, моя любимая будет рядом, чтобы согревать меня!

Он осекся — но слишком поздно. «Ну, молодчина! Теперь она думает, что заперта в ледяной ловушке вместе с маньяком, одержимым навязчивой идеей!»

— Ты... — она запнулась: вероятно, была слишком шокирована. — Ты это серьезно?

Алекс готов был застрелиться.

— Т-тия, — запинаясь, начал он, — ты не волнуйся, все в порядке, я, честное слово, не сойду с ума и не попытаюсь взломать твой пилон или еще что-нибудь. Со мной на самом деле все в порядке, я...

— Ты это серьезно? — настойчиво повторила она.

— Я...

«Да ладно! Хуже уже не будет».

— Да. Я не знаю, как оно... просто так получилось, и все. — Он беспомощно пожал плечами. — Ты не думай, я не псих, и это не навязчивая идея. Но я... я просто не хочу быть ни с кем другим, только с тобой. Если это называется «любовь», тогда, наверное, я тебя люблю. Нет, на самом деле, я тебя очень люблю!

Он вздохнул и потер виски.

— Ну вот, наконец-то все и выплыло наружу. Надеюсь, я не оскорбил и не напугал тебя? Но я *никогда* не встречал никого лучше тебя, это факт. Я предпочту жить с тобой, чем с любым другим человеком, которого знаю или о котором слышал.

Он выдавил из себя слабую улыбку.

— И это включая любых звезд голофильмов и всезвездных знаменитостей!

Плексигласовая дверца маленького «святилища», где сидел мишка Тедди, внезапно распахнулась. Алекс вздрогнул.

— Я не могу прикоснуться к тебе, а ты — ко мне, но, может быть, ты захочешь обнять Теодора? — тихо спросила она. — Я тебя тоже люблю, Алекс. Думаю, я полюбила тебя с тех пор, как нам пришлось иметь дело с вирусом зомби. Ты самый отважный, умный и замечательный пилот, какого я только могу представить, и я тоже не хотела бы иметь своим напарником никого, кроме тебя.

Предложение обнять друга ее детства было самым интимным жестом, который она могла совершить, и Алекс это понимал.

Он встал, осторожно достал пушистого малыша из его домика, крепко прижал медвежонка к себе, а потом посадил его на место и закрыл дверцу.

— У тебя замечательная хозяйка, Теодор, — сказал он серьезному мишке. — И я постараюсь сделать все, чтобы она была счастлива.

Он обернулся к ее пилону и осторожно прокашлялся. Сейчас было как нельзя более уместно сменить тему разговора.

— Ладно, — сказал он. — Теперь, когда мы выяснили, почему мы оба были такие нервные, давай попробуем выяснить, какие у нас есть варианты.

— Варианты? — растерянно переспросила Тия.

— Ну да! — он вызывающе выпятил подбородок. — Я намерен провести с тобой остаток своих дней, но я вовсе не намерен провести остаток своих дней в ожидании того, что нас отыщут пираты или мы замерзнем насмерть! Так что давай попробуем найти выход, черт возьми!

К его великой радости и облегчению, Тия звонко рассмеялась. Правда, в ее смехе звучали истерические нотки, но Алекс предпочел не обращать на это внимания.

— Ладно, — сказала она. — Значит, какие у нас варианты? Думаю, начать можно с роботов...

Тия теснее прижалась к нему — и обернулась большим игрушечным медвежонком голубого цвета. Медвежонок взглянул на него укоризненно.

Алекс начал подниматься с кровати, но одеяло обернулось снежной пеленой, и он примерз к кровати. Медвежонок попытался его вытащить, но его короткие лапки были слишком мягкими и даже не оставляли следов на облединевшем снеге.

Потом Алекс услышал рокот, поднял голову — и увидел катящуюся на него лавину, похожую на волну в замедленной съемке...

Лавина зарокотала громче — и Тия-медвежонок зарычала в ответ и заслонила Алекса собой от надвигающегося снега...

— Алекс, проснись!

Он вынырнул из сна, бешено отбиваясь от одеяла, и нажал на выключатель скорее нечаянно, чем осознанно. Вспыхнул свет; Алекс зажмурился. Его ноги были опутаны простынями и одеялом.

— Что? — спросил он, с трудом ворочая языком. — Кто? Где?

— Алекс, — сказала Тия напряженным, но возбужденным голосом, — Алекс, я тебя бужу уже пятнадцать минут! Там, наверху, — корабль СБ, и он лупит этих двух пиратов в хвост и в гриву!

«Корабль СБ?! О духи космоса!»

А что случилось-то? — спросил Алекс, начиная натягивать свою одежду. — Расскажи все по порядку!

— Ну, первое, что я услышала, — это что один из пиратских кораблей на орбите отправил здешнему кораблю предупреждение держаться в укрытии и сидеть тихо. У меня сложилось впечатление, что они принимали корабль СБ за обычный корабль дальней разведки, пока он не сцепился с одним из их кораблей и не открыл огонь.

Тия снова включила все свои системы; из вентиляции тянуло свежим воздухом, в рубке светились все лампы и панели управления.

— После этого отключились все их приборы наблюдения — и я стала прорываться наружу. Я использую тот цикл замораживания-оттаивания, что ты посоветовал, а пару минут назад включила двигатели. Я уже могу двигаться, и я практически уверена, что сумею вырваться отсюда без особых проблем. Ну, может быть, слегка обдеру корпус и потеряю кое-какие наружные устройства, но это все легко будет отремонтировать.

— А что там наверху-то? — спросил Алекс. Он выбежал в цен-

тральную рубку и сел в свое кресло, не потрудившись надеть носки и ботинки. Он торопливо пристегнулся.

— Новости отчасти хорошие, отчасти плохие, — ответила Тия. — Судя по всему, корабль СБ одолеет обоих пиратов. А плохие новости состоят в том, что приемник у меня работает стабильно, а вот передатчик барахлит. Должно быть, снегом что-то повредило, но что именно, я сейчас сказать не могу.

— Ну ладно: главное, мы можем двигаться, а с засадой наверху уже разобрались.

Алекс затянул последние страховочные ремни: он знал, что Тия будет двигаться резко и часто без предупреждения.

— Но раз у нас почти не работает передатчик, скорее всего, мы не сумеем сообщить кораблю СБ, что здесь сидит еще один пиратский корабль, — и даже не сумеем предупредить их, что мы свои! А на взлете пираты могут подстрелить нас, как утку! Они могут затаиться в своем укрытии, подкараулить корабль СБ, потом дождаться, не вылетим ли мы из укрытия, и выстрелить в нас, как только мы очутимся в их поле зрения!

Алекс обдумал эту проблему настолько хладнокровно, насколько мог.

— А не можем мы держаться вне их поля зрения до тех пор, пока не окажемся вне досягаемости?

Тия в ответ вывела на экран карту. Если пираты решат их преследовать, у нее никак не получится держаться вне досягаемости средних пушек, а уж они-то у пиратов наверняка есть.

— Но должен же быть способ заставить их оставаться на земле! — пробормотал Алекс, грызя заусенец, сознавая, что с каждой секундой промедления открывшийся им выход все сужается. — А наверху сейчас что происходит?

— Первый корабль серьезно поврежден. Если я правильно понимаю тактику боя, корабль СБ захочет подойти и добить его — при условии, что второй пиратский корабль даст ему такую возможность.

Алекс снова вернулся к их собственным проблемам.

— Вот если бы мы могли вывести их из строя — например, высыпать на них груду камней или... Постой-ка! Выведи на экран здание, где они прячутся, — ту картинку, что ты сняла с моей камеры.

Тия послушалась, и Алекс принялся тщательно изучать изображение, сопоставляя его с тем, что помнил сам.

— Посмотри, какие тут интересные скалы, — некоторые из них выглядят надломленными, как будто еще чуть-чуть — и их

основания не выдержат веса верхушки! Думаю, это все из-за ветров, которые дуют со всех сторон по очереди. Не можешь ли ты показать поближе скалы, которые нависают над этими зданиями?

— Легко!

Картинка придвинулась, показав крупным планом одну из скал, похожих на гребни волн, нависающих над зданием с натянутой крышей.

— Алекс! — воскликнула Тия.

— Ага, и ты тоже заметила! — торжествующе воскликнул он. — Ну, что, девочка, как ты думаешь, сможем ли мы это свалить?

Вместо ответа Тия запустила двигатели.

— Приятно будет для разнообразия нанести ответный удар!

— Тогда полетели!

Звук двигателей сменился с тихого урчания на низкий, басовитый рев, ощущаемый не столько ушами, сколько всем телом. Тия втянула шасси и начала раскачиваться из стороны в сторону, используя нулевую гравитацию. Алекс помогал чем мог: включал по очереди все струйные рули, пытаясь еще немного подтопить снег.

Нос корабля вздыбился, так что Алекс опрокинулся в кресле под углом сорок пять градусов. И тут Тия включила на полную мощность свои основные двигатели.

— Мы движемся! — крикнула она, перекрывая рев своих собственных сопел. Ощущения движения не было, но Алекс отчетливо слышал, как скрежещет лед вдоль ее корпуса. Он поморщился, подумав, что теперь, до тех пор пока им не удастся встать на ремонт в нормальном доке, Тия будет выглядеть хуже старой развалюхи Хэнка...

И вдруг они вырвались наружу!

Тия отключила двигатели и врубила нулевую гравитацию, зависнув над самой поверхностью снега. Воцарилась странная тишина.

— Корабль СБ сделал первого пирата; второй сумел увернуться. Шансы практически равные, — коротко сообщила Тия. Алекс снова услышал звук выдвигаемых шасси. — Нас пока что никто не заметил. Ты там хорошо пристегнулся?

— Вроде да, — ответил Алекс. — Тебе чем-нибудь помочь?

— Держись! — лаконично ответила Тия.

И взмыла в небо, набирая высоту. Свои возможности она знала лучше Алекса, так что он оставил все на ее усмотрение. Нужная им скала была всего в километре от них, и, когда они поднялись достаточно высоко, Тия развернулась и спикировала к ней.

Она направлялась прямо на скалу, как будто та была мишенью, а Тия — снарядом.

Алексу сдавило горло от внезапного страха; сердце забилось со скоростью миллион ударов в секунду. «Не собирается же она...»

Алекс застыл, впившись в подлокотники.

В последнее мгновение Тия дернулась немного вверх, зацепив скалу не корпусом, а шасси.

Скрежет и хруст ломающегося металла уведомил Алекса о том, что в ближайшее время они смогут остановиться исключительно на космической станции. Его тряхнуло в кресле; свет мигнул и погас, сработали подушки безопасности, которые уберегли его от дополнительных повреждений, — но все равно он на миг потерял сознание.

Когда Алекс пришел в себя, свет в рубке снова горел, а Тия, слегка накренившись, парила над руинами города.

Внизу справа виднелось то, что осталось от здания без крыши — теперь оно было погребено под грудой льда, земли и камня.

— С тобой все в порядке? — спросил Алекс, хотя шевелить челюстью было больно.

— Летать смогу! — ответила Тия. Голос у нее заметно дрожал. — Хотя и плохо. Мой корпус будет течь как решето везде, кроме рубки и пассажирского отсека. И я пока не знаю, что у меня с двигателями... Погоди, нас вызывают!

Экран мигнул, и на нем появился Нил. За спиной у него виднелась Хрия Шанс.

— АГ-1033, это вы? Я так понимаю, у вас были серьезные причины играть в пятнашки с горой?

— Это мы, — Алекс опасался, что их не услышат, однако ближняя связь работала. — Под этой грудой камней покоится еще один ваш партнер по играм.

— А-а! — Нил только кивнул. — Тогда понятно. Вы можете выйти сюда, на орбиту?

— Мы совершенно точно не можем приземлиться, — сказала Тия. — А в каком состоянии мои двигатели, я еще не знаю.

— На твоем месте я бы не стала на них полагаться, — сказала Хрия, перегнувшись через плечо своего напарника. — Но если вы сумеете выйти на орбиту, мы возьмем вас на буксир и будем удерживать здесь, пока не появится транспортный корабль. А тогда ты сможешь улететь домой в их трюме.

— Договорились, — сказал ей Алекс, а потом, приподняв бровь, добавил: — Я не знал, что вы такое можете.

— Ты еще много чего не знаешь, — ответила ему Хрия. — Тия, ты не будешь против?

— На данный момент меня устроит все, что угодно, — ответила Тия. — Мы летим к вам.

У Тии все еще шла кругом голова после разговора с Институтом. «После ремонта мы хотели бы просить вас отвезти первую группу исследователей на предполагаемую родную планету эскайпов. У вас с Александром больше опыта в ситуациях, когда имеется риск заражения опасной инфекцией, чем у любого другого из наших курьеров». Это было только разумно; ведь до сих пор так и неизвестно, чем она тогда заразилась. Тия кровно заинтересована в том, чтобы никто из археологов не заразился, и еще более — в том, чтобы помочь обнаружить этот таинственный вирус.

Разумеется, им это известно. Как и то, что она не сможет оплатить свой контракт до тех пор, пока не выполнит это задание. Шантаж? Разумеется. Но с таким шантажом она способна смириться.

Кроме того, если ее план окажется удачным, скоро она сможет не только наблюдать за работой археологов, но и сама работать вместе с ними! Разумеется, на это может уйти немало времени, но рано или поздно ее инвестиции принесут достаточно денег, чтобы...

Конечно, после того, как она оплатит ремонт. Судя по репликам инженеров, которые работали над ее корпусом, ремонт будет недешевый.

Но тут ее снова ошеломил Стерлинг: он продемонстрировал ей, сколько денег накопилось на ее счету.

— Так что, дорогая моя, — сказал Стерлинг, — с наградой, полученной от Службы по борьбе с наркотиками, премией за расшифровку навигационных карт эскайпов, прибылью от ваших последних капиталовложений и наградой за то, что вы обнаружили эти впечатляющие сокровища, вы в целом оказываетесь изрядно состоятельной канальницей.

— Да, вижу, — сказала Тия, весьма ошеломленная. — Но ведь счет за ремонт...

— Оплачен Службой безопасности Центральных Миров.

Нельзя было сказать, что Стерлинг в восторге, но он явно был доволен собой:

— И, да будет вам известно, это моих рук дело, если можно так выразиться. Я тупо повторял все, что вы мне рассказали, напирая

при этом на то, что ваши повреждения получены в результате того, что вы добровольно помогали обезвредить опасных преступников, так что СБ была только рада оплатить все счета, которые я им переслал. А когда я упомянул о том, как вы не дали их кораблю попасть в засаду после приземления, они решили, что вам нужен сингулярный двигатель, о котором вы всегда мечтали.

Тия подозревала, что Стерлинг не просто упомянул об этом... Надо будет попробовать нанять его в качестве своего адвоката вместо того мягкотелого, который работал на нее сейчас: ему даже в голову не пришло попытаться отвоевать оплату ее ремонта, не говоря уже о сингулярном двигателе! А теперь ей не придется потратить ни гроша из своих собственных денег на оплату ремонта и реконструкции!

— А что там с «Мото-простетикс»? Не стоит ли мне взять полученные мной премии и вложить их в производство?

— Фирма процветает. А если вы вложите в нее столько денег... Хм, тогда вы приобретете контрольный пакет акций! — Стерлинг сам был немало изумлен этим. — Вы действительно этого хотите? Ведь с помощью этих денег вы могли бы оплатить свой контракт. Или полностью переоборудовать себя изнутри и снаружи...

— Нет, я хочу вложить деньги в фирму! — твердо ответила Тия. Она порадовалась, что Алекса сейчас нет на борту, хотя она чувствовала себя ужасно одиноко, не слыша, как он ходит по каюте и немелодично насвистывает. Для этого дела ей было необходимо абсолютное одиночество. — На самом деле мне понадобится мягкотелый, который станет моим представителем в совете директоров.

— Прямо сейчас? — спросил Стерлинг.

— Как только я приобрету контрольный пакет, — ответила Тия. — Чем раньше, тем лучше.

«Я и так ждала слишком долго!»

Алекс заглянул в стакан и решил, что это будет последний. Он достиг того состояния парящей легкости, которое может сойти за эйфорию. Если выпить больше, это состояние уйдет, и он окажется пьян как свинья. Если учесть все обстоятельства, возможно, его развезет и он примется рыдать. А это уж будет совсем нехорошо: он, конечно, не в форме, но тем не менее кто-нибудь может опознать в нем пилота Курьерской службы, и будут проблемы. Кроме того, бар был весьма приличный, тем более для космопортовского бара: бармен-человек, сдержанное, спокойное освещение, удобные кабинки и табуреты, приятная, ненавязчи-

вая музыка. Плаксивый пьяница — как и любой другой пьяница — будет здесь совершенно неуместен. Вовсе незачем портить другим людям вечер только из-за того, что его жизнь разбита...

Алекс ощутил ком, вставший в горле, и понял, что еще один глоток спиртного — и все это выльется в бурю эмоций. Бармен наклонился к нему через стойку и доверительно сказал:

— Парень, на твоем месте я бы, пожалуй, завязал на сегодня.

Алекс слегка удивился, кивнул и сглотнул ком в горле. Неужели в наше время среди барменов принято следить, чтобы клиенты не напивались сверх меры?

— Ага. Я и сам об этом подумывал.

Он слегка шмыгнул носом. Нет, надо взять себя в руки, пока он не раскис!

Бармен — человек, отчего, собственно, Алекс и пришел заливать свои печали именно сюда, хотя и понимал, что дело это безнадежное, — все не отходил. Вместо этого он протер полированную стойку из искусственного дерева безупречно чистой тряпочкой и мимоходом заметил:

— Извини, парень, но ты похож на человека, у которого проблемы.

Алекс невесело рассмеялся.

— Ага. Ну да.

— Хочешь об этом поговорить? — не отставал бармен. — Меня для того тут и держат. Собственно, потому здесь и напитки такие дорогие.

Алекс взглянул на бармена повнимательнее. Тот выглядел совершенно обыкновенно, и в этой обыкновенности было нечто знакомое. Аккуратная стрижка, приличный, но не официальный костюм. В лице — тоже ничего особенного, если не считать выражения дружелюбной озабоченности. Вот это-то выражение его и выдавало: оно было слишком отточенным, слишком профессиональным.

— Советник? — спросил наконец Алекс.

Бармен кивнул на стену за стойкой — над тремя рядами старинных и экзотических бутылок красовался диплом в рамочке.

— Лицензированный. Конфиденциальность гарантируется. К официальным организациям отношения не имею. Работаю уже пять лет. Так что вряд ли ты можешь рассказать мне нечто такое, чего я уже раз сто не слышал.

«Конфиденциальность гарантируется» и «к официальным организациям отношения не имею» означало, что все, что расскажет бармену Алекс, останется при нем, а не будет доложено по

начальству. Алекс был удивлен, но не особо: бары, где барменами работали Советники, набирали популярность еще в те времена, когда он оканчивал Академию. Он только не подозревал, что они сделались настолько популярны. И уж, конечно, он не ожидал найти такой бар здесь, на ремонтной станции. Ну разумеется, когда человек выпьет, его тянет на откровенность; и где-то на Старой Земле кому-то пришло в голову, что будет неплохо, если в этот момент рядом с человеком окажется кто-то, кто способен выслушать и дать толковый совет. Да, ему доводилось слышать, что теперь за стойками работает больше Советников, чем в кабинетах, и что многие профессиональные бармены поступают в колледжи, чтобы получить диплом Советника.

И внезапно потребность выговориться хоть перед кем-нибудь сделалась нестерпимой.

— Вот ты когда-нибудь влюблялся? — спросил он, глядя на свой пустой стакан и крутя его между указательными пальцами.

Бармен забрал у него стакан и поставил вместо него чашку кофе.

— Сам — нет, но я повидал немало людей, которые были влюблены — или думали, что они влюблены.

— Ага...

Алекс перевел взгляд на чашку, от которой шел душистый пар.

— Злейшему врагу такого не пожелаешь.

— Ну да. Многие так говорят. Что, проблемы с той, в кого ты влюблен? — спросил бармен-Советник. — Может, я чем могу помочь?

Алекс вздохнул.

— Да нет, ничего особенного. Просто та, в кого я влюблен... скажем так: не очень-то доступна.

Он почесал в затылке, пытаясь придумать, как бы это так сформулировать, чтобы не сказать *лишнего*.

— В силу наших профессиональных обязанностей — неважно каких — мы не можем быть вместе. И, кроме того, имеются кое-какие физические проблемы...

Привычка к осторожности укоренилась слишком глубоко. Имеет этот Советник отношение к официальным организациям или не имеет, все равно Алекс не мог заставить себя рассказать ему всю правду. Ведь расскажи он все как есть, он может лишиться общества Тии, если это услышит кто-то лишний!

— А работу вы сменить никак не можете? — разумно спросил Советник. — Уж конечно, никакая работа не стоит таких страданий. Судя по всему, что мне доводилось видеть и слышать, лучше

низкооплачиваемая работа, которая делает тебя счастливым, чем высокооплачиваемая, на которой ты чувствуешь себя узником за решеткой.

Алекс печально покачал головой.

— Это ничем не поможет! — вздохнул он. — Дело не только в работе, а если ее сменить, станет еще хуже. Понимаешь, мы все равно как дельфин и бабочка. Она не может плавать, я не могу летать. Наши жизни просто несовместимы.

«В целом так оно и есть...»

Советник покачал головой.

— Звучит не особо многообещающе, приятель. Романы типа истории Ромео и Джульетты неплохо смотрятся в фильмах, но испытывать такое на собственной шкуре — сущий ад. Честно говоря, на твоем месте я бы попытался избавиться от такой привязанности. Как бы сильно ты кого-то ни любил, всегда можно убавить жару, если твердо решить, что тебе это не надо.

— Да я стараюсь, — сказал Алекс и перевел взгляд с кофе на лицо бармена. — Честное слово, стараюсь! У меня впереди пара недель отпуска, и я собираюсь посвятить все эти две недели до последней минуты тому, чтобы забыть о ней. Я уже назначил кучу свиданий, напросился в гости, и один приятель пообещал, что не даст мне соскучиться.

Бармен медленно кивнул.

— Понимаю. Да, встречи с новыми приятными людьми могут помочь избавиться от эмоциональной привязанности. Но знаешь, приятель: на дне бутылки ты ответ точно не отыщешь!

— Ну да, пожалуй, — грустно ответил Алекс. — Но в бутылке можно найти хотя бы немножко забвения.

Бармен покачал головой. Алекс отодвинулся от стойки, встал, повернулся, собрал в кулак свое шаткое равновесие и пошел прочь, рассчитывая добыть еще немножко этого забвения.

Анжелика Гуон-Стерлинг бин Чад уселась в предназначенное для нее кожаное кресло и вежливо улыбнулась своему соседу по дальнему концу огромного черного мраморного стола. Тот кивнул в ответ и снова уткнулся в экран своего комма, изучая отчеты фондового рынка. Прочие мужчины и женщины в строгих костюмах неброских официальных тонов проходили в зал и рассаживались за столом. Анжелика скрыла усмешку. Возможно, через пару минут сосед заинтересуется ею куда больше, чем всем, что может сообщить ему комм. Она проникла на это заседание под предлогом того, что представляет фирму своего дяди, — не

уточнив, по какому именно делу. Фирма обладала достаточным количеством активов, чтобы секретарь внес ее в повестку дня и впустил Анжелику в священный зал заседаний. Священный зал был обставлен весьма неплохо: он благоухал дорогой кожей, и там царила тишина, какая может быть только в помещении, оборудованном всеми мыслимыми и немыслимыми средствами защиты от наблюдения. Освещение было подобрано не менее тщательно: свет имел именно тот оттенок и интенсивность, которые психологи считают наиболее способствующими умственной деятельности. Кресло тоже было удобное, не слишком жесткое и не слишком мягкое. Теплый белый, прохладный черный и неброский серый цвета создавали ощущение *деловитости* и серьезности, не делая помещение стерильным.

Однако на Анжелику все это великолепие особого впечатления не произвело. Она уже повидала добрую сотню подобных залов и, вероятно, повидает еще тысячу, пока не сделается слишком важной персоной, чтобы ее не посылали с такими поручениями. Дядя выбрал ее доверенным лицом госпожи Кейд не только потому, что Анжелика — его родственница; он сделал это потому, что Анжелика — лучший доверенный в его фирме. А это поручение было особенно деликатным: госпожа Кейд хотела того, к чему совет директоров «Мото-простетикс» будет явно не готов. Они думают только о враждебных захватах, «отравленных пилюлях» и «золотых парашютах»[1]. Госпожа Кейд преследует совершенно иные цели. Если ее доверенный не будет действовать четко и профессионально, совет директоров может воспротивиться, что приведет к потере драгоценного времени.

Это может показаться архаичным, но советы директоров никогда не проводились дистанционно — все присутствовали лично. Голографические изображения слишком легко подделать — всегда можно создать компьютерный образ человека, который умер или находится в анабиозе. Вот почему Анжелика была здесь, с бумажными документами уполномоченного со всеми положенными печатями и подписями. Ее этот анахронизм совсем не раздражал. Это была увлекательная работа, тем более когда попадались такие клиенты, как Гипатия Кейд, хотевшие чего-то настолько необычного, что все предыдущие поручения Анжелики казались чем-то вроде учебных упражнений.

---

[1] «Отравленная пилюля», «золотой парашют» — финансовые термины, обозначающие различные способы, которыми руководители компаний предохраняются от возможности того, что кто-то вытеснит их из компании, скупив контрольный пакет акций *(Прим. перев.)*.

Собравшихся призвали к порядку — и Анжелика встала, прежде чем председатель успел начать разговор о текущих делах. Теперь было самое время. Если ждать, когда наступит ее очередь по регламенту, — ее затрут или похоронят под грудой ерунды. Да и в любом случае половина дел, запланированных по регламенту, теперь отпадает. Теперь именно ей, Анжелике, предстоит указывать им, что делать. Власть была головокружительным зельем, и Анжелика упивалась ею, когда, как сейчас, все глаза устремлялись на нее, возмущенные тем, что она «вторгается» в ход заседания.

— Леди и джентльмены! — начала она, обратив на себя всеобщее внимание. — Взгляните, пожалуйста, на экраны своих коммов. Вы увидите, что моя клиентка, госпожа Гипатия Кейд, в данный момент приобрела контрольный пакет ваших привилегированных акций. С настоящего времени «Мото-простетикс» — это Гипатия Кейд. Она просила меня, в качестве своего доверенного лица, сообщить вам о новом направлении деятельности компании.

На мгновение воцарилась гробовая тишина — потом шелест засучиваемых рукавов — и снова тишина: члены совета директоров спешили убедиться в том, что Анжелика не лжет, что сделка действительно совершена, и пытались понять, как же это вышло, что они этого не заметили. Наконец они поняли, что все обстоит именно так, и покорились своей участи. Все глаза устремились на Анжелику. В некоторых взглядах читалось отчаяние. Большинство отчаявшихся были менеджерами, которые проворачивали рискованные сделки, прикрываясь именем компании, и теперь гадали, не стали ли они в результате этих сделок персонами нон грата.

«О, власть! Я сейчас могла бы уволить весь совет директоров и заменить вас своими людьми, и все вы это знаете». Вот ради таких моментов она и живет: ощущение того, что она — стальная рука в бархатной перчатке, знание того, что она обладает абсолютной властью — но не торопится ее применять.

Анжелика опустилась обратно в свое кресло и улыбнулась — любезно, холодно, но ободряюще.

— Не волнуйтесь, леди и джентльмены. Первое, в чем хотела вас заверить моя клиентка, — это в том, что она не собирается устраивать никаких кадровых перестановок. Ее вполне устраивает функционирование компании, и она не намерена вмешиваться в то, как вы ею управляете.

Лица сидящих вокруг стола вновь переменились. В одних гла-

зах читалось недоверие, в других — расчет. Потом пришло понимание. Все пойдет как прежде. Ничего не изменится. Эти люди, как и прежде, будут занимать свои должности, в их жизни все останется как было.

Анжелика дождалась, пока они расслабятся, и нанесла удар, подавшись вперед, поставив локти на стол и сложив пальцы домиком:

— Но должна вас предупредить, что это только в том случае, если госпожа Кейд останется довольна деятельностью компании. Надо сказать, что у госпожи Кейд имеются свои личные планы относительно компании.

Еще одна пауза — чтобы ее слова дошли по адресу. Анжелика увидела немой вопрос: что за личные планы? Что они должны делать — или производить? Или она хочет вообще чего-то непонятного?

— Она хочет наладить выпуск новой продукции — достаточно сложной, но вам вполне по силам, — продолжала Анжелика, смакуя каждое слово. — На самом деле могу сказать, что вы сможете делать это уже сейчас, если только захотите. Скажем так — это просто небольшой персональный проект...

Во рту у Алекса стоял вкус старого посудного полотенца; глаза слезились, в голове пульсировала боль. Все суставы ныли, мерзко крутило живот, а стоило ему шевельнуться, как комната вокруг начинала кружиться колесом.

Похмелье — это плата за грех, а на этот раз Алекс, похоже, нагрешил изрядно.

«Вот что бывает, когда уходишь в двухнедельный запой!»

Алекс закрыл глаза — но помогло это мало. Не то чтобы это был настоящий запой, но что за все две недели он почти не просыхал — это точно. Он решил утопить свои проблемы в алкоголе — и это почти получилось.

Но только почти. От навязчивых мыслей о Тии ему избавиться так и не удалось. Он был все так же безнадежно влюблен, как и тогда, когда начинал свой алкогольный марафон. А ведь он испробовал почти все за исключением промывания мозгов — он тусовался со своими бывшими однокурсниками, участвовал в большой дружеской попойке вместе с Хрисей и Нилом, побеседовал еще с несколькими барменами-Советниками, подцепил одну девушку за другой...

И все без толку.

Тия Кейд так прочно угнездилась в его душе и сердце, что вышибить ее оттуда было невозможно никакими силами.

Так что, помимо похмелья, его мучила еще и неразделенная любовь. А теперь, когда алкогольные пары выветрились, эта боль вернулась с прежней силой.

Оставалось одно: им с Тией придется что-то с этим сделать вместе. Так или иначе.

Алекс снова открыл глаза. Крохотная съемная комнатенка медленно поплыла вокруг, желудок возмутился. Алекс застонал.

Ладно, будем действовать по порядку: сперва разберемся с похмельем...

Заканчивалась уже вторая смена, когда Алекс пришел к ремонтному доку, где СБ исправляла повреждения, полученные Тией. У него ушел почти целый день на то, чтобы снова почувствовать себя нормальным человеком. Одно было ясно: что бы то ни было, он никогда не позволит себе снова так распуститься. Хватит с него одного запоя.

«Надеюсь, я не слишком много нервных клеток спалил по дурости? А то у меня лишних не так-то много...»

Шлюз был закрыт, однако рабочих поблизости было почти не видно. Это неплохой знак: видимо, ремонт уже окончен. Алекс использовал круглосуточный шум в качестве предлога для того, чтобы слинять, предполагая, что, если он вдруг понадобится, Тия с ним свяжется.

Набрав код шлюза и приложив ладонь к пластине, чтобы удостоверить свою личность, Алекс вдруг сообразил, что Тия за все то время, что он отсутствовал, даже не попыталась войти с ним в контакт.

Может, он ее напугал?

Может, она доложила о его поведении?

Шлюз быстро сработал, и Алекс вошел на борт корабля. Там было непривычно тихо.

Свет горел вполнакала; тишину нарушало только легкое гудение вентиляции. Тия не приветствовала его: вообще ничего не произошло! Такое впечатление, что он очутился на пустом корабле, лишенном даже ИИ.

Что-то тут не так.

Сердце у Алекса отчаянно колотилось, во рту пересохло от страха. Он поднялся в рубку. Все панели отключены, никаких признаков жизни.

Нет, Тия не дуется — Тия не умеет дуться. На корабле не

функционировало ничего, что не поддерживалось встроенными автоматическими процессорами.

Алекс уронил сумку на пол — она просто выскользнула из его обмякших пальцев.

У этого молчания, этого отсутствия всякой жизнедеятельности причина могла быть только одна. Тия исчезла.

Либо начальство каким-то образом пронюхало о его чувствах, либо сама Тия пожаловалась. Они пришли и забрали ее, и теперь он никогда больше ее не увидит, не поговорит с ней...

И, как бы затем, чтобы подтвердить его худшие опасения, в слабом свете блеснула открытая плексигласовая дверца шкафчика. Медведь Теодор Эдуард тоже исчез, маленькое святилище опустело.

«Нет!..»

Но доказательства были налицо.

Ошеломленный Алекс машинально побрел к себе в каюту. Может, там, в его личной базе данных, будет хоть какая-то записка... Или послание от Курьерской службы с приказом явиться к официальному Советнику.

А может, и то и другое. Неважно. Тия исчезла, а остальное его волновало мало.

Черное отчаяние охватило его, отчаяние столь глубокое, что оно не могло разрешиться даже слезами. Тия исчезла...

Алекс отворил дверь в свою каюту. Свет из коридора хлынул внутрь, отчего человек, сидящий на койке Алекса, зажмурился.

«На моей койке...»

Это была женщина. Точно, женщина. И на ней не было ничего похожего на форму Курьерской службы, костюм Советника, адвоката или чего-нибудь в этом роде. На самом деле одежда ее была чисто условной — ярко-алое платьице из скандекса, такое обтягивающее, что оно почти не оставляло простора воображению.

Алекс машинально включил свет. Незваная гостья подняла на него взгляд, губы ее расплылись в застенчивой улыбке. Она была маленькая и хрупкая, меньше, чем показалось ему сначала; темноволосая, похожая на эльфа, с большими голубыми глазами — да, действительно, воплощение викторианского представления об эльфах. И было в ней что-то странно знакомое...

К груди она осторожно прижимала пропавшего медвежонка. И именно вид этого медвежонка вывел мозг Алекса из ступора и заставил бешено заработать.

Алекс уставился на девушку во все глаза и ухватился за край двери.

— Т-т-тия? — выдавил он.

Она снова улыбнулась, уже менее застенчиво.

— Привет, — сказала она. Это был голос Тии, только звучал он немного... странно: оттого, что он слышался изо рта, а не из громкоговорителя. — Ты извини, что мне пришлось столько всего отключить: очень сложно одновременно управлять и *этим*, и кораблем.

Да, это Тия — Тия! — сидела здесь перед ним во плоти, как живое воплощение его мечты!

— Этим? — не особо остроумно переспросил он.

— Надеюсь, ты не против, если я пока не буду вставать? — продолжала она слегка грустно. — Я еще не очень хорошо хожу. Его привезли только сегодня, и я еще не успела как следует потренироваться.

— Его? — повторил Алекс и, тяжело рухнув на койку, уставился на Тию. — А как... а что...

— Тебе нравится? — спросила она, жадно ожидая его одобрения. Но что он должен одобрить — тело, что ли?

— Но как мне может не нравиться оно... ты...

Голова у него кружилась так же сильно, как несколько часов тому назад.

— Господи, Тия, что это такое?

Она поморгала и хихикнула.

— Ой, я все время забываю! Ты знаешь, какую колоссальную премию мы получили? Так вот, я давно уже вкладывала свои деньги в акции и реинвестировала полученную прибыль в компанию «Мото-простетикс», которая изготовляет сложные активные протезы. А когда мы вернулись, я вспомнила, как доктор Кенни мне рассказывал про то, что они научились изготавливать такие вот тела, совсем как живые, только еще не нашли способа вкладывать в них живой человеческий мозг без тела, а объем передаваемых данных настолько велик, что связь можно поддерживать лишь на небольших расстояниях...

— А-а...

Алекс мог только смотреть на нее. Это была его мечта, его ожившая греза, его...

Ладно, не будем об этом.

— Короче, — продолжала Тия, совершенно не замечая, что повергла Алекса в ступор, — мне показалось, что для мозгового корабля такое тело подойдет идеально — ну, в смысле, у нас же и так уже есть все необходимые датчики и сенсоры, а управлять телом изнутри не сложнее, чем управлять роботом. Но Кенни уже

сам вложил свои деньги в эту компанию, и он мне сказал, что вряд ли они возьмутся изготовлять такие тела, потому что они не будут пользоваться спросом — это тело будет стоить не меньше, чем выкуп за контракт мозгового корабля.

— Но как...

Тия рассмеялась.

— А так: я взяла все премиальные, что получила, и купила на них акции! Таким образом я приобрела контрольный пакет акций и приказала им изготовить для меня тело! Оплачивать свой контракт мне не нужно — я вовсе не стремлюсь от него избавиться, тем более что Институт решил поручить мне исследование родной планеты эскайцев.

Алекс потряс головой.

— Что, вот так просто? По-моему, это же невозможно... неужели они не пытались возражать?

— Ну что ты, они были так счастливы, что я не собираюсь их увольнять! — цинично ответила Тия. — В конце концов, в качестве держателя контрольного пакета я имела право уволить их всех и назначить свой собственный совет директоров. Но ты еще не знаешь самого интересного!

— Чего именно? — спросил Алекс.

— Слухи о том, что я затеяла, просочились наружу, и теперь на эти тела появился спрос! Ты представляешь, сколько на свете капсульников, которые уже оплатили свои контракты, но которым некуда деться дальше, тем более что нынешняя работа их устраивает?

Алекс тупо покачал головой.

— Кораблей среди них не так много, — сказала Тия, — но зато масса капсульников, управляющих космическими станциями и другими сооружениями! Просто масса! И от мозговых кораблей тоже поступило немало запросов — некоторые говорят даже, что готовы отложить оплату своего контракта, чтобы приобрести тело! «Мото-простетике» уже получила протест от некоторых адвокатов!

— Но почему? — удивился Алекс. — Им-то какое дело?

— Они утверждают, что мы — пособники программы «мозг-тело», что мы нарочно изобрели это «механическое чудовище», чтобы соблазнить им мозговые корабли, вынудив их потратить деньги, предназначенные для выкупа.

Тия очаровательно склонила головку набок и нахмурилась.

— Должна признаться, что мне никогда не приходило в голову взглянуть на это с такой точки зрения. Надеюсь, это не станет серьезной проблемой. Может быть, стоит попросить разобраться с этим Ларса и Ли Стерлинга?

— Тия, — выдавил наконец Алекс, когда охватившее его смятение слегка рассеялось, — но что же это за «механическое чудовище»?

— Кибертело с мощным каналом связи на ультракоротких волнах. Его особенностью является то, что оно использует капсульные сенсоры для создания у меня полного комплекса физических ощущений, и мои датчики движения — для управления движениями тела. Я пока не могу далеко отходить от корабля, но инженеры из «Мото-простетикс» продолжают работать над этим. В конце концов, когда мы отбудем на родную планету эскайцев с первой группой исследователей, я хочу участвовать в раскопках — если мне, конечно, разрешат. Благодаря всем этим легким сплавам, силикатам и углеволокну мое тело ненамного тяжелее ваших, хотя я, конечно, на несколько килограммов тяжелее мягкотелой женщины таких размеров. Но у меня все работает, полный комплекс физических и... — ну, короче, все. Тоже как у мягкотелых, только мне несвойственна физическая усталость и я могу отключить болевые сенсоры, если тело будет повреждено. Вот почему я достала Теда: я хотела снова обнять его, как в детстве.

Она сидела и широко улыбалась. Алекс покачал головой.

— Но зачем тебе это?

Тия моргнула, потом потупилась, глядя на медвежонка.

— Я... я бы, наверное, оплатила свой контракт, если бы не ты, — застенчиво сказала она. — Или, может, купила себе сингулярный двигатель — но СБ решила сама снабдить меня им, и его уже установили в процессе ремонта. Но... Алекс, я же тебе говорила. Ты для меня важнее всего на свете. Ну как я могла знать, что такое возможно, и не сделать этого — ради нас обоих?

Алекс наконец решился прикоснуться к ней — всего лишь провел пальцем вдоль щеки, потом дотронулся до подбородка, заставив ее приподнять голову и посмотреть ему в глаза. В этих сияющих глазах не было ничего холодного и механического; и в коже, теплой и упругой на ощупь, не было ничего, что говорило бы о том, что это киберкожа.

— И ты отказалась от свободы ради меня... ради нас? — спросил он.

Тия пожала плечами:

— Один мудрый человек когда-то сказал, что счастье стоит того, чтобы пожертвовать ради него частью свободы. И, по правде говоря, не так уж мы несвободны: благодаря адвокатам и всему прочему вряд ли кто-то сможет заставить нас делать то, чего мы не хотим.

— Да, пожалуй... — Алекс улыбнулся, и Тия улыбнулась ему в

ответ. — Ты отдаешь себе отчет, что только что оказала программе «мозг-тело» целых две услуги?

— В самом деле? — искренне удивилась Тия.

— Ты дала капсульникам возможность вкладывать свои деньги во что-то другое, помимо выкупа. Если у них нет сингулярного двигателя, они, конечно, прежде всего захотят именно его — а потом либо выкуп, либо тело.

Он отпустил ее подбородок и шутливо похлопал ее по плечу.

— А может быть, и не одно тело. Почему бы не обзавестись и мужским, и женским телом, или телами разных типов? Возможно, некоторым мозговым кораблям теперь вообще будет не до выкупа. А вторая услуга — ты, моя драгоценная, решила проблему навязчивых идей!

Тия поразмыслила еще немного — и кивнула:

— Да, об этом я и не подумала. Но ты прав! Если у тебя есть тело, то, что можно обнять и... и вообще... — тебе незачем будет подвергать опасности капсульника. А если это просто увлечение, основанное скорее на фантазиях, чем на реальности, — ну, тогда...

— Тогда после встречи с телом оно поостынет и превратится во что-то более разумное, — хмыкнул Алекс. — Смотри, Тия, глядишь, тебе еще и за это премию дадут!

Тия рассмеялась.

— Ну что ж, я истрачу ее не на выкуп! Может быть, я заведу себе второе тело. В конце концов, если мы не станем исследовать вселенную, как герои фильмов, может быть, мы попробуем исследовать... кое-что поближе. Как ты думаешь?

Она лукаво и кокетливо взглянула на него через плечо. Интересно, сколько фильмов она пересмотрела, чтобы отыскать именно эту позу?

— Что бы ты предпочел, Алекс? Высокую белокурую валькирию? Египетскую царицу? Нубийскую воительницу? А как насчет китайской принцессы или...

— Давай пока для начала займемся тем, что уже есть, ладно? — перебил он, придвинувшись ближе и заключив ее в объятия.

Тия запрокинула голову ему навстречу, ее глаза сияли предвкушением. Бережно, нежно Алекс вынул из ее рук медвежонка и положил его на полочку в ногах кровати. Его руки обняли Тию за талию осторожно, но жадно.

— Так что, ты говорила, мы будем исследовать? — выдохнул он.

СОДЕРЖАНИЕ

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ПЕЛ 5
КОРАБЛЬ-ПАРТНЕР 225
КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ИСКАЛ 509

Литературно-художественное издание

Энн Маккефри
Маргарет Болл
Мерседес Лэки

САГА О ЖИВЫХ КОРАБЛЯХ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редакторы *Е. Самойлова, Л. Корзун*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Попова*
Корректор *М. Фирстова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 22.09.2008.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага лис. Усл. печ. л. 41,16.
Тираж 6100 экз. Заказ № 5196

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

***По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями*** *обращаться в ООО «Дип покет»*
E-mail: **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales:
International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

***По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,***
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

***Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:***
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

***По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.***